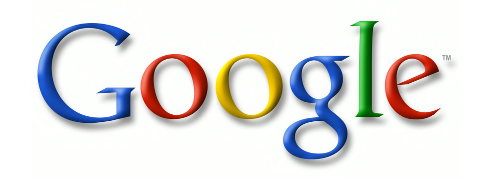
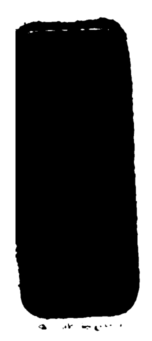




SIGILLUM ACADEMIAE HARVARDIANAE IN NOV·ANG·
CHRISTO ET ECCLESIAE
VE RI TAS

РОССІЯ ВЪ СРЕДНЕЙ АЗІИ

ОЧЕРКИ ПУТЕШЕСТВІЯ

ПО ЗАКАВКАЗЬЮ, ТУРКМЕНІИ, БУХАРѢ, САМАРКАНДСКОЙ, ТАШКЕНТСКОЙ И ФЕРГАНСКОЙ ОБЛАСТЯМЪ, КАСПІЙСКОМУ МОРЮ И ВОЛГѢ.

Евгенія Маркова.

ВЪ 2-ХЪ ТОМАХЪ И 6 ЧАСТЯХЪ.

ТОМЪ I-й.

Ч. I. Побережья Кавказа. Ч. II. Въ Туркменіи.
Ч. III. На Оксусѣ и Яксартѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 5 л., 28.
1901.

3035

Эта длинная повѣсть моихъ странствованій по новымъ и дальнимъ путямъ посвящается другу моему брату Николаю Львовичу Маркову, строителю многихъ новыхъ путей, доброе содѣйствіе котораго не мало помогло мнѣ одолѣть и этотъ нелегкій путь въ глубины Азіи...

Евгеній Марковъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

Томъ I.

Часть I. Побережья Кавказа.

Часть II. Въ Туркменіи.

СТРАН.

Часть III. На Оксусѣ и Яксартѣ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ДЛЯ ВСТУПЛЕНІЯ.

Неотвратимыя событія исторіи роковымъ образомъ издавна направляютъ силы многомильоннаго народа русскаго на востокъ, въ безпредѣльныя равнины Азіи. Россія съ каждымъ годомъ растетъ въ эту сторону словно противъ воли своей, подчиняя себѣ по очереди одинъ азіатскій народъ за другимъ, присоединяя къ своему могучему тѣлу одну восточную страну вслѣдъ за другою. Казанское, Астраханское, Касимовское, Крымское, Сибирское царства былыхъ нашихъ владыкъ татаръ воплотились уже настолько прочно въ русскій государственный организмъ, что сдѣлались теперь чистокровною Русью. Многочисленныя орды калмыковъ, башкиръ и киргизовъ разныхъ именованій, населяющія необозримыя степныя окраины нашей Имперіи,—эти хаотическіе остатки когда-то побѣдоносныхъ народовъ, громившихъ Азію и Европу, — стали тоже вѣрными подданными Бѣлаго Царя. Наконецъ уже на нашей памяти хищническія ханства и племена Серединной Азіи, сильныя и опасныя не только воинственнымъ духомъ своего многочисленнаго населенія, но и природною недоступностью ихъ разбойническихъ гнѣздъ,—Хива, Бухара, Туркменія, Коканъ,—еще при нашей жизни угонявшія въ

полонъ русскихъ людей и продававшія нашихъ земляковъ на невольничьихъ базарахъ какъ барановъ,—были разгромлены геройскими подвигами нашихъ Черняевыхъ, Скобелевыхъ, Куропаткиныхъ,—и приведены въ покорность Русскому Царю. Россія, хотя и черезъ 650 лѣтъ, собралась все таки отплатить своимъ былымъ побѣдителямъ, потомкамъ Чингиса и Тамерлана, за ихъ непрошенный, два вѣка тянувшійся, визитъ въ ея неустроенный тогда родной домъ,—теперешнимъ визитомъ къ нимъ въ ихъ собственномъ старомъ гнѣздѣ.

Всѣ эти обстоятельства сдѣлали Азіатскую часть Россіи крайне важнымъ составнымъ элементомъ ея государственнаго организма, требующимъ отъ просвѣщенныхъ русскихъ людей глубокаго вниманія къ условіямъ существованія и потребностямъ этихъ свѣжеприсоединенныхъ къ намъ странъ и народовъ, и основательнаго знакомства съ природой, исторіей и этнографіей ихъ. А между тѣмъ мы, русскіе, во сто разъ лучше и основательнѣе знаемъ каждое мелкое мѣстечко Италіи, Швейцаріи, Германіи и Франціи, ничѣмъ не касающіяся нашихъ государственныхъ и народныхъ интересовъ, чѣмъ свои собственныя многоцѣнныя и крайне любопытныя пріобрѣтенія въ Средней Азіи, которыя къ тому же въ смыслѣ новизны, оригинальности и выразительности характера, несравнимо привлекательнѣе, чѣмъ давно всѣмъ пріѣвшіяся, и всѣмъ заранѣе вѣдомыя, похожія одно на другое, какъ капли воды, шаблонныя условія ежедневно посѣщаемыхъ туристами европейскихъ мѣстностей. Да и сама природа могучихъ азіатскихъ горъ, рѣкъ и пустынь представляетъ собою столько дикой прелести и непочатой дѣвственности своего рода, что вполнѣ можетъ замѣнить ищущему свѣжихъ впечатлѣній путешественнику черезчуръ захватанныя красоты Альпъ и Рейна.

Въ русской литературѣ мнѣ неизвѣстны книги, посвященныя художественному изображенію съ натуры странъ и народовъ русской Средней Азіи, популярно знакомящія нашу образованную публику съ общею картиною этихъ любопытнѣйшихъ мѣстъ, ихъ природою, исторіею и жизнью, ихъ глубоко самобытными племенами, ихъ высоко интересными памятниками древности; такъ что эти далекія окраины въ глазахъ даже просвѣщеннаго большинства до сихъ поръ представляются какими то недоступными и непривлекательными пустынями,— опасными гнѣздами дикости и азіатскаго варварства. Я проѣхалъ эти страны изъ конца въ конецъ, отъ береговъ Каспія до подножія Алая и Памира, до границъ китайскаго Кашгара, вмѣстѣ съ женою своею, безопасно, какъ по русскимъ почтовымъ дорогамъ, встрѣчая вездѣ искреннее участіе и дѣятельную помощь, вездѣ спокойно наслаждался красотами природы и человѣческаго искусства, вездѣ могъ свободно наблюдать характерныя особенности быта и нравовъ нашихъ былыхъ враговъ и поработителей,—и могу смѣло сказать, что рѣдко какое другое путешествіе способно дать мыслящему странствователю, достаточно подготовившему себя къ этому дѣлу, столько поучительныхъ, богатыхъ и разнообразныхъ впечатлѣній, сколько даетъ ихъ осмысленное посѣщеніе нашихъ средне азіатскихъ владѣній.

Поэтому я думаю, что издаваемыя теперь мною книги о Средней Азіи будутъ вполнѣ своевременны и отвѣтятъ существенной потребности нашего общества имѣть наконецъ въ своихъ рукахъ популярное и живое описаніе этой народившейся на нашихъ глазахъ новой Азіатской Россіи.

Книги мои—не географія, не исторія, не экономическій трактатъ и не этнографическое изслѣдованіе. Книги мои— безпритязательный дневникъ писателя-художника, для кото-

раго одинаково любопытны и удивительныя явленія незнакомой ему природы, и чудныя созданія восточнаго искусства, и загадочные памятники сѣдой древности, и типическія черты быта многочисленныхъ чуждыхъ племенъ, среди которыхъ онъ странствуетъ, и поучительныя воспоминанія исторіи всевозможныхъ временъ, которыми освященъ едва не каждый шагъ въ этихъ ветхозавѣтныхъ странахъ, гдѣ еще до сихъ поръ живы имена Александра Македонскаго и первыхъ сподвижниковъ Магомета.

Мои живыя встрѣчи, знакомства, разговоры нашли въ этихъ книгахъ такое же мѣсто, какъ и характерные отзывы старинныхъ средневѣковыхъ путешественниковъ, и все мною видѣнное собственными глазами, слышанное собственными ушами въ области промышленной и торговой дѣятельности нашей родной русской народности въ этихъ непочатыхъ азіатскихъ окраинахъ я сообщаю, не мудрствуя лукаво, рядомъ съ разсказами о томъ геройскомъ мужествѣ, той выносливости и мощи родного русскаго воинства, которыя сдѣлали грознымъ русское имя во всей Азіи и слили подъ мирнымъ скипетромъ могущественнаго Царя русскаго всѣ эти полныя усобицъ, злодѣйствъ и неправды варварскія ханства.

Поэтому я позволяю себѣ надѣяться, что книги мои не вызовутъ скуки въ читателѣ и не надоѣдятъ ему однообразіемъ и сухостью, къ сожалѣнію, довольно обычными въ описаніяхъ путешествій, чуждыхъ художественнаго чувства, разносторонности и жизненности впечатлѣній...

Я не счелъ нужнымъ ничего измѣнять ни въ редакціи, ни въ содержаніи этихъ путевыхъ впечатлѣній своихъ, хотя въ нѣсколько лѣтъ, протекшихъ со дня моей поѣздки въ Среднюю Азію, уже успѣли произойти тамъ нѣкоторыя перемѣны. Впечатлѣнія художника дороги именно своею искренностью,

своимъ, такъ сказать, первымъ пыломъ,—и прикасаться къ нимъ съ разными холодными поправками и позднѣйшими дополненіями, по моему значитъ—портить ихъ. Характеръ народа, физіономія страны, общій духъ жизни, въ которую со всѣмъ увлеченіемъ мысли и сердца погружался художникъ, вырѣжутся и въ впечатлѣніяхъ читателя несравненно ярче и осязательнѣе, когда онъ будетъ имѣть передъ собою подлинный оттискъ ихъ, въ томъ неприкосновенномъ видѣ, въ какомъ они отпечатлѣлись въ свое время въ живомъ и чуткомъ мозгу наблюдателя-художника...

Роковое безостановочное тяготѣніе Россіи и русскаго народа къ азіатскому востоку, такъ рѣзко подтвержденное послѣднимъ, неожиданнымъ и, можно сказать, даже невольнымъ движеніемъ нашимъ въ Манчжурію и Китай, снова выдвинувшимъ поразившія весь міръ боевыя доблести русскаго воинства, должно особенно усилить въ настоящее время интересъ и вниманіе нашего образованнаго общества къ азіатскимъ окраинамъ Россіи, и въ этомъ смыслѣ мои книги, быть можетъ, являются еще болѣе умѣстными.

Евгеній Марковъ.

Часть I.

ПОБЕРЕЖЬЯ КАВКАЗА.

I.

У казаковъ.

Мы ѣдемъ на встрѣчу солнцу, на встрѣчу веснѣ. Грязи и холода кончились. Кончились съ ними и хлѣбныя поля. Проснулись утромъ, — и видя себя уже не въ царствѣ хлѣба, а въ царствѣ камня. Горный кряжъ провожаетъ насъ все время по правому берегу рѣки. Это все—сильно пропеченный глинистый сланецъ, сверкающій своими изломами и перевернувшій чуть не отвѣсно свои слои, правильные и многочисленные, какъ листы гигантской книги. Сначала рѣка Глубокая, потомъ и Сѣверный Донецъ. Переѣзжаютъ его между станціями Глубокой и Каменскою. Тутъ уже страна рудниковъ, страна угля и желѣза, новая Россія, невѣдомая еще такъ недавно самимъ русскимъ. Все это, можно сказать, возникло надняхъ. То и дѣло видишь новые поселки, безпорядочно раскинутые по скатамъ холмовъ, пріютившіеся у подножія всѣхъ ихъ питающаго каменнаго кряжа. «Не о хлѣбѣ единомъ будетъ живъ человѣкъ!» Въ простодушное евангельское время замѣнить хлѣбъ камнемъ казалось злою на-

смѣшкою, а въ наши зломудрые дни камень, сплошь да рядомъ, кормитъ человѣка лучше хлѣба. Земля тутъ уже не черная, а какая-то разноцвѣтная, глинистая, каменистая. И названія поселковъ характерныя: «Каменка», «Шахтная», «Горная». Черныя трубы заводовъ на каждомъ шагу, да и домики уже цивилизованные, съ тесовыми и желѣзными крышами, а не съ наивными соломенными или камышевыми, какъ любитъ городить степной хохолъ. Они не великорусскіе, не малороссійскіе, безъ всякаго типа. Каждый старается стать поодаль отъ сосѣда и словно ищетъ чего-то кругомъ себя въ потайку отъ всѣхъ, за свой собственный страхъ и въ свою личную прибыль. Ничего похожаго на добродушныя хохлацкія слободы, гдѣ все тонетъ въ общей жизни села, и гдѣ безъ громады никто шагу не дѣлаетъ. Эгоизмъ промысла, духъ коммерціи — разбросалъ во всѣ стороны эти наскоро сбитыя жилья, какъ горсть брошеннаго гороха.

Каждая законченная труба, каждый дворикъ оплевали себя кругомъ кучами чернаго угля. Отъ угля тутъ дѣться некуда. Въ воздухѣ уголь, на землѣ уголь, въ вагонахъ уголь, въ громадныхъ складахъ—уголь или такая же черная желѣзная руда.

Со станціи «Шахтной» идетъ желѣзная дорога въ Грушевку, коренное гнѣздо донецкаго угля. А надъ этими кучами и ямами новаго времени, надъ этими раскопками корысти, хмурясь на высокомъ темени берегового кряжа, давно уже тянутся непрерывною чередою могильные курганы невѣдомыхъ племенъ... На каждомъ крутомъ обрывѣ, на каждомъ выдающемся мысу вырѣзаются издали эти курганы и городища. Многолюдная жизнь должна была гнѣздиться тамъ въ старину, на этой природной «защитной чертѣ», за которою древняя Европа, уже начинавшая осѣдать на своихъ пажитяхъ, старалась отбиваться отъ кочевниковъ древней Азіи, подвижныхъ и губительныхъ, какъ пески пустыни...

Не даромъ Донъ считался у римлянъ и грековъ рубежемъ Азіи и Европы, настоящею рѣкою кочевниковъ.

Новочеркаскъ стоитъ на Аксаѣ, хотя и считается столицею стороны Дона. Желѣзная дорога огибаетъ его кругомъ, у подножія крутого берега. Изъ оконъ вагона казацкая столица кажется не городомъ, а огромною слободою. Зеленые скаты высокаго берега покрыты вездѣ, куда хватаетъ глазъ, безчисленными крошечными домиками въ два и три окошечка; и всѣ эти тысячи домиковъ желтые, точно тучи желтыхъ гусенятъ вдругъ залили собою берега рѣки. Пятиглавый соборъ безъ стиля и вкуса стоитъ посреди этой желтой слободы, и къ нему ведетъ отъ рѣки прямо въ гору, широкая, какъ выгонъ, улица, на половинѣ которой ни къ селу, ни къ городу сиротливо торчатъ посередкѣ совсѣмъ тутъ ненужныя тріумфальныя ворота самаго казеннаго вида.

Отъ самаго Новочеркаска и до Ростова, на пространствѣ 30-ти верстъ, мы любуемся еще не вобравшимся въ берега разливомъ Дона, который тутъ сливается съ Аксаемъ. Нынѣшнюю зиму снѣговъ было мало, и разливъ поэтому значительно меньше обыкновеннаго, но все-таки и онъ принялъ подобіе маленькаго моря, подмываетъ насыпи желѣзной дороги, заливаетъ надалеко равнины и острова. Вездѣ устроены временныя пристани для сообщенія съ залитыми селеніями, и барки съ парусами и безъ парусовъ перекрещиваютъ помаленьку это самозванное море. Черезъ широкую гладь разлива видны вдали, несмотря на тридцативерстное разстояніе, туманные силуэты ростовскихъ церквей.

Отъ станціи Аксай начинается настоящій Донъ. Аксай—хорошенькій городокъ при впаденіи въ Донъ Аксая. Южное солнце здѣсь уже даетъ себя чувствовать. Зеленая травка уже сплошь выстлала тутъ степи и макушки горнаго кряжа, хотя бѣлая полоса снѣгового завала еще продолжаетъ провожать насъ вдоль рельсовъ, будто трупъ убитаго чудовища.

Дорога немилосердно кружитъ, слѣдуя изгибамъ рѣки, такъ что тридцать верстъ по прямой линіи, навѣрное, обратились

чику пики. Таковы были не особенно еще давно екатеринодарскія хляби.

Я еще собственными глазами видѣлъ, какъ разодѣтыя на балъ дамы всходили по лѣсенкамъ въ мажары и, усѣвшись тамъ на скамеечкахъ съ довольно рискованно подобранными платьями, потихоньку плыли себѣ на волахъ черезъ омуты грязи къ залѣ собранія. Деревянные мокроступы на высочайшихъ подставкахъ можно было встрѣтить тогда во всякомъ домѣ, а мужчина не смѣлъ сдѣлать шагу по улицѣ безъ сапоговъ по колѣна.

Вотъ и этого величественнаго собора съ большимъ куполомъ тогда еще не было. Онъ тогда переживалъ только эпоху своего никогда неоканчивавшагося начинанья, своего періодическаго сооруженія и разрушенія, нисколько, повидимому, не стѣснявшаго его строителей, и представлялся мнѣ скорѣе вѣчно неосуществимою угрозою собора, чѣмъ дѣйствительнымъ соборомъ. И вотъ, однакоже, чудо совершилось, и нескончаемый соборъ все-жъ-таки конченъ! Какъ, значитъ, перемѣнились времена. Tempora mutantur et nos mutamur in illis. Я впрочемъ не столько радуюсь этому новому произведенію архитектуры, сколько скорблю объ уничтоженіи моего незабвеннаго пріятеля—стараго собора. То былъ неподдѣльно казацкій, несомнѣнно запорожскій соборъ, какихъ уже мы теперь нигдѣ не увидимъ. Казаки срубили его изъ собственныхъ огромныхъ дубовъ, собственными топорами, по собственному своему плану, безъ всякаго участія архитекторовъ и чиновниковъ. Оттого, можетъ быть, онъ и прожилъ такое незаконно длинное число лѣтъ и, конечно, прожилъ бы еще добрую сотню лѣтъ, если бы, по архитектурнымъ уставамъ, его не слѣдовало упразднить силою, какъ имѣвшаго неблагоразуміе стоять слишкомъ ужъ долго и слишкомъ ужъ крѣпко. Въ этомъ многоярусномъ соборѣ, составленномъ изъ трехъ уступчатыхъ вѣнцами срубленныхъ башенъ почти равной высоты, не было, говорятъ, ни одного желѣзнаго гвоздя.

Я еще засталъ соборъ среди земляной крѣпости, на валахъ

которой стояли пушки и ходили часовые. Все-таки это пахло нѣсколько казачествомъ и сосѣдствомъ съ черкесами. Старый историческій соборъ извели, а вотъ стараго историческаго врага города Екатеринодара, болѣе губительнаго для его жителей, чѣмъ всѣ черкесы вмѣстѣ, — болото Карасунъ, питающее день и ночь екатеринодарское населеніе своими лихорадочными міазмами, извести до сихъ поръ не ухитрились. Какихъ проектовъ ни подавалось поэтому поводу, сколько денегъ ни тратилось на сточные каналы, на засыпку—и все-таки злой духъ Екатеринодара продолжаетъ, хотя частью и засыпанный, лежать на его плечахъ.

Мнѣ кажется, и люди Екатеринодара уже не тѣ, какихъ я зналъ. То было своего рода первобытное человѣчество: огромнаго роста, огромной силы, огромнаго аппетита. Народъ такой громоздкій, громко говорившій, громко двигавшійся, что хилому исчадію цивилизаціи съ нимъ дѣлалось какъ-то неловко. Будто залѣзъ въ болото къ какимъ-то чудовищнымъ левіоѳанамъ, которые ворочаются тамъ въ своей родной грязи и того и гляди раздавятъ незамѣтно тебя, совсѣмъ неподходящаго имъ гостя... Я, конечно, не экзаменовалъ почтенныхъ войсковыхъ старшинъ ни изъ грамматики, ни изъ ариѳметики, но по непосредственности и непочатой цѣльности ихъ міросозерцанія никто не въ правѣ былъ заподозрить ихъ хотя бы въ отдаленныхъ сношеніяхъ съ грамотою и письмомъ... Ѣли они уму непостижимо, пили—еще непостижимѣе, и кромѣ горилки, картъ и охоты, не признавали радостей жизни...

Да! тогда было не то время, не тѣ люди, да и я самъ былъ тогда не тотъ!..

Теперь казацкая столица — городъ, какъ городъ! Большая часть улицъ помощена, 60,000 жителей, и всякія учрежденія, какъ слѣдуетъ въ губернскомъ городѣ! И женскія гимназіи, и школы, и библіотеки; была даже классическая гимназія, да вдругъ какъ-то сплыла, не по двору пришлась панамъ-казаче-

ству. Въ мое время гимназіи еще не было въ Екатеринодарѣ, а она благоразумно пристроилась себѣ на морскомъ берегу въ городѣ Ейскѣ, поближе къ европейской цивилизаціи, подальше отъ черкесскихъ горъ и черкесскихъ взглядовъ. Потомъ, однако, ее перевели въ Екатеринодаръ, справедливо разсчитывая, что столицѣ казачества не удобно быть безъ учебнаго заведенія. Тамъ она благополучно просуществовала до 1-го іюля 1890 г., какъ вдругъ, какъ громъ не изъ тучи, упалъ ей на голову приказъ начальства: «гимназіи больше не быть!» Ученики, разъѣхавшіеся на вакаціи, въ полномъ невѣдѣніи ожидавшей ихъ катастрофы, возвратясь, уже не нашли больше своего заведенія. Екатеринодарцы были поражены такою неожиданною быстротою и рѣшительностью, особенно родители. Причинъ для закрытія не было никакихъ, кромѣ желанія казацкихъ заправилъ, вполнѣ, конечно, естественнаго, имѣть, вмѣсто гимназіи, кадетскій корпусъ. Закрытія гимназіи они достигли очень скоро, но открытія корпуса все-таки не дождались, да, кажется, и надежды не получили. Правительство предпочитаетъ воспитывать юныхъ казачатъ въ различныхъ корпусахъ русскихъ губерній, чѣмъ создавать для нихъ особый мѣстный корпусъ, можетъ быть, не желая поощрять спеціальныхъ казачьихъ традицій. Хотя городъ и открылъ потомъ гимназію на свои средства, но уже далеко не такъ прочно устроенную, такъ какъ при небольшихъ средствахъ города существованіе ея ежедневно подвергается роковому вопросу: быть или не быть?

Надо сказать, впрочемъ, что въ Кубанской области казачество въ послѣднее время стало далеко не единственнымъ элементомъ. Тутъ идетъ въ послѣднее время мало замѣтная постороннему глазу, но, тѣмъ не менѣе, ожесточенная борьба между такъ называемыми иногородными и казаками, о которой мнѣ передавали нѣкоторыя подробности, быть можетъ, впрочемъ, пристрастныя и одностороннія, нѣкоторые мѣстные жители. «Иногородніе»—это трудовое пришлое населеніе области, земледѣльцы, промышленники, ремесленники, торговцы. Казачество—

это военное рыцарство своего рода, привыкшее проводить время на конѣ, на войнѣ, въ дальнихъ походахъ и службахъ. Многіе изъ нихъ еще не привыкли и не хотятъ работать. Земли у нихъ сравнительно много, и они давно уже стали раздавать ее внаймы русскимъ мужичкамъ, грекамъ и другимъ пришельцамъ. Русскій мужичекъ-пришелецъ много помогъ своимъ настойчивымъ трудомъ теперешнему благосостоянію Кубанской области. Трудно сказать, была ли бы еще Кубань безъ «иногороднихъ» тою обильною хлѣбною житницею, которою она теперь сдѣлалась, и поднялись ли бы безъ нихъ земли ея просторныхъ степей до ихъ теперешней цѣны. «Иногородніе», во всякомъ случаѣ, ввели новыя культуры въ полеводство, развили торговлю въ станицахъ и значительно содѣйствовали обращенію ихъ въ теперешнія многолюдныя сельдбища, съ 8, 10 и 12 тысячами жителей; иногородніе стали платить казакамъ такія деньги за ихъ земли, о которыхъ никогда не снилось бранолюбивымъ потомкамъ запорожцевъ.

Въ то время, какъ у «иногороднаго» мужика арендатора, какъ разсказывали мнѣ мѣстные жители, хозяйство почти всегда полная чаша, и все дѣлается во-время, у многихъ владѣльцевъ часто во дворѣ одна только верховая лошадь. Доходы легко получаемые, легко сносятся въ кабакъ и проматываются всякими веселыми манерами. А доходы эти, между тѣмъ, бываютъ иногда очень крупны. Мнѣ разсказывали, напримѣръ, будто Корсунская станица, за одну прирѣзку къ своей землѣ подъ городомъ Ростовомъ въ 52.000 десятинъ, получаетъ аренды съ мѣстныхъ овцеводовъ до 50.000 рублей, и весь этотъ капиталъ, будто бы, дѣлится поголовно между казаками станицы. Передаю, впрочемъ, то, что слышалъ, не ручаясь за достовѣрность. И вотъ, теперь то, когда экономическая сила Кубанской области весьма значительною частью олицетворилась въ этомъ трудолюбивомъ классѣ «иногороднихъ», казачество, разбогатѣвшее, между прочимъ, черезъ нихъ, стало съ ревностью относиться къ ихъ положенію и,—какъ увѣряли меня тѣ же люди, на которыхъ я

уже ссылался,—стало всячески стѣснять ихъ, считая себя единственнымъ хозяиномъ края.

Заботы послѣдняго времени о «подъемѣ казацкаго духа», по словамъ разказчиковъ, много обострили эту обоюдную вражду казака и поселенца. А между тѣмъ, историческія и бытовыя условія, вызвавшія казачество и придававшія высокую государственную цѣну «казацкому духу», уже перестали существовать и врядъ-ли могутъ быть поддержаны искусственными мѣрами. Когда черезъ рѣку отъ казацкихъ станицъ жили неукротимыя и воинственныя племена, вѣчно враждовавшія съ Россіей и существовавшія грабежамъ ея границъ, тогда, конечно, удалое казацкое рыцарство, вездѣ готовое встрѣтить и отразить врага и отвѣтить ему на его грабежи, убійства и пожары тѣми же пожарами, грабежами и убійствами, было неоцѣненнымъ пособникомъ русской государственной силы. Но его молодецкій духъ, его казацкія доблести могли выковаться только въ средѣ постоянной войны, постоянныхъ опасностей и тревогъ. Казачество, въ его прежнемъ смыслѣ, и теперь возможно и необходимо на нашихъ полуварварскихъ азіатскихъ рубежахъ, гдѣ-нибудь по сосѣдству курдовъ, туркменовъ, афганцевъ, кашгарцевъ. Тамъ оно не можетъ быть замѣнено никѣмъ и ничѣмъ другимъ. Но при теперешнихъ мирныхъ условіяхъ кавказской жизни, когда Кубань стала уже одною изъ внутреннихъ рѣкъ Россійской Имперіи, искусственное поддержаніе кубанскаго казачества врядъ ли по мнѣнію нашему, можетъ оправдываться необходимостью.

Кубань мы переѣхали уже по желѣзнодорожному мосту. Земляная крѣпостца, оберегавшая когда-то старый деревянный мостъ, до сихъ поръ еще поднимаетъ свои, не особенно грозные, валы надъ берегомъ рѣки.

Мели и островки совсѣмъ загородили рѣку и сдѣлали ее шире прежняго. За Кубанью тянется плодородная равнина съ нетронутою еще почвою, съ «адамовой землею», какъ называ-

етъ ее мужикъ-переселенецъ. Урожаи здѣсь баснословные — самъ-тридцать, самъ-сорокъ. Сѣютъ все дорогой товаръ, пшеницу, табакъ; начинаютъ разводить виноградъ и разные фрукты. Впрочемъ, табакомъ исключительно овладѣли здѣсь такъ называемые турки, то-есть анатолійскіе греки, проникшіе въ страну казачества черезъ всѣхъ привлекающій теперь Новороссійскій портъ. Недавно еще вся эта береговая равнина была сплошнымъ лѣсомъ, и 20 лѣтъ назадъ я тутъ еще бродилъ въ компаніи завзятыхъ охотниковъ среди непроходимыхъ дебрей. Но желѣзная дорога быстро расчистила лѣсныя чащи, а открывшійся удобный сбытъ хлѣбовъ заставилъ жителей истреблять дикое дерево, чтобы расширить свои поля. Чтобы не тратить напрасно силъ на нелегкую борьбу со столѣтними великанами растительнаго міра, варвары-горцы и такіе же варвары-русскіе поселенцы попросту выжигаютъ уцѣлѣвшія чащи лѣсовъ, благо сухое дерево свалится гораздо легче сырого. Мы то и дѣло видимъ по сторонамъ дороги эти мрачныя пожарища, Но, несмотря на это хищничество, древніе маститые дубы, увитые омелою, все еще на каждомъ шагу торчатъ, какъ храмъ среди мелкой поросли.

Проѣхавъ большія станицы, Абинскую и Крымскую, напоминающія неважные уѣздные городки нашей черноземной Россіи, мы въѣхали въ горы. Долины предгорій идеально удобны для самаго цѣннаго хозяйства. Это естественные виноградники, естественные грунтовые сараи, а для дачъ нельзя найти мѣстности болѣе отрадной. Травы и цвѣты уже роскошно убрали эти ущелья, холмы и террасы. Кизиль осыпалъ своимъ золотомъ, терновникъ—своимъ серебромъ всѣ скаты горъ. Полотно желѣзной дороги замѣтно поднимается, просѣкая себѣ путь среди взорванныхъ, почти на ребро поставленныхъ, пластовъ известковаго туфа. Изъ этого туфа добывается великолѣпный цементъ, за который прежде переплачивали много русскихъ рублей южной Европѣ. Теперь цементные заводы возникли и въ Крыму, и на Кавказѣ. Въ Новороссійскѣ мы увидѣли по-

томъ большой цементный заводъ финляндскихъ капиталистовъ, зарабатывающій, по меньшей мѣрѣ, сто на сто чистой прибыли. Вообще эти, такъ сказать, новооткрытыя мѣстности богаты рѣшительно всѣмъ. Тутъ по близости и нефтяные колодцы, принадлежащіе казачьему войску. Французская компанія «Русскаго стандарта» арендуетъ ихъ за 75.000 рублей въ годъ и имѣетъ въ Новороссійскѣ очистительный заводъ, куда прежде нефть поступала по трубамъ; но съ открытіемъ желѣзнодорожнаго движенія компанія нашла болѣе выгоднымъ перевозить нефть въ обыкновенныхъ вагонахъ-цистернахъ.

Кубанская нефтепромышленность составляетъ теперь совершенно самостоятельный районъ. Она обязана своимъ основаніемъ А. Н. Новосильцеву, который, если я не ошибаюсь, первый разыскалъ нефть и сталъ бурить колодцы на земляхъ Кубанской области.

Понятно поэтому, отчего въ эти злачныя мѣста начинаютъ понемногу устремляться русскіе и иноземные капиталы. При ихъ помощи, при существованіи желѣзной дороги и Новороссійскаго порта—неистощимая почва Кубанской области и неистощимыя кавказскія горы могутъ еще создать очень многое. Уже нѣсколько крупныхъ и правильно устроенныхъ хозяйствъ завелось по линіи желѣзной дороги, какъ ни коротко время ея существованія. Около станціи Тихорѣцкой, по Владикавказской дорогѣ, хозяинъ этой дороги, баронъ Штенгель, устроилъ свою замѣчательную ферму «Хуторокъ». Ферма занимаетъ 12.000 десятинъ и, главнымъ образомъ, посвящена скотоводству. Образцовая бойня барона ежедневно посылаетъ въ Москву вагонъ свѣжаго мяса. Тутъ же и превосходный винокуренный заводъ, стоившій владѣльцу около полутора милліона рублей. Съ нами въ поѣздѣ ѣхалъ, въ особомъ вагонѣ, братъ барона Штенгеля, скупающій окрестные лѣса для поставокъ на дорогу. Немудрено, что земли этого полудикаго края, надняхъ еще продававшіяся чуть не даромъ, теперь поднялись до высоты цѣнъ черноземной Россіи. Даже около самаго Новороссійска, на бе-

регу моря, недавно правительство раздавало превосходныя земли по 10 руб. сер. десятина, съ уплатою въ теченіе 10 лѣтъ по 1 руб. сер. Мнѣ самому люди, власть имѣвшіе настойчиво предлагали пріобрѣсти на этихъ условіяхъ любой приморскій участокъ. А теперь даже въ Закубанской равнинѣ не купить десятины удобной земли дешевле 125, 150 рублей.

Заселеніе этого края было героическою мѣрою, которая, какъ и бо́льшая часть героическихъ мѣръ, стоила очень дорого; нѣкоторые даже думаютъ, что не въ мѣру дорого. Графъ Евдокимовъ, сдѣлавшійся изъ мужиковъ Харьковской губерніи графомъ и правителемъ огромныхъ областей, хотя, какъ гласила молва, имѣлъ много слабыхъ сторонъ съ точки зрѣнія нравственныхъ требованій, тѣмъ не менѣе, былъ человѣкъ замѣчательно смѣтливаго, чисто русскаго ума въ практическихъ вопросахъ жизни. Его планъ уничтоженія Шамиля, какъ извѣстно, увѣнчался блестящимъ успѣхомъ; точно также по-мужицки рѣшительно и просто посмотрѣлъ онъ и на замиреніе, такъ называемаго, «праваго фланга»; т.-е. закубанскаго Кавказа. Онъ сбилъ войсками всѣхъ горцевъ его къ берегу Чернаго моря и предложилъ имъ выбирать: или перенести свои аулы изъ недоступныхъ ущелій и скалъ хребта въ прикубанскія равнины, или уходить сейчасъ въ Турцію. Напоръ былъ неожиданный и безповоротный; сила горцевъ была сломлена, необходимо было покориться и выбирать. 80.000 рѣшились остаться на Кубани, 400.000 сѣли на суда, заранѣе для этого приготовленныя — и отплыли въ единовѣрную Турцію. Гордіевъ узелъ былъ разрубленъ, но именно разрубленъ, а не развязанъ. Россія освободилась отъ своихъ давнихъ и безпокойныхъ враговъ, но это смѣлое кровопусканіе оставило надолго бездушнымъ трупомъ западную цѣпь Кавказа. Заселить и оживить вновь этотъ цвѣтущій край было гораздо труднѣе, чѣмъ обезлюдить его. Съ свойственною ему крутою рѣшительностью, Евдокимовъ сталъ-было сначала насильственно заселять Закубанье, переводя туда

не добровольцевъ-казаковъ, не лишній молодой приростъ изъ старыхъ многолюдныхъ станицъ праваго берега Кубани, а прямо, какъ говорили, цѣлыя старыя станицы, вырывая ихъ съ корнями изъ давнихъ гнѣздъ, разоряя насиженныя хозяйства и возбуждая чуть не открытые бунты. Много слезъ и страданій стоило это роковое переселеніе казакамъ, проливавшимъ цѣлое столѣтіе свою кровь на защиту своихъ родовыхъ гнѣздъ, геройски заслонявшихъ своею грудью отъ опаснаго врага рубежи русскаго царства. Впрочемъ, такая система, къ счастью, была скоро замѣнена системою добровольнаго переселенія. Какъ бы то ни было, но заселеніе Закубанья и части черноморскаго берега по странѣ шапсуговъ казацкими станицами было совершено; по плану Евдокимова и остальная часть черноморскаго побережья должна была заселиться тоже казаками, но онъ не успѣлъ этого сдѣлать, а впослѣдствіи распоряженіе этимъ дѣломъ перешло въ канцелярскія руки гражданскаго управленія Кавказа и приняло совсѣмъ иной оборотъ.

Климатъ тутъ прекрасный, въ этихъ цвѣтущихъ долинкахъ Кавказскаго предгорья, защищенныхъ и съ сѣвера, и съ юга стѣнами горъ. Только съ моря доносится ея теплое и влажное дыханіе. Тутъ не всегда однако была пустыня. Тутъ жили когда-то многолюдныя, маловѣдомыя племена, разные аланы, язиги, касоги, давшіе, быть можетъ, начало загадочнымъ черкесскимъ племенамъ, унаслѣдовавшимъ отъ нихъ эти предгорья. Только рѣдкіе земляные курганы безмолвно обнажаются изъ-подъ вырубленныхъ лѣсныхъ чащъ, успѣвшихъ вырости на нихъ въ теченіе долгихъ вѣковъ, достаточныхъ для того, чтобы покрыть пластами чернозема старыя жилья человѣка. Въ курганахъ этихъ находятъ много золотыхъ и другихъ древнихъ вещей скиѳскаго типа.

Но никакіе курганы не сохраняютъ памяти о тѣхъ недавнихъ еще подвигахъ скромнаго ежедневнаго геройства, которыми кубанское казачество послѣ напряженной столѣтней

борьбы отвоевало эти роскошныя предгорія и эти грозные хребты горъ у такихъ же отчаянныхъ храбрецовъ-туземцевъ. Эти лѣса и ущелья были обычнымъ полемъ дѣйствія для нашихъ славныхъ черноморскихъ и линейныхъ пластуновъ, которые проникали въ самыя жилища своего вѣковѣчнаго врага, добывая необходимыхъ вѣстей, изслѣдуя глухія тропы, по котовымъ они совершали на насъ свои неожиданные истребительные набѣги и по которымъ въ свое время можно бы было пробраться казацкимъ дружинамъ за честною расплатою и въ ихъ собственные аулы.

Отказываешься понять, читая разсказы очевидцевъ и участниковъ этихъ подвиговъ, откуда почерпалъ такую самоотверженную рѣшимость, такую беззавѣтную смѣлость духа, такую нечеловѣческую выносливость нервовъ и мускуловъ — оборванный охотникъ-бродяга, проводившій всѣ свои дни въ дебряхъ лѣсовъ, чуть не въ одной лежкѣ съ дикими свиньями, съ дѣтства привыкшій къ грабежу и пролитію человѣческой крови и, повидимому, совсѣмъ чуждый всякихъ инстинктовъ государственности и патріотическаго долга.

Но это именно только *„повидимому"*. Все это были истые русскіе люди, по-русски думавшіе и чувствовавшіе, твердо умиравшіе поэтому за все русское.

Характеренъ безхитростный разсказъ одного современника о подвигѣ пластуновъ Зимовина, Короткова и Малюкова. Коротковъ тайкомъ пробрался въ Боговскій аулъ къ своему «кунаку» черкесу, — вывѣдать что-нибудь о приготовлявшемся набѣгѣ Мегметъ-Эминя. Однако кунакъ, вопреки восточнымъ обычаямъ, выдалъ головою спавшаго пластуна, и его заковали на цѣпь въ земляной ямѣ, обычной тюрьмѣ горцевъ. Товарищи Короткова, прослышавши про его бѣду, рѣшаются идти къ нему на выручку. Прокрадываются ночью въ аулъ, и плѣнный казакъ въ своей темной ямѣ вдругъ слышитъ неподалеку знакомые ему крики пугача-филина. Онъ отвѣчаетъ тѣмъ же условнымъ крикомъ. Вотъ наконецъ сторожъ-горецъ вылѣзаетъ изъ

ямы и идетъ въ аулъ за смѣною. Этого довольно, чтобы лихіе пластуны тотчасъ же очутились въ ямѣ. Цѣпь перебита, и Коротковъ на свободѣ. Но горцы-караульные уже возвращаются. Одинъ изъ нихъ, ничего не подозрѣвая, спускается въ яму и падаетъ, не успѣвъ даже крикнуть подъ дружнымъ ударомъ двухъ кинжаловъ.

— Чего ты тамъ? или упалъ? спрашиваетъ сверху товарищъ, услышавъ шумъ падавшаго тѣла.

Малюковъ, хорошо говорившій по-черкесски, съ досадными ругательствами кличетъ его къ себѣ:

— Съ бревна сорвался, ушибъ ногу, помоги подняться!

Полѣзъ и второй караульный въ четырехсаженную яму, — и тотъ остался, не выпустивъ звука, на днѣ ея. Обобрали у нихъ молодцы оружіе,—и поскорѣе наверхъ, уходить, пока спитъ аулъ.

— Нѣтъ, постойте, братцы, останавливаетъ ихъ Коротковъ. Такъ нешто можно? Еще кунака-подлеца, что выдалъ меня, навѣстить нужно!

Съ четырехъ угловъ запалили они саклю измѣнника-кунака, а съ его сакли огонь пошелъ драть и весь аулъ. Задыхаясь отъ дыма, чуть успѣлъ выскочить кунакъ изъ пылавшаго дома. А Коротковъ уже ждалъ его;—однимъ мѣткимъ ударомъ ножа повалилъ онъ его на мѣстѣ,—«помни, молъ, русскаго кунака!»

Незамѣченные въ суматохѣ горцами, одѣтые по-ихнему, выбрались герои-пластуны изъ аула и ударились что было мочи въ лѣсъ. Но только-что они поравнялись съ черкесскимъ кладбищемъ, какъ слышатъ топотъ скачущихъ лошадей.

— Бѣда! погоня!

Залегли молодцы въ кусты, сготовились. Смотрятъ, ѣдетъ верхомъ горецъ, ведетъ въ поводу 2 хъ коней. Какъ-разъ для нихъ трехъ, словно Богъ послалъ. Малюковъ живо снялъ его кинжаломъ съ сѣдла, а черезъ нѣсколько часовъ три героя уже были въ своей Сторожевой станицѣ. Коротковъ въ своемъ плѣну разузналъ все, что нужно, и передалъ важныя вѣсти

начальнику укрѣпленія. Набѣгъ Мегметъ-Эминя, разсчитанный на полную неожиданность, былъ встрѣченъ послѣ этого вездѣ, гдѣ было нужно, и такъ, какъ было нужно.

Такіе подвиги были на каждомъ шагу, и они не удивляли никого. Даже безусые мальчишки—и тѣ съ дѣтства были проникнуты этимъ духомъ беззавѣтной отваги.

Какъ-то изъ Урупской станицы войсковой старшина Скляровъ послалъ своего четырнадцатилѣтняго сынишку съ казакомъ-«драбантомъ» въ лѣсъ привезти бревенъ для постройки. Казакъ пошелъ въ лѣсъ, а мальчикъ караулилъ подводы, поигрывая на гармоникѣ. Онъ и не замѣтилъ, какъ шайка горцевъ, всадниковъ въ 10-ть, охватила его и потащила съ собою въ горы вмѣстѣ съ отцовскими волами. На привалахъ смѣлый мальчишка сталъ забавлять черкесовъ своей гармоникой, бойко наигрывая лезгинку, пѣлъ имъ веселыя пѣсни и забавлялъ разными потѣшными выходками. Досыта нахохотавшись и наплясавшись, горцы до того расположились къ забавнику, что даже развязали его на ночь. Притворился мальчишка, что спитъ глубочайшимъ сномъ, храпѣлъ на славу, а самъ все вслушивался, когда захрапятъ его похитители... Вотъ все стало тихо, даже часовой задремалъ. Неслышно, какъ тѣнь, встаетъ отважный мальчуганъ, неслышно вытаскиваетъ кинжалъ у спящаго рядомъ наѣздника и, подкравшись ползкомъ къ караульному, сильнымъ ударомъ кинжала пригвоздилъ его къ землѣ... Лѣсъ былъ недалеко, и на другой день онъ уже добрался къ ночи домой въ Урупскую станицу.

Таковы были потомки запорожцевъ, населившихъ Кубанскія степи послѣ разгрома на Днѣпрѣ ихъ родимой «Сичи». Геройскія похожденія куперовскаго Патфайндера, изобрѣтенныя богатою фантазіею романиста, для нихъ были ежедневными событіями ихъ будничной жизни. Россія оцѣнила ихъ въ тяжелую годину Севастопольскаго погрома, когда пластунскія команды,

разные Даниленки, Шульги, Семаки и др., пріобрѣвшіе въ свое время громкое имя, на глазахъ европейскихъ армій и всей Россіи, продѣлывали свои подвиги сказочнаго мужества и сказочной ловкости...

Мы вырвались изъ горъ черезъ длинный тунель. Сначала мы очутились въ открытомъ каменномъ корридорѣ, котораго гранитныя щеки сквозь всѣ свои швы сочились струйками подземной воды. Потомъ насъ приняла отверстая пасть пещеры, еще слабо освѣщенная лучами дня. Лучи эти замирали все больше и больше, сѣрые своды обращались постепенно въ какія-то темныя чугунныя плиты, расписанныя загадочными узорами и облитыя потоками пара, будто черными слезами. Наступила на нѣсколько минутъ тьма кромѣшная, тьма глухой могилы, не похожая на обычную темноту земли... Среди оглушающаго, не находившаго себѣ выхода грохота многоколеснаго поѣзда, невыносимый раздирающій вопль машины, приближавшейся къ выходу, раздался въ моихъ ушахъ, какъ предсмертный крикъ издыхающаго чудовища, и сейчасъ же вслѣдъ за этимъ поѣздъ шумно выкатился изъ черныхъ катакомбъ на свѣтъ Божій. Отрогъ горъ повернулъ рѣзко направо, къ Анапѣ, а прямо передъ нами, за широкою горною котловиною, неожиданно и радостно улыбнулась намъ голубая бухта моря, и насыпанные будто другъ на дружку на ея правомъ берегу ярко освѣщенные бѣлокрасные домики Новороссійска.

II.

Новороссійскъ и его область.

Около Новороссійска и долины, и предгорія населены довольно густо; вездѣ видны селенія, дачи, хутора. Дорога прорѣзаетъ большую колонію чеховъ. Эти западные братья-славяне далеки однако отъ нѣмцевъ и по хозяйственной опытности, и

по внѣшнему виду своихъ поселеній. Они не имѣютъ ничего особеннаго противъ русскаго мужика и только едва-едва начинаютъ пріучаться къ виноградарству; торговля лѣсомъ ихъ любимое занятіе, но это немногосложное дѣло—точно такъ же сруки и самому невѣжественному горцу.

Вообще колонія ихъ не смотритъ ни особенно богатою, ни особенно опрятною, а между тѣмъ они захватили ближайшія и удобнѣйшія мѣста около самаго города, которыя волею-неволею, съ начавшимся развитіемъ порта, пріобрѣтутъ въ скоромъ времени огромную цѣнность.

Мы съ женою воспользовались долгимъ ожиданіемъ парохода и отправились побродить пѣшкомъ по Новороссійскому порту. Самъ городъ расположенъ на южномъ берегу залива и ровно ничѣмъ не интересенъ. Портъ отдѣленъ отъ него пустыремъ версты въ двѣ. Весь торговый Новороссійскъ, городъ будущаго, устроивается однако въ глубинѣ залива, вокругъ порта, а не къ сторонѣ теперешняго города. Здѣсь все перерѣзано рельсами, завалено камнями, застраивается новыми складами и конторами. Желѣзная дорога посылаетъ свои вагоны съ хлѣбомъ и керосиномъ, вплоть до самаго берега и даже на море, по высокимъ и длиннымъ эстокадамъ, откуда производится ссыпка зерна изъ вагоновъ прямо въ пароходы. Тутъ нѣсколько пристаней, и русскаго, и россійскаго пароходства, и еще разныхъ другихъ.

Желѣзная дорога, можно сказать, создала Новороссійскъ; въ ней все его теперешнее торговое значеніе, вся его широкая будущность. И всѣ существующія теперь цивилизованныя удобства Новороссійскаго порта, отъ электрическаго свѣта до мостовыхъ и эстокадъ—тоже вызваны желѣзною дорогою, трудами ея энергическаго представителя г. Кербеца.

Французская компанія «Русскаго стандарта» очень удачно основала свое гнѣздо въ Новороссійскѣ. Она успѣла скупить весьма дешево почти всѣ земли кругомъ залива, особенно же на берегу, противоположномъ городу, еще тогда, когда никто

не предвидѣлъ проведенія сюда желѣзной дороги, и теперь новымъ портовымъ сооруженіямъ и затѣвающимся торговымъ предпріятіямъ приходится сильно считаться съ такимъ монопольнымъ собственникомъ, отъ котораго часто только и можно купить необходимый для дѣла прибрежный участокъ. Огромные склады зерна и керосина «Русскаго стандарта» и его очистительный заводъ для нефти—у самаго порта.

Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ теперешнихъ пароходныхъ пристаней, на сѣверномъ берегу залива, строится новый портъ. Уже каменная плотина брекватера,—jetée, какъ ее называютъ французы — выведена на порядочную длину, не меньше какъ саженъ на 200 со стороны города; предполагается вести другое jetée на встрѣчу первому, чтобы объятіями этихъ двухъ вытянутыхъ другъ къ другу каменныхъ рукъ обезпечить внутренней части залива возможное спокойствіе отъ бурь, временами страшно свирѣпствующихъ въ заливѣ со стороны сѣверо-востока и ежегодно разбивающихъ здѣсь по нѣскольку судовъ.

На томъ же берегу, гдѣ новый портъ—и цементный заводъ барона Жирара и Ливена. Горы лѣваго берега выше, ближе, круче и живописнѣе горъ праваго берега. На горизонтѣ ихъ замыкаетъ прилегшая къ морю, какъ медвѣдь, своею горбатою спиною гора Доба съ бѣлѣющеюся на ней башнею маяка. Это входныя ворота залива, до которыхъ отсюда не менѣе 20 верстъ, хотя и гора, и маякъ кажутся намъ такъ близко, рукой подать!

Мы оба уже нѣсколько лѣтъ не видали моря, и видъ его даже здѣсь, въ глубинѣ залива, наполнилъ насъ радостнымъ чувствомъ. Какая-то особенная влажная и теплая тишина, свойственная только веснѣ юга, млѣла въ вечернемъ воздухѣ, и грудь дышала по-дѣтски легко, по-дѣтски бодро послѣ только-что пережитаго суроваго русскаго марта. Далекія впечатлѣнія крымскаго моря, крымской весны сладко волновали сердце. Перемѣна декорацій, которую съ истиннымъ волшебствомъ устроила желѣзная дорога, пронеся насъ въ какія-нибудь двое сутокъ изъ тающихъ снѣговъ и раскисшихъ грязей Воронежа

на цвѣтущіе берега южнаго моря, была такъ быстра и рѣзка, что глазъ долго не могъ достаточно наглядѣться и достаточно насладиться необычною ему картиною красныхъ скалъ, синихъ волнъ, бѣлыхъ парусовъ...

Въ Новороссійскѣ и дома, и предпріятія, и люди — все уже не характерное русское, а какое-то космополитическое, международное, одинаково общее всѣмъ городамъ южныхъ морей, турецкому Синопу, какъ и русской Одессѣ, и итальянскому Ливорно, и французской Марсели. Тутъ наглядно убѣждаешься во всесиліи общечеловѣческой цивилизаціи, въ ея необходимости и несомнѣнныхъ выгодахъ для всякаго народа безъ исключенія. Здѣсь во-очію видишь, что создаетъ предпріимчивость, знаніе, свободная инниціатива человѣка. Здѣсь невольно чувствуешь, какъ безплодны и жалки на вѣсахъ общей пользы народовъ — своекорыстныя притязанія на исключительность правъ какого-нибудь одного близорукаго сословія или слоя общества. Въ этомъ смыслѣ путешествія всегда бываютъ поучительны людямъ.

На пристань пришлось ѣхать въ черную полночь; тучи укрыли небо, и моросилъ маленькій дождикъ. Насъ направляли среди мрака 3 яркосверкавшихъ электрическихъ глаза, установленные на главной пристани. Признаюсь, мы съ женой не разъ помянули добромъ цивилизацію и ея затѣи. Безъ фонарей, мостовыхъ и крытыхъ извозчиковъ, готовыхъ служить вамъ во всякую минуту дня и ночи,—изрядно скверно было бы пробираться съ огромнымъ нашимъ багажемъ въ теперешній полночный часъ черезъ невѣдомый хаосъ построекъ, насыпей, складовъ, черезъ рельсы и камни, — къ бурно плескавшему во тьмѣ морю.

Пароходъ только-что пришелъ, и качавшіеся фонари странно вырѣзались на разныхъ высотахъ черной бездны, словно какіе-то летающіе огненные шары. И кругомъ насъ, гораздо дальше, сплошная чернота ночи и моря была оцѣплена по берегу бухты,

будто огненными монистами, рядами огней, которые сдвигались въ цѣлую искрящуюся кучу тамъ, гдѣ гнѣздились невидимые теперь дома города. Со сна, не во-время потревоженнаго, эта картина огней и тьмы, эти незримые тяжкіе всплески морской волны и суета чуть освѣщенной фонарями толпы, тащившей тюки, толкавшейся на трапѣ, — казались чѣмъ-то фантастическимъ, смутнымъ отрывкомъ прерваннаго сновидѣнія.

Когда мы вышли утромъ изъ своей каюты на рубку «Ольги», сѣверный дождливый туманъ заткалъ и море, и воздухъ. Легкая зыбь, не обѣщавшая впереди ничего хорошаго, какъ-то тошнотно покачивала огромный пароходъ. Никакихъ картинъ юга, никакихъ красокъ весны! Казавшіяся безотрадными и пустынными въ этомъ прозаическомъ осеннемъ освѣщеніи, горы кавказскаго берега тянулись безконечными грядами другъ за другомъ. Съ 2-хъ часовъ ночи ѣдемъ мы вдоль нихъ, и все не видимъ конца. Безмолвные лѣса на недоступныхъ кручахъ одни хмурятся на насъ сквозь сѣрую сѣтку дождя, и никакого признака человѣческаго жилища не видать около нихъ. Голыми обрывистыми редутами выступаетъ въ море гористый берегъ, и нѣтъ никакой возможности ни пристать тутъ къ нему, ни спуститься съ него. Только песочные потоки,—слѣды недавнихъ весеннихъ водъ,—сбѣгаютъ въ море по пазухамъ этихъ обрывовъ...

Гдѣ тутъ усмотрѣть, гдѣ устережить лодку какого-нибудь смѣлаго контрабандиста, который въ былые дни провозилъ сюда къ черкесамъ оружіе и порохъ.

Зато гдѣ попадется рѣдкая и радостная въ этихъ мѣстахъ зеленая низинка между стѣнами горъ, добившаяся до самаго моря, тамъ сейчасъ же поселеніе и пристань. Пароходъ не подъѣзжаетъ къ этимъ затеряннымъ уголкамъ дикаго берега, даже къ тѣмъ немногимъ поселкамъ, гдѣ онъ останавливается по росписанію. А изъ нихъ выѣзжаетъ къ нему обыкновенно лодка, сторожащая его приходъ какъ манны небесной, потому что всѣ эти береговыя мѣстечки лишены сухопутнаго сообщенія

по берегу и все потребное имъ получаютъ съ пароходами. Въ лѣтнее полугодіе пароходъ только въ рѣдкихъ случаяхъ минуетъ сколько-нибудь значительныя мѣстечки, но зимою сплошь да рядомъ волненіе моря не позволяетъ ему кидать якорь близко отъ берега, и онъ проносится мимо носа злополучныхъ отшельниковъ, осужденныхъ иногда по нѣскольку недѣль сидѣть безъ почты и безъ необходимѣйшихъ предметовъ продовольствія. Это обстоятельство болѣе всего задерживаетъ развитіе колонизаціи Черноморскаго берега.

Въ николаевскія времена, когда наше правительство считало необходимымъ отрѣзать непокорныхъ кавказскихъ горцевъ отъ сообщеній съ турками и англійскими агентами—цѣлымъ рядомъ береговыхъ блокгаузовъ и крѣпостей, — положеніе этихъ одинокихъ укрѣпленій, разобщенныхъ титаническими стѣнами горъ, было истинно отчаянное. Въ минуты опасности отъ врага невозможно было не только своевременно прійти къ нимъ на помощь, но даже скоро узнать о нападеніи, а въ бурное зимнее, осеннее и весеннее время, когда нельзя было добраться до нихъ никакими средствами, ни на корабляхъ, ни на лодкахъ, злополучный гарнизонъ долженъ былъ то и дѣло терпѣть горькую нужду. Нужно было много геройства, чтобы прострадать въ такой крѣпости хотя бы даже одинъ годъ.

Вотъ мы, какъ нарочно, проѣзжаемъ мимо одного такого бывшаго укрѣпленія. Теперь это Михайловская станица, а прежде было Михайловское укрѣпленіе славной памяти въ лѣтописяхъ русскаго воинства. Въ 30-хъ годахъ тамъ держала гарнизонъ 1-я рота Тенгинскаго полка. Начальствующимъ офицеромъ былъ грекъ Лико́. Лазутчики дали знать, что скопище горцевъ въ 10.000 человѣкъ спускается къ берегу, чтобы по очереди истребить всѣ маленькія русскія укрѣпленія. Лико́ собираетъ гарнизонъ, объявляетъ ему грозную новость и увѣщеваетъ всѣхъ лечь костьми, а не отдаваться въ руки безпощадныхъ черкесовъ. Тогда выступаетъ изъ фронта рядовой Архипъ Осиповъ.

— Ваше благородіе! дозвольте пороховой погребъ взорвать, коли черкесъ насъ одолѣетъ. Все одно—всѣмъ намъ пропадать, такъ ужъ пущай и онъ съ нами!..

Осипова запираютъ въ пороховой погребъ, и онъ сидитъ тамъ безвыходно два дня, дожидаясь нападенія. 13.000 черкесовъ спустились наконецъ съ горъ, взяли приступомъ жалкіе земляные валы крѣпости и изрубили весь гарнизонъ. Горцы больше всего дорожили порохомъ и, овладѣвъ крѣпостью, сейчасъ же столпились у пороховаго погреба, стараясь сбить замокъ и сломать двери. Этой-то роковой минуты терпѣливо дожидался тамъ внизу герой-солдатикъ. Все черкесское скопище взлетѣло на воздухъ вмѣстѣ съ нимъ, и дешево стоившая имъ побѣда обратилась въ страшный разгромъ.

Архипу Осипову воздвигнутъ теперь памятникъ и въ Михайловскомъ, и въ г. Владикавказѣ. Военный инженеръ, его сооружавшій, разсказывалъ мнѣ и эти подробности. Мало того, во всѣхъ полкахъ русской арміи при ежедневныхъ перекличкахъ первымъ номеровъ поминается имя его. Онъ считается вѣчнымъ рядовымъ своего полка, и имя его долго будетъ переходить въ преданіяхъ русской арміи отъ старыхъ солдатъ къ новобранцамъ.

— Архипъ Осиповъ! Здѣсь? спрашиваетъ офицеръ, дѣлающій перекличку.

— Погибъ за отечество во славу русскаго оружія, отвѣчаютъ солдаты...

Джуба едва видна за складками горъ; сады да два-три домика только и различишь съ парохода. Оттуда, изъ уютнаго заливчика въ тѣни каменныхъ громадъ, отдѣлилась фелюка и, ныряя въ волнахъ, увѣренно и быстро направилась къ пароходу. Тамъ все были восточныя физіономіи, восточные костюмы, повидимому, малоазіатскіе греки. И у насъ на палубѣ тоже было много такихъ фигуръ.

— Что это за народы такіе? — спрашиваю я у помощника капитана.

— А кто ихъ разберетъ! породы тутъ разныя... Турками здѣсь больше зовутъ ихъ. Должно быть, греки или армяне турецкіе... Всякая помѣсь... Они тутъ по всему берегу теперь живутъ, все въ свои руки позахватили, дельфиновъ бьютъ и рыбу ловятъ, и работниками живутъ на плантаціяхъ, въ садахъ... Кромѣ нихъ и не увидите здѣсь никого!

И въ самомъ дѣлѣ, вплоть до самаго Батума, во всѣ три дня нашего морского пути, къ намъ ни разу не подплывалъ отъ берега никто, кромѣ этихъ армянъ или грековъ; ни казакъ, ни черкесъ, ни русскій... Эти древніе насельники береговъ Понта Евксинскаго, потомки тѣхъ смѣлыхъ моряковъ, что̀ еще въ доисторическое время пѣнили его своими ладьями, разыскивая невѣдомыя страны и невѣдомыя сокровища, теперь какъ-то сами собой нечувствительно овладѣли своимъ историческимъ наслѣдствомъ.

Впрочемъ, и мы сами, съ свойственною намъ излишнею довѣрчивостью къ чужимъ и излишнимъ недовѣріемъ къ себѣ, сдѣлали все возможное, чтобы отдать эти прекрасные берега Кавказа изъ своихъ хозяйскихъ рукъ въ руки разныхъ иноплеменныхъ народовъ. Въ этомъ отношеніи исторія заселенія черноморскаго края и глубоко поучительна, и по истинѣ комична. Центральная кавказская администрація прежняго времени словно нарочно всѣми мѣрами боролась противъ русскаго и казацкаго заселенія Черноморья и дѣлала все возможное, чтобы отдать его инородцамъ. Ученый агрономъ, изъ армянъ, Хатисовъ, съ товарищемъ своимъ, тоже армяниномъ, былъ посланъ главнымъ управленіемъ Кавказа изучить вопросъ заселенія Черноморскаго берега и пришелъ къ заключенію, что русскіе колонисты здѣсь окажутся безполезными, что садовая, виноградная и табачная культуры, непремѣнно требуютъ армянъ, грековъ и вообще жителей юга. Хатисову и былъ порученъ, вслѣдствіе этого, вывозъ сюда армянъ и другихъ южныхъ пле-

менъ, теперь прочно захватившихъ въ свои руки этотъ морской берегъ.

Любуюсь я и на своеобразную грацію, и на красивый, словно выпиленный, типъ клювоносыхъ обладателей фелюкъ, по преимуществу лазовъ [1]). Живописно умотавъ голову цвѣтными шарфами вокругъ красной фески, въ своихъ узенькихъ и коротенькихъ штанахъ, съ потѣшными, какъ у дѣтей, висячими сзади мѣшками, съ распахнутыми фуфайками на могучей, бронзовой груди, они качаются стоя, на своихъ фелюкахъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на волненіе моря, подбрасывающее ихъ скорлупу то спереди, то сзади; лазаютъ и бѣгаютъ по бортамъ, какъ по улицѣ, и потомъ безпечно несутся-себѣ по морю, то глубоко ныряя, то взлетая высоко вверхъ, будто летятъ на салазкахъ съ ледяной горки, заваливъ свою лодку громадными тюками, набивъ ее, — какъ боченокъ сельдями, — взятыми съ парохода пассажирами. Имъ и горя мало! Они отправятся сейчасъ, въ этихъ же утлыхъ лодкахъ, за пятьдесятъ верстъ, въ просторъ моря—бить дельфиновъ или закидывать сѣти.

Дельфины то и дѣло перекувыркиваются вокругъ нашего парохода, словно забавляются перегонками съ нимъ. Молоденькіе, въ увлеченіи игры, вылетаютъ, какъ стрѣлы изъ воды, цѣликомъ на воздухъ; старые перекатываются огромными, черными колесами.

При насъ поймали одного молодого, и вотъ онъ весь виденъ намъ на днѣ ихъ подплывшей фелюки, герметически задѣланный, словно почтовая посылка, въ черную гуттаперчу своей сверкающей кожи. Съ нимъ рядомъ полощутся широкія, слизистыя камбалы, бѣлыя, будто мѣломъ вымазанныя, съ красными пятнами на плоской спинѣ, съ множествомъ присосковъ на бѣломъ, какъ бумага, тощемъ брюхѣ. Этими присосками они ловко передвигаются по камнямъ морского дня. Глядя на

[1]) Весь каботажъ находится тутъ въ рукахъ турокъ-лазовъ, одноплеменныхъ съ мингрельцами.

ихъ сплошные, круговые плавники, на ихъ распластанное, какъ блинъ, однобокое тѣло, скорѣе примешь ихъ за какую-нибудь странную летучую тварь, чѣмъ за рыбу.

Туапсе гораздо красивѣе Джубы. Бѣлая башня его маяка издалека видна на своемъ высокомъ, отвѣсномъ мысѣ. Зеленая долинка съ садами и уютными домиками совсѣмъ по-деревенски смотритъ изъ-подъ пріосѣнившихъ ее горъ, въ складкахъ которыхъ прячутся, невидныя съ парохода, улицы мѣстечка; въ немъ есть даже клубъ, даже гостинница, хотя Туапсе и не считается городомъ. Недалеко отъ него, въ глубинѣ тѣхъ же долинъ, расположены большія казацкія станицы, черезъ которыя идетъ шоссе въ Майкопъ. Одна только бѣда: шоссе это двадцать лѣтъ дѣлается и все не кончается, а потому на немъ ни лошадей, ни почтовыхъ станцій нѣтъ. Если сообщаться съ городомъ при такихъ условіяхъ не особенно удобно, зато охотиться въ окрестностяхъ Туапсе можно сколько угодно.

Горные лѣса здѣсь кишатъ всякимъ звѣремъ: кабановъ, дикихъ козъ — числа нѣтъ, и много медвѣдей; по дорогамъ то и дѣло встрѣчаютъ ихъ. По счастью, они здѣсь небольшого роста и довольно безобидные. А глубже, въ горахъ, въ непроходимыхъ лѣсныхъ дебряхъ, держатся даже зубры. Горскихъ ауловъ почти уже не осталось послѣ недавняго повальнаго переселенія шапсуговъ, убыховъ и всякихъ другихъ черкесскихъ племенъ побережья. Еще раньше аулы ихъ переселили изъ недоступныхъ горныхъ ущелій въ равнинныя мѣста. Теперь же подняла ихъ съ насиженныхъ родныхъ гнѣздъ и погнала на невѣдомый жребій въ Турцію, какъ увѣряли меня здѣсь, всеобщая воинская повинность. Муллы будто натолковали имъ, что разъ они сдѣлаются солдатами, ихъ сейчасъ же сдѣлаютъ христіанами, заставятъ ѣсть свинину и ходить въ русскую церковь. Мнѣ передавали, будто горцы просили, чтобы изъ нихъ, по крайней мѣрѣ, набирали особые мусульманскіе полки, на подобіе казацкихъ или крымского татарскаго легіона, но правительство, по-

видимому, не нашло удобнымъ устраивать въ русской арміи чисто-мусульманскія части войскъ. Въ прежнее черкесское время берегъ этотъ былъ населенъ гораздо гуще; вездѣ были проложены вьючныя тропинки, теперь исчезнувшія; поля кукурузы, проса, пшеницы пестрили склоны горъ; до сихъ поръ около покинутыхъ и совсѣмъ теперь развалившихся горскихъ ауловъ растутъ прекрасные сады со всевозможными фруктами, орѣхами, абрикосами, вишнями, сливами, яблоками, теперь уже частью одичавшими.

Хозяйственное благоустройство горца, прирожденнаго садовника, трудолюбиваго и выносливаго работника, изумительно умѣреннаго и трезваго, вообще стояло довольно высоко; онъ, конечно, омусульманившійся потомокъ грековъ, итальянцевъ и разныхъ другихъ, еще болѣе древнихъ, народностей, заселявшихъ когда-то гористые берега и укромныя бухты черноморскаго побережья. Онъ успѣлъ поэтому въ теченіе долгихъ вѣковъ вполнѣ приспособиться и къ климату своего края, и къ его своеобразному хозяйству.

— Ну, а какже поживаютъ здѣсь наши казаки,—наслѣдники черкесовъ?—спросилъ я у одного изъ своихъ спутниковъ, весьма, повидимому, опытнаго и бывалаго человѣка изъ мѣстной интеллигенціи и даже отчасти изъ мѣстной администраціи, которые, мнѣ показывалъ эти былые черкесскіе сады.

— Казаки! — улыбнулся онъ съ сожалѣніемъ, безнадежно махнувъ рукою.—Отъ казаковъ чего только тутъ не ждали? Да не вышло ничего...

— Это-жъ отчего?

— Излѣнились больно, отъ работы отбились! Думали-было, что они тутъ въ родѣ военной линіи образуютъ, какъ прежде на Кубани, на Терекѣ было, а въ то же время и хозяйства прочныя заведутъ... Ну, однако, ни того, ни другого не вышло...

Меня это больно кольнуло и казалось невѣроятнымъ.

— Скажите, пожалуйста,—возразилъ я,—да кто же, однако, Кубань-то и заселилъ, и распахалъ, и засадилъ—казаки вѣдь

тѣ же? Почему же они тамъ оказались и воинами, и хозяевами?

— Ну, тамъ имъ работа привычная, хлѣбъ, скотина, а тутъ сады, виноградъ... Труда много больше нужно, знанія, опыта. Вотъ они и позапустили все! Вы вотъ видѣли, какіе чудные сады были и плантаціи у черкесовъ, — все теперь брошено, все одичало, бурьянами заросло... 15-ть лѣтъ правительство съ ними, какъ съ младенцами возилось, паекъ хлѣбный отпускало, а какъ прекратили казенный хлѣбъ выдавать,—они и разбрелись куда зря! Сами себя прокормить не могутъ... Какіе же это хозяева?

Я, конечно, не могъ ничего возразить человѣку, имѣвшему за собою всѣ права на авторитетъ въ этомъ вопросѣ, но все-таки не вполнѣ увѣровалъ въ его слишкомъ пессимистическій взглядъ на хозяйственныя и колонизаторскія способности казака. Очень можетъ быть, что его искусственно поставили въ такое безысходное положеніе, при которомъ онъ не въ силахъ былъ обходиться безъ казеннаго пайка. Какъ нарочно, я скоро имѣлъ случай почти убѣдиться въ вѣроятности такого предположенія. Меня заинтересовалъ разговоръ одного инженера, работавшаго въ одномъ изъ береговыхъ укрѣпленій, съ туземцемъ-казакомъ.

— Чего вы сады черкесскіе не поддерживаете? яблоки тамъ у нихъ какія чудесныя, абрикосы... Возили бы себѣ помаленьку въ Новороссійскъ, да и прикарманивали бы каждый разъ денежки!.. уговаривалъ казака инженеръ.

— Батюшка! да нешто мы ужъ оглупѣли совсѣмъ? Сами бы не догадались? Мы бы со всей охотой повезли, да везти то никакъ нельзя! Такіе начальство порядки уставило, что никакихъ способовъ нѣтъ возить...

— Чего такъ? Отчего никакихъ способовъ?

— Да оттого же самаго! Ты коли хочешь, примѣромъ, яблокъ лодку свезти въ Новороссійскъ, ступай сначала въ Туапсе, тамъ свидѣтельство выправляй въ томожнѣ, а ужъ потомъ домой возвращайся, яблоки вези. А вы, ваше благородіе,

сами знаете, каково нашему брату по таможнямъ этимъ мыкаться... Никакихъ яблокъ не захочешь.

— Ну, такъ въ Екатеринодаръ бы возили по сухопутью. Тамъ никакихъ свидѣтельствъ не требуется.

— Пробовали, ваше благородіе, всего! возили и въ Екатеринодаръ, да корысть то какая? Торговали кирпичемъ и остались ни при чемъ! Дорогъ настоящихъ нѣтъ, опять же даль, всѣ колеса по камнямъ да по скаламъ разобьешь, а выручишь грошъ, на починку не хватитъ...

— Ну, все можно бы было что-нибудь придумать, коли бы взялись поумнѣе... настаивалъ инженеръ.—Не тамъ, въ иномъ мѣстѣ.

— Да вотъ, къ слову сказать, со мною же и было! извольте послушать, ваше благородіе! вдругъ словно вспомнилъ казакъ. Насыпалъ я какъ то фелюгу яблокъ, привезъ въ Туапсе, къ таможенному: позвольте выгрузить, ваше благородіе! Можешь, говоритъ, только до 6-ти часовъ, послѣ 6-ти часовъ закона нѣтъ выгружать.

— Помилуйте, говорю, теперь ужъ пять часовъ, гдѣ же фелюгу цѣлую въ одинъ часъ выгрузить? Опять же дѣло лѣтнее, свѣтло, не то что ночнымъ временемъ.

— Нѣтъ, говоритъ, нельзя, закона нѣтъ послѣ шести часовъ выгружать, жди, видно, до утра!

— Что подѣлаешь? Сталъ ждать до утра, а ночью развело на морѣ зыбь, поднялась буря, выкинуло фелюгу на берегъ.— весь берегъ яблоками моими укатало, подбирай, знай, кто хочетъ... Ужъ такъ мнѣ жаль товару стало... Гляжу, начальникъ этотъ самый выходитъ, смотритъ...

— Вотъ, говорю, ваше благородіе, и дождался утра, полюбуйтесь, говорю, на яблочки? а самъ чуть не плачу. А онъ мнѣ на это: ну и чортъ съ ними! очень они мнѣ нужны твои яблоки! одинъ разъ позволь, вы тутъ каждую ночь выгружать будете, и контрабанду, и все...

— Вотъ и торгуй такъ съ порядками съ такими!

Въ Туапсе уже много цивилизованныхъ владѣльцевъ, но рѣдкій изъ нихъ можетъ похвастать доходностью своего имѣнія. Получаетъ доходъ развѣ одинъ баронъ Штенгель, разведшій свои виноградники и сады позже другихъ сосѣдей, но не жалѣющій денегъ и поэтому доводящій дѣло до настоящаго конца. Нѣсколько имѣній по этому берегу принадлежитъ членамъ Августѣйшей фамиліи. Не доѣзжая Сочи, мы проѣхали напр. Вардане, имѣніе бывшаго кавказскаго намѣстника, великаго князя Михаила Николаевича. Тутъ же около него и имѣніе великаго князя Константина Константиновича, но всѣ они, сколько слышно, даютъ пока одинъ убытокъ. Принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій, также пріобрѣлъ недавно имѣніе 'на Черноморскомъ берегу, и, кажется, намѣренъ серьезно развить въ немъ винодѣліе, что́ было бы очень важно для края.

Несомнѣнно во всякомъ случаѣ, что эти жаркія и сочныя зеленыя долинки, эти горные скаты, открытые южному солнцу,— идеально хороши для виноградарства и, конечно, въ будущемъ, не особенно далекомъ, совершенно задавятъ собою винодѣліе крошечнаго крымскаго берега. Уже нѣкоторые первые шаги по этому пути увѣнчались блестящимъ успѣхомъ. Удѣльное имѣніе Абрау даетъ уже превосходное вино, въ имѣніи г. Пенджула до 20 десятинъ прекрасно содержимаго виноградника, и вино его соперничаетъ съ абраускимъ. Вслѣдствіе этого цѣны на удобныя земли растутъ здѣсь не по днямъ, а по часамъ. Я знаю одну дачу въ шести верстахъ отъ Новороссійска, гдѣ каждая квадратная сажень куплена по 3 руб. 50 к., слѣдовательно десятина сто́итъ до восьми съ половиною тысячъ рублей! Выше, къ горамъ за десятину подъ виноградникъ платится до 500 рублей; а нужно принять во вниманіе, что, при условіяхъ здѣшняго найма рабочихъ, обработка каждой десятины подъ виноградникъ обходится отъ 2.000 до 3.000 тысячъ рублей, слѣдовательно, нуженъ очень почтенный капиталъ для заведенія здѣсь сколько-нибудь обширнаго винограднаго хозяйства.

Впрочемъ, это цѣны ближайшихъ окрестностей Новороссійска; въ Туапсе же, Сочи, Адлерѣ и другихъ, болѣе отдаленныхъ мѣстахъ, десятину вполнѣ хорошей береговсй земли можно пріобрѣсть по 150 руб. сер., а глубже къ горамъ даже по 30 и 25 руб. Въ послѣднее время стали покупать довольно много земель на морскомъ берегу мелкими участками, особенно вблизи Геленджика, до котораго ведется шоссе изъ Новороссійска, уже на половину оконченное. Горная береговая дорога — это тотъ талисманъ, который дастъ, наконецъ, жизнь всѣмъ этимъ прелестнымъ плодороднымъ уголкамъ роскошнаго кавказскаго побережья. Хотя вдоль всего берега и теперь учреждены казацкіе посты и, по возможности, разработаны вьючныя тропинки, а въ сосѣдствѣ съ бывшими военными укрѣпленіями даже и вьючныя дороги, но горныя рѣчки, осыпи и разливы часто дѣлаютъ эти дорожки непроходимыми даже для привычнаго туземца и его неутомимаго коня.

Между тѣмъ, пароходъ заходитъ только одинъ разъ въ недѣлю, да и то далеко не во всѣ прибрежныя мѣстечки, останавливается почти въ открытомъ морѣ, за неимѣніемъ нигдѣ пристаней, такъ что приходится сначала грузить въ фелюки, потомъ изъ нихъ на пароходъ, что́ во время волненія, весьма обычнаго у береговъ Кавказа, бываетъ очень неудобно, а иногда просто невозможно. Впрочемъ, фелюки тоже не всегда могутъ доходить до самаго берега; въ сильный прибой путешественники должны покидать свои ладьи за нѣсколько десятковъ саженъ до земли и шествовать на берегъ по волнамъ морскимъ, что люди балованные обыкновенно замѣняютъ выносливою спиною носильщика, на котораго они возсѣдаютъ, какъ на верблюда и съ котораго, тѣмъ не менѣе, имъ приходится потомъ слѣзать мокрыми съ головы до ногъ отъ всплесковъ прибоя.

Мѣстному чиновному люду бѣда бываетъ съ здѣшними путями сообщенія. На все у нихъ поверстный срокъ, точное канцелярское росписаніе, а море ничего знать не хочетъ, разбушуется, когда ему вздумается, и не даетъ подходить пароходамъ

къ берегу иногда по 2 мѣсяца сряду. Вотъ и зимуетъ бѣдняга, заѣхавшій по пустому минутному дѣлу, въ какомъ-нибудь глухомъ прибрежномъ уголкѣ, въ родѣ Джубы или Сочи, оторванный и отъ служебныхъ обязанностей, и отъ своей семьи, часто еще безъ денегъ. А не то путешествуетъ себѣ зря мимо какого-нибудь нужнаго ему пункта взадъ и впередъ на пароходѣ, съ безплодною надеждою высадиться туда, если не сегодня, такъ хоть завтра, и попадаетъ, вовсе на то не разсчитывая, вмѣсто Сухума или Туапсе, въ Батумъ или Новороссійскъ. Понятно, какое вліяніе имѣетъ на правильный ходъ судебныхъ и административныхъ дѣлъ такой комически-грустный порядокъ, если представить себѣ, напримѣръ, хотя бы судебнаго слѣдователя или полицейскаго чина, гоняющихся, такимъ оригинальнымъ способомъ, за преступникомъ.

Общій голосъ мѣстныхъ жителей настойчиво утверждаетъ, что насущные интересы черноморскаго побережья могутъ быть сколько-нибудь удовлетворены только отдѣленіемъ его въ особый округъ, независимый отъ Кубанской области, съ которою онъ не имѣлъ ничего общаго ни въ хозяйственномъ, ни въ административномъ отношеніи, и съ которымъ онъ совершенно разобщенъ географически. Наблюдать изъ Екатеринодара за экономическою жизнью Сочи или Адлера рѣшительно невозможно, а примѣнять на этомъ побережьи, жаждущемъ торговли и промысловъ, порядки, годные для степной равнины, было бы чистымъ убійствомъ будущности края.

Высоко на скалистомъ мысѣ вырѣзался вдали неприступнымъ средневѣковымъ замкомъ бѣлый маякъ. Мы загибаемъ къ Сочи.

Сочи—одинъ изъ прелестнѣйшихъ уголковъ кавказскаго побережья! Широкая, сочная долина врѣзается глубоко въ хребты горъ, и ея отлогіе скаты, покрытые красивыми домиками, виноградниками, кипарисами, составляютъ собою очень эффектныя ворота въ этотъ живописный горный проходъ. Православный

храмъ съ высокою колокольнею мирно и весело вырѣзается на зелени садовъ своими изящними бѣлыми башнями. Этотъ прекрасный храмъ построенъ жертвами здѣшнихъ крупныхъ владѣльцевъ, извѣстныхъ московскихъ фабрикантовъ, Мамонтова, Хлудова и др. Тутъ же находятся дачи и фермы ихъ. Вообще, Сочи—незамѣнимое мѣсто для дачъ, цвѣтущее, плодородное, съ чуднымъ климатомъ, съ живописными видами, хотя, какъ и всѣ эти чарующія глазъ прибрежныя мѣстности, съ неизбѣжными лихорадками. Стоитъ, однако, подняться немного выше въ долину, гдѣ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ берега начинаются казацкія станицы, какъ воздухъ дѣлается удивительно здоровымъ. Замѣчательно, что всѣ аулы горцевъ отличались здоровымъ климатомъ, потому что всегда устраивались на высотѣ, по скатамъ горъ. Послѣ войны, въ видахъ осторожности, ихъ посводили въ равнины, гдѣ они узнали мало имъ извѣстныя прежде лихорадки. Теперь, впрочемъ, этихъ ауловъ осталось уже очень мало. Они живутъ тихо, присмирѣвъ, и о разбояхъ здѣсь не слышно. Въ одномъ прошломъ году выселилось въ Турцію 8.000 горскихъ семействъ, и нѣкоторыя уже успѣли вернуться на старыя пепелища, горько разочарованныя въ той землѣ обѣтованной, которая рисовалась ихъ воображенію.

Адлеръ давно сталъ привлекать къ себѣ русскихъ поселенцевъ и сдѣлался одною изъ старѣйшихъ и любимѣйшихъ колоній кавказскаго побережья. Можетъ быть, потому, что онъ болѣе другихъ пригорныхъ и приморскихъ уголковъ напоминаетъ простому русскому человѣку родныя ему плодоносныя равнины. Адлеръ— это очень низменное и доступное просторное побережье у ногъ хребта, мысомъ вдавшееся въ море; сзади зеленая низина эта широко распахнула собою твердыни горъ и протянула плодородную полосу земли довольно глубоко въ ихъ каменное царство. Адлеръ уже не такъ красивъ, какъ Сочи, и не ласкаетъ вашего глаза хорошенькими дачами и барскими садами; тутъ нѣтъ не обрывовъ скалъ, ни храмовъ, ни башней. Тутъ все

только простые домики трудового человѣка, разсыпанные по равнинѣ, обильные сады, обсаженные рядами пирамидальныхъ тополей. Издали своею привлекательною деревенскою простотою и своими тополями Адлеръ напоминаетъ крымскую Алушту.

Увѣряютъ, будто на Адлерѣ нѣтъ лихорадокъ, будто воздухъ его для чахоточныхъ цѣлительнѣе воздуха Батума и Сухума. Но, глядя на эту низменную долинку, прилегшую къ самой водѣ, загороженную стѣнами горъ, заросшую густыми деревьями, невольно сомнѣваешься въ этихъ розовыхъ взглядахъ и представляешь себѣ напротивъ, что тутъ-то и должно быть гнѣздо всякихъ лихорадочныхъ міазмовъ.

Меня теперь всецѣло заняла публика палубы, навалившаяся съ безмолвнымъ любопытствомъ къ борту парохода, къ которому быстро подплываетъ, ныряя и взлетая по волнамъ, нагруженная фелюка. Она сторожила у берега появленіе долгожданнаго гостя и понеслась къ нему радостно, какъ чайка на свою добычу, когда онъ спустилъ якоря. Въ фелюкѣ работали обычныя птицы черноморскаго берега, босоногія, гологрудыя, увернутыя оборванными тюрбанами. Цѣлыя толпы хохловъ-переселенцевъ изъ Херсонской губерніи стали высаживаться изъ парохода. Трогательно было смотрѣть, какъ всѣ эти истощенные старики и старухи, обвязанные мѣшками и котомками, съ ракитовыми палочками въ рукахъ, съ горсточкой родной землицы подъ онучемъ своихъ лаптей, всѣ эти простодушные бѣлобрысые парни, еще не видавшіе въ своей жизни ничего, кромѣ ржаного поля и зеленой степи, съ пилами на спинѣ, съ топорами за поясомъ, съ коробами и узлами на плечахъ, всѣ эти глазатыя, изумленно раскрывшія ротъ дѣтишки, судорожно ухватившіяся за юбки матерей, за рубашки мужиковъ,—какъ всѣ они беззащитно и покорно, будто овцы, спускались по шатавшейся лѣсенкѣ въ неистово качавшуюся лодку, съ наивнымъ ужасомъ къ морю, съ суевѣрнымъ изумленіемъ къ горамъ, и молча набивались, — будто сельди въ боченокъ, — въ

тѣсную фелюку, безропотно предавая себя на волю невиданной никогда черномазой образины съ разбойничьими усищами на разбойничьей рожѣ и въ бабьемъ платкѣ на головѣ. Вотъ они усѣлись какъ попало и гдѣ попало, чуть не другъ на друга, съ обычною нетребовательностью и выносливостью русскаго мужика, и крестятся съ глубокими вздохами въ сторону покидаемой родины, будто на вѣки прощаясь съ нею, очевидно, охваченные уже и тяжко придавленные чувствомъ надвинувшагося теперь на нихъ новаго края, гдѣ все имъ невѣдомо и непонятно, все не по-ихнему, не по-родному—православному, и земля не та, и работа не та, и жизнь не та,—гдѣ уже не будетъ стелиться кругомъ, волнуясь и золотясь, сплошное ржаное поле, не будетъ слышно знакомаго благовѣста сельской колокольни, не будутъ тянуться по необозримой степи скрипучіе обозы воловъ...

Смотрѣлъ на этихъ подневольныхъ странниковъ съ борта парохода тоже странникъ, и, какъ оказалось, тоже отчасти подневольный. Это былъ молодой, рослый монахъ еще, конечно, послушникъ, котораго дебелое тѣло, казалось, распирало черную люстриновую рясу, а курчавая поросль черныхъ волосъ пріятно оттѣняла сыто откормленныя цвѣтущія ланиты. Онъ ѣхалъ, какъ разсказалъ мнѣ, въ Новый Аѳонъ, посланный туда изъ петербургскаго Аѳонскаго подворья, въ качествѣ староаѳонскаго монаха. Ему тоже предстояло высадиться очень скоро въ новыя мѣста, на новое дѣло, но перспектива эта, повидимому, нисколько не смущала юнаго инока, съ веселою и спокойною усмѣшкою довольнаго собою человѣка слѣдившаго за неумѣлою переправою утомленной рабочей толпы.

Хотя только всего начало апрѣля, а ужъ горы Кавказа всѣ въ молодой курчавой зелени лѣсовъ, будто тысячелѣтніе старческіе черепа, внезапно помолодѣвшіе отъ волшебнаго дыханія весны.

А за этими зелеными лѣсистыми горами давно уже видны намъ и надъ Сочей, и надъ Адлеромъ, сквозь капризную игру летучихъ облаковъ, снѣговые заоблачные великаны Кавказа.

Безлюдность кавказскихъ береговъ поразительна. Проплываешь мимо нихъ цѣлые часы сряду и нигдѣ никакихъ признаковъ жилья, пока не доберешься до какого-нибудь мѣстечка въ родѣ Сочи или Адлера, раскинутыхъ кое-гдѣ по берегу будто нарочно для того, чтобы еще больше оттѣнить его безлюдіе. У подножія этихъ каменныхъ громадъ, надвинувшихся на море, южный берегъ Крыма могъ бы улечься не одинъ разъ и не одинъ разъ повторить свои прославленныя красоты. Тутъ недостаетъ только одного человѣка, недостаетъ, чтобы его домовитое жилье мирно засіяло среди теперешней дичи разумнымъ хозяиномъ всѣхъ этихъ непочатыхъ и невѣдомыхъ сокровищъ, скрытыхъ въ нѣдрахъ старика Кавказа, чтобы радующій пейзажъ его садовъ и плантацій новою жизнью оживилъ, какъ черенокъ благороднаго растенія могучій дичокъ, всю эту безплодно дремлющую красоту вольной природы.

Сколько вѣковъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ исторія коснулась этого берега, столь близкаго сосѣда и Каѳы, и Трапезунта, и Византіи, а до сихъ поръ люди гнѣздятся здѣсь только въ нѣсколькихъ крошечныхъ уголкахъ у устья долинъ, впадающихъ въ море, да и тутъ еще болѣютъ и вымираютъ отъ лихорадокъ. До того трудно одолимъ этотъ старецъ Кавказъ, вѣроятно унаслѣдовавшій непокорный и независимый духъ нѣкогда прикованнаго къ нему титана. Впрочемъ, русскому сердцу все-таки утѣшительно вспомнить, что теперешнія безопасныя наши странствованія по всѣмъ этимъ Новороссійскамъ, Аѳонамъ, Сухумамъ — далеко уже не то, чѣмъ были когда-то сношенія съ этимъ злополучнымъ берегомъ прежнихъ плавателей. Еще въ 50-хъ годахъ, при императорѣ Николаѣ, высадка мирнаго гражданина на западный берегъ Кавказа зачастую была равносильна плѣненію и неволѣ! А въ болѣе раннія эпохи,—всѣ эти береговыя бухты и селенія были завѣдомымъ гнѣздомъ гра-

бежа и разбоя. Интересно описаніе такъ называемыхъ *«торговыхъ»* сношеній съ кавказскими горцами извѣстнаго французскаго путешественника 17 вѣка Шардена, проѣхавшаго моремъ изъ Каѳы (Ѳеодосіи) въ Мингрелію какъ разъ по тому берегу, гдѣ мы теперь плывемъ.

«Корабли, идущіе изъ Константинополя и Каѳы въ Мингрелію, бросаютъ якорь во многихъ мѣстахъ этого берега», простодушно разсказываетъ Шарденъ. «Они остаются тамъ по дню и по два, и въ это время весь берегъ покрывается полуголыми жадными варварами разбойничьяго вида, которые толпами сбѣгаютъ съ своихъ горъ. Съ черкесами торгуются, держа въ рукахъ оружіе. Когда нѣкоторые изъ нихъ желаютъ отправиться на корабль, то имъ даютъ заложниковъ, съ нихъ точно такъ же берутъ заложниковъ въ тѣхъ случаяхъ, когда кто-нибудь съ корабля захочетъ съѣхать на берегъ; но это бываетъ очень рѣдко, потому что они очень вѣроломны. Они даютъ трехъ заложниковъ за одного человѣка. Въ обмѣнъ на товары отъ нихъ получаютъ невольниковъ всякаго пола и возраста, медъ, воскъ, кожи, шкуры шакала. Обмѣнъ дѣлается такимъ образомъ; корабельная барка подъѣзжаетъ близко къ берегу; сидящіе въ ней хорошо вооружены. Къ мѣсту высадки дозволяется подойти только такому же числу черкесовъ. Если же ихъ подходитъ больше, то барка удаляется въ открытое море. Когда сойдутся вмѣстѣ, показываютъ другъ другу товары, которыми могутъ размѣняться, уговариваются и обмѣниваются. Однако нужно быть очень осторожными, ибо черкесы — это само коварство и обманъ. Они не могутъ упустить случая ограбить, если только могутъ».

Между тѣмъ глаза мои не могутъ оторваться отъ созерцанія Кавказа. Дождливые дни кончились, и закрытый было туманами сѣдой хребетъ все время теперь выглядываетъ на насъ изъ-за голыхъ каменныхъ громадъ. Какъ быстро и долго ни бѣжитъ нашъ пароходъ, а все не можетъ уйти отъ этого не-

подвижнаго провожающаго его взора снѣговыхъ великановъ. А мы еще несемся не вдоль хребта, а скорѣе поперекъ него, такъ велика ширина этого могучаго горнаго кряжа, остановившаго собою напоръ океана. Онъ ворвался побѣдоносно въ тѣло земли, глубоко разодравъ его своими морями, Средиземнымъ, Архипелагомъ, Мраморнымъ, Чернымъ, капризно выгрызая его заливами и проливами, но замеръ на груди исполина Кавказа, не въ силахъ будучи пробиться сквозь его граниты... Нигдѣ Кавказъ не кажется такимъ могучимъ и несокрушимымъ, нигдѣ не ощутишь такъ его огромнаго значенія на шарѣ земномъ, какъ здѣсь, со стороны побѣжденнаго имъ моря, когда цѣлыхъ двое сутокъ безостановочно день и ночь несешься на всѣхъ парахъ поперекъ его толщины и не можешь обозрѣть всего этого безчисленнаго населенія каменныхъ и снѣговыхъ исполиновъ.

Гигантскими кристаллами и утесами, величественными пирамидами, зубчатыми замками, обрывистыми голыми рогами, сплошными заоблачными гребнями насыпаны они другъ на друга, друга за другомъ, на необозримое пространство, теряющееся въ туманахъ дали, словно каждый изъ нихъ силится привстать одинъ изъ-за другого и вырваться на давно желанную свободу изъ кишащей и давящей тѣсноты этого хаоса горныхъ громадъ. Слѣпая сила земли, пытающаяся подняться до неба и противъ неба. Поневолѣ Кавказъ въ воображеніи народовъ издревле сталъ синонимомъ мятежныхъ титаническихъ сыновъ земли, возставшихъ противъ боговъ.

Онъ виденъ намъ отсюда, съ палубы плавно бѣгущаго парохода, въ яркомъ сіяніи весенняго дня, ясно и рѣзко, со всѣми морщинами своего тысячелѣтняго лика, съ глубокими тѣнями ущелій, съ ослѣпительнымъ сверканіемъ снѣговъ, съ своими сплошными полями смерти, съ своей вѣчной зимою, поднятый высоко къ солнцу и охваченный синимъ зноемъ неба, — неподвижный, неизмѣнный въ теченіе тысячелѣтій, и вмѣстѣ съ тѣмъ грозно живой! Онъ обросъ легендами, этотъ старецъ земли, та-

кими же сверстниками міра, какъ и вѣчные снѣга, окутывающіе его голову.

Но суровые силуэты далекаго сѣдого Кавказа, встающіе какъ могильные призраки изъ-за голыхъ каменныхъ хребтовъ, заслонены отъ волнующагося и рокочущаго моря веселыми грядами лѣсистыхъ горъ, то темнѣющихъ чащами сосенъ и елей, то облитыхъ будто овцы густою шерстью — курчавою порослью молодого яркозеленаго чернолѣсья.

III.

У береговъ Абхазіи и Колхиды.

.... Сухумъ въ послѣднее время сдѣлался одною изъ любимыхъ санитарныхъ станцій кавказскаго побережья. Многіе считаютъ его климатъ спасительнымъ для чахоточныхъ и предпочитаютъ его Батуму. Но я думаю, что лихорадки, которыми онъ издавна славится, и отсутствіе обычныхъ удобствъ порядочнаго города—врядъ ли могутъ служить подтвержденіемъ такого слишкомъ розоваго взгляда на воздухъ Сухума.

Намъ, русскимъ, вообще какъ-то не везетъ съ Сухумомъ.

Хотя огромное большинство абхазцевъ и считается христіанами уже съ древнѣйшихъ временъ, но почему-то мы до сихъ поръ не съумѣли расположить ихъ къ своему православному отечеству, такъ что всѣ сердечныя влеченія ихъ—къ Турціи и ея Пади-шаху. Правда, курьезно было до послѣдняго времени это абхазское одичавшее христіанство, гораздо болѣе похожее на язычество, сочетавшее самымъ страннымъ образомъ отрывочные и искаженные обряды христіанской религіи съ грубѣйшимъ фетишизмомъ и первобытнымъ поклоненіемъ силамъ природы. Хотя въ послѣднее время на возстановленіе истиннаго христіанства въ Абхазіи и обращено гораздо болѣе вниманія какъ духовенствомъ, такъ и обществомъ распространенія право-

славія на Кавказѣ, но христіанство все-таки очень туго проникаетъ въ полудикихъ туземцевъ.

Одною изъ главнѣйшихъ причинъ этого нужно считать нашу всегдашнюю ошибку—навязывать мало извѣстнымъ намъ народностямъ чуждый имъ языкъ болѣе цивилизованныхъ сосѣдей ихъ, умѣющихъ весьма кстати воспользоваться нашими историческими и этнографическими заблужденіями.

Такъ поступили мы когда-то съ киргизами Букеевской орды, обращая ихъ на казенный счетъ изъ шаманскаго язычества въ мусульманство; такъ дѣйствовали мы въ Остзейскихъ губерніяхъ, долгое время предавая туземныя племена финскаго корня, составлявшія громадное большинство населенія, языку и цивилизаціи небольшого нѣмецкаго меньшинства.

Такъ теперь и въ Абхазіи, мы, по такому же глубокому недоразумѣнію, тратимъ свои усилія на искусственное привитіе абхазцамъ грузинскаго богослуженія, грузинскаго языка, между тѣмъ какъ абхазецъ такъ же не понимаетъ по-грузински, какъ и по-русски, и если входилъ нѣкогда въ составъ общаго грузинскаго царства, то какъ самостоятельный, а вовсе не подчиненный членъ его, вслѣдствіе случайнаго соединенія обѣихъ коронъ на головѣ одного столько же абхазскаго, сколько грузинскаго царя (Баграта 3-го). Разумѣется, только церковныя книги и церковная проповѣдь на родномъ понятномъ языкѣ, и только священники-земляки, пользующіеся любовію и довѣріемъ своего народа, а не чуждые ему пришельцы-грузины, могли бы въ христіанскомъ смыслѣ повліять на складъ мыслей и расположеніе сердецъ абхазскаго населенія. И ужъ во всякомъ случаѣ, при дальнѣйшемъ привитіи имъ христіанской цивилизаціи, она должна прикасаться къ нимъ языкомъ великаго государственнаго отечества ихъ Россіи, а никакъ не языкомъ Грузіи, такой же мелкой составной единицы Русскаго государства, какъ и сама Абхазія.

Въ горныхъ долинахъ Абхазіи еще удержалось послѣ послѣдняго переселенія въ Турцію около 60.000 абхазцевъ, почти

поголовно христіанъ. Населеніе это, въ такомъ цвѣтущемъ и обильномъ краѣ, можетъ размножаться очень быстро, и есть еще поэтому время и поводъ серьезно заняться его судьбами. Основаніе Новоаѳонскаго монастыря въ память св. Симона Кананитскаго, въ близкомъ сосѣдствѣ съ Сухумомъ, развивающаго не по днямъ, а по часамъ, свою плодотворную экономическую и нравственную дѣятельность среди этого полудикаго края, несомнѣнно послужитъ краеугольнымъ камнемъ для возрожденія Абхазіи въ духѣ христіанской цивилизаціи и, быть можетъ, сдѣлаетъ въ будущемъ навсегда невозможными такія глубоко-прискорбныя, едва вѣроятныя событія, что цѣлая русская область, населенная, главнымъ образомъ, христіанами, при первомъ призывѣ мусульманскихъ враговъ Россіи, поголовно переходитъ на ихъ сторону, проливаетъ за нихъ свою кровь и отрекается во имя какихъ-то призрачныхъ выгодъ и отъ своей религіи, и отъ своей родины...

Поэтому поддержка въ Абхазіи православія и возстановленіе ея древнихъ забытыхъ святынь—составляетъ не только вопросъ религіознаго благочестія или археологической любознательности, но и очень важный государственный вопросъ, на которомъ кавказское правительство должно сосредоточить самыя серьезныя усилія, такъ какъ всѣ эти, повидимому, мало полезныя реставраціи древнихъ развалинъ и разыскиваніе древнихъ церковныхъ преданій создадутъ современемъ гораздо болѣе надежный оплотъ для береговой защиты Кавказа, чѣмъ крѣпости и пушки.

Абхазія была христіанскою страною съ незапамятныхъ временъ. Апостолъ Андрей, пронося евангельскую проповѣдь по скиѳскимъ пустынямъ и маловѣдомымъ берегамъ «негостепріимнаго Понта», посѣтилъ и западное побережье Кавказа, сокрушалъ священные дубы на высотахъ Мингреліи, Абхазіи, Джигетіи, и проповѣдовалъ кровожаднымъ язычникамъ горъ, предававшимся еще людоѣдству, кроткое ученіе любви и мира. Онъ оставилъ здѣсь надолго спутника своего, апостола Симона Кана-

нита, который и окончилъ свою жизнь въ прибрежныхъ долинахъ Абхазіи, насаждая среди этой каменистой духовной почвы первыя скудныя сѣмена христіанства.

Древній греческій городъ Никопсія (или Анакопсія), въ 20-ти верстахъ сѣвернѣе Сухума, на мѣстѣ котораго основанъ теперь Новоаѳонскій монастырь имени апостола Симона, былъ, повидимому, центромъ и могилою его благочестивыхъ трудовъ. Распространилось ли и удержалось ли христіанство кавказскаго побережья послѣ смерти апостола—исторіи не извѣстно. Только при византійскихъ императорахъ, овладѣвшихъ прибрежными областями Кавказа и Крыма, именно, при Юстиніанѣ Великомъ (въ VI-мъ вѣкѣ), тлѣвшія въ Абхазіи слабыя искры Христовой вѣры разгорѣлись яркимъ пламенемъ и озарили собою цѣлую страну.

Въ Абхазіи, Мингреліи, Имеретіи—Юстиніанъ учредилъ митрополіи и епископства, построилъ во множествѣ знаменитые потомъ монастыри и храмы, всюду присылалъ греческихъ священниковъ и причты.

Съ того блестящаго вѣка христіанской церкви ведетъ свое начало и пицундскій храмъ, служившій до самаго XVII столѣтія мѣстопребываніемъ католикосовъ Абхазіи, и, по всей вѣроятности, другіе древніе храмы Абхазіи, какъ, напр., въ Никопсіи, бывшей резиденціею Цхумскихъ (т.-е. Сухумскихъ) епископовъ, въ Драндахъ, въ Илори, Мокви, на горѣ Дюдрюпшъ возлѣ Гудаута и проч.

Въ XI вѣкѣ, въ царствованіе абхазско-грузинскаго царя Давида-Возобновителя, весь пустынный теперь берегъ Абхазіи былъ покрытъ цвѣтущими городами, монастырями и храмами. Но завоеваніе Византіи турками въ концѣ XV вѣка нанесло страшный ударъ абхазскому христіанству: Подъ давленіемъ фанатическихъ пашей и имамовъ, болѣе знатные и богатые абхазцы, имѣвшіе постоянныя торговыя или служебныя сношенія съ турками, нуждавшіеся въ ихъ милостяхъ, стали постепенно отпадать отъ христіанства, мало-по-малу увлекая за

собою и народъ; монастыри закрывались, церкви пустѣли, священники бѣднѣли и теряли вліяніе, духовное общеніе съ христіанскими государствами всячески затруднялось. Въ XVII столѣтіи католикосу Абхазіи уже опасно было пребывать въ своей Пицундской обители, и эта центральная историческая святыня Абхазіи начинаетъ приходить въ разрушеніе, какъ и всѣ другія. Католикосы удаляются въ Кутаисъ, въ христіанскую Имеретію, изрѣдка только навѣщая свою древнюю резиденцію.

Когда русскіе завладѣли въ 1830 г. Пицундою, древній пицундскій храмъ еще существовалъ, но уже обнаженный отъ всякихъ священныхъ украшеній; стѣны и куполъ его поросли растеніями, и только на престолѣ было найдено древнее грузинское евангеліе XV вѣка, котораго не осмѣлилась тронуть рука мусульманина, и которое хранится теперь въ Императорской публичной библіотекѣ Петербурга. Теперь этотъ храмъ обновленъ въ духѣ древности, такъ же какъ и многіе другіе историческіе храмы Абхазіи.

Аѳонскій Пантелеймоновъ монастырь возобновилъ разрушенную церковь Никопсіи надъ предполагаемою гробницею Симона Кананита; одинъ аѳонскій монахъ на свой счетъ отстроилъ на древнихъ развалинахъ обитель въ Драндахъ, которая теперь соревнуетъ благолѣпіемъ и трудами своими съ Новоаѳонскимъ монастыремъ. Есть надежда, что будетъ устроена церковь въ Гумѣ, или Кумѣ, на рѣкѣ Гумистѣ, гдѣ въ недавнее время одинъ греческій археологъ, на основаніи открытыхъ имъ рукописныхъ источниковъ, опредѣлилъ развалины города Команъ, или Куманъ, мѣста страдальческой кончины св. Іоанна Златоустаго, сосланнаго сюда въ ссылку, гробница котораго народнымъ преданіемъ абхазцевъ изстари указывалась впрочемъ не въ Гумѣ, а въ самомъ пицундскомъ храмѣ, точно такъ же, какъ и гробница св. апостола Андрея Первозваннаго погребеннаго, какъ извѣстно, вовсе не на Кавказѣ, а въ Патрасѣ ахейскомъ.

Новоаѳонскій монастырь уже въ короткое время своего существованія (которое надобно считать, собственно говоря, съ возобновленія его послѣ турецкой войны, слѣдовательно съ 1878 года) успѣлъ проявить свое важное миссіонерское значеніе для края. Не столько слова проповѣди, сколько примѣръ мирной трудолюбивой жизни, сердечнаго участія къ нуждамъ окрестныхъ жителей и благолѣпіе богослужебнаго чина въ монастырѣ—привлекаютъ къ нему съ каждымъ годомъ все больше одичавшихъ и омусульманившихся христіанъ Абхазіи, такъ что онъ сдѣлался нечувствительно оживотворяющимъ сердцемъ этого чуднаго края, совсѣмъ замиравшаго отъ духовнаго истощенія, и естественнымъ центромъ его обновляющейся религіозной жизни.

Сухумъ и его страна богаты не одними только церковными памятниками древности. Это вмѣстѣ съ тѣмъ и одинъ изъ древнѣйшихъ уголковъ первобытной исторіи человѣчества. Діоскурій грековъ, извѣстный потомъ у римлянъ подъ именемъ «Знаменитаго города», Себастополиса, стоялъ на мѣстѣ теперешняго Сухума, сосѣдній къ которому мысъ морского берега, слѣдующій за Кодоромъ, до сихъ поръ сохранилъ искаженное древнее имя Искуріи. А Діоскурій былъ такъ безконечно старъ, что древніе греки приписывали его основаніе полумиѳическимъ героямъ «похода Аргонавтовъ»,—Кастору и Поллуксу. Да и другія поселенія абхазскаго и мингрельскаго берега могутъ считать свой возрастъ тысячелѣтіями, потому что еще въ VII вѣкѣ до Рождества Христова, болѣе $2^1/_2$ тысячъ лѣтъ тому назадъ, предпріимчивые милетцы уже устраивали свои колоніи на восточномъ берегу Евксинскаго Понта, чтобы черезъ ихъ посредство торговать съ Индіей, Персіей и Бактріей.

Большая часть прибрежныхъ городовъ Абхазіи, лежащихъ теперь въ развалинахъ, были значительными торговыми городами уже въ дни Помпея и Митридата, и потомъ во время римскихъ императоровъ; теперешняя абхазская Пицунда, напр.,

или, по-грузински, Бичвинта, описывается Страбономъ, какъ большой и славный городъ Питіусъ; на мѣстѣ нынѣшняго Новоаѳонскаго монастыря, у впаденія р. Апсары (теперешней Псырт-цхи) стояла древняя греческая Анакопсія (или Никопсія), теперешняя деревня Соукъ-су, резиденція недавно еще независимыхъ князей Абхазіи Шервашидзе, была прежде городъ Лыхна, на мѣстѣ г. Поти у устья Ріона—стоялъ городъ Фазисъ и т. д. Даже названіе народа абхазскаго 2.000 лѣтъ тому назадъ было то же самое, какъ и теперь. Они были извѣстны подъ именемъ абазговъ и грекамъ, и римлянамъ, и византійцамъ.

Послѣ грековъ, Митридата Понтійскаго и римлянъ эти цвѣтущіе берега горнаго Кавказа привлекли къ себѣ наслѣдниковъ римской и греческой предпріимчивости—генуэзцевъ и венеціанъ, основавшихъ свои торговыя факторіи и береговыя крѣпостцы на мѣстахъ старинныхъ классическихъ городовъ, пока разгромъ турками Византіи не отдалъ имъ во власть все черноморское побережье съ Крымомъ и Кавказомъ.

Не хочется примириться съ мыслью, что мы, русскіе, безсильны возстановить то цвѣтущее состояніе кавказскихъ береговъ, ту живую торговлю ихъ гаваней, которыми они славились и въ классическія времена, и въ средніе вѣка; не хочется повѣрить, что налегшая на этотъ счастливый край мертвящая рука ислама, обрекшая безлюдію и дикости нѣкогда кипѣвшія жизнью древнія поселенія, такъ навсегда и останется на нихъ, безмолвно торжествуя надъ тщетными усиліями русскаго духа...

Сухумъ производитъ во всякомъ случаѣ мирное и радующее впечатлѣніе на сердце путешественника своими укромными дачками, поэтическими кипарисами, привольными садами и виноградниками, въ которыхъ тонутъ его деревенскіе домики. Проведется къ нему удобная дорога, выстроится надежная при-

стань, и тогда онъ, пожалуй, опять обратится въ то, чѣмъ когда то былъ,—въ главный торговый центръ зепаднаго побережья Кавказа, въ тотъ «Севастополь», «знаменитый городъ», въ которомъ римляне, по словамъ ихъ древняго географа, держали 300 переводчиковъ различныхъ языковъ для переговоровъ съ безчисленными кавказскими народцами, собиравшимися на его шумныя торжища.

Стояло раннее утро, и облака, бѣлыя какъ молоко, залегли между курчавыхъ грядъ сухумскихъ предгорій. Они шевелятся тамъ, ползутъ и тѣснятся, какъ проснувшіяся стада овецъ, раздвигаютъ и задвигаютъ свои туманные занавѣсы, въ прорѣзы которыхъ ослѣпительно сверкаютъ алмазы снѣговъ и выглядываютъ таинственныя головы далекихъ сѣдыхъ великановъ, будто населеніе погребенныхъ подъ землю титановъ, силящихся приподняться изъ-подъ придавившей ихъ тяжести.

Цѣлая флотилія парусныхъ судовъ, фелюгъ, лодокъ—ночевала въ пристани Сухума и еще тихо качается на успокоившихся за ночь волнахъ.

Пароходъ нашъ подбираетъ наконецъ якоря и плавнымъ могучимъ поворотомъ направляется къ мысу Кодору. Чѣмъ дальше отодвигаемся мы отъ Сухума, тѣмъ выше, шире, необъятнѣе выростаетъ надъ утопающею въ туманахъ дали низиною Сухума грозный Кавказскій хребетъ.

Вотъ кресты и кровли новой обители въ Драндахъ весело улыбнулись намъ надъ чащами лѣса, совсѣмъ близко и низко отъ моря. Это тоже древняя резиденція Дранделей, епископовъ нѣкогда многолюднаго христіанскаго округа Абхазіи.

Вотъ и Очемчири, мѣсто недавняго пораженія турокъ генераломъ Алхазовымъ. Очемчири на низменной широкой равнинѣ, отодвинувшій довольно далеко отъ моря горный кряжъ, который около Сухума совсѣмъ нависаетъ надъ берегомъ. Тутъ уже нѣтъ ни лѣсистыхъ холмовъ, ни живописныхъ каменныхъ обрывовъ, а прозаическая сплошная заросль деревьевъ, славящаяся своими

лихорадками. Дома тутъ тоже совсѣмъ простенькіе, крестьянскіе, а не хорошенькія виллы — Сухума и Туапсе. Очемчири тоже торговое мѣстечко, посѣщаемое купцами. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Очемчири абхазцы убили агента одной бельгійской лѣсной компаніи. Они провѣдали, что пароходъ привезъ ему 6.000 рублей для покупки лѣса, и чтобы вызвать его изъ дома, зажгли ночью сосѣднія строенія. Бѣдняга, ничего не подозрѣвая, выбѣжалъ на улицу, гдѣ мѣткая пуля сейчасъ же положила его на мѣстѣ. Убійцы были потомъ повѣшены въ Сухумѣ.

Вообще убійства въ этомъ безлюдномъ и полудикомъ краѣ — явленіе довольно обыкновенное. Въ самомъ городѣ Сухумѣ убили недавно въ собственномъ его домѣ генерала Завадскаго, и убійцъ его точно такъ же повѣсили, ибо здѣсь поневолѣ приходится прибѣгать въ этихъ случаяхъ къ военному суду съ его короткой и рѣшительной расправой, единственно устрашающей сколько нибудь этихъ прирожденныхъ разбойниковъ и грабителей. Они цѣлыя столѣтія вплоть до самаго русскаго занятія существовали главнымъ образомъ невольничьею торговлею, ради которой сосѣдъ кралъ дѣтей у сосѣда, и каждая деревня рѣзалась на ножахъ съ другою. Поневолѣ въ нихъ воспитался разбойничій духъ, котораго долго не вытравитъ изъ нихъ ни церковь, ни школа, до сихъ поръ впрочемъ почти бездѣйствующія.

Французскій путешественникъ XVII-го вѣка, Шарденъ, современникъ нашего царя Алексѣя Михайловича, высаживался очень недалеко отъ Очемчиръ, въ „*Изгауръ*“, т.-е., очевидно, на мысѣ Искуріи, гдѣ до сихъ поръ видны слѣды былого поселенія. Любопытно, въ какомъ видѣ онъ нашелъ тогдашнюю торговлю кавказскаго побережья: «Изгауръ, — пишетъ онъ, — мѣсто пустынное и безъ всякихъ жилищъ. Тамъ ставятъ шалаши изъ вѣтокъ по мѣрѣ того, какъ пріѣзжаютъ туда купцы, и въ томъ только случаѣ, если считаютъ себя безопасными отъ абхазцевъ (въ то время берегъ южнѣе р. Кодора принадлежалъ Мингреліи), что̀ однако случается не часто».

«Это большой рынокъ Мингреліи. Въ немъ одна улица, окаймленная съ каждой стороны сотнею маленькихъ хижинъ, сплетенныхъ изъ вѣтвей. Всякій купецъ занимаетъ одну; онъ въ ней спитъ и держитъ столько товара, сколько надѣется продать въ 2 или 3 дня».

«Я былъ очень удивленъ и огорченъ, не видя на этомъ рынкѣ ничего кромѣ невольниковъ въ цѣпяхъ, да дюжину, наводившихъ на меня страхъ, полуголыхъ бродягъ, съ лукомъ и стрѣлами въ рукѣ,—здѣшнюю таможенную стражу».

«Хорошенькія дѣвушки отъ 13 до 18 лѣтъ продавались тутъ по 20 экю, другія дешевле; женщины по 12, дѣти по 2 и по 3 экю».

«Я возвратился на корабль, глубоко опечаленный тѣмъ, что попалъ въ страну, гдѣ невозможно было купить никакихъ съѣстныхъ припасовъ, гдѣ деньги не имѣли ходу, и гдѣ невозможно было найти помѣщенія для ночлега. Столько невольниковъ всякаго возраста и пола, одни закованные въ цѣпи, другіе связанные попарно, эти собиратели пошлинъ съ ихъ видомъ убійцъ и разбойниковъ,—все это наполнило ужасомъ мое воображеніе».

Какъ ни мало сдѣлали еще мы, русскіе, для этого пустыннаго берега, но при воспоминаніи о такихъ картинахъ поневолѣ приходится благословлять Бога за то, что онъ далъ намъ возможность путешествовать здѣсь на русскомъ пароходѣ, по русскимъ пристанямъ и подъ кровомъ русскихъ законовъ.

Шарденъ заставилъ меня вспомнить, что еще въ его времена, 250 лѣтъ тому назадъ, Абхазія уже продавала и иностранцамъ драгоцѣнное «пальмовое дерево» своихъ дѣвственныхъ лѣсовъ. Это въ сущности не настоящая пальма, а дерево самшита, или буксуса, бѣлое и крѣпкое, какъ кость, изъ котораго дѣлаютъ ложки и разныя токарныя подѣлки.

На Кавказѣ самшитъ зовутъ пальмою, вѣроятно, за это свойство его древесины, и продаютъ его въ такихъ огромныхъ

количествахъ, что въ послѣднее время дерево начинаетъ дѣлаться здѣсь рѣдкостью. Французы и англичане особенно съумѣли втихомолку скупить въ Абхазіи за безцѣнокъ цѣлые лѣса этой кавказской пальмы, также какъ орѣха и другихъ дорогихъ породъ, и вывезти ихъ къ себѣ прежде, чѣмъ мы успѣли сообразить тотъ громадный вредъ, который они нанесли краю безжалостнымъ истребленіемъ одного изъ главнѣйшихъ предметовъ отпускной торговли Кавказа.

За Очемчири мы увидѣли среди равнины башню стариннаго замка. Это Илори, древняя резиденція абхазскихъ владѣтельныхъ князей, сохранившая въ себѣ до самаго присоединенія къ Россіи почти единственную христіанскую церковь, въ которой не прекращалось богослуженіе и отправленіе церковныхъ требъ. Вторая изъ двухъ церквей Абхазіи, уцѣлѣвшихъ до 1810 года, находилась въ Лахнахъ, или Соукъ-су, тогдашнемъ мѣстопребываніи князей Шервашидзе. Это были тѣ скудные корешки, на которыхъ кое-какъ додержалось черезъ вѣка злосчастія и гоненій увядшее дерево древняго христіанства Абхазіи, перешедшее потомъ въ наслѣдство могучей единовѣрной Россіи.

Горы главнаго хребта отступаютъ все дальше и дальше влѣво, продолжая сверкать своими снѣгами, а справа уже выростаютъ, сливаясь съ облаками, воздушныя, какъ сонъ, бѣлыя вершины малаго Кавказа и Аджарскихъ горъ.

Мы проѣхали устья бурнаго и быстраго Ингура, Эгриси древнихъ, раздѣляющаго Абхазію отъ Мингреліи и бѣгущаго черезъ пропасти горной Сванетіи высоко изъ-подъ ледниковъ великаго хребта. Его мутныя глинисто-бурыя воды силою своего неистоваго разбѣга на далеко врѣзаются въ благородную прозрачную синь морскихъ волнъ, отдѣляясь отъ нихъ, какъ пыльная столбовая дорога отъ окружающихъ ее зеленыхъ луговъ.

Теперь мы двигаемся мимо береговъ древней Колхиды.

На своей продолговатой одинокой «Олень-горѣ» виднѣется среди низкаго побережья Редутъ-Кале, будто на каменномъ столѣ. Это, конечно, современное названіе какого-нибудь укрѣпленія тысячелѣтней древности, какого-нибудь Колхоса, Фазиса, Археополиса, Родополиса, или подобнаго имъ полулегендарнаго поселенія Лазики, пріурочиваемаго остроуміемъ археологовъ то къ тому, то къ другому изъ существующихъ городковъ. Ясно однако, что такое характерное и удобное для защиты мѣсто не могло оставаться празднымъ въ боевые вѣка и притомъ въ заманчивомъ краѣ, гдѣ человѣкъ прочно угнѣздился еще въ доисторическія времена. Скорѣе всего это именно Родополисъ, съ которымъ у него сохранилось нѣкоторое созвучіе именъ, тѣмъ болѣе, что городъ Фазисъ, стоявшій у устья р. Фазиса на его правомъ берегу, болѣе подходитъ къ положенію теперешняго Поти, а Археополисъ довольно правдоподобно ученые пріурочиваютъ къ Накалакеви.

Если вспомнить, что по-мингрельски Фазисъ есть ничто иное какъ рѣка, вытекающая изъ Пас-мты, горы Паса, «рѣка Паса»,—т.-е. Пас'исъ, Паз'исъ, то и перерожденіе въ теченіе тысячелѣтій имени Пасиса въ Поти будетъ нѣсколько вѣроятно.

Городъ Поти лежитъ на низинѣ, которая кажется совсѣмъ въ уровень съ моремъ. Этимъ онъ нѣсколько напоминаетъ египетскую Александрію. Только и открываешь его среди колышащейся скатерти моря по бѣлымъ башнямъ маяка, да по рядамъ высокихъ тополей, какъ городъ Александра Великаго по его знаменитому Фаросу и иглѣ Клеопатры.

Песчаная коса отдѣляетъ отъ моря озеро Палеостомъ опять таки совсѣмъ такъ, какъ отдѣляются въ Александріи многочисленныя озера и лиманы Нильской дельты. Ріонъ еще дальше и еще болѣе рѣзкимъ столбомъ, чѣмъ Ингуръ, заноситъ свое быстрое глинистое теченіе въ глубь моря, голубую и прозрачную какъ кристаллъ. Римскіе писатели увѣряютъ, будто въ ихъ время, благодаря этому стремительному потоку Фазиса,

моряки пользовались прѣсною водою среди моря, далеко отъ береговъ Колхиды. Во всякомъ случаѣ и теперь мутныя струи этой исторической рѣки замѣтны въ морѣ на разстояніи нѣсколькихъ верстъ.

Устье Ріона, долина Колхиды—естественныя ворота Кавказа. Этого не увидишь по картѣ, но это, можно сказать, осязаешь и чувствуешь, созерцая ихъ лицомъ къ лицу. Европа должна была искать Азію прежде всего черезъ эти настежь распахнутыя двери ея. Двери грандіозныя, колоссальныя, широко раздвинувшія налѣво отъ себя безплотные хребты снѣгового Кавказа, дикія пропасти Сванетскихъ горъ, направо тоже убранные снѣгомъ гребни гораздо болѣе близкаго Аджарскаго кряжа... Васъ словно зоветъ и тянетъ какою-то тайною силою въ глубокія заманчивыя дали этой роскошной разсѣлины, мерцающей издали серебристою зеленью своихъ облитыхъ солнцемъ садовъ. Она уже издали смотритъ страною очаровательницы Медеи, страною текущаго золота... Ріонъ, разодравшій надвое низкое лоно этой кишащей обиліемъ долины, прорѣзалъ черезъ нее вольную столбовую дорогу въ сердце Азіи, гдѣ онъ передавалъ встарину ввѣрявшихся ему смѣлыхъ пловцовъ своей сестрѣ Курѣ, рѣкѣ степей, рѣкѣ далекаго Каспія. Только небольшой волокъ черезъ горный кряжъ Сурама раздѣлялъ эти двѣ рѣки, всегда зорко охранявшійся неприступными замками Сарапаниса, теперешняго Шарапаня, грозно торчавшими на отвѣсныхъ утесахъ.

Не мудрено, что первые греки-торговцы, греки-колонизаторы, прославленные въ легендахъ исторіи подъ именемъ аргонавтовъ, уже на зарѣ европейской исторической жизни направились именно сюда, въ эти великія ворота Азіи искать «золотого руна».

Я замечтался, облокотившись на бортъ парохода, безмолвно любуясь берегами Мингреліи; вдругъ на палубѣ кто-то испуганно крикнулъ, что-то тяжело плеснуло въ водѣ, и передъ моими

пораженными глазами быстро, будто гонимая невидимою силою, пронеслась по волнамъ опрокинутая навзничь женская фигура.

Я бѣжалъ слѣдомъ за нею вдоль борта парохода до самой кормы, охваченный невыразимымъ ужасомъ, и все время видѣлъ внизу подъ собою это удивленно-испуганное, судорогой передернутое лицо, съ стиснутыми зубами, съ роковою быстротою уносимое въ бездны моря... Казалось, вся фигура ея скорчилась въ инстинктивномъ ужасѣ гибели, и нельзя было постигнуть, что держало ее такъ долго на взволнованной поверхности моря... Какъ стрѣлу, слетавшую съ тетивы, уносило ее отъ парохода стремительнымъ пѣнящимся потокомъ, что выбивается изъ-подъ винта парохода и на цѣлую версту оставляетъ среди моря свой серебристо-голубой слѣдъ, прямой, какъ полотно дороги. Потокъ уносилъ назадъ, пароходъ уходилъ впередъ, и отъ этого двойного бѣга быстрота ея движенія казалась неуловимою. Въ нѣсколько мгновеній черная точка ея головы уже была невѣсть какъ далеко отъ насъ среди неохватной пучины моря. Вся публика парохода, народъ, господа, матросы, сбилась растерянная на кормѣ, слѣдя съ замершимъ сердцемъ за этою все болѣе и болѣе исчезавшей черной точкой. Кранцы давно были кинуты въ море, но, отнесенные теченіемъ, они вертѣлись совсѣмъ въ другой сторонѣ. Я съ болѣзненнымъ нетерпѣніемъ оглядывался на шлюпки, спокойно висѣвшія надъ бортами парохода, и возмущался въ душѣ нераспорядительностью и медленностью капитана. Вся публика была, кажется, въ томъ же настроеніи.

— Да гдѣ же капитанъ? Чего жъ онъ шлюпку не спускаетъ? раздавались гнѣвные голоса.

Бинокли были пристально наведены вдаль, простыми глазами уже трудно было что-нибудь разглядѣть.

— Что, видно еще? спрашиваетъ изъ толпы чей-нибудь взволнованный голосъ.

— Нѣтъ, что-то ея не видать... должно быть, ко дну пошла, тихо отвѣчаетъ тотъ, кто смотритъ въ бинокль...

— Видно, видно, держится еще! вдругъ перебиваютъ его нѣсколько радостныхъ голосовъ...

Настроеніе всѣхъ такое напряженное, всѣмъ такъ страстно хочется спасти во что бы то ни стало эту никому неизвѣстную женщину, пожираемую моремъ.

— Слава Богу! шлюпка пошла!.. крикнулъ кто-то.

Оказалось, что капитанъ былъ гораздо расторопнѣе и находчивѣе всѣхъ насъ. Онъ давно уже хлопоталъ на носу, невидимый намъ за рубкою, спустить поскорѣе шлюпку, къ счастью вполнѣ приготовленную на такой случай, что, къ сожалѣнію, соблюдается далеко не всѣми капитанами.

Молодцы матросики лихо ударили въ весла и налегли такъ, что легкая шлюпка понеслась, какъ на крыльяхъ. Мое сердце всецѣло было съ ними, какъ будто я самъ сидѣлъ теперь въ этой четверкѣ и напрягалъ всѣ свои нервы и мускулы догнать во что бы то ни стало утопавшую женщину.

Мнѣ никогда еще не приходилось видѣть такъ непосредственно близко, такъ, можно сказать, осязательно гибели на моихъ глазахъ живого человѣка, и я никогда бы не могъ себѣ представить силою одного своего воображенія—до какой степени это страшно. Я пережилъ очень жуткій полъ-часа, замерши всѣми нервами, безполезно ожидая, чѣмъ это кончится, кто побѣдитъ въ роковой борьбѣ,—стихія или человѣкъ...

Между тѣмъ матросики не жалѣли рукъ, и шлюпка уже мелькала далеко отъ парохода, заслоняя отъ насъ черную точку, къ которой были прикованы всѣ глаза.

— Не поспѣютъ!.. залилась!—съ сожалѣніемъ произнесъ кто-то въ публикѣ...

Всѣ молчали, придавленные тяжелымъ ожиданіемъ, не сводя глазъ съ рокового мѣста.

Вотъ лодка вдругъ повернулась бокомъ, и одинъ изъ матросовъ какъ будто приподнялся въ ней.

Что-то черное и длинное мелькнуло надъ водою...

— Тащутъ, братцы! зацѣпили!—съ радостнымъ и дружнымъ смѣхомъ воскликнули вдругъ въ толпѣ народа.

— Не можетъ быть! спасли? Развѣ видно?—раздались кругомъ взволнованные и недовѣрчивые женскіе голоса.

— Да стало быть видно! Вытащили!.. укладываютъ...—съ довольною увѣренностью подтвердила толпа.

Матросики и назадъ летѣли, какъ вѣтеръ. Они были обрадованы неожиданною удачею и чувствовали свое законное торжество.

На пароходѣ всѣ были въ восторгѣ отъ ихъ быстроты и ловкости. Когда они переловили въ морѣ всѣ выкинутые кранцы и подъѣхали усталые, мокрые отъ пота, къ лѣсенкѣ парохода, толпа шумно прилила къ борту.

Утопленница лежала безъ чувствъ на днѣ лодки, вся насквозь мокрая, свернувшись, какъ большая пойманная рыба. Даже синія очки, въ которыхъ она была, изумительнымъ образомъ оставались на ея глазахъ. Отчаянно отбивавшаяся отъ смерти жизнь нашла въ себѣ силы бороться съ моремъ такъ изумительно долго и додержаться до прибытія помощи; но въ то самое мгновеніе, когда явилась эта помощь, и не было больше нужды въ отчаянномъ напряженіи всѣхъ силъ человѣка, силы эти разомъ потухли въ ней, и спасенная женщина, едва только успѣвъ произнести: о, Господи Боже! упала безъ чувствъ въ лодку.

Ее вынесли и вытащили наверхъ, какъ бездыханный трупъ. Розыскали среди пассажировъ какого-то нехитраго лѣкаря и принялись оттирать ее и приводить въ чувство. А народъ тѣснился около молодцовъ-матросовъ и толковалъ объ утопленницѣ.

— Икона ее держала, вотъ что!—говорилъ съ непоколебимою увѣренностью, почти съ гнѣвомъ, старый сѣдой мѣщанинъ. Видали то, какъ ее пронесли, на шнуркѣ висѣла, въ ладонь во всю?.. А то бы развѣ платье одно удержало?.. Матушка Божья, а не платье, Царица небесная... А платье что? тряпка! намокла,—и конецъ...

— Да что вы толкуете?—вмѣшался молодой солдатикъ:— Когда она при мнѣ похвалялась, я, говоритъ, сама лучше всякаго матроса плавать могу... Вотъ и держалась, потому плавать умѣла...

— А зачѣмъ бы она держалась, коли своей волею въ воду кинулась?—разсудительно возразилъ кто-то.

— Развѣ сама кинулась?

— То-то жъ и дѣло, что сама! На моихъ же глазахъ. Схватилась руками за веревку, прыгнула на бортъ, да и махнула головой внизъ!.. А то съ чего бы ей упасть?

— Горе, значитъ, какое, не стерпѣла душенька! вздохнула подгорюнившись, старуха.

Дѣйствительно, судя по всѣмъ показаніямъ, дѣвушка эта сама бросилась въ море. Когда ее привели въ чувство, первыми словами ея было: «зачѣмъ вы меня спасли?»

Капитанъ пригласилъ насъ потомъ подписать актъ о случившемся, и изъ него мы узнали, что дѣвушка эта была Елена Л., дочь надворнаго совѣтника; къ акту была приложена и книжка Казенной Палаты на полученіе пенсіи, помнится, 141 рубль въ годъ.

Какая внутренняя драма разыгралась въ ея душѣ передъ этимъ покушеніемъ на самоубійство, разумѣется, никакой протоколъ не объяснилъ, и никто изъ пароходной публики не зналъ. Дѣвушка эта ѣхала совершенно одна изъ Новороссійска и думала сначала высадиться въ Новомъ Аѳонѣ, но за ночнымъ временемъ не рѣшилась и взяла дополнительный билетъ до Батума. Въ Батумѣ капитанъ сдалъ ее на руки полиціи, и объ ней, несомнѣнно, возникнетъ цѣлое судебное дѣло, съ допросами и опросами, на которые бѣдная дѣвушка уже, конечно, никакъ не разсчитывала, кончая свой разсчетъ съ землею.

Мы собрали лихимъ матросикамъ въ награду за ихъ удальство изрядную пачку ассигнацій, чѣмъ привели ихъ въ дѣтскую радость.

IV.

Батумскій портъ и его окрестности.

Батумъ мы увидѣли въ хорошую его минуту. Обступившій его амфитеатръ горъ, еще сильно бѣлѣвшихъ снѣгами, курился легкимъ паромъ облаковъ среди яснаго и жаркаго неба. Живописный городокъ очень милою игрушечкою вырѣзался на зеленомъ фонѣ горныхъ громадъ, словно выростая прямо изъ волнъ весело-плещущаго синяго простора моря. Поворотъ Малоазійскаго берега отъ берега Кавказа тутъ поразительно рѣзокъ и явственъ. Странно какъ-то смотрѣть на этотъ уголъ горъ, давно знакомый вамъ по картамъ, въ которомъ на вашихъ глазахъ безсильно кончается море, такъ сказать, ощупывать собственными пальцами тотъ спай, которымъ тѣло Европы приросло къ старому материку Азіи.

Батумская гавань полна жизни, и это чувствуется уже издали. Дымятъ пароходы, качается лѣсъ мачтъ, мелькаютъ ялики и лодки... Это ужъ совсѣмъ не то, что жалкія, открытыя всѣмъ вѣтрамъ гавани кавказскаго берега.

Батумъ уже не производитъ впечатлѣнія восточнаго, тѣмъ менѣе турецкаго города. Сейчасъ видишь, что турки тутъ были только въ гостяхъ, насильственными случайными пришлецами, не имѣвшими силъ вложить свою душу въ захваченную ими чужую жизнь.

Всѣ эти городки Черноморскаго побережья гораздо болѣе пахнутъ тѣмъ общимъ международнымъ типомъ стариннаго приморскаго насельника, который получилъ у насъ имя левантинца, и въ чертахъ котораго не только физическихъ, но и духовныхъ, смѣшались неразличимо свойства самыхъ разнообразныхъ народностей, отъ древняго финикійца и эллина до новыхъ грековъ и итальянцевъ.

Оттого вы не отличите сразу, приставая къ подобнымъ гаванямъ, въ какой собственно странѣ находитесь: Бейрутъ и Александрія, Бриндизи, Сира, Батумъ — смотрятъ одинаковыми космополитами; грекъ въ нихъ похожъ на итальянца, армянинъ на турка, сиріецъ на египтянина. Во всѣхъ нихъ видишь что-то одно, — обще-приморское, обще-торговое и вмѣстѣ обще-южное.

Двѣ, три мусульманскихъ мечети, какъ и двѣ, три христіанскихъ крестика Батума, тонутъ незамѣтно въ общемъ пейзажѣ цивилизованнаго портоваго городка, не придавая ему ни русскаго, ни турецкаго характера.

Полукруглая каменная дамба защищаетъ слѣва портъ Батума отъ морскихъ волнъ. Много каменныхъ пристаней протягиваютъ свои длинныя лапы къ морю въ разныхъ мѣстахъ.

Густая пестрая толпа народа стояла на одной изъ такихъ пристаней, когда къ ней вплотную причалилъ, наконецъ, нашъ пароходъ. Но, всматриваясь торопливо въ этотъ невѣдомый людъ, глазъ мой, къ огорченію моему, не встрѣтилъ родного лица, котораго искалъ и ждалъ...

Мы пошли пѣшкомъ, сопровождаемые своими носильщиками, до гостинницы, которыя всѣ расположены въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ портомъ, въ томъ старомъ, тѣсно заселенномъ торговомъ кварталѣ берега, который съ турецкихъ временъ зовется Азизіе, въ честь находящейся здѣсь главной городской мечети имени Абдулъ-Азиза... Только-что миновали мы высокіе дома набережной, пестрѣвшіе флагами консульства и вывѣсками всевозможныхъ конторъ и агентствъ, какъ знакомый голосъ остановилъ насъ на серединѣ улицы. Братъ мой пріѣхавшій насъ встрѣтить изъ Тифлиса, спѣшилъ на пристань, обманутый нѣсколько болѣе раннимъ приходомъ парохода.

Мы остановились въ «Hôtel de France», очень порядочной гостинницѣ, содержимой французомъ, чистенькой, съ хорошимъ столомъ. Гостинницъ здѣсь вообще обиліе, и «Londres», и «Imperial», и еще много, но эта удобнѣе другихъ.

Осмотрѣть Батумъ не особенно трудно и не особенно долго, хотя, надо признаться, я никакъ не ожидалъ, чтобы онъ успѣлъ такъ поразительно быстро и такъ широко развинуть свои предѣлы. Извощики прекрасные, какъ вообще у насъ на югѣ, къ стыду нашихъ великороссійскихъ городовъ, съ матушкою Москвою во главѣ...

Въ 1867 году Батумъ былъ жалкою грязною деревушкою, безполезно дремавшею, какъ истый турокъ, въ своемъ чудномъ южномъ уголкѣ, надъ прекраснѣйшею бухтою, потонувъ въ лужахъ грязи, полный вони и нечистоты. Деревянный конакъ паши, двѣ мечети на берегу, да нѣсколько кофеенъ, окруженныхъ грошевыми лавченками базара,—вотъ былъ и весь Батумъ. Торговли тутъ не было никакой; всѣхъ жителей считалось 2.500. И вдругъ, черезъ 12—13 лѣтъ—довольно большой европейскій городъ чуть не съ 20.000 жителей, съ огромною торговлею, главный отпускной портъ цѣлаго Кавказа, главный складъ нефтяныхъ продуктовъ для Европы, Африки и Азіи. Желѣзнодорожные поѣзда то и дѣло свистятъ въ немъ, перебѣгая черезъ улицы города, морской берегъ застроенъ заводами, складами, цѣлымъ керосиновымъ городкомъ, въ гавани тѣснятся корабли и пароходы, всѣ улицы прекрасно вымощены, вездѣ вода, широкіе бульвары, сады и цвѣтники. Одинъ мой знакомый, видѣвшійся съ парижскимъ Ротшильдомъ въ его недавній пріѣздъ на Кавказъ, разсказывалъ мнѣ, что великій денежный король не могъ прійти въ себя отъ изумленія, посѣтивъ нашъ Батумъ, который онъ зналъ еще въ старое турецкое время.

— Вы, русскіе, удивительные люди!—говорилъ онъ. У васъ особый талантъ цивилизовать восточнаго человѣка и уживаться съ нимъ. Мы, французы, ничего подобнаго не могли достигнуть въ своемъ Алжирѣ, хотя такъ давно владѣемъ имъ!

Однихъ агентовъ русскихъ и иностранныхъ тутъ до полсотни, одного керосина вывозится до пятидесяти милліоновъ пудовъ. Это уже показываетъ размахъ здѣшняго торговаго дѣла. Не мудрено поэтому, что въ густо населенныхъ кварталахъ

Батума земля, недавно еще не стоившая ничего, уже продается до 100 и 120 руб. за квадратную сажень, и даже на далекихъ окраинахъ города не дешевле 3, 5 и 10 рублей.

Оригинальность этого жаркаго южнаго города — это его желѣзная одежда. Новые дома, особенно казенныя учрежденія, какъ-то: больницы, казармы, непремѣнно обиты по наружнымъ стѣнамъ рубчатымъ цинкованнымъ желѣзомъ, если не со всѣхъ сторонъ, то по крайней мѣрѣ со стороны господствующихъ вѣтровъ. Желѣзо это выписывается изъ Марсели и придаетъ мирному Батуму странный видъ какого-то броненоснаго города. Но если Батумъ такъ дѣятельно облекается въ желѣзныя латы, то нужно отдать ему справедливость,—что онъ не менѣе энергически обсаживаетъ себя и деревьями, которыя впослѣдствіи будутъ, конечно, гораздо болѣе надежною и пріятною защитою ему отъ вѣтровъ, пронизывающихъ его стѣны, чѣмъ сѣрые желѣзные листы. Деревья здѣсь сажаются по дорогамъ, по улицамъ, по бульварамъ, по многочисленнымъ садикамъ. Отъ крѣпостцы, защищающей портъ, идетъ теперь широкій и отлично содержимый бульваръ Цесаревича, добрую версту въ длину, вдоль берега моря, мимо прекрасныхъ, тоже желѣзомъ обшитыхъ, бараковъ военнаго госпиталя, постоянно открывая гуляющей публикѣ прелестные виды на море и береговыя горы. Тутъ играетъ музыка и по вечерамъ толпится публика. Недалеко отъ бульвара положено основаніе и русскому собору, на постройку котораго уже имѣются потребныя суммы, но которая почему-то замедлилась, хотя Батуму, русскому городу, встрѣчающему иностранца, такъ сказать, на первомъ порогѣ Россіи, и притомъ охваченному кругомъ моремъ мусульманства, особенно необходимо поддержать во всемъ блескѣ благолѣпіе православной церкви... Существующій же здѣсь единственный крошечный русскій храмъ годился бы въ порядочную деревню, но ужъ никакъ не въ такой крупный торговый городъ, какимъ сталъ теперь Батумъ, не говоря уже о томъ, что армяне, гораздо менѣе

многочисленные, имѣютъ здѣсь двѣ церкви, а русскіе, хозяева края—всего одну.

Въ концѣ Маріинскаго проспекта, вокругъ озера Нуріе-Гель, тоже близко къ морю, разбитъ очень хорошенькій городской садъ, полный всевозможныхъ тропическихъ растеній. Многія изъ этихъ деревьевъ посажены здѣсь не простыми руками. Тутъ есть араукарія, магнолія и гималайскіе кедры, собственноручно посаженные нынѣ царствующимъ Государемъ и его царственною семьею, въ ихъ недавнюю поѣздку на Кавказъ; на другихъ деревьяхъ вы можете прочесть ярлыки съ именами нашихъ извѣстныхъ сановниковъ; министры Бунге, Островскій, Посьетъ и другія высокопоставленныя лица оставили по себѣ память Батуму посадкою какого-нибудь рѣдкаго деревца. Всѣ эти индѣйскія, японскія, американскія и австралійскія растенія растутъ здѣсь прямо въ грунту и отлично переносятъ кроткую батумскую зиму. Термометръ здѣсь въ самые холодные мѣсяцы никогда не опускается ниже 0, и средняя температура января свыше 9 градусовъ тепла. Годовая температура въ среднемъ достигаетъ почти 15°. Купаться и жить на открытомъ воздухѣ можно круглый годъ, потому что море никогда не остываетъ ниже 10° тепла. Все это дѣлаетъ Батумъ замѣчательно удобною климатическою стоянкою для грудныхъ больныхъ и всякаго рода ослабѣвшихъ организмовъ, и если бы не рѣзкіе вѣтры, отъ которыхъ онъ до сихъ поръ не сумѣлъ защитить себя лѣсными насажденіями по окрестнымъ холмамъ, то этотъ укромный уголокъ Чернаго моря былъ бы идеальнымъ зимнимъ курортомъ. Зато лѣтомъ онъ положительно опасенъ Это сезонъ его болотистыхъ міазмовъ, его малярій и лихорадокъ. Тогда больнымъ необходимо бѣжать изъ него куда-нибудь въ Аббасъ-Туманъ или другія горныя мѣста. Эта, повидимому, гористая мѣстность—необыкновенно болотиста. Батумъ весь стоитъ на подземной водѣ, и въ прежнее турецкое время онъ вѣчно плавалъ въ невысыхающихъ лужахъ. Теперь проведено столько канавъ, что почва замѣтно стала суше, но все-таки

еще многое остается сдѣлать въ этомъ смыслѣ. Эта-то обильная влажность почвы, убійственная для человѣка, вызываетъ ту роскошную и быструю растительность, которою отличается Батумъ.

Впрочемъ, кромѣ сочной почвы и теплаго климата нужно отдать справедливость и человѣку: теперешній цвѣтущій видъ Батума много обязанъ французу-садоводу Д'Альфонсу, который разбилъ городской садъ, завелъ въ окрестностяхъ города большіе питомники фруктовыхъ и парковыхъ деревьевъ и украсилъ садами множество здѣшнихъ дачъ и частныхъ домовъ.

Въ Батумѣ однако не одно мирное царство Меркурія и Флоры. Весьма внушительное укрѣпленіе съ земляными, гладко срѣзанными эскарпами, кое-гдѣ облицованными и камнемъ, улеглось, будто надежный сторожевой песъ, какъ разъ у гавани, на углу морского берега... На банкетахъ стоятъ рядами, молча выглядывая своею черною пастью на море, чудовища-пушки громаднаго калибра; часовые ходятъ по парапетамъ, ворота на глухо заперты, военный флагъ развѣвается на высокомъ флагъ-штокѣ; словомъ, крѣпость не на шутку, совсѣмъ какъ слѣдуетъ. А главное, это береговое укрѣпленіе соединено особою желѣзною дорогою съ цѣлымъ «артиллерійскимъ городкомъ», безопасно спрятаннымъ отъ выстрѣловъ морскихъ броненосцевъ въ уединенныхъ, холмами заслоненныхъ долинкахъ, верстахъ въ трехъ отъ города. Оттуда въ нужную минуту могутъ быть сразу двинуты всевозможные артиллерійскіе снаряды и орудія, если бы оказалось вдругъ необходимымъ поставить на берегу моря, рядомъ съ существующею крѣпостцою, еще другія батареи.

Мы съѣздили, конечно, посмотрѣть этотъ артиллерійскій городокъ, оберегающій въ такомъ важномъ пунктѣ нашъ государственный рубежъ. Пришлось проѣхать не только весь городъ насквозь, но и его новыя, съ каждымъ днемъ разрастающіяся предмѣстія. Тутъ-то, среди безчисленныхъ, пересѣкающихся другъ съ другомъ и навзрѣзъ полныхъ канавъ, можно во-очію

убѣдиться, что Батумъ дѣйствительно стоитъ на водѣ. Утѣшительно было видѣть, что древесныя посадки вдоль дорогъ и садики при домахъ стали тутъ неизбѣжнымъ условіемъ даже беднѣйшихъ нашихъ поселенцевъ.

Въ турецкомъ Батумѣ не было ничего кромѣ глиняныхъ мазанокъ, тѣсно наваленныхъ другъ на друга. А теперь вездѣ радуютъ глазъ ряды молодыхъ пушистыхъ тополей, плакучія ивы, молокомъ облитыя черешни, сливы, груши, розовые букеты миндаля и персика. Буйволы лежали въ канавахъ, выставивъ изъ жидкой грязи свои храпки, вездѣ кучи овощей и фруктовъ, вездѣ движеніе и работа.

Но особенно много движенія, работы, шуму и стуку—влѣво отъ дороги, по берегу моря, гдѣ выросъ всего въ пять, шесть лѣтъ цѣлый громадный «нефтяной городъ», который скоро, пожалуй, подавитъ своими размѣрами и своимъ торговымъ оборотомъ — самъ старый Батумъ. Это ужъ словно не Россія, а какая-то Америка. Хитро-сплетенная сѣть рельсовыхъ путей, сбѣгающихся, разбѣгающихся, кружащихъ, пересѣкающихся, безконечными нитями гигантской черной паутины опутываетъ и бороздитъ все пространство между многочисленными полчищами круглыхъ желѣзныхъ башенъ, налитыхъ керосиномъ, толпящихся тѣсными кучками поближе другъ къ другу, сѣрыя къ сѣрымъ, красныя къ краснымъ, бѣлыя къ бѣлымъ; это все разныя извѣстныя фирмы бакинскихъ нефтепромышленниковъ: Нобеля, Шибаева, Каспійско-Черноморскаго товарищества, служащаго псевдонимомъ для Ротшильда, и можество другихъ. Есть башни, вмѣщающія до 200 тысячъ пудовъ керосина. Большія фирмы сбываютъ его здѣсь по 6-ти, по 7-ми милліоновъ пудовъ въ годъ каждая... Кромѣ этихъ островерхихъ желѣзныхъ башенъ безъ оконъ и безъ дверей, напоминающихъ издали своей формой кибитки киргиза или туркмена, здѣсь много и другихъ заводовъ, тѣсно связанныхъ съ нефтяною торговлею, бондарень, столярень, фабрикъ для жестяныхъ ящиковъ, чугунно-литейные заводы, заводъ электрическаго освѣщенія и пр.

Обширные обнесенные заборами дворы полны громадныхъ ярусовъ клепокъ, тонкаго ящичнаго теса, готовыхъ бочекъ; цѣлые безконечные поѣзда вагоновъ-цистернъ стоятъ и двигаются по рельсамъ, свистя, гремя, тяжело охая, распалзываясь во всѣ стороны, будто какія-то колоссальныя стоножки, вылѣзающія изъ своихъ гнѣздъ. И земля, и воздухъ, и одежда человѣка, и само тѣло его, и его жилище, все пропитано здѣсь керосиномъ, которымъ однимъ и живетъ все здѣсь...

Артиллерійскій городокъ сейчасъ же за городомъ нефти, но только вправо отъ дороги, глубже въ материкъ, подальше отъ моря. Тутъ все уютно и красиво, какъ на самой мирной дачѣ. Большіе каменные корпуса казармъ и артиллерійскихъ складовъ съ ихъ узкими окнами-бойницами хотя смотрятъ крѣпкими блокгаузами, но окружены тѣнистыми садиками, цвѣтниками, дорожками и зелеными полянами; дворы полны пушекъ всякаго калибра, ядра навалены кучами, какъ арбузы на хохлацкой бахчѣ. Изо всѣхъ этихъ двориковъ идутъ рельсы, собирающіяся въ одну трехъ-верстную желѣзную дорогу, загроможденную и теперь маленькими вагончиками съ краснорѣчивымъ изображеніемъ пылающей бомбы на ихъ стѣнахъ. Значитъ, берегитесь не подходите, и особенно не смѣйте курить. Все это готовые костры для колоссальнаго взрыва. Эта хорошенькая дача артиллеристовъ забралась глубоко въ складки зеленаго ущелія, вьющагося между довольно высокими холмами, покрытыми каштановыми деревьями. Романтическія развалины какого-то древняго замка или храма живописно увѣнчиваютъ самый крутой изъ этихъ защитныхъ холмовъ; внизу его тоже видны развалины и тоже невѣдомыя. Очень можетъ быть, что это еще остатки римскаго города Рицея, или, пожалуй, Аѳины, которыя должны были находиться, судя по описаніямъ классическихъ географовъ, во всякомъ случаѣ недалеко отъ теперешняго Батума. Впрочемъ и самое имя Bathn упоминается въ числѣ римскихъ укрѣпленій первыхъ вѣковъ нашей эры на побережьи древней Лазики. Есть даже основаніе

думать, что Батумъ былъ извѣстенъ древнимъ еще вѣка за 4, за 5 до Р. Хр., потому что знаменитый ораторъ Демосѳенъ считался выходцемъ изъ греческой колоніи Батума...

Ближе къ городу, на горѣ уже болѣе высокой и обрывистой, притаилась, тоже маскированная неровностями вершинъ, сильная батарея, вооруженная огромными морскими пушками. Она предназначена, вѣроятно, обстрѣливать портъ и защищать нефтяной городокъ, расположенный по берегу у ея ногъ.

Телеграфные столбы, вслѣдъ за продолженною на верхъ дорогою-улиткою, вполнѣ удобной для пушекъ, взбѣгаютъ и на эту горную батарею, какъ и въ долину артиллерійскаго городка.

Почтовая дорога въ Артвинъ, прерывающаяся, впрочемъ, на половинѣ пути, поворачиваетъ круто на югъ отъ нашей дороги, огибая батарейную гору. Это послѣдній обрывокъ цивилизованнаго способа сообщенія. Дальше идутъ въ глубь Азіи, къ Ардагану и Карсу, только вьючныя горныя тропы. Въ этомъ отношеніи здѣсь еще Россія поработала очень мало, и это очень худо, потому что хорошая дорога — не только половина цивилизаціи, но еще и половина безопасности. При теперешнемъ же состояніи дорогъ весь этотъ край полонъ разбойниковъ, и путешествовать по немъ можно только съ вооруженнымъ конвоемъ.

Еще недавно весь край былъ возмущенъ дерзкимъ убійствомъ, около самаго Батума, ротшильдовскаго прикащика, привезшаго крупныя деньги. Стражникъ, задержавшій одного изъ убійцъ, былъ очень скоро звѣрски убитъ въ свою очередь. Въ этой неустроенной странѣ разбои и грабежи усложняются еще кровавою местью Востока...

По Артвинской дорогѣ въ ближайшихъ окрестностяхъ Батума много прекрасныхъ мѣстъ для поселенія, живописныхъ, плодородныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ здоровыхъ. Часть ихъ уже роздана правительствомъ подъ дачи; тамъ устраивается между прочимъ въ чистомъ горномъ воздухѣ и санитарная станція для батумскихъ войскъ, страдающихъ отъ лихорадокъ.

Въ Батумѣ насъ задержало очень грустное дѣло: приходилось ставить памятникъ на могилѣ безвременно погибшаго здѣсь сына моего, молодого художника архитектуры, только-что вступившаго въ жизнь, полную свѣтскихъ надеждъ. Докторъ привезъ его сюда изъ нашихъ суровыхъ мѣстъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ вредоноснаго петербургскаго климата, провести осень и зиму въ чарующей нѣгѣ этого мягкаго и теплаго воздуха, въ этомъ живописномъ уголкѣ азіатскаго берега, который привелъ въ восторгъ его сердце художника. Но онъ недолго наслаждался сладкою музыкой моря и лазурью южнаго неба. На его бѣду осень 1889 года въ Батумѣ была ужасна. Небывалые вѣтры принесли съ собою небывалую инфлюэнцу, и уже подточенное злымъ недугомъ слабое молодое тѣло не выдержало этой неожиданной жестокой атаки враждебныхъ стихій. Бѣдный юноша тихо погасъ на берегу очаровавшаго его моря и похороненъ былъ надъ этимъ же моремъ, на одномъ изъ безмолвныхъ зеленыхъ холмовъ его берега.

Былъ трогательно-тихій и трогательно-меланхолическій вечеръ, когда мы медленно всходили маленькою семейною кучкою своей по крутой тропинкѣ холма, извивавшейся между кустами и деревьями. Въѣзжать наверхъ нѣтъ возможности, и экипажи поневолѣ оставляютъ у подножія. Этотъ зеленый холмъ, усѣянный могилами, теперь весь цвѣтетъ, какъ невѣста. Желтыя азаліи, темномалиновые рододендроны чуть не сплошь укрыли его своими свадебными букетами... Чего не укрыли они, тамъ разстелились разноцвѣтные ковры полевыхъ цвѣтовъ... Весна сіяла во всемъ своемъ роскошномъ уборѣ надъ этимъ холмомъ смерти. Сіяло море своимъ безбрежнымъ, радостно волнующимся просторомъ, сіяло неподвижнымъ голубымъ зноемъ безпорочно-чистое небо...

Хорошенькая новенькая часовенька въ русскомъ стилѣ осѣняетъ своимъ золотымъ крестомъ вершину холма, стоя, какъ одинокій задумавшійся пастырь среди своихъ смолкшихъ стадъ, среди тѣснящихся кругомъ нея еще немногочисленныхъ моги-

локъ, однѣ съ скромными деревянными крестами подъ голубцомъ, другія,—огромное большинство,—безъ всякихъ крестовъ простыя земляныя насыпи, сострадательно прикрытыя весеннею травою и весенними цвѣтами изъ щедрой руки матери-природы.

Мы набрали букетъ маргаритокъ съ дорогой намъ свѣжей еще могилки, въ головахъ которой, вмѣсто временно устроеннаго деревяннаго креста, ставили теперь, въ нашемъ присутствіи, привезенный изъ Тифлиса мраморный памятникъ...

Священникъ съ псаломщикомъ были уже здѣсь, такъ что можно было и освятить памятникъ и отслужить панихиду на могилѣ.

Тяжело умирать на чужбинѣ, тяжело видѣть прахъ одинокаго пришлеца среди чужихъ ему могилъ. Но если бы можно выбирать себѣ могилу по вкусу, то я не могъ бы выбрать ничего мирнѣе и поэтичнѣе, какъ этотъ уединенный цвѣтущій холмъ, облитый южнымъ солнцемъ, глядящій въ безпредѣльную даль голубого моря...

Это не нашъ казенный прозаическій погостъ съ номерами могилъ, распредѣленныхъ въ солдатскомъ ранжирѣ, окруженный, какъ стѣнами тюрьмы, своею глухою оградою...

Желѣзная дорога изъ Батума въ Тифлисъ идетъ по самому берегу моря, мимо нефтяного городка налѣво, мимо дорогого мнѣ могильнаго холма—направо.

Она такъ близка къ морю, что первая дерзкая канонерская лодка непріятеля можетъ шутя разгромить любой воинскій поѣздъ. Для такихъ нежелательныхъ случаевъ черезъ горы продѣлано въ обходъ желѣзной дороги шоссе на Ахалцыхъ и оттуда въ Боржомъ.

При самомъ выѣздѣ изъ Батума мы увидѣли у берега, до половины залитый моремъ, остовъ разбитаго судна. Его развороченныя ребра торчали изъ воды, словно обглоданный костякъ какой-то гигантской падали, наводя на довольно грустныя размышленія.

Прибрежье моря отъ Батума до Цихидзири—рядъ прелестныхъ картинъ. Курчавые, густозеленые лѣса одѣваютъ ближнія гряды горъ, будто нарочно набросанныя здѣсь для отрады человѣческому глазу. Развалины стариннаго замка вѣнчаютъ одинъ изъ этихъ зеленыхъ конусовъ, сейчасъ же по выѣздѣ изъ Батума. Вездѣ яркая молодая зелень, сверкающіе весеннимъ лакомъ листья лавровишней и фотиній, малиновые гроздья цвѣтущихъ рододендроновъ, терновники и груши въ бѣлоснѣжномъ пуху, кизильникъ, осыпанный золотомъ своихъ цвѣтовъ, копны перепутанныхъ ліанъ на каждомъ деревѣ.

За этимъ яркозеленымъ, радостно сіяющимъ, первымъ планомъ высокія пирамиды болѣе далекихъ темнозеленыхъ горъ, еще посыпанныхъ,—будто волосы первою сѣдиною,—снѣгами зимы, и еще дальше за ними, еще выше, еще туманнѣе, сплошная цѣпь вѣчныхъ снѣговъ.

Поѣздъ несется сначала вровень съ гладью моря, по голышамъ береговой отмели, но уже скоро начинаетъ врѣзаться въ скалы берега; свѣжіе взрывы утесовъ, осыпи камней, обвалившихся въ море, гдѣ несокрушимый сѣрозеленый трахитъ эффектно выдѣляется среди яркокрасныхъ глинъ, чуть даютъ тѣсный проходъ чернымъ ниточкамъ рельсовъ, дерзко ворвавшимся въ ихъ каменное царство.

Непремѣнно оглянитесь назадъ, проѣхавъ первый тунель. Красножелтая скала, съ уцѣпившимися за нее характерно изогнутыми деревьями, съ черною дырою тунеля внизу, живописнымъ мысомъ закрываетъ отъ васъ, какъ декорація театра, повороты желѣзной дороги, а за нею, далеко и высоко, будто нарисованные нѣжною акварельною миніатюрой, вырѣзаются на мягкомъ голубомъ фонѣ морской дали бѣлые башни и домики Батумскаго порта, съ чуть видными дымками пароходовъ и мачтами кораблей.

Чаквы—первая станція въ семнадцати верстахъ отъ Батума и первыя настоящія дачи его. Растительность тутъ тро-

пической роскоши. Это природная оранжерея, сочащаяся обильною водою сквозь всѣ поры земли, всегда залитая солнцемъ, поэтому постоянно жаркая и влажная. Тутъ можно разводить самыя нѣжныя растенія дальняго юга. Но сила растительности такова, что необходимо сначала бороться съ ней и побѣдить ее. Иначе она задавитъ всѣ дѣла рукъ человѣческихъ. Тутъ вездѣ приходится сначала выжигать лѣсныя поросли и уже потомъ обработывать землю. А запустите какіе-нибудь два-три года, и опять все заростетъ, заглушится, опять нужно начинать съизнова. Уже много земель этого берега раздѣлено и обработано, много виднѣется садовъ и плантацій всякаго рода. Почва здѣшняя—какая-то яркокрасная глина, изумительно плодородная при обиліи воды. Самая замѣчательная изъ здѣшнихъ дачъ и, кажется, самая обширная, чуть ли не до трехъ-сотъ десятинъ,—дача г. Соловцова. Дача эта устроена барски, очень удобна и очень красива. Но, главное, это своего рода садъ акклиматизаціи. Владѣлецъ ея, повидимому, не жалѣетъ ни денегъ, ни трудовъ въ своихъ настойчивыхъ попыткахъ пріучить къ батумскому климату, къ батумской почвѣ разныя рѣдкія и полезныя растенія жаркаго юга. У него, между прочимъ, разведена чайная плантація въ нѣсколько сотенъ кустовъ различныхъ сортовъ, выписанныхъ изъ Ханькоу. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ эта дача принадлежала батумскому нотаріусу г. Г. и со всѣми своими прелестными постройками была, говорятъ, продана за шесть тысячъ рублей. Теперь уже, конечно, она должна оцѣниваться не однимъ десяткомъ тысячъ рублей.

Рядомъ съ дачею Соловцова другая, также превосходно разработанная и очень живописная дача Стоянова, директора Кутаисской гимназіи, манящая васъ крутыми холмами и вьющимися дорожками своихъ садовъ. Тутъ тоже множество рѣдкихъ растеній, выхоленныхъ рукою любителя.

Сосѣдкою Стоянова—очень практичная нѣмка, которая одна только вздумала разводить здѣсь, вмѣсто малотребующихся и доходу не приносящихъ тропическихъ рѣдкостей, прозаическіе

огороды капусты, огурцовъ, моркови и т. п., отъ которыхъ получаетъ отличные барыши, въ то время какъ болѣе хитроумные сосѣди ея, какъ и нужно было ожидать, терпятъ постоянные убытки. Очень будетъ жаль, если эта оборотливая нѣмка, по насмѣшкѣ судьбы, скупитъ впослѣдствіи подъ свою капусту роскошные сады своихъ русскихъ сосѣдей. А похоже, что дѣло кончится чѣмъ-нибудь подобнымъ. И почему это нѣмецъ всегда богатъ тамъ, гдѣ нашъ братъ-русскій не найдетъ себѣ даже куска хлѣба? Даже досада беретъ за этого безпомощнаго русскаго человѣка!

Вообще, вся эта мѣстность удивительно удобна для самыхъ цѣнныхъ культуръ. На каждомъ шагу ручьи, водопады, болота, озерки. Скалистыя стѣны желѣзнодорожнаго тунеля сочатся сплошною скатертью воды; черезъ каждый аршинъ въ нихъ продѣланы сточныя трубы. Плантаціи риса и сахарнаго тростника тутъ должны бы удаваться идеально. Но мнѣ что-то не попадались онѣ на глаза по дорогѣ, и я не знаю, занимаются ли здѣсь ими. Зато кукурузы тутъ видимо-невидимо, шелковица захватываетъ все больше мѣста. Можно смѣло сказать, что эта страна блестящей будущности, плодороднѣе и роскошнѣе южнаго берега Крыма. Уже теперь земли на равнинахъ стóятъ здѣсь огромныхъ цѣнъ. Къ сожалѣнію, вопросъ здѣшняго землевладѣнія чрезвычайно запутался и, при извѣстной медленности нашихъ канцелярскихъ порядковъ, не обѣщаетъ распутаться скоро. Предпріимчивые люди, накупившіе здѣсь земель у туземцевъ по ихъ мусульманскимъ сенетамъ и смѣло затратившіе капиталы на ихъ культуру, на тяжелую борьбу съ дикою природою и дикими мѣстными нравами, очутились вдругъ въ самомъ досадномъ положеніи, такъ какъ правительство отказалось признать права частнаго владѣнія туземцевъ на проданныя земли, которыя должны будто бы считаться казенными, и не утвердило совершонныхъ купчихъ. Такимъ образомъ, добрый примѣръ, поданный своимъ землякамъ немногими разумными людьми вмѣсто того, чтобы послужить къ скорѣйшему водворенію въ

завоеванномъ краѣ русской культуры и русскихъ людей, только отпугнулъ отъ этого неблагодарнаго дѣла тѣхъ, которые могли бы послѣдовать полезному почину.

Мнѣ кажется, какой бы взглядъ на здѣшніе права землевладѣнія ни восторжествовалъ въ сужденіяхъ русскаго правительства, во всякомъ случаѣ, его собственные интересы требуютъ, минуя всякую канцелярскую волокиту, возможно скорѣе признать права на законно купленную землю первыхъ батумскихъ насадителей культуры и даже въ будущемъ безъ затрудненія предоставлять эти, хотя бы и казенныя земли, безполезныя въ ихъ одичаломъ видѣ, смѣлымъ труженникамъ, рѣшающимся затрачивать на ихъ обработку свои деньги и свое здоровье. Кромѣ очевидной пользы для края изъ этого ничего не можетъ выйти. Только значительнымъ расширеніемъ культурныхъ земель можно будетъ направить производительно теперешній безполезный избытокъ подземной влаги, дѣлающей совершенно губительнымъ для здоровья лихорадочный климатъ этихъ болотистыхъ и лѣсистыхъ береговъ.

Передъ Кабулетами на высокой скалѣ, царящей надъ берегомъ, очень картинно нарисовались вдругъ развалины большой крѣпости. Зубчатыя стѣны, башни съ разбитыми амбразурами, почернѣвшія отъ копоти вѣковъ, живописно задрапированныя колыхающимися шпалерами плюща. Цѣлый мертвый городъ тамъ наверху... И мертвый, должно быть, очень давно.

Я не знаю точно, какъ называются теперь эти развалины, кажется, Цихидзири, какъ и вся вообще окрайная горная мѣстность; но по всему похоже, что это развалины древней Петры, за которую византійцы вели такую отчаянную борьбу съ персами Хозроя.

Юстиніанъ обратилъ ее въ неприступную крѣпость изъ прежняго незначительнаго городка.

По словамъ Прокопія, историка юстиніановыхъ подвиговъ,— Петра была недоступна съ моря, благодаря отвѣснымъ скаламъ, окружавшимъ ее со всѣхъ сторонъ. Только въ одномъ мѣстѣ

имѣла она доступъ съ равнины, но и тотъ не широкій, среди громадныхъ и отвѣсныхъ скалъ. Для того, чтобы городъ не могъ быть завоеванъ съ этой стороны, основатели его построили между этили скалами длинную стѣну, а на концѣ ея поставили двѣ башни.

Мѣстность Цихидзирскихъ развалинъ какъ нельзя болѣе подходитъ къ описанію Прокопія, особенно, если вспомнить, гдѣ именно, по его же словамъ, находилась эта Петра.

«По лѣвую сторону рѣки Фазиса, Лазика простирается на разстояніе одного дневного перехода. Эту страну, гдѣ земля не обработывается, населяютъ понтійскіе римляне. На границѣ этой малонаселенной Лазики императоръ Юстиніанъ основалъ городъ Петру. Весьма близко на югъ отъ Петры находится граница римской имперіи. Тутъ лежатъ густо населенные города: Рицей, Аѳины и нѣсколько другихъ трапезундскихъ городовъ».

Трудно сомнѣваться, о какой пограничной мѣстности здѣсь говорится, и какія другія скалы въ ней, кромѣ Цихидзирскихъ, могли бы оказаться неприступными съ моря?

Еще яснѣе указывается мѣстоположеніе Петры въ послѣдующихъ строкахъ византійскаго историка: «Отъ г. Аспарунта *до города Петры и границъ Лазовъ, гдѣ кончается Понтъ Евксинскій*, считается разстояніе одного дневного перехода. *Тамъ оканчивается Понтъ. Тутъ берегъ дѣлаетъ такой изгибъ*, что разстояніе отъ одного конца этой дуги до другой 550 стадій».

Въ другомъ мѣстѣ онъ повторяетъ:

«Въ той части Азіи, гдѣ начинается серпообразный изгибъ берега стоитъ городъ Петра».

А Цихидзири именно и находится *на самомъ переломѣ* кавказскаго перешейка и малоазійскаго берега, какъ разъ въ той пазухѣ, *гдѣ кончается*, упираясь угломъ въ землю, *Понтъ Евксинскій.*

Вмѣстѣ съ тѣмъ Цихидзири и пограничный рубежъ: за нимъ, къ Ріону, начинается давно уже русская Гурія, до него, со

стороны Батума, турецкая Аджарія, только-что присоединенная къ намъ по Берлинскому миру.

V.

Черезъ Сурамскій туннель.

Сами Кабулеты—мало интересны. Они лежатъ на низкомъ поморьѣ, куда обыкновенно пріѣзжаютъ для морскихъ купаній. Во время войны тутъ стоялъ отрядъ генерала Оклобжіо.

Мѣстность за Цихидзири и Кабулетами рѣзко измѣняется и теряетъ свой декоративный характеръ. Море уходитъ налѣво; горы уходятъ направо, и васъ окружаетъ однообразная широкая равнина, заросшая чуть не дѣвственными лѣсами, покрытая плантаціями кукурузы. Собственно говоря, это не равнина, а сплошное болото, но болото при здѣшней тропической жарѣ кипящее плодородіемъ, вездѣ, гдѣ его сколько-нибудь приспособятъ къ посѣвамъ. Колоссальные, прямые, какъ мачты, стволы деревьевъ, дубы, грабы, карагачи, чинары, до макушки увитые цвѣтущими ліанами, поднимаются прямо изъ трясинъ, залитыхъ водою, и большею частью гніютъ тутъ же на корню. Лихорадки здѣсь вѣкуютъ, какъ въ своемъ родимомъ гнѣздѣ. На расчищенныхъ, нѣсколько болѣе сухихъ полянахъ—почти сплошная кукуруза. Эти кукурузныя поля имѣютъ оригинальный видъ: они всѣ усѣяны своего рода избушками на курьихъ ножкахъ, камышевыми и плетневыми кукурузницами, высоко поднятыми на столбахъ, какъ двѣ капли воды похожія на тѣ хижины островитянскихъ дикарей, которыя изображаются у Дюмонъ Дюрвиля, Жака Араго и другихъ старыхъ путешественниковъ по океанамъ.

Сѣно тутъ тоже намотано, какъ клубки шерсти на веретена, на высокіе шесты, или уложено стожками между вѣтвей деревьевъ. Съ непривычки кажется издали, будто какіе-то гигантскіе грибы вытянулись высоко въ воздухъ изъ этой сказочно-

плодородной почвы. Все тутъ нужно спасать отъ прикосновенія губительной болотной влаги.

Въ лѣсахъ то и дѣло видишь цѣлыя версты черныхъ обгорѣлыхъ скелетовъ растительныхъ великановъ; только огнемъ можно еще сколько-нибудь подготовить для посѣва эту пресыщенную влагою почву, смѣшавъ ее съ сухою золою лѣсного пожарища.

Народъ здѣсь—красавецъ на красавцѣ, статный, рослый, съ смѣлымъ взглядомъ глазъ, съ тонкими чертами сухого лица, напоминающими породистаго арабскаго коня. Аджарцы и гурійцы мало разнятся другъ отъ друга и лицомъ, и нарядомъ и языкомъ. Все это тѣ же лазы, одно изъ древнѣйшихъ племенъ Кавказа, имя которыхъ сохранилось въ этихъ мѣстахъ, въ классической Лазикѣ римлянъ и грековъ, отъ похода аргонавтовъ до нашихъ дней. Діодоръ Сицилійскій выводитъ ихъ отъ воиновъ Сеостриса, египетскаго фараона, покорившаго Азію, будто бы оставшихся на жительство въ роскошныхъ долинахъ теперешняго Ріона и Чороха. Турецкіе лазы отдѣлились отъ нашихъ гурійцевъ только своею мусульманскою религіей и то не особенно давно. У нихъ до сихъ поръ встрѣчаются тѣ же самыя фамиліи и роды, какъ и у гурійскихъ христіанъ.

Нѣтъ храбрѣе войска, какъ наши удалыя гурійскія дружины. Нѣтъ и болѣе страстныхъ ненавистниковъ турка, какъ они. Ненависть эта, выкованная многовѣковою исторіею кровавой борьбы и жестокихъ насилій, вросла въ кровь и плоть гурійца, этого далекаго порубежника христіанства, на долю котораго выпалъ тяжкій жребій первыхъ схватокъ на жизнь и смерть съ торжествующимъ исламомъ Азіи, «грудь съ грудью и рука съ рукой». Отчаянные гуріискіе легіоны въ своихъ черныхъ башлыкахъ, граціозно увязанныхъ вокругъ красивой головы, въ своихъ изящныхъ черныхъ курточкахъ и черныхъ узкихъ панталонахъ по колѣна, съ цѣлымъ арсеналомъ оружія за широкими кушаками, во всѣхъ русскихъ войнахъ съ турками всегда бросается впередъ, разыскивая своего историческаго

врага, какъ кровныя охотничьи собаки привычную дичь. Они верхами взлетали на турецкія батареи, и два баталіона ихъ отбили отъ Озургетъ цѣлый значительный турецкій отрядъ. Судя по типу гурійцевъ, особенно же по ихъ красавцамъ дѣтямъ, несомнѣнно, что въ ихъ крови много древняго грека и итальянца. Во всякомъ случаѣ это чистѣйшій и благороднѣйшій типъ кавказской расы, сильнѣйшимъ образомъ подрывающій вѣру въ сомнительный разсказъ Діодора о египетскомъ происхожденіи лазовъ.

По дорогамъ не только видны всадники и пѣшеходы, но и арбы. Здѣшнія двухколесныя арбы, должно быть, ведутъ свое происхожденіе даже не изъ Египта, а прямо отъ праотца Ноя, благо Араратъ не Богъ знаетъ какъ далеко. Колеса ихъ—это тяжелые сплошные круги изъ толстѣйшихъ буковыхъ досокъ, безъ спицъ и ободьевъ: конечно, и горныя дороги здѣсь тоже вполнѣ напоминаютъ времена Ноя, и на нихъ дѣйствительно не поѣдешь на англійскихъ, хотя бы и патентованныхъ, рессорахъ; но все-таки эта тяжесть огромныхъ и неуклюжихъ деревянныхъ жернововъ, скрыпящихъ на немазанной оси, не подъ силу даже и выносливымъ буйволамъ, обычнымъ перевозочнымъ скотамъ этого края.

Вотъ мы проѣхали рѣку Чолокъ, недавно бывшую нашей границей. Мѣстные люди увѣряютъ, будто дипломаты наши, послѣ турецкой войны 1828—29 гг., перепутали, вѣроятно, за отдаленностью, рѣку Чорохъ съ рѣкою Чолокомъ и въ результатѣ будто бы мы не получили тогда того уголка Азіи, который намъ былъ уступленъ. Продаю, впрочемъ, за что купилъ, не особенно довѣряя такому курьезу.

На станціяхъ большое стеченіе народа, настоящій базаръ. Хорошенькія гурійки въ разноцвѣтныхъ шелковыхъ сѣткахъ на головахъ, щеголевато одѣтыя, продаютъ шелковыя матеріи, платки и шарфики своей работы. Хотя особеннаго достоинства эти легкія ткани и не имѣютъ, но за то они удивительно де-

шевы: мѣстную чусанчу или, вѣрнѣе, шелковое полотно можно купить здѣсь копѣекъ по 70, по 80 за аршинъ.

Красавцы-гурійцы съ воинственной осанкой толпятся здѣсь во множествѣ, въ черныхъ буркахъ, въ черныхъ кокетливо завязанныхъ башлыкахъ; мальчишки ихъ, глазастые, румяные брюнеты, смотрятъ совсѣмъ итальянскими лаццарони. Меня и здѣсь, какъ въ Палестинѣ, какъ въ Египтѣ, какъ на островахъ Греческаго Архипелага, удивляетъ эта потребность южнаго человѣка, жителя горячихъ странъ, кутаться даже лѣтомъ въ теплое и черное, въ то время какъ мы, сѣверяне, въ своемъ сыромъ и холодномъ климатѣ, щеголяемъ съ мая до сентября въ бѣлой парусинѣ.

Должно быть однако они, живущіе съ природою глазъ на глазъ, не разставаясь съ нею ни днемъ, ни ночью, знаютъ ее лучше, чѣмъ мы, и поступаютъ умнѣе насъ. Русскій мужикъ тоже вѣдь не очень-то разстается, даже и весною, съ овчиннымъ тулупомъ и даже пословицу сложилъ: «До Святаго Духа не снимай кожуха!»

По обязанности туристовъ, мы накупили у женщинъ коекакихъ шелковыхъ мелочей, захватили у черномазаго мальчугана, осчастливленнаго полученіемъ пятиалтыннаго, кружокъ мѣстнаго мягкаго сыру и съ этой добычею поспѣшили возвратиться въ вагонъ. Проѣхали Нотанеби, проѣхали Супсу. За Супсой равнина Гуріи дѣлается еще привольнѣе: горы видны направо и налѣво, вездѣ журчатъ ручьи, борозды полей залиты водою, поля раздѣлены плетнями на участки, кукуруза и кукурузницы на курьихъ ножкахъ вездѣ, куда не оглянешься. А селеній между тѣмъ почти не видно. Тѣ хижины безъ оконъ, чтó ютятся въ тѣни маленькихъ садиковъ,—скорѣе лѣтніе хутора и хозяйственные склады, чѣмъ постоянныя жилища гурійца. Селенья его, должно быть, въ предгорьяхъ, подальше отъ этой болотистой низины. Въ многочисленныхъ канавахъ, откуда до одури кричатъ лягушки, то и дѣло видишь валяющихся свиней и буйволовъ.

Тутъ свиньи маленькія, бурокоричневыя, на высокихъ ногахъ и покрытыя высокою рѣдкою щетиною, какъ настоящіе дикіе кабаны. Буйволы тоже лохматые, въ длинныхъ волосахъ. Природа здѣсь слишкомъ могуча, а человѣкъ самъ еще слишкомъ близокъ къ ней, чтобы его домашній скотъ могъ уклоняться отъ естественныхъ вліяній такъ рѣзко, какъ это достигается фермерами какой-нибудь Англіи или Голландіи.

У Супсы желѣзная дорога развѣтвляется: одна вѣтвь идетъ налѣво, къ Поти, другая направо къ Самтреди.

Мы уже приближаемся къ Ріону и то и дѣло касаемся его береговъ. Намъ уже видна на той сторонѣ Имеретія съ мерцающими за нею снѣгами Большого Кавказа. Поля перемѣняютъ свой характеръ. Почва тутъ вся изъ мелкихъ голышей, смѣшанныхъ съ иломъ, особенно подходящая для винограда.

Отъ станціи Негоити и Саджевахо вездѣ тутъ рѣдко раскинуты по полямъ старыя рогатыя деревья, кругомъ которыхъ обвиваются могучіе многолѣтніе канаты виноградной лозы, толщиною въ добрую руку. Въ прежнее время всѣ поля были въ такихъ деревьяхъ, и всякое дерево въ обильно осыпанныхъ гроздами лозахъ винограда. Но сбытъ кукурузы оказался проще и выгоднѣе виноградарства, и народъ бросился на новую наживу, сталъ подсѣкать подъ корень старыя свои деревья, а вмѣстѣ съ ними и старыя лозы, дававшія виноградъ, какъ увѣряютъ здѣшніе люди, несравненно болѣе душистый и сочный, чѣмъ болѣе цивилизованный способъ культуры кустами.

Въ Саджевахо—лучшее мѣстное вино; оттого вся станція полна бурдюками, готовыми къ нагрузкѣ.

Вотъ наконецъ и Самтреди. Тутъ порядочный буфетъ, и мы съ аппетитомъ накинулись на горячую свѣжую кефаль, только-что подвезенную отъ Поти изъ озера Палеостома, гдѣ водится крупная разновидность этой вкусной рыбы, далеко впрочемъ уступающая нѣжностью знакомой мнѣ кефали крымскихъ береговъ.

Въ Самтреди тоже торговля, тоже шелковыя матеріи, сѣтки,

платки, яркіе шарфы въ великомъ изобиліи на рукахъ мѣстныхъ представительницъ прекраснаго пола, толпящихся у вокзала и назойливо сующихъ вамъ свой товаръ.

За Самтреди уже начинается Имеретія. Горы отступаютъ еще дальше въ знойную синеву, откуда вырѣзаются на сине-зеленомъ фонѣ предгорій бѣленькіе домики многочисленныхъ имеретинскихъ деревень.

Мы переѣхали по низенькому мосту быстрый и мутный Ріонъ, текущій здѣсь совсѣмъ въ плоскихъ берегахъ. Имеретія уже замѣтно культурнѣе полудикой Гуріи. Правильные виноградники, хорошіе фруктовые сады, полевые участки, обсаженные рядами тутовыхъ деревьевъ, большіе и красивые сельскіе дома. Оттого и цѣна земли здѣсь гораздо выше, чѣмъ въ Гуріи. Десятина земли съ какимъ-нибудь маленькимъ садикомъ стоитъ 500, 600, 1000 рублей. Земля здѣсь воздѣлывается гораздо тщательнѣе, хотя и тутъ, какъ въ Гуріи, гуляетъ по полямъ соха первобытной наивности, которою, навѣрно, еще Церера пахала Грецію. Соха эта—простой деревянный крюкъ, выпиленный изъ доски, съ надѣтымъ вмѣсто сошника деревяннымъ клиномъ. У рѣдкаго хозяина кончикъ этого клина немножко окованъ желѣзомъ. И однако благодарная мягкая почва Колхидскаго бассейна довольствуется и этимъ проскребываньемъ ея деревяннымъ зубомъ и даетъ огромные урожаи.

Передъ станціей Ріономъ мы довольно хорошо могли разсмотрѣть вдали Кутаисъ и даже горную дорогу изъ него въ Гелатскій монастырь, мнѣ хорошо знакомую. Ріонъ пришлось переѣзжать второй разъ. На станціи мы встрѣтили цѣлый казачій полкъ, отправлявшійся изъ Кутаиса на лѣтнюю лагерную стоянку въ прохладныя предгорья. Хотя казаки были въ буркахъ и черкескахъ, какъ и туземцы, но послѣ тонко выточенныхъ, изящныхъ лицъ гурійцевъ—ихъ носы картошками, ихъ узенькіе глаза съ выпуклыми скулами и широкія, какъ рѣшето, грубыя лица показались мнѣ чисто калмыцкими.

И имеретины уже далеко не такого благороднаго типа, какъ

гурійцы. Всѣ они какіе-то носатые и черные. Черныя бороды, черные глаза, черныя лица, и одѣты всѣ въ черномъ, въ черныхъ буркахъ, въ черныхъ курткахъ, въ черныхъ башлыкахъ. Въ типѣ имеретина есть что-то еврейское, жесткое и недоброе. По характеру своему они также, какъ и мингрельцы, далеко не то, что наивные и честные храбрецы гурійцы. Ріонъ мы покинули скоро и уже переѣхали быструю Квириллу, его главный притокъ, который многіе не безъ основанія считаютъ за настоящее русло Ріона. Во всякомъ случаѣ въ древности Квирилла принималась, повидимому, за верхнее теченіе Фазиса и служила важнымъ звеномъ большого воднаго пути азіатской торговли. Изъ нея-то и былъ волокъ въ «рѣку Кира», теперешнюю Куру, защищавшійся крѣпостью Сарапанисомъ, какъ передаетъ это Страбонъ.

Аджаметъ,—богатѣйшее имѣніе князя Святополкъ-Мирскаго, занимавшаго недавно очень высокій постъ въ центральномъ управленіи Кавказа. Онъ сейчасъ же за Квириллою. Къ нему проведена особая желѣзнодорожная вѣтвь для вывоза лѣса, которымъ почти исключительно снабжается Поти-Тифлисская дорога и Кутаисъ. Теперь это доходное лѣсное имѣніе принадлежитъ извѣстному армянину-богачу—Ананову, заплатившему за него, говорятъ, 500.000 рублей. Вообще эта счастливая равнина Ріона и нижней Квириллы—само плодородіе. Почва тутъ жирный глинистый лёсъ неистощимой силы. Безъ сомнѣнія, обиліе въ ней плодоноснаго ила, какъ и въ Нильской долинѣ, зависитъ отъ разливовъ рѣкъ, если не теперешнихъ, то старыхъ временъ, болѣе богатыхъ водами.

Въ апрѣлѣ яровая пшеница уже ростомъ четверть аршина, и густа, какъ шуба. Круглый годъ тутъ подножный кормъ для скота. Имеретины сѣютъ много такъ называемой «ёнжи», особаго вида люцерны, которая даетъ нѣсколько укосовъ въ лѣто. Эта райская равнина къ тому же пользуется и очень здоровымъ климатомъ, въ отличіе отъ гурійскихъ лихорадочныхъ топей.

На станціи Свиро—лучшее вино всего Колхидскаго бассейна. Его частенько продаютъ здѣсь за кахетинское, которому оно мало уступаетъ. И на этой станціи, и на многихъ другихъ, особенно же много дальше на Бежатубани, имеретины продаютъ на вокзалахъ очень красивые мѣстные кувшинчики изъ разноцвѣтной глины, красной, сѣрой, бѣлой, съ пестрою росписью, чрезвычайно оригинальныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко восточныхъ формъ, съ ручками въ видѣ бараньихъ, турьихъ, бычачьихъ головъ, съ чернобородыми египетскими лицами, съ какими-то не то древне-египетскими, не то древне-ассирійскими узорами, безъ сомнѣнія, удержавшимися въ народномъ искусствѣ Богъ знаетъ отъ какихъ историческихъ эпохъ. За Свиро и сама Квирилла. Это уже настоящій городокъ, довольно большой и живописный. Старинные имеретинскіе дома въ два яруса, съ галлереями, колоннами, съ множествомъ лавченокъ въ нижнемъ ярусѣ,—очень характерныхъ, указываютъ на зажиточность народа. Красивыя темныя горы надвинулись кругомъ, и въ этой, немного суровой рамѣ долина, сверкавшая яркою зеленью, глядѣла очаровательно. Мостъ изъ чугунныхъ рельсовъ перекинутъ здѣсь черезъ Квириллу. И около него, и около вокзала, и на улицахъ только и видишь, что цѣлые караваны маленькихъ ушастыхъ осликовъ, совсѣмъ, кажется, раздавленныхъ нацѣпленными на нихъ громоздкими корзинами какой-то черной руды, въ родѣ антрацита.

Братъ меня знакомитъ въ эту минуту съ однимъ туземнымъ помѣщикомъ, Гогоберидзе, своимъ старымъ знакомымъ.

— Что это такое, скажите пожалуйста, развѣ здѣсь добываютъ каменный уголь? спрашиваю его я.

— Да вѣдь это не каменный уголь, улыбаясь, отвѣчаетъ мнѣ Гогоберидзе. Это марганецъ. Здѣсь вѣдь главный складъ его. Наваливаютъ и везутъ въ Поти, въ Батумъ.

— А добываютъ его далеко?

— Нѣтъ, не очень. У меня именно въ имѣніи и добывается, и у сосѣдей моихъ Церетели и другихъ. Чіатуры называется

наша мѣстность, вѣроятно, читали въ газетахъ. Отсюда верстъ 40, Шарапанскаго уѣзда, отъ уѣзднаго нашего города еще ближе, 36 верстъ всего.

— Все-таки не легко, я думаю, доставлять горсточками, въ такихъ корзиночкахъ; горы, вѣроятно, дороги скверныя?

— Да ужь это, конечно; неудобство большое. Вотъ на будущій годъ желѣзную дорогу обѣщаютъ; говорятъ, ужъ разрѣшена, тогда пріѣзжайте къ намъ, въ Чіатуры, все увидите, все производство.

— Шахты, конечно?

— Нѣтъ, безъ шахтъ, представьте себѣ. Просто штольни, въ горѣ прокладываемъ. Это огромное удобство, и недорого.

— А пластъ-то богатый?

— Пластъ аршина 2 толщины, но только не сплошной съ перепластами; глубже одной сажени мы штоленъ не роемъ. Только качества прекраснаго наша руда; процентъ металла огромный; говорятъ, въ Европѣ такого нѣтъ: чистѣйшая перекись.

— Покупаетъ-то у васъ кто?

— О, насчетъ этого мы не безпокимся. Все англичане подбираютъ, сколько ни накопай, больше Патерсонъ. Агенты его такъ и живутъ въ Поти. На мѣстѣ мы продаемъ 30, 32 коп. пудъ, а въ Поти имъ доставить 37, 38.

— Куда же имъ столько нужно перекиси этой?

— Помилуйте, а для стали бессемеровской, для добыванія хлора, кислорода, мало ли для чего... наконецъ, для очищенія воздуха онъ постоянно требуется... Да вы развѣ не видали никогда? хотите я вамъ сейчасъ принесу!..

Онъ очень любезно побѣжалъ въ какой-то складъ около вокзала и черезъ нѣсколько минутъ возвратился съ прикащикомъ, притащившимъ мнѣ изрядный запасъ черныхъ камней.

— Только рукой не трогайте; испачкаетесь, не отмоете скоро... очень кстати предупредилъ онъ меня. Я понялъ послѣ этого, почему вся рабочая толпа на Квирилльскомъ вокзалѣ стояла, словно нарочно измазанная углемъ.

— Скажите, пожалуйста, вотъ вы говорите, англичане у васъ покупаютъ; а я читалъ въ газетахъ, будто Ротшильдъ самыя копи марганцовыя всѣ здѣсь поскупилъ. Неужто это правда?

— Вздоръ совершеннѣйшій! Мы его и не видали тутъ никто, и ничего подобнаго никогда и не бывало...

Въ эту минуту раздался послѣдній звонокъ, и мой новый знакомый торопливо выскочилъ изъ вагона.

— До свиданья! смотрите же, пріѣзжайте на будущій годъ къ намъ въ Чіатуры!—кричалъ онъ на прощанье. Опишите все, я вамъ все покажу. Тамъ вамъ понравится: ущелье дикое, горы, пропасти!

Хлѣба нѣтъ и тутъ. Поневолѣ приходится камнями жить!..

Въ настоящее время ожиданья моего собесѣдника уже сбылись, и Высочайшее разрѣшеніе на постройку Чіатурской желѣзной дороги уже послѣдовало. Этому дѣйствительно нужно радоваться, потому что уже и теперь количество добываемой марганцовой руды, не достигавшее лѣтъ 12 тому назадъ 55.000 пудовъ, уже приближается къ 8 милліонамъ пудовъ, а есть основаніе предполагать, что все пространство, которое прорѣжетъ новая желѣзная дорога, можетъ оказаться сплошнымъ марганцовымъ рудникомъ. Притомъ и руда наша гораздо богаче всѣхъ иностранныхъ содержаніемъ металла, въ ней чуть не 60% чистаго марганца.

Виноградники покрываютъ горные скаты долины, но внизу— опять тоже сплошная кукуруза, которая, кажется, замѣнила здѣсь собою всѣ хлѣба и сады.

Въ четырехъ верстахъ отъ Квирилльскаго вокзала — развалины знаменитаго Страбонова Сарапаниса. Обрывистый утесъ изъ темно-сѣраго, почти чернаго трахита, капризно изглоданный стихіями, мрачнымъ пустынникомъ поднимается прямо изъ бѣшенныхъ волнъ Квириллы, съ ревомъ и пѣною огибающей его въ этой тѣснинѣ. Четырехъугольная башня несокрушимой римской кладки, съ разбитою верхушкою, такая же черная и мрачная,

какъ самъ утесъ, вся обросшая бурьянами, будто трупъ волосами, — вѣнчаетъ эту дикую скалу, неразличимо сливаясь съ нею въ одну неприступную твердыню.

Цѣлый замокъ съ стѣнами, бойницами, наполовину разбитыми башнями тамъ наверху; каменная стѣна опоясываетъ и самое основаніе утеса, что злобно лижутъ волны Квириллы. Видно, что тутъ былъ когда-то очень важный накрѣпко укрѣпленный боевой пунктъ. Хотя русло для желѣзной дороги пробито въ толщахъ трахитовъ, гораздо ниже древняго замка, но старая вьючная дорога, повидимому, перевалила черезъ скалу подъ самыми стѣнами Сарапаниса, и, вѣроятно, сквозь его ворота, которыми владѣлецъ крѣпости могъ всегда преградить путь тому, кому было нужно. Безъ сомнѣнія, въ этомъ замкѣ, державшемъ въ своихъ рукахъ ключъ отъ обѣихъ сосѣднихъ странъ, —и отъ Колхиды съ долинами Ріона и Квириллы, и отъ степныхъ равнинъ Куры, — взимались пошлины съ товаровъ, провозимыхъ водою изъ Азіи и въ Азію, поэтому это была своего рода крѣпость-застава, крѣпость-таможня, очень выгодно угнѣздившаяся на перевалѣ горнаго волока. До сихъ поръ старая проторенная дорога сбѣгаетъ съ высотъ скалы, рядомъ съ желѣзной дорогой, направляясь также къ долинѣ Куры.

Теперь мы уже совсѣмъ попали въ царство горъ. Мы двигаемся узкимъ и глубокимъ ущельемъ Квириллы все вверхъ и вверхъ. Десятки разъ желѣзная дорога переѣзжаетъ поперекъ эту бурную рѣчку, капризно кидающуюся изъ стороны въ сторону. Тѣсный корридоръ, пробитый дерзостью человѣка, съ трудомъ отвоевываетъ для своей пары рельсовъ узкую пядь земли отъ этого неистоваго звѣря, вѣковѣчнаго хозяина недоступной горной тѣснины, и даетъ намъ заглянуть въ ея долго сокрытыя тайны.

Точно два одинаково могучія, но не похожія одно на другое чудовища борются здѣсь, въ глуши этихъ нагроможденныхъ другъ на друга каменныхъ громадъ. Черная гигантская тысяче-

ножка, вся изъ желѣзныхъ суставовъ, дыша огнемъ и дымомъ, ворвалась въ эти, отъ начала міра непочатыя нѣдра скалъ, и несется въ глубинѣ ихъ съ одуряющею быстротою, смѣло, увѣренно, прямо, не сворачивая ни передъ чѣмъ, не сгибая своего длиннаго тѣла въ желѣзной чешуѣ.

И рядомъ съ нею, ею подавленная, но не поддающаяся ей, извивается кольцами, какъ рассвирѣпѣвшая змѣя въ напрасныхъ бѣшеныхъ потугахъ, дикая рѣка; она реветъ и стонетъ, словно отъ боли, вырываясь изъ-подъ давящихъ ее частыхъ мостовъ, и ударяется, обезумѣвъ, со всего разбѣга въ непоколебимую грудь скалъ, пѣнясь отъ злобы, грызя камни, потрясая пустынное ущелье своимъ бѣшеннымъ гуломъ и плескомъ.

Вокругъ насъ настоящіе альпійскіе виды.

Тѣснина наша, иногда похожая болѣе на каменоломню, чѣмъ на долину, сверкаетъ изломами своихъ трахитовъ, сланцевъ, алебастровъ, свѣжими, какъ колотый сахаръ, и, облитая прямо съ головы южнымъ солнцемъ, кишитъ цвѣтущими травами и кустами, бархатомъ барвинокъ, золотомъ цитизуса, пестрыми индѣйскимп шалями орхидей. А надъ нами, на подоблачной высотѣ, зеленыя пастбища на гигантскихъ косогорахъ, домовитые хуторки имеретинъ, курчавые виноградники, мирно пашущіе плуги: совсѣмъ Швейцарія.

Вотъ поѣздъ нашъ прогремѣлъ въ темной дырѣ туннеля, и мы вынеслись въ захватывающую духъ красоту. Титаническія стѣны всѣхъ цвѣтовъ мрамора, бѣлосѣрыя, бѣложелтыя, малиновыя, какъ кровь, встаютъ отвѣсно со дна глубокаго ущелья, уходя головами въ недостижимую высь, тѣсня ущелье своими подоблачными башнями; они угрожающе нависли надъ жалкою тропою, по которой мы несемся, висящими и торчащими съ ихъ карнизовъ камнями, словно крѣпость, наготовившая ядра на случай приступа. Плющъ устилаетъ нѣкоторыя изъ этихъ стѣнъ отъ пяты до макушки, будто настоящія развалины крѣпости исполиновъ, сплошными простынями своихъ блестящихъ, словно

полированныхъ листьевъ, расписываетъ ихъ затѣйливыми арабесками своихъ капризныхъ побѣговъ.

Цѣлыя деревья лѣпятся на другихъ стѣнахъ, вися надъ пропастью, будто приклеенныя, вцѣпившись своими терпкими корнями въ малѣйшій закраекъ гладкой отвѣсной скалы.

Но вдругъ я вздрогнулъ и отшатнулся невольно назадъ. Надъ нами на огромной высотѣ, тоже на чуть замѣтныхъ карнизикахъ утесистой стѣны—стояли въ живописныхъ позахъ, спокойно опершись на свои кирки и глядя внизъ на нашъ поѣздъ, нѣсколькими ярусами другъ надъ другомъ, ряды рабочихъ имеретинъ. Они проводили новую дорогу на Бежатубань, значительно выше, но и короче теперешней.

А въ поворотахъ ущелья, при впаденіи въ нихъ другихъ, еще болѣе тѣсныхъ и дикихъ трещинъ, откуда прыгаютъ, какъ шаловливые горные духи, на встрѣчу Квириллѣ, трубя въ свои трубы, неистовые альпійскіе потоки, безмолвно вырѣзаются въ горячей синевѣ неба, на высокихъ конусахъ скалъ, на холмахъ и утесахъ, торчащихъ изъ пучины водъ, развалины невѣдомыхъ древнихъ замковъ, когда-то зорко сторожившихъ эти ущелья и сурово царившихъ надъ ними.

Много такихъ романтическихъ башенъ задумчиво глядятъ на насъ съ своихъ недоступныхъ вершинъ, гдѣ они сидятъ теперь какъ подстрѣленные орлы,—обезсилившіе хищники, недавно еще смѣло хозяйничавшіе здѣсь,—поневолѣ пропуская безданно-безпошлинно черезъ свои разбойничьи владѣнія дерзко ворвавшійся къ нимъ поѣздъ новой цивилизаціи.

Кое-гдѣ однако виднѣются изрѣдка наверху и хорошенькіе помѣщичьи домики, и зажиточныя крестьянскія избы. Вонъ даже на одномъ обрывистомъ и высокомъ мысѣ забѣлѣлся старинный христіанскій храмъ... Колокольня его живописно обвита, будто стволъ вѣкового дуба, густыми темнозелеными плетями плюща...

Внизу хотя дикая пустыня, зато вверху, на облегающихъ насъ кругомъ прохладныхъ альпійскихъ поляхъ, все людно, полно жизни и дѣятельнаго хозяйства.

Это ущелье Квириллы единственное по красотѣ; въ Европѣ оно несомнѣнно пользовалось бы громкою извѣстностью, на ряду съ пресловутыми Швейцарскими и Тирольскими горными долинами.

При неожиданномъ поворотѣ подоблачной стѣны, передъ нами вдругъ эффектно вырѣзался на глубоко-синемъ фонѣ далекихъ горъ большой домъ, ярко облитый солнцемъ.

Мы подъѣзжали къ станціи Бѣлогорье.

Станція Бѣлогорье страннымъ образомъ лежитъ въ широкой альпійской долинѣ съ ярко-малиновою почвою горъ. За нею ущелье Квириллы уже теряетъ много своей дикой романтической живописности.

Рѣка все болѣе и болѣе тощаетъ и смирнѣетъ по мѣрѣ подъема вверхъ, обращаясь наконецъ въ небольшой пѣнящійся потокъ, который то исчезаетъ надолго изъ нашихъ глазъ, то опять вдругъ появляется у дороги или подъ дорогой... Но въ одномъ мѣстѣ однако и эта часть ущелья поразительно живописна.

На утесистыхъ пирамидахъ, обглоданныхъ временемъ и омываемыхъ пѣнистыми волнами Квириллы, высятся хорошо уцѣлѣвшія развалины какой-то большой старинной крѣпости. Эти голыя желтоватыя скалы съ такими же голыми желтоватыми развалинами удивительно эффектно оттѣняются темною лѣсистою горою, надвигающеюся на нихъ съ противоположной стороны ущелья за рѣкою Квириллы. Издали все это кажется какою-то необыкновенно удачною декораціею романтической оперы и такъ и просится подъ кисть художника. Фотографія не можетъ дать даже близкаго понятія обо всѣхъ этихъ неописуемыхъ словомъ живыхъ красотахъ Сурамскихъ горъ, гдѣ чудныя перспективы, неуловимыя стекломъ фотографа, очаровываютъ глазъ столько же, сколько и чудные переливы свѣта и красокъ, еще менѣе уловимые самою хитрою машиною.

Въ воздухѣ замѣтно свѣжѣетъ по мѣрѣ подъема. Мы, должно быть, забрались уже очень высоко. Какой часъ ѣдемъ и все

карабкаемся вверхъ. А съ нами вмѣстѣ, черезъ всѣ изгибы дикихъ ущелій по которымъ мы несемся, ползетъ вверхъ рядомъ съ нашими рельсами безконечная черная кишка чугуннаго нефтепровода, которымъ керосинъ перекачивается изъ Михайловской станціи въ батумскія цистерны, чтобы избѣжать труднаго перевала керосиновыхъ вагоновъ черезъ Сурамскія горы. Слѣва отъ насъ, но выше насъ, то и дѣло выступаютъ обрывки новостроющейся дороги въ Бежатубань. Теперешній подъемъ въ знаменитый Сурамскій туннель оказался все-таки слишкомъ крутымъ, и вотъ рѣшили еще разъ, то-есть, выходитъ, уже въ 3-й разъ, считая первоначальный Сурамскій перевалъ,—провести здѣсь новую дорогу съ гораздо меньшимъ угломъ подъема. Колоссальныя арки высочайшаго моста въ Бежатубани и такія же колоссальныя стѣны, дающія опору скаламъ, по которымъ пробита дорога, пахнутъ чѣмъ-то древнеримскимъ, тѣми несокрушимыми арками акведуковъ и віадуковъ, которымъ изумляешься въ Италіи. Хорошо только, если они будутъ также несокрушимы въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ

Мы, профаны, конечно, мало понимаемъ въ инженерномъ дѣлѣ. Но тѣмъ не менѣе, глядя на эту геометрически точную кладку камней, на эти изящные желѣзные мосты, перекинутые черезъ пропасти,—думаешь, что такая работа не посрамила бы своею основательностью и красотою никакого цивилизованнаго народа. Меня больше всего заинтересовало укрѣпленіе откосовъ громадной высоты. Вѣроятно, въ предупрежденіе размывовъ и осыпей, обычныхъ въ этомъ царствѣ горныхъ потоковъ, тропическихъ ливней, тающихъ снѣговъ—откосы дороги завалены цѣлою каменоломнею битаго камня, и пласты искусно поддерживаются снизу и сбоку могучею каменною облицовкою.

Мы любовались образчиками новой дороги, вездѣ виднѣвшимися высоко надъ нашею дорогою, до самой станціи Ципы.

Она начинается за 5 верстъ до Бежатубани и кончается Ципою; постройка ея должна обойтись въ 2 милліона рублей. Осенью 1891 года упразднена Бежатубанская станція и въ

Млавахъ открылась новая. Теперь уже нѣтъ надобности тащить насъ наверхъ 2-мя паровозами двойной силы; системы Ферле. Отъ Ципы идетъ прежняя дорога на Сурамскій перевалъ, теперь уже брошенная, и старый путь сливается съ новымъ.

Впрочемъ, рельсы съ нея не сняты, и телеграфъ еще дѣйствуетъ; а съ другой стороны, отъ станціи Михайловской даже продолжаются правильныя сообщенія съ Сурамомъ; Сурамъ— довольно важный пунктъ этой горной мѣстности, и разорвать съ нимъ сношенія нельзя: тутъ и почта, и нотаріусъ, и мировой судья, тутъ войска въ старой грузинской крѣпости, санитарная станція для больныхъ военныхъ. Желѣзная дорога устраиваетъ въ этомъ заоблачномъ городкѣ и свою санитарную станцію для тѣхъ многочисленныхъ желѣзнодорожныхъ служащихъ, которые страдаютъ изнурительною болотною лихорадкою, захватывая ее главнымъ образомъ въ влажныхъ низинахъ Батумскаго участка.

Я, не вѣря глазамъ своимъ, слѣжу за дерзкими зигзагами старой Сурамской дороги, поднимающейся къ облакамъ своими телеграфными столбами по кручѣ, по которой и верхомъ нужно ѣхать подумавъ, а между тѣмъ и я катился когда-то въ вагонѣ вверхъ и внизъ по этой англійской горкѣ, подобной которой по крутизнѣ не существуетъ ни одного желѣзнодорожнаго подъема въ цѣломъ мірѣ. А между тѣмъ нашъ поѣздъ, сдерживая легонько ходъ, тихо въѣзжаетъ въ старинное грузинское селеніе «Старую Ципу», мимо замшившейся старинной церкви первобытнаго грузинскаго типа, въ видѣ дома съ узкими бойницами вмѣсто оконъ и съ крошечной башенкой на краю высокой крыши... Незамѣтно изъ улицы села мы выѣзжаемъ и подъ темные своды Сурамскаго туннеля. Онъ всего только полгода тому назадъ былъ торжественно открытъ для движенія. Туннелемъ поѣздъ идетъ двѣнадцать минутъ въ абсолютномъ могильномъ мракѣ. Удушливый запахъ нефтяныхъ остатковъ, которыми здѣсь топятъ паровозы, скопляется въ облакахъ дыма и

стоитъ неподвижно въ этомъ плутоновомъ царствѣ, своимъ дыханіемъ жупела еще полнѣе напоминая намъ тьму ада кромѣшнаго. Протяженіе туннеля безъ малаго четыре версты, и постройка его стоила четыре милліона, болѣе чѣмъ по милліону верста. Строился онъ подъ главнымъ руководствомъ инженера Рыдзевскаго извѣстнымъ мастеромъ этихъ дѣлъ, швейцарцемъ Брандау, пробившимъ и туннель С.-Готарда.

Двѣ партіи рабочихъ, двигавшіяся на встрѣчу другъ другу сквозь толщи первозданныхъ горъ, говорятъ, почти безошибочно сошлись лицомъ къ лицу; одна партія пришла выше другой всего 1 футомъ.

Во всякомъ случаѣ эта просверленная человѣкомъ сквозь гранитныя толщи четырехъ-верстная дыра—чудо и гордость современнаго инженераго искусства.

Выѣздъ изъ Сурамскаго туннеля, въ противоположность съ столькими другими видѣнными нами туннелями,—не представляетъ ничего эффектнаго. Напротивъ того, пейзажъ дѣлается скуднымъ и прозаическимъ сравнительно съ тѣмъ, который мы только-что покинули, словно мы въѣхали совсѣмъ въ другое царство.

Вмѣсто ущелья—широкая равнина, только вдали окаймленная справа и слѣва горами. Подъ гребнемъ правыхъ, болѣе къ намъ близкихъ, горъ сверкаетъ широкою лентою величественная Кура, только-что вырвавшаяся здѣсь изъ суроваго Боржомскаго ущелья...

Мы теперь въ бассейнѣ Каспія, въ царствѣ дряхлой Азіи.

Сейчасъ при выходѣ изъ туннеля виднѣется слѣва небольшой новенькій поселокъ, выросшій какъ грибъ на мѣстѣ недавнихъ работъ. Это домики рабочихъ и служащихъ. Домикъ главнаго инженера смотритъ уже довольно миленькой дачкой. За этимъ временнымъ и случайнымъ поселкомъ сейчасъ же село Варварино. Изъ него собираются строить узкоколейную дорогу въ богатое лѣсами Боржомское ущелье до роскошнаго имѣнія великаго князя Михаила Николаевича, бывшаго намѣстника

Кавказа. Говорятъ, уже всѣ условія заключены, и въ этомъ году приступятъ къ работамъ.

Долина или, вѣрнѣе, равнина Куры густо населена и хорошо обработана. Въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ полотна желѣзной дороги, не доѣзжая станціи Михайловки, на продолговатомъ словно насыпномъ холмѣ виднѣется въ тѣни такихъ же многовѣковыхъ старцевъ-деревьевъ очень древняя, очевидно давно запустѣвшая грузинская церковь, вся поросшая сверху кустами и бурьянами того первобытнаго типа, напоминающаго форму ковчега Ноева, по которому неизмѣнно строились всѣ древніе грузинскіе храмы Кавказа и еврейскія синагоги. Я не имѣлъ времени справиться, какъ называется эта мѣстная святыня, и какое историческое воспоминаніе связано съ нею. Станція Михайловка—теперь большое мѣстечко и центръ торговли лѣсомъ, который въ огромномъ количествѣ вывозится изъ Боржомскаго ущелья и составляетъ между прочимъ главный доходъ великокняжескаго имѣнія. Кромѣ того въ Михайловкѣ главныя мастерскія Батумско-Бакинской, прежней Поти-Тифлисской, желѣзной дороги. Поэтому Михайловка нечувствительно перерождается въ маленькій и дѣятельный городокъ. Тутъ очень порядочный буфетъ въ залѣ, слишкомъ тѣсной для такой важной станціи, и мы съ излишествомъ воспользовались имъ послѣ утомленія жаркаго дня и трудныхъ подъемовъ. Всевозможная смѣсь племенъ и нарѣчій въ этой крохотной столовой.

Петербургская артистка въ новомодномъ дачномъ костюмѣ съ своимъ спутникомъ оперныъ теноромъ, ѣдущіе на гастроли въ Тифлисъ,—фигуры, прямо выхваченныя изъ какого-нибудь сада Аркадіи, и рядомъ съ ними полудикіе горскіе князья, только-что спустившіеся верхами съ своихъ лѣсныхъ ущелій,—загорѣлые до цвѣта бронзы, съ бѣлыми сверкающими зубами, по горло покрытые оружіемъ и серебромъ! Но здѣсь насъ встрѣтила сцена еще болѣе во вкусѣ мѣстныхъ нравовъ, вполнѣ уже кавказская. Сейчасъ, чуть не на нашихъ глазахъ, рослый молодой чеченецъ, управляющій одной здѣшней уже не особенно

молоденькой помѣщицы, вертѣвшейся тутъ же и съ особенною участливостью относившейся къ судьбѣ этого мощнаго дикаря,— изрубилъ въ какомъ-то неясномъ для публики спорѣ богатаго мѣстнаго помѣщика князя Абашидзе.

Судебный слѣдователь болѣе чѣмъ мирнаго вида снималъ въ эту минуту опросъ съ задержаннаго горскаго богатыря, предлагая ему своимъ цивилизованнымъ вѣжливымъ альтомъ обычные вопросы: «какъ васъ зовутъ? какого вѣроисповѣданія?» А посреди залы кучка такихъ же, какъ чеченецъ, огромныхъ и могучихъ фигуръ въ черкескахъ, съ свирѣпыми черными и сѣдыми усами, съ свирѣпымъ взглядомъ огненныхъ глазъ, такъ же, какъ онъ, сверкавшихъ—бѣлыми зубами, бѣлыми бѣлками, серебрянными патронами, серебряными поясами, серебряными ручками кинжаловъ, горячо и громко толковали другъ съ другомъ, взмахивая руками, сжимая кулаки, на гортанномъ, какъ клекотъ ворона, непонятномъ для насъ языкѣ... Очевидно, это были родственники или друзья заинтересованныхъ сторонъ, чѣмъ-то возмущенные въ этомъ дѣлѣ и, безъ сомнѣнія, кипѣвшіе внутри страстною потребностью вспомнить доброе старое время и разрѣшить спорный вопросъ тутъ же на мѣстѣ, безъ участія судебнаго слѣдователя изъ правовѣдовъ, тѣми простыми и вразумительными средствами, которыя у каждаго изъ нихъ были въ изобиліи натыканы за чеканенные пояса.

VI.

Въ Тифлисѣ.

Въ Тифлисъ мы въѣхали уже ночью. Окрестности были мало видны. Только средневѣковыя башни замка князя Мухранскаго вырѣзались грозною твердынею на высокихъ скалахъ надъ волнами Куры, у входа въ боковую долину, гдѣ расположена знаменитая родовая вотчина князя—Мухравань, обладающая, быть можетъ, самыми обширными винными подвалами во

всемъ Закавказьѣ. Мнѣ разсказывали, что въ этихъ драгоцѣнныхъ погребахъ, стоющихъ не менѣе полъ-милліона рублей, хранится запасъ вина болѣе чѣмъ въ 3,000 ведеръ, а между тѣмъ среди Мухранскихъ винъ, едва ли не лучшихъ изъ всѣхъ кавказскихъ,—есть сорта, продающіеся на мѣстѣ по нѣскольку рублей за бутылку. Ходитъ однако слухъ, не знаю насколько основательный, будто и такое крупное винодѣльное хозяйство не оправдываетъ себя, и будто Ротшильдъ, этотъ современный Крезъ, проглотившій здѣсь нашу нефтяную промышленность, уже настойчиво торгуетъ Мухравань, стремясь проглотить и наше винодѣліе. Я склоненъ думать однако, что у страха глаза велики, и что для кавказскаго винодѣлія эта миѳическая ненасытная пасть еврейскаго царька по ближайшей справкѣ окажется также мало опасною, какъ и марганцовой рудѣ Чіатуръ.

Мцхетъ мерцалъ передъ нами, сквозь туманъ ночи, смутными силуэтами своихъ характерныхъ древнихъ соборовъ и высоко поднятымъ на скалахъ того берега, за сліяніемъ Куры и Арагвы,— былымъ языческимъ капищемъ Степанъ Цминды.

Вотъ мы уже несемся черезъ предмѣстія Тифлиса, вотъ уже передъ нами огнями залитый вокзалъ.

Отдохнувъ отъ многодневнаго пути въ уютной обстановкѣ цивилизованнаго быта, мы всѣ отправились утромъ въ Кавказскій музей. Онъ всецѣло обязанъ своимъ превосходнымъ устройствомъ и замѣчательною полнотою содержанія извѣстному натуралисту и путешественнику по Азіи Радде, который по праву остается до сихъ поръ его директоромъ. Музей этотъ составилъ бы украшеніе любой европейской столицы. Онъ помѣщается въ особо выстроенномъ для него удобномъ и красивомъ домѣ, на видномъ и бойкомъ мѣстѣ. Маленькій дворикъ его украшенъ мраморнымъ бюстомъ покойнаго Берже, одного изъ неутомимыхъ изслѣдователей Кавказа и, кажется, перваго основателя этого музея. Среди цвѣтовъ и цвѣтущихъ деревьевъ этого дворика-сада разставлены разные громоздкіе памятники

древней исторіи Кавказа, каменные истуканы, плиты и т. п. Интересны среди нихъ грубо вытесанные изъ песчаника фигуры осѣдланныхъ лошадей съ стременами и уздами дѣтски неумѣлаго рисунка, которыя, вѣроятно, ставились надъ гробницами умершихъ славныхъ витязей. Есть также грубыя каменныя статуи барановъ, назначеніе которыхъ болѣе загадочно. Но въ этомъ садикѣ не одни нѣмые камни. Тутъ и живые обитатели Кавказа, такіе же туземцы его горъ и лѣсовъ, громадные орлы, кондоры, грифы, пугачи-филины, съ презрительнымъ безмолвіемъ плѣнныхъ царьковъ созерцающіе насъ своими безжалостно-хищными глазами съ жердей и сучьевъ своихъ просторныхъ клѣтокъ.

Самъ музей—это два яруса свѣтлыхъ обширныхъ залъ, декорированныхъ съ большимъ вкусомъ въ грузинскомъ стилѣ; потолки расписаны пестрыми узорами персидскихъ ковровъ, на полу, на стѣнахъ—настоящіе ковры, въ неимовѣрномъ обиліи, персидскіе, кавказскіе, текинскіе, бухарскіе. Парадная лѣстница на верхъ широкая, роскошная, вся въ превосходныхъ фрескахъ,—своего рода Trеppenhaus знаменитаго Берлинскаго новаго музея, конечно, въ миніатюрѣ. Фрески эти—кисти извѣстнаго мюнхенскаго художника, и сюжетъ ихъ выбранъ очень остроумно, вполнѣ подходящій къ Кавказскому музею: бой амазонокъ, легендарныхъ обитательницъ сѣверныхъ предгорій Кавказа, Прометей, прикованный къ скалѣ, Язонъ во главѣ аргонавтовъ, Медея и проч. Не помню, есть ли праотецъ Ной на Араратѣ съ своимъ ковчегомъ; кажется, нѣтъ, а его бы пропускать не слѣдовало. Фигуры фресокъ—все портреты съ натуры августѣйшей семьи великаго князя Михаила Николаевича, бывшаго намѣстника Кавказа, нѣкоторыхъ его главныхъ помощниковъ и приближенныхъ. Особеннымъ богатствомъ экземпляровъ и разумнымъ распредѣленіемъ поражаетъ естественно-историческій отдѣлъ музея. Это скорѣе прелестныя живыя картины, характерно иллюстрирующія мѣстную фауну, чѣмъ обычное въ нашихъ музеяхъ скучное скопленіе въ одну кучу чучелъ

животныхъ. Стѣны расписаны соотвѣтствующими каждой группѣ декораціями. На скалахъ и утесахъ стоятъ, сбѣгаютъ, взбѣгаютъ, то въ испуганныхъ, то въ зорко внимательныхъ позахъ туры, сайгаки, джейраны, аргали, серны. Разсвирѣпѣвшіе зубры сцѣпились другъ съ другомъ рогами въ борьбѣ за самку; статный рогатый олень мирно ласкается къ своей лани, окруженной дѣтенышами. Въ другомъ углу громадный ленкоранскій тигръ давитъ ощетинившагося кабана, на котораго онъ только-что прыгнулъ; бѣлые барсы, расписанные мелкими черными колечками, залегли въ засадѣ на сучьяхъ дерева, поджидая приближающуюся дикую козу. Отойдите нѣсколько шаговъ, и наткнетесь на громоздкую тушу повалившагося среди песковъ верблюда; его терзаютъ своими хищными клювами, вытаскивая кишки, отрывая клоки кожи, орлы-стервятники, грифы, вороны и всякая лакомая до падали птичья тварь, у которой отбиваютъ ея законную добычу шакалы, набѣжавшіе на запахъ трупа. Повернитесь назадъ—тамъ, въ альковѣ стѣны, разрисованной тростниками и водяными лиліями, цѣлый прудокъ утокъ, колпицъ, пеликановъ, фламинго и разной другой водяной птицы.

Всякая птица, всякій звѣрь совсѣмъ живые, въ характерныхъ позахъ и размѣщены съ чутьемъ художника.

Уже просто только пройтись по этимъ заламъ—большое удовольствіе и большое поученіе; для юношества это дороже всякихъ лекцій. Но тутъ, конечно, масса и другого самаго разнообразнаго естественно-историческаго матеріала, наполняющаго шкафы и витрины, унизывающаго стѣны, застанавливающаго проходы. Хотя для меня во всемъ этомъ было мало новаго, но въ такой выразительной общей картинѣ меня поражало изумленіемъ естественное богатство Кавказа, совмѣщающаго въ себѣ почти всѣ формы животнаго міра, тропическія рядомъ чуть не съ полярными. Только страна, заключающая въ своихъ предѣлахъ вѣчные ледники среди знойныхъ пустынь, можетъ быть такою разнохарактерною и интересною.

Этнографическія собранія тоже очень полны и многосторонни, охватывая рѣшительно всѣ подробности быта многочисленныхъ племенъ Кавказа, но какъ во всѣхъ вообще русскихъ этнографическихъ музеяхъ, и въ Румянцовскомъ въ Москвѣ, и въ разныхъ нашихъ всероссійскихъ, парижскихъ и вѣнскихъ выставкахъ, я и тутъ возмущался непозволительною аляповатостью и уродливостью этнографическихъ манекеновъ и неряшествомъ ихъ одѣянія. Право, мы, русскіе, словно задачу на себя взяли представлять нашу православную и неправославную Русь въ такомъ отталкивающемъ видѣ, что иностранецъ вправѣ сопричислять насъ къ разнымъ зулусамъ и океанійцамъ. Глазъ художника возмущается всѣми этими балаганными куклами и огородными пугалами въ пыльныхъ тряпкахъ, сидящихъ мѣшками на этихъ гадкихъ чучелахъ. Въ Парижѣ, на одной изъ всемірныхъ выставокъ, помню, мнѣ было просто больно проходить по родному отдѣлу, среди всѣхъ этихъ воображаемыхъ представителей нашего отечества, способныхъ возбудить одно только искреннее отвращеніе. Посмотрите, напротивъ того, какая прелесть подобные же манекены у иностранца. Я недавно еще съ увлеченіемъ любовался въ Москвѣ, въ одномъ изъ отдѣльныхъ павильоновъ французской выставки, на поразительно художественныя куклы французскаго войска. Хотя въ мои годы галлюцинаціи воображенія уже не могутъ имѣть большой силы, но, тѣмъ не менѣе, я самымъ искреннимъ образомъ не разъ забывался и воображалъ, что гуляю среди живыхъ людей, живыхъ лошадей, на шумной стоянкѣ отдыхающаго отряда. До такого совершенства доведена выразительность лицъ, естественность позъ, правдоподобіе группировокъ, педантическая точность въ обмундировкѣ, вооруженіи и всякихъ мелкихъ аксессуарахъ. Тутъ, къ тому же, и настоящая трава, и неровная почва, какъ въ живой дѣйствительности, и вмѣсто стѣнъ—иллюзію наводящіе ландшафты Франціи.

Археологическій отдѣлъ бѣднѣе другихъ и, повидимому, воз-

никъ позднѣе. Но и въ немъ есть очень рѣдкія вещи, драгоцѣнныя для любителя. Особенно интересны находки въ своеобразныхъ Самтаврскихъ гробницахъ, изъ окрестностей Мцхета, невѣдомаго народа глубокой древности. Много есть золотыхъ и всякихъ другихъ предметовъ, извлеченныхъ изъ кургановъ, орудія каменнаго вѣка, архитектурныя украшенія изъ древнихъ разрушенныхъ храмовъ Кавказа.

Къ «Давиду» поднимаются теперь уже не такъ, какъ прежде, по глухимъ закоулочкамъ, черезъ крыши, дворики, лѣсенки,— а по весьма приличной и не то чтобы ужъ черезъ-чуръ крутой улицѣ. Хотя теперь можно подъѣхать на лошадяхъ къ самому подножію горы, на которой возвышается древній храмъ, но медленное карабканье вверхъ на задыхающихся лошадяхъ не представляетъ ничего привлекательнаго, и мы предпочли прогулку пѣшкомъ—съ цѣлою семьею весело щебетавшихъ и проворно прыгавшихъ кругомъ насъ дѣтокъ...

«Давидъ»—типическій храмъ старой Грузіи. Куда бы вы ни заѣхали въ ея древнія историческія мѣстности,—вездѣ вы увидите такую же восьмиугольную башню съ узкими и высокими щелями оконъ, съ восьмиугольнымъ же остроконечнымъ шатромъ крыши, увѣнчанной чуть замѣтнымъ крестикомъ. Это все равно, что наши пятиглавые соборы XVI и XVII вѣковъ съ зелеными луковицами и высокими разукрашенными золотыми крестами.

Въ «Давидѣ» особенно интересны древнія стѣны, подпирающія скалистый сырецъ горы, на уступѣ которой онъ угнѣздился, съ пробитыми въ нихъ ходами и окошечками, съ таинственнымъ подземнымъ бассейномъ священнаго ключа. Какъ вездѣ, источникъ воды, освѣжающій, цѣлительный, лежитъ и здѣсь въ основѣ изстари чтимой святыни. Я не сомнѣваюсь, что почитаніе туземцами этого священнаго ключа далеко древнѣе трехсолѣтняго грузинскаго храма, который, какъ это обыкновенно бываетъ, вѣроятно, только пріосѣнилъ христіанскимъ крестомъ народную языческую святыню.

Въ храмѣ мы нашли почтеннаго протоіерея съ типическими чертами грузинскаго лица, въ которомъ даже и подъ рясою священника, и подъ клобукомъ монаха, всегда какъ-то больше мірского, чѣмъ мы привыкли обыкновенно видѣть. Протоіерей былъ такъ добръ, что сталъ нашимъ путеводителемъ.

— Церковь вѣдь эту дѣдушка мой строилъ, потомъ отецъ... Мы тутъ отвѣчные священники!.. Изъ рода въ родъ!.. разсказывалъ онъ намъ, водя насъ по разнымъ достопримѣчательностямъ храма. А мнѣ ужъ пришлось куполъ ставить... всякому вышло свое... Иконы тутъ есть очень старинныя, по 300 лѣтъ, вотъ извольте посмотрѣть, живопись какая... совсѣмъ ужъ не наша, теперь такъ не пишутъ...

— Что-жъ тутъ было прежде, батюшка?—спросили мы.— Вѣрно и раньше вашего дѣда была тутъ церковь?..

— Келія тутъ была св. Давида, на мѣстѣ на этомъ, пустынникъ онъ, въ лѣсахъ спасался, кругомъ былъ лѣсъ дремучій, и вотъ этотъ самый источникъ святой изъ горы истекалъ... А церковь у него была совсѣмъ малая, часовенька скорѣе бы сказать.. Она и теперь тутъ сбоку стоитъ... Поновлена, конечно, сколько, можетъ быть, разъ... Желаете взглянуть, пойдемте я покажу...

Тѣсный дворикъ храма весь полонъ могильныхъ камней и гробницъ съ разными громкими именами; многіе изъ нихъ уже выкопаны и свалены въ кучу, должно быть, во время построекъ. Мѣстная благочестивая знать изстари дорожила этимъ привилегированнымъ мѣстомъ погребенія и не жалѣла на это богатыхъ жертвъ. Крошечная деревянная церковочка св. Давида совсѣмъ незамѣтна въ тѣни своего большого и эффектнаго сосѣда. Въ ней только и интереснаго, что нѣсколько очень древнихъ иконъ. На всемъ остальномъ уже, очевидно, легла печать позднѣйшаго времени. Гораздо типичнѣе въ этомъ отношеніи наивная маленькая колоколенка храма, торчащая на своихъ характерныхъ каменныхъ столбикахъ на крайнемъ утесѣ скалы, у подножія которой кишатъ глубоко внизу пестрые домики Тифлиса. Видъ

на Тифлисъ съ узкой террасы «Давида» единственный въ своемъ родѣ; Тифлисъ можно изучить отсюда какъ по громадной картѣ, буквально à vol d'oiseau, отъ одного края этого горячаго каменнаго котла до другого. Смотря съ высоты скалъ на Тифлисъ, приходишь къ заключенію, что въ далекую невѣжественную старину,—пріемы господствующей силы были совсѣмъ тѣ же, что и въ наше высокомудрое время. Развалины старой персидской крѣпости, когда-то державшей въ своей власти Тифлисъ, забрались высоко, какъ орлинное гнѣздо, на скалы этой стороны, а казармы-блокгаузы русскаго войска по тому же инстинктивному чувству собрались цѣлымъ укрѣпленнымъ городкомъ своего рода на той сторонѣ Куры, по скатамъ противоположныхъ горъ, откуда они безъ труда могли бы въ случаѣ нужды разнести своими мѣткими выстрѣлами весь беззащитно лежащій у ихъ ногъ многолюдный городъ...

Сіонскій храмъ,—историческая знаменитость Тифлиса,—того же характернаго стариннаго грузинскаго типа, т.-е. восьмиугольная башня шатромъ, заостренная кверху, съ высокими «щельными» окнами. Внутри это византійскій соборъ съ обычнымъ сводомъ купола и широкими парусами пилястровъ, расписанный отъ плинтусовъ пола до маковки купола сплошною пестрою живописью. Но Византія тутъ уже замѣтно перемѣшалась съ Персіею, игравшею такую долгую и важную роль въ исторіи Тифлиса. Мавританскій арабескъ, мавританскія вырѣзки арокъ сообщили нѣсколько восточный характеръ византійскому стилю собора; оригинальнѣе всего изящныя арочки иконостаса, какого-то блѣднаго, молочно-зеленаго цвѣта на цѣломъ рядѣ колоннокъ вишневаго мрамора, всѣ изрѣзанныя замысловатыми каменными арабесками и вырѣзывающіяся на фонѣ другихъ еще болѣе хитросплетенныхъ золотыхъ завитушекъ персидско-грузинскаго вкуса. Между этими колонками богатѣйшія большія древнія иконы въ тяжелыхъ золоченыхъ окладахъ и драгоцѣнныхъ камняхъ, направо отъ царскихъ дверей издревле чтимая Сіонская

Богородица, налѣво св. Нина, въ кіотѣ которой хранится величайшая реликвія собора, крестъ изъ дикой виноградины, съ которымъ во дни оны ходила по долинамъ Кавказа, проповѣдуя свирѣпымъ огнепоклонникамъ слово Христово, святая Нина, просвѣтительница Грузіи.

У правой стѣны, подъ мѣдною арматурою изъ знаменъ, орловъ и орудій, покоится въ гробницѣ прахъ князя Циціанова, русскаго военачальника, присоединившаго къ Россіи почти все Закавказье и потомъ такъ коварно убитаго бакинскимъ ханомъ. Напротивъ гробницы князя у лѣвой стѣны—гробницы старыхъ грузинскихъ іерарховъ.

Своды, арки, амбразуры оконъ, пилястры,—все горитъ золотомъ, ярко расписаннымъ оригинальными разноцвѣтными узорами; куполъ и паруса тоже сплошное золотое поле, на которомъ рѣзко выдѣляются громадныя фигуры Бога Саваоѳа и шестикрылатыхъ Серафимовъ. По поясу купола, въ подражаніе мусульманскимъ мечетямъ, въ украшеніи которыхъ такую большую роль играютъ куфическія надписи изъ Корана, славянскою вязью написанный текстъ Евангелія. Вообще всѣ надписи надъ иконами и другими святынями собора теперь на славянскомъ языкѣ вмѣсто грузинскаго. Вѣроятно, это сдѣлано недавно, и мнѣ кажется, что такая въ сущности безцѣльная перемѣна должна казаться грузину-простолюдину, не знающему славянской письменности, по крайней мѣрѣ обиднымъ посягательствомъ на его многовѣковую святыню. Кажется, было бы вполнѣ достаточно и для всѣхъ безобидно прибавить славянскія надписи къ издревле существовавшимъ грузинскимъ, не трогая послѣднихъ изъ уваженія къ историческимъ преданіямъ старины и къ многолюдному единовѣрному намъ народу.

Мы присутствовали въ Сіонскомъ соборѣ на службѣ экзарха высокопреосвященнаго Палладія; служилась торжественная панихида по усопшей великой княгинѣ Ольгѣ Ѳеодоровнѣ, которая въ многолѣтнюю бытность свою на Кавказѣ оставила

по себѣ добрую память въ благотворительныхъ и разныхъ другихъ полезныхъ учрежденіяхъ. Сослужилъ экзарху совсѣмъ престарѣлый викарій его, преосв. Александръ, и три архимандрита въ митрахъ, одинъ изъ нихъ суроваго вида, черный и волосами, и глазами, и цвѣтомъ лица, былъ грекъ, настоятель греческаго монастыря въ Тифлисѣ, что и слышно было по его произношенію. Протодьяконъ — красивый и плечистый молодой дѣтина, безъ всякаго напряженія заливался въ соборѣ своимъ пѣвучимъ басомъ-горою. Въ толпѣ было много мундирнаго люду, кавалерственныя дамы съ своими оригинальными орденами, но народу вообще было не особенно много, хотя Сіонскій соборъ вовсе не великъ. Вообще чувствовалось, что все-таки это окраина, а не центръ Россіи, и что православіе тутъ не имѣетъ ни той внѣшней величественности, ни той широкой популярности въ народѣ, какъ въ настоящей серединной Россіи.

Я самъ уже хорошо зналъ Тифлисъ во всѣхъ его подробностяхъ и описалъ его, кажется, достаточно пространно въ своихъ «Очеркахъ Кавказа», появившихся въ 1887 году. Но мнѣ хотѣлось познакомить свою жену, въ первый разъ бывшую на Кавказѣ, по крайней мѣрѣ съ самыми характерными углами грузинской столицы.

Въ этомъ отношеніи нѣтъ благодарнѣе мѣстности, какъ видъ на Тифлисъ съ моста черезъ Куру подъ Метехомъ. Отсюда можно окинуть однимъ широкимъ взглядомъ и средневѣковыя развалины старой персидской крѣпости, карабкающейся своими стѣнами и башнями по высочайшимъ гребнямъ скалы, и угрюмый замокъ Метехъ на своемъ неприступномъ берегу среди своихъ крутыхъ насыпей, и глубоко провалившіеся внизъ берега Куры, застроенные цѣлымъ лабиринтомъ старинныхъ домовъ, поднимающихся прямо изъ ея водъ на колоссальныхъ каменныхъ устояхъ, съ своими висячими надъ водою утлыми галлерейками и лѣсенками, съ маленькими несимметричными окошечками, глядящими чуть не въ самыя волны Куры, съ спу-

скающимися въ рѣку ведрами на длиннѣйшихъ веревкахъ. Тутъ же у моста и самая восточная изъ всѣхъ тифлисскихъ построекъ, старинная персидская мечеть Алія, вся кругомъ одѣтая со стѣнами и куполомъ въ изящные голубые изразцы, окруженная тѣсными переулочками и крохотными лавченками шумнаго мусульманскаго базара.

Въ саду Муштаида, гдѣ прежде были одни только веселыя гулянья тифлисской публики, лѣтъ пять тому назадъ устроена очень интересная центральная школа шелководства для образца туземцамъ и вообще для развитія на Кавказѣ этой важной и древней отрасли его промышленности. Директоромъ ея молодой спеціалистъ, Н. Н. Шавровъ, кончившій курсъ естественнаго факультета въ Московскомъ университетѣ и потомъ изучавшій шелководство въ Италіи и южной Франціи. Это сынъ извѣстнаго инженера (и отчасти писателя по экономическимъ вопросамъ) Шаврова, строителя Потійскаго порта, съ которымъ я случайно познакомился у попечителя Кавказскаго учебнаго округа К. П. Яновскаго, и который мнѣ посовѣтовалъ посѣтить эту едва-ли не единственную въ Россіи школу шелководства. На другой день утромъ мы съ женою отправились въ Муштаидъ. Молодой симпатичный директоръ школы очень любезно показалъ и объяснилъ намъ всѣ подробности своего заведенія. Мы долго бродили съ нимъ подъ слегка накрапывавшій дождь по прекрасному парку, уже развернувшему всѣ свои весеннія прелести, переходя изъ одного домика въ другой.

Министерство Государственныхъ Имуществъ, основавшее эту школу, кажется, по инициативѣ г. Тихѣева, завѣдывавшаго здѣсь нѣсколько лѣтъ тому назадъ вѣдомствомъ Государственныхъ Имуществъ, повидимому, задалось очень широкою и серьезною задачею.

Строится къ осени большое каменное зданіе музея, который пока помѣщается въ зданіи собственно школы, построено нѣсколько домиковъ для школы и служащихъ въ ней, для воспи-

танія червей, для размотки шелку, разводятся плантаціи тутовыхъ деревьевъ, и, въ видѣ прибавленія къ шелководству, устраивается маленькая образцовая пасѣка съ англійскими рамочными ульями, въ видѣ хорошенькихъ конторокъ. Все это среди цвѣтниковъ, цвѣтовъ, зеленыхъ лужаекъ и тѣнистыхъ деревьевъ. Музей мы разсматривали съ особымъ вниманіемъ, и онъ дѣйствительно очень поучителенъ, представляя собою богатое собраніе образцовъ мѣстнаго производства, мѣстныхъ способовъ обработки шелка и всякаго рода интересныхъ предметовъ, туземныхъ и заграничныхъ, относящихся къ дѣлу шелководства. Шелковичные черви во всѣхъ стадіяхъ ихъ развитія, съ ихъ болѣзнями, ихъ анатоміей, ихъ естественными варіаціями, краски для шелка, всякіе усовершенствованные станки, мотовила, рѣшета для коконъ, инструменты для обрѣзки тутовыхъ деревьевъ и проч. Тутъ же особая лабораторія для производства опытовъ, особая комната съ спеціальными журналами и изданіями по шелководству, пчеловодству, сельскому хозяйству, впрочемъ обильно снабженная также и обще литературными русскими журналами. Самая выводка червей только начиналась, и мы могли видѣть только первоначальные ея пріемы. Въ школѣ до 20 человѣкъ служащихъ: кромѣ директора, особый химикъ, особый зоологъ, садовникъ, мастеръ для обученія шелковому тканью и другіе. Постоянныхъ обязательныхъ учениковъ нѣтъ; можетъ приходить всякій желающій слушать практическія лекціи шелководства въ продолженіе 2 мѣсяцевъ, когда продолжается воспитаніе червей, и изучать все, что ему интересно. Школа обязана давать безвозмездные совѣты по шелководству и пчеловодству всякому хозяину, и исполняетъ всякія его порученія и заказы, имѣющіе какую-нибудь связь съ этими отраслями хозяйства. Г. Шавровъ увѣрялъ насъ, что туземное шелководство находится въ сильнѣйшемъ упадкѣ именно вслѣдствіе полнаго научнаго невѣжества мѣстныхъ хозяевъ-шелководовъ. Въ итогѣ школа произвела на меня впечатлѣніе широкой и полезной программы, выполненіе которой только

еще начинается, и которая еще вся въ загадочномъ будущемъ. Признаюсь, я лично какъ-то болѣе довѣрялъ-бы дѣлу, выросшему само собою въ сравнительно тѣсныхъ и трудныхъ обстоятельствахъ живой жизни, постепенно развившемуся, силою своего естественнаго роста, въ образцовое учрежденіе шелководства, такъ сказать, доказавшее вѣрность своихъ взглядовъ и пріемовъ наглядныиъ результатомъ своихъ долголѣтнихъ работъ. Тамъ же, гдѣ затрачиваются значительныя средства безъ всякой связи ихъ съ выгодностью затраты, безъ всякой провѣрки жизнью практичности устройства шелководственнаго дѣла, тамъ, можетъ быть, строго говоря, — только школа шелководства въ смыслѣ учебнаго заведенія, съ цѣлью дать хозяевамъ общее знакомство съ вопросами естествознанія и шелководства, а не въ смыслѣ практической фермы, поучительной для туземнаго хозяина своими непосредственными спеціальными пріемами.

Всякое такое казенное дѣло кажется въ значительной степени разсчитаннымъ на внѣшнюю его представительность, и широкія затраты на него роковымъ образомъ — рѣдко представляются соотвѣтствующими той пользѣ, которую оно въ состояніи принести.

Рядомъ съ Муштаидскимъ садомъ — школа садоводства, на 60 человѣкъ воспитанниковъ, тоже устроенная Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ и тоже окруженная большимъ садомъ. Въ странѣ плодовъ и шелка, подобной Кавказу, оба эти учрежденія вызываются насущною потребностью, и старанія удовлетворить этой потребности нашей далекой окраины дѣлаютъ честь нашему Министерству Государственныхъ Имуществъ.

Вообще въ этотъ пріѣздъ въ Тифлисъ намъ пришлось много времени посвятить разнымъ образовательнымъ учрежденіямъ края, школамъ, музеямъ. и т. п.

Но особенно близко познакомились мы съ первою Тифлисскою гимназіею, гдѣ съ вполнѣ законнымъ авторскимъ удовольствіемъ авторъ-педагогъ, сроднившійся съ своимъ заведеніемъ,

какъ съ роднымъ дѣтищемъ въ продолженіе двадцатилѣтней горячей дѣятельности, показывалъ намъ всѣ характерные моменты его внутренней жизни. Авторъ-педагогъ—былъ мой братъ, директоръ этой гимназіи. Я позволяю себѣ говорить о руководимомъ имъ заведеніи потому, что оно и безъ меня пріобрѣло громкую репутацію не только на Кавказѣ, но и во всемъ русскомъ педагогическомъ мірѣ. Послѣ посѣщенія первой Тифлисской гимназіи Государемъ Императоромъ и Государыней Императрицей въ 1888 году, нѣкоторые порядки Тифлисской гимназіи сдѣланы были даже обязательными для всѣхъ гимназій Имперіи. Что въ этой гимназіи характерно и дорого—это ея живая одушевленная жизнь; она не остановилась и не замерла на какомъ-нибудь неподвижномъ, извнѣ предписанномъ шаблонѣ, а не перестаетъ развиваться и работать надъ собою. Это казенное заведеніе имѣетъ въ себѣ такъ мало казенщины. День гимназіи—это непрерывная смѣна самыхъ разнообразныхъ и другъ друга уравновѣшивающихъ занятій. Послѣ латыни, греціи, математики, — своего рода олимпійскія игры на воздухѣ, дружныя военныя эволюціи, ловкіе ружейные пріемы настоящими ружьями, подъ громъ собственнаго оркестра, потомъ хоры музыки и пѣнія, работы въ разнообразныхъ мастерскихъ, въ рисовальномъ и скульптурномъ классѣ, мирный отдыхъ за чтеніемъ въ превосходно устроенной и богато снабженной ученической библіотекѣ, а послѣ вечерняго приготовленія уроковъ — часъ, полтора энергическихъ гимнастическихъ игръ, борьба по всѣмъ правиламъ искусства, веселое бѣганье, прыганье, вольтижерскія упражненія...

Можно быть увѣреннымъ, что здѣсь не переутомится мозгъ, не завянутъ молодые мускулы и не разовьется въ дѣтяхъ одностороннее сидячее книжничество съ его близорукими глазами и душевною скукою. Нѣтъ, здѣсь растутъ свободно, не давя другъ друга, и умъ, и тѣло, оттого, конечно, и дѣти смотрятъ здѣсь такъ бодро, просто и весело; оттого для дрянныхъ шалостей остается здѣсь также мало мѣста, какъ и для душевнаго скептицизма или озлобленнаго отрицанія. Что меня заставило

особенно задуматься — это чрезвычайно замѣтное доброе вліяніе, которое оказываетъ подобное разностороннее развитіе юношества на воспитанниковъ, не особенно одаренныхъ умственными способностями, на тотъ, къ несчастью, всегда многочисленный контингентъ учащихся въ нашихъ заведеніяхъ, которые называются «плохими учениками» и которыми обыкновенно у насъ въ гимназіяхъ, такъ сказать, гатятъ дорожку для небольшой кучки способнѣйшихъ, успѣвающихъ оканчивать курсъ въ то время, какъ менѣе счастливые ихъ товарищи падаютъ на пути, покидая безъ результата непосильное имъ дѣло.

Эти такъ называемые, «плохіе ученики» очень часто бываютъ плохими только съ односторонней точки зрѣнія нашихъ казенно смотрящихъ на нихъ учебныхъ заведеній и только въ стѣнахъ класса, а не въ послѣдующей жизни, гдѣ они нерѣдко очень скоро обгоняютъ «первыхъ учениковъ». Одному не дается математика, у другого не хватаетъ памяти на латинскія слова или историческую хронологію, третій по своей натурѣ не обладаетъ даромъ плавнаго и послѣдовательнаго разсказа. Постоянный неуспѣхъ въ школьныхъ требованіяхъ дѣлаетъ такого ученика недовѣрчивымъ къ себѣ, внутренно пристыженнымъ передъ товарищами, убиваетъ его самолюбіе, заставляетъ его безнадежно смотрѣть на будущее. Но когда этотъ самый «плохой ученикъ» латинскаго класса является первымъ скрипачемъ цѣлой гимназіи, или отличнымъ рисователемъ, или ведетъ за собою всю колонну товарищей, какъ самый ловкій гимнастъ,— уже положеніе его среди товарищей дѣлается совсѣмъ другое, самолюбіе его успокоено, въ душѣ его пробуждается сознаніе, что и онъ не лыкомъ шитъ, и онъ на что-нибудь способенъ, въ чемъ-нибудь силенъ... А эта во-время поддержанная вѣра въ себя невольно отражается и на успѣхахъ его въ другой сферѣ, труднѣе ему дающейся.

Результаты, достигнутые первою Тифлисскою гимназіею въ дѣлѣ музыкальнаго и рисовальнаго образованія, въ гимнастикѣ и военныхъ упражненіяхъ, до такой степени серьезны, что, не

желая навлекать на себя обвиненіе въ пристрастіи, я только могу посовѣтовать всякому, имѣющему случай познакомиться съ этою утѣшительною и оригинальною стороною Тифлисской гимназіи, не жалѣть на это одного, двухъ дней. Впрочемъ, гимназія имѣетъ почетные отзывы и медали за работы своихъ учениковъ отъ учрежденій, вполнѣ въ этомъ компетентныхъ, а на концертахъ ея музыкальныхъ оркестровъ, духовнаго и струннаго, по нѣскольку разъ въ годъ присутствуетъ весь Тифлисъ. Въ Тифлисской гимназіи есть еще одна присущая ей и не часто встрѣчающаяся у насъ особенность. Она всѣ свои внутреннія улучшенія, всѣ разнообразныя новыя мѣры, требуемыя здравыми современными взглядами на воспитаніе—производитъ, такъ сказать, по внутреннему своему побужденію, а не по чьему-нибудь внѣшнему предписанію, и поэтому многое, что теперь вводится въ другихъ заведеніяхъ обязательно по циркулярамъ начальства,—въ этомъ заведеніи укоренилось сравнительно давно и вполнѣ самостоятельно, когда еще мало кто думалъ о подобныхъ вещахъ и мало кто имъ сочувствовалъ. Притомъ всѣ эти весьма дорого стоющія новшества—вводятся Тифлисскою гимназіею не только по собственному почину, но и на собственный счетъ, безъ обычнаго испрашиванія казенныхъ субсидій и смѣтныхъ дополненій. Гимназія обладаетъ довольно значительнымъ, такъ сказать, домашнимъ капиталомъ своимъ, который она составляетъ изъ сборовъ со своихъ концертовъ и спектаклей, изъ личныхъ взносовъ и пожертвованій многочисленнаго общества содѣйствія учащимся, и который, вмѣстѣ съ остатками отъ пансіонской экономіи, даетъ ей возможность сооружать, напримѣръ, такую великолѣпную палестру для зимнихъ военныхъ упражненій, какую она только-что отстроила у себя на дворѣ, или также комфортабельно обставленные, со вкусомъ убранные и снабженные самыми лучшими пособіями залы для чтенія, рисованія и скульптуры, которые сами просто манятъ молодежь прійти и сѣсть въ нихъ за работу.

Нужно прибавить ко всему этому, что первая Тифлисская гимназія въ сущности составляетъ двѣ полныхъ гимназіи, ибо, начиная отъ приготовительнаго класса до 8-го класса включительно,—она должна содержать параллельные классы вслѣдствіе сильнаго наплыва учащихся. Такимъ образомъ въ ней, строго говоря, 18 классовъ, считая въ двойномъ числѣ приготовительный и 8 гимназическихъ. Число всѣхъ учащихся доходитъ почти до 700, число ея учащихъ и служащихъ свыше 50, въ одномъ пансіонѣ живутъ 160 — 170 воспитанниковъ, — и какіе еще это ученики и воспитанники? само столпотвореніе вавилонское! русскіе, грузины, имеретины, армяне, татары, евреи, нѣмцы, греки... Понятно, насколько такой разношерстный этнографическій составъ заведенія усложняетъ и затрудняетъ правильный ходъ въ немъ воспитательнаго дѣла.

VII.

Татарская столица.

Поѣздъ нашъ опоздалъ на семь часовъ по случаю размывовъ и осадки насыпей дороги сильными дождями.

Мы проснулись, отлично проспавъ цѣлую ночь въ своемъ покойномъ купэ, воображая, что сейчасъ увидимъ Каспійское море,—и съ досаднымъ изумленіемъ убѣдились, что еще не переѣхали даже Куры.

Кругомъ все сплошная татарва въ громадныхъ шапкахъ грибами изъ рыжихъ лохматыхъ овчинъ,—сквернѣйшая порода изо всѣхъ многочисленныхъ породъ Кавказа. Это прирожденные разбойники, жестокіе, трусливые и вѣроломные. Въ пограничныхъ уѣздахъ Закавказья черезъ нихъ постоянные грабежи не только по дорогамъ, но и въ селахъ. Нападаютъ чуть не цѣлыми отрядами, устраиваютъ настоящія сраженія, даже съ земскою стражею, съ полиціею, грабятъ и казенную почту, и начальство...

Стыдно слушать и читать, что въ близости отъ русской силы хозяйничаютъ часто безнаказанно мѣстные и пришлые хищники.

Юго-восточный уголъ Закавказья можетъ, пожалуй, обратиться черезъ это въ какую-нибудь Калабрію или Сицилію, гдѣ бандиты взимаютъ съ путниковъ правильную дань, или въ тѣ мѣстности Турціи, гдѣ разбойники берутъ въ плѣнъ цѣлые поѣзда желѣзной дороги и торгуются о цѣнѣ выкупа за своихъ «дорогихъ» плѣнниковъ.

Трудно, конечно, мимоѣзжему человѣку постигнуть истинныя причины такого порядка вещей, но одно дѣлается яснымъ,— это необходимость здѣсь болѣе рѣшительной и быстрой власти,— вооруженной военною силою.

Полумѣры и медлительность скверно дѣйствуютъ на восточнаго человѣка; между тѣмъ какъ двѣ-три хорошихъ острастки срезу образумили бы разбаловавшихся дикарей. Конечно, не путемъ гражданскихъ судебныхъ процессовъ можно бороться съ этимъ дерзкимъ разбойничествомъ азіатскихъ степей, а только пикою казака и пулями берданки. Несмотря на 65 лѣтъ, протекшихъ съ того времени, еще многія мѣстности Закавказья нуждаются, повидимому, и до сихъ поръ въ примѣненіи къ нимъ Ермоловскихъ порядковъ управленія, къ сожалѣнію, мало цѣнимыхъ теперь многими администраторами нашихъ окраинъ, но съумѣвшихъ однако создать при обстоятельствахъ самыхъ неблагопріятныхъ и при средствахъ болѣе чѣмъ скромныхъ,— прочную русскую власть среди только-что завоеваннаго полудикаго края.

Кура все время провожаетъ насъ слѣва, то приближаясь къ намъ, то убѣгая отъ насъ своими изгибами.

Степь до Елизаветполя обработана, достаточно населена, достаточна зелена. Вездѣ хлѣбъ на поляхъ, вездѣ народъ верхами и въ арбахъ. Бурки, папахи—чистый Дагестанъ! Стада ословъ и быковъ пасутся кругомъ. Работники-персы въ своихъ круг-

лыхъ войлочныхъ ермолочкахъ глинянаго цвѣта, — точь-въ-точь шаровидные купольчики ихъ глиняныхъ жилищъ,—возятся съ кирками все въ той же глинѣ. Дома въ деревняхъ — длинные, одноэтажные, съ плоскими земляными крышами, поросшими бурьяномъ, съ обычными галлерейками. Духаны, лавочки — на каждомъ шагу. И дома эти всѣ почти каменные, оштукатуренные, выбѣленные; видна зажиточность, привычка къ опрятности.

За Елизаветполемъ, — старинною Ганжею татаръ, — степь обращается уже въ пустыню. На безплодной глинѣ, сверкающей будто льдомъ своими солончаками, колышатся только безотрадные бурьяны колючаго «верблюдятника». А между тѣмъ вода тутъ на каждомъ шагу. Она проступаетъ наружу сквозь каждую трещинку, въ каждой ложбинкѣ. Копните полъ-аршина, четверть аршина, и уже лопата попадаетъ въ воду. Вездѣ тростнички, грязныя стоячія лужи—на этихъ безплодныхъ солонцахъ. Вѣроятно, здѣсь можно было бы отлично разводить рисовыя плантаціи, но врядъ ли кто-нибудь занимается здѣсь этимъ.

Изрѣдка натолкнешься на затерянное въ степи грязное цыганское кочевье или на кусокъ засѣяннаго поля, охваченный пустыремъ. Только тамъ, гдѣ желѣзная дорога жмется близко къ Курѣ, сколько нибудь людно. Тамъ тянутся, жадно тѣснясь къ плодоносящей водной жилѣ, ряды деревень съ тополями, тутовыми деревьями, виноградниками. Въ каждой деревнѣ, на каждой станціи желѣзной дороги особыя вышки на столбахъ съ жилыми чердаками; я думалъ сперва, что обычныя сторожевыя вышки, какъ въ Чечнѣ и Закубаньи, но мѣстные жители увѣряли меня, будто это постройки для лѣтняго ночлега, гдѣ непривычные русскіе люди, обреченные жить въ этихъ степяхъ, спасаются отъ невыносимыхъ уколовъ комаровъ, не подымающихся высоко отъ земли.

Трудно представить себѣ, что ѣдешь по русскому царству. Нигдѣ ни одного русскаго лица, ни одного русскаго слова, ничего русскаго; хоть бы случайно гдѣ-нибудь мелькнулъ кре-

стикъ православнаго храма; а вѣдь вотъ уже скоро цѣлое столѣтіе, какъ этотъ край считается русскимъ. Впрочемъ, надо отдать справедливость здѣшней татарвѣ, что и мусульманскихъ мечетей почти совсѣмъ здѣсь не видно.

И тутъ, какъ у береговъ Черноморія приходитъ въ голову все тотъ же неотвязный вопросъ: да отчего же въ теченіе цѣлаго вѣка не завели мы здѣсь русскихъ поселеній? Здѣсь столько простора, а изъ Россіи ежегодно валятъ толпы трудового народа, отыскивающаго свободныхъ земель, — почему бы не направить ихъ давнымъ-давно сюда хотя бы на государственный счетъ? Живые оазисы русской силы стали бы въ этихъ окраинахъ гораздо болѣе надежною охраною русскихъ государственныхъ интересовъ, чѣмъ крѣпости, кордоны и тюрьмы.

Къ сожалѣнію, немногіе высшіе администраторы наши смотрѣли вѣрнымъ и твердымъ взглядомъ на водвореніе русскаго племени въ присоединенныхъ къ намъ инородческихъ земляхъ. Относительно Кавказа это могло объясняться, кромѣ общихъ причинъ, вліявшихъ на характеръ нашихъ правительственныхъ мѣропріятій извѣстнаго времени, еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что нерѣдко направленіе мѣстной административной дѣятельности зависѣло отъ людей нерусскаго присхожденія, имѣвшихъ, быть можетъ, свои серьезныя заслуги и достоинства, но весьма естественно лишенныхъ того чуткаго національно-русскаго чувства, которымъ обладали патріоты, подобные Ермолову, и которое одно могло бы подсказать имъ необходимость многихъ мѣръ.

Переселеніе русскихъ людей въ Закавказскій край, точно такъ же какъ и на Черноморское побережье, не только никогда не поощрялось, но постоянно встрѣчало до недавняго времени систематическое сопротивленіе въ мѣстной администраціи, прикрывавшееся разнаго рода благовидными предлогами. Ясно, что тутъ сказывался инстинктивный духъ отпора коренныхъ закавказскихъ племенъ, боявшихся уступать русской силѣ частицу своего мѣстнаго значенія и неизбѣжно вліявшихъ, разумѣется,

на многочисленныхъ оффиціальныхъ дѣятелей изъ ихъ же среды. Это естественное стремленіе каждой этнографической силы отстаивать предѣлы свои отъ вторженія другихъ силъ— нисколько не удивительно и не предосудительно для нея самой и только указываетъ на ея живучесть. Но это тѣмъ не менѣе очень плохое оправданіе для представителей собственно русской государственной идеи. Тѣмъ болѣе, что удались же попытки, напр., нѣмецскаго племени водворить на Кавказѣ свои колоніи.

Особенно стыдно вспомнить, какъ разлетѣлось дождевымъ пузыремъ, единственно вслѣдствіе несочувствія мѣстной администраціи, составившееся въ 1869 году очень солидное общество русскихъ капиталистовъ и предпріимчивыхъ людей для пріобрѣтенія земель въ Ширакской степи, на Іорѣ и другихъ мѣстахъ Кавказа, пользовавшееся къ тому же высокимъ покровительствомъ великаго князя Намѣстника. Если бы не совершенно случайное обстоятельство, — именно, насильственная ссылка за Кавказъ цѣлыми толпами и въ теченіе долгихъ лѣтъ нашихъ наиболѣе преслѣдуемыхъ сектантовъ, духоборцевъ, скопцовъ, молоканъ, субботниковъ, начавшаяся еще при императорѣ Николаѣ, то, конечно, мы до сихъ поръ не увидѣли бы ни одного чисто русскаго поселка ни въ одной изъ закавказскихъ губерній. Эти же глубоко русскіе люди, настолько стойкіе характеромъ, что ради своихъ убѣжденій рѣшились подвергнуться изгнанію изъ своей родины,—къ счастью, прочно водворили русскую народную силу хотя въ тѣхъ немногихъ уголкахъ, гдѣ имъ пришлось угнѣздиться. Зато армянская народность была гораздо счастливѣе русской и нашими собственными стараніями достигла господствующаго положенія во всемъ Закавказьѣ, особенно же въ южныхъ окраинахъ его и въ городахъ Грузіи.

Можно сказать безъ преувеличенія, что всѣ кровопролитныя войны Россіи на азіатскомъ театрѣ войны велись въ концѣ концевъ въ пользу армянскаго населенія Персіи и Турціи, которое переселялось къ намъ послѣ каждой войны и нашими властями, и самовольно, въ огромномъ множествѣ и вслѣдъ за

тѣмъ захватывало въ свои энергическія и ловкія руки всю экономическую жизнь закавказскихъ областей, куда оно проникало. Теперь, можно сказать, грузины, недавніе господа армянъ, стали ихъ покорными хотя и невольными данниками. Армянскіе капиталы, армянская торговля и промышленность — безраздѣльно царятъ теперь надъ Грузіею.

Бакинская желѣзная дорога несетъ насъ покойно, безъ толчковъ и шума, будто карета на резиновыхъ шинахъ по торцовой мостовой. И это неудивительно, потому что на ровной неохватной глади степей нѣтъ почти ни насыпей, ни выемокъ, шпалы лежатъ чуть не прямо на твердомъ грунтѣ земли.

Однако это не помогло намъ пріѣхать во-время и досадная семичасовая остановка сдѣлала то, что мы добрались до Баку вмѣсто $6^1/_2$ часовъ вечера въ 2 часа ночи.

У меня было рекомендательное письмо къ бакинскому губернатору В. П. Рогге, и я съ утра отправился къ нему, чтобы воспользоваться его авторитетными совѣтами, какъ и что осмотрѣть въ Баку. Домъ губернатора на приморской набережной, самомъ красивомъ и, я думаю, самомъ здоровомъ мѣстѣ города. Передъ нимъ стелется широкая скатерть Каспія съ его далекими островками, съ пестрою и шумною суетою многолюдной Бакинской гавани. При губернаторскомъ домѣ и чуть ли не единственный большой садъ города, служащій мѣстомъ увеселенія и прогулокъ для бакинской публики. Устройство и даже поддержка этого прекраснаго сада стоитъ большихъ денегъ, потому что почва и климатъ Баку какъ-то особенно неудобны для садоводства. Много дорого стоившихъ попытокъ города и частныхъ лицъ — развести въ Баку какую-нибудь растительность окончились полнѣйшею неудачею, и въ общемъ Баку представляетъ удивительно безотрадный видъ города почти безъ деревьевъ и безъ зелени.

В. П. Рогге—былъ сотрудникомъ князя Дондукова-Корсакова

по Болгаріи и перешелъ на Кавказъ вмѣстѣ съ нимъ. Въ Баку онъ губернаторствуетъ уже 3 года. Онъ любезно познакомилъ меня со многими интересовавшими меня сторонами бакинской жизни и серьезно облегчилъ мнѣ обстоятельный осмотръ типическихъ мѣстныхъ производствъ.

Баку—городъ не только настоящаго, но и широкаго будущаго; городъ какой-то американскій, а не русскій; онъ растетъ, какъ въ сказкѣ,—не по днямъ, а по часамъ. Самыя предупредительныя административныя мѣры невольно отстаютъ отъ его быстраго роста, отъ неудержимо нарастающихъ новыхъ потребностей. Возникаютъ на глазахъ новые кварталы, цѣлыя новыя улицы, всякіе склады товаровъ, агентства, товарищества, являются конки, газъ, водопроводъ, иностранцы-предприниматели, купцы промышленники, техники—стремятся въ него вмѣстѣ съ русскими и армянскими капиталистами. Словомъ, Баку дѣлается своего рода Марселемъ Каспійскаго моря, центральнымъ торговымъ портомъ всего восточнаго кавказскаго побережья, царящимъ вмѣстѣ съ тѣмъ и надъ персидскимъ, и надъ туркменскимъ берегами Каспія.

Съ одной стороны — это главный очагъ керосина и нефти, развивающій ихъ по всѣмъ странамъ Европы, Азіи, Африки, по всѣмъ областямъ и городамъ необъятнаго русскаго царства; съ другой стороны, — это вывозной портъ въ Азію, въ русскія закаспійскія и туркестанскія владѣнія для товаровъ Кавказа и Россіи, и ввозный портъ для персидскихъ, индѣйскихъ и центрально-азіатскихъ товаровъ. Сдѣлавшись теперь крайнимъ восточнымъ полюсомъ международной Батумо-Бакинской дороги, онъ отчасти служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и транзитнымъ пунктомъ для товаровъ Европы, направляющихся въ Персію и Туркестанъ.

Вслѣдствіе такого выгоднаго положенія своего на перекресткѣ большихъ путей сообщенія, Баку невольно является и чрезвычайно важнымъ военнымъ пунктомъ. Кавказъ и Россія черезъ него поддерживаютъ военныя сношенія съ нашими Среднеазіатскими владѣніями, такъ что Баку можетъ служить въ нѣкоторомъ

смыслѣ неизбѣжнымъ базисомъ и запаснымъ депо для военныхъ дѣйствій въ Закаспійскомъ и отчасти Туркестанскомъ краѣ...

Для Закавказья онъ есть главная и чуть ли не единственная защита отъ враждебныхъ намъ силъ, могущихъ дѣйствовать съ Каспійскаго моря; только слабость нашей ближайшей сосѣдки Персіи можетъ оправдать отсутствіе въ Баку сильной береговой крѣпости, которая такъ и просится сама собою на гористый Баиловъ мысъ, прикрывающій съ юга своею далеко выдавшеюся косою гавань Баку. Впрочемъ, тамъ только нѣтъ стѣнъ и батарей, а казармы и склады уже заранѣе заняли принадлежащія имъ мѣста. Да и вся вообще мѣстность Баку, и амфитеатръ горъ, по скатамъ котораго онъ расположенъ, и крутые выступы въ море съ сѣверной стороны бухты, за заводами Нобеля, — въ высшей степени подходящи къ устройству сильныхъ укрѣпленій.

Въ персидское владычество и при своихъ татарскихъ ханахъ Баку дѣйствительно былъ всегда важною крѣпостью. Высокія стѣны и башни ея до сихъ поръ уцѣлѣли на большомъ пространствѣ въ самой центральной части города, окружая собою высокій холмъ, увѣнчанный укрѣпленнымъ замкомъ старыхъ хановъ. Я насчиталъ цѣлый десятокъ хорошо сохранившихся круглыхъ башенъ въ одной только той стѣнѣ, которая обращена къ площади; стѣны высотою не менѣе 10-ти аршинъ; сквозь нихъ идутъ въ этотъ Бакинскій кремль своего рода почти рядомъ двое воротъ — Шахъабасскія и Ширванскія. Внутри кремля гауптъ-вахта, русскій соборъ и множество переулочковъ съ магазинами и восточными лавочками, ведущихъ въ характерные крытые базары, что́ гнѣздятся цѣлымъ лабиринтомъ внизу холма. Тутъ можно найти филигранныя издѣлія изъ серебра и бирюзы очень оригинальнаго персидскаго вкуса, и золотыя женскія украшенія, съ разноцвѣтною финифтью замѣчательной красоты. Особенно отличаются своеобразнымъ изяществомъ своей эмали и золотого чекана большія многоярусныя татарскія серьги тюльпанами и колокольчиками.

Мастера-персы торгують и работають заодно туть же въ своихъ крохотныхъ шкапчикахъ-лавчонкахъ; они постукивають молоточками на своихъ ручныхъ наковаленкахъ, раздувають свои маленькіе горны, спаивають и кують, на глазахъ почтенной публики, постоянно снующей мимо нихъ, постоянно зѣвающей и на ихъ заманчивый товаръ, и на ихъ удивительно ловкую и терпѣливую работу.

Самая нижняя башня крѣпости, близкая къ морю, колоссальной величины, вѣроятно, уже надстроенная и расширенная русскими, обращена теперь въ маякъ, далеке виднѣющійся по ночамъ своими вращающимися огнями каспійскимъ мореходамъ.

Въ старину эта башня, по всей вѣроятности, служила турьмою; называется она «Дѣвичьею башнею», и вотъ какую легенду разсказывали мнѣ про нее: какой-то бакинскій ханъ, жившій давнымъ-давно, влюбился въ собственную дочь и хотѣлъ сдѣлать ее своею наложницею. Но красавицу-татарку никакими соблазнами и угрозами нельзя было склонить на преступную любовь,— и разгнѣванный ханъ приказываетъ, наконецъ, заточить непокорную дочь въ самую высокую изъ своихъ башенъ. Въ отчаяніи она бросается съ высоты ея кровли,—и съ тѣхъ поръ имя «Дѣвичьей башни» укореняется на всегда въ народѣ за темницею погибшей дѣвушки.

Чтобы сколько-нибудь живо представить себѣ то жалкое татарское Баку, которое изъ вѣка въ вѣкъ неподвижно гнѣздилось здѣсь когда-то надъ дремлющимъ Каспіемъ, вмѣсто теперешняго шумнаго и богатаго торговаго города,—нужно проѣхать черезъ лабиринты базарчиковъ, подъ тѣнью поросшихъ вѣниками каменныхъ купольчиковъ и рѣзныхъ дверочекъ старыхъ мечетей—по узкой, улиткой вьющейся, уличкѣ, мимо устій другихъ, ножомъ прорѣзанныхъ, переулочковъ, на самое темя холма, къ запустѣвшему замку-двору исчезнувшихъ теперь хановъ...

Дворецъ окруженъ своей особой стѣною, составляя неприступную серединную цитадель бывшей крѣпости. Безлюдіе и могильная тишина въ его пустынныхъ дворикахъ. Никакой

роскоши, никакого убранства; мрачный каменный замокъ съ крошечными рѣдкими окнами, съ лѣсенками и закоулочками, больше похожъ на тюрьму, чѣмъ на жилище властителя. На стукъ нашъ вышла русская женщина, жена солдата-сторожа, единственнаго обитателя этой царственной башни. Самого сторожа не было дома. Мы пошли лазать вслѣдъ за нею по ступенькамъ и плоскимъ крышамъ покинутаго замка. Онъ былъ разрушенъ во время войны и надстроенъ уже послѣ. Только нижнія комнаты съ высокими острыми сводами, сырыя, безотрадныя, какъ подземелья темницы, а когда-то населенныя шумнымъ многолюдствомъ ханскаго гарема,—уцѣлѣли отъ прежняго дворца. Верхній же этажъ весь новый и совсѣмъ неинтересный, онъ теперь обращенъ въ складъ ненужныхъ декорацій и всякаго хлама изъ городского театра.

Безжалостная насмѣшка судьбы надъ декоративнымъ величіемъ человѣка.

Гораздо любопытнѣе изящной круглый павильонъ изъ тесанныхъ камней съ каменнымъ же куполомъ, обнесенный закрытымъ дворикомъ галлерей. Это уже подлинный и цѣльный остатокъ былого. Его мавританскія арочки, двери, колонки, потолки, карнизы украшены красивыми каменными арабесками, въ которыхъ такъ искусны восточные мастера.

Это было публичное судилище хана. Посерединѣ павильона круглая дыра въ каменной плитѣ, черезъ которую, безъ дальнихъ проволочекъ, осужденный тутъ же на глазахъ судей буквально ввергался въ буквальную же темницу. Путеводительница наша увѣряла по крайней мѣрѣ, что подъ всѣмъ дворикомъ стараго судилища подземелье, гдѣ держали заключенныхъ, но ходъ въ него будто бы завалился... Теперь, вмѣсто улемовъ и казіевъ бакинскаго хана, маленькій дворикъ судилища весь зеленѣетъ подсолнухами и разною огородною овощью, благоразумно посѣянною домовитой хозяйкой этого историческаго пустыря, а по гребнямъ его нѣкогда грозныхъ стѣнъ, поросшихъ густою травою, мирно пасутся ея козы.

Къ главному двору замка черезъ разные спуски и проходцы примыкаютъ другіе маленькіе дворики, тоже спрятанные въ стѣнахъ, тоже пустынные, какъ могилы. Впрочемъ, это и дѣйствительныя могилы. Въ верхнемъ дворикѣ какія-то очень старинныя усыпальницы, въ видѣ круглыхъ башенокъ съ каменными куполами, темносѣрыя, поросшія бурьянами, опозоренныя теперь складомъ какого-то стараго желѣза. Въ нижнемъ—ханская придворная мечеть и семейный мавзолей хановъ. Маленькая, но красивая мечеть эта господствуетъ стройною колонкою своего минарета надъ всѣмъ городомъ. До послѣдняго времени она была закрыта для мусульманъ и только въ недавній пріѣздъ Государя Императора передана въ даръ городу, къ великой радости бакинскихъ татаръ.

Красивѣйшая постройка замка—это маленькій мавзолей съ его характернымъ персидскимъ купольчикомъ изъ голубого фаянса, тонкою каменною рѣзьбою его передняго фасада и стройностью всѣхъ его архитектурныхъ линій.

Гробницъ тутъ не сохранилось никакихъ, кромѣ одной мраморной съ персидскою надписью, брошенной на улицѣ, передъ наружными воротами замка и, вѣроятно, выкинутой изъ ограды дворца во время бывшаго здѣсь нѣкогда разрушенія...

Въ ханскій дворецъ слѣдуетъ непремѣнно забраться уже для того одного, чтобы полюбоваться съ его плоскихъ крышъ картиною города и моря; мы взлѣзли, конечно, на эту каменную террасу, вѣнчающую собою высокія башни замка. Даже полумѣсяцъ ханскаго минарета виденъ отсюда нѣсколько внизу, а городъ можно изучать во всѣхъ подробностяхъ, какъ по огромной картѣ,—всѣ его кварталы и переулочки, и примыкающій къ нему своими вѣчно дымящими трубами «черный городокъ», и уходящій за нимъ вдаль «бѣлый городокъ», и еще далѣе далекіе Балаханы и весь широкій просторъ моря!..

Зубчатые гребни крѣпостной стѣны, съ трехъ сторонъ охватывающей подножіе дворцоваго холма, видны намъ отсюда въ самое темя; еще ближе, у ногъ нашихъ, характерные старин-

ные куполы соборной мечети, Джума-Джаміе съ ея двумя минаретами, глиняные многочисленные купольчики общественныхъ бань и весь переплетающійся паутиною своихъ переулочковъ и проходцевъ татарскій базаръ... Городской бульваръ съ новенькими раскрашенными бесѣдками и чахлыми деревцами, прикованными, какъ острожники на цѣпь, къ своимъ колышкамъ, тянется блѣднозелеными лужайками и желтокрасными дорожками, сейчасъ же за стѣною, съ трудомъ защищая свое жалкое существованіе отъ изсушающаго дыханія бакинскаго солнца и бакинскихъ глинистыхъ горъ. Дальше видны большія красивыя зданія губернаторскаго дома, женской гимназіи, огромное заведеніе святой Нины, и цѣлые сплошные кварталы новыхъ многоэтажныхъ домовъ, гостинницъ, магазиновъ, направляющіеся къ «черному городку».

А на другой сторонѣ—на голубой скатерти совсѣмъ затихшаго моря многочисленныя мачты кораблей, трубы двигающихся и стоящихъ пароходовъ, рѣющіе во всѣхъ направленіяхъ бѣлые паруса, вся оживленная сутолока лихорадочно-дѣятельнаго торговаго порта...

Да, высоко забрались и крѣпко угородились на вершинѣ своего утеса, какъ хищникъ-орелъ въ своемъ недоступномъ гнѣздѣ, эти старые кровожадные и безпутные ханы! Они господствовали тутъ надъ всѣмъ, потому что сидѣли выше всѣхъ и крѣпче всѣхъ, все могли видѣть и достать отсюда, изъ своей надежной засады. Ничего, кромѣ насилія и страха, не связывало съ ними ихъ народа, ничего они не дѣлали для него, ничѣмъ о немъ не заботились. Ихъ дворецъ былъ въ одно и то же время и крѣпостью, и тюрьмою. Они должны были отгораживаться и отсиживаться въ этихъ стѣнахъ столько же отъ враговъ, сколько и отъ собственнаго народа. Они собирали сюда всякими неправдами свою казну и сторожили здѣсь своихъ обобранныхъ плѣнниковъ, ничего не выработавъ въ теченіе вѣковъ для блага своего народа, кромѣ разорительнныхъ поборовъ, безграничнаго произвола и скотскаго разврата...

На Баиловъ мысъ мы проѣхали въ коляскѣ, чтобы лучше познакомиться съ этимъ военнымъ нашимъ поселкомъ. Туда ведетъ хорошее шоссе по синему берегу моря, у подножія глинистыхъ горъ, покрытыхъ кладбищами персіянъ, татаръ, евреевъ и русскихъ. Трудно сомнѣваться, что въ очень скоромъ времени длинный пустырь, раздѣляющій Баиловскій пригорокъ отъ Баку, застроится домами и сольетъ ихъ въ сплошной городъ. Эта полоса берега, укрытая каменною стѣною, такъ и просится подъ дачи, если только бакинцы съумѣютъ наконецъ одолѣть упрямство своей почвы и найдутъ способы провести сюда обильную и дешевую воду съ высоты горъ, гдѣ ее трудно имѣть... Я думаю все-таки, что чортъ не такъ страшенъ, какъ его пишутъ, и что разведеніе садовъ вокругъ Баку далеко не такъ безнадежно, какъ объ этомъ говорятъ. А это здѣсь болѣе чѣмъ необходимо. Пока не зазеленѣютъ сады и дачи по берегу Каспія—лѣтняя жизнь въ Баку будетъ истиннымъ мученіемъ для всякаго человѣка, осужденнаго пребывать здѣсь, если онъ имѣетъ человѣческіе нервы и органы чувствъ, а не сдѣланъ изъ сухой глины, какъ здѣшніе все выносящіе персы, татары и ихъ верблюды...

Баиловъ поселокъ — полонъ бѣленькихъ низенькихъ домиковъ, глядящихъ весело, какъ хохлацкія хаты. Все это дома солдатъ и матросовъ. Каменные корпуса казармъ Каспійскаго флотскаго экипажа, его разныхъ управленій и складовъ, огромныя зданія мастерскихъ, гремящія своими молотами, пыхтящія своими паровыми машинами,—возвышаются отдѣльными обширными усадьбами на самомъ берегу моря, въ сторонѣ отъ главной улицы.

На широкой площади - выгонѣ величественный пятиглавый бѣлокаменный соборъ строгого русскаго стиля, достойно представляющій собою въ этомъ татарскомъ краѣ родное православіе...

Все это гнѣздо русской военной силы съ благоразумною осторожностью отодвинулось на всякій случай отъ стараго та-

тарскаго города и собралось своимъ отдѣльнымъ городкомъ на удобномъ гористомъ мысѣ, который ничего не стóитъ обратить въ рядъ батарей. Тутъ же кстати покачиваются на своихъ якоряхъ и внушительные военные пароходы нашей Каспійской флотиліи, съ помощью которой пресловутое Хвалынское море, еще недавно кишѣвшее туркменскими пиратами, а раньше того русскими и татарскими разбойниками,—сдѣлалось теперь такъ же безопасно, какъ Нева между петербургскихъ островвовъ...

Каменный водорѣзъ длинною дугою защищаетъ отъ прибоевъ открытаго моря казенный портъ, гдѣ стоятъ эти корабли.

Послѣ долгихъ прогулокъ подъ лучами южнаго солнца по открытой каменистой мѣстности съ невыразимымъ наслажденіемъ окунулся я въ зеленыя прозрачныя волны моря, еще порядочно холодныя въ это раннее время года. Пока жена ѣздила дѣлать покупки на татарскій базаръ, я нанялъ парусную лодку и отправился смотрѣть, такъ называемый «подводный городъ». Вѣтеръ поднялся отъ берега и для того, чтобы попасть, куда намъ было нужно, всего не больше полуторы версты отъ таможни, пришлось отплыть довольно далеко въ открытое море, чтобы уже оттуда, обманывая парусомъ вѣтеръ, спуститься навкось къ Баилову мысу, противъ котораго, вблизи отъ казеннаго порта, чернѣлись какія то подобія подводныхъ камней. Качало-таки насъ изрядно, и большую неуклюжую лодку подбрасывало волной, какъ орѣховую скорлупу. Но лодочникъ-персъ ловко справлялся въ одиночку и съ парусомъ, который онъ поочередно перекидывалъ то въ ту, то въ другую сторону, мѣняя галсъ, и съ веслами, которыми постоянно приходилось помогать вѣтру.

Персъ говорилъ немного по-русски, и мы, конечно, побалакали съ нимъ о томъ, о семъ. Онъ въ большомъ удовольствіи отъ русскихъ порядковъ и находитъ ихъ несравнимо лучше персидскихъ. Главный же источникъ этого удовольствія—хорошій заработокъ.

— Прежде какой Баку?.. Усе равно деревня, ничего нѣтъ!— говорилъ онъ съ очевидной искренностью. Теперь, что Тифлисъ есть, то Баку есть... Каждый день базаръ, каждый день пароходъ... Купецъ много, деньга много... Человѣкъ богатый у Баку... Персъ богатый, армянъ богатый, татаръ богатый, русскій богатый... А усе керосинъ, нефть,—керосинъ, нефть! Вода только нѣтъ... Вода нѣтъ, садъ нѣтъ. Садъ много есть, да далеко. Этотъ мѣсяцъ прошелъ, увесь человѣкъ изъ Баку садъ ѣхалъ... Вода и тутъ есть, да глубоко... 20 сажень, 30 сажень, 40 сажень... У гора много вода, провести можно, только надо деньга...

Но я въ эту минуту совсѣмъ былъ не того восторженнаго мнѣнія, какъ мой персъ, объ этомъ прекрасномъ городѣ, гдѣ и персъ богатъ, и армянинъ богатъ, богатъ и татаринъ и русскій.

Мы отплыли довольно далеко въ море, и я могъ окинуть теперь весь Баку однимъ широкимъ взглядомъ.

Сухимъ, голымъ, безотраднымъ смотрѣлъ онъ на меня съ ступеней своего горнаго амфитеатра, такого же сухого, голаго и безотраднаго. Каменисто-глинистыя горы охватываютъ полукругомъ вдавшійся въ нихъ заливъ моря, и на скатахъ ихъ у ихъ подножія—насыпаны цѣлые яруса, цѣлыя чередующіяся террасы безкрышыхъ домовъ, того же цвѣта, того же камня, какъ окружающія ихъ скалы. Ни одного зеленаго деревца, ни одной веселой лужайки не видно издали среди этого желто-сѣраго пейзажа ни внизу, ни вверху, ни налѣво, ни направо; но откуда-то сзади, будто изъ-подъ земли, черными пирамидальными тополями, траурными аллеями, цѣлыми фантастическими могильными рощами, подымаются, чуть погибаясь отъ вѣтра, черные дымы безчисленныхъ трубъ—единственная растительность этого города-огня. «Черный городъ» осѣняетъ своимъ дымнымъ ореоломъ кормящійся имъ и имъ богатѣющій городъ, будто нечистый духъ продавшуюся ему жертву.

Голыя горы, обступающія кругомъ Баку, глядятъ вдвое пе-

чальнѣе отъ множества кладбищъ, ихъ покрывающихъ, обложившихъ своею Божьей нивою, будто осадною ратью, живой городъ. Персидское, татарское, армянское, еврейское и наконецъ русское кладбище—одно за однимъ, одно надъ другимъ. Золотой крестъ русской кладбищенской церкви мирно сіяетъ выше всѣхъ кладбищъ, какъ бы благословляя христіанскимъ благословеніемъ любви и терпѣнія всѣ эти разноплеменныя могилы. Правѣе русскаго храма, на самомъ гребнѣ горы, на припекѣ палящаго солнца, сбились въ кучку, вырѣзаясь своими характерными и картинными силуэтами на знойно-синемъ небѣ,—будто спеченныя изъ глины слѣпыя персидскія мазанки съ такими же глиняными куполами... Только онѣ и придаютъ пейзажу сколько-нибудь азіатскій характеръ, напоминая обычные виды сирійскихъ пустынь.

Издали Баку уже не производитъ впечатлѣнія мусульманскаго города. Ветхіе наивные куполы его Джумы да высоко забравшійся минаретъ ханской мечети—незамѣтно тонутъ среди европейскихъ домовъ и христіанскихъ церквей. Магометанство здѣсь стерлось и потемнѣло, какъ эти сырые старые купола, какъ развалины ханскаго замка, спрятавшагося на утесѣ. Хотя персовъ живетъ еще много въ Баку, особенно внутри старой крѣпости, но они уже строятъ себѣ двухъэтажные дома и магазины съ цѣльными стеклами, гоняютъ пароходы съ керосиномъ и посылаютъ своихъ дѣтей въ русскія школы и гимназіи.

— Какой есть богатый нашъ персъ, увесь его сынъ пойдетъ русскій школа!—сообщалъ мнѣ на своемъ своеобразномъ русскомъ языкѣ персъ-лодочникъ.

Черные каменные рифы, къ которымъ мы подплыли, оказались совсѣмъ плоскими, какъ крыши татарскаго дома. Ихъ видно изъ воды девять, и всѣ они идутъ въ одномъ направленіи, какъ по ниткѣ. Морская волна лижетъ ихъ черные каменные черепа, то оголяя ихъ, то опять скрывая, такъ какъ нѣ-

которые изъ нихъ не подымаются надъ уровнемъ моря. Передовой островокъ, къ которому мы подъѣхали и на которой высадились, благодаря вѣтру, не безъ нѣкоторыхъ усилій, оказался плоскимъ верхомъ круглой башни. Кладка изъ правильныхъ тесанныхъ камней отлично видна почти на полъ-аршина надъ уровнемъ моря и даже на нѣкоторую глубину въ водѣ. Сверху ясно замѣтенъ кольцеобразный закраекъ, служившій какъ бы карнизомъ башни, и рѣзко обозначенный ходъ въ него со стороны гавани. Средина, тоже мощеная камнями, нѣсколько углублена внизъ...

Мы пробовали опускать въ глубину вдоль стѣны очень длинное весло, и оно вездѣ встрѣчало такую же отвѣсную стѣну. Мы проѣхали потомъ осторожно и медленно, вглядываясь въ прозрачную влагу, вдоль всей цѣпи этихъ кажущихся рифовъ, и во многихъ мѣстахъ видѣли отвѣсныя стѣны и швы каменной кладки. Я не сомнѣваюсь, что мы двигались мимо цѣлой стѣны, заканчивавшейся на краю круглою башнею.

Персы увѣряютъ, что это залитый моремъ древній караванъ-сарай. Спорить съ ними трудно, тѣмъ болѣе, что ихъ преданія могутъ опираться на какія-нибудь намъ неизвѣстныя историческія свидѣтельства. Но мнѣ кажется гораздо правдоподобнѣе предположить, что это береговое укрѣпленіе. Трудно прежде всего допустить, чтобы караванъ-сарай былъ устроенъ на самомъ берегу моря, которое было небезопаснымъ отъ разбоевъ и нападеній еще въ наши дни, а въ древности ужъ и говорить нечего.

Татары и персы еще немного лѣтъ тому назадъ боялись селиться на набережной Баку, и губернаторъ Колюбакинъ долженъ былъ чуть не силою заставлять ихъ строить дома у моря. Теперь этотъ страхъ, конечно, разсѣялся, и мѣста на набережной, которыхъ не хотѣли брать даромъ, покупаются чуть не на вѣсъ золота. Такъ, напримѣръ, одинъ участокъ, уступленный казною за 150 руб., былъ проданъ потомъ, какъ меня увѣряли, за 30.000. Но тѣмъ не менѣе унаслѣдованный изъ ста-

рины страхъ жителей Баку передъ опаснымъ сосѣдствомъ моря—можетъ служить вѣскимъ опроверженіемъ мѣстнаго преданія, будто залитыя развалины—остатки караванъ-сарая, а не крѣпости.

Всѣ приморскіе городки древности охраняли свои берега укрѣпленными замками. Въ Дербентѣ до сихъ поръ стѣны, преграждавшія береговую дорогу, входятъ въ самое море. Не мудрено, что и береговая дорога изъ-за Баилова мыса должна была проходить сквозь стѣны и башни Бакинскаго замка. По несокрушимой крѣпости и чрезвычайной правильности постройки, въ теченіе многихъ вѣковъ не разрушенной морскими волненіями, возможно даже предположить, что это остатки еще римскихъ укрѣпленій, которыя въ древности здѣсь несомнѣнно существовали.

Этотъ «подводный городъ» во всякомъ случаѣ глубоко интересенъ уже потому, что онъ показываетъ, какія поразительныя геологическія перемѣны происходятъ на земномъ шарѣ, такъ сказать, уже на глазахъ исторіи. Постоянное опусканіе западнаго берега Кавказа—фактъ замѣченный не въ одномъ Баку, но также и въ Дербентѣ, и въ Ленкоранѣ, гдѣ море съ каждымъ годомъ все больше подмываетъ мечеть и многіе городскіе дома, такъ что необходимо переносить ихъ на другое мѣсто.

Напротивъ того, берега у устья Волги постепенно поднимаются, такъ что нѣкоторыя постройки, бывшія на памяти людей у самаго моря, очутились теперь среди материка. Точно также, какъ передавали мнѣ мѣстные жители, море замѣтно уходитъ отъ южнаго берега Каспія, какъ напр., въ Астарѣ, на границѣ Персіи.

Какое значеніе въ этомъ опусканіи морского берега имѣетъ нахожденіе въ немъ многочисленныхъ нефтяныхъ источниковъ и связанныхъ съ ними земныхъ пустотъ,—должны разрѣшить современемъ спеціалисты-геологи.

Къ сожалѣнію, я не могъ добыть точныхъ историческихъ

справокъ, какъ давно существуетъ «подводный городъ» въ Баку. Нѣкоторыя данныя заставляютъ думать, что это случилось не такъ давно, какъ можно было бы предположить. Старики-персы разсказываютъ, что прадѣды ихъ еще ѣздили на арбахъ съ Баилова мыса на островъ Ушкунъ, до котораго теперь нужно плыть моремъ верстъ восемь. На островѣ этомъ, говорили мнѣ мѣстные персы, еще видны до сихъ поръ глубокія колеи арбъ, идущія прямо въ море по направленію къ Баилову, а на Баиловскомъ берегу такіе же, изъ моря идущіе, глубокіе слѣды колесъ.

Замѣчательно, что вблизи того самаго мѣста, гдѣ, судя по этому преданію, земля опустилась подъ воду, море до сихъ поръ представляетъ удивительное явленіе.

Оно такъ пропитано горючими газами, что малѣйшее прикосновеніе огня заставляетъ вспыхнуть громаднымъ пожаромъ всю водную массу.

Жители Баку доставляютъ себѣ нерѣдко удовольствіе отправиться компаніею знакомыхъ на какомъ-нибудь паровомъ катерѣ въ тихую и темную ночь къ этому «горючему морю» и забавляться тамъ оригинальнымъ пожаромъ воды.

Забава эта, впрочемъ, не безопасна и требуетъ близкаго знакомства со всѣми условіями, при которыхъ она должна производиться.

Горючее мѣсто имѣетъ очень опредѣленныя границы, образуя собою какъ бы своего рода озеро среди моря, поэтому необходимо зажигать его ближе къ краю, съ такимъ разсчетомъ, чтобы успѣть во-время выскочить изъ охваченной огнемъ поверхности и стать безопасно въ обыкновенной водѣ. Кромѣ того очень важно знать, при какомъ именно вѣтрѣ возможно зажиганіе моря, вслѣдствіе чего далеко не всегда возможно доставить себѣ это въ высшей степени своеобразное и любопытное зрѣлище.

Какія бы объясненія ни придумывали этому явленію, для меня ясно одно, что поразительное осѣданіе земли на бакин-

скомъ берегу, о которомъ сохранились и преданія старины, и несомнѣнные живые слѣды, тѣсно связано съ дѣйствіемъ подземныхъ горючихъ газовъ, выдѣляющихся вмѣстѣ съ нефтью изъ пустотъ земли...

VIII.

Въ Плутоновомъ царствѣ.

Мы наняли за 7-мь рублей покойный фаэтонъ парою посѣтить Балаханы и вернуться въ Баку.

Приходится проѣхать насквозь всѣ новыя улицы города. Тутъ ужъ ничего похожаго на вьющіеся переулочки старой крѣпости. Вездѣ массы строющихся и только-что отстроенныхъ домовъ, и все большихъ, многоэтажныхъ, затѣянныхъ на широкую ногу, заранѣе примѣненныхъ ко всякимъ торговымъ предпріятіямъ, вездѣ склады, магазины, гостинницы, конторы...

Дома, однако, не русскаго типа, а того плоскокрышаго, богатаго галлереями и окнами, который господствуетъ вездѣ въ населенныхъ европейцами восточныхъ портахъ Средиземнаго моря, разныхъ Бейрутахъ, Смирнахъ и т. п. Насколько безопасны подобные громоздкіе дома въ странѣ землетрясеній— строителямъ судить, конечно, лучше, чѣмъ мимоѣзжему путешественнику.

Хорошія мостовыя вездѣ; вездѣ бѣгаютъ переполненныя конки, лошадныя и паровыя, движеніе народа огромное. При выѣздѣ изъ города большой и красивый вокзалъ паровыхъ конокъ, такъ называемый «паркъ», въ родѣ обычныхъ вокзаловъ желѣзныхъ дорогъ. Вообще не пахнетъ шаблоннымъ губернскимъ городомъ глухой окраины, а скорѣе кипучею жизнью какой-нибудь Одессы или Ростова, хотя, конечно, начинающей Одессы, начинающаго Ростова. Даже прекрасный театръ съ итальянскою оперою, концерты всякихъ знаменитостей, всякія удовольствія. Присутствіе большихъ денегъ, дѣятельной наживы ощущается

на каждомъ шагу. Ощущается это и на цѣнѣ всего. Гостинницы берутъ по-столичному: за номеръ 4, 5, 6 рублей, за самоваръ 25 коп., за свѣчу 20 коп., извозчикъ въ часъ—два рубля! Это ужъ не по-столичному, а по-безбожному. Не ищите ужъ зато ничего для умственныхъ интересовъ. Въ жалкихъ книжныхъ лавчонкахъ я не могъ найти ровно ничего даже про Баку, про Закаспійскій край. Керосинъ и деньги—вотъ единственная здѣсь духовная пища, единственные идеалы.

Народная толпа здѣсь не только шумна и многочисленна, но и интересна.

Татарки, закутанныя съ головою въ свои розовыя ситцевыя простыни, бѣгаютъ здѣсь совершенно свободно по улицамъ, попадаясь толпами на каждомъ шагу, громко шлепая по камнямъ своими оригинальными желтыми калошами, надѣтыми на одинъ только носокъ ноги и оставляющими висѣть въ воздухѣ остальную ступню въ расшитыхъ красныхъ мештахъ, нерѣдко съ голою подошвою... И на многихъ мужчинахъ такія же потѣшныя калоши до половины ступни, крайне неудобныя при ходьбѣ и достигающія невѣдомо какой цѣли.

Персіяне даютъ свой характеръ физіономіи города. Ихъ важныя ветхозавѣтныя фигуры въ широкихъ коричневыхъ мантіяхъ, въ огромныхъ синихъ тюрбанахъ, а еще чаще въ опрокинутыхъ на затылокъ высокихъ черныхъ шапкахъ, изъ смушекъ особаго персидскаго покроя, расширенныя кверху въ родѣ камилавокъ, видны у дверей каждаго магазина, каждой кофейни... Подъ этими пышными щеголевато сидящими на нихъ воскрыліями еще синій балахонъ; подъ балахономъ бѣлый или желтый ситцевый бешметъ, а изъ-подъ разрѣза бешмета виднѣется на груди еще цвѣтная рубаха. Такова лѣтняя одежда этихъ дѣтей юга, кажется, гораздо болѣе вызываемая странными понятіями восточнаго человѣка о приличіи и почтенности, чѣмъ условіями климата. Рѣзко очерченныя лица ихъ изъ какого-то коричневаго пергамента, черномазыя, обрамленныя красною бородою и красными усами, словно проклеенными смазы-

вающей ихъ краской и обрѣзанными ровно и гладко, будто листъ картона,—сообщаютъ еще больше искусственности и какой-то церемонной парадности ихъ наружному виду.

Дорога въ Балаханы идетъ сначала мимо «чернаго городка», который остается вправо, къ сторонѣ моря. За «городкомъ» моря уже больше не видишь, потому что его загораживаютъ холмистые берега. Дорога эта, поистинѣ, убійственна: яма на ямѣ, выбоина на выбоинѣ, лужа на лужѣ. Глинисто-песчаный грунтъ не мѣшаетъ отчего-то постоянной грязи.

Мѣстная администрація давно хлопочетъ объ исцѣленіи этой ахиллесовой пяты Баку. Уже получено согласіе нефтепромышленниковъ обложить себя на устройство и содержаніе шоссе до Балаханъ по $^1/_{30}$ коп. съ пуда добываемаго керосина, но въ центральныхъ учрежденіяхъ почему-то не даютъ ходъ этому неотложному дѣлу, связывая его безъ видимой причины съ неразрѣшеннымъ еще вопросомъ объ обложеніи тѣхъ же нефтепромышленниковъ $^1/_{10}$ коп. съ пуда для устраненія убытковъ отъ неправильныхъ дѣйствій нефтяныхъ фонтановъ. А между тѣмъ промедленіе это приноситъ ежедневные значительные убытки промышленникамъ, заставляя ихъ терять деньги и время на преодолѣніе часто непреодолимыхъ препятствій грунтовой дороги въ дождливое время года. Правда, въ Балаханы и Сураханы идетъ особая вѣтвь желѣзной дороги, но она не устраняетъ необходимости постоянной гужевой подвозки разныхъ матеріаловъ къ мѣстамъ добычи нефти. Грязная дорога кишитъ подводами и двигающимся въ обѣ стороны народомъ.

Ослики или, по-мѣстному, ишаки, съ навѣшанными на нихъ по обѣ стороны огромными глиняными кувшинами въ деревянныхъ рамахъ, толпами встрѣчаются на пути. На иныхъ сидятъ свѣсивъ въ бокъ ноги, иногда на самомъ хвостѣ, татары-хозяева, нагрузившіе сѣдло разнымъ товаромъ.

Длиннѣйшія дороги со всякими тяжестями и огромныя раскрашенныя мажары, и тѣ и другія запряженныя четверкою здоровыхъ коней, съ трудомъ выволакиваются изъ трясинъ, пе-

ребивающихъ дорогу въ каждой лощинкѣ. Но самый распространенный мѣстный экипажъ—это легкая рѣшетчатая арба на двухъ громаднѣйшихъ колесахъ, иногда снабженная холщевымъ верхомъ и даже раскрашенная очень ярко красными, золотыми и зелеными узорами... Впереди у нея всегда высокая скамеечка вмѣсто козелъ, порою на точеныхъ столбикахъ и тоже раскрашенная.

Колеса ихъ такъ велики (до трехъ съ половиною аршинъ), что подъ дрогами арбы почти всегда свободно виситъ на цѣпи, не задѣвая земли, большая сороковая бочка съ нефтяными остатками. Вся тяжесть арбы и бочки, людей и товаровъ, находящихся въ арбѣ, лежитъ прямо на хребтѣ лошади, для которой выбоины и трясины дороги чистое убійство,—несмотря на то, что черезсѣдельникъ, поддерживающій оглобли, лежитъ у ней не на маленькой плоской сѣделкѣ, какъ у насъ въ Россіи, а на цѣломъ большомъ сѣдлѣ съ сводистымъ арчакомъ. Зато ужъ и ухаживаетъ татаринъ за своею лошадкою, какъ любовникъ за любовницею. Даже смотрѣть трогательно, какъ обвѣшиваетъ онъ ее, будто дорогую ему красавицу, разноцвѣтными каменными монистами въ нѣсколько рядовъ, почти всегда голубыми, какъ бирюза, съ какимъ щегольствомъ украшаетъ онъ и это ожерелье и чубастую морду лошади яркими гарусными махрами и кистями, а шлею и узду—сверкающимъ мѣднымъ наборомъ.

Верблюдовъ тутъ тоже много. Здѣшній татаринъ сжился съ ними до того, что сталъ похожъ на нихъ и нарядомъ, и походкою. Вонъ онъ идетъ передъ ними въ своей рыжей, какъ верблюдъ, шапкѣ, въ одеждѣ изъ верблюжьей шерсти, медленно, важисто и терпко, какъ верблюдъ; на верблюдѣ удивительнымъ образомъ все кажется одного верблюжьяго цвѣта: и сѣдло, и многочисленныя попоны, и подпруги, и самый вьюкъ. Все словно пропиталось въ теченіе времени не только верблюжьиихъ потомъ и запахомъ, но даже и цвѣтомъ верблюда.

По сторонамъ дороги — густые хлѣбные посѣвы. Здѣшній

песокъ, по непостижимой мнѣ причинѣ, отличается удивительнымъ плодородіемъ безъ всякой помощи удобреній. Одни объясняютъ это присутствіемъ будто бы близкой подпочвенной влаги, чтó совсѣмъ не вяжется съ бѣдностью въ водѣ города Баку и съ трудностью разводить въ немъ сады; другіе подозрѣваютъ благопріятное вліяніе на посѣвы нефтяныхъ испареній, чтó также очень гадательно и не доказано ровно ничѣмъ. Скорѣе всего, что въ этомъ пескѣ есть значительная примѣсь плодороднаго ила.

Не доѣзжая Балаханъ, мы переѣхали большое озеро, которое налѣво терялось въ безбрежной дали, а справа, отъ моря, отрѣзывалось холмистымъ перешейкомъ. Очевидно, это былъ когда-то заливъ моря, загородившій свое собственное устье постепенными наносами песковъ. Это такъ называемый «Шоръ». Вода въ немъ соленая, сильно пропитанная нефтью. Множество длиннѣйшихъ узенькихъ мостиковъ на подобіе лавъ, устраиваемыхъ у насъ въ Россіи черезъ рѣки, тянутся поперекъ этого озера параллельно нашей дорогѣ. Но это вовсе не мосты для переправы, а пути для нефтепроводовъ.

Арбы же и всадники спокойно переѣзжаютъ въ бродъ это мелкое озеро. Мы проѣхали однако берегомъ, обогнувъ озеро справа. Въ разныхъ мѣстахъ пришлось переѣхать черезъ множество чугунныхъ трубъ въ два и три вершка толщины, которыя безконечно-длинными черными змѣями ползутъ по пескамъ, сгибаясь и перепалзывая другъ черезъ друга, извиваясь между рытвинами, ныряя въ лощинки, карабкаясь на пригорки, пересѣкая дороги, направляясь отъ невидныхъ еще намъ нефтяныхъ колодцевъ Балаханъ къ очистительнымъ заводамъ «чернаго городка». Это жилы своего рода, по которымъ нефть, добываемая въ скважинахъ, течетъ будто кровь по артеріямъ, изъ глубокихъ нѣдръ земли, въ пищеварительный аппаратъ, превращающій ее въ керосинъ, бензинъ и всякія горючія и негорючія масла.

Ничего не можетъ быть своеобразнѣе вида Балаханъ. Издали вамъ мерещится впереди частый лѣсъ черныхъ пирамидальныхъ кипарисовъ, тающій въ какомъ-то синеватомъ дымкѣ, словно въ туманахъ дали. Лѣсъ этотъ приподнятъ на своей горной площадкѣ, какъ на пьедесталѣ, надъ окружающею его береговою степью. Но подъѣзжая ближе, вы убѣждаетесь, что этотъ мнимый кипарисовый лѣсъ вовсе не лѣсъ, а цѣлый городъ, какихъ нигдѣ не бываетъ, городъ индійскихъ пагодъ своего рода, цѣлое столпотвореніе Вавилонское изъ многихъ сотенъ дымящихся трубъ, изъ многихъ сотенъ увѣнченныхъ вверху деревянныхъ пирамидъ, которыя своими темными сквозными скелетами и казались намъ издали гигантскими траурными кипарисами. Этотъ лѣсъ пирамидъ тѣснится своими мрачными чащами среди множества прудковъ и озерокъ съ коричневою, бурою, желтою водою, насквозь пропитанною нефтяною вонью и нефтяною грязью, среди плотинъ и перешейковъ, залитыхъ тою же табачною жидкостью, ползущихъ подъ колесами экипажа тою же табачною грязью.

Это настоящій городъ огнепоклонниковъ, — непохожій ни на чтó другое, чтó мы привыкли видѣть,—черный, ощетинившійся, дымящій, далеко кругомъ разносящій удушливый запахъ «жупела»; мрачными мертвенными тѣнями отражается онъ въ неподвижныхъ омутахъ растопленной смолы, словно всѣ эти черныя озера и все это многочисленное ополченіе толпящихся надъ ними черныхъ обелисковъ—ничто иное, какъ безчисленныя отдушины Плутонова царства, черезъ которыя сочатся и выплескиваются наружу изъ бездонныхъ нѣдръ преисподней, какъ молоко изъ переполненной груди, ея черные соки, эта горючая вода, этотъ текучій огонь. Немудрено, что они еще дышатъ жаромъ того скрытаго въ невѣдомыхъ глубинахъ огненнаго моря, въ которомъ мучаются грѣшники Дантова ада, изображаемые фантастическимъ карандашемъ Густава Доре́.

Да, это несомнѣнный городъ Плутона, трубы ада, сквозь

отверстія которыхъ пекло выглядываетъ на свѣтлый міръ Божій. Оттого-то такъ угрюмо курятся они черными хвостами своихъ дымовъ, оттого-то такъ отравляютъ они голубой и золотой весенній день смрадомъ своей гари. Это дымятся таинственныя подземныя кузни Вулкана, гдѣ въ незримыхъ глубинахъ куются камни и металлы, наполняющіе шаръ земной,—адская кухня своего рода, гдѣ граниты расплавляются, какъ супъ... Ничто не можетъ убѣдить нагляднѣе въ дѣйствительной расплавленности ядра земного, какъ эта горячая черная кровь его, имѣющая до 28° тепла, прыщущая прямо изъ сердца его, при каждой новой ранѣ, которую корысть человѣка наноситъ своей матери-землѣ.

Фантастическій, донельзя странный видъ для непривычнаго глаза представляетъ эта неохватная площадь тѣсно набитыхъ другъ на друга черныхъ вышекъ, черныхъ трубъ, черныхъ строеній, свивающихъ свои безчисленные черные дымы въ какое-то одно громадное пожарище, застилающее небо, удушающее воздухъ, покрывающее копотью землю... Все здѣсь пропитано нефтью, прокопчено дымомъ: вода, деревья, дома, люди, одежды, собаки, куры, даже воробьи,—все тутъ черно или буро, словно дымящійся кругомъ адъ кромѣшный облекъ въ вѣчный трауръ всю природу.

Мы медленно двигались среди вонючихъ продуктовъ и ручьевъ, полныхъ, какъ лампа масломъ, густой и жирной бурозеленой жидкостью, среди безпорядка наскоро сооружаемыхъ построекъ и торопливо извлекаемыхъ доходовъ.

Еще передъ въѣздомъ въ Сабунчи, это своего рода предмѣстье Балаханъ, гдѣ находится желѣзнодорожная станція, насъ встрѣтилъ начальникъ Балаханъ, мѣстный приставъ, верхомъ на конѣ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ ловкихъ наѣздниковъ своей свиты. Губернаторъ далъ ему знать по телефону о нашемъ прибытіи и поручилъ ему показать намъ все, достойное вниманія. Приставъ оказался человѣкомъ образованнымъ и

съ оригинальнымъ прошлымъ. Онъ былъ прежде католическимъ ксендзомъ, имѣлъ какую-то романтическую исторію въ Польшѣ, переѣхалъ съ женою въ Россію и принялъ потомъ православіе.

Онъ отлично знакомъ со всѣми подробностями нефтяного дѣла и потому могъ расположить порядокъ нашего осмотра такимъ образомъ, что мы, такъ сказать, присутствовали при всѣхъ послѣдовательныхъ работахъ на скважинахъ, начиная отъ перваго буренія скважины до перелива нефти по трубамъ въ керосинные заводы «чернаго» городка. Для этого, конечно, пришлось посѣтить не одну скважинку.

Прежде всего, мы посѣтили бакинскій нефтепроводъ, принадлежащій товариществу четырехъ капиталистовъ, устроенный со всѣми новѣйшими приспособленіями. Въ огромныхъ каменныхъ корпусахъ отчаянно работаютъ, будто какія-то живыя чудовища сверхъестественной силы, тяжко дыша и торопливо ворочая свои стальные поршни, громадные паровые насосы. Проходя къ нимъ, вы неминуче должны пройти черезъ широкіе корридоры кочегарни, гдѣ съ двухъ сторонъ сверкаютъ на васъ, опаляя вамъ лицо, будто злые, кровью налитые глаза Циклопа до-красна раскаленныя, круглыя заслонки, прикрывающія жерла печей. Ихъ темный чугунъ сквозитъ теперь огнемъ и кажется прозрачнымъ, какъ стекло.

Паровыхъ насосовъ такой силы, кажется, нѣтъ на другихъ нефтепроводахъ. Они гонятъ по 6.000 пудовъ нефти въ одинъ часъ на разстояніи 12-ти верстъ, до заводовъ «чернаго» городка, по свинцовымъ трубамъ шести-дюймовой толщины. Нефть поступаетъ подъ насосы изъ громадныхъ герметически закупоренныхъ желѣзныхъ круглыхъ башенъ. Каждая изъ нихъ можетъ вмѣстить до 175 и 200 тысячъ пудовъ. Въ башни эти нефть гонится изъ источниковъ небольшими насосами, а изъ башенъ уже поступаетъ подъ большіе насосы пріемной станціи и перекачивается оттуда въ «черный» городъ, на особую «раздаточную станцію» товарищества. Гонится туда не только собственная нефть товарищества, но и изъ многихъ чужихъ источ-

никовъ, не имѣющихъ собственныхъ нефтепроводныхъ станцій. Хозяева назначаютъ, сколько нефти должно быть передано на какой заводъ, и раздаточная станція «чернаго» городка распредѣляетъ притекающій матеріалъ по заводамъ назначенія, съ которыми она также соединена трубами.

Все это заведено очень недавно, а прежде тратилась масса времени и денегъ на перевозку нефти въ «черный» городокъ лошадьми и быками.

Управляющій нефтепроводомъ товарищества работаетъ въ Балаханахъ уже 10 лѣтъ, такъ что на его глазахъ возникло и развилось все здѣшнее нефтяное дѣло. Надняхъ еще, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь гудятъ и тяжко охаютъ могучіе насосы, былъ плодовый садъ и косился отличный хлѣбъ. А 20 лѣтъ тому назадъ на всемъ Балаханскомъ плоскогорьѣ, одинъ только Мирзоевъ арендовалъ у казны маленькіе нефтяные колодцы, уцѣлѣвшіе еще отъ персовъ. Бывало, конца не было удивленію, когда изъ всѣхъ этихъ колодцевъ удавалось добыть въ день 4 или 5 тысячъ пудовъ. А теперь въ одинъ день добывается въ Балаханахъ болѣе полмилліона пудовъ. Есть источники, дающіе каждый по десяти и двѣнадцати тысячъ пудовъ, а фонтаны очень нерѣдко выбрасываютъ нефти до 200.000 пудовъ въ день и даже болѣе.

Послѣ нефтепровода намъ показали такой нефтяной фонтанъ.

Молодой горный инженеръ г. Д., завѣдующій этимъ фонтаномъ, любезно познакомилъ насъ съ нимъ, приказавъ на время отворить его темницу, то-есть, попросту говоря, содрать часть досчатой обшивки съ бревенчатаго скелета пирамидальной вышки сооруженной надъ фонтаномъ.

Неприглядное зрѣлище представляютъ изблизи эти вышки, все кругомъ нихъ завалено горами песку, изрыто копанями и канавами, въ которыхъ течетъ бурозеленая жидкость, покрытая желтою пѣною. Она быстро струится въ амбары и ямы, назначенные для ея храненія. Только очень небольшая часть этихъ

ямъ выложена камнемъ и способна хотя нѣсколько сберечь отъ напрасной потери драгоцѣнную горячую влагу. Въ огромномъ же большинствѣ скважинъ нефть стекаетъ въ простыя глиняныя ямы, вырытыя на подобіе сажелокъ среди валовъ песка, и тамъ свободно просачивается въ землю, свободно испаряется на солнцѣ. Фонтанами навалены эти горы песку, фонтанами налиты эти озера мазуту. Они неузнаваемо измѣняютъ поверхность почвы, среди которой начинаютъ дѣйствовать. Сама вышка такая же грязная, какъ и ея окрестность. Доски, ея одѣвающія, сочатся *мазутомъ*, чернымъ нефтянымъ дегтемъ своего рода; онѣ прибиты съ тою цѣлью, чтобы капризная струя фонтана, вспомоществуемая вѣтромъ, не благодѣтельствовала сосѣднимъ землямъ и не растрачивала себя внѣ предѣловъ родной пирамиды.

Когда обнаружилась намъ ея темная утроба, мы увидѣли столбъ коричневыхъ струй и брызговъ, поднимавшійся изъ торчавшей въ землѣ желѣзной трубы. Онъ сразу обдалъ насъ своимъ маслянистымъ теплымъ дождемъ и хватилъ еще далеко позади насъ, подхваченный кстати налетѣвшимъ вѣтромъ. Этотъ горячій дождь собирается на днѣ вышки и канавками стекаетъ въ сажелки, рвы и всевозможныя углубленія почвы. Нефть выбрасываетъ съ собою изъ глубинъ земныхъ много песку, воды и всякой нечистоты. Внутри вышки все капаетъ и сочится нефтью, все прокопчено ея цвѣтомъ, ея запахомъ.

Фонтаны бьютъ изъ большой глубины и потому поднимаются очень высоко, постоянно обдавая своими брызгами бревенчатый скелетъ вышки и ея досчатую обшивку. Фонтанъ, который намъ показывали, имѣетъ 103 сажени глубины. Оставалось докопаться до него еще 45 саженъ, когда онъ самъ вдругъ вырвался наружу, какъ согрѣвшееся шампанское, подбросивъ, будто горсть песку,— эту сорока-пяти саженную пробку, разбивъ ею въ прахъ все, что было кругомъ, и засыпавъ землянымъ обваломъ работавшія надъ нимъ лебедки и паровую машину, которыя и теперь еще торчатъ на половину изъ-подъ земли.

Министерство государственныхъ имуществъ, въ завѣдываніи котораго находится все горное дѣло, въ томъ числѣ нефтяные источники, озабочено теперь пріисканіемъ мѣръ, съ помощью которыхъ явилась бы возможность предупреждать неожиданные взрывы фонтановъ и обезпечить предпринимателей отъ безплодной растраты нефти—устройствомъ прочныхъ общихъ резервуаровъ. Но до сихъ поръ, кажется, еще ничего не сдѣлано въ этомъ направленіи, кромѣ предположеннаго налога на этотъ предметъ $^1/_{10}$ копѣйки съ каждаго добываемаго пуда нефти.

Въ другой вышкѣ мы смотрѣли, какъ производится такъ называемое *„тортованіе“*. Фонтанъ. прежде бившій здѣсь, уже замеръ, давъ, впрочемъ, за время своего дѣйствія не болѣе, не менѣе какъ 17 милліоновъ пудовъ нефти! и нефть нужно теперь искусственно вытягивать изъ трубы. Дѣлается это очень просто. На верху вышки устроенъ колесо-блокъ. Съ помощью его одинъ рабочій на лебедкѣ, управляемой паровою машиною, опускаетъ въ трубу такъ называемую *„желонку“*,—длинный мѣдный цилиндръ съ клапаномъ вмѣсто дна; клапанъ открывается вверхъ, поэтому нефть, наполняющая трубу, свободно входитъ черезъ него въ цилиндръ, когда тотъ опускается внизъ, когда же цилиндръ поднимается, то тяжесть набравшейся въ него нефти сама собою запираетъ сейчасъ же клапанъ, и нефть остается въ цилиндрѣ. Вытащивъ желонку, рабочій стукаетъ ее дномъ о землю, клапанъ опять поднимается, и нефть быстро вытекаетъ изъ цилиндра- Она собирается или въ канавы, или въ особый бассейнъ, по обыкновенію окружающій трубу. Нефть никогда не получается чистою, а всегда съ водою, пескомъ и разными примѣсями, почему она и кажется бурою.

Очень интересно первоначальное буреніе скважины, на которомъ намъ тоже удалось побывать. Вышка собственно и устраивается для буренія. Надъ предположеннымъ мѣстомъ будущаго фонтана строятъ изъ толстыхъ бревенъ высокую сквозную башню, съуживающуюся кверху, къ ней пристраиваютъ сарай для паровой машины, лебедки и разныхъ другихъ орудій. Подъ сере-

диною вышки выкапываютъ узкую яму и вставляютъ туда желѣзную трубу вершковъ 8 въ поперечникѣ. Надъ трубою вѣшаютъ тяжелое стальное долото на цѣпи, перекинутой черезъ верхній блокъ и намотанной другимъ концомъ на лебедку. Долото это опускается внутрь трубы и особымъ паровымъ шатуномъ начинаетъ ворочаться и долбить твердую почву. Снизу къ нему придѣлывается стальной брусокъ съ двумя выдвижными боковыми зубами, которые вбираются внутрь, проходя по трубѣ, а когда пройдутъ глубже трубы, то, не сдерживаемые болѣе ея стѣнками, выскакиваютъ наружу и при поворотахъ долота расширяютъ діаметръ ямы настолько, что является возможность опустить трубу глубже въ землю. Когда труба вся уйдетъ въ землю, то къ ней приклепываютъ сверху другую такую же, для чего во всѣхъ колѣнахъ трубы заранѣе приготовлены необходимыя отверстія для заклепокъ. Другая труба постепенно опускается вслѣдъ за первою, по мѣрѣ работы долота, третье колѣно приклѣпывается ко второму, и такъ идетъ все дальше и дальше, на сто, на полтораста, на двѣсти саженъ въ глубь, пока не достигнется нефтяной пластъ. А чтобы и само долото могло опускаться на ту же глубину, какъ и трубы, внутри которыхъ оно должно работать, къ нему сверху постоянно навинчиваются длинныя желѣзныя штанги, сначала потолще, потомъ все тоньше и тоньше; особый работникъ все время стоитъ надъ ямою, на внутреннихъ балкончикахъ вышки, перемѣщаясь то ниже, то выше, по мѣрѣ углубленія трубы, чтобы безостановочно навинчивать другъ на друга эти штанги, выбирая ихъ изъ запаснаго гнѣзда, тутъ же у него подъ рукою.

Во время внезапнихъ взрывовъ фонтановъ, всѣ эти трубы, штанги, цѣпи, блоки нерѣдко выбрасываются Богъ знаетъ на какую высоту и въ какую даль, вмѣстѣ съ огромными камнями, вылетающими изъ глубины земной. Можно подумать, что духъ тьмы, сидящей подъ землей, направляетъ эти ядра свои въ дерзкаго человѣка, возмущенный наглыми попытками двуногаго червя проникнуть въ его заповѣдное царство.

Мы осмотрѣли между прочимъ и знаменитый фонтанъ Каспійскаго товарищества, который нашумѣлъ недавно на всю Россію. Онъ вырвался изъ земли съ такою неописуемою силою, быстротою и неожиданностью, что во мгновеніе ока разнесъ въ прахъ и покрывавшую его вышку, и всѣ нагроможденныя въ ней хитроумныя сооруженія, залилъ всю окрестность, погубилъ чужіе поля и огороды потопомъ своей нефти, налилъ навзрѣзъ озера и канавы, и только черезъ нѣсколько дней былъ кое-какъ укрощенъ и возвращенъ въ свои законные предѣлы. Онъ выбрасывалъ первое время ежедневно не меньше 300.000 пудовъ нефти, значительная часть которой пропадала понапрасну. Мало того, товариществу пришлось заплатить изрядныя суммы сосѣднимъ владѣльцамъ за ихъ потопленныя поля. Потомъ уже его забили въ оковы, т.-е. обшили досками бревна вышки. Мы входили къ нему въ эту деревянную темницу его. Онъ уже унялся и ведетъ себя теперь довольно смирно и вѣжливо, какъ тигръ звѣринца, истощенный долгимъ голодомъ, но все-таки оросилъ насъ съ головы до ногъ мелкими брызгами своей порядочно еще толстой и высокой струи. Каково же было задѣлывать его въ этотъ футляръ въ самый разгаръ его бѣшенства бѣднякамъ-рабочимъ, заливаемымъ дождемъ нефти и задыхающимся въ ея парахъ. Немудрено, что многіе рабочіе падали безъ чувствъ.

Кромѣ боковыхъ досокъ черезъ-чуръ расходившійся фонтанъ сдерживаютъ еще и сверху, задвигая верхнее отверстіе вышки толстою чугунною доскою на блокахъ, такъ что вся нефть, которую онъ выбрасываетъ, собирается волей-неволей въ внутреннемъ бассейнѣ вышки и направляется оттуда, куда слѣдуетъ. Съ какой невѣроятной силой бьютъ изъ земли нефтяные фонтаны, можно судить потому, что мы видѣли въ Тифлисскомъ музеѣ чугунную задвижную доску 4 — 6 вершковъ толщины, выѣденную струею нефти, какъ кусокъ мягкаго мыла...

Нефтяные колодцы—это уже совсѣмъ обезсилѣвшіе прежніе фонтаны. Изъ нихъ однако продолжаютъ доставать нефть иногда очень долго, по многу лѣтъ сряду. Прежде глубина ихъ была

меньше, но съ каждымъ годомъ она увеличивается и теперь доходитъ большею частью до 150, ингда же до 200 саженъ и болѣе, но это очень рѣдко. Въ Пенсильваніи колодцы несравненно глубже нашихъ, и профессоръ Менделѣевъ, такъ много работавшій по вопросамъ нефти, подробно изслѣдовавшій ее и въ Америкѣ, и у насъ на Кавказѣ, этой большой глубинѣ приписываетъ и большее обиліе нефти въ Пенсильванскихъ скважинахъ. Толщину самаго слоя нефти въ колодцахъ опредѣлить трудно. Столбъ ея бываетъ иногда до десяти саженъ высоты, иногда до нѣсколько вершковъ. Переслойка между жирными и нефтяными слоями тоже разная и тоже отъ нѣсколько вершковъ до нѣсколькихъ саженъ. Опредѣленнаго нѣтъ ничего.

Воздухъ вышекъ и сараевъ, стоящихъ надъ колодцами и фонтанами, весь насквозь пропитанъ спиртными испареніями нефти. Одна искорка огня, и все можетъ взлетѣть на воздухъ, люди, строенье и машины. Поэтому здѣсь строго запрещается курить, и все освѣщеніе—электрическими лампами. Несмотря на эту ежеминутную смертную опасность, рабочіе на скважинахъ получаютъ довольно умѣренное вознагражденіе. Цѣну на нихъ больше всего сбили персы, довольствующіеся всякимъ грошемъ. Они самые дешевые и самые распространенные рабочіе Закавказья. Здѣсь они получаютъ по 15 руб. въ мѣсяцъ на своихъ харчахъ, имѣя отъ владѣльца скважины только казарму для жилья. Русскіе рабочіе гораздо дороже, гораздо умнѣе, гораздо сильнѣе; они сработаютъ вдвое противъ лѣниваго, малосильнаго и тупого перса. Но ихъ пока очень мало въ Баку, да и какіе есть, появились только недавно. Они и за поденную работу получаютъ здѣсь на скважинахъ двойную плату, по 1 р. сер. въ день вмѣсто 50 коп. перса. Татары тоже много понятливѣе персіянъ. Оттого всѣ болѣе важныя должности рабочихъ заняты теперь въ Балаханахъ татарами, преимущественно казанскими; а между тѣмъ старшіе рабочіе нерѣдко получаютъ здѣсь по 50 руб. и болѣе въ мѣсяцъ. Рабочихъ здѣсь требуется громадное количество, потому что скважины растутъ ежедневно, какъ грибы,

а добыча нефти происходитъ безостановочно днемъ и ночью, перемѣнными артелями рабочихъ. Мѣстной полиціи приходится таки повозиться съ ними! Драки, ссоры, убійства—то и дѣло возникаютъ между персами. Татары безпокойны такъ же точно. На каждомъ шагу у нихъ оружіе и кровь; съ русскими, правда, они рѣдко ссорятся, но мусульмане другъ съ другомъ—постоянно. Полиціи это доставляетъ изрядную работу, а между тѣмъ Балаханы не считаются городомъ, и мѣстный приставъ всего на всего имѣетъ въ своемъ распоряженіи шесть всадниковъ лезгинъ да одного урядника, — того самаго молодцоватаго джигита, что̀ провожалъ насъ во главѣ своихъ чепаровъ на расшитомъ золотомъ персидскомъ чепракѣ. Даже казенной лошади для разъѣздовъ не полагается приставу, хотя онъ долженъ держать ихъ не менѣе трехъ, чтобы поспѣвать вездѣ, гдѣ нужно.

Штаты здѣшней полиціи составлялись тогда, когда въ Балаханахъ было всего нѣсколько сотъ человѣкъ жителей, а теперь ихъ, слава Богу, не менѣе 12.000, да еще такихъ, для которыхъ нуженъ цѣлый отрядъ полицейскихъ.

Самое спокойное, трезвое и трудолюбивое населеніе Закавказья, молокане, не нанимается здѣсь ни на какія работы. Они живутъ богато, имѣютъ много лошадей и промышляютъ однимъ извозомъ. При въѣздѣ въ Балаханы мы встрѣтили оригинальную процессію ихъ. Пятнадцать четверокъ здоровыхъ лошадей, запряженныхъ одна за одною въ постромки изъ толстаго каната, тащили, дымясь отъ усталости, по выбоинамъ и лужамъ грязной дороги, громадный паровикъ въ 800 пудовъ вѣса. На каждой четвернѣ сидѣло по мужику, и по первому крику возницы всѣ эти верховые начинали отчаянно кричать, гукать, нокать, колотить пятками, махать руками, безостановочно стегая кнутами направо и налѣво своихъ взмыленныхъ коней, которые рывомъ брали съ мѣста тяжко загрузшія громоздкія дороги изъ бревенъ на низенькихъ дубовыхъ котелкахъ вмѣсто колесъ и нѣкоторое время дружно тянули ихъ, одуряемые и оглушаемые этими разноголосными понуканіями, пока не выбивались изъ силъ и

опять всѣ разомъ останавливались передохнуть, колотясь потными животами, до новыхъ неистовыхъ криковъ, до новаго дружнаго пріема...

Какъ легко доставалося имъ этотъ переѣздъ 16-ти верстъ отъ морской пристани въ Баку до Балахановскихъ колодцевъ, мы убѣдились очень наглядно. Паровикъ, который мы обогнали при въѣздѣ въ Сабунчи, мы встрѣтили еще на той же дорогѣ, возвращаясь черезъ 4 часа изъ Балаханъ; чугунное чудовище отдыхало, застрявши на какомъ-то глинистомъ косогорѣ; всѣ 60 лошадей его были выпряжены и кормились овсомъ, чтобы набраться новыхъ силъ — дотащить его остававшіяся двѣ, три версты.

Зато же молокане и берутъ за эти 16 верстъ около 200 руб. сер. Конкурентовъ имъ нѣтъ, только у нихъ есть и необходимая сноровка для этого не легкаго дѣла, и необходимая сбруя, и привычныя пріемистыя лошади, а перевозки эти бываютъ довольно часто и не терпятъ отсрочки.

Балаханы теперь многолюдный городокъ, снабженный всѣмъ, что̀ требуется. Тутъ и желѣзная дорога, и телеграфъ, и телефонъ, и клубъ, и всякія лавки, и даже биржевые извощики. Многіе изъ владѣльцевъ буровыхъ скважинъ живутъ тамъ. Одна изъ владѣлицъ, г-жа Д., любезно пригласила насъ къ себѣ на чашку чая, и мы не безъ удовольствія отдохнули у нея полчаса послѣ своихъ утомительныхъ осмотровъ.

IX.

Черный городокъ.

Слѣдующій день мы всецѣло посвятили осмотру нефтяныхъ заводовъ.

Мы выѣхали рано и очень скоро добрались до Чернаго городка. Онъ тянется версты на 3 или 4 вдоль берега моря, съ сѣверной стороны Баку, и уже успѣлъ почти совсѣмъ слиться

съ нимъ. Странное впечатлѣніе произвелъ на меня этотъ сплошной городокъ заводовъ. Обыкновенныхъ домовъ вы въ немъ почти не видите. Кругомъ васъ со всѣхъ сторонъ толпятся многочисленныя черныя и сѣрыя круглыя башни, съ желѣзными стѣнами, желѣзными крышами, желѣзными стрѣлами громоотводовъ, настоящіе броненосные форты подъ своими флагштоками. Иныя изъ этихъ башенъ—узкія и высокія, съ желѣзными лѣсенками снаружи, словно дозорныя башни, охраняющія входъ въ крѣпость. И дѣйствительно, вся эта тѣсная кучка желѣзныхъ редутовъ, вмѣстѣ съ стоящими рядомъ плоскокрышими каменными блокгаузами безъ оконъ, съ цѣлыми заимками, закопченными дымомъ, съ высокими черными трубами,—все это обнесено кругомъ 'каменными стѣнами и смотритъ настоящимъ укрѣпленіемъ. Нѣсколько сотъ такихъ укрѣпленій сбиты здѣсь на берегу моря. Въ дополненіе картины запасныя развѣтвленія желѣзнодорожныхъ рельсовъ, въ 10 и 12 параллельныхъ рядовъ, загромождены безконечными монистами вагоновъ-цистернъ, которыя въ это крѣпостной обстановкѣ производятъ впечатлѣніе своего рода артиллерійскаго парка, такія же сѣростальныя цвѣтомъ, съ такими же чудовищными круглыми брюхами, съ такими же широкими жерлами, хотя и заткнутыми.

Башни, блокгаузы, стѣны, пушки,—и отовсюду сгоняемые вѣтромъ въ одну сторону, въ сторону моря, стелящіеся хвосты сѣраго, бѣлаго, бураго и чернаго дыма; всѣ эти на четыре версты раскинутые крѣпостные верки дымятся и курятся, и вамъ издали представляется, что это идетъ ожесточенная канонада изъ всѣхъ орудій огромной береговой крѣпости по флотиліи осаждающихъ ее кораблей и пароходовъ, обсыпавшихъ теперь синюю бухту моря.

Заводы Нобеля находятся на самомъ дальнемъ краю Чернаго городка, ближе къ Балаханамъ. Желѣзныя круглыя башни ихъ нефтяного депо эффектно возвышаются на вершинѣ при-

брежнаго холма тѣсною группою огромныхъ бѣлыхъ шатровъ своего рода, по которымъ издали всякій узнаетъ «Нобелевъ городокъ». За нимъ виднѣются дальше по берегу моря заводы Шибаева, Каспійско-черноморскаго товарищества (или, вѣрнѣе, Ротшильда) и другіе. Это уже «Бѣлый городокъ»—въ отличіе отъ Чернаго.

Городокъ заводовъ не даромъ названъ былъ Чернымъ. Въ недавнее еще время все, что жило въ этомъ гнѣздѣ дыма и копоти—дѣлалось неминуемо чернымъ, какъ сажа: люди и вещи, звѣри и птицы... Но послѣ были придуманы высокія трубы, отводившія дымъ въ верхніе слои воздуха, и жители городка, къ ихъ великому удовольствію, перестали подвергаться ежедневному копченію, на подобіе ветчины въ печной трубѣ.

Новѣйшая группа заводовъ уже по праву заслужила свое бѣлое имя.

Г. Рогге, у котораго я просилъ указаній для осмотра Баку, очень благоразумно посовѣтовалъ мнѣ осмотрѣть во всей подробности заводы Нобеля. Во всѣхъ остальныхъ заводахъ мы увидали бы то же самое, съ весьма незначительными измѣненіями, но далеко не въ такой полнотѣ и систематичности, далеко не въ такихъ грандіозныхъ размѣрахъ.

Хотя каждый заводъ выработалъ себѣ изъ практики какой-нибудь особый пріемъ дѣйствій, но тонкости эти могли быть интересны только для спеціалистовъ нефтяного дѣла и нисколько не занимали насъ съ женою—простыхъ любознательныхъ туристовъ.

Мы остановились у большого каменнаго дома конторы; отыскавъ главнаго представителя конторы, я вручилъ ему свою карточку и карточку г. Рогге и просилъ позволенія осмотрѣть заводы подъ чьимъ-нибудь руководствомъ. Толпа дѣлового народа наполняла обширныя комнаты конторы, гдѣ производились всякія справки и разсчеты. Но несмотря на сутолоку рабочаго дня, заправители конторы самымъ любезнымъ образомъ

отнеслись къ моему желанію. Черезъ нѣсколько минутъ явился и управляющій заводомъ, человѣкъ въ высшей степени общительный и обязательный. Онъ вызвался самъ показать и объяснить намъ въ послѣдовательности весь ходъ заводскихъ работъ.

Прежде всего посѣтителя поражаетъ удивительная чистота, порядокъ и отсутствіе суеты во всѣхъ этихъ громадныхъ и многочисленныхъ заведеніяхъ, составляющихъ изъ себя цѣлый отдѣльный городокъ. Тутъ однихъ рабочихъ 800 человѣкъ, а вы ихъ почти не видите и не слышите. Каждый знаетъ свое дѣло, каждый у своего мѣста. Всякая подробность заводскихъ процессовъ такъ обдумана и прилажена, что дѣло двигается словно само собою безостановочно, дружно, безшумно, какъ колеса хорошо устроенныхъ часовъ. Вездѣ, гдѣ было возможно, механическое приспособленіе замѣнило тяжелый трудъ человѣка, и вездѣ, гдѣ возможно было упростить и улучшить, улучшено и упрощено. И почти всѣ эти упрощенія и улучшенія, всѣ остроумные способы замѣнять живого человѣка машиною,—были изобрѣтены самимъ Нобелемъ. Покойный Людвигъ Нобель былъ геній своего рода и обладалъ замѣчательною способностью организовать всякое крупное практическое дѣло. Онъ началъ свою дѣловую карьеру съ Петербурга и уже тамъ пріобрѣлъ большой авторитетъ по части приготовленія взрывчатыхъ веществъ и разныхъ артиллерійскихъ снарядовъ. Динамитъ, между прочимъ, былъ изобрѣтенъ однимъ изъ братьевъ Нобелей (Альфредомъ). Самъ Людвигъ Нобель тѣсно связалъ свое имя съ перевооруженіемъ русской арміи, сначала ружьями Крынка, потомъ берданками, которыя онъ первый сталъ изготовлять на Ижевскомъ заводѣ изъ русской стали, вмѣсто всегда употреблявшейся иностранной.

Случайно одинъ изъ братьевъ Нобелей посѣтилъ Кавказъ и увлекся начавшеюся тогда въ Баку нефтяною горячкою. Людвигъ Нобель взялъ это новое дѣло въ свои талантливыя руки и довелъ его до той степени совершенства, на которомъ оно не стоитъ еще нигдѣ. Заводъ его сталъ лучшимъ по устройству и

обширнѣйшимъ по производительности нефтянымъ заводомъ во всемъ мірѣ, значительно выше всего того, что можетъ представить даже высоко цивилизованная Сѣверная Америка, гораздо ранѣе насъ начавшая разрабатывать богатыя мѣсторожденія пенсильванской нефти по рѣкамъ Оиль-Крику и Алегани. Нобель первый ввелъ у насъ перекачиваніе нефти по трубамъ нефтепровода изъ колодцевъ въ заводы, также какъ желѣзныя хранилища нефти и керосина. Нобель первый изобрѣлъ и завелъ у себя наливные пароходы и баржи; первый выстроилъ цѣлую армію вагоновъ-цистернъ для перевозки нефтяныхъ продуктовъ по желѣзнымъ дорогамъ, въ то время, когда еще сама Америка не знала другихъ способовъ перевозки нефти по морямъ и сушѣ, какъ простыя бочки. Техническимъ усовершенствованіямъ его въ заводской переработкѣ нефти—числа нѣтъ. На все имъ выработаны свои особенные способы и свои особенныя машины, которыя впослѣдствіи распространились среди другихъ заводчиковъ, какъ самыя выгодныя и удобныя; Нобель содержалъ на свой счетъ ученыхъ химиковъ и лабораторіи, дѣлалъ на свой счетъ всевозможные опыты и пробы, часто стоившіе очень дорого, а конкурирующіе съ нимъ заводы, дождавшись спокойно результатовъ этого опыта, безъ всякихъ затратъ и усилій съ своей стороны, вводили одно за однимъ въ свои заводы добытыя Нобелемъ улучшенія, которыя онъ ни отъ кого не хотѣлъ скрывать, а охотно давалъ изучать всѣмъ интересующимся. Можно сказать безъ преувеличенія, что никѣмъ другимъ, какъ Людвигомъ Нобелемъ, установлена окончательно теперешняя широкая и прочно утвердившаяся нефтяная промышленность Баку, а съ нею вмѣстѣ и его огромное торговое значеніе.

До нефтепроводовъ Нобеля бакинскимъ заводчикамъ не было возможности непрерывно приготовлять керосинъ на своихъ заводахъ, потому что нефть подвозилась къ нимъ на арбахъ въ бурдюкахъ и бочкахъ, и въ дурную погоду подвозъ ея прекращался вовсе. Точно также затруднена была и отправка готоваго керосина въ бочкахъ на парусныхъ судахъ по морю, къ

устью Волги, тоже всецѣло зависѣвшая отъ погоды. Нобелю главнымъ образомъ обязаны наши пароходы, желѣзныя дороги и заводы дешевымъ топливомъ изъ нефтяныхъ отбросовъ, которые до него бо̀льшею частью погибали безполезно. Вслѣдствіе всѣхъ усовершенствованій Нобеля, керосинъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ доступныхъ и распространенныхъ по своей дешевизнѣ продуктовъ; онъ проникъ въ самыя бѣдныя и глухія крестьянскія избы, въ самыя далекія отъ насъ страны; какъ Китай. Въ 1878 году пудъ его стоилъ въ Баку 1 р. 50 к., а въ послѣдніе годы считается выгодною цѣна керосина на мѣстѣ въ 10 и 12 коп.

Технологическій институтъ въ Петербургѣ оцѣнилъ такую просвѣщенную и плодотворную дѣятельность энергическаго заводчика. Людвигъ Нобель первый получилъ отъ него званіе «Почетнаго инженеръ-технолога», до тѣхъ поръ никому никогда не дававшееся.

Дѣятельность этого талантливаго шведа тѣмъ симпатичнѣе, что онъ не стремился только создавать милліоны для самого себя, а работалъ какъ фанатикъ своего дѣла надъ его правильною научною постановкою, не жалѣя никакихъ трудовъ и расходовъ, и въ то же время необыкновенно сердечно относился къ положенію людей, трудами которыхъ росло его громадное предпріятіе.

Трогательно видѣть, съ какою заботливостью устроилъ онъ на своемъ заводѣ бытъ всѣхъ своихъ служащихъ, отъ простого работника до директора.

Мы посѣтили образцы всякаго рода помѣщеній, и единственную комнату семейнаго рабочаго и роскошныя гостиныя главныхъ руководителей дѣла, ихъ клубы, ихъ залы для танцевъ, и можемъ смѣло сказать, что ни на какомъ русскомъ заводѣ не видѣли ничего подобнаго. Каждый служащій на заводѣ является въ извѣстной мѣрѣ его пайщикомъ, то-есть получаетъ кромѣ жалованья назначенный ему процентъ съ дохода; черезъ это всякій рабочій дѣлается нѣкоторымъ образомъ за-

интересованнымъ въ успѣшномъ ходѣ завода и мало-по-малу привыкаетъ считать его дѣйствительно «своимъ» заводомъ. На заводѣ устроена и общая столовая для холостыхъ служащихъ, и бильярдъ, и кегли, и библіотека, и школы для дѣтей, и аптека, и пріемный покой, и 24 кровати въ больницѣ, и сберегательная касса, и линейки для даровыхъ разъѣздовъ по заводамъ, и пароходъ для даровыхъ поѣздокъ въ городъ, и даровой ежедневный привозъ изъ Астрахани всѣхъ необходимыхъ продуктовъ по оптовой цѣнѣ. Рабочіе, постигнутыя какими-нибудь несчастіями, и ихъ семьи получаютъ отъ Нобеля денежныя пособія и пожизненныя пенсіи; въ настоящее время у него до 30 такихъ пенсіонеровъ. На однѣ награды служащимъ своего завода онъ ежегодно расходуетъ, словно любое министерство, до 180.000 рублей. А сколько служащихъ на заводѣ можно судить по тому, что однихъ только, получающихъ жалованья болѣе 1.500 руб. въ годъ, считается на заводѣ 120 человѣкъ!

Конечно, администраціи завода приходится примѣнять не только однѣ мѣры благотворительности къ своимъ рабочимъ. При разноплеменности ихъ и сбродѣ ихъ со всѣхъ концовъ свѣта, драки и ссоры между ними случаются чаще, чѣмъ гдѣ-нибудь, а ужъ про пьянство и говорить нечего. Но, по словамъ управляющаго, у нихъ практикуется система взысканій, очень быстро отрезвляющая пьяницъ и всякій безпорядочный народъ. Ихъ просто не берутъ на работу въ теченіе опредѣленнаго времени, и это дѣйствуетъ убѣдительнѣе всего.

Собственно говоря, смѣшно называть заводомъ этотъ цѣлый Нобелевскій городокъ, въ которомъ сосредоточены многіе разнообразные заводы, и который занимаетъ собою пространство въ 35 десятинъ, не считая 23 десятинъ, занятыхъ нефтяными колодцами Балаханъ.

Людвигъ Нобель не останавливался на полудорогѣ и все стремился дальше и дальше къ такому усовершенствованію заводскихъ процессовъ, при которомъ ничто бы не терялось да-

ромъ, а все служило источникомъ дохода. Черезъ это онъ вынужденъ былъ, такъ сказать, попутно основать при своемъ керосинномъ заводѣ цѣлый рядъ побочныхъ самостоятельныхъ производствъ, необходимыхъ для его главной цѣли.

И во всѣ эти разнообразныя производства онъ внесъ то же основательное улучшеніе, тотъ же свой изобрѣтательный геній, ту же свою удивительную практичность.

Въ городкѣ у него и собственный газовый заводъ, и заводъ для электрическаго освѣщенія, и заводъ для выдѣлки соды изъ очистительныхъ матеріаловъ керосиннаго завода, и заводъ сѣрной кислоты, необходимой для очищенія керосина, и механическій заводъ для приготовленія машинъ, съ прекрасною кузнею, точильнею и проч., и бензинный заводъ, и заводъ тяжелыхъ горныхъ маслъ, словомъ 8 отдѣльныхъ заводовъ, не считая своей собственной лѣсопильни, бондарни, столярни, собственной ломки камня, собственнаго нефтепровода съ пріемною и раздаточною станціями, собственныхъ буровыхъ скважинъ и фонтановъ не только въ Сабунчи и Балаханахъ, но и въ разныхъ другихъ мѣстахъ Кавказскаго перешейка, и на островѣ Телекенѣ на Каспійскомъ морѣ, и даже въ Закаспійской области. 12 собственныхъ наливныхъ пароходовъ и 15 такихъ же нанятыхъ пароходовъ совершаютъ постоянные рейсы между собственною пристанью Нобелевскаго завода и Астраханью и другими городами Каспія, для перевозки керосина, нефти и нефтяныхъ остатковъ.

Этому множеству пароходовъ не удивишься, когда сообразишь, что заводъ Нобеля передѣлываетъ въ годъ нефти страшную цифру—54 милліона пудовъ! Ежедневно перекачивается въ заводъ по нефтепроводу изъ Балаханъ своей и чужой нефти до 180.000 пудовъ и ежедневно вырабатывается изъ нея до 65.000 пудовъ керосина. И все это достигнуто въ какія-нибудь 12 лѣтъ существованія завода. Теперь его годовой бюджетъ доходитъ, словно бюджетъ какого-нибудь министерства,—до $3^1/_2$ милліоновъ рублей, а стоимость его инвентаря до 6 милліоновъ.

Мы внимательно прослѣдили отъ а до зетъ всѣ послѣдовательные процессы этого интереснаго производства.

Нефть, прибывающая по нефтепроводу изъ Балаханъ въ пріемную станцію, особыми насосами толкаетъ оттуда въ первый очистительный заводъ. Но чтобы не тратить на ея согрѣваніе слишкомъ много топлива, а съ другой стороны, чтобы охладить дешевымъ способомъ, такъ называемый «мазутъ», или нефтяной деготь, стекающій по трубамъ совсѣмъ горячимъ, какъ ненужный остатокъ при выработкѣ керосина,—Нобель очень остроумно заставляетъ сначала притекающую нефть соприкасаться съ горячими трубами мазута, чѣмъ въ одно и то же время достигаетъ двухъ цѣлей—нагрѣванія нефти и охлажденія мазута.

Въ первомъ очистительномъ заводѣ происходитъ только умѣренное нагрѣваніе нефти посредствомъ девяти паровыхъ цилиндровъ; наиболѣе легкіе газы, какъ газолинъ и др., выдѣляются здѣсь изъ нея и по верхнимъ трубамъ уходятъ въ заводъ, гдѣ приготовляется бензинъ, самое легкое и самое легковоспламеняющееся вещество изъ всѣхъ горючихъ продуктовъ нефти. Болѣе же тяжелыя составныя части нефти, изъ которыхъ долженъ получиться керосинъ, переливаются по нижнимъ трубамъ изъ этого перваго завода во второй.

Тамъ уже не 9, а 42 паровыхъ цилиндра и нагрѣваніе болѣе сильное. Чтобы не производить взрыва, паръ впускается въ паровики предварительно нагрѣтый до 200°. Страшно двигаться съ непривычки мимо этихъ многочисленныхъ огнедышащихъ жерлъ, гдѣ толстые чугунные котлы, раскаленные пламенемъ, кажутся какими-то сквозными хрустальными кружками нѣжнаго огненно-краснаго цвѣта. Топка производится салоровымъ масломъ, получаемымъ тутъ же на заводѣ въ числѣ нефтяныхъ отбросовъ; оно льется постепенно само собою въ горячія печи изъ невидимаго намъ хранилища, и рука человѣка нигдѣ не прикасается ни къ печи, ни къ топливу. Длинные корридоры, гдѣ раскаляется столько котловъ и бушуетъ столь-

ко пламени, остаются безмолвными и безлюдными, сверкая въ полутьмѣ рядами своихъ огромныхъ кроваво-огненныхъ глазъ... При этой разумной механической системѣ на 14 паровиковъ полагается всего одинъ истопникъ, чѣмъ достигается точно такъ же, какъ и собственнымъ топливомъ, значительное удешевленіе производства.

Газы, получаемые здѣсь, уже тяжелѣе первыхъ; они перегоняются по трубамъ въ третье отдѣленіе завода, гдѣ имъ предстоитъ обратиться въ жидкость. Для этой цѣли устроено цѣлое грандіозное сооруженіе. Морская вода особыми насосами накачивается въ громадный резервуаръ или, скорѣе, искусственный прудъ, насосами же поднимается оттуда высоко наверхъ и оттуда льется потоками на частую систему трубъ, по которымъ проходятъ нагрѣтые газы... Ежедневно расходуется на эту процедуру до 2 милліоновъ ведеръ воды. Газы охлаждаются и въ третьемъ отдѣленіи завода выливаются въ видѣ жидкостей разнаго цвѣта и плотности изъ своихъ трубъ въ особые желѣзные закрома, раздѣленные продольными перегородками на нѣсколько отдѣленій. Опытные рабочіе стоятъ около этихъ закромовъ и направляютъ краны трубъ то въ одно отдѣленіе, то въ другое, смотря по плотности и цвѣту жидкости, которую они ежеминутно черпаютъ и испытываютъ ареометромъ въ особыхъ черпачкахъ на длинныхъ рукояткахъ. Тутъ получаются въ одно и то же время самые разнообразные горючіе продукты: разные сорта керосина, салоровое и другія масла. Вещества эти всѣ однако смѣшаны здѣсь съ водою, такъ что въ отдѣленіяхъ закромовъ вода собирается внизу, а болѣе легкій керосинъ и масла на верху ея. Отворяя верхнія отверстія, даютъ керосину стекать въ особыя трубы, а вода удаляется послѣ, черезъ нижнія отверстія. Отсюда керосинъ поступаетъ уже въ очистку отъ цвѣтныхъ и всякихъ другихъ примѣсей. Съ этой цѣлью устроенъ особый заводъ сѣрной кислоты.

Три отдѣльныя огромныя зданія заняты заводомъ сѣрной кислоты. Тутъ и склады сѣры, частью дагестанской и закас-

пійской, но большею частью сицилійской. Насъ водилъ по этимъ складамъ и по свинцовымъ удушливымъ камерамъ, гдѣ приготовляется кислота, управляющій заводомъ, простой владимірскій крестьянинъ. Всѣ сосуды на этомъ заводѣ—свинцовые; а чашки для сгущенія кислоты нагрѣваніемъ—изъ платины. Такая чашка, всего 5-ть вершковъ вышины, стóитъ 7.000 рублей. Всѣ остальные металлы и вещества разъѣдаются кислотою и не могутъ служить здѣсь. Признаться, мы не нашли никакого удовольствія дышать воздухомъ смерти, которымъ наполненъ заводъ, несмотря на искусную вентиляцію. Сѣра стоитъ въ горлѣ, сѣра ѣстъ глаза. Нужно изумляться старику-владимірцу, который спокойно пребываетъ въ этомъ «жупелѣ» который ужъ годъ и, повидимому, вовсе не собирается отправляться ad patres.

Сѣрная кислота, примѣшиваясь къ керосину, очищаетъ его отъ цвѣтныхъ примѣсей, но ее самое необходимо удалить изъ керосина. Для этого ее ловятъ какъ рыбу на крючокъ, подсыпая въ керосинъ натръ, съ которымъ кислота неудержимо соединяется въ сѣрнокислую соль натра, осаждающуюся въ видѣ твердаго порошка. Цѣлый рядъ башенъ-мѣшалокъ устроенъ съ этою цѣлью сейчасъ же за сѣрнымъ заводомъ. Мы входили по желѣзнымъ лѣсенкамъ наверхъ этихъ башенъ и сквозь отверстія крыши любовались водоворотами и брызгами керосина, клокочущаго, какъ пучина ада. Способъ мѣшать натръ съ керосиномъ посредствомъ сильнаго притока воздуха,—изобрѣтенъ также самимъ Нобелемъ. Могучіе насосы гонятъ черезъ особыя трубы воздухъ въ башни-мѣшалки, и этотъ-то искусственный бурунъ заставляетъ пѣниться, волноваться и клокотать налитыя въ башни массы керосина. Освобожденный отъ сѣрной кислоты, а вмѣстѣ съ тѣмъ обезцвѣченный, керосинъ стекаетъ по трубамъ въ особое помѣщеніе, гдѣ онъ отстаивается и перекачивается затѣмъ въ резервуары, откуда уже прямо поступаетъ для продажи на желѣзную дорогу и пароходы, а остающійся на днѣ мѣшалокъ сѣрнокислый натръ поступаетъ въ свою очередь

на содовый заводъ, гдѣ, съ помощью хлористаго кальція, его обработываютъ въ углекислый натръ, т.-е. обыкновенную соду.

Мы осмотрѣли и способъ наливки керосина въ вагоны-цистерны. Множество трубъ безконечными змѣями вспалзываютъ на высокую сквозную платформу и свѣшиваются съ нея внизъ своими колѣнчатыми концами. Съ помощью ихъ подвигаемые снизу по рельсамъ, вагоны-цистерны наливаются черезъ верхнія свои устья; въ 12 минутъ наполняется цѣлый вагонъ.

Заводъ имѣетъ свою собственную желѣзную дорогу, идущую съ одной стороны до морской пристани, съ другой — до Бакинско-Батумской желѣной дороги, на которую прямо въѣзжаютъ ея готовые поѣзда вагоновъ-цистернъ, полныхъ керосиномъ. Заводъ имѣетъ не только собственную администрацію для своей желѣзной дороги, но даже и свою таможню. Министерство финансовъ держитъ на заводѣ особаго таможеннаго чиновника, который получаетъ отъ завода помѣщеніе и частью содержаніе, и назначается исключительно для дѣлъ завода.

Заводы различныхъ маслъ, болѣе тяжелыхъ, чѣмъ керосинъ, устроены совершенно на тѣхъ же оснoваніяхъ, какъ и керосиновый заводъ. Масла эти подвергаются рѣшительно всѣмъ тѣмъ же процессамъ и въ той же самой послѣдовательности, какъ и керосинъ; вся разница только въ томъ, что они подвергаются болѣе сильному нагрѣванію, до 400°, вслѣдствіе чего и пары впускаются въ паровикъ совершенно сухіе, предварительно нагрѣтые до 300°.

Постоянныхъ названій для этихъ маслъ не существуетъ, а каждый заводъ придаетъ имъ свои оообственныя имена. У Нобеля, напр., вырабатывается такъ-называемое веретеночное (болѣе легкое) масло, машинное (болѣе тяжелое) и салоровое,— самое тяжелое, употребляемое заводомъ на топку болѣе чистыхъ помѣщеній. На кухняхъ же и въ другихъ мѣстахъ, такъ же какъ и на пароходахъ и паровозахъ желѣзныхъ дорогъ—жгутъ «мазутъ»,—густую массу въ родѣ дегтя, остающуюся отъ выдѣлки маслъ.

Бензиновый заводъ, хотя въ общемъ устроенъ такъ же, какъ керосиновый, имѣетъ нѣкоторыя свои особенности. Прежде всего доступъ въ негр строго воспрещенъ. Онъ обнесенъ особою каменною стѣною, и тамъ зорко слѣдятъ, чтобы никто изъ входящихъ не курилъ и не зажигалъ огня ни подъ какимъ предлогомъ. Освѣщеніе здѣсь только электрическое, да и то устроено не внутри завода, а снаружи, за стеклами оконъ. Такъ боятся взрывовъ въ этомъ воздухѣ, наполненномъ однимъ изъ самыхъ летучихъ и самыхъ быстро-воспламеняющихся газовъ. Какъ ни разумно устроено все на этомъ заводѣ, какъ ни внимательно слѣдитъ за порядкомъ здѣшняя администрація, но въ этомъ громадномъ очагѣ всякихъ горючихъ веществъ, разумѣется, невозможно уберечься отъ неожиданныхъ несчастій, и случаи взрывовъ и увѣчья здѣсь, конечно, бываютъ. Какъ-то лопнула, напр., труба и убила взрывомъ газа до пятнадцати человѣкъ рабочихъ и любопытныхъ зрителей.

Газолинъ и другіе легкіе газы, направляемые въ бензиновый заводъ, проходятъ въ концѣ концовъ въ высокую желѣзную башню, по которой, въ качествѣ любознательныхъ туристовъ, задавшихся цѣлью осмотрѣть всю подноготную завода,— поднялись съ нѣкоторымъ жуткимъ чувствомъ и мы съ женою. Вся середина круглой башни пересѣкается множествомъ поперечныхъ желѣзныхъ кружковъ, чередующихся другъ надъ другомъ; сквозь эти желѣзныя блюда своего рода проходятъ трубочки съ газомъ. Газы, которые потяжелѣе и которые не должны входить въ составъ бензина, остываютъ ранѣе и опускаются внизъ, а самые легкіе, освободившись отъ болѣе тяжелыхъ примѣсей, подымаются на самый верхъ башни, гдѣ попадаютъ подъ струи холодной воды, постоянно текущей на ихъ трубы. Здѣсь газы обращаются въ жидкій бензинъ, который претерпѣваетъ затѣмъ тѣже процессы очищенія сѣрною кислотою и натромъ, какъ и керосинъ, только при иной температувѣ и въ иныхъ пропорціяхъ смѣси.

Любезный путеводитель нашъ предложилъ намъ зайти пере-

дохнуть немножко къ управляющему химическими заводами. Молодой шведъ живетъ очень уютно въ свѣтленькой и чистенькой квартиркѣ, полной цвѣтовъ и книгъ. Передъ нами сразу выросла батарея винъ, ликеровъ, пива. Мы выпили по стакану пива и, побесѣдовавъ нѣсколько минутъ съ почтеннымъ хозяиномъ, попросили его показать намъ жилища рабочихъ. Они помѣщаются въ особомъ дворѣ, съ особыми воротами, которыя мы нашли запертыми на ключъ, вѣроятно, потому, что хозяева квартиръ были всѣ на работѣ. Чистота и порядокъ во дворѣ и въ жилищахъ образцовые. Крытыя галлереи выходятъ на вымощенный дворъ, служа очень удобнымъ лѣтнимъ помѣщеніемъ для своихъ хозяевъ, особенно для дѣтей. На дворѣ фонтанъ съ водою и резервуаръ для салороваго масла, которое служитъ топливомъ. Хозяйкѣ не нужно никуда ходить: ни за водой, ни за дровами—все у нея подъ рукою. Каждый семейный рабочій имѣетъ особую комнату, достаточно просторную, свѣтлую и убранную очень опрятно. Сейчасъ у входа крошечная экономическая печь для кухни, въ которой все приспособлено къ быстрому и удобному приготовленію. Салоровое масло само течетъ въ печь изъ особаго резервуара на стѣнкѣ. Въ глубинѣ комнаты—спальня хозяевъ, почти у всѣхъ разукрашенная занавѣсками, пологами, картинками. У старшихъ рабочихъ по двѣ комнаты--жилая и кухня, и убранство еще болѣе приличное и красивое. Харчи всѣ рабочіе имѣютъ отъ себя. Жалованье они получаютъ самое разнообразное—отъ 18 до 120 руб. въ мѣсяцъ. Очень многіе получаютъ отъ 18 до 60 руб., но есть и такіе, особенно въ механическомъ заводѣ, которые вырабатываютъ по 4 руб. въ день, работая издѣльно. Работы на заводахъ продолжаются непрерывно, день и ночь. Однѣ артели смѣняютъ другія. Рабочій день для всѣхъ—10 часовъ. Даже въ первый день Свѣтлаго Праздника работы не останавливаются; но тогда христіанъ замѣняютъ персами и татарами.

Въ квартирахъ химическаго завода я видѣлъ и магометанскія семьи. Мы захватили, между прочимъ, на одной изъ гал-

лерей смазливую тщедушную дѣвочку, ребенка-ребенкомъ. Она оказалась, однако, супругою рабочаго-перса и матерью 2-хъ или 3-хъ дѣтей. Персами заводъ доволенъ за ихъ трезвость и безропотное послушаніе. Много здѣсь, однако, и нѣмцевъ, и шведовъ. Старшіе служащіе и техники почти исключительно шведы что, конечно, естественно за заводѣ шведа Нобеля. Удивительно еще, что главный директоръ завода, Л. Ф. Рихтеръ, русскій; впрочемъ, и онъ женатъ на финляндкѣ, кажется родственницѣ владѣльца.

Послѣ химическихъ заводовъ мы осмотрѣли еще огромные склады всякихъ матеріаловъ для завода, цѣлое интендантское вѣдомство своего рода, содержимое съ настоящею шведскою аккуратностью и въ замѣчательномъ порядкѣ; всякую мельчайшую вещь можно найти сразу среди милліоновъ мелкихъ вещей, благодаря педантически строгой системѣ.

Механическій, заводъ даетъ о себѣ знать издали оглушительнымъ грохотомъ молотовъ. Насъ больше всего заняла сварка и склепываніе огромныхъ паровыхъ цилиндровъ. Они рдѣютъ, какъ раскаленный уголь на страшномъ огнѣ, который настоящею бурею устремляется на нихъ изъ горновъ. Хотя поддуваль никакихъ нѣтъ, но нефть своимъ быстрымъ сгораніемъ производитъ пустоту, въ которую жадно врывается окружающій воздухъ, производя вѣтеръ сильнѣе всякихъ кузнечныхъ мѣховъ.

Въ другомъ отдѣленіи завода громадный паровой молотъ съ легкостью, точностью и изяществомъ англійской швейной машины расплющиваетъ и мнетъ, будто кусокъ мягкаго тѣста, тяжеловѣсныя глыбы раскаленнаго желѣза. Осмотрѣвъ по дорогѣ лѣсопильни, столярню и токарню завода, и заводъ для выдѣлки свѣтильнаго газа, мы проѣхали на заводскую пристань. Нобелю принадлежитъ здѣсь цѣлая бухточка, загроможденная теперь его пароходами и баржами. Длинная эстокада на столбахъ вдается въ море, и по ней ползутъ въ нѣсколько рядовъ трубы нефтепроводовъ. Пароходы и баржи придвигаются вплотную къ эстокадѣ и прямо изъ крановъ трубъ наливаютъ свои громадные

резервуары керосиномъ или нефтяными остатками. Мы подробно осмотрѣли одинъ изъ Нобелевскихъ наливныхъ пароходовъ. Онъ только-что былъ отдѣланъ на пристани заводскими мастеровыми и сверкалъ, какъ съ иголочки, своими хорошенькими спальными каютами, столовыми, кухонками. Служащимъ приходится цѣлые мѣсяцы сряду жить на пароходѣ, поэтому это пловучее жилье ихъ отдѣлано съ комфортомъ и вкусомъ хорошенькихъ городскихъ квартиръ. Керосинъ помѣщается въ трюмѣ, обитомъ изнутри желѣзомъ, да въ особомъ резервуарѣ, устроенномъ на носу парохода, рядомъ съ машиною. Присутствіе ихъ совершенно незамѣтно, и мы путешествовали по изящнымъ помѣщеніямъ парохода, словно онъ былъ приготовленъ для какой-нибудь увеселительной прогулки по Волгѣ. Что касается до меня, то я, во всякомъ случаѣ, не соблазнялся этимъ изяществомъ и съ сожалѣніемъ думалъ о смѣлыхъ людяхъ, которые рѣшаются дневать и ночевать цѣлые годы надъ этимъ пороховымъ погребомъ своего рода.

Морская вода около пристани и береговъ надалеко подернута жирнымъ налетомъ и окрашена въ бурый цвѣтъ нефти. Это очень разрушительно дѣйствуетъ на обшивку судовъ, потому что нечистыя воды, стекающія изъ очистительныхъ заводовъ, уносятъ съ собою и кислоты. На заводѣ вóды эти нѣсколько разъ на всемъ пути задерживаются въ особыхъ «западняхъ», т.-е. ямахъ, раздѣленныхъ щитами, въ которыхъ отстаивается жиръ; но все-таки этою мѣрою не удается удержать на мѣстѣ всѣхъ нефтяныхъ остатковъ, и они продолжаютъ заражать собою море.

Осмотръ свой мы окончили посѣщеніемъ «виллы Петролеи»,—мѣстопребыванія всѣхъ главныхъ распорядителей и дѣятелей Нобелевскихъ заводовъ. Вилла расположена на самомъ берегу моря, въ полутора верстахъ отъ завода. Песчаный гребень отдѣляетъ отъ остальной равнины приморскій склонъ, въ которомъ пріютилась эта хорошенькая дача. Черный дымъ и удушливый запахъ безчисленныхъ заводскихъ трубъ не дости-

гаютъ сюда. Утомленный труженикъ здѣсь можетъ полною грудью вдохнуть въ свои легкія бодрящій воздухъ моря и отдохнуть взоромъ на умирающихъ горизонтахъ голубой дали.

Нѣсколько очень красивыхъ и помѣстительныхъ зданій построено въ виллѣ.

Въ одномъ изъ нихъ клубъ для служащихъ съ библіотекою и бильярдною, съ очень обширною танцовальною залою. Клубъ этотъ посѣщается множествомъ посторонней публики, кромѣ служащихъ на заводѣ, такъ что заводскія линейки и заводскій паровой катеръ въ извѣстные дни постоянно заняты привозомъ и отвозомъ гостей. Впрочемъ, съ Бакинскаго вокзала ходитъ паровая конка до самой конторы Нобеля, а отъ вокзала до города—простая конка.

Въ другомъ зданіи устроенъ прекрасный Kegelbahn, съ буфетомъ и пивною. Всѣ объявленія и правила кегельной игры писаны по-шведски, потому что громадное большинство играющихъ въ кегли шведы. На содержаніе кегельбана собирается одними штрафами до 1.000 руб. въ годъ.

Два самыхъ большихъ дома-виллы, своего рода дворцы, построены въ итальянскомъ стилѣ, изъ тесаного камня, съ живописными галлереями, заняты квартирами служащихъ. Мы заходили въ нѣкоторыя изъ нихъ, знакомясь на нѣсколько минутъ съ ихъ любезными хозяевами. Тутъ все почти шведы, и поэтому вездѣ шведскій порядокъ и чистота. Кухни сверкаютъ своею посудою, будто магазинъ мѣдныхъ вещей. Помѣщенія у всѣхъ удобныя и просторныя. Насъ вездѣ настойчиво угощали ликерами, кофе, коньякомъ. Главный директоръ заводовъ живетъ тоже на «виллѣ Петролеи». Его домъ—настоящая дача, окруженная цвѣтниками и виноградными галлереями; большой виноградникъ недавно разбитъ передъ домомъ. Рядомъ разводится и садъ. Здѣшняя почва и климатъ убійственны для садоводства, такъ что, несмотря на большія затраты, несмотря на ежедневную поливку деревьевъ водою, привозимою изъ Астрахани, результаты трудовъ еще далеко не блестящи. Теперь

сюда проведенъ водопроводъ, и можно надѣяться, что съ помощью его этотъ прелестный уголокъ обратится изъ теперешней «керосиновой виллы» villa petrolea,—въ настоящую зеленую и цвѣточную виллу, которая станетъ украшеніемъ морского берега.

Послѣ долгихъ рысканій нашихъ по всѣмъ закоулкамъ заводовъ, было необыкновенно отрадно отдохнуть въ тѣнистыхъ и комфортабельныхъ комнатахъ гостепріимныхъ хозяевъ завода.

Л. Ф. Рихтеръ познакомилъ насъ съ своею женою и за сытнымъ завтракомъ, согрѣтымъ не однимъ стаканомъ отличнаго мѣстнаго вина, сообщилъ намъ многое, что̀ интересовало насъ въ этомъ совсѣмъ для насъ новомъ дѣлѣ. Л. Ф., хотя носитъ нѣмецкую фамилію, но представляетъ собою чистѣйшій типъ русскаго человѣка, и по наружности, и по характеру. По образованію своему онъ морякъ и прежде завѣдывалъ пароходствомъ Нобеля; но потомъ взялся за нефтяное дѣло, былъ управляющимъ Шибаевскаго завода, а теперь управляетъ самымъ обширнымъ нефтянымъ предпріятіемъ во всемъ Кавказѣ. Родной братъ его управляетъ какимъ-то англійскимъ заводомъ въ Ливерпулѣ. Кажется, только одинъ русскій человѣкъ способенъ на такую разнородную дѣятельность безъ спеціальной подготовки къ ней.

Между прочимъ мы разговорились о пресловутомъ появленіи Ротшильда на россійскомъ нефтяномъ горизонтѣ.

— Намъ Ротшильдъ ничѣмъ и нисколько не мѣшаетъ,—спокойно отвѣтилъ мнѣ Л. Ф. И я думаю, что никому онъ не могъ принести вреда. Не онъ, такъ другой капиталистъ занялся бы этимъ дѣломъ. Ослабѣвшія фирмы безъ него все равно пали бы, а онъ имъ все-таки помогъ продержаться и можетъ быть поправиться. Конечно, онъ помогъ имъ не безъ собственной выгоды, какъ помогаютъ всякій банкъ и всякій торговецъ. Здѣсь дѣла найдется для всѣхъ, и конкуренціи бояться нечего. Это только газеты сдѣлали почему-то изъ Ротшильда какое-то пугало.

Совершенно тотъ же взглядъ на появленіе здѣсь Ротшильда

слышалъ я ранѣе отъ В. Н. Рогге, имѣющаго, конечно, въ своемъ распоряженіи самыя убѣдительныя данныя для безпристрастнаго сужденія объ этомъ предметѣ. Онъ говорилъ мнѣ, что и первое появленіе Нобеля въ Баку было встрѣчено такими же опасеніями и недовѣріемъ, какъ теперь Ротшильда. И однако Нобель оказался благодѣтельною силою въ исторіи нефтяного дѣла, могуче двинувъ его впередъ, развивъ его до совершенства и помогши черезъ это нажиться многимъ предпріимчивымъ людямъ, хотя, конечно, онъ работалъ въ своихъ интересахъ и самъ наживалъ милліоны. Если бы не Нобели, не Ротшильды и имъ подобные просвѣщенные капиталисты, нефтяное дѣло въ Баку, по мнѣнію почтеннаго администратора края, спало бы до сихъ поръ прежнимъ сномъ; у мелкихъ промышленниковъ не хватило бы ни средствъ, ни умѣнія организовать его на широкихъ началахъ. Лучшимъ доказательствомъ, что тревога, забитая газетами по поводу Ротшильда, была вызвана искусственно, г. Рогге приводитъ то обстоятельство, что Ротшильдъ недавно предложилъ, не дожидая окончанія контрактовъ, выйти изъ своего союза всѣмъ нежелающимъ. И что же? Такихъ нежелающихъ нашлось всего не болѣе 5. Скоро кончится пятилѣтіе, на которое заключенъ Ротшильдомъ контрактъ съ нефтепромышленниками, и онъ ничуть не торопится возобновить его. Хотя многіе стали теперь на ноги съ его помощью и, по всей вѣроятности, захотятъ освободиться отъ обязательствъ своихъ передъ нимъ. Даже очень крупные нефтепромышленники воспользовались возможностью кредита у Ротшильда, какъ у всякаго другого банка, напр., Тагіевъ, бывшій не очень давно простымъ носильщикомъ-татариномъ, а теперь чуть ли не богатѣйшій изъ бакинскихъ купцовъ, владѣлецъ конки, театра, множества домовъ, заводовъ, пароходовъ и многихъ десятинъ нефти. Онъ тоже взялъ у Ротшильда 200.000 руб. и уже, конечно, не съ цѣлью поступить къ нему въ экономическое рабство. Точно также взяло у Ротшильда 150.000 Каспійское товарищество и др. Не бралъ у Ротшильда денегъ чуть ли не одинъ только

Нобель, да еще, пожалуй, Шибаевъ,—этотъ русскій мужичекъ-самоучка, ведущій свои заводы исключительно на собственныя денежки и достигшій въ нефтяномъ дѣлѣ большихъ результатовъ. Масла его считаются здѣсь самыми лучшими изо всѣхъ. Очистка ихъ доведена до такого совершенства, что нѣкоторые сорта его не имѣютъ ни малѣйшаго цвѣта и запаха и нерѣдко замѣняютъ прованское масло въ маринадахъ сельдей и прочихъ консервахъ. Государь Императоръ въ недавній пріѣздъ свой на Кавказъ посѣтилъ кромѣ заводовъ Нобеля и оригинальный заводъ Шибаева, какъ представителя здѣсь русской промышленной силы. Заводы Шибаева точно такъ же, какъ и Ротшильда,—то-есть, основаннаго имъ Каспійско-Черноморскаго товарищества,—находятся по сосѣдству съ Нобелевскими, но уже въ Бѣломъ городкѣ, версты $1^1/_2$ дальше по берегу моря. Берегъ этотъ—начало Апшеронскаго полуострова, этого главнаго очага нашихъ нефтяныхъ источниковъ. Апшеронскій полуостровъ тянется на 65 верстъ по морю и на 20 верстъ въ глубь материка.

Сабунчи, Балаханы, Сураханы и другія мѣстности съ нефтяными ключами—всѣ въ его предѣлахъ.

Теперь нефтяное производство Апшеронскаго полуострова достигло, по истинѣ, громадныхъ размѣровъ. Въ 1890 году, по оффиціальнымъ отчетамъ Закавказскаго акцизнаго вѣдомства, добыто всего нефти на Апшеронскомъ полуостровѣ—239 милліоновъ пудовъ, т.-е. почти то же количество, что во всей Пенсильваніи (258 милліоновъ пудовъ).

А въ 1877 году, по словамъ профессора Менделѣева, количество не только бакинской, но и всей нашей нефти вообще было *въ 15 разъ менѣе* американской.

Вѣроятно, въ прошломъ 1891 году добыча Апшеронскаго полуострова уже сравнилась съ пенсильванскою, такъ какъ она растетъ съ каждымъ годомъ въ прогрессіи, несравненно болѣе быстрой, чѣмъ въ Пенсильваніи. Еще въ 1877 году вся добыча Апшеронскаго полуострова не превосходила 12 милліоновъ пудовъ, между тѣмъ какъ въ Пенсильваніи она уже и

тогда равнялась 116½ милліонамъ. Точно съ такою же изумительною быстротою растетъ у насъ и количество буровыхъ скважинъ.

Въ 1877 году, когда профессоръ Менделѣевъ издавалъ свою извѣстную книгу *„О нефтяной промышленности"*, въ Баку и на Кубани вмѣстѣ считалось не болѣе 30—40 буровыхъ скважинъ. Еще въ 1885 г. ихъ было всего 194, а въ 1890 г. уже 360! Еще 4 года тому назадъ, въ 1888 году, на буреніе скважинъ затрачивалось только 850.000 руб. и пробуравлено было только 5.000 саженъ, а въ 1890 году цифра эта поднялась уже до 2½ милліоновъ рублей, а количество буравленныхъ саженъ почти до 15.000 [1]). Въ 1891 году прибавилось много новыхъ скважинъ, и изъ нихъ нѣкоторыя поразительной силы. Кромѣ извѣстнаго фонтана, который я посѣтилъ, и о которомъ я говорилъ выше, въ настоящую минуту, когда я пишу эти строки, на промыслахъ Тагіева, по словамъ газетъ, открылся фонтанъ небывалаго еще обилія,—выбрасывающій струею въ аршинъ толщины не менѣе 500.000 пудовъ въ сутки. Вообще же средняя годовая производительность буровыхъ скважинъ Апшеронскаго полуострова 664.000 пудовъ, хотя многія скважины даютъ болѣе милліона пудовъ въ годъ (такихъ теперь 32), а нѣкоторыя даже болѣе 2 милліоновъ (такихъ 18).

Изъ всей массы добываемой на Апшеронскомъ полуостровѣ нефти керосину приготовляется около 67½ милліоновъ пудовъ и смазочныхъ маслъ свыше 4½ милліоновъ (въ 1890 г.), а большая часть нефти эксплоатируется въ видѣ нефтяныхъ остатковъ для топлива (свыше 97 милліоновъ пудовъ). Сбываются всѣ эти продукты гораздо болѣе по Каспійскому морю (около 119 милліоновъ пудовъ), чѣмъ по желѣзной дорогѣ (свыше 57 милліоновъ пудовъ), изъ чего можно заключить, что Россія является все-таки болѣе крупнымъ потребителемъ Бакинскихъ нефтя-

[1]) Средняя цѣна буренія 1 сажени на Апшеронскомъ полуостровѣ считается 170 руб. сер., средняя глубина скважинъ въ 1889 году была 95 саж. (ранѣе же, въ 1885 г.—только 60 саж.).

ныхъ продуктовъ, чѣмъ Европа и другія чужеземныя страны, такъ какъ огромное большинство этихъ продуктовъ, принимаемыхъ желѣзною дорогою, идетъ въ Батумскій портъ и оттуда развозится въ разныя государства Европы.

Такъ, напр., Батумскій портъ отпустилъ въ 1890 году свыше 37 милліоновъ пудовъ нефтяныхъ продуктовъ. Замѣчательно, что Каспійскимъ моремъ, т.-е. въ Россію, направляется сравнительно мало керосина и смазочныхъ маслъ ($23^{1}/_{2}$ милліона пудовъ) и много нефтяныхъ остатковъ (около 89 милліоновъ пудовъ), по Закавказской желѣзной дорогѣ, т.-е. черезъ Батумъ за границу, главнымъ образомъ идетъ именно керосинъ и смазочныя масла (свыше 48 милліоновъ изъ 57), а нефтяныхъ остатковъ сравнительно очень мало (немного болѣе 8 милліоновъ пудовъ). Это обстоятельство находится, вѣроятно, въ зависимости отъ дешевизны топлива, именно каменнаго угля за границею, и дороговизны освѣтительныхъ и вообще маслянистыхъ матеріаловъ, которые въ Россіи сравнительно гораздо дешевле и при томъ же, при скромности русскаго простонароднаго быта, требуются у насъ не въ такомъ огромномъ количествѣ.

Вообще же нашъ Бакинскій нефтяной районъ еще далеко не одолѣлъ Пенсильванію на международномъ рынкѣ. При равной почти производительности, Америка вывезла въ 1890 году 148 милліоновъ пудовъ нефтяныхъ продуктовъ, между тѣмъ какъ мы изъ Баку и Батума вывезли въ томъ же году только $37^{1}/_{2}$ милліоновъ пудовъ!

Говоря о русской нефтепромышленности, нельзя не вспомнить о тѣхъ услугахъ, какія оказалъ ей нашъ извѣстный ученый, а главное, умный химикъ — профессоръ Менделѣевъ. Хотя здѣсь, въ Баку, далеко не всѣми признаются его заслуги, но нѣтъ никакого сомнѣнія, что его статьи, рѣчи и книги внесли много свѣта въ эту важнѣйшую отрасль нашей промышленности. Онъ очень рано началъ проповѣдовать необходимость разумныхъ пріемовъ въ дѣлѣ добыванія и обработки нефти. Онъ еще въ 1863 году совѣтовалъ Кокореву и другимъ основателямъ первыхъ Бакин-

скихъ заводовъ — перекачивать нефть по трубамъ вмѣсто перевозки ея бурдюками и бочками; онъ своимъ авторитетнымъ голосомъ много содѣйствовалъ уничтоженію откуповъ на добычу нефти, онъ многихъ ознакомилъ съ американскими усовершенствованными способами добычи и обработки нефти и настойчиво занимался химическими работами надъ нею.

Правда, менделѣевская теорія происхожденія нефти черезъ окисленіе просачивающеюся водою углеродистаго желѣза земной внутренности не болѣе, какъ гипотеза, и другіе ученые авторитеты не соглашаются допустить постояннаго образованія нефти внутри земли, не считаютъ ея запасовъ неизсякаемыми, а предполагаютъ, напротивъ, что это есть сбереженіе, накопленное тысячелѣтіями, которое нужно поэтому расходовать осмотрительно. Правда и то, что опытъ не оправдалъ нѣкоторыхъ предсказаній Менделѣева: онъ утверждалъ, напр., что устройство заводовъ, обрабатывающихъ нефть, должно быть далеко отъ мѣста ея добычи, въ мѣстахъ болѣе торговыхъ, болѣе богатыхъ топливомъ и рабочими силами, что невозможно браться одному и тому же предпринимателю за добычу и за обработку нефти, за перевозку ея и за торговлю ею. Жизнь показала, что заводы въ Баку могутъ работать съ большою выгодою, что Нобель, Тагіевъ или Шибаевъ въ одно и то же время отлично могутъ быть и владѣльцами буровыхъ скважинъ, и хозяевами очень сложныхъ и усовершенствованныхъ заводовъ для обработки нефти, и перевозчиками ея въ своихъ пароходахъ и вагонахъ, и торговцами ею въ своихъ громадныхъ складахъ въ Царицынѣ, Батумѣ и другихъ мѣстахъ.

Но все-таки въ общемъ профессоръ Менделѣевъ сильно посодѣйствовалъ распространенію среди узкихъ коммерческихъ взглядовъ на эксплоатацію этого великаго природнаго богатства Закавказья того убѣжденія, что «безъ свѣточа науки», какъ удачно выразился онъ въ своей книгѣ, «и съ нефтью будутъ потёмки!»

То, что сдѣлалъ Нобель для практики дѣла, то самое сдѣлалъ

Часть II.

ВЪ ТУРКМЕНІИ.

I.

На Каспіи.

Мы должны были отплыть въ Узунъ-Ада на почтовомъ пароходѣ общества Кавказъ и Меркурій *Князь Барятинскій*. Пароходъ отходилъ въ 7 часовъ вечера, и мы, съ помощью носильщиковъ Персовъ и извозчиковъ Татаръ, перекочевали на пароходъ еще совсѣмъ засвѣтло.

Пристань общества Кавказъ и Меркурій — самая обширная изо всѣхъ пристаней Баку; пароходы подходятъ къ ней вплотную, такъ что избѣгается всегда непріятный переѣздъ по морю на яликахъ. Вообще это общество стоитъ безспорно въ главѣ Каспійскаго и Волжскаго пароходства по числу и удобству своихъ пароходовъ, по точности своихъ рейсовъ. Правительство заключило контрактъ съ этимъ обществомъ на содержаніе почтоваго сообщенія по всѣмъ линіямъ Каспійскаго моря и Волги, такъ что общество это является своего рода привилегированнымъ и, такъ сказать, полуоффиціальнымъ.

Мы съ женой стояли на палубѣ и любовались незамѣтно отодвигавшимся отъ насъ городомъ. Южная ночь падала непри-

вычно быстро для сѣвернаго глаза, и весь берегъ начиналъ мигать, будто роями свѣтящихся мошекъ, безчисленными огоньками. Особенно густо переливали эти огни въ поясѣ заводовъ, тѣсною толпой охватившихъ берегъ справа, и цѣликомъ отражавшихся вмѣстѣ со всѣми этими миріадами трепещущихъ огоньковъ въ темныхъ омутахъ моря. «Черный Городокъ» превратился въ настоящій огненный городъ. Съ пристани Нобелевскаго завода долго впивалась въ насъ, будто глазъ циклопа, преслѣдующій бѣглецовъ, яркая звѣзда электрическаго фонаря, то нервно вспыхивавшая лихорадочнымъ синевато-бѣлымъ свѣтомъ, то вдругъ хмурившаяся чуть не до слѣпоты...

Красноватый огонь маяка, зажженный высоко на Дѣвичьей Башнѣ, казался, сравнительно съ этимъ безплотнымъ свѣтомъ, какимъ-то тусклымъ маслянымъ ночникомъ. Все короче собираются въ кучу огни берега, все виднѣе и шире выступаютъ темныя очертанія Апшеронскаго полуострова на сѣверѣ и гористые мысы на югѣ отъ исчезающаго города.

Мы покидаемъ этотъ глубоко азіатскій берегъ Кавказа, издревле залитый волной Персидскаго населенія и магометанской цивилизаціи, такъ рѣзко непохожій своими безжизненными желтыми холмами на цвѣтущіе природные сады Сухумскаго и Батумскаго побережья Кавказа, всегда широко открытого народамъ Европы, стариннаго обиталища Эллина, Римлянина, Итальянца...

Мы покидаемъ Баку, этотъ недавно еще пустынный городишко на пустынныхъ берегахъ пустыннаго моря, одиноко хранившій въ себѣ съ сѣдой древности мрачный культъ подземнаго огня...

Еще въ молодости моей Баку только и знали по его оригинальному храму огнепоклонниковъ...

Теперь этотъ храмъ покинутъ, и жрецы его разсѣялись по лицу земному. Теперь онъ не нуженъ больше и больше не интересенъ.

И въ самомъ дѣлѣ, чтó значилъ бы этотъ жалкій крошечный храмикъ съ его пятью, шестью дырочками земными теперь, когда весь городъ Баку, вся его многоверстная окрестность, и даже тѣ города, которые имѣютъ дѣло съ нимъ, и Батумъ, и Астрахань, и Царицынъ,—все обратилось въ одинъ громадный храмъ подземнаго огня, а тысячи жителей ихъ въ страстныхъ огнепоклонниковъ, фанатическихъ жрецовъ огненнаго культа, живущихъ этимъ даровымъ священнымъ пламенемъ, черпающихъ въ этихъ безчисленныхъ отверстіяхъ земныхъ свое счастіе и силу... Это уже не тѣ наивные и не практическіе жрецы, чтó двигались здѣсь когда-то, полуголые, изсохшіе, какъ скелеты, безплодно оберегая безплодныя сокровища Плутона, а ловкіе житейскіе мудрецы, съумѣвшіе разрѣшить нѣкогда неразрѣшимую задачу алхимиковъ и превратившіе огонь въ золото...

Такимъ смѣлымъ наслѣдникамъ поневолѣ уступили свое мѣсто скромные ветхозавѣтные жрецы огня...

Вотъ мы прошли островъ Нáргинъ съ вращающимися огнями маяка, прошли еще нѣсколько островов и очутились уже совсѣмъ въ открытомъ морѣ. Берега Кавказа только чуятся въ туманахъ ночи, среди которыхъ не перестаетъ глядѣть на насъ далекій глазъ Апшеронскаго маяка.

Публика не уходитъ съ палубы. Ночь тихая и ясная, море хотя и несется на встрѣчу суровою необхватною рябью, но не тряхнетъ, не качнетъ парохода. Мѣсяцъ красиво серебритъ всю эту широко движущуюся, искрящуюся тьмой и свѣтомъ, черно-синюю чешую чудовища-моря.

Насъ всѣхъ развлекаютъ теперь встрѣчи пароходовъ и кораблей. Вотъ впереди, какъ разъ у носа, сверкнулъ вдали огонекъ; звонки, вахта бросается къ своимъ мѣстамъ, раздается команда капитана держать румбъ направо, налѣво, и не успѣешь оглянуться, какъ черный колоссъ, скрипя мачтами, пыхтя черными трубами, обвѣшанный красными и бѣлыми фонарями, проно-

сится мимо, рѣзко вырисовываясь силуэтами своихъ снастей на освѣщенномъ небѣ.

А то вдругъ затемнѣетъ вдали, среди пустыни водъ, громоздкій, какъ башня, весь до макушки унизанный парусами, идущій по вѣтру корабль... И всѣ ждутъ его, всѣ провожаютъ его глазами, пока онъ не затушуется тѣнями ночи, и стараются угадать, откуда онъ, и чей, и зачѣмъ идетъ.

И всѣхъ изумляетъ эта непостижимая точность, съ которою моряки направляютъ свои суда среди безбрежнаго движущагося моря по одной и той же линіи, словно по большой дорогѣ, окопанной рвами и обсаженной деревьями.

А луна между тѣмъ поднимается все выше и разгорается все ярче. Мы теперь прямо бѣжимъ на нее. Туманы моря и туманы неба слились впереди, подъ самою грудью парохода, въ одну серебристую бездну, пропитанную лучами мѣсяца, — и на этомъ фантастическомъ фонѣ вырѣзаются черные силуэты трубъ парохода и обвѣшанныхъ реями мачтъ...

Чудится будто могучій пароходъ неудержимо стремится въ какую-то сотканную изъ свѣта сказочную пустоту...

Утро такое же чудное, какъ и ночь. Съ высоты своей рубки я оглядываю публику 3-го класса, уютно размѣстившуюся на палубѣ. Тутъ «такая смѣсь одеждъ и лицъ, племенъ, нарѣчій, состояній!» Интереснѣе всѣхъ для меня персы. Вотъ одинъ какого-то темно-желтаго, какъ имбирь, цвѣта, съ бородкой тщательно раскрашенною, тщательно подрѣзанною кругло, какъ тарелка, полулежитъ на многомъ множествѣ опрятныхъ подушекъ, тюфячковъ, одѣялъ и ковриковъ, какъ всегда любятъ покоиться персы и турки даже во время своихъ переѣздовъ. Предъ нимъ сидятъ кружкомъ 5 или 6 его женъ съ лицами, затянутыми наглухо бѣлымъ полотномъ, и среди нихъ хорошенькій глазатый юноша лѣтъ 14—15. Старый персъ недовольно хмурится на мои пристально устремленные взоры и поминутно ревниво оглядывается на свой походный сераль.

Но и у насъ въ каютъ-кампаніи не безъ оригинальныхъ спутниковъ. Мы знакомимся за утреннимъ кофе съ очень скромнымъ и любезнымъ американцемъ изъ Чикаго—мистеромъ Крэномъ, членомъ Русскаго Географическаго Общества, уже совершившимъ три путешествія по Россіи и имѣющимъ рекомендательное письмо въ Асхабадъ къ генералу Куропаткину отъ нашего извѣстнаго географа П. П. Семенова, вице-президента Географическаго Общества. Это нашъ будущій спутникъ, потому что ему нужно проѣхать почти во всѣ мѣста, куда собираемся мы. Американца сопровождаетъ толмачъ довольно необычнаго типа: Грузинъ въ черкескѣ съ патронами, въ кинжалахъ и насѣчкахъ. Онъ говоритъ по-татарски, по-грузински, по-французски, по-русски и, кажется, еще по-армянски. Рядомъ съ американцемъ сидитъ за нашимъ столомъ самый доморощенный россійскій субъектъ, составляющій презабавную художественную противоположность сосредоточенному янки. Это старичокъ чиновникъ, весь уже сморщенный въ фигу, страдающій въ Узунъ-Ада въ роли какого-то начальства, и по свойству нашего брата русскаго изливающій всѣ свои мнимыя и истинныя скорби всѣмъ, кому это интересно и не интересно слушать. Въ то время, какъ юный потомокъ Вашингтона кажется преисполненнымъ безмолвно-непоколебимой вѣры въ себя и не смущается ничѣмъ ему предстоящимъ въ невѣдомыхъ странахъ, этотъ нервный сынъ Руси все время причитываетъ, какъ ворчливая старуха, и на все кругомъ въ настоящемъ и будущемъ смотритъ съ абсолютною безнадежностью. Нигдѣ тутъ нельзя жить, ничего тутъ не можетъ выйти ни изъ чего, все дѣлается не такъ, всѣ ни къ чему негодны. И во всемъ, конечно, виновата казна. Казна не отпускаетъ того, не устраиваетъ этого. Казна—нянька, безъ которой шага не можетъ сдѣлать этотъ бородатый, сѣдой ребенокъ, которая за него живетъ и думаетъ, и на которую онъ, понятно, долженъ постоянно ворчать и сердиться...

Съ людьми видишься довольно часто, чаще чѣмъ хочешь, а

съ моремъ слишкомъ рѣдко. Поэтому я все больше уходилъ отъ людей къ морю, и забравшись куда-нибудь повыше, старался подольше оставаться наединѣ съ нимъ... Море—это что-то такое огромное, живое, сильное, что отъ него не оторвешься, съ нимъ не наскучитъ цѣлыми часами. А Каспійское море мнѣ хотѣлось видѣть особенно давно. Въ немъ есть оригинальность, дѣлающая его исключеніемъ изъ всѣхъ морей. Во всякомъ случаѣ, это море вовсе не шуточное, вовсе не озеро. На немъ точно такъ же ѣдете цѣлыми днями, не видя береговъ, на немъ такія же бури, поглощающія корабли, на немъ вся красота и весь ужасъ неохватной водной бездны. Но Каспійское море мнѣ было дорого еще, какъ русскому, какъ любителю поэтической русской старины. Я не сомнѣваюсь, что эта громадная чаша водъ еще въ доисторическія времена служила русскому человѣку школой его мореплаванія, его торговли, его набѣговъ. Родившаяся на односторонней почвѣ византійскихъ хроникъ и воспитанная односторонне-тенденціозными взглядами нѣмецкой исторической науки, русская исторія только въ послѣднее время начинаетъ, а то еще крайне несмѣло, оглядываться безпристрастно на саму себя и черпать все болѣе и болѣе свѣдѣній о древнихъ эпохахъ русской народной жизни въ богатомъ запасѣ сочиненій арабскихъ и другихъ восточныхъ писателей, народы которыхъ имѣли съ древними руссами гораздо болѣе тѣснаго общенія, чѣмъ горделивые западные сосѣди наши.

Изъ ихъ единодушныхъ свидѣтельствъ мы давно убѣдились, что руссы были руссами за многіе вѣка до того, когда, по нѣмецкой выдумкѣ, ихъ окрестили этимъ именемъ шведскіе нѣмцы, что русская смѣлая торговля, русская беззавѣтная храбрость наполняли собою далекіе уголки Азіи, задолго до подвиговъ навязанныхъ намъ нѣмцами норманнъ, служа дѣятельными посредниками между Европой и богатствами Востока.

На древнемъ Балтійскомъ поморьѣ, гдѣ когда-то блистали своею торговлей славянскіе города Волинъ, Щетинъ, Старградъ, Любечъ, онѣмеченные потомъ германскимъ насиліемъ, недаромъ

находятъ до сихъ поръ множество арабскихъ диргемъ VIII и VII вѣковъ, притекавшихъ туда именно путемъ каспійской торговли черезъ Волгу съ ея волоками.

«Что касается до *русскихъ купцовъ, принадлежащихъ къ славянамъ*», пишетъ, напримѣръ, Ибнъ Хордадбехъ въ половинѣ девятаго столѣтія, «то они изъ *отдаленнѣйшихъ странъ славянскихъ* привозятъ бобровые мѣха, мѣха черныхъ лисицъ и мечи къ берегу Румскаго (то-есть Чернаго) моря, гдѣ они даютъ $^1/_{10}$ византійскому императору. Иногда они на корабляхъ *ходятъ по рѣкѣ славянъ* (то-есть Волгѣ) и проѣзжаютъ по заливу Хозарской столицы (Итиля), гдѣ они платятъ $^1/_{10}$ царю страны. *Оттуда отправляются они въ Каспійское море и выходятъ на берегъ, гдѣ имъ угодно. Иногда они возятъ свой товаръ на верблюдахъ до Багдада*».

Другой арабскій писатель Ибнъ Даста въ началѣ X вѣка пишетъ:

«*Всѣ изъ Руссовъ, живущихъ по обоимъ берегамъ Волги,* везутъ къ Болгарамъ товары свои, какъ-то: мѣха собольи, горностаевые, бѣличьи и др.».

Въ VIII столѣтіи не только Багдадъ, но и вся Средняя Азія ведетъ съ Волгой торговлю на звонкую монету мѣхами, и особенно черною лисицей, считавшеюся въ Азіи царскимъ мѣхомъ,— и поставщиками этихъ мѣховъ являются Руссы.

«*Руссы и еще другіе Славяне*», пишетъ въ томъ же X вѣкѣ Массуди, «*имѣли въ Итилѣ* (близъ устья Волги) *постоянныя жилища* въ одной части города, гдѣ жили купцы, и имѣли особаго судью изъ своей среды».

«*Руссы состоятъ изъ многихъ народностей разнаго рода*», объясняетъ онъ далѣе. «Самое многочисленное племя ихъ *Эль-Лудз'âна* (Лютичи, Лужичане), торгуютъ съ Испаніей, Римомъ, Константинополемъ и Хозаріей».

Арабскій географъ того же вѣка *Эль-Балхи* дополняетъ о Руси слѣдующія свѣдѣнія:

«Русь состоитъ изъ трехъ племенъ: одно ближайшее къ Бол-

гару, и царь ихъ живетъ въ столицѣ по имени *Куяба* (Кіевъ); городъ больше Болгаръ. Второе, отдаленное отъ нихъ племя, называется *Селавія* (то-есть Славія, Словене, какъ назывались Новгородцы). Третье племя называлось *Барманія* (вѣроятно, Біармія, Пермь)».

Всѣ эти отрывочныя сказанія арабовъ убѣждаютъ насъ въ одномъ, что русское славянство было извѣстно Азіятскому Востоку гораздо ранѣе, чѣмъ начинается, такъ сказать, оффиціальная исторія русскаго народа, и притомъ извѣстно лицомъ къ лицу, какъ близкіе сосѣди, постоянно торговавшіе и воевавшіе съ нимъ, что славянство это къ началу русской исторіи уже крѣпко утвердилось по берегамъ великой славянской рѣки и пользовалось Каспійскимъ моремъ, какъ обычнымъ путемъ для сношеній съ разными странами Азіи. Самое имя Волга, которое многіе стараются произвести отъ разныхъ чуждыхъ намъ корней, блистательно доказываетъ, что эта рѣка была издревле главною торговою артеріей русскаго славянства, главною «водой» его. Волга, я убѣжденъ, есть простое и всѣмъ понятное русское слово. Это «влага» въ полнозвучной формѣ своей «волога», какъ «злато», «градъ», «млеко» имѣютъ полнозвучныя формы «золото», «городъ», «молоко». Въ имени города Вологды полнозвучіе это сохранилось. Въ простомъ народѣ сохранилось до сихъ поръ и всякое другое употребленіе полнозвучной формы «вологи». Такъ, напримѣръ, въ Курской и во многихъ другихъ губерніяхъ народъ постоянно примѣняетъ глаголъ «волгнуть», «отволгнуть» въ смыслѣ напитаться влагой, отсырѣть, такъ же какъ прилагательныя и нарѣчія, производныя отъ этихъ глаголовъ: волжаный, то-есть сырой, влажный, волжано, волжанѣе; есть даже растеніе *волжанчикъ*, растущее по болотамъ и отличающееся гибкостью, вслѣдствіе обилія влаги внутри его.

Интересенъ разсказъ арабскихъ писателей о старинныхъ походахъ руссовъ въ Каспійское море. Имамъ Абдуль-Хасанъ-Али, извѣстный подъ болѣе короткимъ именемъ Ибнъ-Масуди, въ

своихъ «Золотыхъ Лучахъ» такъ передаетъ случившееся въ его время (около 912 г.) событіе это:

«Приплывъ на судахъ своихъ къ Хозарскимъ карауламъ, разставленнымъ при устьѣ пролива, руссы послали къ царю Хозарскому просить позволенія пройти черезъ его владѣнія и рѣкой Волгой спуститься въ море Хозарское, обѣщая ему за это половину добычи, которую возьмутъ отъ народовъ, обитающихъ у сего моря».

Выѣхавъ изъ Дона въ Волгу, они проѣхали ею до Итиля.

«Отъ него по теченію этой рѣки достигли до самаго устья, гдѣ она впадаетъ въ море Хозарское. Отъ устья своего до города Итиля рѣка очень велика и полноводна. Отсюда руссы разсыпались по морю въ разныя стороны, выходя на берегъ толпами въ Джилѣ (то-есть Гилянѣ), Дейлемѣ, Табаристанѣ, Абискунѣ и *Нефтяной Землѣ*, до самой области Адербайджонской.

«Руссы вездѣ проливали кровь, уводили въ плѣнъ женщинъ и дѣтей, расхищали богатство, производили набѣги и предавали все огню и опустошенію.

«Всѣ народы, обитавшіе около сего моря, возопили о помощи, ибо съ незапамятныхъ временъ не видывали никакого врага, который бы нападалъ на нихъ съ моря, гдѣ доселѣ плавали только суда купцовъ и рыболововъ.

«Доходили до Нефтяного берега, находящагося въ области Ширванской и извѣстной подъ именемъ Баку. Удаляясь отъ береговъ послѣ набѣговъ своихъ, руссы обыкновенно искали убѣжища на островахъ, отстоявшихъ на нѣсколько миль отъ Нефтяной земли».

Такимъ образомъ, въ Баку мы, русскіе, старые гости и даже старые господа. На тѣхъ самыхъ островахъ Наргинъ, Дуванкой и Буле, мимо которыхъ я только-что проплылъ, была обычная военная стоянка нашихъ храбрецовъ-предковъ, хозяйничавшихъ по Каспійскому побережью. Очевидно, что и нефть была давно уже не новостью для смѣлыхъ посѣтителей Нефтя-

ного берега. Не этими ли посѣщеніями древнихъ руссовъ слѣдуетъ себѣ объяснить странное извѣстіе Адама Бременскаго, подавшеее поводъ къ столькимъ нелѣпымъ толкованіямъ о томъ, что въ славянскомъ Волинѣ при устьѣ Одера есть какой-то греческій огонь: «ibi est olla vulcani quod incolae graecum vocant ignem». Простой привозъ русскими въ Балтику Бакинской нефти разрѣшилъ бы вполнѣ удовлетворительно всѣ ученыя гипотезы объ этомъ «Вулкановомъ горшкѣ».

Хозары коварно истребили обремененныхъ добычей русскихъ смѣльчаковъ, возвращавшихся съ Каспія въ Волгу, и трудно сомнѣваться, что послѣдовавшій скоро вслѣдъ затѣмъ розгромъ, который Святославъ нанесъ Хозарскому царству, былъ именно торжественнымъ актомъ кровавой мести за погибшихъ отцовъ и братьевъ.

Очень можетъ быть, что и второй походъ руссовъ въ Каспій, о которомъ память сохранилась въ сочиненіяхъ арабскихъ писателей X вѣка, былъ продолженіемъ того же Святославова похода.

Абульфеда въ своихъ «мусульманскихъ лѣтописяхъ» говоритъ о немъ кратко:

«Въ такомъ-то году Геджры (по нашему 943) одно изъ поколѣній руссовъ, приплывъ на корабляхъ изъ страны своей по морю Каспійскому и рѣкѣ Куру, проникло до самаго города Бердаи; овладѣвъ имъ, руссы предались убійству и грабежу и, наконецъ, прежнимъ путемъ возвратились во-свояси».

Но другой арабскій писатель того времени Ибнъ-эль-Эсиръ, уважаемый на Востокѣ наравнѣ съ Масуди, сохранилъ подробное описаніе этого пребыванія древнихъ руссовъ въ теперешнемъ Закавказьи.

«Въ 943 году», говоритъ онъ, «*снова* увидѣли руссовъ въ Хозарскомъ морѣ. Они поднялись вверхъ по рѣкѣ Куру и внезапно появились предъ Бердаею, столицей Аррана, отстоящею около трехъ фарсанговъ къ югу отъ сей рѣки». Сокрушивъ все, русскіе долго оставались въ забранномъ городѣ, въ знаменитомъ тогда богатствомъ и торговлей (теперь маленькая де-

ревня Берде) и всѣ усилія выбить ихъ оттуда были напрасны. Страхъ туземцевъ предъ руссами былъ такъ великъ, что войска отказывались сражаться противъ нихъ. Когда, наконецъ, среди руссовъ развилась зараза, можетъ быть, отъ излишняго употребленія южныхъ плодовъ, и они добровольно покинули городъ, унося лучшую добычу, то опять-таки никто не осмѣливался преслѣдовать ихъ, и они спокойно сѣли на свои суда».

Этотъ походъ произвелъ такое потрясающее впечатлѣніе на воображеніе жителей Каспія, что впослѣдствіи однимъ изъ уроженцевъ Ганжи (Елизаветполя), извѣстнымъ персидскимъ поэтомъ Кизами, былъ написанъ цѣлый фантастическій романъ на тему взятія Бердая, которую защищалъ противъ ужасныхъ руссовъ никто иной, конечно, какъ самъ Александръ Великій, любимый герой Востока. Поэма такъ и называется Искандеръ-Камэ. Тамъ, между прочимъ, говорится: „*браннолюбивые* руссы, явясь изъ земель грековъ и аланъ, напали на насъ ночью, *какъ градъ*“, „*возобновивъ въ странѣ нашей древнюю вражду свою*“. Изъ этого видно, что походъ руссовъ на Бердаю въ X вѣкѣ считался туземцами только повтореніемъ частыхъ прежнихъ набѣговъ.

Однако нѣмецкіе историки, и въ виду такихъ краснорѣчивыхъ свидѣтельствъ восточныхъ современниковъ, не соглашаются признать за древними руссами самостоятельной славы смѣлыхъ воиновъ и предпріимчивыхъ торговцевъ. Никакихъ подвиговъ они не могли, разумѣется, совершать безъ руководства нѣмца, а о присутствіи нѣмца на Каспіи въ IX и X вѣкахъ арабскіе писатели, къ сожалѣнію, не говорятъ ничего.

Ergo, все это вымыселъ восточной фантазіи, перепутавшей, навѣрное, баснословные разсказы о Бердаѣ и Хозарахъ съ походомъ Игоря на Константинополь! Вы думаете, что я шучу, читатель, а нѣмецъ Эрдманъ пресерьезно учитъ насъ этому и не приказываетъ вѣрить никакимъ Массуди и Абульфедамъ, хотя бы они и были чуть не очевидцами событій.

Но, къ счастью, русскій народъ сохранялъ въ своей живой

памяти свои вѣками налаженные торговые и военные пути и настойчиво продолжалъ стремиться къ нимъ, пока необоримая сила не задвинула ему путей въ эту самую Азію. Вмѣсто потрясеннаго Святославомъ Хозарскаго и Болгарскаго царства залегла по великой славянской рѣкѣ, по древнему Хвалынскому морю, побѣдоносная татарская орда, полонившая чуть не цѣлую Азію, чуть не половину Европы. Только справившись съ нею въ смертельной двухвѣковой борьбѣ, Россія могла вновь подумать о старыхъ путяхъ по Волгѣ и Каспію, и Стенька Разинъ явился однимъ изъ первыхъ продолжателей древней русской удали на волнахъ Каспія. Со своими ничтожными разбойничьими силами онъ долго царилъ на южномъ побережьи Хвалынскаго моря, сносился съ шахомъ персидскимъ, какъ равный съ равнымъ, воевалъ съ нимъ и мирился, громилъ его крѣпости, отнималъ у него цѣлыя области и увозилъ на родимую Волгу награбленныя персидскія сокровища.

Орлиный глазъ Петра, величайшаго хозяина Россіи, и самаго русскаго изъ русскихъ людей, несмотря на его голландскія и шведскія подражанія, не могъ, конечно, упустить изъ вида Каспія, этихъ естественныхъ воротъ къ богатствамъ Востока. Прорубя на Балтикѣ окно въ Европу, укрѣпляясь желѣзомъ и кровью при устьѣ Невы, Петръ уже рылъ каналы для соединенія Балтики съ Каспіемъ, и понималъ лучше, чѣмъ мы теперь это понимаемъ, что бѣдный народъ русскій можетъ стать богатымъ, только сдѣлавшись постояннымъ посредникомъ между торговлей Европы и богатствомъ Азіи. Еще во время безконечной Сѣверной войны, надрывавшей силы Россіи, онъ уже задался рѣшительною задачей овладѣть всѣми берегами Каспія, и ждалъ только развязки со шведами, чтобы заняться Персіей. Онъ приказывалъ своему талантливому сотруднику Артемію Волынскому, тогдашнему послу въ Персіи:

«Ѣдучи по владѣніямъ шаха персидскаго, какъ моремъ, такъ и сухимъ путемъ, всѣ мѣста, пристани, города и прочія поселенія, и положенія мѣстъ, и какія, гдѣ въ Каспійское море

рѣки большія впадаютъ, и до которыхъ мѣстъ онымъ рѣкамъ можно ѣхать отъ моря, и нѣтъ ли какой рѣки изъ Индіи, которая бы впала въ сіе море... присматривать прилежно». «Смотрѣть, какимъ способомъ въ тѣхъ мѣстахъ *купечество россійскихъ подданныхъ размножить* и нельзя бы *черезъ Персію учинить купечество въ Индію?* Склонять шаха, чтобы *повелѣно было армянамъ весь свой торгъ шелкомъ-сырцомъ обратить проѣздомъ* (то-есть транзитомъ) въ Россійское государство, *предъявляя удобство водяного пути до самаго Петербурга* вмѣсто того, что они принуждены возить свои товары *въ турецкія области на верблюдахъ*».

Въ Астрахани потихоньку изготовлялись, по повелѣнію царя и по совѣту дальновиднаго Волынскаго, морскія суда, орудія, съѣстные припасы, и, наконецъ, въ 1722 году, сейчасъ послѣ Ништадтскаго мира, Петръ поплылъ по Волгѣ въ Астрахань и, ставъ во главѣ войска, лично повелъ его на берега Кавказа. Тарки, древній Семендеръ, нѣкогда столица Хозарскаго царства, и Дербентъ, «ворота свѣта»,—открыли ему свои ворота. Шиповъ на корабляхъ занялъ Рящъ, Матюшкинъ Баку, а по договору 12 сентября 1723 года все почти побережье Каспія, кромѣ Шемахи, въ томъ числѣ теперешнія Персидскія области Гилянъ, Мазандаранъ, Астрабадъ, вмѣстѣ съ Дербентомъ и Баку, были формально уступлены Россіи.

Петръ придавалъ огромное значеніе этому пріобрѣтенію, и посолъ его Неплюевъ прямо объявилъ Портѣ Оттоманской, негодовавшей на дѣйствія Россіи: «Императоръ мой *не допуститъ къ Каспійскому морю никакой другой державы, особенно Турціи*».

Англія, всегда ревниво слѣдившая за развитіемъ русскаго могущества, уже тогда поняла великое значеніе Каспія для экономической будущности Русскаго государства, и дѣлала все возможное, чтобы побудить Турцію объявить за это войну Россіи.

«Русскій государь хочетъ *овладѣть не только персидскою, но и всею восточною торговлей*», внушалъ Портѣ тогдашній англійскій посланникъ, «вслѣдствіе чего товары, *шедшіе прежде въ*

Европу черезъ турецкія владѣнія, пойдутъ черезъ Россію, и тогда *Англичане и другіе Европейцы выѣдутъ изъ Турціи,* къ великому ущербу казны султановой. Поэтому Порта должна *оружіемъ остановить успѣхъ Русскихъ на Востокѣ,* и если Порта объявитъ Россіи войну, то *получитъ денежное вспоможеніе не только отъ короля, но и отъ всего народа англійскаго*".

Политика Англіи относительно Россіи 170 лѣтъ тому назадъ, какъ видно, была та же, что и теперь, и ее во всякомъ случаѣ нельзя назвать близорукою.

А взгляды Петра были еще шире, еще дальше. Онъ уже задумывалъ присоединеніе къ Россіи христіанскихъ земель Арменіи и Грузіи, которыхъ представители давно умоляли его о защитѣ противъ мусульманъ, онъ уже бросалъ свои смѣлые взоры къ Аму-Дарьѣ и Индіи.

Румянцеву, посланному имъ черезъ Кавказъ въ Стамбулъ, онъ поручалъ: «смотрѣть накрѣпко мѣстоположенія, а именно отъ Баку до Грузіи, какая дорога, сколь долго можно съ войскомъ идти, и можно ль фуражъ имѣть, и на сколько лошадей, и путь каковъ для войска. Курой рѣкой возможно-ль до Грузіи идти судами хотя малыми. Состояніе и силу Грузинцевъ и Армянъ».

Петръ слышалъ о томъ, что рѣка Аму-Дарья впадала когда то устьемъ въ Каспійское море, и его могучая воля не останавливалась даже предъ колоссальною задачей—повернуть опять въ Каспій русло великой рѣки, чтобы создать такимъ образомъ прямой путь къ предѣламъ Индіи.

Въ собственноручной инструкціи его Бековичу-Черкасскому, посланному къ хану Хивинскому, Петръ ставитъ между прочимъ слѣдующіе пункты, поражающіе своею глубокою дальновидностью и геніальною смѣлостью:

1. «Надлежитъ надъ Гаваномъ, гдѣ *было* устье Аму-Дарьи рѣки, построить крѣпость человѣкъ на 1.000, о чемъ просилъ и посолъ Хивинскій.

2. «Ѣхать къ хану Хивинскому посломъ, а путь имѣть

подлѣ той рѣки и осмотрѣть прилежно теченіе оной рѣки, також и плотины, *ежели возможно оную воду паки обратить въ старый пасъ;* къ тому жъ прочія устья заперегь, которыя идутъ въ Аральское море, *и сколько къ той работѣ потребно людей.*

7. «Также просить у хана Хивинскаго судовъ, и на нихъ *отпустить купчину по Аму-Дарьѣ рѣкѣ въ Индію,* наказавъ, чтобъ *изъѣхалъ ее, пока суда могутъ итти,* и оттоль ѣхалъ бы въ Индію, примѣчая рѣки и озера, и описывая водяной и сухой путь, *а особливо водяной къ Индіи* тѣми или другими рѣками, и возвратиться изъ Индіи тѣмъ же путемъ, или ежели услышитъ въ Индіи еще лучшій путь къ Каспійскому морю, то онымъ возвратиться и описать».

Сыръ-Дарья тоже останавливаетъ на себѣ его всеобъемлющее вниманіе. Сибирскій губернаторъ Гагаринъ донесъ ему, что въ Малой Бухаріи находятъ золото въ калмыцкихъ владѣніяхъ въ рѣкѣ Дарьѣ (Сыръ-Дарьѣ). Петръ пишетъ ему своеручно:

«Построить городъ у Ямышева озера, а буде можно, и выше, а построя крѣпость, *искать дальше по той рѣкѣ вверхъ,* пока *лодки пройти могутъ,* и отъ того итти далѣе до города Иркети и онымъ искать овладѣти».

Первое русское укрѣпленіе было тогда же построено на берегу Каспійскаго моря, у Красноводскаго залива, куда впадаетъ старое русло Аму-Дарьи. Но послѣ убійства въ Хивѣ Бековича-Черкасскаго маленькій гарнизонъ Красноводска покинулъ въ 1717 году крѣпостцу и возвратился на судахъ въ Россію.

Новый Красноводскъ уже возникъ на нашей памяти чрезъ полтора столѣтія послѣ Петра. Въ 1859 году экспедиція наша, обозрѣвавшая берега Туркменіи, едва разыскала на красноводской косѣ слѣды бывшихъ окоповъ Бековича-Черкасскаго.

Преемники Петра уже не смотрѣли на Каспій съ геніальною проницательностью Петра и выпустили изъ своихъ рукъ захваченную дорогую добычу. Берега Хвалынскаго моря опять стали для насъ чужими и враждебными; киргизскіе и туркмен-

скіе пираты стали безпрепятственно хозяйничать на водахъ Каспія и дѣлали невозможными торговыя сношенія съ берегами его.

Хотя въ 1732 году обѣ ближнія къ намъ киргизскія орды, малая и средняя, добровольно приняли подданство Россіи, но это не мѣшало прикаспійскимъ кочевникамъ безнаказанно разбойничать на Каспіи, укрываясь, въ случаяхъ опасности, въ Хивинскіе предѣлы, подъ защиту Хивинскаго хана.

Только въ царствованіе Николая I Россія обратила серьезное вниманіе на Каспійское море и на наши отношенія къ мусульманскимъ ханствамъ Центральной Азіи.

Для обузданія морскихъ разбойниковъ былъ основанъ въ 1833 году Александровскій фортъ въ заливѣ Каспійскаго моря Мертвый Култукъ, перенесенный потомъ въ 1855 году на гораздо болѣе удобный мысъ полуострова Мангышлака, далеко выдающагося въ море и составляющій теперь попутный портъ для обновленія всякаго рода запасовъ по пути судовъ изъ Астрахани въ Красноводскъ, Узунъ-Ада и далѣе въ Персію.

Для прекращенія же постыднаго невольничьяго торга, ради котораго береговые Туркмены свободно охотились по персидскимъ берегамъ и полонили тысячами ихъ жителей, Русское правительство построило на островкѣ у входа въ Астрабадскую бухту фортъ Ашуръ-Ада, который своими сторожевыми судами скоро водворилъ безопасность на водахъ Каспія, а вмѣстѣ съ тѣмъ лишилъ Персію всякаго повода держать свои военные корабли на Каспійскомъ морѣ, которое Россія рѣшилась признавать исключительно своимъ внутреннимъ моремъ.

А вмѣстѣ съ этимъ умиротвореніемъ Каспія началось роковымъ образомъ и безостановочное движеніе Русскихъ внутрь Туркестана, вверхъ по рѣкѣ Сыру и потомъ къ Аму-Дарьѣ, началась эпоха русскихъ завоеваній въ Центральной Азіи, остановившаяся пока на Мервѣ, Серахсѣ и Пендждѣ, и уже перевалившее на Памиръ,—эту «крышу свѣта» и предполагаемую родину Арійскаго племени...

— Скажите, пожалуйста, что интереснаго можно посмотрѣть въ Узунъ-Ада?—обратился я за обѣдомъ съ вопросомъ къ ворчливому обитателю этого новорожденнаго Каспійскаго порта.

— Вы называете его Узунъ-Ада?—насмѣшливо переспросилъ онъ меня.

— А какъ же нужно называть его?

— Я зову его Узунъ-Адъ, это имя гораздо подходящѣе!—желчно объявилъ старикъ.—А въ аду что же можно смотрѣть? Пекло одно!... Пекла и у насъ сколько хотите... пятьдесятъ, шестьдесятъ градусовъ, а если мало и больше... Песку тоже сколько душѣ угодно... Но ужъ кромѣ этого—ровно ничего!..

— Развели-жъ, я думаю, садики какіе-нибудь, бульвары,—скромно замѣтилъ я.

Обитатель Узунъ-Ада сардонически захохоталъ.

— Слышите, Антонъ Станиславовичъ, сады, бульвары? Каково!—обратился онъ, не отвѣчая мнѣ, къ своему сосѣду и очевидно, земляку...—Какъ же-съ, какъ же-съ, Брынскій лѣсъ цѣлый... Понимаете ли, милостивый государь, розги одной нѣтъ во всемъ городѣ, ребенка высѣчь нечѣмъ... Или вы думаете, мы его напрасно Узунъ-Адомъ зовемъ...

— Рѣка же есть?—не унимался я.

— Рѣка!.. слышите, Антонъ Станиславовичъ,—рѣ-ка-а!—захохоталъ еще раздражительнѣе мой собесѣдникъ.—Когда-бъ то рѣка, а то ни одного колодца, государь мой,—воду за 136 верстъ со станціи возятъ. Вы можете себѣ представить, какая это бываетъ вода при 55 градусахъ жара? Да въ Узунъ-Аду иначе и быть не должно... На то онъ и адъ кромѣшный...

— И развлеченій никакихъ, ни клуба, ничего?...

— Какъ же, какъ же, развлеченія на каждомъ шагу. То пароходъ придетъ, то пароходъ уйдетъ, а тамъ желѣзная дорога уйдетъ и придетъ... Чего-жъ еще?... Правда, у насъ во всемъ городѣ ни у кого ни одной лошади, ни одной коровы, ни одной овцы... Пескомъ вѣдь не накормишь... Ну да это вздоръ!...

— Общество ваше небось немногочисленное?

— Знаете ли, правду вамъ сказать, мы всѣ другъ съ другомъ какъ раки перешептались!.. Рожу пріятеля увидишь, такъ не знаешь, куда бѣжать... Помилуйте, поневолѣ глазъ намозолишь, изо-дня въ день все на однихъ и тѣхъ же глядя... Правда вѣдь Антонъ Станиславовичъ?

Антонъ Станиславовичъ, человѣкъ громаднаго роста и тучный, повидимому, занимался въ адѣ кромѣшномъ какими-нибудь не безвыгодными подрядами и потому отвѣтилъ черезчуръ нервному пріятелю только снисходительною улыбкой, молча продолжая уписывать ростбифъ съ горчицей.

— Кто у насъ тамъ? Вотъ я, офицеръ жандармскій, воинскій начальникъ, да агентовъ человѣкъ пять... больше и нѣтъ никого,—перечислялъ желчный старикъ.

— Я слышалъ, дорогу скоро переведутъ отсюда въ Красноводскъ, тамъ, можетъ быть, получше будетъ?—спросилъ я.

— Какъ-же, держите карманъ! Такъ сейчасъ и переведутъ. Въ четвергъ послѣ дождика развѣ. Вѣдь эта шуточка, батюшка мой, не больше, не меньше какъ въ три съ половиной милліончика казнѣ влетитъ!.. не то во всѣ пять!... Да и линія на сорокъ восемь верстъ длиннѣе будетъ, тоже прибыли мало... Отправитель не поблагодаритъ...

— Стало-быть, вы противъ перевода въ Красноводскъ?..

— Конечно, противъ. Ужъ тутъ по крайней мѣрѣ, знаешь, что Узунъ-адъ, ну и не ждешь ничего... привыкъ все-таки, стерпѣлся... А тамъ вѣдь тоже не пряники будутъ!.. Тоже песокъ да море, море да песокъ!..

Въ эту минуту капитанъ прислалъ мнѣ сказать, что виденъ берегъ, что мы входимъ въ заливъ.

Мы поднялись съ женой на рубку полюбоваться берегами Туркменіи.

День былъ ясный и розовыя гряды голыхъ Красноводскихъ горъ весело сіяли на чистой синевѣ неба слѣва отъ насъ. Подъ этимъ неохватнымъ голубымъ сводомъ, низкая, красновато-желтая

полоса Туркменскаго берега отрѣзала впереди, вездѣ, куда глазъ хваталъ, гладкую, голубую скатерть стихшаго моря. Красновато-желтые острова пирамидами, горбами, холмами, плоскими отмелями, то круглые, какъ блюда, то узкіе и длинные, какъ языки, цѣлымъ перепутаннымъ архипелагомъ обсыпали берега, оставляя между собою безчисленные канальчики, проливы, бухты, озерки... Мы въѣзжали въ какой-то лабиринтъ песчаныхъ шхеръ, въ которомъ могъ распознаться только опытный лоцманъ. Признаюсь, я никогда не подозрѣвалъ, что берегъ Каспія предстанетъ мнѣ въ такомъ оригинальномъ видѣ, напоминающемъ какую-нибудь Финляндію или Норвегію, хотя и съ пескомъ вмѣсто скалъ. Я зналъ только о существованіи единственнаго сосѣда Узунъ-Ада— довольно большого острова Челекеня, который теперь остался вправѣ отъ насъ и на которомъ производится добыча нефти Нобелевскаго товарищества. Влѣво отъ насъ поворачиваетъ Красноводскій заливъ, оканчивающійся въ своей глубинѣ узкою и длинною Балаханскою бухтой далеко врѣзающеюся въ туркменскій материкъ. Эта бухта, по всей вѣроятности, и была въ древности устьемъ Аму-Дарьи, старое русло которой подходитъ прямо къ ней.

Но мы держимъ курсъ правѣе, къ Узунъ-Ада. Узунъ-Ада тоже одинъ изъ безчисленныхъ песчаныхъ острововъ, окаймляющихъ берега Туркменіи. На персидскомъ, или, какъ здѣсь выражаются, фарсійскомъ языкѣ слово это означаетъ «длинный островъ».

Рядъ красныхъ желѣзныхъ столбовъ указываетъ намъ вмѣсто бакеновъ нашъ извилистый фарватеръ, капризно вьющійся между песчаныхъ отмелей. Ледъ каждый годъ срѣзаетъ всякаго рода другіе значки, такъ что пришлось склепывать по три рельса въ одинъ столбъ и забивать въ песчаное дно. У конца красноводской косы вырѣзается пловучая башня красноводскаго маяка. Тамъ живетъ вѣчно окруженный волнами моря начальникъ маяка съ помощникомъ и командой. Это поскучнѣе и поуднообразнѣе всякаго Узунъ-Ада!

Направо мы все ближе врѣзаемся въ оригинальный архипелагъ. Вотъ подошли мы къ полуострову Дарджа. Все это одни и тѣ же до отчаянія голые, желтые, песчаные курганы, съ разбѣгающимися изъ-подъ нихъ низкими длинными косами... Только на немногихъ островахъ, гдѣ песчаные барханы нагромождены цѣлыми горами и успѣли достаточно оплотнѣть снаружи, встрѣчаются тощія, темныя поросли саксаула, набившагося въ пазухи, ползущаго по скатамъ...

Какою чудною лазурью ни переливаетъ предъ нами море, какъ ни ясна безпорочная синева весенняго неба, но и въ этой свѣтлой картинѣ уныніемъ и смертью несетъ отъ песчаныхъ могилъ, необитаемыхъ ни людьми, ни звѣрями, что облегли на многія версты пустынный берегъ Каспія.

Песчаные бугры растутъ и впереди, и кругомъ насъ. Мы въ безысходномъ царствѣ песковъ, одолѣвающихъ все больше и больше голубое море. Это роковой рубежъ, гдѣ великая азіатская пустыня, стихія смерти, схватывается въ отчаянной борьбѣ грудь съ грудью съ водой, съ источникомъ жизни...

Всѣ эти неудержимо заносимыя пескомъ ежедневно мелѣющія прибрежныя воды, всѣ эти вырастающіе въ теченіе вѣковъ на зыбкой груди моря безчисленные песчаные холмы, перешейки, косы, весь этотъ лабиринтъ песчаныхъ островковъ, отодвигающій все дальше и дальше отъ берега морскую глубь,—все это плоды побѣды смерти надъ жизнью, пустыни надъ моремъ. Море уходитъ все дальше, пустыня надвигается все ближе. Сегодняшній свободный проливъ завтра дѣлается отовсюду замкнутымъ озеромъ, сегодняшнее озеро завтра зарастаетъ материкомъ. Безостановочно, съ каждымъ движеніемъ вѣтра, напираютъ пески съ широкаго лона азіатской пустыни и строятъ, строятъ среди воды безъ счету и мѣры свои плотины, валы, брустверы, подымаютъ свои пирамиды и башни... И какая сила сможетъ остановить ихъ?..

II.

Оазисъ Ахалъ-теке.

Жалкая кучка домиковъ, называющая себя мѣстечкомъ Узунъ-Ада, совсѣмъ погребена среди надвинувшихся на нее песчаныхъ горъ... Тутъ ужъ ни травинки нигдѣ, ни деревца, даже всевыносливаго саксаула слѣда не видно. Одинъ свѣжій, яркожелтый песокъ, только-что взбуравленный вѣтромъ, еще весь въ чуть застывшей зыби. Ступишь въ него, по колѣна уйдешь. Это единственныя окрестности городка на многія версты кругомъ. Безотрадная Сахара охватываетъ со всѣхъ сторонъ этотъ неудачно рожденный новый портъ.

Нѣсколько пароходиковъ и парусныхъ судовъ грузятся около пристани прессованнымъ хлопкомъ. Это, кажется, единственный тутъ товаръ. По берегу разставлены цѣлыми стѣнами его бѣлыя кубическія кипы, стянутыя двумя полосками желѣза. Всѣ дворы, склады, огорожи Узунъ-Ада полны тѣхъ же бѣлыхъ кубиковъ. Сейчасъ чувствуешь, что стоишь передъ воротами хлопковой страны.

Вотъ и нашъ пароходъ присталъ вплотную къ деревянной пристани, и небольшая кучка черномазаго восточнаго люда, достаточно оборваннаго и пыльнаго, жадно обступаетъ выходящихъ на берегъ, высматривая хищническими глазами, не будетъ ли какой поживы.

Какъ-то жутко покидать цивилизованную уютность парохода, его зеркальныя столовыя и бархатные диваны, чтобъ отдаться этимъ зловѣщимъ пескамъ и этой грязной, и тоже зловѣщей, толпѣ. Ни извозчиковъ, ни лакеевъ изъ гостинницъ, ни носильщиковъ съ ярлыками — никого. Оборвыши атлетическаго вида въ грязныхъ тряпкахъ, съ черными разбойничьими буркалами, съ рожами коричневыми отъ загара и покрытыми какимъ-то маслянистымъ пòтомъ, вырываютъ у васъ чуть ли не насильно

ваши вещи и мчать ихъ куда-то, скрываясь въ тѣснящейся толпѣ такихъ же лупоглазыхъ разбойничьихъ мордъ. Все это персы, татары, армяне самаго сквернаго разбора. Есть и русскіе, тоже изъ рядовъ «золотой роты». Сюда забирается и здѣсь соглашается жить только отчаянный народъ.

Мѣстечко маленькое, а до станціи желѣзной дороги добираться приходится довольно далеко и все по пескамъ, по невыносимому жару. Нѣсколько агентскихъ конторъ, транспортныхъ, коммиссіонерскихъ, пароходныхъ, нѣсколько складовъ,—вотъ и весь городишко. Домишки крошечные, жалкіе, лавчонки и того хуже. Улица больше состоитъ изъ заборовъ, охватывающихъ обширные пустыри, среди которыхъ наваленъ хлопокъ.

До грусти тяжело, душу придавливающее впечатлѣніе производитъ эта высадка изъ древняго моря Гирканскаго во вновь завоеванныя закаспійскія владѣнія Россіи.

Дѣйствительно согласишься съ желчнымъ старичкомъ, — его подневольнымъ обитателемъ,—что это Узунъ-адъ.

Станцію желѣзной дороги совѣстно назвать вокзаломъ. Это точно станція, въ родѣ почтовыхъ станцій нашихъ проселочныхъ дорогъ, маленькая и тѣсная. Вокругъ видны неудавшіяся попытки развести что-то въ родѣ садика. Потрачено много усилій и денегъ, привозилась издалека черная земля, поливалась водой, тоже привозимою издалека,—и все опять засыпалось неукротимыми песками, все выжигалось неумолимымъ солнцемъ азіатской пустыни. А вмѣстѣ съ тѣмъ удивительнымъ образомъ на этихъ пескахъ страшная сырость. Копнешь на полтора аршина въ глубь и наталкиваешься на воду; только вода эта— морская. Всѣ эти песчаные острова и мысы выросли на поверхности моря, которое они только затянули.

Мы съ женой невольно вспомнили другой далекій уголокъ такой же знойной песчаной пустыни, посѣщенной нами, нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Измаилія на африканскомъ берегу Суэцкаго канала находилась совершенно въ тѣхъ же условіяхъ, какъ и Узунъ-Ада—ни кустика, ни травки, все выгорѣло и засыпалось.

И однако энергія Фердинанда Лессепса добилась того, что теперь его Измаилія, любимое мѣсто его пребыванія во время работъ канала, — превратилась въ цвѣтущую корзину садовъ. Конечно, для этого потребовалось ни болѣе, ни менѣе, какъ проведеніе изъ-подъ Нила канала сладкихъ водъ, сопутствующаго почти на всемъ протяженіи морскому каналу Суэца. Можетъ быть, и для Узунъ-Ада сдѣлала бы что-нибудь въ этомъ смыслѣ, если бы не постоянно висящій надъ нимъ въ видѣ Дамоклова меча и до сихъ поръ еще окончательно не разрѣшенный вопросъ о перенесеніи порта въ Красноводскъ, къ которому могутъ подходить и глубоко сидящія суда. Теперь же сколько-нибудь большія суда, нагруженныя товаромъ, должны останавливаться за нѣсколько верстъ отъ Узунъ-Ада, предъ входомъ въ шхеры, и перегружаться въ открытомъ морѣ, иногда въ непогоду, въ небольшія береговыя суда, что̀, конечно, вызываетъ потерю времени и серьезные расходы, а часто и несчастія съ грузомъ. Трудно сомнѣваться, чтобы вопросъ о переводѣ порта въ Красноводскъ долго оставался неразрѣшеннымъ. Это особенно необходимо въ цѣляхъ военныхъ, такъ какъ Красноводскъ продолжаетъ служить складочнымъ военнымъ пунктомъ. Нужно думать, что геніальный глазъ Петра I, намѣтившаго въ Красноводскѣ первую русскую стоянку для завоеванія Закаспійскихъ областей, и здѣсь такъ же мало ошибся, какъ мало ошибался онъ во всѣхъ своихъ планахъ. Если для скорѣйшаго начатія желѣзнодорожнаго движенія въ свое время было чрезвычайно важно сократить рельсовую линію и воспользоваться первымъ возможнымъ мѣстомъ берега, какъ починнымъ пунктомъ, то въ настоящее время, когда желѣзная дорога уже стала окупать сама себя, кажется, ничто не должно останавливать перенесенія этого пункта въ мѣсто наиболѣе безопасное и наиболѣе удобное для войны и торговли хотя бы цѣной нѣкотораго удлиненія линіи.

Поѣздъ потянулся черною колѣнчатою стоножкой по узкой дамбѣ, соединяющей островъ Узунъ-Ада съ берегомъ и другими попутными островками. Дамба поднята, чтобы вода морскихъ

прибоевъ не перебивала пути. Тутъ человѣку приходится бороться въ одно и то же время съ волнами моря и съ песками земли, съ палящимъ зноемъ лѣта и съ сибирскою стужею зимъ.

Первая станція, поистинѣ, наводитъ ужасъ, но хороши и остальныя! Сплошные песчаные кучугуры, иные величиной съ добрую гору, провожаютъ васъ справа и слѣва, и стелятся вдаль. Заливы и проливы моря, густосиніе среди ярко освѣщенныхъ песковъ, то и дѣло подходятъ справа, а за ними опять надалеко лабиринтъ песчаныхъ холмовъ, голыхъ, сыпучихъ, безъ куста, безъ травки. Ясно, что это взбудораженное вѣтрами старое дно до-историческаго моря, когда-то схлынувшаго отсюда черезъ низины Кумы и Манычa въ Азовское и Черное. Недаромъ древніе еще при Страбонѣ думали, что Гирканское, то-есть Каспійское, море было соединено съ Меотійскимъ болотомъ, то-есть Азовскимъ моремъ. Пожалуй, оно и изъ болота обратилось въ море съ помощью тѣхъ самыхъ водъ Каспія, которыя нѣкогда покрывали эти береговые пески. Теперь старое морское дно засыпаетъ своими двигающимися песчаными холмами волны живого моря и съ каждымъ днемъ расширяетъ на его счетъ свои владѣнія.

Прибрежные острова Каспія тѣ же песчаные кучугуры, чтó покрываютъ его берега, только не успѣвшіе еще слиться, какъ они, въ одинъ безотрадный и безжизненный материкъ.

Отчаяніе возьметъ смотрѣть на него, дажс проносясь на крыльяхъ пара, а не только жить среди него. Это настоящія картины Дантова ада.

Съ щемящимъ сердцемъ гляжу я на безпомощно заброшенныя въ этихъ титаническихъ песчаныхъ могилахъ одинокія караулки, мимо которыхъ быстро проноситъ насъ желѣзнодорожный поѣздъ. Это такъ называемый «околотокъ». Сторожъ и человѣкъ пять рабочихъ прячутся въ маленькой казармѣ безъ двора и кустика, безустанно отбиваясь отъ вездѣ царящаго тутъ, все побѣждающаго песка, упрямо защищая отъ него своими крохотными силишками на протяженіи нѣсколькихъ верстъ узенькій желѣзный слѣдъ, по которому пробѣгаетъ эту дряхлую пустыню

волшебный огненный конь Европейской цивилизаціи. Ни колодца, ни деревца у этой казармы, никакихъ сосѣдей на многіе десятки верстъ, кромѣ звѣрей пустыни. И воду, и пищу имъ развозятъ поѣзда; остановитъ какое-нибудь неожиданное несчастіе прибытіе поѣзда, и живи безъ глотка воды, безъ куска хлѣба, пока тебя выручатъ.

Пески и Туркмены кругомъ въ безконечной пустынѣ, но Туркмены пока боятся, не трогаютъ, конечно, до перваго случая. Зато ужъ и пріѣздъ на станцію — тутъ цѣлое радостное событіе. Послѣ долгаго нѣмого ужаса сплошныхъ песковъ, крошечный станціонный поселочекъ кажется переполненнымъ шумною жизнью, движеніемъ, яркими красками. Съ сердца спадаетъ придавившая его свинцовая доска, и такъ искренно доволенъ, что видишь себя опять среди людей, среди родной русской силы. Пестрые столбы обычной казенной окраски, напоминающіе шлагбаумы и версты какой-нибудь Калужской или Рязанской большой дороги, знакомый казенный фасонъ станцій, знакомый казенный видъ солдатиковъ, все одинъ и тотъ же отъ Архангельска до Мерва и Кокана,—все это удивительно бодрящимъ образомъ дѣйствуетъ на душу. Значитъ, точно рассейская сторонушка, и солдатики, и начальство, — все какъ быть должно. И хотя у каждой станціи всегда толпится нѣсколько босоногихъ Турменъ въ лохматыхъ шапкахъ и бумажныхъ халатахъ, сверкая на мало знакомую публику своими смѣлыми огненными глазами, — однако ужъ вы чувствуете себя совсѣмъ дома и ни малѣйшимъ образомъ не стѣсняетесь этихъ мирно глазѣющихъ кочевниковъ. Тутъ все сплошь — военная сила. Кондукторы—военные, контролеры—военные, начальники станцій—военные, сторожа—военные. Только одна желѣзная воинская дисциплина и можетъ держать въ порядкѣ эту затерянную въ пустынѣ и дикарями окруженную дорогу.

Со второй станціи, а особенно съ третьей пески уже перестаютъ громоздиться холмами, а стелятся гладкою равниной;

тутъ уже не сыпучій голый песокъ, а песокъ съ глиной, покрытый рѣдкимъ верблюдятникомъ и кое-какою грубою травой; желѣзная дорога все ближе жмется къ югу, къ горамъ, все дальше сторонится отъ великой песчаной пустыни, разстилающейся влѣво отъ нея. Однако и среди этой пустыни съ третьей станціи начинаетъ вставать въ туманахъ дали одинокимъ продолговатымъ островомъ обрывистая, какъ столъ, гора Большого Балкана.

Утесистыя предгорія, рѣзко вычерченныя своими каменными ребрами, нѣсколько заслоняли его на первомъ планѣ, будучи все-таки не въ силахъ скрыть отъ взора всю громаду его. Эти горы были бы, можетъ быть, совсѣмъ незамѣтны гдѣ-нибудь на Кавказѣ, но тутъ, среди безбрежной глади степей, онѣ высятся очень эффектно и играютъ важную роль.

Балканы покрыты густыми лѣсами, обильны горными источниками, камышами и пастбищами. На лѣто туда гонятъ свои стада и укрываютъ свои кибитки всѣ сосѣдніе кочевники. Инженеры наши давно уже озабочены, какъ бы провести съ Балкана воду на станцію Бала-Ишемъ. Съ нами въ вагонѣ ѣхала дочь одного изъ мѣстныхъ инженеровъ, дѣвушка, повидимому, практичная и любознательная, хорошо освоившаяся съ мѣстностью. Она разсказывала намъ, что на Балканѣ еще очень много хищныхъ звѣрей, дѣлающихъ не совсѣмъ безопасными изысканія нашихъ техниковъ.

— Гіены тамъ кишатъ, а барсы и тигры заходятъ вчастую,— говорила она.—Вотъ я только-что купила у знакомаго Туркмена двѣ шкуры, одну тигровую и одну барсовую, а молодую гіену мнѣ живую подарили.

— А сюда въ степи заходятъ онѣ?—спросилъ я.

— Сюда очень рѣдко; но на нашихъ станціяхъ другой бичъ: скорпіоны и фаланги,—разсказывала намъ барышня. — Ни одна мѣстность Закаспійскаго края не страдаетъ отъ нихъ такъ, какъ наша. Они просто отравляютъ намъ жизнь; лѣтомъ вы можете наткнуться на нихъ рѣшительно вездѣ и никакія мѣры предосторожности не помогаютъ.

— Чтó-жъ, и умираютъ отъ нихъ?—спросили мы.

— Ну, это больше розсказни, врядъ ли отъ нихъ умереть можно; только боль сильная и опухоль. Мы ими же самими и лѣчимся отъ этой боли. Настаиваемъ фалангъ на спирту или маслѣ и мажемъ опухоль.

— Жара, небось, здѣсь невыносимая лѣтомъ?

— Да, градусовъ пятьдесятъ постоянно; а главное, дождей почти вовсе не бываетъ, даже и зимой, морозы сильные, а снѣга вовсе нѣтъ. Вотъ въ нынѣшнемъ году, напримѣръ, Самаркандъ былъ засыпанъ снѣгомъ, а у насъ все было голо. Никакой нѣтъ возможности заниматься чѣмъ-нибудь днемъ. Оттого послѣ обѣда у насъ даже и по службѣ не полагается никакихъ занятій; только въ восемь часовъ и начинаемъ опять шевелиться. Ужъ мы чего-чего ни придумываемъ, чтобы спасаться отъ жары. Вѣдь вотъ и въ вагонѣ нашемъ, въ купе контролера, ванна нарочно устроена. Такъ мы иногда по цѣлымъ часамъ просиживаемъ въ ней, когда жара одолѣетъ.

— А вода-жъ откуда?—полюбопытствовалъ я.

— Воды здѣсь нигдѣ нѣтъ, вода вся привозится по желѣзной дорогѣ особыми водяными поѣздами, баки такіе большіе подѣланы; въ нихъ и развозятъ. Оттого-то нѣтъ никакой возможности развести у насъ хотя маленькій садикъ или цвѣтничекъ...

Отъ Бала-Ишемъ отдѣляется небольшая узкоколейная вѣточка желѣзной дороги къ Нефтяной горѣ. Возятъ по ней не паромъ, а лошадьми. Прежде тамъ разработывали и нефть и сѣру, но теперь бросили, потому что нашли маловыгоднымъ. Впрочемъ, около Нефтяной горы добывается еще отличная каменная соль, которая употребляется здѣсь вездѣ, и дѣлается такъ называемая кира, нѣчто въ родѣ дешеваго асфальта, который тутъ употребляютъ на всѣхъ станціяхъ вмѣсто мостовыхъ и половъ и заливаютъ имъ плоскія крыши. На разработку минеральныхъ богатствъ Нефтяной горы было уложено не мало денегъ при проведеніи желѣзной дороги, и очень жалко, что полезное дѣло не

могло быть доведено до выгоднаго конца, не знаю уже, по недостатку ли у насъ средствъ или предпріимчивости.

Мы долго проболтали съ разговорчивою сосѣдкой и не замѣтили, какъ надвинулась ночь.

Торжественное сіяніе полной луны одѣло суровую пустыню какою-то меланхолическою красотой. Высота свода небеснаго и его глубокая синяя тьма—смотрѣли настоящимъ югомъ. Югомъ дышалъ и теплый вѣтеръ, пробѣгавшій по простору степей и чуть колыхавшій цѣлые лѣса почернѣвшихъ отъ ночи бурьяновъ. Среди этой лохматой, темной поросли сверкали ослѣпительнымъ блескомъ, будто озера, полныя воды, разсѣянные по пустынѣ многочисленные солончаки, покрытые своимъ бѣлымъ налетомъ...

Я проснулся только передъ станціей Бами, проспавъ Кизиль-Арватъ. Балканы уже давно исчезли, и слѣва тянулась ровная, какъ ладонь, голая степь. Зато справа провожаетъ насъ сплошная цѣпь невысокихъ каменистыхъ горъ. Тутъ уже гораздо люднѣе и разнообразнѣе, какъ и подобаетъ предгоріямъ. Опустѣвшіе глиняные аулы виднѣются въ сторонѣ, у подножія горъ, по сосѣдству съ горными ручьями.

Текинцы пока еще въ зимнихъ кочевкахъ своихъ, среди песковъ, гдѣ зимой имъ привольнѣе, потому что снѣга на равнинѣ мало, и скотъ безъ труда добываетъ себѣ подножный кормъ; а кочевникъ во всемъ зависитъ отъ своего скота и слѣдуетъ не своимъ собственнымъ удобствамъ, а потребностямъ верблюда и барана. Лѣтомъ, въ жары, онъ поднимается, напротивъ того, на горы, гдѣ къ тому времени растаютъ послѣдніе снѣга, отрастутъ обильныя пастбища, и лѣса, покрывшись листьями, дадутъ скоту пріютъ отъ полуденнаго зноя.

Аулы Текинцевъ очень характерны и похожи другъ на друга, какъ овцы ихъ стадъ. Изъ глины слѣпленные слѣпые кубики, съ одною, двумя щелями вмѣсто оконъ, обнесенные такою же глиняною стѣнкой, и около непремѣнно укрѣпленіе, своего рода

осадный дворъ на случай опасности. Конечно, это опасности уже минувшія, въ дни постоянныхъ междоусобицъ распрей и постоянныхъ набѣговъ на Персію. Теперь эти ихнія грозныя «кала» служатъ только развѣ загонами для стадъ, да мѣстами аульныхъ сборищъ и игръ.

«Кала» Туркменъ хотя тоже глиняныя, какъ и все въ этомъ глиняномъ царствѣ, но довольно внушительныя.

У станціи Бами, напримѣръ, цѣлая формальная крѣпость съ довольно высокими стѣнами, зубцами, башнями, угловыми и воротными, и узкими бойницами въ стѣнахъ. При такихъ отчаянныхъ защитникахъ и такихъ мѣткихъ стрѣлкахъ, каковы Текинцы, крѣпости эти были далеко не шуткой. Кругомъ калы разбросаны обыкновенныя, въ видѣ фортовъ, отдѣльныя небольшія укрѣпленія и башни, вѣроятно, принадлежавшія каждому семейству. И такъ какъ, помимо прочаго, вся мѣстность текинскаго жилья изрѣзана цѣлою сѣтью глубокихъ, неправильно вьющихся арыковъ, а арыки очень часто обведены стѣнками, да и каждое жилище, окруженное глиняной оградой, больше похоже на блокгаузъ чѣмъ на жилой домъ, то брать приступомъ текинскіе аулы, какъ это испытали наши молодецкія войска, было очень нелегко.

Характерною особенностью текинскаго аула и его калы обыкновенно служитъ большой насыпной курганъ съ плоскимъ верхомъ, который иногда помѣщается внутри калы, а иногда прямо на степи около аула. Это своего рода цитадель, въ которой собирались защитники аула для рѣшительнаго боя. Очень можетъ быть, что онъ имѣлъ, кромѣ того, значеніе форума своего рода при рѣшеніи важныхъ общественныхъ дѣлъ. По крайней мѣрѣ, я видѣлъ такіе плосковерхіе холмы почти рѣшительно во всѣхъ поселкахъ и во всѣхъ укрѣпленіяхъ Текинцевъ. На другихъ, круглыхъ холмахъ, очевидно, служащихъ кладбищами аулу, и также всегда сопутствующихъ ему, виднѣются нерѣдко мусульманскія часовенки арабскаго типа, съ глиняными купольчиками и чернымъ отверстіемъ двери, куда

родственники покойника, настолько же мусульмане, насколько язычники, входятъ для принесенія жертвъ по своему древнему обычаю.

Часовеньки эти, по здѣшнему «мазарà», очень живописно глядятъ въ тѣни зеленѣющихъ горъ, среди однообразнаго пейзажа равнины.

Тутъ уже появляются и всадники вдали и стада черныхъ овецъ съ пастухами-кочевниками. Глубоко истресканныя глинистыя поля хотя покрыты еще полынью и верблюдятникомъ, но уже вмѣстѣ съ тѣмъ весело пестрѣютъ красными цвѣточками мелкаго дикаго мака и лиловыми колокольчиками, а мѣстами носятъ явные слѣды орошенія и пахоты. Уже является возможность, вслѣдствіи близости горъ, провести сюда родниковую воду, такъ что у вокзала Бами прохладою дышетъ на насъ густая зелень довольно большого садика, полнаго тополей и бѣлыхъ акацій, среди которыхъ звенитъ высоко бьющая вверхъ радостная струя фонтана.

Вмѣсто дровъ опрятно сложены около станціи кубики саксаула, который достигаетъ до трехъ вершковъ толщины, чрезвычайно сухъ и деревянистъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ невообразимо корявъ и рогатъ.

Текинцевъ на станціи попадается все больше. Джигиты у русскихъ начальниковъ тутъ все Текинцы, и ужъ они разодѣты на заглядѣнье! Во всей своей восточной боевой красѣ.

На горахъ еще бѣлѣетъ мѣстами снѣжокъ; это гряды Кюренъ-Дага и Копетъ-Дага, отдѣляющія отъ степи долину Атрека и его многочисленныхъ притоковъ. Развалины крѣпостей, аулы, стада виднѣются все чаще, по мѣрѣ приближенія нашего къ Асхабаду, этому центру Ахалъ-Текинскаго оазиса, который мы теперь перерѣзаемъ.

На станціи Арчманъ тоже заводится садикъ и фонтанъ, тоже проведены канавки къ каждому дереву. Безъ орошенія тутъ все — смерть; гдѣ орошеніе—вездѣ жизнь и обиліе. Нужно благоговѣть предъ могучею растительною силой какого-нибудь

саксаула или верблюдятника, одолѣвающихъ безъ помощи воды пятидесяти-градусный зной, добывающихъ свои питательные соки изъ камня, солонца и песка.

Въ первый разъ тутъ увидѣли мы туркменскія кибитки, разбитыя вдали какъ будто на берегу прохладнаго озера. Но озеро это было сверкающій на солнцѣ солонецъ, поросшій по окраинѣ камышомъ, словно и подлинное озеро. Солонцы эти идутъ иногда чуть не сплошь. А направо, подъ горами, стада верблюдовъ, и сторожащіе ихъ кругомъ текинскіе всадники.

У станціи Бахарденъ опять кала́ какъ у Бами и у Арчмана, опять многолюдный аулъ подъ горами.

Странно, что Текинцы ни одного изъ своихъ укрѣпленій не построили на крутыхъ холмахъ и склонахъ горъ, лежащихъ въ такой близи отъ нихъ, а почему-то постоянно строятъ ихъ на равнинѣ, гладкой какъ ладонь. Очень можетъ быть, что въ этомъ сказалась привычка кочевника къ открытой степи и его недовѣріе ко всему, что не его пустыня; а можетъ быть также это вызвано удобствомъ глиняной кладки, которая была бы гораздо затруднительнѣе на каменистыхъ горахъ. Аулы и калы направо, у горъ, а кибитки все чаще и чаще слѣва, въ безконечной глади солончаковыхъ степей. Поля дѣлаются значительно обработаннѣе. Арыки, то-есть поливныя канавы, своими валами, рвами и низенькими стѣнками изрѣзываютъ равнину; посѣвы пшеницы, проса, люцерны—попадаются уже нерѣдко. Хлопокъ тоже разводится здѣсь успѣшно вездѣ, гдѣ есть орошеніе. По всѣмъ полямъ разбросаны многочисленныя узенькія круглыя башеньки, слѣпленныя изъ глины. Это тоже одна изъ необходимыхъ мѣръ предосторожности былого безпокойнаго времени. Туркменъ, неожиданно застигнутый врагомъ на полевой работѣ, могъ укрываться за эти башни-столбы, какъ за стволы лѣса, и отстрѣливаться, пока поспѣетъ помощь изъ аула.

Мы уже не разъ видѣли на поляхъ работающихъ Туркменъ съ мотыками въ рукахъ.

Около Бахардена попадаются уже сады и даже виноград-

ники. Намъ пришлось проѣхать сквозь аулъ, черезъ цѣлую перепутанную сѣть бѣлыхъ глиняныхъ стѣнокъ, обсаженныхъ деревьями и вьющихся между ними канавъ. Внутри дворовъ не только обычныя глиняныя плоскокрышія мазанки безъ оконъ, но и кибитки. Въ серединѣ аула, какъ водится—кала̀,—цѣлая крѣпость съ башнями и бойницами.

Текинцы — народъ могучаго сложенія и суроваго взгляда. Они очень смуглы и сохранили въ лицѣ рѣзкіе слѣды монгольскаго типа, «калмыковаты», какъ говорятъ наши мужики; особенно это замѣтно по ихъ рту, всегда широкому, грубому и поставленному необыкновенно низко; длинные, слегка приплюснутые носы ихъ также помогаютъ этому отодвиганію книзу здоровенныхъ челюстей, придающихъ лицу Текинца нѣсколько животное выраженіе. Бородки у нихъ большею частью небольшія, начинаются всегда отъ висковъ узкими полосками черныхъ бакенбардъ, которыя только немного расширяются и удлинняются на подбородкѣ, такъ что лицо Текинца кажется обвязаннымъ сплошною черною лентой волосъ. Усы тоже монгольскаго типа, рѣдкіе, тонкіе, какъ двѣ черныя піявки. Но все-таки въ общемъ Туркменъ далеко не Монголъ, а только подернутая монгольствомъ тюркская раса. Они и рослы, и красивы, какъ Турки. Взглядъ ихъ удивительно твердъ, полонъ достоинства, воинственности. Сейчасъ видно, что такой человѣкъ вытерпитъ молча все, что ни придется. Они смотрятъ на Русскихъ, на все русское съ глубокимъ любопытствомъ но безъ благоговѣнія. Они сознаютъ себя побѣжденными, но все-таки чувствуютъ и свою силу, и затѣи европейской цивилизаціи, подрывающей суровую природную мощь духа и тѣла человѣка, повидимому, не вдохновляютъ ихъ. Туркмены замѣтно крупнѣе, замѣтно плечистѣе и мускулистѣе Русскихъ. Каждый изъ нихъ стоитъ среди бѣлыхъ фуражекъ и бѣлыхъ кителей нашихъ солдатиковъ, какъ плѣнный орелъ среди домашняго птичника. Ихъ глазъ дѣйствительно смотритъ по орлинному, неподвижно, остро, смѣло. Сколько-нибудь значительный Туркменъ одѣвается очень тщательно. Вонъ

у вокзала стоитъ одинъ изъ ихъ старшинъ въ огромной черной папахѣ, въ тонкомъ суконномъ халатѣ шоколаднаго цвѣта поверхъ бешмета изъ темно-малиноваго шелка, подпоясаннаго богатымъ поясомъ. За поясомъ заткнуты чеканенные серебромъ пистолеты, на ногахъ узорчатыя вязаныя ногавицы и башмаки тисненные золотомъ. Но здѣсь же зато, рядомъ съ нимъ, и оборванные текинскіе мальчишки въ лохматыхъ бараньихъ шапкахъ, босикомъ. Всѣ вооружены, богатые и бѣдные. Россія оказала побѣжденнымъ героямъ самое чувствительное для нихъ великодушіе—позволила имъ носить оружіе, которымъ они такъ отчаянно защищались противъ насъ. И, надо сказать правду, текинцы честно исполняютъ свое слово и до сихъ поръ не трогаютъ русскихъ, беззащитно разбросанныхъ среди ихъ пустыни.

— Лѣтъ пятьдесятъ не забудутъ они своего погрома!—говорилъ мнѣ одинъ изъ здѣшнихъ военныхъ инженеровъ.—Оттого и тронуться не подумаютъ. Вотъ развѣ, когда внуки ихъ выростутъ, которые ничего этого не видали и не слыхали, такъ затѣютъ, пожалуй, бунтовать!

— Да, хорошъ, хорошъ народъ, говорить нечего, а въ степи имъ все-таки не попадайся!—улыбнулся скептически другой мой спутникъ.

— Помилуйте, да у насъ на Руси свой народъ, а грабежи и убійства случаются чаще, чѣмъ здѣсь,—возразилъ инженеръ.— Нельзя же, чтобы когда-нибудь и не прорывалось. Я вотъ сколько лѣтъ тутъ, сторожа наши по одному, по два человѣка въ будкахъ ночуютъ, чего бы, кажется, легче и убить, и ограбить... Степь велика... Однако, ни разу не случалось. Только и слышно иногда объ убійствахъ на кордонѣ по горамъ. Ну да вѣдь это еще текинцы или нѣтъ? Тамъ посты наши казацкіе въ такихъ дебряхъ стоятъ, что и не сыщешь сразу. Можетъ быть, и текинецъ иной разъ пошалитъ, а скорѣе всего персы-контрабандисты. Тѣмъ это нужнѣе! Да я вамъ еще что скажу,— заключилъ свою рѣчь инженеръ.—Текинецъ хоть и воинъ отъ рожденія, а все-таки радъ миру: ему теперь гораздо лучше жи-

вется, чѣмъ въ прежнія времена. Прежде онъ въ поле свое выйти не смѣлъ безъ ружья и шашки, не зналъ, что его, что чужое. Вѣдь чуть не каждый день другъ у друга барантовали. Нынче богатый человѣкъ,—завтра угнали барантачи его верблюдовъ и барановъ,—нищій сталъ. Да и головой рисковалъ каждый день. А теперь ему что? Зарабатываетъ шутя столько, сколько и не снилось прежде. Разъѣзжаетъ всюду спокойно со своимъ товаромъ, за деньги свои тоже спокоенъ. Теперь они всѣ богачи стали!.. хлопкомъ стали заниматься, шерстью, пшеницу продаютъ... Изъ чего ему бунтовать?

Текинцы, черезъ землю которыхъ мы теперь проѣзжаемъ, называются Ахалъ-Теке по имени своего оазиса. Оазисъ Ахалъ-Теке начинается около Кизилъ-Арвата и тянется на 240 верстъ до Гяура узкою полосой не болѣе 20 верстъ въ ширину вдоль подошвы горъ, отдѣляющихъ отъ пустыни долину Атрекъ, и носящихъ названіе Кюренъ-Дага и Копетъ-Дага. За Кахъ-Кою идутъ уже кочевья другихъ текинскихъ племенъ, входящихъ теперь въ Теджебскій и Мервскій округи. Разницы между различными родами текинцевъ нѣтъ никакой, кромѣ имени предка, давшаго имъ названіе. Да и вообще между всѣми племенами туркменъ очень мало разницы, хотя они постоянно враждуютъ другъ съ другомъ. Туркмены—это исконные жители пустыни, въ ней родившіеся, въ ней умирающіе, обожающіе пустыню, какъ свое божество. Они залили своими кочевыми ордами все безпредѣльное песчаное море, съ его прибрежными оазисами, которое простирается отъ береговъ Каспійскаго моря и плоскогорій Усть-Урта къ Аральскому морю и по всему теченію Аму-Дарьи до самыхъ верховьевъ ея, стало-быть до границъ Китая и Индіи, а съ юга до Эльбурзскихъ горъ Персіи и до Гиндукуша. Хотя въ эти части азіатской пустыни туркмены передвинулись сравнительно не очень давно, а текинцы вытѣснили своихъ туркменскихъ собратій Іомудовъ и Эмрали изъ теперешняго своего оазиса всего только въ началѣ XVIII столѣтія,

однако, нѣтъ никакого сомнѣнія, что это первобытные народы—пастухи, уцѣлѣвшіе отъ вѣковъ сѣдой древности, когда арійцы еще робко приступали къ первымъ попыткамъ своей осѣдлой земледѣльческой жизни. Это живые памятники той безконечной борьбы на жизнь и смерть Ирана съ Тураномъ, которыми полны первыя лѣтописи Азіи, которыми проникнута Зендавеста, которые, быть можетъ, внушили Зороастру его глубокія идеи о борьбѣ зла съ добромъ, духовъ тьмы съ духами свѣта. И, конечно, это Туранъ: Туранъ—духъ тьмы, сначала долго бывшій побѣдителемъ и владыкой, наконецъ, побѣжденный, въ свою очередь, и, надо надѣяться, навсегда, потомствомъ Ирана, духами свѣта.

Туркмены, плоть и кровь Турана, сохранили до сихъ поръ не только его былыя свойства разрушительной бродячей стихіи, но и его имя. Нужно дѣйствительно быть проникнуту до мозга костей чувствомъ сродства своего съ этими палящими вѣтрами пустыни, изсушающими всякую жизнь, съ этими движущимися горами ея сыпучихъ песковъ, засыпающихъ всякое проявленіе человѣческаго труда,—чтобы жить въ теченіе вѣковъ среди этого песчанаго моря, не ища ничего другого, не соблазняясь плодородными странами, которыя имъ много разъ приходилось покорять и захватывать. Они чувствуютъ себя какъ въ тюрьмѣ въ улицахъ города, въ обстановкѣ труда и цивилизаціи. Какъ ихъ товарищъ верблюдъ, какъ сосѣди и земляки ихъ степные ослы и антилопы, шакалы и волки, они не надышутся, не нарадуются суровымъ неохватнымъ просторомъ, въ которомъ живутъ голодною и холодною свободой своихъ вольныхъ кочевокъ.

«Туркменъ не нуждается ни въ тѣни дерева, ни въ сѣни власти!» говоритъ характерная текинская поговорка.

Эта многовѣковая обстановка звѣря выработала въ нихъ вкусы звѣря, силы звѣря. Если настоящая текинская лошадь можетъ по четыре дня не пить воды и скакать восемь дней сряду по 120 верстъ въ день, какъ увѣряютъ здѣшніе жители, то и сами текинцы поражаютъ такою же сверхестественною

выносливостью, такою же нечеловѣческою умѣренностью своихъ потребностей. Горсть риса или проса, глотокъ воды изъ соленой лужи—вотъ обычный обѣдъ туркмена при переходахъ пустыни. Это не мѣшаетъ ему на какомъ-нибудь праздничномъ пиршествѣ, на какомъ-нибудь даровомъ угощеніи, въ одиночку убрать цѣлаго барана, какъ убираетъ его голодный волкъ, послѣ недѣли вынужденнаго поста.

Туркменъ изумительный наѣздникъ, изумительный стрѣлокъ, а текинецъ особенно. Текинецъ силенъ, смѣлъ и ловокъ, какъ прирожденный хищникъ, у котораго въ теченіе долгихъ вѣковъ все успѣло приспособиться къ главной цѣли и содержанію его жизни. Вѣдь и у волка недаромъ выработалась могучая челюсть съ зубами-кинжалами, несокрушимая шея, способная держать на бѣгу барана и теленка, и неутомимыя ноги. Текинецъ дѣйствительно производитъ своею фигурой среди мирнаго населенія, его окружающаго, впечатлѣніе какого-то крупнаго и могучаго хищнаго звѣря, который только ждетъ удобной минуты для кровавой поживы. Онъ и лохматъ, какъ хищный звѣрь, и глядитъ на васъ глазами хищнаго звѣря.

«Не расти дереву, гдѣ есть верблюдъ, не быть миру, гдѣ есть туркменъ!» съ откровенною похвальбой говоритъ старая пословица текинцевъ.

Не даромъ персіяне, испытавшіе горькимъ опытомъ силу и смѣлость своихъ степныхъ сосѣдей, до такой степени трепетали одного вида и даже одного имени текинца, что цѣлая толпа отдавалась безъ боя въ плѣнъ двумъ, тремъ всадникамъ, послушно перевязывая другъ другу руки и ноги. Случалось, что одинъ вооруженный текинецъ, появившійся на базарѣ пограничнаго персидскаго городка, обращалъ въ отчаянное бѣгство весь базаръ, все населеніе города и хозяйничалъ въ его лавкахъ, какъ его душѣ было угодно. Случалось нерѣдко, что текинскій разбойникъ въ одиночку пригонялъ къ себѣ въ аулъ нѣсколько человѣкъ персіянъ, не трудясь ихъ даже связывать, хотя, казалось бы, они безо всякаго труда могли стащить его

самого съ лошади и сдѣлать съ нимъ все, что бы имъ ни вздумалось.

Вотъ что, напримѣръ, разсказалъ одинъ текинецъ моему желѣзнодорожному спутнику, понимающему по-туркменски: ходили мы въ аламанъ за Атрекъ, въ Персію; вотъ я наловилъ человѣкъ пять персовъ и веду съ собою; связать ихъ нечѣмъ, караулить некому, а хочется еще плѣнниковъ набрать, дѣло вышло способное. Вотъ я говорю имъ: слушайте, персы! Вы знаете, что я всѣхъ васъ знаю, откуда каждый изъ васъ. Садитесь у этого куста и сидите, пока я вернусь, на одинъ шагъ отойти не смѣйте. Кто съ мѣста двинется, тому не жить больше на свѣтѣ! опять васъ всѣхъ найду, и женъ, и дочерей вашихъ всѣхъ перерѣжу... Да и отправился опять за добычей. Захватилъ еще троихъ, привелъ ихъ къ кусту, гдѣ прежнихъ оставилъ, смотрю, всѣ въ кучкѣ сидятъ, будто кто веревкой ихъ къ кусту привязалъ... Даже для себя не смѣли отлучиться, тутъ же дѣлали...

И это только одинъ случай изъ тысячи, о которыхъ здѣсь знаетъ каждый мальчишка.

«Ни одинъ персіянинъ не можетъ перейти Атрека иначе какъ съ веревкой на шеѣ!» еще недавно хвастливо величались туркмены Іомуды.

Текинцы, собственно говоря, сохранили въ себѣ больше всего старой туркменской удали. Туркмены, ближайшіе къ Хивѣ, къ Бухарѣ, точно такъ же какъ туркмены Іомуды Джафарбаевскаго и Атабаевскаго рода, заселяющіе теперь берега Каспійскаго моря до Усть-Урта и залива Кара-Бугазъ, слишкомъ испорчены своими постоянными сношеніями съ болѣе сильными сосѣдями, которымъ они нерѣдко для вида подчинялись, которыхъ они обманывали на всякій маноръ и при всякомъ случаѣ, и отъ которыхъ они привыкли выманивать всякія подачки. Черезъ это нравъ ихъ сталъ болѣе лукавый, униженный и лживый, между тѣмъ какъ Теке ограничивали свои отношенія къ сосѣднимъ государствамъ почти исключительно открытыми раз-

боями и войной, что отразилось на большей прямотѣ и твердости характера ихъ.

Впрочемъ, было бы вообще наивно представлять себѣ отвѣчныхъ степныхъ разбойниковъ, этихъ двуногихъ волковъ своего рода, какими-нибудь великодушными рыцарями. Они безспорно гостепріимны и храбры до безумія. Въ этомъ ихъ пастушечья и разбойничья доблесть. Но вмѣстѣ съ тѣмъ они жестоки и безпощадны, какъ звѣри, и обманъ считаютъ такимъ же необходимымъ оружіемъ самообороны и нападенія, какъ свои шашки и винтовки. Клятвы и договоры для нихъ пустыя слова, если только изъ-за нихъ имъ не видно какой-нибудь выгоды или опасности.

А ихъ взаимная зависть, недоброжелательство и недовѣріе другъ къ другу дѣлали невозможными между ними никакіе крѣпкіе общественные союзы и раздробляли довольно многочисленный туркменскій народъ, считающій въ своей средѣ добрыхъ полтора милліона душъ, на множество другъ съ другомъ враждующихъ племенъ.

«Аламанъ»,—разбой ради наживы,—былъ до послѣдняго времени единственнымъ идеаломъ и единственнымъ промысломъ туркмена. Все время отъ конца полевыхъ работъ въ сентябрѣ и до начала ихъ въ маѣ посвящалъ онъ обыкновенно аламанамъ. Въ аламанѣ онъ не щадилъ никого и ничего, и тотъ «сардаръ», который умѣлъ водить его на удачные аламаны, подъ чьимъ предводительствомъ онъ набиралъ больше добычи,—становился въ его глазахъ героемъ и главой всѣхъ.

«Туркменъ на лошади не знаетъ ни отца, ни матери!» съ циническою правдивостью признается текинецъ.

А сосѣди про него сложили другую поговорку: «Текинцы продали бы въ невольники самого пророка Магомета, попадись только онъ имъ въ руки!» На вопросъ европейскаго путешественника, какъ туркмены рѣшаются продавать въ рабство своихъ единовѣрцевъ, одинъ очень набожный хищникъ отвѣчалъ ему такъ: «Чудакъ! Коранъ—книга Божья, конечно, благороднѣе че-

ловѣка, а все-таки покупается за нѣсколько крановъ. Да чего же лучше, когда Юсуфъ, сынъ Якуба, былъ пророкъ, а между тѣмъ его продали. Что же, развѣ это повредило ему сколько-нибудь?»

Впрочемъ, надо и то сказать, что серединная Азія всею своею исторіей вырабатывала эти вкусы насилія и кровожадности. На насиліи основывалась семья азіатца, на насиліи основывалось его гражданское и государственное устройство, на насиліи покоятся и международныя отношенія азіатскихъ государствъ. Кругомъ нигдѣ ничего кромѣ возмутительнаго проявленія своей силы, кромѣ содрогающей душу жестокости во всемъ—въ судѣ, въ управленіи, въ войнѣ...

Стоитъ вспомнить ужасающіе подвиги какого-нибудь Чингиза, повелѣвшаго зарѣзать четыреста тысячъ жителей въ столицѣ покореннаго Ховарезма, теперешней Хивы, или Тамерлана, этого оригинальнаго друга правосудія и просвѣщенія, топтавшаго лошадиными копытами тысячи дѣтей и воздвигнувшаго громадную пирамиду изъ головъ казненныхъ непріятелей.

Даже и гораздо позднѣе, въ XVII вѣкѣ, какой-нибудь Имамъ-Кули-ханъ, котораго Вамбери въ своей исторіи Бухары называетъ бухарскимъ Гарунъ-аль-Рашидомъ, взявъ приступомъ городъ Ташкентъ, клянется Аллаху, что будетъ проливать кровь враговъ своихъ, убійцъ его любимаго сына, пока кровь эта не дойдетъ до стремени его лошади; только прибѣгнувъ къ хитрости, улемы могли къ концу дня остановить безпощадную человѣческую бойню: чтобъ осуществить клятву, принесенную гнѣвнымъ эмиромъ, они поставили коня его въ яму, гдѣ кровь убитыхъ дѣйствительно дошла до стремени его коня.

Нашъ извѣстный путешественникъ по Востоку Е. П. Ковалевскій разсказываетъ, что въ концѣ сороковыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія ташкентскій визирь безо всякаго суда зарылъ своего родственника по шею въ землю, выбрилъ ему голову и намазалъ медомъ, такъ что тучи насѣкомыхъ сейчасъ же покрыли

ее. А англійскій капитанъ Шекспиръ видѣлъ, какъ одинъ туркменскій старшина зарылъ брата своего по плечи въ землю, привязалъ къ шеѣ его веревку, другимъ концомъ ея взнуздалъ лошадь и сталъ гонять ее вокругъ прикола, пока веревка совсѣмъ перетерла шею, и голова несчастнаго свалилась съ плечъ.

Воспитанные на такихъ историческихъ образцахъ, ни туркмены, ни страдающіе отъ разбоевъ сосѣдніе народы не знаютъ другого обращенія съ побѣжденнымъ врагомъ, какъ веревка и ножъ.

Персы и хивинцы точно такъ же спокойно рѣжутъ горла плѣннымъ туркменамъ, какъ и туркмены имъ. Оттого-то текинцы были поражены безконечнымъ изумленіемъ, когда послѣ разгрома Геокъ-Тепе русскіе побѣдители не только не стали рѣзать ихъ, какъ барановъ, не только не потащили на веревкахъ ихъ женъ и дѣтей продавать на базарахъ Персіи, а еще стали кормить ихъ и устраивать имъ жилища.

Одинъ изъ спутниковъ моихъ говорилъ на станціи съ Текинцемъ, участвовавшимъ въ защитѣ Геокъ-Тепе.

Англичанинъ, тоже слушавшій разсказъ текинца, сталъ укорять въ жестокости генерала Скобелева.

— Нѣтъ, зачѣмъ такъ говоришь! живо вступился текинецъ.— Это ничего! Такъ надо. Война, надо убивать... Я его убиваю, онъ меня убиваетъ. Такъ хорошо. Всѣ бились, всѣхъ убивать надо. Нѣтъ, вотъ если бы ты видѣлъ, какъ мы съ персами дѣлали! Положимъ предъ нимъ дѣтей его и рѣжемъ понемножку: сначала руки отрѣжемъ, потомъ ноги, потомъ голову, прежде одному, потомъ другому, а онъ все смотритъ. А отвернется, мы ему ножомъ въ бокъ. Потомъ жену его рѣжемъ, потомъ его самого, и все понемножку, чтобъ онъ все самъ видалъ!..

Со смѣхомъ оскалилъ свои бѣлые зубы текинецъ, очевидно, вполнѣ утѣшенный такими сладкими воспоминаніями.

Теке не только занимаютъ свой узкій оазисъ у подножія горъ, гдѣ сидятъ частою вереницей ихъ аулы и крѣпости, гдѣ зеленѣютъ ихъ поля и сады, но еще кочуютъ, какъ и всѣ другіе

туркмены, по безпредѣльной песчаной пустынѣ своей, пробираясь волчьимъ чутьемъ и чуть замѣтными слѣдками къ знакомымъ имъ колодцамъ, озеркамъ и русламъ изсохшихъ степныхъ рѣкъ...

Изъ оазиса Ахалъ-Теке, какъ и изъ Мерва, какъ съ береговъ Каспія отъ Красноводской бухты и устьевъ Атрека, проложены черезъ пески пустыни къ Хивѣ и Бухарѣ еще съ глубокой древности караванные пути, которые опытный караванъ-баши,— вожа каравановъ, знаетъ такъ твердо, что не собьется ни ночью, ни въ буранъ, хотя эти пути заносятся ежедневно сыпучими песками. Пути эти идутъ, конечно, по колодцамъ полусоленой воды, разбросаннымъ, хотя очень скупо и рѣдко, по пескамъ пустыни. Съ береговъ Каспія до Хивы можно совершить путь на верблюдахъ черезъ пустыню въ 15 или 20 дней, смотря по тому, какую выбирать дорогу. Нашъ Муравьевъ-Карскій, будучи еще молодымъ капитаномъ генеральнаго штаба, въ 1819 году, по порученію Ал. Пет. Ермолова, главнокомандующаго на Кавказѣ, совершилъ геройское путешествіе отъ Красноводской бухты въ Хиву вдоль стараго русла Аму-Дарьи, Узъ-Боя, въ 17 дней, не имѣя при себѣ никого, кромѣ армянина переводчика и нѣсколькихъ провожатыхъ туркменъ.

Полвѣка спустя, венгерецъ Вамбери, знаменитый своею спеціальною ненавистью къ русскимъ и своею довольно подозрительною ученостью въ сферѣ азіатскаго Востока, переодѣтый дервишемъ переѣхалъ съ караваномъ туркменъ Іомудовъ съ устьевъ Гюргеня (немного южнѣе Атрека и очень близко отъ гор. Астрабада) въ Хиву по такъ называемой средней караванной дорогѣ, мимо Большого Балкана, послѣ чего онъ держался почти той же дороги, какъ Муравьевъ, и сдѣлалъ весь свой путь въ 20 дней.

Тѣми же путями текинцы и другія туркменскія племена дѣлали набѣги на Хиву, и въ свою очередь хивинскіе ханы ходили громить улусы кочевниковъ.

Немудрено поэтому, что и въ Хивѣ, и въ Мервѣ, и на Ат-

рекѣ хорошо знають эти дороги. Было и время, и случай изучить ихъ. Кости людей и животныхъ, погибшихъ отъ жажды и изнуренія, а иногда и отъ ножа разбойника, служатъ на нихъ краснорѣчивыми верстовыми столбами, и недостатка въ нихъ никогда не бываетъ.

Когда явились туркмены въ азіатскихъ пустыняхъ, навѣрное сказать трудно. Въ IX вѣкѣ по Р. Хр. вторгшіеся съ сѣвера турки Сельджуки разрушили власть арабскихъ халифовъ въ Ховарезмѣ, Мареванагарѣ и другихъ областяхъ Центральной Азіи, теперь именуемыхъ Хивой, Бухарой и пр. Многіе думаютъ, что туркмены ихъ остатки. Можетъ быть это и такъ, а можетъ быть и не такъ; доказать это во всякомъ случаѣ трудно.

Въ Хивѣ, Бухарѣ, Ташкентѣ, Ферганѣ, вездѣ мы видимъ до сихъ поръ особое племя завоевателей, которые величаютъ себя узбеками и отличаютъ себя отъ покоренныхъ народовъ сартовъ, таджиковъ. Конечно, узбеки эти — завоеватели позднѣйшаго времени, но тоже однако тюрко-монголы. Почему же въ туркменскихъ пустыняхъ нѣтъ никакого слѣда покоренныхъ племенъ, никакой двойственности туземной расы?

Очень можетъ быть, что туркмены были отвѣчные обитатели песчаныхъ пустынь Азіи, которыя не соблазняли никакихъ завоевателей древности и которыя *не могли быть* завоеваны ни однимъ изъ этихъ завоевателей. Въ самомъ дѣлѣ, какая корысть была бы хотя Чингисъ-Хану или Тимуру захватывать и заселять эти безплодныя разбойничьи гнѣзда? Другое дѣло, ворваться съ войскомъ въ улусы разбойниковъ, пожечь ихъ, угнать ихъ скотъ, наказать ихъ за дерзкіе набѣги такъ, чтобы дѣтямъ ихъ было памятно. Такія войны со степью, конечно, бывали постоянно у всѣхъ ея сосѣдей. Но послѣ опустошенія родныхъ кочевій, кочевники, разсыпавшіеся, какъ вѣтеръ во всѣ стороны, собирались опять, опять сгоняли уцѣлѣвшій скотъ, опять разбивали свои кибитки, сотканныя изъ шерсти этого скота,

опять пили кумысъ своихъ кобылицъ и отправлялись на своихъ доморощенныхъ, быстрыхъ какъ вѣтеръ, коняхъ въ новые набѣги.

Одно можно сказать съ достовѣрностью, что съ незапамятныхъ временъ исторіи въ пустыняхъ этихъ дѣйствуютъ народы, ничѣмъ неотличающіеся по нравамъ и образу жизни отъ нынѣшняго туркмена.

Въ «Исторіи Александра Великаго, царя Македонскаго», Квинта Курція, полной многихъ баснословій, есть любопытныя указанія на обитателей теперешней Туркменіи.

Александръ, какъ извѣстно, направился въ Бактрію и Индію черезъ Гирканію, то-есть теперешній Мазандеранъ, слѣдовательно, въ ближайшихъ окрестностяхъ Астрабада. Между рѣками Гюргень и Атрекомъ, то-есть на самой границѣ Персіи отъ Россіи, въ кочевьяхъ іомудовъ, начиная отъ такъ называемаго Серебрянаго Бугра, до сихъ поръ видны остатки огромной стѣны, построенной по преданію туземцевъ Искандеромъ, то-есть Александромъ Македонскимъ и называемой Туркменами «Кизиль-аланъ»—«хранилище золота».

Вамбери видѣлъ развалины этой стѣны и ея башенъ на многія версты вдоль битой караванной дороги, параллельной теченію Атрека.

Этотъ памятникъ и это преданіе несомнѣнно подтверждаютъ, что воинство Александра двигалось изъ лѣсовъ Гирканіи по теперешней сѣверной границѣ Персіи, то-есть приблизительно по тѣмъ горнымъ странамъ, которыя провожаютъ справа нашу желѣзную дорогу изъ Узунъ-Ада въ Асхабадъ.

Страну, примыкавшую съ востока къ Гирканіи, Курцій называетъ, по примѣру другихъ древнихъ географовъ, Маргіаною, и въ Маргіанѣ этой упоминаетъ большой городъ Маргію, впослѣдствіи Александрію Маргійскую, которую всѣ изслѣдователи древности считаютъ за Меру или Мервъ. Ясно, значитъ, что Маргіана была теперешняя Туркменія съ Асхабадомъ и Мервомъ и съ прилегающими къ ней сѣверными частями Хорасана.

Въ этой Маргіанѣ, по Курцію, жилъ Мардскій (вѣроятно, Маргскій) «дикой народъ», котораго тогдашній портретъ легко бы годился въ портретъ теперешнему туркменскому народу.

„Ирканіи порубеженъ былъ Мардскій дикой и въ разбояхъ упражняющійся народъ, который одинъ только не прислалъ пословъ къ Александру и, повидимому, власти его не хотѣлъ покориться“.

Александръ велъ, правда, войну съ этимъ отчаяннымъ народомъ не только на ровныхъ мѣстахъ, но и въ горахъ, и въ лѣсахъ, гдѣ даже былъ отбитъ варварами его знаменитый конь Буцефалъ; но это означаетъ только, что и тогда кочевники степей захватывали сѣверные лѣсистые отроги Персіи. Собственно же про текинскихъ туркменъ достовѣрно извѣстно одно: они жили на полуостровѣ Мангышлакѣ у Каспійскаго моря еще при Петрѣ I; калмыцкій ханъ Аюка выгналъ ихъ оттуда, вслѣдствіе чего они двинулись къ югу, вытѣснили въ 1717 г. изъ ихъ кочевій Іомудовъ и Эмрали и заняли Кизилъ-Арватъ. Отсюда уже постепенно распространились они до Мургаба. Замѣчательно, что туркмены приняли русское подданство еще при Петрѣ I-мъ, но послѣ, при слабыхъ потомкахъ великаго царя, забыли объ этомъ, какъ и о многомъ другомъ, что дѣлалъ геніальный хозяинъ земли русской. Въ 1802 г. туркмены опять принимаютъ наше подданство и опять ни къ чему.

III.

Текинскій Севастополь.

Во всякомъ случаѣ Русскимъ удалось что, что не удалось великому македонскому завоевателю,—не только покорить, но и умирить вѣковѣчныхъ степныхъ разбойниковъ.

Исторія русскаго похода въ Теке была труднѣе македонскаго уже потому, что войска Александра до самаго Паропамиза шли жилыми мѣстами, не стѣсняясь разорять и захваты-

вать подъ свою власть всѣ области, которыми имъ было удобно проходить. Русскій же отрядъ обязанъ былъ двигаться черезъ степи по безплоднымъ Туркменскимъ кочевьямъ, заботливо оберегая неприкосновенность персидской границы. А Туркменскій оазисъ у подножія горъ, по линіи теперешней желѣзной дороги, былъ почти сплошь покрытъ тогда еще неразрушенными крѣпостцами, которыхъ насчитывалось цѣлыхъ 47. Каждый значительный аулъ охранялся особою крѣпостью, развалинами которыхъ мы теперь любуемся на каждомъ шагу. Многія изъ нихъ нужно было брать съ бою.

Побѣдоносное завоеваніе русскими недоступнаго Ахалъ-Текинскаго оазиса, составлявшаго грозу и ужасъ окрестныхъ государствъ, началось, какъ всѣмъ, конечно, памятно, съ постыдной неудачи. Для русской исторіи это впрочемъ не новость, а почти установившійся обычай: неудачами начинались всѣ войны Петра съ турками, со шведами, неудачами начался знаменитый 12-й годъ, Плевненскими погромами началась и послѣдняя Болгарская война.

Разумѣется, мы сами кругомъ были виноваты въ плачевномъ исходѣ нашего перваго похода подъ Геокъ-Тепе. Генералъ Ломакинъ очутился совершенно случайно во главѣ дѣйствующаго отряда, вслѣдствіе внезапной смерти талантливаго Лазарева, и распоряжался, такъ-сказать, не своимъ, а чужимъ дѣломъ. А тутъ еще на бѣду наслали ему изъ Петербурга разныхъ штабныхъ баричей, которыхъ старые кавказцы презрительно величаютъ «фазанами», и которые явились только нахватать поскорѣе и побольше чиновъ и знаковъ отличія въ этой игрушечной, какъ они думали, войнѣ съ азіятскими халатниками. Баричи все были знатные и вліятельные и мало поэтому стѣснялись своего скромнаго начальника. Всякій предлагалъ свое, дѣйствовалъ по-своему. Въ результатѣ оказалось, что отрядъ двинулся въ пустыни, ничѣмъ не обезпеченный, неспособный выдержать малѣйшей неудачи. Подвозъ припасовъ, снарядовъ, людей былъ затрудненъ до чрезвычайности, потому что опорный пунктъ

отряда—Чикишляръ, — вслѣдствіе мелководія своего, былъ недоступенъ даже и для небольшихъ судовъ. Паровыя суда должны были останавливаться за 3 и 5 верстъ отъ берега, а парусныя бросали якорь такъ далеко, что ихъ едва можно было разглядѣть съ берега. Почтоваго сообщенія между берегомъ и дѣйствующимъ отрядомъ устроено не было, госпитали были безо всякихъ необходимыхъ принадлежностей, у отряднаго священника не было ни облаченія ни утвари, ни книгъ, ни запасныхъ даровъ, чтобы совершать богослуженіе и причащать умирающихъ; провизіи не было, никакихъ складовъ, запасовъ по пути движенія не существовало, верблюдовъ было очень мало, тылъ ничѣмъ не былъ обезпеченъ. Денегъ тоже не было. Одни только штабные господа аккуратно получали звонкою монетой по 40,000 рублей каждый мѣсяцъ. Ихъ набралось подъ разными безполезными титулами до 60 человѣкъ на какія-нибудь 3,000 войска, достигшаго до Геокъ-Тепе. Подъ одинъ обозъ ихъ отнималось у отряда 340 верблюдовъ въ то время, какъ отрядъ не зналъ, откуда добыть средства передвиженія для самыхъ необходимыхъ тяжестей. Цѣлая сотня казаковъ была разобрана въ вѣстовые къ этому многочисленному и ни на что ненужному начальству.

Такъ же необдуманно и неподготовленно, какъ производился походъ,—произведено было и самое нападеніе на Геокъ-Тепе.

Когда Текинцы узнали о движеніи отряда въ ихъ оазисъ, «джумъ-гуріе» ихъ, то-есть сходъ всего племени, рѣшилъ биться до послѣдней капли крови. Старая крѣпость Геокъ-Тепе, такъ называемая «Куня Геокъ Тепе», расположенная среди песковъ, была оставлена, и рѣшено было укрѣпиться немного ближе къ горамъ, вокругъ холма Денгиль-Тепе. Но какъ ни одушевленно работали Текинцы, не только мужчины, но и дѣти и женщины, однако не успѣли вполнѣ окончить укрѣпленія къ приходу русскихъ. Южная сторона оставалась совсѣмъ неукрѣпленною, восточная готова была только на половину, да и остальныя стѣны не были еще доведены до настоящей своей высоты, такъ что

черезъ нихъ хорошо были видны нашему войску прятавшіяся въ крѣпости кибитки.

Передовая колонна наша подъ начальствомъ князя Долгорукова поторопилась начать прискорбное дѣло 28 августа 1878 г., не дождавшись остального войска и не давъ отдохнуть людямъ.

Да и самая атака крѣпости началась безо всякихъ предварительныхъ рекогносцировокъ, прежде чѣмъ войска могли осмотрѣться и сообразить что-нибудь, при полномъ незнакомствѣ съ положеніемъ крѣпости и числомъ ея защитниковъ, при совершенномъ непониманіи того гибельнаго значенія, которое должна была имѣть для престижа русскаго имени въ Азіи неудача подъ Геокъ-Тепе. Этимъ только и можно объяснить себѣ поразительный фактъ, что штурмовыя колонны полѣзли прямо во рвы и на стѣны, въ то время какъ доступъ въ крѣпость былъ совершенно свободенъ съ южной стороны...

Повидимому, у штурмующихъ не было заготовлено ни лѣстницъ, ни фашиннику, ибо стоило ли возиться съ этими пустяками въ войнѣ съ халатниками! Усталые, полуголодные солдатики были двинуты прямо на уру,—и когда ихъ встрѣтили изъ-за стѣнъ тысячи мѣткихъ винтовокъ и тысячи отчаянныхъ храбрецовъ, оказалось, что съ пустыми руками на стѣну не влѣзешь, и пришлось утекать во-свояси подъ градомъ вражескихъ пуль, подъ натискомъ цѣлыхъ полчищъ лихихъ наѣздниковъ.

Если бы не наша молодецкая артиллерія, которая съ необыкновеннымъ самоотверженіемъ прикрывала тылъ безпорядочно отступавшихъ войскъ и осаживала своею мѣткою картечью отчаянно насѣдавшія на нихъ толпы Текинцевъ,—исходъ боя былъ бы ужасный. Артиллерія не только спасла отрядъ послѣ отбитаго приступа, но и едва не окончила дѣло побѣдой. Огонь ея привелъ Текинцевъ въ такой ужасъ, что они, потерявъ до 2.000 человѣкъ, и ожидая на другой день новаго приступа, на ночномъ сборищѣ своемъ совсѣмъ было порѣшили уходить изъ Денгиль-Тепе, а многіе даже прямо посовѣтовали покориться

Россіи. Имъ и въ голову не приходило, что они одержали надъ нами побѣду, и когда утромъ увидѣли, что русскій отрядъ покинулъ свой лагерь и отступаетъ, изумленію и радости ихъ не было конца. Во время торжественнаго пира по случаю побѣды всѣ русскіе плѣнные были зарѣзаны, и съ труповъ иха срѣзано сало для лѣченія боевыхъ ранъ.

Храброму и опытному генералу Тергукасову, принявшему отъ Ломакина начальство надъ возвратившимся отрядомъ, принадлежитъ чрезвычайно важная мысль перенести базисъ будущихъ военныхъ дѣйствій противъ Текинцевъ изъ неудобнаго Чикишляра въ Красноводскую бухту, намѣченную еще геніальнымъ глазомъ Петра I.

Тергукасовъ же первый поднялъ вопросъ о необходимости связать эту бухту желѣзною дорогой съ театромъ военныхъ дѣйствій, напримѣръ, съ Кизилъ-Арватомъ. Скобелевъ, со всею горячностью и настойчивостью своего изобрѣтательнаго военнаго генія, схватился за этотъ умный планъ и убѣждалъ покойнаго государя, глубоко огорченнаго пораженіемъ 28 августа, не отлагать дѣла въ долгій ящикъ, не давать Англичанамъ воспользоваться плодами нашей громкой неудачи и захватить себѣ какой-нибудь Гератъ. Онъ совѣтовалъ одновременно и строить желѣзную дорогу, и идти впередъ. Экспедиція его началась осенью 1880 г. Наученный опытомъ своихъ прежнихъ походовъ въ Азіи и тщательно изучивъ практическія условія другихъ походовъ, онъ съ удивительною предусмотрительностью и благоразуміемъ обдумалъ и подготовилъ до послѣдней мелочи все, что было нужно для обезпеченія долгаго степного похода. Въ этомъ походѣ онъ показалъ себя не только талантливымъ военачальникомъ, какимъ уже считала его вся Россія, но еще и замѣчательныхъ военнымъ хозяиномъ. Цѣлый рядъ складовъ и опорныхъ военныхъ пунктовъ обезпечилъ его движеніе къ Геокъ-Тепе; верблюды и провіантъ неутомимо добывались вездѣ кругомъ, въ Персіи, въ киргизскихъ степяхъ, въ Хивѣ особыми агентами. Госпитали, почта были устроены отлично. Каждый

солдатъ имѣлъ съ собой на случай зимнихъ холодовъ полушубокъ, фуфайку, запасные сапоги, суконныя портянки и войлокъ для спанья.

Каждый шагъ впередъ изучался предварительными рекогносцировками и съемками. Всякій офицеръ, всякій солдатъ заранѣе получали точныя и практическія наставленія на всевозможныя случайности похода.

Съ какимъ неимовѣрнымъ трудомъ сопряжены всѣ эти хозяйственныя заботы о войскѣ среди азіатскихъ пустынь лучше всего видно изъ того, сколько верблюдовъ обыкновенно гибнетъ въ каждый подобный походъ. Въ Хивинской экспедиціи 1873 г., напримѣръ, погибло у насъ 15.000 верблюдовъ, при рекогносцировкѣ маленькаго отряда Маркозова 5.000, въ войнѣ Англичанъ противъ Афганцевъ 60.000!

А между тѣмъ верблюдъ единственное вьючное животное, способное выносить пески и зной пустыни и тащить притомъ на своемъ горбѣ цѣлый возъ клажи въ 10 и даже 12 пудовъ.

Нужно вспомнить еще, что почти всѣ верблюдовожатые въ походѣ Скобелева поневолѣ брались изъ Туркменъ, и что при каждомъ удобномъ случаѣ они убѣгали сами и угоняли въ пески своихъ верблюдовъ.

Скобелевъ, однако, несмотря на всѣ препятствія, увѣренно и безъ торопливости подвигался впередъ. Текинцы бросали свои калы и кибитки и по мѣрѣ движенія отряда все больше сосредоточивались въ Геокъ-Тепе. Они рѣшились умереть, но не сдаваться. Даже пастухи, которыхъ авангардъ отряда захватывалъ со стадами овецъ въ покинутыхъ калахъ, не отворяли воротъ крѣпости, запирались въ башняхъ и отстрѣливались впятеромъ, вдесятеромъ отъ цѣлаго войска, пока ихъ не перекалывали штыками. Пощады не просилъ никто.

Скобелевъ отлично изучилъ восточнаго человѣка. Онъ постоянно твердилъ, что «Азіатца прежде всего нужно бить по воображенію», и онъ его билъ по воображенію, гдѣ только могъ, чѣмъ только могъ. Чтобы доказать Текинцамъ, что русскаго

войска не остановять ни пески, ни безводіе, онъ вытребовалъ съ береговъ Аму-Дарьи, изъ Петро-Александровска, отрядъ Куропаткина. Куропаткинъ съ 900 верблюдами прошелъ 973 версты черезъ пустыню, почти неимѣвшую колодцевъ, и явился къ ужасу Текинцевъ въ ихъ оазисѣ со своими закаленными въ бояхъ туркестанскими солдатами.

Текинцы чувствовали, что на нихъ теперь надвигается что-то непобѣдимое. Они смотрѣли на Скобелева съ благоговѣйнымъ ужасомъ. У нихъ онъ былъ уже не бѣлый генералъ, не «*акъ-паша*» какъ у турокъ, а «кровавые глаза»—гёзъ-канлы». Текинцы говорили про русскихъ: «Русскіе на далекомъ разстояніи просто жгутъ людей и нѣтъ возможности броситься на нихъ въ рукопашный бой. Потому мы хотимъ выйти изъ крѣпости только тогда, когда ихъ войска подвинутся къ намъ близко. Въ рукопашной схваткѣ русскіе не устоятъ!» Въ силу свою Текинцы все еще вѣрили.

«Теперь наша крѣпость сильнѣе, чѣмъ была прежде,—похвалялись они Хорасанцамъ. Семейства наши будутъ хорошо спрятаны, до нихъ трудно Русскимъ добраться, такъ какъ мы для нихъ вырыли глубокія жилыя помѣщенія. Если же будетъ сильный напоръ со стороны Русскихъ, то переселимся кто въ Персію, кто въ Мервъ! Мы бы помирились съ Русскими, если бы знали, что они не изнасилуютъ нашхъ женъ и не уничтожатъ всѣхъ мужчинъ».

Главнымъ вождемъ Текинцевъ и распорядителемъ обороны въ Геокъ-Тепе былъ знаменитый своими аламанами Тыкма-Сардаръ. Онъ всю свою жизнь провелъ въ разбояхъ и будучи еще мальчишкой семнадцати лѣтъ уже стоялъ во главѣ цѣлой сотни лихихъ наѣздниковъ.

Персіяне, сосѣди Текинцевъ, предрекали Русскимъ новую неудачу и не вѣрили въ возможность одолѣть этотъ отчаянный народъ.

«Ради Бога, не идите прямо на штурмъ!—уговаривалъ полковника Гродекова ильхани Беджнурдскій Яръ-Магометъ-Ханъ.

большой другъ русскихъ. Повѣрьте мнѣ, я текинцевъ знаю лучше васъ, я съ ними воюю всю свою жизнь. Храбрѣе этого народа нѣтъ въ мірѣ. А теперь, когда въ Геокъ-Тепе находятся семьи ихъ, и Текинцамъ некуда дѣться, храбрость ихъ удесятерится!» Ему казалось, что для покоренія Геокъ-Тепе слишкомъ мало 20.000 войска и 100 орудій.

Хотя ни одинъ иностранный корреспондентъ не былъ допущенъ Скобелевымъ на театръ войны, однако англійскіе агенты ухитрились преслѣдовать нашъ отрядъ чуть не по пятамъ, слѣдя за нимъ по персидской границѣ. Конечно, это были не столько газетные корреспонденты, сколько политическіе агенты-подстрекатели, дѣлавшіе всевозможное, чтобы проникнуть къ текинцамъ и подбивать ихъ къ отчаянному сопротивленію русскому нашествію. Особенною дерзостью отличался пресловутый О'Донаванъ. Онъ нѣсколько разъ переодѣвался туркменомъ и пытался перейти персидскую границу, но всякій разъ былъ останавливаемъ и водворяемъ обратно хорасанскими властями. Бродили также и разъѣзжали по сосѣдству нашего отряда переодѣтый полковникъ Стюартъ подъ именемъ армянскаго купца, капитаны Гилль и Ботлеръ. О'Донаванъ перебрался потомъ въ Мервъ и, будучи жестокимъ пьяницей, шатался тамъ по базарамъ, уча Мервцевъ какъ рубить головы русскимъ, чѣмъ впрочемъ возбуждалъ въ нихъ только презрительное недовѣріе, ибо они не дождались отъ него ни суленыхъ англійскихъ денегъ, ни обѣщанной военной помощи.

Нашъ агентъ въ Мешедѣ, Насирбековъ, писалъ въ это время полковнику Гродекову, изъ прекраснаго и капитальнаго труда котораго мы главнымъ образомъ заимствуемъ подробности Скобелевскаго похода: «Англичане вездѣ имѣютъ людей. Деньги, которыя они бросаютъ въ этихъ странахъ, могутъ совратить родного брата. Страхъ, какъ они сыпятъ золото!»

Особенно бодрящее вліяніе на текинцевъ имѣли письма англійскаго консула въ Мешедѣ, Абазъ-Хана, обнадежившаго ихъ помощью Англіи. Въ ожиданіи ея текинцы не откочевывали въ

пески, засѣяли всѣ поля отъ Геокъ-Тепе къ Гяурсу и распредѣлили воду, какъ всегда у нихъ дѣлалось. Крѣпость рѣшено было защищать до крайности.

Духъ народа былъ также сильно поднятъ прибытіемъ двухтысячнаго подкрѣпленія изъ Мерва. Везли было оттуда и два орудія, отбитыя у персовъ, но колеса разсыпались, и ихъ бросили въ степи. Теперь въ Геокъ-Тепе собралось до 30.000 защитниковъ, изъ которыхъ однихъ всадниковъ насчитывалось 10.000; всего же населенія, засѣвшаго въ стѣнаяхъ Геокъ-Тепе, было не менѣе 45.000, и при этомъ всего одно шестифунтовое орудіе, важно установленное среди окоповъ на вершинѣ холма Денгиль-Тепе.

Внутренность крѣпости была уставлена кибитками и шалашами, изрыта глубокими ямами. Кибитокъ стояло около 15.000 Вездѣ были проведены канавы съ водой и выкопаны колодцы. Въ пескахъ было зарыто много хлѣба, а скотъ былъ угнанъ въ степи за 150 и 200 верстъ дальше къ востоку.

Когда отрядъ нашъ появился передъ крѣпостью и сталъ вести первые апроши, въ крѣпости уже давно все было готово къ достойной насъ встрѣчѣ. Текинцы дали намъ спокойно приблизиться траншеями къ ихъ рвамъ, и тогда вдругъ неожиданно сдѣлали отчаянную ночную вылазку. Это было уже въ самомъ концѣ 1880 года, 28 декабря. Кочевники оказали тутъ чудеса геройства. Босикомъ, въ однѣхъ рубахахъ, съ засученными штанами и рукавами, съ однѣми только шашками и кинжалами въ рукахъ неслышно и быстро, какъ стая пантеръ, перебѣжали они разстояніе, отдѣлявшее ихъ рвы отъ нашихъ параллелей, и ворвались въ передовыя траншеи прежде, чѣмъ растерявшіяся войска успѣли сдѣлать по нимъ хоть бы одинъ залпъ. Въ неистовомъ натискѣ своемъ перекололи они артиллерійскую прислугу, захватили восемь пушекъ, вырвали знамя у 4-го баталіона Апшеронскаго полка, сбили и смяли роты, изрубили множество офицеровъ и пробились сквозь всѣ редуты и батареи чуть не до самаго лагеря. Подоспѣвшія на выручку войска опрокинули

однако назадъ эту упоенную побѣдой босоногую толпу и отняли у нея назадъ всѣ орудія, кромѣ одного. На другой день у текинскихъ кибитокъ торчали на кольяхъ головы нашихъ солдатиковъ, всѣ изуродованныя, съ отрѣзанными носами и ушами...

Грѣшно не помянуть при этомъ безвѣстнаго русскаго героя, котораго самоотверженный подвигъ не менѣе всякихъ Муціевъ Сцеволъ и Гораціевъ Коклесовъ достоинъ бы былъ передоваться изъ поколѣнія въ поколѣніе русскому юношеству. Кучка апшеронцевъ отступала на наши войска подъ жестокимъ натискомъ насѣдавшихъ на нихъ текинцевъ. Войска не рѣшались стрѣлять, чтобы не попасть въ своихъ, и текинцы могли черезъ нѣсколько минутъ овладѣть нашими траншеями.

— Братцы! стрѣляйте скорѣе! Насъ мало, а за нами текинцы! — громко крикнулъ герой-апшеронецъ.

Залпъ огня отбросилъ надвинувшуюся текинскую орду, но патріотъ-солдатъ палъ, конечно, первый.

Не одну подобную вылазку дѣлали и потомъ текинцы, но ужъ мы приспособились къ нимъ, и каждая новая попытка ихъ кончалась все неудачнѣе и неудачнѣе.

Лихіе степные наѣздники опѣшили и потеряли вѣру въ свою непобѣдимость. Съ каждымъ днемъ становилось все труднѣе сардарямъ выгонять ихъ на ночныя атаки, кончавшіяся только сильнѣйшимъ опустошеніемъ ихъ рядовъ. Они рѣшили лучше дождаться русскихъ у себя въ стѣнахъ, гдѣ ихъ приходилось по пять человѣкъ на одного русскаго солдата, и гдѣ бой долженъ былъ рѣшиться не пушечнымъ огнемъ, приводившимъ текинцевъ въ неописуемый ужасъ, а страстно желанною имъ рукопашною схваткой, грудь на грудь.

Наши траншеи и батареи между тѣмъ совсѣмъ приблизились къ текинской крѣпости; Скобелевъ рѣшилъ, что пришло время нанести послѣдній ударъ. Три штурмовыя колонны должны были съ разныхъ сторонъ двинуться ночью на крѣпость, помогая другъ другу. Первую колонну велъ достойный соратникъ Скобелева полковникъ Куропаткинъ, теперешній генералъ-губернаторъ

Закаспійской области. Подъ стѣну крѣпости заранѣе была подведена мина; тотчасъ вслѣдъ за взрывомъ ея колонна Куропаткина должна была двинуться въ образовавшійся проломъ и овладѣть стѣнами...

Текинцы давно провѣдали про мину, но не боялись ея нисколько. Они думали, что русскіе ведутъ подкопъ съ цѣлью пробраться ночью внутрь крѣпости и радостно ждали этого, думая изрубить ихъ по одиночкѣ. Этотъ маневръ былъ изстари знакомъ кочевникамъ, и даже ихъ величайшій герой Чингисъ-ханъ продѣлалъ подобный подкопъ подъ стѣны крѣпости, когда онъ бралъ столицу Китая. Текинцы, конечно, не допускали мысли, чтобы невѣрные московы могли придумать что-нибудь получше ихъ великаго Чингиса!

Незадолго до полуночи вдругъ раздался страшный подземный ударъ, и громадный столбъ земли и дыма взлетѣлъ къ небу. Невозможно описать ужасъ, охватившій текинцевъ. Никто не понималъ, что̀ это за громы небесные неожиданно разразились надъ ихъ крѣпостью. Большинство думало, что это землетрясеніе. Кто помалодушнѣе, бросился бѣжать вонъ изъ крѣпости, не помышляя ужъ объ оборонѣ. Но еще оставалось много храбрецовъ, и всѣ они, несмотря на потрясающій ужасъ, несмотря на сотни задавленныхъ и растерзанныхъ взрывомъ, встрѣтили лицомъ къ лицу нашу штурмующую колонну на обвалахъ бреши... Мина взорвала стѣну на протяженіи пятнадцати саженъ и уже, конечно, текинскіе герои были не въ силахъ отстоять такія широко распахнутыя ворота отъ молодецкаго натиска нашей пѣхоты. По трупамъ переколотыхъ защитниковъ вошли наши солдатики на стѣны крѣпости, да и тамъ еще должны были упорнымъ боемъ брать каждый шагъ, потому что толстыя стѣны были перегорожены наверху глиняными траверсами, за которыми отчаянные азіатцы рубились до послѣдней капли крови.

Не давая опомниться сбитому со стѣнъ врагу, Куропаткинъ двинулъ войска съ музыкой, барабаннымъ боемъ и распущенными знаменами на центральную твердыню крѣпости — холмъ

Денгиль-Тепе, на которомъ столпились самые храбрѣйшіе изъ текинцевъ, поклявшіеся умереть на защиту родного гнѣзда. Военная музыка наша приводитъ азіатцевъ въ какой-то мистическій ужасъ и не разъ помогала успѣху нашихъ атакъ. Штыкъ скоро окончилъ кровопролитную борьбу, и русское знамя взвилось надъ Денгиль-Тепе.

«Поздравляю съ полною побѣдой, вся крѣпость наша. Оба орудія и знамя отбилъ назадъ!» доносилъ Куропаткинъ Скобелеву съ вершины Денгиль-Тепе.

Оставались только отдѣльныя калы внутри и около крѣпости; засѣвшіе тамъ текинцы не сдавались, а отстрѣливались и рубились, пока ихъ не перекололи до послѣдняго.

Тыкма-Сардаръ долго напрасно пытался останавливать бѣгущихъ, ругался и билъ ихъ по чемъ попало; наконецъ, потерявъ всякую надежду, онъ и самъ ускакалъ въ пески сквозь заднія ворота крѣпости. Сынъ его Ахъ-Верды, храбрый предводитель ночныхъ вылазокъ, палъ въ бою сраженный гранатой.

Скобелевъ самъ повелъ кавалерію преслѣдовать бѣгущихъ и гналъ ихъ не менѣе пятнадцати верстъ. Даже пѣхота наша и та гналась за текинцами верстъ на десять отъ крѣпости. Тысячи труповъ устлали дорогу.

Всего было убитыхъ въ эту ночь со стороны текинцевъ до восьми тысячъ. Но, кромѣ того, крѣпость была наполнена кучами разлагающихся труповъ, которыхъ въ послѣдніе дни текинцы уже не успѣвали хоронить.

До самого утра войска должны были брать приступомъ ямы и кибитки, въ которыхъ защищались одинокіе текинцы, не успѣвшіе бѣжать и всѣ по очереди погибавшіе подъ штыками. Цѣнная добыча хлѣбомъ, оружіемъ, вещами, досталась нашему войску въ Геокъ-Тепе.

Погромъ, нанесенный текинцамъ, былъ потрясающій, такой именно, какой, по мнѣнію Скобелева, необходимъ въ Азіи, такой, о которомъ вспоминаютъ цѣлое столѣтіе, о которомъ съ ужасомъ разсказываютъ на базарѣ самаго глухого городка, въ кибиткѣ

каждаго кочевника. Послѣ такихъ только кровавыхъ погромовъ азіатецъ покоряется безпрекословно и взираетъ съ благоговѣніемъ на властвующую надъ нимъ силу. Оттого-то Асхабадъ былъ занятъ черезъ шесть дней послѣ Геокъ-Тепе безъ малѣйшаго сопротивленія. Его опять-таки занялъ Куропаткинъ, которому поэтому вполнѣ законно быть теперь его правителемъ и устроителемъ. 28.000 квадратныхъ верстъ и пятьдесятъ тысячъ жителей были присоединены къ Россіи этимъ завоеваніемъ оазиса Ахалъ-Теке...

Но Скобелевъ поразилъ воображеніе азіатцевъ не только русской силой, но и русскимъ милосердіемъ, русскою справедливостью. Еще во время преслѣдованія врага, въ самый разгаръ боя, онъ отдалъ приказъ возвращать назадъ въ Геокъ-Тепе бѣжавшихъ текинскихъ женщинъ и дѣтей. Имъ были даны жилища и разная рухлядь изъ оставшейся добычи, имъ отпускался хлѣбъ и разные припасы. Мало-по-малу, видя доброту русскихъ, ахалъ-текинцы стали возвращаться къ своимъ семьямъ и селиться по старымъ мѣстамъ. Наконецъ, даже самъ Тыкма-Сардаръ, укрывшійся въ Мервѣ, явился съ повинною. Сначала онъ, было, предлагалъ мервцамъ собрать изъ своихъ ахалъ-текинцевъ дружину въ двѣ тысячи всадниковъ для защиты Мерва отъ русскихъ, но Мервцы съ грубою откровенностью степняковъ сказали ему:

«Ты убѣжалъ отъ русскихъ и хочешь защищать Мервъ? Если ты храбръ, то послѣ этого на свѣтѣ нѣтъ трусовъ. Ты трусъ, потому что убѣжалъ, а храбрецы всѣ погибли подъ Геокъ-Тепе».

Выбирать было не изъ чего, пришлось волей-неволей покориться русскимъ и даже отправиться потомъ на поклонъ къ Бѣлому Царю.

Салоры и сарыки съ береговъ Теджена и Мургаба тоже прислали пословъ съ предложеніемъ покорности. Сосѣдніе хорасанцы ликовали отъ восторга, что наконецъ избавились отъ своихъ вѣковѣчныхъ утѣснителей. Въ самыхъ далекихъ углахъ Азіи громко

отдался ударъ, нанесенный русскою силой храбрѣйшему и неукротимѣйшему изъ ея народовъ.

Съ взволнованнымъ чувствомъ осматривалъ я полуобвалившіяся стѣны Геокъ-Тепе, такъ недавно еще вписавшія геройскую страницу въ исторію русскаго воинства. Видъ историческихъ мѣстностей имѣетъ на себѣ какую-то особенную печать. Вѣдь и Бородинское, и Куликовское поле—ничего больше, какъ поля, покрытыя такими же нивами, какъ и всякое другое. Однако, глядя на нихъ, видишь не только вспаханную или засѣянную землю, а что-то гораздо болѣе выразительное, что-то могуче-возбуждающее и мысли, и ощущенія ваши. Глядя на нихъ, грезишь на-яву и заселяешь пустынную равнину картинами и образами, которые приноситъ сюда ваша голова, ваше сердце...

Такое же точно впечатлѣніе произвела на меня и заброшенная Текинская крѣпость, на которой невидимыми буквами написано навсегда, въ память вѣкамъ грядущимъ — 12 января 1881 года.

Насъ было нѣсколько человѣкъ, и по счастью, одинъ военный инженеръ, лично участвовавшій въ осадѣ Геокъ-Тепе. Онъ могъ разъяснить намъ все, чтó намъ было неясно.

Мы влѣзли на стѣны и бродили внутри крѣпости. Крѣпость поражаетъ своею кажущеюся ничтожностью. Она стоитъ на совершенно гладкой равнинѣ, у самыхъ песковъ. Обхватъ ея большой, болѣе четырехъ верстъ въ окружности. Недаромъ же въ ея стѣнахъ помѣщалось все населеніе оазиса, почти полсотни тысячъ народа съ ихъ кибитками. Но высота стѣнъ зато не больше двухъ саженъ. Въ толщину онѣ гораздо больше: до пяти саженъ при основаніи и до трехъ наверху. Такъ какъ онѣ глиняныя, то, вѣроятно, другого размѣра сдѣлать нельзя, иначе бы онѣ обвалились. По верхнему краю стѣны идетъ ходъ, прикрытый двухъ-аршинными тонкими стѣнками съ узкими бойницами для ружій, и перегороженный черезъ каждыя нѣсколько саженъ такими же поперечными стѣнками, такъ-называемыми травер-

сами. Эти траверсы сдѣланы нарочно для того, чтобы на каждомъ шагу можно было остановить непріятеля, успѣвшаго гдѣ-нибудь влѣзть на стѣну. Частыя ступени ведутъ изъ крѣпости на стѣну, вдоль которой съ внутренней стороны ея вырыты жилыя ямы, гдѣ во время осады укрывались семейства Текинцевъ. Наружный ровъ уже изрядно осыпался и обмѣлѣлъ, но все-таки замѣтно, что онъ былъ не менѣе двухъ, трехъ саженъ глубины и такой же ширины... Странное дѣло, въ Геокъ-Тепе не было запиравшихся воротъ. Девять открытыхъ выходовъ въ стѣнахъ, противъ которыхъ вмѣсто мостовъ были оставлены земляныя перемычки между рвами, защищались только короткими и высокими глиняными стѣнками, поставленными впереди рва на подобіе щитовъ или ширмъ. Это нѣсколько напоминаетъ древнюю Спарту, которая замѣняла стѣны храбростью своихъ сыновъ.

Я стоялъ на вершинѣ стѣны и окидывалъ задумчивымъ взглядомъ печальную картину, растилавшуюся предо мной. Грозная твердыня текинцевъ теперь полуразрушена и обращена въ мирное пастбище.

Недаромъ Скобелевъ говорилъ, что «необходимо вспахать Геокъ-Тепе!»

Исхудалые за зиму грязносѣрые верблюды, облѣзлые, какъ чучела музея, объѣденные молью,—высокіе, громоздкіе, бродятъ внутри этихъ обагренныхъ кровью стѣнъ, въ философскомъ безмолвіи срывая своими мозолистыми губами колючую траву по удобренной кровью землѣ. Полуголый пастушенокъ-текинецъ, въ позѣ юнаго атлета, живописно усѣлся на парапетѣ стѣны, какъ разъ противъ меня, болтая босыми ногами, загорѣлыми какъ юфть и съ презрительною безпечностью поглядываетъ на суетящуюся у крѣпости публику. Все теперь пусто внутри крѣпости. Только по серединѣ ея виднѣются камни разрушенной калы, которая составляла своего рода цитадель Геокъ-Тепе, да позади, въ юго-западномъ углу, высится саженъ на восемь или десять, зеленѣя своими скатами, плоскій холмъ Денгиль-Тепе,—

главная и послѣдняя твердыня сокрушенной туркменской силы.

Зато по сторонамъ крѣпости вся степь покрыта зубчатыми башнями, стѣнами съ бойницами, развалинами глиняныхъ строеній, рвами арыковъ, разбросанными шелковичными деревьями.

Какъ разъ противъ Геокъ-Тепе, по дорогѣ отъ Кизилъ-Арвата, щетинится уже полуразрушенное теперь Самурское укрѣпленіе, бывшая текинская Егянъ-Батыръ-Кала, прозванное такъ въ честь геройскаго 1 баталіона Самурскаго полка, все время бившагося въ головѣ отряда отъ начала до конца Текинской экспедиціи. Въ этомъ укрѣпленіи, тоже взятомъ съ кроваваго боя, были сложены въ дни осады Геокъ-Тепе двухмѣсячные запасы для цѣлаго отряда.

Съ другой стороны, въ пескахъ, виднѣются деревья и разрушенныя башни Куня-Геокъ-Тепе, покинутаго текинцами при первомъ движеніи русскихъ въ ихъ оазисъ. Я оглянулся направо—тамъ совсѣмъ другая картина. Среди безплодной скатерти глинистаго поля три-четыре русскія могилки подъ скромными деревянными крестами. Подъ ними похоронены безъ монументовъ и надписей безыменные русскіе солдатики, грудью своею взявшіе твердыни Геокъ-Тепе.

Нѣсколько текинцевъ провожало насъ на стѣны крѣпости. Они влѣзали и слѣзали легко и проворно, какъ кошки. Имъ, очевидно, не было обидно наше любопытство и они показывали, и разсказывали намъ все, что могли, весело осклабляя свои сверкающіе, какъ у волка, бѣлые зубы.

— Былъ ты въ Геокъ-Тепе, когда Скобелевъ бралъ?—спрашивалъ стараго хищника одинъ изъ нашихъ пассажировъ, ученый армянинъ-оріенталистъ, говорившій по-джегатайски.

— Всѣ мы были, и я былъ,—коротко отвѣтилъ текинецъ, глядя въ сторону,

— Какъ же вы, такіе храбрецы, поддались русскимъ? Вѣдь васъ же было впятеро больше?

— Мы бы не поддались, да ничего сдѣлать было нельзя!—съ

искреннимъ вздохомъ отвѣчалъ текинецъ.—Скобелевъ ужъ очень хитеръ былъ. Мы, было-воду въ ровъ напустили, думали, черезъ воду русскіе не перейдутъ, а Скобелевъ взялъ да и отвелъ воду въ другое мѣсто и ровъ сухой сталъ; стѣну толстую сдѣлали, думали не перелѣзутъ русскіе черезъ такую стѣну, перерѣжемъ мы ихъ всѣхъ; ждали вѣдь все, что русскіе на стѣны полѣзутъ, какъ въ первый разъ; а Скобелевъ какой хитрый! Все изъ пушекъ насъ билъ, огнемъ жегъ, а на стѣны не шелъ. Вотъ мы слышимъ ночью, что русскіе подъ стѣной ходъ копаютъ, лопатами стучатъ. Ну, думаемъ, вотъ это хорошо! Пускай копаютъ, вѣрно они хотятъ въ крѣпость пробраться, пока мы спимъ. А мы спать не стали, всю ночь шашки точили, думаемъ, станутъ они изъ-подъ земли вылѣзать, а мы имъ головы будемъ рубить. Намъ только этого и нужно было. Собралось насъ много народа, первые храбрецы и усѣлись поближе къ стѣнѣ, гдѣ русскіе подкопъ вели; ждемъ, когда первый русскій оттуда покажется, и сабли нагою держимъ. Вдругъ, какъ задрожитъ земля, какъ взлетитъ вверхъ стѣна наша, мы думали, что весь свѣтъ сквозь землю провалился! Всѣ голову потеряли! А тутъ русскіе ура закричали... Въ крѣпость ворвались... Ну, мы и побѣжали!.. Что-жъ больше дѣлать? Рубятъ насъ сзади, рубятъ спереди, и женъ, и дѣтей, всѣхъ рубятъ, а мы бѣжимъ, куда глаза глядятъ... Послѣ ужъ не велѣлъ Скобелевъ женщинъ рубить, такъ мы хватали съ женщинъ халаты, надѣвали ихъ на себя и садились гдѣ-нибудь. Такъ насъ и не тронули.

— Ну что-жъ, теперь зато мирно живете,—вмѣшался въ разговоръ другой пассажиръ.—Вѣдь признайся, правда подъ русскою властью вы стали гораздо богаче. Работы сколько хотите, за все деньги платятъ и никто у васъ не отнимаетъ ничего.

— Нѣтъ, нѣтъ!—съ неудовольствіемъ отмахивался головой текинецъ и животное выраженіе его низко оттянутаго рта сдѣлалось при этомъ еще грубѣе и враждебнѣе. — Какъ же можно!.. Теперь хотя и есть деньги у Теке, да работать нужно каждый день... Пшеницу—работай, табакъ — работай, дорогу — работай!

а тогда Теке совсѣмъ не работалъ. Зачѣмъ работать? Нужно денегъ, поѣхалъ въ Персію на аламанъ, поймалъ трехъ персовъ, продалъ въ Хивѣ, и живи себѣ полгода, ничего не дѣлай... Какъ же можно!

Вокругъ Геокъ-Тепе оазисъ населенъ особенно густо. Аулы на каждомъ шагу, и всѣ къ сторонѣ горъ. Крѣпостцы слѣдуютъ одна за другою чуть не сплошною цѣпью. Садики, орошаемые канавками, поля, изрѣзанныя арыками, шелковичныя деревья вдоль арыковъ, дѣлаются обыкновенною обстановкой пейзажа вмѣстѣ съ пасущимися вездѣ стадами верблюдовъ. Аулы подходятъ даже къ самой желѣзной дорогѣ, такъ что поѣзду приходится проноситься между ихъ глиняными стѣнками, изъ-за которыхъ хорошо намъ видны бобровые шалаши текинскихъ кибитокъ и ихъ глиняныя мазанки безъ оконъ. Иныя кибитки оплетены еще сверхъ войлоковъ камышевою изгородью, смазанною глиной, въ защиту отъ рѣзкихъ вѣтровъ пустыни. Текинцевъ также видишь все больше и больше, и въ поляхъ, и на станціяхъ желѣзной дороги. А надъ всѣмъ этимъ оживленнымъ весеннимъ пейзажемъ, котораго зеленыхъ красокъ и слѣда не останется уже въ маѣ мѣсяцѣ, господствуетъ своими ближними лѣсистыми хребтами и своими выглядывающими изъ-за нихъ далекими снѣговыми вершинами безконечно тянущійся Копетъ-Дагъ, провожающій насъ все время съ тѣхъ поръ, какъ мы проснулись раннимъ утромъ за Кизилъ-Арватомъ.

Тутъ и почва, и климатъ — превосходны, а животный міръ богатъ даже и въ пескахъ сосѣдней пустыни. Дикіе ослы, джейраны, антилопы бѣгаютъ стадами. Гіенъ множество, а шакалы воютъ по ночамъ вокругъ самаго Асхабада.

Военный инженеръ, съ которымъ мы ѣхали, держалъ у себя нѣкоторое время дикаго осла (Кулана). Но объѣздить его не удалось, потому что куланы настолько благоразумны, что не дозволяютъ садиться на себя осѣдлавшему всю ихъ четвероногую братію двуногому собрату своему. Этотъ родоначальникъ нашего

лѣниваго и рабски покорнаго осла оказывается самымъ рьянымъ, самымъ быстрымъ и самымъ неукротимымъ животнымъ азіатской пустыни...

IV.

Асхабадъ.

Послѣ песковъ пустыни и глиняныхъ текинскихъ ауловъ, Асхабадъ произвелъ на меня самое отрадное впечатлѣніе. Это бѣленькій, чистенькій, новенькій городокъ, радостно сверкающій своими зелеными садиками, своими веселыми домиками. Городокъ, однако, ежечасно превращающійся въ большой городъ. Ростъ его видится просто глазами. Говорятъ, лѣтомъ онъ душенъ, но теперь, въ развалъ весны, онъ еще дышетъ самою свѣжею молодостью. Вездѣ вода, вездѣ фонтаны, и въ маленькихъ садикахъ частныхъ домовъ, и въ городскомъ саду, и на городскихъ площадяхъ. Вода проведена изъ горныхъ ключей, верстъ за 12, съ помощью самаго несложнаго и недорогого водопровода. Всѣ улицы подметены, политы, обсажены деревьями, вездѣ строгій военный порядокъ. Домики Асхабада скромные, небольшіе, всѣ похожіе другъ на друга, какъ и подобаетъ военному городу, за то ютятся въ просторныхъ, щедро отмѣренныхъ усадьбахъ, среди садиковъ, за сквозными оградами. Когда эти юные садики разрастутся, тѣни и свѣжести будетъ очень много. Домики каменные, низенькіе, плоскокрышіе, и крыши залиты киромъ, такъ что выходитъ своего рода несгораемый городъ. Улица-бульваръ, которая ведетъ прямо отъ вокзала, называется Анненковскою, въ честь строителя Закаспійской желѣзной дороги, генерала Анненкова. На ней находится и домъ Анненкова. Съ Анненковской мы повернули подъ прямымъ угломъ на одну изъ самыхъ лучшихъ и, главное, самыхъ тѣнистыхъ здѣшнихъ улицъ— Офицерскую, которая ведетъ къ Скобелевской площади. Мнѣ очень нравится этотъ обычай молодыхъ азіатскихъ городовъ

нашихъ, къ сожалѣнію, мало свойственный нашимъ старымъ русскимъ городамъ,—называть улицы и площади именами людей, заслуживающихъ того, чтобъ имена ихъ были переданы потомству.

На Скобелевской площади строится новый каменный соборъ, который долженъ быть готовъ уже этимъ лѣтомъ, а пока стоитъ скромная деревянная церковь, не помѣщающая и сотой части войскъ, расположенныхъ въ Асхабадѣ. Тутъ же и спартански-скромные нумера Семенова, въ которыхъ мы помѣстились и которые считаются лучшими, за отсутствіемъ въ городѣ настоящихъ гостинницъ для пріѣзжающихъ.

Асхабадъ не даромъ производитъ впечатлѣніе не русскаго, а скорѣе итальянскаго городка. Если много воздуха и солнца на его улицахъ, то зато въ его гостинницахъ — ни малѣйшей уютности, и зимой, надо думать, ихъ тѣнистые и сырые «нумера» обращаются въ пещеры Борея. Достаточно уже того, что всѣ эти «нумера», они же и спальни, открываются прямо на крытое крыльцо, или, если хотите, балконъ, безъ малѣйшаго слѣда какой-нибудь прихожей. На счетъ внѣшней обстановки, прислуги и самыхъ необходимыхъ житейскихъ удобствъ—отложите, разумѣется, всякое попеченіе. Но я говорю это мимоходомъ, болѣе для другихъ, чѣмъ для себя, потому что самъ я безъ малѣйшаго труда мирюсь съ этимъ спартанствомъ нашихъ азіатскихъ заѣзжихъ домовъ и никогда не ставлю ихъ на счетъ любопытнымъ мѣстностямъ, въ которыхъ мнѣ удается побывать, какъ это имѣютъ обыкновеніе дѣлать болѣе требовательные туристы.

Заказавъ себѣ что можно было къ обѣду, мы отправились, чтобы не терять времени, осматривать городъ. Извозчики въ азіатской Россіи, какъ вообще и у насъ на окраинахъ, гораздо приличнѣе и удобнѣе, чѣмъ извозчики въ нашихъ старыхъ губернскихъ городахъ, раболѣпно подражающихъ въ этомъ неопрятной старухѣ Москвѣ. Вмѣсто узенькихъ грязныхъ пролетокъ, на худыхъ клячахъ, тутъ почти вездѣ такъ называемые фаэтоны, просторные и покойные, на довольно горячихъ лошадяхъ.

Центромъ Асхабада служитъ домъ генералъ-губернатора, низенькій и скромный, какъ всѣ дома юга, окруженный зато большимъ садомъ. На площади противъ нсго памятникъ генералу Петрусевичу, энергичному помощнику Скобелева въ Ахалъ-Текинскомъ походѣ, и другимъ героямъ Геокъ-Тепе. Другой памятникъ русскимъ воинамъ, павшимъ въ бою съ текинцами, воздвигнутъ около строящагося собора, на Скобелевской площади. Оба памятника скромны на видъ и говорятъ не столько глазу туриста, сколько чувству русскаго человѣка. Черезъ площадь, противъ дома генералъ-губернатора, старая текинская крѣпость на холмѣ. Глиняныя стѣны, глиняныя башни, рвы и валы, обложенные дерномъ. Хотя на валахъ еще хмурятся черныя жерла пушекъ и ходятъ часовые, но крѣпость въ сущности обращена въ простой пороховой магазинъ и складъ оружія. Только развѣ въ случаѣ какого-нибудь волненія туземцевъ она можетъ сыграть роль цитадели. Казармы въ крѣпостцѣ и казармы на всякой почти улицѣ. Кромѣ военныхъ учрежденій да лавокъ, тутъ мало что увидите. Асхабадъ въ этомъ отношеніи до сихъ поръ сохранилъ характеръ военной штабъ-квартиры своего рода. Во всемъ городѣ одна только двухклассная школа, хотя городъ и считается столицей цѣлаго Закаспійскаго генералъ-губернаторства. Это, конечно, мало похоже на Америку, но въ Азіи, да еще въ Туркменской, довольно понятно. Базары Текинскій, Персидскій, Бухарскій, армянскія и русскія лавки,—все это сосредоточено главнымъ образомъ въ старой части города. Тутъ множество ковровъ всякаго рода, текинскихъ и хорасанскихъ, шелковыхъ матерій, пестрыхъ бумажныхъ тканей, всего того, чѣмъ обыкновенно бываютъ богаты азіатскіе базары, но спеціально интереснаго нѣтъ ничего. Новыя части города распредѣляются съ военною правильностью, свободно и широко. Кварталы вырастаютъ за кварталами, словно сами собою. На пустыряхъ, раздаваемыхъ почти даромъ, разбиваются сады, устраиваются ограды для будущихъ усадьбъ. Вмѣстѣ съ расширеніемъ города, гражданская жизнь волей-неволей начнетъ все больше врываться въ этотъ пока

исключительно военный быть. Впрочемъ, уже и теперь существуетъ здѣсь общественное собраніе помимо военнаго. Есть и публичный городской садъ съ фонтаномъ, гротомъ и высокой горкой, съ которой отлично можно обозрѣть весь Асхабадъ. Бѣлыя акаціи, павловніи, елеагнусы, чинары,—вообще флора Крымскаго полуострова,—составляютъ главную массу деревьевъ этого сада. Несмотря на первую половину апрѣля, акаціи уже отцвѣли, и садъ вообще оказался не особенно богатъ цвѣтами. Здѣсь раза два въ недѣлю играетъ полковая музыка, и текинцы толпами приходятъ ее слушать. Аулъ ихъ какъ разъ противъ публичнаго сада, черезъ Анненковскую улицу. Мы проѣхали его во всѣхъ направленіяхъ. Былъ рамазанъ, и они праздновали его. Глиняныя стѣны идутъ вдоль и поперекъ, окружая ихъ дворы, поля, огороды. Узенькіе переулочки, съ трудомъ пропускавшіе нашъ фаэтонъ, вьются и ныряютъ между этими нескончаемыми глиняными оградами. На дворахъ кибитки, мазанки, верблюды и арбы. Домовитости никакой: настоящее хозяйство кочевника. Пустырей въ оградахъ больше, чѣмъ жилищъ. Таковъ былъ весь Асхабадъ, когда мы забрали его. Теперешній «русскій Асхабадъ» производитъ на текинца впечатлѣніе какого-то непостижимаго волшебства. Онъ еще не пришелъ въ себя отъ изумленія, откуда и какъ появились среди ихъ грязнаго глинянаго аула всѣ эти чудеса, эта кипучая жизнь, эта роскошь, это веселье, этотъ стройный порядокъ и полная безопасность. Магазины, фонтаны, монументы, поѣзда желѣзной дороги, хоры музыки, — тамъ, гдѣ на ихъ глазахъ такъ недавно еще паслись верблюды среди бурьяновъ пустыни.

Извозчикъ нашъ съ чувствомъ зависти разсказывалъ о довольствѣ текинцевъ.

— Чего имъ теперь еще!—говорилъ онъ въ отвѣтъ на мои вопросы. — Какъ жили на волѣ, такъ и теперь живутъ. Царь нашъ все имъ оставилъ. Земля есть, сады есть, скотина есть, податей съ нихъ сходитъ самая малость, меньше, чѣмъ съ нашего брата, и никто его теперь трогать не смѣетъ. Что ни базаръ,

онъ все что-нибудь продавать волочетъ, потому хлѣбъ сѣетъ, и траву, и табакъ, и виноградъ; опять же шерсть у него, ковры, бабы ихъ ткутъ, на что лучше; нашимъ до нихъ куда-жъ! По полсотнѣ и по сотнѣ рублей за одинъ коверъ берутъ. Даже съ Москвы купцы покупаютъ. А тратить ему куда? Ѣстъ онъ что овца, пьетъ воду одну. Одежу ему опять-таки баба его справляетъ. Ему по дому никакого расхода нѣтъ... По ихъ жизти безпремѣнно у нихъ большія деньги должны быть...

— А не разбойничаютъ они тутъ по ночамъ? Смирно живутъ? — спросилъ я.

— Нѣтъ, что-жъ, клепать на нихъ нечего. Бываетъ за полночь въ одиночку ѣдешь мимо аула ихъ, и ночь темная, ни-ни! пальцемъ никто не тронетъ. Нѣтъ, баловства отъ нихъ никакого не примѣтно: смирно живутъ и не воруютъ. Нашъ братъ на это хуже. Начальства, конечно, боятся, потому съ ними дюже строго поступаютъ, коли что такое...

Генерала Куропаткина не было въ Асхабадѣ; онъ объѣзжалъ свою область; поэтому я не могъ воспользоваться письмомъ, которое имѣлъ къ нему. Однако, я все-таки сдѣлалъ нѣсколько знакомствъ въ мѣстномъ военномъ мірѣ. Между прочимъ, я познакомился съ полковникомъ А., занимавшимся экономическими изслѣдованіями многихъ мѣстностей Закавказскаго края. Онъ человѣкъ наблюдающій и думающій и не даромъ объѣздилъ глухіе уголки этого глухого края. Мы разговорились съ нимъ о Теджейскомъ уѣздѣ, который онъ недавно посѣтилъ.

— Нужно пожить въ этомъ краѣ, чтобы понять истинное значеніе орошенія, говорилъ А. — Это не только важнѣйшій здѣсь экономическій факторъ, но и основа всѣхъ общественныхъ и племенныхъ связей. Возьмите, напримѣръ, рѣку Теджень. Она раздѣлена текинцами на четыре части; первый годъ, напримѣръ, орошаются земли нижней части бассейна, для среднихъ и верхнихъ земель вода тогда запирается. На слѣдующій годъ вода пускается въ среднія земли, а запираются остальныя;

потомъ въ верхнія, и такъ по очереди. Въ каждой части опять очередь: сначала вода дѣлится между родами; столько дней подержитъ воду одинъ родъ, столько-то другой; въ родахъ кидается жребій между аулами, въ аулѣ между отдѣльными семьями, и т. д. Словомъ, вода создаетъ естественную зависимость другъ отъ друга всѣхъ частей племени, живущаго на одной рѣкѣ, волей-неволей объединяетъ ихъ въ одинъ общественный союзъ, подчиняетъ ихъ однимъ порядкамъ.

— Что же дѣлается съ землями, которымъ не очередь орошаться? Вѣдь онѣ должны лежать все это время пустыремъ? спросилъ я.—Это огромное неудобство.

— Ежегодно орошать здѣшнія земли нельзя,—объяснилъ мнѣ А. — Отъ поливки появляется такое множество сорныхъ травъ, что онѣ задавили бы всякій посѣвъ, еслибъ ихъ не уничтожали періодически повторяющеюся засухой.

Мнѣ хотѣлось узнать, чѣмъ вызывается раздѣленіе текинцевъ на пастуховъ и осѣдлыхъ, чомуръ и чорва, и есть ли между ними племенное различіе.

— О, нѣтъ, различія нѣтъ никакого, — сообщилъ мнѣ А. — Одинъ и тотъ же текинецъ очень часто нынче чорва, а завтра чомуръ, и наоборотъ. Случается, что одинъ родной братъ чорва, а другой—чомуръ. Кибитка высылаетъ однихъ членовъ своихъ пасти скотъ, другихъ орошать поля и сѣять хлѣбъ. То же самое видѣлъ я и въ Ферганѣ у киргизовъ. Тамъ встрѣчаются поучительные переходы отъ дикаго кочевничества къ полной осѣдлости. И это дѣлается совсѣмъ незамѣтно. На одной и той же рѣкѣ мнѣ приходилось видѣть всѣ постепенные фазисы этого перехода. Понемножку прибавляется къ кибиткамъ одна, двѣ мазанки, потомъ глиняная ограда, потомъ арыкъ и нѣсколько деревьевъ, а тамъ цѣлое поле и цѣлый аулъ, гдѣ ужъ кибитокъ почти вовсе не видно—пастухъ тутъ совсѣмъ обратился въ пахаря и садовника.

Заинтересовалъ меня и одинъ молодой офицеръ генеральнаго штаба, полный энергіи и по горло преданный своему дѣлу. Всѣ

стѣны его холостой квартиры въ планахъ кампаній, картахъ и чертежахъ. Я его засталъ среди груды разныхъ книгъ и записокъ. Онъ готовился сегодня же вечеромъ читать въ военномъ клубѣ свое сообщеніе о способахъ веденія войны въ Центральной Азіи. Мнѣ, конечно, любопытно было слышать взгляды образованныхъ мѣстныхъ дѣятелей на наши задачи и на наше положеніе въ Азіи.

— Мы здѣсь не только воины, но прежде всего цивилизаторы! развивалъ мнѣ свои мысли краснорѣчивый капитанъ.—Солдатъ нашъ цивилизовалъ этотъ край; онъ создалъ его пути сообщенія, его порядокъ, его безопасность. Онъ садилъ и строилъ здѣсь все, что вы видите. Изъ этого нашего двойного характера вытекаютъ и наши обязанности. Мы должны быть, съ одной стороны, могучи и грозны, потому что на Востокѣ не уважается ничего, кромѣ силы, но съ другой стороны, мы каждымъ шагомъ своимъ должны убѣждать азіятца, что у насъ дѣйствительно лучше, чѣмъ у нихъ, что мы дѣйствительно вносимъ въ ихъ жизнь то, чего они никогда не имѣли и не могутъ имѣть безъ насъ. И вѣдь мы достигли своего, это можно признать безъ хвастовства, и у насъ имъ живется гораздо безопаснѣе, выгоднѣе, веселѣе, справедливѣе. Къ намъ поэтому всѣ теперь просятся: Сарыковъ и Салоровъ уже взяли, теперь лѣзутъ къ намъ джемширы, персы... И этимъ приходится отказывать изъ политической осторожности. Да, по правдѣ сказать, и нужды въ нихъ нѣтъ. Персы прескверный народъ и съ ними трудно ладить. Пока они боятся насъ; пока чувствуютъ огромную разницу между своимъ собственнымъ корыстнымъ, лѣнивымъ, притѣснительнымъ начальствомъ и русскими законными порядками,— они унижаются и просятся къ намъ. Но разъ онъ утвердился среди насъ, увѣрился, что его права обезпечены, что онъ можетъ безнаказанно судиться со всякимъ и на всякаго жаловаться,— онъ уже съ азіатской чванностью заявляетъ: я персъ, а не русскій, меня не смѣйте тронуть!...

— Однако, мы все больше и больше набираемъ такихъ не-

желанныхъ народовъ. Гдѣ жъ, наконецъ, остановимся мы? — замѣтилъ я.

— Что вы хотите! Насъ гонитъ впередъ какой-то рокъ, — отвѣчалъ капитанъ.—Мы самою природой вынуждаемся захватывать все дальше и дальше, чего даже и не думали никогда захватывать. По условіямъ азіатской жизни, по великой роли, которую играетъ орошеніе въ здѣшнемъ хозяйствѣ,—у кого во власти находятся истоки воды, тотъ дѣлается невольнымъ господиномъ всего теченія. Вотъ, напримѣръ, Гератъ: верховья такихъ рѣкъ, какъ Герирудъ или Мургабъ мы не можемъ позволить персамъ или афганцамъ имѣть въ своихъ рукахъ; значитъ, хотимъ мы, не хотимъ, а ужъ непремѣнно должны забрать Гератъ. Это только вопросъ времени. Такъ всѣ смотрятъ здѣсь на него: и мы сами, и наши враги.

— Теорія очень опасная,—улыбнулся я;—такимъ образомъ, придется идти чуть не до конца свѣта, какъ это хотѣлъ сдѣлать когда-то Александръ Македонскій.

— Да, но во всякомъ случаѣ мы пока еще идемъ и не останавливаемся. Оттого-то намъ необходимо зорко слѣдить за собою и строго относиться къ себѣ. Тутъ всякій пустякъ имѣетъ огромное значеніе. На насъ обращено здѣсь слишкомъ много взоровъ. Вѣрите-ли, что каждое солдатское ученіе наше—это своего рода школа для туземцевъ. Текинцы толпами собираются глазѣть на насъ. Ихъ поражаетъ изумленіемъ, что воля одного до такой степени воплощается въ массу, одушевляетъ ее и двигаетъ, какъ одну могучую машину, что, по мановенію начальника, тысячи людей, не раздумывая и не медля, исполняютъ въ данное мгновеніе все, что приказывается. Для дикаго кочевника это самая наглядная школа дисциплины, и, пожалуй, она многое подготовитъ намъ въ будущемъ! Оттого-то, повторяю, здѣсь, въ Азіи, нужнѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, высоко держать русское знамя...

Вечеръ пришлось провести въ военномъ собраніи, гдѣ мой новый знакомецъ долженъ былъ читать свою лекцію. Собраніе военное исключительно: офицеры, полковники, генералы, и ни-

кого больше. Я былъ, кажется, единственнымъ чернымъ пятномъ въ этой толпѣ красныхъ воротниковъ, блестящихъ пуговицъ, золотыхъ погоновъ и эполетъ. Даже мебель тутъ—и та военная: угловые канделябры очень остроумно устроены на треножникахъ изъ ружей, а посрединѣ залы—люстра, весьма искусно связанная изъ штыковъ.

Домъ военнаго собранія, окруженный большимъ тѣнистымъ садомъ, одинъ изъ самыхъ обширныхъ и красивыхъ домовъ Асхабада; помѣщеніе въ немъ офицерскаго клуба во всѣхъ отношеніяхъ удобное: прекрасная танцовальная зала, читальня, билліардная, буфетъ, нѣсколько гостиныхъ. Слушателей собралось довольно много, но молодой лекторъ, не разсчитавъ хорошо объема своего реферата, слишкомъ долго продержалъ ихъ неподвижно на своихъ мѣстахъ, не давъ даже пятиминутнаго роздыха въ теченіе $2^1/_2$ часовъ. Хотя тема лекціи мнѣ была довольно хорошо знакома, но тѣмъ не менѣе я съ любопытствомъ прислушивался къ искреннимъ и горячимъ идеямъ молодого мѣстнаго стратега, принимавшаго личное участіе въ Ахалъ-Текинскомъ походѣ. Онъ обставилъ свою лекцію множествомъ наглядныхъ пособій, планами, чертежами, картами, развѣшанными кругомъ его каѳедры, и ознакомилъ своихъ слушателей съ практическими пріемами войны противъ азіатскихъ кочевниковъ, какъ ихъ выработали наши талантливѣйшіе боевые люди: Скобелевъ, Черняевъ, Куропаткинъ, и другіе. Онъ иллюстрировалъ эти принципы практической стратегіи примѣрами изъ нашихъ азіатскихъ экспедицій: Текинской, Хивинской, Коканской, участники которыхъ во множествѣ сидѣли въ числѣ слушателей лекціи, изъ войны англичанъ съ суданцами и афганцами, изъ италіанскихъ столкновеній съ Абиссиніей.

Не берусь критиковать вѣрность его выводовъ, но признаюсь, что русскому сердцу было утѣшительно слушать, до какой степени неумѣлы и неудачны были дѣйствія враждебныхъ намъ европейцевъ въ войнахъ съ кочевниками, сравнительно съ молодецкими подвигами горсти русскихъ солдатиковъ, умѣвшихъ

покорять цѣлыя царства при поразительной скудости всего, что насущно необходимо человѣку.

Стремительный натискъ штыками, сомкнутый строй, непосредственная близость начальника къ своему отряду, желѣзная дисциплина и непремѣнно—наступленіе, а не защита,—словомъ, все то, чего нѣтъ и не можетъ быть у кочевника, что непривычно ему и что̀ поражаетъ его воображеніе, — вотъ основныя правила русскаго боя съ кочевниками, выработанныя и завѣщанныя своимъ товарищамъ по оружію Скобелевымъ и другими знатоками азіатской войны. Одна подробность, переданная какъ очевидцемъ, лекторомъ—очень тронула меня: послѣ боя въ Денгиль-Тепе, возвращаясь съ преслѣдованія бѣжавшаго врага, солдатики наши усадили всѣ лафеты орудій, всѣ сѣдла кавалеристовъ подобранными по дорогѣ текинскими дѣтишками и брошенными матерями ихъ... Въ этомъ отрадное отличіе «христолюбиваго воинства» нашего отъ варваровъ-азіатовъ, которые торжествуютъ свои побѣды прежде всего тѣмъ, что рѣжутъ горла своимъ плѣнникамъ, не разбирая ни пола, ни возраста.

Я возвратился въ свои «нумера» пѣшкомъ прелестною южною ночью по тѣнистой аллеѣ Офицерской улицы. Чудный мягкій воздухъ, ароматъ многочисленныхъ садовъ и необыкновенная яркость луннаго свѣта,—выразительно говорили о югѣ, о веснѣ...

У жены я засталъ за чаемъ нашего спутника, американца изъ Чикаго м-ра Крэна. Онъ тоже не терялъ времени даромъ и съ помощью своего переводчика, мингрельца, успѣлъ попраздновать на рамазанѣ въ кибиткѣ аульнаго старосты, гдѣ женщины показывали ему, какъ они ткутъ ковры и пекутъ хлѣбъ, а мужчины угощали кумысомъ и разсказывали всякія изумительныя вещи о Хивѣ,—выше которой въ воображеніи текинца не существуетъ ничего ни на землѣ, ни на небѣ.

Посидѣвъ въ Асхабадѣ сколько было нужно, пора было и собираться дальше. Поѣздъ отходилъ рано, и, не надѣясь на

плохую прислугу, я чуть свѣтъ побѣжалъ на базары—отыскать извозчиковъ подъ насъ и нашъ изрядный-таки багажъ. Городъ уже давно былъ на ногахъ и торговля въ полномъ разгарѣ. Мы пріѣхали на вокзалъ вô-время, но были поражены довольно непріятнымъ извѣстіемъ: оказалось, что почтовые поѣзда ходятъ только два раза въ недѣлю, а сегодня отходитъ товаро-пассажирскій, въ которомъ, къ довершенію удовольствія, не будетъ на этотъ разъ вагоновъ второго класса (перваго класса совсѣмъ нѣтъ на Закаспійской дорогѣ). Приходилось или садиться въ вагонъ третьяго класса на этотъ сравнительно медленный поѣздъ, или ждать еще два дня. Мы подержали военный совѣтъ съ нашимъ американцемъ и рѣшились отправляться немедленно, чтобы не перепутать предположеннаго маршрута.

Не скажу, чтобы мы очень были довольны потомъ выбраннымъ нами способомъ передвиженія, но тѣмъ не менѣе потерять два дня было бы еще тяжелѣе. Главнымъ лишеніемъ нашимъ было отсутствіе буфета на поѣздѣ. Эта американская роскошь, незнакомая даже роскошнымъ дорогамъ Европейской Россіи, въ Закаспійскомъ краѣ вызывается насущною необходимостью. При отсутствіи всякаго цивилизованнаго населенія вокругъ крошечныхъ станцій Закаспійской желѣзной дороги, при отсутствіи въ нихъ даже достаточнаго помѣщенія для буфетовъ, наконецъ, при отсутствіи въ ихъ сосѣдствѣ всякихъ рынковъ, на которыхъ можно было бы имѣть съѣстные припасы, нѣтъ возможности содержать постоянные буфеты на станціяхъ, тѣмъ болѣе, что поѣзда желѣзной дороги сравнительно очень рѣдки, и разстоянія станціи отъ станціи довольно велики. Поэтому и нужно было создать буфеты путешествующіе, сопровождающіе поѣздъ, и удивительно кстати развлекающіе своими питіями и яствами злополучныхъ путешественниковъ, обреченныхъ цѣлыми сутками жариться на 50-градусной жарѣ въ своихъ тѣсныхъ клѣткахъ, созерцая песчаные бугры или гладкіе, какъ ладонь, солончаки пустыни.

Хорошо еще, что мы съ женой заранѣе запаслись всякою

провизіей и утварью, необходимою для странствованій по варварскимъ землямъ, такъ что это неожиданное злополучіе не захватило насъ врасплохъ. Русскій чай очень удобно заваривался и распивался въ вагонѣ, къ особенному удовольствію м-ра Крэна, а запасъ кавказскаго вина и разныхъ консервовъ, закупленныхъ въ Тифлисѣ и Баку, оказался неистощимъ, даже при участіи еще двухъ случайныхъ потребителей.

И оба мы съ женой и привыкшій ко всякимъ путевымъ передрягамъ американецъ,—съ философскимъ благодушіемъ переносили неизбѣжныя злополучія, присущія подобному путешествію, самымъ веселымъ образомъ подшучивая другъ надъ другомъ и надъ самими собой. «Въ тѣснотѣ—не въ обидѣ!» говоритъ русская пословица; и въ грязи—тоже не въ обидѣ, и въ духотѣ—не въ обидѣ, безо всякихъ пословицъ думаетъ про себя русскій человѣкъ. Съ этой точки зрѣнія и мы не должны были считать себя обиженными судьбой, хотя сугубо и трегубо терпѣли и тѣсноту, и грязь, и духоту. Къ великому еще нашему счастью Закаспійская дорога придумала прекрасную вещь—особые вагоны для магометанъ. Это въ высшей степени практично и политично. Туземцы чрезвычайно довольны, что имъ не приходится перевозить своихъ женъ и дочерей рядомъ съ русскими солдатами, что они могутъ и сидѣть по-своему, и молиться по-своему, не оскверняемые присутствіемъ собакъ-русскихъ, а русскій православный людъ еще того довольнѣе, что все это лохматое звѣрье, кипащее всевозможными насѣкомыми, не по-людски говорящее, не по-людски сидящее,—не набивается въ его вагоны и не возмущаетъ его православныхъ вкусовъ. Иначе бы въ вагоны третьяго класса и войти было нельзя. Теперь же все-таки спутники наши если и не принадлежали къ числу особенно галантныхъ людей, то все-таки были народъ порядочный и подчасъ не безъинтересный. Старый служака жандармъ, въ сѣдыхъ николаевскихъ бакенбардахъ, шевронистъ, украшенный серебрянымъ и золотымъ Георгіемъ и нѣсколькими медалями на шеѣ, болѣе другихъ оказывалъ намъ знаки своего вниманія, давая

всѣмъ понять, что ему не въ диковинку обращаться съ хорошими господами. Онъ сломалъ почти всѣ здѣшніе походы, зналъ здѣсь всю подноготную и сообщалъ намъ много интереснаго. Радости его не было предѣловъ, когда онъ случайно узналъ, что мы куряне, и даже щигровцы, земляки его по уѣзду, что мы хорошо знаемъ и его родное село, и его родныхъ.

— Господи батюшки!—повторялъ онъ, радостно осклабляясь поочередно разсматривая то меня, то жену.—Просто и глазамъ не вѣрится. Какъ-таки, столько лѣтъ здѣсь прожилъ, первый разъ приходится изъ мѣстовъ своихъ земляковъ встрѣтить... И какимъ это манеромъ въ такую сторону дальнюю вы попали, ума не приложить!.. Вѣдь устроитъ же Богъ!.. А я ужъ думалъ, помру здѣсь, никого со своей стороны не увижу... Такъ неужто вы и вправду Ивана Аксеныча, дядю моего, знаете, и въ Савинахъ нашихъ бывали?

Эта неподдѣльная, дѣтски-простодушная радость русскаго человѣка при видѣ незнакомыхъ ему земляковъ, была по истинѣ трогательна. Я разспрашивалъ его о житьѣ-бытьѣ текинцевъ.

— Да живутъ ничего, только жизть ихъ скучная; съ нашей не сравнять. Бабы у нихъ только вотъ развѣ монеты серебряныя на груди да на головѣ вѣшаютъ, а наряду настоящаго нѣтъ! Натянетъ прямо на голову рукавъ халата шелковаго, да такъ и идетъ на базаръ. У насъ бы мальчишки такую-то засмѣяли, проходу бы ей не было... Ну, а хозяйничаютъ ничего: пшеничкой занимаются, ячменемъ, сады тоже разводятъ, винограду—это чего больше! Теперь картошки пошли сажать, у солдатиковъ нашихъ переняли.

— Нашихъ-то здѣсь трогаютъ когда?—спросилъ я.

— Ни Боже мой! Здѣсь на это строго. Чуть что, сейчасъ весь аулъ въ отвѣтъ. Переймутъ у нихъ воду дня на три, на четыре,—хоть перекалѣйте всѣ,—ну, и выдадутъ виноватаго. А съ ними расправа коротка. Коли убивство какое, сейчасъ въ Асхабадъ и вѣшать! Да эти оказіи рѣдко случаются; развѣ только на границѣ самой, на горахъ. Текинская вѣдь земля

только по гребень горы, а за гребнемъ персидская, ну, вотъ и балуются тамъ, потому, уйти можно; пикеты наши казацкіе рѣдко стоятъ, по нѣскольку верстъ другъ отъ друга, такъ, можетъ, когда и согрѣшатъ. Человѣкъ двѣнадцать въ годъ убитыхъ бываетъ, говорить нечего, а больше не бываетъ... Дюже нашихъ боятся...

За Асхабадомъ текинскій оазисъ еще долго сохраняетъ свой цвѣтущій и обработанный видъ. Кибитки цѣлыми сотнями стоятъ у самой дороги, засѣянныя поля, сады, аулы тянутся почти сплошь у подножія горъ. Калы и отдѣльныя башни осыпаютъ непрерывною цѣпью линію ауловъ. Страна отъ Анау до Гяурса занята текинцами не особенно давно—всего въ 1881 году. До того тутъ жили подвластные Персіи курды и туркмены Алили. Но больше всего тутъ оставили своего наслѣдія выгнанные за горы персы. Оттого она такъ людна и воздѣлана. Какова была эта страна въ прежнее время—объ этомъ краснорѣчивѣе всего говорятъ развалины города Анау.

Цѣлый огромный городъ съ храмами, стѣнами, башнями, куполами и арками базаровъ, съ характерною живописностью высится у подножія горъ на обрывистомъ, неприступномъ холмѣ, плоскомъ, какъ терраса. Онъ и внизу обсыпанъ на далеко кругомъ домами, башнями, стѣнами. Великолѣпная мечеть типическаго персидскаго стиля, хорошо еще сохранившаяся, осѣняетъ своею громадною аркой и своимъ величественнымъ заостреннымъ куполомъ этотъ полуразрушенный и омертвѣвшій городъ. Стѣны верхняго акрополя еще охватываютъ свой холмъ сплошнымъ кольцомъ, хотя уже сильно вызубреннымъ и растрескавшимся. Но зато внизу и кругомъ холма почти всѣ онѣ лежатъ низвергнутыя въ прахъ на огромное пространство и только уцѣлѣвшіе одинокіе обрывки ихъ, да часто какъ зубы торчащія четырехугольныя башни съ бойницами,—указываютъ направленіе и размѣры былыхъ крѣпостныхъ твердынь, въ нѣсколько рядовъ окружающихъ когда-то обширный городъ...

Анау—городъ глубокой древности, хотя, конечно, древній го-

родъ давно погребенъ подъ болѣе новымъ персидскимъ. Два большіе могильные холма возвышаются около города, и въ одномъ изъ нихъ наши мѣстные изслѣдователи уже пробовали дѣлать довольно глубокія раскопки. Къ сожалѣнію, мнѣ не было времени познакомиться съ археологическими работами по этому предмету. Но читая у Курція описаніе походовъ Александра Македонскаго, мнѣ пришло въ голову, не въ Анау ли былъ тотъ «Ирканскій городъ, гдѣ былъ Даріевъ дворецъ» и гдѣ, преслѣдуемый македонцами, Набарзанъ встрѣтилъ ихъ съ великими дарами. Въ числѣ даровъ, какъ разсказываетъ Курцій, былъ и «Вагой, прекрасный евнухъ еще въ самомъ цвѣтѣ младости, котораго прежде и Дарій любилъ, и Александръ вскорѣ любить началъ», и который впослѣдствіи съ такою своенравною жестокостью распоряжался судьбой самыхъ достойныхъ соратниковъ Александра.

Съ тѣхъ поръ, какъ линія персидскихъ крѣпостей по эту сторону горъ была уничтожена натискомъ кочевниковъ, сосѣднія области Хорасана, Келата, Дерегеза, Кучана и Буджнурда обратились изъ цвѣтущихъ мѣстъ въ пустыню; по близости горъ почти нѣтъ теперь персидскихъ поселеній, кромѣ спрятанныхъ въ неприступныхъ мѣстахъ. Въ округѣ «Пяссъ-и-Кухъ», напримѣръ, изъ 460 деревень осталось только 20, и округъ этотъ даже оффиціально носитъ названіе «округа загорныхъ развалинъ».

Такъ было бѣдственно для Персіи сосѣдство неукротимыхъ хищниковъ текинскаго оазиса. Немудрено, что хорасанцы радовались текинскому погрому при Геокъ-Тепе болѣе, чѣмъ сами русскіе.

Вся страна кругомъ носитъ на себѣ наглядные слѣды того состоянія вѣчной войны и постоянныхъ тревогъ, въ которомъ цѣлыя столѣтія сряду протекала жизнь ея обитателей. На каждомъ шагу отщетиниваются своими стѣнами и башнями опустѣвшія теперь болѣе никому не нужныя, но недавно еще грозныя, калы, въ которыя развѣ только пастухъ загоняетъ теперь на ночь свои стада.

А поля покрыты будто часто разбросанными деревьями—маленькими башенками-столпами, за которыми застигнутые врасплохъ непріятелемъ жители оазиса прятались и отстрѣливались, пока подоспѣвала на выручку помощь изъ аула.

Эти безглазыя башенки сообщаютъ своеобразную физіономію текинскому полю. Любитель метафоръ сказалъ бы, что это выросшіе изъ земли зубы дракона. Земля вражды и крови словно оскаливается на міръ Божій этими, безсильными теперь, но все-жъ еще злыми зубами своими.

Ротъ самого текинца, какъ-то по животному оттянутый книзу, тоже постоянно оскаливается такими же злыми, хотя и бѣлыми, какъ у араба, зубами. Текинцы и смуглы, какъ арабы, но зато скуласты и плосконосы, хотя далеко не такъ, какъ монголы.

«Калмыковаты лицомъ», какъ мѣтко опредѣлилъ ихъ нашъ собесѣдникъ жандармъ. Ухватка же и всѣ пріемы ихъ изумительно напоминали мнѣ ловкія и удалыя движенія дагестанскихъ лезгинъ.

Замѣчательно, что всѣ эти калы и башни сдѣланы руками рабовъ-персовъ. Текинецъ только въ крайней нуждѣ унижался до такой работы. Персы вообще несравненно искуснѣе туркменовъ. Теке умѣютъ еще проводить нехитрые арыки черезъ свои сады и поля, но всѣ подземные колодцы, «карызы»—остатки персидскаго владычества. Даже и теперь, когда нужно бываетъ почистить какой-нибудь древній карызъ, въ теченіе вѣковъ питающій водой нѣсколько ауловъ,—приходится нанимать персовъ. Карызы роются сначала въ видѣ нѣсколькихъ глубокихъ колодцевъ, расположенныхъ по одной линіи, и потомъ соединяются между собою подземными канавами. Оттого вода въ нихъ не испаряется даже во время самыхъ большихъ жаровъ. Работа эта требуетъ большого искусства и навыка и далеко не безопасна.

Къ сожалѣнію, нашъ братъ, русскій, не внесъ пока ничего новаго въ хозяйственный бытъ текинскаго оазиса, кромѣ внѣш-

ней бозопасности и внутренняго порядка. Наша отечественная предпріимчивость, вездѣ не особенно энергическая, спитъ здѣсь сномъ праведника.

Мы разговорились по этому поводу съ однимъ нашимъ спутникомъ, инженернымъ офицеромъ, близко знающимъ край, гдѣ ему приходится дѣйствовать съ самаго покоренія его.

— Чтó жъ вы хотите,—горячился онъ,—когда Россія высылаетъ намъ сюда одно отребье свое. Тутъ нужны капиталы, знаніе, смѣлая иниціатива, а къ намъ являются чуть не нищіе, люди никуда не годные на родинѣ, ничего не умѣющіе и ничего не имѣющіе. Поневолѣ Армяне и захватили все въ свои руки! Это владыки азіятской торговли, которые не побоятся никакой европейской конкурренціи. Они тутъ у себя дома чуть ли не съ самаго всемірнаго потопа. И къ нимъ тутъ всѣ привыкли, и они тутъ ко всему привыкли. Куда же Еврею сравняться съ Армяниномъ! Онъ тутъ дыхнуть не смѣетъ рядомъ съ нимъ. Ахъ, если бы сюда предпріимчивыхъ русскихъ людей!.. Чтóбы только тутъ закипѣло, — повѣрить трудно; тутъ въ горахъ непочатыя богатства: и сѣра, и нефть, и каменный уголь. Тутъ вамъ и хлопокъ можно разводить, и шелкъ, и виноградъ, и пшеницу, и все, чтó хотите.

— Отчего же вы не упомянули лошадей? — замѣтилъ я. — Вѣдь текинскіе кони, я думаю, тоже могли бы стать важною отраслью торговли?

— Какъ вамъ сказать?—Текинскія лошади только въ славѣ, а на дѣлѣ я видѣлъ очень мало хорошихъ, — отвѣчалъ офицеръ.—Можетъ быть, встарину было иначе; и потомъ непомѣрно дороги. Какое же сравненіе съ англійскою скаковою лошадью! Тѣ не въ примѣръ лучше. Да вотъ будете въ Мервѣ—сами увидите. Тамъ большія конскія ярмарки, можно заказать себѣ какую угодно лошадь.

— Скажите пожалуйста, а не пытались вы заводить тутъ русскія поселенія?—спросилъ я.

— Есть у насъ одинъ русскій поселокъ, махнувъ безнадежно

рукой,—сказалъ инженеръ.—Верстъ пятнадцать отъ Асхабада къ горамъ; дворовъ сорокъ ихъ теперь набралось, такъ всякій сбродъ, не то чтобы настоящій сельскій народъ; прежде ихъ всего было поселено семнадцать дворовъ, потомъ другіе понаселились. Живутъ себѣ такъ ни шатко, ни валко, хлѣбомъ занимаются, виноградомъ, но прочности какъ-то никакой не видно, все кажется, что вотъ сейчасъ поднимутся и уйдутъ... Во всемъ имъ нужна помощь, все на казенный счетъ норовятъ. Къ нимъ и безъ того няньки приставлены отъ казны: нарочно казаковъ рядомъ съ ними поселили, чтобы Текинцы ихъ не обидѣли...

Отъ Анау до Артыка оазисъ словно прерывается, и желѣзная дорога перерѣзаетъ совсѣмъ безлюдную, какъ скатерть, ровную степь изъ глинистаго лёсса, сплошь заросшую молодымъ еще темно-зеленымъ верблюдятникомъ, котораго мягкія пока колючки особенно лакомы нетребовательному верблюду пустыни. Весенніе цвѣты въ Ахалъ-Текинской степи вездѣ одни и тѣ же: мелкій красный макъ и лиловые колокольчики стелются кругомъ необозримыми коврами. Но среди этой зелени и этихъ цвѣтныхъ ковровъ такъ же часто стелются и болѣе характерныя украшенія пустыни — сверкающіе, какъ ледъ, солончаки, которые по иллюзіи зрѣнія постоянно принимаешь за озера, тѣмъ болѣе, что они, какъ озера, обросли даже камышами.

А тутъ еще неизбѣжное марево, — это сновидѣніе пустыни, колышетъ надъ ними будто волны тихаго моря нагрѣтый воздухъ, капризно приподнимая въ него и незримо гдѣ-то пасущагося верблюда, и далекій могильный холмъ, растянутые до чудовищныхъ размѣровъ.

На степи ничего, ни кибитки, ни человѣка. Только могильные курганы, длинные и плоскіе насыпанные надъ какою-нибудь давно забытою славой степнаго хищника, одни безмолвно провожаютъ нашъ шумно несущійся поѣздъ.

Справа горы подходятъ все ближе къ дорогѣ, и изъ-за нихъ

все яснѣе вырѣзаются снѣговыя вершины другаго, болѣе далекаго и высокаго хребта.

Станція Ахсу совсѣмъ пустынная, безъ садика, безъ фонтана; человѣкъ тутъ еще едва отопталъ мѣстечко для жилья. Персія отсюда въ двухъ шагахъ, и замирающій у Ахсу ближній хребетъ горъ словно открываетъ намъ свободный проходъ въ нее. Нашъ Артыкъ уже почти на самой границѣ Персіи.

Но еще до Артыка мы остановились на цѣлыхъ пятьдесятъ минутъ въ другой пустынной станціи—Бабѣ-Дурмасѣ. Отъ нечего дѣлать я вынулъ свой дорожный альбомъ и отошелъ съ четверть версты въ степь набросать соблазнившія меня развалины маленькой калы.

Зато съ Артыка опять начинаются аулы, сады, калы, башеньки въ поляхъ. Но сами поля мало засѣяны. Здѣсь каждый засѣваетъ только то, что́ въ силахъ оросить; безъ орошенія — здѣшняя почва безплодный камень. Зато посѣвы изумительной густоты, роста и силы. Въ поляхъ мы видѣли за работой не только Текинцевъ но и Текинокъ; онѣ не закрываютъ лицъ и не удаляются отъ мужчинъ. Тутъ я окончательно убѣдился, что около каждаго значительнаго текинскаго аула непремѣнно есть огромный насыпной холмъ съ плоскою вершиной, такой точно, какъ знаменитый Денгиль-Тепе; не похоже, чтобъ это были могильные холмы. Скорѣе нужно думать, что это мѣсто защиты на случай опасности или мѣсто народныхъ собраній. Но впрочемъ, можетъ быть, что мѣсто защиты и собраній вмѣстѣ съ тѣмъ сохраняетъ въ себѣ прахъ предковъ, особенно дорогой Азіятцу.

Съ лѣвой стороны дороги въ степи — цѣлые таборы кибитокъ, съ правой — аулы, а дальше за ними на крутыхъ, тоже, повидимому, насыпанныхъ холмахъ рядъ городковъ—крѣпостей, когда-то защищавшихъ отъ вторженія Туркменъ открытыя въ этомъ мѣстѣ границы Персіи. Текинцы отобрали ихъ у Персовъ и обратили противъ нихъ самихъ, но когда пала ихъ твердыня въ Геокъ-Тепе, они уже не защищали этихъ маленькихъ крѣпостей, а покинули ихъ на произволъ судьбы.

Текинцы пользуются теперь своими калá только зимой, укрывая въ нихъ отъ вѣтровъ и непогоды свои войлочныя и рогожныя кибитки.

Многія кибитки смазываются на зиму глиной по цѣновкамъ. Видъ текинской кибитки вообще напоминаетъ издали небольшую круглую мазанку; своею формой она чрезвычайно похожа на тѣ желѣзныя керосиновыя цистерны, какія такъ много видишь теперь при вокзалахъ торговыхъ городовъ.

Странное дѣло, и здѣсь, въ только-что заброшенной Туркменіи, успѣлъ уже укорениться обычный предразсудокъ южныхъ туземцевъ, на который я наталкивался и въ Крыму, и на Кавказѣ,—будто Русскіе приносятъ съ собой снѣгъ и морозы въ страны, никогда не знавшія зимняго холода.

Словоохотливый жандармскій унтеръ-офицеръ, сидѣвшій рядомъ съ нами, герой Карса и Геокъ-Тепе, украшенный тремя Георгіями, золотыми и серебряными, разсказывалъ намъ, что въ 1881 году, когда они забирали Асхабадъ, въ мартѣ солдаты снимали отъ жары рубахи съ тѣла, а Текинцы увѣряли, что они никогда прежде не знали ни дождей, ни снѣга.

Съ жандармомъ мы разговорились про его походы.

Оказалось, что золотаго Георгія на него навѣсилъ самъ Скобелевъ при взятіи Геокъ-Тепе, когда онъ на глазахъ генерала срубилъ Текинцу однимъ ударомъ голову съ плечомъ.

— Текинцы молодцы! Да ужъ и сукины сыны на сабляхъ рубиться!—повѣствовалъ онъ намъ.—Казакамъ нашимъ гдѣ-жъ до нихъ, хоть и тѣ ничего народъ! Чего лучше—одинъ противъ нашихъ пятерыхъ бьется и не сдастся никогда. Отрядъ цѣлый придетъ, ихъ пять человѣкъ въ башню забьются, и всѣ тамъ и полягутъ, пардону никто не попроситъ. Страсть сколько побили ихъ въ Геокъ-Тепе! Я самъ человѣкъ двадцать зарубилъ; потому мы гнали ихъ пятнадцать верстъ; пока темно стало, ну тутъ Скобелевъ отбой велѣлъ трубить. А какъ они изъ воротъ бѣжали, тутъ ихъ артиллерія положила все равно какъ баранту; человѣкъ по сту разомъ падало подъ картечью. Персовъ мы у

нихъ въ желѣзахъ сколько нашли, Персіянокъ! Сейчасъ же ихъ—маршъ куда хочешь! на всѣ четыре стороны. Они и Текинокъ хорошихъ съ собой увели, и своихъ женъ. Чтó вѣдь только творили Текинцы надъ этими Персами, да надъ Бухарцами,—уму помраченье! Тѣ ихъ хуже огня боялись. Одинъ бы Текинецъ пришелъ, цѣлый бухарскій городъ забралъ. Бухарцы — тѣ народъ смирный, купцы все больше, ну, а эти — звѣрье! А только дюже честны, никакихъ грабежей и разбоевъ. Два эскадрона милиціи изъ нихъ набрано за жалованье, по доброй волѣ, а такъ въ рекруты не берутъ. А подати съ нихъ сходитъ всего по пяти рублей съ кибитки. Я вѣдь теперь въ Чарджуѣ служу, тамъ войско наше стоитъ, а городъ самъ бухарскій. Ханъ дозволяетъ, потому мы теперь въ мирѣ съ нимъ. Пока живъ,—потолѣ онъ ханъ, а помретъ—подъ Рассею Бухара отойдетъ. Бухарцы ждутъ не дождутся, потому что имъ отъ него разореніе—половину жатвы себѣ ханъ у нихъ беретъ. Въ Бухарѣ теперь куда хочешь иди, все равно, какъ въ Рассеи, пальцемъ никто не тронетъ. Солдаты ихніе по нашему обучены, наши же унтеръ-офицеры изъ казанскихъ Татаръ ихъ учили, даже честь дѣлаютъ офицерамъ нашимъ, коли въ кокардѣ или при саблѣ. А жить дешево — страсть! Пять копѣекъ говядина лучшая, въ Самаркандѣ такъ еще и три копѣйки, семьдесятъ копѣекъ яицъ сотня всю зиму, дыни и теперь еще свѣжія, за три копѣйки арбузъ лучшій на выборъ! расхваливалъ намъ свою привольную жизнь въ Бухарскомъ ханствѣ лихой ветеранъ.

Кахка—родъ маленькаго городка. Тутъ казармы казацкой артиллеріи и стрѣлковаго баталіона, тутъ очень большой аулъ съ кибитками и глиняными мазанками, съ глубокими многочисленными арыками.

Отъ Кахки горы удаляются и у Душака исчезаютъ вовсе. Душакъ—самый близкій русскій пунктъ отъ Мешеда, всего въ 18 персидскихъ миляхъ, то-есть въ 126 верстахъ. Оттого здѣсь учреждена пограничная таможня для персидскихъ това-

ровъ. Пошлина, по-здѣшнему *пачъ*, взимается въ размѣрѣ 1/10 цѣны товара; взимаетъ ее особый *пачиманъ* изъ текинцевъ, живущій въ сосѣднемъ аулѣ. На каждые десять рублей, которые онъ собираетъ въ пользу таможни, онъ получаетъ одинъ рубль въ свою пользу. Такихъ пачимановъ четверо въ Закаспійской области. Какъ ни странно для непосвященнаго въ дѣло это довѣріе дикарю-Текинцу сборовъ государственной таможни, однако, по увѣренію мѣстныхъ знатоковъ края, при настоящихъ условіяхъ только туземцы-Текинцы, которымъ вѣдома малѣйшая тропинка въ горахъ, въ состояніи услѣдить за всѣми изобрѣтательными плутнями персіянъ по части контрабанды и разнаго обмана на провозимомъ товарѣ.

За Душакомъ кончается Ахалъ-Текинскій оазисъ, и поѣздъ попадаетъ опять въ пустыню. Кусты саксаула сразу говорятъ вамъ о начинающемся царствѣ песковъ. При самомъ въѣздѣ въ пески мимо поѣзда промчалось стадо джейрановъ, сильно возбудившее мое любопытство. Я въ первый разъ видѣлъ джейрановъ на волѣ и въ такомъ многолюдствѣ. Эти хозяева песчаныхъ пустынь зимой то и дѣло перебѣгаютъ желѣзную дорогу. Ихъ водится тутъ такое множество, что цѣлая тушка продается зимой по двадцати и тридцати копѣекъ. Лѣтомъ они поднимаются въ горы, за персидскую границу, гдѣ ихъ не останавливаютъ никакіе пачиманы и гдѣ имъ готовы превосходные лѣсные луга. Кабаны тоже держатся во множествѣ у подножія горъ и на горахъ. Когда строили здѣсь желѣзную дорогу, то убивали пропасть кабановъ даже въ степныхъ камышахъ.

Въ Тедженѣ поѣздъ стоитъ болѣе трехъ часовъ, непостижимо зачѣмъ и почему.

Тедженъ—нѣчто въ родѣ городка, на рѣкѣ, которая туркменами называется тоже Тедженомъ, но въ географіи болѣе извѣстна подъ именемъ Гери-Руда. На этомъ Гери-Рудѣ стоитъ нашъ Серахсъ, а далѣе афганскій Гератъ.

Гери-Рудъ—это единственныя ворота въ Афганистанъ, по-

этому понятно, почему русскіе дорожили овладѣть его теченіемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Гери-Рудъ и наша граница съ Персіей. Его лѣвый берегъ принадлежитъ къ Хорасану, а правый—къ Тедженскому уѣзду Закаспійской области.

Повидимому, по теченію этого Гери-Руда находилась и древняя Арія, колыбель Арійскихъ племенъ. Птоломей и Страбонъ помѣщаютъ ее именно на востокъ отъ Парѳіи, то-есть, теперешняго Хорасана, на югъ отъ Маргіаны, теперешней туркменіи.

Арія называлась по имени рѣки Аріи, на которой стоялъ городъ Арія, то-есть нынѣшній Гери или Гератъ, стоящій тоже на рѣкѣ Гери-Рудѣ.

Въ настоящее время вмѣсто арійцевъ или иранцевъ, долина Гери-Руда захвачена кочевыми туранцами. Текинцы еще въ 1835 году построили на Гери-Рудѣ укрѣпленіе Тедженъ, или Оразъ-Кала. Они вытѣснили отсюда на Мургабъ другія туркменскія племена Сарыковъ и Салоровъ, а въ 1857 году выгнали Сарыковъ и съ Мургаба, отнявъ у нихъ Мервъ и отодвинувъ ихъ южнѣе къ Пендждѣ и Афганистану. Салоры при этомъ передвиженіи тоже были потѣснены и перебрели опять на Гери-Рудъ, южнѣе Серахса, къ самой афганской границѣ.

Персы и Хивинцы не хотѣли позволить своевольнымъ кочевникамъ захватывать любыя мѣста и все время воевали съ ними, но къ несчастію своему неудачно. Хивинскій ханъ Магометъ-Эминъ былъ жестоко разбитъ текинцами въ 1855 году на рѣкѣ Тедженѣ, у Серахса, взятъ въ плѣнъ и въ плѣну зарѣзанъ, по любимому обычаю туркменъ. Съ тѣхъ поръ текинцы перестали платить Хивѣ даже ту ничтожную дань, которую они платили больше для счета (по одному верблюду съ аула), и задали страху пограничной Персіи!

Тедженскій уѣздъ одинъ изъ богатѣйшихъ въ Закаспійскомъ краѣ по условіямъ своей природы. Тутъ множество чрезвычайно плодородныхъ влажныхъ низинъ, заливаемыхъ рѣкой, заросшихъ чисто тропическими лѣсами, изобилующихъ всякимъ звѣремъ и

птицей. Культура многихъ дорогихъ южныхъ растенiй здѣсь могла бы привиться чрезвычайно легко и вознаградить сторицей. Но за то климатъ по рѣкѣ Теджену убійственъ своими лихорадками, такъ что о русской колонизаціи этой долины и думать нельзя. Тигры тутъ ежедневные гости и постоянные обитатели непроходимыхъ плавней.

Я разговорился въ грязномъ и тѣсномъ буфетикѣ станціи съ однимъ изъ служащихъ на желѣзной дорогѣ.

— Знаете, какая у насъ исторія на дняхъ была, между прочимъ, разсказалъ онъ мнѣ. Сидимъ мы на станціи, днемъ, всякій за своимъ дѣломъ, вдругъ слышимъ—неистовый ревъ... Прислушались,—тигръ, сомнѣнія никакого нѣтъ. Охотниковъ тутъ насъ много, человѣкъ семнадцать, у всѣхъ ружья хорошія и народъ опытный. Зарядили ружья, идемъ осторожно на ревъ всею толпой,—смотримъ, здоровеннѣйшій тигрище королевскій; аршина четыре длины, бородатый такой, пушистый, — красота одно слово!—въ капканъ попался и реветъ такъ, что волосы дыбомъ становятся. И попался-то какъ скверно, чуть лапу ему одну прихватило. Того и гляди, вырвется и пошелъ косить направо, налѣво... Остановились мы шагахъ въ пятидесяти отъ него и хватили всѣ разомъ изъ семнадцати ружей. Такъ чтó жъ бы вы думали? Пули ужъ, конечно, всѣ въ него влѣпились, а онъ анаѳема, прыгаетъ и рвется, какъ ни въ чемъ не бывало! Пристрѣлили ужъ его восемнадцатою пулей, повалился наконецъ! Вотъ вѣдь на пулю какъ крѣпокъ! Упалъ онъ, лежитъ и не движется, а мы все труса празднуемъ, никто подойти не хочетъ, даромъ что ружья у всѣхъ. А ну, думается, какъ онъ очнется, да вскочитъ! Тамъ послѣ, чтó хочешь ему дѣлай, а онъ съ тебя рубашку кожаную живо сниметъ!.. Ужъ Текинецъ-джигитъ подкрался наконецъ къ нему, увидѣлъ, что убитъ; тогда только и мы подойти рѣшились. Вотъ я вамъ доложу, какая это штука! Семнадцать человѣкъ и то трусятъ. А по ночамъ, такъ мы здѣсь на станціи другъ къ другу въ гости изъ флигеля во флигель боимся перейти, потому что тигры бродятъ вездѣ, имъ

и жилье, и дорога—все ни почемъ. Кто его угадаетъ, когда онъ вздумаетъ навѣстить насъ?

Отвратительно грязный станціонный буфетъ оказался еще и угарнымъ. Но ѣсть не на шутку хотѣлось, ожидать нужно было долго и пришлось волей-неволей пріютиться здѣсь. Устроили свой чай, заказали котлеты и яйца, и кое-какъ высидѣли эти унылые три съ половиной часа, болтая съ кѣмъ приходилось.

Тихій розовый вечеръ смѣнился глухою черною ночью. Многіе изъ нашихъ пассажировъ храпѣли, растянувшись гдѣ попало, на лавкахъ, на диванахъ. Когда все стихло въ шумной станціи, я вышелъ на площадку. Кучка персіянъ сидѣла въ темномъ уголку, не спѣшно перекидываясь словами съ русскими рабочими, присосѣдившимися къ нимъ. Персіяне возвращались на родину съ одной изъ мервскихъ ярмарокъ. Русскіе ѣхали изъ матушки Рассеи въ Султанъ-Бендское имѣніе Государя. Я издали прислушивался, весь переполненный внутреннимъ смѣхомъ, къ этой оригинальной бесѣдѣ.

Персіяне не знали ни одного слова по-русски. Русскіе ни одного слова по-персидски, а между тѣмъ бесѣда велась горячо, долго и послѣдовательно, и все о матеріяхъ серьезныхъ. И собесѣдники, къ удивленію моему, отлично понимали другъ друга. Зачинщиками бесѣды, повидимому, были наши. Съ непоколебимою увѣренностью, что на православной Руси все дѣлается по Божьему, по настоящему и что ни у кого другаго ничего подобнаго быть не можетъ,—русаки, все больше молодые ребята, съ нѣсколько презрительною ироніей поучали Азіятовъ, какъ у насъ на святой Руси народушко пашетъ и коситъ, и молотитъ хлѣбушко. Персы со своей стороны не уступали и на перебой съ нашими показывали имъ и руками, и глазами, и языкомъ, какъ дѣлается у нихъ. Затрогивались всѣ предметы осязательные, всѣмъ одинаково близкіе и знакомые, такъ что демонстраціи съ помощью пальцевъ были вполнѣ достаточны для того,

чтобы слушатели обоюдно усвоивали эти лекціи нагляднаго обученія своихъ добровольныхъ профессоровъ.

Смѣлые русопеты безъ раздумья и ничто же сумняся валили изъ своей Калуги въ «Мевру», какъ они называли Мервъ, движимые темнымъ слухомъ, что вызываютъ сюда «въ забранный край» народушко рассейскій на какія-то «царскія работы». Эти «царскія работы», разумѣется, выросли въ нѣчто миѳологическое, чему всегда такъ охотно, съ младенческимъ легкомысліемъ, вѣритъ бородатый и даже сѣдой деревенскій людъ, разъ его всколыхнетъ необходимость двинуться на какіе-нибудь кисельные берега.

— Въ Мевру какъ придемъ, сказывали намъ люди,—такъ чтобъ сейчасъ станціи начальнику объявить, сколько кто верстъ съ Рассеи пришелъ... Денежки всѣ тебѣ заразъ и вернутъ кто что протратилъ, потому царская работа! На топоръ сказываютъ пятьдесятъ серебра въ мѣсяцъ! И харчъ казенный!—съ разсудительнымъ видомъ сообщалъ мнѣ одинъ изъ этихъ безтрепетныхъ странниковъ.

— Оно-бъ и въ Асхабадѣ пристать намъ можно было!—вмѣшался другой.—Тамъ отъ царя такъ положено, что все тебѣ казенное предоставляется, вся плепорція: домъ готовый и лошадь съ сохой, опять же корова и 33 года податей не платить, да отсовѣтовали люди: говорятъ, съ лихорадки дюже много помираютъ, климатъ не нашинскій...

Вотъ и подите съ ними! И даже когда побываютъ на «царской работѣ», когда сами поживутъ въ Асхабадѣ, а все-таки, возвратясь на родину, будутъ разсказывать тѣ же утѣшающія ихъ сердца небылицы и о пятидесяти серебра въ мѣсяцъ на топоръ, и о казенномъ домѣ съ сохой.

Я сошелъ съ террасы и прошелся нѣсколько шаговъ за станцію въ темноту южной ночи. Тамъ путешественники совсѣмъ иного характера: человѣкъ десять текинцевъ прикурнули на каменной стѣночкѣ, въ суровомъ молчаніи созерцая вторгшуюся въ ихъ суровую и безмолвную землю чуждую жизнь съ ея шу-

момъ и суетой, эту волшебную, огнемъ дышащую машину, эти протянутыя черезъ ихъ пустыню говорящія проволоки, эти непонятные имъ обычаи, одежды, физіономіи...

Штукъ десять верблюдовъ лежатъ и стоятъ тутъ же, неподвижною кучкой, не развьюченные отъ своихъ громоздкихъ подушекъ—сѣделъ погремывая цѣпями, какъ отдыхающіе колодники, вытянувъ впередъ свои загадочныя библейскія головы, поджавъ подъ себя наморившіяся мозолистыя ноги, словно они молятъ Бога поскорѣе прекратить ихъ злополучную жизнь вѣчнаго труда и рабства...

Сѣдой грязный старикъ-текинецъ возсѣдаетъ около нихъ караульщикомъ на цѣлой грудѣ мѣшковъ.

Это они привезли свой хлѣбъ изъ аула для отправки по желѣзной дорогѣ въ Мервъ.

V.

Базары Мерва.

Въ Мервъ мы пріѣхали рано утромъ. Полуголые босоногіе амбалы (носильщики) подхватили и навьючили на себя наши пожитки прежде чѣмъ мы успѣли оглянуться, хотя намъ самимъ пришлось взять извощичью коляску, величаемую здѣсь фаэтономъ, какъ и вездѣ на южныхъ окраинахъ Россіи, отъ Одессы и Кавказа до Ташкента и Кокана.

Извощики здѣсь парные, съ просторными и приличными экипажами, на лихихъ лошадяхъ, не чета нашимъ русскимъ. Ихъ тутъ множество, и все больше армяне изъ Ганжи, Шуши и др. закавказскихъ городковъ. Есть немного и русскихъ, но тѣ пооборваннѣе и похмѣльнѣе. Вообще армянинъ—обычный торговецъ и промышленникъ Азіи. Онъ освоился съ нею, какъ съ роднымъ домомъ еще въ вѣтхозавѣтные вѣка и безо всякаго труда пускаетъ здѣсь корни вездѣ, гдѣ ему это нужно. И къ нему здѣсь привыкли съ незапамятныхъ временъ, такъ что даже

въ самыхъ дикихъ мѣстностяхъ онъ является чѣмъ-то вполнѣ естественнымъ, вполнѣ на своемъ мѣстѣ.

Въ этомъ смыслѣ можно, пожалуй, считать армянина передовымъ цивилизаторомъ азіатской дичи. Только цивилизація эта, разумѣется, не выходитъ изъ предѣловъ лавки, питейнаго дома и пріютовъ покупной любви, да развѣ еще конторы ростовщика. Армянинъ вмѣстѣ съ тѣмъ является и самымъ подручнымъ толмачемъ въ сношеніяхъ русскихъ съ завоеванными или глухими уголками Азіи. Хорошо ли, дурно ли, а онъ непремѣнно раньше всѣхъ заговоритъ съ каждымъ азіатскимъ племенемъ на его родномъ языкѣ. Еврей за то тутъ не имѣетъ особеннаго значенія; могучая армянская раса подавляетъ его здѣсь на всѣхъ поприщахъ корысти и дѣлаетъ для него конкурренцію почти невозможною. Гдѣ завелся армянинъ, жидъ стирается самъ собою, все равно, какъ мыши исчезаютъ изъ того подполья, гдѣ хозяйничаетъ крыса.

Насъ водворили въ нумерахъ съ очень подозрительнымъ титуломъ «Эльдорадо», которые однако считаются здѣсь наиболѣе приличными. Испанія и Италія напоминали себя только полною безцеремонностью обстановки и совершенымъ пренебреженіемъ къ зимнему холоду. Всѣ помѣщенія разсчитаны на прохладу, и потому спальни безо всякаго посредства сѣней и переднихъ выходятъ на открытую внутреннюю галлерею. Маленькій нечистоплотный дворикъ, долженствующій вмѣстѣ съ тѣмъ служить и садомъ, наполняетъ своею сыростью, а подчасъ и міазмами, всѣ эти тѣнистыя каменныя клѣтки, открывающія въ него свои окна и двери, и совсѣмъ отвернувшіяся отъ солнца. Впрочемъ, столъ въ Эльдорадо недуренъ. Содержитъ эти нумера итальянецъ, попавшійся въ плѣнъ къ русскимъ въ Севастопольскую кампанію и женившійся потомъ на казачкѣ весьма серьезныхъ размѣровъ. Сеньоръ Ш., надо признаться, весьма обязательный человѣкъ, отлично знакомый со всѣмъ, что можетъ понадобиться туристу въ этомъ новорожденномъ городкѣ.

Мы, конечно, не стали долго кейфовать въ своихъ полутем-

ныхъ нумерахъ, вѣроятно, очаровательно прохладныхъ въ іюльскій шестидесятиградусный зной,—и вмѣстѣ съ нашимъ Американцемъ отправились на осмотръ города.

Какъ разъ рядомъ съ Эльдорадо расположенъ одинъ изъ туземныхъ караванъ-сараевъ.

Просторный дворъ обнесенъ со всѣхъ сторонъ частью каменною оградой, частью низенькимъ каменнымъ жильемъ.

По срединѣ двора, привязанные ко вбитымъ въ землю приколамъ, кормятся поодаль другъ отъ друга характерно сгорбившись костлявыми хребтами сухіе и крѣпконогіе текинскіе кони. Всѣ они, какъ любимыя дѣти, укутаны чуть не до ушей въ войлоки, ковры и попоны, которыми текинцы старательно одѣваютъ ихъ не только зимой, но и въ разгаръ лѣтнихъ жаровъ. Немногіе изъ нихъ замѣчательной красоты, большею же частью кащеи безсмертные на высокихъ ногахъ, съ длинными худыми шеями и обвислыми крупами. Но несмотря на свой жалкій видъ, всѣ они удивительные скакуны, выносливые, быстрые, нетребовательные; они славятся этимъ съ незапамятныхъ временъ далеко во всей Азіи. Имъ ничего не стоитъ проскакать безъ передышки какихъ-нибудь 25 верстъ, и при этомъ ихъ можно поить послѣ какой угодно горячей ѣзды. Надо сказать, что и сидятъ на этой удивительной лошади тоже удивительные всадники: туркменъ ѣздитъ очень некрасиво и неуклюже въ своемъ халатѣ по пятки; но зато онъ безо всякаго утомленія высиживаетъ на сѣдлѣ по 500, по 600 верстъ сряду, шутя дѣлая такой путь въ пять, шесть дней. Кормятъ текинцы своихъ знаменитыхъ коней не какою-нибудь бѣлояровою пшеницей, а совершенно оригинальнымъ кормомъ: они пекутъ имъ, какъ людямъ, какъ почетнымъ гостямъ своимъ, лепешки изъ ячменной и кукурузной муки на бараньемъ салѣ. Еще при Тамерланѣ туркменскія лошади составляли такое богатство этого народа, что великій завоеватель Азіи нарочно пригонялъ изъ Аравіи по нѣскольку тысячъ кобылицъ дорогихъ кровей и раздавалъ ихъ для приплода кочевникамъ Туркестана. Несомнѣнно, что теперeш-

няя текинская лошадь обязана много этому облагороженію крови своей арабскою кровью. На дворѣ—смѣшеніе всѣхъ языковъ. Артель казаковъ пріютилась рядомъ на буркахъ и подъ бурками на самомъ припекѣ ранняго солнышка.

Таранчи въ бѣлыхъ войлочныхъ колпакахъ и полосатыхъ халатахъ, съ потѣшными китайскими рожами, похожія издали скорѣе на какихъ-нибудь калмыцкихъ бабъ чѣмъ на мужчинъ, запрягаютъ быковъ въ свою громадную двухколесную арбу, на которой они притащились сюда изъ далекой Кульджи, чтобы поселиться по вызову властей въ окрестностяхъ Стараго Мерва у Султанъ-Бендской плотины, гдѣ уже работаютъ не мало ихъ земляковъ.

А вонъ туркменъ изъ племени Ерзари, съ береговъ Аму-Дарьи, полуголый атлетъ варварскаго вида съ бронзовою грудью навыкатѣ, отчаянно рубитъ топоромъ крѣпкій какъ кость рогатый саксаулъ.

Тутъ и лукавый сартъ изъ Бухары, и чванные щеголи-Персіяне въ своихъ тщательно раскрашенныхъ и еще тщательнѣе обстриженныхъ бородкахъ.

Мы заглянули и въ безхитростныя жилыя конурки караванъ-сарая, двери которыхъ всю ночь открыты во дворъ; тамъ темно и тѣсно, чтобы только можно было правовѣрному протянуться на досчатой тахтѣ, на которую онъ стелетъ всегда ему сопутствующіе тюфячки, ковры и подушки; большіе мѣдные кубганы съ водой для омовенія,—единственная туалетная потребность восточнаго человѣка, составляетъ и единственную утварь этихъ неприхотливыхъ келій. Въ другихъ комнаткахъ караванъ-сарая сложены тюки товара, которые знающіе люди обыкновенно покупаютъ здѣсь изъ первыхъ рукъ по сходной цѣнѣ, пока товаръ не попалъ въ болѣе ловкія руки базарныхъ торговцевъ.

Можно сказать безъ преувеличенія, что во дни Тамерлана или Али-Бабы изъ «Тысячи одной ночи» — обстановка восточ-

наго путешественника ничѣмъ не разнилась отъ того, что было теперь передъ нашими глазами.

Разговорчивый казакъ изъ Осетинъ, служащій въ качествѣ джигита у генерала Куропаткина, разболтался со мною, замѣтивъ мое любопытство.

— Вы не смотрите, ваше благородіе, что они на видъ плохи... — мотнулъ онъ головой на привязанныхъ лошадей... — глядѣть на нихъ гроша не стóятъ, а сядешь на нее—все отдашь! Устали, каторжныя, не знаютъ; словно каменныя! вотъ мы почитай пять дней съ нихъ не слѣзали, только нынче въ первый разъ разсѣдлали, да вѣдь скакали какъ, безъ передышки; цѣны конямъ этимъ нѣтъ!

— Вы откуда же ѣдете?—спросилъ я.

— А изъ Герата! тамъ мы фуражъ закупаемъ для пограничныхъ войскъ. Отсюда возить далеко, убыточно, такъ больше у нихъ покупаемъ.

— Развѣ нашихъ пускаютъ теперь въ Гератъ?

— Нѣтъ, оно по настоящему не велѣно пускать; коли господа какіе наши большіе поѣдутъ, то, пожалуй, и не пустятъ. А мы проѣзжаемъ себѣ помаленьку, ничего... На насъ кто станетъ тамъ смотрѣть?.. пріѣдешь себѣ на базаръ, закупишь, что тебѣ слѣдуетъ, да и гайда домой... Народъ тамъ тихій, обходительный, обиды никакой отъ него нѣтъ...

— А дороги-жъ тутъ текинскіе кони?—освѣдомился я.

— Да разные есть, ваше благородіе, какъ и у насъ въ Россіи. Вонъ за тѣ, что вы смотрите, рублей по 120, а то и по полутораста отдадите. Ярмарки тутъ частыя, какихъ хотите можно купить. Я таки, признаться, свелъ троичку къ себѣ домой, на Терекъ, какъ въ отпускъ ѣздилъ.

Мервъ, несмотря на свою молодость, уже сталъ теперь изрядно большимъ городкомъ. Онъ разсѣлился по обоимъ берегамъ Мургаба, но пока больше на лѣвомъ берегу его. Тамъ почти всѣ частные дома, вся торговля. За то на правомъ берегу, гдѣ еще

высятся полуразрушенныя глиняныя стѣны текинской крѣпости Коушуть-ханъ-кала́,— сосредоточились мало-по-малу всѣ казенныя учрежденія и заднія, казармы, квартиры военнаго начальства, церковь. Несомнѣнно, что въ недалекомъ будущемъ эта правая сторона станетъ главнымъ ядромъ города и перетянетъ къ себѣ все зажиточное его населеніе, такъ какъ здѣсь больше простора и безопасности; на лѣвомъ же берегу останутся полуазіатскіе домишки и азіатскіе базары.

Былъ базарный день, и намъ посовѣтовали посмотрѣть мервскій базаръ, одинъ изъ самыхъ характернѣйшихъ въ Азіи. Чтобы лучше освоиться съ особенностями этого оригинальнаго города, мы съ мистеромъ Крэномъ и сопровождавшими насъ туземными жителями отправились пѣшкомъ, заходя по пути во всѣ уголки, которые насъ интересовали, и останавливаясь чуть не на каждомъ шагу передъ сценами и типами, отъ которыхъ впечатлительный художникъ пришелъ бы въ неописуемый восторгъ.

Мы прошли базарами армянскимъ, текинскимъ, еврейскимъ, персидскимъ, бухарскимъ... У Евреевъ былъ какой-то ихъ праздникъ, и они сидѣли на полу своихъ лавочекъ щегольски разодѣтые въ общевосточные костюмы, которые они здѣсь носятъ наравнѣ съ другими азіатцами, на самыхъ парадныхъ коврикахъ и войлокахъ своихъ, вокругъ тарелокъ съ шепталой, кишмишомъ, орѣхами и всякими восточными сладостями, очевидно угощая своихъ гостей этимъ неизбѣжнымъ на Востокѣ «дастарханомъ».

Базары, которые я только-что назвалъ, это то, что у насъ въ Россіи называется «гостиннымъ дворомъ», рядъ тѣсно скученныхъ другъ съ другомъ лавокъ, расположенныхъ только не по роду товаровъ, какъ у насъ въ Москвѣ или Питерѣ, по ножевымъ, сундучнымъ, периннымъ, суровскимъ и всякимъ другимъ линіямъ и рядамъ, а по національностямъ купцовъ.

Но тотъ базаръ, на который мы шли, это маленькая ярмарка своего рода, вполнѣ соотвѣтствующая нашему русскому названію базара, народнаго торжища на открытомъ воздухѣ въ опредѣленные дни.

Этотъ базаръ собирается за городомъ, на просторномъ зеленомъ выгонѣ, незамѣтно сливающимся со степью.

Кочевнику и невозможно бы было собраться для торга ни въ какомъ другомъ мѣстѣ. Онъ двигается сюда изъ родныхъ степей какъ надвигаются его ползучіе пески, какъ стекаются его горныя воды,—со стихійною повальностью, цѣлыми полчищами, цѣлыми аулами, забирая съ собою женъ, дѣтей, стариковъ, гоня передъ собою вереницы верблюдовъ, стада барановъ... Ему нужно много простора и много времени. Оттого-то мервскій базаръ кипитъ до поздняго вечера.

Глазамъ не вѣрилось, глядя на это повсемѣстное непрерывное теченіе со всѣхъ сторонъ скота и народовъ, начавшееся съ ранняго утра и продолжавшееся цѣлый день... И узкія улицы городка, и широкія дороги, сходившіяся къ городу изъ разныхъ степныхъ ауловъ, были заполнены этимъ наводненіемъ яркой и пестрой толпы.

Ѣхали, ѣхали мимо насъ другъ за другомъ нескончаемыя вереницы и кучки азіатскихъ всадниковъ, и дождаться было нельзя, когда проѣдутъ они. Да и понять было нельзя, гдѣ умѣщаетъ въ себѣ такое многолюдство маленькій Мервскій оазисъ? Безбрежная степь словно рождала ихъ изъ своихъ нѣдръ и высылала сюда, какъ тучи внезапно отроившейся въ ней саранчи.

Моей фантазіи художника такъ живо рисовались картины когда-то былыхъ грозныхъ нашествій на цивилизованный міръ степного варварства, или шумныхъ сборищъ азіатскихъ фанатиковъ на какой-нибудь «газаватъ»,—священную войну противъ невѣрныхъ.

Ѣхали на лошадяхъ; ѣхали на ослахъ, ѣхали на верблюдахъ, Пыльные и потные верблюды, словно насквозь проступившіе бурымъ цвѣтомъ той глины и тѣхъ песковъ, которые они терпѣливо топчутъ своими лохматыми толкачами, съ флегматическимъ спокойствіемъ прирожденнаго раба, мѣрно шагаютъ другъ за другомъ, привязанные къ сѣдламъ одинъ за другимъ черными волосяными веревками, съ цѣпями на концѣ, погромыхивая ради

развлеченія кольцами этихъ рабскихъ цѣпей и висящими у нихъ на шеѣ, тоже въ видѣ рабскаго ошейника, грубыми мѣдными бубенцами.

По пять, по шесть, по десять этихъ громоздкихъ ветхозавѣтныхъ скотовъ, нагруженныхъ товарами, связаны въ одну вереницу, и впереди нея какой-нибудь темнобронзовый старикъ съ окладистою серебряною бородой, сидя на крошечномъ осликѣ, ведетъ за собою на такой же длинной волосяной веревкѣ весь этотъ библейскій караванъ. Это «лаучъ», верблюдовожатый.

Несмотря на жаръ, онъ въ громадной лохматой бараньей шапкѣ и въ ватошномъ бешметѣ, настежь распахнутомъ, на костлявой коричневой груди, обросшей, какъ у звѣря, клоками сѣдой шерсти.

Онъ сидитъ бокомъ на своемъ осликѣ, спустивъ черезъ вьюкъ свои голыя, до кости высохшія обезьяньи ноги, съ болтающимися на нихъ туфлями, и кажется вдовое больше и вдвое тяжелѣе жалкаго ушатаго теленочка, который бойко семенитъ подъ нимъ своими крѣпкими маленькими копытками.

На лошадяхъ ѣздятъ не только по одному, но то и дѣло по два, по три и даже по четыре на одной лошади. За текинцемъ хозяиномъ, самодовольно возсѣдающемъ на сѣдлѣ, присосѣживаются сзади, ухватившись за него, его жены или дочери, а на колѣнахъ ихъ частенько еще какой-нибудь мальчишка или дѣвчонка.

Словомъ, цѣлая кочевая кибитка взбирается на хребетъ выносливаго степного конька. и онъ рыситъ подъ нею совсѣмъ легко и свободно, до того это ему не въ диковинку.

Многіе не только ѣдутъ, но и везутъ что-нибудь съ собою: у кого нѣсколько верблюдовъ съ коврами, паласами, холстами, куржинами; у кого пара осликовъ, спрятанныхъ совсѣмъ съ ушами въ вязанкахъ свѣжей «юрунджи» (люцерны), или наломанныхъ вѣтокъ саксаула, сухаго верблюдятника, самана... А у иныхъ еще болѣе оригинальный товаръ: по обоимъ бокамъ коня десятки живыхъ куръ и пѣтуховъ, связанныхъ другъ съ дру-

гомъ и болтающихся внизъ головой, какъ связки бубликовъ. Это ужъ совсѣмъ по-текински!

Если бы время было другое, эти лихіе торговцы не прочь бы были, пожалуй, приторочить къ своимъ сѣдламъ, хотя бы тоже ногами вверхъ, многихъ изъ любопытныхъ зрителей, теперь удивленно глазѣющихъ на нихъ, и въѣхать съ такимъ завиднымъ товаромъ на свой любимый базаръ. Стоитъ взглянуть только на эти суровыя коричневыя лица съ жесткимъ и твердымъ взглядомъ, напоминающимъ безпощадно-неподвижный зрачокъ крупнаго хищнаго звѣря, льва или барса, чтобы понять, какой это народъ двигается предъ вами. Особенно характерны въ этомъ смыслѣ и какъ-то уродливо страшны закоренѣлые въ разбояхъ старики, рѣдкозубые, безбородые, рѣзко-монгольскаго типа и темной до-синя кожи, кажущіеся совсѣмъ синими отъ своихъ бритыхъ висковъ, бритаго лба, бритыхъ затылковъ...

Но и остальная публика тоже не особенно располагаетъ къ довѣрію и дружбѣ. Все это большею частью атлеты огромнаго роста, плечистые, сухіе, мускулистые; такого звѣря, сейчасъ видно, не скоро одолѣешь, и ужъ, конечно, не въ одиночку. Самые храбрые русскіе солдаты, увѣшанные Георгіями и собственными руками забравшіе этотъ край, откровенно признавались мнѣ, что на одного текинца всегда было нужно нѣсколькихъ Русскихъ...

Я уже говорилъ раньше, что характернѣйшая черта текинскаго лица—большой и очень низко поставленный ротъ. Онъ-то и придаетъ этому загорѣлому скуластому его лицу животное и даже звѣрское выраженіе. Черная лента короткихъ волосъ сплошь опоясываетъ обыкновенно лицо молодого текинца отъ виска и до виска, замѣняя собою бакенбарды и бородку, и немножко, пожалуй, напоминая характерные бакенбарды, окаймляющіе кровожадную морду тигра,—земляка и довольно близкаго родственника текинца по вкусамъ хищничества.

Одежда текинца удивительно мало подходитъ къ его ловкости, силѣ и удальству. По всѣмъ ухваткамъ своимъ—текинцы

чрезвычайно напоминали мнѣ дагестанскихъ лезгинъ. Но въ то время какъ кавказскій горецъ одѣвается въ живописный и удобный нарядъ, отлично принаровленный и къ верховой ѣздѣ, и къ лазанью по горамъ, текинскій атлетъ уродуетъ себя неуклюжими ватошными халатами, громоздкими, широкими, долгополыми, съ рукавами, изъ которыхъ трудно вынырнуть рукѣ... Въ халатахъ этихъ онъ смотритъ какимъ-то муллой или купцомъ, а ужъ никакъ не наѣздникомъ.

Къ этому нужно прибавить, что на туркменцѣ вы не видите оружія, какъ на кавказскомъ горцѣ, до зубовъ увѣшанномъ патронами, пистолетами, кинжалами, шашками, винтовками...

Туркменъ коварно прячетъ въ складкахъ широкаго пояса только одинъ свой разбойничій ножъ, которымъ онъ не рубится открыто съ врагомъ, какъ лезгинскій витязь, а рѣжетъ горло поверженному или плѣненному врагу, какъ мясникъ барану.

А между тѣмъ въ битвахъ и набѣгахъ онъ умѣетъ быть ловкимъ и отчаянно храбрымъ, несмотря на свои халаты и свое далеко не рыцарское вооруженіе. Для этого, конечно, нужна была практика многихъ вѣковъ. Суровая школа постоянныхъ опасностей, постоянной разбойничьей жизни научила поневолѣ смѣлости и проворству. А когда испытаешь на собственной шкурѣ хотя въ самомъ ничтожномъ размѣрѣ жгучій лѣтній зной и невыносимыя зимнія стужи со всѣхъ сторонъ открытой, безпріютной и безлюдной пустыни, то поймешь, что не пустой капризъ заставляетъ здѣсь даже лихого наѣздника кутаться въ теплыя одежды отъ макушки до пятокъ. Это не кавказскія тѣснины, загороженныя отовсюду стѣнами скалъ, не кавказскіе лѣса, недоступные вѣтрамъ степей. Мало того, что люди здѣсь такъ кутаются; даже верховыя лошади текинцевъ, знаменитыя своею безпримѣрною выносливостью, постоянно укутаны попонами и коврами: щегольски расшитый чепракъ покрываетъ обыкновенно текинскаго коня, а сверху сѣдла еще кладется нѣсколько попонъ.

Нигдѣ, конечно, вы не увидите такого множества текинскихъ

лошадей, и такихъ хорошихъ лошадей, какъ на мервскихъ базарахъ.

Самые красивые кони, гарцующіе подъ воинственными туркменскими всадниками, разубранные какъ женихъ на свадьбу въ свои яркіе чепраки и уздечки, не продаются, впрочемъ, ни за какую цѣну. Туркменъ гораздо скорѣе продастъ свою жену и дѣтей, чѣмъ любимаго испытаннаго въ опасностяхъ коня.

Я никакъ не могъ наглядѣться на своеобразную картину этого все больше и больше разраставшагося пестраго и шумнаго нашествія степняковъ. Но этотъ совсѣмъ новый для меня міръ, эти никогда мнѣ невѣдомыя типическія фигуры степныхъ кочевниковъ, ихъ посадка, ихъ одежды, ихъ товары, вмѣстѣ съ тѣмъ казались мнѣ давно знакомыми до самой послѣдней мелочи, гдѣ-то ужъ видѣнными и крѣпко врѣзавшимися въ моей памяти.

Не безъ усилія далъ я себѣ отчетъ въ этомъ странномъ впечатлѣніи. Предо мною вдругъ воскресли, какъ живыя, художественныя созданія Верещагина, воплотившія на полотнѣ всю характерную этнографію Центральной Азіи, съ ея базарами, мечетями, дворцами, всѣ разнообразные типы этихъ фантастическихъ халатниковъ, бухарцевъ, хивинцевъ, туркменъ, во всѣхъ подробностяхъ ихъ повседневной жизни. До того бываетъ поразительна сила художественнаго изображенія!

Но если вся окружающая степь, всѣ окрестныя дороги кишѣли двигавшимися всадниками, пѣшеходами, караванами, то ярмарочный выгонъ былъ буквально затопленъ народомъ и скотомъ.

И все это сплошныя бараньи шапки громадныхъ размѣровъ, цѣлое море розовыхъ полосатыхъ халатовъ, бумажныхъ и шелковыхъ, натянутыхъ поверхъ другихъ халатовъ и бешметовъ того же цвѣта. Это господствующій вкусъ мервскаго текинца. Почти всѣ они при этомъ въ туфляхъ на босу ногу, и только у немногихъ богачей надѣты расшитыя ноговицы. Но среди

нихъ много и другихъ не менѣе характерныхъ нарядовъ. Тутъ образцы всѣхъ племенъ и народовъ Азіи, отъ индуса и афганца до киргиза и китайскаго таранчи. Яркія разноцвѣтныя чалмы бухарскихъ и самаркандскихъ сартовъ, голубыя чалмы ташкентцевъ, бѣлыя войлочные колпаки таранчей изъ Кашгара, съ угловатыми разрѣзами полей, киргизскія мурмолки, черныя сахарныя головы персидскихъ шапокъ, прихотливо увязанные роскошные кисейные тюрбаны мусульманскихъ индусовъ,—все это мелькаетъ и двигается среди сплошного потопа лохматыхъ туркменскихъ папахъ и розовыхъ туркменскихъ халатовъ. Женщины тоже тутъ, но ихъ уже далеко меньше. Меня насмѣшила оригинальная мода этихъ черномазыхъ красавицъ. Онѣ безцеремонно натягиваютъ на голову рукавъ шелковаго халата и въ такой импровизованной мантіи, съ болтающимся чуть не по землѣ другимъ рукавомъ, разгуливаютъ себѣ по улицамъ и базарамъ.

Весь этотъ народъ больше галдитъ и толчется безо всякаго дѣла, чѣмъ продаетъ и покупаетъ. Базары—это обычный всенародный клубъ восточнаго человѣка, гдѣ онъ видится со всѣми, съ кѣмъ ему нужно и не нужно, гдѣ онъ узнаетъ всѣ новости дня, отъ политическихъ событій далекихъ царствъ до послѣдней сплетни какой-нибудь степной кибитки. Безъ базаровъ жизнь была бы не въ жизнь лѣнивому и всегда праздному восточному человѣку. Тутъ онъ, конечно, и развлекаетъ себя всякимъ питьемъ и ѣдой, куреніемъ кальяна, пересмотромъ привезенныхъ товаровъ...

Оттого-то кухоньки, чайныя лавки, продажи сластей—тутъ на каждомъ шагу, прямо на открытомъ воздухѣ, подъ сѣнью разбитыхъ шатровъ, подъ тѣнью дерева, но всегда однако на коврикѣ, на войлочкѣ или на деревянныхъ низенькихъ подмосткахъ, въ родѣ широчайшихъ кроватей на коротенькихъ ножкахъ. Цѣлыми десятками чинно усаживаются рядкомъ въ тѣни отъ солнышка полосатые халаты и не спѣша потягиваютъ изъ большихъ фарфоровыхъ чашекъ безъ блюдцевъ, величиною съ

наши обыкновенныя полоскательныя чашки, неизобразимо жидкій, но вмѣстѣ съ тѣмъ и неизбѣжно дешевый зеленый чай, который въ громадныхъ количествахъ привозится для туземнаго потребленія персіянами изъ Индіи.

Кофе,—неизбѣжный напитокъ турецкаго, арабскаго и греческаго востока,—совсѣмъ невѣдомъ въ домашнемъ обиходѣ жителя Центральной Азіи, туркмена, бухарца, киргиза. Какъ западъ Азіи подвергся вмѣстѣ съ вліяніемъ арабской цивилизаціи господству арабскаго кофе, такъ востокъ Азіи и ея серединныя степныя области подпали вмѣстѣ съ наплывомъ монгольскаго варварства повальному господству среди нихъ китайскаго чая... Чай сдѣлался до того необходимымъ ежедневнымъ напиткомъ степного азіатца, что и туркменъ, и сартъ, и киргизъ, и калмыкъ—въ дорогѣ носятъ на поясѣ въ числѣ важнѣйшихъ путевыхъ принадлежностей кожаный круглый футляръ съ чайною чашкой, одинаково удобною и для воды и для чая. Лавочки-палатки мервскаго базара наполнены этими грубо разукрашенными футлярами изъ красной бараньей кожи, грошовой цѣны.

Нѣтъ ни одного глухого аула въ туркменіи, ни одного мелкаго кишлака въ Бухарѣ или Кованѣ, гдѣ бы не было у проѣзжей дороги хотя какого-нибудь злосчастнаго чай-хане, чайной лавочки.

Мечети бываютъ нерѣдко пусты, но никогда вы не встрѣтите въ Азіи чай-хане, гдѣ бы въ каждую минуту дня, съ утра до глубокой ночи,—какой-нибудь правовѣрный мусульманинъ не утѣшался безконечно долгимъ питіемъ своего зеленаго чая.

Наше русское чаепитіе, считающееся чуть не прирожденнымъ національнымъ свойствомъ истинно русскаго человѣка, безо всякаго сомнѣнія, проникло къ намъ уже черезъ посредство азіатскаго кочевника, какъ и многое другое въ нашемъ домашнемъ быту, а отъ насъ заразило мало-по-малу и всю Европу.

Жестокосердные и суровые туркмены, какъ и всѣ вообще

азіатскіе народы, не отличающіеся, кажется, дѣтскою чувствительностью,—страннымъ образомъ питаютъ истинно младенческое пристрастіе къ лакомствамъ всякаго рода. Мы то и дѣло проходимъ мимо раставленныхъ на травѣ громадныхъ деревянныхъ блюдъ, полныхъ кишмиша, шепталы, орѣховъ, леденцовъ и какихъ-то крученыхъ изъ бѣлаго сахара персидскихъ конфетъ, особенно соблазняющихъ этихъ шатающихся мимо бородатыхъ ребятъ. Тутъ же открытые сверху шерстяные мѣшки съ *игдой,* мѣстною ягодой въ родѣ кизиля или шиповника, и теперь уже обильно обсыпающею деревья окрестныхъ садовъ; чуть ли это не лаховникъ (Eleagnus), растущій у насъ въ Крыму и на Кавказѣ. Мѣшки джугары, — лошадинаго корма изъ рода сорго, величиной покрупнѣе конопли,—мѣшки муки, да ячменя,—вотъ почти и всѣ безхитростные съѣстные товары этого базара.

Вововъ нигдѣ никакихъ, все привозится и увозится на хребтѣ скота, въ мѣшкахъ, подвѣшиваемыхъ къ сѣдлу верблюда, осла или лошади...

Оттого-то и размѣры этой вьючной торговли вызываютъ улыбку у русскаго человѣка, привыкшаго видѣть на своихъ базарахъ цѣлые обозы и цѣлыя горы всякаго рода припасовъ.

Такъ же комично скудны товаромъ и остальныя ярмарочныя лавочки туркменской столицы, свободно умѣщающіяся не только въ маленькой палаткѣ, живописно украшенней внутри разноцвѣтными узорами, но частенько въ простомъ сундучкѣ или на опрокинутомъ вверхъ дномъ досчатомъ ящикѣ.

Туземный товаръ все мелочной и грошовый — тюбетейки, сафьянныя туфли, нагайки, чайныя чашки дешеваго фарфора и кожаные футляры для нихъ въ видѣ круглыхъ картузовъ съ кисточкой, гаманы для мѣдныхъ денегъ, грубо-расписанные, неуклюжіе деревянные гребни, тыквенные кувшинчики для дороги, раскрашенныя пестрыми букетами деревянныя блюда и мѣдные котлы—вотъ и все типично-восточное, способное заинтересовать туриста. Остальной товаръ—почти все московскій, ко-

нечно, самыхъ гнилыхъ сортовъ, даже съ русскими ярлыками никому невѣдомыхъ фирмъ: копѣечные линючіе ситцы яркихъ узоровъ, бракованная стеклянная и фаянсовая посуда и прочее, и прочее, хорошо намъ знакомое по нашимъ уѣзднымъ и деревенскимъ лавочкамъ, съ небольшою лишь примѣсью необычайно узенькихъ и жиденькихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ изрядно дорогихъ самаркандскихъ и бухарскихъ канаусовъ и адрясовъ.

Покупать проѣзжему тутъ ничего не стоитъ, кромѣ развѣ текинскихъ ковровъ, которыми здѣсь дорожатся ужасно, которыми здѣсь надуваютъ еще ужаснѣе, и которыхъ на базаръ вывозятъ вообще немного.

Главный торгъ, повидимому, идетъ здѣсь скотомъ. Стада черныхъ длинноухихъ овецъ обложили кругомъ весь выгонъ. Рядомъ съ ними какой-то другой сортъ овецъ, болѣе крупныхъ, и, вѣроятно, болѣе другихъ, блѣдно-желтоватаго цвѣта съ желторыжими ногами и ушами.

Утомленные верблюды лежатъ на своихъ мозолистыхъ колѣнахъ, какіе еще съ тюками на горбахъ, какіе въ насквозь пропотѣвшихъ громоздкихъ сѣдлахъ, высоко приподнявъ свои худыя шеи и озираясь съ выраженіемъ безмолвнаго призрѣнія на суетящихся кругомъ двуногихъ и четвероногихъ тварей.

Множество лошадей разставлено отдѣльно другъ отъ друга на приколахъ изъ уцѣлѣвшихъ кое-гдѣ въ землѣ корней кустарника; они то и дѣло закладываютъ назадъ уши и, злобно оскаливъ зубы, подкидываютъ задомъ вверхъ, норовя хватить обоими копытами то въ мимо протискивающуюся верховую лошадь, то въ не кстати присосѣдившагося ослика. Вой ословъ, ревъ проголодавшихся верблюдовъ, несмолкающее блеянье овецъ, мычанье коровъ, нетерпѣливое гоготанье молодыхъ жеребцовъ, крики продавцовъ и толкающейся толпы — сливаются въ такой оглушительный, характерно-азіятскій гулъ, котораго не услышишь даже и на нашихъ ярмаркахъ.

Было какъ-то радостно встрѣчать среди этого пестраго сбо-

рища всякой азіятчины знакомыя бѣлыя рубахи земляковъ-солдатиковъ, русскихъ бабъ и дѣвокъ, въ тѣхъ самыхъ нарядахъ и съ тѣмъ самымъ говоромъ, къ которымъ такъ привыкли у себя на Руси и глазъ, и ухо. Всѣ они казались теперь моему сердцу близкими родными.

Русскій человѣкъ — удивительно скромный человѣкъ. Онъ держитъ себя здѣсь, въ странѣ завоеванной его кровью, какъ случайный прохожій, не суется впередъ, не заявляетъ ничѣмъ своихъ особенныхъ правъ, никого и ничего не трогаетъ, никому и ничему не мѣшаетъ.

Я видѣлъ англичанъ въ Каирѣ и вынесъ о нихъ совсѣмъ другое впечатлѣніе, хотя они, кажется, не покоряли никогда Египта своимъ оружіемъ.

Когда мы возвращались съ базара, огромный верблюдъ, вѣроятно истощенный долгою дорогой по пустынѣ, свалился съ ногъ и загородилъ своею лохматою тушей весь переулокъ...

Варвары-текинцы, чтобы не хлопотать разъвьючивать его, безжалостно колотили надорвавшагося труженика палками по мордѣ, по глазамъ, по чемъ попало; бѣдное животное молча смотрѣло на истязателей своимъ безропотнымъ взглядомъ «Адамовой овцы», какъ называетъ его нашъ мужикъ, и даже не увертывалось отъ ударовъ. Надѣли ему, наконецъ, на шею веревку и стали тянуть народомъ, но веревка только перетирала безъ того уже исхудавшую шею и безполезно теребила обезсилѣвшую голову, ни на волосъ не шевельнувъ тяжелаго туловища...

Мы ушли глубоко возмущенные, не дождавшись конца этой туркменской операціи. Но вѣдь въ Мервѣ, конечно, еще не существуетъ общества покровительства животнымъ, къ которому издыхавшій верблюдъ могъ направить свой послѣдній протестъ.

VI.

Въ кибиткѣ у Мурадъ-хана.

Мервская крѣпость—огромнаго охвата и еще сравнительно мало застроена; но пустыри ея уже размѣряются и планируются. Старая текинская стѣна сложена, конечно, изъ глины и толста непомѣрно: въ основанiи не меньше 6—8 саженъ, по крайней мѣрѣ въ проѣздахъ; да и вышины въ ней будетъ не меньше, если не больше. Она наполовину уже обращена и теперь представляетъ собою видъ какихъ-то гигантскихъ монистовъ, до того правильною цѣпью чередуются въ ней промывы и обвалы глины. Мѣстами уцѣлѣли и остатки такихъ же глиняныхъ башенъ.

Стѣны эти построены были текинцами послѣ взятiя русскими Хивы въ 1873 году, подъ впечатлѣнiемъ охватившаго всю Азiю ужаса и въ ожиданiи возможнаго нашествiя русскихъ. Весь Мервскiй оазисъ долженъ былъ спрятаться со своими кибитками въ этой центральной твердынѣ, названной Коушутъ-ханъ-Кала. Но этой глиняной крѣпости не пришлось выдерживать испытанiя огнемъ и кровью, даже и послѣ разгрома текинцевъ подъ Геокъ-Тепе. Русскiе на Мервъ не пошли, а черезъ два года мервцы сами сознали необходимость отдаться во власть Россiи. Мервъ былъ занятъ мирно, почти безъ выстрѣла; только небольшая дружина партiи войны, не хотѣвшая принимать подданства Россiи, сѣла на коней и отправилась въ степь, откуда нѣкоторое время угрожала нашему гарнизону. Впослѣдствiи и эти непримиримые мало-по-малу примирились и вернулись въ родной городъ.

Поэтому въ стѣнахъ крѣпости довольно долго располагались кибитки текинцевъ. Только года четыре тому назадъ разогнали эти кибитки назадъ по auламъ и стали понемногу переводить сюда съ праваго берега казенные склады, казармы, офицерскiя квартиры и разныя оффицiальныя учрежденiя.

Теперь въ крѣпости и прекрасное зданіе городской школы, и публичный садъ съ лѣтнимъ театромъ, и другой большой садъ вокругъ дома окружнаго начальника. Вообще сады разбиваются здѣсь вездѣ и растутъ не по днямъ, а по часамъ, съ невѣроятною быстротой и легкостью. Дома все тутъ каменные, чистенькіе и красивые, всѣ съ садиками. Казармъ множество: и стрѣлковаго баталіона, и саперныя, и артиллерійскія, и казацкія. Войска здѣсь не мало, потому что на сѣверъ ихъ уже нѣтъ больше нигдѣ до самаго Чарджуя, а на югѣ войска стоятъ въ Серахсѣ, да на Афганской границѣ.

Русская церковь помѣщается не въ самой крѣпости, а рядомъ съ нею, въ особомъ ея отдѣлѣ, съ особымъ въѣздомъ. Мы посѣтили ее на другой день, въ Вербное Воскресенье. Жалкая глиняная клѣтушка, бѣдно и безъ вкуса убранная иконами, вся протекаетъ насквозь, отмокаетъ и обсыпается. Если бы не скромный крестъ на серединной вышкѣ, то и не узналъ бы, что это православная церковь. Потолокъ серединной башни, приличія ради, подбитъ отдувшимся отъ сырости холстомъ, на которомъ выступаютъ рыжими пятнами подтеки и ржавчины.

Тѣснота невыразимая. Хотя эта церковь и войсковая, построенная временно солдатами и для солдатъ, но сами солдаты должны молиться на дворѣ, потому что въ этой глиняной часовенькѣ насилу помѣщается и та горсточка мѣстной служилой знати, которая собралась теперь въ ней.

Американецъ Крэнъ пріѣхалъ въ церковь вмѣстѣ съ нами, и мнѣ сдѣлалось просто стыдно предъ нимъ за насъ, русскихъ. Американскій поселенецъ, пахарь и дровосѣкъ, садясь на новое мѣсто, прежде всего, прежде собственныхъ жилищъ, строитъ общими силами приличный домъ Божій и зданіе школы. А мы силами всего сто-милліоннаго народа своего не можемъ устроить для воиновъ, за насъ умирающихъ, сколько-нибудь благопристойную и помѣстительную церковь, распоряжаясь притомъ цѣлою завоеванною областью. И это въ то время, когда въ томъ же самомъ Мервѣ персы-пришельцы уже успѣли воздвигнуть на

свои частныя средства большую и красивую каменную мечеть, мимо которой мы только-что проѣхали.

Не забудьте притомъ, что Мервская церковь единственная христіанская святыня въ цѣломъ мусульманскомъ краѣ, и что грубые кочевники гораздо больше судятъ о достоинствѣ религіи по ея доступнымъ имъ внѣшнимъ проявленіямъ, чѣмъ по мало постижимому имъ внутреннему содержанію ея.

А кто знаетъ, какое бы впечатлѣніе могла произвести на полудѣтское воображеніе текинца и къ какимъ добрымъ послѣдствіямъ могла потомъ повести его благоустроенная православная служба въ благоустроенномъ православномъ храмѣ. Туркмены, по крайней мѣрѣ, текинцы—магометане больше по имени, чѣмъ въ дѣйствительности. У нихъ почти не видно мечетей и очень мало муллъ. Духовная борьба съ такимъ не твердымъ и мало искреннимъ мусульманствомъ далеко не такъ трудна, какъ съ закоренѣлымъ фанатизмомъ мусульманскихъ учителей въ коренныхъ очагахъ ислама, каковы, напримѣръ, Самаркандъ, Бухара или хотя бы наша Казань.

Намъ хотѣлось посмотрѣть поближе одинъ изъ текинскихъ ауловъ и побывать въ ихъ кибиткахъ. У мистера Крэна къ тому же былъ очень удобный приборъ для ручной фотографіи, съ помощью котораго онъ въ одно мгновеніе снималъ оригинальные типы и сцены, какіе намъ приходилось встрѣчать. Бытъ текинской кибитки настойчиво просился подъ стекла этой фотографіи.

Извозчикъ-татаринъ въ коляскѣ на парѣ бойкихъ лошадей повезъ насъ троихъ, съ переводчикомъ Имеретиномъ на козлахъ, черезъ крѣпость въ ближайшій аулъ. Аулы тѣсными дружинами облегли свою столицу, и дороги въ нихъ перекрещиваютъ вдоль и поперекъ пустыри Коушутъ-ханъ-Кала.

Ярмарка не унималась до самаго вечера, и навстрѣчу ѣхали толпами и вереницами текинскіе всадники, шли на верблюдахъ текинскіе караваны.

Зато аулы были чуть не пустые. Аулъ отъ аула отличить нельзя. Они такъ часто сидятъ вокругъ Мерва, что сливаются своими садами и виноградниками въ одно сплошное громадное поселеніе. Все это — глиняные четырехъугольные ящики безъ крышъ, массивные и почти слѣпые, съ крошечною дверочкой, съ одинокимъ окошечкомъ. Пристройка повыше играетъ роль башни на случай нападенія и защиты. Рядомъ съ глиняными домами, въ перемежку съ ними, и отдѣльно отъ нихъ въ садахъ и на выгонахъ аула, цѣлыя становища круглыхъ войлочныхъ кибитокъ съ очень пологимъ верхомъ, формой точь-въ-точь керосинные резервуары у нашихъ желѣзнодорожныхъ вокзаловъ.

Изъ мужчинъ въ аулахъ остались одни дряхлые старики и малыя дѣти, но женщинъ видно было еще очень много. Онѣ не закрываютъ лица, какъ другія мусульманки, и хотя нѣсколько стыдятся и прячутся отъ взгляда чужого мужчины, да еще русскаго, но тѣмъ не менѣе смѣло перебѣгаютъ отъ одной кибитки къ другой, съ жаднымъ любопытствомъ впиваясь глазами въ мало еще знакомую имъ фигуру европейской женщины.

И я со своей стороны не насмотрюсь на ихъ оригинальный и живописный нарядъ, напоминающій еще древнихъ пареянокъ.

Всѣ онѣ въ малиновомъ и красномъ съ головы до ногъ. Темно-малиновые балахоны по пятки, темно-малиновые высокіе колпаки конусами на головѣ. Волосы заплетены въ косы и на концахъ ихъ висятъ по спинѣ чуть не до самыхъ колѣнъ хвосты изъ серебряныхъ монетъ и серебряныхъ гремушекъ. Какъ у лезгинокъ и арабокъ, монеты вообще самое любимое украшеніе текинскаго прекраснаго пола. Цѣлыми бронями изъ монетъ увѣшана ихъ грудь и даже животъ, монеты на ихъ острыхъ колпакахъ, монеты на ермолкахъ ихъ дѣтей, увѣнчанныхъ оригинальными серебряными шандаликами. И какъ вездѣ на Востокѣ, именно серебряная, а не золотая и не мѣдная монета. На рукахъ у нихъ опять-таки серебряные, а не золотые браслеты, съ красными сердоликами и другими мѣстными камнями.

Красные колпаки здѣшнихъ женщинъ обвязаны такими же красными и малиновыми платками, концы которыхъ тщательно укатываютъ имъ нижнюю часть лица. Молодыя текинки довольно красивы и статны въ этихъ своихъ древне-азіатскихъ костюмахъ. Но старухи ихъ сущія вѣдьмы, сгорбленныя, желтыя, злыя, съ растрепанными сѣдыми космами, съ вѣчною руганью на языкѣ.

Въ аулахъ шли кое-какія работы, занявшія насъ своею оригинальностью. У однѣхъ кибитокъ бабы мѣсили для построекъ глину съ навозомъ и смазывали круглыя жерла низенькихъ хлѣбныхъ печей, стоящихъ прямо на дворѣ; у другихъ мужчины толкли рисъ. Два босоногіе оборванца, очевидно, нанятые поденщики, изо всѣхъ силъ раскачивались на одномъ концѣ деревяннаго коромысла, котораго другой конецъ долбилъ деревяннымъ клювомъ, — легкое подобіе толкачей на нашихъ водяныхъ мельницахъ,—насыпанное въ ямѣ прямо на землю желтоватое сорочинское пшено.

Старикъ-хозяинъ, усѣвшись на корточки, старательно подгребаетъ рукой рисъ подъ деревянное долбило, не помышляя, повидимому, ни о какой опасности для своихъ корявыхъ рукъ.

Пока мы созерцали все это текинское населеніе и работы его съ высоты своей коляски, дѣло обстояло благополучно. Но только-что мы спѣшились и обнаружили слабую попытку зайти въ первую попавшуюся кибитку, какъ на насъ бросились всякіе двуногіе и четвероногіе звѣри. Лихія туркменскія собаки ожесточенно рвали насъ за ноги, а такой же какъ онѣ бѣшеный старикашка въ лохматой папахѣ на головѣ, въ длинноволосой дубленой шубѣ ярко желтаго цвѣта, — грудью загородилъ намъ дорогу, изрыгая изъ своей беззубой пасти осипшимъ голосомъ какія-то непонятныя намъ увѣщанія или угрозы. Къ нему стали подходить съ разныхъ сторонъ другіе такіе же босоногіе и лохматые старики. Бабы и дѣвки, до того толпившіяся на улицѣ, разомъ испуганно шарахнулись по своимъ кибиткамъ, словно

имъ и дѣтямъ ихъ угрожала отъ нашего пришествія какая-нибудь смертная опасность.

— Чего это онъ окрысился такъ, этотъ сумасшедшій старикъ? спросилъ я нашего извозчика, хорошо понимавшаго по-туркменски.

Извозчикъ улыбнулся и покачалъ головой.

— Да какъ же ему иначе? сказалъ онъ. — Хозяева теперь, мужчины ихніе, всѣ на ярмаркѣ, бабы однѣ въ кибиткахъ остались. Какъ же ему чужихъ мужчинъ къ нимъ впустить? Вотъ съ того-то и щетинится старый хрычъ! добродушно разсмѣялся онъ.

Мы тоже посмѣялись надъ неожиданнымъ переполохомъ, который мы надѣлали въ аулѣ, и, побродивъ немного по его переулкамъ среди неогляднаго становища кибитокъ, рѣшились продолжать дальше свой путь.

— Вотъ мы къ Мурадъ-хану заѣдемъ недалеко отсюда, тотъ пуститъ, къ нему всегда начальники большіе заѣзжаютъ... Тотъ ужь всякое обхожденіе знаетъ! утѣшилъ насъ извозчикъ.—У него не только кибитки, у него, посмотрите, домъ какой! Хоть бы генералу какому жить. Потому богачъ! Земли сколько позабралъ, сады большіе, скота сколько... Это вѣдь все его земли!.. Весь народъ кругомъ на него работаетъ изъ половины урожая! махнулъ онъ рукой на степь.

Высокій бѣлокаменный домъ Мурадъ-хана, съ большими мавританскими окнами, съ красивою рѣшоткой на плоской крышѣ, можетъ считаться настоящимъ ханскимъ дворцомъ среди глиняныхъ мазанокъ текинцевъ. Но домъ этотъ построенъ имъ только для показа, для хвастовства предъ русскими властями, которыя его иногда посѣщаютъ. Мурадъ-ханъ считается аксакаломъ, то-есть старшиной своего округа, и находится поневолѣ въ частыхъ сношеніяхъ съ русскими. Въ Мервѣ онъ игралъ прежде очень вліятельную роль, и его былое значеніе отчасти осталось за нимъ до сихъ поръ. Онъ не попусту носитъ имя хана, и дѣйствительная власть его надъ окрестнымъ кочевымъ населеніемъ

далеко не умѣщается въ одни только права аксакала, признаваемыя за нимъ нашимъ правительствомъ.

Впрочемъ, аксакалъ самъ по себѣ имѣетъ огромное значеніе среди кочеваго населенія, потому что онъ есть распорядитель воды, то-есть живота и смерти степнаго жителя. Вода тутъ — все. Продается и покупается тутъ — не земля, а вода. Землю безъ воды тутъ даромъ не берутъ; а земля орошенная—на вѣсъ золота. Аксакалъ судитъ и рядитъ всѣ споры о водѣ и каждому жителю назначаетъ срокъ, когда онъ можетъ орошать свое поле водами арыка. Въ этомъ для него неистощимый источникъ доходовъ.

Мы, однако, не нашли Мурадъ-хана въ его парадной европейской резиденціи. Въ домѣ что-то перестроивалось, и къ нашему большому удовольствію оказалось нужнымъ ѣхать къ нему въ его становище.

Многочисленныя кибитки домочадцевъ и подручниковъ Мурадъ-хана размѣстились вокругъ его ставки, въ кустахъ и садахъ, на опушкѣ степи.

Маленькое становище до-нельзя переполошилось, увидя нашу приближавшуюся коляску.

Изумленныя фигуры то и дѣло выбѣгали и вбѣгали въ кибитки, распространяя среди ихъ наивнаго населенія волненіе и испугъ.

Не доѣзжая до кибитки хана, насъ торопливо встрѣтили его верховые нукеры на богато осѣдланныхъ отличныхъ коняхъ. Они проводили насъ въ ставку хана.

Вокругъ нея уже успѣлъ столпиться народъ. Текинцы глядѣли на насъ съ нескрываемымъ неудовольствіемъ и подозрительностью. Особенно одинъ старикъ рѣзко-монгольскаго типа, совсѣмъ безусый, съ рѣдкими сѣдыми клочками волосъ на подбородкѣ, не могъ подавить въ себѣ кипѣвшей внутри его злобы и пожиралъ насъ глазами ненависти.

Наконецъ, въ кибитку вошелъ и Мурадъ-ханъ, вызванный изъ другой кибитки, гдѣ жили его жены. Онъ сразу загоро-

дилъ и, казалось, наполнилъ собою все свободное пространство кибитки.

Черный, какъ арапъ, громаднаго роста и богатырскаго склада, съ узкими косыми глазами, выпяченными скулами и огромнымъ звѣроподобнымъ ртомъ, онъ былъ просто страшенъ и смотрѣлъ чистѣйшимъ монголомъ. Я увѣренъ, что самъ Чингисъ-ханъ не показался бы мнѣ такимъ харектернымъ монгольскимъ варваромъ, какъ этотъ туркменскій атлетъ. Такого аксакала поневолѣ послушаются самые непокорные дикари.

Мы обмѣнялись привѣтствіями черезъ переводчика-извозчика, потому что имеретинъ м-ра Крэна хотя и говорилъ по-татарски, но туркменскаго діалекта понять не могъ.

— Вы, пожалуйста, не обижайтесь, что я встрѣтилъ васъ не въ капитанскомъ мундирѣ и безъ ордена, прежде всего велѣлъ передать намъ Мурадъ-ханъ, очевидно, желая сразу дать намъ понять, что онъ имѣетъ русскій военный чинъ, которымъ туркмены гордятся превыше всего.—Я очень жалѣю, что не зналъ о пріѣздѣ такихъ почетныхъ гостей, иначе бы я приготовился какъ слѣдуетъ.

— Напротивъ, намъ гораздо любопытнѣе видѣть васъ въ вашей природной одеждѣ,—отвѣчали мы ему устами своего возницы.—Мы пріѣхали издалека, изъ-подъ самой Москвы, первый разъ въ туркменскую землю, и намъ хочется видѣть, какъ живутъ и чѣмъ занимаются туркмены. Оттого-то мы позволили себѣ побезпокоить васъ и просимъ теперь показать намъ ваше житье...

— У насъ нѣтъ никакихъ хорошихъ вещей, которыя есть у русскихъ,—отвѣчалъ Мурадъ-ханъ.—Мы люди простые и бѣдные, все дѣлаемъ сами и довольствуемся самымъ необходимымъ... Вотъ видите мою кибитку,—прибавилъ онъ, обводя ее самодовольными глазами.—Вотъ и всѣ наши богатства. На что тутъ смотрѣть?.. Въ Москвѣ развѣ вы то видѣли?..

Кибитка была, однако, обставлена далеко не бѣдно. Вся она была укрыта по полу и по стѣнамъ коврами и цѣновками; кру-

гомъ стѣнъ стояли тѣсно другъ къ другу и другъ на другѣ раскрашенные цвѣтами по бѣлой жести сундуки московской работы, самодѣльныя грубыя шкатулочки, полосатые шерстяные мѣшки съ мукой, рисомъ и просомъ, громадные голубовато-пестрые кувшины о трехъ ручкахъ, способные вмѣстить въ себя по нѣскольку ведеръ вина или масла, деревянные точеные кувшинчики для воды, оправленные мѣдью, оригинальнаго восточнаго рисунка, стеклянные кальяны и всякая всячина.

Кибитка эта была, повидимому, столовою, потому что въ ней не было видно ни тюфяковъ, ни подушекъ, обычныхъ принадлежностей азіатскаго жилья. На стѣнахъ не висѣло никакого оружія, а только богатая конская сбруя, отдѣланная серебромъ и сердоликами, да музыкальные туркменскіе инструменты въ родѣ гитаръ или балалаекъ съ очень длинными ручками и очень маленькимъ пузатымъ корпусомъ.

Остовъ кибитки—это рѣшетка изъ гнутыхъ деревянныхъ прутьевъ какого-то очень крѣпкаго дерева, прочно увязанная веревками и плотно обтянутая войлоками, вверху ея—отверстіе, на которое въ непогоду натягивается веревкой тоже войлокъ. Но обыкновенно въ отверстіе это глядитъ ясное южное небо и поднимается дымъ отъ очага, горящаго чуть не цѣлый день по серединѣ кибитки. Огромный низенькій котелъ, накрытый деревянною крышкой, стоялъ на очагѣ и во время нашего прихода, но огня подъ нимъ не было.

Намъ принесли откуда-то три вѣнскіе плетеные стула и усадили на нихъ около очага, чтобъ окончательно убѣдить насъ въ цивилизованности капитана и кавалера россійской арміи.

— У насъ нынче рамазанъ, мы ничего не готовимъ и не ѣдимъ до ночи,—извинился Мурадъ-ханъ,—поэтому мнѣ нечѣмъ угостить почтенныхъ моихъ гостей, но еслибы вы посидѣли у меня немного и выпили по стакану чая! У меня есть русскій самоваръ и поставятъ его скоро.

Мы поблагодарили за любезность, но отъ чая отказались, сказавъ, что должны спѣшить домой.

Жену мою между тѣмъ повели по ея просьбѣ въ другую кибитку, гдѣ жили жены Мурадъ-хана. Онѣ встрѣтили ее съ большою лаской, тѣсно окружили ее и какъ маленькія дѣти дотрогивались и осматривали съ радостнымъ любопытствомъ каждую мелочь въ ея туалетѣ.

— Тутъ у меня не хорошо, тутъ все по нашему, по-туркменски!—продолжалъ извиняться Мурадъ-ханъ,—вотъ еслибы вы черезъ недѣльку-другую пріѣхали ко мнѣ, я бы васъ принялъ какъ слѣдуетъ, въ домѣ своемъ все равно какъ у васъ въ Россіи. А теперь домъ передѣлываютъ, нельзя показать. Тамъ у меня генералы всѣ бываютъ, всѣ начальники. Мурадъ-хана всѣ знаютъ.

— Намъ тоже сказали въ Мервѣ, что живетъ тутъ близко ханъ туркменскій съ большимъ чиномъ, храбрый и знаменитый человѣкъ, вотъ мы и пріѣхали нарочно посмотрѣть на васъ, отвѣтилъ ему я.

Мурадъ-ханъ поблагодарилъ за льстивыя слова и счелъ долгомъ освѣдомиться, въ какомъ чинѣ и на какой должности, и въ какомъ именно городѣ состоятъ его гости.

Мы удовлетворили его любопытство, примѣняясь къ его туркменскимъ понятіямъ, и когда я назвалъ м-ра Крэна англичаниномъ изъ Америки, то старый кочевникъ какъ-то встрепенулся весь и съ нескрываемымъ сочувствіемъ осклабился въ его сторону.

Для вольнолюбиваго сердца текинца все-таки, должно-быть, видъ мнимаго друга его, сосѣда по Индіи, отраднѣе, чѣмъ видъ нашего брата русскаго, его непрошеннаго хозяина и покорителя.

Поболтавъ еще кое о чемъ и досыта удовлетворивъ любопытство наивныхъ дикарей, набившихся въ кибитку Мурадъ-хана, мы пожали ему наконецъ руки и направились къ своей колясвѣ.

Вечеръ мы провели у одного изъ гостепріимныхъ мѣстныхъ жителей, съ которымъ мы случайно познакомились дорогой. Капитанъ З.—желѣзнодорожный дѣятель, участвовавшій въ по-

стройкѣ дороги съ самаго начала ея. Ему пришлось вмѣстѣ съ молодою женой переваливать черезъ Балканы, томиться Санъ-Стефанскою эпидеміей и потомъ очутиться среди туркменской пустыни, въ безводныхъ пескахъ Михайловскаго залива, заточеннымъ вдвоемъ зиму и лѣто въ войлочной кибиткѣ, не выпуская изъ рукъ револьверовъ въ ежечасномъ ожиданіи туркменскихъ набѣговъ. Это было въ самый разгаръ Скобелевскаго похода, когда нужно было прокладывать желѣзный путь черезъ пески слѣдомъ за надвигавшимся войскомъ, въ странѣ еще не покоренной и кишѣвшей враждебными намъ разбойничьими племенами.

Здѣшнія женщины — герои своего рода, по плечу своимъ мужьямъ.

Мы долго сидѣли на балконѣ въ саду, окруженные благоухающими бѣлыми акаціями. Деревья тутъ растутъ просто на глазахъ Трехлѣтнее дерево—уже толще человѣческой руки, и цвѣты уже осыпаютъ ихъ, какъ молодую невѣсту.

Милые хозяева радушно угощали насъ, бесѣдуя объ интересовавшемъ насъ своеобразномъ краѣ. Уютный ихъ домикъ украшенъ характерными мѣстными предметами. Въ прихожей чучело тигра, убитаго въ Чикишлярѣ, подъ столомъ кабинета — шкура гепарда изъ сосѣдняго Теджена, на стѣнѣ рога хивинскаго оленя и оригинально расписанныя самаркандскія блюда. На полу, на диванахъ,—всякіе текинскіе, бухарскіе, хорасанскіе ковры...

Но хотя насъ, сѣверныхъ пришельцевъ, очаровала необычно для насъ ранняя и необычно мягкая южная весна, дышавшая изъ сада тепломъ и ароматомъ, намъ однако разсказали далеко не утѣшительныя вѣсти о здѣшнемъ климатѣ и дали настойчивый совѣтъ не увлекаться особенною довѣрчивостью къ нему.

Въ Закаспійской области пріѣзжіе русскіе, правда, нерѣдко толстѣютъ и чувствуютъ себя хорошо, но большинство ихъ въ концѣ концовъ разстраиваютъ свое здоровье. Въ Мервѣ свирѣпствуютъ всевозможныя болѣзни, въ Самаркандѣ, въ Бухарѣ — еще больше. Главная причина этихъ болѣзней — застоявшаяся вода арыковъ и прудковъ, изъ которыхъ жители пьютъ воду. Въ

водѣ этой множество всякихъ нечистотъ, бактерій, насѣкомыхъ. А когда арыки высыхаютъ въ лѣтній зной, то отъ нихъ поднимаются вредоносные міазмы, причиняющіе жестокую лихорадку. Лихорадка — это бичъ всѣхъ нашихъ азіатскихъ владѣній. Но кромѣ нея во многихъ мѣстностяхъ, особенно въ Бухарѣ, свирѣпствуетъ мѣстная болѣзнь *решта*,—тончайшій и длиннѣйшій глистъ—волосатикъ, который проникаетъ въ человѣка изъ воды арыковъ и постепенно развѣтвляется внутри по всему его тѣлу, причиняя невыносимую боль. Европейскіе доктора не знаютъ средства противъ этой спеціально-азіатской болѣзни, но туземцы умѣютъ ее излѣчивать, ловко разыскивая кончикъ волосатика и осторожно наматывая его на палочку. Въ Мервѣ тоже есть своя спеціальная, столь же опасная болѣзнь — пендинская язва, названная по имени мѣстечка Пендждe, на Мургабѣ, изъ-за котораго у насъ былъ недавній споръ съ англичанами. Эта накожная язва тоже происходитъ отъ нечистой воды арыковъ и сродни спеціальной болѣзни ташкента — ташкентскому прыщу, отъ котораго не бываетъ избавленъ почти ни одинъ проѣзжій изъ Россіи. Кромѣ всѣхъ этихъ чисто-мѣстныхъ прелестей, въ Бухарѣ очень много прокаженныхъ, которые, выходитъ, не ограничиваются однимъ Сирійскимъ востокомъ.

На меня, впрочемъ, всѣ эти слышанные мною ужасы произвели мало впечатлѣнія... Я давно уже замѣтилъ, что во всѣхъ странахъ міра люди имѣютъ привычку жаловаться на скверный климатъ и на множество всякихъ болѣзней, а потому столь же давно принялъ за правило не обращать ровно никакого вниманія ни на какіе климаты и ни на какія болѣзни; и вотъ, достигнувъ довольно почтеннаго возраста, не могу сказать, чтобъ эта простая система привела меня къ плохому концу.

VII.

Аулъ Гуль-Джемалъ-ханымъ.

Рано утромъ нужно было отправляться въ Старый Мервъ и въ Государево Мургабское имѣніе. Мы наняли извозчичью коляску, чтобы не ждать желѣзной дороги и чтобы лучше познакомиться со страной, чрезъ которую проѣзжали.

Мистеръ Крэнъ едва было не задержалъ насъ. При отъѣздѣ изъ Асхабада онъ забылъ на вокзалѣ свой ручной фотографическій приборъ, безъ котораго все путешествіе теряло для него свое значеніе. Мы телеграфировали съ дороги, чтобъ его выслали въ Мервъ, но къ отъѣзду нашему онъ высланъ не былъ, такъ что пришлось обращаться за содѣйствіемъ къ капитану З., который обѣщалъ выслать приборъ слѣдомъ за нами уже прямо въ Бухару.

Путешествіе на лошадяхъ съ самаго дѣтства имѣетъ для меня незамѣнимую прелесть, и въ сравненіи съ нимъ желѣзная дорога не стóитъ ровно ничего. Я, конечно, говорю о впечатлѣніяхъ, а не объ удобствахъ.

Мы опять проѣхали сквозь мервскую крѣпость, и мое русское сердце радостно всколыхнулось при видѣ родныхъ бѣлыхъ рубахъ. Солдатики наши, пользуясь утреннимъ холодкомъ, отбывали ученье; они разсыпались подъ звуки барабана по плацу, залегали за земляныя насыпи, взбирались бѣгомъ на глиняные текинскіе валы и тамъ быстро строились въ ряды. Это такъ живо переносило мое воображеніе въ былые дни, когда эти самыя бѣлыя рубахи, хорошо знакомыя теперь всей Азіи, взбѣгали съ такою же удалою рѣшимостью на твердыни, защищаемыя мечомъ и пулей. На далекой чужбинѣ видъ русской силы производитъ бодрящее и успокоивающее впечатлѣніе. Впрочемъ, здѣсь радуетъ меня даже фигура какой-нибудь замазанной русской кухарки или пьянчуги-извозчика. Все-таки, какъ ни плохо, а свое родимое!

Сейчасъ же по выѣздѣ изъ города насъ охватилъ со всѣхъ сторонъ плодоносный и многолюдный Мервскій оазисъ. Аулы и сады на каждомъ шагу, виднѣются и виноградники, хотя гораздо рѣже. Ряды пирамидальныхъ тополей придаютъ ландшафту совсѣмъ культурный характеръ. Если бы не темныя муравьиныя кучи кибитокъ, толпящихся среди глинобитныхъ домовъ и оградъ, можно забыть, что мы въ Туркменіи. Всѣ дороги покрыты ѣдущимъ и идущимъ народомъ. Ѣдутъ на верблюдахъ, на лошадяхъ, на ослахъ. Ѣдутъ навстрѣчу, ѣдутъ впереди и позади насъ. Это уже не кочевья, а переходъ къ осѣдлости. Почва полей—чрезвычайно тучный лёссъ то густаго кофейнаго цвѣта, то сѣраго и сѣрожелтаго. Вездѣ кругомъ пасутся верблюды съ верблюженками, овцы, ослы. Верблюдовъ тутъ—непочатый край! Въ поляхъ то и дѣло видишь работающихъ туркменъ. Мальчишки-пастушонки въ своихъ характерныхъ и живописныхъ нарядахъ, спрятавшись въ кустахъ арыка или за придорожными кустами, съ пугливымъ изумленіемъ пялятъ на насъ свои огромные черные глазенки, гораздо болѣе человѣчные и добрые, чѣмъ всегда суровый и враждебный взглядъ стараго туркмена. Изъ-за ихъ плечъ смотрятъ на насъ такими же широко раскрытыми, наивно удивленными глазами, до ушей потонувшіе въ высокихъ травахъ болота маленькіе статные ослики, совсѣмъ похожіе на дикихъ, неразлучные товарищи ихъ бродячей жизни.

Арыки частою сѣтью бороздятъ и перерѣзаютъ поля. Иногда они такъ широки и глубоки, въ такихъ отвердѣвшихъ обрывистыхъ берегахъ, такъ заросли по берегамъ камышами и кустарникомъ, что ихъ принимаешь просто за рѣчку изрядной величины. Черезъ каждый арыкъ при каждой дорожкѣ непремѣнно плотно убитый глиняный мостикъ, аркой приподнимающійся посерединѣ. Порой приходится ѣхать между тѣсно сближенными арыками, какъ по длинной плотинѣ, но дорога вездѣ, однако, исправна и довольно покойна. Большіе арыки иногда вѣтвятся на нѣсколько рукавовъ, расходящихся въ стороны, какъ растопыренные пальцы руки. Эти крупныя водныя артеріи—наслѣд-

ство глубокой древности и невѣдомо какихъ народовъ, можетъ-быть еще какихъ-нибудь пареянъ или даже бактрійцевъ. Туркмены только расчищаютъ старыя русла этихъ древнихъ историческихъ каналовъ, сооруженіе которыхъ стоило громаднаго труда и требовало вѣковой работы.

Но множество такихъ каналовъ, этихъ грандіозныхъ памятниковъ былыхъ благодѣтелей человѣчества, нѣкогда питавшихъ сотни тысячъ народа и обращавшихъ безплодныя степи въ цвѣтущую страну, давно заброшено, и возстановленіе ихъ уже не по силамъ малочисленному и полудикому туркменскому племени.

При одномъ арыкѣ, широкомъ, какъ рѣка, глубоко спрятанномъ въ крутыхъ берегахъ, пріютилась туркменская камышевая мельница. Мы остановились немножко передохнуть и спустились къ ней. Вода пущена въ мельницу изъ запруженнаго верхняго арыка по тремъ деревяннымъ желобамъ и почти отвѣсною сильною струей падаетъ на колеса, спрятанныя подъ поломъ мельницы. Колесо вертитъ верхній жерновъ-бѣгунъ, который скользитъ по неподвижному нижнему жернову, размалывая зерно, что сыпется въ серединное отверстіе верхняго жернова. У каждаго постава сидятъ въ апатическихъ позахъ, поджавъ подъ себя ноги, въ усыпанныхъ мукой халатахъ и шапкахъ текинцы-завощики и не спѣша сгребаютъ маленькими ковшичками, будто горстями руки, муку изъ углубленія пола, куда она падаетъ. Около нихъ стоятъ огромные мѣшки-корзины, сплетенные изъ какой-то мягкой, но крѣпкой соломы, въ которые умѣстится добрый возъ, и которыми нагружаютъ, конечно, бока верблюда. Вся мельница полна ожидающаго народа. Сейчасъ видно, что никто тутъ никуда не спѣшитъ и никто не вѣритъ, чтобы время было все равно что деньги, какъ увѣряютъ вѣчно хлопотливые англичане.

Не только мельница, но и весь берегъ кругомъ полонъ народа, по всѣмъ глинянымъ уступамъ его въ самыхъ типическихъ позахъ и нарядахъ, словно они нарочно разсѣлись здѣсь въ

ожиданіи карандаша художника; а тутъ же по берегу пасутся ихъ верблюды, ослы и кони.

Веселый шумъ падающей воды, трудолюбивое жужжанье мельничныхъ колесъ и эта характерная азіятская толпа со своими скотами и вьюками — придавали столько жизни этому живописному уголку, притаившемуся въ привольѣ неохватной степной глади.

Глазатыя, черномазыя дѣтишки окружили насъ, какъ стая любопытныхъ воробьевъ, и не спускали глазъ съ нашей дамы, такъ мало похожей и лицомъ, и нарядомъ на знакомыя имъ родныя фигуры. На ихъ счастье у меня въ карманѣ оказалась горсть конфетъ, которая привела весь этотъ крохотный текинскій народъ въ самую искреннюю радость. Но старые текинцы, въ совершенную противоположность своимъ ребятишкамъ, можетъ-быть, соблюдая азіатское приличіе, а можетъ-быть изъ понятнаго чувства ненависти къ русскимъ, оставались неподвижно на своемъ бережку, будто римскіе сенаторы, побитые галлами на своихъ курульскихъ креслахъ, и даже бровью не повели на насъ...

Поднимаясь назадъ къ своей коляскѣ, я увидѣлъ на томъ берегу арыка огромный и совсѣмъ голый глиняный холмъ четырехъугольной формы.

Мы освѣдомились чрезъ своего возницу, что это за насыпь. Текинцы отвѣчали, что природная гора. Но это только доказываетъ, что холмъ насыпанъ въ незапамятную старину и не оставилъ по себѣ въ народѣ никакихъ легендъ. Никакого нѣтъ сомнѣнія, что онъ насыпной. Я и прежде, и послѣ видѣлъ въ текинскомъ оазисѣ не одинъ такой холмъ громадной величины. Но тутъ мнѣ пришло въ голову, что онъ недаромъ стоитъ такъ близко отъ такого значительнаго арыка. Очень можетъ быть, что въ подобные холмы сваливалась земля, которая получалась при копаньи большихъ древнихъ каналовъ.

Получали ли потомъ эти холмы значеніе кладбища или воен-

наго укрѣпленія — это ужь другой вопросъ, непротиворѣчащій моему предположенію.

Мы двинулись, наконецъ, дальше. Поля текинцевъ и здѣсь, какъ за Асхабадомъ, усѣяны частыми глиняными башенками, которыя очень заинтересовали меня. Эти башни-столпы издали кажутся пустыми внутри, и мы съ мистеромъ Крэномъ рѣшились основательно оглядѣть ихъ. Мы отошли съ нимъ далеко въ поле и осмотрѣли нѣсколько десятковъ этихъ странныхъ укрѣпленій, къ большому недоумѣнію проѣзжавшихъ и проходившихъ мимо текинцевъ, съ враждебною подозрительностью слѣдившихъ издали за нашимъ непостижимымъ для нихъ путешествіемъ по пустому полю. Однако, ни въ одной башенкѣ не оказалось никакой пустоты. Всѣ онѣ только круглые столбы въ два человѣческіе роста высоты и обхвата въ два толщиной. На нѣкоторыя какъ будто можно было влѣзать. Онѣ устраивались на случай внезапнаго нападенія враждебнаго племени, чтобы дать застигнутому въ полѣ текинцу какую-нибудь защиту, изъ-за которой онъ могъ бы отстрѣливаться, пока поднимется тревога и земляки явятся изъ аула на выручку. А можетъ-быть съ вершины ихъ и караулили иногда подходившаго врага, за отсутствіемъ въ этой гладкой равнинѣ горъ и деревьевъ.

Аулъ Юсупъ-хана на половинѣ дороги къ государеву имѣнію въ Байрамъ-Али. Юсупъ-ханъ считается чѣмъ-то въ родѣ текинскаго царька. Впрочемъ, ханы у туркменъ сами по себѣ никогда не имѣли особенныхъ правъ и привилегій, и хотя наслѣдственность древняго рода играла и до сихъ поръ играетъ у нихъ извѣстную роль, но дѣйствительное вліяніе на народъ всегда имѣли среди туркменъ только ханы, отличавшіеся особеннымъ умомъ или храбростью.

Юсупъ-ханъ—сынъ знаменитаго Нуръ-Верды-хана, защитника Геокъ-Тепе; братъ его Махмудъ-Кули-ханъ служитъ теперь въ русскомъ войскѣ, но въ текинскомъ народѣ особеннымъ уваженіемъ пользуется не столько самъ Юсупъ-ханъ, сколько его

властная и вліятельная мать, вдова Нуръ-Верды-хана, живущая вмѣстѣ съ сыномъ. Она-то собственно и сдала Мервъ безъ боя русскимъ войскамъ.

Аулъ Юсупъ-хана большой и людный. Домъ у него въ томъ же стилѣ, какъ и у Мурадъ-хана; одноэтажный, кирпичный домъ съ полукруглыми окнами и съ чѣмъ-то въ родѣ крѣпостныхъ зубцовъ по карнизу и крышѣ весело бѣлѣетъ среди зелени деревьевъ, возвышаясь надъ облегающими его глиняными мазанками и кибитками.

Домъ этотъ окруженъ стѣной и входъ въ него со двора. На дворѣ, кромѣ нѣсколькихъ кибитокъ, еще другой каменный домъ, въ родѣ двухэтажной четырехугольной башни, съ плоскою крышей и наружными лѣсенками.

Мы остановились у воротъ и вошли во дворъ пѣшкомъ, встрѣченные, по обыкновенію, изумленною и растерявшеюся толпой. По улицѣ аула уже торопливо бѣжали къ воротамъ ханскаго двора любопытные зрители.

— Дома Юсупъ-ханъ? спросилъ нашъ переводчикъ.

— Юсупъ-хана нѣтъ дома, уѣхалъ въ степь, овецъ рѣжетъ, отвѣчалъ намъ одинъ изъ ханскихъ челядинцевъ.

— Гуль-Джемалъ-ханымъ дома?

— Нѣтъ дома Гуль-Джемалъ-ханымъ, семь дней какъ уѣхала!

— Кто-жъ у васъ дома?

— Никого у насъ нѣтъ дома, очень категорично отвѣтилъ туркменъ.

— А посмотрѣть у васъ на дворѣ можно?

— Отчего не можно! только смотрѣть у насъ на дворѣ нечего.

Мы тѣмъ не менѣе вошли въ домъ, чтобы составить себѣ понятіе о текинской роскоши.

Отворена была только пріемная комната, обвѣшанная по стѣнамъ огромными дорогими коврами. Но съ дивановъ ковры были сняты по случаю долгаго отсутствія хозяевъ и лежали экономіи ради вмѣстѣ съ расшитыми подушками и сафьянными тюфяками сложенные другъ на другѣ цѣлою башней вавилонскою, оголивъ

весьма непрезентабельно голыя доски на кирпичахъ, которыя, собственно, и составляютъ туркменскую тахту.

Но въ остальныя домашнія комнаты проникнуть намъ не пришлось, потому что на дверяхъ висѣли огромные и грубѣйшіе туркменскіе замки, подобные тѣмъ, которыми запираютъ ворота крѣпостей. Слуги хана, увѣряли насъ, что ключи у старой ханымъ.

Тогда мы по обязанности присяжныхъ туристовъ отправились обозрѣвать дворовое хозяйство ханымъ. Обозрѣвать въ сущности было ровно нечего, о чемъ совершенно честно предупреждалъ насъ ханскій челядинецъ. Въ углахъ двора стоятъ огромныя глиняныя бочки для воды въ формѣ кувшиновъ, прикрытыя сковородами; три здоровенные котла, вмазанные рядышкомъ въ низенькую печь, прямо на открытомъ воздухѣ, даже безъ навѣса, замѣняютъ собой кухню.

Около нея цистерна для дождевой воды, въ родѣ большой каменной купели, и глиняная пещерка для угля.

Работники и работницы живутъ въ кибиткахъ. Тамъ только войлоки, цѣновки и никакихъ вещей, — простота первобытная, вполнѣ туркменская. Около кибитокъ безчисленное множество собакъ, ошпаренныхъ, искалѣченныхъ, какая безъ уха, какая безъ глаза, какая безъ хвоста; эти благопріобрѣтенные пороки ихъ не мѣшали, однако, туркменскимъ псамъ отчаянно кидаться на насъ, съ нескрываемою цѣлью попробовать наши икры; по всей вѣроятности и они чуяли въ насъ кровныхъ враговъ своего племени.

Мы уже собирались уходить со двора, какъ вдругъ въѣхала во дворъ сама старая хозяйка; она сидѣла на конѣ по-мужски, настоящимъ джигитомъ, не хуже молодцовъ нукеровъ, которые ее провожали.

Старая ханымъ ловко соскочила съ сѣдла и поднялась на крыльцо. Ей уже сказали, что у нея во дворѣ русскіе гости; когда мы подошли къ ней, она привѣтствовала насъ, пожимая по-русски руку.

Видъ ея мнѣ сразу привелъ на память нашъ недавній визитъ къ Мурадъ-хану. Крупная, ширококостная, плечистая, она походила складомъ больше на мужчину, чѣмъ на женщину; и голосъ у нея былъ густой, грубый, привыкшій повелѣвать. Лицо ея было разительно монгольское: приплюснутый широкій носъ, далеко выпяченныя скулы и вмѣстѣ съ тѣмъ ярко-черные волосы безъ признака сѣдины. Одѣтая въ синій бархатный халатъ поверхъ полосатаго темно-лиловаго платья самодѣльнаго тканья, и обвязанная по головѣ, какъ чалмой, шелковымъ платкомъ въ яркихъ букетахъ, она и костюмомъ своимъ смахивала на здоровеннаго мужчину.

По-русски она не говорила, хотя нашъ извозчикъ и увѣрялъ, будто она отлично разговариваетъ по-русски, когда это нужно.

— Юсупъ-ханъ будетъ жалѣть, что вы его не нашли дома, онъ уже нѣсколько дней въ степи, барановъ рѣжетъ,—сказала она по-туркменски.

— Намъ это сказали ваши люди, и мы тоже очень жалѣемъ, что не видали такого знаменитаго человѣка среди туркменъ,— отвѣчали мы.

— У меня въ домѣ безпорядокъ, ничего не убрано, и я очень жалѣю, что не могу принять такихъ гостей. Я сама семь дней не была дома.

— Мы слышали, ханымъ, что у васъ ткутъ самые лучшіе ковры; мы желали бы посмотрѣть, какъ ихъ работаютъ, не покажете ли намъ?—спросилъ я.

— Теперь нѣтъ ковровъ въ работѣ, ковры всѣ окончены,— отговаривалась старая ханша, очевидно, не желавшая впустить насъ въ неубранный домъ и притомъ безъ приготовленнаго угощенія.

Ковры ея дѣйствительно славятся во всемъ Мервѣ. Намъ передавали, что за одинъ коверъ свой она проситъ 1.500 рублей, и что за него уже давали ей тысячу. Мы видѣли его потомъ въ Москвѣ на Средне-Азіятской выставкѣ, возвращаясь изъ своего

туркменскаго путешествія. Чуть ли и вправду онъ не былъ оцѣненъ тамъ въ 1.200 рублей.

Видя, что съ упрямою туркменкой ничего не подѣлаешь, мы простились съ нею и отправились дальше, долго еще бесѣдуя между собой объ этой оригинальной кочевой дамѣ.

Мнѣ невольно припомнился мѣткій отзывъ нашего извѣстнаго путешественника по Востоку Ег. П. Ковалевскаго, о пресловутомъ гостепріимствѣ туркменъ и подобныхъ имъ дикарей: «Гостепріимство кочевыхъ народовъ, говоритъ Ковалевскій,—существуетъ только въ воображеніи поэтовъ; оно еще соблюдается въ отношеніи къ магометанамъ единовѣрцамъ; но посѣщеніе чужевѣрца уже считается оскверненіемъ юрты и должно быть окуплено или дорогою платой, или плѣномъ непрошеннаго гостя».

Юсупъ-ханшу, будто въ насмѣшку, зовутъ Гуль-Джемалъ, что значитъ по-русски «роза тѣла». Вкусы туркмена должно-быть слишкомъ не требовательны, если даже эту черномазую плосконосую рожу онъ въ состояніи принимать за розу.

Замѣчательно, что самые родовитые и вліятельные туркмены, каковы Гуль-Джемалъ, Мурадъ-ханъ и др., сохранили въ своихъ лицахъ гораздо болѣе монгольства, чѣмъ, такъ-сказать, рядовые туркмены.

Монгольская раса, нахлынувшая на Среднюю Азію съ Чингисомъ и Тимуромъ, стала владыкой всѣхъ другихъ мѣстныхъ племенъ, поэтому немудрено, что главные роды ея поддерживали особенно заботливо чистоту своей крови, какъ самой, такъ-сказать, аристократической по понятіямъ завоевателя-дикаря. Вѣроятно, по той же причинѣ эти родовые вожди туркменъ отличаются богатырскимъ складомъ и огромнымъ ростомъ. Среди киргизовъ Ферганы я замѣтилъ потомъ совершенно то же. А монгольско-тюркскіе народы, кочевавшіе въ древности въ пустыняхъ теперешней Киргизіи за Сыръ-Дарьей и называвшіеся тогда общимъ именемъ скиѳовъ, саковъ и пр., еще во время походовъ Александра Македонскаго поражали грековъ своимъ громаднымъ

ростомъ, хотя нужно думать, что македоняне и эллины IV вѣка до Р. Хр. тоже не были особенно малорослы.

«Придутъ ко мнѣ хоразмяне, даги, сакіане, индѣйцы и живущіе за Дономъ (какъ называлась тогда рѣка Сыръ-Дарья) *Скифы изъ которыхъ нѣтъ ни одного столь маловозрастнаго, кому бы македоняне не по плечо были*», говоритъ у Курція Александръ, исчисляя свои шансы на побѣду.

Какъ бы то ни было, а богатырская туркменка Гуль-Джемалъ среди этой расы богатырей пользуется великимъ почетомъ и послушаніемъ, и голосъ ея на «маслагатахъ», то-есть на народныхъ совѣщаніяхъ ея роднаго колѣна Векиль, рѣшаетъ самые важные вопросы. Голосъ этотъ былъ настолько силенъ, что отворилъ намъ безъ боя ворота вольнолюбиваго Мерва и покорилъ никому не покорявшихся отчаянныхъ храбрецовъ мервскихъ текинцевъ, вопреки небольшой, но рѣшительной партіи войны, удалившейся поголовно въ пески при сдачѣ намъ Мерва.

Вообще, туземная женщина стоитъ очень высоко во мнѣніи туркменца. Она все умѣетъ, она все дѣлаетъ, она характеромъ, пожалуй, еще рѣшительнѣе, чѣмъ мужчина-туркменъ. Въ этомъ она совершенно похожа на киргизку, какъ я потомъ убѣдился; какъ киргизка, она не закрываетъ лица, участвуетъ на сходкахъ, смѣло ѣздитъ верхомъ. Во время взятія Скобелевымъ Денгиль-Тепе въ немъ сидѣло подъ выстрѣлами русскихъ пушекъ 23.000 текинскихъ женщинъ и ни одна изъ нихъ не захотѣла бѣжать, пока держалась крѣпость.

Напротивъ того, женщины ободряли мужчинъ на ночныя вылазки, посылали ихъ на стѣны и срамили трусовъ.

Нужно думать, что текинскія женщины могли-бъ и сражаться на коняхъ, а не только ѣздить на нихъ.

Недаромъ, въ древнія времена въ этихъ самыхъ пустыняхъ Азіи Македонскій герой встрѣтилъ женъ-воительницъ Амазонокъ.

«Ѳемистра, царица Амазонокъ, народъ которыхъ кочевалъ по степямъ Ѳемискирскимъ, прибыла къ Александру», разсказываетъ Квинтъ Курцій по поводу похода Александра черезъ Мар-

гіану. «У нея, какъ у всѣхъ Амазонокъ, лѣвая грудь только цѣла и обнажена, а правая для лука и дротиковъ обжигается».

Наивная откровенность и первобытная простота нравовъ этихъ кочевыхъ воительницъ далеко бы оставила назади даже нравы теперешнихъ текинокъ; когда Александръ спросилъ у царицы, не хочетъ ли она о чемъ-нибудь просить его, Өемистра отвѣчала ему, «что она прибыла для рожденія отъ него дѣтей, и что она достойна, отъ которой бы ему родить наслѣдниковъ государства. Женскій полъ она у себя удержитъ, а мужской отцу отошлетъ»; она «неотступно просила, чтобъ ей праздною отъ него не возвратиться. Царица больше имѣла охоты къ плотскому совокупленью, нежели Александръ, однакоже нѣсколько времени простоять для нея принужденъ былъ. 30 дней употреблено къ исполненію желанія ея: потомъ она въ свое царство, а Александръ къ Пареіану поѣхалъ».

Курцій прибавляетъ вд видѣ поясненія не совсѣмъ галантнаго поведенія славнаго полководца: «Александръ содержалъ при себѣ 360 наложницъ, сколько у Дарія было, и множество евнуховъ, которые тоже служили къ удовлетворенію его любострастія».

Мервскій оазисъ протягивается всего на 60 верстъ въ длину и на 60 же верстъ въ ширину. Строго говоря, это даже не оазисъ, а только искусственно-орошенная часть огромной лессовой равнины, которая тянется къ сѣверу отъ Хоросана и Афганистана, отдѣленная отъ береговъ Аму-Дарьи необозримымъ моремъ Кара-Кума и другихъ сыпучихъ песковъ.

Каналы, которые, смотря по характеру, своему, носятъ здѣсь самыя разнообразныя названія, и арыковъ, и «ябовъ», и «но-у-хана», и «керизовъ»,—составляютъ живую душу этой омертвѣвшей отъ солнца страны.

Каналы создали здѣсь поля и сады, и жилища человѣка. Гдѣ изсыхаетъ каналъ, тамъ наступаетъ смерть, оттуда исчезаетъ всякая зелень, всякій плодъ, всякая человѣческая жизнь, и остаются однѣ развалины.

Весь многоводный Мургабъ-Дарья, текущій съ горъ Парапамиза, разбирается мервцами на эти безчисленные каналы и арыки и, не будучи уже въ силахъ одолѣть своимъ ослабѣвшимъ потокомъ сплошной пустыни песковъ, теряется на ея широкой груди чуть не сотнями мелкихъ рукавовъ.

Громадная плотина Коушутъ-ханъ-Бендъ встрѣчаетъ воды Мургаба при ихъ входѣ въ Мервскій оазисъ и сейчасъ же дѣлитъ ихъ на двѣ равныя половины, по двумъ главнымъ подраздѣленіямъ племени, направляя лѣвую половину водъ по большому Утемышскому каналу въ аулы родовъ Утемышъ, а правую по такому же большому Тохтамышскому каналу въ землю Тохтамышцевъ.

Уже изъ этихъ большихъ каналовъ каждое колѣно отводитъ свой меньшій каналъ, меньшіе каналы, въ свою очередь, дробятся на еще меньшіе арыки, по отдѣльнымъ родамъ, дальше по ауламъ, по семьямъ и т. д.

Цѣлая хитросплетенная сѣть оросительныхъ каналовъ охватываетъ и перерѣзываетъ такимъ образомъ Мервскій оазисъ, который подъ жгучими лучами южнаго солнца, постоянно пропитываемый влагой, выгоняетъ изъ плодоносной почвы растительность чуть не тропической силы.

Самыя драгоцѣнныя растенія дальняго юга могли бы культивироваться въ этой естественной теплицѣ, если бы къ ней приложила свою чудотворную руку европейская промышленность.

Оттого-то на этомъ маленькомъ оазисѣ населеніе сравнительно очень густо. Мѣстные изслѣдователи считаютъ мервскихъ текинцевъ въ 50,000 кибитокъ, а такъ какъ на каждую кибитку предполагается среднимъ счетомъ по меньшей мѣрѣ 5 душъ, то всѣхъ Мервцевъ наберется до 250,000, если не больше.

Ахалъ-текинцевъ считается нѣсколько менѣе, до 30,000 кибитокъ, а всѣхъ вообще туркменовъ различныхъ племенъ и колѣнъ въ Закаспійской области найдется милліона полтора.

Кромѣ племеннаго различія текинцевъ отъ сарыковъ, алилей отъ эрсари, іомудовъ отъ гоклановъ и т. п., каждое туркмен-

ское племя раздѣляется еще на кочевыхъ и осѣдлыхъ, иначе, пастуховъ и пахарей, по-туркменски чорва и чомуръ. Скотоводы чорва—богаче чомуръ, но болѣе дики и грубы, чѣмъ они, чомуръ же гораздо воинственнѣе и храбрѣе чорвы, хотя это и не совсѣмъ вяжется съ понятіемъ о болѣе цивилизованной и осѣдлой жизни. Всѣ аламаны въ Персію, Хиву, Бухару, всѣ хищничества туркменъ на Каспіи издавна затѣвались главнымъ образомъ чомурами, для которыхъ разбой составлялъ открытый и всѣми высокочтимый промыселъ.

Но изо всѣхъ аламанщиковъ самыми дерзкими, самыми набалованными и, можно сказать, самыми непобѣдимыми по справедливости считались мервцы.

Они хозяйничали какъ хотѣли по всѣмъ караваннымъ дорогамъ, ведущимъ черезъ пустыню изъ Герата и Мешеда въ Хиву и Бухару.

Они держали въ трепетѣ персидскихъ намѣстниковъ Хоросана и смѣялись надъ угрозами Бухарскаго эмира.

Они до того вѣрили въ свою непобѣдимость, до того надѣялись на страхъ, внушаемый ими окрестнымъ народамъ, а, можетъ быть, и на удаленность свою отъ всѣхъ сосѣднихъ государствъ, что даже не считали нужнымъ устраивать въ своей странѣ, какъ дѣлали это текинцы ахала и другіе туркмены,—неизбѣжныя въ этой вѣчно воюющей мѣстности крѣпостцы.

Во всемъ мервскомъ оазисѣ вы не встрѣтите ни одной глиняной калы, которыя такъ мозолятъ вамъ глаза вездѣ въ Закаспійскомъ краѣ.

Мервъ-теке, какъ древніе спартанцы, въ собственной груди своей видѣли достаточно могучую твердыню для защиты родной земли. Только одно большое укрѣпленіе Коушутъ-ханъ-кала, теперешняя русская крѣпость Мерва, было построено ими въ тревожную минуту, когда неожиданное взятіе русскими Хивы въ 1873 году какъ громомъ поразило всѣ народы Средней Азіи.

Да надобно сказать, что и уроки, которые мервцы задавали

окрестнымъ азіатскимъ царствамъ, были таковы, что ихъ трудно было скоро забыть.

Еще не особенно давно, всего только въ 1861 году, Персіяне, потерявъ всякое терпѣніе отъ ихъ наглыхъ набѣговъ, собрали наконецъ большую армію въ 23,000 человѣкъ регулярнаго войска, съ 33 орудіями, и рѣшились двинуться на Мервъ, чтобы разорить съ корнемъ это разбойничье гнѣздо. Но мервцы расколотили въ пухъ это грозное ополченье, почти вся персидская армія со всѣми своими пушками и знаменами была захвачена текинцами въ плѣнъ; успѣла ускакать только часть конницы. На базарахъ Хивы и Бухары долго послѣ этого персидскіе рабы продавались, какъ говорится, дешевле пареной рѣпы, по 7 руб. 50 коп. за штуку.

А между тѣмъ Мервъ, это неисправимое разбойничье гнѣздо, оберегалось англичанами отъ посягательства русскихъ, будто какая-то святыня азіатской свободы, еще задолго до занятія русскими Мерва. Нужно отдать справедливость англичанамъ,— они предусмотрительные, ловкіе и твердые политики. Въ дѣлахъ, гдѣ замѣшаны ихъ интересы, они дѣйствуютъ безо всякой сантиментальности и колебаній, и всѣ дѣйствія своихъ сосѣдей разсматриваютъ только съ точки зрѣнія своихъ собственныхъ выгодъ и невыгодъ.

Англійскіе государственные люди всѣхъ партій въ этомъ отношеніи совершенно одинаковы, и если гдѣ-нибудь Гладстонъ, въ роли вождя оппозиціи, страстно нападаетъ на ту или другую мѣру внѣшней политики своего правительства, то тотъ же Гладстонъ, самъ сдѣлавшись премьеромъ, не задумается продолжать относительно Индіи или Арменіи образъ дѣйствій своего низвергнутаго противника Беконсфильда или Солсбери. Эта твердость политическихъ взглядовъ государственныхъ людей Англіи придаетъ необыкновенную силу и выдержанность англійской внѣшней политикѣ и во многомъ объясняетъ ея постоянные

успѣхи среди шаткихъ и измѣнчивыхъ направленій политики другихъ народовъ, съ которою ей приходится имѣть дѣло.

Извѣстный знатокъ Азіи сэръ-Генри-Раулинсонъ, собственно говоря, былъ и до сихъ поръ остался главнымъ вдохновителемъ англійской политики послѣднихъ десятилѣтій по отношенію къ Средне-Азіатскому вопросу.

Несмотря на ученый авторитетъ знаменитаго президента Лондонскаго Королевскаго Географическаго Общества сэръ-Родерика Мурчисона, лично посѣтившаго наши средне-азіатскія владѣнія, и настойчиво утверждавшаго, что всѣ опасенія русскаго нашествія на Индію чистая химера; несмотря на успокоительное отношеніе къ русскимъ завоеваніямъ въ Средней Азіи сэръ-Стаффорда Нордскота, занимавшаго въ то время отвѣтственный постъ статсъ-секретаря по индійскимъ дѣламъ, записка сэръ-Генри Раулинсона, появившаяся въ 1868 году и исполненная самаго откровеннаго недовѣрія къ цѣлямъ и дѣйствіямъ нашей средне-азіатской политики, стала основнымъ догматомъ англійскихъ государственныхъ людей въ вопросахъ Индіи и Средней Азіи, какъ вполнѣ отвѣчавшая всегдашнему враждебному настроенію англійскаго общества къ правительству Россіи.

Сэръ-Генри Раулинсонъ предугадалъ многое, что̀ совершилось впослѣдствіи по неотразимому роковому теченію вещей.

Онъ еще въ 1868 году предсказывалъ, что дни Кокана, Бухары и Хивы, тогда еще вполнѣ независимыхъ и сильныхъ ханствъ, сочтены; что Россія неизбѣжно доведетъ свои границы до древняго Оксуса (Аму-Дарьи), и что поэтому Англія должна немедленно утвердить свое господство въ Афганистанѣ, если не хочетъ дождаться, чтобъ и Кабулъ подпалъ русскому вліянію также, какъ Бухара и Хива.

Сэръ-Раулинсонъ даже указалъ приблизительныя линіи постепенныхъ русскихъ захватовъ, которыя онъ довольно удачно сравнилъ съ параллелями, послѣдовательно закладываемыми противъ осажденной крѣпости.

Первая параллель, по его мнѣнію, была уже проведена раньше,

черезъ Оренбургъ къ Иртышу; вторая пройдетъ отъ Каспійскаго моря черезъ Красноводскъ къ Оксусу до Памирскаго плоскогорія, что приблизительно и соотвѣтствовало границамъ русской власти до туркменскаго похода 1880 года. Третья параллель, по предсказаніямъ Раулинсона, должна была пройти отъ города Астары по персидской границѣ до Герата и оттуда до Оксуса, то-есть, почти по дѣйствительной теперешней границѣ русскихъ владѣній, со времени присоединенія ахалъ-текинскаго и мервскаго оазисовъ и теченій рѣкъ Мургаба и Герируда.

«Тогда будетъ неизбѣжно занятіе Мерва, и эта операція дастъ Россіи ключъ къ Индіи», заключалъ Раулинсонъ свои пророчества.

Въ отвращеніе опасностей, указываемыхъ этою политическою Кассандрой, и въ исполненіе его предусмотрительныхъ совѣтовъ, англичане дѣйствительно заняли безъ малѣйшаго права и повода городъ Кветту, довели до отчаянной и, конечно, въ концѣ концовъ несчастной войны афганскаго эмира Ширъ-али, и вообще начали послѣдовательно примѣнять къ Афганистану и Средней Азіи ту наглую и рѣшительную политику свою, которую англійскіе торіи окрестили именемъ highly-spirited (высоконастроенною) и въ которой оказался такимъ виртуозомъ ихъ премьеръ-Еврей-Дизраэли.

По мирному договору съ Якубъ-ханомъ, наслѣдникомъ Ширъ-Али, Афганистанъ перестал быть самостоятельнымъ государствомъ, а обратился почти въ вассала англійскаго вице-короля Индіи, платившаго за то эмиру по 2.000,000 рублей въ годъ такъ называемой субсидіи.

Къ сожалѣнію, наша дипломатія въ Средне-Азіатскомъ вопросѣ далеко не отличалась смѣлостью и послѣдовательностью. Въ то время, какъ Англія дерзко вмѣшивалась въ дѣла, касавшіяся исключительно насъ, и постоянно требовала отъ насъ ни на чемъ не основанныхъ гарантій, обѣщаній и обязательствъ, наши дипломаты не рѣшались обмолвиться словомъ по поводу самыхъ дерзкихъ захватовъ и притязаній сосѣдки и, словно при-

знавая за Россiей какую то дѣйствительную вину противъ Англiи, какое то дѣйствительное нарушенiе ея законныхъ правъ, въ своихъ меморандумахъ, циркулярахъ и нотахъ почему то связывали себя по рукамъ и ногамъ разными «нейтральными поясами», «государствами-буферами», добровольными отказами отъ сношенiй съ азiатскими сосѣдями, обѣщанiями не идти дальше такой-то мѣстности, не касаться такого-то ханства, и т. п.

Система эта дошла до того, что мы согласились понимать *нейтралитетъ независимаго Афганистана»* въ томъ смыслѣ, что англiйскiе офицеры получали право посѣщать Кабулъ, а русскiе не смѣли этого дѣлать, точно такъ же мы не смѣли вести дипломатическiя сношенiя съ этимъ *самостоятельнымъ* государствомъ, лежавшимъ на нашихъ границахъ, а англичане, конечно, смѣли сугубо и исключительно. Мало того, мы вдругъ депешей князя Горчакова отъ 12 января 1873 г. любезно увѣдомляли англичанъ, единственно по ихъ настойчивому требованiю, что *Россiя согласна на присоединенiе къ Афганистану* почти независимыхъ до того ханствъ Бадахшана и Вакхана, лежавшихъ по теченiю Аму-Дарьи, въ то время какъ Аму-Дарья уже дѣлалась черезъ наши туркестанскiя завоеванiя и хивинскiе походы естественною границей добытыхъ русскою кровью вассальныхъ владѣнiй нашихъ.

Немудрено, что набалованные уступчивостью нашей дипломатiи англiйскiе политики смотрѣли на возможность занятiя русскими туркменскаго разбойничьяго становища—Мерва, какъ на посягательство противъ драгоцѣннѣйшихъ правъ Англiи, и предостерегали насъ отъ этого «*преступнаго шага*» за много лѣтъ до совершившагося присоединенiя Мерва.

Никому прежде въ Англiи невѣдомый аулъ Мервъ въ нѣсколько сотенъ глиняныхъ мазанокъ и кибитокъ сталъ въ воображенiи англiйской публики чуть не знаменитымъ и могущественнымъ городомъ, о которомъ страстно судили и рядили во всѣхъ салонахъ Лондона, и который сдѣлался предметомъ усиленныхъ тревогъ для индiйскаго правительства. Можно себѣ

представить, какимъ голосомъ заговорила Англія, когда въ 1884 году увидѣла вдругъ русскихъ на Мургабѣ, владѣтельницѣ роковаго «ключа отъ Индіи». Если бы не дѣло подъ Кушкой, мужественно разрубившее наконецъ сложный узелъ, напутанный дипломатіей, и заставившее громомъ своихъ пушекъ опомниться Англію,—кто знаетъ, какія бы дипломатическія извиненія не приносили мы ей до сихъ поръ и за взятіе Мерва, и за дерзость своего дальнѣйшаго движенія къ Пенде...

Страхи предъ нашествіемъ Россіи на Индію начались впрочемъ, давно. Апокрифическое завѣщаніе Петра Великаго появилось еще въ XVIII столѣтіи съ легкой руки кавалера Д'Эона, и изобрѣтеніе его, безъ сомнѣнія, было основано на тѣхъ изысканіяхъ, которыя Петръ поручалъ дѣлать посылаемымъ на Востокъ агентамъ, заботясь объ установленіи прямыхъ торговыхъ сношеній съ Индіей.

Императоръ Павелъ I далъ нѣкоторую пищу этому давнему политическому предразсудку, замысливъ дѣйствительно экспедицію въ Индію. Въ 1800 году онъ составилъ планъ завоевать Индію въ союзѣ съ Наполеономъ. Россія и Франція должны были для этого выставить каждая по 35.000 войска. Походъ долженъ былъ совершиться не черезъ туркменскія или киргизскія пустыни, а черезъ Каспійское море и Астрабадъ на Гератъ, Сераксъ и Кандагаръ, населенными странами, гдѣ можно было достать всякое продовольствіе, и дорогой, давно уже пробитою древними завоевателями. Убѣждая Наполеона въ осуществимости этого похода, императоръ Павелъ ссылался на нашествіе этимъ путемъ изъ Индіи на Персію Надиръ-шаха въ 1738 и 1740 годахъ.

Между Астрабадомъ и рѣкой Индомъ считалось по этому маршруту 45 дней пути и предполагалось, что попутныя государства не станутъ препятствовать движенію, если ихъ заранѣе успокоить обѣщаніемъ все покупать въ ихъ странѣ за деньги, никого и ничего не трогать, и объявить цѣлью похода не за-

воеваніе, а только освобожденіе Индіи отъ англичанъ. Какъ ни фантастиченъ могъ показаться тогда Наполеону этотъ планъ похода по слѣдамъ Александра Македонскаго, но опытъ позднѣйшихъ русскихъ походовъ вглубь Азіи, кажется, могъ убѣдить всякаго, что смѣлая мысль Павла была въ сущности гораздо исполнимѣе, чѣмъ это представлялось великому французскому полководцу.

Не успѣвъ втянуть Наполеона въ эти планы свои, Павелъ I, особенно раздраженный на англичанъ за ихъ дѣйствія относительно ордена Мальтійскихъ рыцарей, гроссмейстеромъ котораго онъ состоялъ, посылалъ зимой 1801 года довольно безразсудную экспедицію въ Индію изъ однихъ донскихъ казаковъ подъ предводительствомъ наказнаго атамана Орлова и притомъ не тѣмъ путемъ, который онъ такъ благоразумно избралъ въ прежнемъ планѣ своемъ, а черезъ голодныя, безлюдныя и безводныя степи Оренбурга, Бухары и Хивы, не снабдивъ эту скороспѣлую экспедицію ни точными маршрутами, ни необходимыми походными средствами. Орлову только приказано было идти къ Инду, а съ Инда на Гангъ «и вездѣ уничтожать заведенія англичанъ».

Нѣтъ сомнѣнія, что вѣрныя дружины удалыхъ казаковъ. безропотно исполнявшія царскую волю, погибли бы всѣ безъ остатка, далеко не достигнувъ указанной имъ цѣли, еслибы внезапная смерть императора Павла въ ночь на 12 марта того же 1801 года не остановила похода, и казаки, уже испытавшіе страшныя бѣдствія, не были вернуты назадъ новымъ императоромъ.

VIII.

На развалинахъ древняго Меру.

Развалины Стараго Меру начинаютъ уже давно охватывать насъ и справа, и слѣва, и спереди своими неисчислимыми каменными полчищами. Тутъ храмы, замки, башни, стѣны, дома, ворота... Не городъ, а цѣлая стѣна городовъ, сокрушенныхъ во

прахъ... Казалось, мы въѣзжали все глубже и глубже въ полукругъ, занимавшій горизонтъ, а теперь уже конца края не видимъ этимъ развалинамъ: онѣ охватили насъ, какъ воды моря, сзади и со всѣхъ сторонъ...

Государево имѣніе «Байрамъ-Али» занимаетъ одинъ изъ уголковъ этого колоссальнаго поля смерти. Отъ станціи желѣзной дороги оно въ нѣсколькихъ шагахъ. Цѣлый хорошенькій городокъ бѣлокаменныхъ построекъ сверкаетъ весельемъ молодости и новизны среди весенней зелени, на фонѣ голубаго неба. Зданія все обширныя, капитальныя, слегка въ мѣстномъ персидскомъ стилѣ, съ господствующимъ надо всѣмъ серединнымъ фронтономъ, съ тѣнистыми галлереями, арками, плоскими крышами, обнесенными красивою рѣшеткой. Вездѣ молодыя древесныя насажденія на огромныхъ пространствахъ, сады, виноградники, аллеи, плантаціи, журчащія канавы.

Позавтракавъ и напившись чаю, мы отправились познакомиться съ управляющимъ имѣніемъ полковникомъ К—скимъ, живущимъ въ одномъ изъ этихъ прекрасныхъ, окруженныхъ зеленью, домовъ. Полковника, однако, не захватили дома, — онъ объѣзжалъ верхомъ свою экономію, и насъ направили пока въ другой хорошенькій домъ, къ его помощнику, капитану З—ша. Тутъ все военные чины и во всемъ военная дисциплина, единственно пригодная пока въ этомъ воинственномъ краѣ.

Мы познакомились по превосходнымъ фотографическимъ картинамъ капитана съ подробностями работъ на Султанъ-Бендской плотинѣ и получили отъ него обѣщаніе устроить намъ поѣздку въ самыя интересныя мѣста развалинъ Стараго Мерва. Что касается до пресловутой плотины инженера Козелъ-Поклевскаго, уже замѣненнаго теперь другимъ техникомъ, то она оказалась, во-первыхъ, верстъ за шестьдесятъ отъ имѣнія, а, во-вторыхъ, въ ней нечего было теперь смотрѣть, потому что вода Мургаба вымыла непрактично устроенные, хотя и дорого стоившіе водосливы плотины и ушла вмѣстѣ съ ними въ старое русло рѣки; новыхъ же работъ на ней еще не производилось.

Говорятъ, г. Козелъ-Поклевскій впалъ въ крупную ошибку, сдѣлавъ свои предположительные разсчеты на возможность обводненія громаднаго пространства въ нѣсколько сотъ тысячъ десятинъ не по наблюденіямъ надъ дѣйствительнымъ количествомъ воды въ Мургабѣ, а по тому только остроумному соображенію, что Старый Мервъ, развалины котораго занимаютъ нѣсколько десятковъ квадратныхъ верстъ, долженъ былъ имѣть нѣкогда населеніе въ нѣсколько сотъ тысячъ душъ, которое все питалось тогда пересохшими теперь арыками Мургаба.

Мѣстные жители, особенно персы, удивительно искусны въ дѣлахъ орошенія и запрудъ. Съ ними въ этомъ отношеніи не можетъ сравниться ни одинъ нашъ ученый инженеръ. Ихъ знанія или, вѣрнѣе, чутье, какъ обращаться съ водой, — наслѣдіе тысячелѣтій, еще отъ временъ какихъ-нибудь бактрійцевъ. Здѣсь, въ Азіи, необходимо было прислушаться къ ихъ вѣскому голосу и руководиться ихъ многовѣковымъ опытомъ, прежде чѣмъ рисковать примѣнять теоретическія положенія науки къ мало изслѣдованнымъ условіямъ мѣстности и климата. Вѣдь тѣ же самые персы или туркмены строили старую плотину Бенди-Султанъ, которая спокойно просуществовала многіе вѣка и была разрушена не стихіями, а руками бухарскаго эмира Масума, всего только въ 1784 году, въ наказаніе за несносные набѣги кочевниковъ.

Капитанъ З—ша любезно проводилъ насъ къ г. Ч—ву, завѣдующему садоводственною частью Государева имѣнія. Ч—въ оказался добродушнѣйшимъ хохломъ и притомъ коллегой моимъ по харьковскому университету, хотя и много позднѣе меня; онъ въ одно и то же время юристъ харьковскаго университета и магистръ ботаники новороссійскаго университета.

Вмѣстѣ съ нимъ и молодою женой его мы добросовѣстно выходили интересныя плантаціи молодыхъ деревьевъ, разводимыхъ имъ здѣсь, можно сказать, въ колоссальныхъ размѣрахъ. Тутъ, кажется, соединились всѣ благопріятныя условія для успѣха дѣла:

чудодѣйственная сила зелени и солнца, искусство и настойчивость человѣка, — и широкія денежныя средства. Уже цѣлыхъ пятьдесятъ десятинъ готовыхъ древесныхъ питомниковъ доставляютъ молодые саженцы въ разные углы Туркменіи и Туркестана, а теперь ихъ доводятъ до ста десятинъ. Нельзя представить себѣ, гдѣ могутъ найти сбытъ въ этихъ полудикихъ странахъ такія массы молодыхъ деревьевъ. Положимъ, въ Туркменіи все по военному, и съ жителями не очень церемонятся. Прикажетъ генералъ-губернаторъ сажать вездѣ въ аулахъ, по дорогамъ, по арыкамъ бѣлую акацію или айлантъ, или какое-нибудь другое невиданное кочевниками дерево, ну и сажаютъ всѣ безъ разсужденій, накупая деревца въ питомникѣ сколько какому аулу приказано. Аксакалы знаютъ, чтó имъ будетъ, если не будетъ исполненъ во всей строгости приказъ грознаго командира края. Знаютъ это еще лучше начальники уѣздовъ. Улицы и площади городовъ засаживаются точно также обязательно и точно также безъ дальнихъ разговоровъ. Кромѣ того, много молодыхъ деревьевъ требуется въ разныя области Туркестанскаго края.

Такимъ способомъ уже раскуплено изъ питомниковъ Байрамъ-Али до 770.000 деревьевъ. Нельзя не признать великой заслуги этихъ благодѣтельныхъ насадителей дерева въ пустыняхъ Туркменіи, въ царствѣ зноя, песковъ и засухи. Если гдѣ можетъ быть и должна быть оправдана строгость власти, то именно здѣсь. Сами туркмены благославляютъ и всегда будутъ благославлять властительную руку, которая, хотя и помимо воли ихъ, дастъ прохладу ихъ жилищамъ, отраду ихъ глазу, а вмѣстѣ съ тѣмъ вкусный плодъ и даровой строительный матеріалъ.

Мнѣ разсказывали въ Асхабадѣ, что за девять мѣсяцевъ управленія генерала Куропаткина онъ насадилъ въ области 80.000 деревьевъ.

Громадные питомники Байрамъ-Али содержатся превосходно; вездѣ все вскопано и полито, вездѣ тщательно раздѣленныя узенькія грядочки и отрадно журчащая вода арыковъ, доходящая, можно сказать, до каждаго корешка. Персики, три года

назадъ посѣянные, уже смотрятъ большими деревьями и покрыты плодами; трехлѣтняя виноградная лоза гнется отъ гроздей; еще только апрѣль, а уже абрикосы почти спѣлые. Подборъ растеній въ этихъ образцовыхъ плантаціяхъ самый интересный. Тутъ вы найдете не только миндаль, грѣцкій орѣхъ, разныя породы ясени и акацій, но и деревья многихъ рѣдкихъ породъ изъ Китая, Индіи, Мексики. Мандарины и евкалиптусъ тутъ растутъ рядомъ съ нашими обыкновенными лѣсными породами. А между тѣмъ морозы тутъ бываютъ довольно жестокіе; въ нынѣшнюю зиму доходило до 25°, и множество южныхъ растеній погибло. Отъ того-то, вѣроятно, у мѣстныхъ жителей, несмотря на жаркій климатъ и тучную почву, такъ мало разводится всякихъ растеній. Въ этомъ отношеніи широкое и разнообразное садоводство Байрамъ-Али является въ высшей степени поучительнымъ опытомъ и ободряющимъ примѣромъ для туркменъ.

При садовыхъ заведеніяхъ Байрамъ-Али находится и хорошо устроенная метеорологическая станція, постоянно слѣдящая за климатическими явленіями этой новой для насъ мѣстности. Сады и плантаціи Байрамъ-Али, конечно, всѣ орошаются водой арыковъ, для подъема которой устроены вблизи экономіи огромныя черпальныя колеса съ ковшами. Безъ искусственнаго орошенія здѣшняя почва—безплодный кусокъ камня. А въ этихъ странахъ вода значитъ все: плодородіе, доходъ, богатство.

Впрочемъ, пока Байрамъ-Али еще весь въ будущемъ, а затрачиваемыя на него крупныя средства кладутся пока какъ фундаментъ для предполагаемыхъ доходовъ грядущихъ лѣтъ. Настроено много и красиво, служащихъ уже собралось достаточно много, и они, кажется, не могутъ жаловаться на свое положеніе; но настоящаго хозяйства еще не заведено. Скотъ и лошади держатся только для потребностей служащихъ и рабочихъ, посѣвы тоже производятся только на удовлетвореніе собственныхъ нуждъ экономіи. Насколько оправдаются всѣ эти затраты и хлопоты—увидятъ тѣ, кто этого дождется.

Мы отправились на объѣздъ развалинъ со своимъ мервскимъ извозчикомъ въ томъ же фаэтонѣ, въ которомъ пріѣхали. Насъ провожалъ въ качествѣ хозяина этой исторической пустыни любезный капитанъ З—ша. Полковникъ К—скій прислалъ намъ, кромѣ того, ловкаго джигита, отлично знающаго здѣсь всякій камешекъ, и гостепріимное приглашеніе отобѣдать въ его семьѣ по возвращеніи изъ поѣздки.

Развалины Стараго Мерва, или Куня-Мерва, какъ называютъ его текинцы, — это цѣлая страна. Намъ говорили, что онѣ тянутся въ одну сторону на 32 версты, въ другую на 28, а нѣкоторые увѣряютъ, что онѣ занимаютъ пространство въ 100 квадратныхъ верстъ. Я готовъ вѣрить и тому, и другому, потому что сколько часовъ ни ѣдешь по нимъ, все никакъ не выѣдешь, и все видишь ихъ на необозримое пространство направо и налѣво, впереди и сзади себя. Даже на другой день, когда мы покидали Байрамъ-Али уже въ вагонѣ желѣзной дороги и неслись, такъ сказать, на крыльяхъ пара, а не трусили лошадиною рысцой,—и то эти безчисленныя обрушившіяся башни, стѣны, дома провожали насъ очень долго по сторонамъ дороги.

Развалины Стараго Мерва тянутся, однако, не сплошь, а гнѣздами. Это цѣлый лабиринтъ разрушенныхъ крѣпостей, замковъ, городковъ, между которыми нерѣдко ѣдешь изрядно-большими пустырями, не сохранившими на себѣ никакихъ слѣдовъ человѣческаго жилья.

Огромная крѣпость, носящая названіе Байрамъ-Али-Ханъ-Кала и давшая имя пріютившемуся около имѣнію Государя, находится очень близко отъ него и отъ станціи желѣзной дороги. Высокія слегка зубчатыя стѣны его, со множествомъ четырехугольныхъ и круглыхъ башенъ, охватывающія огромное пространство, хорошо уцѣлѣли почти на всемъ протяженіи. Онѣ глинобитныя, какъ и всѣ почти здѣшнія укрѣпленія. Видъ этой крѣпости очень оригиналенъ и живописенъ. Ея стѣны и башни спалзываютъ и поднимаются по всѣмъ изгибамъ холмистой пескомъ занесенной

мѣстности, представляя собою при каждомъ поворотѣ самые романтическіе пейзажи.

Ворота, входъ — это главное средоточіе и главная красота средне-азіатскаго зодчества, которое вѣрнѣе всего назвать персидскимъ. Персія среди разныхъ Туркменій и Бухарій всегда была своего рода изящною и цивилизованною Италіей среди грубыхъ европейскихъ государствъ прежнихъ вѣковъ. Ея искусство, ея языкъ, ея поэзія и нравы всегда служили сосѣднимъ съ нею магометанскимъ ханствамъ Средней Азіи недосягаемыми образцами для подражанія.

А персидскій стиль храма, дворца, —это входной фронтонъ колоссальной величины, подавляющій и заслоняющій собою все зданіе, вѣрнѣе, воплощающій его въ себѣ. Вся изысканная роскошь, вся замысловатая фантазія чувственнаго и изнѣженнаго персидскаго Востока, во многомъ уже не похожаго на суровую и упорную страстность Востока арабскаго, сосредоточивается въ сверкающихъ яркими красками и затѣйливыми узорами украшеніяхъ этихъ гигантскихъ фронтоновъ. Поэтому и ворота городовъ персидскаго стиля всегда бываютъ особенно грандіозны и красивы.

Въѣздныя ворота въ Байрамъ-Али-Ханъ-Кала помѣщаются въ толщѣ цѣлаго укрѣпленнаго замка съ бойницами и башнями, сохранившагося довольно хорошо и такого живописнаго, что было невозможно проѣхать мимо не набросавъ его въ свой путевой альбомъ.

Все пространство, охваченное стѣнами, покрыто развалинами домовъ и башенъ; онѣ торчатъ среди собственныхъ обломковъ, наваленныхъ вездѣ сплошными курганами, будто скелеты, поднявшіеся изъ своихъ могилъ.

Дворецъ Байрамъ-Али сохранился лучше всѣхъ остальныхъ построекъ крѣпости. Онъ глубоко ушелъ въ землю, потому что развалины и его самого, и окрестныхъ строеній, въ перемежку съ песками пустыни, наросли кругомъ него мощными слоями толщиной въ нѣсколько саженъ.

Не знаю, точно ли это дворецъ, какъ величаютъ его туземцы;

своею архитектурой онъ скорѣе напоминаетъ мечеть: такой же, какъ на мечетяхъ, круглый куполъ изъ изящныхъ маленькихъ кирпичиковъ, такая же восьмиугольная срединная башня подъ этимъ пологимъ куполомъ, съ островерхими амбразурами оконъ, съ примыкающими къ ней спереди и сзади огромными входными арками двухъ фронтоновъ...

Мы спустились въ темную внутренность этого дворца-храма, словно въ подземную пещеру, по осыпямъ заваливших его обломковъ. Тамъ то же впечатлѣніе мечети: центральная зала съ высокимъ круглымъ сводомъ и отъ нея въ стороны комнатки, ниши, проходы, подъ маленькими круглыми сводиками. Чуть замѣтные обрывки голубыхъ изразцовъ, каменныхъ узорчатыхъ арабесковъ, когда-то сплошь украшавшихъ эти покои, — еще торчатъ кое-гдѣ на стѣнахъ и сводахъ...

Имя Байрамъ-Али-Хана еще очень живо среди туркменъ. Это былъ храбрецъ, смѣло и удачно отбивавшійся отъ бухарскихъ полчищъ въ своей глиняной крѣпости. Съ 700 отборныхъ воиновъ онъ долго выдерживалъ бой противъ побѣдоноснаго бухарскаго эмира Шахъ-Мурада. Бухарцы напали разъ на Мервъ въ отсутствіе Байрамъ-Али. Въ Мервѣ оставались однѣ жены и дочери, всѣ мужчины ушли въ походъ съ храбрымъ ханомъ. Тогда удалыя туркменки сами сѣли на коней, взяли въ руки оружіе и бросились на бухарцевъ. Узбеки, воображая, что это вернулся и ударилъ на нихъ Байрамъ-Али, разбѣжались въ паническомъ страхѣ.

Старинная кирпичная кладка видна не въ одномъ дворцѣ и не въ однихъ воротахъ и замкахъ Байрамъ-Али. Большинство его простыхъ домовъ, лежащихъ въ развалинахъ, очевидно были сначала тоже кирпичными и потомъ были разрушены и надстроены сверху глиной или сырцовымъ кирпичомъ. Оттого-то такъ часто видишь нижніе ярусы изъ кирпича, а верхніе глинобитные, какъ всѣ обычныя небогатыя постройки туркменъ, персіянъ и бухарцевъ...

При самомъ бѣгломъ обзорѣ этого разрушеннаго города, безо-

вся ихъ историческихъ справокъ, уже сразу видишь, что здѣсь одна какая-то цивилизація наслѣдовала другой, и притомъ наслѣдница гораздо болѣе невѣжественная и скудная, чѣмъ ея предшественница. Мнѣ невольно вспомнилось, глядя на эти двусоставныя постройки, остроумное изреченіе современниковъ императора Павла по поводу надстройки имъ кирпичомъ начатаго Екатериной 2-ю мраморнаго основанія Исаакіевскаго собора:

„Вотъ памятникъ, двумъ царствіямъ приличный:
Низъ мраморный, а верхъ кирпичный...“

Выѣзжаешь изъ крѣпости Байрамъ-Али другими воротами характернаго персидскаго стиля, между двухъ коническихъ башенъ, еще болѣе изящныхъ и живописныхъ, чѣмъ въѣздныя ворота.

Сложены эти ворота удивительно искусно и красиво изъ превосходно выжженныхъ тонкихъ кирпичиковъ, будто узоръ, сплетенный изъ какой-нибудь каменной тесьмы. Голубыя фаянсовыя кафли, когда-то облицовывавшія ихъ, теперь уцѣлѣли только кое-гдѣ, въ видѣ грустнаго воспоминанія о прежнемъ величіи.

Изъ лощины, гдѣ прячутся выѣздныя ворота, вы попадаете въ неохватный мертвый городъ. Развалины домовъ, каравансараевъ, базаровъ, бань, отдѣльныхъ укрѣпленныхъ зàмковъ — тѣсными дружинами толпятся на вашемъ пути и уходятъ вдаль со всѣхъ сторонъ, куда только хватаетъ глазъ. Бугры песку, нанесенные на кучи развалинъ, обратили эту безмолвную, какъ гробъ, равнину въ настоящій лабиринтъ громадныхъ могильныхъ насыпей.

Ни кустика, ни деревца среди этихъ глиняныхъ и каменныхъ скелетовъ, среди этой пустыни мертвецовъ... Ни звѣря, ни птицы, ни человѣка. Зачѣмъ и кто пойдетъ сюда?

Странные высокіе конусы въ видѣ индійскихъ пàгодъ, издали словно расчерченные циркулемъ частыми круговыми линіями, оказываются вблизи искусно сложенными изъ глины и камня ступенчатыми шалашами громадной величины, хранившими нѣкогда въ своихъ прохладныхъ утробахъ самое дорогое и рѣдкое

на югѣ лакомство — ледъ. Капитанъ З—ша съ нашимъ американцемъ доставили себѣ головокружительное удовольствіе взобраться по ступенчатымъ стѣнкамъ одного изъ этихъ своеобразныхъ ледниковъ на самую вершину его.

За развалинами домовъ, этимъ, такъ сказать, историческимъ кладбищемъ, потянулось на далекое пространство настоящее старинное кладбище: могилки, красиво выложенныя кирпичиками, простые глиняные холмики, каменныя гробницы, часовни съ характерными мусульманскими купольчиками, безъ счету и мѣры насыпаны, наставлены вездѣ. Центръ и слава этого древняго кладбища — «гробница двухъ братьевъ». Два брата эти были первые сокрушители языческаго еще Мерва, первые распространители въ немъ ислама въ дни первыхъ арабскихъ халифовъ-завоевателей, а по бухарскимъ источникамъ, даже сподвижники самого пророка.

«Гробница двухъ братьевъ» — это двѣ мечети типическаго персидскаго стиля: два громадные каменные фронтона, каждый между двойными столбами, стоятъ рядомъ, спаянные между собою маленькою каменною аркой. Глубокія ниши, вырѣзанныя островерхою аркой, характерною для арабскаго и персидскаго Востока, занимаютъ почти все пространство этихъ фронтоновъ. На боковыхъ ихъ столбахъ въ прежнее время несомнѣнно возвышались стройныя иглы минаретовъ, давно, повидимому, разрушенныя. Это отняло, конечно, много стиля и красоты отъ знаменитой гробницы, но и въ теперешнемъ своемъ видѣ она все-таки поражаетъ путника своимъ роскошнымъ величіемъ среди безбрежныхъ полей, обломковъ и мусора.

Внутренность нишъ остается еще сплошь выложенною сверкающими голубыми и синими изразцами съ обычными хитросплетенными узорами восточной фантазіи. Колонки минаретовъ и наружныя стѣны мечети тоже были нѣкогда одѣты въ эту пеструю и яркую фаянсовую одежду, но уже большею частью оголились теперь.

Самые гробы двухъ братьевъ стоятъ въ маленькихъ часо-

венкахъ предъ этими великолѣпными голубыми фронтонами. Онѣ изъ сѣраго мрамора и покрыты восточными надписями. Но меня увѣряли, что профессоръ Жуковскій, сдѣлавшій недавно археологическую экскурсію въ Старый Мервъ, прочтя эти надписи, убѣдился, что онѣ не имѣютъ никакого отношенія къ Байрамъ-Али, и что, безъ сомнѣнія, они были привезены впослѣдствіи изъ какого-нибудь завоеваннаго города въ замѣну давно разрушенныхъ гробовъ основателей мервскаго ислама. Профессоръ Жуковскій, какъ разсказывали намъ, пробовалъ дѣлать раскопки въ Старомъ Мервѣ; но средства его были такъ незначительны, а матеріалъ ему представлявшійся такъ громаденъ, что почтенный изслѣдователь не могъ добиться ничего существеннаго.

Обѣ мечети-фронтоны пошатнулись уже въ разныя стороны, правая слегка направо, лѣвая—гораздо замѣтнѣе налѣво; у лѣвой даже боковыя колонны надломились посрединѣ. Ихъ, кажется, сдерживаетъ пока каменная спайка. При первомъ хорошемъ землетрясеніи, я увѣренъ, «два брата» окончательно разссорятся другъ съ другомъ и лягутъ костьми туда же, куда легли въ теченіе вѣковъ всѣ ихъ здѣшніе былые братья; историческая мервская святыня перестанетъ услаждать своими чудными узорами изумленный взоръ путешественника, и неохватная Божья нива мертваго города не представитъ ему тогда ничего, кромѣ песчанныхъ бугровъ да каменныхъ обломковъ...

За Байрамъ-Али нужно ѣхать въ другую часть Стараго Мерва — Искандеръ-Кала̀. Джигитъ увѣрялъ насъ, что Байрамъ-Али — персидскій городъ, Искандеръ-Кала̀ — туркменскій городъ. Это очень можетъ быть, и джигиту-текинцу этого нельзя не знать. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что на мѣстѣ древняго Мерва возникали послѣдовательно многіе города, и что владычество иранцевъ и туранцевъ, цивилизованныхъ персовъ и дикихъ степныхъ кочевниковъ, чередовалось здѣсь много разъ въ теченіе тысячелѣтій. Байрамъ-Али-Ханъ-Кала̀ со своими мечетями, дворцами, воротами, прекрасно сохранившимися стѣнами и башнями, носитъ

на себѣ несомнѣнные признаки неособенно давняго персидскаго пребыванія здѣсь. Съ другой стороны, Искандеръ-Кала тоже пахнетъ неподдѣльною туркменщиной. Стѣны его почти совершенно разрушены, такъ что видны большею частью только одни громадные валы, внутри стѣнъ — тоже хоть шаромъ покати: груды обломковъ, курганы мусора, битый кирпичъ и черепица обильно усыпающіе песчаную почву, яма на ямѣ на каждомъ шагу; сейчасъ видно, что тутъ немало копались, отыскивали старинные клады и разрушали все, что было можно разрушить. Для туркменскихъ становищъ, для войлочныхъ кибитокъ какихъ-нибудь сарыковъ или текинцевъ—эта безотрадная равнина смерти такъ же привычна, такъ же удобна, какъ и всякая другая безплодная песчаная пустыня. Они забирались со своими шатрами и стадами въ глиняныя стѣны этой огромной калы, чтобы безопасно отсиживаться отъ наступающихъ враговъ, не помышляя нисколько, какой священный историческій прахъ попираютъ они своими босыми ногами.

Но имя «Искандеръ-Калы», къ счастью, сохранило далекому потомству память о древнемъ основателѣ этого города, великомъ завоевателѣ востока—Искандерѣ.

Александръ Македонскій, впрочемъ, далеко не былъ первымъ основателемъ древняго Мерва. Начало его теряется, можно сказать, еще въ доисторическихъ потемкахъ. Бухарцы и персіяне не даромъ считаютъ Мервъ самымъ старымъ городомъ всего міра.

Онъ упоминается еще въ Зендавестѣ, гдѣ Ормуздъ, богъ свѣта, ставитъ себѣ въ особую заслугу построеніе этого древняго города, говоря про него: «Я, Ормуздъ, создалъ Муру».

Мервь, Меру, Муру или Мауръ, какъ называютъ его въ Средней Азіи, считался «третьимъ мѣстомъ благодати въ царствѣ Ормузда», по преданіямъ Зендавесты. И до сихъ поръ восточные книжники называютъ его по старой памяти «Шахиджеганъ», то-есть «царь всего міра».

Александръ Македонскій былъ въ Меру, столицѣ Маргіаны или Маргиніи, когда шелъ въ Бактрію, Согдіану и Индію. Воюя

за Оксусомъ съ Согдами, онъ переправился обратно черезъ Оксусъ (то-есть Аму-Дарью) и «прибылъ къ городу Маргиніи», разсказываетъ Курцій. Тамъ онъ «выбралъ мѣсто для построенія шести городовъ вокругъ него, а именно, двухъ съ юга и четырехъ съ востока, которые были не въ дальнемъ между собою разстояніи, дабы по бливости способнѣе было получить взаимную помощь. Всѣ оные города построены на холмахъ и были тогда какъ узда побѣжденныхъ народовъ».

Страбонъ считалъ такихъ городовъ, построенныхъ Александромъ, не шесть, а восемь, а Юстинъ даже двадцать.

Эти разсказы древнихъ, быть можетъ, объясняютъ и громадный обхватъ, который занятъ развалинами Стараго Мерва, и то, что развалины эти встрѣчаются не сплошь, а отдѣльными гнѣздами. Города древнихъ историковъ, разумѣется, были небольшія укрѣпленія въ смыслѣ древнерусскихъ городковъ, кремлей и острожковъ, то-есть огороженныя стѣной мѣста. Такими фортами Александръ очевидно опоясалъ громадный и многолюдный древній городъ, чтобы держать его въ повиновеніи съ помощью сравнительно небольшихъ силъ.

Теперешній Искандеръ-Кала̀, безъ сомнѣнія, и заключаетъ въ своихъ предѣлахъ развалины главнѣйшихъ изъ этихъ фортовъ или за̀мковъ.

Многое заставляетъ думать, что города, которые въ такомъ множествѣ и съ такою быстротой Македонскій завоеватель строилъ среди безлюдныхъ степей пустыни силами своихъ солдатъ или окрестныхъ жителей, безъ предварительной заготовки строительныхъ матеріаловъ, не собирая ни откуда необходимыхъ мастеровъ, всѣ эти громко звучащія въ исторіи новорожденныя «Александріи» его были не что̀ иное, какъ тѣ же глиняныя калы теперешнихъ туркменъ и бухарцевъ, вполнѣ достаточныя для сопротивленія первобытнымъ орудіямъ тогдашнихъ азіятскихъ народцевъ.

Квинтъ Курцій разсказываетъ, напримѣръ, что «Александръ, возвращаясь къ Дону (то-есть рѣкѣ Сыръ-Дарьѣ) и *столько мѣстъ*

подъ станъ занято было, повелѣлъ обнести стѣною. Городская стѣна вокругъ была 60 стадій. И сей *городъ приказалъ звать Александріею.* Означенное дѣло происходило съ такою поспѣшностію, что въ *17 дней отъ заложенія стѣнъ и домы достроены были. Воины другъ передъ другомъ рвались, чтобъ свой урокъ, который каждому данъ былъ, отдѣлать и показать прежде*".

На безлюдныхъ глинистыхъ равнинахъ Сыръ-Дарьи, гдѣ не было вблизи ни лѣсовъ, ни камней, среди воинственныхъ кочевниковъ, набѣгавшихъ со всѣхъ сторонъ на войско Александра, разумѣется, въ такое короткое время и на такомъ огромномъ пространствѣ можно было возвести только глиняныя стѣны вокругъ глиняныхъ мазанокъ и только на такую простую, нетребующую искусства, работу было возможно раздавать уроки всѣмъ воинамъ подъ рядъ. Самая цѣль временнаго обезпеченія военнаго стана указываетъ на то, что Александру даже не представлялось особенной нужды заботиться о прочности построекъ.

Оттого-то и могло случаться, что нѣкоторыя военныя колоніи, или, вѣрнѣе, укрѣпленные лагери его, какъ, напримѣръ, Никея и Букефалосъ, построенные на рѣкѣ Гидаспѣ, *размыло дождями* пока онъ ходилъ въ глубь Индіи, такъ что на возвратномъ пути онъ долженъ былъ отстраивать ихъ вновь.

Если это такъ, то дѣлается понятно, почему всѣ эти многочисленныя Александріи почти не оставили по себѣ никакихъ слѣдовъ въ археологическихъ памятникахъ Азіи, почему, между прочимъ, и теперь предъ нашими глазами, въ стѣнахъ Искандеръ-Кала̀, не видно ничего кромѣ грудъ мусора и песку, въ то время какъ развалины какого-нибудь Персеполиса до сихъ поръ высятся въ самомъ грандіозномъ видѣ.

Но если мало осталось здѣсь камней временъ Македонскаго завоевателя, то имя его и его колоссальный образъ всецѣло еще живетъ въ легендахъ народовъ Центральной Азіи. Древніе наслѣдственные владѣтели маленькихъ ханствъ, лежащихъ по бассейну Аму-Дарьи, разъединяющихъ Афганистанъ и Индію отъ Бухары, всѣ эти владѣльцы Бадахмана, Вахана, Дарваза, Шаг-

нана, Читрала и многихъ мѣстностей у границъ Кашмира, искренно убѣждены въ своемъ происхожденіи отъ великаго царя Искандера, и всѣ сосѣднихъ также искренно вѣрятъ въ это. Знаменитый царственный историкъ Туркестана султанъ Баберъ и Абулъ-Фазиль, біографъ Акбара, оба говорятъ о македонскомъ происхожденіи этихъ мелкихъ династій и упоминаютъ *страну Каффировъ* къ сѣверу отъ Пейшавера, какъ мѣстопребываніе потомковъ Македонцевъ.

Таджики—коренные жители Бухары и Самарканда, жившіе здѣсь много ранѣе турокъ и, вѣроятно, потомки древнихъ Согдовъ и Бактрійцевъ,—считаютъ Искандера пророкомъ Божіимъ.

Туземцы Мерва твердо вѣруютъ, что нѣкогда великій ихъ Старый Мервъ былъ построенъ Искандеромъ и былъ при немъ столицей всей Азіи. Даже существуетъ темное преданіе среди туркменъ, какъ увѣряетъ Бернсъ, что они сами произошли отъ воиновъ Александра, поселенныхъ въ степяхъ.

Мервъ, или Александрія Маргійская, дѣйствительно одно время былъ столицей большого царства и славился во всей Азіи богатствомъ и торговлей своими, роскошью своихъ дворцовъ и мечетей и своимъ многолюдствомъ.

Арабскіе халифы династіи Омайядовъ, Іезидъ и Валидъ, въ концѣ VII вѣка мечомъ и копьемъ внесли магометанство въ пустыни древней Бактріи и Маргіаны, на берега Джейгуна (Аму-Дарьи), занятые тогда народами персидскаго корня, можетъ-быть, потомками Согдовъ, Бактровъ, Пареянъ. Но уже въ концѣ IX вѣка, когда распался Багдадскій халифатъ, воинственное турецкое племя Саманидовъ надвинулось съ сѣвера изъ-за-рѣки Сейгуна (Сыръ-Дарьи), овладѣло всею страной За-Джейгунскою Бухарою и Самаркандомъ, пронеслось черезъ пески Туркменіи и захватило Хоросанъ—древнюю Персію. Съ той поры утвердилось за Среднею Азіей названіе Туркестана,—страны турокъ,—и о власти арабской уже не было помину.

На низовьяхъ Джейгуна основалось тогда, между прочимъ, очень сильное турецкое владѣніе, далеко славившееся своимъ

могуществомъ, Ховарезмъ, нынѣшняя Хива. Султаны Ховарезма покорили себѣ всѣ окрестные народы, и въ теченіе XII столѣтія царствовали въ Туркестанѣ, Хоросанѣ и восточной Персіи. Войска у нихъ считалось до 400.000. Ихъ-то столицей и была древняя Меру, наполненная несмѣтными награбленными и наторгованными богатствами и ставшая однимъ изъ прославленныхъ религіозныхъ центровъ ислама.

«Правовѣрные, собирайтесь радостно совершать ваши утреннія молитвы въ Нишапуръ, полуденныя въ Мервь, вечернія въ Гератъ, а въ Багдадъ приходите молиться въ часъ полуночи!» призывала поклонниковъ Магомета популярная религіозная поэма Персовъ.

Эта цвѣтущая столица Ховарезма погибла въ общемъ потопѣ монгольской расы, которая въ два пріема, сначала въ XIII, потомъ въ XV столѣтіи хлынула изъ своихъ невѣдомыхъ сѣверныхъ пустынь слѣдомъ за турками.

Полчища Чингиса разбили наголову послѣднихъ султановъ Ховарезма—Магомеда и Джеладедина, и захватили ихъ земли, а черезъ 250 лѣтъ Тимуръ,—страшный «желѣзный хромецъ»,—въ конецъ разорилъ страны турокъ. Сотни тысячъ людей были истреблены, сотни городовъ разрушены до основанія.

Одинъ Тулуй, сынъ Чингиса, овладѣвъ Мервомъ, истребилъ въ немъ, какъ увѣряютъ персидскіе лѣтописцы, 700.000 жителей.

Съ тѣхъ поръ желтый косоглазый кочевникъ,—истый сынъ Турана,—воцарился на долгіе вѣка въ цвѣтущихъ оазисахъ Маргіаны, Согдіаны и Бактріи, разбивъ свои войлочныя кибитки на мѣстѣ разрушенныхъ храмовъ и дворцовъ.

«Ты былъ свидѣтелемъ величія Альпъ-Арслана, возвысившагося до облаковъ; иди въ Мервь и созерцай его погребеннымъ во прахѣ!» гласитъ эпитафія на гробницѣ Альпъ-Арслана, одного изъ Ховарезмскихъ царей Мерва.

Старый Мервь нѣкогда могущественныхъ Ховарезмскихъ владыкъ оставилъ однако по себѣ достойный его памятникъ,—мечеть султана Санджара.

Она и стоитъ, какъ подобаетъ надгробному памятнику, одна посреди громаднаго пепелища, унылымъ сторожемъ этой неохватной исторической могилы.

Это единственное зданіе Искандеръ-Кала, не обратившееся еще окончательно въ груду мусора. Величественная мечеть сохранила еще общія черты своей изящной архитектуры.

Это громадный круглый храмъ, увѣнчанный пологимъ куполомъ, такимъ же каменнымъ, какъ и самыя стѣны. Круглая серединная башня храма стоитъ на высокомъ четырехугольномъ основаніи и окружена тамъ наверху сквозною каменною галлереей такою же четырехугольною. Четыре грандіозные минарета возвышались прежде на каждомъ углу этой голлереи; теперь отъ нихъ уцѣлѣли только основанія, но и по нимъ можно судить объ изяществѣ и оригинальномъ вкусѣ разрушеннаго зданія. Голубые, синіе и зеленые изразцы самыхъ разнообразныхъ узоровъ еще мѣстами украшаютъ остатки минаретовъ и окна галлереи. Зданіе сложено изъ прекрасно выжженаго кирпича, тонкаго, плотнаго, удивительно аккуратнаго. Это своего рода шедевръ кирпичной кладки. Стѣны кажутся мелко и тщательно расчерченными какимъ-нибудь искуснымъ геометромъ. Особенно красива эта мастерская кладка въ арочкахъ оконъ, въ концентрическихъ слояхъ круглаго свода, гдѣ она образуетъ настоящіе узоры. Внутри стѣнъ кирпичи значительно грубѣе и массивнѣе; маленькіе изящные кирпичики употреблены только на наружную облицовку. Куполъ точно такъ же облицованъ безчисленными рядами этихъ кирпичиковъ; облицовка его уцѣлѣла только въ нижнемъ его поясѣ; верхъ же купола оголился и выглядываетъ теперь посрединѣ, какъ бухарская тюбетейка изъ обвязанной кругомъ нея чалмы. Отъ этого онъ кажется болѣе плоскимъ и придавленнымъ, чѣмъ онъ былъ въ дѣйствительности.

Внутри храмъ поражаетъ своею художественною простотой и величіемъ. Громадный куполъ съ круглымъ отверстіемъ въ серединѣ держится безо всякихъ подпорокъ надъ широкою площадью храма. Единственною скрѣпой ему служатъ его же соб-

ственныя ребра, пересѣкающіяся острыми дугами и представляющія собою только выпуклый узоръ на его внутреннихъ спускахъ. И куполъ, и стѣны внутри были прежде сплошь покрыты голубыми и синими изразцами, испещренными арабесками, какъ этого требуетъ персидскій архитектурный стиль. Но изразцы эти уцѣлѣли только мѣстами. Хищническія руки уже давно таскають изъ знаменитой мечети древности, какъ изъ неистощимаго клада, всякіе строительные матеріалы.

Въ послѣднее время мечеть жестоко пострадала отъ невѣжественной алчности армянъ, — подрядчиковъ нашей желѣзной дороги. Вмѣсто того, чтобы возить Богъ знаетъ изъ какой дали и за какую цѣну нынѣшній плохой кирпичъ, они сообразили, что для нихъ будетъ гораздо выгоднѣе воспользоваться даровымъ наслѣдствомъ султана Санджара и немилосердно стали разорять эту историческую древность. Они-то уничтожили послѣдній уцѣлѣвшій минаретъ, обваливъ для этого поддерживающій его уголъ храма. Русское начальство, провѣдавъ о такомъ армянскомъ вандализмѣ, стало уже ставить потомъ караулы къ знаменитой мечети, которую даже варвары туркмены щадили, какъ былую религіозную святыню свою.

Я измѣрилъ шагами внутреннюю площадь храма. Каждая сторона его имѣетъ 42 аршина, а толщина массивныхъ нижнихъ стѣнъ цѣлыхъ семь аршинъ! Высота храма, судя на глазъ, не менѣе аршинъ 70 или 80.

Въ серединѣ храма до сихъ поръ стоитъ его главная реликвія— гробница султана Санджара, построившаго въ XII столѣтіи эту великолѣпную мечеть.

Конечно, это не подлинная гробница; во-первыхъ, она не могла бы уцѣлѣть до нашихъ дней послѣ страшныхъ погромовъ, которые такъ часто испытывалъ Мервь; а во-вторыхъ, достаточно разсмотрѣть ее поближе, чтобъ убѣдиться въ ея несомнѣнномъ туркменскомъ происхожденіи: она сложена, вмѣсто всякихъ мраморовъ, изъ кирпича-сырца неуклюжимъ четырехъугольнымъ ящикомъ, на подобіе обычныхъ гробницъ здѣшнихъ кочевниковъ,

и осѣняетъ ее обычная туркменская палка съ кускомъ тряпки, которую неизмѣнно видишь на могилѣ каждаго шейха.

Но тѣмъ не менѣе туркмены почитаютъ этотъ гробъ стараго султана и заѣзжаютъ помолиться надъ нимъ.

Историческій храмъ уже довольно глубоко ушелъ теперь въ почву, потому что почва наросла кругомъ него цѣлыми курганами его же собственныхъ развалинъ. Оба входа въ него живописно чернѣютъ внизу, въ провалѣ каменныхъ осыпей...

Печальное чувство охватило мою душу, когда, удалившись на сосѣдній холмъ, я въ молчаніи смотрѣлъ на этого одинокаго свидѣтеля многовѣковой исторіи, заброшеннаго въ мертвой пустынѣ среди песковъ и развалинъ. Издали онъ уже не казался красивымъ, а темнѣлъ какимъ-то изуродованнымъ глинянымъ колоссомъ, подобно всѣмъ глинянымъ могиламъ и глинянымъ постройкамъ этого унылаго глиняннаго края... Ни птица, ни звѣрь, ни зеленый кустикъ не оживляли безпріютной сплошной могилы, которую караулитъ этотъ полуразвалившійся каменный сторожъ, и только большія желтовато-сѣрыя черепахи, словно тоже слѣпленныя изъ глины и въ глинѣ зарожденныя, уныло и медленно, будто сами не зная зачѣмъ, перепалзывали съ одного глинистаго бугра на другой...

Джигитъ-текинецъ, провожавшій насъ, тоже удалился въ сторону, за песчаный курганъ, и мнѣ было видно издали, какъ онъ, обратясь лицомъ къ Меккѣ, обливалъ изъ ладоней пескомъ свою голову, руки и грудь... Насталъ часъ вечерняго намаза, и мусульманину неизбѣжно нужно исполнить завѣтъ религіи, гдѣ бы ни захватилъ его этотъ священный часъ. Когда нѣтъ воды для омовенія, Коранъ разрѣшаетъ ему замѣнять воду пескомъ...

Меня тронула и пристыдила эта крѣпость своей вѣрѣ варвара-кочевника; а еще туркмены считаются плохими мусульманами, почти не строятъ мечетей и имѣютъ очень мало муллъ; утреннія и вечернія молитвы, да священный намазъ—вотъ единственные обряды, которыхъ они искренно держатся. Но обряды эти, хотя и вошли въ религію магомета, въ сущности гораздо

древнѣе ея и, можно сказать, лежатъ въ основѣ всѣхъ первобытныхъ религій востока. Магометъ только заимствовалъ ихъ, какъ и многое другое, что глубоко вкоренилось въ нравы азіятскихъ народовъ, и безъ чего исламъ потерялъ бы для азіятца всякую привлекательность.

За Искандеръ-Кала̀ мы проѣхали еще третьимъ городомъ, расположеннымъ вправо отъ него и тоже составляющимъ часть необозримыхъ развалинъ Старого Мерва.

У туземцевъ онъ называется характернымъ именемъ *Гяуръ-Кала*, «крѣпость невѣрныхъ», стало-быть христіанъ.

Я не углублялся въ археологію Стараго Мерва и не знаю, существуютъ ли сколько нибудь правдоподобныя предположенія ученыхъ о томъ, что именно было на мѣстѣ теперешнихъ развалинъ Гяуръ-Кала̀.

Профессоръ Жуковскій здѣсь именно производилъ свои раскопки и остался, какъ я уже говорилъ, очень недоволенъ ихъ результатомъ. Но я не могъ не остановиться на одной догадкѣ, которая невольно напрашивается на умъ, когда слышишь въ устахъ магометанина знаменательное названіе «крѣпость Гяуровъ», «крѣпость христіанъ». Извѣстно, что въ первые вѣка христіанства оно проникло въ самыя недоступныя глубины Центральной Азіи, и даже далѣе, въ Индію.

Въ Бухарѣ, въ Самаркандѣ, въ Ферганѣ — вездѣ возникли многолюдныя христіанскія общины, строились церкви, управляли епископы. Особенно была распространена въ этихъ мѣстахъ ересь Несторія, которую преслѣдовали въ областяхъ, находившихся въ зависимости отъ греческихъ императоровъ, и послѣдователи которой естественно старались удаляться въ мѣстности, гдѣ они могли свободно исповѣдывать свое вѣроученіе.

Читая путешествіе Плано Карпини въ 1246 году въ глубину Монголіи, къ великому Гогъ-хану (хану-Гаюку), поражаешься изумленіемъ, какое множество христіанъ находилось въ полчищахъ первыхъ наслѣдниковъ Чингиса и какое уваженіе оказы-

вали ихъ вѣрѣ эти кровожадные вожди кочевыхъ ордъ. Это впрочемъ дѣлается понятнымъ, когда вспомнишь, что одна изъ женъ Чингиса и мать его были христіанки.

«Въ Батыевомъ войскѣ считается 600.000 человѣкъ, пишетъ между прочимъ, Плано Карпини въ своей извѣстной *Libellus historicus*, а именно, 160.000 татаръ и 450.000 христіанъ и другихъ, то-есть невѣрныхъ». Плано Карпини даже упоминаетъ въ числѣ земель, покоренныхъ Чингисомъ, земли какихъ-то «Гуировъ» (terra Hyurorum), очень напоминающихъ слегка искаженное имя «Гяуровъ»; «они были христіане несторіанскаго толка, и монголы, побѣдивъ ихъ, приняли ихъ грамоту, ибо до того не имѣли никакого письма; теперь же эту грамоту называютъ монгольскою», прибавляетъ къ своему извѣстію Плано Карпини.

Въ Мервѣ въ Средніе Вѣка тоже былъ центръ мѣстной христіанской церкви и имѣлъ свое пребываніе ея архіепископъ, которому были подчинены шесть епископовъ.

Очень можетъ быть, что «Гяуръ-Кала̀» есть не что иное, какъ развалины той части нѣкогда громаднаго города, гдѣ жили отдѣльно отъ магометанъ и язычниковъ тогдашніе мервскіе христіане со своими епископами и священниками. Основательныя раскопки этой мѣстности были бы поэтому особенно интересны для европейцевъ.

Вечеръ приближался, и было необходимо покинуть, наконецъ, громадное историческое кладбище, среди безмолвныхъ могилъ котораго можно бродить цѣлыя недѣли, наталкиваясь каждый день на что-нибудь новое. Заходящее солнце ярко освѣтило своими боковыми похолодѣвшими лучами безмолвную пустыню, и въ этой послѣдней вспышкѣ дня какою-то странною жизнію засверкали вдругъ вездѣ кругомъ насъ вдали и вблизи, будто смѣясь надъ нашими безсильными потугами проникнуть мыслью въ туманы далекаго прошлаго, — всѣ эти притаившіеся другъ за другомъ могильные курганы и всѣ торчащіе надъ ними каменные скелеты старыхъ мечетей, дворцовъ и башенъ...

Вездѣ, куда бы ни ѣхали мы по этому полю развалинъ, мы на каждомъ шагу видѣли кругомъ себя пересѣкающуюся сѣть глубокихъ пересохшихъ арыковъ. Нужно было много воды, чтобы напоить населеніе этого колоссальнаго города, считавшееся нѣкогда многими сотнями тысячъ. Старый Мервъ поился прежде большимъ древнимъ каналомъ Султанъ-Ябомъ, который теперь сухъ, какъ юдоль плачевная. Можно даже думать, что самая рѣка Мургабъ названа была такъ потому, что она была питательнымъ воднымъ каналомъ великаго Меру или Муру, «Муръ-ябъ».

Бухарскій эмиръ *Маасумъ* въ прахъ разорилъ въ 1784 году разбойничье гнѣздо Мерва, засѣвшее на перепутьи караванныхъ дорогъ, всѣ его укрѣпленія, дома мечети. Онъ хотѣлъ, чтобы самая память о Мервѣ исчезла съ лица земли. 40.000 мервцевъ онъ переселилъ къ себѣ въ Бухару, остальныхъ выгналъ въ Персію, уничтожилъ всѣ каналы и даже древнюю плотину Бенди-Султана, направлявшую черезъ Султанъ-Ябъ въ Старый Мервъ воды Мургаба. Съ тѣхъ поръ Куня-Мервъ обратился въ груды развалинъ, и только одни ссыльные бухарцы присылались сюда нѣкоторое время на житье, какъ на каторжныя работы.

Туркменское племя сарыковъ заняло послѣ этого Мервскій оазисъ и держалось въ немъ до 1861 года, когда теке, въ свою очередь вытѣснили ихъ южнѣе, къ Пендѣ, въ бывшую страну салоровъ, этого благороднѣйшаго изъ туркменскихъ племенъ считающаго себя родоначальниками стамбульскихъ османлисовъ, и стали хозяевами оазиса.

Вечеръ мы провели у любезныхъ хозяевъ Байрамъ-Али въ ихъ комфортабельномъ помѣщеніи, въ обычной обстановкѣ цивилизованныхъ людей, такъ мало гармонировавшей съ впечатлѣніями той дикой пустыни, которыя еще всецѣло наполняли насъ... Полковникъ К—ій— одинъ изъ болгарскихъ героевъ, раненый въ битвѣ, служилъ на Кавказѣ и въ Ташкентѣ и вообще хорошо знакомъ съ нашими азіатскими окраинами. Ни онъ, ни его молодая жена не тяготятся своею далекою пустыней, мужъ, погло-

щенный новымъ и интереснымъ дѣломъ, а жена, занятая воспитаніемъ дѣтей и музыкой. Мы довольно долго бесѣдовали сначала за сытнымъ обѣдомъ, потомъ кейфуя за чаемъ, со своими бывалыми и интересными хозяевами и о болгарскихъ политическихъ дѣятеляхъ, которыхъ они всѣхъ близко знали, и о разныхъ туземныхъ ужасахъ, которыми обыкновенно бываютъ такъ напуганы путешественники, обо всѣхъ этихъ пендинскихъ язвахъ, рештахъ, сартовскихъ прыщахъ, скорпіонахъ, фалангахъ... Довольно поздно пришлось возвратиться домой и готовиться къ раннему отъѣзду съ утреннимъ поѣздомъ желѣзной дороги.

IX.

Пески Кара-Кумъ.

Черная желѣзная стоножка опять поползла по своей черной желѣзной тропкѣ, чуть пробитой въ желтыхъ пескахъ, сгибаясь на поворотахъ своими желѣзными суставами, гремя своими желѣзными лапами, потрясая воздухъ безлюдной пустыни своимъ желѣзнымъ воплемъ и извергая изъ себя черные клубы своего нечистаго дыханія.

Пустыня сторожитъ человѣка у самыхъ палатъ и садовъ Байрамъ-Али. Шагнулъ одинъ шагъ изъ этого оазиса воды, зелени, жизни,—и уже въ объятіяхъ ея. Она здѣсь царитъ, — и никто больше. Ничтожныя жилки воды бороздятъ только крошечный уголъ ея, и къ нимъ сбилось все крошечное человѣческое населеніе, всѣ его аулы и городки. Но она осадила ихъ, она охватила ихъ со всѣхъ сторонъ своими несмѣтными силами, своимъ безбрежнымъ просторомъ, какъ море охватываетъ одинокую скалу острова.

Пустыня живетъ своею свободною могучею жизнью и не хочетъ знать никакой другой жизни рядомъ съ собою. Этотъ дикій звѣрь еще не укрощенъ никакими оковами и при первомъ

взрывѣ гнѣва истребляетъ все, что̀ неосторожно приближается къ нему, что́ наивно довѣряетъ его кажущемуся сонному покою...

Освѣщенные яркимъ солнцемъ обломки стѣнъ и башенъ Стараго Мерва, будто добѣла обглоданные костяки, торчащіе изъ могильныхъ кургановъ, долго еще провожаютъ насъ издали. Они словно нарочно здѣсь на рубежѣ пустыни, чтобы наглядно подтверждать человѣку, какъ безнадежна его борьба со стихіей смерти...

Могильные холмы погребеннаго здѣсь великаго города древности незамѣтно переходятъ въ другіе могильные холмы,—холмы песковъ,—подъ которыми погребена всякая жизнь...

Курганы эти, сначала нѣсколько глинистые, съ каждымъ шагомъ дальше, въ глубь пустыни, дѣлаются все песчанѣе, и наконе́цъ превращаются въ необозримыя полчища наваленныхъ другъ на друга холмовъ сыпучаго песку. Это такъ-называемые «барханы», или «баиры». Нѣсколько станцій желѣзной дороги тянутся этими сплошными песками, которые въ самомъ узкомъ мѣстѣ своемъ имѣютъ не меньше 200 верстъ.

Впрочемъ, эти песчаныя могилы имѣютъ свою оригинальную могильную растительность, по крайней мѣрѣ, на краю пустыни.

Всевыносливые корни саксаула умудряются докопаться до необходимой имъ влаги, даже и въ горахъ сухого песка.

Это настоящее верблюдъ-дерево: какъ верблюдъ—неприхотливое и терпѣливое, способное подолгу переносить голодъ и жажду; какъ верблюдъ—уродливое и какъ верблюдъ—крѣпкое.

Низкіе корявые кусты этого удивительнаго обитателя песковъ такъ капризно изломаны и изверчены въ каждомъ своемъ сукѣ, что дерево кажется издали не живымъ, а выгнутымъ изъ желѣзныхъ прутьевъ. Оно и видомъ какое-то желѣзное, сѣростального цвѣта, да и твердо какъ желѣзо, до того, что топоръ не беретъ его. Сучковъ и вѣтвей въ немъ видимо-невидимо, словно огромная растрепанная метла торчитъ изъ песковъ. А корней и того больше.

Саксаулъ разрастается роскошнѣе въ темномъ нутрѣ утробы земной, чѣмъ на изсушающихъ лучахъ южнаго солнца. Когда песокъ обдуетъ около корня, съ изумленіемъ видишь какой густой букетъ толстыхъ канатовъ вгрызается, топырясь во всѣ стороны, въ рыхлыя нѣдра песчаныхъ кучугуровъ. Этими-то многочисленными, глубоко развѣтвляющимися присосками своими саксаулъ пьетъ соки жизни изъ безплодной и жесткой груди своей мачихи-почвы. Зелень этого дерева песковъ вполнѣ подходитъ къ безжизненному тону всей пустыни: на перевитомъ въ жгутъ сѣромъ стволѣ покрытомъ шишковатыми наплывами, будто верблюжьи колѣнки мозолями, тускло мерцаетъ какая-то сѣро-зеленая, сухая и блѣдная листва, скорѣе похожая на мягкую хвою можжевельника. Иные кусты даже въ весеннемъ цвѣту жалкая насмѣшка надъ цвѣтами и надъ весной! Эти мелкіе блѣдно-желтые цвѣтки такъ же тусклы и худосочны, какъ и сама зелень саксаула.

Омертвѣвшіе сѣрые прутья прошлаго года, не успѣвшіе опасть за короткую зиму, густо перепутанными вѣниками наполняютъ собою чащу кустовъ и придаютъ имъ еще болѣе мертвенный видъ. Саксаулъ, даже и сухой, рубить очень трудно: онъ крѣпокъ, какъ кость; но зато онъ и хрупокъ, какъ кость. Оттого его не рубятъ, а ломаютъ или съ корнемъ выдергиваютъ изъ рыхлой почвы.

Одинъ изъ нашихъ старыхъ путешественниковъ, Кайдаловъ, хорошо познакомившійся со свойствами саксаула во время долгихъ странствованій по киргизскимъ степямъ, въ своей «Караванъ-запискѣ 1824—25 года» въ такихъ характерныхъ выраженіяхъ. описываетъ это своеобразное дерево:

«Крѣпость его удивительна; въ немъ заключается твердость необычайная; никакой топоръ не можетъ устоять противъ него. И какъ срубить его, кромѣ молодого, почти невозможно, то и употребляется другое средство: стоитъ только сильнѣе ударить ногой подъ корень, и самое большое дерево свалится, но не сломится, а расколется. Оно такъ тяжело, какъ камень, а горитъ

какъ масло. Запахомъ очень пріятно, но плода никакого не приноситъ. Вѣтви его очень тонки, мягки и съ удобностью употребляются въ пищу для скота. Особенно верблюды очень ихъ любятъ. Наконецъ, листъ на саксаулѣ толстый, продолговатый, желтоватый, который, какъ на соснѣ, бываетъ и зимой, и лѣтомъ все одинаковъ».

Саксаулъ можно назвать «камень-дерево»; онъ не только крѣпокъ, какъ камень, но и безвредно, какъ камень, переноситъ по нѣскольку мѣсяцевъ сряду шестидесятиградусное пекло подъ вѣчно безоблачнымъ небомъ, какъ камень, можетъ жить среди полнаго отсутствія жизни. Трудно постигнуть, гдѣ почерпаетъ онъ эту свою невѣроятную силу выносливости. Хотя онъ глядитъ по наружности деревомъ смерти своего рода, но въ сущности это дерево величайшей жизненности. Не будь его, этого единственнаго кормильца и единственнаго украшенія мертвой пустыни,—пропали бы здѣсь и люди, и звѣри. Имъ кормится, имъ грѣется, подъ тѣнью его находитъ пріютъ все кочующее въ этомъ морѣ песковъ:—туркменъ такъ же какъ и его верблюдъ, такъ же какъ джейранъ и дикій оселъ.

Вонъ посмотрите,—на кучугурахъ, густо заросшихъ саксауломъ, виднѣется между кустами и рѣденькая уже пожелтѣвшая травка и какое-то блѣдное подобіе цвѣтовъ.

Конечно, теперь только половина апрѣля, и дождливые зимніе мѣсяцы успѣли пропитать сыростью даже всегда сухіе песчаные холмы, образовать на нихъ легкую корочку, въ которой могло угнѣздиться занесенное вѣтромъ сѣмячко. Конечно, въ первыхъ числахъ мая тутъ уже не останется самаго легкаго слѣда этой мимолетной зелени. Но все-таки зелень эта могла пробиться наружу только подъ тѣнью саксаула, только въ слоѣ песка, удобреннаго его листьями и сучьями. Оттого-то тамъ гдѣ саксаулъ, то и дѣло видишь въ курганахъ черныя дыры звѣриныхъ норокъ; тушканчики, зайцы, джейраны и ослы держатся въ саксаульникахъ до наступленія палящихъ жаровъ лѣта.

Вонъ и рабочіе желѣзной дороги армяне и персы, разстеливъ

халаты сверхъ кустовъ саксаула, прикурнули подъ ними отъ жара на сухомъ песку и спятъ сномъ праведныхъ, какъ въ раскинутомъ шатрѣ, отдыхая отъ утомительной работы. Тутъ же неподалеку курится потухающій костеръ изъ сухихъ сучьевъ того же саксаула, на которомъ они только-что варили себѣ кашицу. Саксаулъ, какъ видите, служитъ тутъ всѣмъ и всякую службу!

Да если хорошенько всмотрѣться, онъ держитъ въ своихъ рукахъ и самую эту грозную пустыню. Онъ смиряетъ и сковываетъ ея буйные пески, которые ежечасно готовы были бы двинуть свои истребительныя тучи на погибель всякой жизни, всякихъ усилій человѣка. Связываетъ и сковываетъ во всей буквальности. Когда безконечная лента желѣзной дороги вдвигается глубоко въ разрѣзы огромныхъ песчаныхъ холмовъ, взгляните вверхъ на эти разрѣзы: отовсюду выпираютъ и лѣзутъ изъ нихъ длинныя лохматыя лапы, словно лапы гигантской фаланги, — обитательницы этихъ песковъ; отовсюду тянутся и вцѣпляются въ землю натянутые, какъ корабельные канаты, темно-сѣрые корни саксаула. Только ими связываются сколько-нибудь, только ими сколько-нибудь прикрѣпляются къ родимой почвѣ эти исполинскія зыбучія волны песчанаго океана...

Послѣ проведенія черезъ пески Закаспійской желѣзной дороги Русское правительство строжайше запретило туркменамъ истреблять саксаулъ въ мѣстностяхъ, прилегающихъ къ полотну дороги. Кого поймаютъ на порубкѣ, отбираютъ и арбу, и осла, и топоръ. Лучшаго огражденія какъ эти природные зеленые щиты, разставленные на всевозможныхъ разстояніяхъ кругомъ рельсоваго пути, разумѣется, придумать невозможно.

На станціи съ нами встрѣтился воинскій поѣздъ, направлявшійся изъ Самарканда въ Узунъ-Ада. Штукъ двадцать товарныхъ вагоновъ были биткомъ набиты солдатами разныхъ туркестанскихъ баталіоновъ, отчисленныхъ въ запасъ послѣ шестилѣтней армейской службы. Всѣ солдатики оказались изъ пермской

губерніи, такъ какъ ихъ нарочно сортировали по мѣстностямъ для удобства отправки. Я съ теплымъ родственнымъ чувствомъ потолкался между нихъ, заговаривая то съ однимъ, то съ другимъ. Среди песковъ азіатской пустыни, среди дикихъ туркменскихъ физіономій — эти подлинные русскіе люди казались мнѣ такими близкими братьями. Не шумливое веселье, а спокойное и глубокое счастіе свѣтилось въ глазахъ каждаго изъ нихъ, проникало все его существо. Я самъ чувствовалъ себя счастливымъ, глядя на эти простыя души, переполненныя младенчески радостнымъ сознаніемъ своей свободы, своего возвращенія въ далекое родное пепелище.

— Домой ѣдете? Довольны небось? — спросилъ я одного бѣлобрысаго солдата съ покорно-кроткимъ выраженіемъ лица.

— Какже не довольны!...—словоохотливо отвѣтилъ онъ, весь вдругъ осклабясь какою-то дѣтски счастливою улыбкой, отъ которой у него, казалось, засверкали и глаза, и бѣлые зубы, и все его безхитростное конопатое лицо.

— Женатый небось? Жинка ждетъ?—продолжалъ я.

На бѣлобрысой физіономіи ротъ осклабился до самыхъ ушей.

— А какже-жъ! Законъ приняла, должна мужа ждать... Всего и пожилъ съ нею полтора года... только-что мальчёнка къ Покрову родила, а на Варвару меня въ полкъ угнали...—сіяя и вмѣстѣ смущаясь отвѣтилъ солдатикъ.

Я подошелъ къ другой группѣ. Тамъ плечистый и рослый молодецъ не въ форменной бѣлой, а уже въ вольной кумачевой рубахѣ, расшитой желтымъ по красному, какою-нибудь мимолетною зазнобушкой, — ловко и увѣренно увязывалъ какой-то тючекъ, нажимая на него колѣномъ и перекидываясь въ то же время словами съ окружавшими его товарищами.

— И вы, ребята, тоже въ Пермскую? — спросилъ я.

— Всѣ въ Пермскую, ваше благородіе...—отвѣтилъ за толпу бойкій молодецъ. — Мы всѣ изъ-за Камня... Одного выводка... Такъ всѣ однимъ роемъ на свою сторону и потянемъ...

— Соскучились здѣсь небось, среди азіатовъ?

— Какъ не соскучить, ваше благородіе! Добро бы своя рассейская страна, а то дичь, мухамеды... Сами изволите видѣть: скверность одна! Церкви Божьей нигдѣ не увидишь... Не дождемся, когда на Русь выдеремся!.. — радостно вздохнувъ, заявилъ солдатъ.

— Теперь нисколько! теперь, братъ, чугунка,—не на своихъ толкачахъ песокъ мѣсить!.. Живымъ духомъ доставитъ!.. ухмыльнувшись довольною и самоувѣренною улыбкой, успокоилъ его одинъ изъ товарищей...

— По морю жь опять теперь проходы скрозь проходятъ, по Волгѣ-рѣкѣ проходы, по Камѣ-рѣкѣ — проходы... Теперь, братъ порядки заведены не по старому!...

Мы успѣли побродить и по барханамъ, окружающимъ станцію, стало быть, много или мало, а все-таки собственными ногами попирали великую пустыню.

Барханы кажутся зыбучими только издали. Когда же взбираешься на нихъ, то нога такого ничтожнаго насѣкомаго, какъ человѣкъ, даже едва оставляетъ слѣдъ въ этомъ плотно слегшемся и чрезвычайно мелкомъ пескѣ сѣробураго цвѣта. Только тяжелые толкачи нагруженныхъ верблюдовъ сколько-нибудь погружаются въ этотъ упругій песокъ. Но, конечно, это не мѣшаетъ вѣтрамъ пустыни поднимать когда имъ вздумается цѣлыя летучія облака изъ этихъ, повидимому, неподвижныхъ холмовъ!

Въ пескѣ бархановъ мы находили оригинальныя окаменѣлости самаго разнообразнаго вида: какія-то кристаллизованныя сверкающія звѣзды изъ темной массы, напоминающей сѣрный колчеданъ, какія-то спекшіяся фигуры и причудливые сростки, въ видѣ полипняковъ... Но еще чаще, чѣмъ эти загадочные палеонтологическіе обитатели песковъ, попадались намъ среди нихъ и понапрасну пугали насъ пресловутыя фаланги. Онѣ быстро какъ на ходуляхъ перебѣгали черезъ песокъ на своихъ высоко-приподнятыхъ лапкахъ и не только не имѣли злостнаго намѣренія напасть на насъ, а еще сами удирали отъ насъ во

всѣ лопатки. Впрочемъ, мѣстные жители увѣряютъ, что если замахнешься на фалангу палкой, то она прыгаетъ прямо на человѣка и притомъ очень высоко. Этотъ длинный и крупный паукъ, съ тонко-перехваченнымъ, чуть не на двое порваннымъ тѣльцомъ, считается здѣсь опаснѣе даже скорпіона. У фаланги четыре кривые зуба, по два въ каждой челюсти, и она наноситъ ими четыре ранки, которыя болятъ очень долго. Скорпіонъ же кусаетъ не зубами, а вонзаетъ острое жальце своего вѣчно загнутаго вверхъ хвостика. Онъ жалитъ даже противъ воли, автоматически; разъ онъ упалъ на васъ, жало его само собою вонзается въ тѣло. Если онъ ужалитъ въ палецъ, то распухнетъ вся рука до самаго плеча, но дня черезъ два обыкновенно проходятъ и боль, и опухоль.

Саксаулъ тянется сколько нибудь сплошными кустами только до станціи Курбанъ-Кала. Дальше его уже почти не-видно. Только изрѣдка торчатъ, затерянные въ пустынѣ, одинокіе кустики. Но это уже не тѣ сильные многовѣтвистые кусты, что съ такою своеобразною живописностью провожали насъ до сихъ поръ на макушкахъ своихъ песчаныхъ холмовъ. Теперь это какія-то чахлыя деревца, въ нитку вытянутыя, аршина въ три высоты, съ мягкими плакучими вѣтвями, напоминающими затощавшую березку дальняго сѣвера, только еще блѣднѣе, еще худосочнѣе. Издали они кажутся какими-то сквозными привидѣніями, такъ что солнечная тѣнь отъ нихъ на пескѣ кажется болѣе густою, чѣмъ они сами.

Съ Учь-Аджи начинаются голые пески. Они разрастаются все безотраднѣе къ станціи «Пески» и особенно къ «Каракуль-Кую» и «Барханамъ» Самыя названія станцій уже даютъ предчувствовать что-то зловѣщее. Ужасъ охватываетъ душу, когда окидываешь смущеннымъ взоромъ это безбрежное песчаное море, залитое ослѣпительнымъ сверканіемъ солнца...

Песчаные барханы безчисленными стадами горбатыхъ чудовищъ облегли жалкую муравьиную тропку нашей дороги, поды-

маясь далеко выше вагоновъ, и загораживаютъ отъ насъ все кругомъ. Они сѣрожелтые, какъ всѣ грозные хищники пустыни, какъ шкура тигра и льва, среди нихъ живущихъ, въ нихъ зарождающихся. Степные вѣтры избороздили поверхность бархановъ частою рябью, какъ морщинами живой кожи, и сдѣлали ее еще больше похожею на полосатую шкуру тигра, — этого звѣря пустыни, воплотившаго въ себѣ всю ея яростную стремительность, всѣ ея безпощадные инстинкты истребленія... Жутко ѣхать многіе часы черезъ это царство смерти! Горы, пирамиды, валы и гребни, глубокія котловины, узкія вьющіяся тѣснины — провожаютъ съ обѣихъ сторонъ безостановочно несущійся поѣздъ. Кажется, будто ѣдешь сквозь застывшее въ девятомъ валѣ безбрежное море, взбаламученное какимъ-нибудь тропическимъ ураганомъ и еще все покрытое зыбью...

Чуть примѣтныя черныя линіи рельсовъ, отовсюду задвинутыя песками, представляются моему воображенію миѳологическою нитью Аріадны, которая одна помогаетъ намъ выбираться на свѣтъ Божій изъ этого безконечнаго лабиринта песчаныхъ волнъ...

Изумительно, какъ до сихъ поръ эти движущіяся громады, со всѣхъ сторонъ напирающія на едва расчищенную полосочку желѣзной дороги, не засыпали ее безслѣдно; казалось бы, для этого было достаточно одного мощнаго вздоха пустыни.

Французы, замыслившіе соединить свои алжирскія владѣнія со своею колоніей въ Сенегамбіи и перерѣзать для этого рельсовымъ путемъ великія пустыни Сахары, пріѣзжали, говорятъ, въ нашъ Закаспійскій край познакомиться съ тѣми хитроумными изобрѣтеніями, которыми генералъ Анненковъ обезпечилъ свою желѣзную дорогу отъ постояннаго заноса песковъ...

Они съ изумленіемъ увидѣли то, что̀ мы теперь видимъ, и убѣдились, не вѣря своимъ глазамъ, въ томъ, въ чемъ и мы въ эту минуту убѣждаемся, — что никакихъ защитъ отъ песковъ на Закаспійской желѣзной дорогѣ генерала Анненкова нѣтъ и не было, и что со всѣмъ тѣмъ дорогу эту пески все-таки не зано-

сятъ, а она себѣ по добру по здорову катаетъ ежедневно свои поѣзды отъ Каспія къ Самарканду и отъ Самарканда къ Каспію.

Единственное приспособленіе къ защитѣ отъ песковъ, которое я здѣсь замѣтилъ, — это вѣтки саксаула, положенныя рядами, метелкой наружу, по краямъ желѣзнодорожной насыпи въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ полотно сколько-нибудь приподнято надъ почвой. Но такихъ насыпей тутъ мало, а дорога большею частью врѣзается въ песчаные холмы и идетъ между ними въ глубокомъ руслѣ; тутъ ужъ никакія вѣтки саксаула помочь не въ силахъ. Въ иныхъ же мѣстахъ рельсы лежатъ прямо на гладкой песчаной равнинѣ, такъ что нѣтъ возможности различить полотно дороги отъ окружающей почвы...

Защищаетъ путь отъ песчаныхъ заносовъ Николай Угодникъ и простая метелка. Солдатики-сторожа, солдатики-рабочіе сметаютъ себѣ потихоньку съ желѣзныхъ рельсовъ все, что наметаютъ на нихъ вѣтры пустыни, да и дѣло съ концомъ. Въ придорожныхъ караулкахъ тѣхъ станцій, которыя идутъ песками, для этого держится усиленный составъ рабочихъ. Кромѣ того, рабочіе берутся и въ самые поѣзда. Какъ только окажется, что путь гдѣ-нибудь занесенъ, походная команда сейчасъ же вылѣзаетъ со своими метлами и въ нѣсколько минутъ расчищаетъ рельсы. Впрочемъ, далеко не всякій вѣтеръ порождаетъ заносы пути. Если вѣтеръ дуетъ вдоль пути, сзади или навстрѣчу поѣзду, то песокъ свободно проносится по скользкимъ рельсамъ и не задерживается на нихъ. Только пески, которые гонятся боковымъ вѣтромъ поперекъ рельсовъ, останавливаются ими и заметаютъ путь.

Песчаный океанъ перерѣзается, однако, не одною этою желѣзною нитью Аріадны; не одна только «Шайтанъ-арба» («чортова повозка»), — какъ называютъ туркмены локомотивъ, — путешествуетъ по этимъ сыпучимъ волнамъ.

Верблюдъ,—вѣтхозавѣтный «корабль пустыни», который уже былъ старою стариной во дни первыхъ событій Библейской исторіи, при Авраамѣ и Іаковѣ, — еще продолжаетъ мѣрить своими

неспѣшными и неутомимыми шагами безбрежныя песчаныя равнины, перенося на своемъ выносливомъ горбу, съ терпѣніемъ вѣрнаго раба, товары хорасанцевъ, афганцевъ и индусовъ къ берегамъ древняго Оксуса, на базары Чарджуя и Карки, Бухары и Самарканда...

Великая пустыня песковъ, эта Сахара Средней Азіи, раздѣляющая Персію, Хорасанъ и Афганистанъ отъ бассейна Аму-Дарьи, отъ ханствъ Хивинскаго и Бухарскаго, обыкновенно величается туземцами Кара-Кумъ, «черные пески»; кочевники Средней Азіи вообще придаютъ это популярное у нихъ имя самымъ опаснымъ и безпріютнымъ песчанымъ равнинамъ своимъ, въ Киргизіи, Бухарѣ, Монголіи, точно такъ же, какъ въ Туркменіи. Оттого вы встрѣтите на картахъ Средней Азіи далеко не одинъ «Кара-Кумъ».

Но туркменскіе «Кара-Кумъ»—это пески изъ песковъ, пустыня изъ пустынь. Они тянутся отъ береговъ Каспійскаго моря, гдѣ въ 400, гдѣ въ 300 и 200 верстъ ширины до мелкихъ ханствъ, такъ-называемаго Афганскаго Туркестана, охватывающихъ верхнее теченіе Аму-Дарьи и его притоковъ, тамъ гдѣ стоятъ большіе торговые центры Азіатской пустыни: Андхой, Маймене, Балхъ, Кундузъ и пр.

Тропы, пробитыя тысячелѣтіями, незамѣтныя какъ муравейные слѣдки на вспаханномъ полѣ, тянутся черезъ взбаламученные вѣтромъ пески Кара-Кума изъ Мерва, Герата, Мешеда, Маймене, на многія сотни верстъ, незабываемыя туземцами изъ поколѣнія въ поколѣніе; знаніе этихъ неуловимыхъ и запутанныхъ путей—есть великій талантъ и великая добродѣтель среди людей пустыни. Караванъ-баши — вожакъ каравановъ — пользуется въ глазахъ кочевниковъ особеннымъ уваженіемъ и авторитетомъ; это своего рода мирный сардарь, — опытный вождь аламановъ. Караванъ-баши почти всегда богатый человѣкъ, потому что путеводительскій опытъ свой онъ почерпнулъ въ частыхъ и удачныхъ торговыхъ походахъ черезъ пустыни, имѣетъ много своихъ и наемныхъ верблюдовъ, и обыкновенно бываетъ

больше другихъ участниковъ каравана заинтересованъ въ его благополучномъ и скоромъ прибытіи къ мѣсту назначенія.

Мы не разъ переѣзжали поперекъ большіе караванные пути пустыни и ѣхали подолгу рядомъ съ ними. Для неопытнаго глаза пути тамъ нѣтъ ровно никакого. Тотъ же глубокій сыпучій песокъ, какъ и вездѣ кругомъ; только частые слѣды верблюжьихъ ногъ, заплывающіе пескомъ сейчасъ же по проходѣ, и едва поэтому замѣтные даже въ тихую погоду, обозначаютъ какую-то смутную полосу, вьющуюся по холмамъ и ныряющую въ лощины. Точь-въ-точь невѣрные, сейчасъ же застилаемые слѣдки на нашихъ снѣжныхъ равнинахъ во время поземки. При малѣйшемъ вѣтрѣ слѣды эти замѣтаются дочиста.

Вотъ мы теперь ѣдемъ знойнымъ и совершенно тихимъ днемъ, а между тѣмъ всѣ гребни и макушки песчаныхъ бархановъ потихоньку курятся себѣ легкими дымками отъ какого-то незримаго дыханія необъятной равнины и потихоньку, но основательно заглаживаютъ все, чтó только могутъ сгладить.

Но тонкій глазъ караваннаго вожака не нуждается въ этихъ грубыхъ признакахъ пути. Онъ скорѣе чуетъ, чѣмъ видитъ его. Ему достаточно изрѣдка только ухватить мимолетнымъ взглядомъ какую-нибудь высунувшуюся наружу бѣлую кость дохлой лошади или верблюда, какое-нибудь темноватое пятно среди дѣвственной желтизны песковъ, чтобы понять общее направленіе дороги. Караванъ-баши двигается со своимъ караваномъ черезъ пустыню, какъ перелетная птица черезъ моря и степи, намѣчая себѣ только самыя крупныя, на большихъ разстояніяхъ разбросанныя примѣты пути, какое-нибудь соленое озерцо, какую-нибудь развалину древняго кудука, и какъ птица инстинктомъ направляется на нихъ.

Конечно, и верблюды играютъ тутъ немалую роль. Какъ наша умная крестьянская лошадь въ самую безнадежную снѣжную куру можетъ чутьемъ вывести къ жилью сбившійся съ дороги обозъ, такъ и верблюдъ, вѣковѣчный обитатель пустыни, привыкъ чуять издалека сладостный для него запахъ воды, и самъ

собою потянетъ къ колодцамъ, естественнымъ и единственнымъ станціямъ пустыни.

Всѣ многочисленные караванные пути, перерѣзывающіе въ различныхъ направленіяхъ пески великой Среднеазіатской пустыни, опредѣляются въ своемъ направленіи колодцами. На однихъ путяхъ они чаще, на другихъ рѣже, на однихъ обильнѣе, на другихъ скуднѣе, на однихъ соленѣе, на другихъ слаще; но все-таки каждый караванный путь есть не что иное, какъ рядъ колодцевъ, ближе или дальше отодвинутыхъ другъ отъ друга и идущихъ послѣдовательною чередой черезъ всю пустыню отъ одного торговаго пункта до другого.

На нѣкоторыхъ, конечно, самыхъ удобныхъ караванныхъ путяхъ колодцы встрѣчаются такъ часто и слѣдуютъ другъ за другомъ по такой ясно опредѣленной линіи, что невольно приходитъ въ голову, ужъ не занесенное ли это русло какой-нибудь старой рѣки?

По крайней мѣрѣ я лично сильно подозрѣваю, что такъ-называемый «Іолъ-кую», этотъ самый короткій и очень старый караванный путь изъ Мерва къ Аму-Дарьѣ, по направленію къ Самарканду на Бурдалыкъ и Карши, идущій нѣкоторое время почти по самой линіи нашей желѣзной дороги, а потомъ уклоняющійся отъ нея подъ легкимъ угломъ вправо, — есть не что иное какъ нижнее теченіе рѣки Мургаба, когда-нибудь доходившей до Аму-Дарьи и въ нее впадавшей, но въ теченіе вѣковъ заваленной песками и теперь теряющейся въ пустынѣ безчисленнымъ множествомъ обезсиленныхъ мелководныхъ рукавовъ, болотъ и озерокъ.

Иначе трудно объяснить себѣ такое множество близкихъ другъ къ другу колодцевъ, направляющихся по прямой линіи отъ Мерва къ Аму-Дарьѣ и на картѣ производящихъ впечатлѣніе какого-то сплошного теченія.

Очень можетъ быть, что и другія подобныя же караванныя дороги, расходящіяся изъ Мерва какъ пальцы руки отъ ладони, напримѣръ Учь-Хаджи и Рафатакъ, направляющіяся прямо къ

Чарджую,—тоже старинные рукава Мургаба. Вѣдь нужно же, въ самомъ дѣлѣ, думать, что и Мургабъ, и другіе притоки Аму-Дарьи когда-нибудь да впадали же въ нее. А вѣдь теперь не только наши Мургабъ и Теджень, но и рѣка Балхъ, и рѣка Хулумъ въ Афганскомъ Туркестанѣ, текущія еще выше Мургаба и менѣе подверженныя дѣйствію песковъ, тоже не достигаютъ волнъ Аму-Дарьи, а теряются за нѣсколько десятковъ верстъ отъ ея берега.

Конечно, преждевременному истощенію ихъ способствуютъ безчисленные арыки, которые на всемъ пути этихъ рѣкъ разбираютъ ихъ воду, но вѣдь и съ Мургабомъ та же исторія съ незапамятныхъ временъ!

Длинная цѣпь нагруженныхъ верблюдовъ, будто живая иллюстрація моихъ мыслей, стала медленно вылѣзать изъ закрытой барханами лощины на гребень песчаной гряды...

Старикъ-текинецъ, кофейнаго цвѣта, въ бѣлой лохматой бородѣ и бѣлой лохматой шапкѣ, низко свѣсивъ съ крошечнаго ослика сухіе костяки своихъ босыхъ ногъ того же кофейнаго цвѣта, съ суровымъ безучастіемъ ѣдетъ впереди, не оглядываясь на ненавистную ему «шайтанъ-арбу».

Въ рукахъ у него длинный шестъ,—знакъ его власти надо всѣмъ этимъ верблюжьимъ отрядомъ,—а къ сѣдлу его прикрѣпленъ конецъ шерстяной веревки, за которую привязанъ передній верблюдъ. Второй привязанъ къ первому, третій ко второму, и такъ дальше до послѣдняго верблюда, словно всѣ они нанизаны на одну бичеву, какъ связка бубликовъ.

Мирною неспѣшною походкой, выкованною тысячелѣтіями, взбираются на холмы гуськомъ другъ за другомъ, терпѣливо покачивая свою тяжелую ношу, эти прирожденные вьюки-звѣри, вырѣжутся на минутку своими уродливыми силуэтами на знойномъ фонѣ неба и исчезаютъ одинъ за другимъ въ глубокой впадинѣ, куда спускается караванная тропа, словно пустыня вдругъ разомъ проглатываетъ ихъ. Вонъ они еще разъ показа-

лись вдали на макушкѣ высокаго бархана, поднимаясь на него тою же медленною чредой, и еще разъ словно провалились въ незримую для насъ пропасть, и опять вынырнули, и опять погрузились куда-то, слѣдуя капризнымъ поворотамъ тропы, извивавшейся между этимъ необозримымъ архипелагомъ песчаныхъ холмовъ, нырявшей въ его котловинахъ и ущельяхъ, карабкавшейся на песчаные гребни, похожіе другъ на друга какъ двѣ волны, гдѣ ни одинъ кустъ, ни одинъ камешекъ на пространствѣ сотенъ верстъ не помогалъ замѣтить направленія и поворотовъ пути.

Верблюдъ, сѣробурый, какъ эти барханы, кажется, рожденъ изъ песковъ и для песковъ. Мнѣ дѣлалось просто жутко слѣдить глазами за все болѣе и болѣе удалявшеюся отъ насъ кучкой верблюдовъ, которая казалась мнѣ издали жалкою одинокою комашкой, безнадежно затерянною среди неоглядныхъ волнъ моря...

Какъ найдутъ они среди нихъ свой путь, какъ выберутся они изъ этого безвыходнаго лабиринта?

А между тѣмъ азіаты до того привыкли къ своимъ старымъ караваннымъ дорогамъ и къ своей четырехногой живой повозкѣ, что до сихъ поръ гораздо охотнѣе и чаще возятъ товары изъ Россіи давно наѣзженнымъ путемъ черезъ Оренбургскія степи на верблюдахъ, чѣмъ въ вагонахъ Закаспійской желѣзной дороги. Знающіе туземцы увѣряли меня, будто кружный путь изъ Москвы на Тифлисъ и Узунъ-Ада со всякаго рода перегрузками обходится для товара много дороже, чѣмъ прямой путь въ Ташкентъ и Самаркандъ на Оренбургъ.

За станціей «Барханами» я съ удивленіемъ увидалъ вправо отъ дороги и недалеко отъ нея развалины каменной башни и примыкавшаго къ ней блокгауза.

— Чего вы дивитесь? въ пескахъ много такихъ развалинъ! остановилъ мои порывы одинъ изъ сидѣвшихъ въ вагонѣ мѣстныхъ жителей.—Вотъ проѣдемъ нѣсколько верстъ, такъ тамъ

недалеко,—жалко намъ не будетъ видно съ дороги,—цѣлая куча построекъ въ одномъ мѣстѣ сбита; кругомъ пески голые... И понять даже нельзя, зачѣмъ строены. Городъ что ли былъ старинный, кто его знаетъ?..

— А вы какъ же видѣли ихъ?—полюбопытствовалъ я.

— Да, во время работъ, когда желѣзную дорогу строили. Я тутъ на станціи подрядикъ кой-какой имѣлъ. Такъ въ свободное время забавлялись, ѣздили въ эти самые пески, за джейранами охотились, ну и видали много этихъ самыхъ развалинъ.

— А текинцы? они ужъ навѣрное знаютъ, что это были за постройки?

— Ничего они не знаютъ. Говорятъ, караванъ-сараи были старинные... кудуки... то-есть, колодцы ихніе большіе... да такъ врутъ наобумъ... Почемъ имъ знать!.. А видно, что старина. Кирпичъ такой, что въ Асхабадѣ теперь не сдѣлаютъ... аккуратный изъ себя, легкій, звонокъ, какъ серебро... Вотъ и въ Мервскомъ округѣ то же. Старый Мервъ видали? Такъ вѣдь тамъ помимо Стараго Мерва по всему Мургабу развалины старинныя. Мнѣ случалось къ Сарыкамъ ѣздить. Тамъ скрозь вездѣ башни, такія же вотъ какъ тутъ видите, города цѣлые въ развалинахъ... Древность, одно слово!

Въ сущности и удивляться нельзя, что въ пустынѣ этой столько развалинъ.

Вѣдь мы теперь въ самомъ сердцѣ древней Бактріи, классической страны песковъ и верблюдовъ. Не даромъ и зоологи называютъ двугорбаго верблюда бактрійскимъ верблюдомъ.

Повидимому, Бактрія временъ Александра Македонскаго заключала въ себѣ теперешнія мѣстности Афганскаго Туркестана, по лѣвому берегу Аму-Дарьи, то-есть Кундузъ, Хулумъ, Балхъ, Андхуй, Маймене, и вмѣстѣ съ тѣмъ прилегающія къ нимъ песчаныя пустыни восточной Туркменіи, черезъ которыя мы теперь ѣдемъ. Развалины древняго города Бактры, разрушеннаго Чингисъ-Ханомъ, до сихъ поръ показываютъ около Балха, раскину-

тыя на 30 верстъ въ окружности, оттого Балхъ пользуется глубочайшимъ уваженіемъ азіатцевъ; они считаютъ его однимъ изъ первыхъ человѣческихъ поселеній на землѣ и «матерью городовъ Востока». По ихъ убѣжденію, возрожденіе древняго Балха будетъ означать приближеніе конца свѣта. Балхомъ онъ сталъ называться уже въ средніе вѣка. Прежде его знали подъ именемъ Бактръ. А Бактры были богатѣйшимъ торговымъ городомъ Азіи и центромъ караванныхъ дорогъ. Въ Бактрахъ было мѣстопребываніе Зердушты или Зороастра, основателя древней религіи персовъ. Поэтому въ теченіе многихъ вѣковъ Бактры оставались главнымъ гнѣздомъ маговъ, послѣдователей его.

Теперь этотъ городъ, подобно Вавилону, Ниневіи, Бальбеку, служитъ, по выраженію Бёрнса, неистощимымъ рудникомъ кирпичей.

Но воспоминаніе о городѣ Бактрахъ и о странѣ Бактріанѣ сохранилось въ преданіяхъ народа. До сихъ поръ, какъ увѣряетъ Бёрнсъ, вся мѣстность между Балхомъ и Кабуломъ носитъ у туземцевъ названіе «Бахтаръ-Земинъ» (страна Бахтаръ).

Александръ Македонскій проникъ въ Бактрію уже изъ-за Паропамиза (или Кавказа, какъ называли его тогда). До Бактріи онъ нигдѣ не встрѣчалъ песковъ и пустыни, а двигался болѣе или менѣе населенными мѣстностями.

«Бактріанская земля многоразличное имѣетъ свойство, пишетъ историкъ Александра Квинтъ Курцій. Индѣ растетъ довольно лѣса и изрядно винограда родится; тучная земля многими источниками напояется; на умѣренной хлѣбъ сѣется, а прочія мѣста скоту на пажити оставляются. *Большая же часть оной страны песчаная и безплодная и ради чрезмѣрной суши ни люди тамъ не живутъ, ни плоды не родятся; а когда вѣтры возстаютъ отъ Понтійскаго моря, тогда весь песокъ на степяхъ безъ остатка въ бугры сметается, который кажется великими холмами, и тогда всѣ знаки проложенныхъ дорогъ погибаютъ.* И того ради путешествующіе тѣми мѣстами, какъ плавающіе по морю, въ ночное

время примѣчаютъ звѣзды, и по ихъ теченію управляютъ путь свой, и ночная темнота почти яснѣе дневного свѣта.

«Но гдѣ способнѣйшія мѣста, тамъ живетъ множество народа и лошадей довольно родится. Самыя Бактры, столичный городъ той страны, стоитъ подъ горой Паропамизомъ; подлѣ города течетъ Бактръ-рѣка, по которой и городъ и народъ называется».

Читая это обстоятельное и ясное описаніе древняго историка, можно его во всей буквальности примѣнить къ теперешнему состоянію песчаной туркменской пустыни и прилегающихъ къ ней плодородныхъ странъ по теченію рѣкъ, подобныхъ оазисамъ Мерва, Маймене, Балха и пр. За 22 вѣка до насъ, оказывается, здѣсь было еще большее многолюдство и еще большее плодородіе чѣмъ теперь; такъ же воспитывались славныя степныя лошади, такъ же вино добывалось изъ винограда. Но и Кара-Кумы, и барханы ихъ за то были тѣ же, тѣ же и караванные пути, и путевыя невзгоды. Видно, Азія не ушла ни на шагъ впередъ со времени Дарія Персидскаго.

Интересно описаніе похода Александра къ Оксусу (Аму-Дарьѣ) черезъ тѣ самыя раскаленныя песчаныя пустыни, которыя теперь безотрадно стелются кругомъ насъ, обжигая, кажется, самый воздухъ, и которыя тогда назывались Бактрійскими и Согдіанскими степями.

Александръ, оставивъ въ Бактрахъ обозъ, «самъ съ легкимъ войскомъ вступилъ въ Согдіанскія степи, продолжая путь ночнымъ временемъ».

«Черезъ 400 стадій ни капли воды не найдено. Пески отъ лѣтняго солнечнаго жара разгораются, *которые по распаленіи все какъ огонь разжигаютъ*".

«Уста и внутренность совсѣмъ запекаются. Итакъ, сперва духъ, а послѣ и тѣла ослабѣвали».

Тутъ-то именно и случился тотъ эффектный эпизодъ, о которомъ историки и моралисты трубятъ юношеству который уже вѣкъ.

Въ самый разгаръ жара и усталости Александрова войска

«изъ посылаемыхъ напередъ для занятія подъ станъ мѣста двое попались навстрѣчу, которые несли въ мѣхахъ воду для дѣтей своихъ, въ полкахъ находившихся».

«И какъ они съ царемъ встрѣтились, то одинъ изъ нихъ развязавъ мѣхъ, налилъ сосудъ воды и поднесъ Александру, который, принявъ воду, спросилъ: кому они несутъ? И увѣдавъ, что дѣтямъ, отдалъ имъ обратно, ни мало не прикушавъ, съ такимъ отвѣтомъ: «мнѣ и одному пить, и такой малой мѣры на всѣхъ раздѣлить—нельзя! Поспѣшайте, и дѣтей своихъ, для которыхъ несете, напойте!» Достигнувъ Оксуса, множество воиновъ Александра умирало тутъ же на берегу, опившись воды.

Оригинальна была переправа македонянъ черезъ быстрины Аму-Дарьи.

«Судовъ не имѣлось, и моста черезъ рѣку сдѣлать было не изъ чего, потому что *около рѣки голыя стѣны, и лѣса никакого не находится*».

Александръ приказалъ набить соломой кожаные мѣшки и лежа на нихъ воины переправлялись черезъ широкій Оксусъ. На шестой день все войско было уже на правомъ берегу Аму-Дарьи, въ Согдіанѣ, то-есть теперешней Бухарѣ.

Всѣ эти событія, отодвинутыя отъ насъ на разстояніе чуть не $2^1/_2$ тысячелѣтій, такъ еще пахнутъ теперешними дѣлами, теперешними условіями мѣстности, теперешними туземными обычаями, что, кажется, будто разсказъ идетъ не о походѣ македонянъ на Согдовъ въ IV вѣкѣ до Рождества Христова, а о какомъ-нибудь недавнемъ Хивинскомъ или Ахалъ-Текинскомъ походѣ нашихъ геройскихъ русскихъ солдатъ.

Монгольскіе кочевники, сроднившіеся со степью, можно сказать, степью порожденные,—стѣснялись ею гораздо меньше, чѣмъ какіе-нибудь македоняне. Когда великіе вожди завоеватели, подобные Чингису и Тимуру, объединили въ одно громадное царство всѣхъ кочевниковъ Азіи и почуяли свою грозную силу, то они не могли, конечно, терпѣть, чтобы вольные пески пустыни одни не подчинялись ихъ всемогущей волѣ. Они строили среди

этихъ песковъ колоссальные кудуки и рабаты, — хранилища водъ,—проводили эти воды искусно устроенными водопроводами иногда за нѣсколько дней пути съ какой-нибудь горы или озера, воздвигали среди пустыни обширные караванъ-сараи для путниковъ и товаровъ ихъ, башни и замки для защиты, гробницы надъ могилами благочестивыхъ мужей, погибавшихъ въ степи.

Развалины этихъ-то грандіозныхъ сооруженій былыхъ деспотовъ встрѣчаются до сихъ поръ среди безграничнаго простора сыпучихъ песковъ, возбуждая недоумѣніе и удивленіе современнаго путешественника.

По преданіямъ Кашгарскихъ сартовъ, какъ разсказываетъ въ своей книгѣ англійскій путешественникъ Робертъ Шоу, Чингисъ-Ханъ устроилъ водоемы на каждой стоянкѣ въ пустынѣ. Вода на всѣ его полчища заранѣе привозилась на верблюдахъ и вливалась въ водоемы. Въ шатрѣ его, увѣряетъ преданіе, помѣщалось 10.000 человѣкъ, а ханъ угощалъ своихъ гостей чаемъ въ чашкахъ изъ драгоцѣнныхъ камней.

Испанецъ Рюи-Гонзалецъ де Клавихо, отправленный въ 1403 году отъ Кастильскаго короля Генриха III посломъ къ Тамерлану и оставившій намъ любопытный разсказъ объ этомъ путешествіи, ѣхалъ въ Самаркандъ черезъ Трапезундъ и Ерсинганъ, стало-быть, не могъ миновать песчанаго моря Каракумовъ. Просвѣщенный гражданинъ тогдашняго цивилизованнаго европейскаго государства былъ пораженъ стройнымъ и строгимъ порядкомъ, съ какимъ монгольскій кочевникъ устроилъ почтовыя сообщенія въ своемъ необъятномъ пустынномъ царствѣ.

Черезъ каждый день пути содержались станціи на 100 и на 200 лошадей; въ степяхъ были выстроены огромные постоялые дворы, и окрестные жители обязаны были снабжать эти помѣщенія всѣми необходимыми жизненными припасами; гдѣ не было воды, всюду были проведены водопроводы. На дорогахъ поставлены были столбы для обозначенія разстоянія...

«Кто самъ не видѣлъ, тотъ не повѣритъ, какъ ѣздитъ этотъ

проклятый народъ!» въ наивномъ изумленіи заключаетъ Донъ-Клавихо.

Особенное уваженіе оказывалось царскимъ посланцамъ. Пословъ должны были угощать вездѣ; даже въ полѣ имъ разстилались ковры въ тѣни дерева, подавался кумысъ, хлѣбъ, рисъ и баранина. Если жители города или села не угощали добровольно, то воины, провожавшіе пословъ, накидывали поясъ на шею первому попавшемуся прохожему и, сидя сами на лошадяхъ, тащили его за собою и били палками и нагайками, пока онъ не указывалъ имъ дома старшины.

«Люди, которые видѣли ихъ на дорогѣ и узнавали, что это царскіе слуги... принимались бѣжать точно будто дьяволъ гнался за ними», повѣствуетъ простодушный Испанецъ. «А тѣ, которые были въ своихъ палаткахъ и продавали товары, запирали ихъ и тоже пускались бѣжать и прятались у себя въ домахъ; а проходя говорили другъ другу: Ельчи! то-есть посланники! такъ какъ уже всѣ знали, что съ посланниками приходили черные дни».

Старшинъ тоже били дубинами и все, что нужно, требовали даромъ.

«Если кто ѣдетъ по дорогѣ верхомъ, разсказываетъ далѣе Клавихо, будь онъ князь или кто-либо другой... и попадется ему такой человѣкъ, который ѣдетъ къ царю, и прикажетъ встать и отдать ему лошадь, потому что онъ ѣдетъ къ царю, или пошлетъ его съ какимъ-нибудь порученіемъ, онъ долженъ сейчасъ же исполнить и *не смѣетъ отказаться, потому что за это заплатитъ головой: такова воля царя.*“

По истинѣ Тамерлановская воля и Тамерлановская дисциплина! Но она тѣмъ не менѣе достигала своей цѣли, и пустыни Азіи дѣлались черезъ это доступными даже въ тѣ давніе темные вѣка.

X.

Переправа черезъ Аму-Дарью.

Теперь пустыня, можно сказать, перестала существовать. Желѣзная дорога убила ее. Нигдѣ, какъ среди этого моря песковъ, въ которомъ погребено столько человѣческихъ жизней, въ которомъ люди въ теченіе цѣлыхъ тысячелѣтій терпѣли столько мучительныхъ трудовъ, лишеній, страданій, опасностей,—нигдѣ такъ наглядно не убѣждаешься въ неоцѣнимомъ значеніи пароваго пути. Эти, съ виду простыя, двѣ желѣзныя нити, что чуть чернѣютъ среди песчанаго потопа, въ сущности связали истинно-желѣзными скрѣпами далекіе другъ отъ друга и всегда разобщенные человѣческіе міры. Съ одной стороны онѣ желѣзными оковами легли на всѣ враждующія разрушительныя силы, разобщавшія Европу отъ Средней Азіи, опоясавъ собою, какъ разсыпанное колесо шиной, почти всѣ племена туркменъ, отъ Іомудовъ у Каспійскаго моря и Гоклановъ за Атрекомъ, до Текинцевъ-Ахала и Мерва, до Кара-Туркменовъ Кара-Кума и Эрзари Аму-Дарьинскихъ береговъ.

Съ другой стороны, по этимъ гладкимъ рельсамъ съ неудержимою быстротой покатились и ворвались въ сердце Азіи не только товары Европы, но и европейскіе обычаи, европейскіе взгляды, европейскія знанія.

Я никогда не былъ сторонникомъ завоеваній и присоединеній къ Россіи азіатскихъ странъ. Не разъ выступалъ я въ печати со словомъ осужденія этой политики, съ точки зрѣнія собственно русскихъ интересовъ. Но если уже намъ суждено исторіей нести тяжелый крестъ цивилизованія полудикихъ азіатскихъ племенъ, если въ судьбахъ нашего народа предначертано ему водворять своимъ пóтомъ и кровью миръ и порядокъ въ странахъ вѣчнаго волненія и насилій, то нужно признать, что величайшею изъ нашихъ побѣдъ надъ разбойничьею Азіей, вели-

чайшимъ завоеваніемъ нашимъ въ странахъ далекаго Турана,— была эта желѣзная цѣпь въ полторы тысячи верстъ, которою мы привязали Азію къ Европѣ. Поразительное впечатлѣніе произвела постройка желѣзной дороги на туземцевъ Средней Азіи.

Можно сказать, что съ этой минуты покоренные нами народы Азіи поняли, что все для нихъ кончено, что старое никогда уже не вернется, что на шею ихъ надѣтъ желѣзный ошейникъ, котораго они не въ силахъ будутъ снять ни при какихъ условіяхъ. Эта исполинская работа, возбуждавшая при началѣ своемъ искреннія насмѣшки туземцевъ, твердо вѣрившихъ въ ея невозможность и предсказывавшихъ ея плачевный конецъ, потрясла этихъ дѣтей природы изумленіемъ и ужасомъ.

Что послѣ этого оставалось невозможнымъ для русскаго?

Народъ, который на своемъ огненномъ шайтанѣ переносится, какъ на крыльяхъ птицы, черезъ необозримую вѣковѣчную пустыню, черезъ непроходимые безводные пески, не нуждаясь ни въ колодцахъ Аллаха, ни въ молитвахъ дервишей,—чего не побѣдитъ онъ и передъ чѣмъ остановится?

Постройка Закаспійской желѣзной дороги была такимъ нагляднымъ подвигомъ русской силы, безстрашія, мудрости, предъ которымъ поблѣднѣла въ воображеніи восточнаго человѣка слава всякихъ Тамерлановъ и Искандеровъ.

Она вмѣстѣ съ тѣмъ открыла туземцамъ новые широкіе способы къ промысламъ всякаго рода, къ мирной выгодной наживѣ, показала имъ самымъ осязательнымъ и убѣдительнымъ для нихъ образомъ все преимущество твердаго государственнаго порядка и цивилизованныхъ учрежденій надъ невѣжественнымъ и необезпеченнымъ бытомъ ихъ прошлаго. Пока не было желѣзной дороги, Россія была не въ силахъ внести въ прочно установившуюся жизнь старыхъ азіатскихъ ханствъ существенно-новыхъ промышленныхъ началъ. Только рельсовый путь могъ дать громадный толчокъ среднеазіатской торговлѣ и зародить въ промышленныхъ центрахъ Азіи крупныя фабричныя и заводскія предпріятія, развивающіяся теперь не по днямъ, а по часамъ.

Нужно сказать великое спасибо талантливымъ и настойчивымъ людямъ, самоотверженными трудами которыхъ проложена была черезъ недоступныя пустыни эта живительная артерія, принесшая въ нее цивилизованную жизнь Европы.

Великое спасибо и за родную Россію, которая высоко стала въ глазахъ народовъ, просвѣщенныхъ и непросвѣщенныхъ, свершивъ такъ просто и скоро такой подвигъ Геркулеса, и за все человѣчество, которое въ этой дорогѣ получило незамѣнимое орудіе для своихъ просвѣтительныхъ и миротворныхъ задачъ въ одномъ изъ коренныхъ очаговъ дикости и тьмы...

Противъ генерала Анненкова, энергическаго строителя Закаспійской желѣзной дороги, раздавались и продолжаютъ раздаваться много осуждающихъ и обвиняющихъ его голосовъ. Мы, русскіе люди, вѣдь особенно падки и особенно умѣлы на осужденіе самихъ себя. Я не имѣю ни возможности, ни желанія защищать строителя Закаспійской дороги. Я не знаю, совершены ли имъ какія техническія ошибки при этой постройкѣ, удовлетворительно ли представлены имъ отчеты по ней. Но я знаю одно, что генералъ Анненковъ совершилъ великое историческое дѣло, сработалъ работу изумительную по своей колоссальности. Я знаю, что каждая страна дорожитъ, какъ своею народною славой—именами людей, отмѣтившихъ себя въ исторіи благодѣтельнымъ для народа подвигомъ.

Постройка Закаспійской желѣзной дороги—несомнѣнный подвигъ. Поэтому я думаю, что несправедливо примѣнять обычный мелочной масштабъ канцелярій и бухгалтерій къ подобнаго рода крупнымъ историческимъ дѣламъ. Постройка Закаспійской желѣзной дороги происходила при условіяхъ такихъ исключительныхъ, такихъ невообразимо тяжелыхъ, среди такихъ опасностей и неожиданностей, что ее невозможно учитывать по шаблонной мѣркѣ какого-нибудь шоссе между Калугой и Москвой. Никакая смѣта, никакія справочныя данныя не въ состояніи были предвидѣть и оцѣнить того, что могло случиться въ дѣйствительности при работахъ среди безводныхъ и безлюдныхъ пустынь,

на тысячи верстъ удаленныхъ отъ торговыхъ и промышленныхъ центровъ, при полномъ отсутствіи кругомъ гражданскаго порядка и безопасности, можно сказать, въ вѣчной осадѣ едва покоренныхъ степныхъ разбойниковъ...

Проѣзжая по Закаспійской дорогѣ, я только чувствовалъ одно ея большое неудобство, совсѣмъ независимое отъ ея строителей. Мнѣ постоянно казалось, что отъ самаго Каспія я ѣду по какой-то безконечной узкой плотинѣ, ничѣмъ не обезпеченной ни справа, ни слѣва. Направо, какъ говорится, сейчасъ же подъ локтемъ, провожаетъ васъ чуть не до самаго Мерва персидская граница, налѣво—песчаная пустыня, доступная только кочевымъ разбойникамъ. Отъ Мерва эта пустыня уже съ обѣихъ сторонъ, и узкая рельсовая лента буквально, какъ плотина, охвачена кругомъ моремъ песковъ.

Когда подумаешь, какъ далеко отсюда очагъ русской военной силы и русскаго промышленнаго богатства, когда вспомнишь, что пути сюда изъ Москвы и Нижняго пересѣкаются и горами Кавказа, и волнами Каспія, что нѣтъ сюда сплошного пути даже изъ нашей Кавказской окраины, то дѣлается какъ-то жутко за этотъ смѣлый починокъ русской гражданственности, такъ далеко ворвавшейся въ чуждыя ей стихіи. Невольно приходитъ въ голову, что въ случаѣ серьезнаго пожара, который можетъ не нынче-завтра охватить воспріимчивые народы Центральной Азіи, сообщеніе Россіи со своими далекими и разъединенными военными колоніями Мерва, Асхабада, Чарджуя, по этому узенькому беззащитному мостику въ полторы тысячи верстъ, врядъ ли будетъ возможно.

Невольно приходитъ въ голову и то, что наше наступленіе на Туркестанъ, на Индію, на Персію рельсовыми путями было бы гораздо удобнѣе и прочнѣе по тѣмъ стариннымъ историческимъ слѣдамъ, по которымъ въ теченіе вѣковъ русская народность привыкла напирать на Азію. Продолженіе Оренбургской желѣзной дороги на Ташкентъ, безъ того неизбѣжное въ болѣе или

менѣе близкомъ будущемъ, было бы, мнѣ кажется, самымъ естественнымъ выходомъ русскихъ силъ въ степи и оазисы Турана. Дорога эта была бы обезпечена съ сѣверо-востока ближайшимъ сосѣдствомъ русской Сибири и новыхъ областей степного генералъ-губернаторства, Тургайской, Акмолинской, Семирѣченской и прочихъ, уже въ сильной степени обрусѣвшихъ и съ каждымъ днемъ привлекающихъ къ себѣ все больше и больше русскаго элемента. Кромѣ того, дорога эта служила бы непосредственнымъ продолженіемъ торговыхъ и военныхъ путей изъ самыхъ русскихъ угловъ Россіи и изъ политическаго и экономическаго центра—Москвы. Эта дорога опиралась бы на широкій и крѣпкій базисъ и была бы во всѣхъ обстоятельствахъ и во всякое время *своею дорогой*. Дальнѣйшая дорога изъ Ташкента и Кокана въ Самаркандъ уже теперь на очереди. Дорога изъ Самарканда въ Мервъ существуетъ и дѣйствуетъ. Всѣ эти дороги, выходя изъ Ташкента, какъ своего базиса, являлись бы передовымъ полкомъ русской силы среди азіатскихъ народностей, не оторваннымъ отъ главной рати ея, а тѣсно съ нею связаннымъ и надежно подпертымъ ею съ тыла.

Можно сказать, что по такой сплошной *Московско-Мервской* дорогѣ сама Москва ударяла бы прямо въ сердце Азіи, напирала бы всею присущею ей мощью на враждебныя намъ азіатскія государства и народности.

Торговое чутье восточнаго человѣка поняло это преимущество сплошной связи азіатскаго центра съ центромъ Россіи, и, несмотря на всю выгодность желѣзнодорожныхъ путей, жители Средней Азіи и Закаспійскаго края продолжаютъ привозить къ себѣ московскіе и нижегородскіе товары и отвозить въ Россію свой хлопокъ и шелкъ гужомъ на верблюдахъ черезъ Оренбургскія степи съ большею охотой, чѣмъ черезъ Закаспійскую желѣзную дорогу и каспійскіе пароходы Меркурія.

Намъ кажется, что Закаспійская желѣзная дорога, задуманная и осуществленная единственно въ цѣляхъ завоеванія туркменскихъ оазисовъ и нравственнаго вліянія на Персію, осталась

отчасти при этихъ своихъ специальныхъ задачахъ и даже съ дальнѣйшимъ протяженіемъ своимъ къ Самарканду не могла достигнуть того военно-политическаго и торговаго значенія, которое, несомнѣнно, имѣла бы за собою Оренбургско-Мервская линія.

Съ дѣтскою радостью увидѣли мы наконецъ зеленую долину древняго Оксуса и ощутили освѣжающее вѣяніе его далекихъ еще волнъ. Какъ матросы Колумба, потерявшіе надежду когда-нибудь выбраться изъ синей глади океана,—мы готовы были крикнуть въ восторгѣ «земля, земля!» Однообразныя пучины песчанаго океана оставались за нами, и вокругъ насъ начинали стелиться плодоносныя поля и тѣнистые сады Туркменъ Эрзари, заселившихъ оба побережья Аму-Дарьи на границѣ Бухарскаго ханства съ пустыней. Туркмены Эрзари больше другихъ подпали вліянію осѣдлаго населенія Бухары и разбойничаютъ меньше другихъ, во всякомъ случаѣ гораздо меньше Мервцевъ, этихъ недавнихъ разбойниковъ изъ разбойниковъ.

Въ садахъ и аулахъ своихъ Эрзари, какъ и всѣ Туркмены, живутъ только весной и лѣтомъ; на зиму они уходятъ въ пески, гдѣ разбиваютъ свои кочевья по близости какихъ-нибудь колодцевъ въ защищенныхъ отъ вѣтра котловинахъ. Зима здѣсь малоснѣжна, почти безснѣжна. Близъ горъ и рѣкъ, на глинистыхъ вязкихъ почвахъ, жить въ кибиткѣ зимой въ сезоны дождей слишкомъ сыро и грязно, а на пескѣ сухо, чисто и здорово. Кромѣ того, на горахъ снѣгъ слишкомъ глубоко заваливаетъ подножный кормъ для скота. Верблюдъ, овца, быкъ не въ силахъ бываютъ докопаться копытомъ до прошлогодней травы, какъ это они легко дѣлаютъ въ открытыхъ песчаныхъ равнинахъ, или совсѣмъ голыхъ, или чуть прикрытыхъ снѣжкомъ, хотя трава на нихъ, конечно, скуднѣе и тоще, чѣмъ въ плодородныхъ оазисахъ у горъ. Да въ пескахъ къ тому же значительно теплѣе, чѣмъ на берегу рѣки или у горъ, потому что пески хорошо нагрѣваются даже и зимнимъ солнцемъ. Лошадь

свою Туркменъ никогда не выпускаетъ на пастбище. Онъ воспитываетъ ее заботливо, какъ Англичанинъ своихъ расовыхъ коней, увязываетъ ее всякими одѣялами и кормитъ посѣвнымъ сѣномъ-юрунджой, которое одно онъ только и сберегаетъ ради нея на зиму. Вообще меня поразило сходство туркменскаго воспитанія лошади съ извѣстными пріемами въ этомъ дѣлѣ Англичанъ. Какъ Англичанинъ, Туркменъ прежде всего заставляетъ выпотѣть своего коня, и еще жеребенкомъ задаетъ ему страшныя гонки.

Пока лошадь пьетъ жадно послѣ такихъ гонокъ, туркменъ считаетъ, что она еще жирна, что ее нужно гонять больше. Кормъ ей дается тоже съ большимъ выборомъ, сухой и въ очень умѣренныхъ количествахъ. Зато и результаты этого спартанскаго воспитанія, этого превращенія лошади въ сухого поджараго бѣгуна, не вѣдающаго устали, — по истинѣ изумительны! Хорошая туркменская лошадь можетъ дѣлать по 600 англійскихъ миль, то-есть по 1.000 верстъ, въ семь и даже шесть дней; на перегонкахъ своихъ туркмены сплошь да рядомъ скачутъ безъ остановки 20—25 миль, то-есть 30 и 40 верстъ, и только такіе неутомимые сильные скакуны получаютъ награду и славу и цѣнятся какъ сокровище туркменами. Хорошаго коня туркменъ не продастъ ни за какія деньги, и это вполнѣ понятно, потому что вся жизнь и богатство туркмена — въ его конѣ; налетѣть нежданнымъ вихремъ на какой-нибудь бухарскій или персидскій кишлакъ и умчать въ пески награбленную добычу, такъ чтобы никакая погоня не могла настигнуть его, — вотъ недавніе еще идеалы туркмена и его единственный хозяйственный промыселъ. Понятно, что вся участь его зависѣла отъ быстроты и силы коня; понятно, что онъ и ухаживалъ за нимъ, какъ за любимымъ ребенкомъ.

Недавно еще путешественники могли слышать отъ туркменъ такую наивную оцѣнку своихъ лошадей: «вотъ эту лошадь я купилъ за трехъ персіянъ и одного мальчика, а эту за двухъ дѣвушекъ».

Такая живая монета, можно сказать, на дняхъ еще была среди туркменскихъ разбойниковъ гораздо больше въ ходу, чѣмъ всякія тенги и тиллы.

Меня озадачилъ общій обычай туркменъ кастрировать своихъ прекрасныхъ коней, что̀ такъ мало вязалось съ моими представленіями объ азіатскихъ наѣздникахъ. Но и эта жестокая операція—тоже дѣлается ради легкости и быстроты бѣга, стало-быть, ради наживы и спасенія своей шкуры.

Плодородная береговая низина, заселенная племенемъ Эрзари, тянется на нѣсколько верстъ поперекъ. Поля ихъ обработаны необыкновенно тщательно; нѣкоторыя отлично укатаны; всякое поле обнесено глинянымъ заборчикомъ и обсажено шелковичными деревьями; вездѣ глубокіе арыки, тоже среди аллей деревьевъ; всходы пшеницы, джугары, люцерны (юрунджи) превосходные. Чистая Бельгія или Саксонія, а ужъ никакъ не Туркменія! Зато, пашутъ на быкахъ обычными первобытными деревянными плугами, которые видишь здѣсь по всему Востоку и которыми, безъ сомнѣнія, еще Церера пахала Грецію. Аулы Эрзари — это ряды укрѣпленій своего рода. Четырехугольныя пирамиды изъ битой глины съ плоскимъ верхомъ, съ одною маленькою дверочкой и однимъ еще меньшимъ окошечкомъ—вотъ обычные дома туркменской деревни. Болѣе богатые обнесены высокими стѣнами съ круглыми зубцами, съ конусообразными столбами вмѣсто башенъ, искусно сложенными изъ глины. Кладка стѣнъ идетъ тонкими слоями, которымъ даютъ постепенно высыхать и осѣсть, что̀ придаетъ стѣнамъ красивый рубчатый узоръ.

Поѣздъ нашъ столкнулъ съ полотна въ воду глубокаго арыка зазѣвавшагося юнаго ослика и торжественно въѣхалъ въ городокъ Чарджуй.

Собственно бухарскій городъ Чарджуй направо отъ дороги, верстахъ въ трехъ отъ нея. Отсюда хорошо видны намъ глиняныя стѣны и глиняныя башни Чарджуйской крѣпости,—этой

пограничной твердыни Бухарскаго ханства, достаточно грозной для какихъ-нибудь туркменъ или афганцевъ. Чарджуйскій бекъ— одинъ изъ родственниковъ эмира, владѣтельная особа своего рода, а Чарджуй—одинъ изъ самыхъ значительныхъ по богатству и торговлѣ городовъ Бухары.

Русскій Чарджуй тоже на Бухарской землѣ, и мы, такъ сказать, только гости здѣсь. Эмиръ не мѣшаетъ русскимъ строиться здѣсь и торговать, и держать свои войска, которыя прежде всего охраняютъ на русскій счетъ безопасность его собственныхъ владѣній. Войска здѣсь порядочно: туркестанскій баталіонъ тысячнаго состава, артиллерійская батарея, взводъ казаковъ. Вмѣстѣ съ торгующимъ людомъ и служащими на желѣзной дорогѣ въ русскомъ Чарджуѣ наберется теперь тысячи три русскаго народа, и съ каждымъ днемъ онъ прибываетъ, потому что выгодное торговое положеніе Чарджуя на переправѣ черезъ Аму-Дарью и на перепутьи желѣзныхъ дорогъ привлекаетъ къ нему предпріимчивыхъ людей. Нѣтъ сомнѣнія, что въ скоромъ будущемъ русскій Чарджуй тоже разрастется въ большой городъ, наполнится фабриками и складами товаровъ. Для торговли съ Афганистаномъ и Персіей онъ по своему положенію много удобнѣе Бухары и Самарканда. Хлопкоочистительные, а тѣмъ болѣе бумагопрядильные заводы нигдѣ не были бы такъ у мѣста, какъ въ Чарджуѣ.

Русскій городокъ глядитъ оживленно и весело. Очень порядочная православная церковь, хорошенькіе домики въ зеленыхъ садахъ, вездѣ цвѣтущія бѣлыя акаціи, магазины, движеніе. Кирпичные заводы со своими гигантскими горнами окружаютъ городъ, какъ рядъ неприступныхъ фортовъ. Одно число этихъ заводовъ уже краснорѣчиво говоритъ о быстромъ ростѣ этого на дняхъ только возникшаго поселка, потребляющаго теперь такую массу строительныхъ матеріаловъ.

Въ Чарджуѣ есть еще особый родъ жителей—уральцы. Они разселились по берегамъ Аму-Дарьи, на земляхъ туркменъ и сартовъ, платя имъ арендную плату и усердно занимаясь рыбо-

ловствомъ, котораго не знаютъ хорошо ни сарты, ни туркмены. Аму-Дарья кишитъ рыбой и высылаетъ во множествѣ въ Россію икру, осетровъ, стерлядей и всякую вообще красную рыбу. Фунтъ только-что вылитой икры на чарджуйскомъ базарѣ стоитъ отъ 80 коп. до 1 рубля и 1 руб. 20 коп. Уральцы обыкновенно дожидаются пассажировъ съ коробками свѣжей икры и на перебой снабжаютъ ихъ ими. Эти уральцы—ссыльные своего рода. Они не захотѣли подчиниться новому войсковому уставу и были разосланы во всѣ углы Туркестана, на Аральское море, на Сыръ-Дарью, на Аму-Дарью. Вездѣ они принялись за свое любимое привычное ремесло, и скоро овладѣли мѣстнымъ рыболовствомъ, въ которомъ не можетъ быть имъ соперника.

Въ прохладной столовой вокзала насъ накормили до сладости свѣжею аму-дарьинскою севрюгой и, что главнѣе всего, напоили отличнымъ русскимъ квасомъ, которому нѣтъ цѣны въ этомъ туркменскомъ пеклѣ, а тамъ опять пришлось лѣзть въ пыльные и душные ящики вагоновъ—переѣзжать Аму-Дарью. Любители природы обыкновенно пересаживаются для этой переправы въ особый вагонъ-клѣтку впереди поѣзда, и уже оттуда безо всякихъ препятствій любуются широкими перспективами исторической рѣки и знаменитымъ желѣзнодорожнымъ мостомъ.

Безконечный рядъ столбовъ, переплетенныхъ другъ съ другомъ въ гигантскую плетеницу, и безконечная тесьма покрывающихъ ихъ досокъ, цѣлая деревянная дорога въ три версты длины — прямо, какъ стрѣла, вонзается поперекъ теченія въ широкую скатерть водъ и уходитъ изъ вашихъ глазъ, словно тонетъ гдѣ-то тамъ въ туманахъ дали. Кажется, и поѣздъ нашъ ѣдетъ по ней какъ жертва въ пасть чудовища прямо въ эту охватившую насъ кругомъ пучину. Дѣлается немножко жутко на душѣ, когда колоссальная желѣзная стоножка поѣзда тяжко влѣзаетъ на зыбкіе устои моста и медленно переползаетъ на ту сторону, чуть-чуть пошатываясь вмѣстѣ съ мостомъ и поскрипывая во всѣхъ своихъ суставахъ, словно охая отъ страха...

Древній Оксусъ широкъ, какъ море. Бурая стремнина его вся въ курчавыхъ завиткахъ отъ невидимыхъ глазу водоворотовъ, безшумно льется внизъ сплошною многоверстною скатертью; песчаныя мели, словно лысины черепа, желтѣютъ тамъ и сямъ сквозь тонкій слой бѣгущихъ водъ. Аму-Дарья очень своенравна. Одинъ годъ русло ея подъ самымъ Чарджуемъ, въ другой годъ уходитъ за двѣ версты отъ него. Теперь вода ушла къ тому берегу, и вблизи Чарджуя остались только ея затоны, покрытые частыми мелями, перерѣзанные рукавами. Главное русло Оксуса особенно быстро и особенно мутно. Желѣзнодорожный поѣздъ перебирался черезъ него еще тише, чѣмъ черезъ прибрежные разливы, а деревянный мостъ вздрагивалъ и скрипѣлъ еще сильнѣе... Ему очевидно достается не мало отъ этихъ стремнинъ варварской рѣки, катящихъ въ своихъ глинистыхъ волнахъ дубы и камни изъ далекихъ горныхъ дебрей.

Недаромъ, уже сносило одинъ разъ этотъ мостъ разливами рѣки. Туркмены и бухарцы пророчили намъ позорную неудачу, когда генералъ Анненковъ задумалъ строить деревянный мостъ черезъ ихъ непобѣдимый Джейгунъ.

Если самъ мудрый Тимуръ-Ленгъ, побѣждавшій все и всѣхъ и смѣло перекидывавшій каменные своды черезъ волны многихъ рѣкъ, не посмѣлъ возложить оковъ на великую рѣку, то какъ же могутъ устоять противъ нея жалкія бревнушки невѣрныхъ москововъ?

Туземцы, собравшіеся толпами по обоимъ берегамъ рѣки, глазамъ своимъ не вѣрили, когда желѣзнодорожный поѣздъ, расцвѣченный флагами, съ торжественною музыкой, при громѣ пушекъ и барабановъ, переѣхалъ вдругъ по этимъ деревяннымъ дощечкамъ черезъ пучины бурнаго Джейгуна, раздѣлявшаго ихъ такъ долго на два разобщенные міра.

До постройки желѣзнодорожнаго моста переправа черезъ Аму-Дарью была не безопасна и не легка. Если уже не прибѣгали къ способу Александра Македонскаго и не переплывали великой рѣки лежа на бурдюкахъ, то все-таки нужно было нанимать

большія барки и тащить ихъ лошадьми, чтобы стремнина рѣки не унесла судно вмѣстѣ съ людьми и товарами внизъ по теченію. Англичанинъ Бёрнсъ, проѣхавшій въ Бухару изъ Индіи въ началѣ тридцатыхъ годовъ нашего столѣтія, переправился такимъ именно образомъ. Къ каждому концу судна привязали по парѣ и по двѣ пары лошадей, взнуздали ихъ возжами, какъ будто онѣ были запряжены въ колесницу, и туркменъ-погонщикъ, стоя въ суднѣ, правилъ ими и погонялъ ихъ, чтобъ онѣ поскорѣе плыли къ тому мѣсту, гдѣ было удобно высадиться.

Что должна была стоить такая переправа для цѣлыхъ стадъ овецъ, для табуновъ лошадей, для нагруженныхъ товарами верблюдовъ, — можно себѣ легко представить; я не говорю уже объ остановкахъ и потерѣ времени.

Въ «Караванъ-Запискахъ» Кайдалова, ѣздившаго въ 1824—25 годахъ по порученію нашего правительства въ Туркестанъ, приведенъ одинъ такой примѣръ. За перевозку черезъ Сыръ-Дарью на другой берегъ караванъ Кайдалова долженъ былъ заплатить киргизамъ-лодочникамъ, владѣльцамъ огромныхъ каюковъ, сдѣланныхъ изъ тутоваго дерева, *больше двухъ тысячъ рублей*, да киргизы, сопровождавшіе караванъ, отдали, кромѣ того, за свой скотъ тѣмъ же счастливымъ харонамъ *четыреста барановъ*.

Древній Оксусъ не только широкъ, но и протянулся въ длину отъ горизонта до горизонта. Его изгибы и плесы, освѣщенные вечерѣющимъ солнцемъ, синѣютъ и сверкаютъ куда только достигаетъ глазъ. Вездѣ песчаныя лысины, острова плавни, вездѣ курчавая зелень ауловъ, провожающихъ сплошною лентой, хотя и въ нѣкоторомъ почтительномъ разстояніи, его берега. Чѣмъ-то заманчиво таинственнымъ, словно распахнутыя ворота въ невѣдомое царство свѣта и нѣги, смотритъ эта залитая оранжевыми огнями даль, въ ослѣпительномъ блескѣ которой исчезаетъ на предѣлахъ горизонта послѣднее видное намъ колѣно рѣки. Въ пустынномъ величіи несетъ эта рѣка массы своихъ

водъ изъ далекихъ ледниковъ Болоръ-Тага и Гинду-Куша въ соленую чашу Арала. Кочевникъ словно не смѣетъ довѣрить себя ея суровымъ стремнинамъ, и рѣдко, рѣдко прорѣжетъ гдѣ-нибудь широкій просторъ ея разлива одинокое, робко пробирающееся судно. Только около новорожденнаго гнѣзда русской силы, на пристань Чарджуя,—нѣсколько драгъ терпѣливо расчищаютъ своими крошечными ковшиками постоянно заносимое русло, да дымится пониже желѣзнодорожнаго моста совсѣмъ не подходящій къ этимъ азіатскимъ пейзажамъ русскій военный пароходъ. Онъ держитъ рейсы внизъ по рѣкѣ между Чарджуемъ и Петро-Александровскомъ, а другой такой же пароходъ ходитъ между Чарджуемъ и Карки, вверхъ по рѣкѣ.

Рейсы эти изъ учтивости называются срочными; но когда мы съ женой освѣдомились подробнѣе объ этихъ срокахъ, собираясь проѣхаться ненадолго въ Хиву, то собесѣдникъ нашъ, мѣстный житель и мѣстный инженеръ, — громко расхохотался.

— Какъ? Вы въ самомъ дѣлѣ думаете, что здѣсь у насъ можетъ существовать правильное пароходство какъ на Волгѣ или на Черномъ морѣ? изумлялся онъ. — Въ четвергъ, дескать, въ 8 часовъ утра приходитъ, въ 9½ отходитъ... Какъ бы не такъ!.. Тутъ, батюшка, у насъ рѣка всему голова... Она надъ нами умничаетъ, а не мы надъ нею. Выпадутъ большіе дожди въ горахъ, не будетъ знойныхъ дней, ну, и прибавится водицы, пароходы и пролѣзутъ себѣ какъ-нибудь... А постоитъ недѣльку-другую сушь да жара, нанесетъ съ пустыни песковъ вѣтеръ горячій,—вотъ вамъ и мели на каждомъ шагу. Не столько впередъ ѣдетъ пароходъ, сколько съ мелей стаскивается, да глубину щупаетъ. Вѣдь тутъ мели не постоянныя, а переносныя: сегодня здѣсь, а завтра тамъ, и фарватеръ такой же, вчера хорошо проѣхалъ, а сегодня прямо носомъ въ песокъ врѣзался; разыскивай его какъ знаешь! Никакія карты и лоціи не помогутъ. Вотъ теперь апрѣль, весна кажется, а воды немного. Видите какіе черепа изъ-подъ воды свѣтятся! Какъ тутъ пароходу не наткнуться, а ужъ особенно ночью. Черезъ мѣсяцъ совсѣмъ

другое дѣло: вода сильно пожирнѣетъ, тогда и плавать будетъ отлично.

— Черезъ мѣсяцъ, я думаю, еще меньше воды будетъ; развалъ лѣта, зной! замѣтилъ я.

— Ну да, это по вашему, по-россійскому, а у насъ тутъ свои законы. У насъ разливъ водъ не весной, а въ серединѣ лѣта бываетъ. Когда прожаритъ солнце хорошенько снѣга вѣчные, да ледники на большихъ горахъ, тогда и поддаетъ намъ оттуда водицы... Тогда и начинается у насъ настоящее судоходство. А все-таки и тогда скоро въ Хиву не съѣздите. Внизъ-то, положимъ, живымъ духомъ донесетъ, дня въ три, а оттуда, въ гору, страсть какъ тяжело! Поглядите-ка какой столбъ воды сверху претъ, навстрѣчу ему двигаться не шутка? Какъ ни вертите, а туда и сюда недѣльки три пройдетъ, да, пожалуй, еще съ хвостикомъ. Знаете, я на каюкѣ ѣздилъ съ Туркменами, такъ, право, пріятнѣе. По крайней мѣрѣ дешево, да и нравы туземные отлично узнаешь. А на пароходѣ ничуть не выйдетъ скорѣе, если всѣ мели своими боками пересчитывать. Потомъ вы должны положить еще на самую Хиву нѣсколько дней. Вѣдь водой идутъ только до Петро-Александровска, до крѣпости нашей русской. Ее нарочно на берегу поставили, чтобы въ родѣ караульнаго надъ Хивой наблюдала; чуть тамъ что,—тутъ у насъ и готовы гостинцы! А до Хивы отъ Петро-Александровска еще верстъ съ 60 будетъ. Арбу нужно нанимать, или верблюда, лошадь... Туда, да назадъ, да Хиву осмотрѣть, вотъ и сочтите!...

— А въ Хивѣ-то самой много интереснаго?

— Ей Богу ровно ничего! Не вѣрьте вы, пожалуйста, никакимъ туристамъ. Все врутъ! Ну аулъ огромный, и ничего больше; совсѣмъ на городъ даже не похожъ. Мазанки глиняныя, да базары. Есть, положимъ, мечети двѣ порядочныя, ну, дворецъ тамъ ханскій, урда по-ихнему, да все это во сто разъ лучше и интереснѣе въ Бухарѣ увидите и въ Самаркандѣ... И базары, и все... А халатники все тѣ же, и товары тѣ же, и жизнь все та же...

Ужъ на что хороши Бухарцы, а и тѣ считаютъ Хивинцевъ варварами своего рода. Увѣряютъ, что они и обрядовъ своихъ мусульманскихъ не знаютъ и не учатся ничему... А по моему они все-таки лучше этихъ ханжей Бухарцевъ, грубѣе, правда, но за-то искреннѣе, честнѣе, гостепріимнѣе. Бухарецъ прелукавая бестія!

Вверхъ по рѣкѣ тоже поднимался въ это время пароходъ, только что, повидимому, отчалившій отъ берега. Онъ шелъ въ Карки съ грузомъ для его гарнизона.

Карки — послѣдній городъ и послѣднее укрѣпленіе Бухары на границѣ съ Афганистаномъ. Тамъ постоянно стоитъ нашъ военный отрядъ, хотя земля и бухарская. Пароходъ ползъ въ гору медленно, какъ каракатица, то и дѣло виляя вправо и влѣво, и поминутно останавливался въ раздумьи, словно слѣпой, ощупывающій палкой свою дорогу. Сейчасъ видно, что не скоро добраться ему до далекаго пограничнаго городка. Недавно поѣхалъ было на немъ, какъ мнѣ разсказывали, одинъ изъ военныхъ начальниковъ, которому необходимо было побывать въ Каркахъ. Онъ такъ измучился этимъ рачьимъ шествіемъ на парахъ, что не выдержалъ и съ половины пути высадился на берегъ; оттуда уже онъ добрался кое-какъ до Карки песками, то на перемѣнныхъ лошадяхъ, то на верблюдахъ. И все-таки пріѣхалъ значительно раньше, чѣмъ привалилъ злополучный пароходъ.

Можетъ быть, все это и имѣетъ свои законныя оправданія, но, признаюсь, меня возмутило такое слабосиліе наше передъ самыми обыкновенными явленіями природы. Не берусь судить, чѣмъ и какъ слѣдовало бы поправить дѣло, нужно ли бы было завести здѣсь какіе-нибудь особенные плоскодонные пароходы или оградить чѣмъ-нибудь фарватеръ рѣки отъ наносовъ, но твердо знаю одно, что заберись сюда завтра англичане, французы или нѣмцы,—у нихъ съ того же дня исправно стали бы ходить здѣсь многочисленные пароходы, возились бы товары,

разъѣзжала бы всякая публика, туземная и наѣзжая, выстроились бы по берегамъ пристани, гостинницы, фабрики, и посѣщеніе туристомъ какой нибудь Хивы сдѣлалось бы самымъ не долгимъ и простымъ дѣломъ. Вѣдь уже ходятъ серьезные слухи, что англичане заводятъ пароходство на той же самой Аму-Дарьѣ въ мелкихъ ханствахъ, подвластныхъ Афганистану, слѣдовательно, въ тѣхъ ея верхнихъ частяхъ, которыя гораздо менѣе удобны для плаванія, гораздо богаче камнями, гораздо бѣднѣе водой, чѣмъ находящееся въ нашей зависимости нижнее теченіе Оксуса; вѣдь, наконецъ, рядомъ же съ нами, въ Персіи, за которою мы ухаживали столько вѣковъ, тѣ же англичане сумѣли открыть на-дняхъ выгодное пароходство по рѣкѣ Керуну, считавшейся до сихъ поръ недоступною для судовъ черезъ свои пороги?

Аму-Дарья впадаетъ теперь въ Аральское море, но еще въ XIII столѣтіи она вливалась прямо въ Каспійское. Есть, правда, люди, которые это оспариваютъ и которые доказываютъ даже невозможность теченія Аму-Дарьи въ Каспійское море. По измѣренію ихъ, уровень такъ-называемаго стараго русла Аму-Дарьи во многихъ мѣстахъ оказывается выше уровня теперешняго нижняго теченія ея, стало-быть, Аму-Дарья должна была течь на гору, а не подъ гору. Но скептицизмъ этотъ совершенно праздный. Берега Каспійскаго моря повышаются и понижаются чуть не на глазахъ людей; осязательное доказательство этому я только, что видѣлъ въ затопленномъ моремъ караванъ-сараѣ Бакинской гавани.

Туркменскій берегъ тоже могъ подняться въ теченіе вѣковъ, и кто знаетъ, не было ли именно это поднятіе одною изъ главныхъ причинъ того, что древній Оксусъ не могъ уже болѣе катить своихъ волнъ до Каспія, и Хивинскіе ханы должны были отвести его русло въ ближайшее къ нему Аральское море, куда, безъ сомнѣнія, всегда впадалъ одинъ или нѣсколько рукавовъ Оксуса. Во всякомъ случаѣ отводъ Аму-Дарьи въ Аральское

море не только есть историческое событіе, подтверждаемое туземными лѣтописями и преданіями всѣхъ народовъ, имѣвшихъ какое-нибудь дѣло съ народами Оксуса, но еще и неоспоримый фактъ современной географіи. Старое русло Аму-Дарьи также извѣстно всякому туркмену, хивинцу и киргизу азіатскихъ степей, какъ и сама живая рѣка Аму-Дарья. Русло это тянется на цѣлыхъ 600 верстъ отъ низовій Аму-Дарьи, у Айбугирскаго залива Аральскаго моря до самаго Балаханскаго залива Каспійскаго моря, составляющаго болѣе глубокій заворотъ Красноводской бухты. Русло это вполнѣ носитъ форму рѣчного ложа, съ обычными обрывистыми берегами и изгибами, и по всему протяженію своему еще сохранило, въ видѣ отдѣльно разбросанныхъ мочежинъ, колодцевъ, озерковъ, — слѣды своихъ былыхъ водъ.

До сихъ поръ, по старой памяти, многіе аулы туркменъ зимой и лѣтомъ кочуютъ вдоль опустѣвшихъ береговъ бывшей рѣки, пользуясь кое-гдѣ уцѣлѣвшею водой.

Старое ложе Оксуса служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ самою надежною дорогой изъ Хивы къ Каспію, и, по разсказамъ туземцевъ, на ней можно имѣть прѣсную воду на разстояніи каждаго перехода. Въ лѣтнее же половодье или когда Аму-Дарья случайно прорываетъ плотины Куня-Ургенча, старое русло Оксуса опять обращается въ бурную рѣку и несетъ свои волны на пространствѣ цѣлыхъ 150 верстъ до озера Сары-Камыша, изъ бассейна котораго онѣ уже не въ силахъ двинуться дальше.

Еще при Петрѣ Великомъ посолъ его князь Бековичъ-Черкасскій въ теченіе нѣсколькихъ дней ѣхалъ изъ Хивы къ Красноводскому заливу старымъ русломъ Аму-Дарьи, видѣлъ собственными глазами земляной валъ въ пять верстъ длины, которымъ хивинцы обратили въ Аральское море воды Оксуса, а по обоимъ берегамъ стараго русла встрѣчалъ развалины прежнихъ жилищъ и слѣды проведенныхъ къ нимъ каналовъ. Плотины, задерживающія воды Аму-Дарьи, и до сихъ поръ могутъ быть видимы путешественниками около хивинскаго города Куня-Ургенча.

При Петрѣ Первомъ вообще не сомнѣвались въ томъ, что Аму-Дарья дѣйствительно впадала прежде въ Каспійское море, такъ что великій царь, давая порученіе Бековичу основать первое русское укрѣпленіе на восточномъ берегу Каспійскаго моря, самымъ опредѣленнымъ образомъ приказывалъ построить эту крѣпость *„надъ гаваномъ, гдѣ было устье Аму-Дарьи рѣки“*.

Въ то время даже объясняли себѣ очень просто злохитрый поступокъ хивинцевъ, вернувшихъ теченіе Аму-Дарьи отъ Каспія въ Аралъ. Въ Аму-Дарьѣ (какъ и въ Сыръ-Дарьѣ) почему-то предполагался золотой песокъ, и хивинцамъ, конечно, нежелательно было, чтобы сокровище ихъ уносилось рѣкой въ чужія страны. Петръ посылалъ розыскивать золотые пески на Сыръ-Дарью, но въ Аму-Дарьѣ онъ, повидимому, оцѣнилъ сокровище другого рода, не пески, а воды ея. Онъ понялъ, что Аму-Дарья— самая естественная и единственно удобная дорога къ богатствамъ Индіи, и потому, какъ я говорилъ уже раньше, его соблазнилъ смѣлый планъ — опять вернуть устье Оксуса въ Красноводскій заливъ.

Что поворотъ этотъ задумывался Петромъ ни для чего другого, какъ ради торговли съ Индіей, въ этомъ, несомнѣнно, убѣждаютъ подлинныя выраженія собственноручной его инструкціи Бековичу, о которой я уже говорилъ выше. Подъ видомъ «купчины», который бы «изъѣхалъ» Аму-Дарью до самыхъ предѣловъ Индіи, и оттуда бы отправился въ эту страну, Петръ назначилъ «изъ морскихъ офицеровъ поручика Кожина», которому поручилъ: «развѣдать въ Индіи о пряныхъ зельяхъ и другихъ товарахъ и какъ для сего дѣла, *такъ и для отпуска товаровъ*, приказалъ придать ему, Кожину, двухъ частныхъ добрыхъ людей *изъ купцовъ*, и чтобъ они были не стары».

Но въ то время, какъ Русскіе еще гораздо ранѣе Петра хорошо знали и объ Аральскомъ морѣ, и о Сыръ-Дарьѣ, и объ Аму-Дарьѣ, которыя имъ приходилось видѣть собственными глазами, въ то время, какъ въ *Книгѣ Большого Чертежа* можно было найти самыя точныя указанія о теченіи этихъ рѣкъ,—

ученые европейцы, не допускавшіе мысли, чтобъ у русскихъ варваровъ можно было получить вѣрныя научныя свѣдѣнія о сосѣднихъ съ ними странахъ, продолжали наивно пребывать въ нелѣпыхъ географическихъ представленіяхъ о Центральной Азіи, заимствованныхъ еще изъ Страбона и Арріана, и очень мало исправленныхъ довольно смутными разсказами средневѣковыхъ путешественниковъ, въ родѣ Марко Поло и Плано Карпини.

Презабавно разсматривать карту Центральной Азіи, приложенную къ извѣстной книгѣ Де-Бруина (*Voyage de Corneille le Brun par la Moscovie en Perse etc, 3 volumes*, Amsterdam, 1718 года). Де-Бруинъ пріѣхалъ въ Россію въ 1701 году черезъ Архангельскъ, еще до построенія Петербурга, и отправился въ Персію Волгой и Каспійскимъ моремъ. На его картѣ Азіи Туркестанъ, можно сказать, совсѣмъ пропущенъ. Его Irken (Яркендъ) находится чуть не на берегу Каспійскаго моря, Кабулъ стоитъ почти у истоковъ Енисея, Аму-Дарья течетъ прямо въ Каспій, никакого Аральскаго моря въ поминѣ нѣтъ!

Можно ли послѣ этого удивляться, что Аральскаго моря не зналъ ни одинъ изъ географовъ классическаго міра, ни Страбонъ, ни Птоломей, и что всѣ древніе писатели считали Яксартъ, то-есть Сыръ-Дарью, и Оксусъ, то-есть Аму-Дарью впадающими въ Гирканское (то-есть Каспійское) море. Относительно Аму-Дарьи они были, вѣроятно, правы, но впаденіе Сыръ-Дарьи въ Каспій доказать нѣтъ никакой возможности, развѣ только предположить, что въ древности Каспій и Аралъ составляли одно озеро, и что раздѣляющая ихъ теперь песчаная возвышенность Усть-Урта поднялась уже впослѣдствіи, стало-быть, на памяти людей, для чего опять нѣтъ ни малѣйшаго вѣроятія.

Какъ бы то ни было, но мы съ женой искренно пожалѣли, что не могли отправиться изъ Чарджуя внизъ по историческому Оксусу посѣтить пресловутую Хиву—древній Хоrazмъ, удержавшій теперь въ своемъ владѣніи только одно низовье Оксуса, раздѣленное на множество рукавовъ еще верстъ за триста до

впаденія въ Аральское море. Въ сущности вовсе нѣтъ никакой Аму-Дарьи, впадающей въ Аральское море, потому что каждый рукавъ есть большая рѣка, имѣющая свое самостоятельное названіе. Въ числѣ ихъ есть и Янги-Су, и Улькунъ-Дарья, и Куванъ-Джарма, и Талдыкъ, и много другихъ именъ, но Аму-Дарьи никакой нѣтъ.

Хива лежитъ, впрочемъ, ни на самой Аму-Дарьѣ, ни на ея рукавахъ, а верстъ шестьдесятъ къ югу отъ рѣки, среди сѣти безчисленныхъ арыковъ, на рубежѣ пустыни, какъ и подобаетъ ханству кочевниковъ и степныхъ грабителей.

Теперь это уже безсильное гнѣздо присмирѣвшихъ разбойниковъ, а было время, когда Ховарезмъ игралъ великую роль въ судьбахъ Центральной Азіи.

Еще при походахъ Александра Македонскаго упоминается Арріаномъ и Квинтомъ Курціемъ имя Ховарезма; между прочимъ, «Хоразмскій владѣлецъ Фратафернъ, котораго земли смежны съ Массагетами и Дагами».

Съ XI вѣка по р. Хр. Ховарезмъ властвуетъ почти надо всѣми странами Турана и Ирана. Алла-Эдинъ, султанъ Ховарезма, овладѣлъ китайскимъ Туркестаномъ, Самаркандомъ, Бухарой, Балхомъ, Хорасаномъ, Мазандераномъ, и готовъ былъ покорить самый халифатъ Багдадскій, еслибъ этого священнаго главу правовѣрныхъ не спасли глубокіе горные снѣга и вольнолюбивые Курды. Надменный своими побѣдами, Алла-Эдинъ провозгласилъ себя «тѣнью Бога на землѣ», а мать свою «обладательницей міра». Но Чингисъ, великій разрушитель восточныхъ царствъ, сокрушилъ и побѣдоносныхъ султановъ Ховарезма.

Цивилизація Европы вторглась теперь вмѣстѣ съ русскою силой въ старое царство азіатскаго рабства, деспотизма и невѣжества; рѣка Даріевъ Персидскихъ, Бактріанъ и Согдовъ— перепоясана желѣзнодорожнымъ мостомъ и носитъ пароходы на своихъ пустынныхъ волнахъ.

Но, несмотря на эти рельсы и трубы, здѣсь еще вездѣ кру-

гомъ всемощно царитъ старая дичь, старая азіатчина. Словно въ насмѣшку надъ нашими усиліями, вонъ, попрежнему, рядомъ съ пароходомъ идетъ первобытная переправа съ бухарской стороны на туркменскую цѣлыхъ верблюжьихъ каравановъ, цѣлыхъ обозовъ арбъ, въ большихъ туземныхъ каюкахъ...

Ветхозавѣтные корабли пустыни продолжаютъ еще перевозить товары на своихъ горбахъ, какъ во дни Моисея, а эти чалмы, эти мантіи, эти лица—все это живьемъ выхвачено со страницъ Библіи... Цивилизація Европы пробирается здѣсь еще чуть замѣтною струйкой, какъ та узенькая черная ленточка рельсовъ, что прорѣзаетъ собою сплошные пески туркменской пустыни...

Безконечный мостъ наконецъ кончился. Вмѣсто водной глади кругомъ стелятся плавни и заросли бухарскаго берега Аму-Дарьи... Вотъ и Фарабъ, первая станція праваго берега. Переѣздъ моста равняется цѣлому перегону, и поѣздъ отдыхаетъ послѣ него, какъ послѣ далекаго пути. Теперь конецъ Туркменіи, конецъ пустынямъ, Оксусъ легъ между нами и ими, теперь мы уже въ Трансоксанѣ, въ странѣ древнихъ Согдовъ, въ славномъ царствѣ Тамерлана... Теперь ждетъ насъ впереди священная для правовѣрныхъ Бухара,—«Бухара-эль-Шерифъ»...

Часть III.

НА ОКСУСѢ И ЯКСАРТѢ.

I.

Русская сила въ Бухарѣ.

Къ нашему благополучію, мы пронеслись ночью черезъ песчаную пустыню, которая отдѣляетъ счастливыя долины Заравшана отъ безлюдныхъ береговъ Аму-Дарьи, ночью миновали и Кара-Куль, знаменитый своими волнистыми черными мерлушками, которыхъ видимо-невидимо, на сотни тысячъ рублей, вывозится отсюда въ Россію.

Всѣ ужасы безводныхъ песковъ Транс-оксаны, мучившіе въ древніе вѣка легіоны Александра Македонскаго, и теперь еще неразлучные съ путешествіемъ въ караванѣ, потонули такимъ образомъ во мракѣ и даже тѣнью своей не коснулись насъ, избалованныхъ сыновъ цивилизаціи, покойно спавшихъ все время на мягкихъ диванахъ вагона.

Поздно ночью очутились мы съ своими чемоданами, сонные и растерянные, на платформѣ станціи Бухара. Это еще не настоящая Бухара, а только ея русскій поселокъ—«Русская Бухара». До настоящей Бухары отсюда двѣнадцать или пятнадцать верстъ. Какая-то услужливая чалма, болѣе смѣло, чѣмъ понятно

болтавшая по-русски, повлекла насъ и нашъ багажъ пѣшимъ хожденіемъ черезъ садики и дворики въ мѣстную желѣзнодорожную «отель», на видъ очень напоминавшую татарскую саклю. Съ узенькой досчатой галлереи, на которой двое могутъ разойтись только съ очень большимъ трудомъ, плохо запирающіяся двери ведутъ въ крошечныя келейки, не на шутку смахивавшія всею своею грустною обстановкой на тюремныя камеры для одиночнаго заключенія.

Несмотря на одолѣвавшій насъ сонъ, мы прежде всего осмотрѣли со свѣчой всѣ уголки отведенной намъ грязной каморки, разыскивая, по слабости всѣхъ путешествующихъ по Туркестану, коварно притаившихся фалангъ и скорпіоновъ. Но какъ старательно ни перевертывали мы тюфяки, сколько разъ ни отодвигали столы и стулья, ни въ одной щелкѣ не могли обличить присутствія хотя бы одного изъ ужасавшихъ насъ туземныхъ чудищъ, кромѣ обычныхъ обитателей всякаго нечистоплотнаго русскаго и не-русскаго угла.

Пришлось улечься безъ всякихъ характерныхъ приключеній на скрипучихъ, ходенемъ ходящихъ деревянныхъ кроватяхъ, въ надеждѣ, что утро вечера мудренѣе, и что завтра можно будетъ устроиться какъ-нибудь удобнѣе.

Утро дѣйствительно принесло добрый совѣтъ. Не успѣли мы напиться чаю на своей убогой галлерейкѣ въ компаніи съ мистеромъ Крэномъ, какъ уже явился къ намъ развязный русскій возница съ предложеніемъ своихъ услугъ.

Русскій народъ, забравшійся въ Бухару,—тертый народъ, и съ нимъ нужно держать ухо востро! Онъ тутъ такой развитой и смѣлый, пускается въ такія философіи, щеголяетъ такими словечками, что только диву даешься. Да и то надо сказать, — гдѣ не пришлось побывать и чего не пришлось испытать этому смѣльчаку, прежде чѣмъ его отчаянная голова завела его искать заработковъ въ столицѣ эмира?

Послѣ порядочно-упрямой торговли мы уговорились съ «дорогимъ» землякомъ, что онъ будетъ возить насъ съ женой въ

Бухару въ своемъ парномъ фаэтонѣ съ доставкой къ вечеру обратно, за семь рублей въ день. Я нашелъ, что для нравовъ разбойничьяго ханства это болѣе, чѣмъ великодушно.

Мистеру Крэну посчастливилось меньше нашего, онъ не досталъ рессорнаго экипажа, а долженъ былъ довольствоваться телѣжкой на толкучихъ рессорахъ, оказавшеюся до того тряской, что человѣкъ мало-мальски хрупкій могъ бы разсыпаться въ ней на мельчайшіе суставчики или, по крайней мѣрѣ, проглотить свои собственные зубы... Я утѣшалъ его однако тѣмъ, что онъ пріѣхалъ изучать туземные обычаи и набираться мѣстныхъ впечатлѣній, поэтому долженъ быть вполнѣ доволенъ такимъ неиспытаннымъ имъ способомъ передвиженія, хотя въ душѣ своей я искренно былъ увѣренъ, что всякія впечатлѣнія безъ остатка вытрясутся изъ американскаго мозга мистера Крэна на этой русской чертопхайкѣ.

Онъ выдержалъ однако испытаніе, какъ истый американецъ, и ни разу во всю дорогу не пожаловался на тряску, несмотря на то, что подпрыгивалъ на своемъ жесткомъ сиденьѣ по камнямъ бухарскихъ дорогъ и бухарскихъ улицъ, какъ бузинный шарикъ въ электрической пляскѣ...

Русскій поселокъ Бухары только-что въ моментѣ зарожденья, и ему несомнѣнно предстоитъ большая будущность. Тутъ строится большое и очень изящное помѣщеніе для нашего дипломатическаго агентства, которое въ настоящее время, вѣроятно, уже готово; тутъ въ домѣ эмира, увѣнчанномъ красивою вышкой съ мѣдною крышей, живетъ начальникъ нашего посёлка, тутъ почта, телеграфъ, русскія лавки, русская церковь, русскій служилый людъ, русское войско.

Огромный караванъ-сарай съ базарами изъ прекраснаго тесанаго камня строится здѣсь на счетъ эмира, но русскими техниками и по русскому образцу. Это будетъ одно изъ лучшихъ украшеній будущаго города; грандіозный фасадъ его, увѣнчанный четырехугольною башней, будетъ производить большой эффектъ изящными балконами, лѣпными карнизами оконъ и

дверей, зеркальными стеклами. Вмѣстѣ съ тѣмъ это будетъ, конечно, одинъ изъ самыхъ крупныхъ складовъ оптовой торговли для русскихъ, бухарскихъ, китайскихъ, персидскихъ и индѣйскихъ товаровъ.

Эмиръ обязался сдавать его въ аренду исключительно однимъ русскимъ торговцамъ. Нельзя сомнѣваться, что на этомъ удобномъ перепутьѣ въ самомъ скоромъ времени выростутъ всякаго рода заводскія, промышленныя и торговыя предпріятія, и что Старая Бухара азіатскихъ халатниковъ мало-по-малу станетъ увядать и засыхать, уступая какъ одряхлѣвшій дубъ свои питательные соки этому молодому, сильному отпрыску своему, пробившемуся въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ отъ него и на такой благопріятной почвѣ.

Уже и теперь въ «Русской Вухарѣ», считающей свое существованіе чуть не мѣсяцами, успѣли возникнуть и разныя транспортныя конторы и склады большихъ русскихъ мануфактуръ и нѣсколько паровыхъ заводовъ для очищенія и прессованія хлопка, для выработки дорогого кунжутнаго масла, не считая обширныхъ желѣзнодорожныхъ депо Закаспійской дороги.

До сихъ поръ всѣ попытки завести въ Бухарѣ фабрики и склады принадлежали крупнымъ московскимъ фирмамъ. Но уже я читалъ, что недавно и лодзинскіе фабриканты посылали своихъ агентовъ въ Бухару, чтобы, по примѣру москвичей, основать тамъ промышленныя заведенія и торговыя депо.

Но пока что будетъ, а въ настоящее время эта чреватая великимъ будущимъ «Русская Бухара»—преунылое и препустынное мѣстечко. Хотя здѣсь усиленно насаждаются шелковица и всякія другія деревья, планируются скверы и аллеи, и даже думаютъ приступить къ буренью артезіанскихъ колодцевъ, чтобы воспособить скуднымъ водамъ Заравшанскихъ арыковъ, а все-таки здѣсь сильно чувствуется и, конечно, будетъ чувствоваться еще очень долго отсутствіе воды и зелени.

Оба возницы оказались изъ терскихъ казаковъ. Нашъ былъ за умника и, узнавъ, что мы тутъ въ первый разъ, безъ умолку объяснялъ намъ мѣстные дѣла и обычаи, на каждомъ шагу озадачивая насъ какимъ-нибудь хитрымъ книжнымъ словечкомъ. Но за то онъ свисталъ, гоготалъ, кричалъ и стегалъ кнутомъ проѣзжавшихъ халатниковъ до такой степени по-бухарски, что будь на немъ чалма, вмѣсто русскаго картуза, эти бритые лбы чистосердечно приняли бы его за родного брата.

Лошади неслись очень быстро по плохой каменистой дорогѣ, и мимо насъ то и дѣло мелькали кишлаки, сады, огороды... Дорогу эту также ожидаетъ въ скоромъ будущемъ полное перерожденье: между Старою Бухарой и «Русскою Бухарой» предполагается устроить шоссе, обсадить его аллеями тутовыхъ деревьевъ и устроить фонтаны съ бассейнами для пойла верблюдовъ и лошадей.

Мѣстность кругомъ Бухары густо заселена и отлично обработана. Можно сказать, что на пространствѣ всѣхъ этихъ двѣнадцати верстъ тянется до самаго города одинъ огромный кишлакъ, съ своими садами и плантаціями. Предмѣстья Бухары нечувствительно сливаются съ окружающими ее деревнями.

— Что-жъ, богатый народъ эти бухарцы? Хорошо живутъ? спросилъ я своего возницу.

— *Обязательно* хорошо!.. Какже?.. Самый *центръ* ихній... *Масса* товаровъ сюда идетъ... *Коллекція* такая! Вотъ сами увидите на базарахъ. И потомъ имъ отъ нашего царя *привиллегія* насчетъ торговли... важнымъ тономъ отвѣтилъ цивилизованный возница...

Дороги подъ городомъ многолюдны, какъ городскія наши улицы въ базарный день. Непрерывною чередой идутъ намъ навстрѣчу вереницы нагруженныхъ верблюдовъ, скрипятъ арбы на громадныхъ колесахъ, тоже запряженныя верблюдами, ѣдутъ всадники на лошадяхъ и ослахъ, толпятся пѣшеходы со всякими ношами.

Оглушительно оретъ на нихъ нашъ отчаянный возница, разогнавъ чуть не на вскачь своихъ лошадей, и никому не уступая дороги.

Халатники видятъ, что несется «Московъ», грозный сокрушитель бухарской силы и негласный хозяинъ «независимой» Бухары,—и въ паническомъ ужасѣ торопятся свернуть въ сторону своихъ неуклюжихъ верблюдовъ, свои неповоротливыя арбы, почти сталкивая ихъ въ арыки, и чуть не налѣзая на глиняныя стѣны кишлаковъ... Въ узкихъ деревенскихъ переулкахъ кто завидитъ впереди неистово-несущійся русскій экипажъ—заранѣе поворачиваетъ назадъ своего коня, своихъ верблюдовъ и улепетываетъ въ какой-нибудь боковой проулочекъ, или заѣзжаетъ подъ какія-нибудь отворенныя ворота, чтобы пропустить мимо по-добру по-здорову этого шумливаго и не совсѣмъ безопаснаго Москова. Кромѣ русскихъ тутъ всѣ по дорогамъ и улицамъ ѣдутъ шагомъ. Но русскіе считаютъ необходимымъ шикомъ промчаться такъ лихо, чтобы у встрѣчныхъ бухарцевъ поджилки тряслись; и ужъ особенно, конечно, русскіе извозчики. Имъ кажется совсѣмъ неприличнымъ и посрамляющимъ достоинство русскаго завоевателя — плестись рысцою на подобіе туземной арбы. Надобно, впрочемъ, сказать правду, что и въ глазахъ бухарца, издревле привыкшаго къ рабству и деспотизму, эти неистовые крики на проѣзжающихъ, это безцеремонное хлестанье кнутомъ направо и налѣво служатъ неизбѣжными признаками всякаго начальства, всякой власти.

Когда бухарецъ провожаетъ въ качествѣ нукера какого-нибудь своего бека или русскаго начальника, онъ скачетъ впереди еще отчаяннѣе всякаго казака и убѣжденнѣе всякаго русскаго извозчика лупитъ и нагайкой, и палкой, по чемъ попало, встрѣчную толпу, разгоняя ее передъ экипажемъ высокой особы.

Стало-быть, русскіе уже отъ нихъ переняли этотъ чисто-азіатскій шикъ—проноситься бурей черезъ мирные стогны градовъ и весей.

«Благородная Бухара», «Бухара-эль-Шерифъ», производитъ—съ перваго взгляда на нее—впечатлѣніе далеко не благородное. Прежде всего нужно сказать, что Бухара даже вовсе не городъ, въ томъ смыслѣ, въ которомъ мы привыкли понимать это

слово. Бухара скорѣе громадный кишлакъ. Кишлакъ такой же глиняный, такой же грязный, какъ всѣ кишлаки и аулы Туркестана и Закаспійскаго края.

Безконечные узенькіе переулки вьются между безконечными глиняными стѣнками, — по туземному, «дувалами», — изрѣдка только прерываемыми воротами, калитками дворовъ, да сплошными кубами такихъ же глиняныхъ, такихъ же слѣпыхъ домовъ безъ оконъ и безъ дверей. Ѣдешь словно по дну глубокаго крѣпостного рва, изъ котораго никуда нѣтъ выхода. Дувалы большею частью аршина въ 3, 4 и даже 5 вышины. Они загораживаютъ глазу всякую перспективу, и знойный воздухъ стоитъ въ нихъ недвижимо. Въ настоящихъ деревенскихъ кишлакахъ за дувалами по крайней мѣрѣ тѣнь деревьевъ, благоуханіе садовъ; но въ самой Бухарѣ ничего, кромѣ глины и глиняной пыли. Иногда только разнообразитъ это унылое однообразіе сплошныхъ глиняныхъ улицъ какая-нибудь деревянная ставенка, наивно исцарапанная безхитростнымъ узоромъ, или грубо-выточенныя деревянныя колонки крытой террасы. Впрочемъ, сами дувалы тоже не безъ украшеній: одни полосатые, другіе расчерчены клѣтками, третьи въ какихъ-нибудь завитушкахъ; но все это та же сѣрая глина, размокающая на дождѣ, растрескивающаяся на солнцѣ. Для крѣпости этихъ зыбкихъ стѣнъ онѣ кладутся не отвѣсно, а съуживаясь кверху, такъ, что основа стѣны много толще ея гребня; кромѣ того, стѣна обыкновенно подпирается круглыми столбами своего рода, тоже, конечно, изъ глины, и тоже снизу толще, чѣмъ вверху. Оттого же и глиняные дома бухарцевъ имѣютъ форму тупыхъ пирамидъ, напоминающихъ пилоны древнихъ египетскихъ храмовъ; ихъ стѣны по необходимости должны съуживаться по мѣрѣ подъема, чтобы не обвалиться при первомъ хорошемъ толчкѣ или первомъ зимнемъ ливнѣ.

Все это очень характерно и въ глазахъ художника даже живописно, особенно въ обстановкѣ нагруженныхъ верблюдовъ, скрипящихъ арбъ, азіатскихъ нарядовъ, азіатскихъ физіономій.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ и порядочно надоѣдаетъ, когда цѣлые часы приходится путешествовать въ этомъ глиняномъ царствѣ.

Мечетямъ «Священной Бухары» числа нѣтъ; во всякомъ случаѣ, я думаю, ихъ больше, чѣмъ сорокъ сороковъ, которыми гордится матушка-Москва. Но большинство этихъ мусульманскихъ моленелъ также безхитростно-просты, какъ дома и улицы бухарской столицы. Нѣсколько деревянныхъ столбиковъ подпираютъ тѣнистый навѣсъ террасы, приподнятой надъ улицей, а въ глубинѣ этой террасы пара или двѣ стрѣльчатыхъ окошекъ съ каменными рѣзными переплетами да дверочка въ скромную полутемную молельню, увѣнчанную на серединѣ крыши маленькимъ полумѣсяцемъ. На наружномъ углу террасы обыкновенно ютится какой-нибудь сквозной минаретикъ наивной и характерной формы въ видѣ фонарика на ножкахъ, тоже словно слѣпленный и выпеченный изъ глинки, хотя, вѣроятно, онъ только смазанъ глиною по кирпичу. Передній фасадъ мечети, затѣненный галлереею, такъ же какъ точеные столбики и потолокъ самой галлереи, часто бываютъ прекрасно расписаны наивно-яркими красками и типическими узорами азіатскаго вкуса. Около мечети всегда почти старыя огромныя деревья, и въ тѣни ихъ всегда какой-нибудь бассейнъ или маленькій прудокъ. Тамъ обыкновенно собирается весь праздный восточный людъ. Кто моется въ прудкѣ, кто наливаетъ водою высокіе узкогорлые кувшины, кто полощетъ бѣлье, а большая часть кейфуетъ въ тѣни шелковицъ и орѣховъ, въ ожиданіи призыва азанчи на молитву. На ступенькахъ каменной крутой лѣсенки, что поднимается на террасу мечети, и подъ навѣсомъ террасы, въ ея полутемной глубинѣ, тоже сидятъ молчаливые, суровые старики въ громоздкихъ чалмахъ, въ широкихъ, пестрыхъ халатахъ,— все должно быть, благочестивые хаджи и ученые улемы священнаго города.

Оттого такіе уголки въ высшей степени живописны и интересны для художника.

Чѣмъ дальше въ городъ, тѣмъ чаще приходится ѣхать длин-

ными крытыми улицами. Въ центрѣ города онѣ идутъ почти сплошь; это знаменитые бухарскіе базары. Базаровъ этихъ тутъ цѣлыя версты. Улица какъ всѣ улицы, только по сторонамъ безчисленное количество лавченокъ, кухонокъ, чайныхъ, мастерскихъ всякаго рода.

Если хотите, это тотъ же нашъ Гостиный рядъ, но только съ мостовою посрединѣ, съ непрерывно тянущимися по ней вереницами верблюдовъ, ословъ, арбъ, верховаго и пѣшаго народа. Сверху, на огромной высотѣ, базары эти безцеремонно прикрыты разными слежками и хворостинами, по которымъ настланы дырявыя цыновки, кошмы и всякая подходящая всячина, способная защитить правовѣрныхъ отъ убійственнаго зноя туркестанскаго солнца.

Мы торопились захватить дóма нашего дипломатическаго агента П. М. Лессара, чтобы подъ его покровительствомъ хорошенько осмотрѣть Бухару, поэтому пока только мелькомъ взглянули на всю эту базарную суету. Во дворъ нашего дипломатическаго агентства пришлось въѣхать черезъ такой же узкій, глухой и слѣпой переулокъ, какихъ уже не мало пересчитали мы, проѣзжая эту безконечную Бухару.

На вымощенномъ просторномъ дворѣ, обнесенномъ крѣпкими стѣнами и зданіями, ходилъ на часахъ молодчина Уральскій казакъ съ саблею нáголо и съ видомъ настоящаго завоевателя. При агентѣ нашемъ весьма кстати состоитъ команда изъ 20 человѣкъ уральцевъ, безъ которой, я думаю, пребываніе въ этомъ городѣ мусульманскаго фанатизма было бы во всякомъ случаѣ очень рисковано. Домъ и дворъ агентства принадлежатъ эмиру, и отъ него же наряжается по восточному обычаю многочисленная прислуга для агента и его чиновниковъ,—цѣлая полсотня всякихъ конюховъ, поваровъ, слугъ и посыльныхъ. Своихъ собственныхъ владѣній Россія не имѣетъ въ Старой Бухарѣ, вѣроятно для того, чтобы не дразнить попусту мусульманъ и не подвергаться никакимъ сюрпризамъ; даже теперешнее дипломатическое агентство наше, какъ только будетъ отстроено для

него помѣщеніе, немедленно переберется въ русскій поселокъ, въ нарождающуюся «Новую Бухару», гдѣ желѣзнодорожное сообщеніе съ центрами русской силы въ Туркестанѣ и постоянный притокъ русскаго люда сдѣлаютъ его положеніе гораздо болѣе обезпеченнымъ и удобнымъ.

Было всего 8 часовъ утра, но дѣятельный агентъ нашъ уже былъ за работою и принялъ насъ очень радушно. Мнѣ очень хотѣлось познакомиться съ человѣкомъ, игравшимъ такую видную роль въ нашихъ послѣднихъ движеніяхъ къ предѣламъ Авганистана, и такъ близко изучившимъ интересовавшій меня край. П. М. Лессаръ—человѣкъ еще молодой, того сухого и нервнаго типа, который, обыкновенно, проявляетъ много энергіи и рѣшительности. Онъ мнѣ напомнилъ нѣсколько генерала Баранова, героя *Весты*, теперешняго талантливаго губернатора Нижняго-Новгорода. Смѣлыя поѣздки Лессара по пустынямъ Мургаба и по горнымъ трущобамъ Гинду-Куша, къ сожалѣнію, сильно подорвали его здоровье. Я воображалъ, что онъ родомъ французъ, а онъ оказался черногорцемъ. Дѣдъ его одинъ изъ первыхъ поселился въ Одессѣ, а отецъ воспитывался въ Ришельевскомъ лицеѣ; самъ П. М. по профессіи—инженеръ Путей Сообщенія; онъ строилъ Закаспійскую желѣзную дорогу до Кизиль-Арвата во время Скобелевскаго похода; когда Ахалъ-Текинскій оазисъ былъ присоединенъ къ Россіи, Лессаръ вызвался разслѣдовать мѣстность около Мерва. Мервъ тогда еще былъ независимымъ гнѣздомъ текинскихъ разбойниковъ, ненавидившихъ русскихъ. Безстрашный инженеръ нашъ явился чуть не въ одиночку на базары этого враждебнаго намъ города, въ сопровожденіи всего нѣсколькихъ казаковъ, разсчитывая единственно на потрясающее впечатлѣніе недавняго разгрома подъ Геокъ-Тепе, и своимъ смѣлымъ появленьемъ до того озадачилъ мервцевъ, что они безпрекословно исполнили всѣ его требованія. Онъ призвалъ къ себѣ, какъ власть имѣющій, двухъ вліятельныхъ хановъ, объявивъ имъ, что посланъ отъ русскаго начальства въ Бухару и безъ церемоніи приказалъ немедленно

доставить себѣ верблюдовъ и лошадей. Ханы безотговорочно прислали все, что имъ было приказано, а Лессаръ за все заплатилъ имъ. Потомъ, когда взятъ былъ Мервъ, Лессаръ, пользуясь такимъ же «психологическимъ моментомъ», имѣющимъ особенное значенье среди впечатлительныхъ восточныхъ народовъ, отправился къ Сарыкамъ и Салорамъ въ Пенде и далѣе, по теченьямъ Мургаба и Тенджена, проѣхалъ на Парапамизъ къ границамъ Авганистана, убѣдился, между прочимъ, что никакіе воображаемые хребты горъ не отдѣляютъ его отъ Туркменскихъ равнинъ, и благополучно возвратился домой. Нигдѣ никто не посмѣлъ его тронуть, хотя онъ все время странствовалъ среди независимыхъ разбойничьихъ племенъ. Но нѣсколько мѣсяцевъ, проведенныхъ безъ отдыха на сѣдлѣ, ночлеги подъ открытымъ небомъ, зной, холодъ и всякія лишенья и опасности которыя приходилось испытывать, жестоко разстроили здоровье предпріимчиваго путешественника; у него обнаружилось страданіе спинного мозга и параличъ ногъ; пришлось долго лѣчиться у Шарко въ Парижѣ и на разныхъ водахъ, но все-таки поправленное здоровье не возстановилось еще вполнѣ, такъ что и до сихъ поръ онъ слегка хромаетъ. Въ видѣ отдыха Лессара послали консуломъ въ Ливерпуль, а послѣ битвы при Кушкѣ призывали къ участію въ разграничительной коммиссіи въ Лондонѣ. Лессаръ писалъ довольно много объ англійскихъ дѣлахъ въ *Голосѣ*, *Новомъ Времени* и другихъ нашихъ журналахъ и не разъ выступалъ съ очень вѣскими опроверженіями противъ писаній разныхъ руссофобствующихъ политикановъ Англіи.

Кабинетъ П. М.—цѣлая интересная библіотека, специально посвященная Азіи. Тутъ собраны выдающіяся книги и художественныя изданія, англійскія, французскія, нѣмецкія, русскія, относящіяся до Закаспійскаго края, Туркестана, Авганистана и Индіи.

Нашему дипломатическому агенту въ Бухарѣ дѣла очень довольно. Всѣ проживающіе здѣсь иностранцы подчинены его суду. Эмиръ точно также обращается къ нему по всякому мало-

мальски серьезному дѣлу не только изъ области внѣшней политики, но и своего внутренняго управленія. Совѣты русскаго агента считаются за приказъ и исполняются безпрекословно. «Перваначи-баши», министръ иностранныхъ дѣлъ эмира, каждый день является къ нашему агенту за полученіемъ инструкцій. Заѣхавъ къ нему, нѣсколько часовъ спустя, позавтракать, мы едва не захватили въ его кабинетѣ этого халатника-дипломата. И со всѣмъ тѣмъ, по словамъ г. Лессара, между Россіей и Бухарой не существуетъ никакого писаннаго договора о подчиненіи ея Россіи. Общее убѣжденіе, господствующее въ Закаспійскомъ краѣ и даже между самими бухарцами, будто Бухара останется самостоятельною только до смерти нынѣшняго эмира, а послѣ смерти его будетъ присоединена къ Россіи какъ одна изъ ея губерній, оказалось тоже басней.

— У эмира есть наслѣдникъ, признанный Россіею, да и Россіи нѣтъ никакой выгоды брать на себя далеко не дешевую обузу управляться со здѣшнимъ фанатическимъ и безпокойнымъ населеніемъ!—объяснялъ намъ Лессаръ.—Вмѣшательство Россіи въ дѣла Бухары—это просто-напросто естественное послѣдствіе существующаго положенія вещей. Иначе нельзя—вотъ и вся причина; и ее всѣ сознаютъ, и мы, и бухарцы. И русскій поселокъ Новой Бухары, и русскія военныя колоніи въ Чарджуѣ и Керки—все это только одиночные, совершившіеся факты, не основанные ни на какихъ общихъ правахъ и договорахъ. Все это допущено, какъ частные случаи и дѣлалось какъ-то само собою по неотвратимому теченію событій.

Мы разговорились и объ отношеніяхъ нашихъ къ сосѣду—Авганистана.

— Гератъ, конечно, неизбѣжно будетъ нашъ, не нынче, завтра; остановиться нѣтъ никакой возможности, хотимъ мы, или не хотимъ,—разсуждалъ г. Лессаръ.—Вѣдь это одно воображеніе европейскихъ географовъ, будто Гератъ отдѣляется отъ нашихъ владѣній какими-то стѣнами горъ. Никакихъ тамъ горъ нѣтъ, могу васъ увѣрить, потому что я убѣдился въ этомъ своими глазами.

Роковая сила заставляетъ насъ стремиться впередъ, пока мы не встрѣтимъ такого же могучаго препятствія, какъ мы сами; русская государственная граница можетъ остановиться только на границѣ англійскихъ владѣній. Это законъ природы.

Я спросилъ П. М., правда ли, что Гуль-Джаннымъ Ханумъ (въ домъ которой мы заѣзжали по дорогѣ въ Старый Мервъ) и сыновья ея играли такую важную роль при сдачѣ намъ Мерва.

— Вовсе нѣтъ!—отвѣтилъ онъ.—И Юсупъ-ханша, и нашъ Алихановъ больше сами приписываютъ себѣ эту заслугу. Алихановъ увѣрялъ, что Мервцы ждутъ насъ съ хлѣбомъ-солью, а между тѣмъ, когда мы подошли къ Коушутъ-ханъ-калá, добрыхъ десять тысячъ всадниковъ выѣхало оттуда и бросилось на нашъ отрядъ. Только послѣ нѣсколькихъ мѣткихъ выстрѣловъ нашей артиллеріи они разсѣялись и ушли въ пески. Далеко не одна Юсупова мать, а всѣ вообще благоразумные Мервцы и особенно ханы ихъ сознавали, что Мерву не удержать своей независимости, и что лучше покориться добромъ. Вотъ они-то и просили русскихъ прійти въ Мервъ съ войскомъ, чтобы дать имъ благовидный предлогъ покориться. Только они совершенно разумно просили насъ тогда забрать подъ свою власть и всѣхъ остальныхъ туркменъ, сарыковъ, салоровъ... «Иначе,—говорили они,—намъ, мервцамъ, нельзя прекратить аламановъ, которыми мы только и живемъ, а прекратить пора, сами видимъ!» Ну, ждать не долго пришлось, и теперь всѣ они наши, и сарыки, и салоры...—улыбнулся нашъ хозяинъ.

II.

Мечети и медрессе Бухары-ель-шерифъ.

Хотя въ Бухарѣ теперь полная безопасность для нашего брата-русскаго, но все-таки и почета ради, да и на всякій неровный часъ, русскихъ путешественниковъ, интересующихся базарами, дворцами и мечетями священнаго мусульманскаго города,

отдаютъ подъ охрану довольно важной туземной персоны, именуемой *караулъ-беги*. Этотъ караулъ-беги—сановитый чалмоносецъ, въ ярко-красномъ полосатомъ шелковомъ халатѣ, опоясанный, какъ всѣ мало-мальски видные чиновники эмира, богатымъ поясомъ изъ большихъ серебряныхъ бляхъ. Кромѣ него, съ нами джигитъ нашего дипломатическаго агента, онъ же и толмачъ, изъ казанскихъ татаръ. Съ этою оффиціальною свитой, гарцовавшею впереди, мы двинулись въ своемъ покойномъ фаэтонѣ, а мистеръ Крэнъ въ своей безпокойной чертопхайкѣ, обозрѣвать достопримѣчательности столицы правовѣрныхъ.

Узкія улицы и тѣнистые базары были биткомъ набиты двигавшимся, стоявшимъ и сидѣвшимъ народомъ. Цѣлые потоки ярко-пестрыхъ тюрбановъ и еще болѣе яркихъ и пестрыхъ халатовъ текли со всѣмъ сторонъ и во всѣ стороны. Ни въ какомъ самомъ многолюдномъ городѣ европейскомъ вы никогда не увидите такого непрерывнаго движенія и толкотни народныхъ массъ, какъ въ центрахъ пресловутой восточной лѣни и апатіи. Тутъ, можно сказать, вѣчный, никогда не расходящійся базаръ, конца не имѣющая ярмарочная сутолока и галдѣнье. Чтó они тутъ дѣлаютъ, куда и зачѣмъ идутъ, изъ-за чего спѣшатъ и толкаются, они и сами хорошо не знаютъ. Улица, базаръ, это ихъ жизнь; они тутъ живутъ, вотъ и все. Семьи, дòма—восточный человѣкъ не знаетъ. Онъ приходитъ домой только ночевать. На насъ съ непривычки эта ярмарочная толкотня подѣйствовала мало ободряющимъ образомъ. Экипажъ нашъ плылъ какъ въ волнахъ разлившейся рѣки сквозь тѣсныя толпы этихъ бородатыхъ враждебно смотрѣвшихъ на насъ мусульманскихъ рожъ, въ чуждыхъ для насъ нарядахъ, съ непонятнымъ для насъ говоромъ. Хотя оффиціальная багряница нашего караулъ-беги, его азартные крики и его безцеремонная, безъ разбора гулявшая по встрѣчавшимся скотамъ и людямъ нагайка заставляла пугливо раздвигаться прохожихъ и проѣзжихъ и еще издали сворачивать куда попало громоздкія арбы, ословъ и верблюдовъ, но тѣмъ не менѣе вездѣ кругомъ чувствовалась какая-то раздраженная и недовольная

атмосфера. Сотни сердитыхъ глазъ съ неодобрительною суровостью слѣдили за нашимъ торжественнымъ шествіемъ и, казалось, можно было руками схватить эти отовсюду вонзающіеся въ насъ злые лучи. А нашъ караулъ-беги въ своемъ чиновномъ пурпурѣ и нашъ, не въ мѣру усердствовавшій, толмачъ какъ нарочно еще болѣе разжигали это безмолвно бродившее негодованіе фанатической толпы, несясь какъ на пожаръ сквозь узкія улицы, залитыя народомъ, и поневолѣ заставляя спѣшить за собою и безъ того уже достаточно шикарившаго своею русскою ѣздой нашего казака-возницу.

— Ишь касаурятся, какъ волки!—со смѣхомъ говорилъ онъ намъ, фамильярно обертываясь назадъ всѣмъ своимъ корпусомъ, и не обращая никакого вниманія на то, что бѣжавшія крупною рысью лошади его могли на каждомъ шагу задавить среди тѣсноты какого-нибудь старика или ребенка.—Теперь ихъ молодчиковъ окоротили, скрячили имъ губы, а года три назадъ, бывало, тутъ у нихъ показаться было русскому нельзя, заплюютъ совсѣмъ на улицѣ, какъ собаки лаяться учнутъ; говорить по нашему не умѣютъ, а ругаться по нашему—за мое почтеніе! Такъ, бывало, изругаютъ тебя, каторжные, что и дѣться некуда! Каменьями въ тебя швыряютъ, чѣмъ попало, ей Богу!.. сколько разъ самому доставалось. Это ужъ консулъ вступился, дай Богъ ему здоровья, приказалъ эмиру, чтобы безпремѣнно ихъ передрать, какіе изъ нихъ самые клятые... Стали ихъ наказывать строго, ну перестали, бросили... Теперь ѣдешь себѣ,—горя мало! Никто слова обиднаго не пикнетъ!..

Самая большая знаменитость Бухары—это ея прославленныя медрессе, духовныя академіи своего рода. Къ нимъ, разумѣется, и повезли насъ прежде всего.

«Кошъ-Медрессе»—значитъ «парныя училища». Они дѣйствительно стоятъ парой другъ противъ друга черезъ улицу. Постройку одной приписываютъ Тимуру, другую—его матери. Въ Туркестанѣ впрочемъ всѣ замѣчательныя древнія постройки на-

дымаются, какъ гигантскіе маяки изъ цѣлаго моря сѣрыхъ глиняныхъ мазанокъ, гдѣ у подножія ихъ всегда копошится, такъ подходящая къ нимъ, такъ родственная имъ по своей пестротѣ и яркости, по своей восточной оригинальности, толпа разноцвѣтныхъ тюрбановъ и разноцвѣтныхъ халатовъ, гдѣ наконецъ эти сверкающія стѣны голубой лазури охвачены вѣчно голубымъ и вѣчно сверкающимъ огнями южнаго солнца — нерукотворнымъ куполомъ настоящаго Божьяго храма,—тамъ они производятъ на непривычнаго къ нимъ человѣка подавляющее впечатлѣніе.

Вы входите въ мечеть черезъ одну изъ дверей громаднаго алькова. Васъ охватываетъ таинственная полутьма запутанныхъ переходовъ и галлереекъ, раздѣленныхъ узорчатыми колонками, окруженныхъ характерными нишами и окошечками, осѣненныхъ сверху изящными лѣпными купольчиками и сводиками самаго разнообразнаго типа... Вы проходите сквозь нихъ на середину обширнаго пустаго двора и тамъ въ изумленіи оглядываетесь кругомъ себя. Тутъ опять тѣ же чудеса: и сзади, и спереди, а въ иныхъ мечетяхъ еще и съ обѣихъ сторонъ, высоко поднимаются въ новомъ разнообразіи узоровъ, красокъ, и архитектурныхъ линій, такія же исполинскія стѣны голубаго и зеленаго фаянса, такія же смѣлыя арки, такіе же изъ фарфора выточенные граненные и круглые минареты... Вся эта огромная площадь облицована какъ бронею сверкающими изразцами.

Между роскошными высокими фронтонами мечетей, какъ бы оберегающихъ со всѣхъ сторонъ святость этого благочестиваго пріюта, тянутся въ два этажа уже гораздо болѣе низкіе корпуса съ кельями софтъ. Это цѣлый рядъ альковъ и арочекъ живописной формы, такъ что пустынный дворъ кажется обнесеннымъ со всѣхъ сторонъ галлерею своего рода. Въ альковахъ оригинальныя окошечки съ каменными узорными рѣшотками и уютные внутренніе балкончики, на которыхъ мирно разсиживаютъ, поджавъ подъ себя ноги, многоученые бухарскіе софты. Крутыя и узкія каменныя лѣсенки ведутъ сквозь темныя две-

рочки въ ихъ кельи верхняго яруса. Мы поднимались во многія изъ нихъ, чтобы поглядѣть на житье-бытье мусульманскихъ студентовъ. Вездѣ чистота и порядокъ. Вездѣ монашеская тишина, монашеское трудолюбіе. Комнатки маленькія, тѣнистыя и прохладныя, опрятно устланныя ковриками и войлочками; низенькія, деревянныя тахты, не выше четверти отъ полу, покрыты тюфяками и подушками. На полочкахъ книги, коекакая скромная посуда и сложенная праздничная одежда.

Софты живутъ по одному и по два въ кельѣ; у каждой кельи внизу крошечная кухонька, гдѣ они сами готовятъ себѣ безхитростную пищу, которою такъ не избалованъ азіатскій мусульманинъ. Къ удивленію нашему, въ числѣ студентовъ, обитателей ученаго скита, мы не встрѣтили ни одного длиннобородаго и даже сѣдобородаго мужа. Медрессе вообще учрежденія благотворительныя. Они существуютъ на счетъ вакуфовъ, то-есть имѣній разнаго рода, земель, домовъ, лавокъ, караванъ-сараевъ, денежныхъ капиталовъ. которые жертвованы въ разное время благочестивыми мусульманами на высоко-цѣнимое въ мусульманствѣ богоугодное дѣло обученія. Подъ обученіемъ разумѣется у нихъ и всегда разумѣлось исключительно изученіе мусульманскаго богословія. Каждое медрессе содержитъ на свой счетъ столько софтъ, сколько у него есть на это вакуфовъ.

Въ Кошъ-Медрессе, напримѣръ, въ первомъ 160 софтъ, во второмъ только 62. Въ большомъ медрессе около дворца эмира, который мы тоже посѣтили—110 софтъ и т. п.

Профессоръ, или мудерисъ, получаетъ вознагражденіе отъ самихъ учащихся. Но профессоровъ этихъ очень немного. Въ самыхъ большихъ и богатыхъ медрессе не больше двухъ, а чаще все по одному. Мы подробно осмотрѣли оба «парныхъ медрессе» и потолковали при помощи своего толмача-татарина съ сѣдовласымъ мудерисомъ, охотно показывавшимъ намъ свою паству, въ разсчетѣ на привычный уже «пешкешъ». Онъ совѣтовалъ намъ въ концѣ концовъ подняться на плоскую кровлю мечети; она представляетъ собою сплошную круговую галлерею, по которой

можно гулять сколько душѣ угодно, и съ которой удобно любоваться во всѣ стороны живописною панорамой Бухары, изучая расположеніе ея зданій и мѣстностей. Это удовольствіе стоитъ того, чтобы ради него полазать немного, не разгибая спины, по узенькимъ крутымъ ступенькамъ, довольно живо напоминающимъ собою тѣсныя лѣсенки нашихъ колоколенъ.

Въ Бухарѣ нѣтъ зданій особенной древности, уцѣлѣвшихъ отъ ранняго періода ея исторіи. Чингисъ-ханъ, въ безпощадной войнѣ съ Магометомъ, могущественнымъ турецкимъ султаномъ Ховарезма, которому тогда принадлежала и Великая Бухарія, обратилъ въ пепелъ знаменитый центръ магометанскаго ученія. Онъ въѣхалъ на конѣ въ главную мечеть Бухары и, увидѣвъ книгу Корана, съ презрѣніемъ бросилъ ее на землю.

Теперешніе благочестивые мусульманскіе эмиры Бухары, потомки монгольскаго завоевателя, съ ужасомъ должны вспоминать о такомъ нечестивомъ поступкѣ своего языческаго родоначальника, тѣмъ болѣе, что онъ, какъ нарочно, уважалъ и покровительствовалъ христіанамъ.

Отъ Кошъ-Медрессе мы двинулись прежнею торжественною процессіею, по-прежнему безцеремонно давя и разгоняя глазѣющія на насъ толпы халатниковъ и чалмоносцевъ, опять черезъ базары и переулочки, къ главному центру Бухары, Ригистану.

Ригистанъ — это довольно тѣсная площадь предъ дворцомъ эмира — Аркомъ. Зовется она также и Сеиджестанъ. Съ одной стороны почти отвѣсная скала, страннымъ образомъ воздымающаяся среди ровной площади, и на этой скалѣ цѣлая укрѣпленная цитадель, именуемая дворцомъ эмира; съ трехъ другихъ сторонъ—фасады огромныхъ мечетей и башни минаретовъ.

Тарпейская скала, что служитъ подножіемъ замку бухарскаго владыки, называется Нумишкендъ. Очень можетъ быть, что въ этомъ имени, — какъ догадывается одинъ изъ нашихъ старыхъ путешественниковъ,—уцѣлѣло воспоминаніе о древнемъ городѣ, когда-то бывшемъ на мѣстѣ Бухары и послужившемъ ей основаніемъ. Окончаніе «кендъ» — одно изъ самыхъ распространен-

ныхъ въ Центральной Азіи для обозначенія городовъ, и особенно старинныхъ. Ташъ-кэндъ, Яр-кендъ, Самаръ-кэндъ служатъ этому примѣрами, во главѣ множества другихъ, менѣе извѣстныхъ.

Бухара упоминается восточными писателями только начиная съ X вѣка по Р. Хр.; ранѣе ея столицей Мавареннагара (прежней Транс-оксаны) былъ городъ Бикендъ, развалины котораго и теперь еще показываютъ около Кара-Куля, верстахъ въ 30 отъ Бухары. Очень можетъ быть, что и Нумиш-кендъ былъ сосѣдомъ и современникомъ этого также исчезнувшаго съ лица земли Бикенда.

Скала во многихъ мѣстахъ выровнена и подперта каменною кладкой. Стѣны вѣнчающей ее крѣпости чуть ли не изъ сырцеваго кирпича, какъ всѣ почти здѣшнія твердыни. Однако онѣ настолько высоки и глухи, что изъ-за нихъ не видно снизу спрятанныхъ внутри дворцовыхъ построекъ. Скала поднимается вверхъ покатымъ конусомъ и въѣздъ въ нее, защищенный двумя каменными башнями, запертъ массивными желѣзными воротами; надъ воротами большіе круглые часы, о которыхъ упоминаетъ еще Вамбери въ своемъ извѣстномъ путешествіи по Центральной Азіи, а у воротъ вооруженная стража. Рѣдко кому дозволяется высокая честь въѣхать верхомъ въ ворота Арка. Даже крупные сановники останавливаются предъ воротами, слѣзаютъ съ коней и шествуютъ пѣшкомъ въ гору къ жилищу Бадаулета (одинъ изъ титуловъ эмира).

Русскіе могутъ довольно легко добиться аудіенціи у эмира черезъ нашего дипломатическаго агента; до послѣдняго времени это было стѣснительно потому, что эмиръ считалъ своею обязанностью одарять всякаго посѣтителя одеждами, коврами, сѣдлами и т. п. подарками. Но благодаря настояніямъ г. Лессара, этотъ азіатскій обычай теперь прекратился, и эмиръ посылаетъ дары только такимъ высоко оффиціальнымъ лицамъ, какъ генералъ-губернаторъ, и ему подобнымъ, имѣющимъ право отдаривать его взаимно. Простые же смертные удостоиваются только

чести посмотрѣть на него, покушать у него пилаву, или выпить чашку чаю.

Къ сожалѣнію, эмира не было въ городѣ, и мы были лишены счастья лицезрѣть его и его обстановку.

Внѣшній видъ Арка гораздо болѣе напомнилъ мнѣ плохо содержимый тюремный замокъ, чѣмъ дворецъ роскошнаго повелителя правовѣрныхъ. Да и онъ въ буквальномъ смыслѣ часто служилъ темницей, и многіе не разъ выходили изъ него только затѣмъ, чтобы быть сейчасъ же зарѣзану на камняхъ Ригистана, какъ барану на бойнѣ...

На старыхъ воротныхъ башняхъ этого мрачнаго вертепа кровожадныхъ деспотовъ, словно въ насмѣшку надъ ними, бѣлые длинноногіе аисты свили свои мирныя гнѣзда и торчатъ тамъ цѣлыми часами на одной ногѣ, среди черныхъ копенъ хворосту, воткнувъ въ пушистую грудь красивые носы свои, погруженные въ благочестивое самосозерцаніе, будто индусскіе факиры.

И куда здѣсь ни оглянись, на каждомъ минаретѣ, на каждомъ куполѣ большихъ медрессе и мечетей, — гнѣздятся эти удивительныя бѣлыя птицы,—«лягъ-лягъ», какъ ихъ называютъ туземцы. Ихъ неподвижныя изваянія вырѣзаются высоко на синемъ фонѣ неба, словно какіе-то живые гербы, неизбѣжно вѣнчающіе каждое ея публичное зданіе...

Это неподходящее сочетаніе эмблемы мира и домовитости съ варварскими нравами и обычаями Бухары не мало озадачиваетъ съ перваго раза путешественника. Но въ характерѣ восточнаго человѣка часто встрѣчаешь такую неперевариму противоположность вкусовъ, что благоговѣйное почитаніе безполезной птицы безъ труда можетъ вязаться въ немъ съ самою жестокосердою безчувственностью относительно своего брата-человѣка. Недаромъ любимый герой и высочайшій идеалъ царя, въ глазахъ народовъ Центральной Азіи,—Тимуръ-Ленгъ, — умѣлъ въ одно и то же время и безъ жалости проливать рѣки неповинной крови и наслаждаться трогательными нравоучительными бесѣдами своихъ благочестивыхъ имамовъ.

Аистъ считается въ Бухарѣ священною птицей, и никто, подъ страхомъ казни, не смѣетъ поднять на нее руку. Аисты безпрепятственно опустошаютъ плантаціи риса и проса Бухарцевъ, важно гуляя по нимъ, какъ мы потомъ не разъ видѣли, будто по собственному своему птичнику. Они такѣ привыкли къ безопасности и къ почету, вездѣ ихъ окружающему, что безъ малѣйшаго стѣсненія маршируютъ на своихъ долговязыхъ ходуляхъ вслѣдъ за сѣющимъ пахаремъ, выклевывая зерна чуть не изъ его рукъ... Они, должно-быть, искренно увѣрены, что всѣ эти заботливые посѣвы, и всѣ эти тяжкія работы производятся раболѣпнымъ человѣчествомъ исключительно для нихъ, для аистовъ.

Хивинцы, ближайшіе сосѣди Бухары—привыкли наслаждаться въ своемъ городѣ множествомъ прекрасныхъ соловьевъ, мало знакомыхъ бухарцамъ,—и совсѣмъ не имѣя у себя аистовъ, говорятъ въ насмѣшку: «Ваши соловьиныя пѣсни—это стукъ клюва аиста по крышѣ вашихъ домовъ».

Около дворца бухарскаго повелителя впрочемъ не однѣ эмблемы любви и мира, не одни аисты, терзающіе свою собственную грудь ради птенцовъ своихъ, не одни храмы молитвы и богословскаго изученія.

Цѣлый арсеналъ пушекъ пріютился въ неказистыхъ низенькихъ сараяхъ какъ разъ противъ зáмка. Это очень кстати, потому что исторія всѣхъ этихъ бухарскихъ, хивинскихъ, кокански хъ и иныхъ прочихъ здѣшнихъ хановъ весьма краснорѣчиво убѣждаетъ, что крѣпкія ворота, высокія стѣны, да и мѣтко наведенныя пушки и ружья—составляютъ для этихъ владыкъ-грабителей, владыкъ-злодѣевъ, гораздо болѣе вѣрное средство править возлюбленнымъ народомъ своимъ и выжимать изъ него все, что можно выжать, чѣмъ нѣсколько сомнительная привязанность къ нимъ этого народа.

Почти всѣ эти эмиры и ханы кончаютъ ножомъ, ядомъ или веревкой. Имѣть братьевъ, часто даже имѣть сыновей, — для этихъ хановъ все равно, что имѣть столько же смертельныхъ

враговъ, столько непримиримыхъ заговорщиковъ, съ жадною завистливостью смотрящихъ на занятый ими тронъ и прибѣгающихъ ко всѣмъ средствамъ, чтобъ онъ поскорѣе освободился для нихъ...

Пушки бухарскаго эмира—всѣ мѣдныя и всѣ очень старой, давно-заброшенной конструкціи. Тутъ есть и русскія, и англійскія, и туземнаго грубаго литья, но особенно много кокансхихъ, отбитыхъ въ побѣдоносную войну покойнымъ эмиромъ Мозаффаръ-Эддиномъ; коканскія всѣ отличаются красотой и изяществомъ своихъ мѣдныхъ украшеній.

Для войнъ съ туркменами, авганцами, хивинцами—эта допотопная артиллерія бухарскаго эмира еще достаточно грозна; у насъ же она была бы вся цѣликомъ сдана въ археологическіе склады Оружейной Палаты.

Караулъ-беги въ красномъ халатѣ и смотрители арсенала, насъ встрѣтившіе, были, повидимому, другого мнѣнія о военныхъ сокровищахъ своего повелителя; они съ нескрываемою гордостью показывали намъ каждое изъ этихъ смертоносныхъ орудій, разсказывая подробно его біографію, и нимало не сомнѣваясь, что мы должны быть подавлены впечатлѣніями военнаго могущества ихъ Бадаулета.

Ригистанъ былъ до того биткомъ набитъ народомъ, верблюдами, лошадьми, ослами, до того заваленъ товарами, что нужно было буквально пробиваться сквозь живыя стѣны, чтобы добраться какъ-нибудь отъ коляски до мечети. А между тѣмъ, несмотря на эту давку, торговцы довѣрчиво разложили прямо на землѣ мѣшки съ орѣхами и разнымъ зерномъ, съ хлопчатою бумагой, выбивавшейся ваточными клочьями изъ своихъ лопнувшихъ шишекъ.

Медрессе и великая мечеть «Меджидіе-Каланъ» смотрятъ своими голубыми фаянсовыми фасадами прямо другъ на друга. Медрессе въ сторонѣ Арка,—мечеть напротивъ. Это тѣ же четырехъугольные порталы съ громаднымъ альковомъ, тѣ же вы-

сокіе граненые минареты, словно выточенные изъ узорчатаго фарфора. Сначала мы посѣтили Медрессе, Кизиль-Арсланъ, поднявшись въ него словно по Красному Крыльцу по высочайшей и широчайшей лѣстницѣ прямо съ площади. Несмотря на свои 112 комнатъ для софтъ, оно не представило для насъ ровно ничего новаго послѣ подробнаго осмотра нами Кошъ-Медрессе; потомъ мы отправились въ мечеть Меджидіе-Каланъ: эта мечеть, построенная Абдулла-ханомъ-Шейбани, самая большая и самая главная мечеть Бухары. Обширный дворъ ея охваченъ со всѣхъ сторонъ сплошною галлереей колоннъ и сводовъ, идущихъ въ нѣсколько рядовъ и искусно разукрашенныхъ внутри всевозможными лѣпными работами и каменною рѣзьбой; снаружи галлерея эта, какъ и всѣ зданія мечети, одѣта въ обычную одежду расписныхъ голубыхъ изразцевъ. Галлереи эти назначены для молящихся и могутъ вмѣстить ихъ многія тысячи. Весь этотъ дворъ—одна громадная молельня. Посрединѣ его неизбѣжный колодезь для омовенья правовѣрныхъ, въ кіоскѣ, окруженномъ нишами, гдѣ каждый можетъ съ спокойствіемъ и удобствомъ предаваться священному намазу, въ защитѣ отъ солнечнаго зноя и отъ праздныхъ взоровъ.

Въ глубинѣ двора центральная святыня его: мечеть съ характернымъ фаянсовымъ фасадомъ, сверкающимъ голубыми и зелеными арабесками, осѣненная будто царственною короною такимъ же сверкающимъ голубымъ куполомъ. Прежде и величественная внутренность этой знаменитой мечети была сплошь выложена полированными пестрыми изразцами, но теперь они уцѣлѣли только кое-гдѣ среди обидно оголенныхъ стѣнъ, замазанныхъ бѣлою известью, испачканныхъ голубинымъ пометомъ. Стаи голубей овладѣли этою мусульманскою святыней, безпрепятственно влетая и вылетая изъ нея черезъ разбитыя стекла изящныхъ гипсовыхъ оконъ, и дѣятельно устилая своимъ гуано полъ мечети, вмѣсто нѣкогда покрывавшихъ его дорогихъ ковровъ. Послѣ каирскихъ и стамбульскихъ мечетей съ ихъ богатѣйшею и утонченною внутреннею отдѣлкой, эта каѳедральная

мечеть Бухары казалась непристойнымъ сараемъ. Въ ней нѣтъ ни люстръ, ни колоссальныхъ подсвѣчниковъ, ни ковровъ, ни рѣзной каѳедры, ни крытыхъ помѣщеній для софтъ, ни корановъ на богато украшенныхъ скамеечкахъ, ни даже обычнаго страусоваго яйца передъ киблою. Только одна кибла, расписанная въ персидскомъ вкусѣ затѣйливымъ золотымъ узоромъ по темно-зеленому и темно-синему фону, да по ея сторонамъ двѣ таблицы голубой глазури съ стихами изъ Корана,—сколько-нибудь говорятъ вамъ, что вы не въ свиномъ хлѣвѣ, а въ мусульманской мечети.

Между Меджидіе-Каланъ и большимъ медрессе Кизиль-Арслана возвышается, немного въ сторонѣ отъ нихъ, самый древній, самый высокій и самый красивый изъ минаретовъ Бухары—минаретъ Мирхарабъ. Онъ одинъ только безъ голубыхъ изразцевъ на этой площади, задавленной сверкающими фарфоровыми стѣнами, пестрѣющей разноцвѣтными арабесками.

Минаретъ Мирхарабъ прозаическаго глинистаго цвѣта, но зато необыкновенно строенъ и легокъ и украшенъ чрезвычайно изящною рѣзьбой. Постройку его приписываютъ кто Тимуру, кто Кизиль-Арслану.

Бухарцы увѣряютъ, что вершина его приходится какъ разъ въ уровень съ почвою Самарканда. Вершина эта, какъ вершины всѣхъ вообще бухарскихъ минаретовъ, какъ купола всѣхъ ея мечетей, и крыши всѣхъ ея башенъ, увѣнчана огромнымъ растрепаннымъ гнѣздомъ аиста, парящаго съ этой высоты надъ всею столицей Узбековъ. Башня Мирхарабъ на-дняхъ еще имѣла грозное значеніе. Она не даромъ стоитъ въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ съ мрачною тюрьмой Арка. Многіе вѣка сряду она служила тюремщику-владыкѣ надежнымъ палачемъ его жертвъ. Осужденныхъ на казнь взводили обыкновенно на верхній ярусъ башни и низвергали оттуда внизъ на камни мостовой. Вообще по этимъ камнямъ нельзя ходить безъ содроганья и омерзѣнья. Весь Ригистанъ—одно сплошное лобное мѣсто, одинъ громадный эшафотъ. На немъ постоянно стояли висѣлицы съ повѣшан-

ными и желѣзные колья съ натыканными на нихъ головами. А во дни войнъ Бухары съ киргизами, туркменами или кокандцами тутъ же воздымались, какъ груды дешевыхъ арбузовъ, огромныя кучи гніющихъ череповъ,—самые радостные для бухарца трофеи побѣды. Народъ такъ привыкъ къ ежедневному зрѣлищу убійства и казней, къ запаху гніющихъ труповъ, къ потокамъ человѣческой крови, что равнодушно смотрѣлъ на всѣ эти давно знакомыя сцены и продолжалъ себѣ торговать, пить, ѣсть и весело болтать съ пріятелями, рядомъ съ какимъ-нибудь издыхающимъ оборванцемъ или обезглавленнымъ трупомъ.

Агентъ нашъ увѣрялъ меня, что, вслѣдствіе требованія русскихъ властей, теперь прекращено и сбрасыванье несчастныхъ съ высоты башни, и возмутительная выставка головъ, и чуть ли не самая смертная казнь. Но говорятъ, втихомолку отъ русскихъ, не такъ гласно и явно какъ прежде, до сихъ поръ продолжается въ Бухарѣ старая разлюбезная ей практика ножа и кола.

Насъ ждалъ завтракъ у г. Лессара, и нужно было отправляться назадъ въ русское агентство. Тамъ мы провели часа два въ оживленной бесѣдѣ, въ обществѣ вполнѣ образованныхъ людей, основательно подготовленныхъ къ своей не легкой задачѣ—оберегать русскіе интересы въ этомъ враждебномъ намъ полуварварскомъ мірѣ.

Г. Лессаръ—холостякъ, но главный помощникъ его—величаемый, кажется, драгоманомъ агентства, — живетъ въ томъ же помѣщеньи своею домовитою маленькой семьей, и его милыя дамы играютъ роль заботливыхъ хозяекъ для всей крошечной колоніи «Священной Бухары».

Г. Клемъ—прекрасный и разносторонній лингвистъ и серіозно относится къ изученію всѣхъ мѣстныхъ особенностей края, что дѣлаетъ его вдвойнѣ полезнымъ на его теперешнемъ посту.

Когда мы сидѣли еще за столомъ съ стаканами вкуснаго мѣстнаго вина въ рукахъ, вдругъ произошелъ переполохъ между

нашими дамами. Оказалось, что съ потолка упалъ какъ разъ между ихъ приборовъ маленькій скорпіонъ. Преступника, конечно, сейчасъ же заарестовали и увлекли на казнь, а я, какъ туристъ, былъ очень доволенъ, что увидѣлъ наконецъ въ первый разъ туркестанскаго скорпіона, и что присутствовалъ на завтракѣ съ такимъ несомнѣнно туземнымъ колоритомъ.

Скорпіоны оттого держатся въ этомъ домѣ, что онъ устроенъ совершенно по-бухарски. Несмотря на сравнительное приличіе и величину его, потолки его по мѣстному обычаю сдѣланы изъ тонкихъ палочекъ, положенныхъ тѣсными рядами между балокъ и только раскрашенныхъ для вида пестрыми красками; между этими палочками не трудно гнѣздиться какой угодно гадинѣ.

III.

Базары и ихъ публика.

Мы поѣздили-таки, не жалѣя ни лошадей ни себя, по базарамъ и улицамъ «Благородной Бухары»—«Бухары-ель-Шерифъ». Она безконечна какъ Москва, но и однообразна же до безконечности! Кажется, цѣлые десятки верстъ проѣзжаешь ея глиняными дувалами, мимо ея слѣпыхъ домовъ. Если бы не какой-нибудь десятокъ большихъ мечетей, роскошно отдѣланныхъ изразцами, да не Ригистанъ съ его дворцомъ-тюрьмой, Бухара была бы простая громадная деревня,—и ничего больше. Правда, у нея есть ея знаменитые крытые базары тоже, можетъ-быть, въ добрый десятокъ верстъ длины, если вытянуть въ одну непрерывную линію всѣ ихъ безчисленные закоулочки. Можно сказать даже больше, что вся Бухара есть одинъ сплошной базаръ; но въ какомъ же порядочномъ кишлакѣ бухарскаго ханства или нашей Туркестанской области нѣтъ крытыхъ базаровъ? Базары Бухары только значительно длиннѣе, значительно просторнѣе и значительно богаче товарами деревенскихъ, но суть ихъ все одна и та же; всѣ они на одинъ образецъ: крытая чортъ

знаетъ чѣмъ и чортъ знаетъ чѣмъ затянутая сверху улица, съ крошечными лавочками по обѣимъ сторонамъ. Сверху всякія палки, тряпки, оборванныя рогожи, сбоку—тысячи темныхъ конурокъ, которыхъ весь товаръ умѣстится въ одномъ порядочномъ шкафѣ, и гдѣ, словно въ кіотѣ, неподвижно возсѣдаетъ, поджавъ подъ грузное брюшко свои лѣнивыя ножки, какой-нибудь разжирѣвшій таджикъ въ бѣлой чалмѣ и пестромъ халатѣ. Онъ сидитъ цѣлые мѣсяцы надъ своимъ товаромъ въ три гроша цѣной и ни за что не отдастъ его иначе, какъ съ крупнымъ барышомъ, отчего ему въ теченіе цѣлыхъ годовъ не приходится обернуть своего капитала, въ то время, какъ европейскій торговецъ, не гоняющійся за слишкомъ большимъ процентомъ, успѣваетъ нѣсколько разъ въ теченіе одного года обернуть затраченныя на товаръ деньги и въ результатѣ получить съ нихъ гораздо большій доходъ. Но восточный человѣкъ не спѣшитъ нажиться и вообще не любитъ спѣшить. Ему его товаръ нуженъ для того, чтобы прилично и полезно проводить время, имѣть, такъ-сказать, положеніе въ мѣстномъ обществѣ, играя почетную роль купца и важно разсиживая въ своей лавочкѣ. А черезъ годъ или черезъ два раскупятъ у него товаръ его,—какая ему до этого нужда! Его потребности и вкусы такъ скромны, что ему всегда хватаетъ, и даже отъ всего остается излишекъ, который онъ иногда не знаетъ куда дѣвать. Мнѣ кажется, что еслибъ какой-нибудь злой насмѣшникъ предложилъ бухарскому купцу продать ему сразу по выгодной цѣнѣ весь товаръ его лавочки, бухарецъ серьезно обидѣлся бы и ни за что не рѣшился бы разстаться съ этою утѣшающею его забавой; такъ ему дорогъ самый процессъ поджиданія покупателей, раскладываніе и складываніе тюковъ, торговли до пота, болтовни и веселой сутолки базара. Взять его оттуда,—это все равно, что вынуть рыбу изъ воды.

Бухарскіе базары раздѣлены и по сорту товаровъ и по національностямъ купцовъ. Въ одномъ мѣстѣ нескончаемые ряды лавчонокъ съ шелковымъ товаромъ, въ другомъ съ бумажнымъ,

въ третьемъ съ мѣдью или серебромъ; тамъ — съ сѣдлами и чепраками, тамъ—съ коврами и паласами, а тамъ—съ оружіемъ, шашками, халатами или башлыками. Кромѣ того, есть особые ряды: Индѣйскіе и Персидскіе, есть Коканскіе, Хивинскіе, Туркменскіе и проч. Только опытный туземецъ знаетъ, гдѣ и какъ можно что купить выгоднѣе въ этомъ хаосѣ базаровъ, въ этомъ лабиринтѣ лавченокъ. Между лавочками виднѣются кое-гдѣ открытые боковые ходы, и черезъ нихъ вы проходите въ глухіе дворики, окруженные галлерейкой и маленькими темными конурками. Это караванъ-сараи базара, запасные склады его товаровъ. Тутъ обыкновенно все загромождено арбами, верблюдами, ослами, мѣшками, кипами всякаго товара. Тутъ, говорятъ, можно купить многіе товары изъ первыхъ рукъ значительно дешевле, чѣмъ на базарѣ. Но всѣ эти возможности, конечно, не для нашего брата, проѣзжаго туриста, съ котораго по всѣмъ законамъ, божескимъ и человѣческимъ, позволительно драть за все вдвое. Это мы испытали, къ сожалѣнію, собственнымъ опытомъ.

Признаюсь, меня лично гораздо менѣе привлекали лавки и товары бухарскихъ базаровъ, чѣмъ толпа, ихъ наполнявшая. Конечно, кромѣ мало интересныхъ мнѣ шелковыхъ и бумажныхъ тканей, въ этихъ лавчонкахъ то и дѣло попадались намъ на глаза глубоко характерныя, чисто восточныя вещи, какъ чеканные мѣдные кубганы съ тазами, узкогорлые изящные кофейники, оригинально расшитые чепраки и богато разукрашенныя сѣдла, серебряныя запястья и головные уборы женщинъ и всякія другія заманчивыя для европейца туземныя произведенія; но всѣ эти мелочи не останавливали на себѣ моего вниманія, всецѣло поглощеннаго живымъ этнографическимъ музеемъ, двигавшимся кругомъ насъ.

Народъ въ Бухарѣ—это картина на каждомъ шагу; куда ни оглянешься,—красавецъ на красавцѣ, а ужъ особенно дѣти и молодые мальчики. Сверкающіе какъ фарфоръ и огнемъ горящіе черные глаза среди матовой бѣлизны слегка смуглаго полнаго лица, съ очень правильными чертами и оттѣненные черною по-

рослей молодыхъ усовъ и молодой бороды, чувственныя румяныя губы сразу выдаютъ вамъ прекрасный иранскій типъ Таджика, коренного обитателя древней Трансоксаны или, такъ-называемаго въ Средніе Вѣка, «Маваръ-ель-нагара», то-есть «Зарѣчья».

Таджики говорятъ до сихъ поръ на одномъ персидскомъ нарѣчіи, несмотря на всѣ чуждыя наслоенія, по очереди придавливавшія ихъ въ теченіе ихъ долгой и злополучной исторіи. Таджики большіе щеголи, какъ и персидскіе Персы. Они въ будній день разряжены, какъ въ праздникъ: чалмы ихъ воздымаются на головѣ цѣлыми грандіозными сооруженіями, спуская сбоку съ какимъ-то особеннымъ неуловимымъ шикомъ бахрамой украшенный конецъ пестрой шали. Впрочемъ, чалма не одно только пустое франтовство, а своего рода аттестатъ благочестія для правовѣрнаго. Недаромъ же она зеленая у потомковъ пророка и бѣлая у богомольныхъ хаджи, удостоившихся поклониться гробу Магометову. По правиламъ мусульманскаго благочестія, чалма изображаетъ собой саванъ, постоянно напоминающій человѣку о его смерти, и длина ея должна быть, по крайней мѣрѣ, въ шесть или семь разъ больше роста человѣка. Но особенно ревностные сыны Ислама доводятъ чалмы нерѣдко до размѣровъ, превосходящихъ даже въ тридцать разъ ростъ обыкновеннаго смертнаго, и тогда она, конечно, воздымается на бритой макушкѣ почтеннаго мослемина, какъ башня Ливанская.

Яркая пестрота этихъ красныхъ, желтыхъ, синихъ и бѣлыхъ тюрбановъ, этихъ полосатыхъ халатовъ изъ бумажной аладжи и шелковаго адряса, сіяющихъ всѣми цвѣтами радуги, обращаютъ бухарскую толпу, бухарскій базаръ въ какой-то веселый цвѣтникъ, въ сплошное поле макова цвѣта всевозможныхъ колеровъ. Ничего подобнаго не представляетъ никакой другой мусульманскій городъ.

Узбеки—хотя такіе же пестрые и такіе же яркіе, пожалуй, еще рѣзче яркіе, еще грубѣе пестрые, чѣмъ таджики—все-таки

замѣтно отличаются отъ нихъ даже и въ сутолкѣ базаровъ. Это ужъ несомнѣнные туранцы, собратья киргиза и калмыка, скуластые, широконосые, съ очень изрядною косинкой глазъ, съ характерною скудостью поросли на губахъ и бородѣ. Хотя многіе изъ нихъ ужъ утеряли первобытную чистоту монгольско-тюркскаго типа, постоянно мѣшаясь съ персидскою кровью черезъ персидскихъ плѣнницъ, которыхъ они берутъ въ жены и наложницы, но большинство ихъ настолько еще удержало прирожденную «калмыковатость» своего лица, что узбека можно легко выбрать изъ толпы таджиковъ, какъ козла изъ стада барановъ. Узбеки вообще гораздо некрасивѣе таджиковъ, неуклюжѣе ихъ, далеко не такъ общительны и мало склонны къ ремесламъ и торговлѣ, въ которыхъ таджикъ чувствуетъ себя совершенно дома; но зато узбекъ рослѣе, сильнѣе, храбрѣе и выносливѣе избалованнаго городскою жизнью трусливаго иранца. Это и немудрено, потому что узбекъ—завоеватель Бухары и ея законный хозяинъ. Несмотря на свою неотесанность, узбеки составляютъ привилегированное и господствующее сословіе края, военное рыцарство своего рода, на подобіе былого дворянства европейскихъ государствъ.

Узбеки до сихъ поръ еще держатся старыхъ кочевыхъ вкусовъ, войлочной кибитки, кумыса, верблюдовъ, и неохотно мѣняютъ родимыя степи на тѣсноту городовъ. Но, конечно, силой времени множество ихъ уже перетянуло по разнымъ обстоятельствамъ въ города, перемѣшалось съ таджиками, обратилось и въ ученыхъ муллъ, и въ ловкихъ торговцевъ, въ судей и правителей. Эмиръ и его первый министръ—Кушъ-беги—всегда узбеки.

Узбеки—одинъ изъ самыхъ многочисленныхъ и сильныхъ народовъ внутренней Азіи. Такъ называемые татары, покорившіе Россію въ XIII вѣкѣ, были никто иные, какъ тѣ же узбеки. Татары эти называли себя «ногай», а ногай это до сихъ поръ одинъ изъ 92 родовъ узбековъ.

Кипчаки, основавшіе Золотую Орду на низовьяхъ Волги,

также были только однимъ изъ многочисленныхъ узбекскихъ родовъ. До сихъ поръ этотъ родъ «кипчакъ» существуетъ въ Ферганской области и имѣетъ важное значеніе среди его населенія, а на правомъ берегу Аму-Дарьи, въ низовьи ея, стоитъ до сихъ поръ городъ Кипчакъ,—вѣроятно одно изъ древнихъ гнѣздъ этого рода, окруженный особеннымъ уваженіемъ хивинскихъ кочевниковъ. Въ числѣ главнѣйшихъ узбекскихъ родовъ есть и «татаръ», и «тюркъ», и «киргизъ» и «казакъ». Родъ «монголъ» сталъ пользоваться огромнымъ значеніемъ среди узбековъ, потому что къ нему принадлежалъ Чингисъ-ханъ и его первые сподвижники.

Родъ «монголъ» жилъ въ XIII вѣкѣ на рѣкѣ Ононѣ, притокѣ Шилки, въ теперешней Китайской Татаріи, очень близко отъ южной границы Сибири. Оттого и европейскіе историки окрестили движеніе узбековъ на Россію и Европу нашествіемъ монголовъ. Но изъ туземцевъ Туркестана ни одинъ не скажетъ, что Чингисъ-ханъ былъ монголъ или татаринъ, а скажетъ непремѣнно, что онъ былъ узбекъ. Татарами же называли въ XIII столѣтіи тѣхъ же самыхъ монголовъ, потому что Чингисъ-ханъ покорилъ сосѣдній съ монголами родъ «татаръ», жившій немного восточнѣе по рѣкѣ Кэрулынь, впадающей въ озеро Хулу-норъ, и татары эти, по своей многочисленности и храбрости, составляли главную массу Чингисова войска.

Узбекскій родъ «монголъ»—одно, а монголы, какъ цѣлое желтокожее племя, къ которымъ принадлежатъ китайцы, калмыки и проч.,—совсѣмъ другое.

Узбеки считаются народомъ тюркскаго племени, хотя черты ихъ лица до того проникнуты характерными признаками монгольской расы, что гораздо вѣрнѣе считать ихъ смѣшанною монголо-тюркскою расой.

Турки-сельджуки, покорившіе Туранъ раньше Чингисъ-хана, были тоже узбеки. Узбеки — и теперешніе киргизы, которые, впрочемъ, никогда не называютъ себя этимъ именемъ, въ которое изстари окрестили ихъ мы, русскіе. Сами себя киргизы

называютъ «казакъ»; и весь Востокъ называетъ ихъ этимъ именемъ. У насъ это имя употребляется въ нѣсколько измѣненной формѣ «киргизъ-кайсаковъ». Мы, русскіе, разумѣемъ подъ словомъ киргизы не одинъ узбекскій родъ «Кыргысъ», но всѣ кочевые узбекскіе роды безразлично, какъ, напримѣръ, «Казакъ», «Багышъ», «Найманъ» и проч. Казакъ, собственно говоря. есть имя нарицательное, и на туземномъ языкѣ означаетъ вольнаго бродягу, разбойника. Въ этомъ смыслѣ и наша древнерусская бродячая вольница южныхъ и юго-восточныхъ порубежныхъ степей стала называться казаками. Большинство бухарскихъ узбековъ, конечно, потомки Чингисовыхъ полчищъ, покорившихъ въ XIII вѣкѣ, вслѣдъ за завоеваніемъ Китая, Ховарезмъ, Фергану, Маваренагаръ и прочія страны Турана. Но и послѣ Чингисъ-хана и послѣ Тимура не разъ надвигались на эти же земли новыя орды узбековъ. Великая Средне-Азіатская имперіи узбека Тимура была разрушена при его правнукѣ султанѣ Бабурѣ вновь нахлынувшими узбеками же, которые воцарили вмѣсто династіи Тимуридовъ новою династію Шейбаніэхана. Впослѣдствіи эта вторая волна узбековъ была задавлена новою волной того же племени, которая отлила отъ приволжскихъ равнинъ Россіи послѣ погрома тамъ татарскихъ ордъ и выдвинула третью династію бухарскихъ эмировъ,—Аштарханія, по имени города Астрахани, откуда она вышла. Такимъ образомъ современные намъ узбеки во всякомъ случаѣ представляютъ собою остатки завоевателей Туркестана разныхъ эпохъ.

Узбеки въ теченіе вѣковъ естественно сильно смѣшались съ таджиками, коренными жителями Трансоксаны, и кровью, и нравами, и обычаями. Они заимствовали у нихъ не только ихъ магометанскую религію, но и вкусы осѣдлости, разные промыслы и ремесла. Осѣдлый узбекъ-горожанинъ мало-по-малу совсѣмъ обособился отъ своего кочевого родича степей и горъ, потерялъ прежній духъ воинственности, а развилъ въ себѣ, напротивъ, мирный духъ торгашества; только по языку онъ оставался еще узбекомъ, а по образу жизни, отчасти и по самой внѣшности

дѣлался таджикомъ. Такихъ осѣвшихъ въ города, извѣстнымъ образомъ цивилизовавшихся узбековъ называютъ теперь *сартами*.

Сарта трудно отличить на видъ отъ таджика, потому что въ немъ кровь туранца уже значительно смѣшалась съ иранскою кровью, а общія привычки жизни, общая одежда и манеры еще болѣе сближаютъ его съ таджикомъ. Оттого русскіе и иностранцы, путешествующіе по Туркестану, безразлично называютъ и таджиковъ и узбековъ общимъ именемъ сартовъ. Это названіе распространяется съ каждымъ годомъ все больше и больше, такъ что люди, не вникающіе близко въ этотъ вопросъ, искренно считаютъ сартовъ за какой-то особый народъ, населяющій Туркестанъ, имѣющій даже свой особенный сартскій языкъ. Но сартъ въ настоящее время вовсе не есть названіе особаго племени, а, такъ сказать, бытовой собирательный типъ, обозначающій вообще горожанина и осѣдлаго жителя и вмѣщающій въ себѣ одинаково и узбека, и киргиза и таджика.

Таджиками, собственно, продолжаютъ называться теперь только тѣ изъ коренныхъ жителей иранскаго племени, которые еще говорятъ персидскимъ языкомъ и не смѣшались со своими побѣдителями тюрко-монгольской расы. Бухара и Самаркандъ, какъ мѣстности, ближайшія къ Ирану, и какъ былые центры древней Трансоксаны, населенной когда-то согдами и другими народами иранскаго корня, почти одни сохранили въ себѣ сколько-нибудь многочисленное населеніе таджиковъ, постоянно обновляющееся вольными и невольными выселенцами изъ сосѣдней Персіи; оттого-то на базарахъ Бухары еще нерѣдко господствуетъ персидскій языкъ. Уцѣлѣли также отдѣльныя колоніи таджиковъ, говорящихъ по-персидски, въ нѣкоторыхъ глухихъ уголкахъ Ферганской области, не подвергшихся сильному давленію побѣдителей — узбековъ. Но въ Хивѣ, Ташкентѣ и огромномъ большинствѣ городовъ и селеній Туркестана, особенно же въ Сыръ-Дарьинской области таджиковъ осталось или очень мало, или вовсе не осталось.

Таджики же, потерявшіе свой языкъ и говорящіе языкомъ

узбековъ, такъ называемымъ татарскимъ языкомъ джагатайскаго нарѣчія, сдѣлались сартами наравнѣ съ осѣдлымъ узбекомъ и осѣдлымъ киргизомъ. Оттого-то среди сартовъ вы встрѣчаете самые разнообразные и даже противоположные типы, начиная отъ прекраснаго правильнаго лица со свѣтлою, почти европейскою кожей и роскошною растительностью усовъ и бородъ и кончая скуластою и широконосою мордой рѣдко-бородатаго и какъ сапогъ смуглаго монгола. Хотя все-таки иранскій типъ преобладаетъ гораздо чаще. Все зависитъ оттого, изъ какого племени вышелъ этотъ типъ и какая пропорція иранской благородной крови попала въ грубую породу туранца. Но этотъ грубый туранецъ совсѣмъ иного мнѣнія, чѣмъ мы и о себѣ и о сартѣ. На сарта-горожанина, на сарта труженика онъ смотритъ съ искреннимъ презрѣніемъ вольнаго сына степей, какъ на труса и раба.

«Мы называемъ таджика таджикомъ, когда ѣдимъ его хлѣбъ, говоритъ узбекъ, — или мы называемъ его сартомъ, когда бранимся съ нимъ».

А киргизская поговорка говоритъ: «плохой киргизъ дѣлается сартомъ, а плохой сартъ киргизомъ».

Когда въ былыя, хотя и недавнія времена кочевые узбеки осаждали города ташкентскаго или коканскаго ханства, то, подъѣзжая къ самымъ стѣнамъ крѣпости на своихъ лихихъ скакунахъ, они кричали обыкновенно, насмѣхаясь надъ трусостью запершихся въ стѣнахъ горожанъ:

«А-е-и, сартъ!»

Дикимъ воинамъ пустыни казалось, что для человѣка не можетъ быть ругательства позорнѣе этого названья *„сарта“* обитателя города...

Что такое собственно значитъ слова *„сартъ“*, и почему этимъ именемъ окрещены осѣдлые туземцы Туркестана, знатоки Востока не пришли до сихъ поръ къ положительному заключенію и предлагаютъ самыя разнообразныя объясненія. Но все заставляетъ думать, что это названіе очень древнее, и что въ Туркестанѣ жилъ когда-нибудь народъ сарты, съ именемъ котораго

кочевые разбойники степей привыкли соединять понятіе о всякомъ осѣдломъ и трудолюбивомъ жителѣ, утерявшемъ воинственные вкусы и воинскую доблесть.

На это указываетъ и имя рѣки *Сыръ-Дарьи*, города которой до сихъ поръ служатъ главными центрами сартовъ и которая, безъ сомнѣнія, есть позднѣйшее искаженіе имени *Сартъ-Дарья*, то-есть *рѣки Сартъ*, въ древности дѣйствительно называвшейся *Як-Сартъ* (Дарья—есть татарское названіе всякой рѣки вообще).

Древній александрійскій географъ Птоломей указываетъ даже на этой рѣкѣ обиталище особаго народа *як-сартовъ* (Jaxartes).

Въ старинной «исторіи монголовъ», написанной въ концѣ XIII вѣка персидскимъ историкомъ Рашидъ-Эддиномъ и переведенной на русскій языкъ нашимъ извѣстнымъ оріенталистомъ профессоромъ Березинымъ, разсказывается, что Чингисъ-ханъ, покоривъ Арсланъ-хана, вождя племени карлуковъ, приказалъ ему называться *Арсланомъ Сартскимъ;* а въ примѣчаніи своемъ къ разсказу Рашидъ-Эддина о войнѣ Чингисъ-хана съ Ванъ-ханомъ профессоръ Березинъ сообщаетъ, что, по словамъ монгольскаго историка, это событіе произошло уже послѣ похода на *сартовъ.*

Въ путешествіи Плано-Карпини мнѣ попалось одно извѣстіе, что въ числѣ земель, покоренныхъ Чингисъ-ханомъ, была какая-то *terra Saruiorum*, очень напоминающая «землю сартовъ».

Сарты упоминаются какъ жители Туркестана и восточными писателями XV, XVI и XVII столѣтій.

Амиръ Наваи, въ концѣ XV вѣка, называетъ *сартами* жителей Средней Азіи, не знающихъ тюркскаго языка.

Султанъ Бабуръ, правнукъ Тимура и славный основатель индійской монархіи Баберидовъ, въ запискахъ о своей жизни, составленныхъ въ началѣ XVI столѣтія, называетъ *сартами* жителей Маргелана и Асфары, а хивинскій ханъ Абдулъ-Гази-Багадуръ, въ началѣ XVII вѣка, тѣмъ же именемъ называетъ жителей Хивы, Ургенча, Хазараспа, которые уже были при немъ осѣдлыми хлѣбопашцами. Замѣчательно, что въ его время въ

Самаркандѣ не было ни одного человѣка, знающаго тюркскій языкъ, до того, значитъ, было еще тогда многочисленно старинное коренное населеніе иранскаго корня.

Это еще болѣе заставляетъ думать, что сарты были когда-нибудь особымъ народомъ со своимъ особымъ языкомъ, и что имя это обратилось изъ этнографическаго въ бытовой терминъ только въ послѣднее время, когда среди народовъ Туркестана утерялась живая память о прошлой исторіи его.

Среди сытыхъ, праздныхъ и самодовольныхъ халатниковъ Бухары, заливающихъ своею яркою разноцвѣтною волной базары и улицы, поражаютъ своимъ жалкимъ видомъ бѣдно одѣтые людишки въ черныхъ шапочкахъ, въ родѣ низенькихъ греческихъ камилавокъ, и въ кургузыхъ кафтанчикахъ, подпоясанныхъ простою веревкой.

— Это еще что за народъ?—спросили мы у своего возницы, хотя вопросъ былъ, собственно говоря, совсѣмъ лишній. Отвѣтъ самый ясный читался при первомъ взглядѣ на эти хищническіе глаза и характерные черные локоны.

Возница нашъ хитро улыбнулся и покачалъ головой.

— Народецъ тоже! не хуже какъ и унасъ. Такая же жидюга... произнесъ онъ.—Имъ тутъ запретъ на улицахъ по-бухарски одѣваться. Они у нихъ все равно какъ арестанты наши острожные, приказано имъ срамное обнарядье на народѣ носить, чтобъ отличка имъ отъ всякаго человѣка была, вотъ и носятъ!.. Другого не смѣютъ надѣть.

— Бѣднота вѣрно? ободранные какіе...—замѣтилъ я.

— Какая бѣднота! Самые богачи!—возразилъ извозчикъ. — Поглядите-ка какъ онъ дома у себя одѣвается... Шелки да бархаты! А чистота по дому какая! Всякое у него удовольствіе. Ну, а ужъ на улицу — шалишь! нацѣпляй свое арестанецкое, подвязывайся веревкой. Такой ужъ у нихъ законъ, у бухарцевъ у этихъ, строгость! На лошадь тоже садиться имъ не позволяютъ, Боже избави! И плата съ нихъ двойная противъ людей пола-

гается. Съ кого податей рубль сходитъ, а съ жида два. Да и такъ ихъ, окромя податей, всякій начальникъ тутъ обдираетъ: потому, какой съ него судъ? А вотъ однако-жъ богатѣютъ все, ничѣмъ ихъ не доймутъ!.. съ искреннимъ удивленіемъ заключилъ нашъ чичероне.

Русскій возница, толковавшій съ такимъ презрѣніемъ объ «арестанецкомъ обнарядьи» бухарскихъ евреевъ, конечно, не подозрѣвалъ, что на-дняхъ еще всякій иновѣрецъ, въ томъ числѣ и нашъ братъ христіанинъ, долженъ былъ надѣвать на себя тоже позорное платье, если хотѣлъ удостоиться чести посѣтить «Бухару-ель-Шерифъ». Недаромъ же, по выраженію туземныхъ богослововъ, «въ одной только Бухарѣ свѣтъ исходитъ на небо изъ этого священнаго града, между тѣмъ какъ во всѣхъ другихъ мѣстахъ свѣтъ, какъ извѣстно, нисходитъ съ неба на землю. Это видѣлъ самъ пророкъ Магометъ, когда въ сопутствіи Архангела Гавріила совершалъ свое путешествіе на небо».

Вотъ, между прочимъ, что разсказываетъ о своемъ пребываніи въ Бухарѣ оффиціальный агентъ Англіи Борнсъ, отправленный изъ Индіи въ Бухару въ 1831 году, то-есть еще на памяти нашего поколѣнія.

«Наши тюрбаны были замѣнены бѣдными шапками изъ овчины, вывернутой шерстью внутрь, и мы бросили наши пояса, чтобъ обвязаться обрывкомъ грубой пеньковой веревки. Мы скинули туземныя верхнія одежды, такъ же какъ чулки, потому что это признаки, отличающіе невѣрнаго отъ правовѣрнаго въ святомъ градѣ Бухарѣ. Мы знали также, что мусульмане одни могутъ ѣздить верхомъ въ предѣлахъ городскихъ стѣнъ этого города, и внутреннее чувство намъ подсказало, что мы должны быть довольны, если цѣною этой легкой жертвы намъ будетъ позволено продолжать жить въ этой столицѣ». Но «легкія жертвы» не ограничились, впрочемъ, этимъ. Милостивый покровитель ихъ Кушъ-беги, благодаря которому путешественники сохранили свою жизнь, принималъ ихъ у себя въ домѣ какъ

нѣкую нечистую тварь, сажая ихъ прямо на мостовой въ открытомъ дворѣ, въ то время какъ самъ сидѣлъ въ комнатѣ на дорогихъ коврахъ и подушкахъ, въ почтительномъ отдаленіи отъ этихъ невѣрныхъ собакъ.

Бѣднымъ англичанамъ было на-строго запрещено употребленіе пера и чернилъ. Днемъ имъ не позволяли выходить на улицу. «Подобно совамъ, мы не смѣли показываться иначе, какъ по вечерамъ», жалуется Борнсъ въ своей извѣстной книгѣ «Путешествіе въ Бухару». Въ бани ихъ тоже не пускали. По ученію бухарскихъ муллъ «вода обратится въ кровь, если она осквернится прикосновеніемъ женщины или невѣрнаго»; такъ что Борнсу съ трудомъ можно было пріискать какую-то жалкую баню, согласившуюся осквернить себя ради презрѣннаго злата.

Но такая терпимость къ иновѣрцу была все-таки рѣдкимъ исключеніемъ въ священной Бухарѣ, городѣ, основанномъ, по убѣжденію ея ученыхъ муллъ и имамовъ, самимъ Искандеромъ, т.-е. никѣмъ другимъ, разумѣется, какъ Александромъ Великимъ.

Обыкновенно же европейцу, попавшему въ Бухару, грозила прежде всего участь или быть зарѣзаннымъ, какъ барану, или протомиться десятки лѣтъ въ темницѣ и неволѣ.

Англійскій капитанъ Коноли въ концѣ тридцатыхъ годовъ нашего вѣка послѣ многихъ приключеній прошелъ насквозь туркменскія степи, дошелъ до Кокана, вытерпѣлъ тамъ неволю за то, что не хотѣлъ принять Ислама, попалъ потомъ въ Бухару, и въ этомъ «священномъ градѣ» былъ зарѣзанъ эмиромъ вмѣстѣ съ другимъ англичаниномъ, полковникомъ Стоттартомъ, состоявшимъ при англійской миссіи въ Персіи, несмотря даже на то, что Стотгартъ, страха ради Іудейска, принялъ магометанство. Венгерецъ Вамбери, посѣтившій Бухару гораздо позже, долженъ былъ разыгрывать роль турецкаго дервиша, чтобы проникнуть въ это гнѣздо мусульманскаго фанатизма, и каждый день могъ ожидать той участи, какой подверглись Коноли и Стоттартъ.

Красоту сартовскихъ, таджикскихъ и узбекскихъ дамъ Бухары оцѣнить рѣшительно невозможно. Здѣшній прекрасный полъ обращенъ въ какихъ-то неуклюжихъ чучелъ, завернутыхъ въ темно-зеленыя и темно-синія простыни съ головы до пятокъ; у каждой на лицѣ, даже у маленькихъ дѣвочекъ, густое черное покрывало. А между тѣмъ, судя по мужчинамъ, нужно предполагать, что таджички должны быть очень красивы. Недаромъ же въ древней Трансоксанѣ, именуемой теперь Бухарой, Александръ Македонскій нашелъ свою Роксану, знаменитую дочь Оксіярта (не *Ок-Сарта* ли еще?), про которую Арріанъ говоритъ, что послѣ жены Дарія, эта была самая красивая изъ всѣхъ женщинъ, видѣнныхъ греками въ Азіи...

Только однѣ прокаженныя имѣютъ въ Бухарѣ возмутительную привилегію показывать публикѣ свои ужасныя лица, изъѣденныя неописуемыми язвами. Бухара очень богата этимъ товаромъ. Прокаженныхъ безъ глазъ, безъ носовъ, безъ губъ, съ искривленными руками и ногами то и дѣло видишь у входовъ въ мечети и около общественныхъ прудковъ, гдѣ они сидятъ цѣлыми вереницами, вымаливая деньги у прохожихъ и протягивая къ нимъ деревянныя чашечки своими изуродованными пальцами.

Никакіе законы не предохраняютъ населеніе Бухары отъ общенія съ этими несчастными исчадіями человѣчества и отъ возможности заразы.

IV.

Нравы и обычаи священнаго города.

Объѣзжая безчисленные базары Бухары, мы любовались на здѣшнихъ сытыхъ, складныхъ и крѣпкихъ коней, которые на видъ гораздо красивѣе и даже, какъ-будто ретивѣе знаменитыхъ текинскихъ. Бухарцы, какъ и туркмены, большіе охотники усаживаться на коня по двое, не только въ степи, но и на улицахъ

города. А нѣкоторые ухитряются сидѣть на тюкахъ товаровъ, навьюченныхъ на лошадь, совсѣмъ какъ на диванахъ: свѣситъ себѣ преспокойно ноги и сидитъ, словно гвоздемъ прибитый, даже не помышляя о возможности полетѣть съ лошади головой внизъ.

Послѣ базаровъ мы проѣхали въ одинъ изъ самыхъ характерныхъ уголковъ Бухары,—къ прудку *„Леби-Гоузъ-Диванбеги"*. Здѣсь любимое мѣсто народныхъ сборищъ. Прудъ этотъ съ своею стоячею водой, теплою, какъ парное молоко, осѣненный старыми вязами и шелковицами, лежитъ у подножія древней мечети «*Меджидіе-Диванбеги*». Это обширный кварталъ саженъ въ пятнадцать длины, саженъ въ двѣнадцать ширины; глубокіе берега его обложены огромными тесаными камнями, и къ нему спускаются со всѣхъ сторонъ по восьми широкимъ каменнымъ ступенямъ. Пестрыя группы богомольцевъ и всякаго праздничнаго народа живописно обложили и притворы мечети и берега пруда. Одни моютъ въ немъ, сидя на ступенькахъ, свои босыя запыленныя ноги, другіе забрались по горло въ воду; кто полоскаетъ въ немъ бѣлье, кто сливаетъ въ него разныя подозрительныя жидкости изъ большихъ глиняныхъ кувшиновъ. Цѣлый лабиринтъ мелкихъ лавочекъ и кухонокъ, цѣлый шумный «Обжорный рядъ» устроился надъ этимъ прудкомъ, который въ одно и то же время служитъ и очень удобною помойною ямой для всѣхъ этихъ безчисленныхъ уличныхъ харчевенъ и единственнымъ бассейномъ для питья всему этому толпящемуся здѣсь люду. Особенно оригинальны многочисленныя *„чай-хане"* съ громадными тульскими самоварами, ведеръ въ десять и пятнадцать каждый, скорѣе похожими на пузатые боченки, чѣмъ на самовары.

Поглядѣвъ разъ на Леби-Гоузъ и безцеремонные обычаи его посѣтителей, никто уже не удивится, что *„решта"*, пендинская язва, сартскій прыщъ и всякія другія прелести составляютъ обычное украшеніе бухарской жизни.

Решту (filaria medinensis медиковъ) называютъ также гвиней-

скимъ червемъ, и туземцы увѣряютъ, что это тотъ самый червь что мучилъ на гноищѣ библейскаго Іова.

Я охотно вѣрю этому!..

Стоялая полугнилая вода бухарскихъ «Гоузовъ» кишитъ просто на глазахъ вашихъ всякими мелкими гадинами. А теперь еще весна, а не разваль лѣта. Къ лѣту же эти прудки высохнутъ еще наполовину, такъ что вмѣсто воды останется одна вонючая грязь; и въ ней все-таки будутъ купаться, ее все-таки будутъ черпать, какъ будто и настоящую воду. Недостатокъ воды, это своего рода проклятіе, издревле лежащее на «священной Бухарѣ». Она питается водами Заравшана, — «разносителя золота», но находится отъ него верстахъ въ десяти или двѣнадцати. Каналъ Когикъ проводитъ въ городъ воду Заравшана. Заравшанъ, который у древнихъ писателей назывался Политиметусъ, по увѣренію Квинта Курція, не доходилъ въ его время до Оксуса, а пропадалъ въ подземной пещерѣ. Арріанъ объясняетъ еще точнѣе, что онъ терялся въ пескахъ. Дѣйствительно, и теперь Заравшанъ прекращаетъ свое теченіе въ озерѣ среди песковъ, которое Узбеки называютъ «денгизомъ«, то-есть моремъ. Въ лѣтнія жары вода въ Заравшанѣ убываетъ очень сильно, а кромѣ того ее разбираютъ во всѣ стороны безчисленные арыки знаменитой своимъ плодородіемъ Міанкальской долины. На долю Бухары уже остается слишкомъ мало, а иногда даже и совсѣмъ ничего. Каналъ Когикъ въ видахъ сбереженія воды открывается обыкновенно одинъ разъ въ двѣ недѣли. Жители Бухары иногда остаются безъ воды по цѣлымъ мѣсяцамъ и должны волей-неволей довольствоваться своими отвратительными и заразительными «гоузами». При посѣщеніи Бухары англичаниномъ Борнсомъ каналъ былъ сухъ, напримѣръ, ровно шестьдесятъ дней! Теперешніе бухарцы жаловались намъ, что ихъ обижаютъ русскіе, задерживая воду Заравшана въ Самаркандской области; но старые путешественники говорятъ единогласно, что задолго до русскаго владычества въ Самаркандѣ Бухара постоянно страдала отъ такого же безводія.

Мнѣ уже не въ первый разъ пришелъ въ голову вопросъ: да почему же, наконецъ, всѣ большіе города Туркестана, какъ Бухара, Хива, Самаркандъ, Коканъ, Ташкентъ и другіе, не лежатъ на берегу сосѣднихъ къ нимъ многоводныхъ рѣкъ Аму-Дарьи, Заравшана, Сыръ-Дарьи? Только познакомившись съ опустошительными и неожиданными разливами этихъ рѣкъ, я понялъ, что многолюдныя поселенія человѣка должны были волей-неволей бѣжать подальше отъ этихъ коварныхъ, хотя и очень нужныхъ сосѣдей своихъ и получать ихъ драгоцѣнные дары не непосредственно изъ ихъ черезчуръ опаснаго ложа, а черезъ посредство цѣлой системы мирныхъ и безопасныхъ арыковъ.

Толпы, облегавшія старую мечеть Меджидіе-Диванбеги, ожидали часа молитвы; была Ураза,—магометанскій постъ, въ который ни одинъ правовѣрный не можетъ вкушать пищи до наступленія ночи; законъ этотъ соблюдается здѣсь всѣми съ непоколебимою строгостью, и правовѣрные мослемины, лишенные возможности толпиться за кухоньками своихъ дешевыхъ харчевенъ, забрались на плоскія крыши сосѣднихъ домиковъ, окружавшихъ мечеть, и придавались тамъ, въ ожиданіи «Азана», то-есть призыва муэдзина (по здѣшнему азанчи), душеспасительнымъ бесѣдамъ и размышленіямъ.

Характерныя, глубоко-восточныя и глубоко-азіатскія группы ихъ такъ и просились подъ кисть художника. Около старыхъ почитаемыхъ мечетей Бухары всегда есть какой-нибудь *калентеръ-ханъ*, то-есть постоялый дворъ для дервишей, какой-нибудь *текіе*, нѣчто въ родѣ монастыря, въ келіяхъ котораго находятъ себѣ пріютъ всякіе благочестивые странники. Оттого у мечети вы всегда можете встрѣтить собраніе ученыхъ знатоковъ Ислама, предлагающихъ другъ другу разныя богословскія задачи схоластической тонкости, горячо проповѣдывающаго дервиша или какого нибудь публичнаго чтеца, такъ называемаго здѣсь «медду», занимающаго публику поучительными легендами.

Вотъ и теперь цѣлый кружокъ, или по-бухарски «халька»,

изъ бѣловласыхъ старцевъ въ зеленыхъ и бѣлыхъ тюрбанахъ, въ широчайшихъ шелковыхъ халатахъ сидитъ безмолвно на террасѣ мечети, изукрашенной цвѣтными арабесками, словно привилегированные стражи ея входа; они. очевидно, считаютъ недостойными высокаго званія улема праздную болтовню съ сосѣдями и погружены въ *теваджъ,* то-есть въ безмолвное созерцаніе величія Божія и пророка Его Магомета; некоторые изъ нихъ до того глубоко ушли въ эти благочестивыя размышленія, что давно уже клюютъ носомъ, сладко подремывая въ духотѣ знойнаго лѣтняго дня. Но правовѣрные почитатели ученыхъ богослововъ нисколько не смущаются человѣческою слабостью своихъ духовныхъ наставниковъ. Они твердо знаютъ, что и въ дремотѣ, и въ глубокомъ снѣ святые мужи эти все равно не перестаютъ помышлять о непостижимыхъ свойствахъ Аллаха и о суетѣ земной жизни, а потому кто же посмѣетъ осуждать ихъ?

Здѣсь, невольно вспомнишь, что мы въ Бухарѣ,—этомъ «Римѣ Ислама», какъ называлъ ее Вамбери, считающій въ то же время Мекку «магометанскимъ Іерусалимомъ». Въ Бухарѣ насчитывалось недавно однихъ медрессе, то-есть высшихъ богословскихъ училищъ, своего рода духовныхъ академій Ислама — 366, — по одной на каждый день года. Изо всѣхъ магометанскихъ странъ Азіи и Европы, между прочимъ и изъ нашихъ русскихъ городовъ Казани, Оренбурга и т. п., молодые люди, желающіе основательно изучить ученье Ислама, стремятся въ прославленные медрессе Бухары, къ знаменитымъ здѣшнимъ учителямъ. Не только имамы и улемы Бухары — великіе знатоки мусульманскаго ученья, но и сами бухарскіе эмиры нерѣдко бываютъ завзятыми и хитроумными богословами. Религія Магомета—это своего рода общепризнанная спеціальная профессія священнаго города, которою онъ славится, которою онъ, такъ сказать, торгуетъ. Если Бухару вообще привыкли считать столицею Средней Азіи вслѣдствіе ея былого политическаго и экономическаго значенія, то еще съ большимъ правомъ она можетъ назваться духовною столицей всей мусульманской Азіи.

«Самаркандъ — рай вселенной, а Бухара — сила религіи и вѣры!» говоритъ одно бухарское двустишіе.

Видно, не случайно бухарскіе эмиры присвоили себѣ титулъ: *эмиръ-аль-муменинъ*, то-есть «вождь вѣрныхъ». Даже турки Стамбула, — этого высокочтимаго здѣсь «Рума» — въ глазахъ истинныхъ ревнителей благочестія въ Бухарѣ искренно представляются еретиками своего рода, развращенными черезъ свое беззаконное общеніе съ кэфирами и гяурами, и каждый бухарскій мулла не приминетъ укорить Османлиса за то, что тотъ не носитъ короткихъ усовъ и длинной бороды «на подобіе славы всѣхъ человѣческихъ существъ, то-есть пророка Магомета».

Бухарскіе улемы—самые компетентные судьи, разрѣшители и толкователи всякаго щекотливаго вопроса магометовой вѣры, всякаго недоразумѣнія, возникающаго въ примѣненіи къ жизни безчисленныхъ правилъ шаріата. Самое педантическое внѣшнее соблюденіе этихъ правилъ въ Бухарѣ требуется съ неумолимою строгостью, вѣрнѣе, требовалось еще очень недавно. Вмѣстѣ съ вторженіемъ въ жизнь Бухары русскаго вліянія старый религіозный педантизмъ магометанскаго Рима значительно ослабѣлъ. Особый блюститель религіозныхъ обрядовъ, такъ называемый «реисъ», съ кошачьимъ хвостомъ въ рукѣ, еще недавно рыскалъ, а можетъ быть и теперь еще рыскаетъ по улицамъ Бухары, силомъ гоняя правовѣрныхъ къ исполненію ихъ религіозныхъ обязанностей на намазъ, на молитву въ мечеть; реисъ въ правѣ былъ проэкзаменовать всякаго прохожаго въ правилахъ вѣры, и если находилъ отвѣтъ неудовлетворительнымъ, посылалъ хотя бы сѣдовласаго старца доучиваться въ медрессе.

Борисъ самъ видѣлъ, какъ курившихъ публично табакъ и тѣхъ, кто спалъ въ часы молитвы, реисы водили по улицамъ Бухары связанныхъ и сѣкли ихъ ремнями, громко выкрикивая: «послѣдователи Ислама! созерцайте наказаніе тѣхъ, кто нарушаетъ законъ!»

Эти насильственныя требованія внѣшней религіозности обращаютъ Бухару въ очагъ лицемѣрія и ханжества и сильно омра-

чаютъ жизнь въ ней даже для самихъ мусульманъ. Подъ прикрытіемъ мелочныхъ обрядовъ прячется глубокая внутренняя безнравственность, точно такъ же, какъ подъ величественно-пышными халатами изъ парчи и шелка, подъ торжественно воздымающимися на главѣ высочайшими тюрбанами бѣлоснѣжной чистоты—скрывается низкая рабская душа бухарца, полная трусливаго себялюбія и безчувственности къ ближнему... Здѣсь нѣтъ, правда, публичныхъ домовъ и отчаянныхъ кутежей въ трактирахъ, какъ это сплошь да рядомъ встрѣчается въ европейскихъ городахъ; но зато здѣсь даже дервиши до сумасшествія опиваются опіумомъ, и молодые люди лучшихъ фамилій не стыдятся публично говорить о своихъ Ганимедахъ и публично содержать ихъ; не говорю уже, что кровь ближняго, самая мучительная казнь человѣка не производятъ ни малѣйшаго впечатлѣнія на лицемѣрнаго бухарскаго богослова. Это царство халатниковъ-фарисеевъ въ сущности есть царство тупого невѣжества, непобѣдимой косности, животной чувственности и звѣрской жестокости. Нельзя поэтому скорбѣть, что оно понемногу, но основательно расшатывается черезъ свое невольное соприкосновеніе съ русскимъ духомъ, съ русскими учрежденіями. Русское владычество нужно благословлять уже за то одно, что съ наступленіемъ его закрылись позорившіе человѣчество невольничьи рынки Бухары, какъ закрылись они и въ сосѣдней Хивѣ, а позднѣе въ Мервѣ. Всего только 15 лѣтъ тому назадъ персы и русскіе съ цѣпями на шеѣ продавались на базарахъ священнаго города рядомъ съ лошадьми и верблюдами, и какой-нибудь особенно счастливый аламанъ текинцевъ разомъ сбивалъ цѣну на этотъ живой товаръ совершенно такъ, какъ обильный урожай дынь или арбузовъ сбиваетъ ихъ цѣну на рынкѣ.

Мы съ женой живо почувствовали ту органическую ненависть азіатца къ русскому и мусульманскаго фанатика къ христіанину, которою пропитаны всѣ эти бухарскіе богословы въ бѣлыхъ чалмахъ и желтыхъ халатахъ. Толпы, собравшіяся

вокругъ мечети, глядѣли на насъ съ нескрываемымъ выраженіемъ вражды. Особенно ихъ возбуждало ничѣмъ не покрытое лицо моей дамы. Нечистое пребываніе насъ, невѣрныхъ собакъ, въ такомъ священномъ мѣстѣ и вдобавокъ еще въ священные часы ихъ поста,—уразы,—очевидно возмущало всѣхъ до глубины души, и только присутствіе караулъ-беги въ его оффиціальной багряницѣ, съ внушительною плетью въ рукахъ, да, можетъ быть, еще воспоминаніе о бѣлыхъ русскихъ рубахахъ, гостящихъ по сосѣдству, сдерживало въ предѣлахъ благоразумія эту глухо рычавшую толпу, такъ недавно еще утѣшавшуюся казнями гяуровъ на площади ихъ Ригистана.

Впрочемъ, черезъ нѣсколько минутъ этотъ затаенный фанатизмъ разразился противъ насъ уже совершенно явно. Я не помню теперь названія древней мечети, въ которую повелъ насъ караулъ-беги послѣ Леби-Гоуза. Не успѣли мы спокойно подняться на широкія ступени ея, собираясь уже повернуть налѣво въ темные сводистые проходы, какъ вдругъ откуда ни возьмись выскочилъ намъ навстрѣчу, будто кто выстрѣлилъ имъ въ насъ, высокій мулла въ громадномъ бѣломъ тюрбанѣ и распахнутомъ настежь полосатомъ халатѣ.

— Качъ! качъ! — отчаянно замахалъ онъ на насъ, словно крыльями вѣтряной мельницы, своими костлявыми и длинными какъ у мертвеца руками.

Пѣна брызгала изъ его разсвирѣпѣвшаго червиваго рта, въ которомъ совсѣмъ не было зубовъ, и его глубоко впавшіе старческіе глаза искрились злобой, какъ у взбѣшеннаго цѣпного пса.

— Качъ, качъ! — храбро повторялъ онъ, загораживая намъ грудью дорогу, готовый, кажется, сейчасъ вцѣпиться въ насъ своими размахавшимися костлявыми граблями.

Мы, разумѣется, отступили безъ малѣйшаго спора, нисколько не желая раздражать еще дальше мусульманскаго фанатизма; но караулъ-беги и нашъ консульскій провожатый схватились жестоко ругаться по-татарски съ бѣшенымъ муллой, какъ мы ни уговаривали ихъ мирно отрясти прахъ отъ ногъ нашихъ.

Однако фанатикъ-мулла все-таки побѣдилъ, потому что и караулъ-беги и нашъ казанскій татаринъ, украшенный медалями, мало-по-малу покидали поле битвы и незамѣтно спускались вслѣдъ за нами съ одной ступеньки на другую, хотя и продолжали отругиваться и грозить руками смѣло напиравшему на нихъ фанатику.

Толпа, собравшаяся у мечети на эти крики, ворчала и глядѣла на насъ слишкомъ недвусмысленно, чтобъ этого не могли сообразить наши не въ мѣру усердные провожатые. Мы ретировались къ своему фаэтону и спѣшили поскорѣе усѣсться въ него. Пурпуровый караулъ-беги былъ совсѣмъ переконфуженъ неожиданно встрѣченнымъ отпоромъ и бормоталъ намъ какія-то непонятныя для насъ оправданія.

— Нѣтъ, этого ему подарить нельзя, псу старому! горячился еще болѣе его нашъ русскій всадникъ. — Этакъ ихъ повадишь, такъ они и на улицу пускать насъ не станутъ. Безпремѣнно я агенту объ этомъ доложу. Вздуютъ его, голубчика, лучше не надо. Самъ эмиръ вездѣ русскимъ входъ свободный дозволяетъ, а эта собака брехать вздумала, законы свои заводить!.. Погоди-жъ ты, старый хрычъ! — заключилъ онъ, вскакивая опять на лошадь и выразительно грозя кулакомъ по адресу все еще ругавшагося на крыльцѣ муллы.

Караулъ-беги тоже привсталъ на стременахъ и съ новою бранью потрясъ въ воздухѣ свою тяжелую нагайку, обѣщая, повидимому, храброму улему что-то очень невкусное.

Фаэтонъ между тѣмъ повернулъ назадъ въ узкій переулокъ, и мы вздохнули съ облегченнымъ сердцемъ, ни малѣйшимъ образомъ не претендуя на рьянаго защитника мусульманской святыни.

Чтобы добраться до Ширбудуна, лѣтняго мѣстопребыванія эмиръ-эль-муменина, нужно проѣхать изъ конца въ конецъ всю необъятную Бухару. Ширбудунъ уже не въ городѣ, а въ трехъ верстахъ отъ него. Нужны были особыя сношенія нашего ди-

пломатическаго агента съ тѣми, кому это вѣдать надлежитъ, чтобы получить дозволеніе на осмотръ дворца. Опять тѣ же нескончаемыя улицы слѣпыхъ домовъ и глиняныхъ дуваловъ, похожихъ другъ на друга, какъ ржаныя копны на десятинѣ, опять тѣ же мечети съ глиняными фонариками и точеными колонками, тѣ же стоячіе прудки подъ тѣнью шелковицъ, тѣ же шумные и пестрые базары съ своими верблюдами, ослами, арбами, чалмами и халатами.

Проѣхали мы и нѣсколькими бухарскими кладбищами. Они помѣщаются и въ предмѣстіяхъ и въ серединѣ города, всегда около какой-нибудь мечети.

Бухарское кладбище то же, что̀ и туркменское; ничего похожаго на живописныя и поэтическія кладбища стамбульскихъ Турокъ, эти тѣнистыя прогулки въ чащахъ кипарисовъ, полныя благоговѣйнаго уваженія къ памяти покойниковъ, населенныя будто мраморными статуями, стоячими камнями въ разноцвѣтныхъ чалмахъ и шапочкахъ.

Бухарское кладбище—непроходимый хаосъ давящихъ другъ друга, другъ на друга насѣвшихъ, горбатыхъ могильныхъ насыпей, обложенныхъ кирпичемъ и грубо смазанныхъ сѣрою глиной. Издали эти могилы кажутся частыми рядами круглыхъ грядокъ которыми глубоко вскопана глинистая почва. Могилы эти обыкновенно помѣщаются на большомъ четырехугольномъ холмѣ, очевидно насыпанномъ руками людей. Такіе холмы встрѣчались намъ и при въѣздѣ въ городъ, и внутри его. Такіе же холмы видѣли мы прежде въ Туркменіи почти около каждаго аула. Среди неказистыхъ горбатыхъ насыпей поднимаются однако изрѣдка маленькія часовенки характерной магометанской архитектуры, увѣнчанныя двумя-тремя шестами съ привѣшанными къ нимъ бѣлыми тряпками и конскимъ хвостомъ. Это—гробницы шейховъ, святыхъ мужей Ислама, такъ-называемыя здѣсь „*мазара*“.

Снаружи Ширбудунъ тоже немножко смотритъ укрѣпленнымъ замкомъ и тюремнымъ острогомъ. Сразу видно, что никакого наивнаго довѣрія между грознымъ владыкой и его вѣрноподданными тутъ не полагается, и что онъ чувствуетъ себя въ безопасности только за крѣпко-окованными воротами на замкѣ, охраняемыми хорошо вооруженною стражей. Но стòитъ только переступить за ворота дворца, какъ картина вдругъ разомъ перемѣняется. Веселая и яркая пестрота красокъ охватываетъ васъ со всѣхъ сторонъ. Дворики, окруженные зданіями дворцовъ и широкими крытыми галлереями ихъ, просто смѣются на солнышкѣ. Каждый фасадъ, каждый входъ внутрь дворца—затѣйливая плетеница самыхъ красивыхъ и оригинальныхъ узоровъ; по ярко-зеленому, по ярко-голубому, по ярко-красному фону расписаны свѣтлыми красками хотя грубоватыя, но зато характерныя арабески; бѣлыя узорчатыя колонки изъ гипса эффектно вырѣзаются своими выпуклыми формами на этомъ разноцвѣтномъ полѣ. Тѣнистые сады дышутъ тихою прохладой и нѣжнымъ ароматомъ среди многочисленныхъ двориковъ Ширбудуна. Въ одномъ изъ дворовъ широкая рѣшетчатая галлерея, вся завѣшанная сверху тяжелыми гроздьями еще непоспѣвшаго винограда. Дворецъ вообще довольно простъ, и вся роскошь его сосредоточивается на отдѣлкѣ фасадовъ и входовъ. Внутри богато отдѣланы только нѣсколько комнатъ, такъ-сказать, оффиціальныхъ. Остальныя самыя обыкновенныя и нисколько не типичныя. Впрочемъ, когда эмиръ не живетъ здѣсь, мебель и вещи, украшающія комнаты, убираются въ кладовыя, такъ что мы видимъ теперь дворецъ въ его, такъ-сказать, ободранномъ видѣ. Даже ковры, и тѣ постланы далеко не вездѣ, а большею частью сложены другъ на другѣ въ какомъ-нибудь укромномъ уголкѣ. Но все-таки довольно ихъ еще и лежитъ на полу и виситъ на стѣнахъ. Ковры эти—верхъ красоты и баснословныхъ цѣнъ. Такого рѣдкаго собранія ковровъ не часто встрѣтишь даже и въ Азіи,—этой классической странѣ ковровъ. Одинаково изумутительна и ихъ громадность, и тонкое изящество ихъ

восточнаго рисунка и чарующая гармонія ихъ тоновъ. Особенно хороши ковры, вытканные по бѣлому фону тончайшимъ узоромъ самыхъ нѣжныхъ красокъ.

Но ковры здѣсь не только на полу и диванахъ, не только тканыя изъ шерсти. Всѣ стѣны и потолки дворца, всѣ его фасады и входы,—въ сущности тѣ же персидскіе, бухарскіе, текинскіе и индѣйскіе ковры своего рода.

Тѣ же фантастическія арабески узоровъ, та же мягкая радующая глазъ пестрота колера. Только ковры эти—мастерская алебастровая штукатурка, дивно вылѣпленная, дивно раскрашенная. Потолки—это главная красота и главная роскошь восточныхъ дворцовъ и храмовъ. Ни одинъ потолокъ не похожъ здѣсь на другой. Каждый вылѣпленъ по своему, нигдѣ ровной поверхности, вездѣ какія-нибудь глазатыя круглыя ячейки, альковчики, ступеньчатые сводики, переплеты, рѣшеточки, и все это словно выстлано въ глубинѣ драгоцѣнною кашмировою шалью или сквозитъ зеркальными стеклами.

Въ стѣнахъ—ниши и шкапчики на каждомъ шагу и на всякой высотѣ. Это характерная особенность восточной комнаты, замѣняющая излишнюю меблировку. Иные шкапчики, гипсовые въ мелкихъ полочкахъ, раздѣлены на уютные ящички. Тамъ ставится разная посуда и дорогія бездѣлушки. А иногда и эти ниши, и шкапчики и сами стѣны изъ сверкающихъ изразцовъ расписанныхъ въ обычномъ пестромъ вкусѣ Востока.

Гипсовые переплеты оконъ тоже затѣйливаго узора. Даже зеркала, обильно украшающія стѣны и большею частью вставленныя въ зеркальныя же рамы, раздѣланы сверху стекла гипсовыми фигурами. Одна зала кругомъ зеркальная, и вы чувствуете себя, войдя въ нее, будто внутри какого-то огромнаго граненаго кристалла. Самая парадная и самая обширная комната дворца — это тронная зала, въ которой эмиръ принимаетъ посольства и собираетъ совѣтъ; она ярко расписана красками по стѣнамъ и потолку и украшена богатыми коврами. Тронъ эмира—тяжелое рѣзное кресло съ тончайшею мѣдною инкрустаціей. Есть во

дворцѣ и другія характерно разукрашенныя комнаты: столовая эмира, спальни, дѣтскія. Въ дѣтской цѣлый огромный столъ заваленъ кучами игрушекъ, очевидно, европейской фабрикаціи, и въ стѣнахъ подъ рядъ все крошечные шкапчики съ полками.

Но какъ ни оригинальна и ни миловидна внутренняя отдѣлка эмирова дворца, все-таки далеко ей до настоящей восточной роскоши и настоящаго восточнаго изящества каирскихъ и стамбульскихъ дворцовъ. Все-таки сейчасъ чувствуется, что это не обиталище какого-нибудь халифа или султана богатой и сильной страны, а жилище полукочевого хана, вождя грубыхъ халатниковъ и такого же халатника, какъ они, чуждаго утонченнымъ вкусамъ араба...

Мы добросовѣстно обѣгали всѣ амфилады пустыхъ комнатъ, облазали всѣ мезонины и чердачки, всѣ террасы и галлереи дворцовыхъ флигелей. Толпа праздныхъ слугъ всюду провожала насъ. Водившій насъ смотритель дворца, почтенный сѣдой бородачъ, то и дѣло кланялся намъ, прикладывая руку къ сердцу, и, разставаясь съ нами, извинялся въ самыхъ горячихъ выраженіяхъ, что перваначи-беги (нѣчто въ родѣ министра иностранныхъ дѣлъ), не предупрежденный заранѣе о нашемъ пріѣздѣ, не могъ распорядиться объ угощеніи насъ обычнымъ дастарханомъ. Пришлось одарить русскими рублями не только дворцовыхъ слугъ, но и дворцовое начальство, которое, несмотря на сановитость свою, съ большимъ почтеніемъ и удовольствіемъ приняло нашъ скромный даръ.

На дворѣ мы увидѣли солдатъ эмира, одѣтыхъ въ русскую форму и продѣлывавшихъ по-русски свои военные пріемы. Мы не могли удержаться отъ смѣха, увидѣвъ среди площадки двора эти потѣшныя каррикатуры на русское войско. Ихъ обезьяньи рожи въ оборванныхъ курткахъ русскаго покроя, въ спадающихъ съ нихъ измазанныхъ грязью рейтузахъ, смотрѣли чѣмъ-то такимъ неопрятнымъ, жалкимъ и гадкимъ, что трудно было угадать въ нихъ тѣхъ самыхъ молодцовъ-бухарцевъ, какихъ мы

только - что видѣли на базарахъ и улицахъ ихъ родного города, въ родныхъ имъ яркихъ чалмахъ и пестрыхъ халатахъ.

Русское правительство находитъ болѣе удобнымъ для себя сохранять власть бухарскаго эмира надъ его старымъ ханствомъ. Это выходитъ дешевле и проще. Конечно, при этомъ порядкѣ не нужно много войска, не нужно огромныхъ расходовъ на судъ, полицію, тюрьмы, пути сообщенія... Здѣсь все ведется по-старому,—и правосудіе, и администрація. Ничего сложнаго, никакихъ дорогихъ окладовъ и бюджетовъ. Халатникамъ такой порядокъ, пожалуй, больше по плечу, чѣмъ стѣснительная для нихъ канцелярщина и невѣдомыя статьи чуждаго закона. Религіозно-житейскія предписанія шаріата для нихъ священны, понятны и привычны. Но одно въ ихъ жизни ужасно,—это рабская зависимость каждаго бухарца, простого поденщика такъ же точно, какъ перваго сановника, отъ произвола своего эмира. Онъ безусловно владыка надъ ихъ имуществомъ, ихъ дѣтьми, ихъ головой.

Улемы и имамы, толкующіе по Корану обязанности государя, разумѣется, имѣютъ большое вліяніе на своего эмира и въ сущности сильно ограничиваютъ его произволъ. Но эта гарантія правъ слишкомъ шаткая и далеко не всякому доступная. Во время пребыванія въ Бухарѣ нашего извѣстнаго путешественника Миддендорфа бухарскій эмиръ, напримѣръ, безъ всякой церемоніи отобралъ отъ всѣхъ своихъ высшихъ придворныхъ чиновъ подарки, которые имъ прислалъ русскій императоръ, а за нѣсколько времени предъ этимъ старшій сынъ эмира приказалъ ни за что, ни про что зарѣзать нѣсколькихъ богатыхъ мѣнялъ, иначе сказать, банкировъ Бухары, и ограбилъ ихъ лавки. Оттого богатые люди все-таки стараются здѣсь скрывать свое богатство, чтобы не возбудить жадности эмира, а это, конечно, невыгодно отражается на мѣстной торговлѣ и промышленности. Взяточничество здѣсь развито до невозможной степени, и самъ эмиръ раздаетъ своимъ любимцамъ въ кормленіе должности и провинціи. Деньги тутъ дѣлаютъ рѣшительно все. Но обирая безцеремонно свой народъ и собственными руками и руками

своихъ чиновниковъ и хладнокровно проливая безъ малѣйшей жалости кровь людей, владыки Бухары вынуждены постоянно жить въ какомъ-то осадномъ положеніи, въ вѣчномъ недовѣріи и страхѣ даже по отношенію къ ближнимъ имъ людямъ. Вѣроломство и жестокосердіе, исторически укоренившіяся въ обычаяхъ бухарцевъ, обращаютъ обыкновенно каждое новое царствованіе въ кровавую баню своего рода, гдѣ явно или тайно, желѣзомъ, ядомъ или веревкой новый повелитель старается прежде всего отдѣлаться навсегда отъ опасныхъ ему родственниковъ и друзей прежняго владыки, хотя бы они были ближайшіе родственники ему самому. Еще недавно доходило до того, что при выѣздѣ эмировъ изъ Бухары даже сыновья ихъ обязывались уѣзжать изъ города, въ предупрежденіе заговоровъ и возстаній. Въ своихъ расписныхъ дворцахъ эмиры обыкновенно живутъ какъ въ тюрьмѣ, не смѣя свободно съѣсть кусокъ хлѣба и выпить стаканъ воды. Кушъ-беги,—ихъ правая рука, ихъ великій визирь, единственное лицо, которому они волей-неволей должны довѣриться,—обязанъ прежде самъ испробовать всякое кушанье, которое готовится эмиру, закрыть его послѣ того крышкой, замкнуть крышку на ключъ и запечатать собственною печатью. Только съ такими предосторожностями кушанье можетъ быть подано эмиру. Исключительное довѣріе, которымъ пользуется у эмира кушъ-беги, дѣлаетъ его почти безконтрольнымъ правителемъ всей страны. Всѣ выгодныя и важныя должности обыкновенно раздаются его родственникамъ и друзьямъ; въ рукахъ кушъ-беги сосредоточивается главное распоряженіе пошлинами и сборами всякаго рода, обогащающее его и его близкихъ на глазахъ всѣхъ. Бѣднымъ же людямъ живется при этихъ порядкахъ не особенно удобно. Хотя бухарецъ и хвастается, что «будь ему долженъ самъ эмиръ,—казій присудитъ ему взыскать долгъ и съ самого эмира», однако эта прямота и правдивость судей больше остаются въ разсказахъ о золотомъ старомъ времени, чѣмъ въ живой дѣйствительности. На богатаго и знатнаго тутъ не найдешь суда. Въ то же время трудовой классъ обложенъ далеко

не пустыми поборами. Бо̀льшая часть земель принадлежитъ эмиру, и бадаулетъ взыскиваетъ обыкновенно съ своихъ фермеровъ около половины жатвы. Даже и собственники земли должны платить немало: десятую часть дохода въ видѣ десятины (зикатъ) и потомъ еще налогъ на бѣдныхъ (ухръ) и разные другіе.

Впрочемъ, я говорю все это о недавнемъ времени, пока Россія не стала вмѣшиваться во многіе внутренніе распорядки ханства и понемножку отучать бухарское правительство, по крайней мѣрѣ, отъ самыхъ возмутительныхъ его обычаевъ.

Бухарскій народъ не только находится въ рабской зависимости отъ своего хана, но и рабски выражаетъ ему свою почтительность. При появленіи эмира на улицѣ движеніе толпы разомъ прекращается; всадники соскакиваютъ съ лошадей, арбакеши съ своихъ арбъ, прохожіе останавливаются какъ вкопанные на улицѣ и вытягиваются рядами; при приближеніи владыки всѣ эти ряды людей почтительно преклоняютъ предъ нимъ свои главы, иные даже падаютъ ницъ, сознавая свое недостоинство лицезрѣть нечестивыми очами свѣтлый образъ эмира-эль-муменина.

Тѣмъ не менѣе нельзя не удивляться, зная все это, добровольному ослѣпленію англичанъ, которые изъ закоренѣлой ненависти къ Россіи готовы видѣть даже въ грубомъ деспотизмѣ потомковъ Чингиса идеальное правительство своего рода. Борнсъ, въ своей извѣстной книгѣ, упомянутой мной раньше, высказываетъ, напримѣръ, о Бухарѣ такія наивныя сужденія: «во всей Азіи нѣтъ края, въ которомъ бы всѣ классы населенія были такъ покровительствуемы во всемъ. Не-мусульмане должны только соблюдать небольшое число предписанныхъ обычаевъ, чтобы быть во всемъ остальномъ на одномъ уровнѣ съ правовѣрными. Кодексъ законовъ кровожаденъ, но тѣмъ не менѣе справедливъ».

«Вообще, увѣряетъ Борнсъ, народъ здѣсь счастливъ, край цвѣтущъ, торговля процвѣтаетъ, собственность ограждена».

Сейчасъ видно, что это говоритъ наблюдатель, которому не

позволялось днемъ показываться на улицѣ, котораго не пускали въ двери магометанскихъ домовъ и отнимали чернила, чтобъ онъ не могъ записывать то, чтò видѣлъ. Но какъ мало похожи эти легкомысленные выводы бѣглаго и пристрастнаго англійскаго туриста на все то, чтò намъ разсказываютъ о Бухарѣ наши знатоки Востока, подолгу жившіе въ ней, въ корнѣ изучившіе ее, и даже—на то, чтò успѣли видѣть въ «благородной Бухарѣ» сами мы.

V.

Голодная степь.

Поѣздъ остановился, а мы еще спимъ въ своемъ покойномъ вагонѣ. Путь его конченъ, дальше ничего, кромѣ грязи и пыли. Новая европейская цивилизація, вторгшаяся по желѣзнымъ рельсамъ въ старыя владѣнья «Желѣзнаго Хромца», замираетъ на порогѣ его столицы. Отсюда начинается еще ничѣмъ не распатанное царство верблюда и арбы.

Мы торопливо собираемъ свои пожитки и спускаемся въ вокзалъ. Прекрасные парные извозчики на бойкихъ лошадяхъ, въ помѣстительныхъ фаэтонахъ, на перебой другъ съ другомъ предлагаютъ свои услуги. Усаживаемся въ покойную колясочку и несемся словно съ кѣмъ-нибудь на перегонку по отлично мощенымъ улицамъ «Русскаго Самарканда». Тутъ въ каждомъ городѣ необходимая двойственность. Русская Бухара, русскій Самаркандъ, русскій Ташкентъ, русскій Коканъ, русскій Маргеланъ, рядомъ съ туземнымъ Самаркандомъ, туземною Бухарой, туземнымъ Маргеланомъ... Условія жизни Русскаго и Азіатца до того не похожи другъ на друга, до того трудно переносятся тѣми, кто не привыкъ къ нимъ, что нельзя было выдумать ничего лучше какъ этимъ звѣрямъ двухъ разныхъ породъ позволить жить, такъ сказать, въ разныхъ клѣткахъ, не мѣшая другъ другу. Къ тому же и въ видахъ безопасности немного-

численнаго русскаго населенія было вполнѣ благоразумно собрать ихъ въ отдѣльную дружную кучку, подальше отъ опасной тѣсноты туземныхъ улицъ и двориковъ. И почти вездѣ появленіе рядомъ со старыми азіатскими центрами торговли и власти новыхъ русскихъ поселковъ заставляетъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе засыхать вѣтви и корни старыхъ азіатскихъ стволовъ, питательные соки которыхъ постепенно оттягиваются отъ нихъ молодою русскою порослью.

Русскій Самаркандъ — такая прелесть, которой никакъ не ожидаешь въ этой странѣ варварства. Широкія, отлично мощеныя улицы уходятъ длинными перспективами направо и налѣво, пересѣкая другъ друга съ геометрическою правильностью. Это даже не улицы, а тѣснистыя аллеи, дышащія прохладой, журчащія ручьями. Тополя-гиганты, какихъ мы не знаемъ въ Россіи, тѣсными зелеными полками провожаютъ въ нѣсколько рядовъ оба тротуара улицы, не пропуская внутрь ея боковыхъ лучей утренняго солнца; и у корней этихъ зеленыхъ колоссовъ съ веселымъ лепетомъ бѣгутъ неизбѣжные здѣсь арыки, безъ которыхъ въ Туркестанѣ невозможна никакая растительность, никакая жизнь.

Чистота и порядокъ вездѣ. Сейчасъ видно, что всѣмъ распоряжается здѣсь, все здѣсь создала и создаетъ — и этотъ порядокъ и эту чистоту—военная сила. Она тутъ и моститъ, и строитъ, и насаждаетъ и обводняетъ.

Я давно пришелъ къ тому убѣжденію, что русскій человѣкъ удивительный человѣкъ, если его держать въ строгой дисциплинѣ. Англичанинъ, совершенно наоборотъ, удивителенъ вездѣ, гдѣ онъ можетъ проявить свою личность и свободу инициативы. Наши русскіе монахи и солдаты—лучшій примѣръ этому. Неопрятное вольное русское хозяйство обращается въ чистоплотную голландскую ферму гдѣ-нибудь въ Соловецкомъ монастырѣ, подъ желѣзною ферулой иноческаго послушанья, а что́ можетъ сдѣлать нашъ солдатикъ по приказу начальства—

хорошо знають всѣ, кто посѣщалъ наши восточныя окраины, цивилизуемыя россійскимъ воинствомъ.

Домики небольшіе, низенькіе, всѣ въ одинъ этажъ, но всѣ зато каменные, всѣ чистенькіе и бѣленькіе; они такъ молодо и весело вырѣзаются на зеленомъ фонѣ садовъ и деревьевъ, заполонившихъ здѣсь все.

Послѣ зноя безлюдной пустыни въѣзжаешь какъ въ зеленый рай въ такой тѣнистый зеленый уголокъ.

Въ этомъ «губернскомъ городѣ» далекаго «забраннаго края» ничего подобнаго тѣмъ пыльнымъ, въ отчаянье приводящимъ улицамъ и тѣмъ безотраднымъ вереницамъ кирпичныхъ двухъэтажныхъ и трехъэтажныхъ сундуковъ, что̀ беззащитно жарятся на солнцѣ въ заправскихъ губернскихъ городахъ старой Россіи, во всѣхъ этихъ Орлахъ, Курскахъ, Тулахъ, Калугахъ и Тамбовахъ...

Видно и мы, русскіе, научились чему-нибудь и что-нибудь забыли въ эти годы своего историческаго опыта.

Конечно, прежде всего научила насъ здѣсь новымъ строительнымъ и устроительнымъ пріемамъ здѣшняя же природа и здѣшняя же жизнь. Солнце Туркестана, бездождіе Туркестана волей-неволей заставятъ вспомнить о тѣни дерева, о водѣ арыка. Къ тому же, каждый туземный кишлакъ своими сплошными садами, густо облегающими дороги, своими вездѣ журчащими канавками далъ русскому цивилизатору готовый образчикъ для будущихъ поселеній его, и мы только развили этотъ прирожденный здѣсь типъ тѣнистаго кишлака въ несравненно болѣе грандіозный, несравненно болѣе удобный и опрятный типъ новаго русскаго города въ совершенную противоположность съ узенькими непроѣздными переулками, вьющимися среди глиняныхъ заборовъ, зноемъ, пылью и вонью старыхъ большихъ городовъ Туркестана, которые сохраняютъ тѣнистый характеръ кишлаковъ только на окраинахъ своихъ, но ужъ никакъ не въ серединѣ своей, переполненной людомъ и торговлею.

Настоящихъ гостинницъ въ Самаркандѣ нѣтъ, а есть такъ на-

зываемые *„нумера“*, болѣе или менѣе сносные. Намъ посовѣтовали остановиться въ Варшавскихъ нумерахъ. Въ небольшомъ домикѣ, на углу проѣзжей улицы, намъ отвели очень порядочную и, прежде всего, очень тѣнистую комнату, устланную войлоками, обвѣшанную по стѣнамъ коврами. Тутъ же по заказу вашему готовится не особенно хитрый, но вкусный столъ, вполнѣ домашняго хорактера. Цѣны божескія, хозяева услужливые. Мнѣ прежде всего нужно было нанять экипажъ для изрядно продолжительнаго путешествія въ Ташкентъ, Коканъ и далѣе, къ Ошу. Пришлось порядочно порыскать для этого по незнакомому городу, а все-таки я остановился въ концѣ концовъ на помѣстительномъ казанскомъ тарантасѣ нашего хозяина, несомнѣнно видавшемъ всякіе виды на своемъ вѣку. Дороги во многихъ мѣстахъ Туркестана, особенно гористой Ферганской области, такъ каменисты и неровны, а почтари-киргизы такая еще дичь, что тутъ нужно выбирать себѣ экипажъ, крѣпкій какъ наковальня. если приходится, какъ намъ, сдѣлать на немъ добрыхъ полторы тысячи верстъ взадъ и впередъ. Къ тому же намъ требовался цѣлый Ноевъ ковчегъ своего рода, чтобы помѣстить въ одно и то же время и насъ обоихъ, и нашъ далеко не шуточный багажъ.

Пріятель нашъ американецъ Крэнъ отсталъ отъ насъ въ Бухарѣ, которая увлекла его своеобразностью своихъ типовъ и нравовъ. Мы хотѣли провести Святую недѣлю у своихъ въ Ташкентѣ, и онъ обѣщалъ нагнать насъ тамъ съ тѣмъ, чтобъ оттуда вмѣстѣ съ нами отправиться въ Ферганскую область, изъ которой смѣлый Янки разсчитывалъ пробраться еще въ Кашгаръ и Яркендъ. Но почему-то ему не удалось исполнить своего намѣренія, и уже въ Ташкентѣ мы получили отъ него письмо, которымъ онъ увѣдомлялъ насъ, что дальше Самарканда поѣхать не могъ и возвращается черезъ Кавказъ въ Европу. Впослѣдствіи, когда мы уже были въ Россіи, этотъ милый спутникъ нашъ прислалъ намъ изъ Чикаго цѣлый транспортъ крайне для меня интересныхъ фотографическихъ снимковъ, которые онъ дѣ-

лалъ своимъ моментальнымъ аппаратомъ съ типовъ и мѣстностей Кавказа, Туркестана, Бухары и Самарканда.

Только разставшись съ нимъ, мы узнали, что этотъ въ высшей степени скромный и неприхотливый человѣкъ—одинъ изъ крупныхъ милліонеровъ въ Чикаго, владѣлецъ всякихъ пароходовъ, фабрикъ и акцій, и что его страсть — всесвѣтныя путешествія.

Россію онъ особенно любитъ и старается изучить, состоя даже членомъ нашего Императорскаго Географическаго Общества; онъ очень просилъ меня доставлять ему для перевода на англійскій языкъ, съ цѣлью ознакомить съ ними американскую публику, болѣе талантливыя произведенія новыхъ русскихъ беллетристовъ, если только можно имѣть ихъ на французскомъ или нѣмецкомъ языкѣ, просилъ меня также прислать ему для той же цѣли мои книги о Кавказѣ и Крымѣ.

Мы рѣшились въ этотъ проѣздъ не осматривать Самарканда, а отложить это до обратнаго пути, такъ какъ иначе мы никакъ не могли поспѣть къ Свѣтлому празднику въ Ташкентъ, гдѣ насъ ждалъ къ этому дню сынъ со своею молодою женой.

Закупились всякою провизіей на дорогу, послали куда слѣдуетъ телеграммы, уложились въ своемъ старомодномъ тарантасѣ, какъ старосвѣтскіе помѣщики, отправлявшіеся, бывало, изъ деревни въ Москву на собственныхъ лошадкахъ и, благословясь, тронулись въ путь. Хотя намъ и пришлось проѣхать черезъ туземный Самаркандъ, хотя мы и любовались издали его изумительными древними мечетями, но я воздержусь здѣсь отъ всякаго описанія славной столицы Тимура, потому что будетъ гораздо удобнѣе сдѣлать это за одинъ разъ при подробномъ осмотрѣ нашемъ на возвратномъ пути всѣхъ достопримѣчательностей этого характернаго города.

Безъ конца долго тянется старый Самаркандъ своими пригородами и предмѣстіями, своими чудными тѣнистыми садами, безконечными рядами высокихъ пирамидальныхъ тополей и глубокими оврагами большихъ древнихъ арыковъ своихъ. Безъ

конца долго и за нимъ тянутся такіе же тѣнистые, такіе же очаровательно зеленые кишлаки. Глазъ радуется на все, на что ни взглянетъ: на молодую ярко-сіяющую весну, на роскошно цвѣтущіе сады, на сытыя зеленыя поля, гдѣ трудолюбивый сартъ пашетъ на быкахъ своимъ первобытнымъ деревяннымъ раломъ, глубоко взрывая землю подъ рисъ и подъ дыни. Ярмо на его быкахъ такое же первобытное, какъ и его плугъ: тяжелое бревно безо всякаго выгиба и вырѣзки немилосердно третъ выносливыя шеи бѣдной скотины, покоя на себѣ привязанный сверху конецъ плужнаго дышла. Кажется, невозможно придумать запряжки глупѣе и неудобнѣе этой, а между тѣмъ вотъ какое уже столѣтіе такое простое и справедливое соображеніе не приходитъ въ голову наивному туземному землепашцу, и онъ, ничто же сумняся, изъ поколѣнія въ поколѣніе продолжаетъ мучить этими бревнами свой злополучный рабочій скотъ.

Весело на землѣ, весело на небѣ, весело на душѣ! Всего 18 апрѣля, а тутъ уже ярко, жарко, зелено и пышно, какъ у насъ въ началѣ іюня. И зелень эта кажется еще зеленѣе отъ сіянія снѣговыхъ горъ, все время провожающихъ издали нашу дорогу непрерывающимся туманнымъ хребтомъ. Это отрогъ Алайской цѣпи горъ, хребетъ Чуйкаръ-тау, заслоняющій собою съ сѣвера верхнюю долину Заравшана — первая ступень далекаго гиганта Тянь-Шаня.

Жизнь, движеніе кругомъ; разноцвѣтныя птицы, удоды, сойки, сивоворонки унизываютъ какъ яркіе каменья безконечную проволоку телеграфа, стрекочутъ и перегоняются взапуски другъ съ другомъ. И нагоняешь, и встрѣчаешь вездѣ толпы народа, арбы цѣлыми обозами, нескончаемые караваны верблюдовъ; тутъ настоящее верблюжье царство, а на дорогахъ настоящій базаръ! Киргизы попадаются все чаще и чаще. Киргизы тутъ ямщики, киргизы тутъ и *лаучи*, то-есть верблюдовожатые. Теперь имъ воля, при русскомъ владычествѣ. Какой-нибудь одинъ мальчишка-киргизенокъ, чуть примѣтный между лохматыхъ горбовъ

передового верблюда, ведетъ себѣ днемъ и ночью изъ-за нѣсколькихъ сотенъ верстъ, черезъ всякіе уѣзды и области, города и деревни, десять, пятнадцать, двадцать верблюдовъ, обвѣшанныхъ тюками, беззаботно ночуетъ съ ними въ степи, беззаботно двигается съ ними по пустыннымъ дорогамъ, и горя ему мало. А давно ли приходилось туземцамъ охранять свои караваны цѣлыми вооруженными отрядами, стоять по недѣлямъ на границахъ ханствъ, ожидая охранныхъ грамотъ, платить произвольныя пошлины и поборы чуть не въ каждомъ попутномъ городѣ и, несмотря на все это, частенько терять свой товаръ и свой скотъ, подчасъ и свою голову.

Теперь степь держитъ себя тише воды, ниже травы. Нигдѣ ни разбоевъ, ни грабежа. Грозный призракъ русской военной силы стоитъ здѣсь надо всѣмъ и оберегаетъ здѣсь все.

Лицо киргиза уже совсѣмъ не то, что у узбека, у сарта; не то даже, что у туркмена: въ немъ гораздо больше монгольства, калмычины. И весь видъ киргиза какой-то дикій, полузвѣриный. Особенными дикарями смотрятъ желтые морщинистые киргизы, беззубые, безусые, съ рѣдкими клочками волосъ на подбородкѣ. Остроконечные колпаки, какъ сахарныя головы, изъ бѣлаго войлока съ широкими раарѣзными полями, подбитыми иногда краснымъ или синимъ, уцѣлѣвшіе, должно быть, еще отъ временъ Темучина, сообщаютъ еще болѣе монгольскій видъ этимъ характернымъ монгольскимъ физіономіямъ. На многихъ еще растрепанные зимніе малахаи на мѣху съ затыльниками и наушниками; звѣроподобныя рожи киргизовъ выглядываютъ особенно свирѣпо и звѣроподобно изъ рамокъ этихъ лохматыхъ мѣховыхъ опушекъ. Попадаются на киргизахъ и болѣе легкія шапочки, тоже изъ бѣлаго войлока, но не такія высокія и лопоухія, съ отвернутыми вверхъ красными полями безъ разрѣза; только спереди край шапки не отогнутъ, а заслоняетъ глаза отъ свѣта вмѣсто козыря.

Мальчишки-почтари всѣ въ такихъ шапкахъ да еще съ мѣдными казенными бляхами напереди, которыми они, повидимому, гордятся будто какимъ нибудь заслуженнымъ орденомъ. Все-

таки, молъ, казенная особа, на царской службѣ своего рода, а не простой вожакъ верблюдовъ.

За первою станціей послѣ Самарканда—Джамбулатомъ,—какъ только переѣдешь многочисленные разливы Заравшана, начинается очень порядочное шоссе; оно продолжается и всю слѣдующую станцію отъ Каменнаго моста до Сарайлыка узкою каменною плотиной, густо обсаженною деревьями; подъ тѣнью ихъ ѣдешь какъ по зеленому корридору; арыки журчатъ по обѣимъ сторонамъ, еще болѣе прохлаждая зной воздуха и утѣшая путника своимъ несмолкающимъ лепетомъ. Встрѣчи на каждомъ шагу, никакъ не минуешь этихъ безъ перерыва идущихъ каравановъ. А разъѣхаться съ громоздкими арбами, съ громоздкими верблюдами, обвѣшанными многопудовыми тюками хлопка, не особенно удобно на этой узкой насыпи. Верблюды, ослы, лошади съ испугомъ пятятся отъ звонковъ почтовой тройки, обрываясь въ канавы, цѣпляясь за деревья. Для этихъ азіатскихъ обозовъ нуженъ и просторъ азіатской степи, а не тѣсная рамка цивилизованной европейской дороги. Всадники тутъ большею частью все по два на одномъ конѣ, экономіи ради. Какой нибудь босоногій мальчуганъ обхватитъ своими смуглыми рученками шею старика-отца и стоитъ себѣ за нимъ на сѣдлѣ цѣлые часы сряду, незамѣтно воспитываясь съ младенческихъ лѣтъ въ привычкахъ джигита. А вонъ одинъ усѣлся совсѣмъ на хвостъ верблюда, не считая двухъ другихъ, помѣстившихся среди горбовъ. Терпѣливый горбачъ все выноситъ, всѣхъ донесетъ.

Грунтовая дорога тоже обсаживается во многихъ мѣстахъ деревьями, и все почти новыхъ породъ, неизвѣстныхъ прежде Туркестану: айлантомъ, китайскимъ клёномъ, гледичіей, бѣлою акаціей, чуть ли не изъ обширныхъ питомниковъ Мервскаго Государева имѣнія въ Байрамъ-Али.

Обсадка дорогъ—уже русское нововведеніе, и я нахожу, что ничѣмъ нельзя лучше цивилизовать и оживить знойныя равнины

Туркестана, какъ деревомъ и водою; а здѣсь, гдѣ посажено дерево, туда, значитъ, проведена и вода.

На одной изъ станцій мы попали въ шумный и пестрый базаръ. Цѣлая туча сартовъ, узбековъ, киргизовъ, верхами по одному и по двое, на ослахъ, лошадяхъ и верблюдахъ, въ ярчайшихъ полосатыхъ халатахъ, толкались среди тѣснаго деревенскаго рынка. Женщинъ тутъ было не меньше мужчинъ, и понять было трудно, за какимъ собственно дѣломъ сбилась сюда и праздношаталась здѣсь эта многолюдная толпа, окружавшая жалкія лавочки съ товаромъ на три гроша.

Мы стояли на крылечкѣ станціи, любуясь на эту живописную азіатскую толкотню, на характерные, еще мало знакомые намъ типы, и помаленьку перебрасывались словечкомъ съ хозяйкой станціи, домовитою и чистоплотною русскою бабой изъ пермской губерніи, только что угостившею насъ свѣжимъ молокомъ въ своей по-христіански убранной опрятной горницѣ.

— Насъ ни сарты, ни киргизы никогда не обижаютъ, ни Боже мой! разсказывала намъ умная старуха.—Боятся русскихъ! Бываетъ, съ деньгами не маленькими по базарамъ деревенскимъ ходишь, домой ночью ворочаешься, а не тронетъ ни одинъ. Мы съ мужемъ три года въ Мурза-Рабатѣ на станціи жили, совсѣмъ одни, ужь на что, кажется, степь глухая, на пятьдесятъ верстъ деревушки не найдешь, киргизы все кругомъ дикіе, кибитки, гдѣ его тамъ поймаешь, сегодня здѣсь, завтра слѣдъ простылъ... А никогда ничего не было, грѣхъ сказать. Потому что строгость отъ начальства. А еслибы-то не строго, и жить бы было совсѣмъ нельзя! Теперь если на киргиза или на сарта жалобу въ судъ или по начальству подашь, такъ онъ отъ страха не знаетъ, куда ему дѣться, въ ногахъ валяется, проситъ: не подавай на него жалобы... А промежь себя у нихъ за самую малость сейчасъ драка! рубашки поскидаютъ и уцѣпятся другъ за дружку, начнутъ тузить другъ друга по чемъ попало. Сарты — тѣ еще хуже на драку, чѣмъ киргизы; слово ему не такъ показалось, какъ порохъ вспыхнулъ, и въ потасовку сейчасъ. А живутъ

хорошо, одѣваться любятъ, въ гости другъ къ другу ходятъ, гостинцами угощаютъ, и народъ рабочій, ничего! Только вотъ хлѣбушка мало ѣдятъ, не то что нашъ братъ православный!..

Со вздохомъ соболѣзнованія закончила старуха.

Ночевать намъ пришлось на станціи Ямы-Курганъ, въ 72 верстахъ отъ Самарканда. Здѣшнія почтовыя станціи не балуютъ путешественника особеннымъ комфортомъ, да на него и смѣшно здѣсь разсчитывать. Провизію всякаго рода необходимо везти съ собою, хотя случайно можно раздобыться кувшиномъ молока или мискою горячей похлебки, если захватишь за обѣдомъ хозяевъ станцій. Спать приходится тоже по-спартански, на какихъ-нибудь узенькихъ жесткихъ диванахъ или на каменной лежанкѣ, если, конечно, они не захвачены раньше васъ другими проѣзжими. Съ нами не разъ случались потомъ и эти оказіи; тогда мы просто-напросто устраивались на ночь въ своемъ объемистомъ тарантасѣ, опуская пониже зонтикъ, застегивая повыше фартукъ и укутываясь потеплѣе въ пледы и бурки. Когда дѣйствительно хочется спать, то и на такой постели спишь сномъ праведнаго.

Рано утромъ лошади уже были готовы, и мы удальски покатили по каменистой дорогѣ. Намъ совѣтовали проѣхать пораньше ущелья, пробитыя въ толщѣ горнаго хребта русломъ бурной рѣчки Елань-Уте. Длинныя цѣпи горъ, отдѣлившіяся отъ Алайскаго хребта, сначала подъ именемъ Мальгучаръ, потомъ подъ именемъ Кара-ṭау, тянутся на западъ въ песчанныя пустыни Бухары и отдѣляютъ какъ стѣной южную плодоносную область Заравшана,—«разносителя золота»,—отъ громадной безплодной равнины, что разстилается къ сѣверу отъ этихъ горъ до самаго русла Сыръ-Дарьи. Это-то и есть знаменитая «Голодная степь». Чтобы добраться до нея, нужно было прорѣзать насквозь горную цѣпь по ущельямъ Елань-Уте. Живописныя ущелья эти безконечною змѣей извиваются между скалистыхъ выступовъ и обрывовъ, провожая капризные повороты рѣки, и добрыхъ

20 верстъ приходится ѣхать ими, поминутно пробираясь черезъ многочисленныя колѣна рѣки. При малѣйшемъ дождѣ, при сильномъ таяньи снѣга въ горахъ, рѣка дѣлается не проѣздною, оттого-то самое безопасное — переѣзжать ее пораньше утромъ, пока солнце еще не нагнало съ горъ снѣговыхъ водъ. По щебню и камнямъ Елань-Уте мчаться совсѣмъ невозможно, а волей-не волей тащишься чуть не шагомъ, наслаждаясь зато разнообразными горными ландшафтами дикаго ущелья. Все это крайніе западные отроги горныхъ громадъ Тянь-Шаня, который входитъ въ наши среднеазіатскія владѣнія одною изъ крупныхъ вѣтвей своихъ—Алайскимъ хребтомъ.

На половинѣ дороги между Ямы-Курганомъ и Джизакомъ, верстъ за 12 отъ него, ущелье Елань-Уте принимаетъ грозный и эффектный видъ. Отвѣсныя скалы его разомъ выростаютъ и сдвигаются съ обѣихъ сторонъ, сдавливая своими каменными пятами бѣшенно-ревущій потокъ. Это «Тамерлановы ворота». На крайней лѣвой скалѣ ихъ, довольно близко надъ рѣкой, гладко стесано мѣсто, величиной около квадратной сажени, и на немъ начертана длинная арабская надпись. Преданіе говоритъ, что это собственноручная надпись Тамерлана, который будто бы раздвинулъ руками человѣческими эту скалистую тѣснину, гдѣ прежде съ трудомъ могъ проѣхать одинъ всадникъ. Поэтому-то она и носитъ до сихъ поръ имя «Тамерлановыхъ Воротъ».

Въ противоположной скалѣ, направо отъ дороги, чернѣетъ пещера, которую туземцы тоже связываютъ съ именемъ своего любимца,—великаго хана Тимура. Тутъ онъ будто бы жилъ въ тѣ дни, когда пріѣзжалъ смотрѣть, какъ пробивали его ворота.

Мы входили въ эту пещеру, очень неглубокую и небольшую; она не представляетъ никакого интереса, хотя мнѣ разсказывали, будто тамъ были сдѣланы когда-то какія-то находки.

За «Тамерлановыми воротами» горный пейзажъ принимаетъ уже совсѣмъ другой, менѣе живописный характеръ, зато мѣстность дѣлается населеннѣе и люднѣе. Кишлаки, сады, поля начинаютъ попадаться все чаще по мѣрѣ приближенія къ Джизаку.

Джизакъ — первый городъ послѣ Самарканда на пути къ Ташкенту. Отъ него около 100 верстъ до Самарканда и верстъ 185 до Ташкента. Теперь это уѣздный городъ со всѣми узаконенными уѣздными чинами и учрежденіями. Русскій городокъ маленькій, но хорошенькій, съ чистенькими бѣленькими домиками; онъ весь потонулъ въ садахъ, тополевыхъ аллеяхъ, молодыхъ посадкахъ и прячется въ тѣни близко надвинувшихся на него зеленыхъ горъ съ чудными ущельями и заманчивыми прогулками. На скамьяхъ городского садика посиживаютъ себѣ досужіе чиновники, русскія няньки съ дѣтьми, по улицамъ снуютъ наши молодцы-солдатики, кучера въ красныхъ рубахахъ, всюду развѣваются по случаю табельнаго дня русскіе флаги. Вонъ и магазинъ русскаго купца Филатова, кажется, пока единственный, но зато такой же, какъ въ любомъ Орлѣ или Воронежѣ; а вонъ и православная церковь, немножко смахивающая впрочемъ своимъ черезчуръ упрощеннымъ стилемъ на лютеранскую кирку. Дѣлается радостно на душѣ отъ этого съ дѣтства дорогого вида родной русской силы на такой далекой и чуждой сердцу окраинѣ.

За русскимъ городкомъ на нѣкоторомъ разстояніи отъ него разбросался безконечнымъ кишлакомъ туземный Джизакъ съ своими густыми старыми садами, глубокими арыками, искусно-расписанными глиняными дувалами. Базары его были переполнены яркою разноцвѣтною толпой франтоватыхъ Сартовъ, съ красивыми, но сердитыми и непріязненными лицами.

Джизакъ славится своимъ гончарнымъ производствомъ, и потому всѣ лавченки его до верху набиты огромными кувшинами, горшками, мисками, кубышчатыми печами и всякимъ другимъ скудельнымъ товаромъ. Пьяный землякъ нашъ отчаянно дрался за что-то въ одиночку съ цѣлою кучкой ощетинившихся Азіатовъ при безмолвномъ, но очень неодобрительномъ созерцаніи собравшагося базара.

Въ концѣ туземнаго города—большая Бухарская кала̀ съ очень высокими стѣнами, башнями весьма внушительно смот-

рять изъ-за глубокихъ рвовъ, наполненныхъ водой. Эти рвы и стѣны стоили намъ не мало при взятіи Джизака.

Джизакъ изстари былъ защитнымъ укрѣпленіемъ Заравшанской долины съ сѣвера отъ степныхъ кочевниковъ. Онъ стоитъ своего рода сторожемъ «Тамерлановыхъ Воротъ» при единственномъ проходѣ черезъ горы и на распутьи важныхъ дорогъ. Прямая караванная дорога, обращенная теперь въ почтовую, ведетъ отъ него на сѣверо-востокъ къ Ташкенту; направо, на востокъ, другой такой-же старинный торговый путь, и тоже теперь почтовый, пробирается населенными предгоріями, черезъ значительный прежде городъ Ура-Тюбе, въ Ходжентъ и дальше въ Коканъ и другіе крупные промышленные центры Ферганской области, какъ Маргеланъ и Андижанъ. Третья дорога рѣзко поворачиваетъ изъ Джизака на сѣверо-западъ, въ сторону, противоположную Ходжентской дорогѣ. Она тянется безконечными пустынями и песками по кочевьямъ Киргизовъ и заворачиваетъ потомъ дугой къ юго-западу на Аму-Дарью и Хиву. Понятно поэтому, что обладаніе Джизакомъ всегда открывало ворота въ цѣлое Бухарское ханство.

«Голодная степь» начинается за Джизакомъ не сразу. Цѣлыя 16 верстъ до станціи Учь-Тюбе и еще версты двѣ за эту станцію — стелется, какъ подножіе зеленыхъ предгорій, ровный плодородный лугъ, изрѣзанный многочисленными арыками, распаханный подъ поля. Множество скота бродитъ по этимъ лугамъ, множество народа встрѣчается на каждомъ шагу, и вездѣ кругомъ виднѣются становища кибитокъ, кишлаки, потонувшіе въ садахъ, длинные ряды тополей. Горная цѣпь вырисовывается высоко, красиво и ясно, осѣненная сверху, будто безплотными призраками, далекими снѣговыми великанами.

Но уже за Учь-Тюбе мѣстность измѣняется рѣзко, какъ декорація театра. Села, сады, поля—все вдругъ исчезаетъ. Безбрежная равнина болѣе ста верстъ ширины и въ нѣсколько сотъ верстъ длины разстилается между Учь-Тюбе и берегами

Сыръ-Дарьи. Съ юго-востока она подходитъ къ Ура-Тюбе, съ сѣверо-запада теряется въ пескахъ Кызылъ-Кума.

Это знаменитая «Голодная степь». Голодная она не потому, чтобы ея почва не годилась подъ посѣвы; напротивъ, это въ сущности тучная почва, способная давать хорошіе урожаи, кромѣ нѣкоторыхъ мѣстъ, покрытыхъ солончаками. Голодная она потому, что въ ней совершенно нѣтъ воды. Великій князь Николай Константиновичъ, давно поселившійся въ Туркестанѣ, въ качествѣ частнаго лица, и имѣющій владѣніе по сосѣдству съ «Голодною степью», положилъ, говорятъ, не менѣе ста тысячъ рублей на то, чтобы напоить эту безводную равнину и обратить ее изъ мертвой страны въ живую и плодоносную. Онъ провелъ въ нее множество арыковъ съ юго-западной стороны и вызвалъ на орошенныя земли русскихъ колонистовъ. Но до сихъ поръ это полезное предпріятіе еще не установилось прочно, и о результатахъ его нельзя пока сказать ничего опредѣленнаго.

Нашимъ глазамъ впрочемъ эта ужасная «Голодная степь» представилась, благодаря веснѣ, въ самомъ чарующемъ видѣ. Она казалась преисполненною обиліемъ всякаго рода. Яркая зеленая трава покрывала ея неоглядными коврами, и по этимъ привольнымъ пастбищамъ ея радостно бродили, отъѣдаясь до́сыта послѣ зимней голодовки, безчисленныя стада барановъ, безчисленные табуны лошадей и верблюдовъ... Муравьиныя кучи черныхъ киргизскихъ кибитокъ, прикочевавшихъ сюда ради обильныхъ кормовъ, то и дѣло темнѣютъ на пригоркахъ среди этого сплошного зеленаго бархата. Тутъ и помимо ихъ бродятъ разные туземные обитатели: большіе сѣрые журавли, красноносые аисты, орлы, сокола. Орлы тутъ огромны и смѣлы какъ звѣри. Даже приближеніе тройки съ колокольчиками не вспугиваетъ ихъ. Они едва только отпрыгиваютъ, гнѣвно шипя, шага на два отъ дороги и продолжаютъ съ вызывающимъ видомъ смотрѣть своими суровохищными глазами на дерзкихъ нарушителей ихъ царственныхъ правъ надъ пустыней...

Во всякомъ случаѣ престранная «Голодная степь» съ такими сытыми хозяевами!..

Нигдѣ я не видалъ такого изумительнаго обилія черепахъ, какъ въ «Голодной степи». Вѣроятно, теперь былъ сезонъ ихъ любви. Вся «Голодная степь», сколько мы ни ѣхали ею, была покрыта этими ползучими тварями. Бѣлесоватыя полушарія ихъ горбовъ свѣтятся издали среди зеленой травы; когда онѣ лежатъ неподвижно, грѣясь парочками на солнцѣ, кажется, будто вы ѣдете среди бакши недоспѣвшихъ кавуновъ, и что это ихъ бѣлесоватыя горбушки вырѣзаются, освѣщенные солнцемъ, на фонѣ зелени. Когда ѣдешь версту, десять верстъ, двадцать верстъ, пятьдесятъ верстъ, и вездѣ кругомъ себя, куда только хватаетъ глазъ, видишь миріады этихъ медленно ворочающихся гадинъ, отказываешься понять, откуда вдругъ появились онѣ въ такомъ невѣроятномъ множествѣ, и гдѣ скрываетъ все это таинственное населеніе свое мать сыра-земля.

На дорогѣ постоянно попадаются раздавленныя черепахи, потому что и колеса, и подковы лошадей и тяжелыя копыта верблюда—все безцеремонно ступаетъ на нихъ, переѣзжаетъ черезъ нихъ когда онѣ своею неспорою развалистою походкой торопятся переправляться черезъ колевины дорогъ.

Наглядѣлся таки я дóсыта, до отвращенія, можно сказать, на этихъ черепахъ! Онѣ гораздо крупнѣе, свѣтлѣе и горбатѣе тѣхъ черныхъ черепахъ, чтó я, бывало, часто видывалъ въ болотахъ и ручьяхъ Крыма. Бѣлесоватый цвѣтъ ихъ, конечно, отъ бѣловатой глинистой почвы, среди которой онѣ родятся и живутъ, точно такъ же, какъ черный цвѣтъ крымской черепахи результатъ ея постояннаго пребыванія въ черной грязи болотъ. Странно во всякомъ случаѣ, какъ это до сихъ поръ человѣкъ не ухитрился обратить себѣ на пользу, да еще въ «Голодной степи», столько сытой и въ сущности вполнѣ чистой твари, которая сама отдается ему въ руки.

Но мнѣ пришло въ голову, что въ нѣкоторомъ смыслѣ черепаха, пожалуй, уже сослужила нѣкоторую службу туземцу-ко-

Куда только ни посмотришь: впереди, назади, направо, налѣво— сплошные лѣса какого-то могучаго и своеобразнаго растенія. Хотя растеніе это не дерево, но издали оно кажется небольшимъ хорошенькимъ деревцомъ въ аршинъ и въ полтора высоты, съ искусно обстриженною кроной. Круглый какъ трубка стволъ его, толщиной въ порядочную руку, вѣнчается роскошнымъ и чрезвычайно правильнымъ зонтикомъ, въ видѣ цѣлаго шара вѣтокъ, листьевъ и зеленовато-желтыхъ цвѣтовъ. Сразу видишь, что это растеніе изъ семейства зонтичныхъ, въ родѣ нашей зöри садовой, архангелики и имъ подобныхъ, но только еще сочнѣе и еще сытѣе. Снизу вокругъ голаго ствола стелятся по землѣ сплошнымъ поддонникомъ жирные листья, въ родѣ листьевъ нашего арбуза. Когда глядишь на громадную равнину, вездѣ густо заросшую этимъ страннымъ растеніемъ, впадаешь въ иллюзію: все кажется, что предъ тобой лѣса какихъ-то карликовыхъ деревьевъ; круглыя кроны ихъ, опрятно подобранныя вверхъ, напоминаютъ наши ракиты большихъ дорогъ, какими онѣ видны издали.

Меня заинтересовало это могучее растеніе, заполонившее всю степь, и я не разъ порывался остановить тройку, чтобы сорвать на память какой-нибудь хорошенькій экземпляръ, но станція была близка, и не стоило терять времени на остановку, все равно около станціи можно было сколько угодно нарвать этихъ незнакомыхъ мнѣ цвѣтовъ.

Къ благополучію нашему, въ Акчетахъ мы нагнали какого-то полковника изъ мѣстнаго начальства, распивавшаго чай. Слово-за-слово, разговорились о томъ, о семъ, о «Голодной Степи», о черепахахъ.

— Нужно будетъ пойти нарвать этихъ цвѣтовъ; за станціей я видѣлъ ихъ много,—сказалъ я женѣ.—Удивительно странное растеніе, дерево не дерево, а силы сколько! Всю степь покрыло... Вы не знаете, чтò это за растеніе?—обратился я къ полковнику.

— Боже мой! да это асса-фетида!—вскрикнулъ онъ.—Вы развѣ никогда не видали асса-фетиды? Избави васъ Богъ руками тронуть, цѣлую недѣлю не отмоете, и платье провоняетъ, и все.

Запахъ такой убійственный, что близко подойти нельзя... Оттого-то ни одно животное его не трогаетъ. Растутъ вонъ цѣлые лѣса громадные, какъ мы видѣли, а толку никому никакого.

— Такъ это асса-фетида?—удивился я.—Счастливъ же мой Богъ, что я не соскочилъ изъ тарантаса на дорогѣ, какъ хотѣлъ, и не нарвалъ этой гадости. Хороши бы мы теперь были.

— Въ ротъ бы не могли ничего взять,—подтвердилъ полковникъ; — всякая пища опротивѣла бы отъ этого невыносимаго и ужасно цѣпкаго запаха.

— Послушайте же, однако, полковникъ,—замѣтилъ я.—Если это асса-фетида, какъ вы говорите, то вѣдь, сколько я знаю, асса-фетида очень дорогое лѣкарственное средство; въ арабской Азіи имъ крупная торговля идетъ... Почему же у насъ не эксплоатируютъ такое даровое сокровище?

— Ну, ужъ этого не могу вамъ сказать; пробовалъ у насъ одинъ докторъ въ Ташкентѣ, собиралъ, сушилъ, продавать думалъ, да что-то у него не выгорѣло дѣло; навѣрное не знаю отчего. Должно быть, добра этого у насъ во всякомъ случаѣ немного требуется; ну а заводить дѣла съ заграницей — умѣнье особенное надо, капиталъ. А тутъ еще даль такая, что одна перевозка будетъ стоить?..

Асса-фетида идетъ сплошными непрерывающимися зарослями верстъ на 65 въ ширину. Она началась за нѣсколько верстъ до станціи Акчеты, тянется 31 версту до станціи Мурза-Рабата и за Мурза-Рабатомъ захватываетъ почти всю слѣдующую станцію до Малека. Немудрено, что эти необъятныя одуряющія заросли изгнали изъ себя всякую жизнь. Даже сидя въ тарантасѣ, высоко надъ этими шаровидными кронами желтыхъ цвѣтковъ и постоянно глотая чистый воздухъ, чувствуешь какую-то неясную тошноту отовсюду проникающаго поганаго духа этого растенія-отравителя.

— Слушай, ямщикъ, а сюда эта трава надалеко идетъ?—спросилъ я глупаго киргиза съ носомъ, вздернутымъ какъ у мопса,

сидѣвшаго на нашихъ козлахъ. Я показалъ при этомъ направо и налѣво.

Киргизъ дурацки ухмыльнулся и тряхнулъ своею бѣлою войлочною шапкой.

— Туда—конца нѣтути! Туда сто верстъ, двѣсти верстъ, больше двѣсти верстъ!—отвѣтилъ онъ, безнадежно махнувъ рукой.—Усе будетъ эта трава одинъ.

Только по близости къ окраинамъ начинаютъ попадаться между разсѣянными островками ассафетидовыхъ лѣсковъ довольно большія травянистыя поляны, съ пасущимися овцами и верблюдами. Отъ станціи Малекъ ассы-фетиды уже не видно, и степь получаетъ свой прежній оживленный и разнообразный видъ. Опять тысячи верблюдовъ пасутся и вблизи, и вдали, опять торчатъ, какъ гнѣзда грибовъ, на каждомъ пригоркѣ кибитки киргизовъ. Опять вся почва покрыта ползущими черепахами. Мы, поистинѣ, попали въ верблюжье царство. Верблюдовъ здѣсь видимо-невидимо. Сотнями они гуляютъ по степи, сотнями ихъ гонятъ назадъ съ базаровъ въ пустыхъ громоздкихъ сѣдлахъ, сотнями они везутъ на себѣ тюки товара. А товаръ здѣсь все одинъ—хлопокъ. Стало-быть, это не только верблюжье, но и еще хлопковое царство. Конца краю нѣтъ караванамъ верблюдовъ съ бѣлыми тюками, перекрещенными веревкой, кокандскимъ арбамъ, на высочайшихъ и тончайшихъ колесахъ, аршинъ по пяти въ поперечникѣ, тоже до верху набитымъ тѣми же бѣлыми тюками. Эти арбы очень напоминаютъ китайскія. Арбакеши ихъ тутъ сидятъ по туркменскому обычаю уже не на козлахъ, какъ кавказскіе татары, а верхомъ на запряженной лошади, спустивъ съ сѣдла на оглобли свои босыя ноги.

Безъ всякой статистики убѣждаешься и, такъ сказать, видишь своими очами, что Россія можетъ очень скоро обойтись безъ американскаго хлопка. Всѣ дороги Туркестана и Туркменіи день и ночь завалены этими бѣлыми тюками, давно уже намозолившими мнѣ глаза. То и дѣло и въ открытой степи, и на площадяхъ кишлаковъ видишь цѣлыя укрѣпленія, цѣлыя гро-

мадныя стѣны этихъ наваленныхъ другъ на друга бѣлыхъ тюковъ, которые съ непривычки долго принимаешь издали за какіе-нибудь огромные дома или грандіозныя развалины. А отвернешь взглядъ въ другую сторону—тамъ арміи отдыхающихъ въ степи верблюдовъ, цѣлый походный городокъ изъ сомкнутыхъ вмѣстѣ арбъ, оглоблями внизъ, будками вверхъ.

Верблюды тутъ крупной породы, не облѣзшіе до-гола, какъ въ туркменскихъ степяхъ, а всѣ обросли густою и длинною шерстью; бородатыя шеи, бородатые чубы, бородатыя гривы; штаны на ногахъ лохматые, горбы на спинѣ лохматые. Верблюдъ прегорделиво и пресамостоятельно задираетъ голову вверхъ и глубоко презрительнымъ взглядомъ окидываетъ человѣка и его тройку жалкихъ коньковъ. Но мальчишки-киргизы, повидимому, нисколько не проникаются уваженіемъ къ этимъ четвероногимъ философамъ-молчальникамъ, и забравшись, какъ чижикъ на заборъ, высоко на ихъ жирные горбы, отчаянною рысью, съ отчаянными криками, съ отчаяннымъ маханьемъ рукъ—палками сгоняютъ къ нагрузкѣ разбредшихся по всей степи верблюдовъ. Деревянныя сѣдла никогда ни снимаются съ потныхъ верблюдовъ; деревяшки эти обыкновенно укладываются на довольно толстыхъ матрацахъ, замѣняющихъ потники нашихъ верховыхъ коней. Подъ нижніе рожки сѣдла засовываются продольныя палки, и уже сверху нихъ навѣшиваются тюки. Необходимо распредѣлить очень равномѣрно тяжесть этихъ тюковъ на обѣ стороны сѣдла. Малѣйшій перевѣсъ на одну сторону уничтожаетъ силы верблюда и потираетъ ему бока. Во время долговременныхъ походовъ неумѣлая вьючка верблюдовъ губитъ ихъ гораздо болѣе, чѣмъ безкормица, кара или какія-нибудь другія постороннія причины. Умно навьюченный хорошій сытый верблюдъ можетъ поэтому поднимать на своемъ горбу до 24 пудовъ товара, то-есть обычный нашъ лошадиный возъ; между тѣмъ какъ заурядные верблюды, нагруженные безъ особаго вниманія, могутъ нести круглымъ счетомъ на своей спинѣ не болѣе десяти или двѣнадцати пудовъ.

VI.

Кудуки Тамерлана.

Еще далеко до станціи Агашты (Акчеты) сталъ маячиться на горизонтѣ степи какой-то странный, круглый холмъ. Онъ былъ такъ правиленъ и высокъ, что невозможно было счесть его за простую опухоль земли, да и цвѣтъ его былъ не зеленый, а какой-то каменистый. Я давно уже вглядывался въ него съ напряженнымъ любопытствомъ. Ровная какъ ладонь и какъ бархатъ зеленая степная гладь особенно рѣзко выдѣляла и его темный цвѣтъ и его геометрически строгую форму. Сначала онъ былъ намъ противъ солнца и вырѣзался на его яркихъ лучахъ почти чернымъ силуэтомъ, но потомъ дорога повернула немного въ сторону, и предъ нами сразу обрисовался вдали облитый солнечнымъ свѣтомъ высокій каменный куполъ. Чтó за диковинный куполъ! сколько ни ѣдемъ, какъ ни приближаемся къ нему, ничего не видно кромѣ этого огромнаго купола, словно онъ стоитъ прямо на землѣ, безъ стѣнъ безъ подпоръ. Да онъ и дѣйствительно выросъ прямо изъ земли, какъ колоссальный стогъ сѣна, теперь это уже несомнѣнно, потому что мы совсѣмъ подъѣзжаемъ къ станціи Агашты и намъ теперь отлично видна глинистая площадка, на которой возвышается этотъ гигантскій каменный шалашъ.

— Что это такое?—удивленно спрашиваю я ямщика, толкая его въ его корявую какъ у носорога спину и показывая рукою на загадочный куполъ, который мнѣ казался какой-то покинутою индусскою пагодой.

Киргизъ обернулся ко мнѣ своимъ обезьяньимъ лицомъ, широко осклабился и сверкая своими бѣлыми, какъ у волка, хищными зубами, самодовольно мотнулъ головой на степную диковину.

— Сардаба-кудукъ!.. Вода!.. Тимуръ-лэнгъ строилъ!.. Старый, давно... Верблюдъ поилъ, конь поилъ, человѣкъ поилъ... Увесь свѣтъ поилъ...—объяснилъ онъ.

Индусская пагода оказалась простымъ кудукомъ, бассейномъ воды. Въ степи, да еще «голодной»—это, конечно, гораздо полезнѣе и даже гораздо благочестивѣе всякой пагоды.

Пока перепрягали лошадей, мы съ женой отправились осматривать Тамерлановъ кудукъ. До него не больше пятидесяти саженей отъ почтовой станціи. Сооруженіе это римской грандіозности, вполнѣ царственное.

Широкій размахъ Тамерланова духа вполнѣ проникаетъ его. Гигантскій каменный шатеръ, не сложенный, а скорѣе искусно сотканный изъ мелкихъ плоскихъ кирпичиковъ несокрушимой крѣпости, поднимается вверхъ концентрическими ступенчатыми кольцами, кое-гдѣ уже живописно поросшими бурьянами, и какъ шапкой покрываетъ своимъ обширнымъ куполомъ глубокую цистерну, въ которой теперь устроенъ колодецъ. Входъ въ этотъ каменный шатеръ одинъ, съ той стороны, откуда рѣже всего бываетъ вѣтеръ; лощина, собирающая дождевыя воды изъ своихъ вѣтвистыхъ отвершковъ, впадаетъ какъ разъ въ этотъ открытый зѣвъ кудука и несетъ къ нему въ періоды дождей какъ по природному жолобу, степные потоки...

Повидимому, цистерна соединялась тутъ съ колодцемъ. Глухой каменный куполъ безъ отверстій, повернувшійся непроницаемою спиной ко всѣмъ господствующимъ вѣтрамъ, не давалъ испаряться водѣ, набиравшейся весной, зимой и осенью въ его глубокія хранилища, а подземныя струи колодца поддерживали и освѣжали наборную воду.

Мы вошли въ черную сырую утробу этого оригинальнаго шатра. Старую цистерну, должно быть, уже затянуло въ теченіе вѣковъ грязью и иломъ, и теперь приходится доставать воду изъ колодца. Слякоть тамъ ужасная. Верблюды, лошади, ослы, овцы, прямо вгоняются подъ темные своды кудука, гдѣ

могутъ помѣститься цѣлыя стада, и оставляютъ тамъ осязательные слѣды своего пребыванія.

И теперь вокругъ древняго Тимурова водохранилища, по старой привычкѣ, вкорененной вѣками, столпилось множество распряженныхъ арбъ, нагруженныхъ верблюдовъ, утомленныхъ всадниковъ. Живописныя группы этихъ туземныхъ торговцевъ и путниковъ сидятъ въ разныхъ мѣстахъ, подъ тѣнью громаднаго купола, хлопоча надъ кувшинами и мѣшками съ провизіей.

Очевидно, это излюбленный и привычный переваль для странниковъ «Голодной степи».

На слѣдующей станціи Мурза-Рабатѣ мы увидѣли другой такой же кудукъ,—тотъ же величественный каменный куполъ несокрушимой прочности, пережившій пять столѣтій, почтенный какъ египетская пирамида. Но вода его уже пересохла, и рядомъ съ нимъ, за довольно высокими стѣнами станціоннаго двора, похожаго на маленькую крѣпостцу, устроенъ уже артезіанскій колодецъ,—цивилизованный наслѣдникъ первобытныхъ степныхъ водохранилищъ.

Какое-то огромное хитросплетенное колесо чернѣетъ на вершинѣ его вышки. Но мѣстные обитатели жалуются на крайнее неудобство пользоваться такимъ сложнымъ и труднымъ аппаратомъ, тѣмъ болѣе, что вода этого артезіанскаго колодца, къ несчастію, горькосоленая, годная только для овецъ, ословъ и верблюдовъ.

Третій кудукъ Тамерлановъ еще дальше, около станціи Малекъ. Онъ тоже заброшенъ; вода въ немъ хотя есть, но слишкомъ горькая. Крайне досадно, что такія колоссальныя и благодѣтельныя сооруженія древности не поддерживаются въ томъ видѣ, въ какомъ они когда-то были. Неужели было бы особенно трудно расчистить ихъ, обновить цистерны и обезпечить приливъ къ нимъ весеннихъ водъ. Навозъ и всякій соръ, затянувшіе ихъ, конечно, дѣлаютъ воду негодную для питья, но нельзя же серьезно думать, что въ этихъ грандіозныхъ водохра-

нилищахъ великаго владыки древней Азіи и прежде никогда не было воды, которую могъ бы съ удовольствіемъ пить страдающій отъ жажды путникъ...

Строго говоря, нѣтъ твердыхъ историческихъ данныхъ считать эти цистерны созданіемъ Тамерлана. Но туземцы привыкли приписывать этому славному правителю своему вообще все, что только уцѣлѣло отъ древности, и что носитъ на себѣ печать величія; а я лично съ особеннымъ довѣріемъ отношусь къ такимъ живымъ преданіямъ народа. Дѣйствительно, все заставляетъ думать, что эти колоссальныя общенародныя сооруженія, которыя должны были напоить страшную для всѣхъ «Голодную степь» и сдѣлать дорогу черезъ нее такою же удобною, какъ улицы Самарканда, могли быть замышлены и исполнены только смѣлымъ и широко парившимъ духомъ, какой проявляется во всѣхъ предпріятіяхъ Тамерлана.

Впрочемъ, въ путевыхъ запискахъ испанца Рюи-Гонзалеса Клавико, ѣздившаго въ 1403 году къ Тамерлану посломъ отъ кастильскаго короля Генриха III, на которыя мы уже имѣли случай ссылаться, разсказывается очень положительно, какъ хлопоталъ Тамерланъ объ устройствѣ въ своей имперіи удобнаго проѣзда по безводнымъ степнымъ мѣстамъ. Клавихо именно говоритъ «о почтовыхъ станціяхъ на сто и двѣсти лошадей черезъ каждый день пути», «объ огромныхъ постоялыхъ дворахъ, выстроенныхъ въ степи», куда окрестные жители должны были доставлять припасы, и куда были проведены «водопроводы иногда за цѣлый день пути». Трудно сомнѣваться, чтобы испанскій путешественникъ говорилъ здѣсь о чемъ-нибудь другомъ, какъ не о «кудукахъ Тамерлана», уцѣлѣвшихъ до нашего времени и даже доселѣ сохранившихъ прежнюю свою роль — быть центрами почтовой гоньбы и мѣстомъ отдохновенія для путешественниковъ.

Почтовая гоньба черезъ неизмѣримыя равнины монгольской имперіи, простиравшіяся когда-то отъ Карпатъ до Китайскаго моря, существовала и гораздо раньше Тимура, какъ объ этомъ

свидѣтельствуютъ наши лѣтописи и европейскіе путешественники XIII вѣка. Въ этомъ отношеніи интересенъ разсказъ французскаго монаха Іоанна Плано Карпини, посланнаго въ 1246 году миссіонеромъ въ Азію папой Инокентіемъ IV, и оставившаго намъ свое извѣстное описаніе путешествія въ Монголію, подъ оригинальнымъ заглавіемъ: «Libellus historicus Ioannis de Plano Carpini».

«Получа повелѣніе отъ апостольскаго престола идти къ восточнымъ народамъ, — съ дѣтскою простотой и смиреніемъ повѣствуетъ о своемъ подвигѣ наивный инокъ,—разсудили мы отправиться прежде всего къ татарамъ, поелику боясь, чтобъ они вскорѣ не подвергли опасности церковь Божію».

Въ Монголіи тогда вступилъ на престолъ Чингиса ханъ Гаюкъ, или, какъ простодушно величаетъ его Плано Карпини, «Гогъ Хамъ».

Хана онъ знать не хочетъ, для него вездѣ *хамъ*, а не ханъ, и, повидимому, это имя искренно вяжется въ его представленіи съ Хамомъ Библіи, отверженнымъ сыномъ праведнаго Ноя. „*Хамскій* указъ“, въ „*Хамскомъ* шатрѣ“ (infra Tentorium Cham) „*Хамова* жена“—пишетъ онъ вездѣ. Впрочемъ, по его словамъ, Хамъ означаетъ у восточныхъ народовъ императора. «Бога татары зовутъ Итогою, а команы—*Хамомъ*, то-есть императоромъ (Sed Comani Cham, id est imperatorem ipsum appellant) говоритъ онъ.

Плано Карпини пришлось, конечно, проѣзжать сначала южно-русскими степями, то-есть равнинами Днѣпра, Дона, Волги, Урала, которыя онъ называетъ «Команскою землей». Подъ именемъ Команъ тогда, повидимому, были извѣстны не только половцы, но еще и многіе другіе степные народы Азіи, и скорѣе всего теперешніе киргизы.

„*Команы—по-татарски Кипчакъ*“, сообщаетъ Плано Карпини, а Кипчакъ до сихъ поръ одинъ изъ самыхъ главныхъ узбекскихъ родовъ среди теперешнихъ киргизовъ.

Русскій народъ, повидимому, и въ то далекое время уже

имѣлъ огромное значеніе на азіатскомъ востокѣ и находился въ постоянныхъ сношеніяхъ съ нимъ. Плано Карпини, по крайней мѣрѣ, на каждомъ шагу поминаетъ русскихъ людей, русскій языкъ, даже и въ Монголіи; только съ помощію русскихъ онъ могъ и начать, и окончить сколько-нибудь благополучно свое многотрудное путешествіе, продолжавшееся годъ и четыре мѣсяца. Провелъ его къ татарамъ нашъ Василько, сынъ знаменитаго Романа Галицкаго; при дворѣ Гаюка ему опять помогалъ во всемъ русскій.

«Богъ послалъ намъ на помощь одного русскаго (quendam Ruthenam), по имени Козму, золотыхъ дѣлъ мастера, котораго императоръ очень любилъ, и который помогалъ намъ нѣсколько», разсказываетъ Плано Карпини. «Онъ показывалъ намъ сдѣланный имъ императорскій престолъ, прежде нежели поставили его на мѣсто, и императорскую печать, имъ же сдѣланную.

Русскіе, слѣдовательно, уже и тогда являлись относительно азіатскаго кочевника его естественными цивилизаторами и пользовались въ его глазахъ особеннымъ уваженіемъ.

Когда хану нужно было написать папѣ Инокентію отвѣтное посланіе, то онъ спросилъ Карпини: «Есть ли у папы люди которые бы разумѣли *русскую*, или сарацинскую, или татарскую грамоту?

Русскую грамоту онъ назвалъ первою, предполагая, значитъ, ее самою распространенною среди образованныхъ народовъ. Значитъ, при дворѣ хана было столько грамотныхъ Русскихъ, что письменныя сношенія на русскомъ языкѣ уже успѣли стать вещью обычною для Монголовъ, хотя со времени окончательнаго разгрома Россіи Батыемъ (1240 г.) прошло тогда всего только 6 лѣтъ. Въ такой короткій срокъ русскій языкъ, разумѣется, не могъ бы такъ укорениться среди Монголовъ, еслибы этому не предшествовали цѣлые вѣка тѣсныхъ сношеній русскаго народа съ кочевою Азіей, только намеками вошедшія въ ея офиціальную исторію.

Недаромъ, въ самомъ дѣлѣ, Русь то и дѣло сталкивалась

со всякими степными варварами и ходила громить ихъ улусы; недаромъ русскіе удѣльные и великіе князья такъ часто роднились съ половецкими князьями и съ такою охотою брали отъ нихъ за себя дочерей разныхъ Кончаковъ, Боняковъ и Тугторканей, словно отъ своихъ единоплеменныхъ собратьевъ. Можно сильно подозрѣвать, что Половцы — было названіе, общее для многихъ народовъ, кочевавшихъ въ «полѣ», какъ называлась въ древности незаселенная степь; Половцы, то-есть жители «поля», степовики, кочевники.

Изъ нашихъ лѣтописей видно, что Половцы были разные: одинъ князь приводитъ переяславскихъ Половцевъ, а другой— другихъ Половцевъ «корсунскихъ»; одинъ—Половцевъ «Товсобичей», другой—«дикихъ Половцевъ».

Въ Хозарскомъ городѣ Саксинѣ, у рѣки Урала, на границѣ Болгарской земли, по сказанію арабскаго историка Ибнъ-Даста, жило *40 племенъ Гузовъ*, или Команъ, (то-есть Половцевъ).

Что Половцы были такіе же Узбеки, народъ Тюркскаго племени, какъ и теперешніе Туркмены, Киргизы и пр., несомнѣнно даже изъ нашихъ лѣтописей.

Эти «безбожніи сынови Измаилови», по словамъ Воскресенскаго лѣтописца, «изошли отъ пустыни Евѣтривскіи (какъ послѣ говорится и о Татарахъ, тоже узбекскаго племени), *изошли же суть ихъ колѣна четыре, Торкмени, Печенѣзи, Торци, Половци*".

Монгольскіе послы объявили Русскимъ князьямъ, что пришли не на нихъ, «а на своихъ конюховъ-Половцевъ»; слѣдовательно, Половцы стерегли ихъ табуны, то-есть жили около Монголовъ; а узбекскіе роды Монголовъ и Татаръ, давшіе главное ядро такъ называемымъ монгольскимъ или татарскимъ ордамъ Темучина, жили Богъ знаетъ какъ далеко отъ При-Днѣпровской и При-Донской Руси, на Ононѣ, притокѣ Шилки, и на Керулынѣ, притокѣ озера Хулу-Норъ. Нужно думать поэтому, что кочевья Половцевъ передвигались въ разное время не только по южно-русской, но и по всей среднеазіатской равнинѣ. Такъ, напримѣръ: Императоръ Константинъ Багрянородный, писатель

10 вѣка, свидѣтельствуетъ, что Печенѣги жили сначала между Волгой и Ураломъ, по сосѣдству съ Хозарами *и Узами (Половцами)*, которые ихъ потомъ вытѣснили къ западу; слѣдовательно, Половцы занимали тогда теперешнія киргизскія степи Азіи.

По словамъ арабскаго географа Эль-Балхи, *главный торговый пунктъ Гузовъ, то-есть Половцевъ, былъ городъ Джерефанъ на правомъ берегу Аму-Дарьи, при впаденіи ея въ Аральское море*, что̀ вполнѣ подтверждаетъ извѣстіе Константина Багрянороднаго о мѣстности, занимаемой Половцами до появленія ихъ въ половинѣ 11 столѣтія въ При-Донскихъ и При-Волжскихъ равнинахъ. Черезъ нихъ-то главнымъ образомъ изстари завязывались различныя отношенія—торговыя, политическія и всякія другія—между Русскими и кочевниками дальней Азіи.

Интересенъ былъ способъ путешествія черезъ азіатскія степи во времена Плано Карпини:

«Мы же въ день Пасхи, отслужа обѣдню и поѣвъ кое-какъ, отправились съ двумя Татарами, приставленными къ намъ у Корензы, обливаясь горькими слезами, ибо не знали, на смерть или на жизнь мы ѣдемъ. Къ тому же мы были такъ слабы, что едва могли держаться на лошадяхъ, потому что весь Великій постъ пища наша состояла только изъ пшена съ небольшимъ количествомъ воды и соли (то-есть, по-русски говоря, пшенная жидкая каша, малороссійскій кулешъ); для питья же употребляли только снѣгъ, разстаянный въ котлѣ».

„Ѣхали мы черезъ Команію очень скоро, потому что мѣняли лошадей разъ по 5 и болѣе въ день“. «Такимъ образомъ ѣхали мы отъ начала Великаго поста до 8 дня по Пасхѣ», повѣствуетъ Плано Карпини.

Изъ этого ясно, что у Монголовъ уже тогда существовала почтовая гоньба. Въ древней китайской *Исторіи первыхъ четырехъ хановъ Монгольскихъ*, переведенной съ китайскаго языка нашимъ извѣстнымъ синологомъ монахомъ Іакинѳомъ, разсказывается даже, что знаменитый мудрецъ Ѣли-Чуцай, главный совѣтникъ Чингисъ-Хана, а потомъ Угедея, убѣдилъ хана

Угедея ввести *подорожныя* для князей и родственниковъ хана и сдѣлать точное *расписаніе*, кому изъ нихъ сколько дозволяется брать лошадей для своего проѣзда, чтобы сдержать хотя въ какихъ-нибудь предѣлахъ непомѣрную гоньбу по степнымъ дорогамъ.

«Послѣ Команъ», продолжаетъ далѣе Плано Карпини, «въѣхали мы въ землю кангиттовъ (Terram Kangittarum), *которая во многихъ мѣстахъ совсѣмъ безводна*, отъ сего и жителей въ ней мало. По сей причинѣ многіе изъ людей Ерослава, герцога русскаго, проходившіе черезъ эту степь въ землю татарскую, *померли въ ней отъ жажды*. Въ этой землѣ, такъ же какъ и въ Команіи, *видѣли мы многіе черепа и кости мертвыхъ людей, лежащіе на землѣ подобно помету*. Ѣхали мы этою землей отъ 8-го дня по Пасхѣ почти до дня Вознесенія.

«Изъ земли конгиттовъ мы въѣхали въ землю бисерминовъ (Terram Biserminorum), которые *говорятъ языкомъ команскимъ, но законъ держатъ Саррацынскій. Въ этой землѣ нашли мы безчисленное множество разоренныхъ городовъ* съ зàмками и много *пустыхъ селеній*.

«Сею землей ѣхали мы отъ праздника Вознесенія Господня почти за 8 дней до праздника Св. Іоанна Крестителя, то-есть 24 іюня. Потомъ мы въѣхали въ землю Черныхъ Китаевъ.

«Отправясь наканунѣ Петрова дня, въѣхали мы въ землю наймановъ (Terram Naymanorum), кои суть язычники. Въ самый же Петровъ день выпалъ снѣгъ и сдѣлалась большая стужа. Земля эта чрезвычайно гориста и холодна, и ровныхъ мѣстъ встрѣчаешь мало.

«Этою землей ѣхали мы многіе дни.

«Послѣ этого въѣхали мы въ землю монголовъ (Terram Mongalorum), которыхъ называемъ Татарами. Сими землями ѣхали мы, кажется, *три недѣли скорою ѣздой*, и въ день Св. Маріи Магдалины (22 іюля) пріѣхали къ Куине, избранному императору. *Ѣхали же мы всею этою дорогой чрезвычайно скоро*.

„*Вставая рано, ѣхали мы до ночи безъ пищи*, и часто пріѣз-

жали на ночлегъ такъ поздно, что оставались безъ ужина, а ужинъ давали намъ уже по-утру. *Перемѣняя часто лошадей, мы ихъ не жалѣли, но, не останавливаясь, скакали что есть мочи*".

Я нарочно привелъ эту длинную выписку изъ безхитростнаго разсказа наивнаго средневѣковаго монаха, чтобы нарисовать характерную картину былыхъ почтовыхъ сообщеній въ той самой странѣ, по которой мы теперь ѣдемъ съ такимъ сравнительнымъ удобствомъ, быстротою и безопасностью. Изъ краткихъ описаній Плано Карпини все-таки можно понять довольно ясно, по какимъ собственно мѣстностямъ проѣхалъ онъ. Въ его землѣ кангиттовъ не трудно угадать безводныя Киргизскія степи, которыхъ невозможно миновать, направляясь изъ-за Волги къ Хивѣ и Бухарѣ; большія караванныя дороги пробиты были еще съ глубокой древности изъ торговаго города Болгаръ и Хозарской столицы Итиля (Астрахани) черезъ песчаныя пустыни Азіи въ Ховарезмъ (Хиву), Бухару, Шашъ (Ташкентъ) и дальше въ Балхъ и Индію. Ховарезмскіе турки, говорившіе еще тюрскимъ, то-есть джегатайскимъ языкомъ, и уже обращенные въ мусульманскую вѣру, въ вѣру сарацынъ, то-есть арабовъ, господствовали надъ Хивой и Бухарой во время нашествія Чингиса, и ихъ-то цвѣтущіе города, замки и селенія лежали въ развалинахъ среди земли Бесерменской при проѣздѣ Плано Карпини. Изъ Бухары Карпини ѣдетъ къ Чернымъ Китаямъ, а земля Черныхъ Китаевъ есть, какъ извѣстно, Малая Бухарія, то-есть Кашгаръ и Турфанъ. Оттуда онъ направляется уже къ южнымъ границамъ Сибири, къ тѣмъ высокимъ холоднымъ горамъ ея, откуда берутъ начало водные источники, постепенно образующіе собою верховья Селенги и потомъ Шилки. Узбекскій родъ Найманъ, до сихъ поръ входящій въ составъ киргизскихъ родовъ, обиталъ въ это время именно у истоковъ Селенги, рядомъ съ родомъ монголовъ, кочевавшимъ еще дальше къ востоку. Тамъ была и знаменитая монгольская столица Каракорумъ (у Плано Карпини Кракуримъ), отъ которой папскій посланецъ былъ всего за полдня пути, пребывая въ главномъ дворѣ хана Гаюка на Сыръ-Ордѣ.

«Голодная Степь» замираетъ у самыхъ береговъ Сыръ-Дарьи. Уже было почти темно, когда мы проѣхали развалины большой бухарской калы, охваченной песками, защищавшей прежде переправу черезъ одинъ изъ рукавовъ Сыра. Отъ нея еще оставалось версты двѣ до самой рѣки. Ночь надвигалась рано, потому что все небо заволокло густыми свинцовыми тучами. Уже по одному тяжкому знойному воздуху, которымъ дышать было нельзя, нужно было ждать съ минуты-на-минуту сильной грозы. Я то и дѣло торопилъ киргиза-ямщиченка, чтобъ онъ гналъ лошадей, пока еще что-нибудь видно, и пока дождь не испортилъ окончательно скверной глинистой дороги.

Вонъ, наконецъ, рѣка сверкнула, какъ широкая полоска стали, и радостныя очертанія садовъ и кишлаковъ длинною линіей вырѣзались на не совсѣмъ еще потемнѣвшемъ горизонтѣ.

Ямщиченокъ отчаянно гонитъ усталыхъ лошадей по невозможной дорогѣ, обрадованный близостію берега.

Вдругъ залпъ бури ураганомъ налетѣлъ на насъ. Намъ казалось, что нашъ жалкій тарантасишка сейчасъ подхватитъ и унесетъ въ бушующія волны Сыръ-Дарьи. Тучи желтой пыли винтомъ взвились по дорогѣ и завертѣлись кругомъ насъ; этотъ нагнавшій насъ сухой смерчъ едва не завертѣлъ въ свою неистово кружащуюся воронку нашихъ ошалѣвшихъ лошадей, которыхъ на каждомъ шагу сдувало и сбивало съ пути.

Ямщиченокъ въ ужасѣ съежился на козлахъ, не зная, держать ли ему вожжи, или самому схватиться обѣими руками за прутья козелъ. Я торопливо застегивалъ кожаный фартукъ, подтянувъ его выше нашего носа, и спускалъ зонтъ, такъ что у насъ въ тарантасѣ наступила глухая ночь. Также рѣзко и неистово вдругъ обрушился сверху долго сдерживаемый, поистинѣ тропическій, ливень. Буря немилосердно сѣкла имъ какъ розгами прямо въ лицо и ямщика и лошадей. Нельзя было понять какъ выдерживали они этотъ непрерывный градъ сыпавшихся на нихъ ударовъ. Въ одно мгновеніе бѣдняга Киргизенокъ обратился въ мокрый комочекъ грязныхъ тряпокъ. Но онъ не унывалъ,—

терпѣливый сынъ степей, и чувствуя, должно-быть, свою отвѣтственность предъ нами и за скверныхъ лошадей, и за скверную дорогу и за этотъ страшный шквалъ въ который мы такъ неожиданно попали, гналъ безъ пощады своихъ коней на встрѣчу ливню и бурѣ.

Стой! Вотъ мы у самой пристани, дальше уже некуда, развѣ прямо къ водяному дѣду на уху...

Пустынный песчаный берегъ, о который громко шлепаютъ и плескаютъ расходившіяся свинцовыя волны древняго Яксарта... Никого и ничего вблизи. Единственная киргизская кибитка, притулившаяся около безпріютнаго глинянаго дворика, завѣшена кругомъ войлоками и молчитъ какъ могила.

— Паромъ есть? Зови паромъ! — кричу я, высовывая носъ изъ-подъ приподнятаго угла тарантаснаго зонта. Длинныя спицы косого дождя больно и часто бьютъ меня по глазамъ, и я поневолѣ ныряю назадъ, закрываясь спасительною кожей.

Никакого парома однако нѣтъ. Я видѣлъ это ясно. Киргизенокъ уже соскочилъ съ козелъ и, прячась за тарантасъ отъ сѣкущаго его ливня, взвылъ что-то по-киргизски своимъ нелѣпымъ гортаннымъ крикомъ.

Никто не отвѣчалъ ему; только въ черныхъ тучахъ на всѣхъ парусахъ, проносившихся надъ нами, застучалъ, загрохоталъ сердитый громъ, отъ котораго еще жестче стали хлестать и лошадей и тарантасъ косыя жала дождя...

Раза три принимался отчаянно кричать нашъ злополучный, весь измокшій Киргизенокъ, и никакого признака голоса не слышалось ни откуда ему въ отвѣтъ, словно всѣ вымерли въ эту темную, бурную ночь на пустынныхъ берегахъ Яксарта.

Дѣло становилось серьезнымъ, и я начиналъ тревожиться за жену, нервы которой были и безъ того достаточно взволнованы мрачною и безпріютною обстановкой, въ которой мы очутились. Провести такъ цѣлую ночь на берегу рѣки въ мокромъ тарантасѣ, подъ несмолкаемыми залпами грозы, не представляло намъ ничего привлекательнаго.

Я высунулся самъ и тоже сталъ орать въ темноту, сколько было силъ, понадѣясь на то̀, что, можетъ-быть, православная русская рѣчь окажется убѣдительнѣе для паромщиковъ-киргизовъ, чѣмъ взыванія ихъ же брата-Азіата.

Но и мнѣ однако никто ниоткуда не подавалъ голоса.

Среди неяснаго мерцанья бурно катившихся волнъ вырѣзалась далеко у противоположнаго берега рѣки какая-то громоздкая черная масса, и въ самой черной густотѣ ея мигалъ, легонько шатаясь, красный огонекъ. Правѣе этой черной громады не столько видѣлся, сколько чуялся мнѣ длинный рядъ черныхъ лодокъ, качавшихся правильною цѣпью на такой же туманной свинцовой зыби.

— Паро-о-мъ! Давайте паро-о-мъ!—вопилъ я такъ, что меня по всѣмъ разсчетамъ должны были услышать не только на томъ берегу, но и на томъ свѣтѣ.

Войлочный пологъ кибитки наконецъ приподнялся, и изъ нея вышла высокая, молодая Киргизка въ мужскихъ шароварахъ и казакинѣ.

Она подошла къ ямщиченку, поболтала съ нимъ что-то по-своему и спокойно, будто дѣло сдѣлала, ушла назадъ въ свою кибитку.

— Что она тебѣ сказала? Есть здѣсь паромъ?—нетерпѣливо спрашивалъ я.

Но киргизенокъ мой и при полномъ умѣ и памяти двухъ словъ не могъ связать по-русски, а ужъ теперь совсѣмъ сталъ дуракъ дуракомъ. Онъ пялилъ на меня глаза, ничего не отвѣчая, и только отрицательно махалъ головой.

— Вотъ съ этимъ много узнаешь и все, что нужно, добудешь!—сказалъ я самъ себѣ съ внутреннимъ смѣхомъ.—Если придется заночевать здѣсь на берегу, по крайней мѣрѣ, весело съ нимъ будетъ...

И опять:

— Паро-о-омъ! Давайте паро-о-омъ! По казенной надобности ѣду!..

Всему бываетъ конецъ; пришелъ, наконецъ, конецъ и нашему испытанію, Дождь пересталъ, тучи и громы унеслись дальше, хотя небо еще не расчищалось. Чей-то слабый голосъ отозвался далеко на томъ берегу.

«Ну! значитъ, ѣдутъ...» подумалъ я.

Но гдѣ же они ѣдутъ однако? Ждемъ и смотримъ, а ничего не видимъ. Все кажется, что черная масса темнѣетъ на прежнемъ мѣстѣ, что свинцовыя волны катятся себѣ какъ катились, не нарушаемыя ничѣмъ и никѣмъ.

Но нѣтъ!.. Слава Богу... Красный огонекъ разгорается все ярче и шире какъ глазъ приближающагося циклопа; да и черная масса становится какъ будто яснѣе и больше осязательнѣе...

Теперь нѣтъ никакого сомнѣнія: что-то грузное и черное надвигается на насъ ровно и медленно, и мы уже слышимъ плескъ волнъ, разбивающихся о его бока... Вся линія лодокъ, виднѣвшаяся мнѣ, непонятнымъ образомъ тоже двигается вмѣстѣ съ этою черною махиной, не нарушая разстояній между собою.

Стой!.. Тяжелый паромъ легонько ударился о пристань, заскрипѣвъ во всѣхъ своихъ суставахъ, и тарантасъ нашъ уже съ громомъ въѣзжаетъ къ нему по деревянной настилкѣ пристани.

— По казенной, или по частной подорожной, ваше благородіе?—вдругъ раздается среди темноты знакомый россейскій голосъ.

— По частной! отвѣчаю я, умиленный духомъ, что услышалъ наконецъ среди этой нѣмой азіатчины родную рѣчь...

— Пожалуйте тридцать копѣечекъ... У насъ такція...

Я отдаю «такцію» и преисполняюсь сладкою вѣрою, что теперь мы навѣрное переправимся благополучно черезъ опасную рѣку,—разъ около насъ земляки, да еще солдатики...

— Хозяинъ на откупу паромъ держитъ, вотъ и собираетъ съ проѣзжихъ, какіе по своей надобности... А по казенной, того такъ перевозимъ... Кондракъ у насъ, — объяснилъ мнѣ между тѣмъ словоохотливый солдатикъ.

Меня, однако, гораздо болѣе заинтересовалъ не «кондракъ» его, а его оригинальный паромъ, который мнѣ приходилось встрѣтить въ первый разъ. Паромъ этотъ очень остроуменъ и простъ. Онъ переправляется самимъ теченіемъ рѣки безо всякихъ веревокъ и безъ всякихъ усилій человѣка, Одинъ конецъ длинной желѣзной цѣпи прикрѣпленъ къ якорю на противоположномъ берегу Сыръ-Дарьи, гораздо выше мѣста переправы; къ другому концу этой цѣпи привязанъ паромъ. Чтобы цѣпь не тонула и не обвисла, ее поддерживаетъ цѣлый рядъ лодокъ, разставленныхъ на опредѣленномъ разстояніи другъ отъ друга, начиная отъ парома и до берега, гдѣ укрѣпленъ якорь. Стоитъ только держать на воду руль парома, — и его понесетъ черезъ рѣку въ ту или другую сторону само теченіе рѣки; цѣпь, къ которой онъ привязанъ, не даетъ ему возможности уйти внизъ по теченію, и онъ волей-неволей переплываетъ поперекъ рѣки. Несетъ такъ плавно и неслышно, что не замѣчаешь движенія; все кажется, что паромъ еще стоитъ на мѣстѣ, особенно ночью, когда не видно береговъ.

Одна только бѣда: въ очень бурную погоду при противномъ вѣтрѣ паромъ идти не можетъ; оттого-то его и не подавали намъ такъ долго, несмотря на наши отчаянныя воззванія.

— Да какъ же было подавать, ваше благородіе! — оправдывался передо мною солдатикъ-паромщикъ. — Раньше вашего мы только что полковника казацкаго перевозили... Ну, тѣ, извѣстно, люди военные... тѣмъ ждать не полагается. Вези да вези!.. какъ ты его не послушаешься? Все жъ полковникъ, ни кто-нибудь... Поѣхать поѣхали, да на середкѣ рѣки и остановились, ни взадъ ни впередъ... Рѣка внизъ гонитъ, а вѣтеръ вверхъ... Вотъ ты и думай тутъ... стоимъ какъ ракъ на мели, да того и глядимъ, что вотъ-вотъ сорветъ насъ съ цѣпи... Полчаса битыхъ посередъ воды простояли... Ужъ не знаю, какъ и причалили...

— Ты что жъ, служба, изъ Чиназа? — спросилъ я. — Тутъ русскаго народа много?

— Есть-таки; да теперь мало. Прежде городъ былъ уѣздный, господа всякіе жили, начальники; а теперь его разжаловали... заштатный... Домà было, ужъ кто построилъ, заведенія разныя... Теперь побросали...

— А простой же народъ живетъ?

— Живетъ и простой народъ, да малость. Дворовъ пятнадцать есть, да путныхъ мало. Мужики не мужики, мѣщане—не мѣщане, и не разберешь какіе! Усадьбы имъ въ городѣ дадены, а надѣлъ полевой на той сторонѣ, за рѣкой, верстахъ въ пятнадцати; да ужъ и поля! Солонецъ на солонцѣ. Съ чего имъ и жить справно, на чемъ хозяйничать? Сарты — тѣ куды-жъ богаче живутъ, у тѣхъ сады, удобье самое, все подъ рукой, около двора своего. А наши русскіе словно Бога прогнѣвали...

— Уральцы тутъ тоже есть?

— Да, человѣкъ семьдесятъ по берегу тутъ поприсосѣдились. Тѣ больше вѣдь самовольцы, никто ихъ тутъ не селилъ. Извѣстно, казакъ, народъ добычливый, нигдѣ не пропадетъ. Поставили себѣ хатенки вдоль по рѣчкѣ, кто гдѣ угнѣздился, рыбой занимаются. Рыба тутъ на чтó лучше, хоть бы на Волгѣ у насъ. А Уральцы—первые рыболовы. Супротивъ нихъ на эти дѣла другóго не сыщется. И снасть у нихъ всякая прилажена какая слѣдоваетъ. Потому они къ этому дѣлу съ измальства привычны. А все-таки больше сарты да киргизы рыбой здѣсь торгуютъ, на откупъ ее берутъ. Вѣдь вотъ и въ Ташкентѣ вся рыба красная отсюда идетъ, осетръ и стерлядь. Только вотъ икры да балыка азіяты не умѣютъ готовить, не ухитрились. Вы вѣдь, небось, въ Ташкентъ ѣдете?

— Въ Ташкентъ...

— Ну такъ я и зналъ. И дичь всякую отсюда въ Ташкентъ везутъ, потому тутъ ея конца-краю нѣту!.. Плавни-жъ тутъ самые по рѣкѣ, гущары, всякому звѣрю и птицѣ самый водъ... что тутъ кабановъ, чтó фазановъ, въ десять лѣтъ не перебьешь... Даже и такъ сказать, что тигра дикая водится... Не изволили никогда видѣть? Ужъ и звѣрина!.. Годовалаго быка въ зубахъ

уноситъ... Господа наши полковые зачастую сюда на охоту ѣздятъ...

— Уральцы-то здѣсь откуда-жъ взялись?

— Уральцы? да съ Петро-Александровска—вотъ откуда. Ихъ за бунтъ въ Петро-Александровскъ было сослали, ну, а потомъ прощеніе вышло—кто похочетъ, возвращайся себѣ домой, вотъ они и расползлись какъ тараканы—какіе по Аму-Дарьѣ сѣли, какіе по Сыръ-Дарьѣ, потому имъ здѣсь слободно...

По Сыръ-Дарьѣ тоже, небось, пароходы ходятъ, какъ и на Аму-Дарьѣ?—спросилъ я.

— Ходили прежде, точно, пять пароходовъ казенныхъ ходило, военныхъ—пребольшущіе! флотилія называлась. А теперь—шабашъ! Больше не приказано. Такъ они теперь и лежатъ въ Казалинскѣ, пароходы эти, разобрали ихъ да и свалили въ кучу. И купеческіе тоже походили немножко; ну да тѣ маленькіе, не то, что военные. Одначе-жъ бросили скоро, не пришлось, видно, ихъ дѣло...

Пока мы бесѣдовали въ темнотѣ съ разговорчивымъ землякомъ, паромъ незамѣтно причалилъ къ правому берегу. Переѣздъ дѣлается не больше какъ въ десять минутъ и въ удивительномъ спокойствіи, безъ толчковъ, безъ криковъ, столь обычныхъ на нашихъ паромахъ...

На томъ берегу Сыръ-Дарьи очень скоро начинаются кишлаки окружающіе старинный бухарскій городъ Чиназъ. Мы ѣхали версты три среди дуваловъ и садовъ въ глубокой темнотѣ на совсѣмъ выбившихся изъ силъ лошадяхъ по лужамъ грязи. Нетерпѣливо хотѣлось добраться до ночлега послѣ утомительной непрерывной ѣзды съ ранняго утра по пескамъ, колевинамъ и липкой грязи. Но этимъ чернымъ силуэтамъ тополей и плоскокрышихъ домовъ, казалось, конца никогда не будетъ, и никогда мы не выберемся изъ этого лабиринта черныхъ переулковъ. Огней уже не было нигдѣ видно, народа на улицѣ никого; только однѣ лягушки, обрадовавшись дождю, оглушительно квакали въ

пребрежныхъ заливахъ и плесахъ Сыръ-Дарьи, привѣтствуя наше прибытіе, да изъ какой-то одинокой кузницы, потонувшей въ черномъ хаосѣ ночи, раздавались мѣрные удары молота и сыпались въ ночную темноту огненными вѣниками раскаленныя искры...

VII.

Свѣтлая заутреня въ столицѣ Туркестана.

Ранымъ-ранехонько поднялись мы съ своего ночлега. На Чиназской станціи казацкій полковникъ со своимъ сынишкой захватили раньше насъ комнату съ двумя диванами, и мнѣ пришлось устраиваться на ночь въ тарантасѣ, уступивъ женѣ единственный диванчикъ свободной комнаты. Я нисколько не былъ на это въ обидѣ, потому что нѣтъ ничего пріятнѣе сна на свѣжемъ воздухѣ. Цѣлую ночь не прекращалось движеніе по большой Чиназской дорогѣ, она же и главная улица русскаго Чиназа. Всю ночь шли мимо караваны верблюдовъ и шумно топтались прогоняемыя отары овецъ. Всю ночь подъѣзжали и отъѣзжали отъ станціи, звеня своими колоколами, перекладныя и тарантасы проѣзжихъ. Грязь и темнота никого, повидимому, не запугивали.

Въ половинѣ пятаго мы уже двинулись въ путь. Маленькій поселокъ русскаго Чиназа, основанный всего лѣтъ шесть тому назадъ на мѣстѣ бывшаго русскаго укрѣпленія, теперь весь былъ намъ виденъ съ своими тополями, садиками, бѣлыми домиками и недостроеннымъ маленькимъ храмомъ. Прежде тутъ стояло много войска, и городокъ былъ гораздо оживленнѣе и многолюднѣе, но послѣ присоединенія Самарканда и Коканскаго ханства Чиназъ пересталъ быть пограничнымъ укрѣпленіемъ и потерялъ свое прежнее значеніе важнаго военнаго пункта. Зато туземный или «Старый Чиназъ» съ своими пригородными кишлаками растянулся на много верстъ. Онъ дѣйствительно, «старый»,

даже и не по сравненію съ русскимъ «новымъ» Чиназомъ. Еще Тимуръ, двигаясь изъ Самарканда къ Ташкенту, переправился черезъ «Ходжентскую рѣку» и разбилъ свой станъ *„между Чиназомъ* и Ташкентомъ на берегу рѣки“, какъ повѣствуетъ персидскій историкъ. Жители до сихъ поръ таскаютъ прекрасный жженый кирпичъ изъ развалинъ древняго города, который, пожалуй, видѣлъ въ своихъ стѣнахъ Александра Македонскаго.

Не выѣдешь изъ его сплошныхъ садовъ, изъ его безконечныхъ дуваловъ, изъ его безчисленныхъ арыковъ. Крытые базары на каждомъ шагу, и вездѣ у лавокъ, у воротъ домовъ спящій народъ на тюфякахъ и коврикахъ. Дома здѣсь больше и красивѣе, чѣмъ въ окрестностяхъ Самарканда и Бухары. Тутъ они нѣсколько напоминаютъ грузинскіе дома: въ два яруса, съ галлереями, съ широкими и высокими воротами подъ крышами, и дворы съ навѣсами кругомъ, какъ въ русскихъ постоялыхъ дворахъ. У выѣзда изъ города, на горкѣ, полуразрушенная бухарская кала съ характерной живописностью вырѣзается своими темными стѣнами на залитомъ лучами солнца утреннемъ небѣ...

Дорога отъ Чиназа до Ташкента на пространствѣ всѣхъ 62 верстъ — одинъ сплошной садъ, одна переполненная чаша. У Чиназа впадаютъ въ Сыръ-Дарью почти въ одномъ мѣстѣ и параллельно другъ-другу три рѣчки.

Ташкентская дорога проходитъ этою дельтою, своего рода, по узкой долинѣ, между Чирчикомъ справа и Салaромъ слѣва. Немудрено поэтому, что тутъ такая зелень и такое плодородіе. Кромѣ небольшого перерыва за станціею Старый Ташкентъ, вся дорога отлично шоссирована и обсажена деревьями.

Вправо, за Чирчикомъ, все время виднѣются горные отроги хребта Чакала, замыкающаго съ сѣверо-запада своею непроходимою стѣной Коканскую долину Сыръ-Дарьи. Къ Чирчику главнымъ образомъ тѣснятся кишлаки и сады этой маленькой Ташкентской Месопотаміи, а вокругъ шоссе: непрерывныя, превосходно воздѣланныя поля, которымъ позавидовалъ бы всякій

саксонецъ и бельгіецъ. Мягкая и глубокая лёссовая почва, этотъ нильскій илъ, своего рода, разрыхляется превосходно на значительную глубину, даже тѣми первобытными орудіями, которыми сартъ продолжаетъ пахать свою землю со временъ Александра Македонскаго. Деревянный плугъ-башмакъ, иногда только съ слегка окованнымъ носомъ, и тутъ царитъ, какъ вездѣ на востокѣ, начиная отъ нашего Закавказья. Но эти Церерины плуги идутъ зато въ бороздѣ аршинной глубины и выворачиваютъ наружу все нутро земное. Поля, строго говоря, тутъ нѣтъ; тутъ все скорѣе огороды, а не поле. Земля размельчена въ пухъ, какъ въ цвѣточномъ горшкѣ, и поливается, какъ цвѣточный горшокъ, потому что, помимо плуга, на каждомъ участкѣ усердно работаютъ съ зари до зари неутомимые сарты съ своими *„чекменями“*, — этими своеобразными круглыми лопатами, нѣсколько напоминающими желѣзныя ложки, которыхъ желѣзки прикрѣплены къ своимъ рукояткамъ подъ прямымъ угломъ, на подобіе мотыкъ. Каждая глыба земли тщательно разбивается рукой человѣка, и весь участочекъ обращается тою же рукой, тѣмъ же неизбѣжнымъ «чекменемъ», въ лабиринтъ вьющихся узенькихъ канавокъ, по которымъ пущенная въ свое время вода арыка доходитъ до каждаго вершка вспаханнаго поля. Эти поля-огороды большею частью уже засѣяны рисомъ, пшеницею и «бидою», какъ называютъ здѣсь люцерну. Рисовыя плантаціи пока дѣвственно черны и безъ малѣйшаго признака зелени; зато ничѣмъ незамѣнимая «бида» уже роскошно уклочилась и выросла почти на косу. Трава эта дѣйствительно незамѣнима для сарта: ее сѣютъ здѣсь одинъ разъ въ семь лѣтъ а косятъ по пяти разъ каждое лѣто. Подъ хлопокъ и подъ дыни землю только-что еще пашутъ. Хлопокъ и рисъ начинаютъ мало-помалу вытѣснять здѣсь всякія другія хозяйственныя растенія и особенно дыни, которыхъ прежде сѣялось очень много; туркестанскія дыни, особенно бухарскія и хивинскія, славятся далеко по всей Азіи необыкновеннымъ ароматомъ своимъ, сладостью, и нѣжнымъ вкусомъ, и совершенно не имѣютъ разсла-

бляющихъ свойствъ нашей русской дыни. Для туземца-сарта съ его необыкновенно умѣренными привычками дыня служитъ даже и зимою, вплоть до новаго урожая, однимъ изъ главныхъ продовольственныхъ матеріаловъ доступныхъ по цѣнѣ каждому бѣдняку-байгушу.

Направо, отъ шоссе — горы, сады, деревни непрерывною чередой; налѣво, за узкою полосой огородовъ, примыкающею къ шоссе, нетронутая травяная степь, съ холмовъ которой вдоль по всему горизонту надвигаются на домовитыя сельбища сартовъ, какъ черныя муравьиныя кучи, многочисленныя кибитки киргизовъ,—аванпосты степныхъ кочевій, охватывающихъ чуть не со всѣхъ сторонъ маленькій оазисъ предгорій. Травяная степь эта — та же плодородная лёссовая глина, способная при орошеніи давать по пяти укосовъ биды и самъ тридцать пшеницы,— но она трудно доступна арыкамъ и потому до сихъ поръ остается нетронутою дичью, «адамскою землею», какъ называетъ ее нашъ русскій мужикъ.

Впрочемъ, въ ближайшихъ окрестностяхъ Ташкента и другихъ старыхъ городовъ киргизы уже наполовину стали осѣдлыми, строятъ себѣ цѣлые кишлаки съ домами и дворами и занимаются хлопкомъ, рисомъ и бидой съ такимъ же увлеченіемъ, какъ и сарты. Въ хозяйствахъ у сартовъ обычными полевыми работниками почти всегда киргизы, сильные, неприхотливые, выносящіе всякую жару и всякую сырость. Изъ Ферганской области находитъ ихъ въ Ташкентъ и его окрестности ежегодно нѣсколько десятковъ тысячъ; ихъ привлекаетъ сюда порядочно высокая поденная плата (40 — 50 коп. на харчахъ хозяина). Много киргизовъ и теперь пашутъ неподалеку отъ насъ, всѣ красные съ головы до ногъ, въ красныхъ широчайшихъ рубахахъ, въ красныхъ широчайшихъ шароварахъ, засученныхъ выше колѣнъ, въ характерныхъ своихъ островерхихъ колпакахъ изъ бѣлаго войлока, съ раврѣзными полями, снизу подбитыми тоже краснымъ. Широкія, скуластыя морды ихъ, вспотѣвшія на солнцѣ, ихъ богатырскія голыя руки и муску-

листыя икры тоже кажутся вылитыми изъ какой-нибудь красной мѣди.

«Старый Ташкентъ», безъ сомнѣнья, и есть тотъ древній торговый городъ Шашъ, о которомъ разсказываютъ арабскіе историки и географы среднихъ вѣковъ. Остатки крѣпости его высятся очень внушительно на обрывистомъ берегу Салара. Тутъ же много насыпей, валовъ, каменныхъ грудъ, могильныхъ холмовъ.

Говорятъ, городъ былъ переведенъ отсюда на мѣсто теперешняго Ташкента потому, что рѣка постоянно подмывала его берега, и дома то и дѣло обрушивались въ воду.

Мѣсто это одно изъ очень живописныхъ и очень интересныхъ въ историко-археологическомъ отношеніи. Несомнѣнно, что серьезныя раскопки и серьезныя историческія изысканія нашли бы здѣсь самую благодатную и почти еще непочатую почву. Впрочемъ, начиная отъ стараго Ташкента до новаго поля и степь сплошь покрыты многочисленными древними курганами. Иногда они тянутся цѣлою цѣпью, какъ у насъ въ южно-русскихъ равнинахъ. Въ теченіе долгихъ вѣковъ и даже тысячелѣтій тутъ было мѣсто кровавыхъ столкновеній самыхъ разнообразныхъ племенъ и народовъ. Сыръ-Дарья всегда служила рѣзкимъ пограничнымъ рубежемъ между странами и народами, и на этомъ рубежѣ, въ сосѣдствѣ съ удобною переправою черезъ Яксартъ, естественно происходили отчаянныя схватки враждующихъ. Оттого, конечно, и возникъ съ глубокой древности въ этомъ плодородномъ и богато орошенномъ оазисѣ, въ прохладной тѣни предгорій, на важномъ перепутьи торговыхъ и военныхъ дорогъ, такой большой торговый и промышленный центръ, какъ Ташкентъ. Но разобраться въ этихъ нѣмыхъ курганахъ, хоронившихъ подъ собою и скиѳовъ, и саковъ, и македонянъ, и согдіянъ, и арабовъ, и монголовъ и турокъ, конечно, не съумѣетъ никакая археологія...

Сарты и киргизы пользуются этими огромными курганами, чтобы хоронить на нихъ своихъ мертвыхъ. Должно быть, они

еще не перестали считаться кровнымъ родствомъ со старыми костями, хозяевами этихъ историческихъ могилъ. По крайней мѣрѣ, другихъ кладбищъ почти не видно въ сартскихъ деревняхъ.

Подъѣзжая къ станціи Кіазъ-Башъ—послѣдней передъ Ташкентомъ, — я то и дѣло нетерпѣливо выглядывалъ впередъ на дорогу. Мы еще изъ Джизака послали телеграмму сыну въ Ташкентъ о своемъ выѣздѣ изъ Самарканда, и можно было предполагать, что онъ встрѣтитъ насъ. Дѣйствительно, еще далеко издали я увидѣлъ около станціи знакомую высокую фигуру военнаго инженера, поджидавшаго нашъ экипажъ. Сыну пришлось переночевать на станціи, потому что онъ не зналъ навѣрное, когда мы успѣемъ пріѣхать, вчера вечеромъ или нынче утромъ. Мы наскоро позавтракали вмѣстѣ и, пока перепрягали лошадей, отправились съ нимъ пѣшкомъ къ знакомому ему русскому поселенцу, въ саду у котораго инженерная ташкентская молодежь устраиваетъ иногда деревенскіе пикники. Добродушный старикъ, нашъ землякъ, живетъ себѣ припѣваючи уютнымъ хуторкомъ на берегу глубокаго, какъ рѣка, арыка, въ тѣнистомъ саду, съ холмовъ котораго открывается красивый видъ на Кіазъ-Башъ и его окрестности. Хозяйство его полная чаша, и въ этомъ отношеніи онъ не можетъ считаться типическимъ представителемъ нашихъ русскихъ поселенцевъ въ окрестностяхъ Ташкента.

Мы поболтали съ землякомъ, побродили по его саду, полюбовались на чарующую картину цвѣтущихъ садовъ и зеленыхъ полей, осѣненныхъ далекими хребтами снѣговыхъ горъ,—и уже не вдвоемъ, а втроемъ весело двинулись въ путь.

На цѣлыхъ пятнадцать верстъ, до самыхъ улицъ Ташкента тянется прекрасное шоссе, на которомъ нѣтъ ни одной выбоинки, хотя нѣтъ въ то же время и ни одной кучки щебня, что обыкновенно украшаютъ собою съ обѣихъ сторонъ наши русскія шоссейныя дороги, всегда изрытыя и выбитыя, плато-

нически угрожая починкою этихъ выбоинъ въ невѣдомомъ будущемъ.

Рослые красавцы-тополи, тѣсными рядами обступившіе дорогу, обращаютъ ее въ тѣнистую аллею сада. Все это уже наше русское насажденіе; изъ казенныхъ питомниковъ не только обсаживаются дороги, но и во множествѣ раздаются деревца сартамъ; сначала ихъ раздавали даромъ, чтобы пріучить населеніе къ новымъ растеніямъ, а теперь, когда жители вошли во вкусъ, саженцы продаются имъ по очень дешевой цѣнѣ. И вездѣ, гдѣ деревья, конечно, канавы съ водой. Это даетъ изрядный заработокъ окрестнымъ жителямъ.

За шеренгами зеленыхъ великановъ все сплошные сады, тоже на многія версты. Деревья тутъ того же характера, какъ въ Крыму: грецкій орѣхъ, винная ягода, черешни, гранатникъ, яблоки, виноградъ. Въ лѣсахъ Ферганы растенія эти попадаются даже дикими. Виноградъ сарты воспитываютъ по-своему: онъ вьется у нихъ по тычинкамъ, согнутымъ въ дугу и образующимъ сводистый проходъ, подъ которымъ можетъ свободно двигаться человѣкъ. Гроздья винограда свѣшиваются внутрь этого крытаго корридора и избѣгаютъ чрезъ это невыносимаго для нихъ припека туркестанскаго солнца, отъ котораго трескаются ягоды.

Все роскошнѣе дѣлаются сады, все и гуще и выше чудныя тополевыя аллеи, все люднѣе и оживленнѣе дорога, по мѣрѣ приближенія къ городу. Теперь уже мы въ области городскихъ дачъ, которыя незамѣтно сливаются съ такими же зелеными улицами, такими же цвѣтущими садами городскихъ кварталовъ и даютъ Ташкенту видъ громаднаго города.

Навстрѣчу намъ ѣхала коляска, запряженная русскою тройкой. Грузный артиллерійскій полковникъ въ бѣломъ кителѣ внимательно вглядывался въ нашъ казанскій ковчегъ, немилосердно гремѣвшій по камнямъ всѣми своими расшатанными желѣзными суставами. Вотъ коляска останавливается, и бѣлая военная фигура выскакиваетъ изъ него навстрѣчу намъ. Мы

тоже останавливаемся. Это выѣхалъ къ намъ навстрѣчу мой двоюродный братъ К., съ которымъ мы разстались еще десятилѣтними ребятами и который успѣлъ съ тѣхъ поръ прожить цѣлую жизнь на разныхъ окраинахъ, геройствуя то въ Болгаріи, то въ Средней Азіи. Дача, гдѣ жилъ мой сынъ, была недалеко, въ садахъ того же Самаркандскаго шоссе, по которому мы ѣхали. Тарантасъ завернулъ чрезъ широкія ворота въ яркую зелень лѣса, среди котораго привѣтливо бѣлѣла тѣнистая галлерея дачи и стояла, радостно улыбаясь, выбѣжавшая намъ навстрѣчу молодая хозяйка.

Все, чѣмъ поразилъ меня и чѣмъ очаровалъ русскій Самаркандъ,—эти аллеи-улицы, журчащія ручьями, эти зеленыя полчища гигантовъ-тополей, безконечными перспективами уходящія во всѣхъ направленіяхъ, эта широта, чистота, порядокъ, здоровое дыханіе,—все это въ еще болѣе грандіозныхъ размѣрахъ видите вы и въ Ташкентѣ. Ташкентъ, вѣроятно, и послужилъ прототипомъ для устройства всѣхъ позднѣйшихъ русскихъ поселковъ: Самарканда, Маргелана, Асхабада и другихъ. Онъ первый сталъ городомъ-садомъ, такъ мало похожимъ на городъ-базаръ, излюбленный типъ губернскаго города въ старой Россіи. Въ то время, какъ наши коренные торговые города всласть глотаютъ въ свои легкія всяческую пыль и вонь и душатъ сами себя своими, тѣсно застроенными, узкими улицами, Ташкентъ и его послѣдующія поколѣнія—прежде всего устроили себѣ громадныя зеленыя легкія, постоянно освѣжающіяся текучею водой, и разлеглись своими одноэтажными, небольшими домиками на просторѣ свободно отмѣренныхъ усадьбъ, среди садовъ, дворовъ, проведя между собою улицы, широкія, какъ большая дорога, раздвинувъ площади и скверы, обширные, какъ поля.

Теперь нашимъ старымъ русскимъ городамъ—да не только нашимъ, а и европейскимъ, — приходится учиться здравымъ условіямъ городского устройства у нашихъ новорожденныхъ городовъ надняхъ еще варварскаго Туркестана.

Ташкентъ производитъ уже впечатлѣніе настоящей столицы края своими многочисленными улицами, охватывающими десятки квадратныхъ верстъ, своимъ многолюдствомъ, своей торговлей, красотой своихъ построекъ. Все это, за самыми ничтожными исключеніями, одноэтажные дома, незамысловатой архитектуры, но они имѣютъ своеобразное изящество простоты и деревенской уютности, и удивительно веселятъ глазъ, то ярко вырѣзаясь среди зелени садовъ, то просвѣчивая сквозь зеленые ряды загораживающихъ ихъ тополей...

Яркая бѣлизна бѣлыхъ рубашекъ на безпрерывно снующихъ по улицамъ солдатикахъ и ихъ яркіе, какъ кровь, шаровары изъ козьей замши, — своеобразная особенность туркестанскаго войска,—еще больше веселятъ и молодятъ этотъ молодой, веселый народъ.

Тутъ все военное, цѣлыя улицы полны солдатъ, казаковъ, джигитовъ, офицеровъ, генераловъ, идущихъ, ѣдущихъ, скачущихъ; вездѣ руки взмахиваютъ подъ козырекъ, вездѣ звенятъ шпоры, и быстро бѣгущій по тротуару рядовой то и дѣло молодецки дѣлаетъ фронтъ какому-нибудь проходящему начальству.

Рѣдко гдѣ я видѣлъ такой молодцоватый и ловкій народъ, какъ туркестанскіе солдаты. Тутъ они какъ-то гораздо развязнѣе, оживленнѣе и словно осмысленнѣе, чѣмъ внутри Россіи. Одѣваютъ тутъ ихъ отлично, кормятъ отлично, обращаются гораздо лучше. Это и понятно, потому что здѣсь, на далекой азіатской окраинѣ солдатъ — большая штука, солдатъ чуть не все. Онъ тутъ нуженъ всѣмъ и на каждомъ шагу. Онъ и защищаетъ, онъ и устраиваетъ, онъ и цивилизуетъ. Поневолѣ за нимъ нужно больше ухаживать. А что̀ такое солдатъ въ какомъ-нибудь Курскѣ или Щиграхъ? Кому и на что онъ нуженъ въ обычное, мирное время?..

Зато фигура статскаго положительно выдѣляется какимъ-то неуклюжимъ пятномъ, какимъ-то рѣзкимъ диссонансомъ среди сплошного моря военныхъ формъ, военныхъ учрежденій, военнаго люда, дающихъ городу его характерную физіономію.

Статскихъ называютъ здѣсь «вольными».

— Прошли сейчасъ полковникъ съ двумя господами офицерами, да съ ними *вольный* одинъ!—докладываетъ вамъ на вашъ вопросъ бравый сторожъ-солдатикъ.

Это странное прозвище, смѣшившее меня въ первое время, въ сущности довольно мѣтко, потому что весь остальной, военный народъ — находится здѣсь не по собственной волѣ, а по приказу начальства...

Въ Ташкентѣ не только крѣпость военная, не только многочисленныя военныя казармы, передъ которыми сверкаютъ штыки и пушки, но и большая часть чиновъ и учрежденій, собранья, клубы, библіотеки, школы. Даже церкви тутъ военныя.

Вонъ, напримѣръ, старый «Солдатскій соборъ» на площади, а вонъ рядомъ съ нимъ новый «Военный Спасо-Преображенскій» соборъ. Войдите въ него, и не увидите тамъ почти никого, кромѣ тѣхъ же солдатъ, офицеровъ, генераловъ, да солдатскихъ, офицерскихъ и генеральскихъ женъ и дочерей... «Вольные» и тутъ незамѣтно тонутъ среди господствующей массы военнаго люда.

Мы кстати посѣтили этотъ новый соборъ въ первый же день своего пріѣзда. Была Великая Суббота, и намъ съ женою столько же хотѣлось доѣхать скорѣе къ своимъ дѣтямъ, чтобы встрѣтить вмѣстѣ Праздникъ Праздниковъ, сколько и не упустить торжественной заутрени подъ Свѣтлое Христово Воскресенье. Было бы слишкомъ обидно провести эту священную для христіанина ночь гдѣ-нибудь на почтовой станціи Голодной Степи, среди ямщиковъ-киргизовъ.

Новый соборъ строился очень долго, кажется, съ самыхъ первыхъ лѣтъ управленія Кауфмана, и испыталъ цѣлый рядъ невзгодъ, столь обычныхъ нашимъ казеннымъ постройкамъ, вызвавъ не одну трагическую исторію съ подрядчиками и техниками. Говорятъ, на него пошло гораздо больше денегъ, чѣмъ

онъ стоитъ; я не знаю, насколько правды въ этихъ разсказахъ, и могу только сказать, что Ташкентскій соборъ былъ бы украшеніемъ какой угодно столицы. Онъ не очень высокъ, и это очень благоразумно. Съ землетрясеніями здѣсь шутить нельзя, какъ хорошо испытали это недавно жители невѣрнаго города Вѣрнаго. Византійскій стиль выдержанъ строго, съ нѣкоторымъ вторженіемъ мавританскаго въ отдѣлку деталей: бѣло-сѣрый полосатый мраморъ стѣнъ и темно-коричневый колеръ орѣховаго съ золотомъ иконостаса, рѣшетокъ, кіотовъ, немного напоминаютъ арабскую мечеть какого-нибудь Каира; но въ столицѣ русской Азіи—этотъ азіатскій варіантъ византійства вполнѣ, по моему, умѣстенъ. Люстры, свѣщники, лампады,—все массивной позолоты, сверкаетъ новизной и богатствомъ, полно стиля и вкуса.

Крупныя золотыя строки евангельскихъ текстовъ, писанныхъ славянскими буквами, опоясываютъ очень эффектно и совершенно такъ же, какъ въ знаменитыхъ мусульманскихъ мечетяхъ куфическія надписи изъ Корана, и барабанъ главнаго купола, и алтарь, и отдѣльныя ниши.

Куполъ, арки, своды изукрашены прекрасною скульптурною работою. У правой стѣны собора стоитъ историческая реликвія своего рода,—гробница изъ чернаго мрамора генерала Кауфмана, главнаго создателя и Ташкента и ташкентскаго собора (хотя оконченъ соборъ собственно былъ уже при генералѣ Розенбахѣ). Надъ гробницею огромный орѣховый кіотъ въ русскомъ стилѣ большаго изящества, съ вѣчно горящею передъ нимъ лампадою, а на рѣшоткѣ гробницы траурные вѣнки съ роскошными лентами, расшитыми золотыми надписями.

Вообще этотъ соборъ—достойный представитель Православія въ странѣ славныхъ древнихъ мечетей Ислама. Строилъ его архитекторъ не русскаго имени, Генцельманъ, но по проектамъ глубоко русскаго художника Рязанова.

Когда мы подъѣхали къ соборной площади,—и солдатскій, и новый соборъ пылали миріадами своихъ огней, какъ два колос-

сальные свѣщника, поднятые къ небу. Оба они были уставлены горящими стаканчиками по всѣмъ поворотамъ своихъ архитектурныхъ линій, такъ что издали казалось, будто очертанія храмовъ были нарисованы огнемъ съ малѣйшими своими подробностями по черно-синему бархату глубокаго ночного неба. А у подножія этихъ громадныхъ огненныхъ видѣній родились и искрились среди тьмы, трепеща, какъ фосфорическія бабочки, тысячи мелкихъ огоньковъ, словно искры, обсыпавшіяся съ вышины фантастическихъ, изъ огня сотканныхъ, храмовъ. Это толпы народа, неумѣщавшіяся въ ихъ стѣнахъ, стояли съ зажженными свѣчами въ рукахъ, на террасахъ и ступеняхъ и заливали собою прилегавшую площадь.

Внутри тоже все пылало и сверкало огнями, цѣлый огненный поясъ охватывалъ высоко надъ головами народа основаніе купола, освѣщая въ высотѣ крупныя фигуры четырехъ евангелистовъ и рои ангеловъ.

Мнѣ говорили, что нѣкоторыя изъ этихъ ангельскихъ головокъ были написаны мѣстною любительницею живописи, женою бывшаго генералъ-губернатора Розенбаха. Онѣ и носятъ на себѣ слѣды нѣсколько свѣтской и ужъ ни въ какомъ случаѣ не византійской школы.

Генералъ-губернаторъ Вревскій съ мѣстнымъ генералитетомъ и штабными чинами присутствовалъ на службѣ. Пѣлъ солдатскій хоръ, однако въ обычныхъ парадныхъ одеждахъ архіерейскихъ пѣвчихъ. Замѣчательно выразительные и отчетливые возгласы и чтеніе священника Покровскаго, дѣятельнаго миссіонера, обратившаго къ христіанству многихъ дунганъ, раздавались изъ алтаря, понятные и слышные въ самыхъ далекихъ углахъ храма, чтѝ, къ сожалѣнію, такъ рѣдко встрѣчается въ нашихъ большихъ церквахъ, гдѣ народъ большею частью бываетъ не въ силахъ разслышать словъ священника и дьякона. Но отецъ Покровскій былъ только однимъ изъ сослужащихъ. Скоро мы увидали вышедшую изъ алтаря фигуру старца, кото-

раго нельзя забыть, увидѣвши разъ. Ему на видъ казалось лѣтъ сто. Спина его уже согнулась, и ноги съ трудомъ двигались. Бѣлая, длинная борода и такіе же, какъ серебро, бѣлые волосы обрамляли сухощавое, суровое лицо, среди старческихъ морщинъ котораго горѣли смѣлымъ, вовсе не старческимъ огнемъ, энергическіе черные глаза. На старцѣ была митра, хотя остальныя одежды его были не архіерейскія, а священническія.

Твердымъ и мужественнымъ голосомъ проговорилъ онъ во время обѣдни эктенію, хотя держалъ чашу съ Святыми Дарами порядочно дрожавшими руками; ему нужно было употребить нѣсколько минутъ, чтобы съ замѣтнымъ усиліемъ повернуться къ алтарю.

— Кто это такой?—спросилъ я, пораженный своеобразною фигурой старца, внушавшей невольное благоговѣніе.

— А это самая большая знаменитость Ташкента, священникъ Маловъ,—отвѣчали мнѣ.—Онъ у насъ называется покорителемъ Туркестана.

— Какъ это, покорителемъ Туркестана?

— Да такъ просто; онъ дѣйствительно былъ однимъ изъ главныхъ героевъ, завоевавшихъ намъ этотъ край. Онъ лично бралъ приступомъ и Ташкентъ, и Ходжентъ, и Хиву, и Коканъ, словомъ, почти всѣ здѣшнія крѣпости.

— Онъ былъ прежде военный?

— Нисколько; онъ всегда былъ священникомъ. Въ 1889 году мы праздновали пятидесятилѣтіе его священства. Онъ въ сущности не такъ старъ, какъ кажется, ему всего 76 лѣтъ, а это его походы да битвы уходили; отъ ревматизма ноги почти отнялись. А то бы онъ, пожалуй, и теперь на приступъ полѣзъ!—улыбнулся мой собесѣдникъ.

— Чего-жъ его архіереемъ не сдѣлаютъ? Вѣдь онъ вѣрно вдовецъ?

— Синодъ ему еще въ 1871 году предлагалъ сдѣлаться первымъ туркестанскимъ архіереемъ, когда епархія учреждалась, да о. Андрей не захотѣлъ; почести его не особенно соблазняютъ,

а съ семьей разстаться не хочетъ; у него тутъ дочь замужняя, внуки, правнуки... Онъ ихъ ужасно всѣхъ любитъ и живетъ всегда съ ними. Къ тому же, чѣмъ онъ здѣсь меньше архіерея. Почетъ и уваженіе къ нему во всемъ Туркестанѣ такіе, что никакому архіерею не оказываютъ: и генералъ-губернаторы, и начальники всѣ—все это его почитатели самые искренніе, большею частью даже соратники его по походамъ, офицерами молодыми при немъ были; звѣзды и кресты у него всякіе есть, народъ чуть не молится на него. Ни одинъ солдатикъ не уйдетъ отсюда на родину, не купивъ портретика «дѣдушки Малова», какъ величаютъ здѣсь его. Это, знаете, въ родѣ какой-то мѣстной святыни у насъ... Общій любимецъ и общая слава наша.

— Вотъ такъ попъ!—искренно удивился я.

— Да ужъ именно попъ, я вамъ скажу; такого другого нигдѣ не отыщете. И вѣдь что̀ замѣчательно: онъ въ походъ-то пошелъ въ первый разъ вовсе не полковымъ священникомъ; никакой его обязанности не было съ полкомъ ходить, потому что онъ просто городскимъ священникомъ служилъ въ Перовскѣ, ну, а вотъ явилось вдругъ желаніе непобѣдимое пороху понюхать, онъ и присталъ доброю волей къ четвертому Туркестанскому батальону, да и продѣлалъ съ нимъ всю кампанію... Мнѣ говорили, что онъ еще съ малолѣтства у отца въ военную службу просился,—отецъ его тоже священникомъ былъ гдѣ-то въ Самарѣ,—значитъ, всегда призваніе это чувствовалъ. И въ семинаріи, говорятъ, товарищи его иначе не звали, какъ «генералъ»... Стало-быть, онъ и тамъ о битвахъ все мечталъ. Вотъ и добился своего.

— И такъ-таки самъ въ битвахъ участвовалъ? Безъ всякаго преувеличенія?

— Помилуйте, какое преувеличеніе! Тутъ же всѣ его товарищи, у всѣхъ на глазахъ было. Всѣ эти его кресты, звѣзды, митры — все вѣдь это онъ за военныя заслуги получилъ, на полѣ брани, а не за что-нибудь. Крестъ въ руку — и лѣзетъ впередъ всѣхъ на валы, на стѣны; оружія у него никогда ни-

какого, а на груди дароносица висить. Солдаты за нимъ, какъ за какою-нибудь священною хоругвіею шли. Гдѣ батюшка, тамъ и они. Сколько разъ случалось, не выдержутъ огня непріятельскаго, смалодушествуютъ наши солдатики, назадъ удираютъ отъ крѣпости, — батюшка появится, крикнетъ имъ по-своему: Что-жъ вы, братцы, одного меня умирать оставляете, крестъ святой на поруганіе нехристямъ отдаете? Ну и сейчасъ, какъ переродятся всѣ, напрутъ опять молодецки,—смотришь, и взяли крѣпость...

— Чудеса да и только!—замѣтилъ я.

— Дѣйствительно, чудеса. Замѣтьте, что онъ ни разу раненъ не былъ, несмотря на то, что на всѣхъ приступахъ всегда былъ впереди. Да еще одѣвался такъ, что въ глаза всѣмъ кидался. Шляпа свѣтлая, подрясникъ свѣтлый, лошадь подъ нимъ бѣлая, крестъ высоко въ рукахъ поднятъ,—азіаты думали, что это-то и есть самый главный военачальникъ нашъ, потому что видятъ, все войско за нимъ идетъ; вотъ и сыпались въ него всѣ ихъ пули. Да Богъ миловалъ... Вы знаете, что подъ Ходжентомъ онъ даже надъ артиллеріей начальствовалъ.

— Какъ такъ?

— Да, побили тамъ и поранили чуть не всѣхъ артиллерійскихъ начальниковъ; онъ и возьмись командовать. Что-жъ вы думаете, вѣдь цитадель ихъ разбилъ и пушки свои туда перетащилъ. А то при Иръ-Джарѣ тоже было. Нашихъ всего пять тысячъ, а коканцевъ шестьдесятъ. Романовскій ужъ отбой было ударилъ, а куда тутъ отбой? Въ Сыръ-Дарьѣ всѣхъ бы нашихъ и потопили, потому что бухарцы съ трехъ сторонъ насъ охватили и къ рѣкѣ прижали. Батька-то и крикни солдатикамъ:

— Ошибка это, братцы! Барабанщикъ ошибся! Какой теперь отбой! На уру надо! Впередъ, ура!

Тутъ офицеры храбрые были, Абрамовъ покойный, что потомъ губернаторомъ былъ въ Ферганской области, Пистолькорсъ и другіе еще. Поддержали попа, тоже кричатъ: Впередъ! Ура! Солдатики бросились на уру и расколотили бухарцевъ такъ,

что пухъ отъ нихъ полетѣлъ... Вотъ онъ каковъ у насъ, старичокъ-то этотъ, Андрей Ефимовичъ...

— Ай-да Андрей Ефимычъ .. Вѣдь это Іоанна д'Аркъ своего рода, — сказалъ я, искренно утѣшенный разсказами своего пріятеля.

— Оттого-то безъ него не обходилась у насъ ни одна кампанія. Къ Черняеву, положимъ, онъ самъ пріѣхалъ, когда тотъ Чимкентъ взялъ. Ну, Черняевъ ужъ слышалъ о немъ, какъ онъ въ 1862 году Динь-Курганъ бралъ да Туркестанъ, принялъ его, конечно, съ распростертыми объятіями. Съ той поры онъ и перешелъ въ батальонные священники, въ четвертый Туркестанскій батальонъ. Такъ знаете ли, что онъ сдѣлалъ тогда? Повѣрить трудно... Праздникъ Свѣтлый подходилъ, а въ походной церкви антиминса нѣтъ. Вотъ Андрей Ефимычъ и надумалъ думу: съ двумя казаками черезъ непокоренныя киргизскія степи за 700 верстъ въ городъ Вѣрный верхомъ слеталъ, въ Семирѣченскую область, къ владыкѣ, и привезъ къ Пасхѣ антиминсъ, да еще по дорогѣ у разбойника какого-то ночевалъ, кунакомъ съ нимъ сдѣлался. Кауфманъ тоже его съ собою пригласилъ въ хивинскую экспедицію, потому что при Андреѣ Ефимычѣ солдаты совсѣмъ другими людьми дѣлались.

— Да еще что сказалъ про него при всѣхъ начальникахъ, наглядѣвшись на его безстрашіе и находчивость: «Если бы, говоритъ, священникъ Маловъ былъ военный, я бы считалъ за величайшую честь служить подъ его командой!» Онъ ему и митру выхлопоталъ за хивинскій походъ. А Скобелевъ, когда завоевалъ Коканское ханство и на Алайскія горы ходилъ каракиргизовъ смирять, такъ безъ Малова не хотѣлъ въ походъ отправляться, упросилъ его непремѣнно съ собой ѣхать, тотъ тамъ и ноги на Алайскихъ ледникахъ потерялъ; хоть звѣзду потомъ за это Анненскую получилъ, а все безъ ногъ остался... Это ужъ его послѣдняя пѣсенка была.

— Михаилъ Григорьевичъ Черняевъ вотъ недавно, какъ ужъ генералъ-губернаторомъ здѣсь былъ, шутилъ какъ-то съ

батюшкой, спрашиваетъ его: ну, а что, Андрей Ефимычъ, если бы теперь открылась опять война? Пошли бы вы съ нами?

— Такъ тотъ отказался: «Нѣтъ, говоритъ, духомъ-то бы я еще хоть куда, да плоть оплошала, силъ ужъ больше нѣтъ...

— Черняевъ ему и говоритъ: «Нѣтъ, ужъ какъ хотите, батюшка, а безъ васъ походъ не въ походъ; мы васъ въ арбу покойную посадимъ, а ужъ съ собой увеземъ!»

— Потомъ, когда завтракъ Черняеву давали въ Никольскомъ, на закладкѣ храма, такъ онъ при всемъ народѣ объявилъ:

«Не могу принять тоста за покорителя Ташкента. Безъ такихъ сподвижниковъ, какъ отецъ Маловъ, ничего бы я одинъ не могъ сдѣлать. Выпьемте-жъ прежде за его здоровье!»

Я съ особеннымъ сочувствіемъ и любопытствомъ смотрѣлъ послѣ этихъ разсказовъ въ теченіе всей длинной Святонедѣльной службы на стараго, едва двигавшагося протоіерея въ митрѣ. Онъ теперь сталъ буквально историческимъ памятникомъ Ташкента. Соборъ, гдѣ онъ служитъ, по праву — его соборъ, точно такъ же какъ городъ, гдѣ онъ живетъ, по праву — его городъ. Первыя средства для постройки собора собралъ Андрей Ефимычъ; онъ ѣздилъ для этого въ Петербургъ, въ Москву, получилъ щедрыя жертвы отъ Государя Императора и Царской Семьи и возвратился домой съ капиталомъ въ 25.000 рублей. Онъ же былъ главнымъ дѣятелемъ по устройству въ Ташкентѣ памятника воинамъ, павшимъ при взятіи его.

Несмотря на слабость свою, «дѣдушка» Маловъ постоянно самъ исполняетъ всѣ обязанности старшаго протоіерея въ соборѣ, этомъ «дѣтищѣ» его, какъ называютъ соборъ мѣстные жители.

Теперь отецъ Маловъ мирно и тихо, какъ догорающій свѣтильникъ, доканчиваетъ свои почтенные дни, окруженный благоговѣйнымъ уваженіемъ всего населенія и заботами своей многочисленной семьи. Разсказываютъ, что воинственный духъ его до сихъ поръ еще витаетъ по старой привычкѣ на поляхъ

битвъ, среди грома выстрѣловъ. Домашніе его нерѣдко слышатъ, какъ сѣдовласый дѣдушка вскакиваетъ во снѣ съ постели, размахиваетъ руками и громко командуетъ воображаемой дружинѣ своей: *„ура,* впередъ, братцы!“ Оказывается потомъ, что ему пригрезилась какая-нибудь ночная атака непріятеля, и онъ звалъ на бой противъ нея оробѣвшихъ солдатиковъ...

«Сегодня нашъ дѣдушка опять воевалъ!» передаютъ на другое утро другъ другу родные Андрея Ефимыча.

VIII.

Сартская „Ураза“.

Ташкентская крѣпость — въ самомъ центрѣ его. Кажется, это совсѣмъ новое, уже русское сооруженіе. По крайней мѣрѣ, мнѣ передавали, что на мѣстѣ старой сартовской цитадели теперь разбитъ генералъ-губернаторскій садъ. Это какъ-разъ рядомъ съ нынѣшнею крѣпостью, у самыхъ ногъ ея. Крѣпость не шуточная для тѣхъ враговъ, съ которыми здѣсь привыкли имѣть дѣло. Валъ высокій, частью омывается глубокимъ арыкомъ, на углахъ банкеты для пушекъ съ пологими въѣздами; двѣ каменныя двухъярусныя казармы-редюиты фланкируютъ крѣпость съ противоположныхъ сторонъ. Внутри много другихъ казармъ. И банкеты, и валы, и площадки между казармами кишмя-кишатъ какъ муравейникъ муравьями, бѣлыми рубахами и малиновыми замшевыми штанами. Здѣшній солдатъ показался мнѣ особенно щеголеватымъ, красивымъ и бодрымъ. Съ углового банкета хорошо видна вся широкая картина города. Какъ разъ напротивъ банкета, за арыкомъ, живописныя чащи генералъ-губернаторскаго сада съ оранжереями, бесѣдками, цвѣтниками и мостиками. Въ садъ этотъ пускаютъ въ нѣкоторые дни и публику.

Съ другой стороны крѣпости «братская могила», въ которой погребены наши земляки-герои, павшіе на неудачномъ первомъ

приступѣ къ Ташкенту — коническая насыпь, осѣненная небольшимъ крестомъ и окруженная оградой. А дальше, кругомъ крѣпости, цѣлое море садовъ и домовъ, въ нихъ потонувшихъ. Пирамидальные тополи и длинными рядами, и разбросанными кучками поднимаются изъ этой массы садовъ, будто минареты среди плоскихъ кровлей магометанскаго города. Все это вырѣзается на туманной синевѣ горъ, обступающихъ издали Ташкентъ; снѣговыя вершины ихъ рѣзко сверкаютъ среди безпорочной лазури южнаго неба, а за этими довольно близкими къ намъ, еще не растаявшими снѣгами поднимаютъ свои далекія пирамиды колоссальные вѣчно-снѣжные хребты отроговъ Тянь-Шаня, раздѣляющихъ долину Чирчика отъ долины Ангрена.

Русская крѣпость, какъ и слѣдуетъ, окружена памятниками своей исторіи: горка съ спиральными дорожками въ саду генералъ-губернатора—остатокъ уничтоженной сартовской твердыни, въ «братской могилѣ» останки геройскихъ завоевателей, а прямо противъ воротъ — еще одинъ своеобразный памятникъ: крошечный домишко о двухъ конуркахъ, скорѣе напоминающій караулку, чѣмъ домъ начальника, носитъ на себѣ поучительную надпись: «первый домъ военнаго губернатора генералъ-майора Черняева». Онъ обносится оградой, какъ подобаетъ исторической достопримѣчательности, и большая улица, идущая мимо него, а потомъ мимо дома генералъ-губернатора, называется теперь «Черняевскою».

Это спартанское жилище очень характерно для всей дѣятельности генерала Черняева. Онъ всегда оставался солдатомъ даже тамъ, гдѣ другіе легко обращаются въ сатраповъ, и умѣлъ дѣлать большія дѣла съ самыми маленькими средствами, между тѣмъ какъ обыкновенно вездѣ у насъ видишь непомѣрныя требованія и громадныя затраты съ результатами довольно жалкими. Черняевъ завоевалъ цѣлую область съ какими-нибудь 3.000 человѣкъ, взялъ чуть не однимъ баталіономъ многолюднѣйшій городъ Средней Азіи, который защищался 15.000 гарнизономъ.

Оттого сарты смотрѣли на него, какъ на человѣка сверхъестественныхъ силъ, благоговѣли и трепетали передъ нимъ. Когда Черняевъ послѣ многихъ лѣтъ вернулся въ Среднюю Азію туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ, радость мѣстныхъ жителей была самая искренняя. Сарты толпами встрѣтили его далеко за городомъ и попадали передъ нимъ ницъ, какъ нѣкогда падали передъ своими ханами, грозными властителями ихъ жизни и имущества.

Я былъ очень доволенъ, что мнѣ пришлось встрѣтиться и познакомиться въ Петербургѣ съ генераломъ Черняевымъ очень скоро по возвращеніи изъ моего туркестанскаго путешествія, когда во мнѣ еще были вполнѣ живы впечатлѣнія, вынесенныя изъ знакомства на мѣстѣ съ его геройскими подвигами въ Средней Азіи и его разумною устроительною дѣятельностью.

Между прочимъ всѣ здѣсь вспоминаютъ то достойное положеніе, въ которомъ Черняевъ и Кауфманъ держали себя относительно Бухарскаго эмира. Эмиръ, по обычаю восточныхъ владѣтельныхъ особъ, нѣсколько разъ въ годъ присылаетъ дорогіе подарки туркестанскимъ генералъ-губернаторамъ, и всѣ эти подарки, стоющіе сотни тысячъ рублей, и Кауфманъ, и Черняевъ съ щедростью, подобающею представителямъ Русскаго Царя, раздавали своей свитѣ и мѣстнымъ жителямъ, не придавая имъ, такъ-сказать, никакого унизительнаго для себя матеріальнаго значенія, а разсматривая ихъ только, какъ необходимую дань уваженія къ нимъ со стороны вассала Русскаго Царя. Къ сожалѣнію, одинъ изъ преемниковъ Черняева, теперь уже не находящійся у власти, не такъ понималъ смыслъ подарковъ эмира и обратилъ ихъ въ статью дохода своего рода, чего ему здѣшнее общественное мнѣніе до сихъ поръ не можетъ забыть, находя, что онъ ронялъ этимъ въ глазахъ восточнаго населенія, чрезвычайно щекотливаго въ подобныхъ вопросахъ, престижъ высшаго представителя русской власти. Меня увѣряли, что этотъ правитель Туркестана, покидая свою должность, вывезъ въ Россію такое множество ковровъ, матерій и разныхъ другихъ восточ-

ныхъ товаровъ, надаренныхъ ему эмиромъ, что въ Узунъ-Ада ему пришлось заплатить за нихъ одной таможенной пошлины нѣсколько тысячъ рублей. Впрочемъ, люди сочиняютъ такъ много небылицъ, а ужъ особенно на Востокѣ, и особенно про свое начальство, что я нисколько не ручаюсь за достовѣрность этого сказанія, а продаю за то, за что̀ купилъ.

Не могу не привести здѣсь общаго глубокаго сочувственнаго отношенія и русскаго, и туземнаго населенія къ памяти генералъ-губернатора Кауфмана. Туркестанъ жилъ всегда такою обособленною отъ Россіи жизнью, что я, человѣкъ все-таки не мало читавшій, встрѣчавшій много людей всякаго рода, старавшійся постоянно слѣдить за интересными явленіями русской жизни,—я долженъ признаться, что совершенно былъ незнакомъ съ значеніемъ Кауфмана въ исторіи Туркестанскаго края. Здѣсь же я былъ изумленъ единодушнымъ отзывомъ о Кауфманѣ и поклонниковъ, и недруговъ его, какъ о человѣкѣ выходящихъ государственныхъ способностей, высокаго духа и большихъ заслугъ. Все теперешнее благоустройство Туркестана главнымъ образомъ приписывается ему. Ему обязаны своимъ началомъ почти все здѣшнія полезныя учрежденія, почти всѣ разумные порядки и начинанія. Имя его гремѣло на Востокѣ, и онъ высоко держалъ здѣсь знамя Бѣлаго Царя. Нѣкоторые здѣсь упрекаютъ его въ излишней довѣрчивости къ людямъ недостойнымъ довѣрія, въ неумѣніи окружить себя, въ слишкомъ большой широтѣ и смѣлости замысловъ, часто не соотвѣтствовавшихъ средствамъ, имѣвшимися въ рукахъ. Приводятъ въ примѣръ многія его неудавшіяся и дорого стоившія затѣи, напримѣръ, устройство въ Ташкентѣ центральной Средне-азіатской ярмарки, которая стоила будто бы до 1.800.000 рублей, а до сихъ поръ стоитъ пустая, или же такую неудачную попытку его̀ основать казенный конный заводъ на всю область. Но если даже признать, что всѣ эти указанія на неудачи и промахи Кауфмана вполнѣ справедливы, все-таки они нисколько не умаляютъ исто-

рическаго значенія его дѣла цивилизованія варварской страны въ такой сравнительно короткій срокъ.

По Черняевской улицѣ легко проѣхать къ азіатскому Ташкенту. Онъ отдѣляется отъ русскаго города глубокимъ и широкимъ арыкомъ, который гораздо болѣе похожъ на рѣку и, какъ рѣка, густо обросъ деревьями. Русскій городъ лежитъ значительно выше азіатскаго по той простой причинѣ, что онъ разбитъ на мѣстѣ прежней сартской крѣпости, а для крѣпостей своихъ азіаты всегда выбирали возвышенныя мѣста. Оттого и воздухъ въ русскомъ Ташкентѣ значительно здоровѣе и чище, чѣмъ въ азіатскомъ, залившемъ своими безчисленными домишками, дворишками, садами и огородами громадную низменную равнину. Азіатскій Ташкентъ имѣетъ совершенно отдѣльное управленіе отъ русскаго, отдѣльную полицію, отдѣльнаго полицiймейстера; даже извозчики его, которыхъ тутъ очень много, совсѣмъ отдѣльные. Начальникъ русскій, и, конечно, военный,—все остальное сплошные сарты. Главная улица, къ удивленію моему, оказалась не только мощеною, но даже съ фонарями, хотя и не особенно частыми. Это не мѣшаетъ ей оставаться такою же узкою, вьющеюся, какъ змѣя, вонючею и слѣпою, какъ любая улица Бухары, Мерва и даже всякаго большого кишлака. Дувалы и дувалы безъ конца. Рѣдко какой домъ выходитъ на улицу однимъ, двумя окошечками своими. Большая же часть домовъ глядитъ во дворы и окружена, какъ крѣпость, высокими глиняными стѣнами, живо помня еще такъ недавно миновавшія сцены чуть не ежедневныхъ междоусобицъ.

Нашъ пріятель сартъ-Садыкъ, ловкій малый, бывавшій и въ Москвѣ, и въ Курскѣ, и въ Питерѣ, и потому научившійся говорить по-русски настолько, что изъ десяти его словъ все-таки можно было понять словъ пять,—служилъ на этотъ разъ нашимъ путеводителемъ.

Мы заѣзжаемъ прежде всего въ очень чистую мечеть „*Шах Антауръ*“.

Теперь у магометанъ постъ «Ураза», и всѣ сарты съ твердостью, достойною уваженія, строго выполняютъ предписаніе своей религіи—не ѣсть ничего до вечера. Зато уже съ наступленіемъ ночи начинаются у нихъ самыя веселыя розговины. Всѣ ихъ «ашъ-хане» (харчевни) и «чай-хане» (чайни), базары и садики наполняются толпами разодѣтыхъ мужчинъ и женщинъ и дѣтей, которые ужинаютъ, пьютъ чай и угощаются разными сластями прямо на открытомъ воздухѣ, подъ тѣнью деревьевъ и навѣсовъ.

Мы отправились въ Шахъ-Антауръ нарочно вечеромъ, «послѣ звѣзды», когда уже сарты приступили къ ночному пированію своему. Мечеть Шахъ-Антауръ служитъ священнымъ центромъ цѣлаго квартала базарчиковъ. Большой садъ окружаетъ ее. Мы медленно двигались по длиннымъ аллеямъ его, въ тѣни очень высокихъ деревьевъ, у подножія которыхъ тянулись балаганчики со всевозможными яствами, сластями и напитками, и чуть не на каждомъ шагу виднѣлись ярко-освѣщенныя ашъ-хане и чай-хане, кишѣвшія сартовскими халатами, чалмами и тюбетейками. Сартовская *тамаша* (праздникъ) была въ полномъ разгарѣ. Въ разныхъ мѣстахъ раздавалась безхитростная азіатская музыка съ однообразнымъ бумъ-бумомъ турецкаго барабана и пронзительно-жалостными завываніями дудокъ. Желтопузые тульскіе самовары громадныхъ размѣровъ въ несчетномъ множествѣ сверкаютъ среди обсѣвшихъ ихъ полосатыхъ халатовъ, по 4, по 5 въ каждомъ чай-хане. Азіаты важно восѣдаютъ, поджавъ ноги, на рундукахъ и низенькихъ деревянныхъ подмосткахъ, въ родѣ кроватей, и цѣлыми часами дуютъ свой дешевый «кокъ-чай» (зеленый чай) изъ огромныхъ глиняныхъ чашекъ безъ блюдцевъ, величиною въ наши полоскательныя чашки. А надъ этою пестрою, шумно веселившеюся толпою, надъ этими деревьями-великанами, высоко вверху мигало своими частыми звѣздами ясное и теплое небо, такое, какое бываетъ у насъ въ іюнѣ въ развалъ петровскихъ жаровъ.

Мы прошли сквозь освѣщенные многолюдные базарчики даль-

ше въ безмолвныя, темныя аллеи и свернули къ большому древнему кладбищу, сплошь усѣянному обычными могильными камнями сартовъ, въ формѣ округленной крыши; многіе изъ нихъ ушли уже глубоко въ землю, многія могилы даже совсѣмъ провалились, такъ что то и дѣло приходилось обходить ямы, предательски заросшія густымъ бурьяномъ. Въ серединѣ кладбища древняя мечеть-часовня, гдѣ похороненъ Шах-Антауръ, высокочтимый мусульманскій святой. Къ ней ведетъ очень своеобразная аллея: два ряда безобразно-изогнутыхъ, уродливо рогатыхъ деревьевъ, голыхъ, какъ скелеты, черныхъ, какъ гробы, будто молнія когда-нибудь обожгла ихъ, ободравъ съ нихъ кожу и листья; деревья эти нагнуты къ землѣ, словно сейчасъ собираются упасть, и все-таки, несмотря на свой падающій видъ, несмотря на свою очевидную омертвѣлость, эти деревья-трупы существуютъ въ такомъ состояніи вотъ уже какую сотню лѣтъ, какъ увѣряютъ сарты! Деревья эти священны, и Сартъ приближается къ нимъ съ суевѣрнымъ страхомъ. Ни одна святотатственная рука не осмѣлится сломать съ нихъ хотя бы одну вѣтку. Я поднялъ глаза вверхъ и на одномъ изъ этихъ рогатыхъ скелетовъ увидѣлъ огромное гнѣздо аиста. Священная птица возсѣдала на верху своего жилья, и ея характерная древне-египетская фигура вырѣзывалась недвижнымъ чернымъ изваяніемъ на темномъ фонѣ неба, такимъ точно, какъ она еще изображалась на барельефахъ языческихъ храмовъ какого-нибудь Мемфиса или Геліополиса. Другой аистъ безшумно опустился въ эту минуту изъ темной ночной синевы на сосѣднее, такое же голое дерево и сердито заклохталъ, будто забилъ въ трещотку, вѣроятно, выражая свое неудовольствіе на наше нечистое приближеніе къ охраняемой имъ святынѣ...

Двѣ темныя согбенныя фигуры въ чалмахъ и халатахъ въ благочестивомъ молчаніи проскользнули впереди насъ неслышною поступью и исчезли въ низенькой черной дверочкѣ гробницы...

Среди кладбища Шах-Антаура одиноко стоитъ чинаръ колоссальной толщины и высоты. Ему насчитываютъ болѣе ты-

сячи лѣтъ. Плоти его—это деревья громадной толщины, развѣтвляющіяся наверху цѣлымъ букетомъ другихъ деревьевъ. Обхвату въ этомъ чинарѣ не меньше 30, 35 аршинъ. Мусульмане ставятъ на него свѣчи и молятся ему. Я увѣренъ, что этотъ патріархъ лѣсовъ—остатокъ глубочайшей древности, непонятнымъ образомъ уцѣлѣвшее до нашихъ временъ какое-нибудь священное дерево язычества, въ родѣ додонскаго дуба или тысячелѣтнихъ липъ Мингреліи, которыя низвергалъ сѣкирою еще Андрей Первозванный. Этотъ культъ дубовъ былъ нѣкогда общимъ всей Азіи, всему древнему міру; съ нимъ боролись Давидъ и Соломонъ и Илья Пророкъ.

Медрессе Шахъ-Антаура считается однимъ изъ самыхъ уважаемыхъ въ Ташкентѣ. Мы вошли въ него черезъ темный пустой корридоръ, предшествуемые фонарями провожатыхъ. Четырехъугольный дворъ, окруженный со всѣхъ сторонъ галлереями на столбахъ, въ которомъ мы очутились, собственно и составляетъ мечеть этого медрессе. Въ восточной галлереѣ происходило въ эту минуту моленье. Безмолвно читалъ про себя молитву стоявшій впереди всѣхъ, передъ Мирабомъ, имамъ въ зеленой чалмѣ, потомъ вдругъ легко и проворно опускался на колѣна, припадая лицомъ къ землѣ, и такъ же быстро и легко поднимался на ноги.

Бородатые, уже не совсѣмъ молодые сарты, суроваго вида, въ бѣлыхъ чалмахъ и халатахъ, покорно, какъ автоматы, опускались, падали ницъ и вставали вслѣдъ за своимъ муллою, такъ же безшумно и легко, какъ онъ, такъ же не произнося ни слова. Длинныя тѣни падали отъ нихъ изъ глубины слабоосвѣщенной мечети и, при рѣзкихъ движеніяхъ ихъ вверхъ и внизъ, то разомъ укорачивались, то вдругъ выростали до чудовищныхъ размѣровъ, перепалзывая черезъ цѣлый дворъ даже на крышу противоположныхъ галлерей, словно полчища какихъ-то черныхъ привидѣній, пугливо метавшихся изъ стороны въ сторону.

Это строгое и благоговѣйное исполненіе мусульманами сво-

ихъ молитвенныхъ обрядовъ вездѣ поражало меня и внушало къ нимъ искреннее уваженіе.

Мы обошли и жилища софтъ, которыхъ дверочки и окна выходятъ на остальныя три галлереи. Въ каждой маленькой кельѣ помѣщается по два софта. Одинъ изъ нихъ попросилъ насъ зайти къ себѣ, что̀ мы, конечно, и исполнили. Чистота и порядокъ у нихъ въ комнатахъ образцовые. Вездѣ войлочки и коверчики, въ стѣнахъ полочки и шкафчики съ посудой и книгами, опрятно разложенными; открытый азіатскій каминъ, такъ-называемый бухара̀, служитъ каждому кухонькою; подъ потолкомъ родъ палатей, гдѣ ссыпанъ уголь и хранятся разные припасы... Сарты сами ведутъ свое хозяйство, получая отъ медрессе только помѣщеніе и нѣсколько денегъ на содержаніе свое, смотря по доходамъ мечети.

Было такъ странно, послѣ меланхолическихъ впечатлѣній кладбища и монастырской молитвы, очутиться опять въ шумѣ и гамѣ гуляющаго базара. Садыкъ посовѣтовалъ намъ зайти въ сартскій театръ.

Это, дѣйствительно, любопытный театръ, котораго не увидишь ни въ Петербургѣ, ни въ Парижѣ. Надъ зрителями открытое небо, трепещущее миріадами звѣздъ, утлыя загородочки прилѣплены къ громаднымъ, въ небо уходящимъ стволамъ чинаръ и акацій; вмѣсто занавѣса и кругомъ зрителей натянуты не спитые куски пестрыхъ туземныхъ ситцевъ очень затѣйливаго узора и очень яркаго колера. Двѣ сальныя свѣчки и одна изрядно тусклая керосиновая лампочка замѣняютъ собою электрическое освѣщеніе. Сами актеры,—два длинно-бородыхъ сарта довольно мрачнаго вида и глазастый мальчишка, похожій на цыганенка, мускулистый, съ лоснящеюся, какъ у негра, кожею, спокойно сидятъ себѣ тутъ же на полу и попиваютъ чаекъ въ ожиданіи посѣтителей. Увидя насъ, они живо вскочили на ноги, чтобы сейчасъ же приняться за представленіе; мы разсѣлись на узенькихъ лавочкахъ, обитыхъ краснымъ кумачемъ, рядомъ съ тремя или четырьмя сартами, вошедшими вслѣдъ за нами.

Два мрачныхъ бородача взяли въ руки бубны и затянули своими далеко немолодыми голосами какую-то очень наивную, но мало подходившую къ ихъ угрюмымъ старообразнымъ рожамъ, шутливую мелодію; она раздавалась сначала какъ-то глухо и принужденно, но потомъ стала оживляться все больше и больше и разрослась наконецъ во что-то такое неудержимо-веселое и отчаянно-хохочущее, что у слушателей заходили всѣ жилки. Музыканты все время словно впивались глазами другъ въ друга и постоянно подбадривали одинъ другого, подхватывая мотивъ, начатый однимъ, приподнимая каждый разъ еще нотою выше шутливый тонъ его, то и дѣло подстегивая и подзадоривая свое собственное веселіе лихими ударами бубенъ и неожиданными колѣнцами разудалой пѣсенки.

Мальчишка-цыганенокъ съ горящими, какъ уголь, черными глазами переодѣлся въ красную юбку и пеструю синюю рубаху и сталъ ловко крутиться, плясать и продѣлывать разныя гимнастическія штуки.

Сарты нѣсколько разъ заставляли его поднимать рѣсницами воткнутыя въ землю серебряныя монетки, самый, повидимому, эффектный tour de force его, въ глазахъ этихъ опытныхъ цѣнителей.

Послѣ пляски на низенькой сценѣ, приподнятой въ видѣ полки, началась кукольная комедія подъ аккомпаниментъ той же назойливо-хохочущей музыки. Сартянки въ комическихъ нарядахъ выскочили плясать, ругаться и спорить. Сарты-мужья вступились и принялись тузить другъ-дружку, при самомъ чистосердечномъ хохотѣ сидѣвшихъ рядомъ съ нами бородатыхъ дѣтей въ огромныхъ тюрбанахъ и величественныхъ полосатыхъ хламидахъ. Сцены домашней жизни туземца разыграны были дѣйствительно чрезвычайно естественно и забавно, съ большимъ одушевленіемъ и юморомъ. Онѣ пересыпались цѣлымъ градомъ ловкихъ прибаутокъ и остротъ, отъ которыхъ животики надрывали зрители-сарты, смаковавшіе всю ихъ соль, и отъ которыхъ невольно хохотали даже мы, не понимая ни одного слова, но

хорошо улавливая ихъ смыслъ по потѣшной мимикѣ и тѣлодвиженіямъ азіатскихъ лицедѣевъ.

Садыкъ не хотѣлъ и слышать, чтобы мы проѣхали мимо его дома, не отвѣдавъ его хлѣба-соли. У него въ комнатѣ для гостей, небольшой, но очень чистой, былъ заранѣе приготовленъ обычный «дастарханъ», но уже наполовину по-русски, на русскомъ столѣ, съ русскими стульями кругомъ. Огромный поднось былъ уставленъ всякими лакомствами, начиная отъ меда въ чашкахъ до сартскихъ конфектъ, кишмиша и пр.—Чай былъ поданъ тоже по-русски, въ стаканахъ. Садыкъ, очевидно, хотѣлъ заявить себя передъ нами человѣкомъ цивилизаціи и передовыхъ идей. Среди бесѣды я спросилъ его между прочимъ какая по ихнему разница между таджиками, сартами и узбеками.

— «Таджикъ—это Бухара̀, Самаркандъ,—отвѣчалъ садыкъ,—а Сартъ—Ташкентъ. Сартъ и узбекъ все одно. Сартъ—узбекъ, киргизъ—узбекъ, курама̀—узбекъ, а таджикъ не узбекъ. Въ деревнѣ узбекъ настоящій, какъ старину былъ, а въ городѣ—узбекъ съ другимъ народомъ смѣшался, другой сталъ».

Изъ дома Садыка мы отправились вмѣстѣ съ нимъ на своей извозчичьей линейкѣ по улицамъ азіатскаго города. Сартъ-полицейскій съ фонаремъ въ рукахъ скакалъ передъ нами, расчищая путь нагайкой и отчаянными криками. Это обязанность ихъ при проѣздѣ русскихъ, владыкъ страны. И надобно сказать, что обязанность эта вызвана крайнею необходимостью. Нельзя представить себѣ ничего шумнѣе, тѣснѣе и безпорядочнѣе, какъ улицы сартскаго Ташкента въ ночи Уразы. Это какая-то базарная вакханалія, которая непривычному человѣку разомъ закружитъ голову. Тутъ шага невозможно сдѣлать безъ толчковъ, давки и крика. Сартскіе извощики продвигаются на своихъ линейкахъ сзади и спереди среди моря головъ, взмахивая кнутами, гремя своими разбитыми дрогами, шатаясь вправо и влѣво, какъ челнокъ по волнамъ, по выбитымъ камнямъ и колевинамъ узенькихъ темныхъ улицъ. Вся улица течетъ живымъ

народомъ, обратилась въ сплошной потокъ пестрыхъ тюрбановъ и тюбетеекъ... Кто несетъ фонарь, кто такъ ломится плечомъ впередъ черезъ нескончаемую толпу халатниковъ. Откуда только набрались они, изъ какихъ щелей повыползали эти неисчислимыя орды азіатовъ...

Но настоящая жизнь, настоящее движеніе и веселіе этой ночи—въ крытыхъ базарахъ. Хотя въ ночи Уразы туда запрещается въѣзжать на лошадяхъ, чтобы не давить и не стѣснять гуляющій народъ, но для побѣдителей — русскихъ законы не писаны, и имъ вездѣ дѣлается исключеніе. Возница нашъ смѣло въѣхалъ въ толпу подъ крытые навѣсы базара, и никто ни однимъ словомъ и ни однимъ взглядомъ не протестовалъ противъ дерзкаго нарушенія обычнаго правила.

Крытые базары Ташкента грандіозны по своимъ размѣрамъ, подобныхъ имъ не сыщешь пожалуй во всей Средней Азіи, не исключая Бухары. Ночью при огняхъ, при затопляющей ихъ пестрой и шумной толпѣ, они производятъ на человѣка съ воображеніемъ фантастическое впечатлѣніе. На цѣлую версту тянется въ длину и развѣтвляется множествомъ такихъ же длинныхъ поперечныхъ переулковъ вправо и влѣво эта громадная крытая галлерея. Для вентиляціи оставлены частые прорѣзы крыши. Тутъ цѣлая сѣть просторныхъ городскихъ улицъ, крытыхъ отъ дождя и солнца. Вся торговля стотысячнаго города ушла подъ прикрытіе этой безконечной крыши, въ эти тѣнистые проспекты, посреди которыхъ свободно двигаются караваны верблюдовъ и арбъ, а по бокамъ которыхъ ютятся несчетныя лавочки со всевозможными товарами.

Въ ночи Уразы лавки шелковыхъ и бумажныхъ матерій, серебряныхъ издѣлій и вообще всѣ лавки съ товарами несъѣстными заперты на замки. Зато сотни ашъ-хане и чай-хане, скупо освѣщенныхъ сальными свѣчками и дешевыми керосиновыми лампочками, полны пьющаго, ѣдящаго и кричащаго народа. Глиняныя открытыя печки жарко пылаютъ огнемъ, котлы дымятся, сковороды и желѣзные листы аппетитно шипятъ подъ

горячимъ масломъ, въ которомъ жарится кебабъ и пловъ. Пловъ навaленъ вездѣ цѣлыми грудами; въ большихъ кастрюляхъ плаваютъ соблазнительные для сарта „*манту*“, родъ нашихъ пильменей, изъ тѣста и рубленой баранины.

Душистый шашлыкъ осторожно жарится на особыхъ маленькихъ жаровняхъ. Рядомъ стоятъ огромные лотки съ туземными конфектами, розовыми, бѣлыми и пестрыми, въ видѣ длинныхъ полосъ, витыхъ палокъ, кружковъ, кристаллами сахара-леденца, фисташками, орѣхами, шепталою, изюмомъ, всѣмъ вообще, что требуется для настоящаго сартскаго дастархана. Въ цырюльняхъ стригутъ и брѣютъ на глазахъ всей публики, несмотря на поздній часъ ночи. О снѣ никто не думаетъ, день, строго говоря, только начинается теперь для сарта, который обращаетъ каждую ночь своего поста — Уразы — въ сплошную «томашу», въ безудержное празднество. Дервиши въ своихъ характерныхъ остроконечныхъ колпакахъ, опушенныхъ мѣхомъ, въ полосатыхъ красныхъ халатахъ, обвѣшанные амулетами и мѣшками, съ огромными тыквенными бутылками у пояса, ходятъ среди толпы, прося милостыню у правовѣрныхъ и громко стуча своими длинными посохами съ затѣйливо выточенными мѣдными ручками.

Остановившись среди непрерывно двигавшейся толпы, я глядѣлъ, поднявшись въ экипажѣ своемъ, сквозь затуманенный свѣтъ висящихъ сверху фонарей, на эти бѣлыя, синія, желтыя и зеленыя головы, что широкою рѣкою проплывали мимо насъ и исчезали въ освѣщенной дали, растекаясь направо и налѣво въ перекрещивающіеся лабиринты такихъ же высокихъ и широкихъ галлерей, и подъ впечатлѣніемъ полуночнаго часа все это казалось мнѣ какою-то вполнѣ восточной феерiей.

Художественное .впечатлѣніе отъ этой всенародной ночной томаши совсѣмъ было разрушено посѣщеніемъ балагана, гдѣ мы надѣялись увидѣть какую-нибудь своеобразную національную забаву сартовъ, и вмѣсто того наткнулись на самыхъ грубыхъ клоуновъ и акробатовъ изъ нашихъ же землячковъ и

даже, повидимому, не профессіональныхъ акробатовъ, а какихъ-нибудь отважныхъ русскихъ солдатиковъ, понаторѣвшихъ малую толику въ кувырканіяхъ и грошовыхъ фокусахъ. Смотрѣть можно было съ удовольствіемъ развѣ только на азіатскую публику, биткомъ набившуюся въ тѣсный балаганъ, и съ наивною дѣтскою радостью гоготавшею отъ наслажденія при каждомъ ловкомъ колѣнцѣ самозванныхъ волтижеровъ и пьеро̀. Полицейскій съ фонаремъ въ рукахъ такъ же безцеремонно какъ на улицѣ растолкалъ всю эту черномазую публику, скалившую свои бѣлые зубы, чтобы провести насъ въ передній рядъ на подобающія намъ мѣста. Впрочемъ, разутѣшенные зрѣлищемъ сарты отнеслись къ русскимъ господамъ вполнѣ мирно, несмотря на толчки и окрики нашего стража-хранителя.

На другой день утромъ мы видѣли эти крытые базары и узкія улицы сартскаго Ташкента уже совсѣмъ въ иномъ, прозаическомъ свѣтѣ. Намъ хотѣлось познакомиться съ торговлею Ташкента и сдѣлать нѣсколько покупокъ мѣстныхъ произведеній. Кто видѣлъ хотя одну улицу средне-азіатскаго города или даже большаго средне-азіятскаго кишлака, тотъ уже знаетъ и всѣ города Туркестана. Тѣ же безконечныя глиняныя ограды въ узкихъ и глубокихъ улочкахъ, тѣ же прилѣпленныя къ глинянымъ домикамъ рѣзныя, подчасъ раскрашенныя, галлерейки, тѣ же рѣдкія рѣшотчатыя окошечки на разной высотѣ, массивныя ворота подъ широкими навѣсами, калиточки съ узенькими корридорчиками. Мечети на улицахъ Ташкента встрѣчаются на каждомъ шагу; Садыкъ увѣрялъ, будто ихъ цѣлыхъ триста, хотя, кажется, это такая же легендарная цифра, какъ и пресловутые сорокъ-сороковъ московскихъ церквей. Но здѣшнія мечети на видъ очень не важны: большею частью безъ куполовъ, безъ минаретовъ, просто четырехъ-угольные дома, нѣсколько больше другихъ, увѣнчанные чуть примѣтнымъ полумѣсяцемъ, съ широкою крытою террасою, въ глубинѣ которой входъ въ молельню. Широкополыя крыши этихъ террасъ обыкновенно опи-

раются на рядъ колонокъ арабскаго стиля и бываютъ расписаны съ исподу, такъ же, какъ сами колонки и передняя стѣна мечети, яркими красками характернаго восточнаго узора. Внутри мечетей поразительно пусто и непріятно. Ничего похожаго на роскошную обстановку каирскихъ или стамбульскихъ мечетей. Передъ мирабомъ нѣтъ ни обычныхъ громадныхъ подсвѣчниковъ, ни висящихъ страусовыхъ яицъ, нигдѣ не видно богато изукрашенныхъ столиковъ для Корана и высокихъ рѣзныхъ каѳедръ. Вмѣсто нихъ жалкое маленькое возвышеніе изъ кирпича, всего въ двѣ ступеньки; все просто и бѣдно до крайности.

Улицы азіатскаго Ташкента мощены далеко не всѣ, но мостовыя поливаются каждый день изъ арыковъ, протекающихъ по сторонамъ. Въ послѣднее время ихъ заставляютъ обсаживать деревьями, хотя и безъ деревьевъ негдѣ повернуться въ этихъ узкихъ душныхъ корридорахъ. Голые сарты дымчато-бронзоваго цвѣта, чуть только препоясанные платочкомъ по чресламъ своимъ, словно какіе-нибудь дикари Полинезіи, черпаютъ ведерками воду арыковъ и расплескиваютъ ее по камнямъ. Такимъ же откровеннымъ нагишомъ поливаютъ они и улицы русскаго Ташкента. Встрѣтиться, сидя на извозчикѣ, въ азіятской улицѣ съ арбою — исторія не особенно пріятная. Добрыхъ полчаса пройдетъ на крики, споры, ругательства, продвиганіе и отодвиганіе. Всякій прохожій охотно старается принять дѣятельное участіе въ растаскиваньи сцѣпившихся повозокъ. Арба влѣзаетъ своими громоздкими колесами чуть не въ окна сосѣднихъ домишекъ, прижатая вплотную къ стѣнамъ ихъ, и тогда только извозчикъ съ трудомъ можетъ протиснуться впередъ между нею и какимъ-нибудь глинянымъ дуваломъ, и то почти всегда зацѣпляясь за концы ея осей своими осями, коверкая и себя и ее, вынуждая еще разъ осаживать назадъ свою лошадь, и еще разъ пытаться благополучно проѣхать мимо, не зацѣпившись за широкій ходъ арбы.

Гостиный дворъ, или по здѣшнему — базаръ, потерялъ при

дневномъ свѣтѣ свой поэтическій колоритъ. Онъ весь деревянный и покрытъ *барданками*, — циновками, сплетенными изъ камыша. Подъ тѣнью его — отрадная прохлада среди знойнаго дня. Если вымѣрить всѣ продольные и поперечные проходы его, право, наберется верстъ десять. Лавченки все крошечныя, какъ водится на востокѣ, товаръ каждой изъ нихъ умѣстится въ хорошемъ нижегородскомъ сундукѣ. Но зато лавченкамъ — числа нѣтъ. Кажется, каждый изъ числа ста тысячъ туземныхъ жителей Ташкента — торговецъ чѣмъ-нибудь. Лавченки тянутся по сорту товаровъ, какъ и у насъ въ Гостиномъ ряду Москвы или Питера: рядъ сѣдельный, рядъ шелковыхъ, рядъ бумажныхъ товаровъ, рядъ обжорный, рядъ ковровый и проч. Раздѣляются также ряды и по національностямъ: персидскій, бухарскій рядъ и т. п.

Здѣшнія знаменитыя шелковыя матеріи никуда негодны, сравнительно съ нашими русскими: узенькія до невозможности, чаще всего шесть вершковъ, легкія, утлыя, мнутся и носятся очень быстро; смѣшнѣе всего, что эти шелки не мѣстныхъ узоровъ и красокъ, а исключительно скромныхъ русскихъ цвѣтовъ и обычнаго русскаго рисунка: полосатенькіе, клѣтчатые и пр. Они приготовляются исключительно для русскаго покупателя, потому что сартъ совсѣмъ ихъ не покупаетъ. Наоборотъ, московскіе ситцы, которые въ огромномъ множествѣ раскупаются здѣсь сартами и киргизами — всѣ почти яркихъ цвѣтовъ и затѣйливаго узора во вкусѣ азіатовъ. Такимъ образомъ, Москва и Азія обмѣнялись ролями. Серебряныя издѣлія, которыми славится Туркестанъ, хороши только издали. Рисунокъ ихъ дѣйствительно красивъ и своеобразенъ, особенно подвѣски, головные уборы, ожерелья и другія украшенія сартскихъ женщинъ, сложностью своею иногда напоминающія цѣлую конскую узду. Но возьмите въ руки эти затѣйливыя побрякушки, сверкающія мелкою бирюзою и рубинчиками, — и вы сразу увидите, что все это въ высшей степени легковѣсно и аляповато, сдѣлано на минуту, кое-какъ, ломается и сыплется при первомъ прикосно-

веній руки вашей. Вообще — Азія и азіятскій ручной трудъ до такой степени во всемъ отстали отъ Европы и ея могучей, съ каждымъ днемъ совершенствующейся фабрикаціи, — что только по старому суевѣрію можно еще дорожить, какъ дорожатъ обыкновенно всѣ путешественники, первобытными товарами и первобытнымъ мастерствомъ азіатовъ.

IX.

Русскій Ташкентъ и его общественныя учрежденія.

Намъ хотѣлось познакомиться не только съ своеобразнымъ бытомъ и своеобразнымъ устройствомъ нашей средне-азіатской столицы, но и съ ея дѣятелями всякаго рода.

По счастью, намъ это въ значительной мѣрѣ и удалось, такъ какъ пришлось мало-по-малу столкнуться съ представителями самыхъ разнообразныхъ профессій: и съ крупными администраторами, и съ полицейскими чиновниками, и съ выдающимися дѣятелями по судебной части, и съ военно-ученымъ элементомъ, и просто съ военными, съ педагогами, техниками, торговымъ людомъ и даже съ нѣкоторыми изъ интересныхъ туземцевъ.

Признаюсь, здѣшняя интеллигенція поразила меня очень пріятно. Я не безъ удивленія и, конечно, съ большимъ удовольствіемъ убѣждался, какой счастливый подборъ людей выпалъ на долю этой далекой окраины. Мнѣ пришлось встрѣтить здѣсь столько знающихъ, развитыхъ, дѣятельныхъ и вполнѣ порядочныхъ людей, сколько дай Богъ встрѣтить въ любомъ крупномъ городѣ внутренней Россіи. Осмѣянный когда-то нашимъ талантливымъ сатирикомъ типъ разухабистыхъ «ташкентцевъ»—сталъ уже совсѣмъ неприложимъ къ теперешнимъ скромнымъ, добросовѣстнымъ и просвѣщеннымъ мѣстнымъ дѣятелямъ, которые сдѣлали бы честь всякому краю.

Конечно, все это бо̀льшею частью продукты не мѣстной, а нашей же русской жизни, явившіеся сюда изъ той же Москвы,

Питера или Одессы, но все-таки многіе изъ нихъ работаютъ здѣсь уже довольно долго, и однако нельзя сказать, чтобы на нихъ легъ подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій какой-нибудь несимпатичный отпечатокъ. Напротивъ того, Туркестанъ невольно сообщаетъ русскому интеллигентному дѣятелю какъ будто больше простоты и близости къ жизненной правдѣ, отучаетъ его хоть немножко отъ въѣвшейся въ него канцелярщины, въ конецъ губящей насъ на нашей коренной родинѣ.

Мы изрядно-таки исколесили не только сартскій, но и русскій Ташкентъ, осматривая въ немъ все насъ интересовавшее. Извозчики тутъ въ прекрасныхъ парныхъ колясках на очень бойкихъ лошадяхъ и несутъ васъ съ быстротою, невѣдомою нашимъ россійскимъ губернскимъ городамъ. Мостовыя въ образцовомъ порядкѣ, — вездѣ почти шоссе, пыли никакой — все съ ранняго утра подметено и полито. Полицейскіе въ русскомъ городѣ большею частью сарты, одѣтые въ свои бѣлые кителя съ бляхами. Они преважно дѣлаютъ подъ козырекъ ежеминутно проѣзжающимъ военнымъ, воображая себя подлинными солдатами. Впрочемъ многіе, я видѣлъ, прилагаютъ взамѣнъ этого, по восточному обычаю, руку къ сердцу, прикрытому жестяной бляхой. Это, конечно, очень чувствительно, но съ непривычки какъ-то смѣшно со стороны бутыря, руки котораго самою природою устроены хватать людей за шиворотъ, а не выражать растроганность чувствъ.

Обхватъ русскаго Ташкента громадный. Не сочтешь его широкихъ прямыхъ, длинныхъ улицъ, обращенныхъ въ живописныя зеленыя аллеи, съ геометрическою правильностью перекрещивающихъ другъ друга. Нѣкоторые главные проспекты тянутся по нѣскольку верстъ. Ширина ихъ напоминаетъ уже не улицу, а наши старинныя большія дороги, въ которыхъ поперекъ была цѣлая десятина. Одни тротуары будутъ шириною съ иной московскій переулокъ какого-нибудь Сивцова Вражка или Вшивой Горки. Съ обѣихъ сторонъ они обсажены въ два, въ четыре,

даже въ три ряда тѣснымъ строемъ высокихъ деревьевъ. Эти безконечныя шеренги древнихъ великановъ идутъ во всѣ стороны, куда только глазъ хватаетъ, словно строющіеся полки на какихъ-нибудь грандіозныхъ военныхъ маневрахъ... Рѣдко что можетъ быть красивѣе этихъ теряющихся вдали перспективъ, всюду утѣшающихъ глазъ.

Улицы оживлены, несмотря на лѣтнюю жару, народа вездѣ пропасть, и на первомъ планѣ, конечно, взадъ и впередъ снующіе молодцоватые солдатики наши, въ своихъ щеголеватыхъ бѣлыхъ рубахахъ и малиновыхъ штанахъ. Народъ все рослый и здоровый, смотритъ весело; набираются они почти исключительно въ Заволжскихъ губерніяхъ, изъ Оренбуржцевъ, Пермяковъ и пр., гдѣ еще русское крестьянство сохранилось во всей неиспорченности.

Ярко-пестрые чалмы и халаты сартовъ и верблюды степныхъ киргизовъ еще больше разнообразятъ безъ того уже оживленный пейзажъ этихъ улицъ. Дома всѣ въ одинъ этажъ, въ два—это великая рѣдкость; зато каждый маленькій домикъ тонетъ въ большомъ саду. Оттого на улицу выходятъ больше ворота и ограды, чѣмъ дома. Главная улица Ташкента — Соборная; она идетъ отъ генералъ-губернаторскаго дома, мимо плаца обоихъ военныхъ соборовъ, стараго и новаго, и мимо хорошенькаго, небольшого дворца Великаго Князя Николая Константиновича, который ведетъ здѣсь жизнь совершенно частнаго человѣка, не имѣя никакихъ отношеній къ офиціальному міру. Дальше улица эта пересѣкаетъ на двое густой садъ Константиновской площади, названной такъ въ честь покойнаго Константина Петровича Кауфмана, главнаго создателя Ташкента. Въ серединѣ сада предположено поставить ему памятникъ. Константиновская площадь—одинъ изъ важнѣйшихъ центровъ Ташкента и одно изъ самыхъ красивыхъ мѣстъ его. Тутъ два большихъ каменныхъ корпуса мужской и женской гимназій, тутъ учительская семинарія, тутъ садъ Общества Садоводства, послужившій мѣстомъ замѣчательной Туркестанской выставки 1890 года, вмѣстѣ съ

бывшею площадью клевернаго базара, обращеннаго, трудами мѣстнаго любителя садоводства Касьянова въ тотъ самый тѣнистый Константиновскій скверъ, которымъ мы теперь любуемся. Это чудесное превращеніе въ теченіе какихъ-нибудь двухъ лѣтъ пыльной площади въ зеленый паркъ, эта смѣлая пересадка совершенно взрослыхъ деревьевъ—даетъ наглядное понятіе о могучей силѣ здѣшней растительности, если за нее берется рука опытнаго и энергическаго садовода.

Садъ выставки стóитъ смотрѣть. Очень затѣйливыя и красивыя ворота въ русскомъ стилѣ ведутъ въ него. За воротами прудокъ съ островомъ. Внутри садъ полонъ опустѣвшихъ павильоновъ, галлерей и всякихъ другихъ помѣщеній недавней выставки; многія изъ нихъ замѣчательнаго вкуса и изящества. Посрединѣ сада монументъ въ память покоренія Ташкента, отлитый безъ литейнаго завода, мѣстными артистами. Русскій солдатъ водружаетъ знамя на развалинахъ взятой съ боя крѣпости, вѣнчая своею типическою, молодецкою фигурой высокій пьедесталъ, на каждой сторонѣ котораго на четырехъ бронзовыхъ доскахъ написаны названія забранныхъ нами городовъ Туркестана и Закаспійскаго края и годы покоренія ихъ. У ногъ памятника пирамида хивинскихъ, бухарскихъ и коканскихъ пушекъ, какъ подобаетъ боевому монументу. Въ этомъ же саду помѣщается солнечно-огневая плодосушильня, интересное изобрѣтеніе Введенскаго, которую мы подробно осмотрѣли.

Въ ясный, солнечный день печь эта нагрѣвается одними лучами солнца до 50 и 53 градусовъ; въ туманные же дни и ночами печь топится, какъ и всякая другая. Машина эта выставлена на дворѣ огневой плодосушильни здѣшняго Общества садоводства, которая послужила очень полезнымъ толчкомъ для мѣстныхъ садовладѣльцевъ, привыкающихъ мало-по-малу къ правильной сушкѣ плодовъ. Нѣкоторые уже завели по примѣру Общества свои собственныя плодосушильни; другіе отдаютъ свои плоды на сушку Общества.

Хороши также безконечныя аллеи Саларскаго и Московскаго

проспектовъ. Они глядятъ такъ весело своими молодыми деревьями и своими красивыми домами.

На Московскомъ сосредоточено много казенныхъ учрежденій, военныхъ и гражданскихъ. Тутъ, между прочимъ, и прекрасный домъ военнаго собранія съ его залою въ два свѣта, единственною въ Ташкентѣ. Уже вездѣ здѣсь мѣста стали недоступно дороги вслѣдствіе постоянно усиливающагося наплыва жителей. Даже въ сартскомъ городѣ земля продается по нѣскольку рублей за сажень, а недавно еще можно было пріобрѣсти здѣсь усадьбы чуть не даромъ.

Первые счастливые пріобрѣтатели городскихъ мѣстъ, захватившіе по нѣскольку десятинъ, богатѣютъ теперь не на шутку. Хозяинъ дачи, гдѣ мы живемъ, купилъ ее немного лѣтъ тому назадъ за 200 рублей, а теперь ему предлагаютъ за нее 12.000 рублей, и онъ не думаетъ продавать, находя эту цѣну низкою. А это уже загородныя мѣста, гораздо болѣе дешевыя. Все предсказываетъ, что Ташкентъ въ самое короткое время обратится въ громаднѣйшій и богатѣйшій торговый центръ. Онъ растетъ не по днямъ, а по часамъ, и если осуществится предположенная желѣзная дорога отъ него до Самарканда — онъ двинется въ ростъ еще быстрѣе. Здѣсь еще можно пока съ великою выгодою, хотя, конечно, и не безъ великаго риска во многихъ случаяхъ, прилагать свою предпріимчивость, знаніе, энергію; здѣсь затраченный капиталъ можетъ еще приносить баснословные барыши. Первые предпріимчивые люди, рѣшившіеся завести здѣсь разныя отрасли промышленности, дотолѣ невѣдомыя Туркестану, какъ Ивановъ, Филатовъ, Первушинъ и др., сильно обогатились и стали вліятельными мѣстными воротилами.

Разнообразіе и смѣлость предпріятій Иванова возбуждаютъ искреннее удивленіе. Это какъ разъ тотъ человѣкъ, которые такъ нужны и такъ неоцѣненны въ новыхъ непочатыхъ краяхъ. Мѣткій глазъ на потребности населенія и на разнообразныя средства страны соединяются въ такихъ людяхъ съ удивительною

созидательною способностью и съ умѣньемъ поставить на практическую почву каждое задуманное дѣло.

Чего, чего не завелъ въ свое время Ивановъ въ полудикихъ равнинахъ Туркестана! Онъ чуть ли не первый развелъ здѣсь виноградники крупныхъ размѣровъ, пересадилъ сюда лучшія лозы Крыма, Кавказа и Европы и положилъ основу мѣстному винодѣлію; у него же обширныя хмелевыя плантаціи, винокуренный и пивоваренный заводы; въ гор. Чимкентъ работаетъ его химическій заводъ, кажется, пока единственный въ Средней Азіи, а въ гор. Ходжентѣ такой же единственный стеклянный заводъ. Въ Ауліэ-Ата онъ воспитываетъ прекрасныхъ заводскихъ лошадей, улучшая туземныя породы выписными жеребцами. У него и копи каменнаго угля, только-что начинающія разрабатываться, но обѣщающія впереди серьезную будущность, онъ одинъ изъ главныхъ учредителей Среднеазіатскаго Коммерческаго Банка, онъ и содержатель почтоваго тракта изъ Ташкента въ Оренбургъ, больше чѣмъ на тысячу верстъ. Торговыя и промышленныя предпріятія Иванова охватываютъ собою не только Сыръ-Дарьинскую, Самаркандскую и Ферганскую области, но еще и Семирѣченскую. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Ивановъ выстроилъ въ гор. Чимкентѣ заводъ для приготовленія изъ цытварнаго сѣмени дорогого химическаго продукта сантонина. вывозившагося въ Европу.

Заводъ этотъ, единственный въ Россіи, сулилъ своему основателю громадные барыши, а между тѣмъ неожиданно подорвалъ его. На него было затрачено болѣе 300.000 р. выстроенъ былъ цѣлый дворецъ, въ предвкушеніи будущихъ доходовъ; и вдругъ Гамбургъ надулъ и пересталъ покупать сантонинъ. Какъ нарочно, сейчасъ же послѣ устройства завода, нѣмцы изобрѣли способъ приготовлять сантонинъ не изъ рѣдко растущаго цытварнаго сѣмени, на которое былъ разсчитанъ заводъ, а изъ какихъ-то дешевыхъ минеральныхъ солей, которыя можно достать въ любомъ мѣстѣ. Теперь нѣсколько тысячъ пудовъ этого до-

рогого товара, стоившаго по 50 р. за пудъ, лежать безъ движенія на коммиссіи въ Гамбургѣ.

За винодѣліе Ивановъ получаетъ до сихъ поръ субсидію отъ правительства, которое вообще было всегда внимательно къ его несомнѣннымъ заслугамъ въ развитіи мѣстныхъ промысловъ и поддержало его въ критическія для него минуты.

Такихъ людей необходимо поддерживать, не только ради нихъ самихъ, но и ради благоденствія края. Кажется, нѣтъ ни одного дома въ Ташкентѣ, и даже Самаркандѣ, русскаго или сартскаго, который бы не служилъ въ рукахъ Иванова, конечно, за достаточно крупные проценты, залогомъ по какому-нибудь предпріятію его... Поэтому съ паденіемъ его рухнуло бы разомъ множество другихъ людей, тѣсно связавшихъ съ его интересами свои собственные.

Банкротство Иванова, можно сказать, сдѣлалось бы банкротствомъ цѣлаго края, стало быть, своего рода общественнымъ бѣдствіемъ. Но Ивановъ, конечно, не одинъ: маленькій канцелярскій чиновникъ Петровъ, начавъ съ пустяковъ, разрабатываетъ теперь нефтяныя, каменноугольныя и сѣрныя копи въ горахъ Наманганскаго уѣзда и сдѣлался теперь владѣтелемъ весьма доходной спичечной фабрики въ гор. Ташкентѣ. Купецъ Филатовъ, кромѣ огромнаго образцоваго винодѣлія, сосредоточеннаго главнымъ образомъ въ Самаркандѣ, разводитъ множество табаку, куритъ спиртъ, наполняетъ своими разнородными магазинами почти всѣ города и городки Сыръ-Дарьинской и Ферганской областей.

Первушинъ явился въ Ташкентъ ранѣе другихъ, вмѣстѣ съ извѣстнымъ Хлудовымъ, сейчасъ послѣ покоренія Ташкента, и одинъ изъ первыхъ сталъ серьезно заниматься шелководствомъ, виноградомъ и табакомъ. Его Ташкентскія табачныя плантаціи на Саларѣ считаются образцовыми.

И что утѣшительно, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣсколько удивительно, иностранцевъ здѣсь почти вовсе нѣтъ, цивилизаторами края являются пока одни кровные русскіе. Сарты хотя тоже

торгуютъ сильно, заводятъ фабрики и заводы, наживаютъ даже милліоны, но все это продѣлываютъ по слѣдамъ русскихъ, какъ ихъ рабскіе подражатели, очень удобно избавляя себя отъ риска и неудачныхъ опытовъ, неизбѣжно сопряженныхъ съ первымъ привитіемъ новыхъ отраслей промышленности, и очень ловко собирая вѣрные барыши съ надежно обезпеченныхъ предпріятій путемъ оплаченнаго другими опыта.

Въ Ташкентѣ строится замѣчательно роскошное образцовое заведеніе для психическихъ больныхъ, подобныхъ которому мало найдется у насъ въ Россіи; въ Ташкентѣ отличная публичная библіотека, обладающая ни съ чѣмъ несравнимымъ систематическимъ собраніемъ мѣстныхъ изслѣдованій и всякаго рода статей о Туркестанѣ, въ баснословномъ количествѣ томовъ (цѣлыхъ 410!), составленныхъ извѣстнымъ библіографомъ Межевымъ, послѣ усидчиваго десятилѣтняго труда, съ такою полнотой, что ни одинъ газетный фельетонъ, чѣмъ-нибудь касающійся Туркестана, не пропущенъ въ немъ. Въ Ташкентѣ есть и музей мѣстныхъ произведеній и достопримѣчательностей хотя только еще зарождающійся.

Одно непостижимо, — въ Ташкентѣ нѣтъ *ни одной книжной лавки,* и къ стыду его, можно признаться, что немногія книжки, которыя можно здѣсь достать, приходится покупать въ разныхъ галантерейныхъ, табачныхъ и бакалейныхъ магазинахъ, какъ какой-то третьестепенный мимоходный товаръ, не стоющій серьезной торговли.

Насъ интересовало ближе познакомиться съ положеніемъ народнаго образованія въ Ташкентѣ, и мы посѣтили для этого нѣсколько учебныхъ заведеній русскихъ и туземныхъ.

Въ гимназіи, впрочемъ, уроки уже были окончены и шли экзамены. Директоръ гимназіи г. Остроумовъ, человѣкъ практически подготовившій себя къ просвѣтительной дѣятельности въ этомъ инородческомъ краѣ, познакомилъ меня въ общихъ чер-

тахъ съ весьма недлинною исторіей здѣшняго просвѣщенія. Онъ былъ посланъ сначала инспекторомъ школъ Сыръ-Дарьинской области, къ которой въ учебномъ отношеніи принадлежала тогда и вся Семирѣчинская область съ г. Вѣрнымъ. Но школы, однако, онъ не нашелъ ни одной. То, что̀ называлось громкимъ именемъ школы въ Казалинскѣ, въ Перовскѣ,—было Богъ знаетъ что. Классъ помѣщался, напримѣръ, въ цейхгаузѣ, а унтеръ-офицеръ, смотритель цейхгауза, считался учителемъ. Только въ одномъ Чимкентѣ онъ нашелъ что-нибудь хотя немного похожее на школу. Пришлось все начинать вновь, заводить то, чего не было. «И вдругъ—неожиданный приказъ—ѣхать въ Ташкентъ и непремѣнно открыть къ 30 августу учительскую семинарію!» разсказывалъ мнѣ свои былыя треволненія г. Остроумовъ.

«Гдѣ взять учениковъ, учителей? Бросился я въ Вѣрный къ генералу Колпаковскому; тотъ далъ приказъ станичнымъ атаманамъ набрать сколько можно было грамотныхъ казачатъ, и вотъ я, нагрузивъ ими почтовыя тройки, явился со своею добычей въ Ташкентъ и открылъ семинарію къ 30 августа, какъ было приказано. Не успѣлъ я еще втянуться въ учительскую семинарію, какъ опять новое назначенье: переводятъ меня директоромъ въ гимназію; вотъ уже восемь лѣтъ, какъ я здѣсь директорствую. Въ свободное время занимаюсь учеными трудами, газету кромѣ того издаю, на сартскомъ и русскомъ языкѣ вмѣстѣ, но сарты мало интересуются ею, какъ и вообще всѣмъ, что имѣетъ отношеніе къ просвѣщенью, хотя газетка стоитъ въ годъ всего 3 рубля».

Я еще раньше познакомился съ интереснымъ трудомъ г. Остроумова, его книгою *Сарты* и нѣкоторыми его другими работами, помѣщенными въ мѣстныхъ изданіяхъ. Г. Остроумовъ занимался отчасти и археологіею Туркестана. Около Ташкента онъ раскопалъ до тридцати очень древнихъ могилъ еще до-магометанской эпохи, такъ какъ въ нихъ, между прочимъ, были отысканы кабаньи головы [1]). Изъ числа скелетовъ, кувшиновъ, горшковъ,

[1]) Теперь раскопкою туркестанскихъ кургановъ занимается спеціально г. Эварницкій.

откопанныхъ г. Остроумовымъ, мѣстный музей, по его словамъ, взялъ очень немного, считая эти находки мало интереснымъ хламомъ, а между тѣмъ, знаменитый европейскій ученый этнологъ Бастіанъ, недавно пріѣзжавшій въ Туркестанъ черезъ Сибирь, съ большою благодарностью повезъ въ Берлинъ многія изъ этихъ древнихъ находокъ.

Мы подробно осмотрѣли съ почтеннымъ директоромъ помѣщеніе гимназіи, просторное, свѣтлое, удовлетворяющее всѣмъ требованіямъ педагогики, съ роскошною актовою залой, съ изящною домовою церковью. Гимнастика введена уже довольно широко, музыка тоже вводится помаленьку. Огромный садъ съ арыками, съ русскими дубками, посаженными еще недавно, и уже порядочно большими, съ неизбѣжною киргизскою кибиткой вмѣсто бесѣдки,—охватываетъ гимназію сзади, между тѣмъ какъ предъ фасадомъ ея стелется густой Константиновскій паркъ, такъ что со всѣхъ сторонъ гимназія, такъ сказать, купается въ зелени и волнахъ чистаго воздуха, что нужно особенно цѣнить въ такомъ южномъ городѣ, какъ Ташкентъ.

Въ Ташкентской гимназіи уже 250 учениковъ, изъ которыхъ 35 живутъ пансіонерами. Я ихъ засталъ во время обѣда и особенное вниманіе обратилъ на туземцевъ. И сартовъ, и киргизовъ, къ сожалѣнію, всего только шесть человѣкъ.

Киргизы охотнѣе поступаютъ въ русскія учебныя заведенія, потому что болѣе довѣрчиво относятся ко всему русскому, да и мусульмане не Богъ знаетъ какіе строгіе. Но сартское духовенство ожесточенно, хотя и втихомолку отъ насъ, воюетъ съ тѣми изъ своихъ, кто рѣшается отдавать дѣтей въ русскія школы. Фанатики-муллы увѣрены, что этимъ путемъ мы мало-по-малу переманимъ всѣхъ сартовъ въ христіанство.

Двухъ киргизятъ я видѣлъ въ гимназическомъ пансіонѣ и бесѣдовалъ съ ними. Это здоровенные ребята, совсѣмъ, повидимому, не созданные для школьныхъ партъ и греческихъ спряженій. И, однако, одинъ въ шестомъ, а другой уже въ восьмомъ классѣ, и оба учатся отлично. Поступили они въ гимназію изъ

мѣстныхъ училищъ Казалинскаго и Перовскаго; говорятъ по-русски совсѣмъ хорошо. Еслибы серьезно приняться въ этомъ направленіи за всѣхъ вообще туземцевъ нашихъ, не долго бы они оставались намъ чужими по вкусамъ и взглядамъ. Школа— изумительный реформаторъ и способна быстро переродить какой угодно народъ, если только начнетъ вліять на него съ самаго дѣтства.

Въ этомъ отношеніи городскія трехклассныя школы уѣздныхъ городовъ Туркестана устроены довольно практично и отчасти достигаютъ цѣли, о которой я говорю. Въ нихъ дѣти пробываютъ не менѣе шести лѣтъ (въ каждомъ классѣ по два года), а такъ какъ при каждой школѣ устроенъ пансіонъ, то туземецъ бываетъ невольно поглощенъ русскимъ элементомъ и незамѣтно всасываетъ въ себя все русское Въ каждой такой школѣ учатся человѣкъ по пяти, по шести киргизовъ, преимущественно изъ «бѣлой кости», то-есть родовой киргизской аристократіи; надзиратели и руководители школою большею частью назначаются изъ знающихъ киргизскій языкъ, что также усиливаетъ вліяніе школьной жизни на туземцевъ. Всѣхъ русско-туземныхъ школъ считается теперь около тридцати. Кромѣ того и въ киргизскихъ селеніяхъ есть уже не мало школъ съ русскимъ языкомъ, подготовляющихъ киргиза къ дальнѣйшимъ ступенямъ обрусѣнья и цивилизаціи.

Дѣло это вообще пошло гораздо успѣшнее съ тѣхъ поръ, какъ въ Туркестанѣ учрежденъ особый главный инспекторъ по учебной части, а генералъ-губернатору присвоены права попечителя учебнаго округа. Прежде же Туркестанъ зависѣлъ и въ учебномъ отношеніи отъ оренбургскаго генералъ-губернатора, который, разумѣется, былъ безсиленъ успѣшно дѣйствовать изъ такой дали.

Женская гимназія—по внѣшности сколокъ съ мужской. Совершенно такой же домъ чрезъ улицу отъ нея, на такой же площади, окруженный такимъ же садомъ сзади и тѣмъ же паркомъ спереди.

Учительская семинарія тоже въ нѣсколькихъ шагахъ, съ другого фасу площади. Директоръ ея г. Миропіевъ сотрудничаетъ въ нѣкоторыхъ нашихъ журналахъ, между прочимъ помѣстилъ нѣсколько статей въ Запискахъ Географическаго Общества, а нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ интересную статью о «русской колонизаціи» въ *Сѣверномъ Вѣстникѣ.* Изъ другихъ дѣятелей семинаріи тоже есть люди съ почтенными именами, какъ, напримѣръ, г. Ашанинъ, ученый зоологъ, авторъ монографіи о «полужесткокрылыхъ насѣкомыхъ», дѣятельно помогавшій покойному Сѣверцову въ его изысканіяхъ по фаунѣ Туркестана.

Недавно покинулъ семинарію другой почтенный изслѣдователь края г. Наливкинъ, авторъ историческихъ книгъ о Туркестанѣ и знатокъ его языковъ. Онъ теперь получилъ назначеніе, болѣе подходящее къ его спеціальной подготовкѣ,—инспектора туземныхъ школъ.

Все это показываетъ, какими серьезными образовательными силами снабжена Ташкентская Учительская Семинарія, значеніе которой невозможно приравнивать къ учительскимъ семинаріямъ нашихъ внутреннихъ губерній.

Здѣсь ея призванье не только педагогическое, но и отчасти политическое, такъ какъ она подготовляетъ въ своихъ классахъ будущія духовныя связи мѣстнаго мусульманства съ Россіею. Каждый воспитанникъ семинаріи есть будущій учитель сельской школы, стало быть главный дѣятель по привитію туземцамъ русскаго образованія, русской гражданственности. Удачно подготовленный учитель—это своего рода маленькая духовно-завоеванная область въ обширныхъ предѣлахъ нашихъ внѣшнихъ завоеваній, еще совершенно чуждыхъ намъ по духу.

Среди 58 воспитанниковъ семинаріи—сартовъ только одинъ, киргизовъ девять. Это и немудрено, потому что въ семинарію поступаютъ только воспитанники городскихъ училищъ, а въ Ташкентскомъ городскомъ училищѣ *нѣтъ ни одного сарта!*

Это окончательно должно убѣждать насъ, что сарты принципіально и упорно уклоняются отъ русскаго образованія. Какъ

люди, гораздо болѣе развитые, чѣмъ киргизы, уже привыкшіе уважать образованіе въ формахъ, имъ привычныхъ, — они, конечно, могли бы гораздо вѣрнѣе киргиза оцѣнить несомнѣнныя практическія преимущества многосторонняго русскаго образованія надъ исключительно религіознымъ обученіемъ магометанской школы. Тѣмъ болѣе, что въ Ташкентской Учительской Семинаріи сверхъ всего другого обязательно изучаются языки сартовъ (то-есть татарскій) и таджиковъ (то есть персидскій).

И если тѣмъ не меньше, вопреки корыстнымъ инстинктамъ своей натуры, они все-таки не стремятся овладѣть этимъ важнымъ практическимъ орудіемъ, которое необыкновенно облегчило бы имъ конкурренцію съ людьми русскаго племени во всѣхъ отрасляхъ торговой, промышленной и даже служебной дѣятельности, то, конечно, причину этого надо видѣть исключительно въ ихъ религіозной нетерпимости, въ строгомъ запрещеніи мусульманскимъ духовенствомъ опаснаго для него смѣшенья въ одной и той же воспитательной средѣ мусульманина съ христіаниномъ.

Сартъ, къ несчастью, изстари имѣетъ свое собственное, хотя и жалкое, образованіе, свою собственную, хотя и скудную литературу, свою собственную систему, хотя и никуда негодныхъ, школъ. Онъ и держится за нихъ, какъ за знамя своей народности, своей религіи, своей исторіи,—и думаетъ, что отступить отъ нихъ, пройти чрезъ русскую школу, значитъ, ни больше, ни меньше, какъ измѣнить всему прошлому своему, всѣмъ завѣтамъ своихъ отцовъ.

Киргизъ же, дитя степей, дитя природы, почти не имѣетъ ни настоящей религіи, ни государственной исторіи, а тѣмъ менѣе какой-нибудь системы образованія. Поэтому онъ не чувствуетъ на своей душѣ тѣхъ нравственныхъ тормазовъ, которые крѣпко держатъ сарта въ привычкахъ его историческаго прошлаго, и легче поддается разсчетамъ настоящей минуты.

Ташкентская семинарія помѣщена очень удобно и съ простотою, необходимою для будущихъ народныхъ учителей, соединяетъ столь же необходимый просторъ и чистоту. Столовая и

спальни ея расположены въ отдѣльномъ зданіи, не заражая воздуха классовъ запахомъ кухни. Мастерскія для ремеслъ столярнаго съ токарнымъ, и переплетнаго — тоже отдѣльныя. Вся мебель для заведенія дѣлается и чинится воспитанниками. Кромѣ того, они исполняютъ городскіе заказы, и за свои издѣлія даже получили медаль на мѣстной выставкѣ. За чертою города у нихъ есть ферма съ фруктовымъ садомъ, гдѣ они работаютъ съ кетменемъ въ рукахъ, практически изучая основанія правильнаго садоводства, подъ руководствомъ опытнаго садовника. Вообще они постоянно въ какихъ-нибудь работахъ, рубятъ дрова, метутъ дворъ, очищаютъ арыки и т. п., пріучаясь находить отдыхъ въ смѣнѣ умственнаго труда трудомъ мускуловъ.

Воспитанники—все народъ рослый и ловкій, смотрятъ молодцевато, по-военному. Музыка и хоръ у нихъ свои, и мы съ удовольствіемъ прослушали маленькую музыкально-вокальную репетицію, которая была исполнена ради насъ. Киргизы и сарты музыканты далеко не важные и не могутъ похвастаться тонкостью слуха, но славянская талантливая раса съ удивительною быстротой овладѣваетъ и пѣніемъ, и музыкой, какъ бы, повидимому, поздно ни приходилось приниматься за нихъ. Успѣхомъ этимъ ташкентскіе семинаристы обязаны и своему отличному дирижеру чеху, г. Лейсеку, который управляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и окружнымъ военнымъ хоромъ. Г. Лейсеку пришла счастливая мысль положить на ноты любимые мотивы сартскихъ, татарскихъ и киргизскихъ пѣсенъ. Когда на прошлой выставкѣ хоръ его заигралъ въ публичномъ саду попурри изъ этихъ мѣстныхъ мелодій, восторгу туземцевъ не было предѣла. Татары сдѣлали автору чувствительную овацію и на обѣдѣ, устроенномъ въ его честь, поднесли ему совсѣмъ ужъ не по-татарски благодарственный адресъ.

Г. Лейсекъ подарилъ и мнѣ экземпляръ этихъ оригинальныхъ туркменскихъ мелодій, какъ Andenken о Ташкентѣ. Для практическихъ упражненій воспитанниковъ въ педагогикѣ при учительской семинаріи открыты два образцовыхъ начальныхъ учи-

лица, въ которыхъ старшіе воспитанники даютъ пробные уроки, подъ руководствомъ своихъ учителей.

Мнѣ хотѣлось познакомиться съ генераломъ Гродековымъ, военнымъ губернаторомъ Сыръ-Дарьинской области; еще передъ путешествіемъ своимъ я прочелъ его прекрасныя капитальныя сочиненія о завоеваніи Туркменіи и о Хивинскомъ походѣ, которыя много помогли мнѣ при знакомствѣ съ Закаспійскимъ краемъ. Кромѣ того, генералъ Гродековъ извѣстенъ своими интересными изслѣдованіями киргизскаго быта и близкимъ знакомствомъ съ вопросами экономическаго и юридическаго быта туземцевъ. Это администраторъ вполнѣ подготовленный къ многосложнымъ задачамъ мѣстнаго управленія, искренно заинтересованный ими и потому не перестающій изучать ихъ. Онъ старый туркестанецъ и соратникъ Скобелева по Ахалъ-Текинскому походу. Тѣмъ любопытнѣе мнѣ было познакомиться съ нимъ. Въ Тифлисѣ у брата своего я познакомился съ роднымъ братомъ Н. И. Гродекова — предсѣдателемъ тамошняго военно-окружного суда. Отъ него я имѣлъ письмо къ Н. И. Гродекову, но, къ сожалѣнію, въ первые дни моего пребыванія въ Ташкентѣ Н. И. объѣзжалъ отдаленныя степныя мѣстности Сыръ-Дарьинской области, и я могъ побывать у него только въ концѣ своего пребыванія здѣсь.

Дача военнаго губернатора помѣщается въ концѣ Садоваго проспекта, почти за́ городомъ, въ прекрасномъ тѣнистомъ паркѣ. Съ обширной террасы ея открывается роскошный видъ на окрестности. Терраса эта, устланная восточными коврами и уставленная восточными диванами, украшена и неизбѣжнымъ туркестанскимъ украшеньемъ—чучелами огромныхъ тигровъ. Но это не какіе-нибудь отвлеченные тигры, купленные для эффектной обстановки въ мѣховомъ магазинѣ. Нѣтъ, это тоже своего рода представители мѣстнаго населенія, туземцы и близкіе сосѣди Ташкента. Одного изъ нихъ русскія мужички-переселенцы убили въ селеньи Троицкомъ, верстахъ въ тридцати отъ Ташкента.

Недавно еще тигры водились около самаго Ташкента, такъ что жители боялись выходить по ночамъ изъ города. И теперь ихъ еще много въ плавняхъ Сыръ-Дарьи. Сарты называютъ ихъ *джулбарсъ* въ отличіе отъ другого, не менѣе страшнаго хищника, барса, который зовется у нихъ *капланъ*.

Мнѣ разсказывали, что недавно въ Чиназѣ была цѣлая битва съ тигромъ, который забрался въ домъ сарта, проломавъ его глиняную крышу. Рота солдатъ окружила домъ, но прежде чѣмъ успѣли убить безстрашнаго звѣря, онъ изломалъ какъ проволоку четыре ружья со штыками.

Въ дельтѣ Аму-Дарьи тигровъ еще больше, чѣмъ въ Сырѣ. Есть изъ нихъ огромные, до четырехъ аршинъ длины, такъ что онъ безъ труда уноситъ въ зубахъ молодую корову.

Среди нашего офицерства много храбрецовъ, которые охотятся на тигровъ. Правительство иногда само устраиваетъ эти охоты, чтобы избавить населеніе отъ опаснаго разбойника, гнѣздящагося гдѣ-нибудь по сосѣдству съ сартскимъ кишлакомъ или русскимъ поселкомъ и безжалостно истребляющаго ихъ скотину.

Н. И. Гродековъ особенно озабоченъ устройствомъ въ Сыръ-Дарьинской области русскихъ поселеній и привлеченьемъ сюда новыхъ переселенцевъ.

Въ этомъ дѣйствительно основной вопросъ нашей будущности въ Туркестанѣ. Только прочнымъ насажденіемъ здѣсь русской силы мы можемъ надѣяться прочно держать въ рукахъ своихъ этотъ мусульманскій край, населенный изстари враждебными намъ народами. Но задача эта очень трудна и запутана. По всегдашнему русскому великодушію, а отчасти и по всегдашней русской распущенности, мы не захотѣли воспользоваться правомъ завоевателя, чтобы на первыхъ же порахъ, подъ громъ оружія, забрать въ казну хорошую долю земель для будущаго устройства русскихъ поселенцевъ. Напротивъ того, мы предоставили кочевникамъ киргизамъ, — не говорю уже объ осѣдлыхъ сартахъ, — самый широкій просторъ предъявлять весьма сомнительныя права

свои на владѣніе громадными пространствами земли, которыя, за отсутствіемъ большею частью всякихъ письменныхъ документовъ, они могли доказывать только своими же собственными свидѣтельскими показаніями, много-много безграмотными «васихами», которыя обыкновенно фабриковались за нѣсколько грошей на базарахъ стараго Ташкента.

Такимъ образомъ очень скоро оказалось, что для русскаго народа въ безпредѣльныхъ пространствахъ края, завоеваннаго кровью его,—мѣста не находилось, а если находились кое-какіе клочки, то весьма мало соблазнительные и для поселеній мало удобные. Да и изъ-за нихъ приходилось вести безконечные судебные споры съ «историческими правами» туземцевъ. Поэтому нечего удивляться, что лѣтопись нашихъ первыхъ русскихъ поселеній въ Сыръ-Дарьинской области можно назвать лѣтописью безконечныхъ неудачъ, и ружно радоваться, что, благодаря разумнымъ взглядамъ и энергической настойчивости нѣкоторыхъ мѣстныхъ администраторовъ, въ числѣ которыхъ необходимо упомянуть и Н. И. Гродекова, — русскія поселенія въ этомъ краѣ успѣли дорости хотя до того состоянія, въ которомъ они теперь находятся. Главнымъ гнѣздомъ приливающей сюда русской народности служитъ Ауліэтинскій уѣздъ, смежный съ Семирѣченскою областью, которая обратилась теперь совсѣмъ въ русскую губернію, несмотря на сотни тысячъ своихъ Киргизовъ, и потому сильно облегчаетъ укорененіе русскаго переселенца въ сосѣднихъ съ нею мѣстностяхъ, служа ему какъ бы стратегическимъ базисомъ для экономической борьбы съ окружающимъ отовсюду мусульманствомъ.

Генералъ Колпаковскій, степной генералъ-губернаторъ, проявилъ удивительный талантъ колонизаціи и рядомъ здравыхъ практическихъ мѣръ, которыя больше придумывались имъ самимъ, чѣмъ диктовались далекою петербургскою канцеляріею, въ короткое время пересоздалъ киргизскую пустыню въ богатую и достаточно заселенную земледѣльческую страну. Туркестанъ смотритъ теперь на Семирѣчье почти какъ на коренную Россію,

получая изъ него въ обиліи всегда, когда нужно, русскій хлѣбъ, русскія издѣлія, русскаго рабочаго. Нужно прибавить въ объясненіе необыкновенно удачнаго устройства русскихъ поселеній въ Семирѣчьи, что генералъ Колпаковскій началъ дѣйствовать въ этомъ краѣ съ самыхъ ничтожныхъ должностей и постепенно прошелъ ихъ рѣшительно всѣ, отъ пристава и уѣзднаго начальника до губернатора и генералъ-губернатора, такъ что имѣлъ полную возможность, какъ говорится, по золотникамъ изучить свое дѣло, и уже не былъ вынужденъ дѣйствовать наобумъ, по внушеніямъ своей фантазіи, какъ это, къ сожалѣнію, нерѣдко бываетъ у насъ съ иными присылаемыми изъ Петербурга администраторами.

Семирѣченская область и городъ Вѣрный, теперь резиденція Туркестанской епископіи,—это безъ преувеличенія созданіе Колпаковскаго. А вѣдь они были завоеваны настоящимъ образомъ у коканцевъ всего въ 1860 году, послѣ пораженія на голову подполковникомъ Колпаковскимъ коканской арміи при Узунъ-Агачѣ.

Колпаковскій же главнымъ образомъ завладѣлъ и китайскою Кульджею, самою богатою изо всѣхъ окрестныхъ странъ, которая тоже очень охотно и быстро заселялась русскими поселенцами. Мѣстные жители считаютъ большою ошибкою возвращеніе Кульджи Китаю и увѣрены, что въ этомъ не представлялось никакой настоятельной надобности, такъ какъ жители Кульджи искренно предпочитали русскую власть китайской. Сравнительно съ цвѣтущею Кульджею какая-нибудь Семипалатинская область наша, почти сплошь заселеная киргизскими кочевниками, чистая пустыня, не имѣющая будущаго.

Мы осмотрѣли для образца ближайшій русскій поселокъ — село Никольское, въ семи верстахъ отъ Ташкента. Туда ведетъ покойное шоссе, обсаженное деревьями, замѣняющее улицу поселка. Вездѣ порядокъ, чистота, вездѣ журчатъ арыки, зеленѣютъ посадки. Но вмѣстѣ съ тѣмъ все смотритъ какъ-то по казенному. Заботы администраціи чувствуются на каждомъ шагу. Дома,

въ родѣ городскихъ, всѣ каменные, съ большими свѣтлыми окнами, съ двумя трубами, подъ соломенно-глиняными крышами. Около маленькіе садики, дворы обнесены высокими глиняными оградами, но на дворахъ этихъ не видно того домовитаго хозяйства, которымъ обыкновенно бываетъ переполненъ настоящій мужицкій дворъ на Руси. Въ поселкѣ до 300 дворовъ, но хозяева ихъ большею частью отставные солдаты и мѣщане, а подлинныхъ крестьянъ - земледѣльцевъ мало. Оттого - то Николаевскіе поселенцы безъ особой охоты занимаются землею; большинство ихъ зарабатываютъ деньги разными мастерствами да подгородными промыслами, сдавая свои земельные надѣлы внаймы сартамъ и киргизамъ. Все почти молоко и масло ташкентскихъ базаровъ доставляется Николаевскимъ поселкомъ. Впрочемъ, здѣшніе русскіе поселенцы уже хорошо освоились и съ полевыми работами, перенявъ у сартовъ и киргизъ необходимые пріемы орошенія и разработки земли, и сѣютъ не только обычные русскіе хлѣба, но и хлопчатникъ, и табакъ, и всякія мѣстныя растенія. Имъ запрещаются только посѣвы риса изъ опасенія заразить воздухъ болотными міазмами, хотя сосѣди Никольцевъ сарты кишлака Дюрменя постоянно заливаютъ Никольскія поля водами своихъ рисовыхъ плантацій.

Поселенцы получили на душу по $4^1/_2$ десятины земли, что очень достаточно при здѣшней многопольной системѣ хозяйства и огромныхъ урожаяхъ, обезпеченныхъ искусственною поливкою. А отставные солдаты получили на свои души даже по десяти десятинъ и могутъ жить припѣваючи. Они дѣйствительно и живутъ если не богато, то таровато; къ сожалѣнію, даже слишкомъ таровато; женщины, какъ и вездѣ, больше чѣмъ мужчины увлекаются подражаніемъ, ходятъ и живутъ совсѣмъ по-городски и не славятся особенною нравственностью. Въ праздники и здѣсь, какъ на святой Руси, можно видѣть почтеннаго домохозяина пьянымъ, какъ водка, валяющагося среди улицы въ какой-нибудь грязной лужѣ. Всегда трезвые сарты и киргизы, ѣдущіе на Ташкентскій базаръ, съ нескрываемымъ презрѣніемъ

объѣзжаютъ эти живые трупы своихъ просвѣтителей и побѣдителей.

Иныя семьи даже постоянно живутъ въ Ташкентѣ, воспитывая своихъ дѣтей, подобно горожанамъ, или въ учительской семинаріи, или въ какомъ-нибудь городскомъ училищѣ, дающемъ больше правъ, чѣмъ сельская школа.

Въ Николаевскомъ поселкѣ устроена на земскія суммы прекрасная школа съ усовершенствованною классною мебелью, правильною вентиляціею, правильнымъ и обильнымъ освѣщеніемъ, щедро снабженная учебными пособіями всякаго рода. 35 учениковъ школы—всѣ русскіе, и подъ руководствомъ своего учителя составляютъ отличный церковный хоръ. Храмъ здѣсь совсѣмъ еще новенькій, хорошенькій и веселый, какъ игрушечка. Его построилъ на свои средства купецъ Ивановъ, обычный щедрый благотворитель всѣхъ общеполезныхъ учрежденій Ташкента. Не только въ деревнѣ, въ самой Москвѣ всѣ любовались бы на этотъ изящный храмъ, выстроенный въ чисто-русскомъ стилѣ, съ множествомъ главокъ, шатровъ, кокошничковъ, точеныхъ кубышчатыхъ столбовъ съ пестрою росписью стѣнъ снаружи и внутри, съ богатою утварью, сверкающею новизною. Мы доставили себѣ удовольствіе влѣзть па колокольню и полюбоваться оттуда рѣдкимъ видомъ на окрестную мѣстность. Трудно найти что-нибудь подобное этому райскому уголку, утопающему въ сплошныхъ садахъ. Азіатскій Ташкентъ весь потонулъ въ нихъ. Это живая картина плодородія и обилія. Этому роскошному зеленому оазису, кишащему могучею растительностью, орошенному повсюду журчащими водами, — предстоитъ блестящая будущность, особенно когда исполнится затѣянное теперь грандіозное предпріятіе, и желѣзные рельсы соединятъ его съ одной стороны съ Самаркандомъ, Бухарою, Персіею, а съ другой—съ великимъ Сибирскимъ путемъ.

Было бы очень хорошо, еслибы хотя къ тому времени дѣло заселенія края русскимъ племенемъ подвинулось настолько, чтобы будущая желѣзная дорога и предстоящая жертва сотенъ рус-

скихъ милліоновъ не обратилась бы на исключительную пользу ловкаго сарта, для котораго, кажется, и теперь главнымъ образомъ служатъ всѣ наши здѣшнія усилія и траты. А чтобы подвинуть русское переселеніе—необходимо прежде всего покончить съ безконечно-тянущейся канцелярскою разработкою мѣстнаго земельнаго права,—и выработать наконецъ какія-нибудь ясныя и простыя основанія для русскаго поселенія, не особенно тревожа себя смутными «историческими правами» туземцевъ, очень часто прикрывающими самыя неосновательныя и вредныя для государства притязанія. Семирѣченская область можетъ служить въ этомъ случаѣ ободряющимъ примѣромъ: въ ней считалось въ 1890 г. русскихъ людей всякаго званія и пола 65.640 человѣкъ на 600.000 душъ туземцевъ, то-есть уже болѣе девяти процентовъ. А въ трехъ уѣздахъ Сыръ-Дарьинской области (Ташкентскомъ, Чимкентскомъ и Ауліэ-Атинскомъ) въ то же время считалось людей русскаго племени всего только 6.000 человѣкъ, кромѣ города Ташкента, на туземное населеніе въ 612.000.

Мѣстные знающіе люди разсчитали, что при ежегодномъ переселеніи въ Сыръ-Дарьинскую область изъ Европейской Россіи только 600 семействъ,—что было бы вовсе незатруднительно ни въ какомъ отношеніи,—для переселенцевъ этихъ возможно было бы оросить средствами казны потребное количество необитаемыхъ нынѣ земель, полагая по 20 десятинъ на семейство, и дать имъ необходимое пособіе на первоначальное устройство ихъ хозяйствъ,—не выходя изъ предѣловъ 100.000 рублей въ годъ; тогда бы черезъ двадцать лѣтъ русскій элементъ въ Сыръ-Дарьинской области достигъ бы той же густоты, какую онъ имѣетъ теперь въ Семирѣченской, и русское дѣло въ Средней Азіи можно бы было считать вполнѣ обезпеченнымъ.

Благодаря любезности генерала Гродекова, его чиновникъ особыхъ порученій капитанъ К. и помощникъ начальника города г. Л. познакомили насъ въ подробности со всѣмъ, что было

для насъ интереснаго какъ въ русскомъ, такъ и въ азіатскомъ Ташкентѣ.

Между прочимъ, мы посѣтили отлично-устроенную Ташкентскую тюрьму, которая могла бы устыдить господъ, подобныхъ мистеру Кэнану, такъ развязно сочиняющихъ оскорбительныя небылицы о русскомъ варварствѣ. Тюрьма помѣщается въ своего рода крѣпостной оградѣ. Внутри обширный зеленый дворъ, перерѣзанный аллеями тополей, съ большимъ яркимъ цвѣтникомъ посрединѣ; ничего, напоминающаго мѣсто заточенія и скорби. Мрачнаго тюремнаго зàмка съ нѣсколькими ярусами желѣзныхъ рѣшетокъ тоже нѣтъ. Одноярусные флигеля самаго мирнаго вида разбросаны въ разныхъ мѣстахъ, похожіе больше на какое-нибудь воспитательное заведеніе, чѣмъ на темницу.

Здѣсь принята система размѣщенія арестантовъ не въ огромныхъ общихъ залахъ, а по небольшимъ группамъ въ 4 и 5 человѣкъ, рѣдко въ 10 или 12. Жизнь въ такихъ отдѣльныхъ комнатахъ пріобрѣтаетъ болѣе мирный и даже нѣсколько семейный характеръ. Соединяются вмѣстѣ обыкновенно люди одной національности и, по возможности, одной и той же профессіи, чтобы они могли успѣшнѣе заниматься своимъ ремесломъ.

Вездѣ строгая чистота, каменные полы, постоянно омываемые водою. Койки поднимаются на день, такъ что на нихъ не сидятъ; у каждаго арестанта тюфякъ и подушки. Всякій занятъ цѣлый день: кто шьетъ башмаки или тюбетейки, кто столярничаетъ, кто ткетъ полотно, вяжетъ скатерти, мотаетъ нитки; часть арестантовъ постоянно занята въ саду и огородѣ, равняютъ дворъ, мостятъ улицы. Женщинъ въ тюрьмѣ очень мало. Племена тутъ всякія: и русскіе, и персы, и сарты, и киргизы. Русскихъ 42 человѣка изъ 240, процентъ довольно крупный, если принять во вниманіе сравнительную ничтожность русскаго населенія. Баня у арестантовъ очень просторная и въ большомъ порядкѣ: полъ асфальтовый, балки изъ негніющаго тутоваго дерева, а доски потолка изъ арчи, тоже трудно гніющей. Поэтому

не слышно обычнаго во всѣхъ баняхъ запаха прѣлаго дерева и сырыхъ половъ.

Въ цейхгаузѣ заготовлено въ изобиліи всякое бѣлье и необходимыя одежды. Насъ особенно заинтересовали туземные шаровары изъ козьей замши, расшитые очень красиво разноцвѣтными нитками и стоющіе совсѣмъ съ работою баснословно дешево: 1 р. 40 к. за пару. Подробный обзоръ тюрьмы вообще произвелъ на насъ съ женою самое отрадное впечатлѣніе. Мы ходили по ней, совсѣмъ забывъ, что ходимъ по тюрьмѣ среди преступниковъ. Это скорѣе рабочій домъ, устроенный для ихъ исправленія. Не мудрено, что при такомъ человѣчномъ отношеніи къ арестанту, при такомъ обращеніи тюрьмы въ школу мирнаго и полезнаго труда, нравы Ташкентскаго острога, несмотря на азіатскихъ варваровъ, его населяющихъ, мало походятъ на обычные нравы нашихъ русскихъ острожниковъ, и въ немъ почти не случается ни убійствъ, ни бунтовъ, ни кровавыхъ побоищъ. Этимъ утѣшительнымъ характеромъ своимъ Ташкентская тюрьма обязана больше всего своему главному руководителю—генералу Гродекову, который не перестаетъ дѣятельно заботиться объ ея дальнѣйшемъ развитіи по избранному имъ разумному пути...

X.

У Сартовъ.

Мы въѣхали въ Сартскій Ташкентъ съ трескомъ и громомъ. Недаромъ насъ провожало мѣстное начальство. Гремятъ немилосердно колеса нашихъ экипажей, стучатъ и звенятъ впереди и позади этихъ экипажей подковы скачущихъ кругомъ всадниковъ. По азіатскому обычаю,—въ которомъ, впрочемъ, гораздо больше смысла, чѣмъ это кажется издали, — начальство не можетъ появляться среди народа иначе, какъ провожаемое толпою вооруженныхъ всадниковъ. Такъ дѣлается на Кавказѣ, въ Егип-

тѣ, въ Палестинѣ, въ Туркменіи, въ Бухарѣ, вездѣ на Востокѣ, гдѣ мнѣ пришлось побывать. И тутъ точно такъ же провожаютъ насъ,—или, вѣрнѣе, своихъ начальниковъ, намъ сопутствующихъ,—два молодца юсъ-баши въ ярко-красныхъ турецкихъ поясахъ, изукрашенныхъ серебромъ, и съ ними нѣсколько простыхъ джигитовъ. Признаюсь, я всегда съ благодарностью поминаю этотъ умный восточный обычай, безъ котораго нашему брату, скромному европейскому туристу, далеко не одинъ разъ пришлось бы плохо среди этой галдящей и толкающейся азіатчины. Юсъ-баши — это своего рода полицейскіе квартальные. Сартскій городъ раздѣляется на четыре квартала, и каждымъ изъ нихъ завѣдуетъ юсъ-баши. У каждаго юсъ-баши въ распоряженіи двадцать джигитовъ. Вотъ и вся сила; обязанная возстановлять порядокъ и охранять законъ среди стотысячнаго полуварварскаго населенія. Немного, — если сравнить съ милліонными смѣтами и многотысячнымъ персоналомъ какой-нибудь петербургской или парижской полиціи, имѣющей къ тому же дѣло съ цивилизованнымъ населеніемъ.

Въ страхѣ и тревогѣ бросались, при видѣ скачущихъ джигитовъ,—кто назадъ, кто въ сторону, въ открытыя ворота дворовъ, въ узкіе проулочки, — ѣхавшіе намъ навстрѣчу туземцы, колотя палками неповоротливыхъ верблюдовъ, заворачивая за рога непослушныхъ быковъ.

Мы въѣзжали въ самое жерло ташкентской торговли и ташкентскаго многолюдства.

— Скажите, пожалуйста, развѣ тутъ пьютъ воду изъ арыковъ? Вѣдь это нажить вѣрную болѣзнь?—спросилъ я одного изъ своихъ спутниковъ, съ удивленіемъ глядя, какъ разгоряченные работою полуголые сарты припадали прямо губами къ грязнымъ уличнымъ канавкамъ.

— Да, вотъ, что вы подѣлаете съ ними? Дума колодцы имъ вырыла въ разныхъ мѣстахъ, по всему азіатскому городу, а они не пьютъ изъ колодцевъ, только развѣ зимою. Увѣряютъ, что въ арыкахъ вода здоровѣе,—отвѣтилъ мнѣ мой спутникъ.—

И вѣдь странное дѣло, химикъ тутъ одинъ, Тейхъ, разлагалъ арычную воду, такъ нашелъ будто бы, что въ ней гораздо менѣе вредныхъ примѣсей, чѣмъ въ водѣ петербургскаго водопровода... Стало-быть, ужъ не такъ она вредна, вода эта. Вотъ въ «хаузахъ»,—то-есть въ прудкахъ ихнихъ, что около мечети мы сейчасъ видѣли,—другое дѣло: тамъ вода стоячая и кишмя кишитъ всякою нечистью... Отъ той сейчасъ «решта» заведется или лихорадка нападетъ...

— Вы упомянули думу; неужели-жъ и у сартовъ уже заведены русскіе порядки?

— Видите ли, дума собственно въ русскомъ Ташкентѣ, но она завѣдуетъ всѣмъ городомъ вообще, и азіатскимъ, и нашимъ; 48 гласныхъ русскихъ выбирается, а 24 сартовъ.

— Азіатамъ, стало быть, накладно выходитъ?

— Какъ вамъ сказать? Дѣйствительно, всѣ расходы благоустройства въ русскомъ городѣ падаютъ и на сартовъ; они пока молчатъ, терпятъ, но со временемъ все могутъ иначе повернуть. Въ сущности, они въ думѣ сильнѣе русскихъ, потому что каждый разъ всѣ ихъ 24 гласныхъ на лицо, а русскихъ изъ полсотни, обыкновенно 12, 15 человѣкъ собираются. Вотъ азіаты и поворачиваютъ всѣ дѣла по своему.

— Значитъ, имъ выборное начало больше пришлось по вкусу, чѣмъ намъ, русскимъ?

— Ну нѣтъ, не скажу. По моему это одинъ вредъ для нихъ. Они никогда никакихъ выборовъ не знали и совсѣмъ къ этому не привыкли. У нихъ всѣхъ начальниковъ бекъ назначалъ. Его и боялись всѣ, и народъ, и судьи. Каждый могъ жаловаться беку и даже эмиру самому. Тѣ шутить не любили,—того и гляди голову долой! За воровство простое, если въ третій разъ укралъ, и то смертью казнили. А теперь, разумѣется, всѣ распустились, страха никакого нѣтъ. Отдали ихъ на произволъ казіямъ. Казій судитъ, а жалуются на него въ съѣздъ опять тѣхъ же казіевъ. Ихъ тутъ четыре въ Ташкентѣ, въ каждомъ кварталѣ по одному. Разумѣется, рука руку моетъ, поддерживаютъ другъ друга. И

потомъ никакихъ законовъ нѣтъ, такъ себѣ выдумываетъ каждый судья, что хочетъ. Сарты судятся по шаріату, киргизы по адатамъ своимъ, а какіе такіе у нихъ адаты, — никто этого не знаетъ, и справиться негдѣ.

Мы посѣтили прежде всего большую мечеть, построенную на счетъ покойнаго Императора Александра II. Онъ далъ на нее 20.000 тиллъ изъ числа денегъ, поднесенныхъ ему бухарскимъ эмиромъ. Остальныя деньги также были розданы бухарцамъ всѣ до послѣдней копѣйки. Русскій царь показалъ царьку-халатнику, что у него достаточно на все своихъ русскихъ денегъ и безъ его бухарской дани. Мечеть обширная, минареты высокіе, но все въ ней казенно, холодно, безвкусно. Она выстроена на мѣстѣ развалившейся старой мечети, но, повидимому, не привлекаетъ къ себѣ особой ревности мусульманскихъ поклонниковъ, можетъ-быть, потому, что все-таки она даръ «гяуровъ» и «кефировъ»... Мы забрались какъ разъ на тотъ балкончикъ, откуда азанчи кричитъ на всѣ четыре стороны свѣта свой заунывный азанъ.

Видъ съ этой высоты единственный въ своемъ родѣ; ни откуда нельзя лучше познакомиться съ общею панорамою сартскаго Ташкента и изучить его планъ, такъ сказать, съ птичьяго полета.

Городъ съ своими предмѣстьями занимаетъ громадную площадь въ 176 квадратныхъ верстъ. Глиняная стѣна, еще окружающая его, а недавно даже его защищавшая,—тянется на цѣлыхъ одиннадцать верстъ. По краямъ города сплошные сады, но это все еще жилища его, его улицы. Крытые базары перерѣзаютъ городъ нѣсколькими параллельными и пересѣкающимися руслами чуть не изъ конца въ конецъ. Сверху эти безконечные прямые корридоры кажутся особенно оригинальными. Мечети торчатъ на каждомъ шагу. По словамъ нашихъ спутниковъ, ихъ насчитывается тутъ до 200, не считая 21 медрессе. Всякихъ медрессе (или мадраса, какъ здѣсь говорятъ) мы ужъ

насмотрѣлись достаточно, а потому предпочли посѣтить чуть зарождающуюся русско-туземную школу. Захватили мы, однако, урокъ мусульманскій, а не русскій: лобатые и глазатые мальчишки въ тюбетейкахъ сидѣли на колѣнахъ на полу комнаты и отчаянно орали, раскачиваясь взадъ и впередъ всѣмъ тѣломъ; кто держалъ деревянную дощечку, или, *„ляхвъ“*, съ написанными на ней арабскими буквами, кто замасляннную книжку. Мулла-учитель спокойно глядѣлъ на нихъ, сидя противъ нихъ на полу, зажавъ въ здоровенномъ кулакѣ маленькую палочку, которою онъ поддерживалъ прилежанье своихъ учениковъ,—и ровно ничѣмъ не вмѣшивался въ ихъ ожесточенную и, очевидно, безсмысленную зубрежку.

Мусульманскіе школяры читаютъ коранъ на непонятномъ имъ арабскомъ языкѣ, который далеко не всегда доступенъ и самому многоученому мудерису ихъ; но древній обычай почитаетъ неприличнымъ говорить о предметахъ вѣры на какомъ-нибудь иномъ языкѣ, кромѣ того, «на которомъ говорятъ въ раю», по глубокому убѣжденію правовѣрныхъ. Одинъ языкъ,—одна и книга. Шаріятъ, по мнѣнію мусульманскихъ ученыхъ, наука всѣхъ наукъ и отвѣтъ на всѣ возможные вопросы человѣческой пытливости; поэтому безполезно терять время за другими книгами кромѣ «книги книгъ».

Сначала ученику дается въ руки такъ-называемый *хафтіякъ*, излагающій по-арабски часть корана, потомъ онъ переходитъ къ *чаръ-китабу*—рукописной тетради, вмѣщающей въ себѣ на персидскомъ языкѣ, также непонятномъ тюрку, главныя положенія шаріата, то-есть религіозныхъ законовъ Ислама. Затѣмъ слѣдуетъ такое же механическое чтеніе стиховъ разныхъ восточныхъ поэтовъ, персидскихъ и тюркскихъ, ни малѣйшимъ образомъ не приспособленное къ возрасту дѣтей, и наконецъ уже,—какъ вѣнецъ знанія,—письмо. Никакихъ правилъ персидской или тюркской грамматики не изучается даже въ мадраса,—духовныхъ академіяхъ своего рода. Туземная поговорка говоритъ:

«арабскій языкъ—святыня, персидскій гадость, тюркскій—нечисть».

Стôитъ же послѣ того изучать ихъ! Оттого-то несмотря на множество махтабовъ и мадраса въ городахъ Средней Азіи, несмотря на то, что мусульманскія дѣти всѣ безъ исключенія посѣщаютъ эти махтабы, безграмотность здѣшняго населенія повальная.

Трудно очень съ такими твердо установившимися мусульманскими взглядами примирить требованія европейской педагогики.

Мы попробовали сдѣлать этимъ будущимъ гражданамъ россійскаго царства маленькій экзаменъ изъ русскаго чтенія и письма. Пишутъ они довольно порядочно и красиво, но читаютъ съ большими ошибками въ произношеніи, а объяснить по-русски смыслъ прочитаннаго совершенно не могутъ, хотя старшіе изъ нихъ калякаютъ немного по-русски. Спутники наши увѣряли насъ, что только послѣ шести лѣтъ ученія молодые сартята овладѣваютъ вполнѣ русскою грамотностью и русскою рѣчью; мы же спрашивали теперь только такихъ, которые пробыли въ школѣ не болѣе трехъ лѣтъ. Но вообще, кажется, дѣло это двигается крайне туго, при безмолвномъ, но упорномъ сопротивленіи всего сартскаго населенія. Чтобы набрать какихъ-нибудь 36 мальчиковъ, составляющихъ школу, въ которой мы теперь находимся,—нужно было употреблять чуть не насиліе. Мусульманство какъ-то такъ радикально противоположно христіанству въ своихъ внутреннихъ стремленіяхъ, что соединить въ одной школѣ муллу и русскаго учителя — задача едва ли не безнадежная. Мулла и его священныя книги во всякомъ случаѣ одолѣютъ учителя и его азбуку. Мулла въ глазахъ учениковъ-сартовъ всегда будетъ главнымъ и настоящимъ учителемъ ихъ и единственнымъ хозяиномъ школы. Муллу поддерживаетъ и почитаетъ весь окружащій ихъ міръ, отцы и братья ихъ, а русскій учитель является жалкимъ, отъ всѣхъ отверженнымъ пришлецомъ, котораго терпятъ только изъ горькой необходимости,

подъ страхомъ строгой кары. Борьба при такихъ условіяхъ слишкомъ не равна.

— По моему сартовъ можно пріучить къ русской школѣ только однимъ способомъ, рѣшительно заявилъ мнѣ одинъ изъ нашихъ спутниковъ. Это — закрыть ихъ мусульманскія школы. Вѣдь они только и держатся вакуфами. Мы теперь хлопочемъ всячески объ этихъ вакуфахъ, приводимъ ихъ въ извѣстность, охраняемъ отъ расхищенія. А къ чему? Пускай бы себѣ расхищали какъ хотятъ, мало-по-малу всѣ бы эти медрессе ихъ сами собою зачахли и закрылись... И только польза одна была бъ изъ этого. Фанатизму меньше бы стало. Тогда сарты сами попросились бы въ русскія школы...

Почетнымъ блюстителемъ посѣщенной нами русско-мусульманской школы — служитъ человѣкъ очень извѣстный и очень уважаемый въ Ташкентѣ, — Мухитдинъ-Ходжа-Ишанъ, онъ же главный казій Ташкента. Нужно было изъ приличія сдѣлать ему визитъ. Домъ его одинъ изъ самыхъ обширныхъ и красивыхъ въ старомъ городѣ. Оба двора его обстроены кругомъ зданіями. На первомъ дворѣ ожидаютъ цѣлыя толпы терпѣливыхъ просителей. Второй—обнесенъ внутри характерными восточными галлереями, глубокими и тѣнистыми, раскрашенными съ обычною яркою пестротою, голубымъ, краснымъ, зеленымъ.

Мухитдинъ-Ходжа, должно-быть, предупрежденный джигитомъ, встрѣтилъ насъ въ первомъ дворѣ, почтительно прикладывая руки къ сердцу и хватаясь за бороду по строгому этикету, подобающему ходжѣ. Посѣщеніе начальника города онъ, очевидно, считалъ большою честью, хотя уже давно привыкъ къ чиновнымъ посѣтителямъ.

Мы прошли вслѣдъ за нимъ во второй дворъ и черезъ раскрашенные балкончики поднялись въ жилище ходжи. Въ тѣни этихъ балкончиковъ сидѣли, поджавъ ноги, на коврикахъ два старика въ чалмахъ. Одинъ, совсѣмъ сѣдой, былъ погруженъ въ чтеніе корана и не удостоилъ поднять на насъ даже взора

своего, другой въ философскомъ молчаніи курилъ кальянъ, тоже не обращая никакого вниманія на входившихъ и проходившихъ мимо него.

Расположеніе строеній вокругъ двора, устройство лѣстницъ и галлерей, самое убранство дома ходжи, — все напоминало въ меньшемъ и болѣе скудномъ видѣ—уже знакомый типъ богатыхъ бухарскихъ домовъ, недостижимымъ идеаломъ которыхъ служитъ «урда» эмира.

Въ большой проходной комнатѣ, съ ярко-расписаннымъ потолкомъ и оригинальными бухарскими шкапчиками въ стѣнахъ, лежали на полу мѣха и подушки для отдыха. Слѣдующая комната служила чѣмъ-то въ родѣ кабинета для ходжи. Тутъ всѣ стѣны были заняты большими и маленькими нишами, замѣняющими сарту шкапы и комоды. Множество книгъ, крѣпко и красиво переплетенныхъ, частью печатныхъ, а частью еще рукописныхъ, наполняли шкапы передней стѣны. Въ шкапчикахъ первой комнаты тоже виднѣлись книги. Ходжа считается среди своихъ извѣстнымъ ученымъ и богословомъ, что еще больше усиливаетъ его вліяніе на народъ. Отецъ его былъ первымъ духовнымъ лицомъ въ Ташкентѣ при покореніи его, своего рода мусульманскимъ архіереемъ, учился въ знаменитыхъ богословскихъ школахъ Самарканда и Бухары и тоже считался въ свое время большимъ знатокомъ всѣхъ тонкостей корана и шаріата. Мухитдинъ уже ученикъ его и унаслѣдовалъ вмѣстѣ съ состояніемъ отца его богословскую славу и его вліяніе на своихъ единовѣрцевъ. Оба они «ишаны», — высшіе наставники людей въ благочестивой жизни и правилахъ вѣры. Лицо Мухитдина-ходжи типично и выразительно. Сквозь крупныя, довольно еще красивыя черты его глядитъ на васъ человѣкъ еще далеко не старый, несомнѣнно способный и умный, но вмѣстѣ съ тѣмъ, повидимому, себѣ на умѣ, себялюбивый и изрядно чувственный. Я уже знакомъ былъ съ этимъ лицомъ ученаго сартскаго главаря по довольно удачному портрету его, помѣщенному въ книгѣ г. Остроумова: «Сарты». Мухитдинъ-ходжа до сихъ поръ играетъ

большую роль въ жизни ташкентскихъ сартовъ и считается нѣкотораго рода оффиціальнымъ представителемъ ихъ. Какъ человѣкъ самый изъ нихъ ученый, ловкій и краснорѣчивый, онъ обыкновенно является отъ имени азіатскаго населенія Ташкента съ разнаго рода привѣтствіями и ходатайствами къ генералъ-губернаторамъ и другимъ высокопоставленнымъ особамъ. Онъ постоянно ведетъ хлѣбъ-соль съ русскимъ начальствомъ, устраиваетъ у себя томаши то для представителей суда, то для какихъ-нибудь крупныхъ администраторовъ, и пользуется всеобщею ихъ дружбой.

На коронаціи государя онъ присутствовалъ въ качествѣ депутата отъ сартовъ, а на груди своей носитъ вмѣстѣ съ орденомъ св. Станислава 3-й степени цѣлую кучу всякихъ почетныхъ медалей.

Меня заинтересовало узнать, какого рода книги наполняютъ библіотеку ходжи. Спутникъ нашъ Л., помощникъ ташкентскаго градоначальника, оказалось, отлично говорилъ по-сартски. Это вполнѣ образованный офицеръ, бывшій артиллеристъ и бригадный адъютантъ, внимательно наблюдающій бытъ туземцевъ, о которомъ онъ пишетъ иногда въ мѣстныхъ газетахъ, въ *Окраинѣ* и другихъ. Черезъ него я разговорился съ ученымъ муллой.

Мухитдинъ-ходжа кромѣ своего джагатайскаго или, какъ онъ говорилъ, тюркскаго языка, знаетъ прекрасно по-персидски и по-арабски. Всѣ извѣстныя богословскія, историческія и даже географическія сочиненія на этихъ языкахъ стоятъ на его полкахъ. Доставать ихъ нелегко, потому что на Востокѣ нѣтъ спеціальныхъ книжныхъ магазиновъ и издателей, а нужно знать уголки, гдѣ и у кого можно найти ту или другую желанную книгу. О нѣкоторыхъ историческихъ трудахъ средневѣковыхъ арабовъ и бухарцевъ, которые были извѣстны мнѣ по переводамъ, Мухитдинъ-ходжа бесѣдовалъ, какъ человѣкъ, основательно ихъ знающій. Мусульманскій богословъ и юристъ, творящій судъ надъ своими ташкентскими собратьями и поучающій ихъ духовной мудрости, не забываетъ въ то же время самого себя;

онъ имѣетъ большія земли около Ташкента и старается прикупать новыя на свои далеко не маленькіе доходы. Его вообще считаютъ здѣсь за одного изъ очень богатыхъ людей.

Ходжа не ограничился одними душеспасительными разговорами о султанѣ Бабурѣ, Массуди и Абульфе́да, а угостилъ насъ по неизмѣнному восточному обычаю чаемъ и «дастарханомъ», въ которомъ,—какъ грустный признакъ растлѣнной современности,—фигурировали уже далеко не однѣ домашнія восточныя сласти вродѣ шепталы, изюма и прочаго, а и купленныя въ лавкѣ русскіе конфекты Эйнема, англійскіе прессованные бисквиты и т. п. издѣлія московской торговли.

Вообще цивилизація гяуровъ уже вторгается понемножку различными путями въ правовѣрный домъ ученаго мусульманскаго ишана.

Шкафы его кабинета, кромѣ книгъ, наполнены еще всякими принадлежностями домашняго быта, предназначенными впрочемъ, по всей видимости, не столько для употребленія въ дѣло, сколько для показа публикѣ. Тамъ на первомъ мѣстѣ сверкаетъ и никелированный тульскій самоваръ, и серебряный подстаканникъ, и круглый столикъ на одной ножкѣ, и разная русская посуда, въ перемежку съ туземною. Сидимъ мы у него въ кабинетѣ на плетеныхъ вѣнскихъ стульяхъ; маленькій сынишка ишана учится въ русско-мусульманской школѣ и уже бойко пересказываетъ исковерканныя русскія названія обыкновенныхъ предметовъ. На груди самого ишана, блюстителя законовъ Пророка, виситъ крестъ христіанскаго святого...

И все-таки, мнѣ кажется, не слѣдуетъ заблуждаться на счетъ истинныхъ отношеній этого ученаго ходжи и всѣхъ ему подобныхъ къ водворенію среди сартовъ русскихъ началъ.

Ходжа и ему подобные—слишкомъ умны, чтобы не понять великой практической пользы для себя отъ знакомства съ русскимъ языкомъ и русскими обычаями, отъ дружелюбнаго расположенія къ нимъ представителей русской власти. Въ извѣстной степени это даже роковая необходимость для нихъ. Чтобы имѣть

значеніе и вѣсъ у своихъ, прежде всего имъ нужно пріобрѣсти значеніе въ глазахъ русскаго начальства. Безъ нѣкоторыхъ кажущихся уступокъ, безъ нѣкотораго наружнаго приспособленія къ русской средѣ, достигнуть этого нельзя, и вотъ — они продѣлываютъ, скрѣпя сердце, все то, что продѣлалъ Мухитдинъ-ходжа-ишанъ: носятъ русскіе кресты, служатъ блюстителями русско-мусульманскихъ школъ, угощаютъ русскихъ въ русской посудѣ и на русскихъ стульяхъ, — но дальше этого ихъ сочувствіе къ русскому не идетъ и въ глубинѣ души они, — я увѣренъ, — остаются самыми искренними ненавистниками всего русскаго, всѣхъ новыхъ, счужи навязанныхъ имъ порядковъ, переносимыхъ ими только по неволѣ, такъ-сказать, страха ради іудейска. Несомнѣнно, что темная туземная масса такъ именно и понимаетъ дешевое руссофильство своихъ духовныхъ вожаковъ, оттого-то вожаки эти ничего не теряютъ ни въ глазахъ мусульманской черни, ни даже въ глазахъ фанатическихъ муллъ. Тѣ внѣшнія уступки, на которыя они идутъ, считаются туземцами неизбѣжною платой за охраненіе ими же гораздо болѣе существенныхъ туземныхъ порядковъ и правъ.

Случись же въ Россіи какое-нибудь крупное политическое или военное замѣшательство, зародись среди туземнаго населенія хотя сколько-нибудь основательная надежда на возстановленіе старыхъ ханствъ, — я не сомнѣваюсь, что во главѣ народнаго движенія противъ русскихъ станутъ прежде всего эти самые кажущіеся русскіе друзья, обвѣшанные русскими крестами и медалями и говорящіе привѣтственныя рѣчи русскимъ начальникамъ. Горькій опытъ доказалъ это намъ слишкомъ убѣдительно въ послѣднюю турецкую войну, когда въ числѣ вождей возставшаго Дагестана явились офицеры, полковники и даже генералы русской службы изъ лезгинъ и татаръ. А восточные люди, восточные взгляды и обычаи такъ похожи другъ на друга!

Въ сартскомъ городѣ мы осмотрѣли кромѣ школъ и мусульманскія лѣчебницы, устроенныя тоже распоряженіемъ русской

власти. Онѣ, кажется, пользуются бо́льшимъ довѣріемъ, чѣмъ русскія школы. Чтобы не нарушить мусульманскій обычай затворничества женщинъ, для послѣднихъ благоразумно устроена отдѣльная отъ мужчинъ лѣчебница совсѣмъ въ другой сторонѣ. По случаю лѣта сами лѣчебницы были пусты, а пріемъ больныхъ производился въ баракахъ, расположенныхъ среди сада, что́ особенно важно именно здѣсь, въ странѣ зноя, въ тѣснотѣ и духотѣ азіатскаго города. Лѣкарства всѣмъ даются даромъ, и этимъ, вѣроятно, можно объяснить себѣ, что каждый пріемный покой посѣщается въ день не меньше, какъ сорока, пятидесятью мусульманами. Для первыхъ попытокъ русской медицины проникнуть въ мусульманское варварство—эти цифры еще довольно утѣшительны.

Изъ русскаго начальства, даже и второстепеннаго, никто не живетъ въ сартскомъ городѣ. Условія азіатской жизни дѣлаютъ это совершенно невозможнымъ. Нѣтъ квартиръ, нѣтъ проѣзда, нѣтъ здороваго воздуха. Кромѣ главной улицы и немногихъ, къ ней примыкающихъ, всѣ остальные безчисленные переулки азіатскаго Ташкента не мощены и въ дождливое время не просыхаютъ цѣлыми мѣсяцами отъ вязкой глинистой грязи. Туземецъ безвредно переноситъ привычную ему вонь и отсутствіе свободнаго теченія воздуха среди глубокихъ и узкихъ рвовъ между глиняными дувалами, которые онъ называетъ улицами.

Но для Русскаго постоянное пребываніе въ этой азіатской атмосферѣ было бы убійственно. Туземцы вообще поразительно выносливы и крѣпки здоровьемъ. Можетъ быть, этимъ они обязаны умѣренности своей жизни и неутомимой подвижности. Въ этомъ отношеніи они далеко не оправдываютъ обычнаго представленія европейцевъ объ азіатской лѣни. Насколько лѣнивъ Турокъ и Арабъ, съ которыми ближе всего знакомы европейцы, настолько малоизвѣстный Европѣ сартъ дѣятеленъ и предпріимчивъ. Состязаться съ нимъ чрезвычайно трудно. Онъ встаетъ рано, ѣстъ очень мало, воздерженъ во всемъ, всегда бодръ, сухъ,

легокъ, всегда на ногахъ, всегда притомъ трезвъ, и въ хорошемъ расположеніи духа; всюду бѣгаетъ самъ, всюду все разнюхиваетъ и знаетъ. Гдѣ дѣло касается его корысти, онъ не упуститъ ничего и не пренебрежетъ ни одною копеечкой. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ живетъ чрезвычайно просто, одѣвается дешево, никого большею частью не нанимаетъ, а все дѣлаетъ самъ своими домашними. Оттого у него нѣтъ большихъ магазиновъ, съ множествомъ обкрадывающихъ его приказчиковъ, а вся лавка его умѣщается въ трехъ, четырехъ коробахъ; сартъ не любитъ кредита, а старается все покупать на наличныя, по мѣрѣ своихъ силъ; оттого рѣдко кто изъ нихъ разоряется и разоряетъ другихъ. Сартъ не гонится и за особенно высокимъ процентомъ, а доволенъ тѣмъ, что̀ можетъ выручить; онъ отлично знаетъ всѣ торговые ходы, гдѣ что выгодно купить, гдѣ что удобно продать, и безъ шума и лишнихъ тратъ самъ отправляется туда, куда нужно, смѣло проникая въ самые глухіе углы внутренней Азіи, въ Тибетъ, въ Китай, въ Индію, а въ послѣднее время и въ Петербургъ, и въ Вѣну, и въ Парижъ. Сартъ вездѣ находитъ своихъ и свое.

Съ его терпѣніемъ, скромностью и настойчивостью онъ вездѣ и всегда добьется того, что̀ ему нужно, Что̀ мудренаго послѣ этого, что онъ вездѣ начинаетъ побивать русскую торговлю, русскіе промыслы.

Я какъ-то бесѣдовалъ здѣсь о сартахъ съ однимъ бывалымъ евреемъ, содержателемъ русской бани.

— Русскимъ тутъ теперь дѣлать нечего и евреямъ дѣлать нечего!—съ нѣкоторою горечью развивалъ мнѣ свои мысли умный старикъ.—Тутъ теперь все сартъ захватилъ. Половина домовъ въ русскомъ городѣ уже ихъ. И строили ихъ тоже они. Подряды опять-таки всѣ у нихъ, мастеровые, торговцы—все-жъ они. Куда ни кинься, все сартъ да сартъ. А какъ съ нимъ тягаться? Что Русскому или еврею рубль стро̀итъ, то онъ у своего брата за полтину покупаетъ. У него все свои кругомъ. Одинъ другого тащитъ, другъ дружкѣ помогаютъ. А безъ нихъ тутъ шага сту-

пить нельзя,—все изъ ихъ рукъ добывать приходится. Гдѣ-жъ тутъ съ ними равняться!

Вопросъ этотъ дѣйствительно крайне серьезенъ и можетъ разыграться очень невыгодно для Русскихъ. Всѣ наши крупныя затраты на области, завоеванныя кровью русскаго воинства, грозятъ въ концѣ концовъ послужить единственно къ сильнѣйшему развитію благосостоянія сартовъ, которые при прежнихъ варварскихъ властителяхъ Туркестана, при постоянныхъ усобицахъ и притѣсненіяхъ, разумѣется, не могли проявить всей своей торговой и промышленной энергіи, но тѣмъ не менѣе успѣли сдѣлаться, даже и при такихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, основною экономическою силой всѣхъ этихъ полуразбойническихъ средне-азіатскихъ ханствъ.

Замѣчательно, что то же самое явленіе начинаетъ въ послѣднее время замѣчаться и въ Англійской Индіи. Какъ ни могуча торговля и промышленность Великобританца, Индусъ-Туземецъ мало-по-малу все болѣе и болѣе вытѣсняетъ его съ своихъ мѣстныхъ рынковъ и отбиваетъ отъ него всѣ профессіи, кромѣ пока инженерной.

Путешественники, хорошо знакомые съ положеніемъ дѣлъ, объясняютъ это явленіе тѣми же чертами національнаго характера Индуса, на которыя я только-что указалъ выше, говоря о сартахъ,—именно его необыкновенною воздержанностью, выносливостью, трудолюбіемъ, къ которымъ еще прибавляется серьезное образованіе, получаемое Индусомъ въ англійскихъ школахъ Индіи.

Одновременно съ экономическою силой сартовъ разрастается съ каждымъ днемъ, по увѣренію мѣстныхъ русскихъ жителей, и распущенность ихъ нравовъ. Уже появляются и среди нихъ хорошо намъ знакомые типы ловкихъ банкротовъ, вó-время умѣющихъ припрятать чужія денежки; появляются кутилы и пьяницы, такъ рѣдко прежде встрѣчавшіеся среди мусульманъ; строгость исполненія религіозныхъ обрядовъ сильно ослабѣла,

честное слово, когда-то ненарушимое, какъ каменная скала, уже начинаетъ терять всякое довѣріе, страсть къ тяжбамъ и жалобамъ дѣлается повальною, словомъ, происходятъ явленія, которыя обыкновенно сопутствуютъ первымъ попыткамъ привить внѣшнія формы цивилизаціи полупатріархальному обществу.

Мнѣ случалось говорить объ этихъ досадныхъ явленіяхъ съ людьми самыхъ противоположныхъ взглядовъ и самыхъ разнообразныхъ профессій, поэтому неудивительно, что я слышалъ и самыя противоположныя объясненія этихъ явленій. Молодые горячіе юристы, перенесшіе сюда въ азіатскія страны къ разбойничьимъ народамъ всю теоретическую вѣру свою въ побѣдоносную силу европейскаго права и европейскихъ гражданскихъ порядковъ, искренно убѣждены, что расшатанность нравовъ, дикость поступковъ туземнаго населенія—подерживается господствомъ военнаго режима и вызванною имъ неправильностью судебныхъ и административныхъ отправленій; они ждутъ всякихъ благъ отъ упраздненія исключительныхъ порядковъ управленія этою далекою окрайной и отъ приравненія ея къ нормальнымъ общерусскимъ порядкамъ.

Военные же люди и почти все безъ исключенія здѣшнее русское населеніе, живущее въ тѣснѣйшихъ сношеніяхъ съ туземцами, также искренно убѣждены, что вся бѣда въ преждевременномъ введеніи русскихъ судебныхъ уставовъ, разсчитанныхъ на болѣе или менѣе образованную среду, въ этотъ совсѣмъ еще дикій край, гдѣ до сихъ поръ царилъ безпощадный произволъ хановъ и бековъ, гдѣ не существовало никакого понятія о законности, а всѣ привыкли повиноваться только страху и силѣ.

— Помилуйте, говорилъ мнѣ съ негодованіемъ одинъ очень авторитетный русскій житель Ташкента, имѣвшій возможность со всѣхъ сторонъ изучить бытъ туземцевъ.—Вѣдь мы нашли тутъ, въ Туркестанѣ, такую строгость нравовъ, о которой у насъ и понятія не имѣютъ. Слово самаго маленькаго начальника для нихъ было закономъ. Послушаніе изумительное. Честность такая

вездѣ была, что ни одинъ домъ на ночь не запирался; въ Ташкентѣ, впрочемъ, и до сихъ поръ они не запираются по старой памяти, хотя уже воровство удесятерилось противъ прежняго. А отчего? Страхъ былъ. У киргизовъ бекъ смертью могъ казнить всякаго. За первое воровство—руку рубилъ, за второе—голову долой. А теперь ввели эти наши нелѣпые новые суды. «Признаете ли вы себя виновнымъ?» и подобныя глупости. Розенбахъ все это натворилъ, Европу хотѣлъ сразу насадить въ нашей Киргизіи. Сажаютъ въ тюрьму на мѣсяцъ, на два за то самое, за что вчера еще смертью наказывали, да еще и содержатъ тамъ, какъ какихъ-нибудь воспитанницъ Института для благородныхъ дѣвицъ, говядиной кормятъ, чаемъ поятъ. Того не сообразятъ, что это разбойники по всѣмъ своимъ вкусамъ и инстинктамъ, тѣ же звѣри степные, только на двухъ ногахъ. Они чуть не ежедневно привыкли головы рѣзать своему же брату киргизу или сарту. Давно ли отрѣзанныя головы, какъ арбузы, валялись по дорогѣ въ Самаркандъ. Ну, какъ же такого хищника кровожаднаго пустыми школьными мѣрами пробрать? И потомъ, кто у насъ судитъ? Пріѣзжаютъ молодые люди съ Невскаго проспекта, неопытные, знающіе только свои книжки, привыкшіе только къ гостинымъ, ни по-сартски, ни по-киргизски—ни слова, никогда въ глаза азіата не видали, ну, что они поймутъ въ его дѣлахъ, въ его ссорахъ и обидахъ? Зато ужъ и путаницу натворили. Примѣняютъ русскій сводъ законовъ къ земельнымъ дѣламъ какого-нибудь киргиза или сарта. Киргизы владѣютъ и судятся по адатамъ своимъ, а сарты по Магометову закону, по шаріату, а какіе-такіе адаты и что такое за шаріатъ — наши судьи, разумѣется, и во снѣ не видали. А судить надо, коли сартъ съ киргизомъ споритъ, потому что ихніе туземные суды только для киргиза съ киргизомъ или для сарта съ сартомъ, а коли изъ разныхъ племенъ—то должны въ русскій судъ.

«Ну и приходится отъ киргизскаго кочевника купчихъ требовать, утвержденныхъ старшимъ нотаріусомъ или вводныхъ листовъ, какъ по русскому закону надлежитъ... Прежде, до этихъ

судовъ, начальники наши военные гораздо короче и проще все это разбирали. Жалобъ было гораздо меньше. А теперь то и дѣло на самихъ уѣздныхъ начальниковъ съ жалобами лѣзутъ. То, бывало. уѣздный начальникъ на семь дней могъ подъ арестъ всякаго туземца посадить, не давая никому отчета, или пятнадцатью рублями оштрафовать,—такъ народъ чувствовалъ, что онъ дѣйствительно начальникъ, слушался, боялся. А теперь, видите ли, такое опредѣленіе уѣздаго начальника подлежитъ еще обжалованію въ теченіе семи дней, стало-быть, приводить въ исполненіе нельзя, нужно ждать, пока вся эта кляуза будетъ тянуться. Ну, какое же это наказаніе, какой это начальникъ? Понятно, что всякій авторитетъ подорвали!»

Сторонники этого взгляда увѣряютъ, что только благодаря старымъ военнымъ порядкамъ и нагнанному прежде страху въ Туркестанѣ сохраняется пока порядокъ и спокойствіе; преступленій прот''ъ русскихъ почти не бываетъ, русскій человѣкъ можетъ безопасно проходить и проѣзжать гдѣ угодно, никто и не подумаетъ тронуть его. Но этотъ трепетъ азіатовъ передъ русскимъ именемъ былъ достигнутъ не легко и стоилъ не дешево. Необходимы были безпощадныя кровавыя расправы съ туземцами за малѣйшую ихъ попытку напасть на русскаго,—прежде чѣмъ могло установиться въ странѣ теперешнее вполнѣ безопасное положеніе. Цѣлые кишлаки выжигались до тла за какое-нибудь одно тѣло убитаго русскаго, найденное по сосѣдству. И иначе поступать было невозможно съ народомъ, для котораго грабежъ и убійство были обычною стихіей.

Что касается до меня лично, то, вслушиваясь въ рѣчи спорящихъ и всматриваясь въ окружавшую меня жизнь, я, при всемъ сочувствіи къ благороднымъ и просвѣщеннымъ упованіямъ нашихъ мѣстныхъ юристовъ,—не могъ не сознавать, что, къ сожалѣнію, суровая практика здѣшней жизни требуетъ, кажется, именно тѣхъ суровыхъ практическихъ мѣръ, за которыя съ такимъ единодушіемъ стоятъ не только военные, но и всѣ вообще долго пожившіе здѣсь опытные люди.

XI.

Камеланскія ворота.

Мнѣ не хотѣлось уѣхать изъ Ташкента, не поклонившись праху геройскихъ покорителей его.

Верхами выѣхали мы съ сыномъ раннимъ, но уже жаркимъ утромъ изъ своей тѣнистой дачи. Намъ нужно было посѣтить знаменитыя Камеланскія ворота, у которыхъ рѣшилась участь Ташкента и гдѣ были похоронены наши павшіе воины.

Сначала мы долго ѣхали роскошною тополевою аллеею, которою заканчивается, вступая въ Ташкентъ, большая Самаркандская дорога. Тѣни деревьевъ-гигантовъ были такъ густы, что бодрящая сырость ночи лежала еще нетронутая дневнымъ лучемъ на бѣлыхъ камняхъ дороги, съ обѣихъ сторонъ освѣжаемой гулко бѣжавшими арыками.

Застоявшіяся сытыя лошади радостно фыркали и нетерпѣливо грызли удила, порываясь пуститься вскачь по гладкоубитому шоссе, но мы сдерживали ихъ и ѣхали ровною рысцой, впивая всѣми порами своими тихую красоту утра. Свернули потомъ влѣво, въ узкіе, вьющіеся змѣею, переулки сартскаго города, который мы должны были перерѣзать теперь въ самыхъ его далекихъ окраинахъ, мимо крошечныхъ лавченокъ и домишекъ, навстрѣчу цѣлымъ караванамъ верблюдовъ и арбъ, тянувшимся къ центральнымъ базарамъ Ташкента. Тутъ уже настоящій азіатскій кишлакъ, нисколько не напоминающій столицу Туркестана. Все время ѣдешь подъ тѣнью вѣтвистыхъ густолиственныхъ карагачей и орѣховъ, которые, можетъ быть, помнятъ еще Тамерлана, а старая глиняная стѣна, невѣроятной толщины и изрядно еще высокая, почти всюду провожаетъ насъ слѣва. Это былая крѣпостная ограда нѣкогда воинственнаго и могучаго Ташкента, кое гдѣ уже разрушенная и лежащая во прахѣ; теперь она безполезно отнимаетъ мѣсто у сосѣднихъ съ нею мир-

ныхъ обиталищъ, угрожая имъ неожиданнымъ паденіемъ въ какой-нибудь одинъ прекрасный день.

Камеланскія ворота были однимъ изъ главныхъ входовъ въ этой громадной стѣнѣ, охватывавшей городъ на пространствѣ 24 верстъ. Чтобы добраться къ нимъ мы забираемъ все лѣвѣе и лѣвѣе, черезъ лабиринты садовъ, которые своими неохватными зелеными кущами окружаютъ старый Ташкентъ.

Собственно говоря, настоящія Камеланскія ворота, которыя такъ отчаянно защищались сартами въ достопамятный день 15 іюня 1865 года, уже не существуютъ. Осталось только широкое отверстіе между стѣнами, по которому проходитъ дорога изъ степи въ городъ. Но тутъ уже, сбоку улицы, построены новыя ворота, не сартскія, а русскія, которыя ведутъ не въ городъ, а на русское солдатское кладбище. Они унаслѣдовали имя Камеланскихъ воротъ, на развалинахъ которыхъ ихъ воздвигнули.

Ворота эти очень живописны и характерны съ своими массивными каменными столбами, съ чугунными сартовскими пушками, которыми они украшены. Сурово воинственный входъ, вполнѣ подходящій къ суровому некрополису воиновъ, павшихъ въ кровавомъ бою. Тѣнистый садъ осѣнилъ теперь своими безмолвными зелеными шатрами и душистыми букетами своихъ весеннихъ цвѣтовъ это мѣсто недавней борьбы и крови. Лиловые ирисы на высокихъ стебляхъ мирно качаются среди бархатистыхъ газоновъ, устилающихъ этотъ бранный прахъ, будто толпы невинныхъ дѣтей, беззаботно играющія на могилахъ своихъ отцовъ...

Среди сада стоитъ увѣнчанная крестомъ изящная мраморная часовня строгаго русскаго стиля, — памятникъ главнымъ героямъ, сложившимъ здѣсь свои головы.

«Нѣтъ больше любви, какъ положить душу свою за други свои» — вѣщаетъ чудныя слова Спасителя золотая надпись на одной сторонѣ часовни.

«Господи! упокой души рабовъ твоихъ и сотвори имъ вѣчную память!» начертано на другой сторонѣ трогательная въ

своей простотѣ и краткости христіанская молитва. На бѣлой мраморной доскѣ внутри часовни перечислены 64 имени офицеровъ и солдатъ, подъ ней похороненныхъ.

Другая мраморная гробница сейчасъ же сзади часовни. По четыремъ угламъ ея четыре кучки ядеръ, самая выразительная могильная надпись. Сторожъ показалъ намъ еще обширное мѣсто въ глубинѣ сада, налѣво, ничѣмъ не обнесенное и не отмѣченное никакимъ памятникомъ, подъ которымъ, по словамъ его, тоже похоронено много солдатъ, убитыхъ на приступѣ.

Каждый годъ 15 іюня въ день этого славнаго приступа сюда направляется крестный ходъ изъ Ташкентскаго военнаго собора и служится торжественная панихида на могилахъ павшихъ героевъ. Но и въ другіе дни нѣкоторые русскіе жители Ташкента любятъ пріѣзжать на Камеланское кладбище — посидѣть и помечтать въ тѣни его тихаго сада и напиться чайку въ совершенно деревенской обстановкѣ. Столики и скамеечки устроены для этого въ уютныхъ уголкахъ сада, а у сторожа достаютъ самовары и все нужное для чая...

— — —

Мы тоже посидѣли на родныхъ могилкахъ, подъ тѣнью цвѣтущихъ деревьевъ, вспоминая былое. Русскій человѣкъ—скромный человѣкъ. Поэтъ съ особенно чуткою русскою душой сказалъ о немъ удивительно хорошо:

Не пойметъ и не замѣтитъ
Гордый взоръ иноплеменный,
Чтó сквозитъ и тайно свѣтитъ
Въ красотѣ твоей смиренной...

Русскій герой менѣе всего считаетъ себя героемъ, не хвастаетъ и не позируетъ. Графъ Левъ Толстой чутьемъ своего художественнаго генія постигъ эту глубокую черту родного народа и нарисовалъ намъ въ «Войнѣ и Мирѣ» безсмертные типы смиренныхъ русскихъ героевъ въ лицѣ прапорщика Тушина и солдата Каратаева. Герои Франціи или Германіи, герои римскіе

и греческіе были совсѣмъ другіе. Герои есть у всѣхъ народовъ, но смиренный герой—это наше собственное русское дѣтище.

Что страннѣе всего, — это невнимательность къ своимъ героямъ, къ подвигамъ доблестныхъ сыновъ своихъ самого русскаго общества.

Мы наполняемъ свои дѣтскіе учебники, свои руководства исторіи и нравоучительныя книги—образцами мужества какихъ угодно народовъ и какихъ угодно вѣковъ, только не своего родного, не того, что происходитъ, можно сказать, на нашихъ собственныхъ глазахъ.

Вѣроятно, это тоже отъ смиренія, отъ отсутствія хвастливости и самомнѣнія. А между тѣмъ у насъ самихъ, на страницахъ нашей собственной, и даже недавней исторіи — можно бы было поучиться, пожалуй, чему-нибудь еще болѣе удивительному. Хороши разсказы о Спартанцахъ-Леонидахъ и Испанцахъ-Кортецахъ, но не ближе ли было бы намъ ознакомить дѣтей своихъ съ нашими русскими Кортецами и современными намъ Леонидами, съ защитниками какого-нибудь Баязета, съ завоевателями какого-нибудь Ташкента.

Въ отрядѣ Черняева было всего 2.000 солдатъ, когда онъ двинулся брать Ташкентъ. Взять его было необходимо, потому что разбойничьи азіатскія ханства видѣли въ немъ свой несокрушимый военный и торговый оплотъ. Бухарскій эмиръ, всегдашній врагъ Кокана, чуя грозу, надвигавшуюся съ сѣвера на средне-азіатское мусульманство, соединился на этотъ случай съ Коканскимъ ханомъ и поспѣшно собиралъ большое войско, чтобы занять Ташкентъ. А наша защитная линія, только-что успѣвшая охватить въ 1864 году земли всѣхъ киргизскихъ ордъ, признававшихъ власть Россіи, и замкнувшаяся взятіемъ Чимкента, отстояла такъ близко отъ Ташкента, что имѣть подъ рукой такой опасный и могучій очагъ враждебныхъ вліяній и враждебныхъ дѣйствій,—было въ высшей степени неблагоразумно. Черняеву необходимо было нанести такой рѣшительный ударъ, который

бы надолго оглушилъ вѣроломныхъ и дерзкихъ азіатовъ и пронесся бы раскатами грома по всей Азіи.

Это было тѣмъ необходимѣе, что его неудавшійся первый приступъ къ Ташкенту 2 октября 1864 г., взволновалъ воинственными надеждами и Бухару, и Коканъ, и Хиву; Коканъ, въ союзѣ съ могущественною Бухарой, собирался разомъ вернуть всѣ потерянныя имъ за послѣдніе годы крѣпости: Чимкентъ, Туркестанъ. Ауліе-Ата, Пишпекъ и др., а потому напрягъ всѣ свои силы на отчаянную борьбу. Въ мечетяхъ Самарканда, Бухары, Кокана и Маргелана — имамы объявляли «газаватъ», — войну противъ невѣрныхъ,—и сулили Магометовъ рай счастливцамъ, которые падутъ на полѣ брани во имя Аллаха и пророка его.

Ташкентъ, обнесенный высокими стѣнами, съ стотысячнымъ вооруженнымъ населеніемъ, еще не вполнѣ отвыкшимъ отъ наѣздничества и грабежей, защищался сверхъ того гарнизономъ регулярныхъ войскъ въ 15.000 и 63-мя пушками. 60.000 армія Бухарскаго эмира выступила къ нему на помощь съ юга. При такихъ обстоятельствахъ идти на приступъ Ташкента горсти русскихъ войскъ было положительнымъ безумствомъ съ точки зрѣнія обычнаго человѣческаго благоразумія.

Но Черняевъ зналъ себя, зналъ своего солдата — и смѣло двинулся впередъ. Сначала онъ взялъ кровавымъ приступомъ сосѣднюю съ Ташкентомъ крѣпость Ніазъ-Бекъ; она владѣла головищами всѣхъ большихъ ташкентскихъ арыковъ и господствовала надъ цѣлою долиной рѣки Чирчика, а черезъ $1^1/_2$ мѣсяца пришла очередь и самаго Ташкента.

Главную защиту Ташкента Худояръ-ханъ поручилъ знаменитому коканскому воителю и муллѣ кипчаку Алимкулу. Это былъ вполнѣ достойный соперникъ отважнаго русскаго полководца. Алимкулъ съ 6.000 отборнаго войска и 40 пушками встрѣтилъ маленькій отрядъ Черняева, не допустивъ его верстъ за семь до Ташкента, какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ посѣщенный нами Никольскій поселокъ. Русскіе ветераны вполнѣ заслуженно овладѣли впослѣдствіи почвой, удобренною ихъ

кровью. Коканцы бились отчаянно. Алимкулъ всячески пытался воспользоваться многолюдствомъ своего отряда, чтобъ обойти наше войско съ тылу. Но стойкость закаленнаго въ бояхъ русскаго солдата одолѣла все. Коканцы были разбиты на-голову, и храбрецъ Алимкулъ палъ въ числѣ первыхъ. Глубокою ночью подъ 15 іюня 1865 года повелъ Черняевъ свой отрядикъ черезъ окрестные сады къ Камеланскимъ воротамъ. Колеса пушекъ были обвязаны войлокомъ, люди говорили шепотомъ, никто не курилъ, никакой шумъ не выдавалъ приближенія войска. Его было теперь всего 1.300 человѣкъ. Коканцы отрѣзали имъ тылъ, бухарцы надвигались спереди. Но русскіе храбрецы рѣшились твердо или взять Ташкентъ, или всѣмъ пасть подъ его стѣнами. Да и выбора другого имъ не было.

У сартовъ была ураза, и они, пропраздновавъ долго ночью, спали крѣпкимъ сномъ. Русскіе удальцы очутились на стѣнахъ и за воротами раньше, чѣмъ раздался первый выстрѣлъ. Это было въ $2^1/_2$ часа утра. Священникъ Маловъ одинъ изъ первыхъ полѣзъ на стѣну, съ крестомъ въ рукахъ. Тутъ закипѣлъ страшный бой. Самъ Черняевъ остался защищать ворота, ставшія теперь опорнымъ пунктомъ всего отряда, мужественно отбиваясь съ горстью храбрецовъ отъ отчаянно насѣдавшихъ на него безчисленныхъ скопищъ. Абрамовъ съ своею колонной двинулся вдоль стѣнъ къ Кашгарскимъ воротамъ, гдѣ его дожидалась другая маленькая колонна Краевскаго; въ то же время колонна Жемчужникова пошла прямо на цитадель, въ середину города. Каждый шагъ приходилось покупать кровью. Коканцы рѣзались въ переулкахъ, въ садахъ, на завалахъ, по вершкамъ уступали стѣну, перерѣзанную глиняными траверсами, обращали въ бойницу каждую саклю, стрѣляя безъ перерыва изъ оконъ, изъ подваловъ, изъ-за глиняныхъ заборовъ, окружавшихъ улицы. Всякій домъ нужно было брать приступомъ. Священникъ Маловъ ѣхалъ все время впереди солдатъ, высоко поднявъ въ рукѣ крестъ, ободряя робѣвшихъ и утомленныхъ, мужественно напутствуя умирающихъ.

— Батюшка! отпусти душеньку. Прими послѣднiй вздохъ!— то и дѣло взывали къ нему умиравшiе на улицахъ солдатики.

Отецъ Маловъ останавливался, спрыгивалъ съ коня, выслушивалъ среди свиста пуль и стука оружiя предсмертную исповѣдь, читалъ отпускную и смѣло ѣхалъ опять дальше впередъ, въ развалъ кипѣвшей всюду сѣчи. На груди у него висѣла дароносица на золотой цѣпи, въ рукѣ сверкалъ крестъ, свѣтлая священническая одежда обращала на него всеобщее вниманiе. Ташкентцы считали его главнымъ предводителемъ русскихъ, и пули сыпались въ него изъ-за каждаго увала, изъ каждаго окна, мимо котораго онъ проѣзжалъ. Но Богъ сохранилъ его невредимо; одинъ сарбазъ выстрѣлилъ въ него почти въ упоръ, всего въ двухъ саженяхъ, и осѣкся; тогда онъ со всей силы ударилъ отца Малова прикладомъ ружья и разбилъ ему плечо. Солдатики, однако не дали въ обиду своего любимца-батюшку и живо подхватили на штыки разъяреннаго азiата.

Въ восьмомъ часу утра цитадель была занята, и разсѣянныя колонны соединились, наконецъ, вмѣстѣ. Среди стотысячнаго города, съ обхатомъ въ 25 верстъ, собралось всего 900 человѣкъ геройскихъ побѣдителей. Но городъ еще не думалъ сдаваться. Цѣлый день до глубокой ночи продолжалась кровавая рѣзня; даже ночью азiаты не давали покоя нашимъ утомленнымъ войскамъ, то и дѣло налетая на наши караулы и осыпая ихъ выстрѣлами.

Ночевали наши войска у Камеланскихъ воротъ, куда ихъ потребовалъ Черняевъ, совсѣмъ задавленный массами сартовъ. Съ ранняго утра 16 iюня возобновилась рѣзня и стрѣльба и шла опять до глубокой ночи. Городъ пылалъ въ разныхъ концахъ, зажженный нашими. Только на 3-й день, 17 iюня, когда всѣ надежды отбить у насъ городъ были потеряны, миролюбивая партiя горожанъ, состоявшая главнымъ образомъ изъ торговцевъ и промышленниковъ, одержала наконецъ верхъ надъ фанатиками-муллами и влiятельными аксакалами, хотѣвшими биться до послѣдней капли крови. Ташкентъ сдался на волю побѣди-

теля. Коканское войско ушло, но 63 пушки, 16 знаменъ, огромные военные и съѣстные запасы достались намъ въ добычу.

Бухарскій эміръ былъ глубоко потрясенъ вѣстью о паденіи величайшаго и богатѣйшаго изъ туркестанскихъ городовъ. Имя Черняева стало славно въ самыхъ далекихъ углахъ Азіи, и ужасъ передъ непобѣдимымъ русскимъ оружіемъ овладѣлъ всѣми враждебными намъ ханствами.

Но даже этотъ сказочно-геройскій разгромъ Ташкента не такъ поразилъ воображеніе азіатовъ, какъ поразило ихъ спокойное мужество Черняева, который на другой же день послѣ кровопролитнаго боя отправился, будто ни въ чемъ не бывало, въ сопровожденіи только двухъ казаковъ, въ самый очагъ многолюдныхъ сартскихъ базаровъ вымыться, по русскому обычаю, въ банѣ послѣ понесенныхъ имъ боевыхъ трудовъ...

— Это не человѣкъ, а чародѣй!—говорили про него озадаченные сарты.—Его не беретъ ни пуля, ни желѣзо... И онъ не боится ничего!..

Другой, еще болѣе тѣнистый садъ развѣсилъ свои зеленые шатры какъ разъ противъ Камеланскаго кладбища, черезъ узкую улочку, сдавленную уцѣлѣвшими обрывками высокой крѣпостной стѣны.

Мусульманская «мазара», увѣнчанная полумѣсяцемъ, живописно выглядываетъ сквозь просвѣты деревьевъ. Тутъ тоже кладбище и тоже по всѣмъ правамъ Камеланское, потому что здѣсь покоятся защитники Камеланскихъ воротъ, убитые во время приступа.

Есть своего рода глубокій трагизмъ въ этомъ братскомъ сосѣдствѣ вражескихъ могилъ. Былые соперники словно остались на своихъ мѣстахъ, гдѣ они упорно бились другъ противъ друга, если не на землѣ, то хотя въ нѣдрахъ ея, не уступивъ ни вершка ни тѣ, ни другіе. Но мать-природа,—всеблагая какъ Создатель ея,—покрыла однимъ и тѣмъ же своимъ покровомъ любви прахъ всѣхъ своихъ мятежныхъ сыновъ, не различая ихъ

одеждъ и языка, и на своемъ миротворномъ лонѣ опять содѣлала ихъ братьями, созданными изъ одного праха и возвращенными въ тотъ же прахъ...

И надъ убитыми мусульманами, какъ надъ нашими православными солдатиками, также волнуется молодая зеленая трава, и глядятъ изъ нея своими веселыми разноцвѣтными глазками весенніе цвѣты, и сіяетъ въ царственномъ величіи, заливая своими огненными потоками синія бездны неба,—плодотворящее солнце...

Тутъ тоже погребены честныя сердца и геройскія души; и къ нимъ точно такъ же, какъ и къ побѣдителямъ ихъ, обращено бодрящее слово того Учителя истины, въ глазахъ Котораго не было эллиновъ и іудеевъ:

«Нѣсть больше любви, аще кто душу свою положитъ за други своя».

Въ серединѣ сада, похожаго на лѣсъ и усѣяннаго безпорядочно разбросанными глиняными кучками могилъ, стоитъ мирнымъ пастыремъ среди овецъ бѣлая мечеть съ характернымъ магометанскимъ куполомъ, увѣнчаннымъ обычною эмблемою всѣхъ средне-азіатскихъ мечетей,—гнѣздомъ аиста.

Два высокихъ шеста съ развѣвающимися конскими хвостами на мѣдныхъ шарахъ и съ бѣлою тряпкой вмѣсто знамени торчатъ, будто вооруженныя боевыя копья, у входа въ мечеть, обозначая собою могилы глубокочтимыхъ шейховъ, положившихъ здѣсь головы свои рядомъ съ простыми смертными.

Длинные горбы, сложенные изъ кирпича и смазанные сверху известью, покрываютъ ихъ священный для мусульманина прахъ. На одной могилѣ мраморная плита съ арабскою надписью и бараньи рога, принесенные въ жертву какимъ-либо благочестивымъ почитателемъ покойнаго шейха. Такіе рога я видѣлъ иногда во множествѣ въ мазарахъ Средней Азіи. Конечно, это наивные остатки древняго языческаго культа, укоренившагося здѣсь, можетъ быть, за многіе вѣка до магометанства.

Недалеко отъ мечети—старая часовенька, тоже подъ куполомъ, съ башенькой-отдушиной наверху. Это цистерна для намаза. Мы сошли въ глубину ея по каменнымъ ступенямъ. Вода, повидимому, давно высохла въ ней, и затхлая сырость проникаетъ ея глухіе своды.

Нѣсколько крытыхъ сквозныхъ галлереекъ устроены въ разныхъ мѣстахъ, среди могилъ, для молитвы. Вѣроятно, родные убитыхъ приходятъ сюда въ извѣстные дни и молятся въ этихъ семейныхъ притворахъ, за тѣснотою крошечной мечети...

Въ другихъ мѣстахъ сдѣланы съ тою же цѣлью простыя глиняныя насыпи, выровненныя сверху. На одной такой насыпи, какъ разъ противъ входныхъ дверей мечети, шагахъ въ пятидесяти отъ нея, молился, стоя подъ тѣнью дуба, нищенствующій дервишъ, въ своемъ типическомъ остромъ колпакѣ, опушенномъ мѣхомъ, и въ одеждѣ изъ пестрыхъ лоскутковъ...

Онъ повѣсилъ на вѣтви дуба дорожныя сумки свои и тыквенную баклагу для воды, а самъ стоялъ на разостланномъ молитвенномъ коврикѣ, поднявъ передъ собою, будто раскрытую книгу, обѣ ладони рукъ и вперивъ глаза въ мечеть, по направленію священной каабы. Справа отъ него былъ воткнутъ въ землю желѣзный прутъ съ рогулькой, на которой висѣли четки и большой, узорно выточенный посохъ, съ повѣшеннымъ на немъ кожанымъ футляромъ для корана.

Должно быть онъ предавался во время своей молитвы за дорогихъ ему покойниковъ не особенно дружелюбнымъ воспоминаніямъ о собакахъ-урусахъ, потому что, проходя въ другой разъ мимо его, мы уже увидѣли его дó-гола бритый синій затылокъ. Чтобы не осквернять своихъ правовѣрныхъ очей нашими нечестивыми ликами, благочестивый ходжа повернулся къ намъ спиною и молился теперь уже не на мечеть, а на свои четки...

Мы долго еще бродили по этому пустынному лѣсу-кладбищу въ трогательной тишинѣ жаркаго лѣтняго утра. Пчелы назой-

ливо жужжали въ цвѣтахъ, пахнувшихъ медомъ, желто-золотыя и голубыя бабочки трепетали въ голубомъ и золотомъ воздухѣ, муравьи съ какою-то ожесточенною торопливостью работали надъ своими кучами, перетаскивая въ нихъ своими безконечными вереницами опавшія летучки вяза... Тучныя, красныя коровы, забравшись по-пузо въ сочную траву лощинъ, жевали ее въ безмолвномъ наслажденіи, не тревожимыя никѣмъ. А тамъ вверху, высоко надъ головами нашими, въ густой листвѣ деревьевъ скакало и прыгало, пищало, свистѣло, пѣло и щебетало разноперое и разноголосое птичье населеніе, что вило тамъ свои гнѣзда, любило и плодилось, и кормило своихъ птенчиковъ...

Всякая тварь дѣятельно хлопотала о себѣ, спѣшила жить каждая своими радостями; вѣчно неистощимая и вѣчно творящая природа вызвала эту новую кипучую жизнь, эти новые безчисленные организмы изъ праха, гніющаго въ темныхъ нѣдрахъ земли, и покрыла ихъ радостно сверкающими красками ея траурный ликъ...

Нельзя не вспомнить съ благоговѣніемъ мудрецовъ далекой древности, которые своимъ чуткимъ сердцемъ, можетъ быть, больше, чѣмъ своимъ умомъ, первые постигли тайны этого чудеснаго безостановочнаго круговорота міровой жизни, и выразили это въ великихъ идеяхъ метампсихозиса, заключающихъ въ себѣ гораздо болѣе глубокаго смысла, чѣмъ это обыкновенно думаютъ люди, не имѣющіе привычки вдумываться въ подобные вопросы...

Цѣна за два тома 3 руб.

Складъ изданія въ книжномъ складѣ типографіи М. Стасюлевича,
Спб., Вас. Остр., 5 лин., 28.

РОССІЯ ВЪ СРЕДНЕЙ АЗІИ

ОЧЕРКИ ПУТЕШЕСТВІЯ

ПО ЗАКАВКАЗЬЮ, ТУРКМЕНІИ, БУХАРѢ, САМАРКАНДСКОЙ, ТАШКЕНТСКОЙ И ФЕРГАНСКОЙ ОБЛАСТЯМЪ, КАСПІЙСКОМУ МОРЮ И ВОЛГѢ.

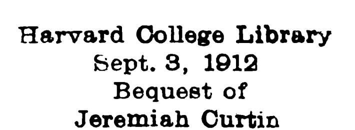
Евгенія Маркова.

ВЪ 2-ХЪ ТОМАХЪ И 6 ЧАСТЯХЪ.

ТОМЪ II-й.

Ч. IV. **Фергана.** Ч. V. **Долина Заравшана.**
Ч. VI. **Домой по Волгѣ.**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 5 л., 28.
1901.



3036

ОГЛАВЛЕНІЕ

Томъ II.

Часть IV. Фергана.

Часть V. Долина Заравшана.

СТРАН.

Часть VI. Домой по Волгѣ.

Часть IV.

ФЕРГАНА.

I.

Въ долинахъ Чирчика и Ахангрена.

До сихъ поръ, несмотря на зрѣлые годы, радостное дѣтское чувство охватываетъ меня всякій разъ, какъ я усаживаюсь въ дорожный экипажъ или вскакиваю на коня, отправляясь въ какое-нибудь далекое путешествіе. Должно быть, мой древній предокъ, бродяга безпредѣльныхъ русскихъ равнинъ, глубоко еще живетъ во мнѣ. Наша маленькая ташкентская семья провожаетъ насъ до первой станціи. Мы проѣзжаемъ, какъ по аллеямъ колоссальнаго парка, чудными зелеными перспективами пирамидальныхъ тополей. Но мы беремъ теперь нѣсколько лѣвѣе Самаркандской дороги, по которой пріѣхали въ Ташкентъ, и переѣзжаемъ по Маріинскому проспекту цѣлую новую часть города. Тутъ обширная богадѣльня и разныя другія благотворительныя учрежденія: кромѣ того, неудавшаяся ярмарка генерала Кауфмана, долженствовавшая, по проекту его, поглотить собою всю торговлю Туркестана. Теперь она стоитъ почти празднымъ свидѣтелемъ слишкомъ смѣлыхъ и слишкомъ теоретиче-

скихъ разсчетовъ. Цѣлый маленькій городокъ узенькихъ галлерей подъ желѣзными крышами, разбросанный на огромномъ пространствѣ среди зеленыхъ садовъ и предназначавшійся для склада товаровъ, частью совсѣмъ теперь пустуетъ, частью занятъ грузами хлопка и военными матеріалами. Для военнаго хозяйства тутъ полный просторъ и удобство. Сюда, въ эту зеленую окраину города, вообще сбилось много солдатскихъ казармъ и военныхъ учрежденій всякаго рода; здѣсь и плацы ихъ для ученья, защищенные отъ палящаго солнца высокими аллеями и густыми садами. Частныхъ дачъ тутъ тоже много, и русскихъ, и богатыхъ сартовъ, и всѣ онѣ тонутъ въ садахъ.

Мы весело несемся на бойкихъ лошадяхъ, болтая другъ съ другомъ и наслаждаясь видами, по превосходному шоссе, широкому и покойному, обсаженному тѣсными рядами гигантскихъ тополей на цѣлыя 15 верстъ отъ города. Старые арыки, широкіе и глубокіе, какъ наши рѣки, — такія же серьезныя гидротехническія сооруженія, какъ и каналы Европейской Россіи, прославляемые въ каждой географіи,—хотя и неизвѣстные никому за предѣлами Ташкента и не стоившіе казенныхъ милліоновъ,—Саларъ, Карасу и пр., — то и дѣло пересѣкаютъ намъ путь, и мы перебѣгаемъ черезъ нихъ по прекраснымъ каменнымъ мостамъ, которымъ не грѣхъ позавидовать нашей земской Руси.

Дождь прошелъ недавно, вся природа освѣжена и оживлена, сверкаетъ красками и лучами солнца. Людная дорога кишитъ движеньемъ, точно улица большого торговаго города. Воды теперь вездѣ много, самые маленькіе арыки гудятъ и пѣнятся отъ полноводія.

Вотъ и мостъ черезъ Чирчикъ,—эту главную водную артерію всего края, живую душу Ташкента и всѣхъ его многочисленныхъ арыковъ, которые онъ питаетъ своими обильными горными водами. Большіе арыки, какъ Саларъ, Карасу и другіе, только искусственные рукава Чирчика, цѣдящаго свои струи изъ ледниковъ заоблачнаго отрога Тянь-Шаня.

Верхнія долины Чирчика, соблазнительно синѣющія влѣво отъ насъ своими туманными далями, живописныя, какъ Швейцарія, и многіе жители Ташкента поднимаются на лѣто туда на дачи, въ цѣлебный прохладный воздухъ горъ.

Отлично устроенный деревянный мостъ черезъ Чирчикъ тянется болѣе полуверсты, на цѣлыхъ 300 саженъ; стремительная пучина водъ кружится, пѣнится и реветъ вокругъ его устоевъ, широкою скатертью сбѣгая внизъ къ далекимъ берегамъ Сыръ-Дарьи. Кишлаки, сады на каждомъ шагу, какъ подобаетъ окрестностямъ столицы—хотя бы и Туркестана. На первой же станціи «Чирчикъ»—двѣ остановки, двѣ неудачи, хотя одна изъ нихъ невольно помогла другой. Нѣтъ лошадей,—нужно ждать на станціи часа два. Я забылъ въ кабинетѣ у сына всѣ деньги свои,—нужно ѣхать за ними обратно въ Ташкентъ. Дѣлать было нечего, и сыну пришлось прокатиться еще въ два конца между Чирчикомъ и Ташкентомъ. А мы въ это время, нисколько не пеняя на судьбу, которая неожиданно продолжила наше свиданье съ близкими нашими,—преспокойно занялись, подъ гулъ полившаго опять дождя, самоварчикомъ и разными домашними снадобьями. Когда сынъ вернулся назадъ, часа черезъ два, лошади уже были готовы, и мы, покончивъ чай и выпивъ на прощанье по стакану искрометной влаги,—тронулись уже одинокіе въ свой далекій путь, провожаемые сердечными напутствіями и пожеланьями. Дождь только-что прошелъ, и яркій солнечный закатъ освѣтилъ своими косыми лучами увлажненную землю. Далекія горы Туркестанскаго хребта вдругъ вырѣзались странно и ясно до осязательности своими снѣговыми пирамидами, вспыхнувшими на вершинахъ розовымъ румянцемъ, и туманно-голубыми—внизу, на свинцовомъ фонѣ дождевыхъ тучъ, заволочившихъ горизонтъ.

Вечерѣло удивительно быстро, какъ всегда на югѣ. Дороги испортились дождемъ, и уже никто не сталъ попадаться навстрѣчу: у сартовъ и киргизовъ теперь ураза, ихъ великій постъ своего рода,—и всякій правовѣрный обязанъ почтить праздникъ

ночнымъ пиршествомъ. Въѣдешь въ черную, грязную улицу кишлака и видишь вездѣ, среди черной ночи, горящіе огоньки фонарей, свѣчекъ, лампочекъ, притулившихся гдѣ-нибудь подъ галлерейкою или у воротъ дома, или, просто, подъ тѣнистымъ деревомъ. Вездѣ дымятъ и сверкаютъ въ темнотѣ наши тульскіе самовары, висятъ котелки надъ разложенными кострами, а вокругъ нихъ сидятъ живописными группами, эффектно освѣщаемыя красноватымъ отблескомъ огней, характерныя фигуры въ чалмахъ и тюбетейкахъ, приступившія къ ночной трапезѣ.

Отъ этого сверканья огней дѣлается еще вдвое чернѣе въ узкой, неприглядной улочкѣ тѣсно застроеннаго кишлака, заслоненной отовсюду черными тѣнями домовъ, садовъ и заборовъ. И, какъ нарочно, на каждомъ шагу арыки, мостики, повороты во всякіе переулочки и закоулочки.

Мальчишка-киргизенокъ, не смыслящій ни слова по-русски, и, повидимому, не часто имѣвшій дѣло съ такимъ грузнымъ экипажемъ, пренеловко поворачиваетъ свою дикую тройку при съѣздахъ съ мостовъ и при въѣздахъ на мосты, такъ что я вотъ-вотъ жду, когда же онъ, наконецъ, опрокинетъ насъ вполнѣ основательно въ какой-нибудь изъ многочисленныхъ арыковъ и свернетъ намъ наши православныя шеи. Въ одномъ кишлакѣ темнота ночи совсѣмъ сбила съ толку бѣднаго киргизенка, и онъ завезъ нашъ тарантасъ въ такой тупикъ, откуда не было выѣзда ни туда, ни сюда. Киргизы, ужинавшіе на улицѣ, живо оттащили тарантасъ назадъ за колеса и направили глупаго дикаря на путь истинный. Къ счастью, послѣ изрытой дождями дороги, опять пошло на 4 версты прекрасное шоссе, обсаженное деревьями, по которому можно было смѣло ѣхать быстро даже и въ такую черную тьму и даже и въ нашемъ ковчегѣ Ноевомъ. Мы добрались, такимъ образомъ, до станціи Той-Тюбе, гдѣ рѣшились переночевать. Вскочилъ я на ноги раньше 4-хъ часовъ утра, потому что необходимо было спѣшить до свѣта переѣхать въ бродъ опасную рѣку Ангрену, пока солнце не на-

топило горныхъ снѣговъ и льдовъ и не поддало воды въ безъ того полноводную рѣку, пожирнѣвшую отъ вчерашняго дождя.

Утро чуть брезжило, а уже всякаго рода крикъ, пискъ и гамъ стояли надалеко кругомъ въ улицахъ огромнаго кишлака. Пѣтухи, воробьи, всякія птицы надрывались отъ крика, на перебой другъ съ другомъ, словно на пожарѣ. Даже въ первой комнатѣ станціи, не прикрытой потолкомъ, въ тростниковой крышѣ, какъ разъ надъ кроватью кого-то изъ хозяевъ, назойливо и немолчно чирикали невидимые голоса птицъ, забившихся въ крышу. Мы, балованные питомцы городской цивилизаціи, рѣдко слышимъ эти шумливо-веселые голоса ранняго деревенскаго утра и долго не можемъ привыкнуть къ нимъ.

Когда я вышелъ на крыльцо распорядиться насчетъ лошадей, въ тепломъ и влажномъ воздухѣ лѣтней зари кишлакъ все рѣзче выяснялся на блѣдномъ небѣ темными силуэтами своихъ тополей и курчавыхъ садовъ. Цѣлыя вереницы киргизовъ, въ длинныхъ бѣлыхъ рубахахъ, высоко приподнявъ свои халаты, двигались въ полутьмѣ, шлепая по грязи сухощавыми босыми ногами.

Почта на двухъ тройкахъ, вся заваленная тюками и чемоданами, съ однимъ соннымъ почтальономъ на обѣ повозки, только-что подъѣзжала къ станціи, гремя своими колокольчиками. Въ этой дикой киргизской степи она безопасно ѣздитъ даже по ночамъ, почти никѣмъ не охраняемая, до того великъ страхъ кочевника передъ русскимъ именемъ и до того грозенъ еще здѣсь авторитетъ военной власти.

Вотъ двинулся, наконецъ, по узкой, безконечной улицѣ и нашъ рыдванъ. Огромный кишлакъ уже просыпался; множество лавченокъ пооткрыло свои дверочки и ставенки. Всѣ житейскія дѣла простодушнаго туземца на глазахъ у всѣхъ. Вонъ о и и спятъ, и ѣдятъ, работаютъ и торгуютъ, никого не стѣсн ясь, прямо на улицѣ. Тутъ голыя костлявыя ноги еще торч гъ изъ-подъ теплыхъ ватныхъ одѣялъ, а радомъ уже бритая б лка постукиваетъ молоточкомъ или шьетъ башмакъ. Дома

тутъ — всѣ въ открытыхъ галлерейкахъ, и на нихъ-то, подъ ними—вся жизнь.

Тройка наша въѣхала въ цѣлый караванъ верблюдовъ, разряженныхъ какъ на свадьбу, въ яркихъ, расшитыхъ чепракахъ, узорчатыхъ коврахъ, въ разноцвѣтныхъ махрахъ и кистяхъ на мордѣ, на шеѣ, на брюхѣ... Это ужъ скоты не для вьюка, а для верха. Они съ дикимъ испугомъ мечутся въ сторону при звукѣ почтовыхъ колокольчиковъ, давятъ и сбиваютъ съ ногъ другъ друга. Удушливая вонь какимъ-то прѣлымъ пòтомъ—надалеко разитъ отъ нихъ, когда приходится такъ близко протискиваться сквозь стадо ихъ.

До солнца успѣли проѣхать мы влажную низину, прорѣзанную рѣкою Ахангареномъ, именуемой въ просторѣчьи Ангреною. Рѣка эта не такъ велика, какъ Чирчикъ, но играетъ ту же важную роль въ хозяйствѣ страны. Это двѣ крупнѣйшія артеріи, которыми стекаютъ въ Сыръ-Дарью обильныя воды высокихъ горныхъ хребтовъ, отдѣляющихъ Ташкентскій уѣздъ на сѣверѣ отъ Чимкентскаго и Ауліеатинскаго уѣздовъ, а на востокѣ — отъ Ферганской области. Хребты эти, снѣга которыхъ бѣлѣютъ теперь на горизонтѣ влѣво отъ насъ, вовсе не шуточные: все это отроги титаническаго Тянь-Шаня, который протянулъ свои безчисленныя каменныя лапы далеко въ Туркестанъ; одна изъ этихъ лапъ, та именно, чтò образуетъ сѣверную границу Ташкентскаго уѣзда, называется хребтомъ Ала-Тау, чаще всего Таласскимъ Ала-Тау, потому что съ ея сѣвернаго склона течетъ къ сѣверу черезъ Ауліеатинскій уѣздъ довольно большая рѣка Таласъ. Другая лапа отходитъ отъ первой на юго-западъ отъ общаго горнаго узла, высотою въ 12.000 футовъ, и называется Чаткальскимъ хребтомъ, опять-таки по имени рѣки Чаткала, родящейся своими истоками въ ея ледникахъ. Чаткалъ, собравъ въ себя нѣсколько другихъ горныхъ рѣкъ, прорывается черезъ горы на юго-западъ, разливается по долинѣ и впадаетъ въ Сыръ-Дарью подъ другимъ названіемъ — Чирчика, черезъ который мы только-что переѣхали вчера. Вмѣстѣ съ Чаткаломъ Чирчикъ

имѣетъ длины 280 верстъ и, захватывая своимъ бассейномъ болѣе милліона десятинъ, на всемъ этомъ протяженіи служитъ питателемъ и разносителемъ плодородія для окрестныхъ земель.

Цѣлая сѣть арыковъ растерзываетъ его во всѣ стороны и такъ перепутываетъ его съ водами сосѣднихъ рѣчекъ, что трудно разобрать, какими собственно рукавами бѣжитъ самъ Чирчикъ. Такъ же точно, и еще, пожалуй, больше, разбита на рукава, и природные, и искусственные, рѣка Ангрена, и такъ же точно напояетъ и утучняетъ всѣ поля своей широкой долины, хотя длина Ангрены всего только 175 верстъ.

Ангрена вытекаетъ изъ пазухи двухъ горныхъ вѣтвей, на которыя раздѣляется Чаткальскій хребетъ; одна вѣтвь—Адамъ-Тау, идетъ прямо на западъ, разобщая своими отрогами долину Чирчика отъ долины Ангрены, другая вѣтвь — Курама-Тау, идетъ прямо на югъ и потомъ на юго-западъ, очень мало не доходя до Сыръ-Дарьи и составляя собою границу между двумя областями: Сыръ-Дарьинской и Ферганской. Конечный отрогъ Курама-Тау, мимо крутыхъ и эффектныхъ скалъ котораго идетъ наша почтовая дорога изъ Ташкента въ Ходжентъ и Коканъ, называется Могулъ-Тау. Въ настоящее время лѣса, когда-то покрывавшіе всѣ эти заоблачныя цѣпи горъ, до такой степени вырублены хищническимъ хозяйствомъ киргизовъ и курамы, что и Чирчикъ, и Ангрена, въ прежніе годы всегда черезъ край переполненные водами, теперь частенько пересыхаютъ лѣтомъ въ тѣхъ низменныхъ мѣстахъ своихъ, гдѣ разливу ихъ слишкомъ большой просторъ. А главное, стокъ водъ съ высоты по русламъ этихъ рѣчекъ сдѣлался, безъ регулирующаго вліянія лѣсовъ, удивительно неровнымъ и рѣзкимъ, такъ что, при полномъ пересыханіи русла, въ одну ночь можетъ вдругъ низринуться сверху какой-нибудь опустошительный потокъ.

Мы, кажется, попались именно въ одну изъ такихъ скверныхъ минутъ. Вчерашніе дожди обратили Ангрену въ широкій ушующій потокъ, такъ что вечеромъ и ночью переѣздъ черезъ ее былъ невозможенъ. Только къ утру воды схлынули на-

столько, что черезъ рѣку стали пускать караваны и проѣзжихъ, но и то съ большимъ рискомъ.

Когда мы проѣзжали ея береговую равнину, все кругомъ было пропитано и залито водою. Самый крошечный арыкъ гудѣлъ и катилъ свои струи, будто настоящая рѣчка. Лужи на каждомъ шагу, вся почтовая дорога превратилась въ сплошной рядъ озеръ. Тѣмъ не менѣе широкая зеленая долина, еще не освѣщенная лучами утра, смотрѣла людно, обильно и весело. Вездѣ кишлаки, сады, обработанныя поля, сочные луга, на лугахъ кибитки цѣлыми гнѣздами, стада верблюдовъ и коровъ. Коровы тутъ впрочемъ маленькія и плохонькія, совсѣмъ не подходящія къ этому степному простору и этимъ непроѣднымъ кормамъ. Хозяйственная суета уже вездѣ: доятъ коровъ, вьючатъ верблюдовъ, запрягаютъ арбы. Въ раннемъ утреннемъ часѣ, который такъ рѣдко приходится видѣть и испытывать въ нашей искаженной городской жизни, ничѣмъ незамѣнимая красота и ничѣмъ незамѣнимая польза!.. Въ немъ богатство и здоровье, въ немъ нравственная сила человѣка. Дѣды наши хорошо знали это и не губили лѣнивымъ сномъ лучшихъ часовъ своей жизни. Оттого-то они были здоровы и могучи тѣломъ, спокойны нервами, веселы духомъ, совсѣмъ не то, что мы.

Въ ожиданіи солнца и на далекихъ снѣговыхъ горахъ тоже залегли стада своего рода—бѣлые клубы облаковъ увили собою горныя вершины и набились, какъ клочья ваты, въ глубокія ущелья.

На берегу Ангрены цѣлый таборъ. Караванъ въ добрую сотню верблюдовъ, только-что переправившійся сюда съ того берега, оправляется и отдыхаетъ, собираясь дальше въ путь. Киргизская кибитка раскинута около рѣки, и возлѣ нея нѣсколько запасныхъ арбъ. Это перевощики, обязанные переправлять черезъ рѣку почту и проѣзжихъ. Они слѣдятъ за подъемомъ и спадомъ водъ въ рѣкѣ и отвѣчаютъ за безопасность переправы.

Тарантасъ нашъ остановился среди песковъ берега, со всѣхъ

сторонъ окруженный верблюдами и киргизами; мы вышли изъ него, чтобы полюбоваться, какъ это люди въ здравомъ умѣ и твердой памяти совершаютъ безумную переправу прямо на колесахъ черезъ пучины водъ.

Обыкновенно мирная Ангрена разлилась теперь, словно какакая-нибудь Аму-Дарья. Всѣ рукава ея слились въ сплошную скатерть водъ, которыя бѣжали внизъ съ гуломъ и стремительностью водопада. Жутко было смотрѣть, какъ головъ двѣсти нагруженныхъ верблюдовъ, загоняемые отчаянными криками и палками погонщиковъ, длинною вереницею медленно и неувѣренно вступали въ несущійся потокъ, ощупывая своими надежными толкачами скрытую отъ глазъ почву. Подъ тяжестью ноши своей, они все глубже и глубже погружались, удаляясь отъ берега, въ коварную пучину, которая неудержимо относила ихъ далеко отъ того мѣста, куда они направлялись.

Молодые верблюды то и дѣло срывались напоромъ стремнины и исчезали подъ водой, выныривая оттуда съ торопливымъ ужасомъ. Вотъ они наконецъ перетянулись кое-какъ черезъ разливы водъ, и одинъ за однимъ, важистою тяжкою поступью, съ трудомъ выпрастывая свои мозолистыя ноги изъ каменистой розсыпи, завалившей дно рѣки, начинаютъ вылѣзать на кручи нашего берега; вода такъ гладко прилизала ихъ, что ихъ всегда лохматая шерсть теперь лоснится, какъ шелкъ, и сами они кажутся какими-то исхудавшими скелетами.

Теперь очередь за большимъ четырехмѣстнымъ тарантасомъ, запряженнымъ пятеркою почтовыхъ коней, который уже давно, повидимому, поджидаетъ на томъ берегу рѣки, благополучно ли переправится черезъ нее многоголовый верблюжій караванъ.

Намъ видно, какъ киргизы живо перебрасываютъ весь обильный багажъ помѣстительнаго тарантаса на высочайшія двухколесныя арбы, подвезенныя вплотную къ тарантасу. Тучный мужчина въ военномъ китилѣ умащивается съ цѣлою семьею женщинъ и дѣтишекъ поверхъ своего скарба на этихъ домо-

рощенныхъ трясущихся колесницахъ, на которыхъ, навѣрное, ѣздилъ еще въ дни всемірнаго потопа праотецъ Ной.

Арбы, полныя народа и клажи, первыя въѣхали въ воду; сначала онѣ долго двигались въ одну сторону, какъ-будто уступая теченію, потомъ вдругъ разомъ круто повернули и стали перерѣзать навкось широкій разливъ водъ, потомъ какъ будто вернулись назадъ и полѣзли къ берегу совсѣмъ въ другомъ направленіи. Нужно знать такъ, какъ это знаютъ киргизы, малѣйшіе изгибы рѣки, скрытые теперь разливомъ водъ, чтобы съ такою безошибочною точностью вести переправляющихся путешественниковъ по всѣмъ поворотамъ невидимаго пути. Тарантасъ съѣхалъ въ рѣку уже за арбами и сразу глубоко ушелъ своимъ грузнымъ кузовомъ. Верховые джигиты-киргизы съ отчаянными криками провожали его со всѣхъ сторонъ. Одинъ изъ нихъ захлестнулъ веревку вокругъ задней оси тарантаса и натягивалъ ее въ сторону, чтобы не дать экипажу опрокинуться въ опасныхъ мѣстахъ, а двое другихъ привязали веревки къ гужамъ коренника и тащили его впередъ какъ на розвязяхъ, не давая ему спотыкаться и нырять подъ воду. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ вода совершенно покрывала кузовъ тарантаса, и самъ весь онъ качался и трясся, словно въ предсмертныхъ судорогахъ, пересчитывая колесами огромные камни, навороченные рѣкою. Многоопытный старикъ-киргизъ въ рваномъ мѣховомъ малахаѣ безостановочно сыпалъ удары кнута на спины своихъ многострадальныхъ, столь же опытныхъ, а вмѣстѣ и сильныхъ лошадей, которыя и безъ того впрочемъ лѣзли изъ кожи. Какъ ни высоки были колеса кокандской арбы, вода все-таки подходила подъ самое сидѣнье ея, а у киргиза-кучера, стоявшаго босыми ногами на ея оглобляхъ, ноги давно были по щиколку въ водѣ.

И намъ судьба сулила такую же дикую переправу. И мы точно такъ же переселились со всѣми своими пожитками на толкучую двухколесную коканé, съ которой, казалось, можно было слетѣть на каждомъ шагу, при первомъ порядочномъ толчкѣ;

и нашъ пустой тарантасъ потащили точно такъ же на розвязяхъ джигиты-киргизы, наполняя тихій воздухъ ранняго утра своими громкими криками и бранью...

То туда, то сюда смѣло поворачивалъ свою изумительно-умную и изумительно-выносливую лошадь киргизъ-возница, отыскивая по памяти среди сплошной пучины водъ знакомые ему рукава и изгибы рѣки. Бѣдная лошадь, тащившая по убійственнымъ камнямъ рѣчного дна арбу, нагруженную людьми и багажемъ, надрывалась отъ усилій и чуть не съ ушами уходила подъ воду, все время упираясь противъ одолѣвавшаго ее теченія. Мы съ немалыми акробатическими усиліями держались на грудѣ своихъ дорожныхъ чемодановъ и мѣшковъ, съ вышины которыхъ каждый изрядный толчокъ стряхивалъ насъ внизъ, будто какихъ-то, не въ свое мѣсто залѣзшихъ, досадливыхъ насѣкомыхъ. Это и не мудрено, потому что досчатое дно арбы прибито прямо, всею шириною своею, къ оси громадныхъ колесъ, и каждый камень рѣчного дна отражается на этомъ трясущемся помостѣ, немилосердно подкидывая его вверхъ, а съ нимъ вмѣстѣ подкидывая также высоко и всѣхъ, кто по неблагоразумію своему основалъ на немъ свою, хотя бы и кратковременную, судьбу.

Въ глазахъ рябило и кружилось отъ безпрерывнаго мельканья водяной стремнины, катившейся широкимъ полотномъ по затопленной долинѣ, и когда, среди этого одуряющаго движенія водъ, арба съ лошадью начинала на нашихъ глазахъ все глубже и глубже уходить въ невѣдомые намъ омуты, намъ не разъ искренно казалось, что вотъ-вотъ и мы съ своими чемоданами, и одноглазый киргизъ, служившій намъ Харономъ, всѣ мы сейчасъ исчезнемъ въ этомъ бурномъ Стиксѣ, черезъ который можно переправляться только развѣ въ царство тѣней. Однако, арбу нашу, благодаря Бога, не залило, мы сами уцѣлѣли со всѣмъ своимъ добромъ, и мало-по-малу умница-лошадь, такъ добросовѣстно протащившая насъ сквозь всѣ мытарства, выбралась, нося боками и тяжело дыша, сначала на мелкое мѣсто, потомъ и на пески того берега...

Мы перекрестились отъ всей души, очутившись на безопасной и знакомой сердцу сушѣ.

Тарантасъ, потерпѣвъ настоящую морскую качку и зачерпнувъ раза три по полному кузову воды, тоже выкарабкался на берегъ. Вода стояла въ немъ, какъ въ какой-нибудь потонувшей лодкѣ. Старикъ-киргизъ, сидѣвшій на его козлахъ, не долго думая, вынулъ изъ-за пояса тщательно спрятанный кривой ножикъ и, повернувшись назадъ, спокойно, какъ давно привычное ему дѣло, вдругъ взрѣзалъ насквозь кожаную обшивку тарантаса. Навѣрное, онъ неособенно давно употреблялъ это любимое оружіе туркестанца на дѣла, далеко не столь мирныя, и съ такою же хладнокровною ловкостью взрѣзалъ своимъ кривымъ ножемъ вмѣсто кожи тарантаса горло своего врага.

Вода съ тихимъ булькаьемъ стала выливаться въ отверстую рану, быстро понижая свой уровень. Старикъ подождалъ, пока вылилась послѣдняя струйка воды, не спѣша спряталъ опять за поясъ кривой ножъ и, захвативъ въ корявую лапу толстый пукъ сѣна, дó-суха вытеръ имъ внутренность тарантаса.

— Теперь опять садись, баринъ, гайда дальше!..—произнесъ онъ, сверкая на насъ своими смѣющимися зрачками и бѣлыми зубами, хищными, какъ у волка.

Да самаго Пскента мы не выѣзжали изъ зеленой влажной низовины, заливаемой весенними водами Ахангрена, его рукавовъ, притоковъ и арыковъ. Солнце уже вошло, и молодая яркая зелень, омытая дождями, сверкала всею свѣжестью и всею радостью весны. И въ воздухѣ тоже сверкаютъ яркія краски: миріады лазоревыхъ ракшъ, синезолотыхъ щуровъ, свѣтлозеленыхъ и краснопестрыхъ дятловъ, розовыхъ удодовъ, весело перелетаютъ съ куста на кустъ, шаловливо гоняются другъ за другомъ, унизываютъ телеграфныя проволоки сплошными монистами, будто крупныя зерна дорогихъ самоцвѣтныхъ каменьевъ.

Пскентъ — цѣлый городокъ. Мы его изучили довольно основательно, потому что насъ продержали на станціи отъ 8 часовъ утра до часа дня, пока вернулись и отдохнули почтовыя лошади. Пскентъ расположенъ на маленькой возвышенности, которая островомъ своего рода раздѣляетъ надвое широкую низину Ахангрена. Тутъ много лавокъ, русскіе дома, русское училище; тутъ живетъ приставъ и разное другое начальство; словомъ, это въ нѣкоторомъ смыслѣ административный центръ округа. При кокандцахъ Пскентъ былъ настоящимъ городомъ и, вѣроятно, даже городомъ очень древнимъ. На это указываетъ самое имя его. Старинные города Туркестана обыкновенно носятъ это имя *кента* или *кенда*, то-есть «города»: Таш-кентъ, Яр-кендъ, Самаркендъ, Чим-кентъ, Ходж-кентъ, и тому подобные. Положеніе Пскента среди плодородной Ангренской равнины дѣлаетъ его естественнымъ ключемъ для всей мѣстной системы орошенія, стало быть, своего рода хозяиномъ мѣстности. Базары его всегда очень оживленны. Но сегодня пятница, обычный еженедѣльный праздникъ мусульманъ, замѣняющій имъ наше воскресенье, а кромѣ того ураза. Поэтому нынѣшій базаръ обратился въ настоящую ярмарку. Пестрота одеждъ невообразимая, истинно восточная. Ярко-полосатые халаты, красно-желтые, сине-зеленые, черно-бѣлые, голубые и всякіе иные халаты въ огромныхъ букетахъ, халаты, разведенные затѣйливыми узорами,—кишатъ на каждомъ шагу. Тутъ и киргизы, и сарты, но еще больше курама, особое нѣсколько загадочное племя, повидимому, помѣсь между сартами, таджикомъ и киргизомъ. Курама, собственно говоря, и значитъ — «помѣсь», «сбродъ». Курама главнымъ образомъ нанаселяетъ окрестности Ходжента и отчасти Ташкента, то-есть тѣ именно порубежныя мѣста между Коканомъ и Бухарою, между киргизами и сартами, гдѣ чаще всего происходило незамѣтное смѣшеніе расъ.

Населеніе какой-нибудь Курской и Воронежской губерніи, не великорусское и не хохлацкое, а какое-то особое украинское, зародившееся точно такъ же на старомъ историческомъ рубежѣ

между Москвою и Малороссіею, между Польшей и Русью, между вольною казацкою степью и царскими городами — даетъ нѣкоторое понятіе о туркестанской курамѣ.

Курама любитъ пестроту не меньше киргиза, но они всѣ въ тюбетейкахъ, между тѣмъ какъ киргизъ чуть ли не отъ дней Чингисъ-Хана не мѣняетъ своего характернаго, островерхаго колпака изъ бѣлаго войлока, съ разрѣзными, отогнутыми полями, подбитыми краснымъ. Дѣтки здѣсь особенно красивы, черноглазыя, румяно-смуглыя, и ихъ здѣсь особенно много. Въ яркомъ и пестромъ коврѣ базарной толпы это самые яркіе и самые пестрые цвѣточки.

Рѣдкій городокъ Туркестана расположенъ такъ живописно, какъ Пскентъ. Его плоскокрышіе глиняные домики лѣпятся другъ надъ другомъ, ярусъ на ярусѣ, по обрывамъ узкаго глинистаго ущелья, совсѣмъ какъ сакли дагестанскаго аула. На крышахъ трава и вѣники, и крыши, и сами дома того же цвѣта, того же матеріала, какъ и гора, на которой они торчатъ, точно это не жилища, построенныя человѣкомъ, а только уступы глинистаго обрыва, или ярусы природныхъ пещеръ. Какъ нарочно рядомъ съ ними и дѣйствительно чернѣютъ кое-гдѣ пещеры. Стрижи вьются тучами, будто рои пчелъ, около своихъ безчисленныхъ норокъ, выдолбленныхъ въ твердой глинѣ обрыва, который они обратили въ настоящее сито.

Дорога вьется въ глубинѣ ущелья, у подножія этихъ пробуравленныхъ стѣнъ, этихъ глиняныхъ домовъ-террасъ. И тутъ, какъ вездѣ, слѣды строгаго и прочно установленнаго порядка: дороги ровныя, широкія, обсаженныя молодыми деревьями, орошенныя журчащими арыками, хотя и порядочно безпокойныя вслѣдствіе недавняго дождя и засохшихъ грязныхъ колевинъ; на каждомъ арыкѣ исправный мостикъ, который можно переѣзжать безъ страха и риска и безъ молитвы ко всѣмъ угодникамъ Божіимъ, какъ это приходится дѣлать на мостахъ нашихъ проселочныхъ дорогъ. Одно изумительно, какъ, при такой заботливой внимательности къ каждой мелочи, туземныя власти

заставляютъ честныхъ людей ежедневно по нѣскольку разъ рисковать своею головою на такихъ средневѣковыхъ переправахъ, какъ черезъ Ангрену, которая къ тому же иногда на нѣсколько недѣль прекращаетъ всякое сообщеніе по единственной почтовой дорогѣ изъ Ташкента въ Ферганскую область, останавливая даже правильное движеніе служебныхъ дѣлъ. Въ сезоны сильныхъ разливовъ Ахангрены чиновникамъ, военнымъ, почтѣ, всѣмъ приходится дѣлать далекій крюкъ, объѣзжая изъ Ходжента на Чиназъ и уже оттуда по самаркандской дорогѣ добираться до Ташкента.

За Пскентомъ все еще продолжается плодородная Ангренская низина, особенно годная для посѣвовъ риса и хлопчатника. Рисъ только-что сѣяли, и его поля, раздѣленныя на маленькіе четырехугольники земляными валиками, были всѣ залиты напущенною изъ арыковъ водою. И волы, и пахари двигались по колѣно въ водѣ, съ трудомъ вытаскивая ноги изъ липкой, илистой грязи, которую съ еще бо́льшимъ трудомъ ворочаетъ первобытная деревянная соха. И другимъ рабочимъ приходится тоже работать по колѣно въ водѣ и грязи,—валить валики, прокапывать канавки. Только воловье здоровье и воловья сила киргиза способны переносить такія варварскія условія. Но и они, однако, надламываются, и изнурительная лихорадка нерѣдко скашиваетъ въ этихъ мѣстностяхъ обильную человѣческую жатву. Кромѣ воды и воздухъ приноситъ здѣсь временами изрядный вредъ одновременно человѣку и его посѣвамъ. Съ безбрежныхъ, песчаныхъ пустынь, изъ-за Сыръ-Дарьи, нерѣдко дуетъ здѣсь, такъ-называемый, «гармъ-силь», — «горячій вѣтеръ», который портитъ даже эти влажныя рисовыя поля. У этихъ кажущихся дикарей — вездѣ посѣвное сѣно, несмотря на сосѣдство степей. Русскому цивилизатору въ его родномъ хозяйствѣ, пожалуй, еще не скоро этого дождаться. На обильно орошаемой почвѣ—посѣвы люцерны, по-сартски «дженушка», почему-то называемой здѣсь клеверомъ, удивительно роскошны; съ одного поля въ одно лѣто снимается до четырехъ укосовъ.

Въ сущности, здѣсь съ глубокой древности укоренилось многопольное хозяйство, не оставляющее празднымъ ни одного вершка поливной земли, да и поля скорѣе похожи на огороды; почва, глубоко вспаханная волами, тщательно раздѣлывается чекменями сартовъ, киргизъ, курамы.

Мѣстное рабочее населеніе нанимается тутъ къ хозяевамъ земли на разныхъ условіяхъ: одни работники обработываютъ землю изъ половины дохода, на своихъ харчахъ и въ своихъ домахъ, получая отъ владѣльца только воловъ и сѣмена; это «ширики», нѣчто въ родѣ фермеровъ. Другіе — настоящіе батраки,—«чарикоры»—живутъ у хозяина на полномъ его содержаніи и получаютъ вмѣсто опредѣленнаго жалованья четвертую часть дохода. Такъ какъ и подати бо́льшею частью взимаются здѣсь въ видѣ извѣстной доли дохода, какъ, напримѣръ, десятинная подать «харачъ»,—то обстоятельство это дѣлаетъ положеніе туркестанскаго земельнаго хозяйства нѣсколько болѣе прочнымъ, чѣмъ при нашихъ порядкахъ, гдѣ работникъ, казна, земство и пр. не имѣютъ никакого участія въ убыткахъ хозяйства, а каждый годъ взимаютъ съ него одну, заранѣе опредѣленную, цыфру расхода, несмотря на то, доходъ или убытокъ принесло въ этомъ году хозяйство.

Несмотря на пятницу и на уразу, вонъ они всѣ теперь на своихъ поляхъ съ чекменями въ рукахъ; это тоже не русская черта, такъ что врядъ ли русскому цивилизатору придется когда-нибудь научать туземца-азіата хозяйственному трудолюбію.

Садоводство здѣсь тоже давно привычное занятіе; каждый домъ окруженъ густымъ садомъ; сартъ садитъ деревцо вездѣ, гдѣ только можетъ, ради плода, ради тѣни, ради подручнаго строительнаго матеріала. Постройки въ кишлакахъ здѣсь тоже болѣе приличныя и болѣе обширныя: вездѣ громоздкія крытыя ворота, глубокія и широкія; домики все больше двухъ-этажные, съ галлерейками. иногда даже съ узорчатыми деревянными рѣшетками въ окнахъ, и съ характерно-изукрашенными потолками

наружныхъ галлерей, словомъ, на всемъ замѣтенъ отпечатокъ извѣстнаго вкуса и извѣстныхъ житейскихъ требованій. Базарчики въ кишлакахъ вездѣ крытые, и хотя всѣ ихъ крыши большею частью кое-какъ слѣплены и стоятъ на курьихъ ножкахъ своего рода, однако, это все же сравнительное удобство.

Пестрыхъ и яркихъ птицъ и тутъ тучи; должно быть, ихъ никто здѣсь не трогаетъ, иначе онѣ не приближались бы къ человѣку такъ довѣрчиво и въ такомъ множествѣ. Вообще, кажется, магометанинъ имѣетъ какое-то религіозное уваженіе къ птицѣ. Невольно вспоминаются аисты, царящіе своими гнѣздами надъ мечетями и дворцами Бухара-ель-Шерифа, и священные голуби, откармливаемые тысячами въ одной изъ знаменитыхъ Стамбульскихъ мечетей. Гнѣзда ласточекъ здѣсь въ такомъ уваженіи, что ихъ никто не смѣетъ потревожить даже внутри дома, и меня не разъ изумляло въ почтовыхъ станціяхъ Ферганской и Сыръ-Дарьинской области не всегда удобное сожительство съ проѣзжающими этихъ проворныхъ длиннохвостыхъ птичекъ, которыя завладѣваютъ обыкновенно углами и карнизами комнатъ, гдѣ ночуютъ проѣзжіе, и изъ своихъ гнѣздъ-мѣшечковъ, наполненныхъ зѣвающими желтыми ротиками, ведутъ оживленную междуусобную войну другъ съ другомъ, какъ нѣкогда средневѣковые рыцари-бароны въ своихъ горныхъ замкахъ. Впрочемъ, я только-что видѣлъ за Пскентомъ живую иллюстрацію моей мысли: большіе длинноногіе и красноклювые аисты съ важною самоувѣренностью шагаютъ тамъ по рисовымъ болотамъ рядомъ съ пашущимъ плугомъ, рядомъ съ колокольчикомъ почтовой тройки. Ихъ нисколько не смущаютъ всѣ эти затѣи суетящагося человѣчества, ибо они твердо знаютъ, что ихъ, священныхъ птицъ, законныхъ хозяевъ этого поля и этихъ посѣвовъ, никто не осмѣлится тронуть.

Ближе къ Уральской станицѣ плодородная равнина, орошаемая обильными водами Ахангрена и его притоковъ, начинаетъ мало-по-малу принимать характеръ дикой степи. Все чаще встаютъ кругомъ и вырѣзаются на далекомъ горизонтѣ угрю-

мые могильные курганы, безмолвные и загадочные памятники давно прошумѣвшей здѣсь исторіи; все больше попадаются на глаза пасущіяся стада верблюдовъ и темныя кибитки кочевниковъ, скученныя, какъ гнѣзда грибовъ.

Уральская станція уже стоитъ какимъ-то одинокимъ боевымъ бастіономъ среди пустой степи, недовѣрчиво щетинясь противъ нея своими двумя круглыми башнями и крѣпостными стѣнами. Такъ мало лѣтъ еще прошло съ тѣхъ поръ; какъ эта пограничная мѣстность подвергалась чуть не ежедневнымъ набѣгамъ сосѣднихъ кокандцевъ, тогда еще не покоренныхъ и дышавшихъ ненавистью противъ русскихъ за отнятые у нихъ города и области. Отъ Уральской до Джамъ-Булака — сплошная степь, гладкая какъ ладонь, во всей своей суровой серьезности. Ни одного арыка, ни одного деревца, ни одного жилья... Безчисленныя стада овецъ и верблюдовъ, которые по цѣлымъ днямъ могутъ обходиться безъ воды, бродятъ по этимъ необхватнымъ сухимъ пастбищамъ, гдѣ уже въ концѣ апрѣля трава выгораетъ, какъ въ развалъ лѣтняго зноя. Овцы здѣсь совсѣмъ не похожи на нашихъ: огромныя, съ длинною шерстью, съ двойными жирными курдюками, на ногахъ, высокихъ, какъ у теленка, цвѣтомъ онѣ почти всѣ черныя, темнокоричневыя, желтыя, бѣлыхъ не попадается вовсе. Кибитокъ однако не видно въ степи; онѣ всѣ теперь подобрались выше, въ прохладу горъ. Эти горы кажутся такъ близко, рукой достанешь; но до нихъ порядочно много верстъ. Это виденъ намъ хребетъ Курама́-Тау. Онъ тянется по горизонту голыми, окаменѣлыми волнами, чуть только зеленѣющими у подножія, высоко поднимаясь въ облака. Эта степь на рубежѣ двухъ старыхъ ханствъ, на рубежѣ дикихъ скиѳскихъ кочевій, отдѣлявшихся Яксартомъ отъ Согдіаны и Трансоксаны, была во всѣ вѣка полемъ жестокихъ схватокъ между народами; оттого, конечно, она и щетинится теперь частыми курганами, которые въ иныхъ мѣстахъ залегаютъ сплошнымъ кладбищемъ. Уральская станція обсыпана ими. Щедрая мать-природа, цѣлительница людской вражды и людской злобы, при-

крыла эти печальные памятники смерти веселою багряницею весеннихъ цвѣтовъ; вездѣ, по холмамъ, по равнинамъ пробрызнули, будто выступившія изъ древнихъ могилъ безчисленныя капли пролитой здѣсь нѣкогда крови,—кроваво-красные цвѣты полевого мака. Должно быть, киргизамъ-кочевникамъ, дѣтямъ крови, пришлись вполнѣ по вкусу эти кровавые цвѣты: и они тоже нарядились съ головы до ногъ въ кроваво-красныя одежды, не находя, повидимому, ничего радостнѣе для сердца степного разбойника, какъ этотъ цвѣтъ свѣже-пролитой крови.

Поразительно полное отсутствіе русскаго элемента въ этой «русской» степи. Даже солдатъ совсѣмъ не видно. Рѣдко попадается гдѣ-нибудь на станціи русскій староста, безпомощно затерянный среди курамы или киргизовъ, русскій почтальонъ, русскій проѣзжій. Я съ дѣтски-радостнымъ чувствомъ увидѣлъ на дорогѣ человѣкъ шесть русскихъ рабочихъ, проходившихъ босикомъ изъ Ташкента въ Ходжентъ, съ сапогами на плечахъ. Они казались такими далекими пришлецами изъ другой части свѣта, такими «чужестранцами» въ этомъ царствѣ киргиза и верблюда! Еще больше удивилъ меня одинъ порядочно одѣтый господинъ, подъѣхавшій верхомъ изъ глубины степи къ станціи Джамъ-Булакъ. Онъ оказался прикащикомъ одной изъ ташкентскихъ купеческихъ фирмъ, имѣющей по близости какія-то торговыя дѣла. Мнѣ стало жутко за него, когда, окончивъ свое дѣло на станціи, этотъ одинокій всадникъ въ европейскомъ платьѣ, опять потонулъ въ сѣрыхъ даляхъ пустынной степи, гдѣ не видно было ничего кромѣ безмолвныхъ старыхъ могилъ.

Особенно странно, что въ этихъ новыхъ «забранныхъ» мѣстахъ совсѣмъ нѣтъ русскаго монаха, русскаго священника.

Когда вспомнишь плодотворное воспитательное значеніе древнихъ православныхъ обителей, проникавшихъ бывало въ глухія дебри разныхъ инородческихъ странъ раньше пахаря и горожанина, далеко впереди государственной силы; вспом-

нишь, что милліоны инородцевъ приводились къ единенію съ державою русскою, крѣпко входили въ составъ русскаго народнаго тѣла гораздо больше вдохновенною проповѣдью самоотверженныхъ отшельниковъ, чѣмъ силою меча или искусствомъ управленія: то дѣлается обидно и больно за апатію нашего теперешняго многочисленнаго и зажиточнаго монашества, которое словно утеряло славныя историческія традиціи своей апостольской миссіи и довольствуется бо̀льшею частью безцѣльнымъ пребываніемъ въ богато украшенныхъ и роскошно всѣмъ снабженныхъ штатныхъ монастыряхъ внутренней Россіи, въ Москвахъ, Петербургахъ, Кіевахъ, гдѣ уже давно нѣтъ для нихъ высокихъ евангельскихъ задачъ, и гдѣ самое существованіе иноковъ и монастырей является крайне неудобнымъ, можно сказать, даже невозможнымъ и противоестественнымъ, извращающимъ по неволѣ самый характеръ этихъ святыхъ учрежденій, посвященныхъ уединенію, лишеніямъ и подвигамъ.

Между тѣмъ не только католическая Франція или Италія, но даже протестантская Германія, протестантская Англія и Америка передовыми піонерами своей гражданственности и своихъ будущихъ политическихъ завоеваній до сихъ поръ посылаютъ миссіонеровъ, священниковъ, монаховъ, членовъ разныхъ конгрегацій. Въ Сахарѣ среди туареговъ, на Сенегалѣ и въ Дагомеѣ, во внутренней Африкѣ, новооткрытой Ливингстонами и Стенлеями, въ Тонкинѣ, Бирмѣ, Китаѣ и Японіи, — вездѣ одушевленно работаетъ, не жалѣя трудовъ и самой жизни, энергическій европейскій миссіонеръ.

Наши киргизы и туркмены, почти не имѣющіе никакой религіи, настолько же мусульмане, насколько фетишисты-язычники, несомнѣнно представили бы самое благодарное поле для привитія имъ христіанской религіи и христіанской цивилизаціи, тѣмъ болѣе, что русскимъ они привыкли вѣрить больше, чѣмъ всякому другому европейцу, и что русскіе какъ-то особенно умѣютъ сживаться съ азіатскимъ дикаремъ и пріучать этого дикаря сживаться съ ними.

Смѣшно сказать, что на всю Туркменію, Бухарію, Самаркандскую область, громадную Сыръ-Дарьинскую и Ферганскую области — не учреждено до сихъ поръ даже отдѣльной епархіи, а всѣ онѣ приписаны къ Семирѣченской области! Подумаешь, въ Россіи не нашлось одного архіерея для отправки въ эти громадныя мусульманскія царства, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе населяющіяся русскимъ православнымъ людомъ, между тѣмъ какъ папа создаетъ сотнями епископскіе престолы и епархіи даже in partibus infidelium, въ странахъ, гдѣ найдешь всего нѣсколько десятковъ католиковъ. Нельзя, конечно, думать, что долгое господство въ этомъ краѣ генералъ-губернаторовъ съ нѣмецкими фамиліями (быть можетъ, и нѣмецкой вѣры?) имѣло какое-нибудь вліяніе на это прискорбное положеніе такого важнаго государственнаго вопроса.

Станція Джамъ-Булакъ совсѣмъ пустынная и окружена пустыней. Только противъ нея выстроены для заѣзда каравановъ двѣ, три «курганчи», нѣсколько напоминающія наши большіе постоялые дворы прежнихъ торговыхъ дорогъ. Кругомъ обширнаго двора длинные навѣсы, огромныя крытыя ворота ведутъ во дворъ. Но дворъ уже, конечно, не тесовый и не плетневый, а глиняный, какъ вся эта глиняная страна. Когда заперты на засовъ и на замокъ крѣпкія ворота, «курганча», обнесенная высокими сплошными стѣнами, смотритъ тою же «калою», какія такъ часто попадались намъ въ степяхъ Туркменіи. Все безотраднѣе и пустыннѣе дѣлается степь по дорогѣ къ Мурза-Рабату. Тутъ уже не встрѣчаешь ни скота, ни проѣзжихъ; только валяются среди выжженой травы и яркаго пурпура маковыхъ цвѣтовъ до-бѣла обглоданные шакалами костяки павшихъ лошадей. Это тоже «голодная степь» своего рода; сходство съ нею еще усиливается знакомымъ намъ названіемъ станціи «Мурза-Рабатъ». Въ старину однако и эта степь была, повидимому, плодородна и населена. На каждомъ шагу встрѣчаешь большіе, давно изсохшіе арыки, но воды—ни капли нигдѣ! Изъ травы,

впрочемъ, поднимаются довольно часто куропатки какой-то крупной породы; значитъ, жизнь природы еще не вполнѣ замерла здѣсь.

Вмѣсто воды зато необыкновенное изобиліе камней. Дорога засыпана ими. Обломки гранита, гнейса, трахита валяются кучами. Это ужъ передовые вѣстники совсѣмъ близко надвинувшихся на насъ горъ. Южная отрасль Курамы-Тау, идущая къ Сыръ-Дарьѣ, называется Муголъ-Тау. Мы ѣдемъ теперь именно у ея подножія. Муголъ-Тау — это рядъ отдѣльныхъ каменныхъ волнъ гигантскаго размѣра, и каждая такая волна въ свою очередь словно составлена изъ другихъ мелкихъ волнъ. Весь хребетъ — голый какъ кость, унылый до отчаянья; ни травки, ни кустика на немъ. Хребетъ обрывается и кончается этими лысыми валами, какъ разъ у станціи Мурза-Рабатъ, слѣва нашей дороги. Тутъ же, справа дороги, поднимается отдѣльнымъ островомъ короткая и обрывистая горная цѣпь, такая же голая и каменистая, провожающая на нѣкоторомъ разстояніи теченіе Сыръ-Дарьи противъ города Ходжента. Горы эти закрываютъ теперь отъ насъ и рѣку, и городъ, и мы должны потомъ объѣзжать ихъ, чтобы повернуть назадъ къ Ходженту по теченію Сыръ-Дарьи.

Передъ станціею Мурза-Рабатъ насъ въ третій уже разъ нагналъ всадникъ страннаго вида, на котораго мы давно обратили подозрительное вниманіе. Онъ сталъ равняться съ нами еще отъ Тою-Тюбе, но по временамъ бросалъ почтовую дорогу и бралъ вправо и влѣво знакомыми ему степными стѣжками, сокращая свой путь на нѣсколько верстъ. Это былъ киргизъ, перевязанный зачѣмъ-то краснымъ шарфомъ черезъ плечо и красною шалью кругомъ пояса. Онъ все почти время ѣхалъ рядомъ съ нашимъ тарантасомъ, привѣтливо улыбался и кланялся намъ всякій разъ, какъ вновь появлялся на нашей дорогѣ у какого-нибудь неожиданнаго поворота, и разсказалъ нашему ямщику-киргизу, что ѣдетъ въ Коканъ. Признаюсь, такой непрошенный спутникъ въ безлюдной степи не вселялъ намъ

особеннаго довѣрія къ себѣ, а объявленное имъ намѣреніе не покидать насъ до самаго Кокана — тоже мало послужило къ нашему успокоенію. Больше всего меня озадачивало, какъ это онъ приноравливается не отставать отъ почтовой тройки. Мы мѣняли свѣжихъ лошадей на каждой станціи и ѣхали не шуточною рысью, какъ всегда ѣздятъ почтовыя лошади здѣсь въ Киргизіи; а онъ все на одной и той же гнѣденькой лошадкѣ своей, совсѣмъ немудреной на видъ, — но, правда, костистой и съ сухимъ мускуломъ, — отжаривалъ себѣ спокойною ровною «тропотою» у колесъ нашего тарантаса, и даже конь его не вспотѣлъ ни разу, словно для него самое плевое дѣло сбѣгать, не отдыхая, изъ Ташкента въ Коканъ.

Когда мы поворачивали во дворъ станціи, онъ уже опять скрылся изъ нашихъ глазъ, незамѣтно нырнувъ на какую-то боковую тропку, чтобы опять перенять насъ гдѣ-нибудь дальше на пути. По всей вѣроятности, онъ продѣлывалъ эти фокусы безъ малѣйшей задней мысли, единственно стараясь укоротить свой путь; но вѣдь я не былъ на душѣ у него и потому невольно смотрѣлъ съ большою подозрительностью на эти постоянные заблаговременные объѣзды его нашихъ почтовыхъ станцій, гдѣ каждый киргизъ-почталіонъ ѣздитъ съ револьверомъ за поясомъ, гдѣ станціонные старосты почти всегда лихіе отставные солдаты.

Станція Мурза-Рабатъ — чистая крѣпостца. Кромѣ угловой башни съ бойницами и высокихъ глиняныхъ стѣнъ, двѣ узенькія, круглыя башни фланкируютъ даже ворота ея. Это воспоминанія того еще недавняго времени, когда Мурза-Рабатъ былъ крайнею станціею нашихъ сыръ-дарьинскихъ владѣній, и за нимъ уже начиналось враждебное намъ и всегда съ нами враждовавшее Кокандское ханство. Было уже поздно, и въ Мурза-Рабатѣ пришлось заночевать. Станціи здѣсь, вообще, довольно просторныя, хотя безъ излишняго комфорта. Диваны, обитые клеенкой, очень мало отличаются своей мягкостью отъ низенькихъ каменныхъ лежанокъ, тоже предназначенныхъ для ноч-

лега. Комнатъ почти всегда двѣ, самоваръ и лампа вездѣ есть, а больше и грѣхъ спрашивать въ такой азіатской пустынѣ. Въ добавокъ, старосты и ямщики здѣсь отлично вымуштрованы военнымъ народомъ, запрягаютъ живо, везутъ рѣзво, грубить не смѣютъ.

Мы встали, по обыкновенію, въ четыре часа утра и, пока запрягали лошадей, пошли посмотрѣть развалины старой станціи, черезъ дорогу отъ теперешней. Чудное утро только-что загоралось въ небѣ. Молодая киргизка изъ сосѣдней «курганчи», плечистая и высокая, сходила въ эту минуту съ двумя огромными кувшинами на плечахъ, къ ключу холодной воды, который выбивался изъ-подъ холма, съ боку станціи, пріосѣненный характернымъ, меланхолическимъ купольчикомъ мусульманской часовенки. Рослая, статная фигура живописно вырѣзалась своимъ чернымъ силуэтомъ на огнистомъ фонѣ утренней зари.

Посреди дороги, какъ разъ передъ станціей, мы съ удивленіемъ увидѣли памятникъ, сложенный изъ кирпича. На вдѣланной въ него красной доскѣ я прочелъ короткую надпись: «Безсрочно-отпускной стрѣлокъ 3-го туркестантскаго батальона, Степанъ Яковлевъ Яковлевъ, убитъ 6-го августа 1875 года шайкою кокандцевъ, защищая станцію Мурза-Рабатъ. Памятникъ достойному воину воздвигнутъ пожертвованіями проѣзжающихъ, въ 1877 году». На станціи намъ разсказали уже подробнѣе патріотическій подвигъ этого безвѣстнаго героя.

Степанъ Яковлевъ былъ старостою на станціи Мурза-Рабатъ. Коканъ тогда еще не былъ присоединенъ къ Россіи, и пограничные рубежи нашей Сыръ-Дарьинской области постоянно подвергались его набѣгамъ. Мурза-Рабатъ былъ послѣднею станціею на нашей границѣ. 5-го августа сосѣдніе киргизы прискакали на станцію со страшною вѣстью, что сильный отрядъ кокандцевъ ворвался на нашу границу и двигается на Мурза-Рабатъ, грабя, разоряя и убивая всѣхъ. Ямщики-киргизы, не

долго думая, засѣдлали почтовыхъ лошадей и удрали подальше, въ степь, за своими собратьями-киргизами. Но напрасно они уговаривали Яковлева уѣхать съ ними. Стараго служиваго не уломали ничѣмъ. Съ бранью и гнѣвомъ кричалъ онъ на нихъ:

— Что жъ вы, собачьи дѣти, когда жалованье получать, такъ вы тутъ, а какъ добро казенное защищать,—такъ васъ и слѣдъ простылъ? Я присягу солдатскую приносилъ за царя, за вѣру до послѣдней капли крови стоять и довѣренное мнѣ царское добро охранять всѣми мѣрами. Какъ же я теперь съ вами, съ разбойниками, уйти могу, когда у меня казна почтовая на рукахъ, и книги приходныя, опять же повозки, сбруя, и кони казенные?.. Какой же я послѣ того отчетъ въ нихъ начальству могу дать? Вѣдь меня за это начальники не похвалятъ...

Увѣщанія ветерана не удержали, конечно, перетрусившихъ киргизовъ, и они, потуживъ о глупомъ московѣ, котораго всѣ любили, разсыпались, кто куда успѣлъ. Старый стрѣлокъ, оставшись одинъ, завалилъ повозками ворота двора, загородилъ чѣмъ могъ двери и окна глинянаго домишка, разыскалъ бывшія на станціи три ружья и, зарядивъ ихъ какъ должно, уставилъ въ щели оконъ съ разныхъ сторонъ станціи, рѣшившись защищаться хотя бы и въ одиночку.

На другое утро толпа кокандцевъ охватила запертую кругомъ станцію. На крики отворить никто не отворяетъ. Смѣльчаки бросились ломать ворота, но сейчасъ же попадали мертвые, поражаемые мѣткими пулями стараго стрѣлка. Съ какой стороны ни пробовали заходить они, вездѣ ихъ встрѣчали тѣ же пули. Уже нѣсколько убитыхъ и раненыхъ валялись кругомъ. Вообразивъ, что на станціи заперлись хорошо вооруженные русскіе солдаты и боясь новыхъ жертвъ, кокандцы рѣшили, наконецъ, отступить. Они набрали въ лощинѣ сухого камыша, обвалили имъ станцію и зажгли ее, надѣясь хоть огнемъ выжить оттуда неустрашимыхъ защитниковъ, такъ отчаянно бившихся противъ цѣлой ихъ шайки.

Степану Яковлеву дѣться было некуда. Заряды свои онъ

уже всѣ разстрѣлялъ и рѣшился лучше пасть въ открытомъ бою, какъ подобаетъ честному воину, чѣмъ задохнуться въ дыму.

Онъ выбѣжалъ съ ружьемъ въ рукахъ въ самую гущу враговъ и сталъ крушить ихъ направо и налѣво... Черезъ минуту онъ лежалъ мертвый, изрубленный въ куски саблями кокандцевъ, но все-таки окруженный новыми, убитыми врагами...

Эта гомерическая битва одного русскаго воина съ цѣлымъ отрядомъ азіатовъ, эта непоколебимая вѣрность своему долгу и присягѣ — заслуживаетъ увѣковѣченія на страницахъ исторіи рядомъ съ самыми славными подвигами русскаго патріотизма. Народъ, который такъ понимаетъ свой долгъ передъ отечествомъ, народъ, который способенъ такъ биться и такъ умирать, — не можетъ имѣть на страницахъ своихъ лѣтописей ни Седановъ, ни Мецевъ.

II.

Ходжентъ и Сыръ-Дарья.

Мы проѣхали всего версты двѣ отъ Мурза-Рабата, какъ изъ-за каменистой гряды горъ, провожавшей насъ слѣва, выкатился ослѣпительный дискъ солнца. Узкая каменистая долинка между двухъ горныхъ отроговъ кончилась, и направо отъ насъ вдругъ широко развернулась, далеко за открытою равниною, неохватная панорама снѣговыхъ горъ. Онѣ стояли сплошнымъ хребтомъ отъ одного края горизонта до другого, чудно сверкающія своими бѣлоснѣжными вершинами, — всѣми этими, словно изъ чистѣйшаго серебра вылитыми, шатрами, гребнями, пирамидами, зубчатыми многобашенными замками, видныя сквозь необыкновенно прозрачный воздухъ до того отчетливо, что можно было разглядѣть издали каждую складку ихъ, ощупать глазами каждый мускулъ ихъ могучаго каменнаго тѣла. Даже и въ этихъ жаркихъ и сухихъ краяхъ большая рѣдкость такое ясное утро, такой чистый воздухъ; даже ничему не удивляющійся

киргизъ-ямщикъ и тотъ былъ очевидно растроганъ поразительною картиною этого громаднаго снѣгового хребта, словно нарисованнаго какою-то волшебно-нѣжною кистью по блѣдной лазури утренняго неба. Обернувшись къ намъ, онъ весь вдругъ просіялъ ласковою улыбкою и съ глазами, искрившимися дѣтскою радостью, взмахнулъ головою на горы, бормоча что-то по-киргизски. Наивный дикарь очевидно хотѣлъ подѣлиться съ нами этимъ рѣдкимъ для него наслажденіемъ и, съ авторскимъ самолюбіемъ своего рода, вмѣстѣ съ тѣмъ наслаждаться нашими восторгами передъ красотами его родной природы.

— Снѣгъ, усе снѣгъ!.. — не безъ труда произнесъ онъ по-русски, махая рукою вдаль и радостно осклабляя свои бѣлые зубы.

Горы лѣвой стороны, стоявшія подъ солнцемъ, напротивъ того, не только ничѣмъ не сверкали, но тонули въ волнахъ какого-то синяго тумана, исчезая все больше и больше изъ глазъ по мѣрѣ того, какъ онѣ приближались къ восходу солнца. Это ужъ виднѣлись съ того берега Сыръ-Дарьи хребты Тянь-Шаня, — Мальгузарскій и Алайскій. Каменистые обрывы береговъ Сыръ-Дарьи, въ упоръ облитые утреннимъ солнцемъ, правильные, какъ стѣны крѣпости, видны намъ отсюда въ большой близи вмѣстѣ съ капризными синими луками исторической рѣки, которая, прорвавшись не безъ труда черезъ тѣснины горъ, катитъ свои обильныя волны черезъ пески Туркестана къ пескамъ Каспія. Уже за нею на огромномъ пространствѣ темнѣютъ курчавыми чащами многочисленные сады Ходжента, на фонѣ безплодныхъ каменныхъ горъ, до половины загораживающихъ далекіе снѣговые хребты. Никакой Оберландъ, никакой Кавказъ не могутъ представить картины, болѣе эффектной.

Дорога стала покойною, какъ отличное шоссе. Мелкій гравій, нанесенный разливами рѣки, устилаетъ здѣсь всѣ дороги, а вмѣстѣ съ тѣмъ засыпаетъ и всѣ поля, обращая ихъ почву въ безплодный камень.

Пустыня еще продолжается, все такъ же суровая и безлюд-

ная, безъ жилья человѣка, безъ встрѣчи человѣка. Но конецъ ея уже близокъ, уже виденъ глазами. Она замираетъ тамъ, на югѣ, у широкой ленты Сыръ-Дарьи, обросшей зелеными садами. Мы замѣтно забираемъ назадъ, почти на встрѣчу только-что пройденной дороги.

Вотъ и деревянный мостъ черезъ древній Яксартъ,—предметъ глубокаго изумленія для киргиза и сарта; какой-то отставной чиновникъ Флавицкій построилъ его на свой счетъ и собираетъ за проѣздъ по 50 коп. съ тройки, по 15 коп. съ одной лошади.

Съ торжественнымъ громомъ, прокатили мы въ своемъ тяжеломъ тарантасѣ по его гулкимъ половицамъ.

Ходжентъ весь передъ нами, на томъ берегу рѣки. Маленькій фортъ съ пушками защищаетъ переѣздъ черезъ рѣку. Недалеко отъ него, тоже на берегу, казарма, могущая служить въ минуту нужды и блокгаузомъ. Русская цивилизація, впрочемъ, сказалась здѣсь не однѣми этими боевыми предосторожностями. Широкая набережная рѣки шоссирована бульваромъ изъ тополей. Почтовая станція довольно близко отъ берега; все пространство между нею и старою крѣпостью на вершинахъ скалы—занято русскимъ поселкомъ. Тутъ нѣтъ грандіозныхъ проспектовъ съ рядами колоссальныхъ тополей, какъ въ Ташкентѣ или Самаркандѣ; маленькіе плоскокрышіе домики мало отличаются отъ обычныхъ туземныхъ, и только трубы на крышахъ, да большія окна за занавѣсками говорятъ вамъ о жилищѣ цивилизованныхъ людей. Садикъ только вокругъ дома уѣзднаго начальника, прикурнувшаго подъ тѣнью крѣпостной скалы. Около него, какъ всегда водится, нѣсколько верховыхъ коней на приколахъ, въ богатой сбруѣ, нѣсколько щегольски одѣтыхъ джигитовъ, терпѣливо сидящихъ на корточкахъ подъ тѣнью деревьевъ въ ожиданіи распоряженій начальства.

Тутъ же сейчасъ и русская церковь, кажется, единственная въ городѣ. Церковь каменная, красиваго строго-русскаго стиля, издали смотрящая маленькимъ монастыремъ. Она стоитъ въ

тополевомъ садикѣ, обнесенная крѣпкою оградою. Ея окна съ желѣзными рѣшетками высоко подобраны вверхъ.

Сейчасъ видно, что при постройкѣ ея разсчитывалось на всякія случайности, возможныя въ этой далекой варварской странѣ. Жаль только, и для меня совсѣмъ непонятно, зачѣмъ это единственный русскій храмъ брошенъ безъ всякой охраны и дозора среди мусульманскаго города. Сторожъ церковный живетъ далеко отъ церкви, и во дворѣ ея для него нѣтъ даже маленькой караулки. Священникъ тоже живетъ не здѣсь. Мы хотѣли осмотрѣть внутренность церкви, но она была заперта кругомъ, и никого не было ни отворить намъ ее, ни разсказать о ней что-нибудь. Въ ночное время, при разбойничьихъ туземныхъ правахъ, долго ли до грѣха при такихъ безпечныхъ порядкахъ?

Самое интересное мѣсто Ходжента — его цитадель. Къ ней надо подниматься черезъ небольшой городской бульваръ по довольно крутой скалѣ. Крѣпость эта считалась у бухарцевъ неприступною, и въ самомъ дѣлѣ, при плохихъ орудіяхъ, какими могли располагать восточные ханы, взять ее было не легко Маленькій гарнизонъ подъ защитою этой отвѣсной скалы и этихъ высокихъ глиняныхъ стѣнъ и башенъ могъ посмѣяться надъ цѣлою арміею халатниковъ. Теперь въ цитадели расположены казармы мѣстной команды, уѣздное казначейство, сберегательная касса, цейхгаузъ,—все то, что́ нужно особенно оберегать въ минуты опасности и что всегда не лишнее держать подальше отъ празднаго любопытства и празднаго шатанія. На внутреннемъ плацу крѣпости происходило ученіе, и мы искренно полюбовались на бравый видъ и ловкую выправку нашихъ молодцовъ-солдатиковъ, то бѣгавшихъ разсыпнымъ строемъ, то мгновенно строившихся въ тѣсныя атакующія колонны, подъ бодрящіе звуки барабаннаго боя.

Въ одномъ углу крѣпости возвышается довольно значительно надъ всѣми ея стѣнами и башнями—особый фортъ, нѣчто въ родѣ цитадели въ цитадели. Съ его плоской террасы, висящей

надъ пучиною Сыръ-Дарьи, открывается широкій видъ на окрестности и на самый Ходжентъ.

Городъ очень большой, похожій, какъ двѣ капли воды, на всѣ вообще города Туркестана. Среди безконечной зелени его садовъ чернѣютъ узенькіе, словно ножомъ прорѣзанные проулки, обнесенные глиняными дувалами, желтѣютъ и сѣрѣютъ глиняныя плоскія крыши обычныхъ домиковъ-кубовъ, домиковъ-башенъ съ рѣдкими маленькими окошечками безъ стеколъ, выплываютъ кое-гдѣ круглые сѣрые купола мечетей, тянутся длинными крытыми корридорами многочисленные базары. Далеко, далеко, за предѣлами этихъ необозримыхъ садовъ виднѣется со своими полуразрушенными башнями городская стѣна, охватывающая на протяженіи одиннадцати верстъ двойнымъ кольцомъ весь Ходжентъ и служившая когда-то для отчаянной защиты города отъ русскихъ.

Ходжентцы всегда кичились своимъ духомъ независимости и пользовались своимъ выгоднымъ положеніемъ между Бухарою и Коканомъ. Ходжентъ дѣйствительно составляетъ своего рода входныя и выходныя ворота въ Ферганскую область, то-есть въ прежнее Кокандское ханство; съ другой стороны онъ точно также служилъ ключомъ съ востока къ Бухарскому ханству. Узкая долина между хребтами горъ, по которой рѣка Сыръ-Дарья вырывается изъ Ферганской котловины въ безбрежныя пустыни Туркестана, съ древнѣйшихъ вѣковъ имѣла своимъ вооруженнымъ стражемъ—городъ Ходжентъ. Это дало возможность ходжентцамъ удерживать нѣкоторую политическую самостоятельность подъ чередовавшимся господствомъ то бухарскихъ эмировъ, то кокандскихъ хановъ.

Собственныя городскія власти Ходжента распоряжались почти независимо всѣми дѣлами города, и Ходжентъ, защищаемый двумя рядами высокихъ стѣнъ и башенъ, пріобрѣлъ славу неприступной крѣпости, которая еще ни разу не была взята силами врага.

Русскимъ первымъ пришлось нарушить эту дѣвственность

Ходжента. Онъ былъ взятъ послѣ четырехъ-дневнаго бомбардированія и жестокаго боя небольшимъ отрядомъ генерала Романовскаго 24 мая 1866 года. Этотъ славный бой не обошелся безъ обычнаго геройскаго участія отца Малова. Въ баттареѣ нашей, обстрѣливавшей стѣны города отъ берега рѣки, были перебиты и переранены выстрѣлами осажденныхъ всѣ артиллерійскіе офицеры, да и солдатъ-артиллеристовъ оставалось всего четверо; тогда священникъ Маловъ рѣшился принять на себя командованіе баттареей; скоро онъ пробилъ брешь въ стѣнѣ и подъ выстрѣлами непріятеля съ нечеловѣческими усиліямъ перетащилъ черезъ этотъ проломъ въ городъ двѣ пушки; расчищая себѣ путь картечью, отецъ Маловъ добрался до цитадели и сталъ громить ее своими ядрами, сокрушая въ прахъ ея стѣну. Въ эту минуту главныя атакующія колонны наши овладѣли послѣ кровопролитнаго приступа Келаунскими воротами и тоже прорвались въ городъ.

Бухарскія войска и сами жители Ходжента защищались какъ львы, и грудью отстаивали каждый шагъ. Всѣ улицы были улиты кровью, завалены трупами. Но цитадель все-таки была взята. Живо втащили туда наши пушки и съ вершины ея, господствующей надъ всѣмъ городомъ, стали поражать беззащитныхъ теперь отчаянныхъ защитниковъ его, все еще не хотѣвшихъ слышать о сдачѣ; только къ ночи Ходжентъ наконецъ былъ нашъ. Двѣ съ половиною тысячи азіатскихъ труповъ было найдено на улицахъ и стѣнахъ взятаго города, не считая раненыхъ.

Русскій кварталикъ съ своими веселыми бѣлыми и разноцвѣтными домиками, съ своими опрятными двориками и бульварчиками, благоразумно жмется къ подножію крѣпости, подъ спасительный покровъ русскихъ пушекъ и русскаго солдата. Русскіе уже открыли въ Ходжентѣ свое училище, открыли лѣчебницу для туземныхъ дѣтей и женщинъ, устроили нѣсколько хлопкоочистительныхъ заводовъ и фабрику стеклянныхъ издѣлій.

Но, конечно, имъ остается впереди сдѣлать въ десять разъ больше того, что они уже успѣли сдѣлать въ короткій срокъ своего господства въ Ходжентѣ.

Намъ пришлось проѣхать насквозь, изъ края въ край, весь азіатскій Ходжентъ. Новаго, конечно, ничего послѣ Бухары, Самарканда, Ташкента. Тѣ же улочки между глиняныхъ стѣнъ, гдѣ съ трудомъ разъѣзжаются два встрѣтившихся верблюда, тѣ же полуслѣпые глиняные дома, среди которыхъ довольно рѣдко попадаются характерно разукрашенные двухъ-этажные дома мѣстныхъ богачей, съ ярко расписанными колоннами и потолками галлерей, напоминающими въ болѣе грубомъ видѣ наивную постройку дворца эмира бухарскаго. Безконечно длинные крытые базары съ своими уютными лавчонками, «чай-хане» и «ашъ-хане», сразу говорятъ вамъ о сильно торговомъ городѣ. Ходжентъ все больше и больше становится центромъ хлопчато-бумажнаго производства; кромѣ яркихъ ситцевъ, миткалей и бумазей, Ходжентъ много торгуетъ посудою мѣстнаго приготовленія, конскою сбруею и разнымъ другимъ восточнымъ товаромъ.

Мы съ женою съ особеннымъ любопытствомъ разсматривали ходжентскую толпу, заполонявшую базары и улицы. Всѣ «ашъ хане» и «чай-хане», опрятно устланные ковриками, были биткомъ набиты кейфующимъ на досугѣ народомъ. Типъ здѣшняго населенія гораздо красивѣе, чѣмъ въ Ташкентѣ и другихъ городахъ. Здѣсь все больше таджики или сарты, переродившіеся изъ таджиковъ. Съ сановитою важностью и наивнымъ благодушіемъ возсѣдають они вокругъ огромныхъ самоваровъ «чай-хане» съ чашками въ рукахъ, всѣ франтовато одѣтые въ свѣжіе ярко-пестрые халаты, благопристойные и мирно настроенные, нисколько не напоминающіе азіатскихъ варваровъ.

Благородный иранскій типъ своею бѣлою кожею, своими мягкими прекрасными чертами лица,—сразу выдѣляется среди звѣроподобныхъ физіономій монгольской крови, косоглазыхъ, плосконосыхъ, скуластыхъ. Особенно красивы тутъ дѣти, дѣ-

вочки преимущественно. Они гораздо больше похожи на европейцевъ, чѣмъ эти злые коричневые старики въ сѣдыхъ лохматыхъ бородахъ,—очевидно, сарты киргизской крови,—что осаждаютъ въ эту минуту двери мечетей. Женщинъ тутъ не меньше, чѣмъ мужчинъ; эти мнимыя восточныя «затворницы» безъ устали снуютъ взадъ и впередъ по базарамъ и улицамъ города, всѣ укутанныя въ синіе широкіе плащи, закрытыя совсѣмъ съ глазами черными завѣсками.

Ходжентъ считается городомъ Александра Македонскаго. Этотъ удивительный человѣкъ, прикрывавшій геніемъ завоевателя свое страстное, до безумія доходившее стремленіе къ открытію невѣдомыхъ странъ и народовъ, этотъ своеобразный сухопутный Колумбъ древняго міра, доходилъ въ свое время и до Сыръ-Дарьи, древняго Яксарта, составлявшаго въ его время сѣверный рубежъ громаднаго Персидскаго царства Дарія. Сатрапія Согдіаны, заключавшая въ себѣ теперешній Чиназъ, Джизакъ, Самаркандъ, Бухару, примыкала къ лѣвому берегу Яксарта, а на правомъ берегу его уже обитали вольныя скиѳскія племена, которыхъ не могли покорить своей власти самые грозные персидскіе цари. Древніе знали, конечно, очень плохо эти недоступные имъ края, и царственный ученикъ Аристотеля наивно смѣшивалъ Яксартъ съ Дономъ, который издревле почитался границею между Европою и Азіею.

«Бактріанъ отъ европейскихъ скиѳовъ раздѣляетъ рѣка Донъ, которая между Азіею и Европою граничитъ», увѣряетъ его біографъ Квинтъ Курцій, который влагаетъ тѣ же географическія понятія и въ уста самого Александра.

«Одна рѣка намъ препятствуетъ, а буде мы за нее переправимся, то *ужъ въ Европу* перенесемъ оружіе!» обращается къ своимъ воинамъ Александръ въ ту рѣшительную минуту, когда утомленная многочисленная рать македонскихъ героевъ, послѣ ужасовъ безводныхъ пустынь и постоянныхъ битвъ съ согдіа-

нами, была остановлена въ своемъ побѣдоносномъ движеніи могучимъ потокомъ Сыръ-Дарьи...

Скиѳы, жившіе тогда за Сыръ-Дарьею, не были ни монголами, ни тюрками, которые подвинулись изъ Монголіи къ западу гораздо позднѣе, уже въ началѣ среднихъ вѣковъ.

Квинтъ Курцій, въ своей исторіи Александра Великаго, называетъ этихъ скиѳовъ саками. А нашъ глубокій знатокъ языковъ и исторіи востока—покойный Григорьевъ, доказалъ вполнѣ убѣдительно, что саки эти были наши праотцы, предки славянъ, что и раньше его уже приходило на мысль многимъ изслѣдователямъ древности.

Страбонъ еще подробнѣе описываетъ скиѳовъ, сосѣднихъ съ Согдіаною:

«Скиѳы, которыхъ жилища начинаются отъ Каспійскаго моря, называются дагіяне или даги; а живутъ ближе къ востоку массагеты и саксане или саки»,—говоритъ онъ.

О дагіянахъ упоминаетъ и Квинтъ Курцій, какъ о «скиѳскомъ народѣ, жившемъ въ Согдіанѣ». Дагіяне оные ѣздятъ *на одной лошади по два*, изъ которыхъ по одному соскакиваютъ съ лошадей попеременно, и на бою конницу приводятъ въ замѣшательство, *а сами бѣгаютъ такъ скоро, какъ лошади*".

Обычай ѣздить вдвоемъ на одной лошади сохранился въ древней Согдіанѣ и до сихъ поръ, несмотря на протекшія 23 столѣтія: и въ Туркменіи, и въ Бухарѣ, и въ Ташкентѣ, и въ Ферганѣ—вездѣ мы на каждомъ шагу встрѣчали этихъ двойныхъ и тройныхъ всадниковъ, торчащихъ на одномъ сѣдлѣ...

Проворство тогдашнихъ степныхъ кочевниковъ, бѣгавшихъ такъ же скоро, какъ лошади, не могло особенно удивлять воиновъ Александра,—воспитанниковъ олимпійскихъ игръ. Курцій разсказываетъ между прочимъ въ своей книгѣ, что, послѣ одной побѣды Александра надъ скиѳами, Филиппъ, братъ Лизимаха, совсѣмъ еще юноша, слѣдовалъ цѣлыхъ 500 стадій (слѣдовательно, около 70 верстъ) пѣшкомъ, не отставая ни на шагъ за лошадью Александра, который, часто перемѣняя лошадей, гнался

за бѣгущимъ непріятелемъ». Онъ былъ при томъ въ кольчугѣ и въ оружіи и отчаянно бился потомъ съ варварами, но отъ утомленія истекъ потомъ и умеръ стоя.

Эти жившіе у Каспійскаго моря даги, можетъ быть, оставили свое имя теперешнему Дагестану, также примыкающему къ Каспійскому морю, хотя обыкновенно названіе Дагестана производятъ отъ турецко-татарскаго имени Дагъ-гора («страна горъ»).

Скиѳовъ Яксарта, какъ и древнихъ славянъ и руссовъ, считали въ то время непобѣдимыми.

Не даромъ, даже Киръ, великій завоеватель Азіи, погибъ въ войнѣ противъ нихъ. Недаромъ и впослѣдствіи, два вѣка спустя, послѣ своихъ битвъ съ Александромъ, тѣ же скиѳы-саки разрушили основанное имъ могущественное Греко-Бактрійское царство, предѣлы котораго простирались отъ Яксарта до Инда. Александръ однако нанесъ этимъ непобѣдимымъ сакамъ полное пораженіе. Они оберегали на своихъ коняхъ правый берегъ Сыръ-Дарьи, разсчитывая, что родная рѣка ихъ остановитъ грознаго врага. Но онъ на глазахъ ихъ, осыпаемый тучами стрѣлъ, переправилъ своихъ воиновъ на плотахъ черезъ быстрину рѣки, ударилъ на скиѳовъ и прогналъ далеко въ степь, гнавшись за ними цѣлыхъ 80 стадій, около 11 верстъ. Любопытно извѣстіе Курція, что на мѣстѣ битвы, гдѣ пали воины его, Александръ насыпалъ бугоръ. Слѣдовательно, курганы, покрывающіе въ такомъ обиліи окрестности Сыръ-Дарьи, на которые я смотрю теперь съ нѣмымъ вопросомъ, далеко не всегда нужно приписывать дикимъ степнымъ кочевникамъ.

Все заставляетъ думать, что Александръ построилъ свой новый городъ для защиты отъ этихъ кочевниковъ, свою «Александрію Эсхату»—«дальнюю Александрію»,—въ мѣстности нынѣшняго Ходжента.

У Птоломея есть указаніе, что Александрія эта находилась на томъ мѣстѣ рѣки Яксарта, гдѣ она дѣлаетъ значительный изгибъ; и дѣйствительно рѣка Сыръ-Дарья вырывается сейчасъ

же ниже Ходжента изъ тѣснины между двумя хребтами горъ и поворачиваетъ очень круто на сѣверо-западъ, къ Чиназу, въ совершенно открытую равнину. Ходжентъ находится въ самомъ узкомъ мѣстѣ этихъ естественныхъ воротъ изъ Сыръ-Дарьинской области въ Ферганскую, изъ бывшихъ бухарскихъ владѣній въ кокандскія. Поэтому онъ издревле имѣлъ значеніе важнаго военнаго пункта, какъ ключъ ко входу и выходу для двухъ сосѣднихъ областей, и древнія дороги изъ Персіи, Трансоксаны, Индіи въ теперешнюю Фергану направлялись именно на Ходжентъ. Проницательный взглядъ великаго македонскаго полководца, разумѣется, не могъ не оцѣнить огромнаго преимущества подобной мѣстности. Курцій говоритъ по этому поводу: «Подъ новый городъ выбралъ онъ мѣсто на берегу Дона (т.-е. Яксарта), *который заставою быть могъ и побѣжденнымъ народамъ, и тѣмъ, на которые идти былъ намѣренъ*".

Трудно болѣе точно опредѣлить географическое мѣстоположеніе и стратегическое значеніе Ходжента. Помимо него по всему теченію рѣки Сыръ-Дарьи нѣтъ ни одного мѣста, сколько-нибудь подходящаго подъ описаніе Квинта Курція, такъ что не можетъ оставаться ни малѣйшаго сомнѣнія, что Александрія Эсхата была именно на мѣстѣ теперешняго Ходжента.

Александрія была, повидимому, обнесена такою же глиняною стѣною и глиняными башнями, какою до нынѣ туземцы обносятъ свои крѣпости, и, конечно, заключала въ этихъ стѣнахъ такіе же глиняные дома и глиняные дувалы, какими наполнены до сихъ поръ всѣ города и кишлаки Бухары, Ферганы, Хивы и Туркменіи. Иначе представить себѣ невозможно, какимъ бы образомъ воины Александра, не будучи ни плотниками, ни каменщиками, не имѣя подъ руками среди дикой, почти необитаемой пустыни, готовыхъ строительныхъ матеріаловъ, могли бы съ такою баснословною быстротою построить стѣну чуть не въ 10 верстъ длины и при томъ всѣ воины, безъ исключенія, исполняли каждый свой урокъ.

«Александръ возвратился къ рѣкѣ Дону, повѣствуетъ Кур-

цій, и сколько мѣста подъ станъ занято было, повелѣлъ обнести стѣною. Городская стѣна вокругъ была 60 стадій. И сей городъ приказалъ звать Александріею. Означенное дѣло происходило съ такою поспѣшностью, что въ 17-й день отъ заложенія стѣнъ и дома достроены были. Воины другъ передъ другомъ рвались, чтобъ *свой урокъ, который каждому данъ былъ*, отдѣлать и показать прежде. Сей городъ населенъ плѣнниками, которыхъ Александръ, выкупя изъ холопства, учинилъ свободными».

На Сыръ-Дарьѣ у Ходжента мы увидѣли очень своеобразные плоты, на которыхъ здѣсь обыкновенно сплавляется хлѣбъ изъ плодородной Ферганской области, внизъ по теченію рѣки, въ Казалинскъ и Аральское море. Плоты эти приготовляются обыкновенно въ старинномъ кокандскомъ городѣ Наманганѣ и вяжутся изъ куги, густыя заросли которой покрываютъ тамъ берега Сыръ-Дарьи. Это очень остроумно, легко и дешево. Мнѣ пришло въ голову, ужъ не на такихъ ли импровизированныхъ плотахъ переправлялось черезъ Яксартъ и войско Александра на битву съ скиѳами, точно такъ же, какъ ранѣе переправилось оно черезъ Оксусъ на турсукахъ изъ-подъ воды?

Верстъ на 10 или на 15 за Ходжентомъ непрерывно тянутся по берегу Сыръ-Дарьи богатые кишлаки, зеленѣющіе садами, и прекрасно воздѣланныя поля. Это очень промышленная и зажиточная мѣстность, одно изъ главныхъ гнѣздъ шелководства, хлопководства и разведенія риса. Но, кромѣ того, въ гористыхъ мѣстностяхъ вблизи Ходжента, особенно въ логу Кокине-сай, добывается каменный уголь, который вообще встрѣчается довольно часто въ горахъ, сосѣднихъ съ Ташкентомъ, и въ хребтахъ Ферганской области. Въ настоящее время всѣ каменныя зданія въ Ташкентѣ и въ городахъ, сколько-нибудь близкихъ къ горнымъ мѣстностямъ, уже отапливаются мѣстнымъ каменнымъ углемъ. Устроенный близъ Ходжента стеклянный заводъ Иванова также исключительно потребляетъ каменный уголь соб-

ственныхъ своихъ копей, такъ что, повидимому, каменноугольному промыслу предстоитъ здѣсь современемъ широкая будущность, съ которою тѣснѣйшимъ образомъ связано и развитіе всякаго рода заводской промышленности. Вообще горы Туркестана далеко не бѣдны минералами, и немногія попытки къ разработкѣ ихъ даютъ пока довольно счастливые результаты. Тутъ уже получается и свой асфальтъ и своя нефть, и сѣра, и каменная соль, и селитра, и нашатырь; больше всего этихъ минеральныхъ богатствъ въ Ферганской области, въ тѣхъ именно предгоріяхъ ея, мимо которыхъ мы теперь ѣдемъ. Разработка этихъ ископаемыхъ развивается до того быстро, что, напр., вмѣсто 400 пудовъ асфальта, добывавшихся въ 1885 г., въ 1889 г., всего черезъ 4 года, добыто его въ Ферганскихъ горахъ уже больше 11.000 пудовъ! Туркестанъ имѣетъ также и свинцовыя, и мѣдныя, и сурьмяныя руды, но добыча ихъ до сихъ поръ еще не достигаетъ значительныхъ размѣровъ вслѣдствіе отсутствія серьезныхъ научныхъ изысканій и капитальныхъ предпринимателей.

Что еще интереснѣе,—Туркестанъ заключаетъ въ своей почвѣ золото. Золотыя розсыпи его довольно многочисленны, но процентъ золота въ нихъ такъ ничтоженъ, что не окупаетъ труда, затраченнаго на промывку; поэтому только туземцы предаются въ минуты своего досуга этому мало благодарному занятію. Но, конечно, такое плачевное положеніе туркестанской золотопромышленности въ настоящую минуту вовсе не устраняетъ возможности открытія въ томъ же Туркестанѣ и очень богатыхъ розсыпей золота, если за это дѣло основательно примутся люди знаній и капитала.

Слухъ о громадныхъ мѣсторожденіяхъ золота въ Туркестанѣ существовалъ еще съ древнихъ временъ, и въ первое время послѣ завоеванія края наши смѣлые предприниматели Хлудовъ и Первушинъ, прокладывавшіе здѣсь первые пути для русской торговли и промышленности, затратили большія деньги на безплодные поиски золота.

Мудрый и заботливый хозяинъ земли русской, русскій царь Петръ I-й, тоже слыхалъ о золотѣ Туркестана и тоже пытался искать его. Получивъ отъ сибирскаго губернатора, князя Гагарина, сообщенные имъ слухи о нахожденіи золота въ «Малой Бухаріи, въ калмыцкомъ владѣніи, въ рѣкѣ Дарьѣ», великій царь собственноручно написалъ Гагарину указъ: «построить городъ у Ямышева озера, а буде може и выше, а построя крѣпость, искать далѣе по той рѣкѣ вверхъ, пока лодки пройти могутъ, а отъ того идти далѣе до *города Иркети*, и онымъ искать овладѣть».

Подъ городомъ Иркеть, повидимому, царь разумѣлъ городъ Яркендъ, и уже это одно показываетъ широту и смѣлость его замысловъ. Осуществился ли и какъ именно этотъ новый Язоновъ походъ за золотымъ руномъ,—я не знаю.

Снѣговыя горы совсѣмъ уходятъ изъ глазъ и на замѣну имъ выступаютъ, тоже въ порядочной дали отъ насъ, низкія каменныя гряды. Къ станціи Костокозъ мѣстность дѣлается все пустыннѣе и безплоднѣе, а верстъ за 5 до него начинаетъ стелиться голый крупный песокъ, перемежающійся съ солончаками. Ни верблюдовъ, ни арбъ не встрѣчается больше на опустѣвшей дорогѣ. Рѣку Сыръ-Дарью мы увидѣли опять только у самой станціи; темнозеленая полоса деревьевъ провожала ея берегъ. Станція Костокозъ была совсѣмъ разрушена землетрясеніемъ въ 1888 году. Кругомъ нея и за нею полное безплодіе. Дорога потомъ обращается въ какую-то мучительную каменоломню, по которой пересчитываетъ всѣ наши ребра нашъ тяжелый казанскій тарантасъ. Камни, пески, солонцы—ничего другого кругомъ. Верстъ черезъ 10 за Костокозомъ—граница Ферганской области; стоитъ каменный порубежный столбъ съ надписью, и отсюда уже начинаются верстовые столбы, которыхъ почему-то нѣтъ въ Сыръ-Дарьинской области. Среди охватывающей насъ средне-азіатской дичи даже такіе ничтожные признаки русской власти, какъ верстовой столбъ и телеграфная проволока, какъ-то бодрятъ душу русскаго человѣка, заѣхавшаго въ эти дебри.

Сейчасъ же за пограничнымъ столбомъ, влѣво отъ дороги, надъ берегомъ Сыръ-Дарьи, стоитъ опустѣвшая Кокандская крѣоптсь, когда-то защищавшая входъ въ ханство. Высокія стѣны образуютъ довольно внушительный четырехугольный замокъ, фланкируемый по угламъ башнями. Его романтическія очертанія составляютъ эффектный первый планъ для живописной панорамы Сыръ-Дарьи, которая тутъ дѣлаетъ рѣзкое колѣно и разливается довольно широко, зеленѣя множествомъ острововъ и желтѣя лысинами своихъ частыхъ мелей. Блѣдно-красныя каменныя горы, окаймляющія съ той стороны ея правый берегъ, и знойнымъ тономъ своихъ красокъ, и своими голыми изломами, какъ нельзя болѣе подходятъ къ общему характеру картины.

Еще на шесть верстъ—печальные пески, сметенные вѣтромъ въ необозримыя стада желтыхъ бархановъ. Но за 6-ть верстъ отъ станціи Кара-Ушхунъ пески прекращаются, и начинаются равнины здѣшняго плодороднаго лёсса, или «желтозема», какъ удачно назвалъ его академикъ Миддендорфъ. Вмѣстѣ съ плодородною почвою появляются и многочисленные кишлаки съ своими садами, полями, арыками и дувалами. Прославленная своимъ обиліемъ, Ферганская область все-таки начинаетъ сколько-нибудь оправдывать свою репутацію послѣ столь мало ободрительнаго въѣзда въ нее. Множество празднаго народа въ тѣнистыхъ галлерейкахъ базаровъ, множество дѣтишекъ торчатъ на гребняхъ глиняныхъ оградъ и на лавочкахъ глубокихъ воротъ. Вездѣ отрадная тѣнь деревьевъ. Стриженныя деревца шелковицы разсажены по краямъ всѣхъ арыковъ, вдоль всѣхъ дорожекъ, кругомъ полей вмѣсто изгороди. Тутъ много и лоховнику, по мѣстному «игды», дающаго очень любимыя туземцами и необыкновенно дешевыя ягоды, много карагачу съ его удивительно плотною и красивою короною, и, — странное дѣло, — много также нашей родной щигровской ракиты-метушки, которую зовутъ здѣсь таломъ, но безъ которой, какъ видно, не обошлось даже это далекое Кокандское ханство. Въ поляхъ разбросаны маленькія глиняныя башенки, совсѣмъ такія, какъ мы видѣли въ Туркменіи; значитъ, эти пограничныя

мѣста были далеко не безопасны и требовали особенныхъ мѣръ предосторожности для охраны работавшихъ въ полѣ земледѣльцевъ. Въ самомъ кишлакѣ Кара-Ушхунъ—порядочная глиняная кала̀, да и сама станція — похожа на крѣпостцу: широкій ровъ кругомъ, башни, стѣны. Староста на Караушхунской станціи оказался русскій, чуть не единственный во всемъ кишлакѣ.

— Тутъ, ваше благородіе, не простой сартъ живетъ,—доложилъ онъ мнѣ, — а болѣе все таджикцы. Они, положимъ, хоть тѣ же сарты, и закону такого же мусульманскаго, только говорятъ иначе, по-своему, другъ дружку не понимаютъ. Ну, а для нашего брата, разумѣется, все одна Азія безпонятная! Вотъ киргизовъ тутъ нѣтъ. Оттого и верблюдовъ нѣтъ. На той сторонѣ Сыръ-Дарьи много ихъ въ горахъ, а тутъ нѣтъ.

— Богатый народъ здѣсь? Чѣмъ больше занимаются?—спросилъ я.

— Какое-жъ богатство, помилуйте! Воды тутъ мало, а народу много. А безъ воды что̀ подѣлаешь? Изволили видѣть, земля-то у нихъ какая: камень да песокъ. Только и родитъ, что съ воды. Ну, а все-таки хлѣба сѣютъ по плепорціи своей, сколько кому нужно. Больше только хлопкомъ занимаются, да шелкомъ, да вотъ виноградъ еще по садамъ разводятъ, не то чтобы въ полѣ, а по кишлакамъ.

— А живутъ мирно?

— И, Боже мой! ужъ такъ тихо, сказать нельзя. Никогда ничего не бываетъ. Боятся, конечно, русскихъ; взыскиваютъ съ нихъ строго, коли что такое. Начальство имъ этого не спускаетъ, вотъ и сидятъ смирно...

Сейчасъ же за Караушхуномъ и знаменитая когда-то Кокандская крѣпость Махрамъ. Она стоитъ на самомъ берегу Сыръ-Дарьи и считалась однимъ изъ главныхъ оплотовъ стараго ханства. Дорога проходитъ насквозь черезъ всю крѣпость, изъ однихъ воротъ въ другія. Крѣпость окружена глубокимъ и широкимъ рвомъ, за которымъ поднимаются двойнымъ кольцомъ глиняныя

стѣны съ башнями. Вторая стѣна особенно высока и толста, и и устроена очень удобно для защитниковъ. Внутри ея множество глиняныхъ мазанокъ для войска, замѣнявшихъ палатки. Махрамъ—своего рода Геокъ-Тепе кокандцевъ. Тутъ разыгралась кровавая битва, рѣшившая судьбу воинственнаго ханства. Генералъ Головачевъ разбилъ здѣсь на голову все, засѣвшее въ Махрамѣ, войско кокандцевъ, и столица ихъ Коканъ послѣ этого безъ боя отворила русскимъ свои ворота. Можно сказать поэтому, что въ Махрамѣ совершилось завоеваніе всей Ферганской области. Начиная отъ Махрама, сплошная лента кишлаковъ и садовъ удаляется вправо и течетъ, будто темнозеленая рѣка, у подножія горной цѣпи, провожающей насъ справа; напротивъ того, дорога приближается къ берегу Сыръ-Дарьи, а потомъ перерѣзаетъ на многія версты безплодные глинисто-песчаные курганы. Мѣстность дѣлается опять довольно скучною. Рѣка хотя и виднѣется по временамъ, но въ низкихъ и пустынныхъ берегахъ; вокругъ нея никакой жизни и очень мало зелени. За нею—все тѣ же надоѣвшія глазу блѣднорозовыя горы съ голыми ребрами. Такія же безплодныя каменистыя горы видны и справа, только онѣ заслоняютъ теперь солнце и кажутся уже не розовыми, а темносиними. У Махрама по этой синевѣ трупа проступали яркокрасныя пятна какихъ-то раскопанныхъ рудъ, желѣзныхъ или свинцовыхъ, словно это краснѣло до кости ободранное мясо горъ, съ усиліемъ выдвинувшихся изъ жесткихъ нѣдръ земныхъ. Хотя во многихъ мѣстахъ дорога подсыпана на подобіе шоссе, но тряска невыносимая. Наконецъ, потокъ садовъ и селеній заворачиваетъ вмѣстѣ съ небольшою грядою поперекъ дороги, и мы опять въѣзжаемъ въ область душистаго лоховника, арыковъ, садовъ и домовъ. Мы проѣхали 20 верстъ отъ Кара-Ушхунъ и теперь въ Патарѣ. Отъ Патары кишлаки съ садами переходятъ налѣво къ Сыръ-Дарьѣ, а дорога углубляется направо, въ пески. Впрочемъ, и кишлаки кругомъ осаждены песками отъ самаго берега рѣки. Чтобы песокъ не заносилъ дворовъ и садовъ, срѣзанный камышъ натыканъ тѣсными рядами по околицамъ ки-

шлака со стороны этихъ надвигающихся песковъ; въ другихъ мѣстахъ даже посажена съ этою цѣлью особая порода желтаго камыша уже наполовину однако занесеннаго. Гдѣ нѣтъ такихъ защитъ, высокіе барханы песку, изборожденные ровными складками, будто полосатая кожа тигра, двигаются чуть не въ самыя улицы кишлаковъ и идутъ длинною цѣпью отъ рѣки въ поле. На 20-ть сплошныхъ верстъ тянется безплодная пустыня, покрытая ровными мелкими камнями, словно комьями отлично вспаханной земли, — и на всемъ этомъ протяженіи ни одной травинки, ни одного кустика! Настоящая «Голодная степь», если бы рядомъ съ нею, слѣва, не шла все время зеленая полоса кишлаковъ, провожающая теченіе Сыръ-Дарьи, съ своими садами и плодородными землями. Единственныя растенія, которыми оживляетъ себя эта пустыня камней,—разсѣянныя по ней кладбища и мазары. А между тѣмъ эту пустыню такъ не трудно было бы обратить въ одинъ громадный виноградникъ, точно такъ же, какъ и каменистыя поля за Ходжентомъ. Это тоже въ сущности очень богатая, но требующая обильнаго орошенія и обработки, почва Крыма, Кавказа, Швейцаріи, которая прославила ихъ своими виноградниками и винами. Что и эту пустыню можно обратить въ цвѣтущій садъ — въ этомъ мы убѣдились воочію. Цѣлыхъ 7 верстъ передъ станціею Бишъ-Арыкъ идетъ черезъ ту же каменистую равнину густая аллея роскошно зеленѣющихъ молодыхъ тутовыхъ деревьевъ, къ корнямъ которыхъ, разумѣется, проведенъ арыкъ изъ кишлака.

Тряска по камнямъ такая убійственная, что она должна была окончиться какимъ-нибудь неблагополучіемъ. Одно изъ переднихъ колесъ нашего тарантаса вдругъ откатилось въ сторону, и грузный ковчегъ нашъ клюнулъ носомъ въ землю. Пришлось пройти нѣсколько верстъ назадъ по этимъ же камнямъ, рѣзавшимъ ногу даже черезъ толстую подошву сапогъ, пока не отыскался злополучный колпакъ съ гайкою, привинчивавшій колесо.

Между тѣмъ уже сильно вечерѣло и не хотѣлось запазды-

вать, а почтовыя лошади изъ силъ выбились, таща по грудамъ камней тяжелый экипажъ. Сдѣлавъ 22 версты по мучительной дорогѣ, нужно было заночевать въ Бишъ-Арыкѣ въ 32-хъ верстахъ отъ Кокана.

Встали мы, по обыкновенію, въ 4 часа утра. Было 28 апрѣля, праздникъ Красной Горки у насъ въ православной Руси Фергана встрѣтила насъ тоже празднично; и ея грозные заоблачные хребты обратились въ своего рода ликующія «красныя горки», красныя, конечно, не по цвѣту, а въ смыслѣ прекраснаго, какъ говорится про красныхъ дѣвушекъ и красное солнышко.

Воздухъ ранняго утра былъ до того ясенъ, что ни одна легкая тучка не затуманила его дѣвственной лазури, и весь Алайскій хребетъ, направо отъ насъ, вырѣзался, будто вылитый изъ серебра, въ ослѣпительномъ сіяніи своихъ льдовъ и снѣжныхъ пирамидъ. Восходившее солнце ударяло ему прямо въ лицо своими еще низкими, скользившими по землѣ лучами, и, несмотря на большую даль, можно было, казалось, ощупать всѣ углубленія и выступы, всѣ ребра и грани этого бѣлаго хребта, что поднимался, будто какое-то чудное видѣніе, изъ-подъ горизонтовъ земли, охватывая громадное пространство зубчатою лентою своихъ ледяныхъ твердынь.

Рѣдко приходится видѣть такую обширную панораму снѣговыхъ горъ въ такой, по-истинѣ, восхитительный моментъ. Я много разъ и съ разныхъ сторонъ любовался картиною Кавказскаго хребта, но могу сказать, что даже и онъ не производилъ на меня такого поражающаго впечатлѣнія, какъ эти титаническіе снѣговые отроги Тянь-Шаня, ярко освѣщенные весеннимъ солнцемъ среди чарующей лазури утренняго неба.

Старый ямщикъ-киргизъ съ бронзовымъ лицомъ, на которомъ, казалось, нельзя было докопаться ни до какихъ человѣческихъ чувствъ,—и тотъ растрогался сердцемъ и обернулся къ намъ, осклабивши до ушей свой безъ того широкій ротъ и гла-

зами взывая къ нашему сочувствію. Вся долина Сыръ-Дарьи, отъ одного хребта горъ до другого, разстилалась теперь передъ нами однимъ сплошнымъ плодороднымъ полемъ, изрѣзаннымъ арыками, однимъ роскошнымъ зеленѣющимъ садомъ, въ рамѣ этихъ далекихъ снѣговъ. Кишлаки тоже повалили сплошь. Въ 5-ть часовъ утра базары ихъ уже полны народа; почти всѣ за чашками чая вокругъ тульскихъ самоваровъ, съ туземными бѣлыми лепешками въ рукахъ. Дома чаю не пьетъ никто; последній бѣднякъ съ утра отправляется въ чай-хане, своего рода веселый деревенскій клубъ, гдѣ уже всѣ сосѣди его давно сидятъ подъ тѣнью старыхъ деревьевъ на низенькихъ рундукахъ и кроватяхъ (по-сартски «супа)», покрытыхъ коврами, или въ глубинѣ прохладныхъ галлерей, сообщая другъ другу всѣ новости кишлака, покуривая кальянъ или трубку и потягивая свой неизмѣнный и невообразимо дешевый кокъ-чай. Народъ здѣсь вообще живетъ довольно таровато и праздно, одѣвается щеголевато, не убиваетъ себя на работѣ, а проводитъ много времени въ болтовнѣ базаровъ и въ снованіи по улицамъ. Оттого, конечно, базары каждаго порядочнаго кишлака полны лавокъ и торговли всякаго рода. Тутъ и мясныя, и посудныя лавки, и лавки краснаго товара, и уже непремѣнно множество чай-хане и ашъ-хане, по нашему, харчевенъ.

Всѣ онѣ окружены и наполнены яркими тюрбанами, пестрыми халатами, веселыми лицами, оживляющими этотъ шумный базаръ. Впрочемъ, не меньше оживленія и на поляхъ. Тамъ тоже работа кипитъ съ ранняго утра. Дороги полны арбъ и верховыхъ, а подъ часъ и нагруженныхъ верблюдовъ. Везутъ массами сѣдла, шкуры, войлоки, тюки хлопка. Все сразу говоритъ о близости большого торговаго рынка.

Ярко разодѣтые таджики и сарты набиваются по десяти въ одну арбу, отправляясь въ свою былую столицу цѣлыми семьями, съ женами и дѣтьми.

III.

Старая и новая столица Ферганы.

Тѣнистыми, шумными улицами подгороднихъ кишлаковъ мы незамѣтно въѣхали въ Коканъ и по широкому Розенбаховскому проспекту, обсаженному сначала молодыми, потомъ громадными маститыми тополями,—мимо русскихъ домовъ очень порядочной архитектуры, мимо разныхъ обычныхъ учрежденій русскаго города, аптекъ, магазиновъ, складовъ, — направились на площадь передъ ханскою урдою, гдѣ съ неподобающею ей торжественностью въ гордомъ уединеніи стоитъ почтовая станція. Русскіе солдатики, русскіе ямщики, русскіе извозчики съ крытыми пролетками—отрадно подѣйствовали на наши нервы, нѣсколько утомленные сплошною азіатчиною. Не безъ удовольствія поѣли мы наконецъ и горячаго русскаго супа съ курицей послѣ нѣсколькихъ дней походныхъ закусокъ.

Въ Коканѣ, собственно говоря, только и есть интереснаго, что бывшая «ханская урда», теперь обращенная въ центръ русской власти. Урда — все то же, что орда. А орда у татарскихъ народовъ никогда не имѣла того значенія, которое ей придалъ русскій языкъ. Орда означаетъ по-татарски ханскій шатеръ, ханскій дворъ. «Золотая орда» была просто-на-просто «золотымъ шатромъ волжскихъ хановъ», точно такъ же, какъ и у многихъ другихъ азіатскихъ хановъ были такія же «золотыя орды» или «урды». Впослѣдствіи, когда кочевники-татары и монголы стали привыкать понемногу къ осѣдлости, они перенесли названіе урды или орды на деревянныя и каменныя жилища своихъ владыкъ, на великолѣпные дворцы Тамерлана и его потомковъ. Русскій же смыслъ орды, какъ большой толпы, скопища народа, вѣроятно, возникъ изъ того обстоятельства, что въ ордѣ, то-есть ставкахъ хана, жилъ весь его многочисленный

дворъ, всѣ его главные сподручники; когда ханъ поднимался со всѣми ними, «цѣлою ордою», то, конечно, за ними поднимались и всѣ кочевыя полчища ихъ, — и вотъ «орда» невольно явилась въ воображеніи нашихъ древнихъ предковъ синонимомъ многолюдной толпы, цѣлаго кочевого племени.

Отсюда и пошли у насъ всякія крымскія и ногайскія орды, ордынцы и т. п.

Урда кокандскаго хана—одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ дворцовъ Средней Азіи. Это что-то до такой степени красивое, изящное, оригинальное, что глазъ никакъ не налюбуется имъ, не оторвется отъ него. Конечно, это все та же персидско-арабская архитектура, которая создала самаркандскія мечети, бухарскія медрессе, гробницы Стараго Мерва. Но въ кокандской урдѣ много своеобразныхъ и счастливыхъ особенностей. Лучше всего любоваться урдою, войдя на ея широкій дворъ сквозь ворота маленькой, окружающей ее, цитадели, охраняемой русскимъ карауломъ. Урда поднята высоко надъ дворомъ на своихъ каменныхъ террасахъ, такъ что издали кажется какимъ-то колоссальнымъ драгоцѣннымъ изваяніемъ, покоящимся на массивномъ пьдесталѣ. Весь ея широкій фасадъ, и громадный серединный порталъ,—этотъ характерный центръ персидской архитектуры, — и стройные минареты, словно выточенные искусною рукою артиста, и всѣ стѣны ея кажутся вылитыми изъ сверкающаго китайскаго фарфора самыхъ нѣжныхъ тоновъ, голубого, зеленаго, сѣраго, бѣлаго, желтаго... Отъ этого дворца, одѣтаго въ вѣчно яркія одежды стеклянной глазури, переходъ къ настоящимъ фарфоровымъ кіоскамъ и башнямъ Китая—совсѣмъ незамѣтенъ. Самое поразительное въ кокандской урдѣ— это чудное сочетаніе узоровъ и красокъ и изумительное разнообразіе арабеска. И странное дѣло! это затѣйливая пестрота тоновъ и линій производитъ впечатлѣніе гармоніи и цѣльности, радующее глазъ.

Но блескъ фарфоровыхъ одеждъ, въ которыя облекся ханскій дворецъ, не заслоняетъ однако собою его строгихъ архи-

тектурныхъ линій. Дворецъ изященъ и по стилю своему. Высокій и широкій серединный порталъ съ воротною аркою обрамленъ съ обѣихъ сторонъ двумя стройными минаретами, сквозныя верхушки которыхъ, увѣнчанныя ярко-голубыми фарфоровыми шапочками, нѣсколько шире остальнаго столба. Другіе два минарета подъ желтыми фарфоровыми купольчиками, увитые такою же сверкающею спиралью голубыхъ и зеленыхъ арабесковъ, возвышаются по краямъ фасада, словно два крыла, поднимающія его въ воздухъ, сообщая всему зданію удивительную легкость и вмѣстѣ строгую законченность линій.

Впрочемъ, самъ хрустальный блескъ его стѣнъ, самые тоны небесной лазури, насквозь его проникающіе, невольно придаютъ массивному корпусу урды эту изящную воздушность...

Верхній поясъ зданія, замѣняющій карнизъ, учень удачно оттѣняетъ нѣжныя краски стѣнъ своимъ темно-синимъ фаянсомъ, по которому тѣсною вязью извиваются бѣлыя арабскія строки. Ниже ихъ стѣна свѣтло-голубыхъ и зеленыхъ изразцовъ вся въ разнообразныхъ маленькихъ нишахъ художественнаго рисунка и замѣчательнаго богатства колеровъ. Оконъ немного, и они не вытянуты казеннымъ ранжиромъ въ одну линію, какъ въ нашихъ европейскихъ домахъ, а разбросаны на разной высотѣ, разной величины, но всегда удивительно къ мѣсту, окруженныя тѣми же сверкающими рамами голубого и зеленаго фаянса...

Впрочемъ, слово безсильно передать впечатлѣніе этой своеобразной красоты, гдѣ все зависитъ отъ тона красокъ и капризныхъ изгибовъ линій, и которую могла бы воспроизвести сколько-нибудь вѣрно только мастерская кисть художника.

Мы вошли по длинному каменному подъему въ серединныя ворота между двухъ террасъ, окаймляющихъ передній фасадъ урды, и очутились въ большомъ внутреннемъ дворѣ, обнесенномъ кругомъ крытыми галлерейками съ пестро раскрашенными стѣнами, потолками и колонками, какъ это всегда водится въ богатыхъ туркестанскихъ жилищахъ. Со двора ходъ въ церковь.

Она занимаетъ двѣ лучшія залы бывшаго дворца, и раскошные лѣпные потолки этихъ залъ сохранили еще всѣ былыя свои восточныя украшенія. Иконостасъ и царскія двери своею темною отдѣлкою изъ полированнаго чинара вполнѣ подошли къ темнымъ бархатистымъ тонамъ туркменскаго ковра, какими расписаны внутри лѣпныя ниши потолка, полныя необыкновеннаго вкуса. Въ церкви шла служба по случаю табельнаго дня, и хотя народъ уже выходитъ изъ церкви, когда мы вошли въ урду, однако намъ удалось таки найти здѣсь одного изъ мѣстныхъ военныхъ А. М. М—ва, къ которому мы имѣли письмо отъ нашего общаго знакомаго и который любезно помогъ намъ потомъ ознакомиться съ достопримѣчательностями Кокана. Въ урдѣ, и кромѣ церкви, сохранилось нѣсколько комнатъ съ восточными украшеніями потолковъ и стѣнъ. Одна изъ нихъ, богато отдѣланная, теперь въ квартирѣ батальоннаго командира, другая—въ военной канцеляріи. Эта послѣдняя, цѣлый залъ съ двойною галлереею — верхнею и нижнею, и съ множествомъ низенькихъ дверочекъ за колонками нижней галлереи. Лѣпной потолокъ съ красивою центральною впадиною пріосѣняетъ собою каменную «супу», окруженную колонками, на которой сидѣли въ прежнее время просители имѣвшіе дѣло до хана. Эта комната была пріемною хана, а низенькія дверочки вели въ коморки, гдѣ помѣщались его сокровища. Теперь тамъ все попрѣло, и вообще урда съ каждымъ годомъ приходитъ все больше въ запустѣніе. Средствъ на ея содержаніе отпускается очень мало, а между тѣмъ такое во всей Азіи знаменитое зданіе, такой драгоцѣнный памятникъ туземной архитектуры, стоило бы поддержать въ его первобытномъ блескѣ. Урда теперь занята разными военными учрежденіями, которыя вообще мало церемонятся съ нею и отнюдь не признаютъ ея историческаго значенія. Урда окружена крѣпостью своего рода,—каменною стѣною и казармою-редюитомъ. Рядомъ къ ней примыкаетъ старое кладбище кокандскихъ хановъ. Усыпальница ихъ не очень роскошна. Хороша и своеобразна только ограда ея съ гипсовыми сквозными украшеніями типическаго

восточнаго рисунка. Внутри же—самыя обыкновенныя гробницы изъ кирпича, залитаго известкою, полукруглыя и длинныя, какъ будки арбы. Кладбище отдано на попеченіе города, которому даже отпускается на поддержаніе гробницъ нѣкоторая сумма. Мы посѣтили и главныя мечети Кокана — Омарову, султана Бекра и другія. Всѣ онѣ большія, съ большими дворами, при всѣхъ медрессе со множествомъ софтъ; но всѣ онѣ такъ похожи на другія, нами видѣнныя мечети, что о нихъ ровно нечего сказать.

Базары Кокана глубоко характерны и любопытны для наблюденія надъ мѣстными нравами и мѣстною толпою. Но и они, какъ двѣ капли воды, похожи на видѣнные нами базары Бухары, Ташкента и другихъ большихъ городовъ Туркестана. Съ нихъ можно брать фотографіи и снимать акварельные этюды, но описывать ихъ—значитъ повторять въ десятый разъ то, что уже приходилось говорить раньше.

Кокандцы праздновали свой праздникъ байрамъ, наступающій послѣ поста ихъ, или «уразы». Ураза кончается и байрамъ начинается не въ какое-нибудь строго опредѣленное время: необходимо для этого, чтобы кто-нибудь увидѣлъ новую луну. Луну эту разыскиваютъ, однако, не на верху, а внизу. Благочестивые люди просиживаютъ цѣлые часы надъ какимъ-нибудь священнымъ прудкомъ около старой мечети, поджидая, когда появится въ немъ отраженіе перваго чуть примѣтнаго еще серпа луны. Съ этого момента постъ прекращается, и настаютъ радости праздника. Счастливецъ, который первый узритъ почитаемое исламомъ свѣтило, получаетъ за радостную, вѣсть («сеунчу», какъ здѣсь говорятъ) халатъ въ подарокъ. Не всѣ города бываютъ въ этомъ отношеніи одинаково счастливы. Въ Коканѣ, напр., увидали въ первый разъ луну и начали праздновать байрамъ въ пятницу, а въ сосѣднемъ Маргеланѣ, куда мы потомъ пріѣхали, въ пятницу еще продолжалась ураза, а праздникъ начался только въ субботу, когда пріѣзжіе изъ Кокана сообщили желанную вѣсть объ открытіи новой луны и о прекращеніи тамъ уразы.

Несомнѣнно, что это еще пережившіе вѣка остатки древняго поклоненія лунѣ, очень распространеннаго когда-то въ Азіи и заимствованнаго потомъ религіею Магомета, какъ многія другія, крѣпко укоренившіяся въ народѣ языческія вѣрованія его.

Съ помощью нашего любезнаго спутника мы накупили себѣ въ кокандскихъ базарахъ разныхъ мѣстныхъ издѣлій, мѣдные кубганы съ тазами, кофейники оригинальнаго восточнаго стиля, кашгарской матеріи — изъ верблюжьей шерсти, которую здѣсь зовутъ «чалма» и которая тутъ баснословно дешева. Впрочемъ, отыскивать нѣкоторыя вещи приходилось не въ лавкахъ, а въ караванъ-сараяхъ, примыкающихъ къ базару, гдѣ можно достать всякій товаръ не отъ перекупщиковъ-лавочниковъ, а изъ первыхъ рукъ, отъ мѣстныхъ производителей, хотя и эти «первыя руки» уже жестоко навострились обдувать нашего брата, русскаго.

Въ Коканѣ мы посѣтили и хлопко-очистительный заводъ братьевъ Каменскихъ. Онъ работаетъ водянымъ приводомъ, устроеннымъ внизу, внизъ же попадаютъ изъ-подъ чесальныхъ машинъ сѣмена хлопка, смѣшанныя съ частицами ваты, и образуютъ громадныя черно-сѣрыя кучи, которыя охотно покупаютъ, чтобы выжимать изъ нихъ особеннаго рода хлопчатобумажное масло, а жмыхи употреблять на топливо и кормъ скоту. Чешутъ хлопокъ особыми цилиндрами, на которые насажены круглыя пилы съ зубцами; чистый хлопокъ снѣжною пылью отлетаетъ въ одну сторону, а сѣмена съ приставшими къ нимъ частицами хлопка проваливаются внизъ. Высокая зала, куда попадаютъ летучія хлопья ваты, вся полна этою сухою метелью своего рода. Въ ней трудно пробыть нѣсколько минутъ, до того невозможно дышать въ этой атмосферѣ повсюду рѣющихъ бумажныхъ волоконъ. Самые привычные рабочіе избѣгаютъ входить въ нее безъ особенной нужды, и набивка ваты въ мѣшки происходитъ въ сосѣднемъ съ ней помѣщеніи. Прессуютъ хлопокъ на открытой галлереѣ завода, гдѣ тяжелый чугунный винтъ проходитъ сквозь толстый деревянный футляръ,

крѣпко окованный желѣзомъ, и жметъ положенный снизу тюкъ. Намъ разсказывали, что въ городѣ Андижанѣ, на такомъ же хлопко-очистительномъ заводѣ, недавно, одинъ изъ сартовъ-рабочихъ забрался какъ-то пьяный въ футляръ пресса и тамъ заснулъ крѣпкимъ сномъ. Не подозрѣвая его пребыванія тамъ, работники завинтили жомъ и расплющили въ блинъ своего легкомысленнаго собрата. Очищеніе хлопка приноситъ большой барышъ хозяевамъ завода. Расходы на устройство и эксплоатацію его не особенно велики, а между тѣмъ разница въ цѣнѣ хлопка очищеннаго и неочищеннаго — громадная. Нечистый хлопокъ можно было покупать въ Коканѣ въ прошломъ году по 1 р. 80 коп., 1 р. 90 коп. пудъ, продавая его, по очищеніи на заводѣ, по 7 р. 50 коп. за пудъ.

Особенно это было выгодно прежде, когда у московскихъ фабрикантовъ, основавшихъ здѣсь первые хлопко-очистительные заводы, почти не было конкурентовъ; теперь же заводовъ этихъ развелось видимо-невидимо, и появилось даже множество сартскихъ заводовъ, довольствующихся гораздо меньшимъ барышомъ, чѣмъ наши, и сильно подрывающихъ доходы крупныхъ русскихъ заводовъ, затратившихъ на свое устройство гораздо бо́льшіе капиталы и понесшихъ на себѣ всю тягость ошибки и потерь, неразлучныхъ съ первыми попытками водворить новую промышленность въ полудикомъ краѣ. Кромѣ завода Каменскихъ, вблизи города Кокана устроенъ большой хлопко-очистительный заводъ одной изъ богатѣйшихъ московскихъ фирмъ Корзинкиныхъ.

Пообѣдали мы втроемъ съ нашимъ путеводителемъ очень недурно въ военномъ клубѣ. Офицерство все было въ лагерѣ, и мы оказались чуть ли не единственными посѣтителями клуба, просторнаго и очень приличнаго, съ хорошенькимъ садомъ и тѣнистыми балконами. Утѣшительно было то, что въ недавнемъ царствѣ Худояръ-хана мы уже пили свое мѣстное русское вино изъ плантацій Филатова и лакомились, несмотря на раннюю весну, прекрасною клубникою-викторіей, обильно разводимою

теперь по слѣдамъ русскихъ въ Коканѣ и въ Ташкентѣ, и во всѣхъ городахъ и городкахъ Туркестана.

Впрочемъ, русскій элементъ въ Коканѣ угнѣздился не такъ еще прочно, какъ въ другихъ большихъ городахъ Средней Азіи. Въ Самаркандѣ, Ташкентѣ, Маргеланѣ — русская часть города совершенно отдѣльная отъ азіатской и принимаетъ размѣры цѣлаго самостоятельнаго города, разрастаясь безъ малѣйшаго препятствія все больше и больше. Въ Коканѣ же русскія улицы устроились среди старой столицы кокандскихъ хановъ, покупая за деньги уже ранѣе занятыя мѣста. Пока возникло до шести русскихъ улицъ, и изъ нихъ, разумѣется, самая великолѣпная и самая главная — это широкій и длинный Розенбаховскій проспектъ. Но дальнѣйшее развитіе новаго русскаго поселка со всѣхъ сторонъ натыкается на давно насаженныя туземныя гнѣзда и встрѣчаетъ подчасъ неодолимыя препятствія. Уже теперь мѣста продаются по 2 руб. сер. за квадратную сажень, словно въ какомъ-нибудь Петербургѣ или Парижѣ. При этихъ условіяхъ самое положеніе русской силы въ Коканѣ нѣсколько опаснѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ забраннаго нами края, такъ что обращеніе ханской урды въ русскую военную цитадель здѣсь какъ нельзя болѣе кстати. Кокандцы менѣе всѣхъ другихъ покоренныхъ народовъ Средней Азіи свыклись съ русскою властью, да и покорены они были много позднѣе другихъ. А между тѣмъ они самые воинственные изъ нихъ и болѣе другихъ проникнуты вкусами недавняго прошлаго, когда разбои и междоусобія составляли ихъ обычное занятіе. Хотя купцы и землевладѣльцы вообще довольны русскими порядками, при которыхъ имъ вполнѣ обезпеченъ ихъ мирный трудъ и ихъ достояніе, — бывшіе еще такъ недавно игрушкою своеволія ханскихъ біевъ и самаго хана,—но фанатическіе муллы не перестаютъ питать въ народѣ ненависть къ невѣрнымъ собакамъ-москованъ, поработителямъ правовѣрныхъ сыновъ ислама, такъ что при первой серьезной искрѣ можно ждать единодушнаго возстанія кокандцевъ.

А Коканъ—сила очень серьезная. Въ немъ считается жителей 50.000, но въ сущности этихъ тысячей никто не считалъ, а наши офицеры думаютъ, что тутъ ихъ чуть ли не цѣлыхъ сто тысячъ. По крайней мѣрѣ, размѣры города огромны и даютъ поводъ вѣрить этому счету. Только отъ почтовой станціи до выѣзда ѣдешь по верстовымъ столбамъ ровно пять верстъ городомъ, а это всего только половина. Въ окружности городъ занимаетъ не меньше 30-ти верстъ. Онъ обнесенъ кругомъ стѣною съ 12-ю воротами и съ множествомъ башенъ.

Мы проѣхали черезъ одни изъ этихъ воротъ, глубоко вдвинутыхъ между двумя старыми башнями и прикрывающихъ своимъ мшистымъ сводомъ еще и помѣщеніе для караула...

Особенно интересно проѣзжать ночью, да еще въ праздникъ, большіе среднеазіатскіе города, подобные Кокану. Впечатлѣніе получается поистинѣ фантастическое, а вмѣстѣ съ тѣмъ и очень поэтическое. Всѣ эти безконечные крытые базары живутъ ночью самою разнообразною жизнью. Весь городъ здѣсь отъ стара до мала, мужчины и женщины, разодѣтые и праздные. Высоко подвѣшанные въ разныхъ мѣстахъ большіе фонари льютъ какой-то таинственный свѣтъ въ темные закоулки, извивающіеся въ разныя стороны, какъ тропинки дремучаго лѣса, среди безчисленныхъ лавчонокъ, мастерскихъ, кузней, харчевенъ, чайныхъ и цируленъ базара. Вездѣ на супáхъ, на рундукахъ, подъ крышами галлерей, подъ тѣнью деревьевъ, мирно бесѣдующіе за чашками чая или за кальянами кружки разноцвѣтныхъ халатовъ, яркихъ чалмъ, сѣдыхъ и черныхъ бородъ, на далеко бросающіе отъ себя темныя ползучія тѣни; тутъ и сидятъ, и лежатъ, болтаютъ, ѣдятъ, спятъ прямо на улицѣ, словно отдыхая отъ утомившаго всѣхъ дневного зноя; тутъ и молятся, и работаютъ, и торгуютъ. Всѣ чувствуютъ себя, какъ въ земномъ раю, въ этомъ лѣнивомъ фарніенте южнаго вечера, у кипящихъ самоваровъ, въ такомъ же кипящемъ очагѣ городскихъ сплетенъ и анекдотовъ, въ

мимолетныхъ развлекающихъ встрѣчахъ со всѣми знакомыми. А мимо ихъ, чуть даже не черезъ нихъ, продолжаютъ непрерывными вереницами шагать тяжело нагруженные верблюды, и ихъ строгія библейскія физіономіи вырѣзаются на мгновенье словно на стеклѣ волшебнаго фонаря въ яркомъ кружкѣ свѣта, въ который они внезапно попадаютъ изъ глухой темноты степей, съ неодобрительнымъ удивленіемъ озираютъ эти толпы разряженныхъ бездѣльничающихъ людей, и опять, будто призраки сновидѣнія, тонутъ во мракѣ ночи... А съ ними вмѣстѣ проносятся, такъ же на мгновеніе всыхивая свѣтомъ, прилегшія къ ихъ горбамъ и высоко приподнятыя въ воздухъ такія же сурово-удивленныя и неодобрительныя физіономіи кочевниковъ, везущихъ свой безхитростный товаръ въ караванъ-сараи Кокана. Выберешься наконецъ изъ этихъ лабиринтовъ восточной торговли въ узкіе безмолвные переулки, словно провалившіеся между двухъ безконечныхъ лентъ глиняныхъ дуваловъ,—и опять другіе эффекты, другая красота. То и дѣло проѣзжаешь подъ тѣнью гигантскихъ вѣковыхъ каргачей, шелковицъ, орѣшниковъ, поднимающихся изъ-за глиняной стѣнки дувала выше двухъэтажныхъ домовъ и мечетей чудными своеобразными храмами своего рода, съ цѣлымъ поколѣніемъ живописно изогнутыхъ рогатыхъ сучьевъ, вырѣзающихъ свои черные силуэты на фонѣ южнаго неба, съ широкими курчавыми шапками густой листвы, въ которыхъ мирно спитъ теперь цѣлое птичье населеніе. Стройные и высокіе, какъ минареты, тополи тоже поднимаются кое-гдѣ изъ гущи садовъ, рядомъ съ воздушными виноградными галлереями, обильно обвѣшанными еще не спѣлыми гроздьями... Вмѣстѣ съ темными очертаніями плоскокрышихъ каменныхъ ящиковъ безъ оконъ, называемыхъ здѣсь жилищами человѣка, и живописныхъ купольчиковъ и башенекъ мечетей, — всѣ эти характерные ночные силуэты рисуютъ вамъ самую выразительную картину азіатскаго востока.

Коканъ, какъ и Ташкентъ, какъ и Ходжентъ, незамѣтно

переходитъ въ цѣлый рядъ загородныхъ садовъ и пригородныхъ кишлаковъ. Сады и селенія тянутся сплошь всѣ 26 верстъ до станціи Дурманчи и почти всю 30-ти-верстную станцію до Курганъ-Тепе. Вездѣ прекрасно обработанныя поля, дороги и арыки, опрятно обсаженные молодыми тутовыми деревьями, которыхъ вѣтки срѣзаются на кормъ шелковичныхъ червей. Это исконная страна шелководства и хлопководства, а вмѣстѣ съ тѣмъ житница всей Средней Азіи. Немудрено, что она производитъ впечатлѣніе одного громаднаго и многолюднаго кишлака, кишащаго базарами.

По случаю праздника байрама, не только всѣ базары, улицы, всѣ плоскія крыши, заборы и уютные уголки у воротъ, но даже и дороги полны ярко разодѣтаго и веселаго народа; дѣтей, кажется, еще больше, чѣмъ большихъ, и они тутъ такіе красавцы, съ огромными огненными глазами въ густыхъ рѣсницахъ, съ пылающимъ румянцемъ, наивными смуглыми личиками... Дѣвочки въ тщательно завитыхъ косичкахъ, черными змѣйками сбѣгающихъ на ихъ плеча, въ хорошенькихъ цвѣтныхъ кафтанчикахъ сверхъ такихъ же яркихъ платьевъ. Эти красныя, желтыя, зеленыя и малиновыя комашки набились всюду, куда только можно пролѣзть, и подъ арбы, стоящія оглоблями внизъ около дуваловъ, и на арбы, и на дувалы, и на плоскія крыши домовъ.

Въ деревенскихъ чай-хане нынче совсѣмъ парадная публика,—отлично одѣтая, важно возсѣдающая на коврахъ, важно потягивающая по китайскому обычаю чаекъ безъ сахара изъ своихъ «піоля», напоминающихъ величиной и формой наши полоскательныя чашки. За полкопѣйки можно хоть до десятаго пота пить, — развлеченіе безобидное, доступное всякому поденщику по нѣскольку разъ въ сутки. Сверкаютъ кое-гдѣ и блестящіе вычищенные мѣдные кофейники, но охотниковъ до кофе что-то мало видно; монгольская привычка къ чаю заполнила тутъ всю страну. Кокандцы празднуютъ свою «томашу», повидимому, такъ же, какъ и нашъ деревенскій русскій людъ—свои

храмовые праздники. Цѣлыми кишлаками идутъ и ѣдутъ они изъ села въ село, разряженные во весь свой парадъ, навалившись по 8 и 10 человѣкъ на одну арбу, насѣвъ по-двое и по-трое на одну лошадь. Сначала всѣ въ одно село, потомъ въ другое, и такъ во всѣ сосѣдніе кишлаки, по-очереди, чтобы ни одному не было обидно. Дѣти и женщины принимаютъ самое дѣятельное участіе въ этихъ «томашахъ», единственной отрадѣ однообразной деревенской жизни. На многихъ арбахъ пѣсни, бубны, дудки и барабаны. Нескончаемые караваны этого веселаго народа двигаются туда и сюда, такъ что разминоваться трудно. Богатые туземцы празднуютъ байрамъ, какъ наши зажиточные однодворцы свой «престольный», цѣлую недѣлю; бѣднота довольствуется и тремя днями. Но веселіе кокандцевъ не переходитъ въ безобразное пьянство и обжиранье, какъ это, къ несчастью, сплошь да рядомъ бываетъ у православнаго россійскаго человѣка; весь этотъ веселый шумъ ихъ, вся эта ихъ громогласная суетня кончаются скромнымъ чаепитіемъ въ пріятной компаніи подъ прохладною тѣнью карагача, да такою же скромною грошовою трапезою въ ашъ-ханѣ.

Наша несущаяся почтовая тройка съ двумя залихватскими валдайскими колокольчиками, съ ихъ отчаяннымъ «малиновымъ» звономъ, а особенно сидѣвшая въ открытомъ тарантасѣ русская барыня въ незнакомомъ для нихъ костюмѣ, да еще подъ зонтикомъ, производитъ поражающее впечатлѣніе на женскую публику кишлаковъ. Цѣлыя толпы траурныхъ фигуръ, закутанныхъ въ черное съ головы до ногъ, высыпали на улицу глазѣть на насъ. Своими черными бородатыми покрывалами, висящими на ихъ лицахъ, онѣ такъ напоминаютъ издали тѣхъ пугалъ-монаховъ въ черныхъ длинныхъ маскахъ, которые во времена инквизиціи жгли на кострахъ несчастныхъ еретиковъ. Но эти отшельническія одѣянія — тоже лукавая маска своего рода. Многія изъ этихъ внучекъ Евы словно ненарокомъ то и дѣло распахиваютъ свои мрачные саваны, и тогда намъ отлично видны ихъ длинные бешметы по пятки, золотисто-желтые, крас-

ные, зеленые, съ яркими крупными букетами въ родѣ парчи, ихъ широкія разноцвѣтныя шальвары, складками падающія на ступни, словомъ, весь ихъ роскошный и кокетливый нарядъ, лицемѣрно прикрываемый отъ глазъ непосвященнаго черной монашеской мантіею. Нѣкоторыя, болѣе смѣлыя и, конечно, болѣе молодыя, ухитряются будто невзначай даже приподнять свою черную фату и дать полюбоваться на себя хотя мелькомъ любопытному глазу. Хорошенькія попадаются, однако, рѣдко, бо́льшая же часть все сильно сложенныя, ширококостыя бабы самой прозаической конструкціи. Зато подросточки ихъ—красавица на красавицѣ: румяныя, въ черныхъ змѣйкахъ косъ, сверкающія чернымъ огнемъ глазъ и зубами, бѣлыми, какъ жемчугъ. Изъ нихъ, вѣроятно, вырастаютъ очень красивыя дѣвушки, но онѣ тускнѣютъ, грубѣютъ, жирѣютъ и старятся не по годамъ, а по днямъ. Кокандцы не считаютъ грѣхомъ работать и въ праздникъ, хотя бы только до обѣда. Несмотря на торжественныя процессіи съ пѣснями и музыкой, двигавшіяся по дорогѣ, тутъ же рядомъ на участкѣ, обсаженномъ молодою шелковицей, не одинъ трудолюбецъ-пахарь пахалъ, боронилъ или унавоживалъ свое поле подъ клеверъ, тщательно разбрасывая желѣзною вилкою до́-черна перепрѣвшій навозъ. Бо́роны тутъ такія же первобытныя, какъ и плуги: доска, выпуклая кверху и утыканная снизу гвоздями, везется парою воловъ, между тѣмъ какъ босоногій работникъ стоитъ на ней для увеличенія тяжести.

Въ жаркій весенній день отъ души оцѣнишь спасительность узенькихъ туземныхъ переулковъ, ныряющихъ между садами и дувалами. Деревья тутъ громадны и ростомъ, и обхватомъ, какія-то величественныя сооруженія, прикрывающія одною могучею вѣткою цѣлый маленькій сартскій дворъ. Тутъ и орѣхъ, и шелковица, и карагачъ, и наша ракита, но только они вдвое выше и роскошнѣе нашихъ. Виноградъ тоже видимъ часто. Тутъ особый способъ разводить его: цѣлые корридоры изъ слегъ, которые обращены кудрявыми лозами хмельного плода въ зе-

леныя галлереи, затканныя и сверху, и съ боковъ колеблющимися шпалерами гроздьевъ и листьевъ. Въ загородномъ дворѣ бухарскаго эмира, помню, мы видѣли точно такія же виноградныя бесѣдки. Впрочемъ, много виноградныхъ лозъ растетъ и по-кавказски, обвивая до самой макушки большія одинокія деревья. Вообще здѣсь виноградъ держится около дома между другими растеніями и не обособляется въ отдѣльные сплошные виноградники, какъ въ Европѣ. Сила растительности на этой богатой почвѣ изумительна. Пшеница какая-то темно-синяя, широколистая, съ сытымъ колосомъ уже въ апрѣлѣ. Со многихъ полей снимаютъ два урожая въ одно лѣто: послѣ пшеницы просо или особый сортъ горошка. Теперь, впрочемъ, всѣ стали увлекаться хлопкомъ, благо вездѣ настроили заводовъ для очищенія его. Народа тутъ такое же обиліе. Жалуются уже на тѣсноту, на бѣдность воды.

Сплошная область кишлаковъ прекращается верстъ за пять до Курганъ-Тепе. Снѣговой хребетъ открывается здѣсь во всемъ своемъ неожиданномъ величіи, и мы поворачиваемъ направо, прямо къ нему. Подумаешь, бѣлые шатры сказочныхъ великановъ, внезапно раскинутые кругомъ горизонта, станъ титановъ, оцѣпившій небо и собирающійся на битву съ нимъ,—островерхіе, многоверхіе, плосковерхіе, какъ сахаръ бѣлые, какъ облака далекіе. Ближе ихъ, чернымъ горбатымъ чудовищемъ лежитъ короткій каменистый кряжъ съ посыпаннымъ снѣгомъ хребтомъ, хотя и въ дымчато-лиловомъ туманѣ, но настолько близкій, что можно разглядѣть всю могучую каменную мускулатуру его утесовъ, всѣ морщины его пропастей и рытвинъ, которыя дѣлаютъ его издали лохматымъ.

Курганъ-Тепе—среди большихъ холмовъ сыпучаго песка. За нимъ кишлаки идутъ уже не подъ рядъ, а рѣдко-разбросанными оазисами, черезъ 7, 8, 10 верстъ. Кругомъ же песчано-глинистая степь. И однако вездѣ, гдѣ возможно провести арыкъ, то же изумительное плодородіе. На 20 сплошныхъ верстъ почтовая дорога обсажена цвѣтущею бѣлою акаціею и айлантомъ. Это уже

распоряженіе русской власти. Подъ деревьями, конечно, канавки воды, и оттого въ три года они уже семиаршиннаго роста. Эти аллеи стройныхъ молодыхъ деревьевъ, прорѣзающія своею безконечною стрѣлою безплодные пески и разубранныя бѣлыми цвѣтами, какъ невѣсты подъ вѣнцомъ,—кажутся самымъ выразительнымъ олицетвореніемъ побѣды человѣческаго ума, человѣческой культуры надъ дичью азіатской пустыни. И, напротивъ того, гдѣ продолжаетъ царить въ прежней несокрушимой мощи безплодная степь, тамъ сейчасъ же являются стада верблюдовъ и кибитки кочевниковъ, — эти естественныя произрастенія пустыни, высыпающія на ея поверхности, какъ гнѣзда грибовъ на гніющей почвѣ.

Городъ Маргеланъ тоже среди голой степи. Издали — это огромный зеленый лѣсъ, пріосѣненный далекими бѣлыми пирамидами снѣговыхъ горъ. Тополямъ тутъ числа нѣтъ. Тутъ цѣлые полки, цѣлыя арміи гигантскихъ тополей, и одинъ стройнѣе, одинъ выше другого. Наша средне-азіатская военная администрація вездѣ съ особеннымъ стараніемъ насаждала пирамидальный тополь. Асхабадъ, Самаркандъ, Ташкентъ, Коканъ, Маргеланъ — это прежде всего безконечныя густыя аллеи громадныхъ тополей. Это дерево юга дѣйствительно очень удобно. Оно не затѣняетъ такъ жилищъ и не отнимаетъ столько мѣста, какъ развѣсистыя деревья; оно опрятно и красиво, какъ никакое другое; оно растетъ такъ скоро и такъ неприхотливо, какъ никакое другое, и потомъ оно сразу дѣлаетъ пейзажъ мѣстности южнымъ пейзажемъ. Но мнѣ кажется, что привычное къ равненью строя, къ постройкѣ въ колонны и шеренги, военное сердце чувствуетъ, кромѣ того, невольное пристрастіе къ этому, такъ сказать, дисциплированному, сжатому и подобранному дереву, такъ легко поддающемуся солдатскому ранжиру, чуть не готовому маршировать вдоль прямыхъ длинныхъ улицъ своими неподвижно вытянутыми, будто армія на смотру, зелеными рядами. Насажденіями этими Маргеланъ и другіе города Ферганской области обязаны бывшему талантливому губернатору

области, генералу Абрамову, который, вмѣстѣ съ генералъ-губернаторомъ Кауфманомъ, былъ одушевленъ особенною ревностью къ древонасажденіямъ всякаго рода. Теперешній губернаторъ, Корольковъ, тоже славится, какъ любитель и знатокъ древонасажденія и, какъ я слышалъ, даже былъ вызванъ въ Закаспійскую область, въ Государево имѣніе Байрамъ-Али, для совѣщаній относительно хорошо знакомаго ему вопроса разведенія садовъ и лѣсовъ; свою подготовленность къ этому дѣлу онъ доказалъ, еще бывши помощникомъ губернатора въ Самаркандѣ, гдѣ имъ такъ удачно сдѣланы почти всѣ многочисленныя насажденія его.

Но кромѣ безконечныхъ рядовъ тополей, въ Маргеланѣ и безконечные ряды казармъ, лагерей, батарей. Тутъ стоятъ двѣ артиллерійскія батареи, изъ которыхъ одна горная, конная, особенно потребная въ подобныхъ мѣстностяхъ, три линейныхъ баталіона по 4 роты каждый, одинъ казачій полкъ, — цѣлый внушительный отрядъ, способный держать въ почтеніи и страхѣ не совсѣмъ смирившійся духъ разныхъ дико каменныхъ киргизовъ, кипчаковъ и другихъ воинственныхъ племенъ Кокана, такъ недавно еще боровшихся съ нами съ оружіемъ въ рукахъ. Немудрено, что теперь все здѣсь тихо и спокойно. А выведите завтра войско, и все перевернется кверху ногами. Впрочемъ, здѣшніе сарты и въ мирномъ положеніи доѣзжаютъ насъ. Осмотрѣвшись повнимательнѣе послѣ перваго страха, нагнаннаго на нихъ скобелевскимъ разгромомъ, они убѣдились, что русская власть не на словахъ только, а на дѣлѣ примѣняетъ ко всѣмъ русскимъ подданнымъ одну мѣрку закона, что русскій судъ одинаково доступенъ, одинаково безпристрастенъ къ сарту и киргизу, какъ и къ русскому. И вотъ охрабрились до наглости, постигли живо всякую судебную кляузу, всякіе ловкіе гешефты съ векселями, контрактами, залогами, стали брать подряды и поставки на войско, научились понимать и говорить по-русски все, чтó имъ нужно говорить и понимать, и, какъ жиды въ Бѣлоруссіи, сцѣпившись другъ съ другомъ въ неразрывный ка-

галъ, завладѣли мало-по-малу всею торговлею и промышленностью края, отбили у русскихъ рѣшительно всѣ выгодныя дѣла. Въ русскомъ Маргеланѣ — бо́льшая часть домовъ ихъ, магазины, склады—ихъ.

Все это, съ искреннимъ прискорбіемъ развивалъ намъ одинъ изъ мѣстныхъ артиллерійскихъ начальниковъ, И. Р. В—ій, къ которому мы имѣли письмо отъ своего ташкентскаго родственника, товарища его по службѣ, и у котораго намъ съ женою пришлось обѣдать на другой день нашего пріѣзда въ Маргеланъ, въ компаніи нѣсколькихъ почтенныхъ его сослуживцевъ. Гостепріимный землякъ нашъ явился къ намъ въ тотъ же вечеръ, какъ мы пріѣхали, и, хотя жилъ на холостую ногу, настаивалъ, чтобы мы съ женою переѣхали въ его квартиру изъ мало удобныхъ номеровъ почтовой станціи. Но перевозиться такъ надоѣло, что жена не рѣшилась на новую перекочевку, и мы остались ночевать на станціи, условившись съ И. Р. В—мъ отобѣдать у него завтра. На другой день, въ 7 часовъ утра, коляска В—скаго и его конный джигитъ были уже у нашего подъѣзда. Намъ хотѣлось до обѣда осмотрѣть подробно Маргеланъ. Русскій Маргеланъ называется Новымъ Маргеланомъ, въ отличіе отъ Стараго, Кокандскаго Маргелана, до котораго отсюда цѣлыхъ 12, если не 15 верстъ. Если всѣ туземные города Средней Азіи похожи другъ на друга, какъ двѣ капли воды, то и русскіе среднеазіатскіе города, въ свою очередь, до неразличимости напоминаютъ одинъ другой.

Новый Маргеланъ отличается отъ Ташкента и Самарканда развѣ еще бо́льшимъ обиліемъ и бо́льшею густотою зелени. Положительно это одинъ тополевый садъ. Необозримыя перспективы деревьевъ-колоссовъ открываются во всѣ стороны, перекрещиваясь другъ съ другомъ. Эти сплошныя зеленыя стѣны безконечной длины, огромной высоты,—оригинальны и красивы чрезвычайно. Веселое несмолкающее журчаніе арыковъ, струящихся у ихъ корней, еще больше переноситъ воображеніе въ сферу садовъ и деревенской природы. Тополевыя аллеи дѣлаютъ

городъ очень обширнымъ; въ Маргеланѣ десятки такихъ широкихъ тѣнистыхъ улицъ, отлично вымощенныхъ, ежедневно поливаемыхъ водою арыковъ и освѣщенныхъ вмѣстѣ съ тѣмъ фонарями, какъ всякій цивилизованный городъ.

Губернаторская улица — главная артерія города. Тамъ всѣ мѣстныя учрежденія; тамъ между прочимъ и превосходный двухъэтажный домъ военнаго собранія съ роскошными балконами и террасами въ восточномъ вкусѣ, окруженный цвѣтниками и садомъ. Внутри—множество комнатъ, отдѣланныхъ съ большимъ вкусомъ, огромная танцовальная зала, съ изящнымъ паркетомъ, возвышенная платформа для концертовъ и спектаклей, гостиныя и уборныя, полныя модной мебели, читальни со всевозможными газетами и журналами. Трудно повѣрить, что находишься въ недавнемъ царствѣ Худояръ-хана, въ странѣ кипчаковъ и киргизовъ.

Новый домъ губернатора области строится на той же улицѣ и уже совсѣмъ почти готовъ. Теперешняя же резиденція губернатора и своимъ скромнымъ видомъ, и своимъ положеніемъ скорѣе похожа на дачу. Въ нее въѣзжаютъ черезъ аллеи Губернаторской улицы. На другомъ концѣ этой улицы городской садъ, очень тѣнистый и уютный. Нѣсколько широкихъ утрамбованныхъ аллей, обсаженныхъ высокими деревьями, идутъ вдоль улицы, другія лучами сходятся въ центральной площадкѣ. Тамъ маленькая деревянная церковь, временно замѣняющая собою строющійся неподалеку новый соборъ.

Въ Маргеланѣ есть два училища, одно женское, другое городское четырехклассное съ шестилѣтнимъ курсомъ. Оба имѣютъ свои помѣстительные и удобные дома.

Есть и азіатскій базаръ, въ которомъ нѣтъ ровно ничего интереснаго и въ которомъ вся торговля, за исключеніемъ какихъ-нибудь 2-хъ, 3-хъ русскихъ лавченокъ въ рукахъ мѣстныхъ сартовъ. Есть порядочные магазины и въ городѣ, Захо, Филатова и др,, но вообще торговля здѣсь тихая, хотя Маргеланъ—оффиціальная столица Ферганской области, резиденція ея губер-

натора и высшихъ военныхъ властей края. Чтобы убить въ глазахъ туземцевъ прежнее господствующее значеніе Кокана и лишить его опаснаго историческаго престижа, главенство покореннаго ханства перенесено было на новосозданный Маргеланъ, подобно тому, какъ и при завоеваніи Крыма Екатериною старый Бахчисарай, резиденція Гиреевъ,—былъ разжалованъ въ заштатный городъ и долженъ былъ отдать свое былое первенство ничтожной Акъ-Мечети, пожалованной въ губернскій городъ и переименованной Симферополемъ. По той же причинѣ уничтожено было самое имя кокандскаго ханства, которому было придано древнее арабское названіе его Ферганы, Ферганской области.

Нельзя сказать, чтобы выборъ новой столицы области былъ сдѣланъ особенно удачно. Климатъ Новаго Маргелана считается однимъ изъ самыхъ вредныхъ въ Туркестанѣ. Лихорадки жестоко мучаютъ здѣсь русскихъ, особенно новоприбывшихъ. Приписываютъ его слишкомъ большой близости подпочвенной влаги, что̀ объясняетъ съ другой стороны роскошный и необыкновенно быстрый ростъ здѣшнихъ деревьевъ. Сарты тоже болѣютъ и мрутъ въ Маргеланѣ, но какъ растенія, уже акклиматизированныя, страдаютъ отъ жары и сырости значительно меньше, чѣмъ русскіе, оттого они могутъ и работать здѣсь, въ привычныхъ имъ условіяхъ, лучше русскаго, хотя вообще и силою, и смѣткою своею русскій рабочій гораздо выше туземнаго.

Поѣздку въ Старый Маргеланъ мы предприняли уже на извозчикѣ; какъ вездѣ на южныхъ окраинахъ нашихъ, извозчики здѣсь съ хорошими, удобными экипажами и на бойкихъ лошадяхъ. Г-нъ В—ій прислалъ намъ, кромѣ того, надежнаго сарта, знающаго по-русски и опытнаго во всякихъ торговыхъ дѣлахъ, на случай, если бы намъ захотѣлось дѣлать покупки въ сартскомъ базарѣ. Мы закупили кое-чего на дорогу въ предвидѣніи долгихъ странствованій по закоулкамъ туземнаго города, и веселою рысью двинулись по прекрасному шоссе, окруженному садами. Тутъ уже много подгородныхъ имѣній, пріобрѣтаемыхъ

и русскими. Хотя дачныхъ обиталищъ построено еще не особенно густо, но можно предсказать, что все пространство между Новымъ и Старымъ Маргеланомъ очень скоро обратится въ одну громадную подгородную слободу. Уже здѣсь открываются помаленьку заводы и фабрики; Фирсовъ устроилъ здѣсь пивоварню, чуть ли не единственную пока въ Ферганской области.

Яръ-Базаръ—первый кишлакъ, встрѣтившійся намъ на пути. Прежде это была крѣпость, оберегавшая со стороны горъ Старый Маргеланъ; въ ней жилъ родной братъ кокандскаго хана, управляющій Маргеланомъ, какъ однимъ изъ важнѣйшихъ центровъ политической и торговой жизни ханства. Крѣпость отчасти уцѣлѣла и до сихъ поръ, но большія постройки, когда-то наполнявшія ее, уже разрушены; теперь въ ней высится, среди старыхъ садовъ, только мечеть съ окружающими ее хазретами и мазарами, да неизбѣжный базаръ.

Немного дальше Яръ-Базара другія развалины и тоже крѣпости. Здѣсь былъ сначала основанъ Скобелевымъ Новый Маргеланъ. Но мѣсто оказалось слишкомъ неудобнымъ, и генералъ Абрамовъ перевелъ городъ нѣсколько выше къ горамъ, на теперешнее его мѣсто. Отъ самыхъ садовъ Новаго Маргелана насъ все премя провожалъ, громко журча и пѣнясь, глубокій арыкъ. По его слѣдамъ, нигдѣ его не покидая, шоссе сбѣгаетъ внизъ къ Старому туземному Маргелану. Это такой же типическій сартскій городъ, какъ Коканъ и другіе большіе города Туркестана, поэтому описывать его узкіе переулочки, его безконечные дувалы, слѣпые кубики его глиняныхъ домовъ было бы повтореніемъ много разъ уже сказаннаго. Арыки тутъ особенно обильны водою, звонко журчатъ и падаютъ каскадами съ уступа на уступъ; сады особенно густы и роскошны, деревья нерѣдко чудовищной высоты. Множество «мазара», посвященныхъ разнымъ чтимымъ «хазаретамъ», то и дѣло попадаются на дорогѣ, въ тѣни этихъ деревьевъ-гигантовъ, надъ говорливыми струями этихъ арыковъ. И всѣ мазара отдѣланы съ замѣчательнымъ вкусомъ и большою тщательностью: колонки и потолки галлереекъ затѣйливо рас-

писаны яркими и пестрыми восточными красками. Вездѣ бараньи и козлиные рога вѣнчаютъ портики, вездѣ передъ входомъ конскіе хвосты съ мѣдными шарами и разноцвѣтныя тряпки на высокихъ шестахъ,—наивная дань уваженія народнаго своимъ прославленнымъ чѣмъ-нибудь покойникамъ. Мечети разубраны въ такомъ же вкусѣ. Переметы широкихъ галлерей, ихъ столбы съ оригинальными рѣзными капителями, ихъ потолки и стѣны—все это расписано зелеными и желтыми букетами по красному, краснымъ и желтымъ по зеленому, въ такомъ ярко грубомъ и наивно-красивомъ колерѣ, въ которомъ расписываются московскіе сундуки. Собственно говоря, эти глубокія помѣстительныя галлереи—и суть мечети. Онѣ охватываютъ собою съ трехъ сторонъ маленькое закрытое помѣщеніе, въ которомъ молятся только зимою, а весь народъ почти исключительно толпится подъ наружнымъ навѣсомъ. Внутренняго убранства въ кокандскихъ мечетяхъ также мало, какъ и въ бухарскихъ, и въ ташкентскихъ. Въ Киблѣ—ровно ничего, каѳедры нѣтъ, а вмѣсто нея оштукатуренныя кирпичныя ступеньки въ видѣ лѣсенки.

Мы заглянули и въ бани Маргелана, по-здѣшнему «хаммамъ». Они тутъ же на базарѣ, откуда спускаются въ нихъ; опрятная и просторная зала, до половины скрытая въ землѣ, уставлена мягкими тахтами, устлана коврами и войлоками; вокругъ всѣхъ ея стѣнъ устроено что-то въ родѣ длинныхъ палатей, или хоръ, на которыхъ кейфуютъ, улегшись на матрацахъ и подушкахъ, полуголые сарты, только-что вкусившіе сладость горячей бани. Внизу тоже возлежитъ, сидитъ и неспѣшно распиваетъ чай распотѣвшая до́-красна публика. На полкахъ сверкающіе ряды большихъ оловянныхъ чашекъ, на высоко подтянутыхъ веревкахъ безцеремонно сушатся всякія цвѣтныя принадлежности сартскаго туалета, вымытыя ради дешевизны тутъ же въ банѣ собственными руками владѣльцевъ, такъ сказать, даровымъ матеріаломъ и даровымъ трудомъ. Большіе часы украшаютъ стѣны, по полу наставлены сундуки съ бѣльемъ. Вообще чисто и уютно, гораздо чище, уютнѣе и удобнѣе, чѣмъ въ нашихъ «общихъ

русскихъ баняхъ для простого народа», большею частью поражающихъ своимъ свинствомъ.

Интересные базары Маргелана на этотъ разъ оказались не особенно интересными. По случаю байрама почти всѣ лавки были заперты, и только ашъ-хане да чай-хане залиты были толпами разодѣтаго празднаго народа. Но живописную и характерную толпу эту нужно описывать не перомъ, а кистью или карандашомъ художника.

Должно быть, русскіе не особенно часто посѣщаютъ Старый Маргеланъ, потому что появленіе наше съ женою возбудило среди многочисленной публики базаровъ немалое любопытство. Не скажу также, чтобы это любопытство выражалось особенно дружелюбно относительно насъ. Взрослые, конечно, сдерживали себя и о дѣйствительномъ расположеніи ихъ къ нашему брату русскому, не пугавшему ихъ видомъ сабли и пистолета или нагайкою джигита, можно было судить только по ихъ злобно-враждебнымъ взглядамъ. Но туземныя дѣтишки, болѣе искреннія въ своихъ порывахъ и менѣе благоразумныя, чѣмъ ихъ отцы, — нисколько не стѣснялись кричать намъ въ глаза хотя и непонятныя намъ, но, повидимому, очень выразительныя вещи, грозить своими смуглыми кулаченками, и даже, гдѣ было можно, пускать намъ вслѣдъ маленькіе камешки...

Когда мы, мирно и ласково настроенные, должны были волей-неволей быть свидѣтелями этой грубой незаслуженной вражды со стороны людей, никогда насъ не видавшихъ и ничего о насъ не знающихъ,—мнѣ пришло въ голову, что человѣкъ самъ по себѣ хорошая тварь, но есть вещи, которыя дѣлаютъ изъ него злого звѣря. Вотъ и эти маргеланцы, — трудолюбивые садовники, искусные оросители, мирные торговцы, — добрые сосѣди другъ другу, любящіе своихъ женъ и дѣтей, усердно постящіеся въ уразу, ежечасно молящіеся въ мечетяхъ, подающіе помощь бѣдному и сирому. А вотъ стоило имъ только увидать насъ,—и они ощетинились, какъ волки, и все доброе глубоко спряталось въ нихъ, и оскалились на насъ злобою одни

5*

ихъ звѣриные зубы... Таковъ печальный плодъ войны, фанатизма и невѣжества.

Байрамъ помѣшалъ намъ ознакомиться съ интересовавшими насъ мѣстными фабриками шелковыхъ издѣлій и мѣдной посуды. Работъ нигдѣ не было, и наши поѣздки туда оказались напрасными.

За обѣдомъ у гостепріимнаго В—скаго мы много разспрашивали своихъ бывалыхъ собесѣдниковъ о мѣстномъ краѣ и мѣстныхъ людяхъ, и узнали отъ нихъ не мало любопытнаго. Узнали, между прочимъ, что въ горахъ Ферганской области кромѣ множества ядовитыхъ змѣй водится туземный змѣй-удавъ, боа-констрикторъ своего рода, котораго покойный натуралистъ—герой Сѣверцевъ, бывшій, какъ извѣстно, не отъ міра сего, въ своей философской разсѣянности разъ схватилъ спящаго голыми руками. Узнали мы также, что нѣкоторыя мѣстности, лежащія въ горныхъ долинахъ Ферганы, иногда подвергаются ужаснымъ опустошеніямъ отъ такъ называемаго «силя», то-есть внезапнаго прорыва сквозь ледники скопившейся въ нихъ воды. Какъ и въ Ташкентѣ, всѣ здѣсь жаловались на слишкомъ несвоевременное введеніе новыхъ судовъ съ неподходящими къ Азіи пріемами слѣдствій и судебныхъ процессовъ и приписывали вредному вліянію этой реформы все усиливающуюся распущенность туземнаго населенія. Порядокъ и послушаніе поддерживаются, по словамъ нашихъ собесѣдниковъ, только тамъ, гдѣ еще держится прежняя военная строгость, гдѣ еще не расшатанъ разными кляузами авторитетъ власти; а тамъ, гдѣ начальство слабо или гдѣ русской силы слишкомъ мало (какъ напр., въ Коканѣ) — туземцы дѣлаются до-нельзя дерзки и даже нерѣдко бьютъ нашихъ солдатъ.

Выѣхали мы изъ Маргелана только въ 6 часовъ вечера. Крайнимъ оплотомъ его съ западной стороны служитъ цитадель своего рода, обнесенная стѣнами и башнями,—Новомаргеланскій

тюремный замокъ, въ обширныхъ дворахъ и корпусахъ котораго можно, кажется, безъ труда помѣстить всѣхъ сартовъ и киргизовъ Ферганской области. Это хотя и печальная, но весьма существенная узда для разбойничьихъ нравовъ до сихъ поръ враждебнаго намъ кокандскаго народа, а на случай весьма возможной опасности надежный «редюитъ» для защитниковъ новаго русскаго города.

IV.

Настоящее и прошлое Кокандскаго ханства.

Цѣлый день моросилъ тихій дождикъ, и туманный воздухъ, пропитанный водяными парами, какъ глухимъ занавѣсомъ закрылъ отъ насъ всѣ перспективы далекихъ горъ. Пейзажъ сдѣлался сѣрымъ и будничнымъ, такъ что полудремлющему глазу казалось, будто мы ѣдемъ унылыми осенними полями русской черноземной равнины, пробираясь изъ какого-нибудь села Покровскаго въ село Теребужъ. Мелькнули впереди двѣ фигуры всадниковъ, и мнѣ искренно померещилось, что я вижу бѣлую фуражку деревенскаго кавалера, провожающаго верхомъ черную амазонку изъ сосѣдней помѣщичьей усадьбы. Вблизи однако оказалась бѣлая азіатская чалма рядомъ съ чернымъ азіатскимъ халатомъ. Было совсѣмъ темно, когда мы добрались до станціи Куа, въ $26^1/_2$ верстахъ отъ Маргелана. Смотритель тутъ одинокій, безъ всякаго хозяйства. Но самоварчикъ, конечно, нашелся, и мы усѣлись около него, совсѣмъ какъ пріѣзжіе въ русскомъ постоялномъ дворѣ въ добрую русскую зиму, болтая о своихъ впечатлѣніяхъ и пощелкивая жареныя съ солью фисташки, которыя здѣсь очень удобно замѣняютъ наши сѣмячки и развлекаютъ путешественника въ праздные часы его длинныхъ и однообразныхъ переѣздовъ. Впрочемъ, насъ развлекали на этой станціи и оригинальные жители ея. По обычаю, укоренившемуся въ Средней Азіи, вѣроятно съ давнихъ вѣковъ, ласточки сво-

бодно вьютъ гнѣзда въ комнатахъ азіатскаго дома, постоянно сообщающагося съ вольнымъ воздухомъ черезъ его вѣчно открытыя окна и двери. Я видѣлъ ласточкины гнѣзда даже въ нѣкоторыхъ казенныхъ учрежденіяхъ Ташкента; а ужъ степныя почтовыя станціи, гдѣ публика то и дѣло входитъ и выходитъ, вноситъ и выноситъ свои вещи, — обратились естественнымъ образомъ въ привилегированныя резиденціи этихъ проворныхъ птичекъ. Въ комнатѣ, гдѣ мы распивали чай, всѣ 4 угла надъ карнизами были застроены жилищами этихъ безцеремонныхъ птицъ. Черные самки и самцы поочередно сидѣли на своихъ гнѣздахъ, спустившись въ нихъ пушистою грудью и далеко выставляя изъ нихъ свои длинные развильчатые хвостики, а изъ сѣрыхъ кошельковъ, слѣпленныхъ изъ грязи, выглядывали набитые туда, какъ грузди въ плетушку, маленькіе желторотые птенчики. Только одинъ осиротѣвшій самецъ, можетъ быть, случайно залетѣвшій въ эту кампанію своихъ зажиточныхъ собратьевъ, торчалъ безпріютно посрединѣ комнатнаго карниза, и вотъ на этого-то пернатаго пролетарія то и дѣло накидывались, гнѣвно срываясь съ своихъ гнѣздъ и поочередно теребя его своими клювами, домовитые хозяева и почтенные отцы семействъ, возмущенные опасною близостью къ ихъ мирному очагу невѣдомаго бездомнаго бродяги. И бродяга этотъ, должно быть, самъ чувствовалъ свою вину передъ почтенными осѣдлыми обывателями почтовой станціи, потому что метался отъ нихъ въ ужасѣ, не зная, гдѣ приткнуться, колотясь по очереди о всѣ рамы оконъ и о всѣ углы карнизовъ, и не помышляя о защитѣ.

Мы давно уже лежали на своихъ постеляхъ, затушивъ огонь, а шумная травля четырьмя одного все еще продолжалась надъ нашими головами. Зато скорпіоны и фаланги, которыми, по всеобщимъ разсказамъ, кишатъ станціи въ этой мѣстности, совсѣмъ не тревожили насъ. Нельзя сказать этого самаго о другихъ хозяевахъ края—о сартахъ здѣшняго кишлака. Вѣроятно по случаю байрама, кутежъ ихъ затянулся далеко за полночь,

и противные гортанные звуки ихъ полудикихъ пѣсенъ долетали до насъ даже сквозь плотно запертыя окна и двери. Напиваются они обыкновенно своею самодѣльною бузою, приготовляемой изъ джугары, которая, впрочемъ запрещается нашимъ акцизнымъ вѣдомствомъ. Пьютъ сарты, конечно, достаточно много и вина, но вино все-таки дороже и опаснѣе, поэтому и не такъ часто появляется на туземныхъ вечеринкахъ.

Въ 4 часа утра мы уже тронулись въ путь. Дулъ рѣзкій, холодный вѣтеръ. Всѣ поры кожи съежились. Мѣстность тоже по плечу погодѣ, пустынная и однообразная; кишлаки и сады ушли влѣво, къ берегамъ Сыръ-Дарьи, гдѣ они зеленѣютъ вдали широкою и длинною полосою. Только согрѣвшись чайкомъ на станціи Ассаке, послѣ 25 верстъ дороги, мы опять пришли въ обычное свѣтлое настроеніе духа. Маргеланскій уѣздъ здѣсь кончается, и отъ рѣки Большого Шароханя начинается Андижанскій уѣздъ, самый плодородный во всей Ферганской области. Пейзажъ опять становится оживленнымъ, и дорога идетъ многолюдными кишлаками среди садовъ, жилищъ и полей, усѣянныхъ дынями. Справа появились, на радость глазамъ, и горы. Только уже не далекія и не сплошныя, а отдѣльными утесистыми хребтами и островами, изъ-за которыхъ выглядываютъ бѣлые черепа снѣговыхъ великановъ Алая. Лёсовая почва изъ желтой и бѣлой сдѣлалась темною, какъ кофе, и еще болѣе плодородною. Весело ѣхать не очень жаркимъ синимъ днемъ среди этихъ старыхъ уютныхъ садовъ, переполненныхъ орѣхами, винными ягодами, урюкомъ, тутомъ, лаховникомъ, среди домовитыхъ, давно насиженныхъ хозяйствъ, по зеленымъ берегамъ глубокихъ древнихъ арыковъ, бѣгущихъ, журчащихъ и прыгающихъ съ уступа на уступъ, какъ настоящіе горные ручьи.

Внизу, въ тѣни громадныхъ густыхъ деревьевъ, прячется въ обрывахъ берега какая-нибудь мельница-колотовка съ своимъ малосильнымъ, брызгающимъ колесомъ, у котораго сидитъ весь бѣлый отъ муки старый сартъ-мельникъ въ красной тюбетейкѣ на голомъ затылкѣ. Вездѣ въ кишлакахъ прохладные узкіе пере-

улочки, таинственные проходцы и дверочки, высокія стѣны, осѣненныя нависшими вѣтвями деревьевъ, съ окошечками и балкончиками плоскокрышихъ глиняныхъ домовъ, наивно расписанныя галлереи-мечети безъ минаретовъ, пріютившіяся надъ какимъ-нибудь мутнымъ прудкомъ, вездѣ живописная толкотня крытыхъ базарчиковъ на курьихъ ножкахъ, съ ихъ глиняными «супàми», мѣдными самоварами и кумганами, съ ихъ вѣчно одинаковой публикой разноцвѣтныхъ тюрбановъ и яркихъ халатовъ, распивающей день и ночь свой неизмѣнный «кокъ-чай» и взирающей съ суровымъ изумленіемъ на проѣзжающую мимо нихъ русскую барыню.

Поля тутъ—чистые огороды; послѣ деревяннаго клина, именуемаго здѣсь плугомъ, вся земля размѣшивается, словно каша ложкою, желѣзною круглою лопатою, не шутя очень похожею на ложку. Эта тяжелая работа рукъ происходитъ съ зари до зари на страшномъ припекѣ солнца почти совсѣмъ голыми рабочими, у которыхъ, какъ у африканскихъ негровъ, только коротенькіе бѣлые штаны наполовину прикрываютъ ляжки. Немудрено, что земледѣльцы эти кажутся намъ издали гнѣдыми, какъ лошади. Бабы нигдѣ здѣсь не работаютъ въ полѣ, и это, пожалуй, одна изъ выгодъ ихъ затворничества. Несмотря на весеннее время, дыни уже вездѣ сильно раскустились, и, конечно, не долго еще ждать ихъ спѣлости. Это обычная здѣсь пища народа, къ которой желудки его отлично приспособились, и потому онъ истребляетъ безчисленное количество дынь не только лѣтомъ, но и зимою, такъ какъ здѣшія дыни могутъ сохраняться до весны. Впрочемъ, и на желудки проѣзжихъ туземная душистая дыня не дѣйствуетъ вредно и нисколько не напоминаетъ въ этомъ отношеніи пресловутыхъ дынь-болтушекъ нашей малороссійской бахчи.

Здѣшніе сарты пріятно поражаютъ своимъ трудолюбіемъ. Тутъ никого почти не видишь праздно сидящаго за трубкою, между тѣмъ какъ плоскія крыши домовъ въ турецкихъ и арабскихъ деревняхъ постоянно полны бородатыми лѣнтяями съ

наргиле въ зубахъ, проводящими чуть не цѣлые дни въ неподвижномъ кейфѣ...

Удодъ — обычная домашняя птица сартскихъ деревень. Онъ толчется во всѣхъ дворахъ, во всѣхъ садахъ, у каждаго арыка, то и дѣло вздергивая и опуская свою пестренькую головку, заостренную впереди длиннымъ клювомъ, а взади длинною косичкою. Мы съ женою не разъ любовались изумительною быстротою и точностью, съ какою удодъ клевалъ вокругъ себя ползающихъ и летающихъ комашекъ, проворно работая своей головой-молоточкомъ и вправо и влѣво, и назадъ и впередъ, и проглатывая въ какихъ-нибудь нѣсколько секундъ цѣлый рой насѣкомыхъ.

Дѣтишки толкутся тутъ тоже вездѣ, какъ и удоды, и еще пестрѣе, еще проворнѣе удодовъ. У всякой дверочки дувала непремѣнно яркая толпа дѣвчонокъ и мальчугановъ. Маленькіе мальчишки большею частью начисто голы, какъ мать ихъ родила; слиты крѣпко, какъ кирпичики, и мѣдно-красные, какъ кирпичики; плечисты, мускулисты, ножисты, и у всѣхъ здоровый смуглый румянецъ на щекахъ, у всѣхъ черные, какъ угольки, сверкающіе глазенки и черные, какъ смоль, волосы,—всѣ сплошь красавцы и всѣ сплошь черномазые; бѣлокураго по ошибкѣ не найдешь среди нихъ. Но дѣвочки, даже и самыя маленькія, всѣ тщательно пріодѣты; у всѣхъ завитыя змѣйками черныя косички висятъ по плечамъ, иногда даже ниже стана; всѣ въ ситцевыхъ бешметикахъ и широкихъ шароварахъ, ярко желтыхъ или ярко-пунцевыхъ, съ такими же яркими букетами; всѣ въ красненькихъ и желтенькихъ плоскихъ шапочкахъ. По ихъ наряду и по ихъ типу лица вы вполнѣ можете судить о нарядахъ и лицахъ здѣшнихъ молодыхъ дѣвушекъ и женщинъ, закрывающихся отъ насъ, по крайней мѣрѣ при мужчинахъ, непроницаемыми покрывалами.

Дѣтки здѣсь не только у калитокъ и на заборахъ, но и верхами. Вонъ одинъ такой мордатый, босоногій бутузъ преважно правитъ конемъ, покровительственно оглядываясь на двухлѣтнюю

дѣвчонку, что сидитъ за нимъ, раскорячившись крошечными ноженками и крѣпко уцѣпившись за его одежду. Немудрено тутъ сдѣлаться джигитомъ, когда хребетъ коня дѣлается привычнымъ средствомъ передвиженія даже для младенцевъ, еще не умѣющихъ говорить. Проѣзжающія арбы тоже набиты разодѣтыми по-праздничному дѣтишками, особенно дѣвочками, которыхъ везутъ съ собою напоказъ роднымъ и сватамъ завѣшенныя черными чадрами чучела здѣшнихъ бабъ. А нерѣдко увидишь и двуногихъ коней, засѣдланныхъ тоже дѣтишками. Какой-нибудь сѣдобородый старикъ самаго злющаго вида, готовый, кажется, съѣсть васъ глазами,—идетъ вдругъ вамъ навстрѣчу, неся предобродушнѣйшимъ образомъ на своей, стуломъ согнутой, спинѣ черномазаго внука или внучку.

Тутъ ужъ попадается другой, совсѣмъ для насъ новый типъ сарта, съ тонкими длинными губами, рѣдкоусый, рѣдкобородый, злого вида, напоминающій турецкаго евнуха, съ рѣзкимъ перевѣсомъ монгольской крови надъ иранскою. И все больше и чаще попадаются настоящіе киргизы. Это все крѣпкій плотный, ширококостый народъ, здоровый и сильный, съ наклонностью къ ожиренью; смуглы до-черна, съ всклоченными, черными бородами, суроваго и смѣлаго взгляда, всегда въ нахлобученныхъ на глаза храктерныхъ острыхъ колпакахъ съ разрѣзными, вверхъ загнутыми, полями изъ бѣлаго войлока. Эти бѣлыя шапки еще рѣзче оттѣняютъ черноту ихъ лица и ихъ волосъ и придаютъ имъ еще болѣе воинственный видъ. Кажется, это кара-киргизы, то-есть черные или каменные киргизы, живущіе по Алайскимъ горамъ, потому что въ другихъ мѣстахъ Ферганской области мы уже встрѣчали иной типъ киргиза.

Когда такой смѣлый и ловкій наѣздникъ ѣдетъ на своемъ лихомъ скакунѣ, увѣшанномъ со всѣхъ сторонъ вьюками, вы его сейчасъ отличите отъ цѣлой толпы сартскихъ всадниковъ, среди которыхъ онъ выдѣляется, какъ коршунъ среди галокъ рѣшительностью и увѣренностью всѣхъ движеній своихъ, своею молодецкой посадкой, всѣмъ своимъ видомъ хорошо оснащеннаго

и смѣлаго хищника. Сейчасъ виденъ рыцарь степныхъ разбоевъ, былой владыка края, привыкшій къ быстрой расправѣ и къ безцеремонному распоряженію чужою собственностью и чужою жизнью.

У Оша киргизовъ уже очень много: надъ кишлаками сартовъ намъ видны издали бобровые шалаши ихъ кибитокъ, усѣявшіе пяты горъ, гдѣ начинаются ихъ степи. На Алаѣ и его отрогахъ они кочуютъ въ огромномъ множествѣ, и вообще кочевья ихъ охватываютъ съ обѣихъ сторонъ, и съ юга и съ сѣвера, плодоносную долину Сыръ-Дарьи. Вездѣ, гдѣ хоть немножко запахнетъ привольемъ степей, гдѣ сады, кишлаки, поля и арыки дадутъ хотя маленькій просторъ дикой травѣ, тамъ сейчасъ, какъ грибы изъ влажной почвы, высыпаютъ кибитки киргиза.

Народы, племена появляются на лицѣ земномъ какъ-то сами собою, по роковымъ законамъ природы, тутъ киргизъ, тамъ сартъ, тамъ туркменъ, совершенно такъ же, какъ въ растительномъ мірѣ одна мѣстность вдругъ на сотни верстъ покрывается какою-нибудь ассафетидой, другая на такія же сотни верстъ— дикимъ хрѣномъ или красными цвѣтами мака. Киргизъ, какъ и ассафетида, сытъ, живучъ и могучъ своею безлюдною пустынею и черпаетъ изъ ея, повидимому, безплоднаго лона, какъ жирные стебли ассафетиды изъ солончаковъ Голодной степи всѣ свои обильные соки...

Въ русскій городъ Андижанъ въѣзжаешь совсѣмъ незамѣтно изъ туземнаго Андижана, — такого же огромнаго кишлака съ тѣсными переулками и длинными базарами, какъ всѣ здѣшніе города. И русскій Андижанъ точно такъ же повторяетъ хорошо уже намъ знакомый типъ среднеазіатскаго военнаго города — огромныя геометрически правильныя аллеи, обсаженныя цвѣтущею бѣлою акаціею, и за ними въ тѣни садовъ веселые бѣленькіе дома подъ желтыми крышами съ большими и свѣтлыми окнами, такъ мало похожіе на полуслѣпыя мурьи туземныхъ жилищъ. Аллей этихъ далеко не такъ много, и онѣ не такъ

густы, какъ въ Маргеланѣ, но общая физіономія города одинакова. На площади строится хорошенькая православная церковь изъ тесаннаго камня, очевидно, русскаго стиля. Около квартиръ начальниковъ обычныя сцены и обычныя фигуры: верховыя лошади на приколахъ, разставленныя подальше другъ отъ друга, чтобы онѣ не угощались взаимно ударами кованныхъ ногъ, и терпѣливо присѣвшіе на корточки въ тѣни деревьевъ красиво разодѣтые джигиты; кони ихъ тоже разодѣты еще, пожалуй, нарядпѣе ихъ самихъ. Пестро раскрашенныя и раззолоченныя сѣдла съ одною переднею лукою, тонкіе персидскіе и бухарскіе ковры вмѣсто попонъ; у дорогихъ лошадей попоны и на головѣ, и на шеѣ, и на всемъ туловищѣ, несмотря на жаркій весенній день. По улицамъ снуютъ взадъ и впередъ неизмѣнныя бѣлыя рубахи съ малиновыми рейтузами, у воротъ русскія горничныя, русскіе кучера, во дворахъ, въ окнахъ домовъ радующая глазъ русская обстановка, тарантасы, лампы, занавѣски, все то, чего не увидишь ни въ какомъ сартскомъ кишлакѣ. Офицерство гуляетъ верхами и въ экипажахъ. Мы проѣхали весь русскій Андижанъ, отъ начала до конца, и опять потонули въ морѣ кишлаковъ, дынныхъ полей и арыковъ.

Русская военная колонія промелькнула мимо нашихъ глазъ, какъ крошечный радостный оазисъ, вокругъ котораго стелется во всѣ стороны безбрежная пустыня азіатчины.

За станціею Хаджевалъ, въ 22-хъ верстахъ отъ Андижана, отроги Алая дѣлаются совсѣмъ близки. Короткіе плечистые хребты и отдѣльныя пирамиды то и дѣло выдвигаются изъ-за горизонта и загромождаютъ собою окрестность, будто собирающаяся по сигналу рать каменныхъ великановъ. Сейчасъ замѣтно, что мы углубляемся въ гористый узелъ, которымъ заканчивается на востокѣ Ферганская область и которымъ спаиваются вмѣстѣ отроги Алайскаго хребта, замыкающаго эту область съ юга, съ цѣпью Ферганскихъ горъ, отдѣляющихъ съ сѣверо-востока Фергану отъ Семирѣченской области. Въ этомъ запу-

танномъ горномъ уалѣ беретъ свое начало бурная Кара-Дарья, которую почему-то считаютъ верховьемъ Сыръ-Дарьи, хотя она гораздо болѣе похожа на ея лѣвый притокъ; непосредственнымъ началомъ Сыръ-Дарьи слѣдуетъ, строго говоря, считать огромную рѣку Нарынъ, прорывающуюся изъ горныхъ дебрей Семирѣченской области, къ югу отъ озера Иссыкъ-Куля, сквозь цѣпь Ферганскаго хребта и не составляющую своимъ теченіемъ ни малѣйшаго угла съ русломъ Сыръ-Дарьи, такъ что вѣрнѣе сказать, что Нарыномъ просто называется верхнее теченіе Сыръ-Дарьи.

Андижанъ лежитъ какъ разъ на Кара-Дарьѣ, оберегая переправу черезъ нее; его серединное положеніе въ области, почти въ одинаковомъ разстояніи отъ Маргелана, Оша, Узгена и Намангана, и его сравнительная удаленность отъ всѣхъ рубежей области дѣлаютъ его самымъ удобнымъ административнымъ пунктомъ для управленія цѣлою областью; но, вѣроятно, какія-нибудь серьезныя историческія причины лишили его былого значенія кокандской столицы, такъ что и русская власть обратила его только въ уѣздный городъ, предпочтя установить главный центръ управленія въ Новомъ Маргеланѣ, можетъ быть, вслѣдствіе сравнительной близости его къ Кокану, старой столицѣ ханства.

Мы не выѣзжаемъ теперь изъ цвѣтущихъ яблоновыхъ садовъ и бѣлыхъ акацій: кишлаки сплошь по всей дорогѣ, кишлаками усѣяны вдали пяты горъ. Андижанскій уѣздъ недаромъ считается самымъ плодороднымъ и богатымъ. Это видишь воочію, только проѣзжая черезъ него. Въ настоящее время почти уже два года, какъ идутъ межевыя работы по этому уѣзду для уясненія правъ владѣнія туземцевъ и опредѣленія свободныхъ земель, которыми могло бы располагать правительство. Но пока не сдѣлано даже первыхъ слабыхъ попытокъ къ водворенію здѣсь русской народности, и можно смѣлость сказать,

что мы въ сплошномъ царствѣ сарта и киргиза безъ малѣйшей примѣси.

Этому, впрочемъ, и удивляться нельзя. Уже слишкомъ много Азіи вошло заразъ въ тѣло русскаго царства, чтобы русскіе соки могли обильно разлиться по всѣмъ этимъ новымъ угол-камъ. Здѣсь они пробираются пока малозамѣтною жилкою среди туземныхъ толщъ, будучи еще не въ силахъ отпечатлѣть на нихъ свой господствующій характеръ и только въ состояніи отлагать въ самыхъ важныхъ мѣстахъ этой сплошной чуже-земщины маленькіе, хотя и вліятельные, оазисы русской силы, которыми держится въ повиновеніи вся эта азіатская страна, полная свѣжихъ преданій совсѣмъ иного недавняго прошлаго.

Нынѣшняя Ферганская область это—вчерашнее еще Кокандское ханство, надменное своею силою, охватывавшее на нашей памяти почти все теченіе древняго Яксарта отъ Аральскаго моря до Кашгара, владѣвшее большою киргизскою ордою и громадными пространствами теперешней Семирѣченской области, посредствомъ которой оно доходило до рубежа нашей Сибири.

Конечно, всѣ эти притязанія на степныя равнины, гдѣ никогда не было ни опредѣленныхъ границъ, ни постоянныхъ владѣній, гдѣ свободно бродили, вмѣстѣ съ табунами дикихъословъ, верблюды и овцы кочующихъ хищниковъ,—оставались больше празднымъ звукомъ, и киргизы, считавшіеся подвластными кокандцамъ, безъ всякаго стѣсненія барантовали и разбойничали въ предѣлахъ ханства, объявляя себя въ опасную минуту подданными Бѣлаго Царя, но тѣмъ не менѣе по всѣмъ главнымъ торговымъ путямъ, на всѣхъ значительныхъ рѣкахъ и во всѣхъ стратегическихъ пунктахъ областей, лежащихъ по правому берегу Сыръ-Дарьи,—кокандскіе ханы имѣли свои города и крѣпостцы. Имъ принадлежали Акъ-мечеть (теперешній фортъ Петровскій), Азретъ, или Туркестанъ, Чимкентъ, Ауліе-ата, Токмакъ, Пишкентъ, Ташкентъ, Ходжентъ и прочіе доселѣ существующіе наши города Сыръ-Дарьинской и Семирѣченской

областей, изъ которыхъ каждый напоминаетъ собою какой-нибудь геройскій подвигъ горсти русскихъ храбрецовъ, бравшихъ его почти всегда съ кровопролитнаго боя. Начиная съ 1853 г. желѣзное кольцо русской военной силы начинаетъ неудержимо стягиваться вокругъ хищническаго ханства разомъ съ двухъ сторонъ, слѣва отъ Оренбурга и Аральскаго моря, на которомъ была заведена для этой цѣли въ 1847 г. особая вспомогательная флотилія, а съ 1850 г. даже и пароходы, и справа—отъ Сибирской пограничной линіи, со стороны Семипалатинска. Одинъ за однимъ падали и переходили во власть русскихъ города, стоявшіе по теченію Сыръ-Дарьи, вблизи отъ ея береговъ, въ то самое время, какъ Сибирскій отрядъ все ближе подвигался къ озеру Иссыкъ-Кулю и горнымъ дебрямъ каменныхъ киргизовъ.

Знаменитый городъ Ташкентъ, древній Шашъ, съ которымъ вели торговлю еще хозары и волжскіе болгары, самый многолюдный и богатый центръ среднеазіатской торговли и промышленности, изъ-за котораго, такъ же, какъ изъ-за Ходжента и Ура-Тюбе, шла вѣковая кровавая вражда между вѣчными соперниками, Бухарой и Кокономъ,—служилъ серединнымъ опорнымъ пунктомъ, спаявшимъ между собою линію Сыръ-Дарьинскихъ укрѣпленныхъ городовъ Кокандскаго ханства съ его же городами Семирѣченской области, защищавшими подступы къ ханству отъ сибирскихъ границъ у верховьевъ Иртыша, то-естьAuліе-ата, Пишкентомъ, Токмакомъ и проч.

Завоеваніе Ташкента вызвано было именно необходимостью соединить наконецъ постепенно сближавшіеся концы того желѣзнаго обруча, которымъ Россія рѣшилась оковать сосѣднія съ нею степныя кочевья киргизскихъ ордъ средней и большой, давно уже номинально признавшихъ русскую власть и служившихъ причиною безконечныхъ столкновеній нашихъ съ кокандцами, въ свою очередь грабившими ихъ и требовавшими съ нихъ податей своему хану.

Малая киргизская орда покорилась намъ еще при Импера-

трицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, когда и были построены для ихъ защиты Омскъ, Уральскъ и др. наши юговосточныя крѣпости.

Теперь дошла очередь и до другихъ киргизскихъ ордъ. Геніальный взглядъ Великаго Петра оцѣнилъ еще около 200 лѣтъ тому назадъ важное значеніе для Россіи киргизской степи.

«Хотя-де оная киргизская орда степной и легкомысленный народъ, токмо-де всѣмъ азіатскимъ странамъ и землямъ оная орда ключъ и ворота», пророчески сказалъ онъ въ 1722 г. въ Астрахани. И событія оправдали это пророчество, потому что, завладѣвъ киргизскими ордами, Россія роковымъ образомъ вынуждена была идти все дальше и дальше и поглотить послѣдовательно одно за другимъ всѣ среднеазіатскія государства.

Въ защитѣ Ташкента принималъ дѣятельное участіе и Бухарскій эмиръ, который, въ виду общей опасности, рѣшился забыть вѣковѣчную вражду свою къ кокандскому сосѣду. Поэтому для Россіи оказалось невозможнымъ остановиться на Ташкентѣ, а настоятельно потребовалось занять такія твердыя позиціи, которыя бы навсегда разобщили Кокандское ханство отъ Бухары и лишили бы ихъ возможности совмѣстной борьбы противъ русскихъ.

Въ этихъ видахъ взятъ былъ Ходжентъ,—эти историческія ворота Кокандскаго ханства—и Джизакъ,—ворота въ Бухару. Когда-то обширное Кокандское ханство было обрѣзано со всѣхъ сторонъ и ограничивалось теперь горною котловиною верхняго теченія Сыръ-Дарьи, Кара-Дарьи и Нарына, да примыкающими къ ней хребтами горъ. Возникшая въ 1876 г. новая война съ Кокандскимъ ханствомъ, выдвинувшая въ первый разъ Скобелева,—окончилась покореніемъ только этой именно котловины, которая собственно и обращена была въ теперешнюю Ферганскую область, заключая въ себѣ уѣзды Кокандскій, Маргеланскій, Андижанскій съ южной стороны Сыръ-Дарьи, и Наманганскій—съ сѣверной. Эта коренная часть Кокандскаго ханства называлась Ферганою и въ древности, по крайней мѣрѣ при арабахъ, которые завоевали ее, хотя и не надолго, въ VIII

вѣкѣ по Р. Хр., вмѣстѣ со всею Среднею Азіею. До того времени исторіи Ферганы почти не существуетъ. Во времена персовъ и македонянъ она, повидимому, входила въ число земель, извѣстныхъ подъ общимъ именемъ Согдіаны. Александръ Македонскій несомнѣнно побывалъ въ Ферганѣ. Что онъ былъ въ Ходжентѣ,—доказательство этому мы уже приводили раньше. Но есть основанія предполагать, что онъ прошелъ и въ глубь Ферганской котловины. По крайней мѣрѣ, ни одна изъ странъ Средней Азіи не подходитъ такъ близко, какъ Фергана, подъ характерное описаніе Квинтомъ Курціемъ тѣхъ невѣдомыхъ далекихъ земель, въ которыя проникло геройское войско Александра, будучи у рѣки Яксарта, лицомъ къ лицу съ саками и другими скиѳскими кочевниками, обитавшими за этою порубежною рѣкою тогдашней Азіи.

«Александръ прибылъ въ Ксениту», повѣствуетъ между прочимъ Курцій. «*Оная страна съ Скиѳіею смежна и селами весьма изобильна: ибо ради плодородія* не только жители изъ нея вонъ не выѣзжаютъ, но и пришельцы поселяются. Изгнанные бактріяне которые отъ Александра отложились, имѣли тамъ убѣжище».

По теченію Яксарта и смежно съ Скиѳіей только и есть одна страна, поражающая своимъ плодородіемъ и многолюдствомъ, и настолько защищенная горами, что въ ней можно безопасно укрываться отъ преслѣдованія враговъ; это именно Фергана. Замѣчательно, что и во всю свою послѣдующую исторію Фергана служила убѣжищемъ для различныхъ сосѣднихъ народностей, которыя въ нее спасались послѣ всякихъ крупныхъ погромовъ. Въ ней нашли безопасность и остатки арабовъ, изгнанныхъ и истребленныхъ во всей Средней Азіи, и множество древнихъ туземцевъ персидскаго корня, которыхъ называютъ таджиками, и кипчаки, вытѣсненные изъ волжскихъ степей и съ низовьевъ Аму-Дарьи, и каракалпаки съ береговъ Аральскаго моря, и ходжи изъ сосѣдняго Кашгара, бѣжавшіе отъ жестокости китайцевъ.

Страна, которую Курцій въ своей исторія Александра называетъ *Базаріей*. тоже сильно напоминаетъ Ферганскую область.

Тамъ, по словамъ его, у богачей цѣлые лѣса обращены въ звѣринцы, держатся ручные львы и всякіе дикіе звѣри.

Фергана еще недавно славилась своими громадными лѣсами, въ которыхъ кишѣло такое множество барсовъ, тигровъ, кабановъ, что жители боялись подниматься въ горы.

Даже ровная низина, провожающая теченіе Сыръ-Дарьи, по которой мы все время теперь ѣдемъ, начиная отъ Ходжента, была въ прежнее время, по разсказамъ стариковъ и по сохранившимся письменнымъ свѣдѣніямъ, сплошь покрыта густыми зарослями туранги (тополя) и другихъ, любящихъ влагу, деревьевъ; вмѣсто теперешнихъ песковъ и камней, на каждомъ шагу были озера, ручьи, болота и камышевые плавни, надалеко кругомъ понимавшіеся весною разливами великой рѣки.

Но мало-по-малу эти заросли или, по-здѣшнему, *тугаи*, вырубались, мѣстность высыхала, поля замѣняли собою болота, а населеніе все выше и выше забиралось вверхъ по склонамъ горъ. Коренные жители иранскаго племени естественно захватили подъ свои поля и жилища самыя удобныя мѣста по берегамъ рѣки и въ долинахъ предгорій; когда впослѣдствіи сюда надвинулись, послѣ арабскаго завоеванія, турки-сельджуки, а за ними, въ XIII вѣкѣ, такъ называемые монголы Чингисъ-хана, то только небольшая ихъ часть, смѣшавшаяся съ мѣстными жителями (таджиками) и усвоившая ихъ осѣдлый образъ жизни, осталась въ долинахъ Сыръ-Дарьи и ея притоковъ, гдѣ они приняли названіе «сартовъ» и образовали мало-по-малу такіе же кишлаки земледѣльцевъ и садоводовъ, какіе нашли у таджиковъ. Огромная же масса кочевниковъ-завоевателей, презиравшая осѣдлость и труды хозяйства и воспитанная тысячелѣтіями въ привычкахъ пастушеской жизни, погнала свои стада верблюдовъ, коней, овецъ на вольныя пастбища окрестныхъ горъ, еще не тронутыя плугомъ. Чѣмъ дальше шла работа перерожденія пастуха въ земледѣльца, киргиза въ сарта, чѣмъ

больше сады, поля и кишлаки отвоевывали подъ себя земли въ необработанныхъ склонахъ горъ, дѣятельно вырубая лѣса, истребляя и отпугивая звѣря, распахивая цѣлины, тѣмъ дальше и выше уходили отъ нихъ вольнолюбивые и простиролюбивые сыны степей, такъ что, наконецъ, въ распоряженіи ихъ остались только трудно доступныя альпійскія пастбища хребтовъ и ихъ верхнія долины. Это не мѣшало, конечно, кочевнику-киргизу считать себя попрежнему хозяиномъ страны и дополнять доходъ отъ тука стадъ своихъ непрекращающимися грабежами осѣдлыхъ сартовъ и таджиковъ. Къ сартамъ, бывшимъ родичамъ своимъ, они стали относиться съ такою же враждебностью и презрѣніемъ, какъ и къ таджикамъ и ко всякимъ другимъ трусливымъ и плутоватымъ обитателямъ городовъ, искренно почитая ихъ достояніе законною собственностью воина-кочевника, взявшаго страну копьемъ и кровью своею. Не мѣшало это, съ другой стороны, и добычливому сарту забрать мало-помалу въ свои руки всѣ существенныя отрасли мѣстной торговли, промышленности и даже управленія, и, незамѣтно скупая у киргизовъ малоцѣнимыя ими земли, держать ихъ въ тѣсной зависимости отъ себя, если не мечомъ, такъ серебромъ, несмотря на разбойничьи нападенія и всякія другія обиды киргизовъ.

Теперешніе киргизы—несомнѣнно потомки Чингисовыхъ, Тамерлановыхъ и другихъ воинственныхъ полчищъ, проносившихъ огонь и мечъ по городамъ и весямъ Средней Азіи. Хотя въ нихъ огромная доля монгольской крови, судя по характерному типу ихъ лица, который нашъ русскій солдатикъ мѣтко прозываетъ «калмыковатымъ»,—однако между ними и настоящимъ монголомъ, какъ, напримѣръ, калмыкомъ или китайцемъ, разница громадная.

Хотя и наша русская и общеевропейская исторія пріучила насъ называть монголами побѣдоносныя орды Чингисъ-хана, тѣмъ не менѣе они никогда не были монголами, въ строгомъ этнографическомъ смыслѣ этого слова.

Сартъ и киргизъ никогда не скажутъ, что Чингисъ-ханъ былъ монголъ. Для нихъ онъ узбекъ, и ничего больше. Киргизы тоже не называютъ себя киргизами, а узбеками или казаками. Узбеки были—и турки-сельджуки, узбеки были—татары и ногаи, вѣроятно, также половцы, печенѣги и многіе другіе народы, окружавшіе съ юга и востока юную Русь въ древній періодъ ея исторіи.

Народъ узбековъ былъ, очевидно, однимъ изъ самыхъ распространенныхъ племенъ Азіи и раздѣлялся на множество родовъ, которыхъ до сихъ поръ насчитывается 92. Татаръ, ногай, киргизъ, казакъ, кипчакъ, тюркъ, туркменъ были только крупными родами одного и того же народа узбековъ. Оттого-то всѣ эти племена говорили и говорятъ на одномъ и томъ же джагатайскомъ или татарскомъ языкѣ. Среди родовъ этихъ однимъ изъ очень видныхъ былъ, между прочимъ, монголъ, и самъ Чингисъ принадлежалъ, повидимому, къ этому роду, вотъ, можетъ быть, причина, почему и вся его орда стала называться монголами. Кочевья чингисова рода были въ китайской Монголіи у верховьевъ Онона, впадающаго въ Шилку, и весьма естественно предположить, что родъ этотъ былъ прозванъ монголомъ, вслѣдствіе болѣе тѣснаго смѣшенія своей узбековой крови съ кровью сосѣднихъ монголовъ. Что узбеки вообще не были цѣльнымъ племенемъ кавказской расы, а въ теченіе столѣтій сильно смѣшались съ монгольскою расою, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія для тѣхъ, кто видѣлъ въ глаза киргиза и туркмена, но различные роды узбековъ по географическимъ и историческимъ причинамъ хлебнули очень различныя порціи желтой крови, вслѣдствіе чего среди узбековъ можно до сихъ поръ наблюдать всѣ степени переходовъ отъ грубаго калмыцкаго типа нѣкоторыхъ киргизскихъ родовъ къ благородному и красивому типу турка-сельджука. Рядомъ съ родомъ монголъ кочевалъ въ XIII вѣкѣ, по сосѣдней рѣкѣ Керуленѣ, другой узбекскій родъ татаръ; Чингисъ подчинилъ его своей власти ранѣе всѣхъ другихъ родовъ, и главная сила его пол-

чищъ состояла изъ татаръ, вѣроятно, особенно отличавшихся своею храбростью; вотъ опять простая причина, почему узбеки (они же монголы), покорившіе при Батыѣ Россію, были названы въ нашихъ лѣтописяхъ татарами.

Въ путешествіи Плано-Карпини, которое происходило какъ разъ во время Чингиса и его первыхъ преемниковъ, — упоминаются, между прочимъ, «земля киргизовъ», «туркоманы» и «сарты», слѣдовательно, уже тогда существовало и теперешнее дѣленіе узбекскихъ родовъ и обособленность осѣдлыхъ узбековъ отъ кочевыхъ, подъ именемъ сартовъ. Впрочемъ, есть много основаній предполагать, что въ древности существовалъ въ Средней Азіи, и именно на рѣкѣ Яксартѣ, особый народъ—сарты (яксарты Птоломея), считавшійся въ глазахъ кочевника синонимомъ всякаго осѣдлаго народа. Можетъ быть, такъ же, какъ предполагаютъ нѣкоторые мѣстные изслѣдователи, и среди узбековъ былъ прежде особый родъ сартъ, который первый могъ обратиться къ земледѣлію и осѣдлости, и который поэтому могъ дать свое имя всѣмъ послѣдующимъ осѣдлымъ жителямъ изъ узбековъ, хотя для этого предположенія не найдено пока прямыхъ доказательствъ. Въ настоящее время изъ всѣхъ родовъ узбековъ, тюркъ пріобрѣлъ первенствующее значеніе, какъ представитель самаго могущественнаго царства (Турціи), разгромившаго нѣкогда чуть не всю Европу. Поэтому узбеки Средней Азіи охотнѣе всего величаютъ теперь себя «тюрками», придавая этому слову такое же обширное значеніе, какъ мы придаемъ слову татаринъ или монголъ.

Нельзя также не упомянуть объ особомъ значеніи, которое пріобрѣлъ въ бывшемъ Кокандскомъ ханствѣ и отчасти сохранилъ до нашего времени одинъ изъ узбекскихъ родовъ — кипчакъ. Кипчаки были одною изъ главныхъ составныхъ частей того громаднаго воинства, которое было послано Чингисъ-ханомъ подъ предводительствомъ его родственника Батыя покорить Россію. Но когда Кипчакская или Золотая орда была разорена царемъ Иваномъ и его союзникомъ Менгли-Гиреемъ, то множество

кипчаковъ вернулось въ Среднюю Азію, частью въ свои старые улусы у низовьевъ Аму-Дарьи и Сыръ-Дарьи, частью въ Кокандское ханство, всегда манившее кочевниковъ своимъ плодородіемъ и безопаснымъ мѣстоположеніемъ. Кипчаки, привыкшіе жить въ низменностяхъ и уже нѣсколько пріученные къ земледѣлію, не пошли на альпійскіе луга Алайскихъ или Ферганскихъ горъ, а заняли невысокія предгорія и склоны горъ, самые близкіе къ деревнямъ сартовъ, и скоро явились опасными соперниками ихъ. Они не меньше сартовъ дорожили каждымъ клочкомъ земли, воздѣлывали по возможности всякіе хлѣба и промышленныя растенія, а въ то же время завели такое обширное скотоводство, о которомъ сарты на своихъ тѣсныхъ участкахъ земли не могли и помышлять, и съ помощью котораго кипчаки стали однимъ изъ самыхъ богатыхъ сословій ханства. Такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ кипчаки были гораздо смѣлѣе и энергичнѣе сартовъ и, какъ потомки завоевателей, считали себя въ исключительномъ правѣ хозяйничать въ странѣ, то скоро въ ихъ рукахъ дѣйствительно очутилась вся правительсвенная и судебная власть.

Высшей степени вліянія на дѣла ханства кипчаки достигли въ сороковыхъ годахъ нашего столѣтія при Ширъ-Али-ханѣ и Худоярь-ханѣ, когда смѣлый кипчакъ Мусульманъ-Куль сдѣлался регентомъ ханства и всемогущимъ ханскимъ «*минібаши*», то-есть главнымъ визиремъ своего рода. Звѣрствамъ и притѣсненіямъ всякаго рода не было конца. Кипчаки, необразованные даже и въ азіатскомъ смыслѣ, ненавистники сартовъ и сартскихъ муллъ, своевольничали въ Коканѣ какъ хотѣли. Они разгоняли софтъ изъ медрессе, жгли книги, всячески унижали улемовъ, силою отбивали у сартовъ дома и полевые участки, вырубали у нихъ деревья, отнимали арыки, брали съ сартовъ произвольную дань за пользованіе собственною водою. Правосудіе для сартовъ не существовало; казни происходили ежедневно. Кипчаки занимали при Мусульманъ-Кулѣ всѣ правительственныя должности; изъ кипчаковъ онъ составилъ гарнизонъ Кокана, кипчаками-совѣтниками онъ окружилъ несовершеннолѣтняго хана

Худояра, не имѣвшаго ни малѣйшей власти и воли въ своемъ собственномъ ханствѣ. Когда Худояръ-ханъ выросъ и пріобрѣлъ житейскій опытъ среди безконечныхъ интригъ и жестокостей, его окружавшихъ, онъ сталъ невыносимо тяготиться своею зависимостью отъ кипчаковъ и рѣшилъ наконецъ во что бы то ни стало покончить съ «чортовымъ племенемъ». Онъ заранѣе подговорилъ на свою сторону ташкентскія войска и кокандскихъ сартовъ, и въ 1851 году 27 числа мѣсяца курбана, во время обычнаго селяма въ ханской урдѣ, когда раздраженные противъ него кипчаки, окруживъ Худояра, отъ упрековъ и брани перешли уже къ угрозамъ убійства,—ташкентцы на всемъ скаку, шашки наголо, вомчались вдругъ верхами въ урду и безъ разбора стали крошить направо и налѣво перепуганныхъ кипчаковъ. Узнавъ о начавшемся избіеніи ненавистныхъ всѣмъ притѣснителей, кокандскіе сарты, вооружась чѣмъ попало, присоединились къ ташкентцамъ и, разсыпавшись по городу, душили и рѣзали спасавшихся отъ смерти кипчаковъ вездѣ, гдѣ только встрѣчали ихъ,—на улицахъ, въ домахъ, въ садахъ, въ мечетяхъ... Въ тотъ же день вечеромъ, въ Маргеланѣ, собрали въ урдѣ всѣхъ тамошнихъ кипчакскихъ старшинъ и перерѣзали всѣхъ до одного.

Черезъ нѣсколько дней уцѣлѣвшіе кипчаки подъ предводительствомъ Мусульманъ-Куля вступили въ отчаянную сѣчу съ войсками хана при Балыкламѣ. Кипчаки, однако, были разбиты и самъ Мусульманъ-Куль попался въ плѣнъ. Тогда началась обычная азіатская расправа. Громадную толпу плѣнниковъ повели въ Коканъ. Черезъ каждыя четверть версты шествіе останавливалось, и палачи, для утѣшенія публики, перерѣзывали ножами горла нѣсколькимъ плѣнникамъ. На главной площади передъ ханской урдой былъ поставленъ столбъ, и наверху этого столба посаженъ прикованный цѣпями Мусульманъ-Куль. Черезъ каждые 2, 3 часа тащили къ столбу по-двое, по-трое кипчаковъ, разсаженныхъ въ ямы, и рѣзали ихъ, какъ барановъ, на глазахъ ихъ бывшаго вождя. Цѣлыхъ три дня тянулась эта безчеловѣчная бойня. Наконецъ ханъ вернулся въ свою столицу,

и на его свѣтлыхъ очахъ бывшій его регентъ и мингбаши былъ торжественно повѣшенъ на одномъ изъ базаровъ. Но хану было этого еще мало. Во всѣ поселенія кипчаковъ были посланы отряды войскъ, и приближенные хана, раздѣливъ на участки все ханство, старательно истребляли каждый въ своемъ участкѣ поголовно всѣхъ мужчинъ-кипчаковъ. Въ одномъ только селеніи Балыкчи зарѣзано было 1.500 кипчаковъ, трупы которыхъ были брошены въ Сыръ-Дарью. Въ Наманганѣ громадная яма у общественныхъ бань въ нѣсколько минутъ была доверху завалена трупами. Кипчаковъ ловили, какъ дичь, во всѣхъ окрестностяхъ города, выводили десятками на «гузары» (маленькіе базарчики на перекресткахъ улицъ) и рѣзали ихъ здѣсь, какъ скотъ на бойнѣ. Уцѣлѣли только тѣ кипчаки, которые успѣли бѣжать въ горы къ киргизамъ; но во время этого бѣгства отъ голода и холода погибло множество кипчакскихъ дѣтей. Кровожадный ханъ отобралъ послѣ этого всѣ земли кипчаковъ въ свою пользу и велѣлъ распродать ихъ сартамъ за половинную цѣну. Осторожные сарты, опасаясь будущаго, отказывались-было покупать чужую собственность даже и дешево. Тогда ханъ не долго думая, приказалъ силою продавать эти земли сартамъ, палками поощряя ихъ къ покупкѣ.

Я нарочно такъ подробно разсказалъ эту исторію кокандскихъ кипчаковъ, близко напоминающую истребленіе турецкихъ янычаръ султаномъ Махмудомъ 2-мъ или египетскихъ мамелюковъ хедивомъ Мегметомъ-Али, потому что она представляетъ собою особенно характерный образчикъ мѣстныхъ нравовъ.

Можно сказать безъ преувеличенія, что отъ начала до конца всей кокандской исторіи тянется одна сплошная лѣтопись постоянныхъ заговоровъ, обмановъ, коварствъ, мятежей, грабежей и хладнокровнаго рѣзанія людей десятками, сотнями, тысячами, какъ будто ханы, ихъ хакимы и беки были не правители, а кровожадные мясники, злосчастные же подданные ихъ—стадо животныхъ, назначенныхъ на убой. Даже ошибкою не встрѣчается въ этой скорбной лѣтописи хотя бы одного поступка ве-

ликодушія и любви, проявленія хотя бы слабаго сознанія бездушными правителями своихъ нравственныхъ обязанностей относительно страны и народа, врученныхъ имъ игрою судьбы, не говоря уже объ отношеніяхъ къ врагамъ.

«Калля-Минора», то-есть башня изъ мертвыхъ головъ, съ такою потрясающею правдою нарисованная нашимъ знаменитымъ художникомъ Верещагинымъ въ его замѣчательномъ собраніи туркестанскихъ бытовыхъ картинъ, составляла неизбѣжное украшеніе всякаго кокандскаго города, покорявшагося хану или его бекамъ даже послѣ самаго мимолетнаго возстанія, а ужъ особенно послѣ удачной войны съ какими-нибудь сосѣдями, киргизами или бухарцами, головы которыхъ насыпались въ такихъ случаяхъ на базарахъ, гузарахъ и въ притворахъ мечетей, какъ груды арбузовъ въ урожайный годъ на нашихъ малороссійскихъ бахчахъ.

Е. П. Ковалевскій, путешествовавшій по Туркестану всего въ 1849 году, своими глазами видѣлъ въ городѣ Ташкентѣ пирамиды кокандскихъ головъ, человѣка, умиравшаго на колѣ посреди площади, а за городомъ — нѣсколько пирамидъ отвратительно гніющихъ киргизскихъ головъ. Да, несомнѣнно, что и Верещагинъ, посѣтившій Туркестанъ лѣтъ на 25 позднѣе, рисовалъ и свои пирамиды головъ, и головы, торчащія на кольяхъ, и головы, разбросанныя въ мечетяхъ, какъ жертвы къ подножію святынь,—тоже съ натуры.

Что̀ дѣлаетъ особенно возмутительнымъ звѣрское жестокосердіе кокандскихъ хановъ и ихъ клевретовъ, точно такъ же, какъ и самаго народа ихъ,—это фарисейское соблюденіе рядомъ съ этими злодѣйствами самыхъ утонченныхъ предписаній мусульманскаго религіознаго обряда; это—кощунственное смѣшеніе молитвы, педантическихъ омовеній и очищеній съ кровью невинныхъ жертвъ, въ которой они спокойно купались, какъ свиньи въ родной грязи. Только знакомясь близко съ внутреннимъ бытомъ такихъ государствъ, какъ средне-азіатскія ханства, поймешь вполнѣ, какія великія, ничѣмъ не замѣнимыя благодѣянія

принесли намъ христіанская религія и европейская образованность, породившія общими многовѣковыми усиліями своими то, что принято называть христіанскою цивилизаціею. Въ этомъ смыслѣ подчиненіе Россіею своей власти всѣхъ этихъ разбойничьихъ киргизскихъ и туркменскихъ ордъ, всѣхъ этихъ въ корнѣ развращенныхъ мелкихъ ханствъ въ родѣ Кокандскаго, Бухарскаго и Хивинскаго, какъ бы ни тяжело оно было для насъ, русскихъ, и какъ бы вредно ни отражалось на многихъ нашихъ существенныхъ интересахъ, — является истинно-христіанскимъ подвигомъ и однимъ изъ самыхъ отрадныхъ событій всемірной исторіи. Замѣнить жестокихъ и алчныхъ деспотовъ, помышляющихъ только о наживѣ и утѣхахъ своихъ, — царствомъ разумнаго, для всѣхъ равно обязательнаго, закона, замѣнить вѣчную рѣзню и усобицы строгимъ порядкомъ и миромъ, — большаго благодѣянія нельзя было оказать этимъ злополучнымъ азіатскимъ народамъ. Трудно повѣрить, чтобы такое осязательное для всѣхъ преимущество, какъ наступившая теперь безопасность и спокойствіе жизни и достоянія туземцевъ,—не было ими понято и оцѣнено, чтобы они не убѣдились воочію, насколько выгоднѣе и удобнѣе стало всѣмъ имъ при русскомъ владычествѣ. Поэтому, если и ведется еще въ старомъ Кокандскомъ ханствѣ или въ сосѣдней съ нимъ Бухарѣ потайная проповѣдь недовольства противъ русскаго владычества, то развѣ среди тѣхъ сословій, которыя привыкли въ теченіе столѣтій распоряжаться по-своему произволу жизнью, правами и богатствомъ народа, наживаясь на его счетъ и удовлетворяя его несчастіями свои звѣрскія страсти.

Бывшіе беки, хакимы, улемы, имамы, конечно, могутъ имѣть много причинъ негодовать на могучую руку, прекратившую ихъ дикое своеволіе, точно такъ же, какъ шайки кочевыхъ разбойниковъ, жившихъ до того времени грабежами мирныхъ жителей. Но огромная масса народа, всѣ люди труда и мирнаго заработка должны въ глубинѣ души своей благословлять, какъ эру своего спасенія и освобожденія отъ вѣчнаго рабства—паденіе своей призрачной государственной независимости.

Конечно, преданія старой исторіи и религіозные предразсудки, вмѣстѣ съ живымъ вліяніемъ мѣстнаго духовенства и знати,—могутъ еще безъ особеннаго труда при благопріятныхъ обстоятельствахъ всколыхнуть и поднять противъ своихъ благодѣтелей осчастливленный Россіею туземный народъ, но это во всякомъ случаѣ было бы противъ его искренняго убѣжденія и, ужъ разумѣется, противъ его насущныхъ пользъ.

Во всякомъ случаѣ сравненіе недавней исторіи Кокандскаго и Бухарскаго ханства съ ихъ настоящимъ бытомъ подъ властью Россіи должно вселить въ каждаго мыслящаго русскаго утѣшительное сознаніе, что великія жертвы принесены здѣсь Россіею не даромъ, что онѣ могучимъ образомъ послужили высокой задачѣ человѣческаго благополучія и были поэтому святымъ дѣломъ,—Божьимъ дѣломъ, предначертаннымъ Россіи Высшимъ Разумомъ, руководящимъ судьбами народовъ.

V.

Ошъ и его обитатели.

Въ Ошъ выѣзжаешь также черезъ туземный городъ. Его огромные базары по случаю мусульманскихъ праздниковъ биткомъ набиты народомъ, хотя лавки почти всѣ заперты, и только одни «самоварчи», «халвачи» (продавцы халвы), да «баккалы» (продавцы сладостей) продолжаютъ торговать на славу; въ харчевняхъ, по-здѣшнему «ашъ-хане», бородатыя дѣти пророка съ искреннимъ увлеченьемъ настоящихъ дѣтей истребляютъ «шурпу» (похлебку изъ риса), шашлыкъ и кавардакъ, запивая бузою изъ птичьяго проса («кунака»). Но большинство, какъ и вездѣ, въ чай-хане, вокругъ самоваровъ. Очень немногіе потягиваютъ «тамбаку» (табакъ) изъ наргиле; эта турецкая и арабская забава какъ-то не особенно привилась къ здѣшнему мусульманству. Можетъ быть, она тѣсно связана съ привычкою къ кофе, потому что народы-кофейники, какъ турки и арабы,

въ то же время и народы-трубокуры, а любители чая, подобные киргизу, сарту, калмыку, не придаютъ трубкѣ того значенія, какое она имѣетъ на базарахъ Стамбула и Каира.

Маленькая, очень старая мечеть обращаетъ на себя вниманіе своеобразнымъ каменнымъ куполомъ съ каменными же выпуклыми ребрами. Двѣ другія мечети—болѣе новыя, съ высокими красивыми минаретами. Но особеннаго въ мусульманскомъ городѣ ничего; все, какъ вездѣ, и базары, и дома, и сады, и дувалы. А между тѣмъ Ошъ одинъ изъ городовъ глубочайшей древности и даже загадочнаго происхожденія. Мѣстная легенда увѣряетъ, что онъ основанъ еще премудрымъ царемъ и пророкомъ Соломономъ, котораго мусульмане, какъ извѣстно, почитаютъ за святого вмѣстѣ съ царемъ Давидомъ, Авраамомъ, Моисеемъ и Христомъ.

Премудрый «Хазретъ и Сулейманъ Пейгамбѐръ» (т.-е. «святой Соломонъ») шелъ по Ферганѣ съ своимъ войскомъ, двигаясь все впередъ и гоня передъ собою пару воловъ, запряженныхъ въ плугъ. Дойдя до горъ, онъ рѣшился остановиться и крикнулъ обычный сартовскій кличъ, которымъ они останавливаютъ своихъ пашущихъ быковъ: «Хо-ошъ!» Волы остановились, и на мѣстѣ ихъ остановки былъ впослѣдствіи построенъ городъ «Хо-ошъ» или по-просту «Ошъ», въ память возгласа пророка.

Надъ Старымъ Ошемъ возвышается одинокая утесистая гора, которая до сихъ поръ называется «Соломоновымъ камнемъ» или «скалою Соломона»—«Сулейманъ-ташъ». Это заставляетъ придавать древней легендѣ болѣе значенія, чѣмъ она, повидимому, заслуживаетъ своимъ слишкомъ сказочнымъ складомъ. Вообще города Ферганы должны быть чрезвычайно древняго происхожденія, потому что о многихъ изъ нихъ существуютъ преданія глубокой древности, связывающія ихъ построеніе съ первыми вѣками человѣчества.

Такъ, напр., по легендамъ сартовъ, ихъ бывшій городъ Канибадамъ, на мѣстѣ котораго стоитъ теперь Мазаръ-Ходжа-Яганъ и который существовалъ еще при завоеваніи Ферганы

арабами въ 8-мъ вѣкѣ,—былъ основанъ 6.000 лѣтъ тому назадъ, еще, при пророкѣ Ноѣ.

Въ дни арабовъ уже извѣстенъ былъ и городъ Ошъ, и многіе другіе теперешніе города и кишлаки Ферганы, какъ, напр., Андижанъ, Узгентъ, Мурганъ (т.-е. Маргеланъ), Ходжентъ и проч.

Все заставляетъ думать, что этотъ счастливый уголокъ земли очень рано сталъ привлекать къ себѣ поселенцевъ и играть роль въ исторіи человѣчества.

Когда мы выѣзжали изъ Стараго Оша, собираясь переправиться черезъ мостъ въ русскій городъ, намъ навстрѣчу съ шумомъ, звономъ и трескомъ пронеслась цѣлая многолюдная процессія. Молодцы-джигиты летѣли впереди, разгоняя нагайками вправо и влѣво встрѣчавшіяся арбы, верховыхъ и пѣшихъ, а за ними, провожаемая ярко разодѣтыми верховыми чалмоносцами, катила помѣстительная долгуша, запряженная по-русски тройкою ретивыхъ киргизскихъ коней. Сѣдой полковникъ внушительнаго вида сидѣлъ на этой долгушѣ, окруженный дамами и дѣтьми, сіяя среди облаковъ пыли своимъ военнымъ мундиромъ и оружіемъ и наводя искренній трепетъ на туземныхъ обитателей, благоговѣйно созерцавшихъ неистовый бѣгъ его громоносной колесницы. Оказалось, что это былъ мѣстный уѣздный начальникъ Д. съ семьею, выѣзжавшій въ сосѣдній кишлакъ на тамашу къ волостному старшинѣ. Какъ ни коробитъ наши европейскіе вкусы и привычки такой черезъ-чуръ шумный и показный способъ ѣзды, однако, поживши въ Средней Азіи, приходишь къ заключенію, что обычай этотъ выработался здѣсь не даромъ, и что въ немъ сказалось далеко не одно пустое желаніе «задать форсу» и «показать себя», «знай, молъ, нашихъ, помни, когда начальство ѣдетъ!»

Нужно своими боками ознакомиться съ невозможною тѣснотою, толкотнею и безпорядочностью азіатскихъ узенькихъ переулковъ и базарчиковъ, чтобы понять положительную необхо-

димость заранѣе расчищать себѣ путь черезъ нихъ хотя бы громомъ и молніей... Арбы, верблюды, быки, лошади, люди, все здѣсь упрямо лѣзетъ впередъ, не разбирая, можно ли пройти или нѣтъ, зацѣпишься ли за что, или не зацѣпишься, раздавишь ли кого, или нѣтъ. То и дѣло видишь, какъ арбы сцѣпливаются другъ съ дружкой концами осей, и начинается сначала руготня на весь базаръ, а потомъ потасовка палками. Въ иное время цѣлый часъ нельзя протиснуться сквозь толпу, запрудившую проулочки.

Совсѣмъ иное дѣло, когда въ ушахъ халатниковъ раздадутся знакомые имъ звуки двухъ колокольчиковъ, обычной принадлежности проѣзжающаго начальства, или еще болѣе понятные имъ угрожающіе крики джигитовъ и хлопанье ихъ ременныхъ ногаекъ. Тогда, все, что заслышитъ эти внушительные сигналы, опрометью кидается направо и налѣво, раздвигается и отодвигается, сторонясь въ подворотни, во дворы, въ боковые переулочки и гузары, даже прямо въ канавы, а то и поворачивая поскорѣе назадъ и улепетывая по-добру по-здорову до перваго свободнаго разъѣзда...

Ошъ—это край свѣта своего рода. Онъ считается или по крайней мѣрѣ считался одною изъ важныхъ крѣпостей Ферганы, оберегающихъ ее со стороны Кашгара, хотя очень трудно рѣшить, гдѣ собственно эта крѣпость. Русскій Ошъ, конечно, опять не что иное, какъ обширный садъ изъ громадныхъ тополевыхъ аллей. За этими полками деревьевъ-гигантовъ,—настоящіе сады и дворики, и среди нихъ скромные низенькіе домики съ галлерейками, крылечками и балконами. Тишина такая, что никакой деревни не нужно. Только и слышишь на улицѣ поэтическое журчаніе арыковъ, омывающихъ вдоль всей улицы, по обѣ стороны ея, корни тополей. Отъ тѣни этихъ исполинскихъ тополей даже въ полдень стоитъ на улицѣ зеленоватый полусумракъ, всегда нѣсколько влажный отъ испаренія арыковъ. Солнце пробивается сюда съ своего безотрадно-яснаго знойно-синяго неба

только сѣтью огнистыхъ глазковъ и полосъ, переползывающихъ по темнымъ тѣнямъ шоссе, которымъ отлично вымощены всѣ улицы.

Рѣдко когда проѣдутъ верхомъ казаки или разсыльные джигиты, да торопливо промарширустъ куда-нибудь партія солдатиковъ-пѣхотинцевъ въ своихъ бѣлыхъ рубахахъ и малиновыхъ замшевыхъ штанахъ. Шаги ихъ недалеко раздаются подъ зелеными сводами длинной пустой улицы, будто въ корридорахъ необитаемаго замка. Миръ и спокойствіе вливаются въ душу, когда вступаешь въ эти тихія зеленыя сѣни, откуда нѣтъ никуда дорогъ и въ которыхъ не существуетъ никакихъ раздражающихъ нервы интересовъ. Словно пріѣхалъ, какъ бывало когда-то, въ далекіе годы дѣтства, въ глухую усадьбу доброй старой бабушки, гдѣ каждый предметъ неподвижно стоитъ на своемъ мѣстѣ десятки лѣтъ, гдѣ ни одно знакомое лицо не измѣнилось съ того времени, какъ сталъ помнить себя, и гдѣ сладкій душевный сонъ незримо убаюкиваетъ всякаго, вступающаго въ эти безмятежные предѣлы.

Еще подъѣзжая къ Ошу, уже можно было предчувствовать этотъ его характеръ совсѣмъ глухого, на край свѣта задвинутаго, угла. На станціяхъ съ удивленіемъ осматривали насъ, спрашивая въ недоумѣніи, куда же это мы ѣдемъ? и терялись въ догадкахъ, зачѣмъ это «вольному» [1]), да еще съ барыней— приспичило забраться сюда, въ Ошъ, въ которомъ никому не можетъ быть никакой надобности, кромѣ живущей тамъ кучки военныхъ, давно извѣстныхъ въ лицо всѣмъ по дорогѣ...

У насъ были письма къ нѣкоторымъ пріятелямъ моего сына, который по своей обязанности военнаго инженера нѣсколько времени тому назадъ не одинъ мѣсяцъ прожилъ въ Ошѣ, производя постройки въ разныхъ пограничныхъ укрѣпленіяхъ.

---

[1]) „Вольнымъ“ мѣстные военные называютъ здѣсь всѣхъ штатскихъ вообще, точно такъ, какъ во Франціи ихъ величаютъ на языкѣ армейцевъ не иначе, какъ „pekins“.

Но день склонялся къ вечеру, и не хотѣлось злоупотреблять гостепріимствомъ добрыхъ людей, доставляя имъ безпокойство въ такой неудобный часъ. Мы расположились поэтому на ночлегъ въ комнатахъ совсѣмъ пустынной почтовой станціи, и уже распаковали было свой багажъ, какъ вдругъ обстоятельства неожиданно измѣнили наши намѣренія.

Мнѣ хотѣлось все-таки не терять времени, и пока солнце еще не сѣло, а самоваръ еще не закипѣлъ, я вздумалъ совершить краткую предварительную рекогносцировку насчетъ предстоявшихъ намъ знакомствъ. Извозчиковъ на этомъ краю свѣта, само собою разумѣется, не водится, городскихъ почтъ, посыльныхъ, коммисіонеровъ, гостиницъ и адресныхъ конторъ—точно также; а потому пришлось прибѣгнуть къ единственному практическому способу, остававшемуся въ моемъ распоряженіи,—это добыть языка. Вышелъ на улицу, словно вымершую отъ чумы, и сталъ поджидать добычи. Не скоро появились въ предѣлахъ моего наблюденія двѣ бѣлыя рубахи, но они шли съ ружьями въ рукахъ куда-то на смѣну и не годились для моей цѣли. Прошелъ еще одинъ солдатикъ, ужъ безъ ружья, но онъ зато несъ разносную книгу съ казеннымъ пакетомъ, а потому тоже былъ мнѣ не въ руку. Только послѣ нѣсколькихъ тщетныхъ попытокъ я могъ наконецъ убѣдить одного податливаго защитника отечества, что онъ отлично можетъ исполнить четверть часа позже данный ему отъ начальства приказъ—купить въ лавочкѣ двѣ бутылки филатовскаго «чарасу» и фунтъ сыру, а до того времени успѣетъ честнымъ образомъ заработать себѣ на чаишко, проводивъ меня сейчасъ же въ квартиру поручика Б—го. До квартиры этой было добрыхъ полторы версты, но въ Ошѣ пѣшему хожденію не стать учиться,—и мы живо промахнули съ моимъ чичероне длинную тополевую улицу, въ которой отъ густоты деревьевъ уже лежали тѣни ночи. Огромный и добродушный поручикъ, большой пріятель моего сына и усердный читатель моихъ книгъ, уже былъ заранѣе предупрежденъ о нашемъ пріѣздѣ и встрѣтилъ меня съ трогательнымъ раду-

шіемъ. Онъ и слышать не хотѣлъ, чтобы мы провели ночь на станціи. Насъ уже давно ждали здѣсь, и все было заранѣе приготовлено къ нашему помѣщенію. Какъ я ни отговаривался и ни уговаривалъ его, не могъ одолѣть его настойчивыхъ просьбъ; пришлось вмѣстѣ съ нимъ зайти къ сосѣдкѣ его, г-жѣ С—й, женѣ мѣстнаго врача, тоже близкой пріятельницѣ нашихъ дѣтей, въ домѣ которой они квартировали въ прошломъ году и къ которой у насъ также было письмо. Въ концѣ концовъ—длинная долгуша, запряженная здоровеннымъ киргизомъ, явилась вмѣстѣ съ добрѣйшимъ поручикомъ и любезною г-жею С—й къ намъ на станцію, и мы съ женою и пожитками, несмотря ни на что, были забраны военноплѣнными и водворены по назначенію. Милый молодой воинъ, имя котораго съ такою честью упоминается теперь въ числѣ безстрашныхъ удальцевъ Памирской экспедиціи, уступилъ намъ всю свою квартиру и даже своего денщика вмѣсто горничной, а гостепріимный домъ добрѣйшей сосѣдки его, примыкавшій дворомъ къ двору, сдѣлался постояннымъ нашимъ мѣстопребываніемъ въ теченіе дня, такъ какъ мы всею компаніей собирались сюда пить чай, обѣдать и ужинать, и мирно болтать на балконѣ въ прохладной тишинѣ ночей...

Я давно хотѣлъ побывать въ настоящемъ глухомъ уголкѣ Туркестана, гдѣ еще живы преданія старыхъ туркестанскихъ нравовъ и типы старыхъ покорителей Туркестана.

И я отъ души порадовался, что мнѣ удалось попасть какъ-разъ именно въ ту характерную среду, до которой я добирался. Здѣсь, на крайнихъ рубежахъ Китайской имперіи, въ безконечной дали отъ центровъ цивилизаціи, еще сохранилась товарищеская простота отношеній между людьми и привычки безхитростнаго братства, которыми такъ согрѣвается на далекой чужбинѣ однообразная и полная лишеній жизнь военнаго человѣка. Здѣсь царствуетъ какая-то добродушная коммуна въ домашней жизни немногочисленнаго офицерскаго кружка, немножко, пожалуй, напоминающая братскую общину былой Запорожской

сѣчи. Всякій свободно идетъ въ квартиру товарища и безъ стѣсненія пользуется всѣмъ, что у него найдется. У кого есть лошадка, всѣ пріятели, разумѣется, разсчитываютъ на эту лошадку, какъ на свою собственность, и посылаютъ за нею всякій разъ, какъ приходитъ нужда. Тарантасы, линейки, телѣжки—все это собственность цѣлаго офицерства, за кѣмъ бы номинально не считались они и кто бы ни платилъ за нихъ деньги изъ своего кармана. Пріѣзжаютъ къ кому-нибудь гости,—и все военное товарищество, — хочетъ не хочетъ — принимаетъ участіе въ гостепріимствѣ. Отъ одного тащится кровать, отъ другого стулъ, отъ третьяго матрацъ; у кого достается подсвѣчникъ, у кого самоваръ. Хозяинъ безъ денегъ,—за сахаромъ посылаетъ сосѣдъ, чай берется у товарища. И никому въ голову не придетъ отказать, когда есть на-лицо то, что требуется; но и никто, съ другой стороны, ни малѣйшимъ образомъ не посовѣстится отвѣтить пріятелю, что весь сахаръ вышелъ, что въ домѣ не осталось ни одной свѣчки. И ужъ если отвѣтитъ такъ,—стало быть, дѣйствительно такъ. Соврать въ подобномъ случаѣ, поскупиться въ дѣлежѣ съ товарищемъ—величайшій позоръ для туркестанскаго воина, и товарищи ему прохода бы не дали, если бы онъ былъ уличенъ въ какомъ-нибудь такомъ «жидовствѣ». Да потомъ это же было бы глупо и невыгодно; нынче я, завтра мнѣ, всякому своя очередь; сегодня у него въ карманѣ пусто, а завтра у меня. Всѣмъ сестрамъ по серьгамъ! Ни одинъ порядочный туркестанскій офицеръ не можетъ прожить, какъ нѣмецкій аптекарь, съ такимъ педантическимъ разсчетомъ, чтобы на каждый Божій день былъ непремѣнно заготовленъ свой необходимый зильбергрошъ. Русскія широкія натуры, да еще военныя косточки, не терпятъ такой скучной ариѳметики, а лучше согласятся пожить одну недѣльку въ мѣсяцъ какъ ихъ душенькѣ хочется, пробиваясь впроголодь остальныя три, чѣмъ тянуть всѣ четыре недѣли одну и ту же канитель умѣренности и аккуратности. Поэтому отъ перспективы пустого кармана никто здѣсь открещиваться не станетъ.

А когда все въ извѣстной степени принадлежитъ всѣмъ, когда никто не конфузится обнаруживать скудность своего домашняго быта,—никому, разумѣется, не можетъ прійти въ голову чваниться передъ другими своею обстановкою, щеголять красивой одеждой или удобствами жизни. Поэтому совершенная простота быта—здѣсь законъ природы своего рода. Здѣсь все просто до трогательности. Солдатская неразборчивость и нетребовательность воспиталась здѣсь самою исторіею рядомъ съ безстрашіемъ и удальствомъ. Ничтожныя кучки нашихъ геройскихъ воиновъ, побѣдоносно проносившія русскіе орлы черезъ тысячеверстныя пустыни и сквозь безчисленныя орды азіатскихъ варваровъ, должны были въ себѣ самихъ, въ своемъ тѣсномъ братствѣ, въ своемъ безмолвномъ терпѣніи и скромности вкусовъ находить средства своего существованія. Волей-неволей приходилось на обухѣ рожь молотить и шиломъ воду хлебать. Преслѣдовалось всѣми одно, главное—побѣда надъ врагомъ, завоеваніе и умиреніе края. Все же остальное, всѣ личныя потребности и вкусы выкидывались за бортъ, какъ пустыя мелочи, о которыхъ не стóитъ ни говорить, ни думáть. Есть что поѣсть,—поѣдятъ, а нѣтъ, такъ подтянутся потуже ремешкомъ, покурятъ трубочки и ждутъ удобнаго случая. Походы въ азіатскихъ степяхъ не балуютъ человѣка, не дѣлаютъ изъ него сибарита. Ночевать негдѣ, кромѣ голой земли подъ открытымъ небомъ, пить нечего по нѣскольку дней сряду, часто и есть нечего. Зато нужно по сту верстъ въ день мѣсить пески, по недѣлямъ не слѣзать съ сѣдла. Ночью мерзнешь отъ мороза, днемъ жаришься на пятидесяти-градусномъ солнцепекѣ.

Поневолѣ упростишь всѣ вкусы свои и станешь на все неразборчивъ. Эта простота и грубость быта, вмѣстѣ съ желѣзной выносливостью, незнающей усталости ни отъ чего и никогда,—характерная черта истаго туркестанца стараго закала, какимъ мы узнали его въ Ошѣ. Если здѣшній военный народъ немножко кокетничаетъ чѣмъ-нибудь,—то развѣ только этими запорожскими свойствами своими.

Хозяинъ нашъ былъ однимъ изъ самыхъ выразительныхъ представителей этого симпатичнаго типа туркестанскихъ воиновъ. Онъ былъ съ одной стороны начитаннымъ и любознательнымъ человѣкомъ, съ увлеченіемъ изучалъ исторію, этнографію и природу этого богатаго, въ высшей степени разнообразнаго края, собиралъ коллекціи естественныхъ произведеній, набивалъ чучела рѣдкихъ звѣрей и птицъ, которыхъ стрѣлялъ въ горахъ Алая, набрасывалъ самоучкою масляными красками виды трудно доступныхъ мѣстностей, которыя ему удалось посѣщать; а съ другой стороны это былъ истинный запорожецъ со всѣми вкусами и талантами какого-нибудь черноморскаго пластуна. На конѣ онъ спалъ и ѣлъ, на конѣ онъ путешествовалъ по цѣлымъ мѣсяцамъ по пропастямъ и пустынямъ Алайскихъ и Заалайскихъ хребтовъ и неприступнаго Памирскаго плоскогорія, на конѣ онъ спокойно ѣздилъ въ Ташкентъ, дѣлая тысячу верстъ туда и назадъ, чтобы закупить какихъ-нибудь нужныхъ ему вещей, которыми онъ, конечно, навьючивалъ того же своего конька. Въ охотахъ проходила его жизнь. Онъ былъ начальникомъ охотничьей команды въ своемъ батальонѣ и не зналъ ничего радостнѣе охоты. Кабановъ, туровъ, аргали, сайгаковъ онъ билъ десятками, охотился на тигровъ и барсовъ, и вообще считался настоящимъ ферганскимъ Немвродомъ. Его огромный ростъ, сила и молодость вмѣстѣ съ отличнымъ знаніемъ края, безстрашіемъ и выносливостью—создавали изъ него идеальнаго охотника. Я нисколько не удивился, узнавъ потомъ изъ газетъ, что полковникъ Іоновъ выбралъ его въ число немногихъ смѣлыхъ спутниковъ своихъ, когда отправлялся съ отрядомъ удальцевъ на послѣднюю экспедицію свою въ заоблачныя пустыни Памира. Лучшаго товарища въ опасномъ и трудномъ походѣ по горнымъ дебрямъ—найти бы было трудно.

Хозяйка наша была еще молодая, но уже бывалая женщина. Мужъ ея служилъ когда-то земскимъ врачемъ въ нашемъ Щигровскомъ уѣздѣ, гдѣ я его немножко и знавалъ, но потомъ

судьба занесла его въ Фергану, въ Ошъ, гдѣ онъ женился, осѣлъ и завелся своимъ домикомъ. Онъ лѣчилъ военный людъ, жена его акушерствовала и тоже лѣчила сартянокъ и киргизокъ, смѣло разъѣзжая верхомъ по ихъ кишлакамъ и становищамъ. Теперь С. былъ уже нѣсколько мѣсяцевъ въ Петербургѣ, гдѣ онъ держалъ при Медицинской академіи экзаменъ на степень доктора, а барынька его жила здѣсь одна съ матерью и мальчишкой-сынкомъ. Она тоже смотрѣла истиннымъ туркестанцемъ стараго типа. Такая же сильная, неутомимая и безстрашная наѣздница, какъ ея сосѣдъ, такой же неугомонный путешественникъ по дебрямъ и горамъ, — такая же простая и нетребовательная.

На ея балконѣ, въ ея гостепріимной столовой постоянно собиралась безцеремонная компанія товарищей и пріятелей. Никто ничѣмъ и никѣмъ не стѣснялся; кто бралъ книгу и садился читать, кто просилъ поѣсть или выпить чего-нибудь, кто писалъ нужную ему записку, какъ у себя дома.

И хозяйка также безцеремонно прогоняла гостя, если онъ приходилъ не во-время, посылала его за чѣмъ-нибудь, или сама уходила по своимъ дѣламъ и самымъ откровеннымъ образомъ объявляла требующимъ, что нынче у нея вина нѣтъ, если его дѣйствительно не было.

Бывало, сидишь теплою и синею звѣздною ночью на этомъ балконѣ, въ безконечной аллеѣ деревьевъ-великановъ, среди безмолвія рано заснувшаго городка,—и, забывшись, воображаешь себя гдѣ-нибудь въ деревенскомъ саду своемъ, среди далекихъ родныхъ. Поднимается кто-нибудь идти на-боковую, и всѣ, какъ сидятъ, безъ пальто и фуражекъ, идутъ провожать его въ его скромную холостую квартиру, и кто-нибудь еще возьметъ въ руки горящую свѣчку, чтобы посвѣтить въ потьмахъ, и несетъ ее по неподвижному воздуху ночи, словно по корридору дома, такъ что даже пламя не колыхнется.

И это еще больше наводитъ на меня иллюзію и переноситъ

воображеніе мое въ отрадную простоту родного мнѣ деревенскаго быта.

Среди близкихъ друзей нашихъ хозяевъ обращалъ на себя особенное вниманіе подполковникъ Г—ій, помощникъ уѣзднаго начальника. Это одинъ изъ храбрѣйшихъ боевыхъ офицеровъ, участникъ въ покореніи края, и администраторъ, «твердой руки», какіе только и могутъ быть полезны въ этой странѣ дикаго насилія и племенной вражды.

Умный, спокойный, рѣшительный, онъ тутъ вполнѣ на своемъ мѣстѣ и держитъ населеніе въ великомъ уваженіи къ русской власти. Теперь, когда я пишу это, онъ уже занимаетъ постъ, болѣе подобающій его способностямъ и опытности,—начальника Ходжентскаго уѣзда. Это тоже, конечно, туркестанецъ 96-й пробы, образцовый наѣздникъ и охотникъ, глубокій знатокъ края, человѣкъ стойко выработаннаго характера, умѣющій найтиться и распорядиться во всякихъ трудныхъ обстоятельствахъ, а потому самой природою, кажется, призванный для практической дѣятельности на нашихъ далекихъ окраинахъ.

Онъ особенно интересенъ для меня своимъ основательнымъ знаніемъ здѣшняго народа и края.

Признаюсь, когда мимо меня проходила эта новая для меня жизнь далекой азіатской окраины и какъ въ волшебномъ фонарѣ смѣнялись одни другими характерные типы и лица,—мнѣ вдругъ показалось, что я словно уже видѣлъ гдѣ-то эти образы и словно уже раньше жилъ этою жизнью. И когда я силился дать себѣ отчетъ въ этихъ шаткихъ намекахъ памяти, мнѣ стало ясно, что передо мною повторяются теперь въ живомъ видѣ типы и сцены, художественно воспроизведенные когда-то нашимъ талантливымъ знатокомъ Туркестана Каразинымъ въ его первыхъ романахъ и повѣстяхъ изъ средне-азіатской жизни. Я думаю, что въ этихъ инстинктивныхъ впечатлѣніяхъ туриста—

лучшее доказательство достоинства тѣхъ литературныхъ произведеній, которыя ими напоминаются.

Характерна холостая квартира, которую Г—ій великодушно уступилъ для нашего ночлега. Это скорѣе какой-то безпорядочный музей, чѣмъ жилое помѣщеніе. Обѣ комнаты загромождены на полу, увѣшаны по стѣнамъ разнообразными произведеніями мѣстной природы и туземнаго искусства.

Головы памирскихъ архаровъ съ громадными витыми рогами, бородатыхъ «кіиковъ», замѣняющихъ въ Алаѣ кавказскаго тура, сайгаковъ, дикихъ козъ, кабановъ, шкуры барсовъ и тигровъ, мѣстныя змѣи въ банкахъ, чучела птицъ, гербаріи Памирской и Алайской флоры, куски минераловъ перемѣшаны съ туземными одеждами и домашними вещами. Тутъ и круглыя кожаныя коробки для провизіи, перекидываемыя черезъ сѣдло, и ковровые куржины, и киргизская шуба изъ шкуръ кіиковъ, замѣняющая бурку, и чайныя чашки въ походныхъ кожаныхъ чехлахъ, безъ которыхъ ни одинъ киргизъ и сартъ не выѣдутъ въ путь, и всякаго рода оружіе, азіатское и русское; къ довершенію этого bric-à-brac этнографическія и историческія книги, карты, путевые эскизы разныхъ дикихъ мѣстностей и наконецъ счеты и вѣдомости батальоннаго казначея, въ должности котораго состоитъ нашъ хозяинъ.

Въ другой, нежилой половинѣ дома—вездѣ нагромождены въ нѣсколько рядовъ и другъ надъ другомъ длинныя доски устланныя листьями тутоваго дерева, на которыхъ кишатъ бѣлыя гусеницы шелковичной бабочки. Когда стоишь молча въ комнатѣ, то слышишь тихое дружное чавканье этихъ десятковъ тысячъ крошечныхъ ртовъ, точащихъ зеленую мякоть листа. Тяжелый непріятный духъ стоитъ въ домѣ отъ миріадъ этой вѣчно жрущей гадины, но съ этимъ волей неволей приходится мириться всякому, кто задастся цѣлью кормить червей. Въ Ошѣ почти каждый нашъ военный и даже цѣлыя солдатскія команды занимаются между дѣломъ кормежкой червей, для которыхъ они

покупаютъ у туземцевъ грену и тутовый листъ. Возни съ этимъ пропасть, мѣста требуется очень много, и тѣмъ больше, чѣмъ дѣло идетъ дальше, чѣмъ крупнѣе выростаютъ черви. Многіе хозяева уходятъ въ садъ, въ палатки, въ кухни, чтобы только очистить мѣсто для полокъ, на которыхъ разстилаютъ листья; когда гусеницы окуклятся и завернутся въ коконы, ихъ отдаютъ разматывать туземцамъ и получаютъ по нѣскольку фунтовъ шелку, который, въ свою очередь, за самую пустую плату отдаютъ ткать тѣмъ же туземцамъ, такъ что въ общемъ итогѣ затратою небольшихъ денегъ и большихъ трудовъ въ теченіе 2-хъ, 3-хъ недѣль—каждая семья пріобрѣтаетъ себѣ изрядное количество аршинъ мѣстной шелковой матеріи.

Ошъ мы осматривали во всѣхъ его уголкахъ въ компаніи съ своими новыми пріятелями. Побывали и въ мечетяхъ, и на базарахъ, и караванъ-сараяхъ, ничѣмъ не отличающихся отъ всего того, что́ уже мы столько разъ осматривали въ разныхъ городахъ Средней Азіи. Пришлось тутъ и покупать кое-что, потому что здѣсь довольно много китайскихъ товаровъ по случаю близости Кашгарской границы; есть и индѣйскіе, и афганскіе, но все, по правдѣ сказать, грубаго сорта и сравнительно дорого, какъ все въ Азіи. Выгоднѣе всего можно пріобрѣсть здѣсь бѣлые мѣха кашгарскихъ козъ и китайскую фарфоровую посуду, довольно, впрочемъ, грубаго разбора.

Въ медрессе, при базарной мечети, мы зашли въ комнату мудериса, старшаго наставника школы; этотъ бѣлый, какъ лунь, старецъ, смотритъ такимъ почтеннымъ и добродѣтельнымъ, что его прямо можно принять за Авраама, и моему чувству художника было немножко досадно узнать отъ провожавшаго насъ Г—го, что этотъ ветхозавѣтный патріархъ изрядный фарисей и сутяжникъ. Въ комнатѣ у него образцовая чистота и порядокъ: книжки опрятно сложены въ альковчикахъ стѣнъ, замѣняющихъ наши шкапы, на полочкахъ разставлена блестящая посуда, вездѣ ковры и войлочки; даже въ маленькой кухонькѣ у откры-

таго камина все педантически прибрано. Мудерисъ представилъ намъ двухъ своихъ сыновей, молодыхъ софтъ, живущихъ въ этомъ же медрессе, и предложилъ пройти на террасу, съ которой открывался видъ на базаръ и на весь старый городъ, такъ какъ терраса эта была ничѣмъ другимъ, какъ плоскою кровлею медрессе. Полюбовавшись на хорошо намъ знакомую и всегда интересную сутолку восточнаго базара, мы отправились въ сопровожденіи неизбѣжныхъ джигитовъ и ихъ ногаекъ, черезъ залитые пестрою толпою переулки, къ горѣ Соломона.

Сарты зовутъ ее «Сулейманъ-тахтъ», т.-е. жилище Соломона, а нѣкоторые измѣняютъ это имя въ «Сулейманъ-тахта», что значитъ «сидѣніе или тронъ Соломона». Гора эта составляетъ характерную особенность города Оша. Она поднимается надъ нимъ и среди него обрывистымъ островомъ въ видѣ сросшихся другъ съ другомъ трехъ утесовъ. У подошвы этихъ утесовъ старый садъ изъ вѣковыхъ тополей чудовищной толщины и высоты, должно быть, еще сверстниковъ Тимура. Въ густой тѣни ихъ и подъ сѣнью Сулеймановой скалы, полутемная часовня, посрединѣ ея стоитъ массивная каменная гробница, укрытая красными покрывалами. Подъ темнымъ куполомъ часовни, вмѣсто лѣпныхъ карнизовъ, обвиваютъ ея круглыя стѣны двойнымъ поясомъ громадныхъ черныхъ и красныхъ буквъ куфическія арабскія надписи изъ алкорана. Дверочки затѣйливой рѣзьбы изъ почернѣвшаго дерева ведутъ въ эту усыпальницу, полную суроваго величія. Рядъ маститыхъ шейховъ, въ высокихъ бѣлыхъ тюрбанахъ на головахъ, выстроились передъ часовнею, когда мы выходили оттуда, и въ почтительныхъ позахъ, съ сложенными на животѣ руками, ожидали нашего приближенія. Всѣ эти духовные отцы живутъ и кормятся святыней Сулеймана и вышли привѣтствовать насъ, конечно, потому что съ нами былъ мѣстный уѣздный правитель съ толпою своихъ джигитовъ, всегда выдающихъ его присутствіе.

Оттого-то насъ водилъ въ часовню самъ мутавели, распорядитель вакуфовъ,—своего рода большая особа въ духовномъ

мірѣ мусульманъ; онъ прочитывалъ намъ арабскія надписи на стѣнахъ и давалъ почтительныя объясненія на всѣ мои вопросы. Однако, несмотря на его услужливость, намъ сообщили по секрету, что священный мужъ сей порядочный плутъ, и что въ его рукахъ остается не малая толика отъ доходовъ съ вакуфовъ.

Отъ самаго входа въ садъ до дверей часовни стоятъ, какъ и у насъ въ православныхъ монастыряхъ, вереницы нищихъ; проходящіе мимо правовѣрные непремѣнно опускаютъ имъ въ руки какую-нибудь маленькую монетку. Всѣ эти нищіе при приближеніи нашемъ быстро проводили руками по лицу и бородѣ и протягивали къ намъ руки. Мы, конечно, послѣдовали примѣру мусульманъ, не желая производить неблагопріятнаго впечатлѣнія на входившую вмѣстѣ съ нами толпу богомольцевъ. Изъ часовни мутавели повелъ насъ къ мечети, стоящей въ глубинѣ. Это обычная галлерея на рѣзныхъ колонкахъ съ ярко расписаннымъ потолкомъ и стѣнами, только просторнѣе другихъ, въ виду множества богомольцевъ, собирающихся сюда въ нѣкоторые дни. Поблагодаривъ мутавели и вручивъ ему нѣкоторую сумму «на бѣдныхъ», во главѣ которыхъ онъ обыкновенно считаетъ самого себя, мы отправились вверхъ на гору. Но священный мужъ не захотѣлъ насъ покинуть и тамъ. Порядочная толпа народа увязалась за нами. Кто несъ ковры, кто кувшины. кто подносъ, кто шелъ безъ всякаго дѣла изъ одного любопытства. На половинѣ подъема опять часовенька съ маленькою киблою—стало быть, мечеть. Намъ живо разостлали коврики, и мы усѣлись передохнуть на нѣсколько минутъ. Подъемъ былъ довольно крутой, а впереди и совсѣмъ трудный. Приходилось карабкаться по большимъ камнямъ, прямо надъ обрывомъ, такъ что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ для непривычнаго человѣка могло быть и жутко. Наверху скалы тоже стоитъ мазаръ съ маленькимъ каменнымъ купольчикомъ; внутри его татарскія и арабскія надписи. Въ полу вдѣланъ какой-то черный камень, пользующійся особымъ уваженіемъ правовѣрныхъ. Около мазара

водружена, въ видѣ флагштока крѣпости, треногая вышка, оставшаяся отъ производившихся здѣсь измѣрительныхъ работъ и довольно кстати вѣнчающая собою вершину утеса. Въ тѣни галлерейки мазара намъ опять разостлали коврики, и, откуда ни возьмись, явился и неизбѣжный дастарханъ на подносѣ, и холодная вода въ глиняномъ кувшинчикѣ, и *„кокъ-чай“* въ мѣдныхъ кумганахъ. Все это несли сюда вмѣстѣ съ нами по распоряженію услужливаго мутавели. Кокъ-чай имѣетъ особенное свойство утолять жажду и подкрѣплять утомленныя силы. Его пьютъ безъ сахара, и какъ это ни казалось мнѣ безвкусно въ теоріи, однако, уставши отъ зноя и отъ крутого подъема, я его пилъ съ большимъ удовольствіемъ.

Отдохнувъ, мы взобрались на самую макушку скалы, къ которой прислоненъ мазаръ. Видъ оттуда одинъ изъ самыхъ красивыхъ, какіе мнѣ приходилось видѣть.

Снѣговой хребетъ Алая съ Алтынъ-Куюкъ и Улькань-Тау и такой же снѣговой Ферганскій хребетъ съ Арсланъ-Бопъ на первомъ планѣ охватываютъ сплошнымъ кольцомъ весь горизонтъ. Отрогами своими они спаиваются другъ съ другомъ на востокъ отъ Оша, замыкая выходъ изъ Ферганской долины, и всѣ вмѣстѣ образуютъ такой титаническій амфитеатръ снѣговыхъ горъ, котораго нельзя увидѣть ни въ Швейцаріи, ни на Кавказѣ. День былъ ясный, небо знойно-синее, и бѣлыя пирамиды, гребни и стѣны горъ вырѣзались на этомъ идеально чистомъ фонѣ, какъ истинные троны боговъ, выкованные изъ сверкающаго серебра. Это кольцо бѣлоснѣжныхъ хребтовъ окружаетъ громаднымъ обхватомъ прелестную и густо населенную зеленую котловину, полную цвѣтущихъ садовъ, воздѣланныхъ полей и многочисленныхъ жилищъ человѣка. Старый Ошъ лежитъ въ самой серединѣ этого чуднаго оазиса, утонувъ въ своихъ роскошныхъ садахъ и незамѣтно переходя со всѣхъ сторонъ въ такіе же обильные садами кишлаки. Широкій поясъ поливныхъ огородныхъ земель, прорѣзанныхъ безчисленными канавками арыковъ и обработанныхъ старательно, какъ цвѣт-

ной горшокъ, примыкаетъ къ кишлакамъ, а за нимъ стелятся, уже поднимаясь къ пятамъ горъ, такъ называемыя *богара*, поля яровыхъ посѣвовъ, не знающія поливки и всецѣло зависящія отъ весеннихъ дождей. Собственно говоря, поливная земля называется здѣсь «оби», а неполивная «ляльми», но такъ какъ на неполивной сѣютъ только «богару», то-есть яровые хлѣба, то и сами эти поля чаще извѣстны подъ именемъ «богара». Озимые же хлѣба называются «терамой», напр., озимая пшеница—«терамой бугдай», озимая рожь—«терамой джаударъ», рожь здѣсь впрочемъ сѣется рѣдко и называется также «черною пшеницею» («чаудары бугдай»); овса (по мѣстному «сула») почти вовсе не сѣется, и онъ встрѣчается здѣсь только въ дикомъ видѣ. Его вполнѣ замѣняетъ, какъ кормъ лошади, здѣшняя «арпа» или нашъ ячмень, а какъ пищу человѣка—разные виды проса—«таррыкъ» (обыкновенное просо) и «кунакъ» (птичье просо или боръ). Изъ «кунака» чаще всего дѣлается буза, единственный хмѣльной напитокъ туземцевъ, а также «кужа», обычная путевая пища киргиза и сарта, напоминающая нашу кашу, имя которой, можетъ быть, и состоитъ въ какомъ-нибудь историческомъ родствѣ съ этою «кужою» изъ разваренныхъ въ водѣ просяныхъ зеренъ.

Земля здѣсь настолько плодородна, что урожай пшеницы самъ 20-ть считается очень обыкновеннымъ. На «тапанъ», т.-е. 600 кв. саженъ, или $^{1}/_{4}$ десятины, — высѣвается обыкновенно 2 пуда пшеницы, и собирается до 5-ти «батмановъ» (въ батманѣ 8-мь пудовъ), слѣдовательно, 40 пудовъ. Съ десятины, значитъ, вышло бы 160 пудовъ. Притомъ пшеница требуетъ здѣсь для своей зрѣлости не 11—12 мѣсяцевъ, какъ у насъ, а менѣе 9-ти, сѣютъ ее въ половинѣ сентября, а къ концу мая, и уже не позднѣе начала іюня—она готова, такъ что послѣ нея еще успѣваютъ посѣять и снять въ то же лѣто какое-нибудь быстрорастущее растеніе. Но наши хлѣба вообще здѣсь сѣются далеко не въ такомъ количествѣ, какъ гораздо болѣе выгодный рисъ («шали» по-здѣшнему), хлопокъ или дыни.

Замѣчательно, что сарты зовутъ дыни — «кавунъ», то-есть тѣмъ самымъ именемъ, которымъ наши хохлы зовутъ арбузъ; арбузъ же здѣсь называется «гарбузъ». А хохлы, напротивъ того, подъ словомъ гарбузъ разумѣютъ тыкву. Такъ какъ трудно сомнѣваться, что арбузы, дыни, тыквы перешли къ намъ въ Россію изъ Средней Азіи вмѣстѣ съ татарами, то нужно предполагать, что наши южане, слышавшіе отъ татаръ эти названія, просто напросто перепутали ихъ

Свирѣпая горная рѣка Ак-Бура, сбѣгающая съ утесистыхъ ущелій Ульканъ-Тау, прорѣзаетъ на нашихъ глазахъ, какъ на развернутой громадной ландкартѣ, прямою стрѣлою всю котловину Оша, сначала новый городъ, потомъ старый городъ, потомъ его подгородніе кишлаки и теряется затѣмъ, вся расхватанная и растерзанная на сотни арыковъ, не доходя много верстъ до широкаго русла Кара-Дарьи, куда ей суждено было впадать. Эта рѣка невеличка, коварна и опасна до-нельзя. Глубина ея мѣняется такъ быстро и часто отъ таянья горныхъ снѣговъ, отъ внезапно выпавшаго дождя въ горахъ, что то и дѣло она уноситъ въ своихъ волнахъ человѣческія жертвы. Годъ тому назадъ сынъ мой, будучи здѣсь на работахъ, также едва не погибъ въ Ак-Бурѣ. Онъ возвращался верхомъ съ нѣсколькими джигитами изъ Гульчи, гдѣ производились работы, въ Ошъ. Рѣка, которую онъ переѣхалъ по мосту, отправляясь нѣсколько дней назадъ въ Гульчу, поднялась теперь отъ горныхъ дождей, снесла мосты и клокотала, какъ водопадъ. При первой попыткѣ переправиться вплавь, лошадь моего сына была сбита съ ногъ и залилась, а самого его теченіе понесло внизъ съ такою стремительностью, что джигиты, бросившіеся съ берега одинъ за другимъ наперерѣзъ ему, не могли сначала ни на минуту задержать его, а, схватившись съ нимъ за руки, вмѣстѣ съ нимъ уносились волною, пока наконецъ ихъ не оказалось цѣлыхъ четверо и они успѣли кое-какъ выбиться къ берегу при случайно встрѣтившемся крутомъ колѣнѣ рѣки.

Впрочемъ, не одна Ак-Бура видна намъ отсюда, словно начерченная на картѣ. Вся плетеница тѣсныхъ переулочковъ, вся толкотня базаровъ стараго Оша, всѣ муравейныя кучки его домиковъ, потонувшихъ въ садахъ, раскрываются съ вершины нашего утеса, какъ съ птичьяго полета. Виденъ намъ съ такою же ясностью, хоть сейчасъ на планъ наноси, и новый русскій городъ съ его геометрически разлинеенными и геометрически правильно-пересѣкающимися широкими улицами, стройныя шеренги его высокихъ тополей и сквозящіе черезъ ихъ зелень веселые бѣлые домики. Домъ уѣзднаго начальника выдѣляется уютною дачею въ чащѣ густыхъ садовъ на томъ берегу рѣки, какъ разъ напротивъ новаго города.

Но меня занимаетъ теперь не столько Ошъ, сколько его окрестности. Въ одну сторону отъ него по дорогѣ въ Джеллабадъ мнѣ показываютъ довольно близкій отсюда и довольно высокій холмъ, увѣнчанный обычною мусульманскою муллушкой, или мазаромъ; эта древняя мечеть-гробница носитъ загадочное имя «Іонусъ-мазаръ» — гробница Іоны. Нѣсколько дальше, въ самомъ Джеллабадѣ, дорога въ который, прорѣзающая цѣлый рядъ кишлаковъ, вся отлично видна намъ,—другой, еще болѣе чтимый и тоже очень древній, мазаръ «Хазретъ-Эюбъ»—т. е. святой Іовъ.

Около «Хазретъ-Эюба» знаменитые въ Ферганѣ цѣлебные источники, къ которымъ притекаетъ ежегодно для исцѣленія множество богомольцевъ, тамъ цѣлый мусульманскій монастырь, извѣстный далеко въ Средней Азіи, а недавно устроены купальни и помѣщеніе для нашихъ больныхъ солдатъ, которыхъ присылаютъ туда лѣчиться теплыми минеральными водами. Древнее туземное преданіе говоритъ, что въ этихъ цѣлебныхъ источникахъ библейскій Іовъ обрѣлъ исцѣленіе отъ мучительныхъ язвъ, которыми покрыто было его тѣло, когда онъ безпомощно страдалъ на своемъ гноищѣ. А на холмѣ Іонусъ, по такому же народному преданію древности, былъ выброшенъ изъ чрева китова пророкъ Іона, когда еще море подходило чуть не

подъ самую пяту здѣшнихъ горъ. Немного правѣе «Іонусъ-мазара», въ горахъ около Гульчи, опять загадочный памятникъ древности, и тоже соединенный съ библейскими воспоминаніями. Тамъ стоитъ столбъ въ родѣ долмена изъ плотной глины, прикрытый чернымъ камнемъ въ формѣ котла. Глина вездѣ кругомъ обмылась дождями и вывѣтрилась, и только этотъ тонкій столбъ ея, защищенный и уплотненный сверху каменною плитою, уцѣлѣлъ въ теченіе столѣтій. Туземцы называютъ этотъ столбъ «женою Лота». А вотъ тутъ, у нашихъ ногъ, жилище и тронъ самого библейскаго царя Соломона, миѳическаго основателя города Оша.

Что все это значитъ? какой общій смыслъ можетъ заключаться во всѣхъ этихъ отрывочныхъ, но однородныхъ сказаніяхъ народной фантазіи, такъ странно пріуроченныхъ къ одной и той же мѣстности?

Нѣкоторые предполагаютъ, что тутъ въ древности могли жить евреи, поселенные здѣсь еще до Кира персидскаго, который, какъ извѣстно, возвратилъ евреевъ въ ихъ отечество, и которому, по всей вѣроятности, принадлежали земли теперешней Ферганской области, подъ именемъ какой-нибудь Согдіаны, Базаріи или Ксениппы. Вспоминанія о Ноѣ, Лотѣ, Соломонѣ, Іовѣ и Іонѣ могли въ такомъ случаѣ быть просто остатками еврейскихъ религіозныхъ вѣрованій, случайно уцѣлѣвшими среди позднѣйшихъ наслѣдниковъ ихъ старыхъ владѣній.

Но, кажется, нѣтъ необходимости прибѣгать къ такимъ черезъ-чуръ уже далекимъ гипотезамъ.

Библейскія преданія и библейскія названія мѣстностей Ферганской области гораздо проще можно объяснить себѣ, если вспомнить, что пресловутое «царство попа Ивана», о которомъ въ средніе вѣка было распространено столько баснословныхъ сказаній и которое было небезвѣдомо и нашей древней Руси, по всѣмъ признакамъ, находилось въ мѣстностяхъ теперешней Средней Азіи и было, по всѣмъ вѣроятіямъ, обширною христіанскою общиною Несторіанскаго толка, обнимавшаго собою

многія области, а патріархъ этихъ христіанъ, судившій и рядившій ихъ, повидимому, и слылъ у азіатовъ подъ именемъ «попа Ивана».

По крайней мѣрѣ и исторически и археологически доказано несомнѣнно долговременное пребываніе въ первые вѣка послѣ Рождества Христова въ мѣстностяхъ Самарканда, Мерва и многихъ другихъ—христіанъ-несторіанцевъ, имѣвшихъ своихъ епископовъ и митрополитовъ,—епархіи, церкви и монастыри. Я уже имѣлъ случай при описаніи Мерва упомянуть, что одному митрополиту древняго Меру было подчинено, по персидскимъ источникамъ, 6-ть епископій, и что теперешнія развалины «Гяуръ-Кала» вблизи Байрамъ-Али, вѣроятно, остатки древняго христіанскаго города. Въ окрестностяхъ Самарканда, какъ мнѣ придется разсказать впослѣдствіи при описаніи этого города, тоже уцѣлѣли явные памятники древняго христіанскаго культа и такъ же, какъ въ Ошѣ, запечатлѣнные не столько евангельскими, сколько библейскими воспоминаніями.

А итальянскій путешественникъ XIII вѣка, монахъ Плано-Карпини, въ числѣ странъ Средней Азіи, которыя онъ проѣхалъ, отправляясь съ береговъ Волги въ Китайскую Монголію, къ великому хану, слѣдовательно, по необходимости и Фергану, въ числѣ странъ теперешняго Туркестана или сосѣдняго съ нимъ Китайскаго Туркестана, — называетъ землю *гуировъ* (terram Huyorum), очень напоминающую своимъ именемъ „землю *гяуровъ*“, и при этомъ прямо объясняетъ, что они *„были Христіане Несторіанскаго толку*, коихъ (татары) также побѣдили». Другой европейскій путешественникъ того же времени по странамъ Средней Азіи, Марко Поло, разсказываетъ даже о христіанскихъ монастыряхъ и церквахъ, которые онъ видѣлъ. Такое несомнѣнное свидѣтельство очевидцевъ о пребываніи въ Средней Азіи христіанскаго народа до самаго 13-го вѣка устраняетъ, намъ кажется, всякія иныя объясненія ферганскихъ памятниковъ съ библейскими именами, кромѣ приведенныхъ нами выше. Это обстоятельство дѣлаетъ, съ другой стороны, понятнымъ, по-

чему въ ордахъ Батыя, набранныхъ изъ кочевниковъ Средней Азіи, болѣе половины было христіанъ, какъ мы уже имѣли случай указать при описаніи Мерва.

«Въ Батыевомъ войскѣ считается 600.000 человѣкъ, а именно, 160.000 татаръ и 450.000 христіанъ и другихъ, т.-е., невѣрныхъ», разсказыааетъ въ своей книгѣ Плано-Карпини, лично посѣтившій ставки Батыева войска.

Есть указанія на то, что жена и мать Чингисъ-хана были христіанки, и что даже среди хановъ Хаварезма (Хивы) одинъ ханъ, если не ошибаюсь, Куюкъ-ханъ, былъ христіанинъ и былъ зато погубленъ болѣе сильною партіею мусульманъ. Вообще, судя по персидкимъ источникамъ, въ первое время появленія мусульманства въ Средней Азіи, оно нашло здѣсь чрезвычайно сильно укоренившееся христіанство; борьба съ нимъ мусульманства велась отчаянная, на жизнь и смерть, и въ теченіе долгаго времени составляла главную цѣль вождей ислама. Слѣды этой борьбы гораздо болѣе отразились въ трудахъ персидскихъ и арабскихъ историковъ, чѣмъ въ лѣтописяхъ исторіи европейской, до которой доходили только извѣстія изъ ближайшихъ и болѣе для нея интересныхъ христіанскихъ странъ Азіи—Палестины, Сиріи и Леванта.

Размышляя о всѣхъ этихъ событіяхъ далекой древности, нельзя прежде всего не поразиться изумленіемъ передъ непостижимою силою апостольской проповѣди. Сила эта поистинѣ чудодѣйственная, необъяснимая съ человѣческой точки зрѣнія. Ничтожная горсть бѣдныхъ рыбаковъ съ береговъ какого-то глухого Генисаретскаго озера, неграмотныхъ, нигдѣ не бывавшихъ, съ однимъ посохомъ въ рукѣ, вдругъ расходится, по слову своего Учителя, во всѣ страны міра, заходитъ между прочимъ и въ эти недоступныя предгорія Тянь-Шаня, далеко за безлюдныя пустыни Бактріи и Согдіаны, и тамъ въ сердцахъ свирѣпыхъ хищниковъ и разбойниковъ, опустошавшихъ потомъ съ кровожадностью дикихъ звѣрей цивилизованныя страны,—насаждаютъ кроткое Христово ученіе любви и братства.

Тѣ же безмолвно выразительныя, сановитыя фигуры сѣдобородыхъ шейховъ въ бѣлыхъ и зеленыхъ чалмахъ провожали насъ, почтительно прикладывая къ сердцу морщинистыя руки, тѣ же ряды изуродованныхъ и язвами покрытыхъ нищихъ преслѣдовали насъ своими жалобными причитаньями...

А джигиты уже сидѣли верхами на своихъ лихихъ конькахъ и разгоняли взмахами ногаекъ черезъ-чуръ любопытную толпу, тѣснившуюся у воротъ...

VI.

Подъемъ на Малый Алай.

Ѣхать на Алай, въ гости къ киргизамъ, мы собрались цѣлою пріятельскою компаніей. Въ просторный тарантасъ впряжена была тройка бойкихъ киргизскихъ лошадей и солдатъ вмѣсто возницы. Двѣ наши дамы, жена моя и М. П. С., помѣстились на заднемъ сидѣньи, а мы съ Н. Г. Г—мъ впереди; но я нашелъ, что съ высоты козелъ мнѣ будетъ гораздо удобнѣе и свободнѣе схватывать взглядомъ картины мѣстности и все, что будетъ встрѣчаться намъ въ этой любопытной странѣ, чѣмъ сидя задомъ къ лошадямъ на узенькой лавочкѣ тарантаса; поэтому сейчасъ же, какъ только выѣхали изъ города, я перебрался на козлы и отлично устроился рядомъ съ доморощеннымъ кучеромъ нашимъ.

Мы переправились по новому мосту черезъ зловѣще гудѣвшую Ак-Буру. Пришлось проѣхать насквозь весь туземный городъ, всѣ его базары и «гузары».

При видѣ мундира начальства, солдата на козлахъ и скачущихъ впереди джигитовъ, базарная толпа разомъ преображалась. Все вдругъ смолкало какъ по мановенію волшебнаго жезла. Кто шелъ—тотъ останавливался на мѣстѣ; кто ѣхалъ верхомъ—мгновенно осаживалъ коня и спрыгивалъ съ сѣдла. Сановитые халатники въ величественныхъ тюрбанахъ, важно возсѣдавшіе

на «супàхъ» и коврикахъ чай-хане и ашъ-хане, торопливо покидали свои чашки чаю и недоѣденные куски шашлыка; жирные торговцы, сонливо отпускавшіе товары покупателямъ, бросали свои аршины и куски матерій, и всѣ, соскочивъ на землю, становились въ рядъ, какъ послушныя дѣти передъ строгимъ учителемъ, почтительно привѣтствуя проѣзжавшаго мимо правителя приложенными къ груди руками. Иные усердствовали еще больше и низко кланялись ему, препотѣшно сгибаясь пополамъ въ поясницѣ и въ то же время ничуть не наклоняя головы, а продолжая подобострастно смотрѣть въ глаза начальству, быстро оглаживая рукою лицо и бороду, и прикладывая руку къ сердцу; изъ-подъ ихъ смиренно-лукаваго вида проглядывало, однако, что-то такое злое и хищническое, что вы даже на одну минуту не могли оставаться въ заблужденіи на счетъ истинныхъ чувствъ, одушевлявшихъ этихъ низкопоклонныхъ чалмоносцевъ при видѣ русскаго офицера. Это уже далеко не красавцы-таджики, которыми кишитъ Бухара или Самаркандъ, а подлинныя монгольскія лица, безобразныя до животности, хотя все-таки они сарты, а не киргизы.

Меня и здѣсь, какъ во многихъ другихъ городахъ Средней Азіи, поражало множество женщинъ, укутанныхъ въ свои «паранджи»—длинные темносиніе саваны,—безъ всякаго дѣла толкавшихся по базарамъ и улицамъ. Это даетъ во всякомъ случаѣ довольно своеобразное понятіе о томъ затворничествѣ, въ которомъ будто бы пребываетъ азіатская женщина.

За Ошемъ открывается красивый видъ на Ульканъ-Тау, Алтынъ-Казыкъ и весь Малый Алай, сіяющій среди синяго неба зубчатыми пирамидами своихъ снѣговыхъ вершинъ.

Мы все поднимаемся легкимъ изволокомъ въ гору; воздухъ дѣлается замѣтно свѣжѣе и не томитъ насъ своимъ раскаленнымъ дыханіемъ. Зеленые холмы волнуются кругомъ, кое-гдѣ вспаханные подъ «богару», то-есть яровые посѣвы, не орошаемые арыками, увлажаемые единственно весеннимъ дождемъ. Дальше прекращается и богара, стелются одни травянистыя

пастбища. Попадаются кое-гдѣ кишлачки и зимовники киргизовъ. Царство сартовъ тутъ уже кончается. Зимовникъ—это обыкновенно опустѣвшій загонъ, обнесенный полуразрушенными глиняными дувалами, съ чуть замѣтною плоскокрышею мазанкою въ углу изъ той же глины. Два-три чахлыхъ деревца, пріютившихся гдѣ-нибудь у ограды, служатъ не столько убѣжищемъ отъ солнца, сколько сигнальнымъ знакомъ своего рода, издали замѣтнымъ путнику.

Внутри этого загона и кругомъ его стѣнъ скучиваются обыкновенно на зиму кибитки киргизовъ, чтобы хотя немного защитить себя и скотъ отъ насквозь пронизывающихъ зимнихъ бурь.

Чѣмъ выше поднимаемся мы, тѣмъ больше начинаютъ заслонять отъ насъ снѣговую цѣпь сухіе каменистые гребни, покрытые теперь яркою травою только по случаю недавнихъ весеннихъ дождей. Они выростаютъ незамѣтно справа и слѣва двумя сплошными стѣнами и наконецъ образуютъ собою широкую долину рѣки Талдыка, вверхъ по которой намъ приходится ѣхать порядочное число верстъ. Талдыкъ—типичная горная рѣка. Она растекается по своему руслу множествомъ змѣею вьющихся быстрыхъ протоковъ, которые едва набираютъ силъ пробираться сквозь сплошное ложе крупной гальки, покрывающей все дно долины.

Кибитки начинаются сейчасъ же за послѣдними кишлаками. Онѣ чернѣютъ своими одиноко разбросанными муравьиными кучками въ зеленыхъ складкахъ и пазухахъ горъ, и у самаго подножья ихъ, и высоко наверху. Все чаще и чаще появляется въ пейзажѣ верблюдъ, все звонче и радостнѣе поютъ горные ручьи, выбѣгающіе изъ тѣсныхъ боковыхъ ущелій въ широкое русло Талдыка. На встрѣчу намъ то и дѣло двигаются своеобразные караваны. Теперь 2-е мая, конецъ здѣшней весны, начало горнаго лѣта. Кочевники, какъ перелетныя птицы изъ южныхъ странъ въ сѣверныя, сбиваются теперь въ стаи и тянутъ общею тягою съ равнинъ предгорій на заоблачныя Альпы Алая, Заалая и Памира.

«Памиръ» собственно и есть туземное названіе высокихъ альпійскихъ равнинъ; слово это нарицательное, примѣняемое ко всякому заоблачному плоскогорію, и если подъ именемъ Памира европейскіе географы знаютъ только опредѣленную страну къ югу отъ нашей Ферганы и къ западу отъ Кашгара, то въ глазахъ кара-киргизовъ Алая или сартовъ Оша «памиры», хотя и не такіе громадные и величественные, какъ пресловутая «крыша міра», одинаково существуютъ и на Алайскомъ, и на Заалайскомъ, и на Ферганскомъ хребтѣ.

Переселяются киргизы цѣлыми родами, потому что и здѣсь внизу, и тамъ на Альпахъ, земля принадлежитъ родамъ, а не отдѣльнымъ семьямъ, да и отстоять свои права на эти никѣмъ не защищаемыя и никакими межами не отграниченныя пастбища отъ захвата другихъ кочевниковъ подъ силу только всему роду. Съ глубокимъ интересомъ смотрѣлъ я на эти картины изъ жизни первобытнаго человѣчества, которыя были вѣковѣчною стариною еще во времена первыхъ библейскихъ патріарховъ; вереницы верблюдовъ, нагруженныхъ коврами, войлоками, барданками, гнутыми деревянными остовами кибитокъ, полосатыми мѣшками, набитыми платьемъ и всякою рухлядью, безхитростною посудою и утварью несложнаго кочевого хозяйства,—шли, мѣрно шагая и глубоко увязая въ наносахъ хряща, одинъ за другимъ, вытянувъ шеи, какъ журавли на полетѣ.

Пестро разодѣтыя киргизки въ своихъ высокихъ и яркихъ головныхъ уборахъ, въ полосатыхъ канаусовыхъ халатахъ, возсѣдали, окруженныя такими же пестроодѣтыми дѣтишками, на горбахъ самыхъ сытыхъ верблюдовъ, по-праздничному разукрашенныхъ разноцвѣтными коврами, махрами, уздами...

Киргизки здѣсь вообще одѣваются очень щеголевато. На головѣ у нихъ затѣйливые тюрбаны, высокіе, какъ башня, съ концами, висящими назадъ; у молодыхъ они еще обшиты бахромой, расшиты золотомъ, украшены монетами.

Волоса заплетаются въ мелкія косы, и каждая коса охвачена на концѣ довольно изящною и не дешево стоющею трубочкою.

Особенно поразила меня роскошью своихъ шелковыхъ одеждъ одна молодая и красивая киргизка, передъ которою поперегъ горба была увязана ярко расписанная, выточенная изъ дерева колыбелька. Повидимому, эта совсѣмъ еще юная мать бережно везла въ ней своего недавно рожденнаго первенца.

На верблюдахъ были только женщины, дѣти и домашняя утварь; на иныхъ даже прямо виднѣлись привязанные къ горбу неразобранныя круглыя верхушки кибитокъ и верхніе обручи ихъ, называемые «чангаракъ». Всѣ же мужчины, молодые и стыре, ѣхали на коняхъ впереди и сзади каравана, съ «канчами» (ногайками) въ рукахъ, а нѣкоторые вооруженные «союлами» (дубинами), гоня передъ собою стада овецъ, коровъ и молодыхъ верблюжатъ, и готовые при малѣйшей опасности броситься на защиту своего добра или въ догонку за дерзкимъ грабителемъ.

Бродячіе рыцари пустыни всячески стараются воспользоваться суетою и безпорядкомъ, неразлучными съ многодневною перекочевкою въ дальнія пастбища цѣлыхъ становищъ съ ихъ стадами и рухлядью, поэтому ночные грабежи и воровства случаются въ это время очень часто, и киргизамъ-охранителямъ карановъ, а особенно верблюдовожатымъ—«лаучамъ»—необходимо быть всегда на-сторожѣ, имѣть, что называется, ушки на макушкѣ. Не даромъ выработался и характерный крикъ, которымъ здѣсь перекликаются ночные караульщики: «карабъ-утырь!» то-есть: «сиди и гляди!»

Попадались намъ киргизы и верхомъ на коровахъ. Признаюсь, я въ первый разъ въ своей жизни видѣлъ такихъ оригинальныхъ всадниковъ и смотрѣлъ на нихъ съ особеннымъ любопытствомъ. Ѣзда на коровахъ представляется однако здѣшнымъ жителямъ нисколько не странною; вездѣ въ степи киргизы и калмыки употребляютъ коровъ подъ верхъ и даже изобрѣли для нихъ особенныя сѣдла.

Замѣчательно, что и въ древности монгольскія племена имѣли обычай ѣздить верхомъ на коровахъ. Плано-Карпини въ своей

извѣстной книгѣ «Libellus historicus» говоритъ про татаръ 13 вѣка, что они сидѣли «*на лошади или на быкѣ*». Потомъ уже я пересталъ удивляться этому обычаю кочевниковъ, особенно послѣ того, какъ побывалъ на Маломъ Алаѣ, гдѣ можно встрѣтить всадника даже верхомъ на якѣ, самомъ удобномъ животномъ для путешествія по горамъ.

Глядя на встрѣчавшійся намъ народъ, на всѣ эти коричнево-смуглыя скулистыя образины, съ раскосыми глазами, съ широкими приплюснутыми носами, суровыя, густо обросшія черным волосомъ, поймешь, почему ихъ называютъ «черными киргизами» («кара-киргизъ»). Страннымъ образомъ среди нихъ то и дѣло попадаются ожирѣвшіе толстяки, хотя, казалось бы, непрерывная кочевка, постоянная жизнь на сѣдлѣ или на горбу верблюда не должны бы были располагать человѣка къ ожирѣнію.

Должно быть, слухъ о проѣздѣ уѣзднаго начальства уже разнесся гдѣ слѣдуетъ, потому что въ разныхъ мѣстахъ намъ попадались кучки киргизовъ съ чекменями въ рукахъ, торопливо испрявлявшіе дорогу. Въ одной лощинкѣ стояла изрядная грязь, и мѣстный «аминъ» или волостной старшина, человѣкъ повелительнаго вида, въ бѣлой чалмѣ и красивомъ халатѣ, хлопоталъ закидать эту грязь сухою землею, распоряжаясь довольно многолюдною толпою «мардекеровъ» (копачей). Однако, онъ, по всей вѣроятности, опоздалъ своимъ усердіемъ, потому что тарантасъ нашъ, нырнувъ передкомъ въ грязь, сразу загрузъ въ ней; лошади стали, несмотря на крики и удары кнута.

Въ одно мгновенье Г—ій выпрыгнулъ изъ тарантаса и бросился къ амину. Не успѣлъ я оглянуться, какъ бѣлая чалма злополучнаго амина закачалась во всѣ стороны, а Г—ій, не говоря ни слова, возвратился и сѣлъ на свое мѣсто, будто ни въ чемъ не бывало.

Толпа мусульманъ въ страхѣ глядѣла, разинувъ ротъ, на эту импровизованную расправу русскаго начальства съ ихъ величесвеннымъ аминомъ.

Повидимому, и они, и самъ аминъ находили все это совершенно въ порядкѣ вещей. Вѣроятно, безъ такого рода быстрыхъ и рѣшительныхъ взысканій, приноровленныхъ къ грубымъ понятіямъ населенія, трудно поддержать порядокъ въ этомъ дикомъ краѣ. Но тѣмъ не менѣе мы были озадачены этою неожиданною выходкою нашего всегда сдержаннаго спутника.

Зато при возвращеніи нашемъ обратно изъ Гульчи мы уже не застали здѣсь ни малѣйшаго слѣда грязи, и тарантасъ нашъ переѣхалъ эту злополучную лощинку, какъ по шоссе. Нельзя во всякомъ случаѣ не признать, что письменные выговоры или жалкія слова врядъ ли достигали бы какихъ-нибудь практическихъ результатовъ среди дикарей, привыкшихъ къ невообразимо-жестокимъ расправамъ былого ханскаго управленія.

— —

Въ Ак-Джарѣ (по-русски «Бѣлый оврагъ») разбросанная группа деревьевъ образовала маленькую рощицу. Тутъ тоже шли работы. Чистили старый «хаузъ» или прудокъ, который служилъ водопоемъ верблюдамъ и лошадямъ; рабочіе отдыхали послѣ обѣда, лежа на кошмахъ въ тѣни деревьевъ. Съ ними былъ самъ «минъ-баши», важная особа своего рода, соотвѣтствующая по власти кавказскому наибу. И минъ-баши, и всѣ люди его вскочили на ноги при нашемъ приближеніи. Они, очевидно, тоже знали о пріѣздѣ начальства и ожидали его. Минъ-баши оказался толстякомъ въ очкахъ, въ богатой чалмѣ и халатѣ. Онъ раболѣпно поймалъ двумя своими огромными лапами протянутую ему руку русскаго начальника и чуть не поцѣловалъ ее. Къ нашему отряду присоединился теперь минъ-баши съ своимъ джигитомъ, и всѣхъ насъ набралось теперь больше десяти человѣкъ.

Мы всѣ были утомлены и нетерпѣливо дожидались роздыха. Къ нашему благополучію, онъ былъ уже не далеко.

Мазаръ въ Ленгарѣ живописно бѣлѣется среди окружающихъ его камней на фонѣ зеленыхъ горъ. Шесты, обвѣшанные конскими хвостами на мѣдныхъ яблокахъ и разноцвѣтными

тряпками, торчатъ передъ его скромнымъ глинянымъ купольчикомъ, будто водруженныя копья воинствующаго ислама,— далеко видные съ дороги.

Здѣсь погребенъ дѣйствительно воинъ ислама, память котораго очень почитается мѣстными жителями, хотя и не особенно пріятна нашему брату русскому. Герой этого памяника ранилъ нашего Куропаткина, теперешняго генералъ-губернатора Закаспійской области, во время его посольства въ Кашгаръ, и былъ убитъ на этомъ самомъ мѣстѣ роднымъ братомъ Куропаткина.

Мазаръ этого воина-фанатика какъ разъ надъ водою у горнаго ключа. Оттого-то онъ сталъ обычнымъ мѣстомъ роздыха для каравановъ, тѣмъ болѣе, что онъ приблизительно на половинѣ дороги изъ Оша въ Гульчу. Кругомъ его поднимаются по скатамъ горъ привольныя зеленыя пастбища. Вонъ и теперь цѣлый караванъ навьюченныхъ верблюдовъ отдыхаетъ около всѣми чтимаго мазара; такъ и хочется схватить карандашъ и набросить въ альбомъ эту характерную азіатскую сцену со всѣми ея живописными подробностями.

Русскіе тоже воспользовались Ленгаромъ, какъ удобнѣйшимъ перепутьемъ. Практическій взглядъ Скобелева сразу рѣшилъ, что тутъ должна быть русская военная станція для сообщенія Оша съ крѣпостью Гульчи. Скобелевъ приказалъ построить тутъ домъ для остановки и ночлеговъ, и поселилъ тутъ маленькій караулъ.

Въ первой просторной, хотя и полутемной, комнатѣ—кухня и помѣщеніе для джигитовъ и простыхъ солдатъ. Другая комната съ каминомъ и двумя широкими «супáми», укрытыми коврами,—для ночлега проѣзжихъ офицеровъ. Насъ очень позабавила курьезная надпись, которую мы прочитали на стѣнѣ этой комнаты:

«Ищу титулярную совѣтницу Вильгельмину Михайлову, кто въ Бога вѣруетъ и знаетъ, гдѣ она существуетъ, прошу увѣдомить въ Гульчу, въ интендантскій магазинъ Михайлова».

Это слегка рехнувшійся, несчастный чиновникъ военнаго вѣдомства, отъ котораго бѣжала жена, — безплодно вздыхаетъ о помощи къ рѣдкимъ проѣзжимъ, случайно заглядывающимъ въ Ленгаръ.

Съ дѣтскимъ аппетитомъ и дѣтскимъ искреннимъ удовольствіемъ поѣли мы горячаго плова, который намъ живо приготовили бывшіе съ нами туземцы. Въ этомъ мелко изрубленномъ душистомъ и сочномъ мясѣ горнаго баранчика, пропитывающемъ своими соками разваренный рисъ, — нѣтъ ничего общаго съ тѣмъ «пилавомъ», который мастерятъ наши русскіе повара.

Въ Ленгарѣ уже необходимо бросить экипажъ и «всѣсть на борзыхъ коней», потому что сейчасъ за Ленгаромъ начинаются настоящія горы,—отроги малаго Алая. Подъемъ дѣлается рѣзко крутъ, со всѣхъ сторонъ открываются прекрасные виды. Особенно поразительное впечатлѣніе производитъ перевалъ «Токà» (по-русски «подкова»). Только-что привычные кони наши успѣли вскарабкаться на вершину высокой конусообразной горы, выстланной, будто зеленымъ бархатомъ, молодою травою, какъ по ту сторону горы распахнулось подъ самыми ногами нашими необхватное провалье; титаническими ступенями сходятъ въ эту глубокую котловину, населенную внизу холмами, лѣсами и скалами,—зеленые скаты окружающихъ горъ. Тамъ, далеко внизу, копошится въ складкахъ холмовъ цѣлый аулъ кибитокъ. Вонъ какая-то ярко-красная комашка, не больше тровяной тли, карабкается тамъ чуть не по отвѣсному обрыву скалы. Вы съ трудомъ вѣрите, что это киргизка въ своемъ кумачевомъ халатѣ лѣзетъ съ кувшиномъ за водою къ горному ключу.

На заднемъ фонѣ этой громадной пропасти, выдвигается, будто эффектная декорація театра, изъ затуманенной далью глубины, гигантская голая стѣна съ красными потеками, изъ-за него тяжкая лохматая масса лѣсами покрытой горы. Ребра ея тоже въ кроваво-красныхъ пятнахъ и потекахъ, словно она только-что съ тяжкими усиліями прорвалась наверхъ сквозь

жосткія толщи земныя и ободрала себѣ до крови, оголила до костей свое могучее каменное тѣло.

Эти богатыя жилы ярко-красной желѣзной руды, не уступающія по прелести цвѣта никакой муміи, умбрѣ или сіенской глинѣ,—конечно, никѣмъ здѣсь не разрабатываются, да и врядъ ли обращаютъ на себя чье-нибудь вниманіе, а между тѣмъ онѣ встрѣчаются далеко не въ одномъ мѣстѣ Ферганской области.

Спускъ по карнизамъ горы, все время надъ бездною провалья, повернулъ наконецъ вправо и привелъ насъ къ единственному выходу изъ гигантскаго амфитеатра, которымъ мы только-что любовались. Не скажу, чтобы мы взглянули на этотъ оригинальный выходъ съ особенно довѣрчивымъ чувствомъ. Даже и при моей привычкѣ къ горнымъ странствованіямъ дѣлалось нѣсколько жутко, когда пришлось спускаться по узкой осыпи камней, сдавленной между двумя стѣнами скалъ, подъ угломъ 45 градусовъ. Никакого слѣда тропы, потому что мелкіе камни ползутъ и сыпятся, какъ горохъ по крутому откосу. Вся глубина пропасти, въ которую вы лѣзете, все время передъ вашими глазами, прямо подъ ногаии вашими, и нужно обладать нервами киргиза, чтобы хладнокровно смотрѣть въ эту головокружительную глубину. Въ довершеніе удовольствія и для вящаго успокоенія вашего, лошадь ваша то и дѣло скользитъ внизъ вмѣстѣ съ обсыпающимися камнями, на всѣхъ своихъ четырехъ гладкихъ подковахъ безъ шиповъ. Тогда вамъ невольно представляется, что вы скатываетесь на салазкахъ съ какой-то непомѣрно крутой ледяной горки.

Единственная возможность и лошади, и всаднику не полетѣть внизъ—это пересѣкать постоянными зигзагами крутизну откоса. Мы всѣ тщательно продѣлываемъ это, стараясь ступать въ слѣдки передовыхъ лошадей. Молодецъ Г—ій, не обращая ни малѣйшаго вниманія на крутизну, удираетъ себѣ впередъ во главѣ отряда на своемъ лихомъ конькѣ. Ему слишкомъ часто приходится спускаться и подниматься по такимъ осыпямъ, чтобы онъ еще давалъ себѣ трудъ замѣчать ихъ.

Характерны и стѣны этого спуска: голыя округленныя скалы, неразличимо похожія другъ на друга, откачнулись отъ насъ въ обѣ стороны, словно поваленныя другъ на друга башни какой-нибудь титанической крѣпости. Но вотъ кончился этотъ жуткій откосъ, и передъ нами новая панорама, уже въ другомъ вкусѣ: опять масса горъ, нагроможденныхъ другъ на друга, краснаго и блѣдно-тѣлеснаго мрамора, а на плоскихъ макушкахъ ихъ, сосѣднихъ съ облаками, ярко-зеленыя, какъ малахитъ, пастбища. Причудливые переливы этихъ оригинальныхъ красокъ сочетаются между собою въ удивительной гармоніи. Бѣдныя киргизскія зимовки виднѣются на далекихъ вершинахъ горъ, поднятыхъ рѣзкими углами, тяжкими пирамидами и гигантскими зелеными скатами прямо въ синія небеса. Въ ущельяхъ, сквозящихъ синеватымъ туманомъ, чернѣютъ кибитки. Разноцвѣтныя букашки, бѣлыя, рыжія, желтыя и черныя, ползаютъ тамъ и сямъ на недоступныхъ обрывахъ. Это пасутся лошади кочевниковъ. Бѣлесоватыми лишаями выдѣляются на гигантскихъ неохватныхъ горныхъ пастбищахъ разсѣянныя вездѣ стада овецъ. А у ногъ этихъ мраморныхъ и малахитовыхъ громадъ, окруженное ими со всѣхъ сторонъ, какъ грозною стражей, сіяетъ своею спокойною лазурью круглое блюдо озера Капланъ-Куль. И надъ нимъ тоже одинокій мазаръ съ своимъ неизмѣннымъ глинянымъ купольчикомъ, съ шестами, хвостами, тряпками и бараньими рогами...

Живописная кучка киргизовъ въ характерныхъ остроконечныхъ колпакахъ толпится у мулушки, на берегу этого яснаго озера.

— Селямъ-Алекюмъ! привѣтствуетъ ихъ провожавшій насъ аминъ, подъѣзжая къ нимъ вплотную конемъ и подавая руку каждому изъ нихъ.

Киргизы, подобострастно согнувшусь, бѣгутъ навстрѣчу амину и обѣими руками ловятъ его руку.

— Алекюмъ-селямъ! бормочатъ они, проворно поводя рукою по лицу и бородѣ, и очевидно распрашивая его на своемъ непонятномъ для насъ языкѣ о русской кавалькадѣ.

Это туземные жители изъ сосѣднихъ кибитокъ. Кибитки тутъ раскинуты рѣшительно вездѣ, какъ грибы послѣ дождя. Горные скаты и ущелья еще покрыты здѣсь сочною обильною травою, и нѣтъ пока надобности подниматься выше съ своими стадами. У кибитокъ вездѣ народъ, вездѣ ярко вырѣзаются на зеленомъ фонѣ травы—красныя, какъ сюргучъ, киргизки. И лошади тутъ тоже вездѣ, голова кружится смотрѣть на тѣ заоблачныя кручи гдѣ они безпечно пасутся, придвигаясь къ самымъ краямъ обрывовъ, а между тѣмъ киргизскіе всадники дерутся къ нимъ прямо по этимъ кручамъ, съ такимъ же хладнокровіемъ, какъ мы ѣздимъ по ровному полю. По истинѣ пауки, а не люди, пауки, а не лошади—въ этихъ горныхъ трущобахъ.

Долина Гульчи показывается только послѣ втораго перевала. Спускъ съ этого перевала хотя и нисколько не опасенъ, но зато утомителенъ дó-нельзя. Онъ тянется нѣсколько верстъ, постоянно обманывая глазъ перспективою долины, чтó стелется у нашихъ ногъ,—кажется, рукой подать, — но до нея ѣхать нужно еще много часовъ. Лошади утомились и идутъ уже не прежнею твердою и бодрой походкой, а то и дѣло сбиваются съ шага и спотыкаются. Утомились порядкомъ и мы сами. Хотя до крѣпости Гульчи считаютъ отъ Оша верстъ 70, но, судя по времени, которое беретъ этотъ путь, въ этихъ никѣмъ не мѣренныхъ 70 верстахъ наберется, пожалуй, и всѣ 90. Не считая ѣзды въ тарантасѣ до Ленгара по камнямъ и хрящу, тоже не особенно покойной,—только отъ Ленгара до Гульчи приходится сдѣлать верхомъ около 36 или 40 верстъ, по мѣстному счету, а по настоящему—и добрыхъ 50.

Впрочемъ, туземцы-киргизы верстъ не знаютъ и на версты не считаютъ. Вмѣсто версты у нихъ—«чакрымъ», разстояніе на которомъ слышенъ человѣческій голосъ, чтó для нихъ въ пустынѣ бываетъ гораздо важнѣе счета саженъ.

Только одинъ изъ всѣхъ насъ Г—ій, закаленный въ горныхъ походахъ, продолжаетъ попрежнему бойко подвигаться впередъ во главѣ нашего отряда, мягко покачиваясь на своемъ

покойномъ и сильномъ иноходцѣ. Его примѣръ ободряетъ насъ, и мы чаще постегиваемъ ногайками своихъ отстающихъ коньковъ. О киргизахъ я, конечно, не говорю. Киргизъ не знаетъ никакой устали и не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія на то, сколько часовъ или дней ему приходится сидѣть на сѣдлѣ. Онъ на немъ и спитъ, и ѣстъ такъ же спокойно, какъ у себя въ кибиткѣ.

Спускъ къ Гульчѣ все время вьется по карнизамъ горъ, окружающихъ долину. Рѣка Гульча давно уже видна намъ съ высоты во всѣхъ своихъ капризныхъ извивахъ. Къ заходу солнца погода рѣзко перемѣнилась, и вмѣсто знойнаго дня надвинулись дождливыя сумерки. Уже не разъ дождь прорывался на насъ легкою дробью изъ лохмотьевъ сѣрыхъ тучъ, плававшихъ надъ нами. Нужно было спѣшить переправиться черезъ рѣку, безъ того очень бурливую и опасную, раньше, чѣмъ она вздуется отъ дождя и наступитъ ночь. А между тѣмъ передъ нами раскрывался такой широкій и могучій пейзажъ, что хотѣлось до-сыта налюбоваться имъ съ своего горнаго карниза.

Цѣлое населеніе горъ-исполиновъ толпилось напротивъ насъ, за длинною и узкою долиною Гульчи, которой рѣзкіе свинцовые зигзаги блистали въ этомъ туманномъ полусвѣтѣ дождливаго заката, среди влажныхъ зеленыхъ низинъ, какъ жосткія полосы стали. За зелено-красными горами перваго плана высились лилово-зеленыя, за ними глубоко-синія и густо-лиловыя, еще дальше туманно-сѣрыя, и наконецъ изъ-за плечъ всѣхъ этихъ громадъ, завязнувъ головами въ лохматыхъ сѣрыхъ тучахъ, приподнимались далекіе снѣговые великаны Большого Алая. Они такъ тѣсно сливались своими туманами и снѣгами съ туманами неба, что бѣлые потоки ихъ ледниковъ, казалось, текли прямо изъ облаковъ, какъ струи молока изъ переполненныхъ сосцовъ матери.

VII.

Въ кочевьяхъ Чөрныхъ Киргизовъ.

За три версты до Гульчи встрѣтилъ насъ верхомъ толстый и важный Мухамедъ-бекъ, сынъ знаменитой въ этихъ мѣстахъ киргизской ханши, или по здѣшнему «датхи», которую каракиргизы Алая считаютъ своего рода вождемъ всего ихъ кочевого племени.

«Датха» эта была почти независимою владѣтельницею во времена кокандскихъ хановъ, и хотя мужъ ея получилъ свое званіе бека отъ Худояръ-хана, но эта ханская инвеститура была скорѣе условіемъ приличія, чѣмъ дѣйствительнымъ правомъ хана, такъ какъ алайскіе киргизы высоко чтили родовитую «бѣлую кость» своихъ бековъ и безпрекословно шли за ними, куда они ихъ вели, даже безъ освященія ихъ правъ ханскою властью. Все кокандское ханство уже покорилось русскому воинству, всѣ кокандскіе города и крѣпости давно были взяты, когда смѣлая «датха» съ своими удалыми сыновьями подняла свои горныя кочевья противъ русской арміи. Она отчаянно билась съ Скобелевымъ на недоступныхъ кручахъ Малаго Алая, и недалеко отъ Гульчи произошла рѣшительная битва при Ягни-курганѣ, въ которой были окончательно сокрушены шайки киргизской воительницы. Сыновья «датхи» бѣжали въ Кашгаръ, и она покорилась необоримой силѣ. Русскіе отнеслись къ храброй киргизкѣ съ подобающимъ уваженіемъ, не тронули ея богатствъ и позволили вернуться въ Россію всѣмъ ея сыновьямъ. Только старшій сынъ ея, Абдула-бекъ, наслѣдникъ родовыхъ правъ своего отца, не захотѣлъ вернуться и умеръ въ изгнаніи. Теперь сыновья «датхи» волостными правителями въ разныхъ сосѣднихъ мѣстностяхъ, и «датха» продолжаетъ оказывать на кочевниковъ прежнее вліяніе.

Курносый Мухамедъ-бекъ, красный и сіяющій отъ сала, будто самоваръ сбитенщика, съ медалью волостного старшины на шеѣ, присоединился къ намъ вмѣстѣ съ пятью своими джигитами, такъ что изъ насъ составился цѣлый отрядъ въ 16-ть человѣкъ. Мухамедъ привезъ съ собою и крытую арбу,—такъ называемую «кокане», высочайшія колеса которой, кажется, могутъ переѣхать по-суху всякую рѣку. Это было совершенно необходимо, потому что нужно было нѣсколько разъ переѣхать капризно змѣившееся русло Гульчи, чтобы добраться до кочевья «датхи». А дожди и таявшіе снѣга обратили теперь Гульчу въ очень опасную, шумную и широкую рѣку, которая съ явною угрозою крутилась своими водоворотами среди нанесенныхъ ею же мелкихъ камней и болотистыхъ луговъ.

Кавалькада наша живописно растянулась по долинѣ, торопясь до вечера совершить далеко не легкую переправу. Киргизы, пригнувшись къ сѣдлу, обгоняли насъ отчаянной скачкой, чтобы успѣть до нашего прибытія нащупать бродъ помельче и потверже. Вотъ наконецъ насъ пересаживаютъ въ арбу, убранную коврами; уродина-киргизъ съ засученными до колѣнъ, какъ солонина красными ногами, равнодушный и спокойный, будто дѣто вовсе его не касается, сидитъ верхомъ на здоровой, видавшей виды лошади, уставивъ на оглобли свои босыя ноги. Строго говоря, арба и есть эти двѣ широко раздвинутыя оглобли, придѣланныя къ оси двухъ громадныхъ колесищъ съ набитыми на заднихъ концахъ оглобель дощечками для сидѣнья. Въ лучшихъ случаяхъ вмѣсто дощечекъ прибитъ къ оглоблямъ цѣлый ящикъ, прикрытый отъ солнца круглымъ войлочнымъ навѣсомъ. Назадъ и впередъ вы можете падать сколько угодно, потому что арба прикрыта кибиткою только съ боковъ; поэтому при спускѣ внизъ вы невольно ползете на хвостъ лошади, а при подъемѣ въ гору то и дѣло катитесь назадъ. Но самое ужасное въ этомъ по истинѣ азіатскомъ экипажѣ—это то, что каждый случайный камень дороги, каждый неловкій шагъ лошади въ ту же минуту отзывается и на вашихъ несчастныхъ

ребрахъ. Арба поминутно рывомъ рветъ ваши мускулы и какъ въ ступѣ толчетъ всѣ ваши суставчики.

Г—ій остался однако на сѣдлѣ, надѣясь на своего лихого конька и на свои высокіе охотничьи сапоги.

Съ шумомъ и брызгами въѣхали мы въ бурныя волны Гульчи и осторожно потянулись по брюхо въ водѣ вслѣдъ за передовыми джигитами, сновавшими туда и сюда, чтобы выбрать для насъ болѣе безопасную дорогу.

Здѣсь присоединился къ намъ еще и другой сынъ «датхи», Хасанъ-бекъ, такой же здоровенный и закаленный толстякъ, какъ и его братъ Махмудъ. Мы то переѣзжали поперегъ безчисленные рукава Гульчи, выбираясь изъ нихъ на отмели, шуршавшія подъ колесами арбы своими сухими голышами, то двигались вдоль по рѣчкѣ на встрѣчу ея бѣшеному теченію, пока не приходилось поворачивать куда-нибудь на берегъ. Мѣстами арба уходила такъ глубоко въ рѣку, что сквозь плохо сбитыя дощечки ея сидѣнья плескала къ намъ вода.

Возница нашъ почти все время былъ по колѣна въ водѣ, и если бы не опытная лошадь, давно привыкшая къ такимъ мытарствамъ, наша арба не разъ бы могла перевернуться на бокъ среди теченія и подъ неистовымъ напоромъ горной рѣчки, и отъ огромныхъ камней на днѣ ея, на которыя то и дѣло натыкались колеса.

Волненіе, охватившее мою спутницу во время этого томительнаго плаванья на колесахъ, этого долгаго и медленнаго перепалзыванія съ одного невиднаго глазу камня на другой, усиливалось еще быстро надвигавшеюся темнотою вечера. Тучи не расходились, а сгущались все больше надъ нами, совсѣмъ уже закутавъ своими сѣрыми хлопьями окрестныя горы и обративъ волшебнымъ образомъ живописную картину горныхъ далей, которою мы недавно любовались, въ самый прозаическій и унылый осенній пейзажъ какой-нибудь безотрадной Новгородской губерніи. Дождь то чуть накрапывалъ, то поливалъ насъ будто сквозь мелкое сито и не прибавлялъ, конечно, намъ

особеннаго веселья. Могло легко случиться, что мы не успѣемъ засвѣтло выбраться изъ этой коварной рѣчки, опутавшей насъ со всѣхъ сторонъ своими змѣинными петлями и не дававшей намъ никуда выхода. А ѣхать по ней въ темнотѣ—это вѣрнѣе вѣрнаго—опрокидываться на каждомъ шагу.

Но, слава Богу, мы выбрались благополучно на берегъ, пока еще брезжилъ кое-какъ свѣтъ сумерекъ.

Арба остановилась среди цѣлаго становища кибитокъ, разбитыхъ на самомъ берегу Гульчи, въ уютной пазухѣ слегка отодвинувшихся горъ.

Это былъ аулъ «датхи».

Насъ тутъ ждали, и для насъ были разбиты парадные шатры.

Бѣлая войлочная кибитка, расшитая красными узорами и обвязанная красными тесьмами и убранная внутри коврами была поставлена недалеко отъ другого бѣлаго шатра самой «датхи» для ночлега нашихъ дамъ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея приготовленъ былъ просторный шатеръ для столовой, а еще дальше наша кибитка—спальня.

Входъ въ столовую былъ широко раздвинутъ на обѣ стороны на подобіе ширмъ, такъ что снаружи можно было хорошо видѣть все, что дѣлалось въ шатрѣ. Полотняная наружная покрышка его была подбита всякими яркими и пестрыми матеріями, одрясомъ и ситцемъ, съ нашитыми на нихъ фигурами другихъ цвѣтовъ. Столъ накрытъ былъ по-русски скатертью и вокругъ стола стояли стулья. На огромномъ подносѣ ждалъ насъ обильный дастарханъ,—фисташки, миндаль, изюмъ, урюкъ, разныя слоеныя пирожныя въ родѣ нашего стариннаго хворостика, лепешечки и всякія мелкія сдобныя печенья, колечки изъ леденца,—и вдобавокъ ко всему чай и сахаръ, которыми мы почти исключительно и занялись.

Послѣ дастархана появился такой же сытный ужинъ: отлич-

-ный пловъ съ разными душистыми снадобьями, кавардакъ (мелко рѣзанная жареная баранина съ саломъ) и бараньи кишки, начиненные чѣмъ-то вкуснымъ.

Киргизы все время почтительно оставались на дворѣ, слѣдя издали за странными для нихъ обычаями русскихъ, и даже Мухамедъ-бекъ съ братомъ не смѣли входить въ шатеръ, гдѣ возсѣдало за трапезою ихъ начальство; прислуживали намъ наши джигиты, которымъ киргизы передавали блюда.

Послѣ ужина нашихъ дамъ пригласили къ «датхѣ». Въ бѣлой кибиткѣ ея, заставленной сундуками, заваленной матрацами и подушками, былъ приготовленъ такой же дастарханъ. Сама «датха» бесѣдовала съ ними черезъ джигита-переводчика, сидя на полу, на коврѣ между двухъ большихъ мѣдныхъ подсвѣчниковъ съ сальными свѣчками. Низенькіе поддонники этихъ подсвѣчниковъ—величиною въ доброе блюдо. Намъ тоже принесли потомъ въ спальню такіе оригинальные подсвѣчники.

Киргизскіе беки, очевидно, хотѣли поразить насъ своею цивилизаціей. Въ кибиткѣ нашей оказались кровати, постланныя совсѣмъ такъ, какъ стелютъ у насъ, съ матрацами и канаусовыми одѣялами. Это было нѣсколько огорчительно для фантазіи художника, мечтавшаго, что онъ заѣхалъ на самый край свѣта, Богъ знаетъ въ какую дикую дичь, но зато очень отрадно для разбитыхъ косточекъ бѣднаго путешественника.

Я подробно осмотрѣлъ искусное устройство киргизской кибитки. Снаружи она вся плотно укрыта войлоками, увязанными тесьмою, подъ войлоками идутъ такимъ же сплошнымъ кольцомъ кругомъ всѣхъ стѣнъ сплетенныя изъ тростника барданки, а подъ барданками цѣлая сѣть гнутыхъ деревянныхъ дугъ, ловко прикрученныхъ другъ къ другу и составляющихъ остовъ кибитки.

Впрочемъ, въ нашихъ кибиткахъ остовъ этотъ прикрытъ обоями своего рода: куски одряса, ситца и всякихъ пестрыхъ туземныхъ матерій висятъ на стѣнахъ, между тѣмъ какъ полы устланы коврами и войлоками.

Вверху кибитки, какъ разъ посрединѣ ея, широкое круглое отверстіе для выхода дыма и для очищенія воздуха. На ночь, или въ дождливую холодную погоду отверстіе это, которое киргизы называютъ *„тюндюкъ“*, закрывается войлочною полостью, къ угламъ которой привязаны четыре веревки и которую поэтому всегда можно отдернуть снизу съ той или другой стороны, смотря по направленію вѣтра.

Мы отлично выспались на кроватяхъ киргизской кибитки. Гульча всю ночь напѣвала намъ свои бурныя пѣсни, убаюкивая насъ, какъ сердитая нянька. Этотъ несмолкавшій ревъ горной рѣчки казался мнѣ сквозь сонъ шумомъ ливня, цѣлую ночь разражавшагося надъ нами.

Встали мы яркимъ и яснымъ утромъ и, напившись чаю, вышли посмотрѣть на окрестность.

Въ тихомъ береговомъ ущельѣ царствовала удивительная тишина. Влажный воздухъ дышалъ тепломъ и ароматами весеннихъ травъ. Лошади на приколахъ, не разсѣдланныя во всю ночь, мирно фыркали, отдуваясь отъ сочнаго корма. Киргизы безшумно бродили между разбросанныхъ по берегу кибитокъ, занятые разною домашнею суетою утренняго часа.

Нѣсколько поодаль отъ становища «датхи» и ея домочадцевъ торчали на почтительномъ разстояніи, какъ гнѣзда огромныхъ черныхъ грибовъ, кибитки киргизскаго аула. За ауломъ, какъ разъ противъ восходившаго солнца, на зеленомъ коврѣ береговой низины паслись стада верблюдовъ, характерно вырѣзаясь на яркомъ фонѣ травы своими угловатыми громоздкими силуэтами.

Горы, надвинувшіясл на это мирное ущелье, были освѣщены въ упоръ лучами восходившаго солнца, и на нихъ можно было разглядѣть теперь, несмотря на разстояніе, каждый камушекъ, каждый мелкій кустикъ.

Киргизскіе зимовники, забравшіеся на плоскія макушки этихъ горныхъ громадъ, смотрѣли оттуда настоящими саклями Дагестана. Еще выше ихъ, на головокружительныхъ кручахъ, виднѣлись крошечныя, какъ мухи, пасущіяся лошади.

Между тѣмъ «датха» прислала сыновей просить насъ къ себѣ. Намъ и самимъ необходимо было поблагодарить ее за гостепріимство, какъ главную хозяйку кочевья.

Она встрѣтила насъ около своей кибитки.

«Датха»—женщина уже очень старая, но высокаго роста, костистая и сильная какъ мужчина, строгаго и твердаго взгляда. Монгольская кровь ея рѣзко проглядывала и въ желто-смугломъ цвѣтѣ ея лица, и въ грубости его чертъ, крупныхъ, широкихъ, слегка приплюснутыхъ, съ явнымъ преобладаніемъ скулъ, челюстей и носа, всего того вообще, чтб бываетъ сильно развито у хищныхъ животныхъ—надъ болѣе человѣчною областью глазъ и чела...

По эстетическимъ понятіямъ киргиза, такое лицо и такой цвѣтъ лица именно и составляютъ верхъ красоты.

«Недаромъ Богъ сотворилъ монгола съ выдавшимися скулами; Онъ уподобилъ его этимъ лошади,—а лошадь вѣнецъ созданія!» съ наивною искренностью говорятъ эти степные наѣздники, которые родятся и живутъ на лошади, и, можно сказать, срослись съ нею въ одно существо, какъ Кентавры греческой миѳологіи, несомнѣнно списанные съ натуры съ такихъ же точно кочевниковъ азіатскихъ пустынь.

«Датха» стояла передъ нами въ зеленомъ шелковомъ халатѣ по пятки, съ мѣховою опушкой, въ высокомъ тюрбанѣ изъ бѣлаго шелка, обвязанномъ концами кругомъ всего ея лица.

Обвязка эта называется по-киргизски «джаулукъ», а шапочка, вокругъ которой она навертывается, на подобіе чалмы, называется «кимечекъ». Сверху дѣвушки спускаютъ еще шелковую фату (джелекъ), но старуха властительнаго рода не считала нужнымъ прибѣгать къ этому прикрытію, принимая у себя иноземцевъ.

Оба сына ея, тоже одѣтые въ парадные шелковые халаты, стояли по бокамъ датхи.

Когда мы съ Г—мъ приблизились къ ней, дахта привѣтливо протянула намъ обѣ свои руки, предварительно обернувъ ихъ,

однако концомъ краснаго шерстяного платка. Дѣлала ли она это изъ особеннаго уваженія къ намъ или, напротивъ того, предохраняла свои правовѣрныя длани отъ нечистаго прикосновенія гяуровъ, насланныхъ гнѣвомъ Аллаха на ея кочевье, этого мы съ Г—мъ такъ и не рѣшили.

Мы тѣмъ не менѣе тоже подали ей каждый по двѣ руки, даже и не завертывая ихъ ни во что, желая выразить наиболѣе киргизскимъ способомъ свое нарочитое почтеніе къ именитой киргизской воительницѣ.

— Передайте вашей достоуважаемой матушкѣ, что мы пришли поблагодарить ее отъ всего сердца за ея любезное гостепріимство и извиниться, что причинили ей столько безпокойства... попросили мы перевести по-киргизски толстаго Мухамедъ-бека.

Старуха, не поднимая глазъ и сохраняя свой величественный видъ, отвѣтила намъ черезъ него:

— Прошу извинить, что въ нашемъ бѣдномъ кочевьѣ мы не можемъ принять и угостить васъ такъ, какъ бы подобало для такихъ высокихъ гостей... Хорошо ли вы спали? покойно ли вамъ было?

— Благодаримъ васъ очень; мы спали превосходно, у васъ въ кибиткахъ лѣтомъ еще пріятнѣе спать, чѣмъ въ нашихъ городскихъ домахъ.

— Простите, чѣмъ богаты, тѣмъ и рады, — отвѣчала черезъ сына датха. Послѣ—большихъ городовъ, въ которыхъ вы живете, здѣсь у насъ, должно быть, показалось вамъ очень не хорошо... Прошу васъ сдѣлать мнѣ честь — войти въ мою кибитку.

Она распахнула войлокъ своей кибитки и властнымъ движеніемъ руки пригласила насъ войти.

Мы усѣлись налѣво, на коврѣ, она направо, противъ насъ, на мѣховой шкурѣ. Два сына тоже вошли съ нами, но не сѣли, а стали по сторонамъ матери...

Кибитка была, повидимому, нарочно убрана по-праздничному

къ нашему приходу. Вездѣ развѣшаны были разноцвѣтныя атласныя покрывала, ковры, обдѣланные въ бархатныя рамки. Полъ былъ тоже устланъ новыми коврами и мѣхами. По стѣнкамъ стояли оригинальные кожаные сундуки съ кожаными же на нихъ рисунками мѣстной работы, сложены были опрятными ярусами матрацы, подушки, шелковыя одѣяла.

Около датхи очутились откуда-то два глазастые черномазые мальчугана въ халатикахъ.

— Старшій сынъ мой Батыръ-бекъ живетъ не со мною, далеко отсюда, а это мои внуки,—сказала намъ датха. Съ однимъ изъ нихъ у насъ большое горе. У него ростетъ кривая нога, и никто здѣсь не можетъ его вылѣчить...

— Вы бы повезли его въ Ташкентъ или хоть бы въ Маргеланъ; тамъ есть хорошіе доктора, посовѣтовали мы.

— Мнѣ говорили, что нужно везти въ Москву, что только тамъ могутъ его вылѣчить. Правда ли это? И вѣдь это очень далеко?

— Въ Москвѣ, конечно, отлично вылѣчатъ, только это дѣйствительно очень далеко,—сказалъ я. Вотъ я съ женою ѣду теперь изъ Москвы. Чтобъ только доѣхать оттуда сюда, нужно ѣхать не останавливаясь цѣлыхъ три недѣли.

— О, это слишкомъ далеко, намъ нельзя объ этомъ думать. А зачѣмъ вы сами пріѣхали сюда изъ такихъ далекихъ мѣстъ?

— Хотѣли посмотрѣть на здѣшній народъ. Слышали, что киргизы храбрые и честные люди, и что они вѣрно служатъ нашему царю.

— Да, это правда. Мы прежде воевали съ бѣлымъ царемъ, а теперь его вѣрные слуги. Мы благодаримъ его, что онъ не обижаетъ киргизовъ, оставилъ намъ наши земли и стада и забылъ нашу вину. Бѣлый царь вѣдь живетъ въ Москвѣ?

— Въ Москвѣ и въ Петербургѣ; у него много городовъ и много дворцовъ.

— Бѣлый царь самый большой царь, сильнѣе и богаче его нѣтъ никого. Мы это знаемъ,—подтвердила датха.

Когда мы встали, чтобъ проститься, она подала знакъ сыну, и онъ принесъ ей какой-то свертокъ.

— По нашимъ обычаямъ, дорогихъ гостей дарятъ чѣмъ Богъ послалъ,—сказала датха, подходя ко мнѣ. У насъ, киргизовъ, нѣтъ никакихъ хорошихъ вещей, а примите отъ меня на память этотъ мѣхъ. Это дѣти мои убили здѣсь въ горахъ.

Она подала мнѣ при этомъ двѣ мягко выдѣланныя шкуры горной рыси.

— А вотъ это передайте вашей женѣ!—прибавила она, вручая мнѣ еще двѣ связанныя головками куньи шкурки.

Я поблагодарилъ киргизскую ханшу, извиняясь, что нахожусь тутъ случайно въ пути и прошу у ней позволенія прислать ей свой подарокъ изъ Оша съ ея сыномъ.

Возвратясь въ Ошъ, я дѣйствительно купилъ для нея парчевый халатъ и отослалъ ей въ Гульчу черезъ обязательнаго Н. Г. Г—го.

Крѣпость Гульча устроена, если не ошибаюсь, тоже Скобелевымъ, больше, кажется, для страха алайскимъ киргизамъ, чѣмъ для защиты отъ китайцевъ или англичанъ, хотя отъ нея и очень не далеко до Кашгарской границы.

Намъ, конечно, хотѣлось посѣтить эту порубежную твердыню нашу, заброшенную Богъ знаетъ въ какія далекія горныя дебри. Всѣ же русскіе люди живутъ тутъ, правдою и вѣрою оберегая владѣнія русскаго царя, охраняя интересы русскаго царства, въ глуши этихъ невѣдомыхъ намъ пустынь, гораздо болѣе далекихъ и опасныхъ, чѣмъ тотъ «рубежъ земли русской», который сторожилъ когда-то въ старинныхъ нашихъ сказкахъ «Ивашка, бѣлая епанча, сорочинская шапка».

Побывавъ здѣсь, на этихъ «послѣднихъ краяхъ» необъятнаго царства русскаго, гдѣ черезъ горный хребетъ уже подозрительно смотритъ на васъ косоглазый китайскій мандаринъ, гдѣ люди ѣздятъ верхомъ на быкахъ, обросшихъ шерстью барана, и вмѣсто домовъ, городовъ, селеній,—на цѣлыя сотни верстъ не видишь

ничего кромѣ бобровыхъ шалашей кочевыхъ кибитокъ,—гдѣ самая русская рѣчь звучитъ чѣмъ-то чужимъ и никому непонятнымъ, а крошечныя горсточки передовой русской силы тонутъ какъ въ хлябяхъ моря въ напирающей отовсюду азіатчинѣ,—живо понимаешь и былое положеніе нашихъ иныхъ, болѣе родныхъ намъ окраинъ, тѣхъ первыхъ смѣльчаковъ, проникавшихъ за защитную черту земли русской, въ Дикое пустопорожнее Поле, о которыхъ сохранили намъ память старыя лѣтописи, которые задолго до присоединенія этихъ земель къ царству русскому держали въ нихъ караулы и водили сторожи, и которымъ съ трогательною христіанскою любовью посылали свое ободряющее пастырское благословеніе изъ далекихъ православныхъ обителей Москвы и Владиміра первосвятители земли русской.

Крѣпость Гульчи не дальше двухъ или полуторы версты отъ кочевья датхи...

Когда подъѣзжаешь къ ней, свободно окидываешь взглядомъ всю эту живописную котловину.

Громадная горная твердыня, съ альпійскими пастбищами наверху, на которыхъ пестрѣютъ крошечными мушками поднятыя подъ облака овцы и лошади, охватываетъ сплошнымъ амфитеатромъ тихую зеленую долинку, всегда обильную водой и травой, всегда кишащую стадами верблюдовъ.

Черныя кибитки кочевниковъ опоясываютъ своими кое-гдѣ разсѣянными муравьиными кучками ея могучую каменную пяту.

Гульча, вырвавшись изъ тѣсныхъ ущелій Алайскаго хребта словно съ перепуга бросается во всѣ стороны, силясь уйти подальше отъ тяжкихъ горныхъ громадъ, надвинувшихся на долину, запруживаетъ сама себя наносами хряща и камня, которые она выгрызаетъ въ горахъ на пути своего бѣшенаго бѣга, и, мѣняя то и дѣло капризное теченіе свое, схватываетъ своимъ змѣистымъ русломъ, будто широкимъ поясомъ, всю эту круглую сочную низину со стороны, противуположной горамъ.

Въ этой-то низинѣ, немного выше, чѣмъ становище датхи,

и тоже на берегу Гульчи, вѣчно рокочущей, вѣчно трубящей въ свои неугомонныя боевыя трубы,—бѣлѣетъ своими низенькими стѣнами и домиками нисколько не грозная на видъ русская крѣпостца.

Правда, крѣпостной ровъ довольно глубокъ и широкъ, на банкетахъ установлены пушки, часовые ходятъ у воротъ, а внутри крѣпости нѣсколько каменныхъ казармъ, изъ которыхъ тоже можно безопасно отстрѣливаться отъ такого не особливо грознаго врага, какъ здѣшніе халатники.

Но все-таки, казалось мнѣ, пальца въ ротъ нельзя никому класть, и ручаться за то, что нашимъ здѣшнимъ порубежнымъ крѣпостцамъ придется всегда имѣть дѣло только съ одними киргизами и ихъ кремневыми самопалами, — право, слишкомъ рискованно.

Въ настоящее время наши друзья—«просвѣщенные мореплаватели» съ одной стороны и наши добрые европейскіе сосѣди нѣмцы—съ другой, самымъ нешуточнымъ образомъ снабжаютъ нашихъ азіатскихъ сосѣдей всякими усовершенствованными орудіями истребленія и съ истинно отеческою заботливостью хлопочутъ обучить ихъ даже на свой счетъ всѣмъ новѣйшимъ пріемамъ боеваго искусства, такъ что мы можемъ разсчитывать въ этомъ отношеніи на самые неожиданные для насъ сюрпризы...

Мы добросовѣстно обошли кругомъ всѣ парапеты крѣпостной стѣны, увидѣли все то немногое, что́ можно было здѣсь увидѣть, и направились къ мирнымъ бѣлымъ домикамъ, за крѣпостной оградой, гдѣ проживало мѣстное офицерство.

Начальства въ этой крошечной крѣпостцѣ все-таки довольно: ротный командиръ, два субалтернъ-офицера, воинскій начальникъ, смотритель интендантскаго склада, если я не забылъ еще кого-нибудь. Кажется, есть еще военный докторъ и священникъ.

Конечно, чтобы жить цѣлые годы здѣсь въ такой тѣсной и постоянной компаніи, въ единственномъ сосѣдствѣ съ киргиз-

скими кибитками, яками, кіиками, кабанами да барсами,—развлекаясь только караулами,—нужно не мало христіанскаго терпѣнья. Но тѣмъ не менѣе люди тутъ живутъ, какъ и въ любомъ Парижѣ или Вѣнѣ, и даже плодятся и размножаются такъ же, какъ тамъ.

По крайней мѣрѣ, въ домикѣ ротнаго командира, у котораго прежде всего остановилась наша многочисленная экспедиція, мы нашли цѣлое почтенное семейство въ моментъ какого-то домашняго горя, не помню ужъ хорошо, какого именно, помѣшавшаго намъ воспользоваться гостепріимствомъ хозяйки дома.

Мы оставили азіатскую партію своего каравана на крѣпостномъ выгонѣ—покормить лошадей и подкрѣпиться горячимъ кавардакомъ, который киргизы живо стали жарить тутъ же на воздухѣ. Сами же мы отправились пѣшкомъ въ стоявшій на отшибѣ отъ другихъ строеній низенькій бѣленькій домикъ, гдѣ квартировали холостые субалтернъ-офицеры. Это все былъ народъ хорошо знакомый нашимъ ошскимъ спутникамъ, и съ ними никакихъ церемоній не полагалось. Офицеры вышли къ намъ навстрѣчу и съ самымъ теплымъ радушіемъ потащили насъ къ себѣ.

— Давайте намъ скорѣе что-нибудь поѣсть, господа!—откровенно объявили имъ гости, дорога дальняя и трудная, опаздывать нельзя. Намъ сегодня же, хоть бы поздно ночью, необходимо быть въ Ошѣ.

— Да вѣдь у насъ разносоловъ не разживетесь, милая барынька!—отвѣчали съ тою же честною откровенностью хозяева.— Денщикъ нашъ изо всего, чему мы его учили, умѣетъ только сжарить на сковородѣ скверные битки. А больше не прогнѣвайтесь... вотъ чаю, водки, вина краснаго — этого сколько угодно... милости просимъ... Говядины, знаете, у насъ часто не бываетъ, а водка и вино, даже шампанское, когда хотите... Этого добра сколько угодно въ долгъ даютъ...

Добрые и милые юноши, простодушно потѣшаясь и надъ

своимъ цыганскимъ хозяйствомъ, и надъ своимъ невозможнымъ кухмистеромъ, самымъ комическимъ образомъ хлопотали о нашемъ угощеніи: одинъ тащилъ самоваръ, другой раздувалъ уголь, не переставая весело болтать съ нами; за сливками пришлось сбѣгать къ ротной командиршѣ, за тарелкою къ воинскому начальнику, розыскъ чайныхъ ложечекъ и блюдечекъ потребовалъ цѣлаго военнаго совѣта своего рода. Но и за всѣми этими смѣло предпринимаемыми хозяйственными экспедиціями— никакъ не выходилъ «весь туалетъ», а все-таки чего-нибудь не доставало то для чаю, то для завтрака, и приходилось чѣмъ-нибудь по-братски дѣлиться съ сосѣдомъ; это, впрочемъ, не приводило ни въ малѣйшее смущеніе ни хозяевъ, ни гостей, а только вызывало добродушнѣйшій общій смѣхъ и забавную болтовню.

Братская простота отношеній между русскими людьми, загнанными судьбою въ этой далекій и чуждый край, сама по себѣ глубоко симпатична. Но кромѣ нравственнаго удовлетворенія, отношенія эти только и дѣлаютъ для нихъ возможнымъ сколько-нибудь человѣческое существованіе среди непочатой дикости туземной жизни. Тѣ же самые воинствующіе пустынники Гульчи, у которыхъ въ домѣ мы распоряжались теперь, какъ въ своемъ собственномъ, пріѣзжая въ какой-нибудь Ошъ, съ такою же безцеремонностью остановятся на цѣлыя недѣли у перваго попавшагося товарища, потребуютъ у кого лошадь, у кого сѣдло, у кого другую необходимую имъ вещь — и будутъ смотрѣть на это, какъ на самое естественное дѣло.

VIII.

Киргизскія женщины.

Мы все-таки сдѣлали маленькую прогулку по Гульчѣ съ своими хозяевами, пока монгольская свита наша приготовляла коней.

Я ничего еще не сказалъ о нашихъ хозяевахъ. Одинъ изъ нихъ Е.,—былъ юноша богатырскаго склада, добродушный и веселый; и душа и тѣло его еще были пропитаны свѣжими, не перебродившими соками молодости.

Другой, Р., былъ болѣе сдержаннаго и серьезнаго характера и, можетъ быть, съ нѣсколько бо̀льшими требованіями отъ жизни. Но оба по-юношески увлечены окружающею ихъ грандіозною природою и дикою обстановкою жизни, вызывающею въ человѣкѣ духъ стойкости, отваги и предпріимчивости. Оба они, какъ всѣ здѣшніе военнаго стараго туркестанскаго типа, лихіе и неустрашимые охотники, неутомимые и любознательные бродяги по горнымъ дебрямъ.

Здѣсь почти каждый изъ офицеровъ успѣлъ порыскать верхомъ не только по Большому Алайскому хребту, но и въ глубокихъ ущельяхъ Заалайскихъ горъ, успѣлъ побывать верхомъ и на Памирѣ, и въ Кашгарѣ. Съ такими бравыми защитниками и опытными «слѣдопытами» дикія окраины русскаго царства могутъ быть, дѣйствительно, безопасны. Кабановъ они бьютъ здѣсь, въ привольи дикихъ горъ, какъ у насъ, въ русской деревнѣ, бьютъ зайцевъ. Въ противуположность Кавказу, гдѣ на кабана смотрятъ съ бо̀льшимъ страхомъ, чѣмъ на медвѣдя,—здѣсь никто не церемонится съ «свинотой» и наколачиваютъ этой свиноты столько, что бываетъ некуда ее дѣвать. Кабаны очень любятъ зимою солнечную сторону горъ, гдѣ снѣгъ оттаиваетъ и даетъ имъ возможность докопаться до кореньевъ; тутъ обыкновенно и разыскиваетъ ихъ опытный охотникъ; онъ карабкается за ними по утесамъ и пропастямъ и прямо идетъ навстрѣчу цѣлому стаду съ своимъ скорострѣльнымъ ружьемъ.

10-ть, 20-ть штукъ дикихъ свиней — очень не рѣдкій трофей охоты.

Гораздо болѣе ловкости и умѣнья требуется для охоты на «кіика», другого туземнаго обитателя Алайскихъ и Памирскихъ горъ. Кіикъ, подобно туру, имѣетъ громадные трехгранные рога,

откинутые назадъ, и бородатъ такъ же, какъ туръ. Киргизы необыкновенно цѣнятъ кожу кіика, потому что изъ нея дѣлаются самые прочные и непромокаемые чомбары. Чомбары изъ всякой другой кожи промокаютъ даже отъ дождя, а въ кіиковыхъ чомбарахъ можно смѣло плыть по водѣ, не замочивъ тѣла. Оттого-то они и стоютъ здѣсь отъ 8 до 10 рублей, между тѣмъ какъ обыкновенные кожанные чомбары можно купить за $1^1/_2$ и за 2 рубля. Чомбары — важная вещь въ путевомъ и боевомъ снаряженьи киргиза. Увидѣвъ ихъ въ первый разъ на текинцахъ Туркменіи, я легкомысленно потѣшался надъ ихъ неуклюжестью и изумлялся грубому и глупому вкусу кочевника, безъ всякой нужды нацѣпляющаго на себя такіе «какъ море широкіе» шаровары; удивлялся въ то же время и тому, какъ это народъ, всю жизнь проводящій въ битвахъ, нападеніяхъ и грабежахъ, народъ, можно сказать, рождающійся на конѣ или на верблюдѣ, живущій и умирающій на сѣдлѣ, не выработалъ себѣ за цѣлыя тысячелѣтія своей воинственно-разбойничьей жизни ничего болѣе удобнаго, какъ эти долгополые халаты, мѣшающіе всякому движенію человѣка, и эти возмутительные чомбары, въ каждой половинкѣ которыхъ можно засадить по два человѣка. Но здѣсь, въ горномъ походѣ съ киргизами, подъ весеннимъ дождемъ, въ волнахъ стремительныхъ потоковъ, которые то и дѣло приходится переѣзжать вплавь, я понялъ и вполнѣ оцѣнилъ незамѣнимую пользу этихъ непромокаемыхъ кожаныхъ чехловъ, герметически затянутыхъ снизу, а сверху очень удобно вбирающихъ въ себя полы длинныхъ шубъ и халатовъ, всего того, однимъ словомъ, что мѣшаетъ киргизу крѣпко сидѣть на сѣдлѣ, ловко спрыгивать и вскакивать на него, продираться пѣшкомъ по лѣснымъ дебрямъ и карабкаться по горамъ.

Когда киргизъ отправляется въ путь, въ походъ или на охоту, онъ прежде всего напяливаетъ чомбары, упрятываетъ внутрь ихъ всѣ широчайшія воскрылія своихъ одеждъ и затягивается потуже своимъ «бильбау» — ременнымъ поясомъ, къ

которому привѣшены ножикъ въ чехлѣ, точило, походная чашка въ кожаномъ футлярѣ и другія нужныя въ дорогѣ вещи. Длиннополый халатникъ сразу превращается въ воина, одѣтаго, повидимому, очень легко—въ короткую куртку и шаровары, а между тѣмъ онъ не разстается ни съ одною изъ своихъ теплыхъ одеждъ, совершенно необходимыхъ въ этихъ странахъ убійственныхъ зимнихъ вѣтровъ и сырыхъ горныхъ тумановъ; напротивъ того, эти теплые шубы и халаты еще тѣснѣе и теплѣе обнимаютъ его, когда онъ плотно затягиваетъ ихъ ремнемъ и не даетъ раздуваться по вѣтру длиннымъ поламъ ихъ, надежно засунутымъ въ спасительные чомбары.

Огромный Е. вызвался проводить насъ до Ленгара; эта маленькая прогулка верхомъ, 70—80 верстъ туда и обратно, въ пріятной компаніи, которою не часто приходится пользоваться въ Гульчѣ,—все-таки представлялась ему отраднымъ развлеченіемъ среди унылаго однообразія жизни этой крѣпости-скита.

Нашъ караванъ опять потянулся чрезъ разливы бѣшено ревущей Гульчи, такой же многолюдный какъ и прежде, и еще болѣе яркій и пестрый при свѣтѣ знойнаго дня. Опять та же арба и тотъ же невозмутимый арбакешъ-философъ на хребтѣ столь же невозмутимаго философа-коня, на котораго никакія всплескиванія и рокотанія горныхъ потоковъ, никакія ямы и камни, пересчитываемые колесами его арбы, не производили ни малѣйшаго впечатлѣнія.

Я только теперь обратилъ вниманіе на очень оригинальное дерево, которымъ во многихъ мѣстахъ поросли берега Гульчи. Его называютъ здѣсь *«каменный тополь»*. Издали онъ похожъ на старую дуплистую ракиту съ обрубленными сучьями. Но если разсмотрѣть его хорошенько—весь его короткій и толстый стволъ, съ скуднымъ букетомъ вѣтвей на верху, свитъ точно изъ желѣзныхъ узловъ, чѣмъ онъ очень напоминаетъ палестинстинскія древнія масличины.

Тополь этотъ дѣйствительно каменный во всѣхъ отношеніяхъ: онъ и ростетъ почти исключительно на камняхъ, и крѣпокъ, какъ камень. Ни топоръ, ни пила не берутъ его, и онъ можетъ цѣлые годы оставаться въ землѣ, въ водѣ и воздухѣ, не подвергаясь гніенію.

«Негной дерево» своего рода, которымъ и дорожатъ здѣсь по этому его незамѣнимому качеству. Впрочемъ, Ферганскія горы вообще богаты негніющими деревьями. По пути въ Гульчу и изъ Гульчи мы не разъ проѣзжали мимо лѣсовъ «арчи», похожей на нашу сосну, но гораздо болѣе негніющую, чѣмъ сосна. Бревна и доски изъ этой арчи употребляются во всей Ферганской области на водяныя постройки, въ родѣ мостовъ, шлюзовъ, набережныхъ, гдѣ они держатся несравненно дольше, чѣмъ всякій другой лѣсной матеріалъ. Изъ арчи же и тута дѣлаются здѣсь рѣчныя суда.

Гульчинская котловина въ сколько-нибудь возвышенныхъ и каменистыхъ мѣстахъ своихъ покрыта густыми зарослями какой-то травы-колючки съ очень длинными шипами, которую, однако, мозолистый ротъ верблюда пережевываетъ съ сугубымъ наслажденіемъ. Трава эта нѣсколько похожа на «курай», или «верблюдятникъ», распространенный въ Крыму, на Кавказѣ и во многихъ мѣстахъ Туркменіи и Туркестана. Здѣсь она имѣетъ большое значеніе, какъ любимый кормъ верблюда и какъ надежный притонъ фазановъ. Съ тѣхъ поръ, какъ колючку стали здѣсь истреблять безъ всякой осторожности, то для корма верблюдовъ и топлива, то для расчистки земли подъ посѣвы,—фазаны сильно уменьшились въ числѣ. Теперь даже запрещена киргизамъ, въ цѣляхъ размноженія фазановъ, ихъ любимая старинная охота съ ястребами, въ которой они славились своимъ искусствомъ еще при великихъ князьяхъ московскихъ.

Мы выбрали для возвращенія въ Ленгаръ другую дорогу, хотя нѣсколько болѣе далекую, но зато болѣе покойную, къ

тому же интересно было познакомиться съ горами Малаго Алая, по возможности въ разныхъ мѣстахъ.

Почти сейчасъ же по переѣздѣ Гульчи, мы свернули въ узкую, романтически-живописную тѣснину, по которой бѣжалъ намъ на встрѣчу черезъ камни и пни деревьевъ горный потокъ Джиле-Су. Колоссальными зелеными пирамидами, титаническими каменными стѣнами, сходились здѣсь лицомъ къ лицу горныя громады, и одна только эта бѣшеная рѣчка-водопадъ, не смолкая трубившая въ свою боевую трубу, какъ ножомъ разрѣзала ихъ другъ отъ друга своимъ глубокимъ лѣсистымъ ущельемъ. Очень изрядная колесная дорога лѣпилась вдоль ручья, то и дѣло, впрочемъ, переносясь то на правый, то на лѣвый его берегъ, смотря по тому, откуда тѣснѣе надвигалась на насъ тяжкая пята горныхъ громадъ.

Лѣса, покрывавшіе всѣ скаты и уступы этихъ горъ и уходившіе вверхъ на недоступную глазу высоту, прiосѣняли нашу дорогу тысячами зеленыхъ опахалъ, подъ прикрытіемъ которыхъ могучее дыханіе горнаго ручья радостно и бодряще освѣжало знойный воздухъ полудня.

Соловьи, можетъ быть, прилетѣвшіе изъ нашихъ курскихъ и щигровскихъ рощъ, пѣли знакомыя намъ пѣсни въ этихъ дикихъ чащахъ, раздражаемые немолчнымъ рокотомъ несущагося внизъ потока, и мнѣ казалось, что они встрѣчали этими гимнами весны, какъ заздравными тушами приближающихся дорогихъ гостей—насъ, своихъ старыхъ знакомыхъ далекой русской родины.

Несмотря, однако, на эти чарующіе голоса возрожденной природы, на рокотъ и щекотъ, которымъ, казалось, былъ затканъ весь воздухъ, на душистый зной и зеленыя одежды лѣса,—бѣлыя залежи снѣговъ, будто лохмотья шубы только-что отвалившей отсюда вѣдьмы-зимы, торчали зловѣщими пятнами въ темныхъ складкахъ и пазухахъ горъ, на одной высотѣ съ нами, сочась влажными тонкими струйками по каменнымъ щекамъ скалы.

Намъ пришлось проѣхать, между прочимъ, мимо теплаго ключа, который пробивается изъ земли на полускатѣ горы. Продираться къ ключу на ту сторону, черезъ ручей, да еще по кручѣ, заросшей лѣсомъ, не всѣмъ показалось интереснымъ; отправились туда только мы съ Е. Бойкіе коньки наши безъ раздумья переправились черезъ бурный потокъ и ловко, какъ дикія козы, взобрались на крутой скатъ, покрытый колючимъ кустарникомъ, пнями и буреломомъ.

Тамъ, въ тѣни старыхъ деревьевъ, выбивался прямо среди зеленой травы и заливалъ маленькій прозрачный бассейнъ теплый источникъ. Мы спѣшились, чтобы попробовать его воду. Ее нельзя назвать горячею, а только умѣренно нагрѣтою. Никакого сѣрнаго или какого-нибудь другого характернаго запаха не выдѣляется изъ нея. По всей вѣроятности, вода остываетъ уже на поверхности земли или въ самыхъ верхнихъ слояхъ ея вслѣдствіе слабости и медленности струи. Безъ сомнѣнія, она сдѣлалась бы значительно горячѣе, если бы раскопать глубже источникъ и собрать его въ каменный резервуаръ. Туземцы знаютъ и чтутъ этотъ ключъ и лѣчатся его водою отъ разныхъ болѣзней.

Ущелье Джиле-Су постепенно поднималось все выше и выше въ гору и наконецъ развѣтвилось на три ущелья; три горныхъ потока, зарожденные высоко за облаками въ далекихъ ледникахъ Алая, свергались навстрѣчу намъ съ уступовъ скалъ, неистово пробиваясь и прогрызаясь черезъ сдавившія ихъ каменныя твердыни, нагроможденныя впереди; лѣвѣе всѣхъ несся совсѣмъ черный и мутный Кара-Булакъ, въ серединѣ Джиле-Су, и Чигирчикъ—справа. Лѣсистыя тѣснины, сквозь которыя вырывались на свѣтъ Божій два лѣсныхъ потока, были такъ глубоки и узки, что, казалось, въ нихъ до сихъ поръ еще стояли синіе туманы ночи. Въ поразительно дикой перспективѣ дали хмурились надъ черными лѣсными пирамидами голыя каменныя, а еще дальше изъ-за ихъ гранитныхъ плечъ, мерцали алмазами

своихъ ледниковъ и полями своего вѣчнаго снѣга—видѣвшими, быть можетъ, еще начало творенія,—сѣдыя головы великановъ Алая.

Всѣ три потока, вырвавшись на свободу, соединились въ одну бурную рѣчку Джиле-Су, вверхъ по которой мы до сихъ поръ ѣхали.

Мы повернули въ правое ущелье Чигирчика, далеко не такое мрачное и тѣсное, какъ два его сосѣда и брата. Но и по долинѣ Чигирчика пришлось ѣхать не долго. Арбяная дорога, недавно продѣланная здѣсь распоряженіемъ военной власти для беспрепятственнаго подвоза провіанта и военныхъ снарядовъ къ Гульчѣ и другимъ нашимъ порубежнымъ постамъ, стала въ то же время удобною торговою дорогою съ Кашгаромъ и алайскими киргизами. Конечно, было бы большимъ заблужденіемъ — придавать обычное европейское значеніе этому эпитету: «удобная». Уже карабкаясь верхами изъ долины Чигирчика на огромную горную сѣдлину, замыкавшую справа теченіе рѣки, мы могли воочію убѣдиться, насколько удобенъ былъ бы этотъ безконечный подъемъ для нагруженныхъ товарами арбъ.

По яркимъ краснымъ глинамъ, по свѣжимъ сверкающимъ осколамъ бѣлаго алебастра, мимо скалъ какого-то порфировиднаго камня, съ трудомъ взорваннаго порохомъ для проложенія дороги, лѣзли мы цѣлый часъ вверхъ подъ безжалостнымъ припекомъ полдневнаго солнца.

Съ красной сѣдлины зато открывается широкая и свѣтлая панорама живописныхъ окрестностей, и сейчасъ же начинается чуть ли еще не болѣе крутой спускъ по ту сторону горы. Я вынулъ походный альбомъ и, отъѣхавъ въ сторонку, сталъ набрасывать въ него этотъ характерный видъ, записывая въ то же время для памяти кое-какія впечатлѣнія свои.

Два киргиза, нагнавшіе меня, съ изумленіемъ и тревогою поглядѣли на непонятныя для нихъ манипуляціи мои и стали неодобрительно шептаться между собою, долго не спуская съ меня своихъ подозрительныхъ взглядовъ.

Со смѣхомъ въ душѣ, я невольно вспомнилъ сцену, разсказанную въ «Караванъ-запискахъ» нашимъ средне-азіатскимъ путешественникомъ 20-хъ годовъ Кайдаловымъ: старый киргизъ, увидѣвъ, что Кайдаловъ пишетъ что-то въ свои тетради, подошелъ къ нему и сказалъ гнѣвно:

— Какъ? если бы ты зналъ Бога, то я сказалъ бы, что ты не боишься Его, дѣлая зло людямъ, которые тебѣ кромѣ добра ничего не сдѣлали.

На удивленный вопросъ Кайдалова онъ отвѣчалъ:

— Какже! ты пишешь и черезъ то наводишь вредныя облака, причиняющія смерть скоту нашему! Развѣ ты не знаешь, сколько въ бытность вашу у насъ его перемерло? Давно бы васъ *сжечь слѣдовало*!

Что это была не пустая угроза, Кайдаловъ разсказываетъ, какъ киргизы сожгли въ подобномъ случаѣ одного татарина, у котораго нашли книги.

Мнѣ, впрочемъ, къ счастью, не грозило уже больше ничего подобнаго въ сопутствіи храбрыхъ русскихъ воиновъ, завоевателей и господъ этого невѣжественнаго края, гдѣ даже листокъ бумаги могъ еще недавно ввести человѣка на костеръ.

Чтобы не разбивать лошадей по каменному щебню дороги-ручья, намъ не разъ приходится лѣпиться по козьимъ тропамъ береговыхъ обрывовъ, что мнѣ живо напоминаетъ мои старыя кавказскія странствованія.

Многоопытный вожакъ нашъ Г—ій все время держится впереди. Его маленькому коньку цѣны нѣтъ. Ни разу не сбиваясь съ своего аллюра, онъ отъ мѣста до мѣста покачивается все одною и тою же спорою и покойною ходбою, не уставая самъ не утомляя всадника, баюкая его на сѣдлѣ, словно въ креслецѣ. Другіе увлекутся, ударятся въ перегонки, пустятся вскачь, обгонятъ Г—го подчасъ Богъ знаетъ какъ далеко, а онъ все себѣ спокойно потрусываетъ съ перевальцемъ на своемъ лихомъ иноходцѣ, неподвижный и серьезный въ своемъ сѣдлѣ, будто только-что сѣлъ въ него,—и, смотришь черезъ полчаса всѣ отстали

отъ него, и онъ попрежнему продолжаетъ вести нашу безпорядочно растянувшуюся походную колонну, съ увѣренностью и выдержкою опытнаго командира, который всегда привыкъ быть впереди, въ головѣ всѣхъ.

Онъ разсказываетъ мнѣ много любопытнаго о горахъ Алая и Заалая, о Памирахъ и киргизскихъ кочевкахъ на нихъ. Онъ отлично знаетъ всѣ эти мѣста, всякій уголокъ ихъ. Вездѣ онъ успѣлъ побывать не одинъ разъ. Онъ тутъ вездѣ хозяиномъ не по одному только званію своему. Правда и то, что онъ цѣлыхъ 20 лѣтъ въ Туркестанѣ и въ одномъ только Ошѣ 15 лѣтъ.

Памиръ, по его словамъ, несомнѣнно нашъ. Но киргизы, которые тамъ бродятъ, не платятъ намъ ничего, не считаютъ себя русскими подданными. Имъ слишкомъ выгодно, кочуя въ этомъ недоступномъ плоскогоріи, на которомъ сходятся рубежи Китая, Индіи, Авганистана, Бухары и Россіи, отказываться отъ дани Китаю, подъ предлогомъ, что они кочуютъ въ предѣлахъ Россіи, и отъ дани Россіи, подъ предлогомъ, будто они платятъ Китаю. Памиръ—совершенная пустыня, безотрадная и безплодная. Тамъ нѣтъ ровно ничего, кромѣ дикихъ звѣрей да кочующихъ лѣтомъ киргизовъ. Границы тамъ тоже не проводились ни когда и никѣмъ, а мы пріобрѣли права на него только потому, что завоевали Кокандское ханство, которому принадлежалъ Ташъ-Курганъ и другія болѣе извѣстныя урочища этой «крыши міра». Между тѣмъ теперь, пользуясь отсутствіемъ границъ, кашгарцы захватили Ташъ-Курганъ и считаютъ его своимъ.

Г—му случилось побывать на Памирѣ и съ оружіемъ въ рукахъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ извѣстный киргизскій разбойникъ Мать-Карымъ взволновалъ алайскихъ киргизовъ и ошскихъ сартовъ, и ловить его пришлось Г—му. Ему дали знать, что Мать-Карымъ скрывается въ лѣтнихъ кочевьяхъ Памира, въ мѣстности Кудара, и онъ отправился за нимъ туда съ нѣсколькими казаками и съ однимъ киргизомъ изъ сосѣднихъ волостныхъ старшинъ, который былъ въ этомъ дѣлѣ главнымъ путеводителемъ и сыщикомъ. Когда они окружили кибитки ко-

чевья, поднялась жаркая перестрѣлка; въ самый разгаръ ея киргизъ огромнаго роста съ саблею на̀-голо, стремительно выскочивъ изъ кибитки, бросился къ стоявшимъ въ сторонѣ казацкимъ лошадямъ, однимъ прыжкомъ вскочилъ на ближайшаго коня, и прежде, чѣмъ казаки успѣли опомниться, умчался въ степь. За нимъ однако бросились и догнали его; это оказался самъ Матъ-Карымъ. Его взяли израненнаго и повезли въ Ошъ.

Вообще Памиръ служитъ постояннымъ убѣжищемъ для киргизскихъ возмутителей и разбойниковъ, вторгающихся въ Фергану и волнующихъ туземное населеніе, еще такъ мало привыкшее къ теперешней мирной жизни и русскимъ порядкамъ.

Безлюдная горная пустыня кончается вмѣстѣ съ спускомъ съ сѣдлистаго перевала изъ долины Чигирчика—въ долину Талдыкъ-Су. Тутъ уже опять киргизскія кочевья на каждомъ шагу, киргизскіе зимовники, киргизскія стада на высокихъ горныхъ пастбищахъ, едва видныхъ намъ снизу.

По болотистымъ круговинкамъ Талдыка важно бродятъ черные аисты, которыхъ я вижу еще первый разъ въ жизни, и часто вспархиваютъ тоже никогда мною невиданныя «отайки»,—или «золотыя утки»,—крупныя птицы сказочной красоты цвѣтовъ, чудно сверкающія на солнцѣ багрянцемъ и золотомъ своихъ перьевъ.

Но для меня интереснѣе всякихъ птицъ — идущіе намъ на встрѣчу караваны. Видно, лѣто разжарило не на шутку нижнія долины Малаго Алая. Перекочевывающіе въ горы киргизы тянутся одни за другими. И у всѣхъ одинъ и тотъ же порядокъ, и вездѣ однѣ и тѣ же картины: впереди гонятъ овецъ, коровъ, верблюдовъ, мужчины съ воинственнымъ видомъ верхами на коняхъ, а на горбахъ тяжело нагруженныхъ верблюдовъ, среди деревянныхъ остововъ кибитокъ, «чангараковъ», свернутыхъ въ трубки войлоковъ, тюковъ съ коврами, котловъ и кувшиновъ—ярко-красные халаты и бѣлые тюрбаны киргизокъ.

Киргизы вѣковѣчные бродяги, и перекочевка для нихъ не

только необходимость, но и искреннее наслажденіе. Весь ихъ домашній скарбъ, весь бытъ ихъ приспособленъ къ сѣдлу и вьюку; у нихъ все дорожное, все передвижное — и жилище, и мускулы, и сама душа.

Характеренъ отвѣтъ, который старая киргизка дала Вамбери, переодѣтому дервишемъ, спросившему ее, зачѣмъ они постоянно кочуютъ:

«Мы не такъ лѣнивы, какъ вы, молла! намъ не усидѣть по цѣлымъ днямъ на одномъ мѣстѣ. Человѣкъ долженъ двигаться, потому что посуди самъ: солнце, мѣсяцъ, звѣзды, вода, звѣри, птицы, рыбы—всѣ движутся; только земля и мертвые остаются на мѣстѣ!»

Киргизка—больше хозяинъ верблюда, больше хозяинъ кибитки, чѣмъ самъ киргизъ. Киргизка, а не киргизъ будетъ разбивать кибитку по приходѣ кочевниковъ на облюбленное ими горное пастбище; киргизка будетъ навьючивать и развьючивать верблюда, киргизка погоняетъ его, поитъ и кормитъ, точно такъ же, какъ поитъ и кормитъ, обмываетъ и обшиваетъ самого киргиза и его киргизятъ, начиная отъ его бѣлой войлочной шапки до его бараньяго тулупа и «сарапая» и кожаныхъ «чомбаръ».

Можетъ быть, отъ этой постоянной грубой работы среди суровыхъ условій природы, отъ этой всегдашней мужественной борьбы съ нуждами и тягостями жизни, киргизская дѣвушка, киргизская женщина съ дѣтства выростаютъ такими рослыми, сильными, смѣлыми и выносливыми, такъ похожи на мужчинъ выраженіемъ своего лица и складомъ своихъ костей, такъ самостоятельны и тверды характеромъ.

У рѣдкихъ цивилизованныхъ народовъ женщина пользуется такимъ огромнымъ значеніемъ и уваженіемъ, какими пользуются среди киргизовъ ихъ жены и матери. Онѣ никогда не закрываютъ своего лица, какъ это дѣлаютъ всегда праздныя и безправныя сартянки и таджички, и пользуются наравнѣ съ мужчинами правомъ свободно смотрѣть на другихъ и показывать

другимъ самихъ себя. Въ общественныхъ и семейныхъ дѣлахъ имъ принадлежитъ рѣшающій и во всякомъ случаѣ очень важный голосъ, и нельзя не удивляться, какъ могла образоваться такая поразительная разница въ способностяхъ, вкусахъ и положеніи, повидимому, одной и той же азіатской и мусульманской женщины, какая является теперь между изнѣженными, ни къ чему не пригодными затворницами какихъ-нибудь турецкихъ гаремовъ и этими мужественными и дѣятельными хозяйками киргизскаго кочевья.

Въ нѣкоторыхъ киргизскихъ аулахъ женщины даже рѣшаютъ дѣла, касающіяся исключительно женщинъ. Зависимость всей жизни киргиза отъ его женщинъ онъ выразилъ ва очень мѣткой пословицѣ, столько же насмѣшливой, сколько трогательной:

«Если твоя жена зла, что̀ пользы отъ спокойствія народа? если твой сапогъ тѣсенъ,—что̀ пользы отъ обширности міра?»

Киргизка, составляющая въ мирное время всю силу семьи, не остается безполезною для нея въ дни войнъ и междоусобій.

Женщины киргизовъ не разъ вступали въ рукопашный бой, храбро защищая свои кибитки отъ врага, вторгнувшагося въ родной аулъ, и постоянно ухаживаютъ за ранеными, родными и чужими; другихъ докторовъ и сестеръ милосердія у кочевниковъ нѣтъ.

Въ этомъ отношеніи разсказы древнихъ авторовъ о храбрыхъ амазонкахъ, кочевавшихъ около Каспійскаго моря, рисуютъ очень мало видоизмѣнившійся образъ жизни киргизскихъ и туркменскихъ наѣздницъ.

Мужественность и дѣловитость кочевой женщины средне-азіатскихъ пустынь поражали и европейскихъ путешественниковъ, посѣщавшихъ въ XIII столѣтіи монгольскія страны.

«Дѣвки и женщины монголовъ ѣздятъ верхомъ и скачутъ такъ же, какъ мужчины», разсказываетъ Плано-Карпини въ своей классической книгѣ, которую мы уже не разъ приводили. «Жены у нихъ дѣлаютъ все: шубы, платье, башмаки, сапоги и всякую кожаную работу. Онѣ же ѣздятъ на повозкахъ и чи-

нять ихъ, также вьючать верблюдовъ. Онѣ очень проворны и искусны во всѣхъ работахъ. Всѣ онѣ носятъ портки; нѣкоторыя стрѣляютъ, какъ мужчины».

Читая эти строки, думаешь, что итальянскій монахъ, современникъ Чингиса, описываетъ теперешнихъ киргизокъ. До того сохранили онѣ въ наши дни старинные монгольскіе обычаи.

Киргизъ, несмотря на грубость своихъ нравовъ и на свой семейный деспотизмъ, обычайный у всѣхъ азіатовъ и у всѣхъ магометанъ,—очевидно, сознаетъ великое значеніе женщины въ своей жизни. Онъ украшаетъ свою могучую помощницу самыми ласковыми именами, поистинѣ, очень нѣжными для такого дикаря, и очень мало подходящими къ дѣйствительнымъ качествамъ этихъ мужеобразныхъ дамъ. Вы почти не найдете среди женскихъ киргизскихъ именъ другихъ названій, какъ «Урюкъ» (абрикосъ), «Пистагуль» (фисташковый цвѣтъ), «Алва» (халва, любимое лакомство азіатовъ), «Карлыгасъ» (ласточка), «Джибекъ» (шелкъ) и т. п.

Если встрѣтится среди этихъ нѣжностей какая-нибудь «Сарыкызъ», то-есть «желтая дѣвушка», — то потому только, что въ понятіяхъ желтокожаго монгола нѣтъ краше цвѣта, какъ желтый—для личика любимой красавицы.

Конечно, не нужно составлять себѣ изъ этого черезъ-чуръ идиллическихъ представленій о семейныхъ добродѣтеляхъ киргизскаго кочевника. Все таки киргизъ остается киргизомъ, азіатъ—азіатомъ, дикарь—дикаремъ.

Не даромъ онъ сочинилъ характерную поговорку на счетъ своего семейнаго быта:

«Я могу бить свою жену, сколько мнѣ угодно; а если убью, то заплачу «хунъ».

Впрочемъ, если мужъ очень бьетъ свою жену, то родъ ея вступается и, въ извѣстныхъ случаяхъ, даже отнимаетъ ее у мужа.

Насколько женщина цѣнится киргизами, лучше всего доказывается тѣмъ, что до послѣдняго времени за нее платился очень высокій калымъ.

Конечно, калымъ вообще служитъ признакомъ зависимости женщины, обращаетъ ее въ товаръ своего рода, въ домашнее животное, которое можно покупать за деньги. Но тѣмъ не менѣе, размѣръ калыма имѣетъ свое несомнѣнное значенiе.

Въ прежнее время, когда киргизы владѣли огромными стадами и не были стѣсняемы въ пастбищахъ, и когда, съ другой стороны, участiе трудолюбивой и энергической женщины въ ихъ постоянно тревожномъ и необезпеченномъ быту было особенно важно для нихъ,—калымъ за невѣсту обыкновенно доходилъ до ста различныхъ скотинъ, но теперь такой калымъ уже рѣдкость, и чаще всего онъ не поднимается свыше 9, 10 головъ (1 или 2 верблюда, 4 лошади, 4 коровы).

При этомъ бѣдняки вмѣсто коровъ и лошадей даютъ столько же мелкаго скота, овецъ и козъ, а иногда даже и лошадь вмѣсто верблюда.

Киргизы, какъ истые азiаты, большiе любители женъ.

Хотя магометанскiй писанный законъ, — шарiатъ, не разрѣшаетъ правовѣрному имѣть болѣе четырехъ женъ, но народные обычаи,—или адаты, по-киргизски «зангъ», — въ этомъ отношенiи гораздо великодушнѣе и дозволяютъ мужу имѣть столько женъ, сколько пожелаетъ душа его, «ибо жена — самка», оттого ей позволительно ходить съ открытымъ лицомъ, какъ и прочимъ животнымъ.

Понятно, что богатые киргизы болѣе придерживаются любезнаго имъ «занга», чѣмъ педантическихъ правилъ шарiата.

«Разбогатѣетъ сартъ—строитъ домъ; разбогатѣетъ киргизъ— набираетъ женъ», говоритъ туземная пословица.

Другая такая же пословица свидѣтельствуетъ о семейныхъ вкусахъ киргиза нѣсколько съ иной точки зрѣнiя:

«Домъ съ дѣтьми—базаръ, а безъ дѣтей — мазаръ (т.-е. могила)», говорятъ киргизы.

Меня увѣряли, что киргизъ, у котораго болѣе четырехъ женъ, живетъ брачно только съ четырьмя; остальныя обращаются въ

такъ называемыя «суфи», то-есть, «воздержанныя»,—невольныя монахини своего рода.

Съ каждою же изъ четырехъ дѣйствительныхъ женъ своихъ киргизъ обязанъ по адату ночевать по очереди, а она въ свою очередь обязана готовить ему въ этотъ день кушанье и заниматься всѣмъ хозяйствомъ; такъ что деликатный вопросъ о раздѣленіи на четыре части семейныхъ радостей и семейныхъ обязанностей разрѣшенъ кочевымъ законодательствомъ довольно просто и остроумно, по принципу: «любишь кататься, люби и саночки возить».

Впрочемъ, старшая, или любимая жена киргиза,—байбише»—сохраняетъ надъ всѣми остальными женами нѣкоторое начальственное значеніе.

Всѣ эти полигамическіе вкусы узкоглазаго монгола не мѣшаютъ ему сваливать бѣду съ больной головы на здоровую и оскорблять вѣрныхъ подругъ своей жизни такими пословицами, будто «красивая женщина не можетъ не быть развратницею».

Вѣроятно, чтобы избѣжать этого грѣха, киргизскихъ женщинъ отдаютъ замужъ, а киргизскихъ парней женятъ — очень рано.

Въ большинствѣ киргизскихъ родовъ, малый въ 12, 13 лѣтъ уже считается совершеннолѣтнимъ, а дѣвушки признаются способными къ брачному сожитію даже съ 9 и 10 лѣтъ.

Правда, тутъ бываетъ большая разница—смотря, изъ какой семьи женихъ или невѣста. Въ богатыхъ семьяхъ, гдѣ ѣдятъ много баранины и конины, гдѣ дѣти растутъ сыто и привольно, совершеннолѣтіе наступаетъ значительно ранѣе, чѣмъ среди голодающаго и отощавшаго населенія.

Въ этомъ отношеніи замѣчательно, что дѣти мясниковъ, даже и не богатыхъ, — вполнѣ приравниваются къ богатымъ семьямъ, именно потому, что имѣютъ частые случаи питаться мясомъ.

Бій Халмахаммедъ, какъ передаетъ генералъ Гродековъ въ своей прекрасной книгѣ о юридическомъ бытѣ киргизовъ и кара-

киргизовъ, на предложенный ему по этому поводу вопросъ отвѣчалъ очень искренно: «о другихъ не могу сказать, а знаю только, что *я съ 12-ти лѣтъ достигъ совершеннолѣтія*, такъ какъ съ тѣхъ поръ сталъ способенъ быть отцомъ семейства. Другіе, болѣе слабые люди годятся только съ 15-ти лѣтъ».

Алайскіе кара-киргизы, у которыхъ мы только-что гостили, чаще всего помолвливаютъ своихъ дѣтей, когда имъ сравняется только одинъ годъ, а иногда даже и до рожденія ребенка. Но женитьба происходитъ все-таки въ свое время и не раньше, конечно, какъ женихъ въ состояніи внести весь назначенный калымъ.

Невѣста у киргизовъ считается собственностью не семьи ея, а цѣлаго рода. Если умретъ женихъ, братъ жениха имѣетъ право взять ее; если умретъ невѣста, женихъ можетъ взять за себя ея сестру.

Мститъ за невѣсту тоже цѣлый родъ. Послѣ того, какъ совершится торжественнное закланіе козла, въ кибиткѣ старшаго брата невѣсты, — нѣчто въ родѣ нашего обрученья, — жениху дозволяется ложиться со своею невѣстою, хотя еще безъ всякихъ брачныхъ правъ, и если онъ злоупотребитъ своимъ положеніемъ, то подвергнется жестокой мести со стороны членовъ оскорбленнаго рода.

Но самая оригинальная черта киргизской свадьбы—это злополучное положеніе несчастныхъ сватовъ, подобнаго которому не встрѣчается, кажется, ни у одного народа на земномъ шарѣ; ихъ раздѣваютъ до-гола и съ веревкой на шеѣ таскаютъ на посмѣшище всего народа; во время свадебнаго пиршества пришиваютъ къ кошмамъ, такъ что они двинуться не могутъ; вытаскиваютъ изъ кибитки за ноги черезъ верхнее круглое отверстіе — «чангаракъ», и вообще продѣлываютъ надъ ними самыя непристойныя шутки, причемъ женщины заигрываютъ ихъ иногда до смерти, какъ увѣряютъ изслѣдователи киргизскаго быта.

Мнѣ кажется, этотъ нелѣпый и возмутительный обычай —

тоже родовая месть особаго вида — безжалостно-шуточное возмездіе, со стороны рода, за увозъ принадлежащей ему цѣнности, — невѣсты,—главнымъ виновникамъ этого добровольнаго похищенія.

IX.

Родовой бытъ киргиза.

А перекочевывающіе караваны, между тѣмъ, все чаще и чаще попадаются намъ на встрѣчу. Перекочевываютъ тоже, обыкновенно, цѣлымъ родомъ.

Земля у киргизовъ, и до русскаго завоеванія, считалась общимъ добромъ всего племени, а теперь, по закону 12-го іюня 1886 года, признана государственною собственностію, которую кочевники могутъ занимать подъ свои стада и кочевья въ безсрочное пользованіе. Кочевки свои киргизы, вообще, называютъ «куппекъ».

«Зимовыя стойбища» ихъ, болѣе тѣсныя и труднѣе находимыя, отводятся каждому роду, а «лѣтовки», или «лѣтнія кочевья»,—по-киргизски «джейляу»—населенію цѣлаго уѣзда безъ различія родовъ.

Лѣтнія кочевья киргизовъ бываютъ такъ обширны, что въ сухое лѣто въ предѣлахъ какой-нибудь Сыръ-Дарьинской или Ферганской области — иногда не хватаетъ пастбищъ для скота и киргизамъ дозволяется въ такихъ случаяхъ перекочевывать даже въ сосѣднія области Степного губернаторства, гдѣ жары бываютъ не такіе изсушающіе и населеніе не такъ тѣсно, въ области Семирѣченскую, Акмолинскую, Тургайскую.

Осеннія же кочевья—«куздяу»—они находятъ у себя дома, гдѣ за лѣто успѣетъ отрости порядочная трава.

Собственно говоря, земля не имѣетъ никакой цѣны въ глазахъ киргиза, и, вѣроятно, было время, когда всѣ народы, оби-

тавшіе въ сухихъ равнинахъ, относились къ ней такъ же. Цѣнится высоко кочевникомъ только вода и трудъ.

Здѣсь продаютъ и покупаютъ не землю, а воду, да сколько-нибудь осязательные плоды человѣческой работы.

Арыкъ, колодезь, деревья, постройки,—вотъ что всегда считалось у киргизовъ личною наслѣдственною собственностію и на что получались, взамѣнъ купчихъ и данныхъ, ярлыки хановъ или судебные приговоры біевъ.

Пастбища же, сѣнокосы и даже пашню свою кочевники бросаютъ, отъѣзжая, нисколько не заботясь поддерживать свое jus primi occupantis.

Но если родъ вырылъ кудукъ или арыкъ, торжественно заклавъ надъ нимъ козла или барана и принеся такимъ образомъ «кудаи» (т.-е жертву богу),—то ужъ этотъ арыкъ или колодезь дѣлался на вѣки-вѣчные собственностью рода, не прекращаемою никакими земскими давностями.

Ханы считали себя обязанными выдавать родамъ ярлыки на ихъ арыки, лѣтовки и зимовки, при чемъ и лѣтовка и зимовка, непремѣнно, обозначались въ одномъ и томъ же ярлыкѣ, такъ какъ одна безъ другой онѣ теряли всякое значеніе.

Передвиженіе кочевниковъ съ зимовокъ на ихъ горныя «джейляу»,—картиною котораго я теперь любуюсь глазами художника,—очень важное событіе въ жизни кара-киргиза.

Подъ переносъ кибитки выбираются самыя сильныя животныя. Большую кибитку поднимаютъ обыкновенно пять верблюдовъ, для небольшой—достаточно и трехъ.

Наканунѣ выхода съ зимовника устраивается общее угощеніе, гдѣ обильно истребляется «куйрукъ» (курдючное сало), «каймакъ» (топленыя сливки), «айранъ» (кислое овечье молоко съ водою), «крутъ» (кислый овечій сыръ), «кужа» (каша изъ проса), мясо барановъ, козъ и лошадей.

Впрочемъ, по убѣжденію киргизовъ, мясо, до котораго они большіе охотники, вовсе не есть лучшая пища для человѣка. Напротивъ того, они считаютъ самою чистою и полезною пи-

щею хлѣбъ и виноградъ, и увѣряютъ, что самъ Аллахъ призналъ это, сказавъ людямъ: «если бы я могъ употреблять яства, я бы ѣлъ только хлѣбъ и виноградъ».

Остальные плоды тоже считаются «пищею рая», мясо же, по понятіямъ киргиза, не изъ рая», а изъ остатковъ глины послѣ сотворенія Богомъ перваго человѣка.

Въ этихъ наивныхъ взглядахъ кочевника нельзя не видѣть искаженнаго отзвучія древнихъ библейскихъ сказаній о раѣ, изстари распространенныхъ среди народовъ Азіи.

Мясо овцы и козы считается у киргизовъ лучшимъ; лошадь сотворена, по ихъ убѣжденію, изъ воздуха—«ель», оттого она и обладаетъ быстротою и легкостью. Верблюда киргизъ рѣжетъ только въ исключительныхъ случаяхъ, когда онъ отправляется на паломничество въ Мекку и приноситъ Аллаху умилостивительную жертву.

На пиршествахъ киргизовъ непремѣнно участвуетъ и музыка. Въ кибиткахъ алайскихъ кара-киргизовъ мы вездѣ видѣли висящія на стѣнахъ туземныя балалайки—«домбра», скрипки—«кобза», и дудки—«сабызга». Почти всякій киргизъ умѣетъ играть на чемъ-нибудь. Кромѣ музыки и пѣсенъ неизбѣжною забавою ихъ пировъ служитъ также ихъ любимая «байга»—отчаянная борьба между собою молодыхъ парней.

Когда прощальное пиршество окончится, зажигаютъ на краю зимовки два костра и становятъ между ними какую-нибудь сѣдоволосую старую вѣдьму,—хранительницу родовыхъ преданій и обычаевъ.

Старуха, творя причитанья, разбиваетъ тыквенный кувшинъ, по-киргизски «кабакъ»—откуда, вѣроятно, произошло и наше названіе «кабачковъ» для мелкой породы тыквъ, изъ которыхъ на югѣ приготовляютъ очень вкусное кушанье.

«Какъ разлетѣлся въ куски этотъ кувшинъ, такъ пусть разлетятся всѣ наши печали!» торжественно провозглашаетъ старуха и, взявъ за поводъ нагруженныхъ верблюдовъ, первая выводитъ ихъ изъ зимняго стойбища.

Присутствующіе киргизы начинаютъ перепрыгивать черезъ костры и кричать вслѣдъ за старухой:

«Аласъ, аласъ!» (прочь, прочь!). Когда на другой день выступятъ изъ зимовища, то верстъ черезъ 5-ть или 6-ть дѣлаютъ остановку, разбиваютъ опять юрты, рѣжутъ лошадей, барановъ и устраиваютъ новое «кудаи» Аллаху. При закланіи животныхъ старшина рода молится:

«Да будемъ мы такъ же счастливы на новомъ мѣстѣ, какъ были счастливы на старомъ!»

Впереди каравана посылаются заранѣе развѣдчики изъ самыхъ опытныхъ стариковъ.

Развѣдчики, отыскавъ колодезь, который долженъ служить средоточіемъ будущаго кочевья, ставятъ *„бельчи"*—или «признаку», какъ говорили у насъ въ старину,—втыкаютъ копье, оставляютъ какую-нибудь свою вещь, связываютъ пучкомъ траву около колодца, а чаще всего чертятъ на землѣ «тамгу» своего рода,—и уже послѣ этого ни одинъ киргизъ не остановитъ своихъ верблюдовъ на захваченномъ пастбищѣ.

«Тамга», отъ которой произошло наше старинное русское слово «таможня»,—служитъ самымъ вѣрнымъ признакомъ пребыванія рода въ извѣстномъ мѣстѣ. «Тамга»—это условный знакъ, тавро, печать, замѣняющая и гербъ, и подпись для киргизскихъ родовъ.

Если на какомъ-нибудь камнѣ или памятникѣ отыщется «тамга» извѣстнаго киргизскаго рода, то не можетъ быть никакого сомнѣнія, что родъ этотъ когда-нибудь кочевалъ здѣсь и поставилъ эти памятники.

Каждый изъ 92-хъ узбекскихъ родовъ,—которыхъ мы, русскіе, смѣшиваемъ подъ общимъ названіемъ киргизовъ,—имѣетъ особую «тамгу», ведущую свое начало съ незапамятныхъ временъ. По преданіямъ киргизовъ, «тамга» была придумана въ старину для того, чтобы 92 брата, родоначальники узбекскихъ родовъ,—могли различать свой скотъ отъ скота другихъ братьевъ.

До сихъ поръ «тамга» эта выжигается здѣшними киргизами и кара-киргизами—на всякой скотинѣ. На лошади и верблюдѣ она выжигается всегда слѣва, такъ какъ садятся на нихъ съ лѣвой стороны. Но одинъ родъ выжигаетъ «тамгу» на головѣ, другой на боку, на плечѣ, на животѣ, на ляжкѣ и т. п.

Общая «тамга» служитъ въ нѣкоторомъ смыслѣ объединяющимъ знаменемъ для киргизовъ одного рода. Значеніе этихъ древнихъ родовъ хотя и сильно расшаталось послѣ русскаго завоеванія, но все-таки продолжаетъ быть главнымъ общественнымъ началомъ въ жизни киргизовъ.

И киргизы, и кара-киргизы всѣ называютъ себя узбеками, и списокъ 92-хъ основныхъ узбекскихъ родовъ съ небольшими видоизмѣненіями распространенъ во всѣхъ киргизскихъ аулахъ.

Степные киргизы, впрочемъ, хотя и признаютъ кара-киргизовъ узбеками, но отдѣляютъ ихъ въ совершенно особое племя и увѣряютъ, будто они произошли отъ калмыковъ и даже отъ собакъ.

Мнѣ кажется, такой взглядъ степныхъ киргизовъ на своихъ горныхъ собратьевъ достоинъ серьезнаго вниманія. Уже и при первомъ взглядѣ на кара-киргиза бросается въ глаза его сильная «калмыковатость» сравнительно съ другими кочевниками Туркестана. Кара-киргизъ смотритъ гораздо больше монголомъ, чѣмъ степной киргизъ и сартъ. Въ то же время кара-киргизъ гораздо храбрѣе степного киргиза или казака, какъ они величаютъ сами себя, и независимѣе его по своему духу.

Изъ этихъ сопоставленій можно, пожалуй, вывести заключеніе, что кара-киргизъ, быть можетъ, есть прямой потомокъ монгола-завоевателя, гораздо менѣе смѣшавшійся съ побѣжденными тюркскими народностями, чѣмъ киргизъ-казакъ, чему, конечно, не мало могло способствовать и ихъ трудно доступное мѣсто жительства въ горныхъ трущобахъ Алайскаго и Ферганскаго хребтовъ.

Замѣчательно, что среди кара-киргизовъ нѣтъ привилегированнаго сословія, такъ называемыхъ «тюрей», или «бѣлой кости» («ак-суекъ» по-киргизски).

Тюри считаются потомками Чингисъ-хана (и въ тоже время непостижимымъ образомъ потомками халифа Аббаса) и имѣютъ, а особенно имѣли прежде, среди киргизъ-казаковъ почти такое же значеніе, какъ наше дворянское сословіе имѣло среди крестьянъ и купцовъ крѣпостной эпохи.

Они всегда были наслѣдственными вождями племени, пользовались большимъ почетомъ и важными преимуществами въ правахъ собственности. До послѣдняго времени браки между «бѣлою костью» — «акъ-суекъ»—и «черною костью» — «кара-суекъ» — считались великимъ позоромъ для тюрей; женщина «бѣлой кости», выходившая замужъ за «черную кость», подвергалась проклятію и лишалась своихъ сословныхъ льготъ.

При графѣ Сперанскомъ возникла мысль привести въ извѣстность народные обычаи киргизовъ, подвластныхъ Россіи, и составить общій сводъ этихъ «адатовъ».

Сводъ этотъ, напечатанный на киргизскомъ языкѣ, хранился во 2-мъ отдѣленіи собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, и профессоръ Самоквасовъ въ 1876 году издалъ по сохранившимся копіямъ его «Сборникъ обычнаго права сибирскихъ инородцевъ» съ спеціальнымъ приложеніемъ къ нему «обычаевъ киргизовъ» (большой и средней орды). Такъ какъ матеріалъ для этого сборника собирался при помощи киргизскихъ старшинъ, то султаны и біи ихъ, принадлежавшіе къ сословію тюрей, повидимому, широко воспользовались представлявшимся имъ удобнымъ поводомъ усилить и закрѣпить свои сословныя привилегіи на счетъ простого народа, выдавая за старинные обычаи многое такое, чтò только было съ ихъ стороны случайнымъ злоупотребленіемъ или даже просто мечтою будущаго.

По крайней мѣрѣ мѣстные изслѣдователи этого вопроса, какъ, напримѣръ, извѣстный знатокъ киргизскаго быта генералъ Гродековъ, прекрасной книгой котораго «Киргизы и кара-киргизы» мы главнымъ образомъ пользуемся въ настоящемъ случаѣ, — предполагаютъ, что жестокія наказанія и даже смерт-

ная казнь за оскорбленія и нарушеніе преимуществъ «бѣлой кости» людьми «черной кости»—введены въ сборникъ адатовъ по выдумкѣ самихъ киргизскихъ старшинъ, которая не могла быть провѣрена составителями сборника за отсутствіемъ среди русскихъ изслѣдователей того времени хорошо подготовленныхъ знатоковъ киргизскаго языка и обычаевъ.

Можетъ быть, этими же обстоятельствами слѣдуетъ объяснить и включеніе въ сборникъ киргизскихъ адатовъ такихъ жестокосердыхъ и фанатическихъ правилъ, совершенно не подходящихъ къ обычной терпимости и маловѣрію степного кочевника и такъ странно звучащихъ въ книгѣ законовъ христіанскаго государства, какъ «лишеніе живота за поруганіе своего закона», въ случаѣ принятія киргизомъ христіанства, или «повѣшеніе 7-ми человѣкъ» изъ членовъ рода за убійство одного ходжи, которые, подобно султанамъ и біямъ, принадлежали къ «бѣлой кости» и почитались потомками сподвижниковъ пророка. Смертная казнь полагалась по этому сборнику даже и за такой нисколько не уголовный проступокъ, какъ вступленіе въ бракъ сына или дочери безъ вѣдома родителей.

Мы русскіе, всегда отличались излишнею довѣрчивостью и излишнею снисходительностью къ разнымъ инородцамъ, входившимъ въ составъ нашего огромнаго царства. На Кавказѣ, въ Сибири, въ киргизскихъ степяхъ, мы дѣлали тѣ же ошибки, какъ и въ балтійскихъ провинціяхъ, Финляндіи и Польшѣ, освящая могучею поддержкою государства безъ серьезной провѣрки и изученія подлинныхъ обстоятельствъ дѣла, разныя неправыя притязанія и случайныя злоупотребленія господствующихъ сословій, составлявшихъ въ сущности ничтожное меньшинство народа; мы наивно воображали, что пріобрѣтаемъ себѣ вѣрныхъ сторонниковъ въ тѣхъ руководящихъ слояхъ новоприсоединенной народности, которыхъ мы щедро награждали присвоенными ими себѣ льготами,—а вмѣсто того въ нихъ именно и встрѣчали каждый разъ самыхъ упорныхъ противниковъ рус-

ской государственности, самыхъ горячихъ друзей всякаго рода обособленности мѣстнаго края отъ Россіи.

Такими недальновидными простаками являлись мы до послѣдняго времени относительно польскихъ пановъ, остзейскаго рыцарства, финляндскихъ сеймовъ, сибирскихъ шамановъ, горскихъ князей Кавказа,—такими же оказались мы и по отношенію къ ходжамъ и султанамъ киргизскихъ ордъ.

Впрочемъ, въ послѣднее время, послѣ покоренія Туркестана и устройства киргизскихъ ордъ на новыхъ началахъ, привилегіи «бѣлой кости» уже не признаются русскимъ закономъ, да и въ жизни туземцевъ они потеряли прежнее значеніе.

Съ 1867 года русское правительство раздѣлило киргизскія орды по уѣздамъ, волостямъ и ауламъ, и вмѣсто наслѣдственныхъ родовыхъ старшинъ установило выборныхъ волостныхъ старшинъ и аульныхъ сельскихъ старостъ (аксакаловъ), чтобы ослабить среди киргизовъ прежнее значеніе рода и «бѣлой кости», слишкомъ близкое къ старымъ порядкамъ ихъ быта и слишкомъ поэтому мѣшавшее сліянію киргизовъ съ остальнымъ населеніемъ имперіи.

Это нанесло несомнѣнно глубокій ударъ родовому быту киргизовъ. Хотя подъ видомъ выборныхъ волостныхъ старшинъ пока еще выдвигаются бо́льшею частью тѣ же наслѣдственные вожди родовъ, имѣющіе еще огромное значеніе среди населенія, и хотя вопреки административному раздробленію рода на волости и аулы и искусственному соединенію въ одной волости частей изъ различныхъ родовъ,—въ каждой волости пока распоряжается безпрепятственно господствующій родъ,—но все-таки нельзя не видѣть, что новыя начала замѣтно бродятъ въ народной массѣ и вызываютъ все чаще и чаще явленія новаго характера, несомнѣнно видоизмѣняя взглядъ народа на значеніе и рода, и «бѣлой кости», пріучая его все больше къ равенству передъ закономъ и къ господству надъ всѣмъ государственнаго интереса.

Къ сожалѣнію, эти новыя начала невольнымъ образомъ рас-

шатали тѣ старые нравственные устои, на которыхъ до сихъ поръ покоилась сколько-нибудь твердо общественная и семейная жизнь кочевниковъ. Выборное начало внесло съ собою возмутительную продажность, недобросовѣстность, духъ смуты и интригъ. Почтеніе къ старшимъ членамъ рода, послушаніе родителямъ, страхъ передъ судомъ, религіозное благочестіе,—всѣ эти полезные нравственные тормазы человѣка замѣтно ослабѣли среди киргизовъ и развязали руки болѣе дерзкимъ и корыстнымъ изъ нихъ. Но это, кажется, неизбѣжная ступень, черезъ которую приходится проходить всякой народности, выростающей изъ пеленокъ патріархальнаго быта и призываемой къ болѣе широкой гражданской жизни. Поэтому и смотрѣть на эти печальныя явленія слѣдуетъ безъ малодушія и отчаянія, съ твердою вѣрою, что временная болѣзнь роста окончится въ свой срокъ, и что нужно только зорко слѣдить за ней и не колеблясь примѣнять противъ нея подходящія лѣкарства.

Я сказалъ выше, что кара-киргизы, въ противоположность съ степными киргизами, не знаютъ «бѣлой кости», не знаютъ «тюрей», точно такъ же, какъ не знаютъ «кара-суекъ»—«черной кости». Кара-киргизы всѣ равны, всѣ—одного сословія.

Невозможно воздержаться отъ заключенія, что слѣдовательно «бѣлая кость» киргизовъ есть не что иное, какъ потомство завоевателей, а черная кость, — «подданные» — потомство покоренныхъ.

Это предположеніе дѣлается еще болѣе убѣдительнымъ, когда вспомнишь, что «бѣлая кость», «тюрэ», — считается *не принадлежащею ни къ одному изъ киргизскихъ родовъ и ни одной киргизской ордѣ*, и даже не раздѣляется на колѣна, какъ всѣ роды киргизовъ.

«Бѣлая кость» единая и нераздѣльная—по-киргизски «тагнъ» и признается *потомствомъ хановъ, царствовавшихъ въ степи*, Аблай-хана и другихъ, стало быть, прямо завоевателей.

Интересна въ этомъ отношеніи легенда о происхожденіи

3-хъ ордъ киргизовъ-казаковъ, сохраняющаяся среди нихъ самихъ.

Жили-были два брата—Могулъ и Татаръ. Отъ Могула произошли казаки. Могулы были побѣждены и истреблены татарами. Спаслось изъ нихъ только три сотни, или орды. Они ушли въ горы и размножились. Первый начальникъ у нихъ былъ Алашъ. Оттого-то до сихъ поръ сохраняется во всѣхъ 3-хъ ордахъ киргизовъ ихъ старинный боевой кличъ: «алашъ!» Боевой кличъ по-киргизски «уранъ»; и я сильно подозрѣваю что наше русское «ура»,—несомнѣнно тоже старинный боевой кличъ нашъ,—есть не что иное, какъ заимствованное у вѣковѣчныхъ нашихъ сосѣдей и учителей въ боевомъ дѣлѣ азіатскихъ степняковъ,—укороченное названіе ихъ боеваго клича — «уранъ».

Алашъ-ханъ отправилъ три отряда *холостыхъ наѣздниковъ* въ пограничную область на сторóжу своей земли.

Слово казакъ, по объясненію словаря Будагова, — значитъ, именно, *вольный*, бродяга, разбойникъ, *холостой*. Эти холостые наѣздники, или казаки, подговорили цыганокъ степнаго табора убить мужей и выйти замужъ за нихъ казаковъ, и вотъ отъ этихъ цыганокъ-казачекъ и появились на свѣтъ три казацкія или киргизскія орды. Въ одной сталъ предводителемъ Байшура, бóльшій сынъ Алашъ-хана, въ другой — средній сынъ его — Джаншура, а въ третьей—самый меньшій—Карашура. «Чангаракъ», — то-есть верхній обручъ кибитки, священный у киргизовъ синонимъ домовладычества, остался у Байшуры, въ «Большой ордѣ», которая и прозвана была поэтому «наслѣдствомъ отца»—«ата баласы», въ то время какъ Средняя орда получила названіе «потомство старшаго брата» («ага-баласы»).

Большая орда, или «Улу-юзъ» осталась кочевать у населенныхъ мѣстъ Туркестана. Средняя,—«Орта-юзъ»,—заняла удобныя для табуновъ степныя пастбища, а Малая орда — «Кши-юзъ»,—удалилась еще дальше, къ границамъ Россіи.

Изъ этого преданія ясно одно, что предки киргизовъ-каза-

ковъ были покорены другимъ родственнымъ народомъ, очень можетъ быть, тѣми самыми монголами Чингисъ-хана, которые, присоединивъ къ себѣ своихъ сосѣдей татаръ, лавиною хлынули на степи Сибири и Туркестана.

Тогда понятно, что потомки завоевателей хотя и остались въ тѣсной связи съ покореннымъ народомъ, близкимъ имъ по языку и образу жизни, но все-таки составили среди него господствующее и привилегированное сословіе, — такъ называемое «бѣлая кость».

Кара-киргизы же, которые по всей вѣроятности произошли отъ самихъ завоевателей, не имѣли никакихъ историческихъ причинъ къ выдѣленію изъ себя особаго сословія тюрей или султановъ и къ раздѣленію народа на двѣ «кости» — бѣлую и черную.

Свое происхожденіе кара-киргизы объясняютъ совсѣмъ не такъ, какъ казаки. Названіе кара-киргизы — ими самими не употребляется, а дается имъ русскими и другими сосѣдями. Сами себя они называютъ просто «кыргызъ»; слово это означаетъ, по ихъ объясненію, «40 дѣвъ» (кыръ-кызъ). Миѳическій родоначальникъ ихъ имѣлъ дочь и приставилъ оберегать ее 40 прислужницъ. Купаясь въ рѣкѣ съ своей госпожей, эти 40 дѣвъ увидѣли плывущую по рѣкѣ пѣну и услышали голосъ, который раздавался изъ воды: «и то истина, и это истина!» («Ана эльхакъ, — мана эльхакъ!»). Онѣ обмакнули пальцы въ пѣну и оттого вдругъ всѣ 40 сразу забеременили. Ихъ выгнали на высокую гору, и тамъ онѣ родили 40 сыновей и 40 дочерей. Сыновья переженились на дочеряхъ, и отъ нихъ-то произошелъ *„народъ сорока дѣвъ“* — «кыръ-кызъ».

Адаты, или «зангъ», у кара-киргизовъ почти совершенно такіе же, какъ у киргизовъ-казаковъ съ самыми ничтожными отступленіями.

И у тѣхъ, и у другихъ родъ составляетъ основу всѣхъ имущественныхъ, общественныхъ и политическихъ отношеній. Родъ

защищаетъ своихъ членовъ и отвѣчаетъ за проступки ихъ. Родъ платитъ хунъ, родъ мститъ. По законамъ киргизской кровавой мести, убивается не убійца, а кто-нибудь изъ рода. Невѣста принадлежитъ роду. Гостепріимство оказывается по степени родства.

Родство, то-есть связи съ родомъ, отыскивается до сорокового колѣна.

«Кто не знаетъ имени своихъ семи предковъ,—тотъ отступникъ!» учитъ киргизскій кодексъ нравственности.

Оттого-то первый вопросъ, который киргизъ предлагаетъ незнакомому человѣку, желая узнать о немъ что-нибудь,—это: «кто были твои 7-мь отцовъ?» Каждый киргизскій ребенокъ въ состояніи дать на этотъ вопросъ вполнѣ точный отвѣтъ.

«Лучше быть пастухомъ въ своемъ родѣ, чѣмъ въ чужомъ народѣ царемъ»,—говоритъ киргизская пословица.

Уваженіе къ старшинству рода дотого вкоренено въ киргиза, что самый послѣдній родъ Большой орды имѣетъ преимущество передъ самымъ главнымъ родомъ Средней орды, и эти въ свою очередь вездѣ становятся выше родовъ Малой орды.

Причина же та, что ихъ «предокъ старше». На киргизскихъ пирахъ прежде всего спрашиваютъ, нѣтъ ли среди гостей когонибудь изъ рода Джалаира,—старшаго рода Большой орды. Если членъ этого рода налицо, то ему первому подносятъ угощеніе и вообще ему принадлежитъ первая роль на пирѣ. Если нѣтъ Джалаира, — первенствуетъ Ошакты, второй по старшинству родъ Большой орды. Почетному роду принадлежитъ лучшій кусокъ на пиршествѣ, голова, а въ ней особенно почетною частью считается носъ; плечо же животнаго достается представителямъ младшаго рода.

Вообще у киргизовъ установленъ самый сложный этикетъ на счетъ распредѣленія кусковъ пищи. Быть можетъ, это также отпечатокъ монгольскаго завоеванія, монгольскихъ вліяній, занесенныхъ изъ Китая.

Такъ, напр., при свадебномъ угощеніи бараниной, парнямъ

дается бедро передней ноги, жениху—грудинка, старикамъ—плечо и бедро, а женщинамъ и дѣвушкамъ—всегда самыя плохія части: задняя голень и хвостъ.

У кара-киргизовъ аксакалу, т.-е. старшинѣ, дается голова съ бокомъ, біямъ, ходжамъ, манапамъ и почетнымъ богачамъ—курдючное сало съ другимъ бокомъ, и потомъ еще существуетъ цѣлый десятокъ степеней съ точнымъ указаніемъ, кому что слѣдуетъ давать. Только женщинамъ и дѣтямъ обыкновенно предназначается безъ измѣненія самыя худшія и невкусныя части, какъ кишки.

Обязанность накормить гостя всѣ роды киргизовъ считаютъ одинаково священною, и путникъ въ далекомъ странствованіи не столько надѣется на нѣсколько горстей кужи, захваченныхъ имъ про запасъ, сколько на *„кунакъ-асы“*—безмездное угощеніе гостя и лошади его какимъ-нибудь побратимомъ (по-киргизски «тамыръ»).

Мы тоже пользовались ничѣмъ инымъ, какъ «кунакъ-асы», гостя эти дни въ кибиткахъ кара-киргизской датхи.

«Богъ, который далъ голову, даетъ и пищу!» увѣряетъ киргизъ, отправляясь почти безъ всякихъ запасовъ въ безбрежныя степи.

Хорошо накормить гостя—и честь, и нравственный подвигъ въ глазахъ киргиза.

«Кормившему тебя одинъ день—кланяйся 40 дней», говоритъ киргизская пословица; другая говоритъ: «Гость есть подарокъ Бога».

Если у хозяина нечѣмъ накормить гостя, ближнія кибитки обязаны помочь ему и принести каждый свою лепту «кунакъ-асы».

Иногда такія угощенія становятся въ большую тягость бѣдному кочевнику, и на эти случаи онъ сочинилъ пословицы другого рода.

«Кто даетъ, тому кажется, что пять много, а кто получаетъ, тому кажется, что и шесть мало“, не безъ остроумія выражаются киргизы.

«Если гость останавливается разъ, то это счастіе, если два раза, то бѣдствіе», съ наивною откровенностью исповѣдуютъ они свою задушевную мысль.

X.

Спускъ черезъ Ленгаръ.

Я ѣхалъ, порядочно утомленный ѣздою по горамъ и камнямъ, а еще больше жаромъ весенняго дня, и предавался на досугѣ размышленіямъ всякаго рода.

Мысль мою дразнило какое-то трудно высказываемое, между тѣмъ очень ощутительное для меня, настроеніе духа.

Жизнь кочевника, киргизская кибитка съ какою-то безпорядочною настойчивостью врывались безъ всякаго желанія моего въ опрятно прибранные покои моихъ обычныхъ умственныхъ представленій, и голова моя работала словно не своею волею, усиливаясь переварить еще не переваренныя слишкомъ своеобразныя впечатлѣнія, чтобы пристроить ихъ скорѣе по педантической привычкѣ книжнаго человѣка, на какую-нибудь знакомую полочку, подъ понятный ярлычекъ.

Я не скажу, конечно, чтобы посѣщеніе кочевниковъ пошатнуло во мнѣ естественное пристрастіе мое къ формамъ быта, выработаннымъ европейской цивилизаціей, и пробуждало во мнѣ романтическое влеченіе къ прелестямъ «золотого вѣка» человѣчества на лонѣ природы. Но тѣмъ не менѣе во мнѣ смутно шевелилось сознаніе, что этотъ столь презираемый нами патріархальный бытъ полудикихъ кочевыхъ народовъ далеко уже не такою непроходимою бездною отдѣляется отъ нашего собственнаго многосложнаго и хитроумнаго образа жизни.

Все-таки я убѣждался не безъ радостнаго чувства, что пути къ человѣческому довольству и благополучію,—къ счастью, гораздо разнообразнѣе, шире и многочисленнѣе, чѣмъ это представляется обыновенно намъ, современнымъ европейцамъ, ослѣп-

леннымъ частью истиннымъ, частью ложнымъ блескомъ нашей цивилизацiи, во многомъ, къ сожалѣнiю, призрачной. Нашъ уголъ зрѣнiя въ этомъ случаѣ слишкомъ тѣсенъ, слишкомъ близорукъ и слишкомъ пристрастенъ къ своимъ собственнымъ слабостямъ. Въ этомъ смыслѣ бываетъ необыкновенно полезно время отъ времени удаляться за предѣлы черезчуръ привычныхъ влiянiй и оглядываться на себя, на своихъ, на все свое, тѣмъ здравымъ объективнымъ взглядомъ, который возможенъ только, когда смотришь со стороны, отодвинувшись отъ предмета настолько, чтобы можно было его обнять и понять во всей цѣлости.

Да, повторяю, къ счастью для человѣчества, всякiй народъ, на какой бы скромной ступени духовнаго развитiя ни стоялъ онъ, умѣетъ выработать себѣ своеобразныя и вполнѣ удобныя для него условiя жизни. въ сущности ничѣмъ не уступающiя, при данныхъ обстоятельствахъ, гораздо болѣе совершеннымъ формамъ опередившихъ его народностей. Верховный разумъ, правящiй мiромъ, вовсе не расположенъ играть въ руку заносчивому самомнѣнiю болѣе быстрыхъ и талантливыхъ представителей человѣческаго племени.

Рядомъ со львами, орлами, китами, кичащимися своею силою, величиною,—природа даетъ жить такою же полною, такою же цѣлесообразною и устойчивою жизнью безчисленнымъ породамъ другихъ мелкихъ и крупныхъ животныхъ, и притомъ всякой породѣ, по своему особому вкусу и образцу.

Точно также и человѣчество, покрывающее собою лицо мiра, развивается не по одному узкому и однообразному шаблону, а въ самомъ широкомъ разнообразiи и богатствѣ типовъ, красуясь какъ степная равнина дѣвственной силы цвѣтами всѣхъ красокъ и всѣхъ очертанiй, изъ которыхъ каждый такъ же прекрасенъ въ своемъ родѣ, какъ и другой.

Комфортъ войлочной кибитки въ обстановкѣ пустынныхъ степей, комфортъ глиняной сартовской мазанки съ ея тѣнистою галлерейкою, въ жаркихъ долинахъ Туркестана,—стóютъ въ

извѣстномъ смыслѣ комфорта гостиницы, вызываемаго обычаями европейскаго города, и требуютъ для своего осуществленія, можетъ быть, не меньше труда и таланта. Во всякомъ случаѣ, удивительная приспособленность киргизской кибитки и къ жару, и къ холоду, удивительная устойчивость ея противъ зимнихъ вьюгъ и лѣтнихъ бурь, удивительное удобство ея для быстрой перевозки на хребтѣ вьючной скотины,—составляютъ ничѣмъ незамѣнимое достоинство, если принять во вниманіе роковыя требованія кочевой жизни.

Точно также поразительная мускульная сила и выносливость киргиза, его острый глазъ, отчетливо различающій малѣйшій предметъ въ туманныхъ даляхъ горизонта. его способность проводить на сѣдлѣ дни и ночи, его глубокое и тонкое знаніе всѣхъ суровыхъ стихій пустыни и господство надъ нею путемъ этого знанія,—всѣ эти практическіе таланты, побѣждающіе дикую природу настолько, насколько это необходимо для скромныхъ потребностей кочевника,—право, тоже стоютъ съ своей точки зрѣнія—многихъ нашихъ книжныхъ и письменныхъ премудростей, несомнѣнно подрывающихъ непосредственную способность человѣка къ борьбѣ съ враждебными силами природы и судьбы.

Но киргизская кибитка поучительна для меня еще и въ другомъ смыслѣ. Этотъ интересный остатокъ глубоко древняго, ветхозавѣтнаго быта, — этотъ живой памятникъ временъ Авраамовыхъ и Іаковлевыхъ, сохраняющій до сихъ поръ свое право гражданства на громадныхъ пространствахъ земнаго шара,—наводитъ на размышленія, далеко не во всемъ благопріятныя для нашей самонадменной европейской цивилизаціи.

Созерцая этотъ простой и скромный бытъ кибитки, гдѣ люди по меньшей мѣрѣ такъ же здоровы, довольны и веселы, какъ и въ нашихъ многоэтажныхъ каменныхъ ящикахъ съ желѣзными крышами, гдѣ поются пѣсни, пляшутся пляски, празднуются праздники съ неменьшею искренностію и одушевленіемъ, чѣмъ въ нашихъ натянутыхъ свѣтскихъ собраніяхъ, гдѣ также

искренно любятъ и ненавидятъ, и, можетъ быть, съ не меньшею вѣрою молятся, какъ умѣютъ, Богу, — невольно приходитъ на мысль, какъ въ сущности мало нужно человѣку для его счастья и какою громоздкою, притязательною и непосильною для него декораціей заслоняетъ отъ себя это простое человѣческое счастье черезчуръ разбалованный и зазнавшійся человѣкъ цивилизаціи. Здѣсь, въ этой кибиткѣ,—всѣ имѣютъ то, что́ имъ нужно, всѣ довольны и спокойны духомъ. Была бы только около вода и трава—и ничего больше!

Съ водою и травою является и скотъ для перевозки, и шкуры для одеждъ, и войлоки для покрышки жилища, и кумысъ для питья, и баранина для ѣды.

А голубое небо здѣсь то же, что и надъ вѣчно тревожными обладателями милліоновъ, и то же бодрящее дыханіе воздуха, и то же ласкающее душу солнце. та же кругомъ красота и цѣлительная сила матери-природы.

Перемудрившіе питомцы европейской цивилизаціи эту красоту, широту и свободу естественной жизни продали за сомнительныя наслажденія роскоши, за тщеславіе богатствомъ и властію, но однако не нашли въ нихъ душевнаго покоя и нравственнаго удовлетворенія.

Тѣмъ трагичнѣе видѣть, какъ самонадменный европеецъ новѣйшихъ временъ, дошедшій до полнаго разочарованія жизнію, до безвѣрія и отчаянія, при которыхъ немыслимъ никакой намекъ на счастіе,—все-таки имѣетъ смѣлость навязывать многія мертвящія формы своей цивилизаціи, будто какое-то абсолютное спасительное начало,—народамъ, правда, еще младенческаго развитія, но за то сохранившимъ въ себѣ и жизненную радость, и способность надѣяться и вѣрить...

Прощаясь мыслями съ киргизами и Киргизіей, я все время забавлялъ себя мыслію, что въ сущности вѣдь мы съ женою только отдали теперь визитъ тѣмъ самымъ «басурманамъ» нашихъ старыхъ лѣтописей, которые подъ разными кличками мон-

головъ, татаръ, нечестивыхъ агарянъ, Золотой и Кипчакской орды, и проч., и проч., нѣкогда явились съ негаданнымъ-непрошеннымъ визитомъ въ нашу бѣдную удѣльную Русь и на два долгихъ вѣка легли свинцовою гирею на историческій ростъ нашей, еще юной тогда, родины.

Собственно говоря, визитъ этотъ отданъ былъ имъ гораздо болѣе выразительнымъ образомъ — нашими туркестанскими героями: Черняевыми, Скобелевыми, Кауфманами, которые расплатились съ потомками Чингиса и Батыя на ихъ родной землѣ, въ самомъ гнѣздѣ ихъ кочевой силы, за Калку и Сить, за Москву и Кіевъ, и привели ихъ подъ высокую и великодушную руку Бѣлаго Царя, какъ въ свое время приводили они нашихъ усобствовавшихъ князей подъ нечестивую пяту своихъ кровожадныхъ и корыстныхъ хановъ.

Я, по крайней мѣрѣ, нисколько не сомнѣваюсь, что киргизы и особенно кара-киргизы, у которыхъ мы только-что гостили,—это ни въ чемъ почти не измѣнившаяся за 6-ть столѣтій монгольско-татарская орда, ходившая въ XIII вѣкѣ за Чингисомъ, въ XIV вѣкѣ за Тимуромъ, разрушившая столько царствъ старой Азіи и наводнившая когда-то собою половину Европы.

Тѣ элементы ея, которые тѣсно смѣшались съ болѣе просвѣщенными племенами покоренныхъ странъ, кристализовались и осѣли въ Китаѣ, въ Индіи, въ мусульманскихъ ханствахъ Средней Азіи, выдѣлились подъ новымъ именемъ изъ кочеваго быта и изъ киргизской народности; а, такъ сказать, сырой маточный растворъ этихъ дикихъ полчищъ разлился по безбрежнымъ пустынямъ и недоступнымъ горнымъ хребтамъ Средней Азіи, не поддаваясь никакимъ просвѣтительнымъ вліяніямъ, не организуясь въ государства, оставаясь такими же кочующими пастухами и степными разбойниками, какими они были въ дни Чингисъ-хана.

Когда читаешь у Рубруквиса или Плано-Карпини описаніе ихъ пребыванія въ кочевьяхъ Великой орды на берегахъ Орхона, въ

знаменитой Чингисовой столицѣ Каракорумѣ, то искренно кажется, что эти средневѣковые монахи описываютъ вамъ ваше собственное посѣщеніе киргизскихъ кибитокъ гдѣ-нибудь на Маломъ Алаѣ, или въ Сыръ-Дарьинскихъ степяхъ.

До такой степени поражаетъ сходство въ малѣйшихъ подробностяхъ образа жизни этихъ двухъ народовъ, раздвинутыхъ между собою промежуткомъ почти семи вѣковъ.

Правда, и тотъ, и другой — не народы, не государства, а именно «орды», какъ они всегда называли себя и называютъ теперь. Своего рода громадные косяки двуногихъ степныхъ звѣрей, размножившіеся въ тиши вѣковъ, въ глуши пустынь на ихъ вольныхъ кормахъ, какъ размножаются на тѣхъ же безбрежныхъ травяныхъ равнинахъ Азіи—такіе же безчисленные табуны дикихъ лошадей, дикихъ ословъ или антилопъ.

Монголы и ихъ сосѣди татары (тюркскаго племени) такъ же какъ ихъ потомки киргизы, несомнѣнно коренные туземцы Азіи. Китайскія хроники упоминаютъ имя монголовъ уже за 2.000 лѣтъ до Рождества Христова.

Чингисовъ родъ возникаетъ на берегахъ Онона, впадающаго въ Шилку, на рубежѣ нынѣшней Сибири и Китая, но столица его уже переносится значительно южнѣе, въ сердце теперешней китайской Монголіи. Въ этотъ-то, на краю свѣта лежавшій Каракорумъ отправлялись въ свое время за десятки тысячъ верстъ послы папъ и могущественнѣйшихъ государей Европы искать дружбы грознаго завоевателя, и ѣхали добиваться суда и милости покоренные князья и цари, находившіе здѣсь чаще всего темницу или мученическую смерть.

Мы съ женою входили въ кочевьяхъ кара-киргизовъ въ такіе же шатры, въ какіе входилъ когда-то Плано Карпини, посѣщая Каракорумъ. Но, какъ видѣлъ читатель, мы, къ счастію уже не обязаны были кланяться по три раза въ землю передъ входомъ въ шатеръ и на колѣняхъ держать рѣчь передъ кочевымъ властителемъ, какъ это приходилось столько разъ продѣлывать несчастному посланцу папы Иннокентія IV.

Интересно, что и тогда, у монголовъ Каракорума, знатныя женщины ихъ жили въ кибиткахъ изъ бѣлаго войлока, такихъ точно, въ какой принимала насъ Гульчинская датха и какую разбила она для ночлега нашихъ дамъ.

«У женъ Куине были другіе шатры изъ бѣлаго войлока, довольно большіе и красивые»,—разсказываетъ Плано Карпини про хана Гаюка, котораго онъ въ своей наивности вездѣ называетъ вмѣсто хана «Хамомъ», производя отсюда и соотвѣтствующія прилагательныя: «хамскій шатеръ», «хамскій указъ», и проч.

Интересно также, что кибитка или шатеръ этого «хама» въ Каракорумѣ называлась «Золотою ордою («Quod apud ipsos appellatur Orda aurea)». Орда у татаръ и монголовъ была собственно шатромъ, жилищемъ; отсюда и названье «Урды», удержавшееся до нашего времени за ханскими дворцами Кокана и Бухары; «Золотая орда» Волжскаго низовья точно также была ничѣмъ другимъ, какъ шатромъ хана. Это имя орды было перенесено мало-по-малу на самыя полчища, окружавшія ставку вождя, за которою всѣ они слѣдовали, и которая такимъ образомъ стала олицетворять собою въ нѣкоторомъ смыслѣ цѣлый народъ, точно такъ, какъ, напримѣръ,—Порта Оттоманская,—стала замѣнять собою понятіе о самомъ государствѣ, а названіе лондонскаго или петербургскаго «кабинета» стало употребляться для обозначенія общей политики Англіи и Россіи.

Съ искреннимъ восторгомъ увидали мы наконецъ съ высокаго карниза дороги столь страстно желанный Ленгаръ, мирно пріютившійся на днѣ горной долины.

Тамъ сейчасъ же принялись за горячій душистый пловъ, не имѣющій для голодныхъ желудковъ ничего себѣ подобнаго, въ кулинарномъ искусствѣ всѣхъ странъ и народовъ.

Мы, какъ людоѣды, пожирали баранину съ рисомъ и съ увлеченіемъ напали на чай, бодрящая струя котораго никѣмъ не можетъ быть такъ оцѣнена, какъ усталымъ всадникомъ,

измученнымъ солнечнымъ зноемъ и скверною каменистою дорогою.

Тройка нашихъ киргизскихъ коней отлично отдохнула безъ насъ и прямо отъ крыльца ленгарскаго привала понесла насъ, какъ на крыльяхъ птицы, по щебню рѣчнаго русла, по камнямъ горной дороги.

Милый воинъ провожавшій насъ отъ Гулвчи, и тутъ еще не хотѣлъ сразу разстаться съ нами. Онъ рѣшилъ заночевать въ Ленгарѣ,—для чего мы оставили ему необходимые рессурсы изъ нашего дорожнаго запаса,—а потому счелъ вполнѣ кстати сломать на своемъ конькѣ, уже сдѣлавшемъ вѣрныхъ 40 или 45 верстъ,—еще маленькій кончикъ. А такъ какъ наша сытая тройка неслась во всю свою прыть, то и ему, чтобъ не отстать отъ нея, пришлось все время скакать маршъ-маршемъ. Верстъ черезъ 5 онъ дружески распростился съ нами и повернулъ назадъ. Такой лихой народъ только и можетъ безъ стыда и вреда для русскаго дѣла держать здѣсь въ рукахъ киргизскихъ наѣздниковъ.

Каковы эти наѣздники и ихъ кони,—мы увидѣли маленькій образчикъ очень недалеко отъ себя. Передъ тарантасомъ нашимъ скакалъ джигитъ-киргизъ въ бѣломъ островерхомъ колпакѣ на затылкѣ и въ широчайшихъ желтыхъ чембарахъ. Онъ не понималъ и не говорилъ ни слова по-русски и только зналъ одно, что за нимъ ѣдетъ начальство, что нужно поэтому гнать во-всю.

Его скуластое темнобронзовое лицо съ расплюснутымъ носомъ и узкими калмыцкими глазами, сверкавшее какъ у волка бѣлыми зубами, изрѣдка оглядывалось на нашъ экипажъ въ какомъ-то благоговѣйномъ ужасѣ, и каждый разъ послѣ этого тяжелая коротенькая «канча» начинала немилосердно крестить по чемъ попало безъ того сломя голову летѣвшую лошадь.

Болѣе 3-хъ часовъ неслась наша тройка съ быстротою 15-ти верстъ въ часъ, и лихой джигитъ ни разу не далъ нагнать себя, ни разу его крѣпконогій конь не споткнулся и не оступился въ грудахъ мелкихъ камней, засыпавшихъ дорогу на многія версты.

Но эта отчаянная скачка едва не окончилась очень печально для насъ. Въ корню тарантаса оказалась сильная и рѣзвая лошадь, имѣвшая скверную привычку носить. Разгоряченная бойкою уѣдою, она вдругъ подхватила насъ при самомъ въѣздѣ въ большой подгородній кишлакъ, уже недалеко отъ Оша. Молодыя пристяжныя подхватили вмѣстѣ съ нею и бурей помчали нашъ злополучный тарантасъ, не разбирая ни рытвинъ, ни лощинъ, ни камней, ни арыковъ. И я, и Г—ій схватились обѣими руками за вожжи, чтобы помочь солдату-возницѣ сдержать обезумѣвшую тройку, но усилія всѣхъ насъ троихъ не приводили ни къ чему.

Глупый киргизъ, чувствуя за собою по пятамъ нагоняющую тройку, отчаянно махаетъ своей «канчою», огрѣвая лихого конька уже прямо черезъ голову, чтобы только не посрамиться передъ начальствомъ и не дать переду тройкѣ. Чѣмъ неистовѣе мчится онъ, тѣмъ яростнѣе несутся вслѣдъ за нимъ и наши разыгравшіеся кони. Онъ подзадориваетъ ихъ какъ поддужный ретиваго рысака. Гнѣвные крики Г—аго, русскіе и киргизскіе, только придаютъ еще болѣе прыти дикому наѣзднику, который среди грома колесъ и топота лошадей, разумѣется, не можетъ ничего разслышать и воображаетъ, что грозный начальникъ приказываетъ ему скакать еще скорѣе. У меня душа замирала за нашихъ бѣдныхъ дамъ, глядя на эту сумасшедшую перегонку... Я чувствовалъ полное безсиліе наше остановить озвѣрѣвшихъ коней. А между тѣмъ тяжелый и длинный тарантасъ нашъ то и дѣло съ быстротою стрѣлы перелеталъ черезъ узенькіе мостики арыковъ, какъ нарочно попадавшихся на каждомъ шагу. Рѣзкіе повороты дороги такъ часто приходились у этихъ злополучныхъ мостиковъ, что того и гляди переднія или заднія колеса экипажа сорвутся съ мостика на какомъ-нибудь быстромъ какъ молнія, заворотѣ, и вся наша тройка съ разбѣга полетитъ въ арыкъ. Но возница нашъ, благодаря Бога, какъ-то такъ ловко направлялъ обезумѣвшихъ коней, что мостики и арыки только мелькали мимо. Мнѣ уже приходило въ голову направить

тройку на первый попавшійся дувалъ, рискуя сломить оглобли и порвать упряжь, чтобы только остановить эту дикую скачку, съ каждою минутою становившуюся все опаснѣе. По счастью, тупоумный киргизъ наконецъ разслышалъ энергическую киргизскую ругань русскаго полковника и, оглянувшись на насъ испуганно-изумленною дурацкою рожею своей, сталъ со всей своей грубой силы сдерживать разгорячившагося коня. Съ своей стороны и мы съ Г—мъ налегли, сколько могли, на крѣпкія ременныя вожжи, уже безъ того натянутыя, какъ струны, и мало-по-малу бѣшеный бѣгъ степныхъ коней сталъ стихать и приходить въ обычный видъ... Я искренно поблагодарилъ Бога, что этотъ жуткій эпизодъ окончился такъ благополучно.

Мы въѣхали въ Ошъ среди торжественной тишины чудной лунной ночи. Мѣсяцъ сіялъ высоко надъ головой, заливая и небо, и землю цѣлымъ океаномъ фосфорическаго свѣта.

Деревья, дома, далекія горы,—все, казалось, плавало, млѣло и таяло въ этой неподвижной лучистой безднѣ. Никогда на нашемъ тускломъ сѣверѣ не увидишь такого высокаго и глубокаго неба, такой прозрачности и сіяющей голубизны ночи.

Туземный городъ спалъ мирнымъ сномъ въ мягкихъ материнскихъ объятіяхъ теплой лѣтней ночи, и громадные старые тополи, шелковицы и вязы, вырѣзавшіе свои кудрявые черные силуэты на ярко освѣщенномъ небѣ, одни провожали насъ мимо своихъ безконечныхъ рядовъ, словно дремлющая рать исполиновъ, презрительно созерцая съ своей неподвижной воздушной высоты шумливое копошенье нашего жалкаго тарантаса и нашихъ усталыхъ коней, вносившихъ безпокойную ноту въ торжественное безмолвіе этой царственно-сіявшей ночи.

Среди садовъ, налитыхъ ночною прохладою, среди пустынныхъ дуваловъ, отъ которыхъ падали черныя тѣни, сплошь наполнявшія узкіе переулочки,—изрѣдка встрѣчались чуть освѣщенныя красноватымъ огонькомъ фонаря—чайхане, въ которыхъ еще сидѣли, тихонько бесѣдуя, запоздавшіе посѣтители, не то-

ропившіеся, повидимому, разстаться съ этою все захватывавшею и всё проникавшею красотою лунной ночи.

Древнія чинары чудовищной величины, осѣнявшія темный прудокъ у мечети, бросали таинственныя тѣни на освѣщенныя голубоватымъ огнемъ мѣсяца глиняныя стѣны ея, словно чертили на нихъ какіе-то загадочные, имъ однимъ понятные іероглифы.

Красотой, нѣгою и миромъ дышало все кругомъ, и растроганное сердце радостно благословляло Бога, Творца этой красоты и этихъ радостей.

Въ гостепріимномъ домикѣ г-жи С. добрая старушка, мать хозяйки, давно уже поджидала насъ съ ничѣмъ незамѣнимымъ самоваромъ. Послѣ горныхъ скитаній верхомъ, послѣ арбъ, кибитокъ, казанскихъ тарантасовъ, киргизскихъ дорогъ, киргизскихъ лошадей, мы чувствовали себя настоящими паломниками, или вѣрнѣе «поломниками» (производя это слово отъ глагола ломать), заслуженно отдыхающими на лаврахъ, и еще долго, потягивая горячій чай, бесѣдовали другъ съ другомъ о только-что пережитыхъ впечатлѣніяхъ новой жизни, новыхъ мѣстъ, новыхъ людей...

Часть V.

ДОЛИНА ЗАРАВШАНА.

I.

Выѣздъ изъ Ферганы.

Приходилось покидать плодоносную Фергану въ самый расцвѣтъ весны. Еще только 4-е мая, а уже громадныя вѣтвистыя яблони здѣшнихъ садовъ осыпаны миріардами яблокъ, которыя уже теперь покрупнѣе нашихъ лѣсничекъ. Тутовыя ягоды совсѣмъ налились, клубнику ѣдятъ уже нѣсколько дней...

Все здѣсь цвѣтетъ, и густыя зеленыя опахала деревьевъ разливаютъ, качаясь по вѣтру, нѣжное благоуханіе своихъ цвѣтовъ! Пшеничныя и ячменныя поля тоже цвѣтутъ и тоже тихо колышатъ по вѣтру свои налитые колосья, осыпанные кругомъ будто золотистою пылью, едва не сквозными, трепещущими на солнцѣ, тычинками... Цвѣтутъ и улыбаются, сквозь зеленыя стѣны колосьевъ, будто кроткіе голубые глаза дѣвушки яркосиніе васильки,—обычные цвѣты нашихъ черноземныхъ полей въ развалъ лѣта. Невольно припоминается чудное маленькое стихотвореніе Генриха Гейне, которымъ заканчивается, какъ самымъ достойнымъ поэтическимъ «эпилогомъ», его „Buch der Lieder“.

Wie auf dem Felde die Weiszenhalme,
So wachsen und wogen im Menschengeist die Gedanken.
Aber die zarten Gedanken der Liebe
Sind wie lustig dazwischenblühende
Roth und blaue Blumen. . . [1])

Даже дикая степь изъ грубой гальки и сухой солонцеватой глины, не напоенная арыками, и та словно проснулась отъ летаргическаго сна, и прохлаждаемая слѣва хребтами лѣсныхъ горъ, справа широкою водною скатертью Сыръ-Дарьи, разверзла свою безплодную утробу и одѣлась въ праздничныя одежды цвѣтовъ и травъ. На десятки верстъ провожаютъ насъ по обѣ стороны дороги то сочныя плети и крупные бѣлые цвѣты каперсовъ, то сплошныя поляны цвѣтущаго хрѣна или мелкаго полыня. Проведите въ эту глину, къ этому каменистому щебню воду горныхъ ручьевъ,—и безплодная степь обратится какъ волшебствомъ въ роскошный огородъ. Вода тутъ дѣлаетъ еще бо́льшія чудеса, чѣмъ у насъ навозъ. Тутъ она не просто вода, а именно: «живая вода», вода жизни.

Ничего нѣтъ удивительнаго, что подъ чарами весны древняя Фергана кажется земнымъ раемъ своего рода, изъ котораго не хочется уѣзжать.

Фергана—въ сущности одинъ безконечный садъ, одинъ громадный густо населенный кишлакъ, тянущійся вдоль своей рѣки-поильницы на сотни верстъ. Покидая ее, я жадными глазами художника тороплюсь навсегда запечатлѣть въ своемъ сердцѣ ея оригинальный, оживленный пейзажъ, подобнаго которому не увидишь ни въ Италіи, ни въ Швейцаріи,—эти глиняные плоскокрышіе дома съ разукрашенными дувалами, тонущіе

[1]) Какъ на полѣ колосья пшеницы,
Такъ растутъ и волнуются въ человѣческомъ духѣ мысли.
Но нѣжныя мысли любви—
Это все равно, что весело цвѣтущіе между ними
Красные и голубые цвѣты...

въ зелени садовъ, эти базары и караванъ-сараи на каждомъ шагу, эти характерныя двухколесныя арбы, высокія, какъ башни, этихъ верблюдовъ, этихъ осликовъ, этихъ черноглазыхъ красавцевъ-дѣтей, этихъ ширококостныхъ киргизовъ въ бѣлыхъ острыхъ колпакахъ и пестрыхъ яркихъ халатахъ...

Сыръ-Дарья почти нигдѣ не уходитъ изъ вашихъ глазъ, вездѣ провожаетъ васъ хоть издали своими сверкающими излучинами. Это мать-питательница, мать-поительница всей страны, безъ которой эта глухая горная котловина навсегда оставалась бы пустынною, безплодною и недоступною. Она дѣлаетъ плодоносною почву Ферганы разливами своихъ водъ; она пропитываетъ своими влажными испареніями воздухъ этой котловины, со всѣхъ сторонъ огороженной высокими горами. Но она не только кормилица страны, она вмѣстѣ съ тѣмъ и дорога въ нее, съ глубокой древности единственное сообщеніе ея съ окрестными странами и народами.

Подобно египетскому Нилу, Сыръ-Дарья была бы достойна поклоненія ей, какъ божеству-покровителю. Жаль только, что трудолюбивый садовникъ-сартъ, что всевыносливый пастухъ-киргизъ—не умѣютъ пользоваться тѣми благами, которыя заключены въ ихъ великой рѣкѣ. Ни потомокъ древнихъ персовъ, ни наслѣдникъ Чингисовыхъ монголовъ—не считаютъ достойнымъ себя дѣломъ заниматься рыболовствомъ на рѣкѣ или гонять по ней суда съ товарами. Поэтому и берега Сыръ-Дарьи, и ея воды—пустынны до поразительности: ни одного человѣка, ни одной лодки. Поэтому же никто не обращаетъ вниманія на мели и пороги, которые постоянно умножаются въ ней. Даже намъ съ почтовой дороги то и дѣло бросаются въ глаза желтыя горбушки и лысины, зловѣще свѣтящіяся среди синихъ струй древняго Яксарта.

Къ чудной веснѣ, будто нарочно на радость намъ, присоединились и чудныя лунныя ночи. Подъ обаяніемъ мѣсячнаго

сіянія все кажется еще поэтичнѣе, еще красивѣе, и эти тихіе переулочки кишлаковъ съ неподвижными статуями женщинъ, укутанныхъ въ саваны, въ тѣни гигантскихъ вязовъ и шелковицъ; и эти сановитыя фигуры бородачей въ величественныхъ тюрбанахъ и длиннополыхъ халатахъ, съ серьезной важностью возсѣдающія подъ уютными навѣсами чай-хане вокругъ дымящагося самовара, освѣщенныя красноватымъ свѣтомъ фонаря. И эти черныя провалья прудковъ у подножія скромной мечети, осѣненныя огромными старыми деревьями; и эти крытые базары со всѣми своими таинственными уголками и наивною, почти младенческою торговлею; эти караванъ-сараи съ неподвижно отдыхающими верблюдами, съ спящими кругомъ нихъ утомленными путниками...

Въ этой привычкѣ проводить свой вечеръ въ мирной бесѣдѣ за чашкою чая, на опрятномъ коврикѣ, въ благопристойной одеждѣ и въ приличномъ видѣ, не оскорбляя священнаго покоя ночи безобразными криками и пьяною руганью,—сказывается глубоко симпатическая черта нравственнаго характера здѣшняго народа, та душевная воспитанность его, которой, къ великому стыду нашему, такъ часто недостаетъ нашему русскому простому человѣку, несмотря на всѣ его многообразныя способности и его несомнѣнный умъ.

Когда я проѣзжалъ такими яркими мѣсячными ночами черезъ безконечные сады и селенія сартовъ, безмолвно впивая въ себя тихую поэзію ихъ мирной трудовой жизни, мнѣ невольно приходило на мысль, какіе долгіе вѣка живутъ здѣсь по-своему счастливо эти люди, которыхъ мы совсѣмъ неосновательно считаемъ какими-то варварами,—живутъ и жили, нисколько, повидимому, не нуждаясь въ европейской указкѣ, давнымъ-давно выработавъ себѣ необходимые имъ пріемы хозяйства, торговли, промышленности, общежитія, учась и работая по-своему, посвоему любя и ненавидя, по своему вѣруя и молясь.

И кто изъ искреннихъ людей рѣшится сказать, послѣ всего

того, чтò переживаетъ теперь европейское человѣчество, — что имъ, азіатцамъ, приходится позавидовать намъ, хитроумнымъ европейцамъ?

Лѣтняя мѣсячная ночь очаровательна вездѣ. Но тутъ, въ этой теплой и влажной долинѣ, обращенной въ цвѣтущій садъ, она производитъ чисто волшебное обаяніе. Кажется, будто плывешь въ своемъ открытомъ тарантасѣ, какъ въ лодкѣ сквозь море луннаго свѣта, смотришь и дремлешь, видишь и не видишь, скорѣе безсознательно ощущаешь всѣмъ организмомъ своимъ этотъ прозрачный лучистый омутъ, который охватываетъ кругомъ и несетъ въ себѣ, убаюкивая, чаруя, словно младенца въ колыбели. Кажется, что живешь теперь въ самыхъ нѣдрахъ этой торжественной сверкающей ночи, покойно, беззаботно и сладостно, какъ въ утробѣ матери. Чудно на землѣ, смолкшей, стихшей, замершей. Она одѣта, какъ въ праздничную ризу, въ серебряные газы мѣсячнаго сіянія; она скрыла теперь отъ посторонняго взора, она сама забыла теперь всю грязь и злобу своихъ дѣлъ, и, какъ грѣшница, внезапно охваченная жаромъ искренней молитвы, порывомъ высокаго вдохновенія,—она кажется теперь такою чистою и строгою, исполненною одной только доброты, любви и мира, умиленно внимающею таинственнымъ звукамъ неба, растроганно созерцающею его недоступную красоту...

Тамъ на небѣ—еще болѣе чудно! Океанъ свѣта, безпредѣльный, неохватный... Глубина, которой дна не видно...

Высота, высота поднебесная,
Широта, широта—
Глубота, глубота—океанъ-море!

Тамъ все насквозь пронизано свѣтомъ, до недостижимыхъ высотъ, откуда чуть мигаютъ звѣзды, потонувшія въ этой безднѣ свѣтѣ.

Поэтъ тонко и живописно уловилъ своимъ волшебнымъ сти-

хомъ это немолчное трепетанье звѣздъ въ тихую лѣтнюю ночь, когда дѣйствительно чудится, будто они чуть слышно и робко «бродятъ» по небу на своихъ незримыхъ «золотыхъ ножкахъ», словно боясь разбудить спящую внизу землю.

Sternen mit den goldnen Füsschen
Wandeln droben bang und sacht,
Dasz sie nicht die Erde wecken,
Die da schläft im Schoos der Nacht . . . [1]).

Звѣзды искрятся, сыплятся, мигаютъ и переливаютъ тамъ на верху, какъ безчисленные брильянты въ ризѣ Божьей, пріосѣнившей теперь въ объятіи отеческой любви грѣшный міръ.

Звѣзды горятъ и теплятся по всему необъятному своду нерукотвореннаго Божьяго храма, будто зажженныя ангелами миріады свѣчей въ этотъ священный часъ нѣмого всенощнаго богослуженія...

Вся жизнь теперь на небѣ, только тамъ теперь свѣтъ, движеніе, краски и образы... Цѣлыми воздушными вереницами проплываютъ мимо мѣсяца фантастическіе караваны облаковъ, таютъ и переплетаются, и расползываются въ десятки затѣйливыхъ фигуръ. А мѣсяцъ сзади, точно фокусникъ, показывающій китайскія тѣни,—то ярко пронизываетъ ихъ лучами своего волшебнаго фонаря, то одѣваетъ темною до черноты тѣнью. Набѣгутъ вдругъ разомъ, какъ стая бѣлыхъ птицъ, эти шаловливые клубы паровъ, и глубокая небесная бездна также разомъ превращается вдругъ въ цѣлый перепутанный архипелагъ островковъ, озеръ, проливовъ, и тогда яркій дискъ мѣсяца плыветъ и ныряетъ, будто корабль Аргонавтовъ, отыскивающій золото, среди этого лабиринта бѣлыхъ пятенъ и голубыхъ просвѣтовъ. А то вдругъ невѣдомо когда, невѣдомо откуда нагромоздятся высокія снѣговыя горы, грозные ледяные замки, — и сейчасъ

---

[1]) Звѣзды золотыми ножками
Бродятъ тамъ наверху робко и тихо,
Чтобы не разбудить землю,
Спящую на лонѣ ночи..

же всѣ эти мнимыя громады сдунетъ, будто нанесенный вѣтромъ пухъ, растопитъ въ своихъ горячихъ лучахъ всепобѣждающій свѣтъ мѣсяца; смотришь, не вѣря глазами, — и уже нѣтъ ничего, все уже другое, новое, и по чистымъ голубымъ полямъ, усѣяннымъ, какъ лугъ, цвѣтами—роящимися звѣздами, проносятся, словно свивающаяся пелена театра, послѣднія лохмотья убѣгающихъ тумановъ.

Кажется, что мѣсяцъ самъ балуется, капризничаетъ и радуется, создавая самъ себѣ всѣ эти фантастическія игрушки, возникающія и разсыпающіяся съ быстротой и легкостью сонной грёзы. И тебѣ мерещится сквозь сонъ, что и ты самъ нераздѣльная составная часть той же чудной ночной грёзы, сотканной изъ движенья и свѣта...

«Все прекрасно въ Божьемъ мірѣ, сотворивый міръ въ немъ скрытъ», шепчетъ невольно душа, радостно созерцающая эту торжественную ночную красоту, которую, къ сожалѣнію, мы такъ рѣдко желаемъ и можемъ видѣть въ безсодержательной суетѣ нашихъ житейскихъ дѣлъ. Ученые натуралисты умѣютъ извлекать изъ земель и камней ихъ химически-чистое идеальное начало, выражающее въ высшей степени характерныя силы этихъ минеральныхъ породъ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, по какому-то странному противорѣчію сужденія они съ сомнѣніемъ относятся къ возможности постигнуть духомъ идеальное начало всего міра, гораздо болѣе очевидное и гораздо болѣе необходимое съ логической и нравственной точки зрѣнія.

Фергана осталась за нами, за нами остался и древній Ходжентъ съ своимъ уѣздомъ, помнящій Александра Македонскаго и монголовъ Чингисъ-хана.

Жара такая, что даже ночью душно спать въ тарантасѣ въ одной легкой накидкѣ отъ пыли.

Отъ жары и камней разсохлось и чуть не разсыпалось одно изъ колесъ нашего Ноева ковчега. То и дѣло ямщикамъ при-

ходится поливать его водою и скручивать веревочками. Кузницъ и кузнецовъ, конечно, никакихъ на многіе десятки верстъ во всѣ стороны. Вся надежда на Бейкентъ, но между нимъ и Ходжентомъ еще цѣлая пустыня. Только въ ночь съ 7-го на 8-е мая добираемся мы до него, и то уже къ 4-мъ часамъ утра. Спать я остался въ тарантасѣ и къ половинѣ 6-го уже былъ на ногахъ, разыскивая кузнеца. Оказалось, что и въ этомъ многолюдномъ мѣстечкѣ, похожемъ на городокъ, русскихъ кузнецовъ не водится, а сарты не умѣютъ отягивать колеса шинами. Пришлось опять прибѣгнуть къ спасительной водицѣ, веревочкамъ и крячикамъ, ко всему тому, однимъ словомъ, что ежеминутно грозило намъ перспективою заночевать гдѣ-нибудь на дорогѣ съ разсыпавшимся въ прахъ колесомъ. Но выбора не было, и приходилось ѣхать на-авось,—что̀ Богъ дастъ.

Рано утромъ 8-го мая мы стали подъѣзжать къ Ахангренѣ. Въ горахъ за эти дни выпали сильные дожди, и рѣка обратилась въ цѣлое бурное море. Вереницы верблюдовъ штукъ по 50 и больше, вытянувъ длинныя шеи свои, мѣрно шагали другъ за другомъ, вырѣзаясь своими черными силуэтами, будто какіе-нибудь гигантскіе страусы, на высокомъ бугрѣ, загораживавшемъ намъ солнце.

Начиная отъ Ходжента, тутъ на всякомъ шагу верблюды, и по дорогѣ, и въ степяхъ. Киргизки съ киргизятами одни возсѣдаютъ на ихъ лохматыхъ горбахъ, немилосердно качаясь взадъ и впередъ. среди разобранныхъ кибитокъ и всякой домашней рухляди. За иными верблюдихами бѣгутъ сзади потѣшные длинноногіе верблюжата, совсѣмъ свѣтлой, почти бѣлой шерсти. Мужчины-киргизы въ своихъ острыхъ колпакахъ изъ бѣлаго войлока, съ широкими разрѣзными полями, подбитыми снизу краснымъ, всѣ на коняхъ и гонятъ передъ собою громадныя стада разноцвѣтныхъ овецъ—шоколадныхъ, желтыхъ, бурыхъ, коричневыхъ. А вонъ старый, какъ грѣхъ, и какъ грѣхъ противный, безбородый киргизъ, съ желтымъ лицомъ евнуха, укутанный въ какія-то рваныя тряпки, сидитъ, сгорбившись, на крошечномъ

осликѣ съ длиннымъ шестомъ наперевѣсъ и одинъ гонитъ передъ собою 30-ть груженыхъ верблюдовъ. Верблюды киргизовъ бываютъ разубраны, точно невѣсты, въ яркіе махры, развѣвающіеся султаны, разноцвѣтныя узды, дорогіе ковры и попоны, тоже обвѣшанные всякими яркими кистями.

Оба берега Ангрены запружены верблюдами и арбами, полными товаровъ. Къ утру вода въ рѣкѣ обыкновенно сбываетъ, и всѣ спѣшатъ поэтому переправиться черезъ рѣку. Пѣшеходы храбро разуваются и готовятся принять неизбѣжную ванну. Арбы, только-что перебравшіяся на ту сторону, перекладываютъ и сушатъ свои подмоченные тюки. Насъ тоже высаживаютъ изъ тарантаса, которому придется плыть, какъ подобаетъ ковчегу Ноеву, и сажаютъ на высочайшую двухколесную «коканé». Теперешняя вода заливаетъ и ея помостъ, поэтому сверху него подбиты доски, обратившія арбу въ настоящій эшафотъ. Мы съ женою кое-какъ умѣщаемся на этомъ трясущемся эшафотѣ среди своихъ чемодановъ и мѣшковъ, искренно убѣжденные, что имъ ни въ какомъ случаѣ не миновать нынче купанья въ рѣкѣ... Сѣдой рѣдкозубый киргизъ, сморщенный, какъ обезьяна, садится верхомъ на лошадь, запряженную въ арбу, повидимому, нимало не заботясь о томъ, что ему тоже придется плыть по колѣна въ водѣ... Тарантасъ съ больнымъ колесомъ мы пустили впередъ и съ замираніемъ сердца слѣдили, какъ отчаянно нырялъ и качался онъ, перещупывая колесами огромные камни и черпая воду всѣмъ своимъ просторнымъ кузовомъ. Отъ тройки лошадей видны были только шеи съ мордами, да чуть замѣтно чернѣли вровень съ водой ихъ мокрые хребты... Верховые киргизы, какъ водится, съ гикомъ и крикомъ провожали экипажъ, неистово понукая лошадей и натягивая въ обѣ стороны веревки, привязанныя къ задней оси, чтобы не дать перевернуться нашей грузной казанской посудинѣ. За тарантасомъ поплыли и мы. Стремнина такъ крутилась и кружилась по серединѣ, что и у меня стала слегка кружиться голова. Не легко было съ непривычки и усидѣть на нашемъ досчатомъ эшафотѣ,

когда колеса стали пересчитывать всѣ камни и ямки рѣчного дна и подбрасывать во всѣ стороны насъ и нашъ злополучный багажъ, все время осыпаемый брызгами волнъ.

Но, слава Богу, все окончилось гораздо благополучнѣе, чѣмъ мы ожидали, и арба выкарабкалась наконецъ на высокій, какъ крѣпость, глинистый берегъ, вдобавокъ увѣнчанный зачѣмъ-то, какъ настоящая крѣпость, высокимъ флагштокомъ.

Признаюсь, мы были такъ рады благополучно окончившейся переправѣ черезъ эту опасную рѣку, что прекрасное майское утро на томъ берегу показалось намъ вдвое радостнѣе. Май сіялъ во всемъ разгарѣ. Ковры зелени ослѣпительной свѣжести, густые и мягкіе, какъ бархатъ, среди нихъ сплошныя поляны огненно-краснаго мака, червонно-золотые ахилеи и множество всякихъ другихъ яркихъ и пестрыхъ цвѣтовъ. Весь глинистый берегъ изрытъ, какъ сотъ меда, ячейками птичьихъ норъ; птицы унизываютъ яркими монистами и телеграфную проволоку, и каждое деревцо, которыми обсажены многочисленные арыки. Птицы эти пестры и красивы, какъ попугаи тропиковъ, малахитъ, бирюза, золото и яхонтъ сверкаютъ на ихъ перьяхъ; тутъ цѣлыя тучи щуровъ, ракшей, соекъ и другихъ мнѣ невѣдомыхъ птицъ.

Должно быть, и туземецъ-азіатъ не остается безчувственнымъ къ этимъ радующимъ краскамъ весеннихъ цвѣтовъ и птицъ. По крайней мѣрѣ, сарты проявляютъ несомнѣнную любовь къ цвѣтамъ. Не только дѣти, дѣвушки и мужская молодежь, но даже многіе сѣдые старики украшаютъ свои головы цвѣтами шиповника.

Май здѣсь—время полевыхъ работъ. Къ Ташкенту—всѣ поля въ работающемъ народѣ. И всѣ эти работающіе—голы, какъ ихъ мать родила, въ нѣкоторыхъ только случаяхъ съ ничтожнымъ подобіемъ виноградныхъ листиковъ, въ видѣ холщевыхъ портковъ въ одну четверть длины. И всѣ они смуглы, какъ арабы, отъ загара, пыли и пота. Меня давно занималъ вопросъ, какъ это древніе эллины ходили всегда голые, накинувъ только

плечи простыню. Но среди современныхъ грековъ я напрасно искалъ обнаженныхъ торсовъ и босыхъ ногъ. Современные греки не похожи на потомковъ Улисса. Они непростительно кутаются въ шерстяныя фуфайки, курточки и юбочки, словно они живутъ не въ благодатномъ климатѣ Эгейскаго моря, а среди какихъ-нибудь гиперборееевъ. Но вотъ въ Туркестанѣ я наконецъ встрѣтилъ народъ, который еще умѣетъ ходить голымъ. Только это уже далеко не модели для Аполлоновъ Бельведерскихъ и Антиноевъ. Тутъ еще можно отыскать иногда изъ бронзы вылитые мускулы Геркулеса Фарнезскаго или Римскаго Гладіатора, но чаще всего находишь только живыя статуи сатировъ или фавновъ.

Если и древніе греки походили сколько-нибудь на нихъ, то, правду сказать, для рѣзца Фидія тутъ было бы не особенно много пищи, и нужно думать въ такомъ случаѣ, что античные скульпторы уже черезъ-чуръ не въ мѣру польстили человѣчеству. А можетъ быть древній грекъ, любовавшійся какъ Нарциссъ своею собственною красотою, въ своихъ уродливыхъ сатирахъ, фавнахъ, центаврахъ и минотаврахъ изобразилъ на память потомству именно дикихъ обитателей Азіи, тѣхъ скиѳовъ, именемъ которыхъ онъ окрестилъ всѣхъ невѣдомыхъ ему кочевниковъ-степняковъ, и которые, подобно туркмену, сросшемуся съ своей лошадью, подобно киргизу, загоняющему свои стада верхомъ на быкѣ, представлялись его наивному младенческому воображенію получеловѣкомъ и полузвѣремъ, то человѣко-конемъ, то человѣко-быкомъ. Но если кочевникъ азіатской степи не взялъ красотою лица, то онъ зато трижды взялъ своимъ поразительнымъ здоровьемъ и выносливостью. Киргизъ всю долгую жестокую зиму проводитъ среди пустыни, открытой всѣмъ вѣтрамъ, въ шалашѣ изъ войлока или камышевыхъ бардановъ, не зная ревматизмовъ и простудъ. Киргизъ работаетъ голый нѣсколько недѣль сряду, въ болотистыхъ лужахъ, которыми заливаются рисовыя поля, не схватывая никакихъ лихорадокъ; киргизъ ходитъ зимою съ открытою настежь могучею

грудью своей и не чувствуетъ мороза, хотя бы отъ него заиндевѣли волоса на его груди.

Таковъ же выносливостью и терпкостью неразлучный товарищъ киргиза—верблюдъ, стада котораго то и дѣло попадаются намъ на встрѣчу. Верблюдъ смотритъ глазами закоренѣлаго, тысячелѣтіями воспитаннаго раба, гордящагося своимъ рабствомъ. Есть что-то тупо-ограниченное и обиженное въ его почти человѣческомъ лицѣ съ далеко выдавшеюся нижнею губою, съ нечесаннымъ лохматымъ парикомъ, надвинувшимся на его глаза; весь въ мозоляхъ, въ ссадинахъ, въ лохмотьяхъ, вонючій и грязный, изуродованный безустанною непосильною работою, и жующій въ награду однѣ колючки, онъ и въ часы отдыха не покидаетъ своей рабской позы, а стоитъ на колѣнкахъ, будто испрашивая прощенья за эти минуы незаконнаго покоя. Даже безъ тяжестей, которыя наваливаетъ на него человѣкъ, сама природа нагрузила его никогда неснимающимся грузомъ, навалила на него тюки своего рода—два горба, чтобы онъ никогда не смѣлъ забыть своей вѣковѣчной обязанности раба, своего назначенія звѣря-вьюка, звѣря-повозки. И хотя его голова держится прямо и глядитъ увѣренно, съ горделивымъ сознаніемъ своей рабской вѣрности и рабской выносливости,—но зато шея его глубоко приникнула къ землѣ, словно сама просится подъ ярмо, сама торопится доставить себя подъ рабскія цѣпи.

Я не буду здѣсь описывать нашего пребыванія въ Ташкентѣ на обратномъ пути изъ Ферганы, какъ не описываю своихъ остановокъ въ Маргеланѣ, Коканѣ, Ходжентѣ. Все любопытное для меня въ этихъ городахъ уже было разсказано мною достаточно подробно въ моихъ очеркахъ «На Оксусѣ и Яксартѣ» и «Путешествіи въ Фергану».

Изъ Ташкента мы выбрались 14-го мая. Мой сынъ съ своей молодой женою и полковникъ К., двоюродный братъ мой, провожали насъ до станціи Біюкъ-Ніазъ. Тамъ были опорожнены

прощальные бокалы шампанскаго, — и уже довольно близко къ вечеру мы тронулись въ путь. Киргизскія кибитки здѣсь и дальше до самаго Стараго Ташкента такъ тѣсно перемѣшиваются съ кишлаками сартовъ, кочевники такъ перепутаны съ осѣдлыми земледѣльцами, что можно, не будучи пророкомъ, предсказать очень скорый переходъ этихъ степныхъ пастуховъ за плугъ и борону. Они уже и теперь въ громадномъ множествѣ работаютъ по найму на сартскихъ поляхъ. Это, однако не мѣшаетъ имъ относиться къ сарту, какъ къ существу низшаго разбора, какъ къ былому даннику и работнику своему. Только русская власть освободила сарта изъ этой вѣковѣчной зависимости отъ воинственныхъ хищниковъ, издавна привыкшихъ смотрѣть на нихъ, какъ на покоренное племя. Сравнительно изнѣженный, трусливый и мирный, сартъ всосалъ съ молокомъ матери инстинктивный страхъ передъ своимъ бывшимъ владыкой, такъ что даже джигиты-сарты русскихъ чиновныхъ лицъ, сами представляющіе въ понятіи туземцевъ начальство своего рода, на моихъ глазахъ малодушно уступали дорогу киргизскому всаднику и не смѣли не только стегнуть киргиза плетью, но даже и грубо прикрикнуть на него, хотя все это они прехрабро и преохотно продѣлываютъ, гдѣ только подойдетъ случай, съ своимъ братомъ-сартомъ. Ни для какого-другого племени русское завоеваніе не сдѣлало столько добра, сколько для сартовъ и таджиковъ, которые съ водвореніемъ русской власти получили полную свободу безпрепятственно и безопасно заниматься торговою наживою всякаго рода и эксплоатировать сколько имъ въ голову влѣзетъ не только бывшаго грабителя своего—кочевника-киргиза, но и самого великодушнаго покорителя своего — русскаго человѣка. Въ Туркестанѣ въ сущности произошло въ этомъ отношеніи то же самое, что и на Кавказѣ. Какъ тамъ, установивъ твердое господство для всѣхъ равнаго закона, мы освободили армянъ отъ произвола и притѣсненій господствовавшаго надъ ними грузинскаго племени и положили основаніе самой широкой эксплоатаціи Кавказа почти въ исключительную

пользу дѣятельныхъ, настойчивыхъ и терпѣливыхъ армянскихъ торговцевъ и промышленниковъ, такъ и въ Средней Азіи, смиривъ привычки хищничества и своеволія всякихъ киргизовъ, узбековъ, туркменъ и каракалпаковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ замѣнивъ своею просвѣщенною администраціею разорительный произволъ прежнихъ хановъ и біевъ, — мы дали возможность трудовому классу среднеазіатскаго населенія—таджикамъ и сартамъ, — захватить мало-по-малу въ свои руки всю торговлю, промышленность и ремесла въ краѣ, и развить свое благосостояніе до небывалыхъ у нихъ размѣровъ. Этотъ чрезвычайно способный и дѣятельный народъ, въ добавокъ изумительно скромный въ своихъ вкусахъ и образѣ жизни, очень быстро усвоилъ себѣ всѣ полезныя нововведенія, внесенныя русскою цивилизаціей, очень хорошо понялъ ихъ выгоду для себя, и въ настоящее время сдѣлалъ почти невозможнымъ соперничество съ нимъ въ его родномъ краѣ,—гдѣ ему и углы помогаютъ, — русскихъ купцовъ, русскихъ заводчиковъ и фабрикантовъ, русскихъ подрядчиковъ, русскихъ мастеровыхъ... Можно предвидѣть, что, пройдетъ еще немного лѣтъ, и русскій элементъ въ краѣ будетъ представляться только военнымъ сословіемъ да чиновнымъ людомъ. Во всемъ остальномъ не будетъ больше никакой надобности, все остальное будетъ доведено до окончательной невозможности конкурировать съ какою-нибудь надеждою на успѣхъ съ дружно сплотившимися туземными капиталистами, предпринимателями и ремесленниками, со всѣмъ этимъ магометанскимъ міромъ, что такъ враждебно глядитъ до сихъ поръ на вторженіе христіанскаго народа въ свое вѣковѣчное гнѣздо. Русскою кровью добытое достояніе перейдетъ такимъ образомъ всецѣло въ ловкія руки сарта и таджика, до сихъ поръ смиренныхъ данниковъ кочевника, а намъ останется только громкое имя побѣдителей, да сомнительная честь приплачивать русскіе рубли на защиту сартскаго благосостоянія и сартской безопасности.

Киргизъ въ этомъ отношеніи гораздо удобнѣе сорта. Во-первыхъ, его конкуренція намъ не страшна ни въ чемъ, а во-вто-

рыхъ, онъ изстари привыкъ къ властному вмѣшательству Россіи въ дѣла степи, изстари привыкъ считать Бѣлаго Царя чѣмъ-то въ родѣ своего верховнаго владыки. Киргизъ кромѣ того очень плохой и даже сомнительный мусульманинъ. Онъ не пропитанъ до мозга костей предубѣжденіемъ противъ всего русскаго, какъ пропитанъ по-своему цивилизованный сартъ, его муллы не начинили его такою фанатическою ненавистью къ христіанской власти и христіанскимъ порядкамъ. Поэтому всѣ русскія мѣры прививаются среди степныхъ киргизовъ гораздо удачнѣе, чѣмъ среди горожанъ-сартовъ, и внѣдрить киргиза, этого простодушнаго потомка скиѳовъ, въ общее тѣло русскаго государства будетъ несравненно легче, чѣмъ заматерѣлаго въ магометанствѣ сарта,—прямого наслѣдника бактріянъ и согдовъ...

II.

Черезъ воды и броды.

Къ Чиназу подъѣзжать пришлось совсѣмъ въ темнотѣ. Мѣстность стала пустыннѣе, и встрѣчавшіеся изрѣдка киргизы верхомъ о дву-конь не вселяли къ себѣ особеннаго довѣрія. Проѣхали мимо насъ и какіе-то два подозрительные всадника съ огромными шестами въ рукахъ. Ночью все внушало невольное сомнѣніе. А тутъ, какъ нарочно, слухи, о которыхъ мы читали еще въ Ташкентскихъ газетахъ, подтверждаются и разростаются на каждой станціи. Извѣстный туркестанскій разбойникъ и батырь — Баба-Гокленъ, — легендарный герой своего рода изъ туркменскаго племени Гокленовъ, кочующаго около Хивы,—приговоренный русскимъ судомъ за разбой въ каторжныя работы и бѣжавшій въ 1883 году съ гауптвахты г. Петро-Александровска, держитъ съ тѣхъ поръ въ страхѣ все туземное населеніе Аму-Дарьинскаго отдѣла, а въ послѣднее время появился, какъ разсказывали, въ Голодной степи, стало быть, какъ разъ на дорогѣ, по которой намъ приходится ѣхать.

Баба-Утузовъ, больше извѣстный подъ именемъ Гоклена, грабитъ и рѣжетъ туземцевъ безнаказанно вездѣ, гдѣ ему вздумается. Туземцы до того трепещутъ его, что и подумать не смѣютъ открыть русскимъ властямъ его убѣжище. Кто только ни пытался выдать его, всѣ поплатились за это своею головою! Баба смѣло ночуетъ у кого придется, беретъ у всякаго лошадей, деньги, припасы, какъ изъ своего собственнаго дома. Онъ даже не трудится вынимать оружіе, а пріѣзжаетъ къ туземцу и прямо говоритъ ему: «Я—Баба Гокленъ! давай столько-то тиллъ!» И никто, разумѣется, не отказываетъ. Недавно его ловили 20 вооруженныхъ джигитовъ подъ начальствомъ волостного правителя Шейхъ-Абазъ-Вали. Они захватали Утузова съ 2-мя товарищами его и дали по нимъ нѣсколько выстрѣловъ; но отъ ужаса передъ грознымъ разбойникомъ руки ихъ дрожали, и ни одна пуля не попала въ цѣль. Баба своими выстрѣлами живо разогналъ эту толпу трусовъ и въ упоръ застрѣлилъ несчастнаго волостного правителя. Высылались не разъ для его поимки и казаки, но населеніе скрывало его, а въ очень опасныя минуты онъ уходилъ и въ Бухару, и въ туркменскія кочевья, и даже и въ Авганистанъ.

Теперь въ Джизакскомъ уѣздѣ, говорятъ, уже найдено 6-ть убитыхъ имъ сартовъ. Увѣряютъ, правда, будто Баба-Гокленъ русскихъ никогда не трогаетъ и даже великодушничаетъ съ ними на манеръ итальянскихъ бандитовъ. Но испробовать на себѣ, насколько правды во всѣхъ этихъ романтическихъ разсказняхъ, не особенно хочется, тѣмъ болѣе, когда путешествуешь съ женщиной.

Я думаю только, что человѣкъ, который рѣжетъ другому человѣку горло, какъ мясникъ барану, и собственною рукою перебиваетъ свою семью, врядъ-ли способенъ страдать избыткомъ великодушныхъ чувствъ и вкусами къ театральнымъ эффектамъ.

Въ подтвержденіе моихъ сомнѣній смотритель Чиназской станціи объявилъ намъ, будто на станціи Малекъ, въ Голодной степи, только-что зарѣзано двое русскихъ. Не знаю, оправда-

лись ли потомъ всѣ эти слухи; но знаю, что очень скоро по возвращеніи своемъ въ Россію я не безъ интереса прочелъ въ газетахъ, что извѣстный разбойникъ Баба-Утузовъ-Гокленъ былъ пойманъ русскими властями и повѣшенъ въ своемъ родномъ туркменскомъ аулѣ вмѣстѣ съ двумя товарищами на страхъ будущимъ подражателямъ его и на память потомкамъ.

Какъ бы то ни было, а въ Чиназѣ мы рѣшились заночевать, несмотря на то, что на тѣсной станціи уже ночевало четыре почтовыхъ тройки. Это было необходимо уже и потому, что ночное небо было все заволочено дождевыми тучами, а переправляться въ темноту черезъ Сыръ-Дарью было бы слишкомъ безразсудно.

Утромъ насъ задержали лошадьми до половины седьмого. Когда мы подъѣхали къ рѣкѣ, цѣлая шумная ярмарка кипѣла на обоихъ берегахъ ея. Сотни верблюдовъ, нагруженные бѣлыми тюками хлопка, стояли и лежали на прибрежныхъ пескахъ. Очевидно, они ночевали тутъ на берегу и ждали теперь своей очереди переправиться на ту сторону. Цѣлое становище крытыхъ арбъ толпилось среди этихъ живыхъ повозокъ. Верблюды лежали тощіе, сухіе, наголодавшіеся за зиму и еще не успѣвшіе отъѣсться на привольныхъ степныхъ пастбищахъ. Обросшіе пыльно-сѣрыми лохмами свалявшейся шерсти, вонючіе, въ вонючихъ тряпкахъ, насквозь пропитанныхъ пòтомъ, они лежали, поджавъ подъ себя, по-азіатски, ноги, подобно своимъ собратьямъ-киргизамъ и сартамъ, и какъ-то жалостно вытянувъ по землѣ, будто выбившіяся изъ силъ птицы, свои худыя, длинныя шеи.

Съ удивленіемъ смотрѣлъ я, какъ эти утомленные, костистые колоссы поднимались прямо съ земли, вмѣстѣ съ навьюченными на нихъ огромными тюками, въ 15 и 20 пудовъ, чтò тяжко перевѣшивались на сторону при малѣйшемъ неровномъ движеніи ноги.

Киргизы спятъ въ повалку, прямо подъ ногами ихъ и рядомъ съ ними, очевидно, нисколько не тревожимые такимъ нечистоплотнымъ сосѣдствомъ. Въ арбахъ и около нихъ не однѣ

только сахарныя головы бѣлыхъ киргизскихъ шапокъ. Вонъ видны и родныя русскія физіономіи.

Прикащикъ какой-то московской торговой фирмы съ супругою своею устроился подъ арбою, съ маленькимъ походнымъ самоварчикомъ и благочинно потягиваютъ себѣ чаекъ.

— Что-жъ, не боялись ночевать вмѣстѣ съ киргизами? — спросилъ я земляковъ.

— А чего намъ ихъ бояться, — спокойно отвѣчалъ прикащикъ, въ промежуткахъ между медленными глотками чая,—они теперь нашего царя подданные, худого ничего сдѣлать нашему народу не смѣютъ. За это имъ строгое наказаніе полагается... Мы вотъ съ женою шесть лѣтъ среди ихъ живемъ и не слыхали ни разу, чтобы трогали когда русскихъ; сколько разъ въ аулахъ ихъ ночью бывать приходилось и въ степи однимъ ночевать, лошади тоже при насъ бывали и товаръ не дешевый, а никогда пальцемъ никто не трогалъ, ни Боже мой! Все, что попросишь, тебѣ дадутъ, и накормятъ, и напоятъ, они на это хороши... Пустого говорить нечего! Да и то еще сказать, какъ имъ русскаго человѣка тронуть? У русскаго завсегда оружіе съ собою, револьверъ тамъ, али винтовка, али кинжалъ; ужъ имъ это извѣстно. Ну, и боятся...

— Ну, а сарты какъ?—спросилъ я.

— Что-жъ сарты? Сарты тоже народъ смирный. Ты его не трогаешь—и онъ тебя не трогаетъ. Промежъ себя точно, что воровство у нихъ здоровое идетъ, что промежъ киргизовъ, что промежъ сартовъ, овецъ воруютъ другъ у дружки, лошадей, верблюдовъ. Тоже изъ-за земли у нихъ свары каждоденно идутъ. Запашетъ одинъ у другого полосу — и за ножи сейчасъ! Въ прежнее время то и дѣло, бывало, кишки другъ другу выпускали, ну, а теперь поусмирили ихъ, много тише стало. Прежде у нихъ никакого порядку не было; украдетъ, бывало, что̀, ему сейчасъ веревку на шею и вѣшаютъ! А теперь онъ отсидитъ свое, сколько ему по закону полагается — и квитъ! Теперь сарты очень довольны, потому имъ подъ нашимъ цар-

ствомъ не въ примѣръ стало лучше. То, бывало, черезъ нашъ кишлакъ за одну недѣлю человѣкъ полтораста въ Сибирь прогонять, а теперь въ цѣлый мѣсяцъ тридцати человѣкъ не наберется...

Паромъ былъ еще на другой сторонѣ, и мы любовались издали чисто азіатскою сценою, какъ все многолюдное и пестрое становище арбъ, верблюдовъ, овецъ, киргизовъ и сартовъ, кишѣвшее на томъ берегу, давя и толкая другъ друга, съ крикомъ двинулось къ парому, чтобы поскорѣе захватить себѣ на немъ мѣсто. Солдатъ-сторожъ отчаянно колотитъ ихъ палкой по чему попало, но они лѣзутъ впередъ неудержимою стѣною. Вонъ одна арба, хотѣвшая объѣхать другія, взяла слишкомъ близко къ краю берега, вмѣсто парома попала колесомъ въ воздухъ и вмѣстѣ съ своимъ верблюдомъ полетѣла въ воду... Киргизы возятся теперь около нея съ веревками и шестами, силясь какъ-нибудь вытащить изъ рѣки испуганнаго горбача и опрокинутую арбу, полную товаровъ. Это порядочно задерживаетъ паромъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и насъ. Но, наконецъ, съ помощью русскаго солдатика, главнаго охранителя переправы, тарантасъ нашъ съ грохотомъ пересчитываетъ трясущіяся половицы парома и становится на первенствующее мѣсто, какъ подобаетъ оффиціальному званію почтовой тройки, съ которою не смѣютъ уже состязаться никакія киргизскія арбы и верблюды.

По счастью, теперешній паромъ удобствами своими нисколько не похожъ на тотъ, который американецъ Скайлеръ описываетъ такими грустными красками въ своемъ извѣстномъ трудѣ „Notes of a journey in Russian Turkistan", etc.; любознательному янки пришлось тогда цѣлый часъ перетаскиваться черезъ Сыръ-Дарью и все-таки пристать къ другому берегу ея далеко ниже того мѣста, куда онъ направлялся, такъ что киргизы, забравшись въ воду, должны были опять оттаскивать его руками и веревками на его настоящее мѣсто.

Не больше, какъ на версту, много-много на двѣ версты отъ Сыръ-Дарьи виднѣются вездѣ разсыпанныя гнѣзда киргизскихъ кибитокъ и пасутся безчисленныя стада верблюдовъ. Затѣмъ уже стелется необозримая пустыня Голодной степи, пріосѣненная вдали воздушными силуэтами снѣгового хребта.

Голодная степь теперь сѣрая, а не зеленая, какъ прежде, но все-таки еще не желтая, какою она скоро будетъ. Высыхающая трава словно принимаетъ постепенно господствующій цвѣтъ почвы, какъ принимаетъ его здѣсь все, живущее въ этой глинисто-песчаной пустынѣ: и черепаха, и жаворонокъ, и ящерица здѣсь такіе же сѣро-желтоватые и бѣлесовато-пестрые, какъ комья земли, среди которыхъ они бѣгаютъ. Того же сѣро-глинистаго цвѣта и тучи прузовъ, которыми кишитъ теперь Голодная степь. Они сыпятся и брызгаютъ высоко въ воздухъ, какъ мятель изъ-подъ колесъ нашего тарантаса, изъ-подъ копытъ нашихъ лошадей. Кажется, всякая былинка травы превратилась теперь въ цѣлое поколѣніе этой прыгающей гадины. Около ста верстъ подрядъ ѣхали мы въ этой отвратительной атмосферѣ живыхъ тварей, давя и разбрасывая ихъ во всѣ стороны, какъ брызги воды кругомъ быстро двигающейся лодки. Нѣсколько верстъ вправо и влѣво отъ насъ тянулись эти сплошныя залежи пруза, — можно было себѣ представить потому, сколько ихъ было впереди насъ. Это были, конечно, первые предвѣстники, это двигался только авангардъ тѣхъ несчетныхъ полчищъ пруза, которые въ слѣдующемъ году охватили своимъ гибельнымъ нашествіемъ весь югъ Россіи, досылая передовые отряды своей степной конницы до Курска, Орла и даже до самой Москвы.

Асса-фетида все такъ же покрываетъ необозримыя пространства Голодной степи своими густыми лѣсами оригинальныхъ карликовыхъ деревьевъ, съ шарообразными кронами. Но уже теперь эти—не цвѣты и не листья, а безчисленныя пузырчатыя коробочки миндальной формы, заключающія въ себѣ созрѣвшія сѣмена.

Увѣряютъ, будто молодыя головки ассы-фетиды, вываренныя въ кипяткѣ, теряютъ свой запахъ и считаются очень лакомымъ кушаньемъ у киргизовъ. Я этому, признаюсь, не особенно вѣрю, потому что трудно найти болѣе цѣпкій запахъ, какъ у этого отвратительнаго растенія.

Мы ѣдемъ лѣсами ассы-фетиды цѣлыхъ 64 версты подъ рядъ. По-прежнему въ этомъ царствѣ зловонія—никакой жизни. Какая то кустистая, высокая трава съ колосиками голубыхъ цвѣтовъ, въ родѣ вероники, — заполонила степь такими же сплошными коврами вездѣ, гдѣ нѣтъ ассы-фетиды. Природа и въ растительномъ мірѣ поступаетъ такъ же, какъ въ области этнографіи, гдѣ одни пространства заполняются сплошнымъ киргизомъ, другія—сплошнымъ калмыкомъ или туркменомъ, не допускающими среди себя ничего чужого. Черепахи попадаются теперь уже рѣдко, сезонъ ихъ, повидимому, прошелъ. Птицъ въ Голодной степи тоже нѣтъ. Только одни плоскоголовые и широкогрудые орлы сидятъ неподвижными бурыми копнами среди бурой травы, иногда всего въ двухъ шагахъ отъ нашей тройки, и зорко слѣдятъ за нами своимъ безстрашнымъ и безпощаднымъ взглядомъ хищника, который не дрогнетъ ни отъ грохота тарантаса, ни отъ звона почтовыхъ колокольчиковъ.

А на самой дорогѣ совсѣмъ новая, оригинальная жизнь! Въ каждомъ блинѣ навоза безчисленное множество жуковъ, черныхъ, какъ чернила, и крупныхъ, какъ слива. Это жуки-гробокопы, одѣтые въ глубокій трауръ, какъ подобаетъ гробокопу. Они покрываютъ дорогу частыми гнѣздами, обсыпая своею тѣсною кучкою тотъ островокъ навоза, въ которомъ вывелся каждый рой. Гробокопы теперь всѣ до единаго въ хлопотливой и безостановочной работѣ, точно муравьи, строющіе свой муравейникъ. Каждый изъ нихъ преусердно закапываетъ задними ножками свои яички въ шарики навоза. Потѣшно видѣть, съ какимъ увлеченіемъ и настойчивостью, словно глубоко убѣжденныя въ необходимости своей работы, трудятся эти маленькія твари надъ этимъ важнымъ дѣломъ, обезпечивающимъ будущую

судьбу ихъ поколѣнія. Шарики навоза изъ горошинки выростаютъ мало-по-малу въ вишню, изъ вишни въ цѣлое маленькое яблочко, которое уже не безъ усилій приходится катить заботливому жучку. Скатываютъ они свои шарики въ ямки и засыпаютъ ихъ старательно землею, чтобы они оставались въ ней спокойно и безопасно впредь до будущей весны. Они и землю выгребаютъ и нагребаютъ словно природными лопатами все такъ же своими задними лапками.

Эти черные жуки-монахи, жуки-могильщики, да желтая фаланга, бѣгающая по песку, будто на ходуляхъ, на своихъ высокихъ ногахъ,—единственныя насѣкомыя, оживляющія теперь Голодную степь.

Но чтобы она не казалась слишкомъ безжизненною и не отпугивала отъ себя впечатлительнаго путника, лукавый духъ пустыни строитъ по всему горизонту всякія обманчивыя марева, соблазняющія глазъ. Прозрачныя озера и рѣки, обросшія кустами, зеленѣющіе острова, верблюды на гигантскихъ ногахъ, головой достающіе до облаковъ, цѣлыя поселенія кибитокъ, высокихъ, какъ деревья, тихо качаются и цѣликомъ опрокидываются своими отраженіями въ тихо плывущихъ струяхъ зеркальнаго воздуха, нагрѣтаго песками. Марево приподнимаетъ ихъ въ эти видные намъ воздушные слои Богъ знаетъ изъ какой далекой и невидимой намъ дали... Сравнительно съ ними даже громадные каменные шалаши древнихъ кудуковъ — кажутся прилегшими къ землѣ. Эти удивительные кудуки, которые я подробно описывалъ при своей поѣздкѣ въ Ташкентъ, хотя и приписываются народной молвой Тамерлану, но безъ всякихъ убѣдительныхъ доказательствъ. Болѣе грамотные люди считаютъ ихъ созданіями Абдуллъ-хана, жившаго около двухъ столѣтій позднѣе Тамерлана, но и то, кажется, безъ особенныхъ основаній.

Ровно сто верстъ ѣхали мы Голодною степью: 16 верстъ отъ Сыръ-Дарьи до Малека, 33 версты до Мурза-Рабата, 31 версту до Акстафы и 20 верстъ до Учь-Тюбе; двѣ версты не доѣзжая этой станціи, начинаются уже посѣвы хлѣба, арыки, кибитки киргизовъ, кишлаки сартовъ. Отъ Учь-Тюбе до Джизака одинъ сплошной, зеленый лугъ, со множествомъ верблюдовъ, лошадей, быковъ, овецъ, людей, тополей, кишлаковъ. Горы дѣлаются ближе и яснѣе. Далекая снѣговая цѣпь глядитъ изъ-за нихъ, ослѣпительно сверкая на солнцѣ.

Мы передъ Джизакомъ, у воротъ въ самыя плодородныя долины стараго Бухарскаго ханства.

Джизакская крѣпость, защищавшая столько вѣковъ входы съ сѣвера въ благодатную Заравшанскую долину, оставила по себѣ кровавую, хотя и славную, память для насъ, русскихъ. Она была взята послѣ жестокаго боя генераломъ Крыжановскимъ въ 1866 году. Русскаго приступа боялись страшно и ждали давно. Бухарцы укрѣпляли эту пограничную твердыню свою цѣлыхъ 8 мѣсяцевъ; вокругъ крѣпости вывели тройной рядъ стѣнъ, очень высокихъ и толстыхъ. Доступъ къ нимъ преграждался тремя рвами, полными воды, 10-ти аршинной глубины; вездѣ были устроены барбеты и башни, на стѣнахъ разставлено болѣе полсотни пушекъ; и за этими-то неприступными оградами засѣло 10.000 самыхъ храбрыхъ воиновъ эмира, набранныхъ изъ авганцевъ, туркменъ, персіянъ и пр. Начальникомъ гарнизона сдѣланъ былъ извѣстный храбрецъ Алаяръ-ханъ, поклявшійся умереть съ мечемъ въ рукѣ. Онъ приказалъ завалить крѣпостныя ворота, чтобы ни у кого не родилось даже мысли отворить ихъ русскимъ.

28-го октября началась бомбардировка города, 30-го послѣдовалъ рѣшительный приступъ, а черезъ часъ русскіе орлы уже были владыками Джизака. Бухарцы дрались отчаянно, и 6.000 труповъ ихъ покрыли улицы, кромѣ 2.000 человѣкъ, взятыхъ въ плѣнъ. Алаяръ-ханъ и 16 бековъ (изъ 18) пали честно въ рукопашномъ бою. Большая часть города была раз-

рушена ядрами и еще до сихъ поръ не оправилась отъ погрома.

На Джизакской станціи мы съ удовольствіемъ напились свѣжаго молока, которое можно было купить на базарѣ, и не теряя времени за самоваромъ, рѣшились ѣхать дальше, хотя солнце уже совсѣмъ садилось. На станціи ночевало столько народа, что оставаться здѣсь казалось просто невозможнымъ. А мы между тѣмъ хорошо знали, что придется переѣзжать ночью въ 8-ми мѣстахъ рѣчку Елань-Уте, которая образуетъ такъ называемыя Тамерлановы ворота въ горномъ кряжѣ, отдѣляющемъ эту мѣстность отъ бассейна рѣки Заравшана, и которая вьется самою капризною змѣею между отрогами этого кряжа. Названіе «Елань-Уте», какъ увѣряли меня, собственно и значитъ «Змѣя прополала». Къ довершенію опасности, въ ямщики намъ попался совсѣмъ молодой киргизенокъ, столько же безстрашный, сколько неопытный въ путевыхъ дѣлахъ. Мы очень скоро замѣтили, что съ нимъ намъ будетъ чистая бѣда въ случаѣ какихъ-нибудь критическихъ обстоятельствъ, поэтому я гналъ его впередъ безъ всякаго милосердія, пока еще что-нибудь можно было видѣть, разсчитывая нагнать на дорогѣ двѣ тройки съ почтою, выѣхавшія на Самаркандъ нѣсколько ранѣе насъ. Лихой киргизенокъ въ этомъ отношеніи былъ очень покладистъ и несся во всю прыть по каменистымъ дорогамъ горной долины. Онъ и самъ, повидимому, сообразилъ, что безъ старыхъ бывалыхъ ямщиковъ, провожавшихъ почту, ему никакъ не справиться темною ночью съ многочисленными опасными бродами Елань-Уте, которую выпавшіе дожди вздули въ бушующій потокъ. Тарантасъ нашъ прыгалъ вкривь и вкось, пересчитывая камни, рытвины, косогоры, треща по всѣмъ суставамъ, заворачивая такъ круто на поворотахъ горной дороги, что ежеминутно могъ перевернуться колесами вверхъ; а отчаянный киргизенокъ дико вопилъ на своихъ отчаянно мчавшихся коней, безостановочно полосуя ихъ кнутомъ, по чемъ только попадало. Мы съ ужа-

сомъ увидѣли, подъѣхавъ къ рѣкѣ, что это была совсѣмъ не та Елань-Уте, пробиравшаяся своими безчисленными рукавчиками по сухимъ голышамъ широкаго русла, которую мы переѣзжали два мѣсяца тому назадъ по дорогѣ изъ Самарканда въ Ташкентъ. Теперь это была широкая, глубокая и очень быстрая рѣка, наврѣзъ наполнявшая своими свинцовыми волнами обыкновенно сухое каменистое русло, и не подававшая ни малѣйшей надежды на возможность переѣхать ее гдѣ-нибудь въ бродъ. Почты еще не было видно, и приходилось плыть на удачу,—попадемъ или не попадемъ на подобающій намъ путь. Я не могъ постигнуть, какимъ это образомъ такія опасныя и частыя переправы, какъ въ Елань-Уте, не охраняются отъ правительства опытными перевозчиками-киргизами съ арбою и прочими принадлежностями, какъ это заведено на Ахангренѣ и при многихъ другихъ переправахъ. Не говоря уже о частныхъ проѣзжающихъ, чиновники правительства, ѣдущіе по дѣламъ службы, и казенныя почты съ посылками и деньгами, послѣ каждаго дождя или таянья снѣга въ горахъ, подвергаются здѣсь риску залиться вмѣстѣ съ своими лошадьми, или по меньшей мѣрѣ принять холодную ванну. Но разсуждать уже было поздно, необходимо было дѣйствовать, и притомъ очень быстро, чтобы имѣть время нагнать почтовыя тройки, хотя бы передъ слѣдующими еще болѣе опасными переправами и по крайней мѣрѣ бѣдовать вмѣстѣ съ народомъ въ эту скверную ночь, которую не было больше надежды провести мирно на какой-нибудь тихой станціи...

Киргизенокъ долго разсматривалъ своими рысьими глазами чуть замѣтные въ полутьмѣ слѣды колесъ на пескѣ того берега, угадывая мѣстечко, гдѣ ему нужно будетъ выѣхать изъ рѣки; потомъ вдругъ ударилъ рѣшительно по лошадямъ и съ плескомъ и громомъ ввалился грузнымъ тарантасомъ въ бурную рѣку... Волны упрямо сбивали въ бокъ нашу привычную почтовую тройку; колеса то и дѣло подскакивали на камняхъ и проваливались въ ямы, вода доходила много выше дрогъ, но

все-таки, къ нашему великому благополучію, не залила глубокій кузовъ тарантаса, хотя мы, въ ожиданіи этого неизбѣжнаго событія, заранѣе подобрали ноги на сидѣнье. Къ удивленію нашему, киргизенокъ не обмахнулся и попалъ какъ разъ въ узаконенное мѣсто. Недоѣзжая втораго брода, мы нагнали, наконецъ, тяжело нагруженныя почтовыя тройки. Къ нимъ пристала еще какая-то перекладная съ проѣзжимъ, такъ что насъ собралась теперь цѣлая «оказія», какъ говорили въ свое время на Кавказѣ, или цѣлый караванъ своего рода, выражаясь по туркестански. Въ такой многолюдной компаніи и съ такимъ бывалымъ народомъ, какъ ямщики,—сразу стало спокойнѣе на сердцѣ, и самая ночь словно вдругъ просвѣтлѣла. Второе плесо Еланъ-Уте разлилось широко, словно какая-нибудь серьезная рѣка, и въ ночной темнотѣ казалось, будто другого берега совсѣмъ не видно. Это было очень скверно, потому что единственнымъ обозначеніемъ направленія брода служатъ слѣды колесъ на обоихъ берегахъ. Всѣ четыре ямщика, не исключая и нашего мальчишки, слѣзли съ облучковъ и, подойдя всей своей кучкой вплотную къ волнамъ бурлившаго потока, открыли промежъ себя военный совѣтъ. Мы, конечно, ни слова не могли понять изъ ихъ гортанной киргизской рѣчи и въ безмолвномъ терпѣніи дожидались, на что̀ они рѣшатся. Потолковавъ нѣсколько довольно длинныхъ минутъ, ямщики наши отважно крикнули наконецъ: «гайда!» и побѣжали всякій на свое мѣсто. Перекладная полѣзла первая, за нею обѣ почты, и уже сзади всѣхъ, обезпеченный опытомъ впереди насъ ѣхавшихъ, увѣренно двинулся и нашъ ковчегъ Ноевъ. Не постигаю, какимъ звѣринымъ чутьемъ руководились эти дикари-ямщики, выбирая съ такою точностью среди темной водной пучины свой путь, который извивался, какъ колѣна змѣи, то вправо, то влѣво, то вверхъ, то внизъ по рѣкѣ. Сначала мы долго ѣхали, вѣрнѣе сказать, плыли вдоль рѣки навстрѣчу ея теченію, ежеминутно ожидая, что вотъ-вотъ тарантасъ нашъ не выдержитъ стремительнаго напора волнъ и опрокинется колесами вверхъ. Потомъ

мы повернули вправо и переѣхали поперекъ рѣку. Слава Богу, и въ этомъ мѣстѣ вода не хватала черезъ край кузова, и мы отдѣлались только одними тревожными ожиданіями. На третьемъ переѣздѣ мы миновали тѣснину Тамерлановыхъ воротъ съ ихъ черною пещерою налѣво, съ ихъ историческою надписью на скалѣ правой стороны.

Скала эта имѣетъ саженъ 70 высоты, надпись помѣщается довольно низко, не выше 15—16 аршинъ отъ земли, такъ что легко читать снизу. Собственно говоря, надписей двѣ, сдѣланныя въ совершенно различное время, различными людьми и по различнымъ поводамъ. Начертаны онѣ крупными буквами на персидскомъ языкѣ, который здѣсь понимаетъ всякій деревенскій мулла, всякій уличный писецъ, такъ какъ это языкъ обычныхъ письменныхъ сношеній между туземцами Бухары и Самарканда.

Хотя простой народъ приписываетъ эти надписи никому другому, разумѣется, кромѣ своего излюбленнаго хана Тимура, именемъ котораго окрещена и вся тѣснина, но, къ великому разочарованію его, знающіе люди прочли на мнимой Тамерлановой скалѣ совсѣмъ чуждыя ему имена и событія. Одна надпись гласитъ:

«Съ помощью Господа Бога, великій султанъ, завоеватель царей и народовъ, тѣнь Бога на землѣ, опора велѣній Сунны и божественнаго закона, правитель и защитникъ вѣры, Улугъ Бегъ Гуруганъ (да продлитъ Богъ дни его царствованія и правленія!) предпринялъ походъ въ страну моголовъ и благополучно возвратился отъ того народа въ эти страны въ 828 году».

Улугъ-Бегъ былъ внукъ Тимура, прославившійся покровительствомъ наукъ, искусствъ и магометанской религіи, основатель знаменитыхъ медрессе и обсерваторіи въ Самаркандѣ, а 828 г. геджры соотвѣтствуетъ 1425 году нашей эры.

Вторая надпись еще позднѣйшаго времени (1571 г.) и принадлежитъ тоже очень извѣстному эмиру самаркандскому, строителю цистернъ и мостовъ,—Абдуллѣ-хану:

«Пусть странники въ пустынѣ, путешествующіе по землѣ и водѣ, знаютъ, что въ 979 году была здѣсь битва между арміей намѣстника халифа, тѣни всемогущаго, великаго Хакана-Абдуллы-хана, сына Искендеръ-хана, состоявшей изъ 30.000 воиновъ, и арміей Дервишъ-хана и Баба-хана и другихъ сыновей Баракъ-хана. Въ этой арміи было 50 родственниковъ султана и 400.000 воиновъ изъ Туркестана, Ташкента, Ферганы и Дешта-Кипчака. Армія Государя, по счастливому сочетанію созвѣздій, одержала побѣду, одолѣвъ вышеупомянутыхъ султановъ и предавъ смерти столькихъ изъ нихъ, что отъ народа, убитаго во время сраженія и въ плѣну, въ теченіе мѣсяца кровь текла поверхъ водъ рѣки Джизака. Пусть всѣ это знаютъ!» горделиво объявляетъ на весь свѣтъ кичливый побѣдитель.

Но намъ было теперь не до Тамерлана и не до археологическихъ надписей. Эти постоянныя ырянья тарантаса въ незнакомыхъ пучинахъ водъ, глубины которыхъ никто не могъ узнать впередъ, притомъ въ темную и непривѣтливую ночь, среди скалъ и пропастей, невольно очень скверно дѣйствовали на наши нервы. Мутныя воды потока неслись внизъ съ одуряющею быстротою, и среди глухаго молчанья ночи какъ-то угрожающе гудѣли между камней, будто вольные духи этого пустыннаго ущелья, трубящіе въ свои боевыя трубы. Непостижимыя и лошади у киргизовъ! Онѣ смѣло лѣзутъ по брюхо, по горло въ стремнины рѣки и тащатъ тяжело нагруженные экипажи по глубокимъ осыпямъ голышей, покрывающимъ дно рѣки, по подводнымъ камнямъ и корчагамъ; изъ рѣки еще вытаскиваютъ эти экипажи на крутые берега и бѣгутъ потомъ, не останавливаясь, одинъ десятокъ верстъ за другимъ.

А дѣлать нечего, одинъ за однимъ переправились мы благополучно черезъ всѣ восемь плесовъ Елань-Уте; подъ конецъ мы ужъ нѣсколько освоились съ этими варварскими переправами вплавь и не малодушествовали такъ, какъ въ первые три, четыре переѣзда. Но тѣмъ не менѣе трудно описать нашу ра-

дость когда киргизенокъ объявилъ намъ, что мы переѣхали послѣдній бродъ, что рѣки больше теперь не будетъ.

Ущелье тянется однако еще далеко за Елань-Уте, всего больше, чѣмъ на 20 верстъ. Было черно, какъ въ чернильницѣ, когда наши 4 тройки влетѣли на всѣхъ рысяхъ въ освѣщенный красноватымъ огнемъ фонарей туземный базаръ, откуда еще не разошлись запоздалые посѣтители, мирно потягивавшіе на своихъ «супахъ» и кроватяхъ неизбѣжный «кокъ-чай» изъ росписныхъ «піоля». Съ тревогой и неудовольствіемъ косились они на эти несущіяся во тьмѣ русскія тройки, чуть не задѣвавшія своими колесами ихъ чай-хане и лавченки. Но вотъ уже мелькаютъ ярко освѣщенныя окна станціи, гдѣ ждетъ насъ вполнѣ заслуженный отдыхъ, и сейчасъ задымится привѣтливый русскій самоваръ...

Тпру!! звонки смолкаютъ, мы стоимъ подъ крыльцемъ, и чьи-то услужливыя руки помогаютъ намъ выкарабкаться изъ нашего глубокаго ковчега.

III.

„Разноситель золота“.

Но намъ и на другой день не пришлось избавиться отъ досадныхъ переправъ въ бродъ, — этого истиннаго кошмара несчастныхъ туркестанскихъ путешественниковъ, который ложится пятномъ на русскаго цивилизатора Азіи. Въ самомъ дѣлѣ, при тѣхъ средствахъ и при той громадной власти, которыми мы здѣсь располагаемъ, рѣшительно понять нельзя, почему мы оставляемъ въ состояніи первобытнаго варварства всѣ эти опасныя и разорительныя для народа переправы черезъ рѣки. То, что могли бы стоить мосты, окупилось бы очень скоро и быстротою сообщеній, и сохраненіемъ въ цѣлости множества товаровъ и скота, которые теперь нерѣдко портятся и гибнутъ при переправахъ въ высокую воду. Ужъ если монголецъ Тимуръ,

или какой-нибудь Абдулла-ханъ могъ устроить великолѣпный каменный мостъ черезъ разливы Заравшана, то неужели Россія наканунѣ 20-го вѣка не въ состояніи выполнить того, на что нашлись силы и средства у азіатскихъ кочевниковъ 14 или 15 столѣтія?

Раньше я имѣлъ уже случай разсказать читателю, со словъ испанскаго путешественника 15-го столѣтія Рюи Гонзалеса, какую просвѣщенную заботливость проявлялъ Тимуръ относительно дорожныхъ сообщеній въ своей колоссальной имперіи. А у другого, еще болѣе стариннаго путешественника, венеціанца Марко Поло, объѣхавшаго всѣ страны Азіи еще во второй половинѣ 13-го вѣка, при самыхъ первыхъ ханахъ Монгольской имперіи, можно найти очень поучительныя свѣдѣнія объ устройствѣ почтовой гоньбы въ степяхъ и горахъ Азіи Чингисъ-ханомъ и его наслѣдниками.

«Изъ города Канбалу въ другія провинціи ведутъ множество дорогъ, и на каждой изъ нихъ, т.-е. на каждой большой дорогѣ, на разстояніи 25 или 30-ти миль, находится станція съ домами, устроенными для путешественниковъ, и называется яшбъ, или почтовый домъ. Это всегда большое, красивое строеніе со многими, хорошо убранными комнатами, обитыми шелковою матеріей и снабженными всѣми удобствами. Всякій король могъ бы остановиться въ такомъ домѣ и жить прилично своему сану, ибо въ окружающихъ городахъ и укрѣпленныхъ мѣстахъ можно достать все нужное, а нѣкоторые изъ этихъ станцій снабжаются постоянно провизіей отъ двора. На каждой станціи стоятъ всегда на готовѣ 400 хорошихъ лошадей, для того, чтобы послы, ѣдущіе по дѣламъ Его Величества, равно какъ и гонцы его, могли мѣнять ихъ и, оставивъ своихъ утомленныхъ лошадей, получить свѣжихъ. Даже въ гористыхъ округахъ, удаленныхъ отъ большихъ дорогъ, и гдѣ не было деревень, а города далеко отстоятъ одинъ отъ другого, Его Величество велѣлъ воздвигнуть подобнаго рода постройки, снабженныя всѣмъ необходимымъ, а главнымъ образомъ лошадьми. Онъ по-

сылалъ разныхъ людей на житье въ эти мѣста для обработыванія земли и исполненія всѣхъ нуждъ почты; такимъ путемъ образовались большія деревни.

«Благодаря устройству подобныхъ домовъ, посланники и царскіе гонцы съ большимъ удобствомъ и весьма легко проѣзжали по разнымъ провинціямъ имперіи. И во владѣніи великаго хана находятся такимъ образомъ не менѣе 200.000 лошадей подъ вѣдомствомъ почты, и для нея содержатся 10.000 домовъ. Трудно описать—какой степени быстроты достигаютъ этой удивительной системой».

Искренно изумляется порядкамъ азіатскихъ варваровъ гражданинъ просвѣщеннѣйшей европейской республики того времени.

«При промежуточныхъ станціяхъ,—повѣтствуетъ онъ далѣе,—есть писецъ, обязанный записывать день и часъ, въ который прибылъ одинъ курьеръ, а другой отправился; кромѣ того, назначаются особые чиновники, которые каждый мѣсяцъ объѣзжаютъ всѣ станціи, просматриваютъ книги и наказываютъ курьеровъ, не употребившихъ надлежащую скорость при исполненіи своихъ обязанностей».

Иначе говоря, у азіатскихъ варваровъ, кочевавшихъ въ кибиткахъ, уже болѣе 600 лѣтъ тому назадъ, почтовая часть была организована такъ же правильно и удобно, какъ она организована сравнительно въ позднѣйшее время во многихъ европейскихъ государствахъ. Конечно, это происходило подъ вліяніемъ древняго центра цивилизаціи Китая, который былъ покоренъ монгольскими кочевниками вмѣстѣ съ другими странами Азіи, и который тотчасъ же невольно оказалъ могущественное воздѣйствіе на весь бытъ своихъ дикихъ владыкъ. Это во всякомъ случаѣ не мѣшаетъ помнить слишкомъ заносчивымъ представителямъ европейской цивилизаціи, наивно воображающимъ, что только и свѣта было для міра, что̀ изъ ихъ окна.

Вообще по этому поводу среди большинства читающей публики существуетъ слишкомъ много заблужденій, объясняемыхъ между прочимъ малымъ знакомствомъ нашихъ съ древнимъ бы-

томъ и исторіею азіатскихъ народовъ. Старинные европейскіе путешественники, какъ Марко Поло, Рубруквисъ, Плано-Карпини, Рюи Гонзалесъ и другіе, — несмотря на огромный интересъ ихъ, — многимъ извѣстны только по именамъ. А между тѣмъ стóило бы задуматься надъ многимъ, что̀ передаютъ они, прежде чѣмъ произносить обычный безапелляціонный приговоръ надъ варварствомъ азіатовъ, такъ ревностно исцѣляемымъ благодѣяніями европейской цивилизаціи.

Марко Поло, много лѣтъ проживавшій среди монголовъ и своими глазами видѣвшій всѣ туземные порядки, передаетъ очень любопытныя вещи о внутреннемъ управленіи громадной Монгольской имперіи и объ отношеніяхъ великаго хана къ своимъ безчисленнымъ народамъ.

По его словамъ, великій ханъ ежегодно посылаетъ довѣренныхъ людей узнать, не постигли ли какую-нибудь мѣстность неурожай, саранча, наводненія или другія бѣдствія. Съ пострадавшаго поселенія не только не взыскиваются подати но ему выдается изъ царскихъ житницъ нужное количество хлѣба на пропитаніе и обсѣмененіе полей. Съ этою цѣлью въ урожайные годы ханъ закупаетъ во всѣхъ провинціяхъ большіе запасы зерна, которые сохраняются безъ малѣйшей порчи по 3 и по 4 года въ прекрасно устроенныхъ для этого житницахъ. Точно также, въ случаѣ падежа скота, ханъ приказывалъ раздавать пострадавшимъ отъ бѣдствія—коровъ и быковъ изъ собственныхъ стадъ, такъ какъ всѣ области его царства ежегодно присылали ему скотъ въ видѣ десятинной подати отъ своихъ произведеній.

«Всѣ мысли великаго хана,—прибавляетъ Марко Поло,—направлены къ тому, чтобы помочь народу въ его нуждахъ для того, чтобы подданные его были въ состояніи жить своимъ трудомъ и улучшить свое положеніе».

Бѣднымъ города, въ которомъ жилъ великій ханъ, постоянно отпускался всякій необходимый провіантъ отъ царскаго двора, по особымъ смѣтамъ, разсчитаннымъ на цѣлый годъ по числу

членовъ семейства. Для нихъ ткались также одежды изъ шерсти и шелка въ особо устроенной мастерской, гдѣ каждый ремесленникъ города былъ обязанъ работать даромъ одинъ день въ недѣлю.

«Не проходило дня безъ того, чтобы назначенные для этого чиновники не роздали до 20.000 посудинъ съ рисомъ, просомъ и пшеномъ. Вслѣдствіе этой удивительной щедрости хана, народъ почитаетъ его какъ божество», разсказываетъ Марко Поло.

Для безопасности пути среди безпредѣльныхъ степей и пустынь своей имперіи ханъ повелѣлъ по обѣимъ сторонамъ большихъ дорогъ садить вездѣ быстрорастущія деревья, на два шага другъ отъ друга, чтобы лѣтомъ пѣшеходы могли пользоваться ихъ тѣнью. Тамъ же, гдѣ сыпучіе пески и скалистыя горы не позволяли расти деревьямъ, велѣно было ставить камни и столбы для указанія дороги. Особые чиновники наблюдали за тѣмъ, чтобы эти правила исполнялись и чтобы дороги содержались въ порядкѣ.

Цивилизація того времени простиралась до того, что въ китайскихъ провинціяхъ имперіи уже тогда употребляли, какъ весьма обыкновенный предметъ, тотъ самый каменный уголь, который европейскіе экономисты считаютъ теперь, такъ сказать, вѣрнѣйшимъ показателемъ степени гражданственности и экономическаго благосостоянія народа.

Марко Поло описываетъ этотъ уголь, какъ «особенный черный камень, который горитъ подобно углю и поддерживаетъ огонь гораздо лучше дровъ, такъ что если его зажечь вечеромъ, то онъ прогоритъ всю ночь и не погаснетъ даже утромъ».

Населеніе тѣхъ провинцій истребляло огромное количество топлива, «ибо нѣтъ ни одной личности, которая бы не посѣщала теплыя ванны, по крайней мѣрѣ, 3 раза въ недѣлю, а зимой даже каждый день, если это возможно. Всякій вельможа имѣетъ ванну у себя въ домѣ для своего употребленія», сообщаетъ обстоятельный венеціанскій путешественникъ эту также харак-

терную черту современной европейской цивилизаціи, усвоенную еще въ такіе далекіе вѣка глупыми азіатами.

Ассигнаціи и банковые билеты,—изобрѣтеніе новой Европы,— были въ употребленіи у хановъ Монгольской имперіи еще въ 13 вѣкѣ. Марко Поло съ удивленіемъ описываетъ «монетный дворъ» великаго хана въ городѣ Канбалу, гдѣ изъ коры тутовыхъ деревьевъ дѣлали бумагу чернаго цвѣта; ее рѣзали потомъ на кусочки разной величины, выбивали на ней цифру денежной суммы, которую она должна была изображать, и снабжали подписями нѣсколькихъ чиновниковъ, завѣдывавшихъ этимъ дѣломъ; послѣ того являлся главный чиновникъ хана и прикладывалъ къ каждому билету порученную ему царскую печать, обмакнутую въ киноварь.

«Такого рода бумажная монета находится во всей странѣ, и никто подъ страхомъ смертной казни не смѣетъ отказаться взять ее въ уплату», прибавляетъ Марко Поло.

Нашъ извѣстный знатокъ Китая, монахъ Іакинфъ Бичуринъ, въ своей любопытной, хотя и старой книгѣ, «Исторія первыхъ четырехъ хановъ изъ дома Чингисова», переведенной съ китайскаго, упоминаетъ, между прочимъ, что ассигнаціи ввелъ первый разъ среди монголовъ прославленный китайскими лѣтописцами мудрецъ и совѣтникъ Чингисъ-хана, Ели-Чуцай.

Этого имени невозможно пройти молчаніемъ, говоря о монголахъ и монгольскихъ ханахъ. Рѣдкое историческое лицо даже новѣйшей европейской имперіи можетъ сравняться съ этимъ почти невѣдомымъ у насъ государственнымъ мужемъ далекой средневѣковой Азіи нравственною высотою своего духа, мудростью и величіемъ своихъ взглядовъ на задачи государственнаго управленія. Ели-Чуцай происходилъ изъ прежняго царскаго дома Ляо, лишеннаго престола, и покорился Чингису послѣ взятія имъ теперешняго Пекина. Чингисъ призвалъ его къ себѣ и предложилъ Чуцаю помогать ему противъ враждебнаго ему царскаго дома Гиль.

«Еще при дѣдѣ и родителѣ моемъ я служилъ, обратясь ли-

цомъ къ сѣверу; бывши прежде подданнымъ, могу ли питать двоедушіе и враждовать противъ прежняго государя и отца?» смѣло отвѣтилъ Ели-Чуцай. Отвѣтъ его такъ поразилъ грубаго варвара, что онъ оставилъ его при себѣ для совѣтовъ по разнымъ дѣламъ. Ели-Чуцай зналъ математику и особенно былъ глубокъ «въ метафизическомъ познаніи естества», т.-е. въ астрономіи. Онъ предсказывалъ Чингису по звѣздамъ судьбу его предпріятій и поднесъ ему новый календарь, котораго правильность изумляла потомъ европейскихъ путешественниковъ въ Монголіи.

При Угедеѣ (или Октаѣ) ханѣ всѣ монгольскіе вельможи настоятельно совѣтовали хану перебить до одного человѣка всѣхъ китайцевъ, а земли ихъ обратить въ пастбища, потому что, хотя они и завоевали китайскій народъ, но пользы отъ него никакой не видно.

Ели-Чуцай остановилъ этотъ варварскій совѣтъ и убѣдилъ хана обложить всѣ земли умѣренною податью, назначить пошлины съ вина, соли, желѣза, со всякаго торговаго человѣка, съ горъ и водъ.

«Хотя мы имперію получили, сидя на лошади, сказалъ онъ императору, но управлять ею, сидя на лошади, не возможно». По его совѣту, ханъ рѣшился призвать къ должностямъ ученыхъ людей и издать для каждой мѣстности особыя постановленія, прекративъ своевольный грабежъ и казни своихъ прежнихъ правителей. Съ этихъ поръ народомъ стали управлять гражданскіе начальники, особыя казначейскія палаты стали завѣдывать сборомъ денегъ и хлѣба.

Когда Угедею подали въ первый разъ вѣдомости о полученныхъ государственныхъ доходахъ, ханъ, не вѣря своимъ глазамъ и радостно улыбаясь, спросилъ Ели-Чуцая:

«Какимъ образомъ умѣлъ ты произвести такое притеченіе денегъ и тканей?»

Въ тотъ же день онъ вручилъ ему свою печать и поручилъ ему всѣ безъ исключенія дѣла управленія.

Ели-Чуцай возсталъ противъ обычая хановъ раздавать области и города въ кормленіе князьямъ и любимцамъ своимъ, и старался повсюду вводить вмѣсто нихъ чиновниковъ отъ двора съ опредѣленнымъ жалованьемъ, строго запрещая имъ взыскивать съ народа самовольные поборы. Каждое мѣсто управленія получило свою казенную печать, были выпущены бумажныя ассигнаціи на 50.000 центовъ серебра; для упорядоченія разъѣздовъ князей и ханскихъ родственниковъ были введены подорожныя и опредѣлено, кто можетъ брать сколько лошадей; мѣры и вѣсъ приведены были къ однообразію во всѣхъ областяхъ громадной имперіи, и подати вездѣ уравнены. Ели-Чуцай всѣми силами боролся противъ продажи мѣстъ и неправосудія, и нерѣдко выпрашивалъ у жестокосердыхъ хановъ пощаду заключеннымъ и осужденнымъ.

«Ели-Чуцай имѣлъ великія дарованія и далеко провосходилъ прочихъ. Съ праводушіемъ служилъ при дворѣ и не унижался передъ силою», говоритъ о немъ китайскій историкъ.

«Когда представлялъ о пользѣ и невыгодахъ отечества, о благѣ и страданіяхъ народа, показывалъ силу въ словахъ и ревность въ видѣ. Монгольскій государь сказалъ ему однажды: «ты опять хочешь плакать за народъ?»

Ели-Чуцай очень любилъ образованіе, его заботами было учреждено при дворѣ хана историческое общество, куда были выписаны историческія лѣтописи изъ разныхъ городовъ имперіи, и ученый Лянъ-Чже съ двумя помощниками опредѣленъ былъ исторіографомъ хановъ. По смерти его, у него нашли вмѣсто предполагаемыхъ сокровищъ, которыя онъ могъ бы такъ легко собрать, пользуясь безграничнымъ довѣріемъ хановъ, — только нѣсколько тысячъ старинныхъ и новѣйшихъ книгъ, картинъ и древнихъ надписей на металлѣ и камняхъ.

Ели-Чуцай принадлежалъ къ тѣмъ избраннымъ мужамъ высокаго разума и великаго сердца, которые въ самые далекіе и грубые вѣка клали свою жизнь на привитіе мирныхъ человѣчныхъ нравовъ двуногому звѣрю, не вѣдавшему другихъ позы-

вовъ кромѣ грабежа и убійства, которые сѣяли съ мучительнымъ трудомъ среди повсемѣстной дичи варварскаго быта первыя сѣмена просвѣщенія, труда и порядка; человѣчество не должно забывать этихъ передовыхъ борцовъ своей цивилизаціи.

Китай воздвигъ Ели-Чуцаю статуи въ храмахъ своихъ, какъ богоподобному существу. Но никто не умѣлъ выразить такъ все великое историческое значеніе Ели-Чуцая, какъ наивныя слова о немъ китайской исторіи Ганъ-Му:

«Если бы не было тогда Ели-Чуцая, то неизвѣстно, чтó послѣдовало бы съ родомъ человѣческимъ!»

Умеръ Ели-Чуцай вполнѣ достойно всей жизни своей.

Когда вдова хана Угедея ханша Наймачинь поручила всѣ дѣла своему любимцу Ульдуръ-Хамару и требовала отъ Ели-Чуцая, чтобы онъ приложилъ царскую печать къ одному изъ незаконныхъ распоряженій временщика, то Ели-Чуцай сказалъ твердо: «правительство имѣетъ законы въ руководство. Вы нынѣ желаете въ противность имъ. Я не смѣю исполнить ваши повелѣнія!»

Ханша приказала тогда отрубить руки каждому, кто не будетъ подписывать приказъ Ульдуръ-Хамара.

Ели-Чуцай сказалъ на это:

«Если дѣло не противно порядку, то я считаю обязаннымъ привести оное въ исполненіе, но если не должно производиться, то не буду уклоняться и отъ смерти; не говорю объ отсѣченіи рукъ».

Онъ тогда же заболѣлъ и умеръ отъ горя.

Заравшанъ, по-арабски, «разноситель золота», въ старину назывался у туземцевъ Когикъ, а у древнихъ греческихъ географовъ Политиметъ.

Его разливы хотя и нѣсколько разъ пересѣкали нашу дорогу, но, вопреки ожиданія, оказывались совсѣмъ мелкими. Только одинъ послѣдній главный рукавъ его, подъ горою Чапанъ-Ата, уже очень недалеко отъ Самарканда, надулся такъ,

что даже смѣльчаки-киргизы пришли въ раздумье. Здѣсь на берегу стоитъ кибитка съ сторожевыми киргизами, которые и перевозятъ путешественниковъ черезъ рѣку въ высокой арбѣ. Переправа въ экипажахъ буквально невозможна; мы убѣдились въ этомъ собственными глазами, отправивъ впередъ черезъ рѣку нашъ извѣдавшій всякія мытарства тарантасъ. Его налило водою по уши, и много разъ онъ былъ близокъ къ тому, чтобы нырнуть въ рѣку совсѣмъ съ головой, несмотря на то, что его провожали ловкіе верховые киргизы, поддерживавшіе его со стороны теченія за привязанныя къ осямъ веревки. Когда вещи были уложены въ арбу, и жена съ помощью моей и киргизовъ только-что взобралась въ нее сзади, чтобы усѣсться на своихъ чемоданахъ и подушкахъ, подбрюшный ремень, замѣняющій въ киргизской упряжкѣ нашъ черезсѣдельникъ, вдругъ лопнулъ, оглобли прянули вверхъ, потянувъ за собою оторопѣвшую лошадь,—и валкая двуколесная арба мгновенно перекинулась назадъ. Конечно, и жена, и чемоданы, и подушки,— все посыпалось на землю, и если бы мы не стояли тутъ же, пожалуй, дѣло не обошлось бы безъ серьезнаго ушиба. Сейчасъ же запрягли другую арбу, въ которую мы съ женою помѣстились уже безъ вещей, а вещи отправились отдѣльно въ первой арбѣ, которой упряжку скоро исправили...

Наша арба претерпѣла тоже не мало въ этой переправѣ. Паденіе воды здѣсь такъ быстро, что струи ея просто мелькаютъ передъ глазами. Вода этой «золотоносящей» рѣки—словно въ насмѣшку настоящая текучая грязь, до того она теперь мутна и черна; неровное каменное дно образуетъ на каждомъ шагу маленькіе водовороты, и чтобы устоять противъ этого сбивающаго съ ногъ напора водъ, лошадямъ необходимо идти грудью почти на встрѣчу потоку, перерѣзая рѣку вкось; отъ верченія и неистоваго стремленія пляшущихъ кругомъ водъ голова кружится, въ глазахъ рябитъ, и вамъ кажется, что и арбу, и лошадь, и всѣхъ насъ постоянно относитъ бокомъ внизъ по рѣкѣ; но это только иллюзія глазъ. Киргизъ-возница обманы-

ваетъ бѣшеную рѣку и, приближаясь къ противоположному берегу, вдругъ поворачиваетъ такъ, что арба какъ разъ выѣзжаетъ въ томъ мѣстѣ, которое ему нужно. Вода все время заливала оглобли арбы и изрѣдка поплескивала и къ намъ подъ ноги. Но все-таки мы переправились на ту сторону совсѣмъ сухіе, счастливые сознаніемъ, что это послѣдняя переправа въ бродъ, послѣдняя станція нашего «почтоваго» пути въ Туркестанѣ.

На той сторонѣ Заравшана высятся величественныя развалины громаднаго каменнаго моста. Это массивныя арки изъ маленькихъ, превосходно выжженныхъ кирпичиковъ, напоминающія своею смѣлостью и грандіозностью древнія римскія постройки. Уцѣлѣло всего двѣ арки, примыкающія къ горѣ, остальныя давно разрушены и разнесены волнами бѣшеной рѣки. Туземцы, конечно, считаютъ эти арки остатками Тамерланова моста. Кто же, кромѣ великаго Желѣзнаго Хромца, былъ бы въ силахъ перекинуть такой гигантскій и такой красивый мостъ черезъ разливы неукротимаго «разносителя золота»? А между тѣмъ историческія данныя называютъ строителемъ моста Абдуллу-хана, знаменитѣйшаго изъ династіи Шейбанидовъ, что̀, вѣроятно, не мало огорчило бы искреннихъ поклонниковъ Желѣзнаго Хромца, если бы они были способны повѣрить такой обидной для нихъ исторической справкѣ.

Гора, вѣнчающая Заравшанъ, живописно увѣнчана муллушкою мусульманскаго хаджи и какими-то развалинами. Этотъ старинный мазаръ собственно и далъ названіе горѣ Чапанъ-Ата. Чапанъ значитъ то же, что̀ малороссійскій чобанъ, то-есть пастухъ, а ата—отецъ,—«отецъ пастуховъ».

Мусульманская легенда говоритъ, что на этомъ холмѣ остановились отдыхать три первыхъ арабскихъ миссіонера, пришедшіе сюда проповѣдывать исламъ. Они зарѣзали барана, сварили его и положили жребіемъ рѣшить, кому идти съ проповѣдью въ какую сторону. Хаджи, который здѣсь погребенъ и котораго прозвали потомъ «отецъ пастуховъ», вынулъ изъ котла баранью

голову, поэтому получилъ право перваго выбора. Онъ направился въ Самаркандъ. Второй его товарищъ вынулъ сердце барана и рѣшился возвратиться въ Мекку, третьему досталась задняя часть, и онъ пошелъ въ Багдадъ. Съ этихъ поръ Самаркандъ сталъ называться головою ислама, а Мекка его сердцемъ. На горѣ Чапанъ-Ата стояла когда-то и знаменитая обсерваторія Улугъ-Бега, внука Тимурова; здѣсь вычислялись и его астрономическія таблицы. А въ нѣдрахъ горы—ломка прекраснаго камня, который, кажется, самъ просится въ устои моста.

Русское національное самолюбіе требуетъ этого прежде всего, не говоря уже о томъ безразсудномъ рискѣ которому мы подвергаемъ, кромѣ обыкновенныхъ проѣзжихъ, своихъ губернаторовъ, генераловъ и всякое здѣшнее начальство, заставляя ихъ при каждомъ проѣздѣ по дѣламъ службы купаться съ опасностью жизни въ этомъ бѣшеномъ потокѣ.

Впрочемъ, этотъ досадный намъ «бѣшеный» потокъ—величайшее благословеніе цѣлаго края и недаромъ издревле называется туземцами «разносителемъ золота». Это буквально поилецъ и кормилецъ всей обширной Бухарской равнины, этого сердца центральной Азіи, обратившій ее въ земной рай своего рода.

Заравшанъ собираетъ свои воды изъ ледниковъ Тянь-Шаня, въ той части его, которая носитъ теперь названіе Кашгаръ-Давалъ, въ большое Черное озеро, Искендеръ-Куль, окрещенное до сихъ поръ священнымъ для азіатовъ именемъ великаго македонскаго завоевателя, проводившаго черезъ эти мѣстности свои непобѣдимыя фаланги.

До горы Чапанъ-Ата Заравшанъ течетъ однимъ русломъ, но у Чапанъ-Ата устроена старинная плотина, которая разбиваетъ воду Заравшана на два большихъ рукава: Акъ-Дарью, или Бѣлую рѣку, и Кара-Дарью—Черную рѣку.

Акъ-Дарья собственно и есть естественное продолженіе Заравшана, питающее своими водами большую половину Заравшанской долины, между прочимъ и городъ Бухару.

Русло же Кара-Дарьи устроено руками человѣка, хотя и очень давно, и поэтому значительно меньше Акъ-Дарьи. Издревле же установилась и цѣлая сложная система арыковъ для проведенія водъ Заравшана въ каждый уголокъ каждаго поля, сада и огорода этой кишащей плодородіемъ страны. Глубокіе и широкіе каналы: изъ которыхъ иные имѣютъ до 10-ти саженъ ширины и по виду своему похожи на порядочныя рѣки,—разносятъ воду въ хитросплетенную сѣть болѣе мелкихъ арыковъ, принадлежащихъ отдѣльнымъ кишлакамъ. Нужно было воспитать въ себѣ тысячелѣтіями то изумительное искусство проводить воду всюду, гдѣ она нужна, такъ просто, удобно и дешево, какъ умѣютъ проводить ее мѣстные жители, унаслѣдовавшіе, повидимому, оросительный талантъ древнихъ туземныхъ народовъ, бактрійцевъ и согдовъ. Никакіе математическіе разсчеты нашихъ инженеровъ не могутъ въ этомъ случаѣ сравниться съ безошибочнымъ чутьемъ мѣстнаго жителя, который, по признанію самихъ спеціалистовъ нашихъ, безъ всякихъ нивелировъ и другихъ геодезическихъ инструментовъ, заставляетъ воду течь туда, куда мы никакимъ образомъ не ухитримся направить ее.

Каждый кишлакъ, каждый хозяинъ кишлака имѣютъ точно опредѣленныя права, когда и насколько времени могутъ они пользоваться водою предназначеннаго имъ арыка, заливая ею время отъ времени борозды своего поля. Жители изстари привыкли съ такимъ благоговѣніемъ относиться къ этому праву воды, безъ котораго немыслима здѣсь ни жизнь, ни хозяйство, что о самовольныхъ нарушеніяхъ сосѣдями строго установленнаго распредѣленія водныхъ правъ каждаго хозяина почти никогда здѣсь не слышно. Напротивъ того, общій арыкъ могучимъ образомъ объединяетъ и сближаетъ жителей его береговъ которые невольно устанавливаютъ между собою своего рода общинную жизнь, имѣя одни и тѣ же интересы, исполняя однѣ и тѣ же обязанности и защищая одинаковыя права. Каждый годъ два раза требуется по нѣскольку десятковъ тысячъ рабочихъ чтобы поправлять большую плотину, раздѣляющую Акъ-Дарью отъ

Кара-Дарьи, и эти рабочіе наряжаются сообща всѣми кишлаками, поля которыхъ орошаются этими рѣчками. Точно такими же совмѣстными усиліями жителей производятся всѣ работы, необходимыя для поддержанія второстепенныхъ плотинъ и арыковъ; въ теченіе столѣтій выработались на этотъ счетъ подробныя и точныя правила, строго всѣми соблюдаемыя. Вода, орошеніе поля имѣютъ такое подавляющее значеніе въ хозяйствѣ и жизни этихъ сухихъ горячихъ равнинъ, что владѣтель верхняго теченія рѣки, располагающій главнымъ притокомъ ея водъ, невольно дѣлается грозою страны, лежащей ниже и вынужденной жить водами той же рѣки. Во многихъ случаяхъ такое роковое положеніе дѣлъ вызываетъ прямое господство верхнихъ областей рѣки надъ нижними. Въ этомъ смыслѣ завоеваніе русскими Самарканда и съ нимъ вмѣстѣ жизненнаго узла Заравшана, плотины Чапанъ-Ата, откуда онъ посылаетъ свои «золотоносныя» струи въ Бухару и другіе низовые города, само собою отдало въ наши руки все Бухарское ханство, по крайней мѣрѣ ту неистощимую житницу его, которая лежитъ по берегамъ, притокамъ и арыкамъ Заравшана, отъ Самарканда до Бухары, и называется Міанкальскою долиною,—въ томъ числѣ и саму правовѣрную столицу бухарскихъ эмировъ, — «Бухара-ель-Шерифъ».

Благодаря постоянному обильному орошенію Заравшана, Міанкальская долина—одинъ сплошной роскошный садъ; когда озираешь ее сверху, съ гребня какой-нибудь сосѣдней возвышенности, она течетъ и вьется среди ровной степи, словно какая-то широкая темнозеленая рѣка. Кишлаки идутъ за кишлаками, одинъ многолюднѣе, одинъ богаче другого, почти безъ перерыва утопая въ этихъ густыхъ садахъ, окаймленные правильными четырехъугольниками полей, обработанныхъ, какъ самый превосходный огородъ, и ярко зеленѣющими лугами клевера. Ни одинъ клочекъ земли не гуляетъ безъ какого-нибудь дорогого и выгоднаго растенія. Тутъ все: табакъ, рисъ, хлопчатникъ, кукуруза, дыни; тутъ шелковица и виноградъ, персикъ и фисташка...

Неурожаевъ тутъ не бываетъ, потому что засуха невозможна, и всякій хозяинъ съ увѣренностью можетъ разсчитывать на предположеный имъ доходъ съ своего участка земли. Поэтому здѣшнее земледѣліе нисколько не похоже на ту рискованную игру, какую мы ведемъ на нашихъ черноземныхъ поляхъ, всецѣло зависящихъ отъ случайностей атмосферы.

Обычай орошать свои сады и поля водами рѣки, несомнѣнно. наслѣдіе глубочайшей древности.

Въ Библіи, въ книгѣ пророка Іезекіиля, говорится, повидимому, про тѣ самыя страны Средней Азіи, которыя, подобно нынѣшней Бухарѣ, входили въ составъ Ассирійской, Мидійской и потомъ Персидской монархіи, и уже тогда не могли производить ничего безъ помощи арыковъ:

«Вотъ Ассуръ былъ кедръ на Ливанѣ съ красивыми вѣтвями и тѣнистою листвою, высокій ростомъ... *Воды ростили его, бездна поднимала его, рѣки ея окружали питомникъ его, и она протоки свои посылала ко всѣмъ деревамъ полевымъ*».

У Геродота есть одно мѣсто, которое также подтверждаетъ существованіе въ его время оросительныхъ работъ въ Азіи и еще очевиднѣе относится къ Туркестану, скорѣе всего именно къ Заравшанской долинѣ:

«Въ Азіи, — говоритъ греческій историкъ,—есть такая равнина, которая по всѣмъ сторонамъ горами смыкается. Но горы имѣютъ пять прорѣзовъ. Сія равнина прежде всего принадлежала хорасміянамъ, живущимъ на горахъ, также ирканіенамъ, пареянамъ, сорангеямъ и ѳоманіянамъ. Но съ тѣхъ поръ какъ персы владѣть начали, принадлежитъ она царю. Изъ лежащихъ вокругъ горъ выходитъ великая рѣка *Акъ*, именуемая (Акъ-Дарья, т.-е. Заравшанъ). Оная *напояла прежде сего земли всѣхъ вышеобъявленныхъ народовъ, будучи проведена прорѣзами особливо во всякій народъ*. А когда досталась она персамъ, долженствуетъ такую терпѣть нужду: у прорѣзовъ горъ сдѣлалъ царь плотины и заставки. Какъ водъ выходъ заперъ, ровное мѣсто внутри горъ стало озеромъ, потому что рѣки туда впадаютъ, но не

имѣютъ выхода оттуда. Итакъ, до сего водою пользовавшіеся претерпѣваютъ нынѣ великій вредъ. Ибо хотя зимою Богъ и даетъ имъ дождь, какъ и прочимъ людямъ, но лѣтомъ, когда они *просо и кунжутъ сѣютъ*, недостатокъ имѣютъ въ водѣ. Итакъ, если имъ недостаетъ воды приходятъ они сами и жены ихъ въ Персію, и, приступая ко двору царскому, вопятъ и плачутъ. Тогда *повелѣваетъ царь отворить шлюзы тѣмъ, которые имѣютъ великую нужду въ водѣ. Напоивши довольно ихъ землю, запираютъ оные опять и отворяютъ другіе для другихъ*, имѣющихъ въ водѣ крайнюю нужду. Симъ отверстіемъ, какъ я слышалъ, достаетъ онъ, опричь податей, много денегъ. Такимъ порядкомъ сіе происходитъ».

Трудно сомнѣваться, что эти пять «прорѣзовъ» Геродота — просто на просто пять главныхъ каналовъ, на которые прежде всего раздѣлялась рѣка Акъ, теперешній Заравшанъ, и изъ которыхъ уже расходились во всѣ стороны другіе мелкіе каналы. Очевидно, персидскіе цари ввели болѣе правильную систему въ пользованіи водою и обложили это пользованіе извѣстною пошлиною, которая потребовала надзора и мѣръ строгости, и, конечно, вызвала въ народѣ вопли недовольства, дошедшіе до слуха любознательнаго греческаго историка.

Что древніе завователи и владыки Средней Азіи вообще не упускали забирать въ свои руки эту главную артерію мѣстной жизни и извлекать изъ нея возможно бо̀льшій доходъ, разумѣется само собою.

Конечно, въ этомъ смыслѣ нужно понимать слова пророка Іезекіиля въ томъ полномъ высокой поэзіи разсказѣ его объ Ассурѣ, на который мы только-что ссылались:

«За то, что ты высокъ сталъ ростомъ и вершину твою выставилъ среди толстыхъ сучьевъ, и сердце его возгордилось величіемъ его. *За то я отдалъ его въ руки властителю народовъ; онъ поступилъ съ нимъ какъ надобно;* за беззаконіе его я отвергъ его. Я сдѣлалъ сѣтованіе объ немъ, затворилъ ради его бездну

и остановилъ ръки его, и задержалъ большія воды, и омрачилъ по немъ Ливанъ, и *всѣ дерева полевыя были въ уныніи по немъ*».

Іезекіиль жилъ ранѣе Геродота, въ 6-мъ вѣкѣ до Р. Хр., во времена Навуходоносора; въ этомъ же вѣкѣ посѣтилъ средне-азіатскія пустыни, проѣздомъ изъ Экбатаны, то-есть Мидіи, въ Индію знаменитый греческій математикъ и философъ Пиѳагоръ, который тоже упоминаетъ объ орошеніи среднеазіатскихъ земель.

«Мы разсматривали Артоксану, столицу государства Арійскаго, получившаго имя свое и *изобиліе отъ ръки Арія*, протекающей близъ *озера Зере, которое напояетъ земли Зарангейскія*». Какъ ни соблазнительно сходство названій озера Зере и земли Зара-нгейскія съ Зара (или Зере)вшаномъ, но тѣмъ не менѣе нужно думать, что Пиѳагоръ скорѣе говоритъ здѣсь о рѣкѣ *Гери-рудѣ* и теперешнемъ Мервскомъ оазисѣ, тѣмъ болѣе, что онъ, предпринявъ путешествіе въ Индію «черезъ сѣверныя пустыни», уклонился нѣсколько *къ югу*, *чтобы избѣжать песковъ*, окружающихъ границы Гедрозіи и Арахозіи».

Водамъ Заравшана Туркестанъ былъ главнымъ образомъ обязанъ тѣмъ, что въ древнѣйшія времена онъ считался одною изъ богатѣйшихъ мѣстностей Азіи. По словамъ Геродота, онъ составлялъ при Даріи Гистаспѣ двѣ лучшихъ сатрапіи Персидскаго царства, 14-ю и 16-ю. Четырнадцатую населяли главнымъ образомъ *сара*нгеяне, или зарангеяне, народъ напоминающій своимъ именемъ и *сар*товъ, и *Зара*вшанъ. Эта сатрапія была третьею во всей громандной монархіи Дарія по количеству податей, которыя она выплачивала царю.

Вмѣстѣ съ 16-й сатрапіей, населенной хоразміянами (Хоразмъ, или Ховарезмъ — теперешняя Хива) и пареянами, эти двѣ области вносили ежегодно 900 талантовъ серебра, между тѣмъ какъ прославленный своимъ обиліемъ Египетъ уплачивалъ только 700 талантовъ.

Впрочемъ, Заравшанъ служилъ въ древности не только для орошенія полей, но еще и важнымъ торговымъ путемъ. Въ настоящее время онъ немного не доходитъ до Аму-Дарьи, те-

ряясь въ пескахъ, болотахъ и небольшомъ озерѣ Денгизъ. Но въ прежнее время, когда воды его были несравненно обильнѣе, онъ составлялъ естественный путь для товаровъ всякаго рода, направлявшихся изъ горныхъ мѣстностей и плодородныхъ долинъ внутренняго Туркестана къ великому теченію Оксуса.

Самаркандъ и окрестные города издревле стали крупными рынками для торговли запада съ Китаемъ и Индіей, поэтому китайскіе и индѣйскіе товары шли въ Европу частью прямо по Оксусу, частью по Заравшану и потомъ по Оксусу.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Оксусъ нѣсколько столѣтій тому назадъ впадалъ не только въ Аральское, но и въ Каспійское море.

Римскій географъ Страбонъ положительнымъ образомъ говоритъ о томъ, что самые значительные товары сплавлялись по Оксусу къ Гирканскому (т.-е. Каспійскому) морю, а оттуда въ Евксинское море, конечно, черезъ Куру и Ріонъ. А существованіе до сего времени Узбоя, стараго русла Аму-Дарьи, впадающаго въ Каспій при Красноводскомъ заливѣ,—можетъ убѣдить въ этомъ историческомъ фактѣ всякаго, кто незнакомъ съ книжными свидѣтельствами объ этомъ древнихъ писателей.

Китайскій путешественникъ Чжанъ-Канъ посѣтилъ Туркестанъ во 2-мъ вѣкѣ до Рожд. Хр. въ качествѣ посланника къ тогдашнимъ туркестанскимъ властямъ, и на основаніи его донесеній составлена была первая китайская исторія Туркестана. Исторія эта описываетъ, между прочимъ, одно изъ туркестанскихъ владѣній Аньси, съ главнымъ городомъ Паньду, на р. Гуй-Шуй; населеніе тамъ было сплошное и насчитывалось до 100 большихъ и малыхъ городовъ; а жители его вели *«торговлю съ сосѣдями и сухимъ, и водянымъ путемъ даже за нѣсколько тысячъ ли»*. Это описаніе особенно напоминаетъ собою долину рѣки Заравшана, когда она сохраняла еще свою былую связь съ Аму-Дарьей.

———

За Заравшаномъ до самаго Самарканда идутъ желтоватые, глинисто-песчаные холмы, которые въ эту минуту усѣяны сидящими, бѣгающими и играющими овражками. Здѣшніе овражки не пятнистые, въ мелкомъ горошкѣ, какъ у насъ, въ Новороссіи, а сѣровато-желтенькіе, одноцвѣтные, съ пушистыми хвостиками, которые волокутся за ними по землѣ. Они притомъ много жирнѣе, тяжелѣе и неповоротливѣе нашихъ. Повидимому, никто не трогаетъ ихъ здѣсь, не мѣшаетъ имъ плодиться и толстѣть. По крайней мѣрѣ, они не обнаруживаютъ никакого волненія при приближеніи нашего тарантаса, а продолжаютъ себѣ спокойно торчать свѣчками надъ своими норками, усѣвшись на заднихъ лапкахъ и потѣшно сложивъ на груди, словно чинныя дѣти, свои коротенькія переднія лапки. Другіе также спокойно бѣгаютъ взапуски другъ за другомъ, дерутся, пищатъ, кувыркаются, и стремглавъ, будто для собственной забавы, опрокидываются, головой внизъ, хвостикомъ вверхъ, въ свои подземныя норки. Ихъ тутъ—числа нѣтъ!..

При въѣздѣ въ Самаркандъ приходится спуститься по крутой горѣ къ превосходному и довольно длинному каменистому мосту черезъ глубокій оврагъ, прорѣзанный древнимъ арыкомъ, и потомъ подняться на такую же крутую и длинную гору. Киргизскія лошади взлетѣли однако на нее вскачь вмѣстѣ съ тяжелымъ тарантасомъ. Удивительныя легкія, удивительная выносливость! Видъ съ моста на провалы арыка, на всю эту лежащую у нашихъ ногъ узкую, обрывистую трещину, заросшую старыми садами, застроенную восточными домами,—чрезвычайно живописенъ. Но когда поднимешься на гору, тамъ сейчасъ же охватываетъ васъ совсѣмъ другой пейзажъ: безотрадные печальные холмы, сплошь покрытые безчисленными сартскими могилами, тысячами глиняныхъ кучъ, напоминающихъ муравьиныя кочки, съ изрѣдка разбросанными среди нихъ каменными горбушками гробницъ, да одинокими мазарами, прiосѣненными конскими хвостами и разноцвѣтными тряпками на высокихъ шестахъ.

Самаркандъ, какъ всѣ мусульманскіе города востока, обсыпанъ кругомъ своими кладбищами.

Тѣмъ поразительнѣе послѣ этихъ пустынныхъ вершинъ спускъ въ Самаркандъ. Сверху онъ виденъ весь, съ своими садами, базарами, мечетями, развалинами. Онъ кажется отсюда очень небольшимъ. Всѣ его знаменитыя постройки словно сбиты въ одну кучу. Издали уже сверкаютъ и изумляютъ взоръ своими голубыми фаянсовыми куполами полуразбитые колоссы его историческихъ мечетей и медрессе, возвышающіеся надъ хаосомъ ничтожныхъ плоскокрышихъ домишекъ, какъ уцѣлѣвшіе сторожевые богатыри среди поверженной въ прахъ рати. Сейчасъ же при въѣздѣ, налѣво отъ насъ, въ пазухѣ горнаго склона, пріютилась самая живописная и характерная изъ всѣхъ древнихъ построекъ Самарканда,—мусульманскій монастырекъ своего рода, Шахъ-Зинде, съ своими многочисленными изящными куполъчиками и башенками, сходящими словно по ступенямъ лѣстницы внизъ горы. Немного дальше Шахъ-Зинде, прямо противъ насъ, за базарной площадью, обстроенною по-русски лавченками и галлереями домовъ, загроможденною верблюдами, арбами, народомъ, высятся чудныя развалины мечети *Биби-Ханымъ*, нѣкогда самаго художественнаго созданія изъ всѣхъ архитектурныхъ знаменитостей Тамерланова города. Еще глубже, въ самомъ центрѣ города, скучились другъ противъ друга по tремъ сторонамъ одной и той же площади три громадныя медрессе, со своими гигантскими минаретами, составляющія главную славу и главное украшеніе Самарканда. И наконецъ еще дальше, на противоположномъ концѣ города, свѣтится своею свѣтло-голубою круглою шапкою уединенная мечеть Тамерлановой гробницы.

Тарантасъ нашъ уже гремитъ по каменистымъ улицамъ Тимурова города и прорѣзаетъ его насквозь, направляясь въ роскошныя зеленыя аллеи русскаго Самарканда, такъ мало похожія своимъ широкимъ просторомъ и чистымъ воздухомъ на тѣсные вонючіе закоулки азіатскаго города.

IV.

Медрессе Ригистана.

Улицы, лавки, базарная толпа туземнаго Самарканда уже не представляютъ собою ничего новаго послѣ Бухары, Ташкента, Кокана, Маргелана. Куда ни глянешь, вездѣ слишкомъ знакомые типы, картины и сцены. Въ Самаркандѣ къ тому же нѣтъ тѣхъ громадныхъ крытыхъ базаровъ, которыми славятся другіе большіе города Туркестана, и въ которыхъ обыкновенно сосредоточиваются самыя характерныя черты жизни средне-азіатскаго города.

Но за то, когда вы всползете въ своей извощичьей колясочкѣ,—величаемой вездѣ у насъ на югѣ фаэтономъ, — изъ зеленыхъ садовъ русскаго города, черезъ узкую и грязноватую базарную улицу, въ самое нутро туземнаго города и очутитесь среди четырехъ-угольной площади, кишащей чалмами и халатами, — вы сразу поймете, почему городъ Тимура пользуется такою давнею и повсемѣстною славой, и зачѣмъ съ такимъ любопытствомъ стремятся въ него путешественники по Средней Азіи.

Вы въ Ригистанѣ, сердцѣ Самарканда. Тутъ кругомъ главныя святыни его, его слава, его ученость, его богатство; на этой царственной площади объявлялись народу милость и кара жестокаго властителя; производились всенародныя казни, провозглашалась война, сообщались вѣсти о побѣдахъ и пораженіяхъ, шумными пиршествами и ликованіями праздновались счастливыя событія ханства. И до сихъ поръ Ригистанъ сохранилъ въ нѣкоторой степени это значеніе широкой народной трибуны, своего рода Аѳинской агоры, гдѣ самодѣльные ораторы, богословы и политики не перестаютъ по-своему поучать народъ, жаждущій новостей всякаго рода, и гдѣ вѣсти изъ самыхъ далекихъ угловъ Азіи распространяются бродячими дервишами и смѣлыми торга-

шами, переплывающими на своихъ четвереногихъ корабляхъ безбрежныя пустыни, — быстрѣе всякихъ телеграфовъ и телефоновъ.

Недавно еще раздавали народу на этой площади такъ называемый «царскій пилавъ» бухарскаго эмира, для котораго тутъ же на открытомъ воздухѣ варились въ котлахъ нарубленные въ куски бараны, облитые бараньимъ жиромъ, мѣшки риса и моркови, въ то самое время, какъ рядомъ съ этими апетитно пахнувшими котлами торчали колы съ головами казненныхъ людей, и палачи рѣзали горла попавшимъ въ плѣнъ врагамъ совершенно такъ же, какъ тѣмъ баранамъ, изъ которыхъ готовили «царскій пилавъ»...

По срединѣ площади—могильный камень какого-то хазрета (святого), увѣнчанный знаменами и, очевидно, глубоко чтимый. Вокругъ него суевѣрные наѣздники степей, туркмены, узбеки, киргизы, обводятъ по три раза своихъ больныхъ лошадей, чтобы получить исцѣленіе ихъ молитвами святого, вѣроятно, тоже одного изъ древнихъ наѣздниковъ степей, положившаго душу свою на защиту ислама.

Прежде, при эмирахъ, вся площадь была застроена лавками. Но, къ счастью, большой пожаръ въ первый же годъ русскаго владычества очень кстати истребилъ всѣ эти клѣтушки и мазанки, а русское начальство уже не позволило больше загромождать единственную сколько-нибудь просторную площадь города. Черезъ эту расчистку Ригистана особенно выиграли окружающія его знаменитыя медрессе, составляющія теперь главную славу и привлекательность Тимурова города. Поднимешь на нихъ глаза, и окаменѣешь на мѣстѣ.

Съ трехъ сторонъ Ригистана—поднимаются эти чудные колоссы древнихъ медрессе.

Въ срединѣ «Золотая мечеть»—«Тилла-Кари», — налѣво отъ нея «Ширъ-Даръ», и направо—мечеть «Улугъ-Бега».

Всѣ они какъ будто одинаковы и размѣрами, и архитектурнымъ стилемъ своимъ, и отдѣлкою подробностей. Но всмотри-

тесь ближе, — и вы поразитесь изумительнымъ разнообразіемъ частностей, своеобразностію художественнаго замысла каждой изъ нихъ.

Тилла-Кари сохранилась лучше всѣхъ изъ нихъ и, кажется, всегда была самая богатая, самая красивая. «Тилла»—бухарская золотая монета, равная 4-мъ рублямъ, и «тилла-кари» собственно значитъ «крытая золотыми монетами». Это названіе, конечно,— обычные цвѣты восточнаго краснорѣчія; но во всякомъ случаѣ, если купола этой исторической мечети и въ самомъ дѣлѣ были когда-нибудь покрыты тиллами, то Самаркандъ грабили съ тѣхъ поръ столько разъ и его собственные междоусобствующіе правители, и многочисленные внѣшніе враги, что никакая высота минаретовъ и стѣнъ его не могли бы предохранить отъ расхищенія эту для всѣхъ соблазнительную золотую покрышку его.

Я уже не разъ описывалъ въ прежнихъ очеркахъ моего туркестанскаго путешествія впечатлѣніе своеобразной средне-азіатской архитектуры. Въ Самаркандѣ я ее встрѣчаю не въ первый разъ. Я уже ранѣе наслаждался мечетями Бухары и знаменитою урдою кокандскаго хана. И тѣмъ не менѣе я пораженъ и подавленъ этими обступившими меня чудесами свѣта своего рода.

Колоссальная стѣна, словно цѣликомъ вылитая изъ пестраго голубого фарфора, поднимается надъ вашею головою, образуя въ своей серединѣ такой же громадный альковъ чудной формы,— гигантскія сомкнутыя ворота, въ таинственныя сѣни молитвы. Это такъ называемый «пикъ-ташъ», характерная и вездѣ здѣсь господствующая форма арабо-персидской архитектуры.

Этотъ сверкающій альковъ, въ свою очередь, весь въ маленькихъ альковчикахъ и нишахъ, удивительно кстати разнообразящихъ его слишкомъ обширный и однообразный обхватъ.

Изящныя голубыя колонки, легко, будто затѣйливо сплетенные снурки, взбѣгаютъ по угламъ стѣны, по очертаніямъ алькововъ, до граненыхъ карнизовъ, тройнымъ монистомъ опоясывающихъ вершину стѣны. А съ обѣихъ сторонъ ея подни-

маются высоко въ синее небо такіе же пестро-голубые, такіе же ослѣпительно сверкающіе своими фаянсовыми изразцами, — стройные круглые минареты, будто два могучія кверху парящія крыла. Минареты эти увиты, словно гирляндами цвѣтовъ, вплоть до самыхъ фарфоровыхъ куполовъ своихъ, голубыми, синими, желтоватыми и зеленоватыми фарфоровыми изразцами, а круглыя шейки ихъ обмотаны тройною строкою корана, такъ же писанною темно-синимъ фарфоромъ.

И медрессе Тилла-Кари, и Ширъ-Даръ, и Улугъ-Бегъ всѣ кажутся фарфоровыми. Они гладки, какъ фарфоръ, они сверкаютъ на солнцѣ, какъ фарфоръ, подъ своею стеклянною глазурью, они расписаны весело и красиво, какъ драгоцѣнная фарфоровая игрушка.

Чудная игрушка, которая поднимается своими куполами и башнями выше нашихъ колоколенъ, которая заслоняетъ своимъ величественнымъ ослѣпительнымъ фасадомъ всю сторону площади, которая охватываетъ цѣлые кварталы сплошнымъ кольцомъ своихъ келій, галлерей и мечетей.

Искусно полированные изразцы, которыми выложены эти чудныя зданія древности, расписаны то голубыми, то синими и зеленоватыми арабесками по бѣлому, а изрѣдка желтому полю, то, наоборотъ, бѣлыми арабесками по синему и голубому полю. Каждая башенка минарета, каждый поясъ стѣны имѣютъ свой особый замысловатый узоръ, безпрестанно мѣняющійся, которымъ не налюбуется очарованный глазъ. Это такъ не похоже на все то, что привыкъ вездѣ видѣть, это такъ ласкаетъ вкусъ и взоръ художественнымъ ладомъ линій и красокъ, при всей ихъ восточной пестротѣ, затѣйливости и неожиданности. Смѣлыя архитектурныя линіи этихъ своеобразныхъ построекъ удивительно отвѣчаютъ фантастическимъ изгибамъ узора, а бирюзовый цвѣтъ фарфоровыхъ куполовъ и купольчиковъ, вѣнчающихъ, словно архіерейскими митрами, мечети и минареты ихъ, кажется, окрашиваетъ этимъ нѣжнымъ голубымъ колеромъ, будто послѣдній ударъ художественной кисти, всѣ эти сверкаю-

щія громады, исписанныя сверху до низу бѣло-голубыми и синевато-зелеными загадочными письменами.

Подавляющая громадность, съ одной стороны, и вмѣстѣ съ тѣмъ какая-то хрустальная легкость и прозрачность этихъ несравненныхъ созданій ислама—вводятъ непривычный глазъ въ совершенную иллюзію; чудится, будто созерцаешь не грубое построеніе рукъ человѣческихъ, а фантастическіе чертоги арабской волшебной сказки,—одно изъ чарующихъ сновидѣній «Тысячи и одной ночи»...

Описать перомъ ихъ впечатлѣніе на душу художника такъ же невозможно, какъ передать его карандашомъ, фотографіею или кистью... Эту громадность, этотъ радостный блескъ, эту ликующую красоту художественнаго созданія — не умѣстишь на листѣ бумаги, на кускѣ холста, не уловишь мазкомъ тусклой краски.

Сверкающіе изразцы, которыми одѣты будто драгоцѣннымъ ковромъ знаменитыя самаркандскія медрессе, приготовлялись въ Персіи персидскими мастерами, которые во множествѣ выписывались сюда Тимуромъ и его преемниками, строителями этихъ медрессе... «Желѣзный Хромецъ» чрезвычайно дорожилъ всякими искусниками въ полезныхъ ремеслахъ, учеными и художниками своего времени. Завоевывая азіатскія страны, разрушая царства и безпощадно истребляя ихъ населеніе, Тимуръ въ то же время осыпалъ своими милостями и заботливо охранялъ безопасность какого-нибудь прославленнаго богослова или астролога и переселялъ, не жалѣя никакихъ расходовъ, въ свою любимую столицу, въ «земной рай» Самарканда, искусныхъ рѣзчиковъ, серебряниковъ, каменщиковъ, столяровъ, садовниковъ, ткачей, оружейниковъ.

Въ этомъ онъ подражалъ другому великому монгольскому завоевателю—Чингизъ-Хану, передъ дѣяніями котораго Тимуръ всегда благоговѣлъ и постоянно бралъ ихъ себѣ въ образецъ. Какъ Чингизъ посылалъ въ свою далекую китайскую столицу садовниковъ и ткачей изъ завоеванныхъ странъ, такъ и Тимуръ

вывезъ въ Самаркандъ лучшихъ ткачей ковровъ и шелковыхъ матерій изъ Дамаска и Индіи, мастеровъ бумажныхъ матерій изъ Алеппо, портныхъ изъ Ангоры, ювелировъ изъ Турціи и Грузіи; знаменитые зодчіе, собранные изъ Индіи, Шираза, Испагани, Дамаска, обязаны были строить великія зданія, мечети, академіи, дворцы, мавзолеи,—во славу великихъ побѣдъ Тимура или въ память дорогихъ ему людей, въ разныхъ городахъ его необъятной имперіи, но особенно въ его родномъ городѣ Кешѣ, теперешнемъ Шехри-Зябѣ, гдѣ были похоронены его родители, и Самаркандѣ, любимомъ прабываніи его самого и его многочисленныхъ женъ.

Приготовленіемъ фаянсовыхъ изразцовъ для украшенія зданій прославился въ Персіи особенно городъ Кашанъ, который и до сихъ поръ сохранилъ свою старую репутацію и свое старое ремесло.

Поэтому и самые изразцы эти самаркандцы называютъ, по старой привычкѣ, «каши». Но ученые историки архитектуры увѣряютъ, что Персія унаслѣдовала обычай украшать свои храмы и дворцы несгораемыми матеріалами и негніючими фарфоровыми коврами и вѣнчать ихъ цвѣтными фарфоровыми шапками,—еще отъ древнихъ ассирійцевъ, загадочная цивилизація которыхъ теряется въ доисторическомъ мракѣ.

———

Какъ-то не смѣло входитъ непривычный человѣкъ подъ величественную арку этихъ колоссальныхъ воротъ алькова. Маленькія дверочки, которыхъ сначала даже не замѣчаешь, среди пестраго убранства «пикъ-таша», среди изящныхъ углубленій и выступовъ его нижняго пояса,—ведутъ васъ черезъ характерные и живописные сводистые притворы, изукрашенные каменною рѣзьбою,—внутрь двора, просторнаго, какъ площадь, голаго, какъ пустыня. Тамъ тишина монастыря. Да это и есть мусульманскій монастырь своего рода. Четыре великолѣпные пикъ-таша,—стѣны-альковы, — безмолвными громадами поднимаются со всѣхъ четырехъ сторонъ свѣта, одѣтые въ тѣ же

сплошныя сверкающія брони изъ голубой и синей фаянсовой глазури, какъ и наружный фасадъ медрессе, и увѣнчанные вздутыми, какъ дыни и какъ дыня рубчатыми куполами, голубой эмали.

Только альковы ихъ много глубже наружнаго. Внутри лѣваго алькова—мечеть съ киблою и небольшою каѳедрою.

Въ ней же стояла толпа молящихся. Въ противуположность нашимъ православнымъ храмамъ,—весьма впрочемъ не лестную для нихъ,—турецкая мечеть всегда полна тишины и благоговѣнія. Молящіеся стоятъ неподвижно на своихъ мѣстахъ, какъ бы передъ лицомъ незримаго Бога, безшумно воздымая руки горѣ, безшумно простираясь ницъ по направленію священной для нихъ Каабы, обозначаемой углубленіемъ киблы. Никто не позволяетъ себѣ оглядываться на сосѣдей, никто не смѣетъ произнести слова, помимо словъ молитвы. Ковры и войлоки, покрывающіе обыкновенно полъ мечети, и трогательный обычай мусульманъ снимать съ ногъ грязную обувь передъ входомъ въ мечеть,—еще болѣе усиливаютъ впечатлѣніе благоговѣйной тишины. столь приличествующей дому молитвы и столь необходимой для него.

Мнѣ невольно пришли на память, при видѣ этихъ беззвучно ступающихъ по коврамъ босыхъ ногъ, этихъ оставленныхъ у порога многочисленныхъ башмаковъ и туфель, выразительныя въ своей величественной простотѣ слова древней книги Моисеева Пятикнижія:

«И сказалъ Богъ: не подходи сюда; сними обувь твою съ ногъ твоихъ; ибо мѣсто, на которомъ ты стоишь, есть земля святая».

Въ главной мечети въ глубинѣ двора, прямо противъ входа, кибла еще сохранила на своей изящной отдѣлкѣ слѣды прежней позолоты, и есть основаніе думать, что названіе, «Тилла-Кари», «Золотой мечети«—обязано именно этимъ нѣкогда золотымъ киблам древняго медрессе.

Тилла-Кари воздвигнута узбекскимъ героемъ 17-го столѣтія Ялангъ-Ташъ-Багадуромъ, визиремъ имама Кули-хана, тѣмъ самымъ, который построилъ и лѣваго сосѣда ея, медрессе Ширъ-Даръ, изъ похищенныхъ при разореніи Мешеда обломковъ священной для мусульманъ гробницы имама Ризы.

Ялангъ-Ташъ, по примѣру Тимура, щедро одарилъ доходными землями построенныя имъ духовныя академіи; богатые вакуфы Тилла-Кари и Ширъ-Дара теперь занимаютъ все пространство между Нурпаемъ и горами Тимъ-Дагъ, къ юго-западу отъ города Катты-Кургана. На счетъ этихъ доходовъ содержится ежегодно 112 софтъ въ Тилла-Кари и 120 софтъ въ Ширъ-Дарѣ.

На каждыхъ двухъ софтъ полагается отдѣльная комната съ кухонкой. Такихъ комнатъ въ Тилла-Кари 56, въ Ширъ-Дарѣ 64.

Эти келіи мусульманскихъ богослововъ расположены въ два этажа, занимая собою всю окружность двора отъ одной мечети-портала до другой. Ихъ дверочки и окошечки съ оригинальными ставенками, разукрашенныя восточною рѣзьбою, всѣ выходятъ внутрь двора, образуя собою какъ бы двухъярусную круговую галлерею, а со стороны улицъ высятся только сплошныя, фаянсомъ одѣтыя, стѣны, недоступныя, какъ крѣпость.

На уютныхъ балкончикахъ въ амбразурѣ окошекъ мирно сидятъ, поджавъ ноги, отдыхающіе софты въ красныхъ и бѣлыхъ чалмахъ, многіе уже съ длинными и даже сѣдыми бородами, какъ подобаетъ истому муллѣ.

Мы заглянули въ кельи нѣкоторыхъ, чтобы полюбоваться строгимъ порядкомъ и чистотою ихъ скромнаго, истинно монашескаго убранства.

Ширъ-Даръ и Улугъ-Бегъ устроены внутри приблизительно такъ же, какъ и Тилла-Кари. «Ширъ-Даръ» значитъ «носящая льва». Дѣйствительно, надъ аркою главнаго портала въ верхнихъ углахъ его можно замѣтить не особенно искусныя изображенія голубыми и желтыми изразцами персидскаго льва и солнца. Ширъ-Даръ, пожалуй, еще красивѣе Тилла-Кари, потому

что главный фасадъ его, кромѣ двухъ чудныхъ, словно выточенныхъ изъ фарфора минаретовъ, увѣнчанъ еще двумя голубыми эмалевыми куполами самаго типическаго восточнаго рисунка.

Медрессе Улугъ-Бекъ — самое древнее изъ трехъ. Оно воздвигнуто въ 1420 г. внукомъ Тимура — ханомъ Улугъ-Бегомъ, извѣстнымъ покровителемъ наукъ и искусствъ. Здѣсь было основано имъ гнѣздо математиковъ и астрологовъ, и на одномъ изъ минаретовъ была устроена обсерваторія, отъ которой не осталось теперь никакихъ слѣдовъ.

Минареты Улугъ-Бека какъ будто покривились на сторону. Но жители увѣряютъ, что это обманъ глазъ, вызываемый тѣмъ, что одна стѣна сдѣлана прямо, а другая наклонной. На одномъ изъ этихъ минаретовъ, вышиною около 22 саженъ, нѣкій отчаянный мулла во время возстанія самаркандцевъ противъ русскаго гарнизона, ухитрился установить фальконетъ, изъ котораго усердно палилъ въ русскихъ. Генералъ Кауфманъ, вѣроятно, въ пылу негодованія противъ коварной измѣны самаркандцевъ, приказалъ казнить храбраго богослова, не поощривъ его патріотической удали.

Мы посѣтили дворы и этихъ двухъ медрессе. Въ Улугъ-Бегѣ келіи софтъ уже значительно меньше. Ихъ всего 24, и онѣ тянутся кругомъ въ одинъ, а не въ два яруса.

Всѣ три великія медрессе Ригистана, и болѣе всѣхъ медрессе Улугъ-Бега, въ большомъ запустѣніи и даже отчасти въ разрушеніи. Мечети обнажены отъ всякихъ украшеній, глазуревые изразцы осыпались во множествѣ, внутри двора даже цѣлыми сплошными стѣнами; нѣкоторые минареты наполовину обрушились. Однако запустѣніе это началось далеко не въ послѣднее время и не можетъ быть поставлено на счетъ русскому владычеству. Напротивъ того, русская власть гораздо болѣе содѣйствуетъ поддержанію этихъ историческихъ реликвій, чѣмъ это дѣлали правовѣрные эмиры Бухары. Вамбери въ своей извѣстной книгѣ приводитъ любопытныя слова одного туземнаго лѣтописца Самарканда, увѣряющаго, что мечеть Улугъ-Бега еще въ 1701 г.

была въ такомъ плохомъ состояніи, что въ ней «вмѣсто учениковъ поселились совы, и на дверяхъ вмѣсто шелковыхъ занавѣсей повисла паутина».

Но все-таки въ общемъ эти историческія зданія до сихъ поръ вполнѣ сохраняютъ и свой архитектурный стиль, и свою оригинальную прелесть.

Гораздо сильнѣе ихъ пострадали постройки временъ Тимура, очутившись теперь на окраинахъ города, и еще болѣе драгоцѣнныя для историка, археолога и художника.

V.

Биби-Ханымъ и «Желѣзный Хромецъ».

Вѣнцомъ мусульманскихъ храмовъ Средней Азіи нужно признать полуразвалившееся теперь медрессе Биби-Ханымъ на большой базарной площади, черезъ которую въѣзжаютъ въ Самаркандъ изъ такъ называемыхъ Бухарскихъ Воротъ, — Дервазъ-Бухара.

Биби-Ханымъ была любимая жена Тимура, красавица-китаянка, дочь китайскаго императора. Она-то и построила въ 1385 г. эту величайшую и прекраснѣйшую изъ всѣхъ мечетей Самарканда. Для этой постройки были выписаны лучшіе мастера не только изъ Персіи, но еще изъ Китая и Индіи. Китай,— исконная страна фарфоровыхъ башенъ,—внесъ незамѣтную струю въ характеръ той фарфоровой мозаики, которою, будто нетлѣнною парчею, одѣты съ головы до ногъ уцѣлѣвшіе колоссы Биби-Ханымъ.

Биби-Ханымъ было много пространнѣе, выше и красивѣе, чѣмъ всѣ медрессе Ригистана. Это видно даже по развалинамъ ея. Землетрясеніе раскололо громадное зданіе на нѣсколько кусковъ, и теперь громоздятся среди праха будто отдѣльныя самостоятельныя постройки, совершенно разобщенные другъ съ другомъ четыре гигантскихъ остова.

Устояли на ногахъ только самыя массивныя части зданія; передній входный порталъ съ минаретомъ, такъ называемый «пикъ-ташъ», задняя мечеть подъ куполомъ, тоже въ видѣ стѣны-алькова, и тоже съ минаретомъ при ней, — да два боковыхъ портала, увѣнчанные куполами, теперь уже разрушенными. Промежуточныя части, гдѣ помѣщались комнаты софтъ, такъ называемыя «гудирасы», и остальные минареты обратились теперь въ прахъ.

По описаніямъ старыхъ арабскихъ путешественниковъ, въ Биби-Ханымъ было когда-то 480 колоннъ изъ тесанаго камня, но теперь уже нельзя видѣть ни одной.

Впрочемъ, и то, что еще стоитъ, грозитъ неминуемымъ паденіемъ. Чудные купола голубой эмали, вздутые по обыкновенію въ видѣ дыни, съ такими же выпуклыми округленными ребрами, какъ у дыни, теперь наполовину раскрыты, точно и вправду взрѣзанная ножемъ дыня съ опустѣвшимъ нутромъ.

Минареты удивительной легкости, стройности и изящества, такъ характерно воплотившіе въ себѣ стремленіе къ небу фантастической молитвы мусульманина, будто гигантскія свѣчи изъ граненаго фарфора, водруженныя цѣлымъ народомъ у входа въ домъ божій, теперь оборваны и обглоданы совсѣхъ сторонъ, и изъ-подъ спавшей съ нихъ драгоцѣнной мозаиковой парчи краснѣетъ, будто окровавленное сырое мясо изъ-подъ содранной кожи, обнаженная кирпичная кладка, тонкая и искусная, какъ кружевное плетенье. Въ довершеніе сходства то и дѣло торчатъ изъ этой кирпичной кладки, будто кости изъ мяса, задѣланныя въ ней бревна, поддерживавшія прежде тяжелую броню глазури.

Уцѣлѣвшія стѣны зданія уже взялись глубокими трещинами, пронизывающими ихъ съ макушки до пятокъ зловѣщими черными змѣями, и настолько всѣ разсѣлись, что страшно приблизиться къ нимъ. Когда стоишь совсѣмъ подъ ними, то эти неправельно расколовшіяся каменныя громады кажутся скорѣе рядомъ капризно-очерченныхъ исполинскихъ утесовъ, непомѣрно

узкихъ и высокихъ, готовыхъ ежеминутно рухнуть съ своей неустойчивой основы.

Вскинешь глаза наверхъ, и инстинктивно отскочишь въ сторону, потому что какъ разъ надъ головою вашею виситъ прямо въ воздухѣ ничѣмъ уже болѣе не подпертый обломокъ верхней стѣны, пока еще спаянный съ остальною постройкою силою своего закаменѣвшаго цемента, но ожидающій перваго хорошаго толчка, перваго порыва зимней бури, чтобы сорваться внизъ...

Въ иныхъ мѣстахъ, вмѣсто этой скипѣвшейся въ одинъ сплошной камень кирпичной кладки, повисла косякомъ въ воздухѣ и легонько покачивается надъ вашею головою въ угрожающей позѣ, будто сорвавшаяся съ крюковъ дверь, цѣлая роскошная панель изъ голубыхъ и зеленыхъ мозаикъ.

Придите сюда черезъ мѣсяцъ, черезъ недѣлю, и уже, пожалуй, не увидите ея больше. Эта фаянсовая мозаика отстаетъ отъ своихъ расшатанныхъ кирпичныхъ стѣнъ, какъ обои отъ отсырѣвшей штукатурки.

Но, несмотря на всѣ эти признаки разрушенія, глазъ художника еще вполнѣ можетъ оцѣнить и грандіозныя очертанія архитектурныхъ линій древняго храма, и ни съ чѣмъ несравнимую прелесть его своеобразныхъ украшеній. Еще купола его спорятъ своими бирюзовыми сводами съ лазурью безоблачнаго неба, которую смѣлый духъ человѣческій силится возсоздать здѣсь на землѣ хитростью рукъ своихъ, чтобы прикрыть этимъ искусственнымъ сводомъ небеснымъ мѣсто своего поклоненія Небесному Отцу. Въ странѣ, вѣчно созерцающей надъ своей головой безоблачную синеву, у народа, для котораго бирюза самый любимый и самый драгоцѣнный камень, лазуревые купола, голубые и синіе покровы стѣнъ, конечно, должны были стать вѣнцомъ всякой красоты.

Но однако и мы, жители туманнаго сѣвера, никакъ не насладимся этою никогда невиданною нами красотою! Драгоцѣнныя ткани фарфоровой мозаики одѣваютъ своею нетлѣнною ризою большую часть уцѣлѣвшихъ стѣнъ. Это персидскіе ковры своего

рода, самаго затѣйливаго и изящнаго узора, безконечно утѣшающаго глазъ. Особенно тонка и изящна художественная плетеница этихъ зеленоголубыхъ арабесковъ на стѣнахъ минаретовъ. Среди сплошной пестроты стѣнъ вставлены другъ надъ другомъ, будто врѣзанныя въ стѣну, скрижали съ знаменательными надписями, изящныя рамки, окаймляющія собою мозаиковый узоръ другого стиля и колера, такъ кстати разнообразящія эту удивительную голубую пестроту и еще болѣе придающія ей видъ какого-то волшебнаго фарфороваго ковра.

Можно подумать, что эти стѣны старой мусульманской академіи предназначены были своимъ строителемъ поучать богословъ ислама таинственной мудрости не только внутри ихъ келій на пергаментѣ корана, но и самою наружностью своею, обращенною въ гигантскую книгу своего рода, испещренную загадочными письменами, всѣмъ видимую и всѣмъ открытую.

Не знаю, одно ли это пустое суевѣріе народа, или въ немъ заключается какая-нибудь доля правды, только мой туземный чичероне, купецъ Шамтудиновъ, достаточно уже оцивилизованный сношеніями съ русскимъ военнымъ міромъ, пресерьезно увѣрялъ меня, показывая мнѣ расписныя стѣны Биби-Ханымъ, будто у нихъ есть ученые муллы, которые могутъ прочесть всѣ эти недоступныя простому смертному мозаиковыя арабески, строками которыхъ увиты сверху донизу старые Тимуровы минареты и альковы великолѣпныхъ порталовъ. Во всякомъ случаѣ мозаиковыя арабески верхнихъ карнизовъ въ этихъ порталахъ и минаретахъ—несомнѣнныя строки арабскихъ куфическихъ надписей. Ихъ читаетъ здѣсь всякій мулла.

Эти тройныя строки красиво связанныхъ между собою угловатыхъ буквъ, изображенныхъ темносиними изразцами, разнообразными въ каждой строкѣ, составляютъ удивительно характерный и изящный карнизъ каждаго портала, каждой башенки, шейку которой онъ обматываетъ кругомъ, какъ тройное ожерелье тѣсно нанизанныхъ другъ на друга синихъ бусъ. Ниже этого карниза опоясываетъ весь круглый барабанъ главной ме-

чети еще одна широкая строка корана, писанная тою же синею эмалью, только громадными буквами, которыя можно читать за цѣлую версту.

Шамтудиновъ увѣрялъ насъ, будто голубая глазурь, изъ которой состоитъ стѣнная мозаика, наводится на кирпичи уже на мѣстѣ, когда стѣны сложены. Этому можно повѣрить потому, что такія фарфоровыя стѣны дѣйствительно кажутся гладкими и сплошными, какъ зеркало. Но я рѣшительно протестовалъ въ безмолвіи своей души противъ дерзкаго притязанья кичливаго самаркандца, будто его чалмоносные сограждане съумѣютъ и въ настоящее время приготовить голубую мозаику получше той, какая одѣваетъ мечеть Тимуровой возлюбленной.

Мы не могли увидѣть мозаиковыхъ половъ знаменитаго медрессе, о которыхъ упоминаетъ Вамбери въ своемъ описаніи Самарканда, поражающемъ всякаго читателя, лично побывавшаго въ городѣ Тимура, крайне странною неполнотою, неточностью и даже положительною невѣрностью своихъ свѣдѣній; оттого-то многіе знатоки востока основательно заподозрѣли хвастливаго венгерца, будто бы совершившаго свое туркестанское путешествіе съ опасностью жизни подъ одеждою турецкаго дервиша, что онъ никогда не заглядывалъ въ описанный имъ городъ, а писалъ со словъ своихъ туземныхъ знакомцевъ и по книгамъ другихъ путешественниковъ.

Впрочемъ, никто не станетъ этому удивляться послѣ того, какъ нашъ извѣстный знатокъ восточныхъ языковъ и исторіи востока, профессоръ Григорьевъ, въ своемъ мастерскомъ критическомъ разборѣ пресловутой «Исторіи Бухары», помѣщенномъ въ журналѣ министерства народнаго просвѣщенія за ноябрь 1873 года и переведенномъ цѣликомъ въ прекрасной книгѣ американца Скайлера: „Turkistan, notes of a journey“ etc. въ прибавленіяхъ къ 1-му т.,—разобралъ по косточкамъ его книгу, такъ довѣрчиво принятую за непогрѣшимый авторитетъ европейской публикою, и доказалъ съ математическою ясностью ребяческое невѣдѣніе этимъ знаменитымъ венгерскимъ оріен-

талистомъ самыхъ основныхъ фактовъ въ исторіи среднеазіатскихъ народностей и полное незнакомство его съ богатою литературою этого предмета.

Мы нашли внутри разрушеннаго медрессе только одну грубую каменную гробницу, которую Шамтудиновъ назвалъ намъ, конечно, гробницею Биби-Ханымъ.

Это чистая фантазія современныхъ самаркандцевъ, повидимому, также мало знакомыхъ съ исторіею своего города, какъ и самозванный венгерскій изслѣдователь ея. Въ книгѣ Скайлера приведено любопытное преданіе, сохранившееся по поводу смерти Биби-Ханымъ и устраняющее всякую возможность предположить, чтобы грубый камень медрессе могъ быть ея гробницею: какой-то прорицатель-дервишъ предсказалъ Биби-Ханымъ, что она умретъ отъ укуса тарантула, и она упросила грознаго супруга своего похоронить ее не въ землѣ, какъ хоронили всѣхъ мусульманъ, а надъ землею, въ гробу. Тимуръ заранѣе построилъ великолѣпное медрессе и мечети надъ будущею могилою своей любимицы. Онъ уже былъ тогда больной и на носилкахъ проводилъ часть дня на постройкѣ, кидая, по монгольскому обычаю, мясо и деньги въ ямы строющагося фундамента. Подъ медрессе были устроены своды и склепъ для гробницы.

Разъ, когда Биби-Ханымъ осматривала готовую мечеть, изъ склепа выползла большая змѣя и улеглась грѣться на солнцѣ. Спутники царицы хотѣли убить ее, но Ханымъ остановила ихъ и приласкала ядовитую гадину. Потомъ Ханымъ умерла и была похоронена въ склепѣ подъ сводами мечети, въ деревянномъ гробу, забитомъ золотыми гвоздями. На нее надѣли всѣ ея драгоцѣнности. Ночью воры забрались въ склепъ и сняли съ умершей эти дорогія украшенія. Но змѣя, спасенная доброю царицей, сторожила ея гробъ и умертвила всѣхъ похитителей. Утромъ ихъ нашли у порога склепа со всѣми похищенными сокровищами. Никто не рѣшался отнести ихъ обратно въ гробницу Ха-

нымъ. Наконецъ отыскался одинъ рѣшительный старецъ, который согласился отнести ихъ въ склепъ. Но только что онъ вошелъ туда, дверь склепа захлопнулась сама собою, и уже никогда болѣе никто не видалъ злополучнаго старца.

Когда русскіе, расчищая развалины медрессе, нашли маленькую мечеть, всѣми забытую и совсѣмъ загороженную сосѣдними постройками, то туземцы объявили, что это и есть усыпальница Биби-Ханымъ. Скоро крыша этой разоренной мечети обрушилась и провалила собою полъ. Подъ ними открылся просторный склепъ съ гробовыми камнями, и на нихъ разныя древнія надписи; но, къ сожалѣнію, въ этихъ надписяхъ не было упомянуто ни одного имени. Это не помѣшало однако правовѣрнымъ посѣтителямъ базара сейчасъ же распустить слухъ, что древняя змѣя, до сихъ поръ охраняющая покой своей спасительницы, стала каждый день выползать изъ склепа и грѣться на солнышкѣ.

Въ главную мечеть медрессе Биби-Ханымъ входили прежде черезъ два двора, очертанія которыхъ хорошо замѣтны и теперь. По сторонамъ двора, какъ и во всѣхъ медрессе Ригистана, очевидно, только подражавшихъ великому медрессе Тимура,— шли кельи учениковъ академіи. Разсказываютъ, будто въ нихъ жила цѣлая тысяча софтъ, и каждый получалъ на свое содержаніе изъ богатыхъ вакуфовъ, завѣщанныхъ Тимуромъ, по сто золотыхъ тиллъ.

Недалеко отъ главнаго входа въ медрессе, среди пустыря, заваленнаго обломками, стоитъ огромный массивный столъ изъ бѣлаго мрамора, котораго верхняя доска образуетъ какъ бы двѣ страницы громадной раскрытой книги. Это такъ называемый «раалъ»—столъ для чтенія корана,—неизбѣжная принадлежность всякой мечети.

Шамтудиновъ увѣрялъ насъ, будто на этомъ столѣ возсѣдалъ и читалъ народу священную книгу пророка самъ великій эмиръ Тимуръ. Подъ этотъ низенькій столъ, утвержденный на десяти короткихъ и толстыхъ мраморныхъ ножкахъ, вѣрующіе

мусульмане пролѣзаютъ по нѣскольку разъ, съ твердою надеждою излѣчить этимъ благочестивымъ упражненіемъ свою страдающую спину или поясницу.

Медрессе Биби-Ханымъ разрушено землетрясеніемъ еще задолго до русскаго владычества. Варвары-жители съ тѣхъ поръ дѣятельно помогаютъ докончить разрушеніе этого славнаго созданія Тимуровыхъ временъ. Они не только растаскиваютъ днемъ и ночью обвалившіеся камни и карнизы, но еще усердно отламываютъ все, что̀ можно отломить отъ уцѣлѣвшихъ частей строенія. Цѣлыя сосѣднія улицы выстроены изъ праха великаго медрессе. Само оно также не остается безъ пользы для практическихъ обитателей Самарканда. Въ широкомъ охватѣ его изразцовыхъ стѣнъ загоняются ослы и лошади, пригоняемые на базаръ, а прежде помѣщался хлопковый рынокъ. Конскій рынокъ окружаетъ со всѣхъ сторонъ развалины медрессе. Проѣзжающіе въ городъ черезъ Дервазъ-Бухара,—Бухарскія Ворота,—караваны верблюдовъ и арбъ—располагаются здѣсь на просторѣ широкой площади, устроенной уже русскими на мѣстѣ старыхъ кладбищъ.

Какой-то живописный мавзолей, напротивъ медрессе Биби-Ханымъ, тоже когда-то одѣтый въ фаянсовыя одежды, а теперь голый кирпичный и уже полуразрушенный, служитъ безмолвнымъ напоминаніемъ этого недавняго прошлаго.

Впрочемъ, нѣсколько шаговъ подальше, на песчано-мѣловатыхъ холмахъ, сосѣднихъ съ Шахъ-Зинде, Божья нива тянется на далекое пространство.

Великолѣпныя развалины Биби-Ханымъ и поэтическія легенды, съ ними связанныя, рисуютъ въ особенномъ свѣтѣ грознаго завоевателя Азіи.

Тотъ самый варваръ-кочевникъ, который при завоеваніи Индіи хладнокровно отдаетъ приказъ зарѣзать сто тысячъ плѣнныхъ и насильно обращаетъ въ палачей всѣхъ своихъ воиновъ,

который возитъ за собою, какъ звѣря въ желѣзной клѣткѣ, побѣжденнаго имъ могучаго соперника, горделиваго владыку половины Азіи, издѣваясь надъ его несчастіями,—этотъ самый человѣкъ проявляетъ въ то же время трогательную нѣжность къ любимой женщинѣ, самымъ искреннимъ образомъ благоговѣетъ передъ знаніями и мудростью ученыхъ людей, осыпаетъ золотомъ художниковъ и богослововъ, создаетъ академіи, больницы, мечети, библіотеки, находитъ наслажденіе въ изяществѣ дворцовъ и цвѣтущихъ садовъ, въ веселыхъ остроумныхъ бесѣдахъ.

Для своей молодой жены, принцессы Токель-Ханымъ, онъ строитъ чудный лѣтній дворецъ Дилкуша.

На нѣсколько миль кругомъ Самарканда онъ разбиваетъ настоящіе райскіе сады съ бесѣдками и лѣтними дворцами, съ фантанами, въ брызгахъ которыхъ прыгаютъ, къ безконечному изумленію наивныхъ зрителей, красные и синіе шары.

Султанъ Баберъ, основатель имперіи великаго могола въ Индіи, послѣдній Тимуридъ Туркестана,—въ интересныхъ «Запискахъ» своихъ описываетъ многіе изъ лѣтнихъ садовъ, устроенныхъ Тимуромъ въ Самаркандѣ. Одинъ садъ «Багъ-и-мадьянъ» («садъ равнины») былъ, между прочимъ, у самаго подножія холма Чупанъ-Ата или Когика, какъ его называетъ Баберъ. Въ серединѣ сада стоялъ великолѣпный дворецъ въ два яруса «Шехиль-Ситунъ» («40 колоннъ») съ 40 тесанными столбами кругомъ и съ 4-мя необыкновенно изящными рѣзными минаретами по угламъ. Тамъ же былъ построенъ, вѣроятно, для любимой жены его Биби-Ханымъ, дочери китайскаго императора, роскошный китайскій павильонъ, весь обложенный китайскими фарфоровыми изразцами. Теперь не сохранилось никакого слѣда этихъ построекъ.

Любопытно читать въ запискахъ испанца Гонзалеса Клавиго, на которыя я уже не разъ ссылался, подробное описаніе той невѣроятной роскоши, съ которою праздновалъ свои нескончаемые пиры этотъ кровожадный монголъ.

Особенно блестящи были празднества Тимура въ прелестной равнинѣ Канигулѣ, около Самарканда, гдѣ было разбито до 15.000 палатокъ и гдѣ онъ щедро угощалъ всю монгольскую знать. Громадные шатры изъ дорогихъ шелковыхъ матерій восточной пестроты, каждый въ нѣсколько комнатъ, поддерживались золотыми и голубыми столбами и натягивались красными шелковыми веревками. На углахъ ихъ красовались летящіе золотые орлы. Все было расшито тончайшими узорами, увѣшано и устлано драгоцѣннѣйшими коврами Персіи и Кашмира, искусно украшено серебромъ и золотомъ.

Самъ Тимуръ присутствовалъ на этихъ пирахъ, разодѣтый очень богато, но совершенно по-монгольски. Чалмы онъ не носилъ, а надѣвалъ высокій коническій колпакъ съ драгоцѣнною рубиновою грушею на верху, осыпанный бриліантами и жемчугомъ. Въ ушахъ у него, по-монгольскому обычаю, висѣли длинныя серьги тоже огромной цѣны.

Тысячи гостей садились за столы, и всѣ пили изъ золотыхъ кубковъ и чашъ, осыпанныхъ каменьями, ѣли съ золотыхъ блюдъ. Золотыя деревья, толщиною въ человѣческую ногу, съ плодами, листьями и птицами изъ разноцвѣтныхъ дорогихъ камней, рубиновъ и яхонтовъ, столы литаго золота, съ изумрудною крышкою, золотые, литые шкафчики украшали трапезную палату.

Подавались цѣликомъ жареные кони, массы жареныхъ, вареныхъ и соленыхъ барановъ, громаднѣйшія чаши съ виномъ обходили гостей. Тимуръ, несмотря на то, что былъ магометаниномъ, самъ пилъ вино и позволялъ всѣмъ пить за своими пирами. Длинная аллея открытыхъ бочекъ, полныхъ виномъ, вела къ шатру эмира, чтобы простой народъ могъ свободно приходить и пить, сколько кому хотѣлось.

Слоны, затѣйливо раскрашенные въ зеленую и красную краску и обученные разнымъ играмъ, забавляли гостей, вмѣстѣ съ плясунами, атлетами и фокусниками.

Женщины присутствовали на этихъ пиршествахъ съ откры-

тыми лицами, какъ до сихъ поръ ходятъ киргизки и туркменки, и не отставали отъ мужчинъ.

Напивались до того, что многіе изъ потомковъ Чингиса и Тимура умирали отъ delirium tremens.

Но оторвитесь отъ этихъ картинъ и посмотрите на того же Тимура совсѣмъ въ другой роли:

Вотъ онъ при осадѣ Испагани, отдавая его на разграбленіе побѣдителей, строго приказываетъ своимъ воинамъ не трогать квартала, гдѣ живутъ персидскіе ученые.

Вотъ онъ въ завоеванномъ Гератѣ или Алеппо входитъ въ долгіе диспуты съ тамошними мусульманскими философами и богато награждаетъ тѣхъ изъ нихъ, кто смѣлѣе и стойче другихъ опровергалъ его собственные взгляды.

Вотъ онъ увозитъ изъ Бруссы заботливо, какъ драгоцѣнное сокровище, цѣлую библіотеку на мулахъ въ свой излюбленный Самаркандъ.

Вездѣ, гдѣ онъ находитъ среди побѣжденныхъ и завоеванныхъ извѣстныхъ ученыхъ и искусныхъ художниковъ, онъ оберегаетъ ихъ, какъ зеницу ока, и старается привлечь къ себѣ всякими милостями и соблазнами.

Въ родной ему Кешъ, который онъ прежде думалъ сдѣлать свою столицею, онъ собралъ ученыхъ изъ всѣхъ знаменитыхъ въ его время академій Ховарезма (т.-е. Хивы), Бухары, Ферганы.

Его грубая, звѣрская душа была, однако, доступна великодушію, справедливости и глубокому чувству благодарности.

Нельзя не вспомнить безъ изумленія, какъ этотъ дикій вождь азіатской орды, давившій копытами коней толпы дѣтей, высланныхъ къ нему съ мольбою о пощадѣ, терпѣливо сносилъ обидныя шутки своего насмѣшливаго собесѣдника-поэта Ахмеда-Кермани. Разъ онъ былъ въ банѣ вмѣстѣ съ нимъ и съ другими друзьями своими.

— Во чтобы ты оцѣнилъ меня, еслибы я продавался?—спросилъ Ахмеда Тимуръ.

— Не больше двадцати-пяти асперсовъ,—отвѣтилъ Ахмедъ.

— Какъ? да вѣдь одна рубашка на мнѣ стоитъ этихъ денегъ?—возразилъ озадаченный эмиръ.

— Конечно,—смѣло сказалъ Ахмедъ, — я и разумѣлъ одну рубашку, потому что ты самъ по себѣ не стоишь ни полушки.

И властитель Азіи безмолвно перенесъ эту дерзкую остроту.

Своему воспитателю, Сеиду Берке, который еще въ дѣтствѣ предрекъ ему великую будущность, Тимуръ воздвигнулъ великолѣпную мечеть-мавзолей и завѣщалъ похоронить себя рядомъ съ нимъ.

А когда онъ возвратился изъ своихъ побѣдоносныхъ походовъ, покоривъ своей власти всю Западную Азію, Багдадскій халифатъ, Россію, Грузію, Арменію, первымъ движеніемъ его сердца было броситься въ Кешъ, къ гробницѣ отца, и тамъ громогласно прочесть благодарственную «фатиху».

Тимуръ съ большимъ уваженіемъ смотрѣлъ на обязанности вождя и правителя народа и мѣрилъ ихъ строгою мѣркою.

— Правитель области, котораго почитаютъ меньше, чѣмъ плеть, которою онъ наказываетъ, совсѣмъ недостоинъ быть правителемъ!—говорилъ онъ своимъ намѣстникамъ.

Государственная печать его содержала въ себѣ знаменательный девизъ: на ней были изображены три круга, какъ символъ его владѣній въ трехъ частяхъ свѣта, а кругомъ было написано: «въ правдѣ спасенье».

Онъ не любилъ пышныхъ титуловъ и въ своихъ грамотахъ всегда писалъ просто: «я, рабъ Божій, Тимуръ, говорю слѣдующее»:

Самыя завоеванія его не были однимъ только ненасытнымъ стремленіемъ безбрежнаго славолюбія и властолюбія, а дѣломъ его глубокаго внутренняго убѣжденія, исполненіемъ священнаго призванія своего рода.

— Какъ одинъ Богъ на небѣ, такъ долженъ быть и одинъ владыка на землѣ!—громко провозглашалъ онъ.

Свои постоянныя войны онъ оправдывалъ нравственною обязанностью передъ людьми и Богомъ.

«Всякій побѣдоносный государь», говорилъ онъ въ своихъ запискахъ, «обязанъ освобождать всѣ народы отъ ихъ утѣснителей, и это сознаніе заставило меня предпринять завоеваніе Хоросана и очистить царства Фара, Ирака и Шама (Дамаска) отъ ихъ безпорядковъ».

Въ другомъ мѣстѣ онъ прибавлялъ: «правленіе народомъ можетъ быть установлено только съ мечемъ въ рукѣ!».

Если имѣть въ виду эти основныя убѣжденія Тимура и вспомнить притомъ, какое образцовое и разумное управленіе водворилъ онъ своею неумолимою строгостью во всѣхъ многочисленныхъ странахъ, подвластныхъ его трону, гдѣ до него царила постоянная смута, безпорядки и несправедливость, то всѣ кажущіяся злодѣйства этого, во всякомъ случаѣ, геніальнаго правителя и воина получатъ совсѣмъ иное освѣщеніе.

Одною жестокостью и дикостью степной удали невозможно было бы создать имперію, которая простиралась отъ Гоби до Мраморнаго моря и отъ Иртыша до Ганга, невозможно было бы заставить цѣлую Азію съ благоговѣніемъ поминать въ теченіе 600 лѣтъ имя Тимура, какъ величайшаго изъ государей.

Безпощадность и кровожадность, которую проявлялъ этотъ грозный завоеватель Азіи, нельзя мѣрить на нашъ современный европейскій аршинъ. Въ его время, у хищныхъ и воинственныхъ народовъ, среди которыхъ онъ появился и дѣйствовалъ,—безпощадность и кровожадность въ войнѣ были общею религіею своего рода, нравственною обязанностью всякаго удалого воина.

Безпощадность эта почти всегда обращалась только на непокорныхъ, на вѣроломныхъ, и почти каждая выдающаяся жестокость Тимура обрушивалась на его враговъ, какъ возмездіе за какую-нибудь ихъ прежнюю жестокость или измѣну. Ко всѣмъ же, кто покорялся добровольно, Тимуръ былъ очень милостивъ.

Нравы азіатовъ были при немъ во всякомъ случаѣ не менѣе жестоки, чѣмъ его собственные; они и до нашего времени остались почти такими же. Если стать перечитывать новѣйшую исторію разныхъ кокандскихъ, хивинскихъ и бухарскихъ ханствъ, то передъ злодѣйствами, наполняющими каждую страницу ихъ, поблѣднѣютъ всѣ кровожадные подвиги Тамерлана, тѣмъ болѣе, что ихъ трусливыя и вѣроломныя злодѣйства лишены того величаваго героическаго характера, тѣхъ смѣлыхъ замысловъ, которыми были проникнуты ужасы Тамерлановыхъ войнъ.

Нужно вспомнить еще, черезъ какую безпощадную школу провела судьба Тимура прежде, чѣмъ собранные на всенародный «маслагатъ» въ древнемъ Балхѣ знатные беки подняли его на традиціонномъ бѣломъ войлокѣ и торжественно провозгласили эмиромъ всего Туркестана.

Оставленная Тимуромъ автобіографія коротко, но очень выразительно описываетъ тѣ страшныя лишенія и опасности, которыя онъ переносилъ, бѣжавъ съ горстью приверженцевъ отъ хана Туклука изъ Самарканда въ пустыню, гдѣ ему по цѣлымъ мѣсяцамъ приходилось странствовать съ женою безъ пищи и питья, и попадаться въ плѣнъ къ дикимъ ордамъ туркменовъ.

Его нога, раненная въ битвѣ и давшая ему его историческое прозвище «хромаго Тимура»—Тимурленга, переиначеннаго европейцами въ Тамерлана,—была только однимъ изъ немногихъ воспоминаній тѣхъ постоянныхъ опасностей и страданій, которымъ онъ подвергался въ свою бурную юность.

Она-то и выковала въ немъ спартанскую простоту его вкусовъ, его нечеловѣческую выносливость въ трудахъ походовъ и битвъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, и неумолимую жестокость къ врагамъ, никогда не дававшимъ ему пощады съ своей стороны.

Да, по-правдѣ сказать, если судить безпристрастно, намъ ли еще, гуманнымъ европейцамъ конца 19-го столѣтія, сынамъ любвеобильной христіанской цивилизаціи, — изумляться безпо-

щадной жестокости азіатскаго варвара 14-го вѣка, послѣ того какъ всѣ силы нашего генія и нашей учености, всѣ заработки нашихъ трудовыхъ классовъ мы до сихъ поръ направляемъ, отчаянно соревнуя другъ передъ другомъ, на изобрѣтеніе самыхъ усовершенствованныхъ смертоносныхъ орудій для истребленія людей и обращаемъ цѣлые народы свои въ колоссальные боевые лагери, готовые по первому знаку броситься на уничтоженіе другъ друга.

Неужели тѣ сравнительно наивные и сравнительно невинные пріемы устрашенія врага, которые употребляли азіатскія орды Тимура, вся эта рѣзня плѣнныхъ одного по одному, все это топтаніе людей конями, всѣ эти пирамиды головъ, водружаемыя на площадяхъ взятыхъ городовъ,—могутъ хотя близко сравниться съ тѣми научно-разсчитанными тонкостями современнаго военнаго искусства Европы, гдѣ безъ всякихъ яростныхъ криковъ, съ полнымъ хладнокровіемъ и даже съ состраданіемъ, въ присутствіи заботливо приглашенныхъ врачей и сестеръ милосердія, въ сосѣдствѣ великодушно заготовленныхъ лазаретовъ, сотни тысячъ скорострѣльныхъ ружій разомъ образуютъ своего рода атмосферу летящихъ пуль, въ которой мгновенно исчезаютъ съ лица земли, таютъ, какъ воскъ на огнѣ, цѣлыя рати храбрецовъ, не имѣя даже возможности увидѣть врага и схватиться съ нимъ.

VI.

Мавзолей Тимура.

Совсѣмъ близко отъ Биби-Ханымъ и Дервазъ-Бухара, на склонахъ желто-сѣрыхъ, песчано-глинистыхъ холмовъ, сплошь покрытыхъ и сплошь изрытыхъ старыми могилами, въ уединенномъ завороте уже загородной дороги, виднѣется цѣлою семьей своихъ живописныхъ и характерныхъ купольчиковъ древній мусульманскій монастырекъ Шахъ-Зинде.

Онъ уже давно манилъ меня къ себѣ, издали восхищая глазъ при каждомъ моемъ въѣздѣ въ Самаркандъ меланхолическою поэзіею своихъ тѣсно скученныхъ, словно жмущихся другъ къ другу, башенекъ подъ вздутыми рубчатыми митрами, поблекшими отъ времени.

Кажется, будто они вылѣзали, какъ грибы изъ этой древней почвы, пересыщенной могилами, такого же глинистаго цвѣта, такого же могильнаго вида, какъ сама она.

Рѣдко можно встрѣтить даже въ глуби Азіи такой глубоко восточный, такой глубоко азіатскій характеръ постройки. Это уже полная противоположность великимъ медрессе Тимура, Улугъ-Бега и Ялангъ-Таша.

Тутъ нѣтъ ни фарфоровыхъ стѣнъ, охватывающихъ цѣлые кварталы, ни колоссальныхъ «пикъ-ташей» съ минаретами-исполинами, подавляющихъ собою весь городъ, горделиво выставляющихъ себя напоказъ за десятки верстъ. Тутъ все удивительно скромно, въ крошечныхъ размѣрахъ, въ тѣсномъ пространствѣ, все будто прячется отъ празднаго взора.

Издали—это просто живописная кучка глиняныхъ муллушекъ, забравшаяся въ уединенную пазуху горы.

Но зато вблизи—это такая красота, такая драгоцѣнная архитектурная и археологическая жемчужина, какихъ уже не встрѣтишь нигдѣ въ другомъ мѣстѣ Средней Азіи.

Весь Шахъ-Зинде, можно сказать, представляетъ изъ себя одну узкую лѣстницу, съ многочисленными площадками, взбирающуюся сорока довольно крутыми ступенями на верхъ горы и обставленную по сторонамъ сплошными рядами крошечныхъ мечетей, мавзолеевъ, корридорчиковъ и разныхъ уютныхъ таинственныхъ каморокъ...

Это не столько монастырь, сколько усыпальница, поэтому-то она и выросла здѣсь, среди полчищъ древнихъ могилъ, поэтому-то она и запечатлѣна такою скромною и трогательною поэзіею.

Шестьдесятъ семей благочестивыхъ муллъ кормятся этою

историческою могилою, одною изъ величайшихъ святынь для всей Средней Азіи, куда бредутъ толпы поклонниковъ изъ Бухары, Кокана, Балха и Герата.

Передъ входными воротами внизу горы водруженъ неизбѣжный при могилѣ «хазрета» высокій шестъ съ хвостомъ яка на мѣдномъ шарѣ. Два ряда сѣдобородыхъ муллъ почтеннаго вида, въ зеленыхъ и бѣлыхъ громадныхъ тюрбанахъ, безмолвно вытянулись по обѣ стороны въ темномъ сводистомъ проходѣ воротъ. Всѣ они стоятъ здѣсь, въ ожиданіи приношеній благочестивыхъ правовѣрныхъ, притекающихъ къ могилѣ ихъ святого патрона, и нельзя пройти мимо, не заплативъ этимъ нѣмымъ стражамъ мусульманской святыни обязательной входной пошлины своего рода.

Эти хаджи, хозяева монастыря, не вполнѣ однако монахи. Всѣ они живутъ съ своими семьями въ городскихъ домахъ неподалеку отъ Шахъ-Зинде и проводятъ въ монастырѣ только день. На ночь же остаются здѣсь только человѣкъ пять, шесть очередныхъ старцевъ, карауляющихъ святыню. Содержатся они на добровольныя приношенія. Кто дастъ овцу, кто верблюда, кто деньги, кто хлѣбъ; впрочемъ, у нихъ много и вакуфныхъ земель, пожертвованныхъ на монастырь еще Тимуромъ.

Одинъ очень старый хаджи медленно и словно нехотя выдѣлился изъ рядовъ и пошелъ передъ нами. Оказалось, что онъ ни слова не зналъ по-русски, такъ что намъ пришлось переговариваться съ нимъ черезъ Шамтудинова, который благоговѣйно прикоснулся своими обѣими ладонями къ его худой, какъ скелетъ, рукѣ.

Старикъ былъ впрочемъ очень неразговорчивъ и, надо думать, покорялся своему жребію невольнаго чичероне съ глубокимъ внутреннимъ прискорбіемъ. Онъ понималъ, конечно, что невозможно было загородить входъ сюда владыкамъ и побѣдителямъ его родного города, но тѣмъ не менѣе его очевидно мучила во все время нашего пребыванія въ Шахъ-Зинде досадная обязанность водить невѣрныхъ собакъ-урусовъ,—враговъ и

сокрушителей мусульманства, по самымъ завѣтнымъ святынямъ его, оскверняя ихъ нечестивымъ лицезрѣніемъ гробницу величайшаго изъ ревнителей ислама.

Каменная лѣстница, которою поднимаются наверхъ, была прежде покрыта плитами бѣлаго мрамора, но мраморъ былъ расхищенъ въ теченіе времени, и теперь незамѣтно и слѣда его. Мы сочли въ этой лѣстницѣ 41 ступень, когда поднимались по ней; перечли потомъ, когда спускались, показалось 37. Старый хаджи, черезъ Шамтудинова, увѣрялъ насъ, будто никто никогда не можетъ сосчитать настоящее число этихъ ступеней,— одинъ, молъ, считаетъ 30, другой 40, и всегда будто бы такъ. Мы уже не рѣшились спросить хмураго старика, ради чего собственно ихъ «хазретъ» подшучиваетъ такъ надъ своими наивными поклонниками.

Лѣстница вьется на гору глубокимъ корридоромъ своего рода, обставленная съ обѣихъ сторонъ постройками. Мечетей здѣсь не перечтешь. Каждая изъ нихъ гробница какой-нибудь родственницы Тимура,—строителя этого чуднаго монастыря-могилы. Въ каждую нужно подниматься съ площадки лѣстницы по нѣсколькимъ боковымъ ступенямъ. Всѣ эти маленькія часовенки изящны, какъ драгоцѣнныя бездѣлушки, и одна прелестнѣе другой. Вблизи даже купольчики ихъ, вздутые, какъ дыня, кажутся не сѣрыми, какъ издали, а голубыми. По крайней мѣрѣ съ внутренней стороны на нихъ еще большею частью уцѣлѣла нѣжная бирюзовая эмаль, удивительно ласкающая глазъ. Нижняя часть мечетей почти всегда осьмигранная, а верхняя—или круглая или тоже какая-нибудь граненая. А такъ какъ всѣ наружныя стѣнки ихъ выложены художественною разноцвѣтною мозаикою самыхъ очаровательныхъ, фантастически затѣйливыхъ и невообразимо разнообразныхъ рисунковъ,—то онѣ производятъ общее впечатлѣніе какихъ-то граненыхъ изъ пестраго фарфора башенокъ-игрушекъ. Мы останавливались чуть не по получасу около каждой изъ нихъ, будучи не въ силахъ оторвать отъ нихъ своихъ глазъ, наслаждаясь непостижимою отчетливостью и тон-

костью отдѣлки малѣйшихъ подробностей, изумляясь настойчивому терпѣнію и художественной изобрѣтательности старыхъ мастеровъ, съумѣвшихъ росписать этими непогибающими фарфоровыми красками съ макушки до пятокъ, снаружи и внутри, столько строеній...

Тутъ не одна темно-синяя и лазорево-голубая эмаль, почти безраздѣльно господствующая въ громадныхъ «пикъ-ташахъ» Биби-Ханымъ и Ригистана. Тутъ уже примѣшивается вездѣ, гдѣ нужно, и желтая, и золотая, и зеленая мозаика; радостная гармонія ея колеровъ, чудное сочетаніе и смѣлые изгибы линій въ ея своеобразныхъ арабескахъ,—положительно неописуемы. Колонки, окаймляющія двери, окна, углы, ниши, — всѣ изъ вьющихся фарфоровыхъ цвѣтовъ. Круглые и многогранные медальоны изъ сквозной мозаики врѣзаны въ гладкія, какъ хрусталь, стѣнки, будто драгоцѣнныя инкрустаціи.

Нигдѣ нѣтъ однообразія и повторенія. Роскошное восточное воображеніе работало здѣсь во всемъ жару вдохновенія. Тамъ таинственная ниша, тамъ красивый и неожиданный выступъ, тамъ сверкающая грань, тамъ стройная колонка, тамъ художественная строка корана, опоясывающая золотымъ поясомъ подножіе голубого купола. Вездѣ поэзія—прозы нигдѣ.

Рѣзныя дверочки артистической работы изъ массивнаго темнаго орѣха или шелковицы, съ рѣзными мѣдными приборами старинныхъ узоровъ, и изящныя точеныя рѣшоточки окошекъ. такого же темнаго дерева, вырѣзаются особенно эффектно среди сверкающихъ голубыхъ изразцовъ. Внутри та же красота; тѣ же обои драгоцѣнной фарфоровой парчи одѣваютъ кругомъ потолки и стѣны. Сводистая подкладка купольчиковъ росписана внутри этими разноцвѣтными изразцами пестро и ярко, какъ праздничная тюбетейка щеголеватаго сарта; а углы сведены въ оригинальныя ячеистыя ниши изъ бѣлаго мрамора и прозрачнаго гипса, которыя мнѣ уже не разъ случалось встрѣчать въ архитектурѣ мусульманскихъ мечетей Каира.

Въ полу каждой часовни вдѣланы простые дикіе камни, при-

крывающіе собою, вмѣсто всякихъ пышныхъ гробницъ, прахъ похороненныхъ домочадцевъ Тимура.

Настоящихъ мечетей тутъ собственно немного; большая же часть башенекъ—мавзолеи умершихъ. Мечети больше сгруппированы въ концѣ, то-есть вверху лѣстницы. Послѣдняя мечеть значительно обширнѣе другихъ, кибла ея и вся панель внутренней стѣны отдѣлана мозаикою, передъ киблою неизбѣжное страусовое яйцо, сверху спускается очень неказистая жестяная люстра, которыми вообще, по странному обычаю мусульманъ, не могутъ похвастать самыя богатѣйшія мечети Стамбула, Каира и др. центровъ ислама. На громадномъ «раалѣ», имѣющемъ видъ раскрытой на-двое каменной книги, покоится коранъ, тоже громадной величины, не менѣе 3 футовъ длины, писанный на древнемъ пергаментѣ, съ изящно раскрашенными заглавными буквами. Впрочемъ, это не тотъ славный коранъ, писанный рукою Магометова спутника, калифа Османа, и обрызганный его кровью, которымъ такъ долго славился Самаркандъ и который привлекалъ къ себѣ издалека поклонниковъ магометанъ.

Османовъ коранъ, писанный куфическими буквами на кожѣ газели, хранился въ мечети Ходжа-Ахрара, который вывезъ его изъ Стамбула, какъ драгоцѣнный подарокъ калифа, исцѣленнаго молитвами Ходжи. Но при генералѣ Кауфманѣ муллы этой древней мечети рѣшились продать его русскимъ за 125 рублей, и теперь онъ украшаетъ собою Императорскую публичную библіотеку Петербурга.

Когда мы проходили въ мечеть, намъ видны были открытыя дверочки полутемныхъ келій, въ которыхъ опрятно были разложены тюфячки и одѣяла старцевъ, караулящихъ свою святыню, ихъ мѣдные узкогорлые кувшинчики и чайнички, все скромное монашеское хозяйство ихъ. Много муллъ, поджавъ ноги, отдыхало на коврикахъ въ самой мечети, тихо покачиваясь и перебирая пальцами чотки.

Нашъ провожатый Шамтудиновъ пожималъ имъ всѣмъ руки

обѣими своими руками съ какою-то подобострастно-привѣтливой миной, и муллы съ своей стороны отвѣчали ему съ такою же приниженною вѣжливостью и тоже двумя руками, сгибая спину, ловили его за руку въ знакъ своего особеннаго почтенья. Эти неискренния, безъ нужды преувеличенныя выраженія взаимной почтительности, очевидно, очень цѣнимыя на востокѣ, производятъ тяжелое впечатлѣніе на европейца, привыкшаго къ гораздо большей простотѣ и достоинству человѣческихъ отношеній. Шамтудиновъ почти всякому старцу совалъ въ руку какую-нибудь монетку, но одинъ только мулла въ отвѣтъ на его дары подалъ ему пшеничную лепешку, извиняясь, что теперь некогда угостить его чѣмъ-нибудь лучшимъ.

Изъ этой мечети мы прошли въ гробницу Шахъ-Зинде, вѣнчающую всю эту маленькую лавру мечетей и часовенъ. Огромное зеленое знамя пророка, покрытое пылью вѣковъ и водруженное на бамбучинѣ въ бревно толщиною, стоитъ передъ темною орѣховою рѣшеткою, окруженное другими такими же знаменами. На стѣнахъ налѣплены рисунки, привезенные изъ Мекки, и арабскіе стихи, тамъ писанные. Цѣлая толпа муллъ сидѣла на колѣнахъ передъ рѣшоткою и усердно молилась. Шамтудиновъ былъ, видимо, смущенъ, вводя насъ въ это мусульманское святилище. Онъ говорилъ едва слышнымъ голосомъ и благоговѣйно кланялся мулламъ, одаряя всѣхъ ихъ деньгами. Мы прильнули лицомъ къ отверстіямъ рѣшетки и увидѣли за нею сложенную изъ кирпичей гробницу, покрытую кучей разноцвѣтныхъ одеждъ, ковровъ и всякой рухляди,— благочестивыхъ приношеній поклонниковъ на могилу «хазрета».

«Шахъ-Зинде»—собственно не имя его, а только прозванье монастыря. По-русски это значитъ «живой царь». Звали же здѣшняго мусульманскаго святого Кассимъ-ибнъ-Аббасъ. Онъ былъ арабъ изъ племени Корейшитовъ и одинъ изъ первыхъ проповѣдывалъ вѣру Магомета, увлекая народъ своею горячею проповѣдью. Враги захватили его на этомъ именно мѣстѣ, гдѣ теперь мы стоимъ, и отрубили ему голову, но проповѣдникъ

ислама не хотѣлъ отдаться на поруганье язычникамъ и, схвативъ въ руки отрубленную голову, прыгнулъ съ нею въ колодезь. Намъ показывали въ сторонѣ отъ лѣстницы цистерну, гдѣ, по убѣжденію здѣшнихъ муллъ, истинно вѣрующій и теперь еще можетъ видѣть обезглавленнаго «живого царя». Онъ скрывается пока въ глубинѣ водъ, готовый въ предназначенный Аллахомъ день снова появиться среди правовѣрныхъ на защиту вѣры пророка. Даже называли годъ, когда Шахъ-Зинде долженъ былъ непремѣнно выйти изъ своего многовѣковаго убѣжища и изгнать изъ священнаго города мусульманъ собакъ-русскихъ.

Но, къ великому огорченію муллъ и ихъ довѣрчивыхъ слушателей, этотъ годъ давно прошелъ, и Шахъ-Зинде все еще продолжаетъ пребывать на днѣ своего колодца, а собаки-русскіе—господствовать въ Самаркандѣ и осквернять своимъ присутствіемъ могилу святого мужа.

Мы подарили богомольнымъ старцамъ то, что имъ подобало, и, выйдя изъ гробницы, поднялись еще вверхъ. Тамъ тоже полуразрушенныя часовни по обѣ стороны лѣстницы чудной архитектуры, словно выточенныя изъ чистѣйшей бирюзы. Три крутыхъ ступеньки далѣе, и мы на вершинѣ холма. Голубые купола-митры Шахъ-Зинде у нашихъ ногъ. Кругомъ охватываетъ насъ безбрежное кладбище, съ безчисленными горбами своихъ могилъ и песчаныхъ кургановъ. И одинокая часовня Чупанъ-Ата на своей горѣ, и великолѣпныя развалины Биби-Ханымъ среди шумной толкотни людей и животныхъ, и Ригистанъ съ своими колоссами-медрессе, подавляющій собою облегшіе его тѣсные кварталы глиняныхъ домиковъ,—все видно намъ отсюда, какъ на ладони.

Когда мы спускались обратно внизъ съ лѣстницы, такъ и хотѣлось остановиться на каждомъ шагу, и передать кистью всю эту своеобразную красоту мусульманской лавры. Сверху удивительный видъ на эти темныя ворота внизу, охраняемыя бѣлыми чалмами, на эти таинственные уголки и извороты, ку-

польчики, террасы, дверочки, на эти чудныя изваянія часовенъ и мечетей, на характерныя и величественныя фигуры муллъ, въ серьезномъ безмолвіи неспѣшно сходящихъ и поднимающихся по ступенямъ лѣстницы, въ ихъ живописныхъ мантіяхъ и чалмахъ, яркая пестрота которыхъ такъ эффектно выдѣляется среди голубыхъ изразцовъ и бѣлыхъ ступеней.

Прямо противъ воротъ Шахъ-Зинде теперь разбитъ тѣнистый и обширный садъ. Это уже созданіе русскихъ. Подъ садъ пришлось отвести опять-таки одно изъ кладбищъ, окружавшихъ городъ. Теперь тамъ проведены арыки, перекинуты мостики, насыпаны аллеи, разбиты цвѣтники. Въ базарные дни массы сартовъ, таджиковъ, киргизовъ набиваются въ него. Мы тоже прошлись по всѣмъ его аллеямъ, любуясь его розами и отдыхая въ прохладѣ деревъ послѣ полдневнаго пекла.

Но мы напрасно искали какихъ-нибудь слѣдовъ того «лѣтняго дворца Тимура», который такъ краснорѣчиво описывалъ въ своемъ «Путешествіи по Средней Азіи» Вамбери, называвшій, впрочемъ, этимъ именемъ самый монастырь Шахъ-Зинде. Что въ немъ похожаго на дворецъ и гдѣ вообще видѣлъ венгерскій путешественникъ все то, что онъ приписываетъ этому дворцу, эти «нѣсколько маленькихъ корридоровъ, ведущихъ въ большую комнату», эти «нѣсколько комнатъ съ кирпичными пестрыми стѣнами и мозаичными полами, которые кажутся потому совсѣмъ новыми», эту «мрачную тропинку, которою можно пройти къ могилѣ святого» и т. п.—пусть это объяснитъ самъ ученый оріенталистъ, воображеніе котораго можно дѣйствительно признать вполнѣ восточнымъ.

Я же могу сказать только одно, что кто разъ видѣлъ своими глазами «Хазрети-Шахъ-Зинде»,—никогда не могъ бы написать о немъ того, чтò написалъ Вамбери, и умолчать о томъ, о чемъ онъ не заикнулся ни словомъ.

«Тюрбети-Тимуръ», гробница знаменитаго Тамерлана,—которую сарты называютъ также и «Гуръ-Эмиръ», совсѣмъ на противоположномъ (то-есть южномъ) концѣ города; къ ней приходится подъѣзжать уже черезъ густыя зеленыя аллеи русскаго Самарканда, особенно отрадныя въ жаркій лѣтній день.

Тѣнистый садикъ изъ бѣлыхъ акацій, катальпъ, айвы, примыкаетъ къ одной изъ такихъ улицъ-аллей. Садикъ устроенъ, должно быть, уже русскими съ разнообразными дорожками, скамеечками, клумбами. Генералъ Абрамовъ и его позднѣйшій замѣститель были большіе любители и знатоки древоводства, и оставили завидное наслѣдство Самарканду, обративъ его въ сплошной паркъ и снабдивъ его черезъ это превосходнѣйшимъ воздухомъ, хотя Самаркандъ славился своимъ прекраснымъ климатомъ еще въ древнія времена.

Тутъ же въ саду небольшой стоячій прудокъ,—обычный бухарскій «хоузъ»—въ тѣни деревъ, подъ сѣнью маленькой старой мечети. Сарты съ видимымъ удовольствіемъ разгуливаютъ кучками по саду и посиживаютъ, болтая, на его скамейкахъ.

Гробница Тимура снаружи очень напоминаетъ своими мозаиковыми порталами и эмалевымъ голубымъ куполомъ въ формѣ рубчатой дыни Биби-Ханымъ и медрессе Ригистана, только въ ней нѣтъ, конечно, двора, обставленнаго кельями софтъ. Да по размѣрамъ она нѣсколько менѣе ихъ. По изяществу же своихъ глазуревыхъ изразцовъ и арабесокъ, по тонкому вкусу своего архитектурнаго стиля—это одно изъ самыхъ замѣчательныхъ древнихъ зданій Самарканда.

Отъ садика оно отдѣляется каменною оградою, охватывающею его со всѣхъ сторонъ. Ворота съ островерхою аркою, между двухъ башенъ-столповъ,—покрыты, какъ и вся мечеть, сверкающей черепицей, расписанною по бѣлому голубыми и синими узорами. Оріенталисты прочли на этихъ воротахъ арабскую надпись:

«Строилъ это ничтожный рабъ Мухамедъ, сынъ Мухамеда,

жатаго, тоже съ знаменемъ и хвостомъ на бревнѣ, воткнутомъ въ головную часть гробницы. Я думаю, что это и есть гробница Миръ-Сеида-Берека-Шейха, того наставника юности Тимура, который предсказалъ ему будущую славу его, и рядомъ съ которымъ хотѣлъ быть непремѣнно похороненъ Тамерланъ. Но такъ какъ другіе путешественники увѣряютъ, что могила Шейха-Берке по срединѣ мечети рядомъ съ чернымъ камнемъ Тимура, а я не могъ добиться точнаго показанія отъ своего проводника, то и предоставляю рѣшать этотъ вопросъ тѣмъ ученымъ, которые сами могутъ прочесть арабскія надписи на могильныхъ камняхъ.

Подъ мечетью идетъ сводистое подземелье, которое собственно и служитъ могильнымъ склепомъ Тимуру и его загробнымъ спутникамъ. Мы зажгли свѣчки, врученныя намъ муллою, и спустились туда по винтовой лѣсенкѣ сквозь круглую черную дыру. Кирпичные своды склепа не украшены ничѣмъ, хотя Вамбери увѣряетъ, что арабески этого подземелья совершенно похожи на чудныя арабески мечети. Два старые деревянные подсвѣчника, стоящіе на полу, не казистаго и грязнаго вида, утыканные по четыремъ своимъ рогулькамъ неопрятными сальными свѣчками, слабо освѣщаютъ низенькое, но просторное подземелье. Подъ каждымъ верхнимъ гробомъ, какъ разъ противъ соотвѣтствующаго ему мѣста, лежатъ плиты сѣраго мрамора со множествомъ надписей, прикрывающія прахъ умершихъ. Только плита самого Тимура высѣчена, какъ мнѣ показалось, изъ того же алебастра или яшмы, которымъ обложены стѣны верхней мечети. Тимуръ умеръ семидесяти одного года на походѣ противъ Китая въ своемъ становищѣ подъ Отраромъ, отъ утомленія и суровой погоды, которыхъ уже не могъ болѣе выносить его слишкомъ остарѣвшій организмъ.

Мулла пригласилъ насъ положить въ двѣ впадины этой плиты нѣсколько серебряныхъ монетъ, предназначенныхъ на освѣщеніе подземелья. А когда мы поблагодарили тѣмъ же спо-

собомъ его самого, то онъ сообщилъ намъ тономъ, не допускавшимъ возраженій, что еще необходимо подарить что-нибудь «мутавели», то-есть главному настоятелю и хозяину мечети, которымъ и оказался тотъ именно сѣдой мулла, что читалъ коранъ въ боковой комнатѣ...

«Тюрбети-Тимуръ» былъ найденъ русскими въ самомъ жалкомъ и запущенномъ видѣ. Русское мѣстное правительство назначило особую сумму, чтобы привести въ приличный видъ этотъ замѣчательный историческій памятникъ. Сарты же, при всемъ своемъ благоговѣніи къ имени ихъ великаго «Амира Тимура», готовы бы были растаскать по камешкамъ и его гробницу, какъ они растаскали мавзолей его любимой жены. Кстати, туземцы наотрѣзъ отказываются вѣрить, чтобы ихъ славный завоеватель былъ хромой. Я не говорю о мѣстныхъ ученыхъ которые, вѣроятно, знаютъ объ этомъ изъ книгъ. Но купцы, подобные нашему Шамтудинову, составляющіе громадное большинство населенія, смѣются надъ этимъ.

— Какой хромой! что вы! самоувѣренно поправилъ меня мой путеводитель.—Это былъ страшный богатырь, а не хромой. А Тимурленгъ его назвали потому, что онъ сдѣлалъ много великихъ дѣлъ...

Вотъ и подите съ ними!..

VII.

Промыслы самаркандцевъ.

Я не буду описывать другихъ мечетей Самарканда. Ихъ тутъ великое множество. Но послѣ знаменитыхъ созданій Тимурова вѣка и великихъ медрессе Ригистана онѣ уже не представляютъ никакого интереса. Кромѣ мечетей мы изрядно таки постранствовали и по лавкамъ Самарканда; хотѣлось таки познакомиться съ прославленнымъ шелковымъ производ-

ствомъ его, да и необходимо было накупить мѣстной всякой всячины, чтобы повезть азіатскихъ гостинцевъ въ Россію.

Только въ одномъ Самаркандѣ изо всѣхъ большихъ городовъ Средней Азіи нѣтъ крытаго базара.

Прежде онъ не только былъ, но и славился на весь Туркестанъ. Испанскій путешественникъ 14-го вѣка Гонзалесъ Клавиго видѣлъ своими глазами, какъ Тамерланъ строилъ въ своемъ любимомъ городѣ цѣлую улицу, крытую сводомъ, съ окнами, лавками, фонтанами, немилосердно разрушая для этого дома жителей, не спрашивая ихъ и ничего за это не платя, такъ что, по словамъ Клавиго, многіе жители разбѣжались отъ этого изъ Самарканда. Постройку вели день и ночь, смѣняя партіи рабочихъ; но все-таки Клавиго не могъ дождаться ея окончанія, до того она обширна.

При Тимурѣ, какъ я уже говорилъ раньше, заведены были въ Самаркандѣ самыя разнообразныя производства, и, повидимому, съ его только времени пріобрѣли славу шелковыя и хлопчатобумажныя издѣлія Самарканда, его ковры, сѣдла, оружіе и ювелирныя работы.

По крайней мѣрѣ хлопчатникъ разводился при немъ въ огромномъ множествѣ, такъ же, какъ виноградники, рисъ, дыни и плодовые сады. Въ этомъ отношеніи за пять столѣтій заведено въ Самаркандѣ не много новаго.

Если вѣрить Гонзалесу, при Тимурѣ въ Самаркандѣ было не менѣе 150,000 жителей, такъ что множество народа жило прямо въ пещерахъ и кибиткахъ. А ужасъ передъ грознымъ именемъ »Амира« во всей Азіи былъ таковъ, что не было страны, гдѣ бы купецъ, снабженный ярлыкомъ великаго хана, не могъ вполнѣ безопасно провезти свои товары.

Не мудрено, что при такихъ благопріятныхъ условіяхъ, когда всѣ богатства завоеванныхъ странъ стекались въ Самаркандъ, онъ сдѣлался не только центромъ богословской и математической учености всей Трансъ-Оксаніи, но и однимъ изъ важныхъ торговыхъ и промышленныхъ центровъ ея. Онъ сталъ,

какъ и Бухара, естественнымъ посредникомъ между Китаемъ и Индіею съ одной стороны, а съ другой стороны—Европою и западомъ Азіи.

Недаромъ самое имя его «Самаръ-кендъ» означаетъ по-татарски «богатое селенье».

Но, признаюсь, современный Самаркандъ не особенно удивилъ и плѣнилъ меня своими товарами. Въ извѣстныхъ здѣсь магазинахъ Бухарина и потомъ «Двухъ братьевъ», кажется, больше московскихъ товаровъ, чѣмъ туземныхъ. И, что̀ меня поразило, самые характерные восточные рисунки, самая яркая азіатская пестрота, всѣ эти стамбульскіе ковры-скатерти, всѣ эти узорчатыя тармаламы, всѣ красные и желтые ситцы съ крупными букетами, во вкусѣ сартовъ и киргизовъ,—все это оказалось по справкѣ неподдѣльнымъ произведеніемъ нашихъ московскихъ фабрикъ! Напротивъ того, все, что̀ намъ показывали изъ шелку мѣстнаго производства—удивительно скромныхъ тоновъ и рисунковъ, песочные, сѣренькіе, клѣтчатые, блѣдно-лиловые, на подобіе нашихъ холстинокъ, однимъ словомъ, все такъ же рабски скопировано съ русскаго вкуса, какъ московскіе фабрикаты съ азіатскаго. Это отчасти понятно, потому что туземцы мало требуютъ чистыхъ шелковыхъ матерій, и онѣ продаются почти исключительно на-сторону. Коранъ запрещаетъ правовѣрному носить чистый шелкъ, можетъ быть, во избѣжаніе лишней роскоши, поэтому туземцы, главнымъ образомъ, носятъ полушелковыя, полубумажныя и чисто бумажныя ткани сусу, адрясъ, аладжу; и тѣ уже, конечно, вполнѣ приноравливаются къ ихъ вкусамъ и цвѣтомъ, и узоромъ своимъ. Самое качество самаркандскихъ шелковыхъ тканей очень незавидное. Онѣ невозможно узки и жидки, и мнутся, какъ кисея. Сравнительно съ французскою или даже московскою плотною и широкою шелковою матеріею—это что-то совсѣмъ жалкое, и покупать ее можно только въ видѣ мѣстнаго воспоминанія, но уже никакъ не ради удобства или выгоды, тѣмъ

болѣе, что онѣ въ концѣ концовъ выходятъ нисколько не дешевле нашихъ хорошихъ русскихъ шелковъ.

Мы посѣтили, благодаря любезности Шамтудинова, и нѣкоторыя мѣстныя фабрики шелководства. Какъ здѣшніе магазины— крошечныя лавченки съ самымъ скуднымъ запасомъ товара, такъ и здѣшнія фабрики — одно только мелкое кустарное производство. Каждый магазинъ имѣетъ обыкновенно своихъ кустарей, которые постоянно работаютъ по его заказу. Два, три станка—самое большое, — помѣщаются въ какой-нибудь тѣсной глиняной избушкѣ, къ которой пробраться нужно черезъ ножомъ прорѣзанныя щели между грязными, полуслѣпыми домишками, гдѣ съ трудомъ могутъ разойтись двое встрѣтившихся человѣка. На станкахъ натянуты шелковыя нити разныхъ цвѣтовъ. По какой-нибудь синей основѣ искусникъ-сартъ ловко перебрасываетъ челнокъ то съ бѣлымъ, то съ сѣрымъ шелкомъ, выводя на память довольно затѣйливые узоры. Берда подтягиваются на блочкахъ, сверху висятъ мѣшки, набитые пескомъ, а надъ ними большія веретена, съ которыхъ сматываются, по мѣрѣ надобности, шелки, натянутые концами въ основу. Вообще ничего особенно поучительнаго, а тѣмъ менѣе интереснаго.

Шелководство во всемъ Туркестанѣ носитъ на себѣ этотъ мелкій кустарный характеръ, и, можетъ быть, отъ этого именно оно изстари играетъ такую важную роль въ экономической жизни мѣстнаго населенія. Кочевники, правда, совсѣмъ имъ не занимаются, ни узбеки, ни киргизы. Но за то вездѣ, гдѣ таджики составляютъ главную массу населенія — шелководствомъ занимается старый и малый. Оттого-то Самаркандъ и Бухара, а на сѣверѣ Ходжентъ и Фергана — стали главными гнѣздами шелководства.

Промыселъ этотъ старъ, какъ міръ, и Азія — его законная хозяйка. По древнимъ хроникамъ китайцевъ, царица ихъ Силингъ, жена императора Вандъ-Ти, приблизительно въ эпоху Моисея, первая изобрѣла искусство разматывать коконы шел-

ковичнаго червя и приготовлять изъ нихъ нити. Изъ Китая искусство это перешло мало-по-малу въ Японію, Индію, Персію, а уже оттуда проникло черезъ Мервъ въ Бухару и Самаркандъ. Вѣроятно, въ память китайской изобрѣтательницы, въ Самаркандѣ, да и вездѣ въ средней Азіи, воспитаніемъ червя занимаются почти исключительно женщины. Весною, когда листъ тутоваго дерева начинаетъ распускаться, онѣ набираютъ грену, то-есть яички шелкопряда въ небольшіе мѣшочки изъ здѣшней «маты» (по-русски «бязь») и носятъ ихъ на груди, пока отъ теплоты ихъ тѣла грена не оживится. Сартянки увѣряютъ, что если мужчина только посмотритъ глазомъ на червяка передъ тѣмъ, какъ ему завиваться въ коконъ, то червякъ сейчасъ же пропадетъ. Къ сожалѣнію, туземки воспитываютъ своихъ червей черезъ-чуръ небрежно. Въ тѣхъ же душныхъ и вмѣстѣ холодныхъ сакляхъ, въ которыхъ они живутъ, въ тѣснотѣ и вони, онѣ кормятъ и шелковичныхъ червей, оставляя тамъ же гнить ихъ трупы и не очищая ничѣмъ воздуха. Все это вліяетъ очень вредно на смертность червей и качество будущихъ коконовъ. Тѣмъ не менѣе средняя Азія и особенно Бухара и Самаркандъ славились въ теченіе многихъ вѣковъ своимъ шелководствомъ, хотя выводимыя ими очень показныя на видъ крупныя породы коконовъ были гораздо рыхлѣе и хуже маленькихъ тугихъ коконовъ Японіи, Китая и южной Европы.

Но въ 1885 году, уже при русской власти, туркестанское шелководство было поражено страшнымъ бичемъ. Всѣ безъ исключенія мѣстные черви оказались пораженными болѣзнью «пебриной», отъ которой въ пятидесятыхъ годахъ совсѣмъ почти погибло шелководство Италіи и Франціи. Тогда, по распоряженію туркестанскаго губернатора, была открыта въ Ташкентѣ первая гренажная станція подъ управленіемъ Вилькинса, дѣятельности которой шелководство средней Азіи, быть можетъ, обязано своимъ спасеніемъ. Необходимо было отыскать и распространить по всѣмъ угламъ средней Азіи незараженную пебриною, вполнѣ здоровую грену. Микроскопическія изслѣдованія убѣдили,

что изъ туземныхъ породъ, которыя сначала думали было возстановить, невозможно было найти одной здоровой бабочки изъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ. Оказалось неизбѣжнымъ выписать иностранную грену изъ здоровыхъ мѣстностей. Гренажная станція перепробовала 10 различныхъ породъ и, убѣдившись въ непримѣнимости къ Туркестану болѣе нѣжныхъ породъ, остановилась на сравнительно грубой корсиканской породѣ, грену которой и стала распространять безплатно между туземцами въ очень значительныхъ количествахъ. Впослѣдствіи станція г. Вилькинса выработала путемъ послѣдовательнаго скрещиванія самобытную породу червя, гораздо болѣе устойчивую. Для болѣе удобнаго сбыта и болѣе дѣятельныхъ изслѣдованій, кромѣ ташкентской станціи открыты были еще три отдѣленія, въ Самаркандѣ для всей Самаркандской области и Бухары, въ Петро-Александровскѣ для Хивинскаго ханства и въ Маргеланѣ для Ферганы и Ходжента. За неимѣніемъ на мѣстѣ спеціалистовъ, были приглашены любители изъ молодыхъ врачей, и они отлично принялись за дѣло, изучивъ его очень быстро.

Въ настоящее время почти повсемѣстно новая грена вытѣснила туземную, которой даже лучшіе сорта, какъ варданзи, бушри (т.-е. бухарская), хивинская и др., хуже европейской уже потому одному, что черви этихъ крупныхъ породъ живутъ обыкновенно 45 дней, въ то время, какъ европейскіе сорта только 32, 30 и даже 28 дней, слѣдовательно, поѣдаютъ гораздо больше пищи, требуютъ больше ухода и подвергаются большимъ шансамъ погибнуть отъ какихъ-нибудь случайностей.

Туземные способы размотки шелка тоже примитивные и долго служили препятствіемъ къ широкому развитію мѣстнаго шелководства. Когда же сарты переняли отъ русскихъ усовершенствованные способы размотки шелка, промышленность эта замѣтно двинулась впередъ. Вмѣсто какихъ-нибудь 90 руб. за пудъ, какъ это было при занятіи нами края, сартъ сталъ продавать свой шелкъ по 240 и 250 руб. за пудъ и въ количествахъ, въ 20 разъ большихъ, чѣмъ прежде.

Изъ одного золотника корсиканской грены явилась возможность получить до 20 фунтовъ коконовъ, что равняется двумъ фунтамъ чистаго шелку.

Насколько можетъ быть важно для насъ туркестанское шелководство,—видно изъ сопоставленія общихъ цифръ добычи шелка въ 1890 году: всѣ страны Европы, кромѣ Россіи, вмѣстѣ съ Египтомъ, Азіатской Турціей, Аравіей и Японіей, добыли шелка только 575.000 пудовъ въ годъ, а Россія съ своимъ Закавказьемъ и Среднеазіатскими областями одна успѣла добыть 113.000 пудовъ. Конечно, это еще далеко до добычи Китая, который вырабатываетъ въ годъ шелку болѣе, чѣмъ всѣ страны Европы и Азіи (кромѣ Россіи), именно 579.000 пудовъ, цѣнностью на 125.000.000 руб.; но все-таки это подаетъ надежду, что, при разумномъ направленіи въ будущемъ этой важной и доходной промышленности, Россія совсѣмъ перестанетъ нуждаться въ привозномъ европейскомъ шелкѣ, котораго она пока еще вынуждена выписывать въ готовомъ видѣ до 30.000 пудовъ, платя за него Европѣ отъ 320—370 руб. за пудъ, между тѣмъ какъ сама она продаетъ той же Европѣ свой сырецъ не дороже 220—240 руб.

Въ самаркандскомъ шелкѣ различаются два сорта: первый, такъ называемый «чилля», а второй — изъ оческовъ и плохихъ сортовъ коконовъ — «куляба» и *сарнекъ*. Сарнекъ въ огромномъ множествѣ идетъ къ намъ въ Россію, вслѣдствіе своей необыкновенной дешевизны, отъ 30—35 руб. за пудъ. Его даже везутъ къ намъ изъ Кашгара, гдѣ онъ еще дешевле, чѣмъ въ Туркестанѣ. Русскіе фабриканты что-то не берутся за устройство шелковыхъ фабрикъ въ самомъ Туркестанѣ, а больше выписываютъ отсюда шелкъ въ свои московскія фабрики. Первущинъ первый попробовалъ было открыть фабрику шелковыхъ издѣлій въ Ташкентѣ, а Хлудовъ — въ Ходжентѣ, — еще въ первыя времена занятія края,—но предпріятія ихъ не удались, и послѣдователей у нихъ, кажется, не явилось.

Гораздо болѣе заинтересовало насъ знакомство съ самаркандскимъ винодѣліемъ, этою совершенно новою отраслью средне-азіатской промышленности, которой предстоитъ впереди огромная будущность. Виноградъ не воздѣлывается ни въ Индіи, примыкающей къ Средней Азіи съ юга-запада, ни въ Сибири, ограничивающей ее съ сѣвера. А Индія и Сибирь цѣлые два міра, такъ что въ этомъ отношеніи туркестанское винодѣліе заранѣе обезпечено двумя громаднѣйшими сосѣдними рынками, въ которыхъ врядъ-ли будетъ возможно конкуррировать съ туркестанскими винами привознымъ винамъ болѣе отдаленныхъ странъ. Если вспомнить еще, что западная и юго-западная Азія—почти сплошь населены магометанами, слѣдовательно, сама религія ставитъ тамъ почти необоримыя препятствія къ развитію винодѣлія, то положеніе нашего Туркестана, какъ единственнаго почти производителя вина во всемъ громадномъ материкѣ Азіи,—окажется въ высшей степени благопріятнымъ и совершенно исключительнымъ.

Понятно поэтому, что новыя обширныя царскія имѣнія Байрамъ-Али на Мургабѣ предполагаютъ сосредоточить свою хозяйственную производительность преимущественно на виноградѣ и завести винодѣліе въ самомъ широкомъ размѣрѣ. Мервскій оазисъ, въ которомъ расположено это имѣніе, по своему южному климату, можетъ оказаться еще удобнѣе для виноградарства, чѣмъ долины Сыръ-Дарьи и Заравшана, такъ какъ самые нѣжные и сахарные сорта винограда, не переносящіе болѣе суроваго климата сѣверныхъ областей Туркестана, должны прекрасно вызрѣвать въ жаркой природной теплицѣ Байрамъ-Али.

Утѣшительно и то, что по крайней мѣрѣ въ этой доходной отрасли мѣстной промышленности, сарты не въ силахъ будутъ отбить у русскихъ лавочку, какъ они это устраиваютъ постепенно и неотразимо со всѣми другими торговыми и фабричными предпріятіями русскихъ въ Туркестанѣ. Сартъ по своему религіозному закону не смѣетъ дѣлать вина, не смѣетъ пить вина и продавать вино. Пить его онъ еще пьетъ и довольно

много, хотя тайкомъ, пожалуй, будетъ и продавать тайкомъ, но ужъ устроить винодѣліе тайкомъ, конечно, ему будетъ невозможно.

Сарты, впрочемъ, много сажаютъ винограда; въ Ферганѣ, въ долинѣ Заравшана—виноградники почти въ каждомъ кишлакѣ; даже туркмены Закаспійской области и тѣ воздѣлываютъ виноградъ. Виноградарство завелось въ Туркестанѣ съ незапамятныхъ вѣковъ, еще въ библейскія времена, при ассирійскихъ царяхъ, при Кирахъ и Даріяхъ персидскихъ. При Тимурѣ, какъ мы только-что видѣли, въ долинѣ Заравшана было очень много виноградниковъ и даже открыто пили вино за пирами «Амира». Теперешнее виноградарство сартовъ существуетъ исключительно ради изюма, котораго азіаты потребляютъ громадныя количества. Поэтому и сорта винограда почти не разбираются, а сажается всякая порода, лишь бы въ ягодахъ ея было достаточно сахара и мясистости. Только одинъ ранній сортъ, поспѣвающій уже въ іюлѣ мѣсяцѣ, и извѣстный здѣсь подъ именемъ «чилеки», не годится на изюмъ и съѣдается въ свѣжемъ видѣ. Впрочемъ, вообще туземные сорта винограда очень хороши для вина и мало уступаютъ многимъ крымскимъ и европейскимъ сортамъ. Особенно славятся здѣсь «чарасъ», изъ котораго дѣлается любимѣйшее красное вино туркестанцевъ, «хусаине» и «буаки», дающіе не совсѣмъ легкое, но очень пріятное бѣлое вино, «султани», «ханскій», изъ котораго приготовляются и красныя, и бѣлыя вина, предпочитаемыя туземцами всѣхъ другихъ, и проч.

Наши русскіе крупные винодѣлы Туркестана широко воспользовались этими мѣстными сортами, завоевавшими себѣ здѣсь прочное право гражданства, а вмѣстѣ съ тѣмъ дѣятельно стараются акклиматизовывать невѣдомыя еще въ Туркестанѣ европейскія породы винограда, безъ которыхъ, конечно, не можетъ быть вполнѣ основательнаго винодѣлія. Собственно говоря, во всемъ Туркестанѣ можно считать трехъ серьезныхъ русскихъ винодѣловъ: Иванова, Первушина и Филатова. Они по-

дѣлили между собою забранныя области такъ, что Ивановъ съ Первушинымъ основались больше на Сыръ-Дарьѣ, а Филатовъ устроилъ свое винодѣліе въ Самаркандѣ. Его-то именно и посѣтили мы.

Винодѣліе Филатова помѣщается почему-то не въ русской, а въ туземной части Тимурова города. Въѣзжаешь въ него черезъ довольно обширный виноградникъ, тщательно огороженный отъ сосѣднихъ владѣній. У Филатова 7-мь десятинъ виноградника въ городѣ, да 25 десятинъ въ 8-ми верстахъ отъ Самарканда; не знаю, есть ли у него также виноградники въ Сыръ-Дарьинской и Ферганской области. Во всякомъ случаѣ Ивановъ, кажется, самый крупный русскій виноградарь изъ всѣхъ троихъ. Уже въ 1890 году, во время туркестанской выставки, у него было 50 десятинъ виноградниковъ вблизи Ташкента, и онъ собиралъ съ нихъ среднимъ числомъ 20.000 пудовъ винограда. Первушинъ въ то же самое время имѣлъ только 16-ть десятинъ и собиралъ только около 5,000 пудовъ, такъ что Филатовъ, повидимому, занимаетъ въ этомъ отношеніи второе мѣсто. Но вообще русское виноградарство въ Туркестанѣ еще совсѣмъ ничтожно по своимъ размѣрамъ. Достаточно сказать, что 66 десятинъ виноградниковъ Иванова и Первушина съ ихъ 25.000 пудами ягодъ приходились въ 1890 году на 2.740 десятинъ всѣхъ виноградниковъ Сыръ-Дарьинской области, дававшихъ $2^1/_2$ милліона пудовъ винограда и почти исключительно принадлежащихъ сартамъ и нераздѣлимымъ отъ нихъ таджикамъ,—процентъ совсѣмъ ужъ жалкій!

Виноградники Филатова ведутся по-европейски, шпалерами, такъ же, какъ и у его ташкентскихъ конкуррентовъ. Кромѣ лучшихъ мѣстныхъ сортовъ, только-что мною названныхъ, разводятся всѣ главные европейскіе, крымскіе и кавказскіе сорта.

Въ туземныхъ же виноградникахъ Самарканда и Бухары я видѣлъ совсѣмъ другой способъ разведенія винограда. Туземцы

подрѣзываютъ его очень низко къ корню и привязываютъ къ небольшимъ колышкамъ, которые они называютъ «казыкъ», съ тою цѣлью, чтобы кисти не лежали на землѣ. Въ Ташкентѣ и Ферганской области опять-таки своя мода: втыкаютъ въ землю обоими концами согнутые въ дугу длинные ивовые прутья въ видѣ цѣлаго ряда параллельныхъ арокъ и даютъ виноградымъ лозамъ виться по нимъ, образуя своего рода крытыя сводистыя аллеи, хотя и слишкомъ низкія для прогулки подъ ними. Кисти черезъ это не прикасаются, конечно, къ землѣ, но зато висятъ подъ густою листвою, въ постоянной тѣни, почему поспѣваютъ позднѣе, чѣмъ бы могли, и даютъ ягоды бѣдныя сахаромъ, болѣе кислыя, чѣмъ бы слѣдовало.

Во всякомъ случаѣ и въ Самаркандѣ, и на Сыръ-Дарьѣ, и даже въ гораздо болѣе южной Закаспійской области виноградъ переноситъ морозы только хорошо укрытый, почему лозы его здѣсь необходимо засыпать на зиму землею, что̀ обязательно дѣлаютъ и русскіе, и туземцы.

Но зато туркестанскіе виноградники имѣютъ ни съ чѣмъ несравнимое преимущество передъ виноградниками Европы и другихъ странъ: вслѣдствіе широко распространенной системы орошенія, каждый здѣшній виноградникъ можетъ быть при первой же надобности залитъ водою своего арыка, хотя бы на 40 дней. А такое продолжительное дѣйствіе воды, какъ показалъ опытъ, убиваетъ навѣрняка всякіе слѣды филоксеры. Такимъ образомъ туркестантскимъ виноградникамъ не можетъ грозить тотъ безпощадный повсемѣстный бичъ, который почти совершенно уничтожилъ виноградарство южной Франціи и Италіи, который уже заразилъ значительное количество крымскихъ виноградниковъ и угрожаетъ заразить кавказскіе, вынуждая не только владѣльцевъ виноградниковъ, но и земства, и правительства къ очень значительнымъ расходамъ на почти безплодную борьбу съ нимъ.

Это обстоятельство также должно послужить очень важнымъ

благопріятнымъ условіемъ для будущаго развитія виноделія въ Туркестанѣ.

Кстати упомяну, что здѣшніе винодѣлы въ видахъ предупрежденія филоксеры стали разводить въ послѣдніе годы столь извѣстный въ Крыму сортъ чрезвычайно душистаго и мясистаго столоваго винограда—изабеллу, и прививаютъ къ ней разные другіе сорта; опытъ показалъ, какъ увѣряютъ они, что на корняхъ изабеллы филоксера не появляется никогда.

Черно-синяя кожица изабеллы въ то же время служитъ здѣшнимъ винодѣламъ для окраски вина въ густой красный цвѣтъ, точно такъ же, какъ и кавказскій сортъ чернаго винограда «сапперави», сообщающій вину еще болѣе яркій цвѣтъ.

Нѣсколько большихъ каменныхъ корпусовъ помѣщаютъ въ себѣ винодѣліе Филатова. Тутъ и бондарня для бочекъ, и много другихъ хозяйственныхъ дополненій. Главный винодѣлъ г. Т. оказался молодымъ человѣкомъ изъ хорошо мнѣ знакомаго Магарачскаго училища винодѣлія, ученикъ извѣстнаго всему Крыму старика Сербуленки.

Онъ очень любезно вызвался показать и объяснить намъ всѣ подробности своего заведенія. Огромные подвалы идутъ двумя сводистыми ярусами другъ надъ другомъ. Исполинскія дубовыя бочки въ 300 и 400 ведеръ каждая, тщательно закованныя въ массивные желѣзные обручи, покоятся правильными рядами на своихъ подставкахъ, какъ осадныя пушки на лафетахъ. Бочки эти получаются изъ Казани, гдѣ онѣ готовятся на заказъ. Желѣзные жомы разныхъ конструкцій, большею частью выписанные изъ Франціи, машины для выборки вѣточекъ изъ мязги, машины для отдѣленія сока отъ кожицы, спиртометры и вѣсы всякаго рода,—цѣлый вообще арсеналъ собранъ въ особомъ машинномъ отдѣленіи. Заведеніе приготовляетъ въ настоящее время до 20.000 ведеръ вина, въ 1890 году оно приготовляло 16.000, а въ 1881 году, при началѣ своего существованія, только 1.200 ведеръ.

По словамъ винодѣла, съ одной десятины виноградника получается 1.200—1.500 пудовъ винограда, а изъ каждаго пуда добывается 4/5 ведра вина. Это результатъ очень удовлетворительный, если принять въ соображеніе, что, въ приложеніи ко Всеподданнѣйшему отчету военнаго губернатора Сыръ-Дарьинской области за 1889 годъ, урожай съ одной десятины виноградника за нѣсколько лѣтъ выведенъ въ 1.350 пудовъ для лучшихъ виноградниковъ, 500 пудовъ для среднихъ и 450 пудовъ для худшихъ, что даетъ въ среднемъ выводѣ около 800 пудовъ съ десятины.

Цѣнность вина очень измѣнчива, и опредѣлить ее трудно. Въ упомянутыхъ сейчасъ интересныхъ данныхъ Всеподданнѣйшаго отчета, собранныхъ генераломъ Гродековымъ, цѣны винъ Иванова опредѣлены въ 8—20 руб. за ведро, и отъ 40 к. до 1 рубля за бутылку; цѣны винъ Первушина въ 6—12 руб. за ведро и отъ 30—60 к. за бутылку; у маленькихъ же, такъ сказать, кустарныхъ производителей, изъ числа туземцевъ, не имѣющихъ фирмы и не соблюдающихъ никакихъ сортовъ, кромѣ различія бѣлаго вина отъ краснаго, цѣны на вино вдвое меньше, приблизительно 3 рубля за ведро и 20—30 коп. за бутылку.

Филатовскія вина продаются приблизительно по тѣмъ же цѣнамъ, какъ Иванова. Но, кажется, они обгонятъ ихъ качествомъ. Въ конторѣ главнаго винодѣла, гдѣ мы отдыхали отъ довольно продолжительнаго осмотра, виситъ на стѣнахъ множество дипломовъ на золотыя и серебряныя медали Филатову, полученныя имъ за свои вина съ разныхъ выставокъ русскихъ и французскихъ. Кромѣ того, намъ показывали недавно полученную изъ Петербурга телеграмму министерства Императорскаго Двора, въ которой выражалась Филатову похвала за отличное качество его винъ, поднесенныхъ Его Величеству генераломъ Розенбахомъ, бывшимъ генералъ-губернаторомъ Туркестана.

Мы съ женою тоже могли оцѣнить замѣчательное достоинство этихъ винъ, смакуя янтарную душистую влагу ихъ послѣ утомительнаго осмотра погребовъ. Нужно думать, конечно, что

намъ предложили на пробу лучшіе сорта, которые не всегда могутъ попасть въ продажу, но тѣмъ не менѣе, для меня не сомнѣнно, что самаркандскія вина Филатова способны уже выдержать соперничество съ любыми кавказскими и крымскими.

VIII.

Геройская цитадель.

Отъ русскаго винодѣлія самый естественный переходъ къ русскому городу. Я уже имѣлъ случай, описывая нашу поѣздку въ Ташкентъ, набросать общую картину русскаго Самаркандскаго поселка. Даже и послѣ всего видѣннаго нами въ Ташкентѣ и Маргеланѣ, чудныя зеленыя аллеи Самарканда производятъ самое радостное впечатлѣніе. Столько воздуха, свѣжести, влажности, столько весны и жизни въ этихъ такъ называемыхъ «городскихъ улицахъ», журчащихъ ручьями и гораздо болѣе напоминающихъ своими полчищами деревьевъ-великановъ, безконечными перспективами своихъ аллей какой-нибудь громадный паркъ для прогулокъ, чѣмъ прозаическое мѣстопребываніе русской военной и гражданской администраціи. Кромѣ тѣнистыхъ, длинныхъ и широкихъ улицъ, обсаженныхъ въ четыре ряда деревьями и окаймленныхъ съ каждой стороны быстро текущими арыками, въ Самаркандѣ есть и настоящій паркъ, съ дорожками, клумбами, цвѣтниками, скамейками, есть и помимо него хорошенькій городской садикъ.

Изъ нашихъ военныхъ правителей Туркестана нашлось, по счастью, нѣсколько разумныхъ и знающихъ людей, которые поняли всю важность для здоровья жителей,—для здоровья русскаго солдата, особенно нуждающагося въ здоровьи, — чистаго воздуха, прохлады и тѣни. Жизнь въ этихъ сухихъ азіатскихъ равнинахъ, по цѣлымъ мѣсяцамъ сряду не вѣдающихъ дождей и облачныхъ дней, сдѣлалась бы положительно невыносимою и убійственною для русскаго человѣка, привыкшаго къ туманамъ,

заморозкамъ и постояннымъ дождичкамъ родной стороны. Туземецъ отыскиваетъ себѣ прохладу, тѣнь и сырость—въ своихъ полутемныхъ глиняныхъ мазанкахъ, да въ садахъ своихъ кишлаковъ. Но русскаго солдата и чиновника невозможно было загонять въ душныя и вонючія берлоги сарта, а показалось гораздо удобнѣе обратить въ тѣнистое и прохладное обиталище весь русскій поселокъ съ его домами и улицами. И вотъ дворы и улицы этого поселка превращены въ сады, эти каменныя мостовыя орошены какъ луга веселыми струями арыковъ.

Черезъ это, небольшое русское населеніе Самарканда захватило подъ свои жилища очень большія пространства. Нужно было дать просторъ всему, и двору, и площади, и парку, и мостовой, и арыку, и аллеямъ-тротуарамъ.

Улицы русскаго Самарканда разлинеены параллельными и пересѣкающимися прямыми линіями правильно, какъ геометрическій чертежъ, и довольно многочисленны. Православная церковь его небольшая, но красивая, въ русскомъ стилѣ, съ хорошею живописью строгаго характера, съ рѣзнымъ иконостасомъ изъ темнаго орѣха. Напротивъ нея большой домъ военнаго собранія, одинъ изъ лучшихъ въ городѣ. Тутъ же близко и такъ называемое общественное собраніе, гдѣ собираются уже не военные, а «вольные» по общепринятому здѣсь потѣшному термину для обозначенія всѣхъ штатскихъ вообще, служащихъ и не служащихъ. Домъ военнаго губернатора съ очень эффектнымъ подъѣздомъ, хотя и въ одинъ этажъ ради прохлады и безопасности отъ землетрясеній, занимаетъ своимъ превосходнымъ фруктовымъ садомъ, паркомъ и разными хозяйственными учрежденіями цѣлый обширный кварталъ, кругомъ обнесенный каменною стѣною.

Самаркандъ, какъ я уже говорилъ, болѣе всего обязанъ своими насажденіями первому генералъ-губернатору своему Кауфману и извѣстному туркестанскому садоводу, генералу Королькову, который былъ здѣсь, если не ошибаюсь, помощникомъ военнаго губернатора раньше, чѣмъ его назначили военнымъ

губернаторомъ Ферганской области. Впрочемъ, много потрудился надъ этимъ добрымъ дѣломъ и первый военный губернаторъ Самарканда, генералъ Абрамовъ.

Особенную пользу въ этомъ отношеніи принесли цѣлому краю казенные питомники деревьевъ, учрежденные при Кауфманѣ въ Самаркандѣ и Маргеланѣ. Здѣсь они велись подъ главнымъ наблюденіемъ Королькова и Невѣсскаго, знатоковъ и любителей садоводства. Питомники эти выписывали и приручали къ мѣстному климату всякія породы полезныхъ деревьевъ, продавали по самой дешевой цѣнѣ и даже разсылали даромъ, чтобы пріохотить туземцевъ. молодые саженцы и сѣмена. Оттого-то въ улицахъ и паркахъ Самарканда, кромѣ давно распространеннаго въ Туркестанѣ гигантскаго пирамидальнаго тополя, можно найти теперь во множествѣ клены, айлантъ, гледичію, катальпу (бигнонію), бѣлую акацію и проч. Трудами нашихъ военныхъ садоводовъ-акклиматизаторовъ въ садовое хозяйство Средней Азіи введены также многія плодовыя деревья, дающія болѣе нѣжные и болѣе дорогіе плоды. Туркестанъ вообще, въ особенности же долина Заравшана съ Самаркандомъ, издревле была страною садоводства и плодоводства. Но въ грубыхъ рукахъ сарта и таджика плоды, обильно растущіе въ его садахъ и даже дико въ лѣсахъ, не достигали той сочности, душистости и тонкости вкуса, которыхъ требуетъ отъ фруктовъ избалованный европеецъ. Фисташка, урюкъ (абрикосъ), персикъ, маленькія довольно жесткія яблоки и груши, да дешевая ягода тута и джигды (eleagnus hortensis)—вотъ обычныя произведенія туземныхъ садовъ. Урюкъ имѣетъ особенно важное значеніе въ хозяйственной жизни сарта. Онъ питается имъ почти круглый годъ, такъ же, какъ дынями и арбузами своими, пожевывая сухую, вяленую или свѣжую ягоду, смотря по времени года, съ лепешкою на бараньемъ салѣ. Въ настоящее время въ садахъ Заравшанской долины можно найти и гранатникъ, и фигу, и самые нѣжные сорта персиковъ, грушъ и яблокъ. Только апельсинъ и лимонъ не могутъ выносить рѣзкихъ перемѣнъ здѣш-

няго климата, точно такъ же, какъ не выносятъ его жаровъ и сухости ягоды нашего русскаго сѣвера — клюква, морошка, брусника.

Русскій городъ раздѣляетъ отъ туземнаго — Самаркандская цитадель, по мѣстному «аркъ». Это самая естественная и самая откровенная спайка между завоевателями и завоеванными. Что̀ тамъ ни говори, какими розовыми взглядами ни утѣшай себя, а все-таки необходимо быть готовымъ на всякій случай и ожидать всего того, чего можно ожидать. Какъ ни смирны сарты, какъ ни поглощены они теперь своею торговлею, ремеслами и полевымъ хозяйствомъ, не можетъ быть однако никакого сомнѣнія, что при первыхъ серьезныхъ неудачахъ русскаго оружія въ Азіи, въ случаѣ возможнаго столкновенія съ какою-нибудь враждебною державою,—мусульманскій фанатизмъ и ненависть побѣжденнаго къ побѣдителю возьмутъ свое. Народъ этотъ еще слишкомъ недавно скрещивалъ оружіе съ теперешнимъ своимъ владыкою, еще слишкомъ мало отвыкъ отъ постоянныхъ междуусобицъ и войнъ съ сосѣдями, однимъ словомъ, еще слишкомъ азіатецъ, чтобы упустить благопріятный случай взяться за ножи и перерѣзать горла поработившимъ его врагамъ. Поэтому ничего не можетъ быть такъ кстати въ этихъ обстоятельствахъ, какъ внушительный буферъ между двумя враждебными народностями въ видѣ пушекъ, направленныхъ жерлами туда, откуда можетъ послѣдовать какой-нибудь непріятный сюрпризъ.

Конечно, можетъ быть, время смиритъ страсти, смягчитъ отношенія, создастъ мало-по-малу какія-нибудь внутреннія связи даже между сартомъ и русскимъ. И дай Богъ, конечно, чтобы это было скорѣе. Но что такого конца придется ждать очень долго и уже, конечно, не одно столѣтіе, въ этомъ нельзя сомнѣваться. Примѣръ кавказскихъ горцевъ, примѣръ Польши, достаточно убѣдительны въ этомъ отношеніи. Пока же нѣтъ ни малѣйшаго намека на сліяніе, ни малѣйшей надежды на искренность мира и дружбы,—наивно было бы предаваться сантимен-

тальнымъ иллюзіямъ, губить дѣло излишнею довѣрчивостью и вводить въ опасный соблазнъ безъ того легко увлекающійся восточный людъ. Гораздо честнѣе и умнѣе вести дѣло на чистоту и передъ лицомъ несомнѣннаго врага опираться, не таясь отъ него, на штыкъ, а не на тросточку.

Крѣпость имѣетъ внушительный видъ. Въ ней гласисы и парапеты для пушекъ, стѣны и рвы, въ которые проведенъ довольно глубокій арыкъ. Поднимается она надъ городомъ тремя уступами на вершину небольшого холма. Внутри еще сохранилось нѣсколько старинныхъ мечетей и гробницъ, но главный ея интересъ для путешественника—это остатки Тимурова дворца и лежащій въ немъ знаменитый «зеленый камень»—*Кокъ-Ташъ*, на которомъ возсѣдалъ великій монгольскій Амиръ, творя судъ и расправу надъ своими подданными и принимая пословъ со всѣхъ концовъ свѣта.

Дворецъ Тимура обращенъ въ артиллерійскій складъ и держится на замкѣ, подъ карауломъ часового со штыкомъ.

Дворъ, окруженный съ 3-хъ сторонъ очень простою галлереею на деревянныхъ точеныхъ столбикахъ, составлялъ когда-то пріемную залу владыки Азіи. Посрединѣ его нѣчто въ родѣ жертвенника—осьмиугольный камень аршина полтора вышины, выдолбленный сверху на подобіе ступы или небольшой цистерны для воды, чѣмъ онъ, повидимому, и былъ.

Знаменитый «Кокъ-Ташъ» помѣщается какъ разъ противъ входа въ галлерею. Это довольно большой камень 4 или 5 аршинъ длины и аршина 2 ширины сѣраго, а вовсе не зеленаго цвѣта, похожій на мраморъ. Сверху онъ гладко отполированъ, а по бокамъ украшенъ разными арабесками. Лежитъ онъ не прямо на полу, а на кирпичномъ фундаментѣ своего рода, такъ что всего высоты въ этомъ оригинальномъ тронѣ повелителя Азіи будетъ около аршина. При взятіи русскими Самарканда у трона этого еще была цѣла спинка, сдѣланная изъ очень твердаго цемента, которая потомъ обсыпалась. По распоряженію

русскихъ властей, историческій камень окруженъ теперь чугунною рѣшеткою.

Повидимому, онъ былъ прежде подножіемъ трона монгольскихъ хановъ. По разсказамъ султана Бабера, послѣдняго потомка Тимура, — Тимуръ выстроилъ въ самаркандскомъ «аркѣ» своемъ прекрасный четырехъ-этажный дворецъ, который назывался «кокъ-сарай», т.-е. «зеленый или синій домъ». Очень можетъ быть, что онъ былъ окрашенъ въ зеленую или синюю краску или былъ украшенъ голубыми куполами.

. Баберъ прибавляетъ, что всѣ ханы тимуровой династіи были возводимы на престолъ обязательно въ кокъ-сараѣ, и здѣсь же всегда лишались жизни тѣ, которые покушались незаконно захватить въ свои руки тронъ Тимура. Оттого-то, по словамъ Бабера, выраженіе «осудить на кокъ-сарай» стали употреблять въ смыслѣ казнить смертью. Всего вѣроятнѣе, Кокъ-Ташъ, бывшій основаніемъ трона Тимура во дворцѣ его, кокъ-сараѣ, получилъ свое имя не отъ зеленаго цвѣта, котораго онъ не имѣетъ, а отъ дворца, въ которомъ онъ лежалъ.

Очень можетъ быть также, что на немъ именно, у подножія престола, рубились и гоовы злополучнымъ претендентамъ на тронъ эмира.

Старое туземное преданіе приписывало Кокъ-Ташу таинственное происхожденіе: онъ будто бы упалъ прямо съ неба, и, вслѣдствіе этого, ни одинъ незаконный ханъ, не принадлежавшій къ роду Тимура, не въ силахъ взойти на него. Въ 1722 году даже вспыхнуло серьезное возстаніе противъ Абдулъ-Феизъ-хана за то, что будто бы онъ не возсѣлъ на Кокъ-Ташъ при вступленіи своемъ на престолъ; вмѣсто него возвели тогда Редженъ-хана, заставивъ его продѣлать традиціонный обрядъ возсѣданія на Кокъ-Ташѣ.

Сзади Кокъ-Таша, въ стѣнѣ галлереи, устроена ниша на подобіе киблы мечети, украшенная алебастровыми арабесками. Около нея въ стѣнѣ вдѣлано что-то вродѣ чугуннаго полушарія, вѣроятно, перенесеннаго сюда съ могилы досточтимаго

мусульманскаго святого, какъ можно судить по начертанной тутъ же арабской надписи: «это гробница Шейха Родовери Ишакъ-ель-Хиви. Да проститъ небо грѣхи ему и родителямъ его и всѣмъ усопшимъ мусульманамъ».

На обширномъ пустырѣ между крѣпостью и зелеными аллеями русскаго города—могилы русскихъ воиновъ, павшихъ при славной защитѣ цитадели въ 1868 году.

Каменный памятникъ съ крестомъ, но безъ надписей, возвышается надъ прахомъ храбрецовъ. Только на отдѣльной гробницѣ полковника Соковнина и убитаго вмѣстѣ съ нимъ штабсъ-капитана, фамилію котораго я теперь забылъ,—вырѣзана надпись.

Нельзя не вспомнить и не разсказать объ этомъ славномъ дѣлѣ, которое достойно стать наряду съ геройскою защитою Баязета и другими незабвенными подвигами русскаго воинства.

Это было въ 1868 году. Бухарскій эмиръ, раздраженный своими постоянными неудачами и потерявшій уже сѣверную часть своихъ владѣній, съ Джизакомъ, Яны-Курганомъ и другими городами, рѣшился собрать послѣднія свои силы, чтобы нанести русскимъ рѣшительный ударъ, но, по азіатскому обычаю, продолжалъ лукавить съ генераломъ Кауфманомъ, главнымъ начальникомъ тогдашнихъ русскихъ владѣній въ Туркестанѣ, и тянуть переговоры о мирѣ, чтобы усыпить бдительность русскаго военачальника. Но генералъ Кауфманъ зорко слѣдилъ за приготовленіями бухарцевъ и, чтобы предупредить ихъ нападеніе раньше, чѣмъ они успѣютъ соединиться съ кокандцами и другими среднеазіатскими ханствами, рѣшился самъ двинуться на Самаркандъ.

Весь отрядъ Кауфмана состоялъ изъ 3,500 человѣкъ пѣхоты, конницы и артиллеріи. У эмира же было въ это время 16,500 человѣкъ постояннаго войска съ 150 пушками и, кромѣ того, собрано было болѣе 100.000 наѣздниковъ, вооруженныхъ саблями, ружьями и пистолетами.

На горѣ Чупанъ-Ата, за разливами Заравшана, черезъ ко-

торые мы только-что переправились, всего въ 8-ми верстахъ отъ Самарканда, сдѣлана была бухарцами первая серьезная попытка остановить русское войско. 40 орудій и тысяча стрѣлковъ обстрѣливали съ высотъ Чупанъ-Аты надвигавшійся отрядъ нашъ.

Положеніе нашихъ воиновъ, утомленныхъ безостановочнымъ тридцативерстнымъ походомъ по лѣтней жарѣ, было самое опасное. Пушки вязли въ безчисленныхъ разливахъ рѣки, которую бухарцы нарочно запруживали, гдѣ только могли, лошади обрывались въ канавы и ямы, люди должны были переходить рѣку прямо подъ выстрѣлами непріятелей по плечо въ водѣ. Но, несмотря на все, солдатики наши молодецки переправились черезъ бушующій Заравшанъ и съ дружнымъ «ура!» ударили на врага. Бухарцы, считавшіе свою позицію совершенно неприступной, до того были поражены этимъ смѣлымъ натискомъ русскихъ, что побросали орудія, ружья, даже платья свои, и обратились въ поспѣшное бѣгство.

Испуганные торгаши Самарканда, въ ужасѣ передъ русскою силою, одолѣвшею, какъ имъ казалось, непобѣдимыя препятствія, измѣннически заперли ворота передъ бѣжавшими войсками эмира и не пустили ихъ къ себѣ въ городъ, а сейчасъ же послали къ генералу Кауфману депутацію изъ почетныхъ жителей съ предложеніемъ принять городъ Самаркандъ подъ власть Бѣлаго Царя.

2-го мая русскій отрядъ, торжественно встрѣченный жителями, съ музыкой и пѣснями вступилъ въ древнюю столицу Тимура.

Вѣсть о взятіи русскими священнаго для мусульманъ города привела въ ярость всѣ окрестные народы. Въ самыхъ отдаленныхъ городахъ и селеніяхъ Бухарскаго ханства народъ собирался толпами и вооружался, собираясь идти на выручку своего священнаго города и на истребленіе невѣрныхъ урусовъ. Жители Шехри-Зяба, самые храбрые изъ племенъ Бухарскаго ханства, получили было приказаніе отъ эмира уничтожить до тла

вѣроломный городъ; но потомъ эмиръ раздумалъ и сталъ подсылать къ самаркандцамъ тайныхъ агентовъ своихъ, подбивая жителей единодушно возстать противъ русскихъ и обѣщая имъ прощеніе за измѣну.

Въ то же время эмиръ дѣятельно устраивалъ свою армію и готовился къ новой рѣшительной битвѣ. Генералъ Кауфманъ понималъ, что только быстрый и окончательный разгромъ врага—водворитъ миръ въ странѣ и обезпечитъ за русскими ихъ завоеваніе. Онъ рѣшился самъ двинуться на встрѣчу эмиру и почти со всѣмъ своимъ войскомъ направился въ Катты-Курганъ. Эмиръ ждалъ его верстахъ въ 12-ти отъ Катты-Кургана на крѣпкой позиціи Зера-Булакскихъ высотъ во главѣ 50.000 войска. Въ соединенныхъ же отрядахъ генерала Головачева и генерала Кауфмана насчитывалось всего 2.020 человѣкъ съ 14 орудіями и 6-ю ракетными станками, изъ которыхъ нѣкоторую часть нужно было оставить гарнизономъ въ цитадели Катты-Кургана. Въ 4 часа утра 2-го іюня наши храбрецы бросились въ атаку на Зера-Булакскія высоты, а къ срединѣ дня бухарское войско бѣжало въ страшномъ безпорядкѣ, покинувъ тысячи тѣлъ и всѣ орудія свои, погибая во множествѣ среди безводной степи отъ утомленія, жажды и голода.

Полковникъ Абрамовъ и Пистолькорсъ были во главѣ геройскихъ колоннъ, уничтожившихъ бухарскую силу.

У эмира осталось всего 200 человѣкъ конвоя, съ которыми онъ едва спасся, трепеща за свою судьбу.

Между тѣмъ въ Самаркандѣ происходили скверные дѣла. Послѣ ухода отряда въ Катты-Курганъ, въ гарнизонѣ его оставалось всего на всего 772 человѣка разныхъ оружій. Кромѣ того въ лазаретахъ лежало 450 человѣкъ больныхъ; климатъ Самарканда оказался на первое время очень вреднымъ для русскихъ, такъ что въ день иногда заболѣвало въ отрядѣ человѣкъ по 50-ти.

Шехри-зябцы уже давно собирались напасть на Самаркандъ,

и только страхъ передъ русскими войсками сдерживалъ ихъ. Когда же стало извѣстно, что всѣ почти русскія войска ушли изъ города, и что эмиръ двигается на нихъ съ большими силами, вся окрестная страна одушевленно поднялась на освобожденіе священнаго города. Жители Самарканда, не сомнѣваясь больше, что эмиръ ихъ въ конецъ уничтожитъ русскихъ, всѣ отъ мала до велика присоединились къ нападающимъ.

Маленькій русскій гарнизонъ заперся въ старой бухарской цитадели, которую еще не успѣли приспособить къ надежной защитѣ. Глиняныя стѣны ея во многихъ мѣстахъ обвалились, парапетовъ для пушекъ почти не было, не было и бойницъ для ружейнаго боя; и хотя съ одной стороны подходы къ крѣпости защищались глубокимъ арыкомъ, а съ другой рвомъ и оврагомъ, но за то съ двухъ остальныхъ сторонъ дома сартовъ какіе вплотную примыкали къ стѣнѣ, какіе окружали крѣпость въ самомъ ближайшемъ сосѣдствѣ, препятствуя дѣйствію артиллеріи и представляя собою почти безопасное прикрытіе для нападающихъ.

Убѣдившись въ измѣнѣ жителей и видя приближеніе къ городу многочисленныхъ полчищъ шехри-зябцевъ, начальникъ гарнизона полковникъ Штемпель цѣлую ночь исправлялъ стѣны, насыпалъ парапеты, продѣлывалъ въ стѣнѣ отверстія для ружей. Утромъ 2-го іюня, въ тотъ самый день, какъ происходилъ погромъ эмира на Зера-Булакскихъ высотахъ, разъяренные мусульмане съ дикими криками, съ барабаннымъ боемъ и ревомъ трубъ, ободряя другъ друга, кинулись со всѣхъ сторонъ на приступъ цитадели, увѣренные, что первымъ же дружнымъ натискомъ своей 50-ти тысячной вооруженной толпы они задавятъ крошечную горсточку его защитниковъ. На плоскія крыши домовъ, на террасы мечетей, даже на балконы минаретовъ втащили орудія и поставили стрѣлковъ, осыпавшихъ градомъ пуль появлявшихся на стѣнѣ малочисленныхъ русскихъ воиновъ. Вездѣ, на всемъ почти трехъ-верстномъ протяженіи крѣпостныхъ стѣнъ, ничтожному гарнизону нужно было отражать въ

одно и то же время отчаянно влѣзавшихъ на стѣны, безстрашно ломившихся въ ворота фанатическихъ враговъ.

Не разъ бѣлыя чалмы и пестрые значки торжествующихъ азіатовъ съ побѣдными криками появлялись на гребняхъ стѣнъ; но неодолимое мужество геройскихъ защитниковъ всякій разъ опрокидывало ихъ назадъ. Около двухъ деревянныхъ воротъ Бухарскихъ и Самаркандскихъ свалка шла съ особеннымъ остервенѣніемъ. Сартамъ во что бы то ни стало хотѣлось прорваться сквозь нихъ, и они, не жалѣя жизни, съ крикомъ и гамомъ напирали на ворота. Бросили наконецъ подъ нихъ мѣшки съ порохомъ, и обое воротъ запылали. Сквозь образовавшіяся отверстія храбрѣйшіе изъ азіатовъ съ неистовыми криками уръ уръ! (бей ихъ) уже проникли было въ крѣпость, но штыки и жестокій ружейный огонь положили ихъ всѣхъ на мѣстѣ.

Подъ убійственнымъ огнемъ непріятеля, среди непотухавшаго пожара, сдѣлали наскоро передъ сожженными воротами валъ изъ мѣшковъ съ землею, привезли орудіе и подъ прикрытіемъ этого импровизированнаго бруствера встрѣтили мѣткими залпами картечи врывавшихся въ открытую пасть воротъ азіатовъ.

Но народа нигдѣ не хватало. Солдаты выбивались изъ силъ. Тогда на выручку товарищей явился лежавшій больнымъ въ лазаретѣ подполковникъ Назаровъ и съ нимъ всѣ больные, которые только могли двигаться.

Назаровъ нечувствительно очутился во главѣ защитниковъ. Онъ одушевлялъ всѣхъ своею беззавѣтною рѣшимостью, быстротой и находчивостью своихъ распоряженій. Онъ неутомимо бросался отъ одного опаснаго мѣста къ другому и встрѣчалъ врага вездѣ, гдѣ только колебались силы защитниковъ. Между тѣмъ огромныя толпы сартовъ, вооруженныхъ чекменями, укрывшись стѣною отъ выстрѣловъ, съ упорною энергіею спѣшили разрушить глиняное основаніе стѣны. Другія толпы взлѣзали на стѣны по крышамъ домовъ, къ нимъ примыкавшихъ. Дружный залпъ ружей очистилъ стѣны. Но битва продолжалась до глубокой ночи на всѣхъ пунктахъ.

На второй день приступъ возобновился еще съ бо́льшимъ отчаяніемъ. Сартамъ удалось-таки проломать въ нѣсколькихъ мѣстахъ крѣпостную стѣну, и они ворвались сквозь ея проломъ внутрь цитадели, завалы изъ мѣшковъ тоже были раскиданы, и остервенѣлые мусульмане уже бросились тащить къ себѣ орудіе.

— «Братцы! Орудіе берутъ!» раздается отчаянный крикъ.

Художникъ Верещагинъ, безъ шапки, съ развѣвающимися волосами, выскакиваетъ изъ рядовъ.

— «Сюда, ребята! Кто со мной!» взываетъ онъ къ своимъ.

Въ эту же минуту Назаровъ, еще въ больничныхъ туфляхъ, въ желтой шелковой рубашкѣ, съ чехломъ вмѣсто фуражки на головѣ, съ револьверомъ и шашкою бросается впередъ.

— «За мною, ребята! ура!»

Штыки ударили, и шехри-зябцы, устлавъ трупами дорогу, были мгновенно выброшены назадъ за ворота.

Положеніе гарнизона, однако, было настолько критическое, что командиръ уже отдалъ приказаніе, въ случаѣ взятія крѣпости, отступать во дворецъ эмира, защищаться тамъ до послѣдней крайности, а если непріятель все-таки одолѣетъ, взорвать себя вмѣстѣ съ нимъ на воздухъ.

Къ счастью, въ 3 часа пополудни непріятель прекратилъ приступъ. Лучшая часть его, шехри-зябцы, получивъ извѣстіе о зера-булакскомъ погромѣ эмира, ушли къ вечеру во-свояси.

Но еще огромныя массы азіатцевъ наполняли Самаркандъ, они цѣую ночь палили съ высокихъ мечетей въ работавшихъ солдатъ, старавшихся исправить проломы и завалить сожженныя ворота.

На 3-й и на 4-й день осады, замѣтивъ ослабленіе непріятеля, Назаровъ, въ сопровожденіи безстрашнаго художника Верещагина, купца Трубчанинова и другихъ храбрецовъ, сдѣлалъ съ горстью солдатъ нѣсколько вылазокъ въ городъ и сжегъ примыкавшіе къ стѣнамъ дома, въ которыхъ укрывались осаждавшіе. Въ одной изъ такихъ вылазокъ едва не погибъ нашъ

славный живописецъ, которому здоровенный сартъ совсѣмъ собрался разбить голову своимъ желѣзнымъ «батикомъ», если бы этого сарта не прикололъ во-время подоспѣвшій солдатикъ.

Осада и приступы самаркандцевъ продолжались цѣлыхъ 7 дней; несчастному гарнизону некогда было ни ѣсть, ни спать, ни отдыхать, воды для питья не доставало. Половина солдатъ была переранена, остальные утомлены до крайности. А осадѣ и битвамъ не предвидѣлось между тѣмъ конца. Въ это время персъ, посланный въ отрядъ Кауфмана, возвратился съ радостною вѣстью, что силы эмира сокрушены, и что побѣдители уже возвращаются въ Самаркандъ. Неописанный восторгъ охватилъ весь гарнизонъ, когда комендантъ громко прочелъ передъ фронтомъ письмо генерала Кауфмана. Солдаты обнимались, цѣловались, падали на колѣна и благодарили Бога за неожиданное спасеніе.

8-го іюня, въ 7-й день осады, непріятель сталъ вдругъ очищать городъ. Онъ уже видѣлъ, что подходили войска Кауфмана. Русскій отрядъ съ боемъ вошелъ въ городъ гоня передъ собою непріятеля и очищая отъ него сады и сакли, откуда встрѣтили его жестокою пальбою. Гарнизонъ сдѣлалъ вылазку навстрѣчу своимъ, и черезъ нѣсколько часовъ послѣднее сопротивленіе самаркандцевъ было подавлено.

Къ 12 часамъ дня городъ совсѣмъ былъ очищенъ отъ врага, Улицы представляли изъ себя груду развалинъ. Вездѣ валялись обгорѣлые и разлагающіеся трупы, скелеты лошадей, ядра, картечь, оружіе, изорванное платье. Смрадъ отъ горѣвшихъ человѣческихъ тѣлъ былъ невыносимый.

Крытый базаръ Самарканда, полный безчисленныхъ лавокъ съ товаромъ, Кауфманъ велѣлъ сжечь въ наказаніе измѣны и на два дня отдалъ городъ на грабежъ солдатамъ. Жителей, пойманныхъ съ оружіемъ въ рукахъ, вѣшали на обгорѣлыхъ столбахъ базара, разстрѣливали по большимъ дорогамъ...

Такъ закончился этотъ по-истинѣ гомерическій семидневный бой ничтожной кучки русскихъ героевъ съ пятидесятитысячною азіатскою ордою...

Я позволилъ себѣ разсказать о немъ съ такими подробностями, потому что читающая публика наша слишкомъ мало знакома съ событіями нашихъ далекихъ окраинъ, а такая славная страница русской исторіи не должна быть и не можетъ быть забыта русскими людьми...

IX.

Калай-Афросіабъ.

Намъ хотѣлось познакомиться съ ближайшими окрестностями Самарканда. Шамтудиновъ вызвался показать намъ самыя интересныя изъ нихъ, Даньяре и Калай-Афросіабъ.

Самаркандъ кругомъ охваченъ прахомъ своей былой исторіи, хотя, къ сожалѣнію, ученые археологи почти ничего еще не успѣли сдѣлать для разслѣдованія этой глубоко исторической почвы его. Могильные пустыри тянутся на далекое разстояніе въ ту сторону, гдѣ по преданіямъ былъ старый городъ.

Въ вѣка непрерывавшихся войнъ и разрушеній города, какъ растенія съ истощенной ими почвы, постепенно подвигались съ прежде насиженныхъ гнѣздъ въ ближайшее сосѣдство, потому что много легче было строить на новомъ мѣстѣ безхитростныя новыя жилища изъ глины и дикаго камня, чѣмъ рыться въ грудахъ развалинъ стараго пепелища.

Теперешній Самаркандъ, повидимому, возникъ не ранѣе Тимура, стало быть, съ конца 14-го столѣтія; но и изъ Тимурова города онъ занимаетъ только нѣкоторую часть. Султанъ Баберъ, великій моголъ, потомокъ и восторженный почитатель Тимура, оставилъ въ своихъ «Запискахъ» 1497 года такое подробное описаніе любимаго имъ Самарканда, въ которомъ онъ столько лѣтъ жилъ, и откуда его столько разъ изгоняли,—что нельзя сомнѣваться въ сравнительной громадности прежняго города.

Длина его наружныхъ стѣнъ была 12-ть «парасанговъ»,

т.-е. 14 часовъ пути, 12 воротъ вело въ городъ и четверо воротъ въ аркъ, или цитадель, обнесенную другими стѣнами.

Черезъ рѣку Когикъ, какъ тогда называли Заравшанъ,—перекинутъ былъ массивный мостъ «Пуль-и-Мугакъ» («глубокій мостъ»),—вѣроятно тотъ самый, котораго одинокими грандіозными арками, уцѣлѣвшими до сихъ поръ, мы любовались, въѣзжая въ Самаркандъ; городъ занималъ тогда оба берега рѣки, и вокругъ холма Когика,—теперешняго Чупанъ-Ата—тянулись знаменитые своею роскошью сады Тимура и его даровитаго внука и подражателя Улугъ-Бега, подробно перечисляемые и описываемые Баберомъ: «райскій садъ», «сѣверный садъ«, «паркъ перепелокъ», «картина свѣта», «Дилькуша или отрада сердца», самый чудный изъ всѣхъ, въ которомъ стоялъ большой дворецъ, украшенный по стѣнамъ картинами индійскихъ походовъ Тамерлана,—«садъ совершенства», «садъ чинаръ»; на юго-западномъ склонѣ Чупана вблизи великолѣпной 3-хъ ярусной обсерваторіи Улугъ-Бега, полной дорогихъ астрономическихъ приборовъ, которую этотъ покровитель наукъ устроилъ для исправленія астрономическихъ таблицъ своего предшественника Ходжа-Назиръ-Аль-Тузи, и которую потомъ такъ варварски разрушилъ Шейбани-ханъ, изгнавшій изъ Самарканда династію тимуридовъ, разбитъ былъ садъ «Багъ-и-Майданъ»—«садъ равнины», и въ немъ построенъ Улугъ-Бекомъ его дивный «Шехиль-Ситунъ» «дворецъ сорока столбовъ».

Второй ярусъ дворца весь состоялъ изъ галлерей, поддержанныхъ узорчатыми колоннами и окружавшихъ со всѣхъ четырехъ сторонъ серединный павильонъ; а по угламъ этого великолѣпнаго зданія поднимались стройныя башни четырехъ минаретовъ.

Каждая колонна, по разсказамъ Бабера, была выточена изъ камня особымъ образомъ; однѣ изъ нихъ были сквозныя, другія витыя, и всѣ изумительной работы и вкуса. Тамъ же стоялъ чудный «фарфоровый павильонъ», за которымъ отправлено было въ Китай особое посольство. Къ садамъ этимъ примыкали

роскошные луга, которымъ восточная фантазія придавала такія же поэтическія названія, какъ и садамъ, «рудникъ розъ», «обиталище хана» и пр.

Жителей въ тогдашнемъ Самаркандѣ было не менѣе 150.000, многимъ не хватало домовъ, и они жили въ пещерахъ и кибиткахъ.

Посолъ кастильскаго короля Генриха Рюи-Гонзалесъ-ди Клавиго разсказываетъ, какъ очевидецъ, что Тимуръ выбиралъ изъ плѣнныхъ всякихъ хорошихъ мастеровъ и населялъ ими Самаркандъ. Гонцы его звали къ Тимуру народъ изъ Персіи, Хоросана, чтобы заселять земли, и болѣе 150.000 человѣкъ переселилось такъ еще при Клавиго. Городъ сдѣлался центромъ самой дѣятельной торговли, служа посредникомъ между Китаемъ и Индіей съ одной стороны, Греціей и Италіей — съ другой.

Обаяніе имени Тимура было такое, что даже въ враждебныхъ ему и далекихъ странахъ не смѣли притѣснять купцовъ, имѣвшихъ его охранныя грамоты, и товары изъ Самарканда безопасно могли проникать во всѣ тогдашнія государства.

Неудивительно, что султанъ Баберъ не находилъ достаточно громкихъ словъ, чтобы выразить богатство и красоту своей излюбленной столицы.

«Самаркандъ городъ дивной красоты», говоритъ онъ. «Одна изъ отличительныхъ особенностей его та, что каждая торговля имѣетъ свой отдѣльный базаръ, такъ что разныя торговли не смѣшиваются въ одномъ и томъ же мѣстѣ».

«Во всемъ обитаемомъ мірѣ,—выражается онъ въ другомъ мѣстѣ своихъ «записокъ»,—мало городовъ, такъ прекрасно расположенныхъ, какъ Самаркандъ».

«Отъ дней святаго пророка никакая страна не производила столько имамовъ и отличныхъ богослововъ, какъ Мавераннагаръ».

Въ это время, вѣроятно, и сложилась восточная поговорка: «Самаркандъ есть лицо земли, а Бухара—мозгъ ислама».

Впрочемъ, не одинъ Баберъ и не одни туземцы восхищались старымъ Самаркандомъ. Такое же восторженное описаніе его можно найти и у испанскаго посла Клавиго, на котораго мы уже не разъ ссылались, и у арабскихъ географовъ, и у китайскихъ путешественниковъ. Вообще долина Заравшана считалась тогда всѣми единогласно земнымъ раемъ своего рода, и изъ описаній ея видно, что въ древніе вѣка она была во всякомъ случаѣ не менѣе цвѣтуща и плодоносна, какъ и теперь, а жители ея считались образцомъ тогдашней среднеазіатской цивилизаціи.

Китаецъ Гіюянъ-Цангъ, посѣтившій Самаркандъ въ 630 году нашей эры, стало быть, еще до арабовъ, вотъ какъ описываетъ эту страну:

«Столица Самокина защищена природными препятствіями и обладаетъ многочисленнымъ населеніемъ. Драгоцѣннѣйшіе товары чужихъ земель собираются въ огромномъ множествѣ въ этомъ царствѣ. Почва жирна и плодородна, даетъ обильныя жатвы. Лѣсныя деревья представляютъ великолѣпную растительность, цвѣты и плоды ростутъ въ изобиліи. Этотъ край производитъ множество превосходныхъ лошадей. Жители отличаются отъ другихъ народовъ большою ловкостью въ искусствахъ и ремеслахъ. Климатъ мягкій и умѣренный, нравы проникнуты энергіею и храбростію. Это царство занимаетъ середину варварскихъ странъ. Во всемъ, что касается до нравственнаго поведенія и правилъ приличія, сосѣди и отдаленные народы подражаютъ ему. Царь полонъ храбрости, и сосѣднія царства повинуются его приказаніямъ. У него очень много войска и многочисленная конница. Большая часть его воиновъ изъ племени Се-кіе. Се-кіе по природѣ храбры и стремительны и съ радостью идутъ на смерть. Когда они сражаются, никакой непріятель не устоитъ противъ нихъ».

Арабскіе писатели, проникшіе въ Туркестанъ уже значительно позднѣе, вторятъ почти во всемъ этому отзыву китайскаго путешественника.

Мукадези пишетъ, напримѣръ: «Согдъ — великолѣпный округъ съ главнымъ городомъ Самаркандомъ; это связанныя другъ съ другомъ деревни, окруженныя деревьями и садами, отъ Самарканда почти до Бухары. Нельзя видѣть ни одной деревни раньше, чѣмъ въѣдешь въ нее, по причинѣ деревьевъ, ее окружающихъ и въ ней растущихъ. Это—прекраснѣйшая страна на землѣ Божіей, богатая деревьями, полная рѣкъ, оглашаемая пѣніемъ птицъ».

Еще въ болѣе поэтическихъ краскахъ воспѣваетъ эту страну Истахри: «Согдъ простирается отъ границъ Бухары, вправо и влѣво вдоль долины Согдъ до границы Буттама, не прерываясь на протяженіи 8 дней пути. Она полна луговъ, садовъ, полей, вездѣ текущія воды и ключи. Зелень деревьевъ и посѣвовъ простирается по обоимъ берегамъ долины, окруженной обработанными полями. За ними опять пастбища для верблюдовъ. Вся Согдъ кажется одеждою изъ зеленаго бархата, расшитою голубыми жилами текучихъ водъ и украшенною бѣлыми городками и домиками».

Если долина Заравшана,—прежняя Согдъ,—до сихъ поръ сохраняетъ свой цвѣтущій и населенный видъ, то о ближайшихъ окрестностяхъ Самарканда, тѣхъ именно, гдѣ нѣкогда красовались сады и дворцы тимуридовъ,—уже ни въ какомъ случаѣ нельзя теперь сказать ничего подобнаго.

Впрочемъ, если вспомнить, что̀ вытерпѣлъ въ разныя времена этотъ злополучный «райскій городъ», то не придется и удивляться могильному виду его окрестностей.

Собственно арабскій Самаркандъ, гнѣздо ислама,—былъ разоренъ въ конецъ еще Чингисъ-ханомъ, этимъ геніемъ разрушителемъ всѣхъ славныхъ древнихъ городовъ средней Азіи. Онъ обратилъ въ развалины Сигнахъ, Ходжентъ, Джендъ, Бухару, Бактру, теперешній Балхъ, Мервъ, Гератъ.

Ходжентъ защищалъ воинъ-герой Тимуръ-меликъ.

«Если бы Рустемъ былъ еще живъ, онъ могъ бы быть у

него оруженосцемъ», выражались про Тимура на своемъ цвѣтистомъ языкѣ восточные историки.

Послѣ отчаянной защиты, Тимуръ покинулъ городъ и пробился на судахъ по Сыръ-Дарьѣ въ глубину степей, откуда ушелъ въ Ховарезмъ.

Чингисъ обратился тогда на Бухару и взялъ ее. Верхомъ на конѣ въѣхалъ этотъ неустрашимый язычникъ въ главную святыню мусульманъ «мечеть пятницы».

—Что это, дворецъ султана? спросилъ Чингисъ.

—Нѣтъ, это домъ бога! отвѣчали муллы.

Тогда онъ соскочилъ съ коня, взошелъ на высокую каѳедру и громко крикнулъ своимъ монголамъ:

—Сѣно скошено! кормите своихъ коней!

Это былъ сигналъ ко всеобщему грабежу и разрушенію. Все было уничтожено огнемъ и мечемъ, кораны изорваны, священные «раалы» обращены въ ясли, имамы и муллы—въ конюховъ и плясуновъ.

—Вы спрашиваете, кто я, говорящій вамъ? объявилъ пораженному ужасомъ народу грозный кочевникъ. Знайте же, что я бичъ Божій! Если бы вы не грѣшили, Богъ не послалъ бы меня сюда наказать васъ!

Болѣе 30,000 жителей Бухары были казнены, женщинъ и дѣтей безчестили на улицахъ и площадяхъ на глазахъ родителей. Самаркандъ готовился къ отчаянному отпору. Въ немъ заперлось 110.000 войска, изъ которыхъ 60.000 было турокъ и 50.000 туземцевъ-таджиковъ. При нихъ было 20 боевыхъ слоновъ. Чингисъ направилъ на этотъ знаменитый городъ всѣ свои орды, и всего черезъ 3 дня кровавaго боя городъ сдался ему. Только одна цитадель, защищаемая храбрымъ туркомъ Альпъ-ханомъ, держалась еще долго. Наконецъ и Альпъ убѣдился, что сопротивленіе безполезно; съ тысячью своихъ воиновъ онъ пробился сквозь всѣ полчища Чингиса и ушелъ въ степь. Остальное войско сдалось, надѣясь на слово монголовъ, но въ ту же ночь всѣ эти 30.000 турокъ съ своими князьями

были перерѣзаны. Крѣпость и городъ были сравнены съ землею, и такимъ образомъ исчезло «самое цвѣтущее и блестящее мѣсто на всемъ земномъ шарѣ», по выраженію арабскихъ историковъ.

Самаркандскіе знаменитые садовники, ткачи, мастера разныхъ ремеслъ были разосланы по городамъ Монголіи; всѣ цвѣтущія области Средней Азіи надолго обратились въ пустыню.

Впрочемъ, судя по китайскимъ путешественникамъ того времени, въ этихъ описаніяхъ арабскихъ историковъ, вѣроятно, было много преувеличеній, вызванныхъ естественнымъ ужасомъ и ненавистью.

По крайней мѣрѣ китаецъ Чангъ-Чюнъ, жившій въ Самаркандѣ зиму 1222 года, т.-е. всего только одинъ годъ послѣ Чингисова разгрома, разсказываетъ, что хотя изъ ста тысячъ семействъ, жившихъ прежде въ Самаркандѣ, осталась едва четвертая часть, и ежедневно происходило много разбоевъ,— но все-таки городъ не былъ разрушенъ, и сады, виноградники, огороды—продолжали обработываться попрежнему.

«Калай-Афросіабъ»—обширный каменистый холмъ въ формѣ громаднаго шатра съ обрывистыми скатами, верстахъ въ 2-хъ отъ теперешняго города. Но его соединяетъ съ нимъ непрерывная пустыня камней, могилъ и мусора.

Въ глубокой узкой балкѣ, опоясывающей подножіе Калай-Афросіаба, маленькій стоячій прудокъ, у котораго въ этотъ разваль полуденнаго зноя живописно сбилось стадо толстохвостыхъ овецъ. Тутъ же около глинянаго кувшина съ водой спалъ глубокимъ сномъ, опрокинувшись навзничь и разметавъ руки подъ невыносимымъ припекомъ солнца, молодой полуголый пастушенокъ атлетическихъ формъ. Онъ словно ждалъ художника, который бы набросалъ на полотно его могучій обнаженный торсъ и сухіе мускулы, упругіе и лоснящіеся, будто отлитые изъ темной бронзы.

Извозчикъ нашъ, однако же, на-отрѣзъ отказался подни-

маться на вершину Калай-Афросіаба по вьющейся змѣею крутой и узкой дорожкѣ, жестоко исковерканной дождями. Лошадь его и безъ того отчаянно носила животомъ и обливалась пòтомъ. Пришлось карабкаться наверхъ на своихъ на двоихъ, что показалось намъ не совсѣмъ удобнымъ въ такое пекло и среди такой известковой пыли.

Да, по правдѣ сказать, и смотрѣть-то на верху было нечего. Камни и курганы, — курганы и камни! Все это — остатки глубочайшей древности; но именно вслѣдствіе того, что древность эта уже черезъ-чуръ глубока, а въ значительной степени и оттого, что подвиги Чингиса повторялись здѣсь не разъ и ранѣе, и послѣ него,—въ Калай-Афросіабѣ не уцѣлѣло на поверхности земли ничего кромѣ кучъ мусора и могилъ.

Въ глубинѣ же его почвы хотя и происходили нѣкоторыя раскопки, но, признаюсь, мнѣ не случилось близко ознакомиться съ ними, и я не слыхалъ, чтобы они привели къ какимъ-нибудь существеннымъ находкамъ. Знаю только, что изъ этой мѣстности извлечены интересныя монеты Греко-Бактрійскаго царства, основаннаго полководцами и наслѣдниками Александра Македонскаго, и носящія на себѣ изображенія царей Деметрія, Евтидема, Антимаха и другихъ. По образцу этихъ древнихъ монетъ издавна старались чеканить свои собственныя грубыя монеты полуварварскіе ханы Средней Азіи.

— Тутъ былъ давно-давно нашъ старый городъ... годовъ тысячи двѣ, а можетъ быть, и три тому назадъ... сообщилъ намъ Шамтудиновъ. Гдѣ эти кучи—все дома были... Порыться поглубже, еще фундаменты видны... Тутъ люди много выкапываютъ изъ земли разныхъ дорогихъ вещей: бирюзу и деньги находятъ, оружіе старинное, посуду всякую, и фарфоровую, и стеклянную, похожую на ту, что изъ Китая теперь привезятъ,—изразцы тоже голубые, которыми мечети обдѣлываютъ... А я думаю, если настоящимъ образомъ за дѣло взяться, докопаться какъ можно глубже, — то и большія сокровища можно тамъ отыскать!.. добавилъ съ искреннимъ убѣжденіемъ Шамту-

диновъ. Человѣка только такого не найдется смѣлаго и съ деньгами хорошими.

— Кому жъ теперь принадлежитъ это мѣсто? спросилъ я.

— Городу! да кому оно теперь нужно? Тутъ только овцамъ побродить въ сырое время, больше ничего, а сѣять никакъ нельзя — мусоръ вездѣ, камень. Только разъ въ годъ сюда народъ собирается: въ новый годъ нашъ. Тогда весь городъ тутъ бываетъ, и даже губернаторъ, и начальники всѣ. Цѣлую недѣлю живутъ, хотя бываетъ и дождь, и снѣгъ. Палатки разбиваютъ, кибитки ставятъ, а кто и домикъ себѣ маленькій сложитъ изъ камней, печи вездѣ подѣлаютъ, пекутъ, варятъ, скачки большія устраиваются, музыка играетъ, всякое веселье.

— А когда у васъ бываетъ новый годъ?

— Да вѣдь у насъ не равно. У насъ всѣ праздники передвижные, не такъ, какъ у васъ. Нынѣшній годъ въ одно число а на слѣдующій годъ десятью днями раньше. А еще черезъ годъ, опять на 10 дней раньше. И все такъ.

Это ежегодное переселеніе цѣлаго города на цѣлыхъ семь дней въ такой знаменитый день, какъ новый годъ, и въ такую безотрадную пустыню, какъ Калай-Афросіабъ, гдѣ не увидишь ни одного деревца, ни одного кустика, — убѣдительнѣе всего подтверждаетъ, что на этомъ мѣстѣ дѣйствительно долженъ былъ стоять нѣкогда древній Самаркандъ, память котораго осталась священною въ преданіяхъ народа, не смотря на рядъ протекшихъ вѣковъ.

— Отчего вы называете это мѣсто Калай-Афросіабъ? спросилъ я Шамтудинова.

— А тутъ крѣпость его была, царя Афросіаба. Это былъ очень великій царь, всѣ народы побѣдилъ. Онъ и построилъ нашъ Самаркандъ, давно, давно, никто и сказать не можетъ когда.

Мы подошли въ это время къ краю высокаго отвѣснаго обрыва. Въ глубинѣ его, подъ нашими ногами, бурлила не особенно широкая, но быстрая рѣка, катившая свои глинистыя

волны къ руслу Заравшана. За нею уже зеленѣли вдали плодоносные берега Заравшанской долины, сады и дувалы, виднѣлись голые холмы самаркандскихъ кладбищъ, съ характерными купольчиками Шахъ-Зинде, высились въ знойномъ туманѣ голубые колоссы Биби-Ханымъ.

— Какая эта рѣка, Шамтудиновъ? спросилъ я.

— Это рѣка Сіоба. Надъ нею стояла крѣпость царя Афросіаба. Народъ нашъ говоритъ, будто царь Афросіабъ былъ страшный великанъ; онъ садился обыкновенно на этомъ самомъ обрывѣ, гдѣ мы теперь стоимъ, а ноги спускалъ въ Сіобу рѣку Вотъ онъ какой былъ огромный!

Меня невольно поразило это созвучіе рѣки Сіобы и царя Афросіаба. Кто знаетъ, не связаны ли были чѣмъ между собою рѣка и легендарный царь, и не дала ли еще рѣка самое имя легендарному царю?

Царь Афросіабъ въ Средней Азіи и въ Персіи — это нѣчто въ родѣ нашего царя Гороха, — герой сказочнаго времени и сказочныхъ свойствъ. Ему приписываютъ не только основаніе Самарканда, но и основаніе Бухары. Его побѣдами и завоеваніями одинаково полны легенды персовъ, турокъ и всей Средней Азіи. Онъ былъ самымъ могущественнымъ и главнымъ царемъ туранцевъ въ ихъ непрерывной борьбѣ съ иранцами. Персидская поэма «Шахъ-Наме» описываетъ Афросіаба (Франгресіанъ) совершенно такими чертами, какъ будто это былъ хаканъ какого-нибудь позднѣйшаго турецкаго племени. По одному персидскому сказанію, владѣнія Афросіаба простирались на югъ до границы теперешняго Хоросана. И замѣчательно, что при описаніи этой границы народное сказаніе упоминаетъ мѣстности, которыя до сихъ поръ носятъ тѣ же имена и въ настоящее время составляютъ пограничные съ Персіею города русскихъ владѣній, какъ, напр., Сераксъ и Асхабадъ.

Сказаніе повѣствуетъ именно, что иранскій царь Манопиръ заключилъ съ Афросіабомъ договоръ, по которому граница между

ихъ царствами должна была пройти тамъ, куда упадетъ пущенная Афросіабомъ стрѣла. Стрѣла эта достигла Маздорана («Большихъ Воротъ»), мѣста между Тусомъ и Сераксомъ. Другое названіе этой цѣпи горъ—Асхабадъ, прибавляетъ сказаніе.

Теперешняя рѣка Теджентъ, или Герирудъ, отдѣляющая Персію отъ нашей Закаспійской области и называвшаяся въ древности рѣкою Охъ, отдѣляла древній Иранъ отъ кочевій туранцевъ, такъ что мы, русскіе, являемся наслѣдниками этихъ туранцевъ и ихъ полумиѳическаго царя-завоевателя Афросіаба. Изъ древней персидской «книги царей» видно однако, что туранцы эти, — какими исчадіями злого духа ни считались они культурнымъ иранцемъ тѣхъ далекихъ вѣковъ, — въ сущности имѣли и языкъ, и обычаи, и даже внѣшность, очень близко напоминавшіе самихъ иранцевъ.

Кромѣ того, туранцы эти, съ которыми боролась все время древняя династія иранскихъ царей «Кавія», наслѣдовавшая свои права отъ первоначальной династіи — «Парадата», — считали своихъ вождей такими же потомками Парадаты и вели съ Кавіями родовую кровавую месть.

Только туранцы были тогда кочевники и разбойники, а иранцы—осѣдлые земледѣльцы, купцы и ремесленники, жестоко страдавшіе отъ постоянныхъ набѣговъ своихъ враждебныхъ сосѣдей, родичей ихъ по крови. А, главное, тутъ замѣшалась упорная религіозная вражда. Туранцы были носители буддизма, проникшаго къ нимъ изъ Китая и Тибета, а иранцы — огнепоклонники, фанатическіе послѣдователи своего пророка Заратустры, или Зердушты, болѣе извѣстнаго намъ подъ именемъ Зороастра.

Многіе историческіе факты заставили ученыхъ предположить, что туранцы были не кто иные, какъ тѣ самые саки, которыхъ мѣстопребываніе въ разныхъ мѣстностяхъ Средней Азіи въ теченіе долгихъ вѣковъ свидѣтельствуется многими древними писателями. Эти саки вмѣстѣ съ массагетами бились съ легіонами Александра Македонскаго на берегахъ Сыръ-Дарьи, эти саки

упоминаются при исчисленіи сатрапій Персидскаго царства на разобранной оріенталистами большой надписи Дарія Гистаспа въ Багистанѣ, и даже гораздо ранѣе, въ полулегендарные вѣка Нина, Семирамиды,—сѣверною границею Ассирійскаго царства, въ составъ котораго входила Бактрія и Арахозія, считалась, по Ктезію, «земля согдовъ и саковъ».

Въ позднѣйшее время, во время Греко-Бактрійскаго царства, саки упоминаются какъ могучее и храброе племя, жившее у истоковъ Оксуса, на горныхъ возвышенностяхъ Памира и въ сосѣднихъ съ нимъ областяхъ, вблизи отъ сѣверныхъ границъ Индіи.

А между тѣмъ, нашъ извѣстный оріенталистъ профессоръ Григорьевъ предполагаетъ съ достаточною правдоподобностью, что саки были, въ свою очередь, наши предки славяне, впослѣдствіи передвинувшіеся изъ своей первобытной среднеазіатской родины въ равнины Европейской Россіи.

Средняя Азія недаромъ называлась у классическихъ писателей «officina gentium», такъ сказать, «лабораторіей народовъ». Воспоминаніе о томъ, что изъ нея, какъ изъ первобытной колыбели своей, разошлись по Европѣ, по южной и западной Азіи, — всѣ такъ называемыя арійскія, или индо-европейскія племена, — было долго живо въ преданіяхъ и поэзіи древнихъ народовъ.

Славяне и германцы, греки и римляне, также какъ персы и индусы,—всѣ, повидимому, были когда-то, на зарѣ вѣковъ, обитателями суровыхъ горныхъ мѣстностей, изъ которыхъ одна до сихъ поръ именуется «крышею міра», и которыя въ древнѣйшихъ преданіяхъ иранцевъ извѣстны были подъ общимъ именемъ Айріана-Веджа.

Древнѣйшій памятникъ духовной жизни иранцевъ — Зендавеста, въ той главѣ своей, гдѣ Агурамазда (т.-е. Ормуздъ) исчисляетъ свои созданія рядомъ съ «созданіями» врага своего Анграмаинуи (т.-е. злого духа, Аримана), первобытною землею человѣчества называетъ ту Арійскую землю, гдѣ десять мѣся-

цевъ царствуетъ зима, и только два мѣсяца лѣто; Гаву, «жилище Сугда», онъ приводитъ уже какъ «второе созданіе добраго духа», и уже потомъ Муру, Бахдги, Гаруи и т. д.

Сугда—это, безъ сомнѣнія, Согдъ, Согдіана, область теперешняго Самарканда, которая удержала это имя и во времена Александра Македонскаго, и въ вѣка арабовъ; Муру — это Мервъ, Бахдги—Бактра, или Балхъ, Гаруи—Гери, Гератъ.

Такимъ образомъ исторически-религіозная книга древнихъ персовъ рисуетъ картину постепеннаго распространенія арійцевъ съ суровыхъ горныхъ высотъ Памира и другихъ отроговъ Тянь-Шаня, сначала на западъ, въ цвѣтущія долины Заравшана, потомъ на югъ по теченію Мургаба и Оксуса.

Такое великое значеніе въ исторіи человѣчества Средней Азіи вообще и въ частности долины Заравшана—дѣлаетъ вдвойнѣ интереснымъ близкое знакомство съ ними, и въ нѣкоторомъ смыслѣ обязываетъ насъ изучать внимательно эту колыбель человѣческаго младенчества, память о которой должна быть священна для всякаго мыслящаго человѣка.

Нельзя не обратить при этомъ вниманія на странное совпаденіе названій, можетъ быть, вовсе не случайное и далеко не безъинтересное для русскаго чувства: по Ктезію, первобытная столица саковъ, признаваемыхъ за славянъ, предковъ русскихъ, нѣкоторыми учеными нашими, въ этомъ первобытномъ средне-азіатскомъ мѣстопребываніи ихъ—была Рос-анака. До сихъ поръ на мѣстѣ предполагаемой древней родины ихъ, выше Шигнана, лежитъ область Рос-нанъ, Рос-анъ, или Рошанъ. Въ сосѣднемъ Дардистанѣ, южнѣе Яссина, существуетъ мѣстность съ такимъ же точно именемъ.

Не позволяя себѣ никакихъ рискованныхъ выводовъ, все-таки нельзя не соблазниться довольно правдоподобнымъ предположеніемъ, что еще до выхода славянскаго племени изъ первобытной его азіатской родины въ равнины Волги и Днѣпра могла уже существовать обособившаяся славянская вѣтвь россовъ, или руссовъ, имя которыхъ было извѣстно классическимъ пи-

сателямъ во всякомъ случаѣ гораздо раньше, чѣмъ началась оффиціальная исторія Россіи.

Замѣчательно, что Александръ Македонскій приблизительно въ этой же горной мѣстности взялъ себѣ красавицу жену Роксану, дочь туземнаго князя Оксіярта. Эта *Роксана* тоже звучитъ какъ-то очень родственно для моего русскаго слуха, особенно если вспомнить, что имя это встрѣчается и въ русской исторіи, и что очень серьезные историки считаютъ нашими предками жившихъ въ южныхъ равнинахъ Россіи *роксолановъ*, или *россъ*-алановъ.

Какъ бы то ни было, а племенное родство наше съ легендарнымъ самаркандскимъ царемъ Афросіабомъ, котораго старыя владѣнія, по неисповѣдимой волѣ судебъ, мы получили недавно въ наслѣдство силою своего меча, и по примѣру котораго мы разнесли по всей Азіи свою грозную славу—все-таки достойно стать, по крайней мѣрѣ, открытымъ вопросомъ.

Городъ, построенный Афросіабомъ на берегу рѣки Сіобы, среди равнинъ котораго мы теперь бродимъ, несомнѣнно былъ тою Маракандою, столицею Согдіаны, которую вслѣдствіе постоянныхъ возстаній ея воинственныхъ жителей столько разъ приходилось брать Александру Македонскому—или Искандеру Дулькарнаину (т.-е. двурогому), какъ называютъ его средне-азіатскіе туземцы. Наружныя стѣны Мараканды простирались тогда на 70-ть стадій, а внутри стоялъ еще замокъ, или цитадель, обнесенный стѣною,

Александру не легко досталось завоеваніе Согдіаны; ему пришлось пролить въ ней, можетъ быть, еще больше крови, чѣмъ пролилъ ея здѣсь впослѣдствіи Чингисъ, считавшій себя бичемъ божіимъ. По разсказамъ Діодора Сицилійскаго, напр., за одно только избіеніе Спитаменомъ отряда Фарнуха на островѣ Политимета,—македонскій завоеватель предалъ пламени и разграбленію всѣ города и селенія Согдіаны и *изрубилъ 120.000 ея жителей*, такъ что Заравшанъ (Политиметъ) окрасился кровью.

Клитъ, наперсникъ македонскаго героя, убитый, къ слову сказать, своимъ царственнымъ другомъ въ той же Мараканде и получившій отъ Александра Согдіану въ управленіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ кормленіе, жаловался на это Александру:

«Далъ ты мнѣ Согдіанское владѣніе, которое многократно бунтовало и котораго не только укротить, но и покорить невозможно».

Согдіана описана Курціемъ, біографомъ Александра, очень точно и довольно близко къ тому, какова она и теперь:

«Согдіана страна по большей части пуста. Въ ширину ея на 800 почти стадій однѣ только степи находятся, а въ длину простирается она весьма далеко. Черезъ оную страну течетъ рѣка весьма быстрая, Политиметъ отъ жителей называемая, которая между тѣсными берегами теченіе свое продолжаетъ, потомъ въ пропасть падаетъ и подъ землю уходитъ».

Изъ этого можно заключить, что и во время Македонскаго завоеванія Заравшанъ не достигалъ своимъ устьемъ Аму-Дарьи, а пропадалъ въ пескахъ и болотахъ, какъ и теперь пропадаетъ онъ въ болотистомъ озерѣ Караколь.

Согдіана или Согдъ въ древности была именно восточная, къ горамъ прилежащая, часть Бухарскаго ханства, съ долиною Заравшана, съ теперешними городами Самаркандомъ, Шехри-Зябсомъ (древній Кешъ), Карши (прежній Нахшебъ) и пр.

Она составляла часть Трансоксаны, или Зарѣчья Оксуса, которое у арабовъ очень долго называлось Мавареннагръ, въ которое входила кромѣ Согда еще и теперешняя Бухара съ окружающими ее степями.

Мѣстность же теперешняго Джизака, Чиназа, Ура-Тюбе и Ходжента — называлась Осрушна, а теперешнее Хивинское ханство, то-есть область нижняго Оксуса, извѣстно было съ глубочайшей древности подъ именемъХоварезма или Харезма.

Имя Согдъ или Сугды упоминается, какъ я уже сказалъ, еще въ Зендавестѣ; но отецъ исторіи Геродотъ первый позна-

комилъ съ этимъ именемъ европейцевъ, перечисляя въ своей исторіи податные округа, устроенные Даріемъ Гистаспомъ.

Въ 16-й податной группѣ были соединены этимъ замѣчательнымъ правителемъ древности сосѣдніе четыре народа: пароянъ, хоразміевъ, согдовъ и аріевъ.

При исчисленіи Геродотомъ народовъ, двинутыхъ Ксерксомъ въ Грецію, эти народы опять повторяются рядомъ: парояне, хоразміи, согды, бактры и пр.

Впослѣдствіи европейскіе ученые открыли и прочли надписи временъ Дарія въ Персеполѣ и Багистанѣ, вполнѣ подтвердившія свѣдѣнія всегда изумительно точнаго греческаго историка. Въ надписяхъ этихъ область Сугда или Сугуда постоянно упоминается рядомъ съ Бахтрисъ и Хуварезміа, своими дѣйствительными сосѣдями.

Согдъ и ея столица Мараканда до Кира и Дарія были вмѣстѣ съ пограничною къ ней Бактріей—главнымъ жизненнымъ центромъ огнепоклонничества. Здѣсь же еще ранѣе совершился первый переходъ арійцевъ отъ кочевого патріархальнаго быта къ высшему политическому бытію.

Персидскія преданія разсказываютъ, будто Александръ Македонскій, въ сознаніи этого великаго мѣстнаго значенія Согда и Мараканды и въ цѣляхъ примиренія съ собою неукротимыхъ жителей, положилъ въ одинъ изъ главныхъ храмовъ Мараканды, на вѣчную память о себѣ съ подобающими священными обрядами, писанный золотомъ экземпляръ Зендавесты.

Вообще онъ скоро понялъ необходимость привязать къ себѣ туземное населеніе разными благоразумными мѣрами и въ этихъ именно цѣляхъ вступилъ въ родство съ вліятельными мегистанами Бактріи, женившись на дочери одного изъ нихъ.

Эта мудрая политика его много помогла потомъ созданію Греко-Бактрійскаго царства при его преемникахъ, а имя его сдѣлалось мало-по-малу народною славою, въ глазахъ всѣхъ среднеазіатскихъ племенъ и окружилось героическими леген-

дами. До сихъ поръ владѣтельные ханы Бадахшана, Вахана, Шагнана, Рошана и Дарваза съ гордостью считаютъ себя потомками великаго Искандеръ-Дулькернаина, а озеро Искандеръ-Куль окрещено его именемъ.

Даже на берега нашего тихаго Дона въ глушь скиѳскихъ степей проникло въ свое время и оставило по себѣ память имя этого изумительнаго человѣка. Страбонъ описываетъ «жертвенникъ Александра Македонскаго» на верхнемъ теченіи Дона, на томъ мѣстѣ, до котораго будто бы дошелъ великій завоеватель древности.

Нѣкоторые отечественные археологи готовы даже видѣть этотъ мнимый жертвенникъ въ столпахъ «Донской Бесѣды», упоминаемыхъ въ книгѣ Большого Чертежа, ниже впаденія въ Донъ р. Быстрой Сосны. Но, конечно, это одно заблужденіе. Искандеръ-Дулькернаинъ никогда не былъ у насъ на Дону и не могъ поэтому ставить на немъ жертвенниковъ. Тотъ же Донъ, о которомъ говорятъ его біографы и разные классическіе писатели, и на которомъ Александръ дѣйствительно воевалъ со скиѳами (саками, массагетами и дагіянами), былъ не что иное, какъ древній Яксартъ, теперешняя наша Сыръ-Дарья.— эта непобѣдимая грань всѣхъ завоевателей древности, начиная отъ Семирамиды до Кира и Александра.

X.

Гробница Даньяра.

Шамтудиновъ предложилъ намъ докончить осмотръ самаркандскихъ окрестностей гробницею Даньяра.

Мы опять спустились съ каменистаго шатра Калай-Афросіаба назадъ въ глубокую балку и опять поднялись на гору. Черезъ нѣкоторое время мы вступили въ провалье оврага, постепенно сходящаго къ рѣкѣ Сіобѣ. Немного не доходя до берега рѣки, мы очутились передъ маленькой мечетью съ обыч-

ною открытою галлерейкой на столбахъ. Стѣны галлереи всѣ исписаны карандашемъ по-сартски и по-русски. Въ глубинѣ мечети ходъ въ темную пещерку, теперь совсѣмъ пустую. Передъ мечетью, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея, тянется, головою къ рѣкѣ, громадная и уродливая гробница. Она, повидимому, сложена изъ кирпича и оштукатурена бѣлою известью. Размѣры ея просто невѣроятны и озадачиваютъ всякаго. Мы намѣрили въ ней 27 аршинъ длины, а другіе увѣряютъ даже, что длина ея 30 аршинъ, т.-е. 10 саженъ. Ширина же и высота ея не болѣе 1 аршина, такъ что она имѣетъ видъ какого-то неуклюжаго печного борова. Въ головахъ ея возвышеніе аршина въ 2 высоты, заваленное жертвенными рогами; къ нему прислонена, стоящая на гробницѣ, мраморная доска со строками корана. Рядомъ съ этою исполинскою гробницею нѣсколько другихъ могильныхъ камней бѣлыхъ и черныхъ, и водруженъ цѣлый рядъ разноцвѣтныхъ знаменъ, укрѣпленныхъ на толстыхъ древкахъ съ конскими хвостами и мѣдными шарами, — обычные символы похороненныхъ здѣсь мусульманскихъ хаджи. Стоитъ тутъ также какая-то печурка изъ обожженной глины въ формѣ колпака, съ отверстіями кругомъ, повидимому, для свѣчей и ладона, а можетъ быть, и для какихъ-нибудь жертвъ.

Я никогда не встрѣчалъ подобныхъ на мусульманскихъ кладбищахъ и потому набросалъ ее въ свой путевой альбомъ.

— Чья же это гробница? въ недоумѣніи спросили мы у нашего провожатаго.

— Это—гробница Даньяра!—отвѣтилъ Шамтудиновъ.

— Кто жъ это такой былъ Даньяръ? Эмиръ вашъ или какой-нибудь имамъ?

Шамтудиновъ помолчалъ немного, что-то раздумывая, и сказалъ не совсѣмъ увѣренно:

— Нѣтъ, онъ не былъ ни эмиръ, ни мулла, а такъ, старшина народа... давно, давно... еще здѣшніе люди не были мусульманами.

— Чего же гробница его такая длинная?

— Самъ былъ, значитъ, такой большой... старинный человѣкъ... Кто жъ его знаетъ!.. уклончиво говорилъ Шамтудиновъ.

— А это ему знамена поставлены съ конскими хвостами?

— Нѣтъ, нѣтъ! тутъ кромѣ него много народа похоронено. Это святымъ хаджи поставлено... Хазретъ... На войнѣ которые убиты, за вѣру свою пострадали... Видите, камни возлѣ лежатъ...

Имени Даньяра, т.-е. Даніила, нѣтъ среди мусульманъ, и знающіе люди предполагаютъ, что эта гробница — одинъ изъ немногихъ уцѣлѣвшихъ памятниковъ древняго христіанства, когда-то сильно распространеннаго въ этихъ мѣстахъ, подобно тому, какъ въ Ошѣ служитъ такимъ же памятникомъ Соломоновъ тронъ, Хазретъ-Эюбъ и другіе остатки угаснувшаго христіанства, о которыхъ я уже имѣлъ случай бесѣдовать съ читателемъ въ своихъ очеркахъ Ферганы.

Христіанство держалось въ Средней Азіи не только во времена, близкія къ апостоламъ, но въ теченіе почти всѣхъ среднихъ вѣковъ.

По преданіямъ, апостолъ Ѳома пронесъ Евангельскую проповѣдь до Китая и Индія, и несомнѣнные историческіе факты подтверждаютъ вѣроятность этого колоссальнаго миссіонерскаго подвига апостола-скептика.

По крайней мѣрѣ въ 3-мъ вѣкѣ нашей эры послѣдователи христіанскаго ученія уже во множествѣ встрѣчаются среди персовъ, китайцевъ и жителей Средней Азіи.

Въ 334 году въ Тусѣ и Мервѣ основываются архіепископства, изъ которыхъ мервское въ 420 году превращается въ цѣлую митрополію. Страны глубокой Азіи достались, впрочемъ, на долю не оффиціальному христіанству, признанному византійскими императорами и вселенскими соборами, а несторіанской вѣтви христіанства, объявленной ересью и преслѣдовавшейся властями. Послѣдователи Несторія бѣжали отъ гоненій грековъ на дальній востокъ и тамъ находили покровительство у сассанидовъ, заклятыхъ враговъ греческой имперіи.

Собственно въ Самаркандѣ епископство было основано между 411 и 415 годами. Въ половинѣ 6-го вѣка византійскіе историки уже упоминаютъ «христіанъ Оксуса», а въ 3-мъ вѣкѣ геджры, слѣдовательно, приблизительно въ 9-мъ столѣтіи,—въ гористыхъ окрестностяхъ Самарканда получаетъ извѣстность значительная христіанская община въ городѣ Зердехирдѣ.

Въ концѣ того же 9-го вѣка существовало христіанское поселеніе въ Таразѣ около города Хазрета, теперешняго Туркестана, одного изъ уѣздныхъ городовъ Сыръ-Дарьинской области; тамъ была выстроена большая церковь, которую эмиръ Измаилъ обратилъ потомъ въ мечеть. Но, однако, фанатизмъ мусульманскаго вождя не могъ окончательно уничтожить укоренившагося здѣсь еще съ 4-го вѣка христіанства, потому что несторіанское епископство продолжало существовать въ окрестностяхъ Хазрета еще въ 14-мъ вѣкѣ, слѣдовательно, цѣлыхъ 10 вѣковъ послѣ перваго основанія здѣсь несторіанской общины.

Князь Земпадъ, одинъ изъ первыхъ сановниковъ Арменіи, посѣтилъ Самаркандъ въ 1246 году, слѣдовательно всего черезъ 25 лѣтъ послѣ нашествія монголовъ Чингиса на Согдіану, и однако въ сохранившемся до насъ письмѣ его изъ Самарканда онъ пишетъ о благопріятномъ состояніи христіанства и о многихъ привилегіяхъ, которыя даровалъ имъ грозный монголъ.

«Мы нашли много христіанъ, разсѣянныхъ по востоку, и многія красивыя церкви, высокія, древнія, хорошей архитектуры, разграбленныя турками», — сообщаетъ между прочимъ этотъ просвѣщенный армянскій путешественникъ.

«Когда христіане этихъ странъ явились предъ лицо дѣда нынѣ царствующаго хана (слѣдовательно, передъ лицо Чингиса), онъ принялъ ихъ съ большимъ почетомъ и даровалъ имъ свободу богослуженія и обнародовалъ указы, чтобы предотвратить отъ нихъ всякій законный поводъ къ жалобамъ за обиды на словахъ или дѣломъ. И такимъ образомъ сарацыны, которые обращались съ ними презрительно, въ свою очередь, терпятъ такое же обращеніе вдвойнѣ».

Французскій монахъ Рубруквисъ, посланникъ короля Людовика Святого къ Мангу, великому хану монголовъ,—посѣтилъ въ началѣ пятидесятыхъ годовъ 13-го столѣтія городъ несторіанскихъ христіанъ въ Туркестанѣ, повидимому, тотъ самый Таразъ, о которомъ я говорилъ выше, и куда годъ спустя ѣздилъ вслѣдъ за нимъ армянскій царь Гайтанъ.

Но самыя важныя свѣдѣнія о широкомъ распространеніи христіанства въ Средней Азіи, Китаѣ и Индіи передаетъ въ своемъ чрезвычайно интересномъ путешествіи извѣстный венеціанскій путешественникъ Марко Поло, объѣхавшій въ 1286 г. всю Азію и лично видѣвшій христіанъ и ихъ церкви во множествѣ самыхъ отдаленныхъ провинцій и городовъ не только Татаріи и Туркестана, но даже на берегахъ Тихаго и Индѣйскаго океановъ. Всѣ христіане, встрѣченные имъ въ этихъ недоступныхъ европейцу мѣстностяхъ, держались, какъ онъ выражается «ученія Нестора» т.-е. Несторія.

Такая повсемѣстная распространенность христіанъ на дальнемъ востокѣ значительнымъ образомъ зависѣла отъ сочувственнаго отношенія къ христіанству великихъ хановъ Монголіи, тогдашнихъ владыкъ азіатскаго востока, бывшихъ еще въ то время язычниками.

Великій ханъ Кублай, при дворѣ котораго жилъ Марко Поло, одно время даже думалъ принять христіанство и послалъ съ этою цѣлью къ папѣ Николу и Маттео Поло, отца и дядю знаменитаго путешественника. Онъ публично объявлялъ, что почитаетъ Іисуса Христа истиннымъ Богомъ, съ великимъ благоговѣніемъ сохранялъ у себя масло изъ лампадъ Святаго Гроба, которое ему привезли по его просьбѣ братья Поло, и каждый христіанскій праздникъ приказывалъ приносить къ себѣ Евангеліе, торжественно воскурялъ передъ нимъ ѳиміамъ и потомъ набожно цѣловалъ его и заставлялъ цѣловать всѣхъ придворныхъ своихъ. Въ его войскѣ было много христіанъ, и они изображали на знамени своемъ святой крестъ. Евреи и магометане смѣялись надъ ними, упрекая, что крестъ не спасаетъ ихъ отъ смерти,

и что самое знамя их съ крестомъ было опрокинуто въ битвѣ. Тогда Кублай-ханъ призвалъ къ себѣ магометанъ и сказалъ имъ грозно: «не смѣйте никогда обвинять въ несправедливости Бога христіанъ, который есть воплощеніе добра и справедливости».

Очень любопытна причина, по которой Кублай-ханъ не принялъ окончательно христіанства.

Онъ сказалъ по этому случаю Николаю и Маттео Поло: «христіане здѣшнихъ странъ—люди невѣжественные и ничего не знающіе, которые не могутъ сдѣлать никакого чуда; тогда какъ язычники дѣлаютъ все, что хотятъ. *Когда я сижу за столомъ, то чаши, стоящія посреди комнаты, подходятъ ко мнѣ, полныя вина и другихъ напитковъ, безъ помощи человѣческой руки. Язычники имѣютъ власть повелѣвать погодой и дѣлать многія чудеса подобнаго рода. Вы сами свидѣтели того, что идолы ихъ могутъ говорить и предсказывать будущее.* Если бы я принялъ вашу религію и объявилъ себя христіаниномъ, то мои придворные и другіе люди, противники этой вѣры, спросили бы меня, какія уважительныя причины заставили меня креститься? Но вы поѣзжайте къ своему первосвященнику и попросите его отъ моего имени, чтобы онъ прислалъ сюда сто человѣкъ, хорошо изучившихъ вашъ законъ, которые могли бы убѣдить язычниковъ и показать имъ, что сами одарены тѣмъ же искусствомъ, но не пользуются имъ, потому что оно происходитъ отъ вліянія злыхъ духовъ. Когда я буду свидѣтелемъ этого, то наложу запрещеніе на религію язычниковъ и позволю окрестить себя. Слѣдуя моему примѣру, и все дворянство также приметъ эту религію, а за ними и весь народъ, такъ что число христіанъ этой страны превзойдетъ число тѣхъ, которые населяютъ вашу землю».

Марко Поло видѣлъ въ Индійской провинціи Малабарѣ даже гробницу св. апостола Ѳомы, перваго просвѣтителя этихъ странъ и насадителя всѣхъ христіанскихъ церквей въ Средней Азіи, Китаѣ и Индіи, замученнаго въ этомъ мѣстѣ. Тамъ была построена церковь и домъ для богомольцевъ и, по словамъ Марко

Поло, каждый день совершались многія чудеса черезъ посредство святого апостола.

Побывалъ предпріимчивый венеціанецъ и въ Самаркандѣ, который онъ называетъ «великолѣпнымъ городомъ, украшеннымъ чудными садами, населеннымъ христіанами и сарацынами».

Ему разсказали тамъ о слѣдующемъ чудѣ: нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Самаркандѣ царствовалъ братъ великаго хана Джагатай; къ великой радости христіанъ, *онъ крестился*, и тогда они, съ его согласія, построили большую церковь и посвятили ее св. Іоанну Крестителю. Весь сводъ церкви былъ искусно поддерживаемъ только одною мраморною колонною, подъ пяту которой подложили квадратный камень, взятый, съ дозволенія хана, изъ магометанской мечети. Но послѣ смерти хана сарацыны испросили разрѣшеніе у новаго хана взять обратно изъ христіанской церкви священный для нихъ камень и собрались вырвать его изъ-подъ колонны, разсчитывая сокрушить этимъ и своды церкви. Но по усердной молитвѣ христіанъ, къ изумленію и ужасу невѣрныхъ, въ день, назначенный для вынутія камня, колонна сама поднялась на 3 пяди вверхъ и повисла въ воздухѣ, продолжая попрежнему поддерживать сводъ.

Есть много вѣроятій предположить, что мѣсто, на которомъ мы теперь стоимъ и которое освящено гробницею съ христіанскимъ именемъ, сохранившимся въ теченіе вѣковъ,—было однимъ изъ центровъ той древней общины несторіанскихъ христіанъ, которая обратила нѣкогда въ христіанство монгольскаго хана и построила церковь св. Іоанна Крестителя въ одномъ изъ предмѣстій Самарканда. Очень можетъ быть, что Даньяръ или Даніилъ былъ какимъ-нибудь особенно почитаемымъ епископомъ или священникомъ этой христіанской паствы, и что гробница его продолжала по преданію свято чтиться туземцами даже и послѣ того, какъ жестокія насилія фанатическихъ мусульманскихъ эмировъ Туркестана вынудили потомковъ прежнихъ христіанъ принять исламъ и погасили такимъ образомъ во всей

Средней Азіи уже довольно ярко сіявшій тамъ свѣтъ христіанства. А въ теченіе стольких протекшихъ вѣковъ память народа могла такъ легко перемѣшать воспоминаніе о благочестивомъ христіанскомъ мужѣ съ позднѣйшими своими мусульманскими хазретами, которыхъ продолжали хоронить въ томъ же освященномъ преданіями мѣстѣ.

Впрочемъ, христіанство въ Средней Азіи угасло не сразу подъ напоромъ мусульманской нетерпимости и изувѣрства. Сохранились по крайней мѣрѣ свѣдѣнія, что въ 14-мъ вѣкѣ, именно въ 1328 году, еще существовало епископство въ Семискантѣ, какъ называли Самаркандъ со словъ китайскихъ писателей,— «in civitate Semiscatensi».

XI.

Возвращеніе.

Мы проснулись уже въ Бухарѣ. Плодоносную Міанкальскую долину Заравшана пришлось пролетѣть ночью. Эта русская Бухара или Новая Бухара растетъ, людпѣетъ и богатѣетъ съ каждымъ днемъ. Множество дѣловыхъ коммерческихъ физіономій толпится на вокзалѣ, вокругъ вокзала и въ вагонахъ, и все большею частью народъ полновѣсный, толстякъ на толстякѣ. Странное ли это свойство здѣшняго торговаго люда, или таково вліяніе здѣшняго климата, располагающаго къ полнотѣ, но только здѣсь замѣтно господствуетъ типъ ожирѣвшаго человѣка. Чусанчу на всѣхъ, а многіе и совсѣмъ безъ церемоній; въ русскихъ рубахахъ, въ австрійкахъ, во всемъ, что только полегче, попрохладнѣе. Все это агенты, коммисіонеры, приказчики разныхъ торговыхъ фирмъ, заводовъ и фабрикъ. Желѣзная дорога, которой сулили такой застой и столько разнородныхъ опасностей, вызвала между тѣмъ къ жизни всѣ мѣстности, черезъ которыя она прорѣзалась, могуче двинула впередъ всѣ отрасли мѣстной промышленности и создала множе-

ство новыхъ предпріятій даже тамъ, гдѣ никто не могъ ихъ предполагать.

Достаточно сказать, что еще въ 1889 году черезъ Самаркандъ провозилось всего не болѣе 400.000 пудовъ хлопка и не болѣе 300.000 пудовъ хлѣба, а теперь, всего черезъ какихъ-нибудь четыре года,—хлопка провезено уже болѣе 2 милліоновъ пудовъ и такое же количество зерновыхъ хлѣбовъ, общее же количество грузовъ поднялось съ 4 милліоновъ до 8 милліоновъ пудовъ! Такой быстрый ростъ торговли потребовалъ съ своей стороны значительнаго расширенія площади посѣвныхъ полей, слѣдовательно усиленія орошенія, что благодѣтельнымъ образомъ отразилось на самомъ хозяйствѣ края. Косвеннымъ образомъ вліяніе желѣзной дороги почувствовалось даже въ такихъ отдаленныхъ отъ нея мѣстностяхъ, какъ Сыръ-Дарьинская и Ферганская области, въ которыхъ также значительно увеличилось производство всѣхъ предметовъ вывоза, особенно же хлопка. Но ужасное состояніе дорогъ въ дождливыя времена года и огромныя разстоянія дѣлаютъ слишкомъ затруднительною и мало выгодною доставку товаровъ съ верблюжьими караванами изъ Ташкента и Кокана въ Самаркандъ. Наемныя цѣны верблюдовъ растутъ не по днямъ, а по часамъ и въ теченіе какихъ-нибудь 4-хъ лѣтъ съ 3-хъ рублей поднялись уже до 8-ми. Киргизы-лаучи, т.-е. проводники верблюдовъ, иногда бросаютъ тюки прямо въ степи, подвергая ихъ всевозможнымъ порчамъ отъ дождей и непогодъ, и вмѣсто условленнаго срока доставляютъ иногда цѣлыми мѣсяцами позже, соблюдая разные свои личные разсчеты и нисколько не заботясь объ интересѣ хозяевъ. Вслѣдствіе этого ни одинъ солидный торговецъ не можетъ ручаться за срочную поставку товара, и нерѣдко случается, что транспорты товаровъ, высланные вполнѣ своевременно изъ разныхъ мѣстностей Ферганской или Сыръ-Дарьинской области, приходятъ въ портъ Узунъ-Ада уже по закрытіи навигаціи.

Вообще доставить товаръ изъ Маргелана или Кокана, всего за какія-нибудь 400, или 500 верстъ до Самарканда, обхо-

дится вдвое дороже, чѣмъ провозъ этого товара на протяженіи 1.350 верстъ отъ Самарканда до Каспійскаго моря. Все это указываетъ на крайнюю необходимость продолжить Самаркандскую желѣзную дорогу до Ташкента и Маргелана, чтобы дать свободный выходъ промышленности этихъ многолюдныхъ, богатыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно глухихъ мѣстностей. Нельзя сомнѣваться, что тогда доходы Среднеазіатской желѣзной дороги быстро удвоятся, а торговая и промышленная жизнь Туркестана закипитъ ключемъ. Въ этомъ смыслѣ и было подано недавно туркестанскому генералъ-губернатору ходатайство средне-азіатскихъ промышленниковъ и торговцевъ, покрытое болѣе, чѣмъ 1.000 подписей.

Бухара,—несмотря на свою отдаленность отъ Оки и Волги, издревле вела торгъ съ Нижнимъ и Москвою. И теперь связь ея съ Нижегородскою ярмаркою самая тѣсная и выражается крупными, милліонными суммами. Въ настоящее время открыто въ Бухарѣ даже и отдѣленіе Московскаго международнаго банка, но оно пока мало развиваетъ свои операціи, по той простой причинѣ, что здѣшнія русскія и бухарскія фирмы, торгующія хлопкомъ, пользуются самымъ широкимъ и легко доступнымъ кредитомъ у мѣстныхъ «сарафовъ», т.-е. банкировъ-милліонеровъ, каковы Мирза-Худъ, Миръ-Хикметъ и пр. Стали открываться въ Бухарѣ, по примѣру Самарканда и Ташкента, и разные заводы. Въ самомъ городѣ дѣйствуютъ, напр., хлопко-очистительные заводы Штейна и другой большой заводъ съ маслобойнею Држевецкаго, а въ ханствѣ Бухарскомъ такіе же заводы устроены въ Чарджуѣ (Кудрина) и Катты-Курганѣ (Юговича). Есть еще спичечная фабрика саратовскаго купца Епифанова, кожевенный заводъ Ибрагимова (въ 40 верстахъ отъ Бухары) и др. Транспортныхъ конторъ въ Бухарѣ цѣлыхъ пять: «Надежда», «Россійскаго общества», «Лебедь», «Кавказъ и Меркурій» и «Каспій»; послѣдняя контора отправляетъ въ Россію особенно много хлопка и всякаго другого товара. Шелководство, сильно было опавшее въ послѣднее время, съ проведеніемъ желѣз-

ной дороги начало опять замѣтно подниматься въ Бухарѣ и доставляетъ эмиру ежегодно изрядную сумму. Съ каждыхъ 3-хъ пудовъ итальянскихъ коконовъ бухарецъ получаетъ до 10-ти фунтовъ чистаго шелка, который можетъ быть проданъ на здѣшнихъ базарахъ, если цѣны крѣпки, за 600 тенегъ, т.-е. около 120 рублей. Такой значительный доходъ естественно поощряетъ туземцевъ къ усиленію производства шелка, требующаго такъ мало затратъ съ его стороны.

Русская Бухара населена однако далеко не одними русскими. Большинство жителей тутъ все-таки сарты, но много и персіянъ, и евреевъ, поляковъ, армянъ, грузинъ. Всѣхъ жителей уже больше полуторы тысячи, русскихъ изъ нихъ немного меньше половины. Черезъ какихъ-нибудь 5 лѣтъ тутъ уже будетъ, навѣрное, насчитываться цѣлый десятокъ тысячъ, особенно если сюда будетъ проведенъ водопроводъ, такъ какъ Русская Бухара до сихъ поръ пользуется ежедневно привозимою Аму-Дарьинскою водою, не особенно, конечно, вкусною въ жаркое время года, когда особенно бываетъ дорогà для всякаго свѣжая вода.

Поѣздъ нашъ окруженъ въ настоящую минуту цѣлою ордою ярко разодѣтыхъ бухарцевъ. Всѣ они лѣзутъ толпами въ такъ называемые «мусульманскіе вагоны», съ огромными узлами въ паласахъ и коврикахъ, съ мѣдными кувшинами и чайниками, оставляя въ покоѣ, къ нашему немалому благополучію, наши русскіе вагоны, гдѣ имъ негдѣ сидѣть поджавъ ноги, и гдѣ имъ неудобно творить узаконенный намазъ на глазахъ «невѣрныхъ собакъ» москововъ.

Отъ Бухары до Фараба, то-есть до самыхъ береговъ Аму-Дарьи, и отъ Чарджуя, то-есть опять-таки отъ береговъ Аму-Дарьи, до Мерва—сыпучіе и жгучіе пески. Съ нихъ пышетъ на насъ какимъ-то каленымъ зноемъ, какъ съ горячаго утюга. Черезъ жары въ Чарджуѣ уральскіе казаки не вынесли даже своего обычнаго товара—севрюжьей икры; въ жару и самая рыба

не ловится, вѣроятно, тоже нѣжится въ какихъ-нибудь береговыхъ норахъ.

Съ Чарджуя уже начинаются суровыя смуглыя физіономіи туркменовъ, воинственныя бороды, высокія бараньи шапки. На многихъ видны наши георгіевскіе кресты.

Сухое и суровое племя песковъ, одѣтое въ черное, заступаетъ мѣсто пестрыхъ обитателей веселаго зеленаго оазиса.

Мы то и дѣло сбираемся всею своею компаніею въ вагонѣ-буфетѣ: это очень умная и полезная выдумка, какъ нельзя болѣе подходящая къ условіямъ Закаспійской желѣзной дороги. Песчаная пустыня въ этомъ отношеніи сравнялась съ многоцивилизованною Америкою и обогнала всѣ дороги Европейской Россіи. Въ Туркменіи безъ вагона-буфета путешественникамъ положительно пришлось бы умирать отъ голода и жажды. Переѣзды тутъ длиннѣйшіе, жара мучительная, съ песчаныхъ бархановъ пышетъ какъ съ раскаленнаго утюга.

На рѣдкихъ станціяхъ, затерянныхъ среди песковъ, большею частію нѣтъ воды, которую привозятъ на станцію въ особыхъ «водяныхъ» поѣздахъ, а ужъ о какой-нибудь провизіи и говорить не стóитъ. Откуда взять ее? А если бы и ухитрились достать гдѣ-нибудь—она погибала бы безъ пользы, потому что поѣзда ходятъ не всякій день, а мѣстнаго потребленія, разумѣется, никакого. Совсѣмъ другое дѣло буфетъ, сопровождающій поѣздъ, и, стало быть, день и ночь открытый къ услугамъ каждаго проѣзжаго. Онъ забираетъ провизію вездѣ, гдѣ только можно, и въ Узунъ-Ада, и въ Асхабадѣ, и въ Чарджуѣ, и въ Бухарѣ, и въ Самаркандѣ,—и такимъ образомъ постоянно питаетъ самъ себя. Отъ нечего дѣлать, публика пьетъ и ѣстъ здѣсь съ утра до ночи, и сбытъ вообще у буфета преизрядный, особенно же всякихъ прохладительныхъ и горячительныхъ напитковъ. Походный ледникъ, дающій возможность пить среди 50 градуснаго зноя воду, вино и пиво со льдомъ,—не мало увеличиваетъ этотъ сбытъ. Одно нехорошо, что буфетъ нерѣдко дѣлается сценою разныхъ

несовсѣмъ удобныхъ выходокъ со стороны подгулявшихъ гостей, нравы которыхъ и въ трезвомъ видѣ не отличаются излишнею деликатностію. Кромѣ того, самое помѣщеніе буфетовъ въ товарномъ вагонѣ, приспособленномъ къ этой спеціальной цѣли, нельзя считать особенно удачнымъ. Трясетъ такъ, что боишься откусить кусокъ хрустальнаго стакана или проглотить свои собственные зубы. А черезъ это вино и чай расплескиваются до невозможности. Для чая выдуманы, правда, очень глубокіе и большіе бокалы или кубки, которые доливаются до половины и только этимъ сберегаютъ заключенную въ нихъ драгоцѣнную влагу. Мы сидимъ, поминутно смѣняя горячій чай ледянымъ пивомъ и вино—зельтерскою водою, и чѣмъ больше пьемъ, тѣмъ больше мучаемся жаждою, не зная, куда-жъ дѣваться и что же наконецъ дѣлать?

Компанія у насъ собралась довольно оживленная: г-нъ П., начальникъ телеграфа въ Бухарѣ, съ которымъ мы познакомились у г-на Лессара, и съ нимъ двѣ дамы, изъ знакомаго намъ семейства. Одна изъ нихъ, г-жа Г., молодая вдова, служащая здѣсь врачомъ, съ маленькою дочкою, другая сестра Г., дѣвушка, воспитанница с.-петербургской консерваторіи. Ѣдетъ съ нами же и какой-то оріентологъ, уже довольно пожилой, изучавшій надписи на различныхъ памятникахъ Самарканда. Онъ имѣетъ видъ армянина, но говоритъ по-нѣмецки, называетъ себя шведомъ и преподаетъ, по его словамъ, восточные языки въ Гельсингфорсскомъ университетѣ на правахъ частнаго лектора. Увѣряетъ, что знаетъ пятнадцать различныхъ языковъ и говоритъ на восьми. Теперь снималъ въ Самаркандѣ различныя надписи, покупалъ у туземцевъ старинныя ихъ книги и собирается издать сочиненіе о древностяхъ Самарканда. Его очень занимаетъ мысль о постройкѣ въ Самаркандѣ какого-нибудь особенно великолѣпнаго православнаго храма, который затмилъ бы собою всѣ древнія мечети Тимура и Улугъ-Бека, и слава котораго разнеслась бы по всему мусульманскому міру Азіи. Онъ убѣжденъ почему-то, что такое наглядное проявленіе

русскаго богатства и искусства совершенно необходимо въ этихъ варварскихъ странахъ, среди народовъ, у которыхъ фантазія развита гораздо болѣе, чѣмъ разсудокъ, и сильнѣе всего вліяетъ на ихъ поступки и привязанности. Поразить воображеніе восточнаго жителя какимъ-нибудь грандіознымъ сооруженіемъ,—по мнѣнію этого оріенталиста,—значитъ внушить ему величайшее уваженіе къ народу, способному на подобныя созданія.

Г-нъ П. и г-жа Г., близко ознакомившіеся съ жизнью Туркестана, не нахвалятся ею. Ихъ приводитъ въ восторгъ и здѣшняя природа, и здѣшніе нравы, гораздо болѣе простые и дружественные, чѣмъ въ Россіи, куда ихъ вовсе теперь не манитъ. Но о Бухарѣ и бухарскихъ порядкахъ г-нъ П. разсказывалъ намъ въ то же время вещи, не особенно располагающія жить въ этомъ гнѣздѣ истой азіатчины всякаго рода. Онъ увѣрялъ насъ, между прочимъ, что тамъ до сихъ поръ убійцу выдаютъ головою родственникамъ убитаго, которые преспокойно рѣжутъ на глазахъ всѣхъ горло преступнику.

Одинъ юноша, напримѣръ, на свадьбѣ любимой имъ дѣвушки, убилъ своего соперника-жениха. Его схватили и выдали роднымъ убитаго. Старуха, мать покойнаго, собственноручно перерѣзала ему горло, и бухарцы искренно восхваляли ее, какъ свято исполнившую великую нравственную обязанность родоначальницы семьи.

П. увѣрялъ насъ также, что сажаніе на колъ, сбрасываніе съ вершины минарета, рѣзаніе головъ и всякія другія старинныя публичныя казни, недавно отмѣненныя бухарскимъ эмиромъ по требованію русской власти,—отмѣнены только формально, а втихомолку продолжаются себѣ вездѣ, гдѣ бухарцы не разсчитываютъ, что объ этомъ можетъ узнать русскій представитель. На-дняхъ еще жизнь, честь, собственность каждаго бухарскаго подданнаго, какъ бы онъ ни былъ богатъ и знатенъ, всецѣло принадлежали эмиру. Эмиръ безъ всякой церемоніи посылалъ брать себѣ въ жены и наложницы дочерей сво-

ихъ подданныхъ,—и никто не осмѣливался однимъ словомъ перечить ему, почитая для себя великимъ благополучіемъ такое лестное вниманіе бадаулета.

Старый эмиръ, отецъ теперешняго, прослышалъ какъ-то, что въ Бухарѣ есть одна удивительная красавица. Онъ тотчасъ же приказалъ, безъ дальнѣйшихъ размышленій, привести ее къ себѣ во дворецъ, чтобы помѣстить ее въ число своихъ безчисленныхъ женъ. Но молодая дѣвушка была влюблена въ одного бухарскаго бека и уже на-дняхъ готовилась, съ согласія своихъ родныхъ, выйти за него замужъ. Чтобы спастись отъ предстоявшей ей участи, она прибѣгнула къ хитрости. Когда ея родители и сановники эмира привели ее передъ свѣтлыя очи повелителя правовѣрныхъ, смѣлая дѣвушка, сейчасъ же послѣ привѣтственнаго «селямъ алекюмъ», прежде чѣмъ очарованный ею старикъ успѣлъ отвѣтить обычное «алекюмъ селямъ», поднесла ему вдругъ хлѣбъ и соль. По мусульманскому закону это означало, что она проситъ эмира быть ея посаженымъ отцомъ; отказаться отъ этой почетной просьбы никто не въ правѣ, и жениться на дѣвушкѣ, обратившейся съ такою просьбою, уже невозможно безъ вопіющаго оскорбленія священныхъ правъ шаріата. Эмиръ вскинулъ разъяренныя очи на спутниковъ хитрой красавицы и всѣхъ ихъ предалъ потомъ мучительной казни, но требованія шаріата все-таки исполнилъ, сдѣлался посаженымъ отцомъ своей невѣсты и наградилъ ее богатымъ приданнымъ.

Теперь, конечно, волей-неволей правитель Бухары и его приближенные вынуждены сообразоваться хотя сколько-нибудь съ взглядами русскихъ на управленіе народомъ и, хотя съ искренними вздохами сожалѣнія, отучаться понемножку отъ излюбленныхъ обычаевъ стариннаго деспотизма и варварства. На дняхъ еще, по разсказамъ П., эмиръ послалъ телеграмму царю съ заявленіемъ, что на память о счастливомъ событіи 17-го октября, онъ основываетъ на свой счетъ въ Бухарѣ безплатную лѣчебницу для туземцевъ, туземокъ и русскихъ. Чтобы рѣшиться

лѣчить въ общественномъ учрежденіи, черезъ русскихъ докторовъ, мусульманскихъ женщинъ, нужно было пойти наперекоръ самому слѣпому и отчаянному фанатизму бухарскихъ имамовъ.

Опять мы проносимся по песчаному океану каракумовъ, по голымъ, глинистымъ степямъ текинскихъ оазисовъ. Послѣ тѣнистыхъ садовъ и плодородныхъ долинъ Заравшана—мрачно смотритъ на насъ эта разбойничья страна, ощетинившаяся на всякомъ шагу своими глиняными башнями, крѣпостцами, сторожевыми столбами.

Въ каждомъ аулѣ кала съ зубчатыми стѣнами, каждый домъ аула—готовая бойница. И народъ кругомъ смотритъ серьезно и мрачно, неподвижнымъ взглядомъ хищной птицы. Вездѣ черныя бороды, черные смѣлые глаза, черныя мохнатыя шапки—настоящія стаи черныхъ орловъ, готовящихся на добычу.

Когда поѣздъ шумно проносится мимо этой безмолвной, враждебно смотрящей толпы, осыпавшей одинокую русскую станцію, дѣлается какъ-то жутко за своихъ безстрашныхъ земляковъ, остающихся одинъ-на-одинъ съ этими прирожденными разбойниками, чуть не вчера еще таскавшими на веревкахъ русскихъ плѣнниковъ.

Особенно жутко смотрѣть на крошечныя путевыя караулки, совсѣмъ затерянныя въ песчаныхъ барханахъ. Съ радостнымъ волненіемъ выглядываютъ съ порога ихъ многотерпѣливые русскіе солдатики, слѣдя оживленнымъ взоромъ за бѣгомъ нашего люднаго и шумнаго поѣзда, изъ котораго глядятъ на нихъ родныя лица и одежды, откуда доносится къ нимъ дорогая сердцу, знакомая рѣчь. Прогремитъ, пронесется мимо желѣзная стоножка, выпуская клубы пара,—и потонутъ они опять съ своей жалкой будочкой, въ океанѣ песчаныхъ холмовъ, вдвоемъ въ этой надвигающейся ночной тьмѣ, среди звѣрей и хищныхъ кочевниковъ.

Два раза мы едва не переѣхали стада верблюдовъ, плавно и неспѣшно переходившія черезъ рельсы дороги. Ночью одного горбача столкнули-таки съ насыпи, а теперь пустили въ ходъ всѣ тормазы, дали заднiй паръ, отчаянно свистѣли на всю пустыню, чтобы только дать время этимъ двугорбымъ философамъ спокойно прослѣдовать поперекъ желѣзнаго пути.

Пограничныя горы Персiи уже давно провожаютъ насъ слѣва, а пустыня справа. Уже чуется впереди нетерпѣливо ожидаемый конецъ этого томящаго путешествiя среди безоблачной синевы раскаленнаго неба и желтыхъ равнинъ раскаленнаго песка. Отъ Кизиль-Арвата какъ-будто уже начинаетъ немного потягивать прохладнымъ запахомъ моря. Воображенiе опережаетъ время и рисуетъ себѣ яркiя картины скораго возвращенiя изъ этой надоѣвшей азiатчины на далекую милую Русь.

Наконецъ, однимъ яснымъ, раннимъ утромъ желтая, до обжога нагрѣтая равнина, вдругъ, словно разомъ, обрѣзалась на западномъ горизонтѣ своемъ, и за нею засiяла колыхащаяся скатерть прохладныхъ, синихъ водъ.

Передъ нами было Каспiйское море.

Вотъ уже мы минуемъ послѣднiе прибрежные барханы, запутаннымъ архипелагомъ островковъ и мысовъ осыпающiе берегъ Каспiя. Поѣздъ нашъ быстро извивается между синихъ проливовъ и желтыхъ холмовъ и, наконецъ, выноситъ насъ на унылую отмель Узунъ-Ада, заваленную бѣлыми грудами хлопка.

Но этотъ «Узунъ-Адъ» уже кажется намъ теперь, послѣ испытанной туркменской пустыни, не адомъ, а желаннымъ раемъ.

Давно неиспытанною свѣжестью тянетъ намъ въ лицо изъ неохватно-громадной водной чащи могучаго Каспiя. Легкiй вѣтерокъ весело покачиваетъ пароходы и парусныя суда на ярко-синей скатерти бухты, суля намъ впереди другiе, болѣе милые берега. Армянское и персидское населенiе кишитъ у гавани. Это уже послѣднее напоминанiе Азiи и востока, изъ которыхъ сердце рвется на свою русскую родину тѣмъ нетерпѣливѣе, чѣмъ ближе подвигаешься къ ней...

Намъ уже видно, какъ пароходъ «Кавказа и Меркурія» разводитъ свои пары. Радостно спѣшимъ мы выбраться изъ душныхъ и пыльныхъ вагоновъ, чтобы бѣжать на пристань слѣдомъ за своими чемоданами.

Полуголые персы-атлеты, словно вылитые изъ бронзы, ухватили ихъ съ быстротою молніи и мчатъ къ пароходу на своихъ бритыхъ головахъ. Теперь бы только не опоздать захватить удобную семейную каюту... Живѣе впередъ!..

Слава Богу, вотъ мы и на палубѣ, вотъ уже любезный капитанъ устраиваетъ насъ на нашемъ новосельи...

Прощай старая Азія, прощай Туркестанъ!..

Часть VI.

ДОМОЙ ПО ВОЛГѢ.

I.

Дербентъ,—«городъ желѣзныхъ воротъ».

Пароходъ нашъ смѣло и прямо, будто по твердо пробитой дорогѣ, несется изъ Баку навстрѣчу волнамъ моря, которыя разгулявшійся сѣверякъ довольно рѣзво гонитъ на югъ отъ безчисленныхъ рукавовъ и островковъ Волжскаго устья. Бѣлые барашки, которыми вспѣнивается неохватная ширь Каспія вездѣ, куда хватаетъ мой глазъ,—очень оживляютъ безъ того оживленный пейзажъ. Словно все море населено невидимыми веселыми звѣрями, которые съ дикою удалью скачутъ, опережая другъ друга, ныряютъ со всего разбѣга въ синей пучинѣ и опять выныряютъ оттуда съ плескомъ и хохотомъ, потрясая курчавыми гривами...

Весело встрѣчать и бѣгущіе навстрѣчу пароходы и парусники, нагонять и обгонять вяло переползывающія груженныя баржи, глубоко ушедшія въ воду своими тяжеловѣсными корпусами, словно старинный грузный экипажъ въ осеннюю грязь.

Удивительно, какъ всѣ эти дымящія и недымящія суда могутъ вѣрно направлять свой путь по одной и той же общей

линіи, ничѣмъ не отмѣченной на влажной пучинѣ, гдѣ они встрѣчаются и расходятся другъ съ другомъ, какъ почтовыя тройки на большой дорогѣ.

— Кто? какой? чей?—только и слышится на палубѣ.

Читаешь на носу имя «Хамидъ» или «Будда».

— А, это Нобелевскій!—говорятъ въ толпѣ.

И оттуда съ тѣмъ же любопытствомъ устремлены на вашъ пароходъ многочисленные взгляды.

Промелькнули,—и нѣтъ никого; бѣгутъ безостановочно и вашъ, и ихъ пароходъ,—и отъ этого двойного бѣга вамъ кажется, что они не проходятъ, а стрѣлою проносятся мимо другъ друга.

Нашъ быстроходъ обгоняетъ всѣхъ легко, чуть не шутя. То и дѣло показываются дымки вдали, то и дѣло капитанъ и штурманъ заботливо вглядываются въ трубу и торопливо вертятъ колесо руля то вправо, то влѣво.

Раньше всѣхъ показывается слѣва на гористомъ мысѣ Апшеронскій маякъ, пароходъ забираетъ ближе къ нему.

Низкій и длинный островъ съ двумя маяками («Исакова коса») вырѣзается на синемъ фонѣ моря, будто линія, проведенная карандашемъ. Телеграфные столбы берега тоже заворачиваютъ къ маяку, и тутъ начинается электрическій подводный кабель, поперекъ всего Каспійскаго моря на Туркменскій берегъ въ Красноводскъ. Это самое короткое разстоянье между западнымъ и восточнымъ побережьями Каспія. Вокругъ высокой башни маяка нѣсколько построекъ въ родѣ тюрьмы или крѣпостного каземата, мрачныхъ и безотрадныхъ. Не завидую обитателямъ этого пустыннаго замка, оберегающаго пустыни моря. Берегъ здѣсь вообще унылый,—низкій, песковатый, безъ всякой зелени, и безъ радующихъ долей. Рѣдко бросится въ глаза какой-нибудь поселочекъ въ курчавыхъ деревьяхъ. А по мысамъ опять маяки!.. Хотя вѣтеръ довольно свѣжій, а не качаетъ нисколько. Острая грудь могучаго парохода взрѣзаетъ волны какъ разъ навстрѣчу имъ и плавно, не колыхнувшись ни вправо, ни

влѣво, несется впередъ. Къ вечеру исчезъ и берегъ, все слилось въ одинъ туманный движущійся и плещущій хаосъ, среди котораго съ дѣтски довѣрчивымъ чувствомъ отдаешься нѣжущему комфорту и цивилизованной обстановкѣ пароходной жизни, мирно присаживаясь къ яркому свѣту лампъ, за столы, сверкающіе стекломъ и фарфоромъ, за тарелку горячаго супа и стаканъ искристаго вина...

Утромъ стало легонько покачивать.

— Должно быть, къ Дербенту подходимъ, тамъ всегда качаетъ, потому что приходится повертывать поперекъ волны...— замѣтилъ за чаемъ опытный пассажиръ.

Послѣ чаю мы съ женою вышли на палубу. Было только 8-мь часовъ, и Дербентъ уже стоялъ надъ нами. Дербентъ по картинамъ представлялся мнѣ совсѣмъ другимъ. Я воображалъ себѣ скалу, омываемую моремъ и осыпанную восточными домиками. А тутъ зеленый склонъ могучаго горнаго хребта, который въ этомъ мѣстѣ значительно положе и ровнѣе, чѣмъ въ другихъ, болѣе обрывистыхъ скатахъ своихъ. Пята этого хребта довольно широкая низина въ уровень съ моремъ, покрытая садами; къ югу ихъ особенно много. На этой низинѣ русскія казармы, палатки лагеря. Городъ поднимается отъ моря къ горамъ легкимъ изволокомъ; выше его на кручѣ, подъ стѣнами старой крѣпости, персидскій городъ.

Русскій бѣлый соборъ съ зеленою луковицею купола и характерная восьмиугольная башня съ островерхимъ шатромъ армянской церкви поднимаются въ близкомъ сосѣдствѣ другъ отъ друга изъ сбитыхъ въ кучу домиковъ, а ихъ обѣихъ вѣнчаетъ сверху персидская мечеть съ раздутымъ дынею куполомъ, какъ высоко воздвигнутый стягъ недавно еще господствовавшаго здѣсь магометанства.

Бѣлая старинная башня маяка стоитъ ближе всѣхъ къ морю. Очевидно, это одна изъ уцѣлѣвшихъ башень старой крѣпости. Ихъ, впрочемъ, тутъ видны еще десятки.

Мы дали схлынуть первой любопытной толпѣ, навалившейся въ огромную лодку, и отправились въ городъ почти въ пустой лодкѣ, на которой пріѣхали къ пароходу телеграфисты. Переѣздъ на парусѣ отъ парохода до пристани всего четверть часа. Впрочемъ, пристани, собственно говоря, тутъ нѣтъ никакой. Огромные тесанные камни правильной кладки торчатъ изъ моря въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ берега, по сторонамъ этой такъ называемой пристани. Это основанья башень, когда-то стоявшихъ здѣсь и защищавшихъ подступы съ моря къ Дербенту. Нужно думать, что и Дербентскій берегъ, какъ берегъ Баку, постепенно понижается въ теченіе вѣковъ, и что укрѣпленья, бывшія когда-то на берегу, очутились уже подъ волнами моря, подобно подводной башнѣ и стѣнамъ Бакинской бухты, которыя я только что осматривалъ.

Въ Дербентѣ съ глубочайшей древности былъ узкій проходъ по берегу моря изъ Азіи въ Европу; проходъ этотъ защищался сильными укрѣпленіями и запирался желѣзными воротами. Самое имя Дербентъ—значитъ «желѣзныя ворота». Я видѣлъ одно полотнище ихъ, кованное истинно-циклопическимъ образомъ и совсѣмъ почти изъѣденное ржавщиной, въ знаменитомъ Имеретинскомъ монастырѣ Гелати, близъ Кутаиса; тамъ оно стоитъ около гробницы Димитрія, отца великаго грузинскаго царя Давида Возобновителя, какъ трофей его побѣды надъ мусульманами. Ворота эти были построены въ 1063 году ханомъ Шавиромъ, и Димитрій отнялъ ихъ, взявъ приступомъ Ганджу, теперешній Елизаветполь, столицу ганджинскихъ хановъ.

Мѣстность Дербента дѣйствительно напрашивается на то, чтобы запирать здѣсь на ключъ кавказскіе проходы. Цѣпь горъ начинается только отъ Дербента, а къ сѣверу отъ него — уже равнина.

Немудрено поэтому, что владѣтели Кавказа, такъ часто чередовавшіеся здѣсь во времена оны, всѣ съ жадностью бросались на Дербентъ и, во что бы ни стало, стремились владѣть имъ. Двойной рядъ зубчатыхъ стѣнъ и башенъ, до сихъ поръ отлично

уцѣлѣвшихъ, давно уже перепоясывалъ этотъ горный склонъ спускаясь отъ верхней, неприступной цитадели, поднятой на самую кручу горъ, къ низинѣ всѣмъ доступнаго морского берега. Купцы и промышленники также давно засѣли между этихъ крѣпкихъ стѣнъ, подъ защитой скалистой цитадели и завели безопасную торговлю въ этомъ удобномъ уголкѣ на рубежѣ Европы и Азіи, земли и моря, кавказскихъ горъ и русскихъ степей, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ устьемъ великой торговой рѣки русской. Поэтому, Дербентъ издревле сталъ извѣстнымъ не только какъ важнѣйшая пограничная крѣпость, неприступная по своему положенію, но еще какъ торговый и промышленный городъ, какъ одинъ изъ ближайшихъ къ Россіи приморскихъ рынковъ для восточныхъ товаровъ. Онъ сдѣлался черезъ это своего рода владыкой Каспійскаго моря, и проницательный взглядъ Петра Великаго постигъ сразу, что кто хочетъ овладѣть Каспіемъ, прежде всего долженъ овладѣть Дербентомъ, ключемъ его. Петръ и поступилъ такъ. Когда онъ задумалъ утвердиться прочною ногой на Каспійскомъ морѣ, то лично взялъ Дербентъ во главѣ своей маленькой арміи, а вслѣдъ за Дербентомъ отворили ему свои ворота почти всѣ прибрежные города Каспія. По договору 12 сентября 1723 года Дербентъ со всѣмъ Каспійскимъ побережьемъ былъ уступленъ Персіей Россіи на вѣчныя времена, и только совершенное непониманіе послѣдующими правителями нашихъ жизненныхъ задачъ на Востокѣ могло отдать эту важную мѣстность безъ всякой войны обратно въ руки нашихъ враговъ.

Стѣна начинаетъ охватывать васъ съ обѣихъ сторонъ съ первыхъ же шаговъ. Она какой-то циклопической кладки изъ огромныхъ, но плотно притесанныхъ камней, сложенныхъ насухо; то и дѣло встрѣчаются всходы и парапеты; когда глядишь издали, какъ она лѣпится наверхъ своею желтовато-бѣлою зубчатою лентой, поднимаясь будто ступеньками съ уступа на уступъ, при всякомъ поворотѣ, при всякомъ подъемѣ своемъ, опираясь на массивныя башни, — то невольно переносишься

мыслью въ далекіе средніе вѣка, когда безъ этихъ зубцовъ, стѣнъ и башенъ была немыслима жизнь человѣка и когда самый маленькій городъ имѣлъ ту же живописную и романтическую физіономію, какою мы теперь любуемся въ своеобразномъ древнемъ городѣ Кавказа.

Особенно характерны многочисленныя ворота персидскаго стиля съ изящными арками и колонками.

Въ иныхъ мѣстахъ стѣна уже совсѣмъ разрушена, въ другихъ она еще очень высока и не тронута временемъ. Должно быть, она не разъ была надстраиваема въ верхнихъ своихъ поясахъ, болѣе всего поврежденныхъ; нижняя же основа ея носитъ на себѣ всѣ признаки очень древней кладки, которую, навѣрное, не приходилось возобновлять многіе вѣка.

Мы наняли извозчика, которыхъ, къ удивленію моему, здѣсь оказалось очень много. За часъ они берутъ 60 к., а за подъемъ до крѣпости 1 р. Это большое удобство, потому что тащиться пѣшкомъ по жарѣ на такую длинную и крутую гору, да еще по каменной мостовой среди горячихъ каменныхъ улицъ,—удовольствіе небольшое, а для непривычнаго человѣка, пожалуй, даже и неисполнимое. Русскихъ построекъ тутъ уже довольно много, и, глядя на нѣкоторыя изъ нихъ, я сильно подозрѣвалъ, что они значительною долей выстроены изъ дароваго матеріала, находящагося въ такой соблазнительной близости,—именно, изъ той самой исторической стѣны, на которую мы теперь засматриваемся и которая, должно-быть, оттого-то и пришла мѣстами въ такой разрушенный видъ. Кажется, и самый православный храмъ сложенъ изъ этихъ древнихъ камней. Есть нѣсколько сносныхъ и приличныхъ построекъ русскаго образца, но громадное большинство домовъ — скорѣе низкія, грязныя сакли, чѣмъ дома. Нечистоплотность вездѣ—воистину восточная. Нигдѣ никакого слѣда благоустройства. Улицы словно сто лѣтъ не метены, не чищены, не политы. Вездѣ пыль и навозъ. Нигдѣ на улицѣ ни одного деревца. Ближе къ морю, правда, разбитъ довольно тѣнистый городской садъ и устроены бесѣдки для му-

зыки, но самый городъ не защищенъ ничѣмъ отъ убійственнаго припека солнца. Каменные домишки насыпаны по голому склону горы, какъ куски колотаго сахара. Есть, впрочемъ, какъ подобаетъ уѣздному городу Россійской Имперіи, — зданіе «присутственныхъ мѣстъ», увѣнчанное вывѣской.

Лавченокъ здѣсь—видимо-невидимо; но все это по восточному: товаръ каждой лавки умѣстится въ одномъ порядочномъ сундукѣ. Больше всего бросаются въ глаза мѣдныя лавки и мастерскія мѣдниковъ. Кажется, это спеціальность Дербента.

Однако, въ самый лабиринтъ верхнихъ персидскихъ кварталовъ извозчикъ насъ не повезъ; по ихъ вьющимся неровнымъ переулочкамъ можно проѣхать только верхомъ и ходить пѣшему. Мы выѣхали за городскую стѣну, на южную сторону, и стали карабкаться вдоль нея къ скалѣ, на которой стоитъ цитадель, оставляя вправѣ персидскую часть города. На половинѣ дороги мы остановились осмотрѣть очень интересныя древнія ворота, поразившія меня своимъ изящнымъ архитектурнымъ стилемъ. Старикъ мусульманинъ, сидѣвшій въ этихъ воротахъ, увѣрялъ насъ, что они выстроены 4.000 лѣтъ тому назадъ; самъ онъ, очевидно, вѣрилъ съ полною искренностью въ эту почтенную цифру. Ворота — въ обычномъ персидскомъ вкусѣ, съ двойною аркою. Наружная арка тщательно отдѣлана характерною каменною рѣзьбой, а внутри стоитъ надъ воротами наивно-грубая, дѣтски-изваянная статуетка льва, герба Персіи. Тутъ же врѣзано нѣсколько плитъ съ старинными надписями.

— Никто не можетъ прочесть, что здѣсь написано! таинственно сообщилъ намъ старикъ Дербентецъ. Это не по-персидски и не по-арабски, это «куфи!» а «куфи» никто понять не можетъ!

Изъ этихъ древнихъ воротъ открывается преживописная перспектива узенькой улочки персидскаго города, тѣсно обставленной кубиками слѣпыхъ плоскокрышихъ домовъ... А за стѣною, въ полѣ, противъ тѣхъ же историческихъ воротъ, подъ густою тѣнью стараго орѣха,—поэтическій фонтанъ, съ каменною террасой для отдыха, окруженный оградою и всегда осаждаемый

толпами водоносицъ съ кружками и громадными кувшинами на плечахъ.

Мы все время дѣлаемъ зигзаги, чтобы подняться на кручу каменной горы, покрытой, впрочемъ, въ это время года довольно высокою травою. Круча эта мало по малу обращается въ громадное кладбище. Вездѣ видишь словно гигантскіе распатанные зубы—узкіе и высокіе могильные камни, торчащіе во всѣ стороны изъ земли.

Среди зеленой травы они производятъ впечатлѣніе бѣлыхъ костяковъ, которыми ощетинилось это поле смерти. Хорошенькія, изрядно-таки крупныя змѣйки то и дѣло переползываютъ черезъ дорогу, ныряя подъ камни и прячась въ высокой травѣ. Чѣмъ ближе къ крѣпости, тѣмъ могильные камни дѣлаются чаще и красивѣе. Многіе изъ нихъ расписаны затѣйливыми узорами яркихъ красокъ, на подобіе разноцвѣтной эмали персидскихъ серегъ и запястій, или раскрашенныхъ потолковъ мечети. Восточный узоръ этого рода неподражаемо хорошъ вездѣ, гдѣ бы ни встрѣтилъ его.

Крѣпость забралась совсѣмъ на отдѣльную скалу, въ уединеньи отъ остального города, хотя тяжко вспалзывающія снизу зубчатыя стѣны, охраняющія городъ съ обѣихъ сторонъ, ухватываются за нее своими каменными лапами.

Крѣпость занимаетъ покатое темя скалы, сходящее книзу тремя уступами. Яруги охватываютъ эту скалу съ востока и сѣвера, а съ запада она виситъ надъ глубокимъ обрывомъ, который совсѣмъ нешуточно хмурится сквозь растрескавшіеся крѣпостные зубцы. Только съ южной стороны къ ней свободно подходятъ горныя дороги, направляющіяся къ морю и въ сѣверныя равнины Кавказа. Неприступная Дербентская крѣпость пересѣкла ихъ въ этомъ мѣстѣ своими высокими стѣнами и башнями, мимо которыхъ проѣздъ былъ невозможенъ. Крѣпко окованныя желѣзомъ массивныя древнія ворота, запирающія входъ въ крѣпость, уцѣлѣли до сихъ поръ.

Прежде въ крѣпости, вѣроятно, жило много народа и начальствующихъ людей. Въ юго-западномъ углу ея сохранилось какое-то большое запустѣвшее зданіе изъ бѣлыхъ камней, въ разныхъ мѣстахъ стоятъ солдатскія казармы, раскинуты фонтаны и глубокія цистерны для воды, искусно обдѣланныя бѣлымъ тесаннымъ камнемъ, хотя, къ сожалѣнію, уже запущенныя и высохшія; близъ южной стѣны даже что-то въ родѣ сада изъ большихъ бѣлыхъ акацій и разныхъ другихъ тѣнистыхъ деревьевъ.

Съ уступа на уступъ крѣпостной скалы приходится подниматься по ступенямъ: въ иныхъ мѣстахъ зубцы стѣны приходятся въ уровень съ теменемъ скалы, въ другихъ—стѣна поднимается надъ нею на нѣсколько сажень, такъ что нужно взбираться на нее, какъ на колокольню.

Я взобрался на самый верхъ самой верхней башни, чтобы полюбоваться широкою панорамой моря и берега, которая открывается съ нея. Ярко красные цвѣты мака и зеленыя метелки всякихъ полевыхъ травъ убираютъ теперь своимъ мирнымъ уборомъ когда-то грозную твердыню. Дербентъ виденъ отсюда à vol d'oiseau и уже кажется расположеннымъ не по склону крутой горы, а на совершенно гладкой равнинѣ; даже персидскій городъ, ближе всѣхъ придвинувшійся къ крѣпости, и тотъ виденъ отсюда въ той же странной иллюзіи зрѣнія. Только теперь вполнѣ ясно, что Дербентъ гораздо обширнѣе, чѣмъ онъ казался намъ снизу, въ своемъ неизбѣжномъ раккурсѣ. Море чудной синевы стелется впереди и поднимается къ горизонту своимъ неохватнымъ просторомъ. Нашъ статный пароходъ, будто живое энергическое существо, дышетъ и пышетъ клубами горячаго пара, еще неподвижный на своихъ якоряхъ. Цѣлая флотилія парусныхъ лодочекъ рѣетъ бѣлыми чайками между нимъ и городскою пристанью, а тамъ въ туманныхъ горизонтахъ дали темнѣютъ силуэты пароходовъ и кораблей, что бѣгутъ другъ за другомъ, и одни навстрѣчу другимъ по никѣмъ не проведенному водному пути изъ Баку въ Астрахань, изъ Астрахани въ Баку,

точно обозы извозчиковъ на большихъ дорогахъ нашей черноземной Россіи...

Спустившись опять внизъ, мы съ удовольствіемъ побродили нѣсколько минутъ послѣ долгаго солнечнаго пекла въ освѣжающей тѣни городского сада и посѣтили кстати историческую землянку около крѣпостной стѣны, въ которой, по преданію, жилъ Великій Петръ во время взятія Дербента.

Рынокъ дербентскій богатъ всякими овощами: капуста, картофель, виноградъ ростутъ здѣсь роскошно по низинамъ, окаймляющимъ море. Дербентское вино вкусно и недорого. Въ поощреніе мѣстнаго производства мы купили нѣсколько кусковъ страшно пестрой и страшно яркой персидской набойки для покрываль, столько же грубой и кволой, сколько дешевой, которая приготовляется тутъ же на вашихъ глазахъ туземными мастерами, и стоитъ всего 50—60 коп. за кусокъ.

Любители могутъ также пріобрѣсти себѣ здѣсь коллекцію очень красивыхъ морскихъ раковинъ, которыми запаслись всѣ наши пассажиры. На пароходъ мы вернулись уже на четырехъ веслахъ, ибо погода стихла и парусъ окончательно отказался дѣйствовать. Это взяло, конечно, гораздо болѣе времени, такъ что мы едва не запоздали къ отходу парохода. Завтракъ уже стоялъ на столѣ, что было очень кстати послѣ нашихъ утомительныхъ странствованій по горамъ; къ дессерту еще болѣе кстати появилась душистая клубника, привезенная изъ города персидскими торговцами вмѣстѣ съ букетами роскошныхъ майскихъ цвѣтовъ...

Хотя мы еще у береговъ Кавказа, но кавказскихъ горъ уже больше не видно. За Дербентомъ тянется, и то очень далеко, только низенькая и ничѣмъ не интересная горная цѣпь. Петровскъ гнѣздится на зеленомъ и невысокомъ береговомъ кряжикѣ. Кругомъ него такія же зеленыя и невысокія горы съ осыпями камней внизу. Сосѣднія деревеньки разбросаны до-

вольно близко, а къ берегу притулились рыбачьи хуторки. Городокъ довольно красивъ издали. Порта въ сущности нѣтъ, но онъ сдѣланъ искусственно: молъ изъ бѣлыхъ тесаныхъ камней, заваленный внутри обломками простого дикаго камня, направляется длинною прямою стрѣлою къ сѣверу, отгораживая собою отъ моря заливъ своего рода, въ которомъ могутъ покойно стоять на якоряхъ приходящія суда. Молъ этотъ—любимая и всегда сухая прогулка для немногочисленной здѣшней публики, которая спѣшитъ сюда къ приходу каждаго срочнаго парохода, чтобы развлечься, за неимѣніемъ болѣе пріятныхъ развлеченій, хотя пріѣздомъ и отъѣздомъ своихъ знакомыхъ.

Другой брекватеръ, много короче, тянется поперечно къ первому. Это наваленные неправильными грудами тяжелые массивы, сдѣланные изъ связанныхъ гидравлическимъ цементомъ тесаныхъ камней. Все вмѣстѣ и образуетъ нехитрую Петровскую гавань, въ которой кромѣ нашего парохода уже уставилось на якоряхъ нѣсколько судовъ. Отъ города до порта уложены рельсы, чтобы облегчить нагрузку и выгрузку товаровъ. На холмѣ, какъ разъ надъ гаванью, большія зданія казеннаго вида, кажется, бывшіе военные склады, и около нихъ что-то въ родѣ форта съ низенькими круглыми башнями. А еще выше форта бѣлая башня маяка. На берегу—большой бѣлый домъ въ два этажа съ мезониномъ.

— Что̀ это за домъ?—спрашиваю я у извозчика, на которомъ мы рѣшились съѣздить посмотрѣть городъ.

— Инженеръ живетъ, что бухтою завѣдываетъ. Тутъ много теперь пустыхъ большихъ домовъ; склады сукна, и всякія строенія казенныя пустуютъ теперь. Господъ начальственныхъ тутъ теперь нѣтъ, ну и не нужно никому! А прежде тутъ округъ былъ, начальники большіе жили... Деньжищъ сколько увалили на постройки эти, а теперь прахомъ все пошло...

Городъ расположенъ къ югу отъ бухты. Мы проѣхали по всѣмъ его главнымъ улицамъ. Онъ порядочно великъ, на всякомъ шагу магазины, конторы, торговля; но особенно тутъ

много ренсковыхъ погребовъ. Они сверкаютъ сквозь свои широкія окна живописными рядами разукрашенныхъ бутылокъ и штофиковъ, соблазняя на всякомъ шагу прохожихъ и проѣзжихъ. Ясно, что Петровскъ—торговый центръ очень большой округи, которая все это выпиваетъ и раскупаетъ. Съ открытіемъ желѣзной дороги онъ несомнѣнно сдѣлается очень серьезнымъ коммерческимъ портомъ и немало подорветъ, пожалуй, и Баку, и Астрахань, такъ какъ множество русскихъ и европейскихъ товаровъ двинутся черезъ него, какъ по ближайшему пути въ Закаспійскій край, Туркестанъ и Персію, а азіатскіе товары изъ этихъ странъ по той же причинѣ потянутся къ нему. Геніальный глазъ Петра Великаго угадалъ такимъ образомъ отдаленную торговую будущность даже и этого глухого уголка.

Мы провели вечеръ въ тѣнистомъ и хорошо устроенномъ городскомъ саду, съ удовольствіемъ слушая въ тихой темной аллеѣ родные звуки малороссійскихъ и русскихъ пѣсней, исполняемыхъ военнымъ оркестромъ, и возвратились на свой пароходъ уже въ совершенную темноту. Солдатъ-перевозчикъ усадилъ насъ въ огромную лодку, биткомъ набитую татарами и персіянами, и мы медленно поплыли по черной бездне водъ къ чудовищному черному силуэту нашего парохода, смутно вырѣзавшемуся своими снастями на безлунномъ небѣ... Онъ уже весь обвѣсился фонарями—красными, бѣлыми и зелеными, и сверкалъ ими по-очередно на насъ, уступая капризамъ волны, словно циклопъ своимъ страшнымъ одинокимъ глазомъ, отыскивающій убѣжавшую отъ него жертву...

II.

Устье Волги.

Съ ранняго утра мы въ открытомъ морѣ. Никого не видно ни впереди, ни назади, ни направо, ни налѣво. Не качнетъ ни разу, хотя свѣжая волна бѣжитъ на встрѣчу, и вѣтеръ дуетъ въ лицо.

Я все время съ большимъ интересомъ бесѣдую съ человѣкомъ, съ которымъ случайно познакомился на пароходѣ, и который представляетъ изъ себя характерный типъ волжскаго торговца; по виду онъ не то купецъ, не то мужичекъ, волоса въ скобку, говоритъ простонародною рѣчью, съ сильнымъ нажимомъ на *о*, съ чисто русскими безцеремонными словечками, особенно по адресу жидовъ, но отлично понимаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ самые сложные финансовые и экономическіе вопросы, ворочаетъ огромными дѣлами, имѣетъ нѣсколько пароходовъ и наливныхъ баржъ, и держитъ у себя въ Царицынѣ управляющимъ бывшаго контръ-адмирала. Это извѣстный по всему Каспію одинъ изъ братьевъ А...

Мнѣ сказали, будто онъ даже совсѣмъ неграмотенъ и едва выучился царапать свою фамилію, но съ тѣмъ вмѣстѣ онъ настолько выдающійся промышленный и торговый мѣстный дѣятель, что его вызывали не разъ какъ эксперта въ разныя петербургскія коммиссіи, и онъ самъ лично ѣздилъ въ Англію заказывать себѣ шкуну.

Мнѣ уже отчасти знакомъ этотъ типъ русскаго практическаго здравомысла-самоучки, который чаще всего встрѣчаешь именно на Волгѣ, въ томъ смѣломъ и способномъ мужичествѣ, чтó прокладываетъ себѣ дорогу отъ лаптей прямо къ милліонамъ, своими разнообразными разсчетами и пріемами соперничаетъ съ многознающимъ иностранцемъ и составляетъ, строго говоря, основную силу всей нашей промышленной и торговой жизни. Съ другой стороны, это типъ глубоко историческій, типъ того смѣтливаго и предпріимчиваго великорусса, который, при самыхъ неблагопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ, утверждалъ потихоньку свое владычество надъ цѣлою частью свѣта и своими не показными, но неутомимыми трудами умѣлъ создать мало-по-малу могучее русское царство. Это типъ хотя и мужицкій по рѣчи, по внѣшности, далеко однако не темный. Напротивъ того, люди этого типа всегда радуютъ и удивляютъ меня широтой и безпристрастіемъ своихъ сужденій и свѣтлымъ взглядомъ на наше

будущее, чего меньше всего ожидаешь отъ нихъ. Эти малограмотные люди искреннѣе, чѣмъ кто-нибудь, вѣрятъ въ необоримую силу просвѣщенья, въ очевидную пользу науки, въ необходимость школы для послѣдняго пахаря. Они гораздо либеральнѣе и въ мнѣніяхъ своихъ, и, особенно, въ дѣйствіяхъ многихъ профессіональныхъ либераловъ, и хотя ничего не знаютъ объ Америкѣ и никогда не были въ ней, но въ сущности гораздо похожѣе на американцевъ по своему характеру и всѣмъ дѣламъ, чѣмъ многіе изъ нашихъ краснорѣчивыхъ проповѣдниковъ американизма. Эти крѣпкія русскія головы и крѣпкіе русскіе характеры въ несокрушимо крѣпкомъ простонародномъ тѣлѣ на все смотрятъ прямо и вездѣ дѣйствуютъ съ спокойною рѣшительностью, безъ нервности, безъ иллюзій, но и безъ малодушныхъ разочарованій. Знанія ихъ, конечно, ограничены, но зато удивительно тверды и опредѣленны, память дѣвственная, настоящая мужицкая, всегда владѣющая необходимымъ запасомъ цыфръ, и такая же мѣткая мужицкая наблюдательность, отъ которой ничто не укроется... Они вездѣ остаются сами собою: въ дамской гостиной, въ пріемной сановника, на биржѣ и въ толпѣ рабочихъ. Ведутъ твердо свою линію, держатъ зорко и подъ часъ жестко свой разсчетъ, и не стараются разыгрывать изъ себя никакой роли.

Какъ вы смотрите на нихъ, нравятся ли вамъ ихъ манеры и рѣчи — это ихъ нисколько не тревожитъ, и они надъ этимъ нисколько не задумываются. Они не хотятъ казаться ничѣмъ, кромѣ того, что они есть, ни нѣмцами, ни американцами, ни учеными экономистами, ни милліонерами, сыпящими золото. Но они зато и не стыдятся того, что въ нихъ есть, и каковы они; они не конфузясь крестятся при васъ на святыя иконы и Божьи храмы, не конфузясь ѣдятъ постное въ посты, не конфузясь среди расфранченной публики ходятъ штаны въ сапоги и длиннополый кафтанъ на плечахъ... Въ этой простотѣ и цѣльности — ихъ великая сила. Цивилизацію, научныя изобрѣтенія они уважаютъ не потому, чтобы считали ихъ за какой-нибудь суевѣрный

фетишъ, которому почему-то обязательно для всѣхъ покланяться, а потому, что на каждомъ шагу своей практической жизни, своихъ собственныхъ промышленныхъ и торговыхъ предпріятій, убѣждаются въ несравнимомъ превосходствѣ просвѣщенья и благоустройства надъ невѣжествомъ и безпорядкомъ, честныхъ и знающихъ спеціалистовъ надъ темными и плутоватыми людишками, учившимися на мѣдный грошъ.

По словамъ моего бывшаго собесѣдника рыболовное дѣло Астрахани и ея прибрежій —въ рукахъ нѣсколькихъ крупныхъ фирмъ. Базилевскіе, извѣстные петербургскіе золотопромышленники, Сапожниковъ, Хлѣбниковъ и нѣкоторые другіе—главные хозяева здѣшняго рыбнаго дѣла.

Хлѣбниковъ, который изъ купцовъ сдѣлался предводителемъ дворянства, считается особенно дѣльнымъ и умнымъ промышленникомъ.

Самая доходная статья здѣшняго рыболовства, такъ называемая «мужицкая рыба» — вобла и сельдь. Воблы ловится въ годъ до 500 милліоновъ штукъ и болѣе. Сельди стали сильно уменьшаться въ числѣ. У Сапожникова обыкновенно ловилось до 50 милліоновъ сельдей, а въ нынѣшнемъ году не болѣе 4, 5 милліоновъ. На осетринѣ не разбогатѣешь, потому что она требуется однимъ богатымъ, все равно какъ желѣзная дорога извлекаетъ свои доходы съ пассажировъ не 1-го класса, а 3-го, гдѣ ѣздитъ рабочій людъ. Въ торговлѣ выгодно только то, что нужно всему народу. Ловъ воблы и сельди — въ апрѣлѣ, вообще же временемъ рыболовства считается весна, отъ 1-го марта до 9-го мая, и осень, съ 7-го сентября до 14-го ноября. Рабочему платятъ за 2 мѣсяца отъ 10—25 рублей на хозяйскихъ харчахъ. Нанимаютъ только на эти сроки, потомъ промыслы пустѣютъ; продолжается только укладка рыбы въ бочки. Зимой хотя ловятъ, но мало, и сейчасъ же пускаютъ въ продажу, не заготовляя въ прокъ. Главные рыбные заводы не въ самой Волгѣ, а въ ея рукавахъ, которыхъ тутъ насчитываютъ до 360, начиная

отъ самаго восточнаго, такъ называемаго Бузана... Впрочемъ, заводы тянутся и по Волгѣ, вплоть до Царицына. Цѣны на рыбу въ Астрахани часто выше московскихъ, но въ обыкновенное время здѣсь можно имѣть свѣжую икру не дороже 60 коп. за фунтъ. Самая цѣнная и вмѣстѣ необходимая вещь на рыбномъ заводѣ — это ихъ громадные ледники. Въ ледъ врубаются громадныя деревянныя вмѣстилища, залитыя смолой, для разсола рыбы. Въ такое помѣщенье входитъ до 300.000 головъ сельди, а подобныхъ помѣщеній въ хорошемъ ледникѣ бываетъ до 200. Воблу не солятъ, а сушатъ, нанизывая на веревки. Ея обыкновенно такое множество, что точный счетъ очень затруднителенъ. Изъ сѣтей ее сыплютъ въ особыя лодки, такъ называемыя «прорѣзы»; носятъ носилками и считаютъ только каждыя десятыя носилки. Счетъ же точный дѣлается уже при самой продажѣ. Съ 9-го мая до 1-го іюля рыбная ловля запрещается. Санитарная коммиссія зорко смотритъ, чтобы на ловляхъ соблюдалась строгая чистота, и заводчики часто обижаются на ея излишнюю требовательность. По разсказамъ моего спутника, бывшій астраханскій губернаторъ, князь В., много облегчилъ положеніе заводчиковъ, лично входя въ ихъ дѣла и не допуская неосновательныхъ придирокъ. Разъ на одного заводчика сосѣдъ его подалъ доносъ, что у него вся мука для рабочихъ полна червей. Вслѣдствіе этого доноса коммиссія запечатала складъ муки, и 500 рабочихъ остались безъ куска хлѣба. Заводчикъ бросился, по обыкновенію къ князю. Тотъ немедленно самъ отправился съ нимъ на заводъ, но по дорогѣ неожиданно заѣхалъ на заводъ доносчика и осмотрѣлъ его собственную муку. Захвативъ два куля ея, онъ приказалъ просѣять ихъ черезъ сито, и въ 7-ми пудахъ муки нашелъ $1^1/_2$ фунта червей, между тѣмъ какъ въ мукѣ обвиненнаго ихъ оказалось всего $^1/_4$ фунта.

У другого заводчика коммиссія арестовала мильонъ головъ воблы, будто бы вонючей. Заводчикъ кинулся сейчасъ къ князю, который точно также лично разслѣдовалъ дѣло. Оказалось, что коммиссія арестовала совсѣмъ сырую рыбу, которая черезъ это

стала сейчасъ-же портиться въ мѣшкахъ; на веревкахъ же она въ 3 дня отлично высохла и стала очень вкусною. Приглашенные члены коммиссіи, попробовавъ этой рыбы, должны были признать, что она дѣйствительно была вполнѣ годною въ продажу.

Вообще я слышалъ горячія похвалы князю В.

«Такіе только люди царю и нужны: дѣятельные, умные и честные!» характеризовалъ его мой энергическій собесѣдникъ.

Странно, что до сихъ поръ не могутъ проложить телеграфнаго кабеля изъ Астрахани къ такъ называемымъ «9 футамъ», то-есть станціи, гдѣ останавливаются морскіе пароходы, и откуда пассажиры пересаживаются на волжскіе пароходы. Увѣряютъ, будто это было бы непосильно дорого, и оттого до сихъ поръ телеграфъ проведенъ только на «Бирючью Косу», за 30 верстъ отъ «9 футовъ».

На «9 футахъ» перегружаются и всѣ нефтяныя наливныя суда, что особенно убыточно и неудобно. Хотя дѣло поставлено по возможности практично, такъ что въ одинъ часъ успѣваютъ перелить до 10.000 пудовъ нефти, но, тѣмъ не менѣе, въ этомъ перегруживаніи товара среди открытаго моря огромная помѣха торговлѣ. Часто случается, что сильный вѣтеръ съ моря дуетъ нѣсколько дней и все время не даетъ судамъ перегружаться; а нерѣдко буря и топитъ злосчастныя суда, вынужденныя проводить въ ожиданіи перегрузки дни и даже недѣли среди бушующихъ волнъ, ничѣмъ не защищенныя отъ шторма. Съ другой стороны, нѣтъ никакой возможности устроить пристань среди открытаго моря. Морской ледоходъ, могучій какъ нигдѣ на бурномъ старомъ Каспіи, сокрушилъ бы въ одно мгновенье самыя крѣпкія сооруженія человѣка.

Углубить фарватеръ морского залива и устье Волги—стоило бы колоссальныхъ милліоновъ и не повело бы въ сущности ни къ чему, потому что песокъ безостановочно плыветъ по Волгѣ и безостановочно засариваетъ всѣ рукава и фарватеры ея.

А. сообщилъ намъ, что Астрахань не ведетъ торговли нефтью, покупая ее только для себя; вся же здѣшняя торговля каспій-

скою нефтью сосредоточивается въ Царицынѣ, этой громадной всероссійской цистернѣ для керосина, откуда онъ развозится въ вагонахъ по лицу всей Россіи.

Безъ Ротшильда и Нобеля, по мнѣнію А., у насъ бы стало все нефтяное дѣло. Московскіе купцы, по его словамъ, могли бы двинуть на него сотни милліоновъ рублей, да предпочитаютъ рѣзать купоны, а когда Нобель завелъ нефтепроводы и разныя заводскія усовершенствованія, всѣ бросились съ него списывать, и дѣло сразу ожило. Американская компанія привезла съ собою 14 милліоновъ долларовъ, чтобы устроить нефтепроводъ изъ Баку въ Батумъ; имъ отказали, а теперь сами не знаютъ, куда дѣвать нефть. Продаютъ ее на мѣстѣ по 1 коп. за пудъ, керосинъ по 7 коп.; а тутъ еще правительство пошлину наложило невозможную: 40 коп. съ пуда! Ежемѣсячно изъ Баку перевозятъ черезъ Каспійское море въ Волгу 35—40 милліоновъ пудовъ керосина. За одинъ разъ всѣ каспійскія суда могутъ перевезти 18 милліоновъ пудовъ: 9 милліоновъ парусныя суда и 9 милліоновъ паровыя. Паровое судно можетъ обернуться раза 3—4 въ мѣсяцъ, а парусное только одинъ разъ.

По словамъ А., лучшіе наши волжскіе пароходы строятся въ Нижнемъ и окрестностяхъ его. Курбатовскій заводъ въ Нижнемъ производитъ самъ рѣшительно всѣ составныя части пароходовъ, ничего не выписывая изъ-за границы. Особенно славится на Волгѣ своимъ мастерствомъ строитель пароходовъ Калашниковъ. Онъ — совершенный самоучка, какъ это часто бываетъ у насъ на Руси, но за свое необыкновенное искусство будто бы получилъ званіе инженеръ-технолога и право читать лекціи о постройкѣ пароходовъ, какъ увѣрялъ меня А. Его пароходы отличаются удивительною способностью сидѣть очень мелко и ходить быстро, а въ то же время замѣчательно красивы. Въ настоящее время онъ, кажется, разошелся съ хозяевами и бросилъ заводъ, нажившъ, впрочемъ, себѣ хорошее состояніе. Много пароходовъ строитъ и Сормовскій заводъ, въ 12-ти верстахъ выше Нижняго.

Въ Рыбинскѣ тоже есть три пароходныхъ завода Журавлева. Вообще теперь все пошли пароходы собственнаго издѣлія.

Зеваке, хозяинъ извѣстной пароходной фирмы, удачно соперничающей съ «Кавказомъ и Меркуріемъ», былъ прежде приказчикомъ Журавлева и убѣдилъ его построить еще невѣдомые тогда на Руси шесть американскихъ двухъэтажныхъ пароходовъ, которыми теперь кишитъ Волга, и которые составляютъ одно изъ великихъ удовольствій волжскихъ прогулокъ. Образовалась Волжско-Камская компанія, но она скоро разорилась отъ неумѣлаго веденія дѣлъ, и Зевеке купилъ тогда за собственный счетъ всѣ его пароходы, построилъ къ нимъ еще девять новыхъ и сталъ получать большіе барыши, потому что вся публика бросилась на эти, въ высшей степени, удобные, роскошные и помѣстительные пароходы. Но все-таки изъ числа пароходныхъ волжскихъ тузовъ наиболѣе крупными считаются до сихъ поръ Журавлевъ, Любимовъ и братья Каменскіе, гоняющіе свои пароходы, кромѣ Волги, еще по Камѣ и сибирскимъ рѣкамъ.

Нынѣшній годъ вода въ Волгѣ поднималась очень невысоко, въ Нижнемъ на 4 аршина, въ Царицынѣ на 3, а въ Астрахани всего только на 2 аршина, чего уже давно не бывало, и чтò вредно отозвалось на укосахъ травъ по дальнимъ заливнымъ лугамъ. По причинѣ этой же мелководности съ нѣкоторыхъ рѣкъ, впадающихъ въ Волгу, не могло прійти до сихъ поръ много лѣсныхъ каравановъ, вслѣдствіе чего цѣна на лѣсъ сильно поднялась. Впрочемъ, эта дороговизна не продержится долго, такъ-какъ она же и вызоветъ самый усиленный подвозъ лѣса на всемъ, на чемъ только можно.

Меня особенно утѣшала въ А. его спокойная и незыблемая, истинно-крестьянская вѣра въ то, что земля и вода неистощимы, что онѣ будутъ вѣчно кормить человѣка, если только къ нимъ приложить настойчивый и разумный трудъ. Это отрадная противоположность обычнымъ малодушнымъ взглядамъ нашего помѣщичества, будто ничто не даетъ дохода, все въ убытокъ и будто у насъ на Руси ничѣмъ заняться нельзя. Въ этомъ ска-

зывается глубокая разница между человѣкомъ-работникомъ и человѣкомъ-бѣлоручкой, питомцемъ гувернантокъ и классическихъ школъ, который не пріученъ ни къ какому настоящему дѣлу. Богатство Россіи было и будетъ создано, конечно, не этими бѣлоручками, а подлинными русскими характерами, съ ихъ смѣлою предпріимчивостью и быстрою практическою сметкой.

Цѣлый день мы идемъ, какъ въ океанѣ, не видя нигдѣ ни островка, ни куска берега. Пароходы и тѣ встрѣчаются теперь рѣдко; они идутъ другимъ, не нашимъ курсомъ, прямо на Астрахань, не заходя въ Петровскъ. Слѣдить за ними—теперь единственное наше развлеченіе. Зато въ волнахъ моря то и дѣло качаются тюлени. Сначала они напугали меня. Стою, задумавшись у борта, пристывъ глазами къ морю, и вдругъ вижу въ волнахъ его какое-то круглое, словно человѣческое лицо... Лицо это смотритъ прямо мнѣ въ глаза своими черными, умными глазами и, кажется, употребляетъ всѣ усилія, чтобы не отстать отъ парохода... У меня сдавилось сердце. Что̀ это? утопающій? Откуда онъ можетъ быть?.. Повелъ глазами немного дальше, тамъ опять такой же утопающій, съ такимъ же заливаемымъ волнами круглымъ лицомъ, обращеннымъ къ пароходу, словно въ безмолвной мольбѣ... Глянулъ въ сторону—тамъ и еще и еще тѣ же головы, тѣ же умоляющіе взгляды... У меня сразу прояснилось въ мозгу:

— Господи! да это тюлени... Какъ не узналъ я ихъ съ перваго взгляда!..

Тюленямъ, должно быть, тоже скучно, какъ и намъ среди вѣчнаго однообразія моря: они обрадовались случаю, что увидѣли нашъ красивый, пышущій дымомъ пароходъ и бросились на перегонки съ нимъ, какъ дельфины въ Черномъ морѣ... Только тюлени гораздо спокойнѣе дельфиновъ, какъ и подобаетъ неповоротливому жителю сѣвера. Они не кувыркаются черными колесами, словно подводныя мельницы, какъ это любятъ выдѣлывать шаловливые любимцы древняго Эллина, а просто по цѣ-

лымъ часамъ плывутъ за пароходомъ, высовывая изъ воды только свои темныя, гладкія, какъ соболь, мордочки, да бѣлыя мѣховыя манишки своихъ душекъ.

Къ вечеру, однако, виднѣлась около парохода всего только одна глазастая, круглая мордочка. Она настолько напоминала человѣческую, что, по инстинктивной привычкѣ судить по себѣ, мнѣ становилось какъ-то жутко за нее... Такое крошечное, одинокое тѣльце копошится вдругъ своими безсильными лапками надъ этою бездонною взволнованною пучиной, среди этого безбрежнаго простора; пароходъ бѣжитъ впередъ своими увѣренными, могучими толчками, а это отчаянно борющееся тѣльце тонетъ за нимъ во мракѣ надвигающейся ночи, точно гибнущій безъ помощи человѣкъ...

А вотъ и еще зоологія! какая-то крошечная, желтенькая птичка, вѣроятно, неосторожно залетѣвшая на пароходъ съ берега Петровска, охваченная ужасомъ незнакомаго ей безбрежнаго моря, судорожно бьется по палубѣ, между веревочныхъ лѣстницъ и канатовъ, тщетно бросаясь во всѣ стороны, пытаясь найти гдѣ-нибудь привычную зеленую лужайку или спасительный кустъ... Она прячется отъ преслѣдующихъ ее со всѣхъ сторонъ страховъ въ темныхъ углубленіяхъ кожуха и дрожитъ тамъ лихорадочною дрожью, можетъ быть, горько вспоминая о своемъ неблагоразумно-покинутомъ родномъ гнѣздѣ.

Несмотря на сильный вѣтеръ и волны, пароходъ нашъ идетъ такъ спокойно, что кажется мы не двигаемся съ мѣста. Колесные пароходы въ этомъ отношеніи несравненно пріятнѣе винтовыхъ, особенно, если они устроены такъ хорошо, какъ нашъ. Вѣтеръ сдѣлался совсѣмъ свѣжимъ, когда мы въ глубокой темнотѣ стали входить въ какой-то пловучій городокъ огней. Это такъ называемые «12 футовъ», первый аванпостъ берега, гдѣ вынуждены останавливаться самые крупные пароходы. Тутъ и пловучій маякъ, безъ устали мигающій своимъ глазомъ циклопа. Какъ разъ въ полночь черная непроглядная тьма ночи еще разъ

вдругъ заискрилась роями огней, трепетавшихъ, казалось, у самаго уровня моря. Весь горизонтъ, насколько онъ намъ виденъ, охваченъ этими огнями. Это и есть пресловутые «9 футовъ», гдѣ приходится перегружаться и намъ на рѣчной пароходъ. Не видно рѣшительно ничего. Ночь слила въ одинъ черный сплошной хаосъ небо и море, но эти вездѣ мигающіе и трепещущіе огоньки—эти висящіе въ неопредѣленномъ пространствѣ бѣлые, зеленые и красные фонари,—убѣдительно говорятъ вамъ о томъ, что тутъ вездѣ кругомъ васъ многолюдная человѣческая жизнь...

Тутъ тоже пловучій маякъ съ ослѣпительно яркими перемѣняющимися огнями, своего рода неусыпный часовой этой черной пучины моря и ночи...

Пароходъ нашъ прорѣзаетъ насквозь эту невидимую бездну разсыпанныхъ огней, но мы уже не слышимъ, какъ и гдѣ останавливается онъ. Мы заснули глубокимъ сномъ. Спать, однако, пришлось недолго. Съ 4 часовъ утра уже начался шумъ и говоръ собиравшейся на палубѣ публики, грохотъ цѣпей, вытягивавшихъ товары изъ трюма, крики лодочниковъ, осадившихъ пароходъ. Въ 5 часовъ и мы съ женой вышли на палубу полюбоваться оригинальнымъ пловучимъ городкомъ. Нигдѣ на цѣлую версту ничего, кромѣ пароходовъ, кораблей, баржъ. Все качается и суетливо двигается. Пароходы медленно тащутъ на буксирѣ цѣлую вереницу баржъ, налитыхъ нефтью, лодки снуютъ вездѣ, какъ извозчики на многолюдныхъ улицахъ столицы, пловучія пристани, пловучія конторы на якоряхъ, пловучіе бассейны для слива нефти.

Разноцвѣтные флаги пароходныхъ компаній и торговыхъ фирмъ весело вѣютъ на своихъ высокихъ шестахъ, зазывая къ себѣ пловучихъ посѣтителей, какъ вывѣски городскихъ гостинницъ зазываютъ къ себѣ проѣзжаго.

Пароходовъ тутъ цѣлое полчище. Они уже всѣ развели свои пары и—украшенные кудрявыми султанами дыма—маневрируютъ въ ожиданіи отплытія. Всевозможныя имена географіи,

литературы, календаря—прочтете вы на ихъ щеголеватыхъ кормахъ. Къ намъ тоже подходитъ пароходъ съ золотою надписью: «Константинъ Кавосъ». Публика, давя другъ друга, шумно валится на него, стараясь захватить мѣстечко поудобнѣе. Вотъ всѣ мы, однако, размѣстились кое-какъ; но отплывать еще нельзя. Къ намъ подъѣзжаетъ другой пароходикъ съ таможенными чинами. Они чего-то ищутъ, осматриваютъ что-то, но почти исключительно среди армянъ и персіянъ, не безпокоя «порядочную» публику. У нихъ особенное чутье на тотъ людъ, у котораго можно откопать контрабанду.

Наконецъ, и мы тронулись впередъ. Яркое радостное утро очень кстати засіяло надъ веселымъ и оригинальнымъ пейзажемъ, который разстилался теперь кругомъ насъ.

Съ биноклями въ рукахъ, мы съ женой не слѣзали съ палубы. Налѣво вдали виднѣлся живописный «маякъ четырехъ бугровъ». Буграми здѣсь называются острова. Это имя лучше всего показываетъ, что здѣшніе острова—простые наносы песку. Жителю гладкой равнины моря всякое выростающее на ней возвышеніе естественно кажется бугромъ. На буграхъ этихъ все богатыя рыболовныя селенья съ бѣлыми соборами, тесомъ крытыми домами. На мысахъ и отмеляхъ ихъ торчатъ тростниковые шалаши на высокихъ столбахъ, такъ называемые здѣсь *балыгиники*, гдѣ сушатъ балыкъ и всякую вяленую рыбу.

Одни за другими чередуются вдали эти острова, селенья, хуторки. Давно я не любовался такою веселою и оживленною картиной. Вездѣ парусныя суда и лодки; они оцѣпили горизонтъ моря, словно бабы-птицы, загоняющія рыбу; они рѣютъ вдали и вблизи, впереди и сзади насъ, вырѣзаясь на синевѣ моря живописными косыми парусами, будто бѣлыя чайки своими крыльями. А пароходы и пароходики въ свою очередь безостановочно бѣгутъ и съ моря въ Волгу, и сверху, изъ устья великой рѣки, пыхтя своими трубами и обмѣниваясь оглушительными свистками, отъ которыхъ, кажется иногда, лопнетъ барабанная перепонка. На бортѣ каждаго кто-нибудь махаетъ бѣлымъ

флагомъ, чтобы условиться безъ разговоровъ съ встрѣчнымъ пароходомъ, какой стороны кому держаться...

Пароходы эти рѣдко бѣгутъ въ одиночку: почти всякій тащитъ за собою цѣлый хвостъ баржъ, смотря по своимъ силамъ. Въ иной баржѣ сто, въ иной полтораста тысячъ пудовъ нефти, и такихъ махинъ ползетъ нѣсколько на буксирѣ одного парохода. Послѣ долгихъ впечатлѣній средне-азіатскихъ пустынь, они мнѣ напоминаютъ вереницы тяжко нагруженныхъ верблюдовъ, которыхъ ведетъ впереди на ушатомъ маленькомъ осликѣ или сухощавомъ конькѣ, навязавъ ихъ всѣ какъ баранки на одну мочалку, какой-нибудь одинокій старикъ-лаучъ или мальчишка киргизенокъ.

— Это *Нина Сапожникова*, это *Алексѣй Сапожниковъ*, а это *Туркменъ*, это *Михаилъ Ивановъ!* поминутно слышится на нашей палубѣ, словно въ привѣтствіе пробѣгающимъ мимо знакомымъ пароходамъ. Одинъ хвалитъ одного, другой другого, разсуждая какой изъ нихъ быстрѣе, какой поворотливѣе, какой сильнѣе, какой изящнѣе,, любуются, хвастаютъ, укоряютъ, спорятъ и горячатся совсѣмъ такъ, какъ любители бѣговъ толкуютъ о бѣгущихъ на призъ рысакахъ; простой народъ, пожалуй, еще горячѣе и искреннѣе, чѣмъ даже «порядочная» публика. И пароходы, должно быть, чувствуютъ и знаютъ это, по крайней мѣрѣ, капитаны ихъ, потому что и они, завидя впереди внимательныхъ зрителей, охорашиваются по-своему и стараются пронестись по возможности лихо. Ихъ тутъ въ самомъ дѣлѣ такая же пропасть, какъ рысаковъ на любомъ городскомъ гуляньи. Кажется, только проѣзжая Волгу, можно оцѣнить сколько-нибудь вѣрно торговую предпріимчивость и промышленную силу Россіи.

Съ «9-ти фунтовъ» вода уже дѣлается грязно-бурою и прѣсною на поверхности, хотя въ глубинѣ она еще совсѣмъ соленая. Могучій потокъ Волги не скоро теряется даже въ громадной чашѣ моря, а прорѣзаетъ ее на много верстъ, почти видимый глазомъ, не смѣшиваясь съ морскою водой...

Мѣстами, впрочемъ, вода здѣсь не только бурая, но и совсѣмъ

черная или подернутая какимъ-то металлически-мраморнымъ налетомъ отъ утекающей изъ баржъ нефти; такія лужи пахнутъ обыкновенно прескверно и, вѣроятно, отравляютъ рыбу, хотя новѣйшіе изслѣдованія и опыты опровергаютъ это повсюду распространенное убѣжденіе, а приписываютъ постоянно возрастающее уменьшеніе рыбы въ Волгѣ исключительно невѣжеству самихъ рыболововъ, которые заграждаютъ своими сѣтями входъ рыбѣ изъ моря въ рѣку для метанья икры и оставляютъ безполезно гибнуть на землѣ массы мелкой рыбешки, попадающейся въ сѣти и остающейся на берегахъ рѣки послѣ весенняго разлива.

Правая сторона взморья верстъ на 60, до села Хорбая съ давнихъ поръ, еще со временъ Петра I, принадлежитъ Сапожниковымъ. У нихъ тутъ выстроенъ на островѣ Житномъ великолѣпный дачный домъ и усадьба, разведенъ прекрасный садъ. Богачи-хозяева угощали на этой дачѣ покойнаго Императора Александра Николаевича, во время его путешествія по Волгѣ. Государь посѣтилъ тогда и нѣсколько рыбацкихъ селеній и заходилъ совершенно невзначай во многіе крестьянскіе дома. Его очень пріятно поражала необыкновенная чистота и приличіе домашней жизни каждаго здѣшняго бѣдняка.

Лѣвая половина взморья—казенная. Поселившіяся на островахъ рыбацкія села платятъ казнѣ за право рыбной ловли за каждую такъ называемую «путину» по 50 рублей отъ большой барки и по 25 рублей отъ будары.

Путинъ двѣ въ году, одна отъ 1-го марта до 15-го мая, другая отъ 1-го сентября до 14-го ноября; слѣдовательно, крупная посудина платитъ 100 руб. въ годъ, а мелкая—50 руб. въ годъ. Въ остальное время года рыбу ловить запрещается.

Часть залива, что̀ начинается прямо отъ «девяти футовъ», называется «Сайгачій ильмень»; дальше идетъ еще вторая половина залива, *Варашкинскій ильмень*, за с. Хорбаемъ, гдѣ находятся извѣстные рыбные заводы Хлѣбниковыхъ. За заливами пойдутъ рукава Волги. Всѣхъ ихъ очень много, не перечтешь; но главныхъ считается четыре: настоящая Волга, Шаврова;

Болда и Бузанъ. Сапожниковымъ принадлежитъ главная Волга и небольшой рукавъ Травинъ, Базилевскому—часть Бузана, остальные рукава во владѣніи казны. «Бирючья коса» намъ видна слѣва. До нея отъ «9 футовъ» верстъ 25, если не 30. Тамъ старый большой храмъ, какой-то большой домъ, телеграфъ. Ждутъ не дождутся, чтобы телеграфный кабель былъ проложенъ оттуда до самыхъ «9 футовъ», что крайне необходимо.

Нѣкоторые острова приходится прорѣзать довольно близко, и намъ тогда отлично видны богатыя рыбацкія села, расположенныя на ихъ берегахъ. Тутъ есть, между прочимъ, обширныя владѣнія княгини Долгорукой, большею частью купленныя теперь Хлѣбниковыми. «Рыбная ватага» Хлѣбниковыхъ, на правой сторонѣ, очень благоустроена. Множество красивыхъ кирпичныхъ казармъ для рабочихъ, огромные «лари» въ ледникахъ для солки рыбы. Ледники эти выступаютъ изъ земли только своими длинными, круглыми крышами съ одушинами вмѣсто трубъ. Тутъ же и домъ съ садомъ, и церковь. Нѣсколько дальше мы проѣхали другое имѣніе тѣхъ же владѣльцевъ, съ кирпичнымъ заводомъ, съ цѣлою флотиліей заготовленныхъ на берегу и только-что оконопаченныхъ «неводныхъ» лодокъ и «прорѣзей» для рыбы. Для пріема и разборки рыбы тянутся по берегу просторныя галлереи, открытые сараи для вяленья рыбы, а за ними другіе глухіе сараи съ чанами, въ которыхъ происходитъ засолъ рыбы.

Острова всѣ похожи другъ на друга, какъ пальцы руки. Зеленая береговая опушка кругомъ и песчаные бугры въ серединѣ. На зеленыхъ луговинахъ бродитъ прекрасный сытый скотъ, коровы и лошади; по песочкамъ видны арбузныя бахчи, посѣвы картофеля.

При хуторахъ, при рыбныхъ заводахъ—все чаще начинаютъ попадаться калмыцкія палатки, очень похожія на киргизскія.

Съ дебаркадера Бирючьей Косы сѣла къ намъ на пароходъ цѣлая толпа калмыковъ, калмычекъ и калмыцкихъ «гюляновъ», то-есть, поповъ. Простые калмыки обстрижены по-русски, въ скобку, и носятъ на головѣ мѣховыя шапки, расширенныя кверху

съ красными пуговицами на донышкѣ. Калмычки въ такихъ же халатахъ и шапкахъ, какъ и ихъ супруги, съ такими же, какъ у нихъ скуластыми бронзовыми лицами и еле прорѣзанными косыми глазами. Только и можно отличить ихъ отъ мужчинъ по косамъ, что висятъ на плечахъ. Но «Гюляны»—тѣ совсѣмъ особенный народъ! Головы у нихъ выбриты какъ ладыжки, а на ихъ идіотскихъ, словно чѣмъ-то обиженныхъ и горько плачущихъ рожахъ, выдѣляются двумя черными піявками коротенькіе усы. Одѣты они въ красное съ головы до ногъ: красныя шапки съ малиновою опушкою, красный, широкій халатъ сверхъ другого, малиноваго, красные сафьянные сапоги, и вмѣсто пояса ярко-пестрая красная шаль съ длинными концами. Они важно покуриваютъ трубки и держатся, гордые своимъ жреческимъ пурпуромъ, въ отдаленіи отъ низкой черни.

Вотъ мы въѣзжаемъ въ довольно узкій рукавъ -- «Мочильный», чѣмъ дальше отъ входа, тѣмъ онъ дѣлается все шире и начинаетъ извиваться змѣею вправо, влѣво, чуть не назадъ; мѣстами онъ рѣзко переламывается подъ прямымъ угломъ, и лоцману парохода нужно хорошо знать свой фарватеръ, чтобы не потеряться среди безчисленныхъ проливовъ, каналовъ, заводей, которые на каждомъ шагу открываютъ свои устья и кажутся незнакомому глазу самымъ естественнымъ продолженіемъ Волжскаго русла.

Кругомъ цѣлый лабиринтъ островковъ и отмелей, покрытыхъ сочною травой, заросшихъ тальникомъ, камышами, а то и желтѣющихъ своими песочными горбами; это истинное рыбное царство тянется на многіе десятки верстъ въ длину и ширину, образуя собою дельту великой русской рѣки. Отъ «9 футовъ» до Астрахани съ юга на сѣверъ—цѣлыхъ 144 версты, а съ запада на востокъ будетъ верстъ подъ двѣсти.

Картина изумительнаго простора, удобства и обилія, хотя и давно початаго, но до сихъ поръ еще неистощимаго. Тутъ есть гдѣ разгуляться и рыбѣ, и рыболову, и дикой птицѣ, и скотинѣ,

и кораблю... Оттого въ этой странѣ острововъ и проливовъ цѣпко угнѣздилось многочисленное и предпріимчивое населеніе, какъ на большихъ торговыхъ дорогахъ возникали, бывало, сплошныя селенья постоялыхъ дворовъ. По этой водной «большой дорогѣ» не обминешь пловучихъ обозовъ на парахъ и на парусахъ. Везутъ хлопокъ изъ Туркестана, керосинъ изъ Баку, фрукты изъ Персіи, рыбу изъ Каспія,—и конца нѣтъ этимъ смѣняющимъ другъ друга пароходамъ и баржамъ.

III.

Древняя столица Хозаръ.

Вотъ, наконецъ, Волга повалила прямымъ широкимъ столбомъ и на фонѣ ея синихъ водъ и синяго неба засвѣтились вдали, будто выросли на нашихъ глазахъ изъ пучинъ водныхъ бѣлыя башни астраханскихъ церквей.

Соборъ поднимался раньше всѣхъ высоко надъ невидимымъ еще городомъ своими многочисленными главами, словно огромный корабль, разубранный бѣлыми парусами по всѣмъ своимъ высокимъ мачтамъ.

Астрахань, какъ Москва, какъ всякій старинный русскій городъ, — бѣлокаменная—и это необыкновенно красиво, когда видишь ее издали, отчетливо вырѣзанною на синей скатерти водъ.

Цѣлый лѣсъ мачтъ, снастей, пароходныхъ трубъ заслоняетъ собой этотъ выростающій изъ рѣки городъ, когда начинаешь приближаться къ его пристани. Продвинуться черезъ безчисленные караваны баржъ и пароходовъ, заполнившіе эту пристань,—дѣло не совсѣмъ легкое. Я прочелъ только одно имя Гордѣя Чернова на двѣнадцати огромныхъ баржахъ, тянувшихся чернымъ монистомъ справа отъ насъ. У Нобеля тутъ цѣлое адмиралтейство, у другихъ крупныхъ фирмъ тоже; всѣ они расположены отдѣльными группами, словно островами, одно вслѣдъ за другимъ. Дальше за ними стоятъ на якоряхъ полчища парохо-

довъ, бѣлопузыхъ, краснопузыхъ, чернопузыхъ, то о двухъ, то объ одной трубѣ, словно какія-то разноцвѣтныя гигантскія птицы, спустившіяся на отдыхъ. Трубы отчаянно свистятъ и перекликиваются другъ съ другомъ и желѣзныя громады продвигаются и поворачиваются въ этой живой тѣснотѣ точно и въ самомъ дѣлѣ живые. Красота, жизнь, движеніе, какое рѣдко гдѣ увидишь. Ливерпуль своего рода, да и только! А глянешь вдаль—тамъ какъ распахнутыя настежь ворота въ широкую, гостепріимную Русь,—могучій величественный столбъ Волги прорѣзаетъ зеленые берега, унося на своихъ синихъ волнахъ такія же многочисленныя вереницы черныхъ и красныхъ корпусовъ, дымящихъ трубъ, парусовъ, снастей и мачтъ.

У пристани «Кавказа и Меркурія» высятся трехъэтажныя чудовища, такъ называемыхъ американскихъ пароходовъ, — настоящіе пловучіе дворцы съ роскошными террасами, балконами, галлереями, сверкающіе двойнымъ рядомъ своихъ оконъ и яркою бѣлизной своихъ стѣнъ... Это уже удобства спеціально примѣненныя къ путешествію по Волгѣ, къ спокойному и комфортабельному наслажденію ея красотами. Мы озаботились прежде всего захватить себѣ помѣщенье на день нашего отъѣзда въ одномъ изъ такихъ помѣстительныхъ ковчеговъ современной цивилизаціи, далеко оставившихъ за собой тѣ скромныя удобства, какія могъ доставить себѣ нашъ блаженный пра-отецъ Ной въ своемъ темномъ ящикѣ изъ «негніющаго древа Гоферъ»...

Мѣсто, гдѣ выросла съ незапамятныхъ временъ Астрахань,— замѣчательное мѣсто. Трудно сомнѣваться, что сама Волга постепенно засорила свое широкое устье песками и иломъ, которые она катитъ каждую весну на протяженіи своихъ 3.300 верстъ и принимаетъ изо всѣхъ своихъ безчисленныхъ притоковъ, снося все это добро изъ году въ годъ въ бездонное хранилище Каспія; она создала, такимъ образомъ, въ теченіе тысячелѣтій свою теперешнюю дельту, весь этотъ перепутанный и раскинутый больше

чѣмъ на сотню верстъ лабиринтъ низменныхъ острововъ, песчаныхъ бугровъ, мелей, плавней, проливовъ, ильменей, рукавовъ и заводей; въ томъ числѣ создала, конечно, и островъ, на которомъ возникла Астрахань, — эти пресловутые бугры — Заячій, Голодный, Ильинскій, Кисилевъ, Паробочевъ, Казачій и всякіе другіе. Называются они буграми, а въ сущности всѣ они, кромѣ довольно высокаго Заячьяго бугра, на которомъ засѣлъ старинный Астраханскій кремль и главныя улицы ея,—одна сплошная приморская низина, можно сказать, даже впадина своего рода, потому что она опущена на 10 саженъ ниже уровня океана и каждую весну затоплялась бы разливами рѣки, если бы съ глубокой старины люди не боролись противъ захватовъ воды и не защищали отъ нея своихъ поселеній многочисленными насыпями и плотинами.

Въ настоящее время эти «голландскія диги» своего рода тянутся въ разныхъ мѣстахъ кругомъ Астрахани чуть не на пространствѣ 30 верстъ. Наша Астрахань является поэтому не только Каспійскою Александріей, но въ нѣкоторомъ смыслѣ и Каспійскимъ Амстердамомъ.

Оттого-то она подобно этимъ городамъ и пріобрѣла съ сѣдой древности такое большое торговое значеніе на всемъ азіатскомъ Востокѣ и сдѣлалась безспорною владычицей Каспія.

Хозары въ VIII вѣкѣ, безъ сомнѣнья, унаслѣдовали свою столицу Итиль или Атель, какъ называетъ ее императоръ Константинъ Багрянородный, когда-то процвѣтавшую на этой самой дельтѣ Волги, отъ гораздо болѣе древнѣйшихъ народовъ, которыхъ сдвигали отсюда поочереди къ Западу кочевыя племена, постоянно напиравшія изъ азіатскихъ степей. На памяти историковъ сами Хозары и Гузы сдвинули отсюда Печенѣговъ. Иначе трудно понять, почему уже въ первыя времена Хозарскаго владычества и рѣка Волга успѣла прозваться Итилью, да, повидимому, и вся окрестная страна называлась тѣмъ же именемъ, какъ объ этомъ положительно говоритъ извѣстный арабскій географъ X вѣка Эль-Балхи. «Хозаръ—имя народа», увѣряетъ

онъ, «страна же называется «Итиль» по рѣкѣ, протекающей ею и впадающей въ Каспійское море. Эта страна имѣетъ мало городовъ, нѣтъ въ ней богатствъ и лежитъ опа между Каспійскимъ моремъ, Серипомъ (Дагестаномъ?), *Русами* и Гузами (Команами)».

Вообще арабскіе путешественники и историки X и XII вѣка, съ которыми Европа познакомилась довольно поздно, оставили хотя короткія и отрывочныя, но все-таки достаточно точныя свѣдѣнія о древней Хозаріи и ея Волжской столицѣ Итили,— родоначальницѣ нашей Астрахани.

Болгарскій царь Альмусъ, жившій тоже на Волгѣ, въ предѣлахъ нынѣшней Казанской губерніи въ началѣ X вѣка, былъ обращенъ въ исламъ и просилъ халифа правовѣрныхъ прислать ему «наставниковъ и людей, способныхъ строить мечети»; въ числѣ этихъ посланцевъ былъ и Ибнъ-Фодланъ (или Фоцланъ), проѣхавшій черезъ страну Хозаръ и оставившій намъ свое знаменитое описаніе приволжскихъ странъ и народовъ.

Лѣтъ черезъ двадцать послѣ него написалъ о томъ же свою книгу другой извѣстный мусульманскій путешественникъ Масуди, а еще ранѣе Фодлана Арабъ Ибнъ-Дастъ, котораго крайне любопытная рукопись «О Хозарахъ, Буртасахъ, Болгарахъ, Мадьярахъ, Славянахъ и Руссахъ», хранящаяся въ королевской библіотекѣ Лондона, была въ первый разъ издана въ 1869 году нашимъ знатокомъ восточныхъ языковъ профессоромъ Хвольсономъ.

Хозарское царство простиралось въ цвѣтущее свое время до горъ Кавказа и даже до береговъ Аракса, захватывало собой не только низовья Волги, но и берега Дона, и Крымскій полуостровъ. Столица ихъ Итиль была населена разноплеменнымъ торговымъ народомъ и занимала въ то время не одинъ, какъ теперь, а оба берега Волги, тогдашняго Итиля. Въ восточномъ городѣ жили купцы и народъ, исповѣдывавшій мусульманскую вѣру; въ западномъ городѣ—войско и правительство, которое держалось еврейской вѣры. Ибнъ-Дастъ разсказываетъ по этому поводу:

«Царь у Хозаръ прозывается Ишà; верховный же государь у нихъ Хозаръ Хàканъ. Но этотъ послѣдній только по имени государь, дѣйствительная же власть принадлежитъ Ишà»,

«Верховный глава ихъ исповѣдуетъ вѣру еврейскую, равно какъ Ишà, военачальники и вельможи. Прочіе же Хозары исповѣдуютъ религію, сходную съ религіею Турокъ».

«Ишанъ»—и до сихъ поръ почетное духовное званіе у Хивинцевъ и Бухарцевъ, а Хаканами (все равно, что Каганъ, ханъ) очень долго, до самаго XI вѣка, назывались у восточныхъ народовъ даже наши русскіе князья.

Любопытно, что въ древней Астрахани, то-есть Итилѣ, арабскіе путешественники раньше всего познакомились съ нашими предками, Славянами и Руссами и сообщили о нихъ наиболѣе достовѣрныя и драгоцѣнныя для науки свѣдѣнія.

По обилію и точности этихъ свѣдѣній видно несомнѣнно, что предки наши были съ самыхъ отдаленныхъ вѣковъ своими людьми въ древнемъ Итилѣ на Волгѣ, на Каспіѣ.

Видно, что они были уже въ IX и X вѣкѣ осѣдлыми туземцами Волги, хотя бы только и въ верхнихъ частяхъ ея теченья. А что̀ всего главнѣе,—и что̀ иначе и быть не могло,—несомнѣнно видно, что Русскіе были Русскими гораздо раньше, чѣмъ историкамъ-Нѣмцамъ угодно было произвести ихъ отъ скандинавскихъ, сирѣчь нѣмецкихъ, Варяговъ.

При описаніи своего переѣзда черезъ Каспій въ Туркменію, составляющихъ начало настоящаго труда, я уже имѣлъ случай коснуться этого любопытнаго вопроса и привести достаточно вѣскія доказательства своей мысли изъ сочиненій древнихъ арабскихъ путешественниковъ и историковъ.

Арабскіе писатели-современники видѣли своими глазами тогдашнихъ русскихъ, покупали у нихъ и продавали имъ, говорили съ ними, проѣзжали ихъ земли, и описали съ живой натуры ихъ бытъ, наружность и характеръ, такъ что никакой зломудрствующій ученый скептицизмъ не въ силахъ пошатнуть этихъ убѣдительнѣйшихъ свидѣтельскихъ показаній.

Древніе Руссы были извѣстны всѣмъ народамъ, какъ предпріимчивые торговцы и храбрѣйшіе воины; такими описываютъ ихъ и арабскіе путешественники.

«*Русь мужественны и храбры*, разсказываетъ Ибнъ-Дастъ.— *Когда они нападаютъ на другой народъ, то не отступаютъ, пока не уничтожатъ его.*

«Ростомъ они высоки, красивы собою и смѣлы въ нападеніяхъ: всѣ свои набѣги и походы производятъ на корабляхъ».

«*Шальвары носятъ они широкія:* 100 локтей матеріи идетъ на каждыя. *Собираютъ они ихъ въ сборки у колѣнъ*, къ которымъ и привязываютъ».

Замѣчательно, какъ описанье Руссовъ Ибнъ-Даста совпадаетъ съ описаніемъ «*народа славянъ*», помѣщенномъ въ церковной исторіи Іоанна, епископа Ефесскаго, современника Юстиніана:

«На 3-й годъ по смерти императора Юстиніана и царствованія Тиверія побѣдоноснаго (то-есть 581 г.) *выступилъ проклятый народъ Славянъ* и производилъ набѣги на *всю Элладу, мѣстности Сомуня и всю Фракію*. Они завоевали много городовъ и укрѣпленныхъ мѣстъ, опустошили, жгли, грабили страну и овладѣли ею. Они поселились въ ней безъ страха, какъ будто она имъ принадлежала».

«Даже до нынѣшняго времени (583 г. по Р. Хр.) живутъ, сидятъ и покоятся они въ римскихъ провинціяхъ безъ заботы и страха, грабя, убивая и поджигая, такъ что они богатѣли и пріобрѣтали золото, серебро, стада, лошадей и много оружія. *Они выучились и вести войны лучше Римлянъ*, они, эти глупые люди, которые не дерзали показываться внѣ лѣсовъ и не знали. что̀ такое оружіе. Кромѣ 2 или 3 дротовъ, они не имѣли оружія».

Нельзя не вспомнить здѣсь еще нѣкоторыхъ сказаній Арабовъ о древнихъ русскихъ, хотя и приведенныхъ мною ранѣе при описаніи Каспія, такъ какъ они прямо касаются исторіи Итиля, то-есть теперешней нашей Астрахани:

Арабъ Ибнъ-Хордабехъ во 2-й половинѣ IX вѣка вотъ что̀ писалъ о торговлѣ русскихъ въ Итилѣ: «что же касается до

русскихъ купцовъ, *принадлежащихъ къ славянамъ*, то они изъ отдаленнѣйшихъ *странъ Славянскихъ* привозятъ бобровые мѣха, мѣха черныхъ лисицъ и мечи къ берегу Румскаго моря (то-есть Чернаго), гдѣ они даютъ $^1/_{10}$ Византійскому императору. Иногда они *на корабляхъ ходятъ по рѣкѣ Славянъ* (то-есть Волгѣ) *и разъѣзжаютъ по заливу Хазарской столицы* (Итиля), гдѣ они платятъ $^1/_{10}$ царю страны. Оттуда отправляются они въ Каспійское море и выходятъ на берегъ, гдѣ имъ угодно. Иногда они возятъ свой товаръ на верблюдахъ до Багдада.

Въ VIII вѣкѣ Средняя Азія и Багдадъ дѣйствительно вели *торговлю съ Волгой мѣхами* и особенно черною лисицей, любимымъ мѣхомъ для царскихъ одѣяній, и всегда на звонкую монету, а не мѣною, какъ въ Византіи.

Ибнъ-Дастъ подтверждаетъ эти извѣстія о торговомъ движеніи Руссовъ по Волгѣ.

«Всѣ изъ *Руссовъ, живущихъ по обоимъ берегамъ Волги*, говоритъ онъ,—везутъ въ Болгары товары свои, какъ-то: мѣха собольи, горностаевые, бѣличьи и т. п.».

Масуди съ своей стороны сообщаетъ:

«*Руссы и еще другіе Славяне имѣли въ Итилѣ постоянныя жилища* въ одной части города, гдѣ жили купцы и имѣли особаго судью изъ своей среды».

«Мѣха бобровые, вывозимые въ различныя страны (изъ Хазаріи), говоритъ арабскій географъ Эль-Балхи, находятъ только въ тѣхъ рѣкахъ, которыя текутъ въ странахъ Болгара, Руси и «*Куэба*» (Кіева).

«*Русь состоитъ изъ 3 племенъ*, продолжаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ: одно, ближайшее къ Болгару, и царь ихъ живетъ въ столицѣ по имени *Куэба*: городъ больше Болгара. Второе, отдаленное отъ нихъ племя, называется *Селавія* (*Славія*). Третье племя называется *Барманія* (Біармія, Пермь).

По Масуди «*Руссы живутъ на берегахъ Чернаго моря*, по которому ходятъ исключительно ихъ же суда», и притомъ «*Руссы состоятъ изъ многихъ народностей* разнаго рода».

Этими единогласными свидѣтельствами древнихъ арабскихъ писателей вполнѣ объясняется, почему по лѣтописи Несторовой Днѣпръ впадаетъ въ Понтійское море, «иже словеть *Русское*», и почему эта Хозарская и Болгарская рѣка Итиль была уже въ IX и X вѣкѣ *рѣкою Славянъ*», стало быть, тою же «матушкою Волгой» русскаго человѣка, какою ее застаетъ оффиціальная русская исторія.

Все это, конечно, нисколько не вяжется съ излюбленною и совершенно нелѣпою нѣмецкою сказкой о названіи Славянъ Руссами въ концѣ IX вѣка, будто по имени маленькой дружины чужеземныхъ князей.

Самое названіе Волги, конечно, глубоко русское, какъ я уже имѣлъ случай доказывать, и есть не что иное, какъ «вологa», полнозвучная народная форма книжной формы «влаги», аналогичная золоту и злату, городу и граду, и сохранившаяся въ названіи города Вологды, а можетъ быть даже въ имени рѣки Волхова, такъ точно, какъ Вольга, Волегъ Всеславичъ нашихъ былинъ именуется нерѣдко Волхомъ Всеславичемъ. Въ Курской губерніи до сихъ поръ въ большемъ употребленіи среди народа слова съ корнемъ «волг»: «*волгнуть*», «*отволгнуть*»—значитъ сырѣть, отсырѣть, пропитаться влагой; *волжаный*—сырой, богатый влагою, *волжанчикъ*—растеніе съ гибкимъ и крѣпкимъ стеблемъ, растущее на влажныхъ, болотистыхъ почвахъ, употребляемое народомъ на кнутовища.

Волга, влага, стало быть, означала на языкѣ древняго славянина-Русса воду по преимуществу, большую воду, точно такъ, какъ на языкѣ многихъ кочевыхъ народовъ древности эту большую воду обозначалъ Донъ. (Донъ, Don-au, Don-aper, Don-aster, Нор-Донъ, Аръ-Донъ и проч.).

Волга и ея южная столица Итиль продолжали служить очень долго путемъ сообщенія Европы съ Азіею, и въ Венеціанскихъ архивахъ найдены въ послѣднее время записки многихъ итальянскихъ путешественниковъ XVI и XVII вѣка, которые пользовались Московіею и ея «великою рѣкой» для того,

чтобы пробраться хотя кружнымъ, но зато болѣе безопаснымъ, путемъ черезъ Астрахань и Каспій въ Персію и другія азіатскія страны.

По свидѣтельству Іосафата Барбаро и Амброзіо Контарини, послѣ побѣдъ Чингисъ-хана и распаденія Латинской Имперіи торговые пути измѣнили свое направленіе: товары внутренней Азіи стали подыматься вверхъ по Инду до древней Бактріаны, оттуда въ семь дней перевозились на верблюдахъ до Икара, впадающаго въ Оксусъ, по которому достигали Чернаго моря и Астрахани, пройдя черезъ богатыя ярмарки Самарканда и Бухары; оттуда товары шли вверхъ по Волгѣ до Донской луки и по Дону до Таны, у его устья на Азовскомъ морѣ. Сюда приставали за товарами Венеціанскія галеры.

Астрахань вплоть до XVIII вѣка остается на азіатскомъ торговомъ маршрутѣ Венеціанцевъ. Черезъ нее же слѣдовали и послы западныхъ государствъ, отправлявшіеся Польшею и Москвою къ разнымъ азіатскимъ властителямъ.

Нѣкоторые любопытные дневники этихъ путешествій собраны въ книгѣ Итальянца Берше «Венеціанская республика и Персія», и изложены были г. А. Веселовскимъ въ «Записк. Императорскаго Географическаго Общества» за 1869 г. (т. 2), откуда мы и беремъ эти подробности.

Іоаннъ Грозный, захвативъ въ 1554 г. послѣ погрома Казанскаго царства и Астраханское царство, вполнѣ понималъ торговое значеніе его древней столицы, тѣмъ болѣе, что кромѣ далекаго и холоднаго Бѣлаго моря въ Россіи того времени совсѣмъ еще не было морей, и попытки этого умнаго государя пробиться черезъ Ливонію къ Балтикѣ, черезъ Крымъ къ Черному морю еще не могли осуществиться. Замѣчательно, что тогдашніе «книжные люди» увѣрили Іоанна, что Астрахань древнее достояніе князей Россійскихъ, ибо тамъ будто бы княжилъ нѣкогда Мстиславъ, сынъ св. Владиміра, такъ какъ они считали Астрахань, можетъ быть, по созвучію именъ, за древнюю Тмутаракань. Во всякомъ случаѣ это доказываетъ, что въ пре-

даніяхъ народа еще цѣла была до XVI столѣтія, хотя и смутная, память о долгомъ пребываніи русскихъ въ древнемъ хозарскомъ Итилѣ.

Имя это не существуетъ уже въ XIII столѣтіи, при нашествіи Монголовъ, а на мѣстѣ древняго Итиля появляется въ нашихъ лѣтописяхъ городъ Асторокань, или Астрахань, вѣроятно, получившій имя отъ какого-нибудь Астара-хана. Послѣ паденія Золотой орды, которой онъ принадлежалъ, городъ этотъ дѣлается столицей особаго царства, возникшаго въ числѣ другихъ изъ развалинъ нѣкогда великой орды.

Впрочемъ, описатели Астрахани увѣряютъ, будто столица татарская Асторокань или Цистархань, лежала верстъ 5, 6 выше теперешней Астрахани, *на правомъ берегу Волги*, въ урочищѣ, называемомъ «Шореный (а по нѣкоторымъ «жореный») Бугоръ», гдѣ замѣтны слѣды развалинъ и до сихъ поръ, и находятъ въ землѣ много старинныхъ вещей.

Хотя я не изучалъ исторіи Астрахани настолько, чтобы оспаривать это мнѣніе, однако, признаюсь, я не особенно довѣряю ему и не знаю, на чемъ оно основано.

Самуилъ Гмелинъ во 2 т. своего «Путешествія по Россіи», предпринятаго имъ по порученію Императорской Академіи Наукъ въ 1769 и 1770 году, сообщаетъ объ этой мѣстности такого рода историческія и географическія свѣдѣнія:

«На западномъ (слѣдовательно, правомъ) гористомъ берегу Волги, почти на томъ мѣстѣ, гдѣ купца Ключерева находится ватага, и на томъ самомъ, гдѣ прежде копали селитру, видны на одномъ бугрѣ оставшіяся развалины стариннаго города, гдѣ еще и понынѣ корыстолюбивые люди упражняются въ копаніи, потому что прежде сего старыя татарскія серебряныя и золотыя монеты, кольца, серьги, зарукавья и прочее тамъ находили. Россіяне сіе мѣсто называютъ Жоренымъ Бугромъ.

Сколь долго Астрахань стояла на томъ мѣстѣ, по тѣхъ поръ и *называлась она Тмутараканомъ*, и повѣствованіе, у г. Ломоносова находящееся, что царь Ярославъ Владиміровичъ съ бра-

томъ своимъ Мстиславомъ имѣлъ войну съ княземъ Тмутараканскимъ, и наконецъ вступилъ съ нимъ въ союзъ, отчасти доказываетъ, что *требованіе Россіи на Астрахань еще къ временамъ прежде владѣнія царя Ивана Васильевича относится*, и съ другой стороны справедливость, что прежде Астрахань называлась Тмутараканомъ, симъ уже подтверждается.

Впрочемъ я не знаю, чтобы было причиною, не только перемѣнивъ имя Тмутаракань назвать *Аджи Дарханомъ* (Астраханью), но и перенесть городъ съ западнаго берега Волги *на восточный, на то мѣсто, на которомъ онъ взятъ побѣдоносньмъ оружіемъ царя Ивана Васильевича*».

Не касаясь страннаго отождествленья Астрахани съ Тмутараканью, въ которомъ, безъ сомнѣнія, сказались уцѣлѣвшія преданія временъ Ивана IV, изъ этого извѣстія все-таки слѣдовало заключить, что столица послѣдняго Астраханскаго хана Ямгурчея была во всякомъ случаѣ на нынѣшнемъ мѣстѣ Астрахани, что весьма убѣдительно подтверждается и существованіемъ въ современной намъ Астрахани особой части города, за р. Кутумомъ, до сихъ поръ называемой «Ямгурчеевымъ городкомъ» («Ямгурчеева крѣпость» по Гмелину). Кромѣ того, дошедшія до насъ историческія свѣдѣнія о взятіи Русскими Астрахани не даютъ, кажется, возможности предположить, чтобы взятый царемъ Иваномъ городъ Ямгурчея былъ когда-нибудь покинутъ Русскими и перенесенъ на другое мѣсто; напротивъ того, онъ съ первыхъ же дней завоеванія и во все послѣдующее время продолжалъ постоянно обноситься стѣнами, башнями и валами.

Гмелинъ хотя и сообщаетъ при дальнѣйшемъ описаніи Астрахани, «будто царь Иванъ Васильевичъ какъ скоро освободилъ Астрахань отъ рукъ татарскихъ, то и городъ съ того мѣста, гдѣ онъ другой разъ заложенъ былъ, и гдѣ во время осажденія Россійскаго находился, *на 60 верстъ отъ нынѣшняго селитреннаго городка* внизъ по теченію Волги къ Каспійскому морю *въ короткомъ времени перенести*, изъ припасовъ стараго города новую Астрахань заложить и крѣпкою стѣною изъ обожженныхъ кир-

пичей состоящею обнести повелѣлъ»; однако многія изъ этихъ сообщаемыхъ имъ обстоятельствъ находятся въ очевидномъ противорѣчіи и съ его собственными словами и съ утвержденіями тѣхъ, что татарскую Астрахань видятъ на правомъ берегу Волги, и съ подлинными извѣстіями лѣтописей. Такъ, самъ Гмелинъ помѣщаетъ свой селитренный городокъ («Жореный Бугоръ») «въ осьми верстахъ ниже Нижняго города Астрахани»; слѣдовательно, теперешняя Астрахань, по его словамъ, должна бы была находиться на 68 верстъ ниже самой себя. Съ другой стороны, Никоновская лѣтопись, очень обстоятельно разсказывающая всѣ подробности взятія Астрахани, описываетъ городъ Астрахань, изъ котораго бѣжалъ ханъ Ямгурчей, какъ очень торговый городъ, населенный множествомъ иноземныхъ купцовъ, разбѣжавшихся во время войны, и, очевидно, игравшій очень важную роль въ коммерческой жизни востока; только что Русскіе успѣли утвердиться въ немъ, посадивъ вмѣсто Ямгурчея Ногайскаго хана Дербыша-Алея, какъ всѣ окрестные и даже довольно далекіе народы спѣшатъ прислать пословъ съ просьбами пропустить для торга въ Астрахань ихъ купцовъ.

«А изо многихъ земель присылали, изъ Шевкалъ, изъ Шемахеи, изъ Дербени, изъ Юргенча, о братствѣ и любви, и на веснѣ хотятъ со многими торги быти въ Асторохань...»

«Пришли гости изъ Шемахеи, Дербени, Шевкалъ, Тюмени, Юргенча, Сарайчика, со всякими товары...»

«Пришли въ Москву послы изъ Юргенча отъ царя Ходчима, посолъ Тенишъ-Азей съ товарищи, съ поминки и великимъ челобитьемъ о любви, чтобы государь *велѣлъ дорогу гостемъ* дати и его бы берегъ...»

«Пришли послы изъ Бухаръ, изъ Шамархани отъ царя бухарскаго и шамарханскаго, Азамай-Азей да Шихъ, съ любовнымъ челобитьемъ: *просятъ дороги гостемъ.*»

А Юргенчъ — это былъ теперешній Хивинскій Ургентъ при впаденіи Аму-Дарьи въ Аральское море, Шамархань—теперешній Самаркандъ.

Если же такая живая торговля возобновилась тотчасъ по занятіи Астрахани русскими, если сами русскіе, какъ свидѣтельствуетъ тоже лѣтопись, не имѣли никакого повода разорять татарской Астрахани, сдавшейся почти мирно, а только *«укрѣпилися въградѣ* и по Волгѣ казаковъ и стрѣльцовъ разставили», то какимъ образомъ и по какому побужденію могла на глазахъ исторіи уйти со своего стараго мѣста на новое татарская Астрахань?

Всѣ эти сомнѣнія наши пусть, впрочемъ, разрѣшаютъ люди, знающіе въ этомъ вопросѣ больше насъ.

IV.

Историческіе памятники Астрахани.

Астраханскій портъ, когда-то бывшій казеннымъ, теперь уже не существуетъ; въ 1867 году, по случаю обмелѣнія устья Волги, онъ былъ переведенъ въ Баку, а всѣ его учрежденія вмѣстѣ съ механическимъ заводомъ, докомъ и пр. и вся территорія его уступлены были въ безвозмездное пользованіе пароходному обществу Кавказъ и Меркурій, которое обязалось передъ правительствомъ отправлять за извѣстное вознагражденіе почтовую службу на Волгѣ и Каспіѣ, получая помильную плату за свои морскіе рейсы и является вслѣдствіе этого полуоффиціальнымъ учрежденіемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣкоторымъ монополистомъ, чему не мало завидуютъ другія пароходныя компаніи Волги. Мы высадились именно въ бывшемъ портѣ на такъ называемой «косѣ», которая не особенно давно была островомъ, отдѣлявшимся рукавомъ рѣки отъ Заячьяго бугра, на которомъ расположенъ Астраханскій Кремль и главныя улицы города. Впослѣдствіи рукавъ обмелѣлъ, и островъ приросъ къ Заячьему бугру. Около порта находится и устье Варваціева канала, вдоль котораго разбитъ довольно тѣнистый бульваръ и черезъ который перекинуто

нѣсколько мостовъ. Этотъ каналъ—спасеніе Астрахани отъ весеннихъ потоповъ и отъ болотныхъ міазмовъ.

Русская Венеція расположена среди такого множества болотъ, озеръ, заводей и всякихъ другихъ стоячихъ водъ и грязей, что кромѣ природныхъ протоковъ, какова, напримѣръ, рѣчка Кутумъ, или Царевъ, оказалось необходимымъ дать еще искусственный истокъ почвенной влагѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и лишнее русло для весеннихъ водъ. Варвацій, богатый грекъ, одушевленный высокими общественными стремленіями, отличавшими первую половину царствованія Александра Благословеннаго, положилъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія громадный по тому времени капиталъ (свыше 600.000 рублей) на оздоровленіе города, устроилъ на свой счетъ каналъ, соединяющій рѣку Кутумъ съ Волгою изъ неоконченнаго и засореннаго стараго канала. Онъ зовется до сихъ поръ по имени этого благодѣтеля-гражданина, просвѣщенной щедрости котораго обязаны многія общеполезныя учрежденія Астрахани и Таганрога, гдѣ Варвацій также истратилъ не одну сотню тысячъ рублей.

Въ дни Гмелина между Кутумомъ и Волгою еще существовалъ старый каналъ, и, повидимому, отъ него-то и распространились лихорадочные міазмы, дѣлавшіе губительнымъ для пріѣзжихъ климатъ Астрахани.

Каналъ этотъ, по словамъ Гмелина, уже тогда стоилъ 100.000 рублей, «но сверхъ того, что, можетъ быть, нѣкоторые надзиратели, приономъ бывшіе, нѣсколько набогатились, *онъ не оконченъ и не приноситъ ни малой пользы*; да и по нынѣшнему виду кажется, что онъ отдѣлается еще не скоро».

Безъ сомнѣнія, эти же почвенныя и климатическія условія, вѣчная грязь и сырость въ соединеніи съ тропическою жарою къ тому же среди края, кипящаго всякими вкусными и дешевыми плодами и овощами, арбузами, дынями, персиками, абрикосами, виноградомъ, при обычной нечистоплотной обстановкѣ восточныхъ жилищъ и восточныхъ улицъ, и при восточномъ невѣжествѣ населенія относительно всякаго рода гигіеническихъ

требованій,—издревле обратили Астрахань въ постоянное гнѣздо чумы и холеры, которыя всякій разъ разносились по Россіи не иначе, какъ черезъ эту древнюю столицу Хозаръ.

Астрахань можно по справедливости назвать воротами азіатскихъ эпидемій, и не даромъ даже въ наши дни здѣсь, а ни въ какомъ-нибудь другомъ мѣстѣ, пришлось бороться съ «черною смертью», всѣмъ намъ памятною подъ кличкою Ветлянской чумы.

Въ садикѣ на берегу Варваціева канала мы осмотрѣли павильонъ, въ которомъ сохраняются священныя для Астраханцевъ реликвіи великаго царя—основателя русскаго флота и русской морской торговли. Тутъ, во-первыхъ, *«плезиръ-яхта»*, на которой Петръ катался по Волгѣ съ императрицей Екатериною, тутъ его же «верейка», хрустальный кубокъ, изъ котораго онъ пилъ вино, много разнаго оружія того времени и всякихъ кораблестроительныхъ инструментовъ вмѣстѣ съ моделями морскихъ судовъ. Увѣряютъ, будто въ упраздненномъ теперь адмиралтействѣ хранилась прежде и дубинка Петра, оставленная имъ въ видѣ зерцала своего рода на внушительную память бунтливымъ Астраханцамъ, но она впослѣдствіи исчезла неизвѣстно куда.

Слѣды геніальнаго преобразователя Россіи и въ Астрахани остались такими же неизгладимыми, какъ и вездѣ, куда только проникали его орлиный взглядъ и его энергическая рука. Онъ первый устроилъ Астраханскій портъ и доки для судовъ, рѣшившись сдѣлать Астрахань опорнымъ пунктомъ въ своей борьбѣ съ Персіею за обладаніе Каспійскимъ моремъ, точно такъ, какъ онъ сдѣлалъ Воронежъ кораблестроительнымъ базисомъ для отвоеванія у Турціи Азовскаго моря и свободнаго прохода въ Черное, а Петербургъ—для господства надъ Финскимъ заливомъ и Балтикою.

Одинъ изъ талантливѣйшихъ русскихъ птенцовъ Петра, извѣстный недругъ Бирона, Артемій Волынскій, былъ посланъ Петромъ въ Астрахань, чтобы подготовлять все нужное для великаго предпріятія, и очень много помогъ Петру своими умными

совѣтами и проницательнымъ взглядомъ на восточныя задачи Россіи.

Въ 1722 году, только-что окончивъ Ништадскимъ миромъ великую Сѣверную войну, Петръ самъ пріѣхалъ черезъ Коломну по Окѣ и Волгѣ въ Астрахань и изъ нея уже предпринялъ свой Кавказскій походъ, окончившійся покореніемъ Тарковъ и Дербента, а впослѣдствіи Баку, Решта, Астрабада и всего Каспійскаго побережья.

Но, распоряжаясь о сооруженіи близъ Астрахани крѣпости на морѣ и о заведеніи морского флота, ведя войну и присоединяя новыя страны, великій хозяинъ земли Русской не забывалъ и экономическихъ интересовъ этого южнаго края. Около Сарая, древней столицы хановъ Золотой Орды, онъ насаживаетъ тутовыя деревья, устраиваетъ въ Астрахани заводъ для размотки шелка, выписываетъ изъ чужихъ земель дорогіе сорта винограда и разводитъ въ той же Астрахани нѣсколько десятковъ виноградниковъ, какъ онъ разводилъ ихъ ранѣе по Дону, въ землѣ Донскихъ казаковъ, въ Павловскѣ и Воронежѣ.

Нужно впрочемъ замѣтить, что колоссальная тѣнь Петра невольно заслонила собою многія замѣчательныя начинанія, которыя еще ранѣе его предпринималъ его скромный, но тоже мудрый отецъ.

«Тишайшій царь», которому приходилось вырывать Астрахань изъ злодѣйскихъ рукъ Стеньки Разина, и его длиннобородые и долгополые бояре, хотя и не путешествовали по Голландіямъ и Англіямъ, а все-таки хорошо понимали государственное значеніе Астрахани, какъ единственнаго почти морского порта тогдашней Россіи. Алексѣй Михайловичъ также, какъ и Петръ Великій, стремился сдѣлать Астрахань гнѣздомъ русской морской силы и уже построилъ съ этою цѣлью первый русскій морской корабль «Орелъ»,—истиннаго дѣдушку русскаго флота, — къ несчастью, скоро сожженный въ Астрахани шайками Стеньки Разина и потому не доставшійся въ наслѣдство его геніальному сыну.

Точно также хорошо понималъ Алексѣй Михайловичъ и зна-

ченье Астрахани, какъ своего рода природной теплицы, единственнаго уголка тогдашней Россіи, который можно было назвать югомъ и откуда можно было получать разные нѣжные плоды и фабричныя растенія. «Тишайшій» царь первый приказалъ своимъ воеводамъ разводить въ старой Хозарской столицѣ хлопокъ, марену и виноградныя лозы.

Кремль—самая характерная и самая старинная часть Астрахани. Онъ выстроенъ еще въ XVI столѣтіи Иваномъ Грознымъ, скоро послѣ завоеванія Астраханскаго царства и владычествуетъ на своемъ бугрѣ надъ всѣмъ городомъ точно также, какъ надъ самимъ кремлемъ господствуетъ своими высоко приподнятыми золотыми главами и крестами, его старинный соборъ.

Въ прежніе годы, когда царственная рѣка омывала подошву Заячьяго холма и когда зубчатыя стѣны и шпистыя башни кремля отражались вмѣстѣ съ главами его церквей въ широкомъ зеркалѣ Волги, видъ на древній Астраханскій кремль былъ, конечно, еще живописнѣе. Но мы и теперь утѣшались сердцемъ, созерцая эту старую русскую твердыню, первое гнѣздо настоящей народной силы нашей, до котораго мы добрались, наконецъ, послѣ столькихъ скитаній по мусульманскому востоку, сквозь который еще съ такимъ трудомъ пробивается своими первыми ростками русскій духъ.

Обыкновенно стараются знакомиться съ Волгою сверху внизъ, отъ Ярославля къ Нижнему, отъ Нижняго къ Астрахани, и очень можетъ быть, что для изученія собственно Волги, ея постепенно развивающейся мощи и шири, послѣдовательнаго разростанія красоты ея береговъ, — такой порядокъ осмотра Волги самый разумный.

Но мы съ женою были, напротивъ того, особенно довольны, что намъ пришлось проѣхать великую русскую рѣку не съ ея начала, а съ ея конца. Намъ, погрузившимся въ нашемъ туркестанскомъ путешествіи выше головы въ азіатчину и татарщину всякаго рода, было необыкновенно поучительно это обрат-

ное движеніе отъ Бухары и Кокана къ Нижнему и Москвѣ. Мы, такъ сказать, могли руками осязать, какъ мало-по-малу убывала кругомъ насъ азіатчина и мусульманство, и какъ все гуще, все сплошнѣе начинала разливаться вокругъ насъ русская волна. Родныя лица и одежды, родной языкъ, родной обычай, родной видъ городовъ и деревень, полей и лѣсовъ—все это надвигалось намъ навстрѣчу сначала чуть замѣтно, потомъ наполовину, потомъ все съ меньшею и меньшею примѣсью чуждыхъ стихій и наконецъ полилось цѣликомъ одно чисто-русское уже безъ всякой лигатуры...

Въ этомъ смыслѣ и Астрахань, которая обычному путешественнику по Волгѣ, плывущему внизъ изъ Нижняго, кажется какимъ-то татарско-калмыцко-персидскимъ городомъ, Вавилонскимъ смѣшеньемъ языковъ, своего рода преддверіемъ мусульманской Азіи,—произвела на меня съ женою, послѣ Самаркандовъ и Бухаръ, впечатлѣніе глубоко-русскаго и глубоко-православнаго города. Ея индійскіе базары и персидскія мечети безслѣдно тонули въ нашихъ глазахъ среди десятковъ тысячъ русскихъ домовъ, среди многочисленныхъ русскихъ церквей, среди многолюдной толпы русскихъ мужиковъ и купцовъ.

Чувствуется всѣмъ существомъ, что мы наконецъ и вправду «выдрались на Русь», какъ говорили когда-то убѣгавшіе изъ крымскаго полона русскіе полонянники.

Можетъ быть, нигдѣ въ другомъ мѣстѣ, и ни при какомъ другомъ случаѣ русскій человѣкъ не ощущаетъ всѣми инстинктами своими такъ живо, какъ здѣсь, на рубежѣ Азіи и Россіи, что самое Русское въ Руси—это ея православіе.

Золотыя маковки православныхъ храмовъ и торжественный звонъ ихъ колоколовъ будятъ родное чувство жарче и сильнѣе, чѣмъ все остальное, что видитъ глазъ, что слышитъ ухо. И тогда понимаешь, почему въ теченіе всей своей длинной и суровой исторіи русскій народъ самоотверженно ложился костьми, защищая прежде всего церкви Божіи, и въ одной только вѣрѣ православной всегда видѣлъ тотъ общій государственный стягъ,

который въ годины бѣдствій стягивалъ къ себѣ въ одну тѣсную народную семью разрозненныхъ усобицами князей и враждовавшіе другъ съ другомъ города и области. Православіе—было патріотизмомъ русскаго человѣка, оттого всѣ враги земли его, какой бы ни были они чуждой ему вѣры, казались ему безразлично—«нехристями» и «бусурманами».

Я рѣдко видѣлъ такой строго-русскій и такой поразительно величественный храмъ, какъ Астраханскій Успенскій соборъ. Онъ стоитъ на самой высокой точкѣ самаго высокаго изъ Астраханскихъ бугровъ и такъ высокъ самъ по себѣ, что виденъ отовсюду съ Волги за многіе десятки верстъ, вѣнчая какъ вѣнцомъ своею бѣлою башнею и золотыми крестами царицу Каспія. Высота собора тридцать саженъ. Но онъ кажется еще выше оттого, что зданіе поднимается вверхъ стройнымъ и вмѣстѣ массивнымъ четырехъ-угольнымъ столбомъ безъ всякихъ уступовъ и съуженій и уже на огромной высотѣ заканчивается пятью тѣсно сближенными и словно заостренными башеньками своихъ куполовъ...

Стиль храма простъ и могучъ. Нѣсколько огромныхъ оконъ въ характерныхъ карнизахъ и надъ ними ниши съ строгою темною живописью. Но всѣ отношенія архитектурныхъ линій удивительно удачны и соразмѣрны, и общій видъ храма необыкновенно радуетъ глазъ.

«Такого лѣпотнаго храма нѣтъ во всемъ моемъ государствѣ!» выразился о немъ Петръ Великій, когда увидѣлъ въ первый разъ это художественное созданіе митрополита Сампсона, выпросившаго у царя разрѣшеніе построить новый соборъ на мѣстѣ обветшавшаго храма Иванова времени, уже грозившаго разрушеніемъ. Сохранились любопытныя свѣдѣнія о стоимости этой громадной постройки, которая въ наше время, конечно, потребовала бы добраго милліона, а въ блаженные старые годы обошлась всего въ нѣсколько тысячъ рублей. Достаточно сказать, что главному архитектору Дороѳею Мякишеву за *12 лѣтъ руко-*

водства и наблюденіе за работами уплачено было всего *сто рублей, то-есть по 8 р. 33⅓ к. въ годъ!*

Можетъ быть, удаленность Астрахани отъ С.-Петербурга и исключительное распоряженіе постройкою русскаго митрополита безъ всякаго вмѣшательства голландскихъ и шведскихъ техниковъ,—спасло Астраханскій соборъ отъ искаженія величественнаго стиля русской старины тѣми безвкусными и безхарактерными иноземными новшествами, которыя такъ непріятно поражаютъ глазъ художника во всѣхъ храмахъ, построенныхъ при ближайшемъ участіи Петра.

Какъ всѣ большіе храмы старой Россіи, Астраханскій соборъ двухъ-ярусный. Нижній ярусъ — особенно своеобразной и типической русской архитектуры. Онъ нѣсколько шире верхняго и поддерживаетъ его своими низкими несокрушимыми сводами и цѣлою круговою галлереею старинныхъ каменныхъ арочекъ съ ключами по серединѣ. Очень высокое и широкое «красное крыльцо» изъ тесаннаго камня величественно поднимается двумя поворотами къ верхнему ярусу церкви, соединяясь на верху съ каменною открытою террасою, обходящею кругомъ весь соборъ и ведущею въ то же время въ архіерейскіе покои.

Подъ низкими мрачными сводами нижняго яруса — церковь Владимірской Божіей Матери, служившая всегда усыпальницей астраханскихъ владыкъ. Она вся въ темной закоптѣлой живописи, какъ подобаетъ усыпальницѣ. Тутъ много историческихъ гробницъ; тутъ и архіепископъ Θеодосій, неустрашимо обличавшій Гришку Отрепьева, и митрополитъ Іосифъ, замученный злодѣями Разинской шайки, и создатель храма митрополитъ Сампсонъ, смирявшій при Петрѣ бунты Астраханцевъ; здѣсь же двѣ царскія гробницы, хотя и не русскихъ царей, а грузинскихъ — Вахтанга и Теймураза.

Впрочемъ гробницъ собственно не видно никакихъ, а только однѣ надписи на чугунныхъ плитахъ. Всѣ стѣны полуподземной церкви покрыты именами погребенныхъ здѣсь архіереевъ, такъ что этотъ темный храмъ обратился въ огромный, не истребляе-

мый временемъ синодикъ своего рода, по которому потомки могутъ поминать въ теченіе долгихъ вѣковъ своихъ усопшихъ архипастырей.

Старый Николаевскій солдатъ, типическій церковный сторожъ, какихъ уже теперь рѣдко увидишь,—позвякивая связкою огромныхъ ключей на цѣпяхъ, водилъ насъ съ искреннимъ благоговѣніемъ отъ могилы одного великаго старца къ другому и повѣствовалъ о нихъ благочестивыя легенды, сохранившіяся въ памяти народа. Онъ увѣрялъ насъ, что и Іосифъ, и Сампсоній—почиваютъ нетлѣнные въ своихъ гробахъ, что это удостоились видѣть собственными глазами соборный протопопъ и печникъ, когда перестроивалась печь въ церкви и приходилось потревожить поневолѣ усыпальницу старыхъ владыкъ.

Николаевскій ветеранъ съ непоколебимою увѣренностью разсказалъ намъ, какъ съ высоты каменной террасы, на которую мы съ нимъ поднялись по «красному крыльцу», былъ когда-то сброшенъ злодѣями митрополитъ-мученикъ.

Я оставилъ его при этомъ блаженномъ вѣрованіи, которое онъ, конечно, внѣдряетъ ничто же сумняся и въ души наивныхъ богомольцевъ, приходящихъ помолиться въ Успенскій соборъ. Мнѣ было жаль разрушить его складную повѣсть, такъ подходящую и къ этому высокому красному крыльцу, и къ этому сосѣдству съ архіерейскими покоями. Къ сожалѣнію, и терраса, и крыльцо и самый соборъ были выстроены только въ 1696 г., то-есть ровно черезъ 25 лѣтъ послѣ убіенія митрополита Іосифа. Сбросили же его вовсе не съ крыльца и не съ террасы, а съ «раската», то-есть съ колокольни. Подъ соборною колокольнею находились такъ-называемыя «Соборныя, или Пречистенскія ворота», которыми проходили изъ Кремля въ Бѣлый городъ, также обнесенный въ старину каменною стѣною. Черезъ эти-то Пречистенскія ворота и ворвался Стенька Разинъ въ Кремль, когда измѣнники-стрѣльцы и мятежные Астраханцы помогли ему овладѣть надежно укрѣпленною крѣпостью Бѣлаго города. Умный и смѣлый воевода Прозоровскій былъ не въ силахъ ни-

чего сдѣлать противъ мятежнаго духа, охватившаго разомъ и населенье, и войско при одномъ слухѣ о приближеніи къ Астрахани «батюшки Степана Тимофеича» съ его удалою вольницею. Онъ выслалъ-было противъ него въ Царицынъ подъ начальствомъ князя Львова около полусотни струговъ съ стрѣльцами и пушками, выслалъ туда же цѣлый полкъ конницы по берегу Волги, разсчитывая сразу задавить разбойника такою грозною силою. Но Стенька хорошо зналъ настроенье черни и смѣло двинулся навстрѣчу царскому войску точно такъ же на стругахъ, и по берегу, гдѣ шелъ съ казаками его кровожадный сподвижникъ атаманъ Васька Усъ.

Не успѣли стрѣльцы завидѣть вдали лодки мятежниковъ, какъ на всѣхъ царскихъ стругахъ раздались радостные клики, привѣтствовавшіе Степана Тимофеича. Начальники были тутъ перебиты и потоплены, и ликующіе измѣнники всѣмъ своимъ многолюднымъ воинствомъ повернули вслѣдъ за стругами Разина на разгромъ Астрахани.

Нѣмцы, составлявшіе первый экипажъ перваго русскаго корабля «Орла», со страха разбѣжались и ушли въ Персію, Татары тоже бѣжали. Но защитниковъ внутри города еще оставалось довольно.

Вечеромъ 27-го іюня Стенька двинулся на приступъ города, а къ ночи онъ уже былъ на его стѣнахъ. Въ то время, какъ воевода Прозоровскій съ братомъ и сыномъ своимъ и начальными людьми собиралъ всѣ свои силы у Вознесенскихъ воротъ, чтобы встрѣтить тамъ врывавшихся мятежниковъ, стрѣльцы и жители, посланные защищать стѣны, сами подавали знаки разбойникамъ и помогали имъ влѣзать на стѣны. Городъ очутился во власти Стеньки. Храбраго воеводу, насквозь проколоннаго копьемъ, едва успѣли унести въ Кремль и положили въ Успенскій соборъ. Митрополитъ, обливаясь слезами, пріобщилъ раненаго Св. Тайнъ. Успѣвшіе спастись стрѣлецкія головы, дворяне, приказные, купцы и всякіе достаточные люди, которые знали, чего имъ нужно было ожидать отъ обезумѣвшей черни, вмѣстѣ

съ дѣтьми и женами своими заперлись въ Кремлѣ и въ церквахъ. Поутру взятъ былъ и Кремль, потому что измѣна охватила рѣшительно всѣхъ. Черезъ разломанныя Пречистенскія ворота шайки разбойниковъ ворвались на соборную площадь. Двери собора, гдѣ мучился раненый воевода, защищалъ его братъ Михайло Прозоровскій. Онъ палъ убитый, не уступивъ ни шага. Въ притворѣ храма, полнаго женщинъ и всякаго народа, разъяренныхъ мятежниковъ встрѣтилъ неустрашимый пятидесятникъ Флоръ Дура, охранявшій воеводу съ той минуты, какъ его принесли сюда. Съ невѣроятною храбростью долго бился онъ одинъ противъ цѣлой толпы и положилъ кругомъ себя груды труповъ. Наконецъ мятежники выломали церковныя двери и изрубили его въ куски. Умиравшаго воеводу потащили на раскатъ и сбросили оттуда, всѣхъ схваченныхъ въ церкви перерубили и перекололи. Монахъ Троицкаго монастыря, куда Стенька велѣлъ таскать изъ собора трупы убитыхъ въ немъ, насчиталъ 600 труповъ. Девять храбрецовъ рѣшились не сдаваться злодѣямъ и, засѣвъ въ соборной колокольнѣ, до самаго полудня отстрѣливались тамъ отъ мятежниковъ, окружившихъ ихъ со всѣхъ сторонъ. Перестрѣлявъ всѣ пули, они стали заряжать ружья мѣдными и серебряными монетами; когда у нихъ вышла наконецъ послѣдняя щепотка пороха, самые отчаянные изъ нихъ, помолясь Богу, сами бросились внизъ съ раската, чтобы не попадаться въ руки мучителей, остальныхъ схватили и истязали злодѣи.

Митрополитъ Іосифъ уцѣлѣлъ ненадолго: послѣ разгрома Астрахани и всеобщаго избіенія начальныхъ людей, мужественный архипастырь одинъ остался представителемъ порядка и правды въ городѣ, затопленномъ кровью и преданномъ всякимъ неистовствамъ. Онъ получалъ Государевы указы, увѣщавшіе мятежниковъ покориться истинному Государю своему, и безстрашно читалъ ихъ въ церквахъ и на народныхъ сходкахъ. Мало того, онъ самъ являлся съ священниками своими въ казацкій кругъ и обличалъ злодѣевъ.

Обращаясь къ стрѣльцамъ-измѣнникамъ Астраханскаго гарнизона, онъ говорилъ имъ въ присутствіи казаковъ:

«Вамъ надлежитъ сихъ Донскихъ разбойниковъ перехватать, наложить на нихъ цѣпи и оковы, и если сіе сдѣлаете и обратитесь къ своей должности, то получите отъ Государя прощенье за преступленія ваши!»

— Кого намъ хватать? Мы всѣ разбойники! отвѣчали ему стрѣльцы, а казаки проникались къ нему ненавистью и поминутно грозили раскатомъ. Наконецъ они рѣшились погубить его. 11-го мая они потребовали его въ свой кругъ. Уже многіе изъ дворянъ митрополичьяго дома и приближенныхъ ему священниковъ были казнены, и митрополитъ понялъ, что часъ его насталъ. Онъ велѣлъ звонить во всѣ колокола и, облачившись въ архіерейскія одежды, окруженный священниками, отправился на кругъ. Главнымъ атаманомъ въ Астрахани, по уходѣ Стеньки Разина подъ Симбирскъ, оставался свирѣпый Васька Усъ.

Въ отвѣтъ на его грубые вопросы, митрополитъ сталъ уговаривать казаковъ оставить злодѣйства и просить прощенье у Царя. Разъяренные казаки бросились на него и хотѣли срывать съ нею архіерейскія одежды. Тогда святитель самъ приказалъ священникамъ разоблачить себя и остался въ одномъ черномъ подрясникѣ, который онъ носилъ прямо на тѣлѣ.

Злодѣи повлекли владыку на Зеленый Дворъ и стали тамъ пытать его огнемъ, поджаривая ему на горячихъ угольяхъ спину и животъ. Но Іосифъ только громко молился, ничего не отвѣчая мучителямъ. Обожженнаго, почернѣвшаго, покрытаго кровавыми ранами, мятежники потащили на соборную колокольню и сбросиля внизъ съ раската. Святитель-мученикъ упалъ передъ дверями колокольни, къ ногамъ Васьки Уса. Съ суевѣрнымъ ужасомъ въ угрюмомъ молчаніи смотрѣли на совершенное ими злодѣйство, сами глубоко пораженные имъ, изверги... Они уже не дерзали отогнать отъ трепетавшаго еще тѣла праведника священниковъ, съ воплями прибѣжавшихъ къ нему изъ собора. Священники отнесли тѣло Іосифа въ соборъ, облачили въ свя-

тительскія одежды, положили въ гробъ, который онъ самъ заранѣе приготовилъ себѣ, и на другой день похоронили его въ той самой церкви, на мѣстѣ которой митрополитъ Сампсонъ выстроилъ потомъ свой чудный соборъ.

Немудрено, что въ памяти народной этотъ патріотъ-митрополитъ, этотъ святитель-герой считается святымъ мученикомъ, и надъ гробомъ его до сихъ поръ постоянно служатся панихиды притекающими сюда богомольцами.

Въ верхнемъ соборѣ также стоитъ его гробница и сохраняется какъ святыня его окровавленная мученическая одежда.

Сторожъ ввелъ насъ въ этотъ верхній храмъ черезъ старинную огромную желѣзную дверь, покрытую очень искусными рельефными фигурами двуглавыхъ орловъ, травъ и цвѣтовъ. Внутри соборъ такъ же величественъ, какъ и снаружи. Какая-то особенная приподнятость вверхъ и особенное обиліе свѣта. Высота его чувствуется уже при самомъ взглядѣ на колоссальный восьмиярусный иконостасъ, подобныхъ которому мало найдешь среди древнихъ соборовъ Россіи. Онъ занимаетъ всю ширину и почти всю высоту этого высочайшаго храма. Художественно вырѣзанныя золоченыя колонки затѣйливой рѣзьбы отдѣляютъ другъ отъ друга иконы всѣхъ восьми ярусовъ, замѣняя собою рамы. Всѣ иконы писаны по старинному на золотомъ фонѣ и золотыми же чертами, оригинально оттѣняющими обычную раскраску священныхъ фигуръ. По рисунку, по колориту онѣ дышутъ до-Никоновскою стариною, хотя и писаны при Петрѣ. Только огромныя иконы нижняго ряда въ массивныхъ раззолоченныхъ серебряныхъ окладахъ. Высокія и широкія царскія врата—даръ мѣстныхъ богачей Сапожниковыхъ,—стоившія 135.000 р., изъ чистаго серебра. Престолъ тоже обложенъ кругомъ вмѣсто парчевой одежды серебряными досками, въ которыхъ болѣе 3-хъ пудовъ вѣса. Алтарь и богатѣйшая ризница полны драгоцѣнной утвари, Евангелій, архіерейскихъ митръ, панагій, одеждъ, среди которыхъ много историческихъ реликвій своего рода, между прочимъ и мученическая одежда митрополита Іосифа, обожжен-

ная и залитая его кровью. Сокровищамъ этой ризницы цѣны нѣтъ. Одно только Евангеліе съ доскою изъ чистаго золота, около пуда вѣсомъ, усыпанное алмазами, яхонтами и изумрудами, стоитъ 120.000 рублей. Одна архіерейская митра оцѣнивается въ 150.000 рублей, другая въ 50.000 рублей. Алтарь съ пола до свода разрисованъ небольшими картинами стариннаго наивнаго рисунка, изображающими, словно иллюстрированная Библія, всѣ событія Ветхаго и Новаго завѣта. Четыре громадные пилона по серединѣ собора поддерживаютъ на большой высотѣ основанье главнаго купола. Они раздѣланы подъ сѣрый мраморъ, какъ и стѣны собора; внизу эти массивные столбы обставлены со всѣхъ 4-хъ сторонъ высокими, сверху закругленными иконами новѣйшей живописи, которыя издали кажутся ихъ оригинальными пьедесталами.

Въ соборѣ до сихъ поръ уцѣлѣло сѣдалище митрополита, устроенное такъ же, какъ и царское, подъ рѣзнымъ кувукліемъ, изъ золоченыхъ колонокъ...

Изъ собора насъ повели черезъ площадь въ бывшій Троицкій монастырь, который годами гораздо старше Успенскаго собора. Снаружи онъ напоминаетъ Чудовъ монастырь московскаго кремля, но внутри уже почти все передѣлано заново. Екатерина обратила этотъ монастырь, какъ и многіе другіе, въ приходскую церковь; тогда же въ ней было устроили нѣчто въ родѣ высшаго училища.

Путешественникъ Екатерининскихъ временъ Самуилъ Георгъ Гмелинъ, «докторъ врачебной наухи», какъ онъ величаетъ себя въ своемъ извѣстномъ «Путешествіи по Россіи», передаетъ такія свѣдѣнія объ этомъ учебномъ заведеніи:

«Сей монастырь послѣ помянутой перемѣны служитъ поводомъ сдѣлать публичную школу, при заведеніи которой господинъ губернаторъ Бекетовъ единственно то имѣлъ намѣреніе, чтобы самымъ дѣломъ доказать свою ревность и любовь къ отечеству. По усерднымъ представленіямъ сего господина губер-

натора должно бы было изъ сего учрежденія быть такой семинаріи, гдѣ бъ всѣ тѣ молодые люди, кои охоту и желаніе оказали, *а особливо Астраханскихъ горнизонныхъ солдатъ дѣти* Европейскимъ и азіатскимъ языкамъ, географическимъ, историческимъ и математическимъ наукамъ обучаться могли, и гдѣ бъ точное надзираніе имѣть надлежало, кои изъ учениковъ подали о себѣ надежду, что они со временемъ въ состояніи отправлять пристойныя имъ званія, и потому точно опредѣлять къ коимъ они себя одинъ передъ другимъ способными оказали. Сіе представленіе Его Превосходительства отъ высшихъ мѣстъ не могло быть не опробовано. Въ самомъ дѣлѣ *набрано было великое множество учащихся* и дѣйствительно оное снабдено всякими учителями».

Къ сожалѣнію, намъ неизвѣстно, что́ сталось впослѣдствіи съ этимъ интереснымъ заведеніемъ, гдѣ дѣти русскихъ гарнизонныхъ солдатъ еще за сто лѣтъ до насъ изучали «философическія науки» и восточные языки.

Тутъ же около бывшаго Троицкаго монастыря и еще одинъ уцѣлѣвшій памятникъ древней исторіи Астрахани—Никольскія ворота въ Кремлевской стѣнѣ. Маленькая церковь надъ нею была построена очень скоро послѣ взятія Астрахани Царемъ Иваномъ Грознымъ, поэтому она старше даже Троицкаго монастыря.

Но, конечно, она уже не разъ была съ тѣхъ поръ передѣлана внутри и только сохранила свой внѣшній видъ кремлевской башни да нѣсколько старинныхъ иконъ.

Сквозь соборныя, или Пречистенскія ворота выѣзжаешь изъ кремля въ бывшій Бѣлый городъ по такъ называемой Большой, или Московской улицѣ, на которой сосредоточены всѣ лучшіе дома и магазины Астрахани. На площади, пересѣкающей эту улицу, мы посѣтили еще одинъ древній храмъ Рождества Богородицы, чуть-ли не изъ числа первыхъ церквей, построенныхъ послѣ занятія русскими Астрахани. Церковь эта двухъ-ярусная

какъ и Успенскій соборъ, но, повидимому, значительно старше его по архитектурному стилю. Множество древнихъ иконъ, ее наполняющихъ, заслуживаютъ вниманія любителей старинной иконописи. Все это громадные черные лики, производящіе странвое впечатлѣніе своими дѣтски-наивными и дѣтски неумѣлыми чертами; Иванъ Креститель съ крыльями, загадочныя апокалипсическія фигуры, способныя скорѣе смутить воображеніе молящагося, чѣмъ умилить его душу,—и вездѣ, конечно, массивные серебряные оклады большой цѣны.

Наши старовѣры Рогожскаго или Преображенскаго кладбищъ дорого бы, я думаю, дали за такое рѣдкое собраніе несомнѣнно древне-русскихъ иконъ.,.

Иконостасъ въ 5-ть ярусовъ и тоже съ рѣзными золочеными колонками, какъ Успенскій соборъ. Тутъ же гробницы какихъ-то грузинскихъ царевичей, будто бы строителей храма, какъ объяснилъ намъ церковный сторожъ. Но онъ не зналъ ихъ именъ, а мы не могли разобрать ихъ на полустертыхъ надписяхъ...

Мы закончили осмотръ города прогулкою по довольно тѣнистому и длинному Александровскому бульвару. Съ своими хорошенькими павильонами и фонтанами онъ придаетъ городу много оживленія и свѣжести. Посрединѣ бульвара стоитъ бронзовый памятникъ Александру 2-му, «Царю Освободителю», именемъ котораго и названъ бульваръ. Высокая фигура покойнаго Государя поставлена просто и величественно, и задумчиво-доброе выраженіе его лица передано очень удачно. Горностаевая порфира спадаетъ съ его царственныхъ плечъ и свѣшивается изящными складками съ пьедестала памятника...

Стиль памятника близко напоминаетъ манеру Микѣшина и его Екатерину Вторую передъ Александринскимъ театромъ Петербурга. Но я не знаю, навѣрное, кто авторъ этого Астраханскаго монумента. Меня уже не въ первый разъ поразило непостижимое для меня обстоятельство, отчего это города нашихъ далекихъ окраинъ, наименѣе русскіе изъ всей Россіи, наименѣе заинтересованные крѣпостнымъ вопросомъ,—Ростовы, Одессы,

Астрахани, почтили торжественными монументами память Царя-Освободителя гораздо раньше и искреннѣе, чѣмъ это сдѣлали самые русскіе и самые коренные изъ русскихъ городовъ?

V.

Волжскій народъ.

Сквозь сладкій сонъ въ покойной помѣстительной каютѣ всю ночь слышишь неистовые порывы бури, которая бьется своими злыми крыльями въ нашъ бѣгущій пароходъ, словно хочетъ силой остановить его или опрокинуть въ пучину Волги; даже легонько покачиваетъ, какъ на морѣ въ мертвую зыбь. Толчки машины, упрямо одолѣвающей бурю и безустанно ворочающей свои тяжелые поршни въ глубокомъ нутрѣ парохода, отдаются даже здѣсь въ каютѣ, сквозь мягкіе матрацы кроватей. Въ сосѣдней каютѣ маленькія дѣтишки жалобно вскрикиваютъ каждый разъ, какъ раздается жалобный вопль пароходной трубы, подающей знаки встрѣчнымъ пароходамъ среди черной тьмы ночи. Это ѣдутъ вмѣстѣ съ нами двѣ молоденькія, хорошенькія маменьки, сами чуть не дѣти и обѣ уже съ дѣтьми. Онѣ отправляются однѣ-одинешеньки изъ Баку въ Петербургъ.

Утромъ, еще не пивши кофе, мы вышли съ женой на верхнюю террасу двухъэтажной рубки. Вѣтеръ не унялся и срывалъ насъ внизъ, такъ что пришлось держаться за перила.

Впереди и кругомъ—бурая, бѣшено несущаяся намъ навстрѣчу пустыня Волги. Ширь страшная, даже и послѣ моря. Волга скатывается здѣсь въ Каспій однимъ широкимъ, могучимъ столбомъ, безъ изгибовъ и развѣтвленій. Буро-лиловыя волны ея не плещутъ высоко, какъ морскія волны, а стремительно гонятся вѣтромъ противъ бѣгущаго на всѣхъ парахъ парохода, мелькая въ глазахъ, такъ что не успѣваешь уловить ихъ. Бѣлыя змѣи пѣны расползываются затѣйливыми узорами по этому сизому фону, и

безчисленные мелкіе барашки кудрявятся на всей этой неоглядной скатерти несущихся водъ, точно настоящія бѣлыя стада...

Судовъ не видно ни одного. Воскресный ли день или буря остановила ихъ, только всѣ они теперь на берегу или у берега. Только одно дерзкое суденышко треплется вдали своимъ оборваннымъ парусомъ, поминутно словно клюя носомъ, спотыкаясь и ковыляя на волнахъ. Оно, очевидно, хочетъ обмануть и рѣку, и вѣтеръ, пробираясь какъ-то наискось съ лѣваго берега къ правому, на пятиглавую церковь большаго села.

На правомъ берегу—высокомъ и обрывистомъ—все села. Лѣвый берегъ—это ярко-зеленые, болотистые и лѣсистые острова, да желтыя отмели, на которыхъ никакого жилья. За этими островами и песчаными косами, тянущимися на нѣсколько верстъ въ глубину, течетъ Ахтуба, самый важный рукавъ Волги, почти такой же полноводный, какъ она сама, отдѣляющаяся отъ главнаго русла еще выше Царицына и самостоятельно впадающая въ Каспійское море немного ниже Краснаго Яра. Такимъ образомъ коренной лѣвый берегъ Волги, на которомъ возможно постоянное жительство человѣка,—начинается, собственно говоря, только за Ахтубой, внѣ предѣловъ весенняго разлива водъ. На правомъ нагорномъ берегу, котораго обрывы поднимаются сажень на семь или десять надъ рѣкой, то и дѣло видны селенья. Все это хорошіе, тесомъ крытые дома, большіе храмы, похожіе на городскіе соборы; сейчасъ сказывается зажиточность, постоянный доходный промыселъ прибрежнаго населенія. Но ужь живописности и уютности въ этихъ селахъ никакой. Они торчатъ на своихъ голыхъ глиняныхъ обрывахъ безъ малѣйшаго деревца, безъ садовъ и рощъ, такія же голыя, такія же пыльно сѣрыя, какъ эта глина... Прозаичность житейскихъ вкусовъ русскаго крестьянина выражается здѣсь во всей полнотѣ. Тутъ все для промысла и ничего для украшенія жизни. Рыбныя ватаги тоже часты и тоже всѣ съ праваго берега. То и дѣло сѣрѣютъ вдали низенькіе бревенчатые ледники съ множествомъ дверей въ которыхъ сохраняется рыба.

Енотаевскъ мы проѣхали ночью, а теперь проѣзжаемъ мимо печальной памяти Вотлянки, Пришибинской и другихъ станицъ Астраханскаго казачества. Земли праваго берега главнымъ образомъ принадлежатъ астраханскимъ казакамъ, этимъ рыболовамъ по призванью. Но песчано-глинистая почва праваго берега значительно хуже по плодородію сочныхъ земель лѣваго, принадлежащихъ бо́льшею частью юртовскимъ и кундровскимъ Татарамъ, за которыми дальше въ глубину материка тянутся уже кочевья киргизовъ Букѣевской орды, точно такъ, какъ за казацкими землями праваго берега вплоть до самой границы Донскаго войска идутъ юрты калмыковъ.

Мы, стало быть, и здѣсь еще не выдрались настоящимъ образомъ изъ азіатчины, изъ монгольства: оно продолжаетъ охватывать насъ со всѣхъ сторонъ. Особенно если вспомнить, что и само теперешнее Астраханское казачье войско составлено было въ первый разъ императрицею Анной Ивановной изъ мѣстныхъ калмыковъ, принявшихъ крещеніе. Только при Александрѣ Благословенномъ къ этимъ «православнымъ» калмыкамъ былъ присоединенъ подлинный православный народъ,—тѣ Волжскіе казаки, которые не захотѣли въ 1777 году переселиться на Кавказъ, да городовыя команды приволжскихъ низовыхъ крѣпостей: Енотаевска, Чернаго и Краснаго Яра. Оттого-то до сихъ поръ «калмыцкіе базары», «калмыцкіе хурулы» перемѣшиваются на правомъ берегу Волги, особенно ближе къ Астрахани, съ казачьими станицами; оттого же и въ типѣ всѣхъ вообще нашихъ казаковъ, не только астраханскихъ, но и уральскихъ, и оренбургскихъ и донскихъ—замѣтно еще такъ много монгольства и Азіи, естественнаго наслѣдія тѣхъ вѣковѣчныхъ степныхъ сосѣдей ихъ, которые всегда незамѣтно мѣшались съ ними и бытомъ и кровью.

Астраханское казачество живетъ привольно. Зе̂мли у него хотя не важнаго качества, но просторныя, что̂ для степняка особенно цѣнно. Ихъ всего около 25.000 душъ обоего пола, а земли немного меньше 700.000 десятинъ, такъ что на мужскую душу

приходится около 56 десят., а одной удобной около 30 десятинъ. Это даетъ имъ возможность очень выгодно заниматься скотоводствомъ и коневодствомъ вездѣ, гдѣ любимое ихъ рыболовство для нихъ не такъ удобно. По статистическимъ даннымъ на каждый казачій дворъ приходится кругомъ по 5 головъ крупнаго рогатаго скота, по 6 головъ мелкаго и по 2 лошади, чтѣ, вѣроятно, рѣдко встрѣчается въ другихъ мѣстностяхъ Россіи. Но все-таки главный промыселъ казаковъ — рыболовство. Оно больше всего сосредоточено между Астраханью и Енотаевскомъ, въ этомъ основномъ гнѣздѣ и калмычества и казачества. Тамъ же и бо̀льшая часть казацкихъ земель.

Послѣ завтрака я спустился на палубу къ носу парохода, гдѣ одиноко сидѣлъ матросикъ съ длиннымъ шестомъ.

— Что, развѣ мелко здѣсь, мѣрять приходится? спросилъ я его.

— Нѣтъ, теперь еще не мѣримъ. Пароходъ всего три съ половиной фута сидитъ, а вода еще жирна, не совсѣмъ слила; мѣряемъ въ межень; тогда нельзя безъ этого, какъ разъ наткнешься.

— Ты откуда будешь?

— А мы тутъ всѣ почитай съ одного мѣста.—Тамбовскіе, и лоцманы, и матросы.

— Лоцманъ-то у васъ не одинъ?

— Какъ же можно одинъ? Старшій лоцманъ всю ночь работаетъ, а младшій—днемъ. У насъ вѣдь разомъ трое штурвальныхъ нужно: за два колеса двигаемъ, не за одно.

— Лоцману небось больше всѣхъ достается?

— А какже-жъ? Лоцманъ весь фарватеръ на память долженъ знать, за все и отвѣчаетъ. Командиру при немъ дѣловъ немного. Опять же у него помощникъ. Командиръ съ 12 часовъ ночи до 4 утра, помощникъ въ остальное время.

— Жители-то какіе живутъ по берегу? спросилъ я.

— Казаки больше астраханскіе; они хлѣбомъ мало занимаются, не то что у насъ въ Тамбовѣ; больше скотиной да рыбой; лошади тоже есть... Сѣна жъ у нихъ не въ проѣдъ! Степи...

— А калмыковъ тутъ нѣтъ?

— Есть и калмыки, зря тоже живутъ: рядомъ съ казаками, смотришь, и ихъ жилье. Ужъ и народецъ! Какъ издохнетъ у казака овца тамъ, курица или скотина какая, сейчасъ это къ калмыкамъ отволокетъ, калмыкамъ продастъ. Калмыкъ тотъ окромя падали никакой убоины не станетъ ѣсть; а падаль жретъ: «что Богъ убилъ, то, говоритъ, и можно человѣку ѣсть», а самъ ни за что тебѣ даже пѣтуха не зарѣжетъ... избави Богъ!.. Это— по его—грѣхъ. А вотъ кобылятину лопать да дохлятину—это ему законъ... искренно расхохотался матросъ.

«А вѣдь тоже у него какъ у людей, продолжалъ онъ мнѣ разсказывать, послѣ нѣкотораго молчанія, молельни тоже позаведены; все равно, какъ бы наша церковь сказать, а по ихнему хурулъ прозывается. Соберутся это косоглазые, въ дудки, въ сопѣлки гудятъ, въ барабаны бьютъ, не хуже у насъ, въ Тамбовѣ, въ балаганахъ на масляницу; это они богу своему молятся... Иконы у нихъ тоже поразвѣшаны, только безобразныя, смотрѣть скверно: чортъ не чортъ, и паукъ не паукъ, а лапы тоже, какъ у паука, во всѣ стороны. Я эти всѣ причиндалы ихъ видѣлъ, какъ управляющаго мы своего съ губернаторомъ новымъ въ калмыцкій базаръ возили. Дѣвокъ это всѣхъ ихнихъ, калмыцкихъ, посогнали пѣть, плясать по ихнему заставили, ну и попамъ ихнимъ тоже приказано было обѣдню калмыцкую отслужить, какъ у нихъ заведено. Все я тамъ у нихъ разсмотрѣлъ, только хорошаго ничего не видалъ... Скверность одна!.. Есть изъ нихъ, которые и въ нашу вѣру преклонились; какіе богатенькіе,—тѣ больше норовятъ... Народъ вѣдь и у нихъ тоже заживный попадается. Верблюда много держатъ, лошадей, скота всякаго. Всѣмъ занимаются, чтó и прочіе народы...

А то хохлы еще тутъ живутъ. Тоже надѣлы имъ земельные понарѣзаны, какъ по закону слѣдоваетъ, въ достаткѣ тоже живутъ, не бѣдно. Прежде бичевой барки, бывало, таскали по берегу, бурлаки были, не мало тоже мучился народъ; а теперь ужъ сколько лѣтъ ничего этого не стало. Все пароходъ потянулъ. Потому дешево. Семь копѣекъ съ пуда отъ Астрахани до

Нижняго. Какъ тутъ не везти? На что ужъ нашъ пароходъ почтовый, и тотъ 18 к. беретъ; а домчитъ живо, и не увидишь какъ. Другіе того меньше берутъ, 12, 10 к.

— На веслахъ развѣ вверхъ не ходятъ?—спросилъ я.

— На веслахъ какже-жъ можно?—снисходительно усмѣхнулся матросъ.—Въ этакую гору куда-жъ противъ волны лѣзть? Въ два часа изъ силъ выбьешься, все равно назадъ повернетъ. А рѣка сама пять верстъ въ часъ уходитъ, такъ это другая статья! Только знай отъ мелей шестомъ отталкивайся, а то, сама тебя какъ на салазкахъ съ горы скатитъ, въ какой хочешь баржѣ...

Мы начинаемъ наконецъ нагонять одинъ за однимъ буксирные пароходы, которые тащутъ вверхъ каждый по двѣ, по три нагруженныхъ баржи. Веревочныя подушки висятъ на всѣхъ ихъ бортахъ, чтобы не стукались они другъ о друга. Съ трудомъ борются они противъ вѣтра и волнъ, дружно бьющихъ имъ на встрѣчу, и колеса ихъ работаютъ какъ-то неровно и нерѣшительно, будто уставшія руки...

Начинаютъ встрѣчаться понемногу и неуклюжія «бѣляны», сплавляемыя внизъ къ Астрахани изъ верхнихъ притоковъ Волги, богатыхъ дешевымъ и вмѣстѣ прекраснымъ лѣсомъ. «Бѣляна»— прехарактерная штука, чисто волжская. Въ ней есть какая-то своеобразная красота, которая заставляла меня во все время моей поѣздки по Волгѣ съ особеннымъ любопытствомъ и удовольствіемъ всматриваться въ каждую проплывающую мимо бѣляну.

Издали смотрѣть — это настоящій ковчегъ Ноевъ: на совершенно плоской, громадной баркѣ, которую можно назвать скорѣе плотомъ,—до того низки ея боковыя стѣнки,—воздвигнутъ цѣлый громоздкій корабль, вышиной не менѣе двухъ, трехъ саженъ, какъ слѣдуетъ въ обычной формѣ корабля, съ кормою и носомъ, но только корабль этотъ сложенъ просто-на-просто изъ искусно положенныхъ другъ на друга сосновыхъ бревенъ, или досокъ, ничѣмъ въ сущности не связанныхъ, кромѣ хитро-

умной кладки. Въ громадномъ кузовѣ этого корабля, снизу, вы можете видѣть три или двѣ круглыя двери, которыхъ сквозныя дыры чернѣютъ на свѣтломъ фонѣ свѣжаго лѣса, словно устья какихъ-нибудь темныхъ пещеръ. Эти сводистые проходы, прочные какъ настоящая постройка, нарочно оставляются снизу для того, чтобы лѣтній воздухъ продувалъ сырой лѣсъ и чтобы гребцамъ можно было свободно переходить когда нужно съ одного борта баржи на другой. Нельзя достаточно налюбоваться на эту оригинальную постройку, словно разлиневанную геометрически правильными слоями или мастерски сплетенную изъ ровныхъ деревянныхъ брусьевъ. На бѣлянѣ нѣтъ ни мачты, ни паруса, ни дымовой трубы. Только наверху этихъ досчатыхъ или бревенчатыхъ ярусовъ, будто капитанская рубка на палубѣ настоящаго корабля,—торчитъ воротъ, да двѣ-три тесовыхъ караулочки для рабочихъ на случай дождя. На носу бѣляны, не сзади, какъ у другихъ судовъ, а впереди, привязано огромное рулевое бревно, которымъ направляется тяжкій и неповоротливый ходъ бѣляны. Гонится она исключительно однимъ теченьемъ рѣки, такъ какъ бѣляны спускаются только сверху внизъ, изъ лѣсныхъ дебрей Камы и Ветлуги, гдѣ ихъ обыкновенно и строютъ. Должно быть, этотъ своеобразный и удивительно красивый и вмѣстѣ удобный способъ укладки лѣсныхъ матеріаловъ выработался среди ветлужскихъ лѣсниковъ еще въ старые вѣка. Бѣляны въ этихъ лѣсахъ строютъ обыкновенно зимой, когда нѣтъ другихъ работъ. Выстроютъ сначала дно, то-есть нижнюю плоскую баржу, потомъ съ обычнымъ своимъ мастерствомъ нагрузятъ ее бревнами, досками, тесомъ, дранью, чѣмъ вообще нужно,—и поджидаютъ себѣ не спѣша весенней воды. По половодью спускаютъ ихъ внизъ и продаютъ въ низовыхъ городахъ не только лѣсъ, но и самое бѣляну.

Когда бѣляна не слушается руля, заводятъ на лодкѣ, и опять-таки спереди, особые якоря и направляютъ ее куда слѣдуетъ уже якорями; кромѣ того, чтобы нѣсколько сдержать порывистый ходъ бѣляны въ вѣтеръ или волну, сзади кормы ея спускается

на канатѣ въ воду особая «волокуша»—тяжелая чугунная гиря въ нѣсколько десятковъ пудовъ, которая тащится по дну рѣки и такимъ образомъ тормозитъ слишкомъ быстрое движеніе бѣляны. Но несмотря на всѣ эти предосторожности, бѣляны то и дѣло наноситъ на мели и на береговыя косы, особенно въ сильный вѣтеръ и при крутыхъ колѣнахъ рѣки. Вообще возни съ ними не оберешься. Въ свѣжій вѣтеръ онѣ должны смирнехонько стоять на якоряхъ, пока стихнетъ погода, иначе ихъ унесетъ Богъ знаетъ куда. По ночамъ онѣ тоже должны непремѣнно останавливаться на ночлегъ. Оттого-то бѣляны доходятъ съ верховыхъ рѣкъ до Астрахани, хотя и по теченію, не раньше какъ въ мѣсяцъ. Можно сказать, бѣляна ползетъ, а не плыветъ по рѣкѣ. Матросъ меня увѣрялъ, будто на большой бѣлянѣ необходимо имѣть по крайней мѣрѣ человѣкъ сто рабочихъ.

«Потому дѣловъ съ нею дюже много, объяснялъ тамбовецъ, махинища тяжелая, товару на ней нагружено, гляньте-ка, страсть какая! упрется носомъ въ песокъ или камень,—какъ ты ее сдвинешь?»

Дѣйствительно, знающіе люди передавали мнѣ, что на бѣляну очень нерѣдко грузятъ лѣсу милліонъ и даже полтора милліона пудовъ. Съ такимъ грузомъ и вправду нелегко повернуться, тѣмъ болѣе, что широкій и высокій корпусъ ея лѣсныхъ ярусовъ придаетъ бѣлянѣ большую парусность.

У Никольской станицы Волга дѣлаетъ замѣтный поворотъ. Къ Никольской пристаютъ всѣ пароходы. Мы съ женою вышли здѣсь первый разъ на берегъ и сразу попали въ толпу казаковъ и казачекъ, совавшихъ намъ наперерывъ другъ передъ другомъ коробки съ свѣжею икрою и разную рыбу. Всѣ наши пассажиры,—и, конечно, мы въ томъ числѣ, понакупили себѣ очень обильный запасъ только что выпущенной, почти еще сладкой, икры, которую мы истребляли потомъ за своими завтраками безъ всякаго милосердія и съ дѣтскимъ аппетитомъ. Рѣдко, впрочемъ, и попадается случай отвѣдать такой неподдѣльно свѣжей икры,

такъ сказать, на мѣстѣ ея происхожденія, да къ тому же не по 2 и по 3 рубля за фунтъ, какъ мы платимъ за нее въ Москвѣ и Петербургѣ, а всего только по 70 коп.—Туземцы же, навѣрное, покупаютъ здѣсь эту самую икру копѣекъ по 40 или 50 за фунтъ.

Пристани стали теперь быстро чередоваться одна за другою. Послѣ Никольской станицы Черный Яръ,—уныло-пустынный городокъ на крутомъ голомъ обрывѣ,—когда-то сторожевой острожекъ древнерусской порубежной черты, одна изъ первыхъ военныхъ стоянокъ нашихъ на низовьяхъ великой рѣки, водворявшихъ съ такими усиліями русскую государственную власть среди грабительскихъ калмыцкихъ и ногайскихъ ордъ Волжскаго побережья. Теперь тутъ уѣздный центръ и довольно значительныя скотныя и рыбныя ярмарки.

Владиміровка хотя и слобода, а смотритъ гораздо больше городомъ, чѣмъ этотъ жалкій Черный Яръ. Только она уже не на кручахъ праваго берега, а на луговой низинѣ лѣваго. Собственно говоря, сама Владиміровка стоитъ нѣсколько дальше на Ахтубѣ, а не на Волгѣ; къ Волгѣ же присосѣживается только своего рода пригородъ ея, «Соляная пристань», но ее безразлично называютъ теперь Владиміровкою. Двѣ хорошія церкви, превосходно выстроенные крестьянскіе дома, иные даже въ два этажа, — на всемъ слѣды благосостоянія и крупнаго заработка. Всѣ пароходныя общества имѣютъ здѣсь свои конторы и пристани, и даже набережная этого мужичьяго села на большомъ протяженіи вымощена камнемъ. Очень обширная мельница перемалываетъ на берегу соль и нагружаетъ ее прямо на баржи и пароходы. Соль собственно и есть спеціальный товаръ Владиміровки и главный источникъ ея обогащенія. Отсюда идетъ желѣзная дорога въ Баскунчакъ, къ извѣстному соленому озеру у горы Богдо. Владиміровка не больше какъ торговая пристань Баскунчакскаго озера.

Нашъ пароходъ принялъ во Владиміровкѣ довольно много товаровъ, поэтому и постоялъ здѣсь довольно долго.

Впрочемъ, намъ не скучно: общество самое разнородное и оживленное. Нашъ первый классъ—роскошь что такое: изящная столовая въ 2 свѣта, вся выклеенная панелями дорогого дерева, гостиная съ бархатною мебелью, бронзой, зеркалами, коврами; къ вашимъ услугамъ и пьянино, и библіотека, и письменные столы со всѣми принадлежностями, и разныя игры... Буфетъ прекрасный, — живыя стерляди, прекрасная осетрина, икра на рѣдкость, всякая провизія то и дѣло обновляется въ попутныхъ городахъ. Спаленки наши—тѣ же нумера хорошей гостинницы, обставленныя всѣмъ необходимымъ, только, конечно, потѣснѣе. А наверху, кругомъ этой двухъэтажной гостинницы, выстроенной среди палубы огромнаго парохода,—террасы и галлереи для прогулокъ, великолѣпный видъ на Волгу, на волжскіе берега, на пробѣгающіе мимо волжскіе пароходы.

Наблюдателю-художнику этюды психологическіе, этюды пейзажные—на каждомъ шагу.

Вотъ сидитъ передъ вами характерная группа настоящихъ волжскихъ фигуръ — сѣдоусые, большеглазые, грузные армяне съ крѣпкими носами, согнутыми какъ клювы хищныхъ птицъ, съ неподвижно-алчнымъ взглядомъ этихъ птицъ. Это все нефтяные и рыбные промышленники, хотя и одѣтые въ цивилизованныя жакетки и цилиндры, но насквозь пропитанные торгово-хищными инстинктами древняго Хозара, отъ котораго они унаслѣдовали свое ремесло. Они истребляютъ—съ аппетитомъ крупнаго звѣря — икру, стерлядей, апельсины, обильно поливая ихъ шампанскимъ, и съ еще большимъ аппетитомъ услаждаютъ другъ друга единственно отрадною, и, повидимому, единственно постижимою для нихъ бесѣдою — о пароходахъ, цѣнахъ нефти, тарифахъ, удачныхъ сдѣлкахъ; сотни тысячъ и милліоны рублей то и дѣло звенятъ въ ихъ разговорѣ, они въ самомъ дѣлѣ ворочаютъ въ эту минуту въ своихъ карманахъ кучи золота. И ни на одномъ этомъ выразительномъ, звѣрски красивомъ лицѣ, исполненномъ хищнической смѣлости и хищнической смѣтки,—не прочтете слѣда какой-нибудь иной думы, иного ощущенія, кромѣ ожесто-

ченной жажды наживы, проникающей всякую складку ихъ лица, и горящіе жаднымъ огнемъ черные глаза, и мясистыя чувственныя губы, и крючковатые носы, неподатливые какъ желѣзная долбня.

Все-таки, пожалуй, отрадно, что въ нашъ просвѣщенный вѣкъ вмѣсто какого-нибудь Стеньки Разина или Ѳедьки Шелудяка на Волгѣ упражняютъ свою хищническую удаль такіе сравнительно мирные и безопасные хищники...

Армяне, евреи—такъ же какъ обармянившіеся и объевреившіеся русскіе—далеко однако не составляютъ всей нашей компаніи.

Съ нами ѣдутъ и представительницы прекраснаго пола, не имѣющія рѣшительно ничего общаго съ хозарами и Стенькой Разинымъ.

Кромѣ двухъ миловидныхъ молоденькихъ маменекъ, о которыхъ я уже упоминалъ, въ столовой и гостиной нашихъ цѣлое дамское общество, и все больше, кажется, шведки и нѣмки. Одна шведка огромнаго роста и еще болѣе огромнаго аппетита, отправлявшаяся изъ Баку въ Гельсингфорсъ, бѣлокурая, какъ альбиноска, особенно забавляла меня. Она то и дѣло вздыхала о завтракахъ, закускахъ, чаяхъ и обѣдахъ, то и дѣло заказывала себѣ не въ счетъ абонемента всякаго рода порціи, чтобы наполнять чѣмъ-нибудь досадные часы ожиданія. Весело было смотрѣть, какъ эта полновѣсная и грузная барыня, просившаяся своей могучей фигурой прямо въ иллюстрацію Нибелунговъ или какихъ-нибудь Скандинавскихъ героическихъ сагъ, съ дѣтскою рѣзвостью и съ дѣтскимъ хохотомъ торопливо бѣжала вмѣстѣ съ обѣими молоденькими маменьками на каждую пристань, куда пароходъ притыкался хотя бы на пять минутъ, чтобы успѣть купить у толпящихся на берегу торговокъ какой-нибудь пшеничный папушникъ, пряникъ, коробку икры, ягодъ, чего-нибудь вообще, что можно пожевать на дорогѣ.

Любопытный и типичный человѣкъ попался мнѣ среди этой разношерстной публики,—старшій братъ того А., что ѣхалъ со

мною изъ Баку до Астрахани. Такой же самоучка и самородокъ, та же мужицкая рѣчь на *о*, со всякими «таперича» и «хоша»,— и, кажется, еще дѣльнѣе, умнѣе и рѣчистѣе, чѣмъ братъ. Началъ тоже съ нуля, а теперь—свой механическій заводъ для постройки судовъ, свои морскіе суда и пароходы, обширная торговля керосиномъ. Дѣла ихъ шли лучше, пока братъ не захотѣлъ отдѣлиться отъ него, при чемъ порядочно таки отъ этого пострадалъ. Одинъ взялъ дѣло въ Баку, другой въ Астрахани. Они первые стали возить нефть въ наливныхъ баржахъ и получили за это на Московской Всероссійской выставкѣ золотую медаль и золотой жетонъ. Со старшимъ А. не разъ совѣтовались по мѣстнымъ промышленнымъ и торговымъ дѣламъ очень высокопоставленные администраторы, и ему хорошо извѣстны иныя петербургскія сферы.

А. вообще не охотникъ до Петербурга и его канцелярій, и довольно остроумно подсмѣивается надъ непрактичностью нѣкоторыхъ извѣстныхъ ему руководителей русской промышленной жизни. Интриги и личности при разрѣшеніи важныхъ торговыхъ вопросовъ, по его мнѣнію, часто губятъ у насъ дѣло.

А. сильно настаиваетъ на необходимости для Россіи особаго министерства торговли, съ денежнымъ бюджетомъ милліоновъ въ 50. Въ настоящее же время, по его мнѣнію, для Министерства Финансовъ нѣтъ рѣшительно никакой возможности, при многочисленныхъ прямыхъ обязанностяхъ его, знакомиться хотя бѣгло со всѣми выступающими на очередь вопросами, со всѣми заявляемыми нуждами, проектами, просьбами въ области торговли. Поневолѣ приходится на все отвѣчать отказомъ.

— Возьмите, напримѣръ, былъ со мною случай лѣтъ десять тому назадъ или больше,—разсказывалъ мнѣ между прочимъ А.— Вздумалъ я построить на своемъ заводѣ въ Астрахани морскую шкуну. Обшивного желѣза достать у насъ нельзя. Чтобы въ Нижнемъ купить, нужно было ждать цѣлый годъ, а мнѣ къ спѣху. Хлопочу въ департаментѣ, чтобы разрѣшили мнѣ безпошлинно привезти желѣзо изъ-за границы,—не дозволяютъ; а какъ же я имъ

говорю, можно привозить изъ-за границы цѣлое судно, тамъ построенное, обшитое тѣмъ же желѣзомъ? То вотъ можно, выходитъ, а русскому строителю это же желѣзо привезти къ себѣ нельзя! Вотъ и подите съ ними, доказывайте имъ. Одинъ изъ ихнихъ умниковъ главныхъ мнѣ даже посовѣтовалъ шкуну въ Англіи заказать, да въ Каспійское море по Волгѣ и доставить, что такъ будто дешевле обойдется. Я говорю ему, а какъ же по рѣчкамъ, по каналамъ, — развѣ морское судно можетъ пройти? Оно и не войдетъ въ каналъ-то. Такъ онъ тогда только спохватился, что чушь сморозилъ. Вотъ еще за сахаръ выдумали акцизъ возвращать! Продалъ за границу, такъ получай себѣ съ казны по 2 руб. съ пуда. У мужика за подати корову послѣднюю сводятъ, а спекуляторъ какой-нибудь, что никогда и сахаромъ не занимался, накупитъ сахару на заводахъ, продастъ за границу и является себѣ въ казначейство: пожалуйте 200.000! Ну, а кто пшеницу за границу продастъ, тотъ почему же ничего не получаетъ?

Я спросилъ своего собесѣдника о нефтяныхъ дѣлахъ, о вліяніи на нихъ Ротшильда.

— Да, вотъ говоритъ все, что Ротшильды и Нобели вредъ намъ, русскимъ, приносятъ. А безъ нихъ однако наши русскіе капиталы лежали себѣ спокойно да полеживали. Коли казна 5 процентовъ на рубль платитъ безъ труда и безъ риска всякаго, кому охота придетъ работать, предпріятія затѣвать? Иностранецъ потому сюда капиталъ свой тащитъ, что у него онъ за 2, за 1, за $^1/_2$ процента помѣщается, а за очень крупные капиталы даже еще съ него за сохраненье требуютъ. У насъ, кромѣ того, мѣры выдумываютъ ни съ чѣмъ несообразныя, сами же мы и выдумываемъ. Не хуже вотъ на съѣздѣ нефтепромышленниковъ постановленіе сдѣлали, чтобы нефтяные заводы не имѣли собственныхъ средствъ перевозки, а разверстку чтобъ сдѣлать, кому сколько цистернъ желѣзная дорога доставляла. У кого цистерны были, такъ желѣзная дорога платила отъ себя по 260 рублей за цистерну, да помимо разъ 15 по 50 рублей они зарабатывали, опять 750 руб.; стало-быть, 1.010 рублей ежегодно выручали съ

цистерны; а она вся 1.800 рублей стоитъ. Ни рабочихъ имъ не нанимать, ни завода не устраивать, только денежки въ карманъ класть. Потомъ ужъ отмѣнили эту глупость, по моему таки предложенію; назначили по 72 рубля платы въ годъ за право держать на рельсахъ желѣзной дороги свой вагонъ-цистерну, и заводамъ держать тоже дозволили, какъ и другимъ...

А. разсказывалъ очень грустныя вещи о томъ вредѣ, который, по его словамъ, былъ нанесенъ здѣшнему скотоводству новыми законоположеніями о чумѣ рогатаго скота.

— Вчистую народъ разорили! горячился онъ.—Больше тысячи штукъ скота порѣзали за зиму, одинъ Богъ знаетъ изъ-за чего! Народъ просто въ отчаяніе пришелъ. Пріѣзжаю я какъ-то въ село одно. Смотрю, яму огромную копаютъ, народу согнано страсть сколько... Это что такое? спрашиваю. А, это мужики отвѣчаютъ, скотъ нашъ будутъ сейчасъ рѣзать... Ветеринары, все больше нѣмцы, понасланы были, молодежь, ничего толкомъ не понимаютъ. Одна скотина больна, они все стадо рѣжутъ. Бѣда да и только! Недаромъ бунты черезъ нихъ по деревнямъ пошли. Спрашиваю мужиковъ, да почемъ же они знаютъ, какая скотина больна? Да, говорятъ, стекло подъ хвостъ втыкаютъ. Скотина, извѣстно, боится, не даетъ вставлять, взбѣгается по полю, ну, разумѣется, жаръ у ней внутри больше станетъ,—вотъ онъ ее сейчасъ и подъ ножъ! Больна, дескать! жаръ большой. А она совсѣмъ здоровая!—Да вы-бъ, говорю, ледку бы ей всунули, вотъ оно бы жару и не было. Смѣются мужики, мы, говорятъ, и то пробовали; даже больной клали, и той не узнавалъ... Эта, говоритъ, здорова, жару совсѣмъ нѣтъ. Лѣчить-то, значитъ, не умѣютъ, а больше рѣзать. Это на что-жъ похоже? Это и мясникъ зарѣзать съумѣетъ, безъ доктора. А имъ деньги казенныя платятъ за то, что скотину зря переводятъ. Стало быть коли и человѣкъ одинъ заболитъ, такъ всѣхъ рѣжь? Вѣдь это, батюшка мой, разбой называется, а не лѣченіе...

Разговорились мы, между прочимъ, и о прошломъ съ А.

— Мы, батюшка, народъ простой, рабочій, сами себя сдѣлали,

какъ умѣли, съ насъ не взыщите, на насъ пятака мѣднаго никто не потратилъ, съ самоувѣренною улыбкой говорилъ А. Мы вѣдь и Волгу, и Каспійское море не по книжкамъ изучали, а собственными боками. Съ мальства всѣ берега Каспійскіе обшарили, каждую бухточку, каждый островокъ въ лицо знаемъ. Отецъ рыбой занимался, и мы съ нимъ. Въ камышахъ зимою ночевали, на льдинахъ насъ уносило, къ туркменамъ попадались, — мало ли чего бывало! Всѣмъ нашимъ военнымъ экспедиціямъ въ Закаспійскій край мы помогали: и Маркозову и Скобелеву. Я вѣдь отлично знаю и Скобелева, и Черняева и всѣхъ, кто тамъ дѣйствовалъ. Здоровую только ошибку они сдѣлали: отрѣзали нашу границу по рѣчку Атрекъ, гдѣ совсѣмъ нѣтъ удобныхъ гаваней, а въ холодныя зимы на 21 дюймъ море замерзаетъ. Имъ бы непремѣнно нужно было до Черной рѣчки отхватить. Тамъ море никогда не замерзаетъ. Персамъ все равно, тѣ ничего-бъ не сказали. А въ случаѣ чего имъ можно было бы за это въ Муганской степи сколько нужно отрѣзать. 300 верстъ пароходомъ сдѣлать не трудно, зато ужъ безъ перегрузки и войска, и товары—прямо можно было бы тогда на желѣзную дорогу доставлять. Большая-бъ вышла разница!

Вѣра А. въ Скобелева, въ Николая Павловича, въ Петра Великаго, во всѣхъ героевъ русской народной фантазіи и во всѣ ходячіе анекдоты о нихъ, утѣшающіе народное самолюбіе,—самая наивная, не допускающая никакихъ сомнѣній и оговорокъ, и непоколебимая ничѣмъ; при своей огромной памяти и огромномъ природномъ умѣ, А. составилъ себѣ очень стойкое и полное, хотя и своеобразное представленіе объ историческихъ событіяхъ и политическихъ вопросахъ, интересныхъ для русскаго человѣка, не на основаніи книгъ, какъ большинство изъ насъ, а на основаніи своихъ личныхъ встрѣчъ и бесѣдъ съ разными людьми и собственныхъ своихъ впечатлѣній и выводовъ изъ совершившагося на его глазахъ.

VI.

Царицынскій плесъ.

Мы съ женою съ любопытствомъ обошли всѣ уголки громаднаго парохода, чтобы ознакомиться съ его чисто-американскимъ устройствомъ. Страна господствующей демократіи, разумѣется, не могла оставить безъ извѣстнаго комфорта и самую небогатую публику. По ея образцу, и на нашемъ пароходѣ, не говоря уже о второмъ классѣ, мало отличающемся по существеннымъ удобствамъ отъ перваго,—даже третій классъ устроенъ съ большою заботливостью и приличіемъ. У всякаго пассажира своя отдѣльная койка, спальни просторны и чисты, отлично защищены отъ непогодъ всякаго рода, особая кухня и буфетъ,—далеко не то, однимъ словомъ, что мы привыкли разумѣть подъ названіемъ 3-го класса на нашихъ морскихъ пароходахъ, гдѣ эта злополучная палубная публика терпитъ всевозможныя стѣсненія и неудобства и имѣетъ буквально только полъ, на которомъ въ правѣ протянуться среди скота, бочекъ, тюковъ и шагающихъ черезъ головы матросовъ. Здѣсь даже 4-й классъ, помѣщающійся на палубѣ, какъ въ прочихъ пароходахъ 3-й классъ, прикрытъ деревянными широкими навѣсами отъ дождя и солнца и вообще несравненно удобнѣе обычныхъ третьихъ классовъ.

Водилъ насъ по всѣмъ этимъ пароходнымъ закоулкамъ любезный помощникъ капитана Б., оказавшійся крымчакомъ, изъ Ѳеодосіи, нѣсколько знавшій меня еще во время моего директорства въ Крыму, и большой почитатель моихъ «Очерковъ Крыма». Морякъ, вездѣ бывалый, онъ разсказывалъ намъ любопытныя вещи о своихъ кругосвѣтныхъ странствованіяхъ и, между прочимъ, очень разутѣшилъ русскую душу нашего собесѣдника А., сообщивъ намъ оригинальный китайскій законъ, практикующійся въ Ханькоу, по которому европеецъ за убійство китайца платитъ всего 25 — 50 долларовъ пени, а за убійство европейца

китайцемъ сажаютъ на колъ не только самого убійцу, но и его жену и дѣтей, а въ иныхъ случаяхъ даже и сосѣдей!..

— Вотъ бы такой закончикъ у насъ на Кавказѣ или въ Туркестанѣ ввести... Поубавили бы азіаты свои разбои!—съ хохотомъ увѣрялъ А.

Весенній разливъ еще не совсѣмъ успѣлъ войти въ берега, и Волга несется внизъ еще очень широкою и эффектною скатертью. По случаю половодья не поставлены еще и баканы, и пока еще вездѣ удобный фарватеръ. Впрочемъ, помощникъ капитана передавалъ намъ, что вообще дѣло лоціи ведется на Волгѣ очень небрежно, точно такъ же, какъ и расчистка русла. Кое-гдѣ попадаются казенныя драги, но толку отъ нихъ мало, хотя деньги тратятся большія. Чтобъ устроить подходъ водою къ Саратову, затратили огромныя суммы, а все-таки пристань въ 3-хъ верстахъ отъ города. Впрочемъ, прежде она ушла отъ него даже на 12 верстъ, которыя приходилось къ тому же проѣзжать по пескамъ. Волжскіе пески и камни приносятъ огромные убытки пароходчикамъ. Одинъ только Зевеке въ прошломъ году погубилъ два свои парохода, посадивъ ихъ на камни.

Правый берегъ теперь ушелъ отъ насъ довольно далеко, загородившись низкими островами и густою уремой; лѣвый тоже весь въ лѣсистыхъ луговыхъ островахъ. Селъ уже не видно; только кое-гдѣ, при устьѣ какого-нибудь «волжка» (туземное названіе рукавовъ Волги), попадаются рыбацкія ватаги и «учуги», стоятъ около нихъ барки, валяются на берегу опрокинутыя пузомъ вверхъ неводныя лодки.

Птицъ тутъ совсѣмъ не видно, къ моему удивленію.

Въ устьѣ рѣки мы видѣли и цаплей, и бакдановъ, и чаекъ, а тутъ однѣ только галки; да и тѣ боятся перелетать черезъ ширь рѣки, версты въ три, четыре; боятся высоко подняться надъ водою, такъ что чуть не задѣваютъ воды крыльями; нѣкоторые смѣльчаки, впрочемъ, пробуютъ погарцовать и повыше, въ воздушной безднѣ; но ихъ сейчасъ же относитъ вѣтромъ на-

задъ, какъ лодку сильнымъ теченіемъ. Вѣтеръ вѣтромъ, а мнѣ кажется еще, что въ такомъ длинномъ руслѣ, прорѣзающемъ на нѣсколько тысячъ верстъ толщи земли, долженъ постоянно тянуть сквознякъ своего рода, какъ въ какой-нибудь трубѣ. Быстрина рѣки, подгоняемая жестокимъ вѣтромъ, кажется еще вдвое больше отъ бѣга парохода. Встрѣчныя бѣляны всѣ постановились на якоря. Издали ярусы плотно сложеннаго на нихъ теса кажутся папушами листового табаку; такъ уменьшаетъ размѣры всѣхъ предметовъ эта могучая ширь Волги. Навстрѣчу намъ пробѣжалъ нефтяной пароходъ Нобеля, а вотъ пассажирскій— «Рюрикъ» промчался, словно бравый рысакъ на городскомъ гуляньи, промелькнулъ и исчезъ за поворотомъ берега. Около 8 часовъ вечера провалилъ мимо насъ, обмѣнявшись съ нашимъ хриплымъ рыканьемъ и помахавъ, по обычаю, бѣлымъ флагомъ громадный пловучій домъ «Пушкинъ»; такой же трехъэтажный, такой же длинный-предлинный, какъ и нашъ, онъ работалъ своими огромными колесами съ точностью и спокойствіемъ хорошей швейной машины и пронесся, не шелохнувшись ни однимъ суставомъ своимъ, до краевъ переполненный людьми, машинами и грузомъ.

А буксирныхъ пароходовъ мы нагоняемъ безъ счета. Всѣ тянутся вверхъ съ вязанками баржъ въ хвостѣ. Это истинные спасители человѣка отъ изнурительной и унизительной работы вьючнаго скота. Буксиры эти замѣнили собою несчастнаго бурлака, всю жизнь тянувшаго, бывало, по этимъ тысячеверстнымъ берегамъ свою каторжную лямку. Умное изобрѣтеніе техника сдѣлало то, чего не могли бы достигнуть самыя горячія проповѣди моралиста. Въ этомъ извѣстная нравственная сила цивилизаціи, науки; она волею-неволею освобождаетъ человѣка отъ рабскихъ обязанностей, даже безъ всякихъ возвышенныхъ цѣлей съ своей стороны, однимъ естественныхъ ходомъ своихъ открытій и изобрѣтеній...

Волга—это такая мощь, такой просторъ, такая самобытность... цѣлый особый міръ, имѣющій свои явленія, свои законы, свою поэзію. Поневолѣ этотъ особый міръ долженъ былъ воспитать и свою особую нравственность. Здѣсь само собою зарождается чувство раздолья, удали, беззавѣтной смѣлости, — инстинкты вольнаго орла, передъ которымъ вездѣ просторъ, вездѣ добыча. У него острые когти, крѣпкій клювъ, — стало быть, онъ тутъ хозяинъ надо всѣмъ, что не имѣетъ такого клюва и такихъ когтей, что не въ силахъ спастись отъ его хищнаго налета на болѣе быстрыхъ крыльяхъ, что тащится черепахой на канатѣ или на неуклюжихъ веслахъ впереди его легкой разбойничьей лодки. Никакихъ другихъ нравственныхъ побужденій, никакой жалости, никакого колебанія. Одна разыгравшаяся на свободѣ буйная силушка, та нерастраченная еще историческою жизнью сырая народная силушка, что, по чудному выраженію старинной русской пѣсни, «по жилушкамъ живчикомъ переливается,—грузно мнѣ отъ силушки, какъ отъ тяжелаго бремени». Никого кругомъ нѣтъ, кромѣ дремучихъ лѣсовъ, безмолвно таящихъ свои суровыя тайны, кромѣ голыхъ неприступныхъ обрывовъ да глубокихъ омутовъ Волги, нѣмыхъ и темныхъ какъ могила. Кого бояться, кого стыдиться, у кого спрашивать позволенія въ этой текучей тысячеверстной пустынѣ? Моя тутъ воля, — и все тутъ мое! Я тутъ властенъ царить, какъ этотъ степной вѣтеръ, что̀ рветъ и треплетъ въ клочья облака по поднебесью, что съ молодецкимъ свистомъ хлещетъ своимъ бѣшенымъ бичемъ, будто лихой кочевникъ пустыни табунъ одичавшихъ лошадей, упрямыя волны рѣки... «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ, по широкому раздолью, разыгралась непогодушка!» Эта старая пѣснь Волги сама поется здѣсь и этимъ вѣтромъ-бурею, и этими хлещущими и плещущими волнами, что̀ несутся стремглавъ, кружа мнѣ голову, навстрѣчу несущемуся на всѣхъ крыльяхъ пароходу. Поэзія «уда̀лаго добраго мо̀лодца», разбойничьи идеалы Стеньки Разина и Ваньки Каина рѣютъ въ этомъ суровомъ воздухѣ рѣчной пустыни... Вездѣ имъ тутъ по колѣно море, все имъ тутъ трынъ-трава! Чужая душа—

копѣйка, за то и своя не дороже! Разлетѣлся на свою добычу съ вольной выси поднебесной, не считая, не мѣряя, ударилъ желѣзнымъ клювомъ,—одолѣлъ—хорошо, мое счастье, а пропалъ—туда и дорога!

Когда ѣдешь долго по Волгѣ, изо дня въ день, не только дни, но и ночи, и видишь всю эту неизмѣримую массу водъ, несущихся изъ-за тысячъ верстъ, черезъ цѣлыя огромныя области, изъ невѣдомыхъ лѣсныхъ трущобъ Вологды, Костромы, Вятки, Перми, наливающихъ тамъ внизу цѣлое море; видишь эти безчисленные села и города, эти разноплеменные народы, къ ней прильнувшіе, ею живущіе, черпающіе въ ней свой смыслъ и силу; видишь эти нескончаемые караваны нагруженныхъ баржъ, бѣлянъ, барокъ, расшивъ, эти флотиліи пароходовъ, — понимаешь тогда всѣмъ существомъ своимъ, что Волга дѣйствительно должна была представляться наивному воображенію дикаря язычника, первобытнаго обитателя ея береговъ, какою-то живою всесильною богиней, требующею поклоненія и жертвъ. Она была въ его глазахъ *Волгой-матушкой* не въ видѣ только метафоры или ласковаго эпитета, а дѣйствительно матерью, родительницей всего, кормилицей его, заботницей обо всемъ, что̀ было нужно ему.

Это инстинктивное поклоненіе Волгѣ-матушкѣ, царственной рѣкѣ земли русской, унаслѣдовалъ отъ древнихъ предковъ своихъ и русскій человѣкъ, тоже издревле жившій на ея берегахъ. Царственная рѣка во всѣ вѣка, которые помнитъ исторія, была невольною владычицей всей русской земли. Жили на ней Хозары,—и брали тогда дань съ Кіева и Чернигова, съ сѣверянъ и вятичей. Разбили на ней, вѣка спустя, монголы свою «Золотую Орду», — и вся Русь отъ Новгорода до Волыни очутилась въ ихъ господствѣ. Русь Кіевская, Русь Новгородская, стала подпадать подъ крѣпкую руку младшей сестры своей Москвы тѣмъ больше и крѣпче, чѣмъ ближе къ Волгѣ подвигалось московское княжество, поглощая собою постепенно Ростовъ, Суздаль, Вла-

диміръ, Рязань, Нижній. Завоеваніе Казанскаго и Астраханскаго царства царемъ Иваномъ Грознымъ было прежде всего завоеваніемъ Волги, — и удивительнымъ образомъ опять эта власть надъ царственною русскою рѣкой совпала, какъ и прежде, со властью надъ всею землей русскою, съ истиннымъ началомъ русскаго царства.

«Каменный Яръ», какъ всѣ бывшіе сторожевые городки праваго волжскаго берега, забрался на высокій голый мысъ, стѣной обрывающійся въ рѣку. И здѣсь ни деревца, ни травки, ни кустика; только тѣсные ряды сваленныхъ въ одну кучу сѣрыхъ тесовыхъ домовъ, изъ которыхъ подымаются двѣ каменныя церкви. Эти волжскіе села-городки живо напоминають тѣ безыскусственные рисунки древне-русскихъ городовъ и селеній, какіе сохранилъ намъ въ своемъ любопытномъ путешествіи по Россіи Герберштейнъ. Въ высшей степени прозаическіе, лишенные красоты и вкуса, они тѣмъ не менѣе живутъ себѣ, повидимому, припѣваючи, при рыбѣ и денежкахъ, вѣроятно, нисколько не огорчаясь досадными впечатлѣніями художника-туриста.

Удивительно разнообразны вкусы человѣка! Сарту довольно глиняной норы, горсти рису, ломтя дыни,—но зато необходимъ зеленый садъ, расшитые шелкомъ башмаки, раззолоченный халатъ. Русскій мужикъ будетъ жить всласть на голомъ обрывѣ, уныломъ какъ могила, но зато подавай ему рубленый домъ, щи съ рыбой, кашу съ саломъ и водки вдоволь.

При Екатеринѣ II Каменный Яръ назывался «Каменнымъ форпостомъ»; въ немъ стоялъ тогда обычный казацкій караулъ, какъ это было устроено тогда по всей такъ называемой «Царицынской линіи» для охраны почтоваго тракта изъ Саратова въ Астрахань, шедшаго вдоль праваго берега Волги. Гмелинъ, посѣтившій эти форпосты, съ большимъ состраданіемъ разсказываетъ объ участи бѣдныхъ донскихъ воителей, державшихъ здѣсь караулъ.

Они, по словамъ его «употребляются къ тому, чтобы дорогу по Волгѣ между Царицыномъ и Чернымъ Яромъ отъ давно уже тамъ извѣстныхъ разбойниковъ, коихъ еще и нынѣ нѣсколько бываетъ, очищать.

«На каждыхъ 25 или 30 верстахъ на западномъ берегу рѣки Волги находятся порядочно небольшимъ редутомъ окруженныя караульни, и при оныхъ живутъ въ бѣдныхъ землянкахъ по 24 казака, кои состоятъ подъ смотрѣніемъ сотника. По прошествіи каждыхъ четырехъ мѣсяцевъ они смѣняются, и по году или около двухъ лѣтъ служатъ на линіи. Сіи на форпостахъ находящіеся казаки отправляютъ также и почты: они должны проѣзжающимъ съ порядочными подорожными давать подводы и на казенныхъ судахъ употребляемы быть въ греблю. Если хочешь бѣдную тварь въ свѣтѣ себѣ представить, то должно на память привести донского казака, на линіи стоящаго.

«Здѣсь поступаютъ съ ними такъ, какъ едва ли прилежный хозяинъ поступаетъ со своимъ скотомъ».

Вѣтеръ все крѣпчалъ и къ вечеру превратился въ жестокую бурю. Солнце сѣло багровое, въ кровавомъ заревѣ. Быть, значитъ, бурѣ и завтра.

Сарепту мы проѣхали ночью и проснулись уже у Царицына. Царицынъ—тоже въ свое время сторожевой городокъ, построенный на высокомъ гористомъ берегу. Сначала тянется огромное богатое село, у ногъ котораго на рѣкѣ цѣлый лѣсокъ мачтъ; все это парусники съ хлѣбомъ; за ними начинается длинный рядъ пароходныхъ пристаней Самолета, Волжскаго Общества, Кавказа и Меркурія, Зевеке и проч. Тутъ ужъ больше цивилизаціи, Европы: дымятъ трубы, шумятъ колеса, раздаются свистки. Надъ пристанями, по горѣ — только-что разбитый бульваръ съ обычными бесѣдками для шипучихъ водицъ, зелеными скамеечками, зелеными рѣшеточками. Къ бульвару этому отъ каждой пристани поднимается крутая деревянная лѣстница, по одной изъ которыхъ и мы съ женою должны были взобраться, чтобы

ознакомиться хотя бѣгло съ знаменитымъ въ своемъ родѣ торговымъ городомъ волжскаго низовья.

Мы наняли извозчика и довольно скоро объѣхали все, что стóило смотрѣть въ Царицынѣ. По правдѣ сказать, тамъ смотрѣть ровно нечего.

Рядъ порядочныхъ домовъ на набережной, у пристани, красивый домъ водопровода, въ самомъ низу, и затѣмъ просторная, какъ выгонъ-торговая площадь съ примыкающими къ ней одной, двумя улицами, еще смотрятъ сколько-нибудь городомъ. Въ общемъ же—впечатлѣніе громаднаго ярмарочнаго села, куда начинаетъ вторгаться то тамъ, то здѣсь городская цивилизація въ видѣ большихъ каменныхъ домовъ, хорошо снабженныхъ магазиновъ, торговыхъ складовъ и проч. Есть даже гимназія, женская гимназія и разныя другія просвѣщенныя учрежденія. Но надъ всѣмъ господствуетъ, все потопляетъ въ себѣ—пыльный и грязный мужицкій базаръ. Царицынъ въ сущности—одинъ гигантскій хлѣбный лабазъ, къ которому все остальное прилѣплено только случайно, словно ради приличія. Даже церкви его—скорѣе деревенскія, чѣмъ городскія. Нѣтъ ни одной выдающейся, достойной украсить собою богатый торговый городъ и стать его центромъ. Пять церквей стоятъ почти рядомъ другъ съ другомъ, можетъ быть, потому, что всѣ стояли въ старое время въ городскомъ острожкѣ, окруженныя стѣною...

Дебруинъ, проѣзжавшій здѣсь по Волгѣ въ 1703 г., видѣлъ еще вокругъ Царицына деревянныя стѣны и башни.

Площадь не мощена, да и изъ улицъ чуть ли не одна всего мощеная, много двѣ.

Русскій уѣздный городъ сказался въ этомъ, несмотря на торговлю и богатство, несмотря на пароходы и желѣзныя дороги. Но рядомъ съ хлѣбнымъ Царицыномъ стóитъ взглянуть на другой, новѣйшій Царицынъ — Царицынъ нефтяной. Онъ отодвинулся по берегу Волги версты на 2 отъ стараго центра и начинается хорошенькимъ Нобелевскимъ городкомъ, такъ живо напомнившимъ мнѣ Бакинскій городокъ Нобеля. Нобелевскій го-

родокъ словно окопался кругомъ глубокими оврагами и зеленѣетъ своими садиками на высокомъ полуостровѣ Волги, рядомъ съ безнадежно-голыми обрывами своихъ сосѣдей. Тутъ прекрасные каменные дома заводовъ и до полутораста хорошенькихъ деревянныхъ домиковъ для служащихъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ свое скромное хозяйство и свой скромный комфортъ. Внизу опять пристани всѣхъ возможныхъ пароходныхъ компаній, флотилія собственныхъ пароходовъ и баржъ, наверху цѣлыя баттареи сѣрыхъ желѣзныхъ башенъ для храненія нефти и керосина, цѣлые поѣзда вагоновъ-цистернъ, двигающіеся по рельсамъ собственной Нобелевской дороги, соединяющей его заводы съ Грязе-Царицынскою желѣзнодорожною линіей.

Изъ баржъ и пароходовъ гигантскіе насосы прямо перекачиваютъ керосинъ и нефть наверхъ, въ желѣзныя башни. За Нобелевскими заводами и Губонинскими соляными складами идутъ, также отдѣльными поселками, раздѣляясь другъ отъ друга небольшими промежутками, заводы и цистерны сначала Тагіева, потомъ Стефанини, товарищества «Нефть», и проч. и проч. Каждое владѣнье вооружено своего рода нефтяными баттареями, и всѣ эти желѣзныя круглыя башни, словно знамена различныхъ націй, окрашены въ разнообразные цвѣта, по которымъ издали узнаешь ихъ. Но ужъ тутъ никакихъ садиковъ, никакой зелени, и, повидимому, никакого слѣда заботы о людяхъ, работающихъ съ утра до ночи и съ ночи до утра на этихъ заводахъ. Вездѣ кругомъ одни голые обрывы да глиняные пустыри.

Царицынъ занимаетъ особенно выгодное положеніе на Волгѣ, также какъ его сосѣди Сарепта съ юга и Дубовка съ сѣвера. До этой мѣстности Волга, начиная отъ Ѳамары, течетъ на юго-западъ у подножія скалистаго хребта, который составляетъ ея правый берегъ. Но немного ниже Царицына она вдругъ словно натыкается на какую-то невидимую преграду, и рѣзко отбрасывается на юго-востокъ, покидая свой горный хребетъ, и уже съ тѣхъ поръ ее провожаютъ вмѣсто настоящихъ горъ простые глинистые обрывы берега.

Въ томъ же самомъ мѣстѣ и Донъ, все время текущій на юго-востокъ, какъ бы стремясь къ сліянію съ Волгой, наталкивается на отроги праваго хребта Волги, которые уходятъ отъ нея въ степь подъ именемъ Эргеня, и еще круче, чѣмъ она, вдругъ поворачиваетъ къ юго-западу, такъ что устья этихъ двухъ великихъ рѣкъ, чуть не сливающихся вмѣстѣ у Царицына, оказываются въ концѣ концовъ на разстояньи многихъ сотенъ верстъ другъ отъ друга: одно въ Азовскомъ, а другое въ Каспійскомъ морѣ.

Это-то тѣсное сближенье Дона съ Волгой около Дубовки и Царицына, это выгодное положенье Царицына въ крутомъ поворотѣ Волги, издревле придали поселкамъ этой мѣстности важное значенье. Трудно сомнѣваться, что упоминаемый арабскимъ писателемъ X вѣка Ибнъ-Дастомъ—торговый Хозарскій городъ Сарашенъ и былъ тѣмъ самымъ татарскимъ «Сара-чинъ» («желтые пески»), который русскіе люди передѣлали впослѣдствіи въ понятный ихъ уху Царицынъ.

По предположенію Карамзина, Хозарскій Саркелъ, или Бѣлая Вежа, главнѣйшій населенный центръ Дона въ древніе вѣка, находился близъ того именно крутого колѣна Дона, которымъ онъ подходитъ къ Царицыну.

Дикія тюркскія племена, нѣкогда кочевавшія въ степяхъ южной Россіи, пользовались этимъ мѣстомъ сближенья великихъ русскихъ рѣкъ для того, чтобы перетаскивать свои хищническія ладьи изъ одного главнаго воднаго пути въ другой. Наши предки славяне точно также пользовались этимъ удобнымъ волокомъ при своихъ набѣгахъ на Поволжскія и Каспійскія страны, какъ мы знаемъ это изъ подробныхъ разсказовъ древнихъ арабскихъ писателей.

Впослѣдствіи по этимъ же естественнымъ волокамъ двигались изъ Дона въ Волгу и изъ Волги въ Донъ Донскіе и Волжскіе казаки, понизовая разбойничья вольница, а подъ часъ и царскія рати. Оттого-то съ древнихъ временъ существовалъ въ этомъ мѣстѣ между Волгой и Дономъ, сейчасъ же выше Цари-

цына, земляной валъ съ укрѣпленіями, преграждавшій путь хищнымъ кочевникамъ въ глубину Россіи. Слѣды этого вала, поддерживаемаго еще при Петрѣ Великомъ, видны до сихъ поръ.

Оттого же Царицынъ съ первыхъ дней своего построенія при царѣ Иванѣ Грозномъ сталъ своего рода передовымъ редутомъ русскаго царства противъ кочевой азіатчины и Волжскихъ разбойниковъ, а впослѣдствіи, по замиреньи Поволжья и водвореньи здѣсь сильной государственной власти, обратился въ важный торговый пунктъ.

Дубовка нѣсколько ранѣе Царицына воспользовалась исключительными выгодами мѣстности и уже давно была соединена съ Качалинскою станицей Дона конно-желѣзною дорогой, теперь упраздненною. Еще раньше геніальный взглядъ Петра едва было не соединилъ каналомъ Волгу съ бассейномъ Дона. Только каналъ этотъ рылся нѣсколько сѣвернѣе, у города Камышина, изъ маленькой рѣчки Камышенки въ рѣку Иловлю, которая верховьемъ своимъ подходитъ почти вплотную къ Волгѣ и еще ближе къ Камышинкѣ, а затѣмъ течетъ параллельно съ Волгой до впаденья своего въ Донъ какъ разъ у того мѣста, гдѣ онъ круто поворачиваетъ на юго-западъ. Собственно говоря, Иловля съ Камышинкой и служили издревле путемъ воднаго сообщенія Дона съ Волгой, и волокъ судовъ происходилъ всего только на ничтожномъ разстояньи, отдѣляющемъ верховья Иловли и Камышинки. Въ настоящее время, съ постройкой коротенькой желѣзной дороги отъ Царицына до станицы Донской и цѣлой системы другихъ желѣзныхъ дорогъ, соединившихъ Царицынъ черезъ Грязи и Орелъ со всѣми областями и торговыми центрами Россіи, точно также, какъ съ западною границей и приморскими портами,—значенье понизоваго Волжскаго порта всецѣло перешло въ Царицынъ. Онъ сталъ естественнымъ центромъ торговыхъ сношеній Каспія и Волжскаго низовья съ остальною Россіей и обратился мало-по-малу въ громадный складъ соли, рыбы, нефти и хлѣба, превысивъ своимъ населеньемъ многіе губернскіе города.

VII.

Бугры Стеньки Разина.

За Царицыномъ пейзажъ Волги совершенно измѣняется. Степная Волга, Волга киргизовъ и калмыковъ, можно сказать, кончается здѣсь. Кончается (или вѣрнѣе начинается) сейчасъ же противъ Царицына и Ахтуба, эта рѣка кочевниковъ, орошающая ихъ улусы. Невдалекѣ отъ того мѣста, гдѣ она отдѣляется отъ коренной Волги, стоитъ городъ Царевъ, вѣроятно, бывшій «Сарай» хановъ Золотой Орды,—бывшая столица кочевій,—до сихъ поръ полная древнихъ развалинъ и насыпей.

Кончается на правомъ берегу и Астраханская губернія, и начинается Саратовская. Царицынъ—уже уѣздный городъ Саратовской губерніи. Вмѣсто калмыцкихъ кочевій у Царицына придвигается чуть не къ самой Волгѣ область Донскихъ казаковъ, такъ что Саратовская губернія отдѣляетъ ее здѣсь отъ Волги только узкимъ клиномъ. По лѣвому берегу, однако, Астраханская губернія тянется еще довольно долго, до впаденія Еруслана, гдѣ уже граница Самарской губерніи. Это степи нѣкогда знаменитаго соляного озера Елтона, значенье котораго подорвано теперь такимъ же обильнымъ солью Баскунчакскимъ озеромъ, гораздо болѣе близкимъ къ Волгѣ. Елтонъ, впрочемъ, продолжаетъ попрежнему добычу соли, отправляя ее черезъ Царевъ въ Дубовку, въ Камышинъ, въ Никольскую слободу.

Горные берега Волги много живописнѣе ея низовыхъ береговъ. Они стоятъ отвѣсными стѣнами, раздѣленные своими оврагами, будто крѣпостная ограда, на бастіоны, люнеты и башни,—на такъ называемые здѣсь «столбичи» или «шиханы».

На одномъ изъ такихъ живописныхъ столбичей, что выступилъ обрывистымъ мысомъ въ волны рѣки, у небольшого поворота Волги—расположена Дубовка. Она смотритъ издали гораздо красивѣе Царицына. Хотя Дубовка именуется посадомъ,

но это настоящій городъ, и городъ далеко не маленькій. Съ палубы парохода намъ были видны пять церквей, ближайшихъ къ берегу, а, вѣроятно, ихъ еще больше. И церкви эти—не чета безхарактернымъ церквамъ Царицына: это все бѣлокаменные храмы настоящаго русскаго стиля, среди которыхъ выдѣляется большой и красивый многоглавый соборъ. Такихъ каменныхъ палатъ, какія можно встрѣтить среди домишекъ Царицына,—въ Дубовкѣ, правда, нѣтъ; здѣсь господствуетъ скромный типъ домовъ прежняго уѣзднаго города, но они зато всѣ на виду и очень картинно лѣпятся по обрывамъ скалы. У подножія этой скалы—пристань съ парусными кораблями, пароходами, конторами разныхъ компаній.

На пристани этой бабы продаютъ тарелки ярко-красной клубники, которая только теперь стала здѣсь поспѣвать, и которую мы кончили ѣсть въ Ташкентѣ уже мѣсяцъ тому назадъ. Продаютъ еще какіе-то особенные лохматые коврики мѣстнаго производства, по 5 и 10 рублей за штуку, неособенно прельстившіе меня. Но наша пароходния публика отъ нечего дѣлать дѣятельно раскупала и клубнику, и ковры, къ большому удовольствію дубовскихъ казачекъ. Пароходъ стоялъ здѣсь недолго. и отчаянные парни. съ истинно казацкою удалью, прыгали на него и съ него съ кувшинами молока и съ плетушками яицъ, торопясь закончить свой слишкомъ упрямый торгъ со скупыми пассажирами и рискуя выкупаться въ далеко еще не теплой матушкѣ Волгѣ. Энергическая ругань капитана парохода и угрозы его увезти ихъ въ Камышинъ, дѣйствовали на нихъ, повидимому, очень слабо. Тутъ и другая торговля, болѣе серьезная. Берегъ уставленъ множествомъ свѣже-срубленныхъ еловыхъ домиковъ, поставленныхъ совсѣмъ съ крышами,—покупай себѣ прямо и живи! А на баржахъ, загромоздившихъ пристань, всякій лѣсной товаръ: лыки, дубье, дрань, ободья, уложенные такъ мастерски, что издали кажутся свитыми изъ дерева канатами.—Огромные мучные заводы, всѣ, конечно, паровые,—стоятъ цѣлою цѣпью вдоль берега Волги. Главные заводы—купца Казеева.

У него же въ Дубовкѣ, въ подражанье сарептскимъ Нѣмцамъ. горчичный и пивоваренный заводы. Эта сильно развитая заводская дѣятельность Дубовки дѣлаетъ ее однимъ изъ самыхъ важныхъ промышленныхъ центровъ Саратовской губерніи. Прежде Дубовка была и богатымъ торговымъ пунктомъ, служа главнымъ перепутьемъ между Волгой и Дономъ посредствомъ когда-то бывшей здѣсь конножелѣзной дороги въ Качалинскую пристань Дона. Но теперь ея торговое значенье всецѣло унаслѣдовалъ Царицынъ, и пѣсенка Дубовки спѣта, вѣроятно, навсегда. Вообще Дубовкѣ не везетъ: была она въ свое время городомъ и даже главнымъ мѣстомъ управленья Волжскихъ казаковъ, но увлеклась Пугачевскою смутою,—и была разжалована изъ городовъ въ простой посадъ. Была у нея желѣзная дорога, — и потомъ тоже отнята.

Сама Дубовка, какъ и Царицынъ, какъ и всѣ вообще слободы и городки Волжскаго берега, безотрадно голая, безъ всякой зелени; кварталы тесовыхъ крышъ и заборовъ среди пыльныхъ площадей и улицъ,—и больше ничего. Но окраины ея—сплошные фруктовые сады, которыми вообще славится Саратовская губернія.

А горный берегъ все красивѣе, все интереснѣе. Села попадаются не часто, верстъ черезъ 8—10, но зато большія, богатыя, съ хорошими храмами, настоящія приволжскія слободы: Водяная, Пролейка, Балыклея, противъ которой на лѣвомъ берегу другая Балыклея—Верхняя, потомъ Караваинка, Антиповка Быковы Хутора, поставляющіе на всю Русь православную свои чудные арбузы, извѣстные въ торговлѣ подъ именемъ камышинскихъ.

Хутора эти тоже на лѣвомъ берегу. Вообще отъ Царицына лѣвый берегъ уже покрытъ поселеньями. Это не тѣ луговые, покрытые тальникомъ острова, которые до Царицына отдѣляли отъ коренной Волги русло Ахтубы. Тутъ Волга валитъ однимъ сплошнымъ и прямымъ столбомъ, безъ всякихъ виляній въ стороны, широкою какъ скатерть водною дорогою, между двухъ сво-

ихъ надежныхъ коренныхъ береговъ. Тутъ уже прекращается вмѣстѣ съ окончаніемъ Царицынскаго плеса рыболовное царство, и береговые жители занимаются мелкою рыбою только для себя и между дѣломъ. Впрочемъ, съ 15-го мая наступило время запрета рыбной ловли и здѣсь, и вездѣ, такъ что и рыбаковъ почти не видишь теперь.

Послѣ широкаго раздолья Волги прогулка по всякой русской рѣкѣ покажется скучною. Донъ сравнивать нельзя съ Волгою по ширинѣ, хотя характерная красота его бѣлыхъ мѣловыхъ береговъ въ иныхъ мѣстахъ нисколько не уступаетъ Волгѣ.

Сегодня и день, какъ нарочно, отличный. Сильный вѣтерч, не успокоившійся за ночь, высоко вздымаетъ бурливыя волны и завиваетъ ихъ бѣлыми гривками; въ воздухѣ пріятная свѣжесть, а голубое весеннее небо ласкаетъ глазъ своими мягкими радующими лучами. Вся публика на террасѣ, на галлереяхъ, на палубѣ; всякому хочется подышать полною грудью вольнымъ воздухомъ царственной рѣки и полюбоваться ея мирными картинами, незамѣтно мѣняющимися. какъ стекла волшебнаго фонаря.

Пароходы встрѣчаются что-то рѣдко, но за то вонъ картина, которую уже не такъ часто увидишь теперь на Волгѣ. Тяжело нагруженная барка медлено ползетъ вдоль берега противъ теченья, запряженная парою лошадей, похожихъ на Донъ-Кихотова Россинанта. Лошади тоже бредутъ по мелкой водѣ, и парень-погонщикъ, въ красной рубахѣ, терпѣливо слѣдуетъ по ихъ пятамъ, болтая воду своими огромными сапожищами съ беззаботностью, достойною лучшей участи.

Суденышки съ туго надутыми парусами шибко, будто не своею волею, гонятся мимо насъ попутнымъ вѣтромъ, иногда близкимъ-близко къ бортамъ нашего парохода. Намъ тогда отлично можно разсмотрѣть ихъ безхитростные шалашики изъ ничѣмъ не сбитаго теса, у которыхъ какой-нибудь мужикъ-барочникъ сидитъ со своею бабою въ красномъ сарафанѣ со своими бѣлобрысыми босоногими дѣтишками, всею своею трудовою не-

прихотливою семейкою, вокругъ походнаго котелка или горшечка хлебая деревянными ложками что Богъ имъ послалъ, и жуя съ терпѣливою флегматичностью вола свой неизмѣнный оржаной хлѣбушко.

Ползаютъ тоже по этому бурному раздолью разыгравшейся Волги и мѣстныя крестьянскія лодочки, перебирающіяся съ берега на берегъ, или изъ села въ село. Крестьяне привыкли къ этому страшному звѣрю-рѣкѣ какъ къ чему-то своему, домашнему, и не умѣютъ церемониться съ нимъ, а выѣзжаютъ «на свою рѣку» въ чемъ попало и какъ попало, съ тряпицею вмѣсто паруса, съ течью въ днѣ, съ чуть живою мачтой, хотя матушка-Волга то и дѣло шутитъ съ ними плохія шуточки.

Чѣмъ дальше, тѣмъ оригинальнѣе дѣлаются формы береговыхъ скалъ. То онѣ кажутся какими то хлѣбами, наваленными другъ на друга, то гигантскими черепахами или жабами. Мѣстами горный берегъ распахивается, какъ полы занавѣса, и сквозь ярко-зеленую лощину виднѣются въ ея глубинѣ и хлѣбныя поля, и далекія деревушки, и притаившаяся у устья долинки какая-нибудь рыбацкая хижинка съ привязанною около лодкой.

Вотъ мы наконецъ у Камышина. Тутъ маленькая Швейцарія своего рода. Берегъ очень высокій, пр обрывамъ его вьются тропинки, какъ въ настоящихъ горахъ. Отъ пристани, загроможденной пловучими конторами шаблоннаго вида всевозможныхъ пароходныхъ обществъ и приставшими къ нимъ пароходами и баржами, крутѣйшія и длиннѣйшія лѣстницы ведутъ на набережную. Мы съ женою пошли прогуляться и по ней, и по городу. Набережныя волжскихъ городковъ—всѣ одного типа. Непремѣнно чахлый бульваръ съ зелеными скамеечками и г премѣнно такъ называемый «вокзалъ»,—скромный трактирчи съ балконами на Волгу, съ залою для танцевъ, съ арфистка и музыкой. Непритязательная и немногочисленная камыши

ская публика собирается здѣсь къ приходамъ пароходовъ — хоть немножко развлечься отъ однообразія уѣздной жизни. Но за то видъ на Волгу съ этихъ балконовъ и этого обрыва поразителенъ по могучему размаху и величественной простотѣ своей.

Самъ городъ безотраденъ, какъ всѣ наши уѣздные города. Кирпичные и деревянные сундуки, какіе въ два, какіе въ одинъ этажъ, безъ стиля, безъ красоты, безъ житейскаго удобства, тянутся однообразными рядами вдоль утопающихъ въ пескѣ и пыли улицъ. Церквей много, но тоже безхарактерной и безвкусной архитектуры, а всего больше, конечно, кабаковъ, что подъ разными титулами торчатъ и на углахъ каждаго переулочка, и на площадяхъ, и на улицахъ, при всѣхъ въѣздахъ и выѣздахъ, образуя собою своего рода гостиный дворъ пьянства. У нѣмцевъ такой прибрежный городокъ былъ бы корзинкою цвѣтовъ, хорошенькою игрушечкой, которую ѣздили бы осматривать туристы. А тутъ нигдѣ ни воздуха, ни зелени, ни уютности, ничего того, что дѣлаетъ отраднымъ человѣку его гнѣздо. Когда мы возвратились на пристань, порядочно утомленные ходьбой по камышинскимъ пескамъ, всѣ наши спутники увлеченно занимались торговлею съ представительницами мѣстной промышленности, которыя нанесли на пристань всякихъ вязаныхъ кофтъ, шарфовъ, скатертей и т. п. спеціальныхъ издѣлій Камышина, славнаго, стало быть, не одними только арбузами своими. Впрочемъ, по Волгѣ, больше славна крошечная рѣченка Камышинка, чѣмъ стоящій на ней городъ. Въ старинной пѣснѣ волжскихъ разбойниковъ поется:

Что пониже было города Саратова,
А повыше было города Камышина,
Протекала, пролегала мать—Камышинка рѣка:
Какъ съ собой она вела круты красны берега,
Круты красны берега и зеленые луга.
Она устьицемъ впадала въ Волгу-матушку;
А по славной было матушкѣ—Камышинкѣ-рѣкѣ

Какъ плыли-то, выплывали все нарядные стружки.
Ужъ на тѣхъ ли на стружкахъ удалые молодцы,
Удалые молодцы, воровскіе казаки.

Я уже говорилъ раньше, что это была историческая дорога для переволока съ Дона на Волгу рѣчкою Иловлею. Стенька Разинъ то и дѣло перебѣгалъ этою любимою казацкою дорожкою изъ своего Паньшина городка, изъ своего Донского Кагальника, въ Царицынъ и Астрахань. Камышинка такъ воровато прячется въ своихъ берегахъ, что съ Волги ея почти незамѣтно,— настоящая дорога воровъ. Можетъ быть, потому, что проходъ по ней такъ скрытенъ, народная фантазія поражалась внезапными частыми появленьями батюшки Степана Тимофѣича съ родного Дона на матушкѣ Волгѣ, и приписывала эти перелазы его колдовской силѣ. До сихъ поръ жители Волги разсказываютъ о чародѣйской кошмѣ-самолеткѣ, на которой лихой атаманъ въ одну минуту переплывалъ рѣки и перелеталъ по воздуху, куда хотѣлъ.

Камышинъ со своими окрестностями и вообще весь этотъ берегъ Волги внизъ до Царицына были первымъ пристанищемъ Стеньки на великой русской рѣкѣ. Этотъ безстрашный хищный коршунъ вилъ себѣ мимолетныя гнѣзда то на одномъ, то на другомъ «шиханѣ» гористаго берега, безопасный, какъ въ крѣпости, на этихъ отвѣсныхъ обрывахъ, окруженныхъ рѣкою и глубокими оврагами, укрытыхъ дремучими лѣсами отъ чужого глаза. Оттого-то начиная отъ Царицына и чуть не до самаго Саратова знающіе люди то и дѣло указываютъ вамъ на берегу Волги мѣста, увѣковѣченныя въ народной памяти именемъ лихого атамана. И все это непремѣнно «бугры». Атаманъ-хищникъ, какъ и хищникъ-птица, долженъ былъ поневолѣ забираться на вершину какой-нибудь скалы, откуда ему было бы ловчѣе озирать издали свою добычу и молніею низвергаться на нее сверху.

Всѣ извѣстія современниковъ о шайкахъ Стеньки сходятся въ этомъ.

«Стоитъ Стенька на высокихъ *буграхъ*, а кругомъ его—полая

вода, ни пройти, ни проѣхать, ни провѣдать, сколько ихъ тамъ есть, ни языка поймать никакъ не можно...» доносилъ, напримѣръ, о немъ Царицынскому воеводѣ вожа Иванъ Бакунинъ.

«Бугровъ Стеньки Разина» на Волгѣ очень много. Мы ихъ видѣли и у Дубовки, и у Караваинки, и за Камышинымъ. Каждое приволжское село въ этомъ отношеніи имѣетъ свои собственныя преданья. Среди живописныхъ «столбичей» горнаго берега намъ показывали и «столъ Стеньки Разина», и «тюрьму Стеньки Разина» въ глубокомъ лѣсномъ логу; одинъ изъ бугровъ называется почему-то «Шапкою Стеньки Разина», можетъ быть, отъ сходства своихъ очертаній съ формою мѣховой шапки. Легенда же увѣряетъ, будто хмѣльной атаманъ послѣ долгой ночной попойки забылъ на этомъ бугрѣ свою соболью шапку.

Разсказовъ волжскихъ жителей о погребахъ и подземныхъ кладовыхъ Стеньки тоже не переслушаешь. Простой народъ вѣритъ здѣсь этимъ разсказамъ съ дѣтскою искренностью, и не одинъ предпріимчивый простолюдинъ убивалъ свои силы и средства, отыскивая по разнымъ стариннымъ замѣткамъ эти невѣдомо гдѣ зарытыя сокровища.

Вообще имя Стеньки, пѣсни о подвигахъ Стеньки еще живы на Волгѣ; по правдѣ сказать, живъ еще, должно быть, и духъ его. Стоитъ хотя вспомнить недавніе «холерные погромы» Астрахани и Саратова, такъ живо напомнившіе современной русской цивилизаціи не далеко еще ушедшія отъ насъ старыя времена и старые нравы.

Недаромъ поволжскіе жители изстари привыкли разсказывать, будто ихъ излюбленный атаманъ, батюшка Степанъ Тимофеичъ, какъ великій чародѣй, спасся отъ царской казни и до сихъ поръ живой мучится въ дикихъ горахъ.

Засадилъ его Царь на Москвѣ въ тюрьму, заковалъ въ кандалы, а онъ разорвалъ кандалы, будто нитку, разрывъ-травою, вынулъ изъ печки уголекъ, нарисовалъ на стѣнѣ лодку съ веслами, сѣлъ въ эту лодку и мигомъ перелетѣлъ на Волгу.

Костомаровъ въ своей художественной монографіи «Бунтъ

Стеньки Разина» передаетъ очень характерный разсказъ русскихъ матросовъ, бѣжавшихъ изъ плѣна черезъ Персидскую землю, какъ они встрѣтились въ страшныхъ горахъ на Каспійскомъ морѣ съ Стенькою Разинымъ, уже древнимъ, мохомъ поросшимъ старцемъ.

«Знайте-жъ, я—Стенька Разинъ, сказалъ онъ имъ, меня земля не приняла за грѣхи мои; за нихъ я проклятъ, суждено мнѣ страшно мучиться... Какъ пройдетъ сто лѣтъ, на Руси грѣхи умножатся, да люди Бога станутъ забывать, и сальныя свѣчи зажгутъ вмѣсто восковыхъ передъ образами, тогда я пойду опять по свѣту и стану бушевать пуще прежняго!»

Люди, помнившіе эти разсказы, думали въ свое время, что Пугачевъ-то и былъ Стенька Разинъ, вернувшійся по обѣщанію, черезъ сто лѣтъ покарать землю русскую за ея великіе грѣхи.

Пугачевъ раздулъ на Руси пожаръ еще шире и жарче, чѣмъ Разинъ, и жилъ онъ гораздо ближе къ намъ; однако, имя его далеко не такъ популярно въ народѣ; онъ не оставилъ по себѣ на Волгѣ ни поэтическихъ, ни мистическихъ легендъ, и объ немъ не сложилось здѣсь цѣлаго цикла сочувственныхъ пѣсенъ, какъ о «батюшкѣ Степанѣ Тимофеичѣ», незабытыхъ народомъ въ теченіе почти 250 лѣтъ.

Это зависѣло, конечно, отъ коренной разницы въ характерахъ этихъ двухъ великихъ возмутителей земли русской.

Стенька былъ человѣкъ удали и увлеченья, въ нѣкоторомъ родѣ, вдохновенный своимъ подвигомъ кроваваго разгрома, своею ролью освободителя всероссійской голытьбы отъ господъ, отъ законовъ, отъ начальства, отъ работъ и обязанностей... Онъ вносилъ въ свои разбойничьи дѣянья какую-то дикую и кровожадную поэзію, поражавшую фантазію народа. Оттого личность его стала невольно предметомъ поэтическаго творчества въ той народной средѣ, которая его вскормила и пронесла грозною бурею черезъ русскую исторію. Стенька чутьемъ понималъ дѣтскую потребность народа въ картинныхъ и характерныхъ сценахъ, и всегда являлся передъ нимъ въ той сказочной декораціи, которая такъ обаятельно дѣйствуетъ на толпу... Онъ, конечно, не

разыгрывалъ при этомъ искусственной сцены, а былъ вполнѣ искрененъ, какъ сынъ этой же черни, самъ глубоко убѣжденный, что излюбленный голытьбою, ея «батюшка Степанъ Тимофеевичъ» долженъ былъ держать себя именно такъ, какъ онъ держалъ себя.

На его атаманскомъ стругу «Соколѣ» веревки и канаты были свиты изъ чистаго шемахинскаго шелка, паруса были сшиты изъ яркихъ персидскихъ тканей, у самого атамана на плечахъ была великолѣпная соболья шуба, крытая драгоцѣнною восточною парчею, и онъ всегда сидѣлъ на своемъ стругу на высокомъ мѣстѣ, какъ передовое знамя, издали видное всей его разбойничьей дружинѣ.

Въ такія минуты, напр., когда онъ въ пьяномъ порывѣ дикой удали схватилъ вдругъ въ охапку залитую жемчугами и золотомъ любовницу свою, красавицу-персіянку, и съ размаху бросилъ ее въ омутъ рѣки, какъ благодарственную жертву матушкѣ-Волгѣ за всѣ ея милости, — онъ воплощалъ собою въ глазахъ своихъ Волжскихъ и Донскихъ удальцовъ идеалъ атамана-героя, истаго запорожца, для котораго и баба, и золото—только минутная забава, который никого и ничего не пожалѣетъ, что станетъ на дорогѣ его казацкой волюшкѣ...

Но картины картинами, а само собою разумѣется, что повальное обаянье, которое производилъ на народъ этотъ свирѣпый атаманъ, могло объясняться только глубокою близостью его духа къ идеаламъ чернаго народа.

Онъ былъ въ одно и то же время и грозенъ, и простъ. Пилъ въ кабакахъ съ простымъ людомъ простую водку, лежалъ пьяный какъ всѣ, ругался какъ всѣ, но воля его была несокрушима, онъ всякаго сгибалъ въ бараній рогъ, сносилъ головы не задумываясь и топилъ печи живыми людьми. Трудно было сладить съ Стенькой при тогдашнемъ войскѣ, не знавшемъ теперешней желѣзной дисциплины, набиравшемся изъ того же народа, когда навстрѣчу ему выходилъ сказочный народный герой, котораго, по убѣжденью даже воеводъ, не брала ни пищаль, ни сабля, и который громко объявлялъ этому самому народу-воинству:

«Я пришелъ бить только бояръ да богатыхъ господъ, мстить вашимъ утѣснителямъ, а вамъ всѣмъ—воля! идите, куда хотите. А кто хочетъ со мною идти,—будетъ вольный казакъ. Съ бѣдными и простыми я готовъ, какъ братъ, всѣмъ подѣлиться!..»

Вотъ и переходили къ нему цѣлыми полчищами высылаемыя противъ него рати.

И Стенька дѣйствительно держалъ себя съ чернью ласково и привѣтливо, сыпалъ кругомъ золотомъ и серебромъ, по-братски дѣлилъ съ товарищами добычу и оказывалъ нуждающимся всякія милости, кормилъ голодныхъ, а воеводъ и бояръ вѣшалъ будто бы за обиды народа, на показъ толпѣ.

При всей своей дикости и неукротимомъ своеволіи Стенька понималъ чутьемъ, что никакая слава удальца-атамана не можетъ помѣриться въ убѣжденьяхъ русскаго человѣка съ священною властью Царя, помазанника Божія. Поэтому онъ ни разу не выступалъ открытымъ ворогомъ Царя. Напротивъ того, онъ всегда лукаво прикрывался Царскимъ именемъ и поднималъ чернь не на Царя, а на бояръ и господъ.

«Вы бьетесь за измѣнниковъ бояръ, а я съ своими казаками сражаюсь за великаго Государя!» увѣрялъ онъ перешедшихъ къ нему подъ Царицынымъ стрѣльцовъ.

Потомъ, когда онъ задумалъ идти на Москву, и уже невозможно было прятаться за Царя, противъ котораго онъ воевалъ такъ открыто, Стенька придумалъ легенду царевича Алексѣя, умершаго въ томъ же году, и возилъ нарочно съ собою два таинственные струга, одинъ покрытый алымъ бархатомъ, гдѣ будто бы скрывался царевичъ Алексѣй, отыскивавшій свое наслѣдіе, а другой—покрытый чернымъ бархатомъ, гдѣ будто бы ѣхалъ низверженный Царемъ съ престола патріархъ Никонъ... Стенька думалъ такимъ образомъ сохранить въ глазахъ народа надъ своимъ разбойничьимъ замысломъ ореолъ царской власти и православной вѣры, безъ которыхъ русскій человѣкъ не въ силахъ представить себѣ идеала будущаго счастья своего... Оттого даже неудачу и гибель Стеньки народная фантазія приписала тому

единственно, что за звѣрское мучительство и убійство митрополита онъ «былъ проклятъ на семи соборахъ».

Таковъ своеобразный русскій анархизмъ, поскольку онъ высказался въ дѣйствительныхъ народныхъ глубинахъ на страницахъ русской исторіи.

VIII.

Саратовъ.

Къ вечеру стало сильно свѣжѣть; дождь, вѣтеръ и надвигавшаяся темнота согнали всѣхъ съ верхней террасы. Правый берегъ смутно мерещится сквозь эту сѣрую мглу, будто хребетъ далекихъ горъ. Въ охватившей насъ темнотѣ только мелькаютъ временами мимо насъ справа и слѣва, словно съ угрозой заглядывая во внутренность нашего парохода, какіе-то огромные огненные глаза, красные, зеленые, бѣлые... Это фонари разнаго цвѣта, подвѣшанные на разной высотѣ, на мачтахъ проплывающихъ мимо пароходовъ и баржъ.

А у насъ въ изящномъ салонѣ, обложенномъ краснымъ деревомъ, съ электрическими тюльпанами и бархатными креслами,— такъ уютно, свѣтло и весело. Собравшаяся публика безпечно болтаетъ и играетъ кто во что умѣетъ, въ столовой аппетитно стучатъ ножи и звенитъ посуда, на блюдахъ дымятся только-что пойманныя живыя стерлядки подъ грибками, отливаетъ гранатомъ красное вино въ стаканахъ, свѣжія газеты, нескончаемый чай... Совсѣмъ забываешь, что это не домъ, не гостиная въ какомъ-нибудь родномъ городѣ...

Утромъ мы проснулись у Саратова. Къ удивленію моему, пароходъ стоялъ не за нѣсколько верстъ отъ города, какъ этого я ожидалъ, начитавшись въ газетахъ объ обмелѣніи Волги подъ Саратовомъ, а какъ разъ у Саратовскаго берега. Впрочемъ, такое удобство Саратовъ испытываетъ только въ весеннее половодье и вообще въ большую воду; а лѣтомъ пароходы далеко

не доходятъ до городской пристани. Мы сидѣли за завтракомъ, съ тѣмъ утреннимъ юношескимъ аппетитомъ, который нападаетъ даже на пожилыхъ людей въ здоровомъ и веселомъ бездѣльѣ волжской прогулки, а пароходъ нашъ тоже завтракалъ по-своему, насасываясь изъ огромной черной баржи Нобеля густымъ чернымъ супомъ нефтяныхъ остатковъ, — по мѣстному, «мазутомъ».

Саратовъ довольно эффектенъ и обширенъ издали, смотритъ серьезнымъ торговымъ городомъ, достойнымъ великой рѣки. Саратовъ—опять-таки, бѣлокаменный, какъ всѣ русскіе и особенно волжскіе города, и, какъ всѣ эти города, ощетинился башнями многочисленныхъ церквей. Нѣмецкіе, французскіе, итальянскіе города никогда не бываютъ бѣлыми и яркими; напротивъ того, они всегда какого-нибудь темнаго колера. Въ нихъ никогда не сверкаютъ золотые купола, золотые кресты, такъ радующіе глазъ и душу въ старинномъ русскомъ городѣ. Но вдвойнѣ сладостенъ этотъ родной видъ бѣлыхъ стѣнъ и золотыхъ маковокъ сердцу русскаго человѣка, скитавшагося такъ долго, какъ мы съ женой, по чуждымъ землямъ среди чуждыхъ пейзажей. Дома́, однако, и тутъ, какъ вездѣ по берегамъ Волги, насыпаны другъ на друга безъ всякой примѣси садовъ и зелени. Отъ шумной пристани, полной пароходовъ, баржъ, лодокъ, конторъ, идутъ сначала громадныя паровыя крупчатки, составляющія торговую славу и силу Саратова, потомъ такая же громадная тюрьма—чуть ли не лучшій домъ во всемъ Саратовѣ, какъ это нерѣдко бываетъ въ нашихъ провинціальныхъ городахъ,—потомъ красивый домъ-дача Какурина, очень изящнаго стиля, среди сада, надвинувшагося на крутой берегъ Волги.

Саратовъ, кромѣ того, что на берегу рѣки, еще у подножія горы; она прикрываетъ его съ сѣвера, такъ что онъ тянется по изволоку ея.

«Бабушкинъ взвозъ», по которому совершается этотъ подъемъ, не подъ силу не только бабушкѣ, но иному дѣдушкѣ, такъ что нашъ извозчикъ порядкомъ взмылилъ своихъ лошадей, пока до-

ставилъ насъ благополучно на соборную площадь. Тамъ ужъ настоящій большой городъ, даже попахиваетъ чѣмъ-то повыше простого губернскаго. Городской садъ «Липки» съ фонтанами, ротондами, цвѣтниками — содержится отлично; тутъ же соборъ, тутъ же изящный домъ Радищевскаго музея, который годился бы въ любую столицу, и за нимъ очень недурное зданіе театра. Соборъ, впрочемъ, безъ стиля и безъ вкуса, какъ всѣ постройки той эпохи русскаго искусства, когда родная старина намѣренно забывалась, а обновленное національное чувство еще не успѣло заговорить въ образованномъ классѣ русскаго общества. Внутри— какое-то пестрое вычурное рококо по сплошному золоченному фону, рѣдко расположенныя большія иконы,—вообще не удавшаяся помѣсь русскаго съ нѣмецкимъ или итальянскимъ.

Мы подробно осмотрѣли Радищевскій музей,—этотъ просвѣщенный и щедрый даръ своему родному городу нашего извѣстнаго художника-мариниста Боголюбова въ память своего не менѣе извѣстнаго дѣда Александра Николаевича Радищева. Входъ роскошенъ и полонъ вкуса. Лѣстница изъ бронзированнаго чугуна, вылитая тутъ же въ Саратовѣ на заводѣ Черихина, ведетъ въ цѣлый рядъ свѣтлыхъ и отлично отдѣланныхъ залъ, гдѣ собрано много прекрасныхъ картинъ и этюдовъ самого Боголюбова, Бронникова и другихъ художниковъ. Меня особенно заняла великолѣпная вещь Бронникова—«Больной у воротъ католической обители». На мраморномъ балконѣ какого-то богатаго монастыря, на берегу чуднаго голубого моря, гдѣ-нибудь въ Амальфи или Сорренто, въ знойномъ закатѣ лѣтняго вечера прохлаждаются жирные праздные патеры, добродушно посмѣиваясь какому-то веселенькому разсказцу одного изъ своихъ товарищей, между тѣмъ какъ внизу, у воротъ такой же сытый братъ-привратникъ всячески старается усовѣстить глупыхъ итальянскихъ бабъ, притащившихъ такъ не во-время умирающаго больного причастить Святыхъ Таинъ,—не тревожить такими пустяками почтенныхъ отцовъ, отдыхающихъ отъ дневныхъ трудовъ... Въ музеѣ, кромѣ картинъ, есть собраніе китайскихъ и японскихъ вещей, пріобрѣ-

тенныхъ Боголюбовымъ во время своихъ путешествій, старинная французская и португальская мебель XVI и XVII вѣка, фарфоръ, хрусталь, нѣкоторые историческіе и, такъ сказать, біографическіе предметы, какъ, напримѣръ, столъ и кресло, на которыхъ работалъ И. С. Тургеневъ, его рукописи и фотографіи, есть и нѣсколько подарковъ Августѣйшихъ Особъ нашей Царской Фамиліи, при которой Боголюбовъ состоялъ одно время придворнымъ художникомъ. Нѣсколько пустыхъ еще залъ ждутъ дальнѣйшихъ пріобрѣтеній будущаго.

Вообще музей осматривается съ большимъ удовольствіемъ и, при бѣдности въ нашей губернской жизни всякаго рода образовательныхъ развлеченій, несомнѣнно долженъ приносить серьезную пользу.

Нельзя не отнестись съ глубокимъ сочувствіемъ къ прекрасному примѣру Боголюбова—дать такое благородное и разумное назначеніе собиравшимся въ теченіе жизни сокровищамъ искусства и накопившимся денежнымъ средствамъ.

Дай Богъ и другимъ нашимъ губернскимъ городамъ побольше подражателей почтенному художнику!

«Нѣмецкая» улица — не хуже любой улицы Москвы: множество магазиновъ, складовъ, всякихъ учрежденій. Но бóльшая часть оффиціальныхъ зданій на длиннѣйшей «Московской» улицѣ. Тамъ окружный судъ, тамъ судебная палата, домъ губернатора и другія казенныя мѣста. Самая старинная часть города—ближе къ берегу Волги, тамъ, гдѣ древнѣйшіе храмы Саратова—церковь Казанской Божіей Матери и Троицкій соборъ. Казанская построена въ 1605, а Троицкій — въ 1697 году. Впрочемъ, это годъ постройки теперешней каменной двухъ-ярусной церкви; въ деревянномъ же видѣ Троицкій соборъ былъ основанъ еще въ концѣ XVI вѣка при Ѳедорѣ Ивановичѣ, какъ мы прочли на мѣдной доскѣ собора. Внутри этихъ храмовъ нѣтъ ничего особенно замѣчательнаго, кромѣ старинныхъ иконъ съ громадными черными ликами, въ серебряныхъ окладахъ своеобраз-

ной работы того времени. Божія Матерь въ бархатномъ сіяніи, густо унизанномъ жемчугомъ и камнями, Іоаннъ Креститель съ какими-то странными чешуйчатыми крыльями, Нерукотворенный Спасъ — весь уже черный, какъ чернило, тоже въ сіяніи, осыпанномъ крупными драгоцѣнными каменьями,—вотъ все, что сохранилось отъ древности, да развѣ еще несокрушимыя чугунныя плиты пола, изъ которыхъ до сихъ поръ ни одна не дала ни одной трещины. Все остальное, очевидно, уже возобновлялось много разъ и потеряло строгій и простой видъ старины подъ безхарактерною пестротой и безвкусною золотою отдѣлкой болѣе поздняго времени. Въ Казанской церкви показали намъ еще Евангеліе Никона, но уже эпохи послѣ исправленія священныхъ книгъ.

Въ Саратовѣ мы видѣли и нѣсколько другихъ церквей, такихъ же древнихъ, судя по архитектурѣ, но всѣ онѣ не восходятъ далѣе, повидимому, второй половины XVII вѣка.

Саратовъ основанъ былъ царемъ Ѳеодоромъ Ивановичемъ около 1592 года и сначала стоялъ верстахъ въ десяти отъ теперешняго города, на лѣвомъ берегу Волги, у впаденія въ нее маленькой рѣчки Саратовки, но, вѣроятно, вслѣдствіе постоянныхъ нападеній степныхъ кочевниковъ Заволжья былъ перенесенъ на высокій правый берегъ, гдѣ онъ теперь красуется.

Показанія старинныхъ путешественниковъ страннымъ образомъ противорѣчатъ въ этомъ отношеніи церковнымъ свѣдѣніямъ, которыя приведены выше. Такъ, напримѣръ, Олеарій, плывшій по Волгѣ въ Персію посломъ Голштинскаго двора при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, точно такъ же, какъ позднѣйшій путешественникъ, голландецъ Стрюйсъ въ 1668 году, видѣли Саратовъ еще на лѣвомъ берегу укрѣпленнымъ и довольно значительнымъ городомъ. А судя по церковнымъ записямъ въ теперешнемъ Саратовѣ, то-есть Саратовѣ праваго берега, нѣкоторыя церкви были уже построены не только въ 1605 году, но даже въ концѣ XVI столѣтія.

Нужно думать, что или церкви включили въ счетъ своихъ

лѣтъ тѣ года, которые онѣ простояли на лѣвомъ берегу Волги до перенесенія города подъ Соколову гору, или старый Саратовъ продолжалъ существовать нѣкоторое время рядомъ съ новымъ.

При Петрѣ Великомъ, судя по отзыву Корнеля де-Бруина, проѣхавшемъ по Волгѣ въ 1703 году, Саратовъ былъ уже безъ крѣпостныхъ стѣнъ, съ однѣми деревянными башнями, и, по увѣренію де-Бруина, татары и калмыки то и дѣло опустошали его.

Когда на суднѣ, въ которомъ ѣхалъ этотъ путешественникъ, смертельно заболѣлъ одинъ пассажиръ, въ Саратовѣ не нашлось ни одного лѣкаря помочь ему; это обстоятельство, столь обычное въ старой Руси, до крайности удивило просвѣщеннаго голландца, и составило въ его глазахъ самую нелестную репутацію нашему Саратову.

Мы имѣли еще время поѣздить по магазинамъ красныхъ товаровъ, гдѣ жена накупила въ качествѣ волжскихъ гостинцевъ здѣшней знаменитой сарпинки, поражающей своею дешевизною (по 14 и 18 коп. аршинъ) и хорошенькими узорами. Что касается до когда-то славной рыбной ловли Саратова, то она давно отошла въ область преданій вмѣстѣ со многимъ другимъ. «Поѣхать въ Москву за пѣснями, въ Саратовъ за рыбою»,—говорилась когда-то шутливая поговорка. Эта саратовская рыба только и осталась теперь что въ поговоркѣ, да развѣ на гербѣ Саратовской губерніи, въ которомъ Екатерина Вторая приказала помѣстить, на память потомству, три стерляди, должно быть, подъ пару тѣмъ тремъ куропаткамъ, которыя летятъ до сихъ поръ на гербѣ Курской губерніи, но которыхъ въ этой губерніи теперь такъ же мало, какъ рыбы въ Саратовѣ.

Царицынская желѣзная дорога перехватила всю рыбную торговлю Волжскаго низовья, точно такъ же какъ Баскунчакская желѣзная дорога направила весь соленой вывозъ сначала на Владиміровку, а потомъ опять на тотъ же Царицынъ. Всего только нѣсколько десятковъ лѣтъ, какъ Саратовъ былъ главнымъ центромъ соленой торговли, волжскимъ рынкомъ неистощимаго Эльтона. Солевозная дорога была устроена когда-то отъ озера Эль-

тона до Покровской слободы, что напротивъ Саратова на лѣвомъ берегу Волги, шириною въ 40 верстъ! Такъ что безконечные обозы на волахъ, тянувшіеся съ грузами соли отъ Эльтона къ Волгѣ, или за солью отъ Волги къ Эльтону, могли безъ всякихъ хлопотъ кормить даровымъ кормомъ свой скотъ на этомъ привольномъ степномъ шляху. Впослѣдствіи этотъ солевозный шляхъ былъ съуженъ въ десятиверстную полосу...

Вообще желѣзныя дороги, которыя обратили иные наши города и мѣстечки изъ ничтожества въ крупные торговые центры, сослужили очень плохую службу Саратову, оттянувъ отъ него въ разныя другія волжскія пристани тѣ товары, которыми онъ нѣкогда богатѣлъ и славился. Теперь Саратовъ остался только при хлѣбѣ и скотоводствѣ. Въ этомъ отношеніи онъ еще служитъ важнымъ рынкомъ для степныхъ мѣстностей, къ нему прилегающихъ и лежащихъ противъ него, по ту сторону Волги. Особенно большія дѣла онъ ворочаетъ съ пшеницею, крупчатою мукою, саломъ и кожами... Нужно надѣяться, впрочемъ, что превращеніе разорительной Саратовско-Тамбовской желѣзной дороги, прославившейся на всю Русь своею непостижимою убыточностью, въ большую Рязанско-Уральскую линію, откроетъ для Саратова новую и очень широкую торговую будущность, какъ самаго удобнаго посредника съ Сибирью и Ураломъ, а впослѣдствіи, чего добраго, съ Ташкентомъ и Туркестаномъ.

Эти ожиданія тѣмъ основательнѣе, что въ сущности Саратовъ представляетъ собою пристань Волги гораздо болѣе удобную для снабженія, напр., рыбою или керосиномъ Москвы и всего внутренняго района Россіи, чѣмъ даже Царицынъ, по крайней мѣрѣ, въ лѣтнее полугодіе, такъ какъ удлиненіе дешеваго воднаго пути выгодно вознаграждается въ немъ болѣе короткою желѣзно-дорожною линіею. Впрочемъ, повидимому, въ настоящее время торговый людъ начинаетъ сознавать это преимущество Саратова, и рыбные грузы изъ Астрахани на Саратовъ начинаютъ замѣтно теперь увеличиваться, не говоря уже о рыбѣ уральской, которая постоянно шла на Саратовъ.

Покровская слобода, о которой я сейчасъ говорилъ, смотритъ настоящимъ городомъ; намъ видно съ парохода 5 церквей и много каменныхъ домовъ, хотя слобода сильно заслонена отъ рѣки береговыми рощицами. Въ Покровской слободѣ всякія оффиціальныя учрежденія и власти, такъ что и въ этомъ отношеніи она не уступаетъ уѣздному городу. Слобода эта, расположенная немного ниже устья рѣчки Саратовки, зародилась сама собою, еще изстари, на мѣстѣ бывшаго калмыцкаго кочевья, воспоминаніе о которомъ, вѣроятно, сохранилось въ названіи «Поганаго поля», которымъ мѣстные жители окрестили примыкающую къ слободѣ часть степи. Здѣсь селились бурлаки-солевозы, занимавшіеся доставкою на Волгу эльтонской соли; соль создала, соль и обогатила эту слободу. Въ мрачную эпоху Пугачевщины, когда даже такіе города какъ Саратовъ безъ боя отворяли ворота мятежникамъ, Покровская слобода прославилась тѣмъ, что атаманъ (то-есть староста) ея солевозовъ, по прозванью Кобзарь, отказался признать власть самозванца и былъ повѣшенъ за это Пугачевымъ.

Покровская слобода—уже въ Новоузенскомъ уѣздѣ Самарской губерніи, которая захватила весь этотъ лѣвый берегъ Волги, начинаясь едва не противъ Камышина и кончаясь почти что противъ Тетюшей, Казанской губерніи, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ развалинами древнихъ Булгаръ, такъ что она тянется не только рядомъ съ Саратовской, но и рядомъ съ Симбирскою губерніей, прилегающими къ правому берегу Волги. Мѣстность у обоихъ береговъ Волги около Саратова и выше довольно высокая. Все низменные острова, заросшіе тальникомъ и красною лозою, вездѣ лѣски и рощицы; но въ то время какъ лѣвый берегъ ничѣмъ не нарушаетъ своего степного характера, на правомъ виднѣются засѣянныя поля, села съ бѣлыми храмами, весь тотъ знакомый глазу и родной сердцу русскій пейзажъ, который чувствуется особенно живо послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ азіатскаго странствованія.

Пользуясь короткимъ затишьемъ, громоздкія бѣляны, высокія

какъ трехдечные корабли, тихо передвигаются впередъ, послушно слѣдуя, будто вереница нагруженныхъ верблюдовъ за своимъ лаучемъ на маленькомъ осликѣ,—за направляющею ихъ передовой лодочкой, въ то время какъ сзади, въ видѣ хвостовъ этихъ водяныхъ чудовищъ, ползутъ по дну рѣки тяжелыя чугунныя бабки на цѣпяхъ...

Березники—такое же большое гнѣздо сѣрыхъ тесовыхъ крышъ, тѣсно наваленныхъ другъ на друга, какъ и другія волжскія села, и такъ же, какъ они, издалека видно на своемъ обрывистомъ береговомъ мысу, увѣнчанномъ высокою колокольнею. А противъ Березниковъ,—столица здѣшняго нѣмецкаго края, — городъ Баронскъ, онъ же Екатериненштадтъ. Съ парохода намъ видны двѣ нѣмецкія церкви необычайнаго на Руси готическаго стиля и одна православная церковь, хорошіе большіе дома подъ желѣзными крышами, дымящія трубы заводовъ... А берегъ сплошь уставленъ стоящими въ нѣсколько рядовъ высокими многоярусными амбарами для ссыпки хлѣба, издали похожими на элеваторы или крупчатныя мельницы. Я думаю, тутъ ихъ не менѣе полутораста, словно каждый мало-мальски зажиточный обитатель этого нѣмецкаго городка имѣетъ на берегу свою особую ссыпку хлѣба. Нѣмецкая цивилизація сказывается еще и въ томъ, что множество извозчиковъ съ экипажами толпится на берегу въ ожиданіи посѣтителей. Пристаней тутъ нѣсколько, какъ и вездѣ по Волгѣ; каждое пароходное общество имѣетъ свою; только пристани эти, вслѣдствіе мелководья лѣваго берега, посрединѣ рѣки, и отъ нихъ необходимо переправляться въ Баронскъ на лодкахъ. Это воздержало насъ отъ желанья полюбоваться на правильно расположенныя чистенькіе улицы и садики германскаго городка и на воздвигнутый среди него въ 1840 году бронзовый монументъ Императрицѣ Екатеринѣ Второй, основательницѣ нѣмецкихъ колоній Саратова и Самары.

За Екатериненштадтомъ до самаго Вольска раскинулось нѣмецкое царство; оно представляетъ собою отрадный оазисъ по хозяй

ственному благоустройству и удобству. Тутъ чуть не всѣ имена швейцарскихъ кантоновъ: и Унтервальденъ, и Люцернъ, и Цугъ, и Золотурнъ, и Цюрихъ, и Базель, и Гларусъ, и Шафгаузенъ... А кромѣ того, много и всякихъ другихъ нѣмецкихъ именъ. Всѣхъ колоній около 15, если не ошибаюсь, и всѣ онѣ выстроены вдоль берега Волги, отступивъ отъ него настолько, чтобы полая вода не могла разрушать ихъ. Въ каждой колоніи непремѣнно церковь съ высокою колокольнею, то въ русскомъ вкусѣ, то съ обычнымъ готическимъ шпилемъ. Эти церкви и колокольни такъ часто мелькаютъ въ глазахъ, что кажется будто все время проѣзжаешь однимъ сплошнымъ, прекрасно построеннымъ иностраннымъ городомъ, полнымъ церквей, что тянется на многія версты вверхъ по теченію Волги. Моему русскому самолюбію не на шутку дѣлается досадно, что иностранцы такъ наглядно доказываютъ нашу неумѣлость, наше относительное варварство, устроившись у насъ же на Волгѣ такъ хорошо и прилично, какъ мы не смѣемъ и думать. Поневолѣ приходитъ въ голову, что попади въ руки иностранцевъ Волга со всѣми ея богатствами, они-бъ показали намъ, чтò можно сдѣлать изъ нея.

Колонисты-нѣмцы тоже пережили въ свое время тяжкія годины послѣ перваго поселенія своего; они чуть не ежедневно страдали отъ грабежей калмыковъ, башкировъ, киргизовъ и должны были съ оружіемъ въ рукахъ убирать свою жатву или косить сѣно, зорко сторожа съ высоты своихъ колоколенъ приближеніе степныхъ хищниковъ, и высылая караулы на окрестные курганы. Но ихъ нѣмецкая настойчивость и терпѣніе побѣдили все, и когда въ краѣ воцарилось полное спокойствіе, колонисты оказались самымъ богатымъ, самымъ промышленнымъ и самымъ хозяйственнымъ элементомъ мѣстнаго населенія. Они ввели здѣсь обширные посѣвы табаку, горчицы и разныхъ другихъ выгодныхъ растеній, завели всякіе заводы и фабрики, сильнѣйшимъ образомъ подняли садоводство, скотоводство, земледѣліе.

Правда, правительство наше принесло съ своей стороны огромныя жертвы для устройства благосостоянія колонистовъ, а нужно

сказать правду, что никто еще не дѣлалъ опыта, чего бы могъ достичь нашъ русскій крестьянинъ при тѣхъ льготахъ и пособіяхъ, которыя были даны здѣсь нѣмцамъ. Они получили безвозвратно значительныя суммы на переселеніе изъ Германіи, имъ были даны при первомъ устройствѣ цѣлые капиталы взаймы на очень легкихъ условіяхъ; десятки тысячъ казенныхъ рублей были употреблены на одну только покупку лѣса для ихъ домовъ; 30 лѣтъ они не платили никакихъ податей и не исполняли никакихъ натуральныхъ повинностей; получивъ по 20 десятинъ плодородной земли на каждую душу, выговорили себѣ право безпошлинной торговли, свободнаго рыбнаго и звѣринаго промысла, свободнаго куренія пива, и даже могли привезти съ собою изъ Германіи безъ таможеннаго осмотра множество товаровъ для продажи. Не разъ прощали имъ, кромѣ того, милліонныя недоимки ихъ долга казнѣ.

Въ началѣ царствованія Императора Александра I правительство ежегодно тратило до $2^1/_2$ милліоновъ рублей на устройство быта колонистовъ, управленіе которыми было совсѣмъ изъято изъ вѣдѣнія нашей полиціи и судовъ,—этого бича русскаго простонародья того времени, — и поручено было особому главному судьѣ и особой конторѣ, державшимся совсѣмъ иныхъ пріемовъ администраціи, чѣмъ земскіе суды и засѣдатели прискорбной памяти.

Во всякомъ случаѣ, нельзя не порадоваться, что въ настоящее время подобныя огромныя затраты на водвореніе среди насъ иностранцевъ уже вышли изъ моды и, повидимому, не повторятся больше, такъ какъ дай Богъ, чтобы русской казны хватало на покровительство хотя бы одному русскому народному хозяйству...

———

А правый берегъ Волги дѣлается все круче, все выше, все лѣсистѣе, по мѣрѣ приближенія къ Вольску. Это начались «Змѣевы горы», гребни которыхъ мѣстами поднимаются футовъ на 500. Тутъ поселеній мало: Бѣлогродня, Воскресенское, Рыбное,—вотъ все, что увидѣли мы съ своего парохода. Курчавыя

шапки горъ и живописныя лѣсныя долинки очень эффектно оттѣняютъ собою эти однообразныя кучи сѣрыхъ домиковъ въ три окна безъ садовъ и огородовъ. Рыбное тянется особенно долго, на цѣлыя версты; должно быть, село это и вправду не на шутку занимается рыбой, потому что просторная отмель его берега вся усѣяна, будто раковинами большихъ устрицъ рыбачьими лодками, вытянутыми изъ воды. Судя, впрочемъ, по темному фону сплошныхъ лѣсовъ, повидимому, и разбойничеству былъ здѣсь въ свое время полный просторъ.

Къ Вольску подъѣзжаешь какъ къ крупному городу. Въ окрестностяхъ его—и хорошенькія дачи въ лѣсу, и трубы заводовъ. Мы остановились около него еще засвѣтло. Признаюсь, я никогда не подозрѣвалъ, чтобы Вольскъ или, правильнѣе, Волгскъ, городъ Волги, былъ такой красивый и обширный городъ. Онъ навзрѣзъ насыпалъ собою широкій живописный амфитеатръ мѣловыхъ горъ, но не умѣстился и въ этой просторной чащѣ, а растекся оттуда своими частыми домиками и пригородными садиками по крутымъ обрывамъ Волжскаго берега, начиная чуть не отъ самаго Рыбнаго, и взобрался въ глубь окружающихъ его горъ, очень эффектно освѣщенный огнями заходившаго солнца, со своимъ огромнымъ соборомъ, воздвигнутымъ среди полчища низенькихъ домиковъ, какъ стягъ среди боевой дружины. Въ Вольскѣ, говорятъ, подъ 40.000 жителей, есть гимназія, типографія, много фабрикъ и большая торговля, хотя онъ сдѣланъ городомъ всего въ концѣ XVIII столѣтія, въ эпоху созданія Екатериною намѣстничествъ и новыхъ городовъ. Прежде это была дворцовая рыбная слобода Малыковка, прославленная въ мѣстныхъ легендахъ тѣмъ, что здѣсь волостной сотникъ Василій Куликъ убилъ нѣкогда громаднаго змѣя-полоза, аршинъ 12-ти въ длину, безпощадно пожиравшаго стада волжскихъ жителей. По крайней мѣрѣ, такъ разсказывалъ мнѣ одинъ изъ бородатыхъ туземныхъ спутниковъ моихъ, у котораго я разспрашивалъ, сидя на верхней террасѣ парохода, про мѣста, гдѣ мы проѣзжали...

— А знаете, батюшка, кто поднялъ эту деревушку изъ ея

ничтожества?—загадочно спросилъ онъ меня.—Кто обратилъ ее въ такой большой городъ?

— Кто такой? не знаю...

— Мужичокъ же простой, сельскій писарь здѣшній, Злобинъ прозывался, хотя человѣкъ ужъ совсѣмъ незлобивый былъ... Давно это было, при Екатеринѣ II еще. Онъ и первымъ головой въ Вольскѣ ходилъ, и большую потомъ силу забралъ, самой царицѣ былъ извѣстенъ, по всей Россіи откупа винные держалъ, озеро Эльтонское у казны снималъ, да дюже много захватилъ разомъ, не хватило пороху — разорился! Свои-жъ землячки и подвели, довѣрился имъ по добротѣ своего сердца, а они растащили у него все... Теперь и праха не осталось отъ милліоновъ его... Теперь тутъ другіе большіе тузы ворочаютъ,—слыхали, небось? въ Москвѣ и въ Астрахани, и въ Нижнемъ, и по Волгѣ всей гремятъ: Сапожниковы. Тутъ ихъ гнѣздо самое. Дома какіе, сады! Немного развѣ не десять тысячъ въ годъ за садъ одинъ съемщики московскіе платятъ... Амбаровъ у нихъ тутъ сколько, мельницъ! Купцы ужъ на что капитальные! Церквей сколько на свой счетъ понастроили!..

— Что-жъ, больше хлѣбомъ здѣсь торгуютъ?..

— Разумѣется, хлѣбомъ; пшеницей особливо. Видѣли вонъ, какъ подъѣзжали мы къ городу, ссыпокъ сколько понастроено?.. Саломъ тоже здоровая торговля идетъ, свѣчу стеариновую здѣсь работаютъ... Садовъ потомъ много яблочныхъ, и дорогіе даже сады есть, обширные... Кругомъ города все фруктовые сады, всякій тутъ ими занимается, потому—выгодно; да и грунтъ земли, способный — известочка. Тутъ вѣдь у города страсть сколько земли,—кажись, не сорокъ ли тысячъ десятинъ? У Москвы столько нѣтъ, потому что прежде слобода была мужицкая, вотъ и захватили себѣ въ старину земли, сколько душенькѣ ихъ хотѣлось, не мѣривши...

Молодой мѣсяцъ еле только показался своимъ блѣднымъ рогомъ и сейчасъ же ушелъ за темные силуэты лѣса. Небо вы-

звѣздило какъ-то лихорадочно-ярко, и послѣ заката солнца сдѣлалось холодно до нестерпимости.

Въ салонахъ нашихъ даже протопили не на шутку, потому что всѣ дамы перепростудились за одну зорю. Въ газетахъ мы прочли, что въ Твери эти дни навалило снѣга на 2 вершка. Въ Петербургѣ тоже снѣгъ, и даже въ Москвѣ 26-го мая выпалъ небольшой снѣжокъ и стоятъ сильные ночные морозы. Вотъ тебѣ и возвратились на Русь! Потянула на насъ послѣ туркестанскихъ жаровъ роднымъ сиверомъ родная землица-матушка!

Въ глубокую ночь пронесся навстрѣчу намъ, глухо гудя машинами и колесами, ярко освѣщенный электрическими лампами во всѣхъ своихъ многочисленныхъ окнахъ громадный двухъ-ярусный американскій пароходъ, казавшійся отъ отраженія въ водѣ четырехъ ярусным. Онъ промелькнулъ мимо насъ неожиданно и быстро, какъ видѣніе, и понесся будить дальше сонныя воды и сонные берега Волги.

Мы со своимъ пароходомъ, должно быть, тоже кажемся жителямъ берега фантастическимъ огненнымъ видѣніемъ, прорѣзающимъ темноту ночи четырьмя рядами несущихся впередъ огненныхъ глазъ...

Мы еще не спали, когда пароходъ нашъ остановился у пристани села Балакова. Это одно изъ самыхъ большихъ торговыхъ мѣстечекъ Волги, давно ожидающихъ своего обращенія въ городъ, вмѣстѣ съ Покровскимъ и Дубовкой.

Балаково уже не на правомъ, Саратовскомъ, а на лѣвомъ, Самарскомъ, берегу Волги, и послѣ Самары самая важная хлѣбная пристань губерніи. Ссыпокъ и амбаровъ тутъ многія сотни. Видны большіе городскіе дома, много судовъ на пристани; но кромѣ хлѣба и сала, обычныхъ предметовъ вывоза волжскихъ пристаней, здѣсь еще крупная лѣсная торговля. Балаково снабжаетъ всевозможнымъ лѣснымъ товаромъ верховыхъ притоковъ Волги безлѣсные степные уѣзды Самарской губерніи—Николаевскій и Новоузенскій, лежащіе по сосѣдству съ нимъ. Балаково,

какъ и Вольскъ, какъ и Хвалынскъ, который будетъ сейчасъ же за Балаковымъ, — гнѣзда раскольниковъ-старовѣровъ. Имъ эти города обязаны своимъ богатствомъ, своею торговлей и промышленною предпріимчивостью. Разсадникомъ здѣшняго раскола издавна служила рѣка Большой Иргизъ, протекающая нѣсколько сотъ верстъ по Николаевскому уѣзду и впадающая въ Волгу нѣсколько ниже Балакова, почти какъ разъ напротивъ Вольска; она вся была покрыта когда-то раскольничьими скитами. Самъ теперешній уѣздный городъ Николаевскъ не что иное, какъ раскольничья слобода Мечетное, построенная на Иргизѣ первыми выходцами-раскольниками еще въ началѣ царствованія императрицы Екатерины II.

IX.

Самарская лука.

Хвалынскъ, послѣдній городъ Саратовской губерніи, такъ печально прославившійся въ недавніе дни своими холерными буйствами, мы проѣхали въ 3 часа ночи и, конечно, проспали, безъ малѣйшаго на то неудовольствія съ нашей стороны.

Когда же мы вышли утромъ на верхнюю террасу, мы уже проплывали справа берегами Симбирской губерніи и готовились подходить къ Сызрани. Утро стояло такое же ясное и такое же холодное, какъ и прошедшая ночь. На пристаняхъ народъ былъ въ полушубкахъ, а дамы въ ротондахъ, несмотря на 29-е мая.

Подъѣздъ къ Сызрани очень оригиналенъ. Его высокій соборъ давно уже дразнитъ насъ, то и дѣло появляясь передъ нашими глазами съ какого-то скрытаго отъ насъ берега. Мы сначала подъѣзжали къ этому собору, потомъ уѣзжали отъ него, потомъ опять вернулись къ нему. А все дѣло въ томъ, что Сызрань стоитъ на одномъ изъ «воложковъ» Волги, а не на коренномъ руслѣ ея. Насъ все время отдѣлялъ отъ этого воложка длинный островъ, который мы наконецъ миновали, и

тогда только завернули назадъ, внизъ по теченію, чтобы добраться до Сызрани; но и тутъ дѣло не обошлось просто. Мы прошли пристань и городъ, потомъ какъ-то хитро перевернулись въ узенькомъ воложкѣ и пристали наконецъ къ городу, носомъ прямо въ Волгу. На Сызранской пристани то же, что вездѣ—суда, ссыпки, крупчатые заводы, ничего особенно интереснаго для досужаго путешественника, чуждаго торговыхъ дѣлъ, хотя Сызрань была въ XVII столѣтіи довольно важною порубежною крѣпостью, очень выгодно защищенною съ одной стороны пучинами Волги, съ другой—крутыми обрывами рѣки Сызрана и впадающей въ нее Крымзы.

Крѣпостныхъ стѣнъ Сызрани давно уже нѣтъ, но часть города, гдѣ скучены старыя церкви и еще болѣе старая каменная башня, вмѣстѣ съ присутственными мѣстами, до сихъ поръ величается по привычкѣ «кремлемъ». Сызранская хлѣбная пристань всегда была извѣстна по Волгѣ, но съ проведеніемъ къ ней желѣзныхъ дорогъ черезъ Моршанскъ и Ряжскъ, она соединилась прямыми путями со всѣми внутренними и пограничными рынками Россіи, и въ то же время посредствомъ Самаро-Оренбургской и Самаро-Златоустовской дорогъ вошла въ непосредственныя сношенія съ Заволжьемъ, Ураломъ и Сибирью. Такое завидное положеніе Сызрани въ узлѣ важныхъ торговыхъ путей, конечно, отозвалось на ея торговлѣ въ высшей степени благопріятно. Одно большое неудобство и несчастіе для Сызрани—это то, что ея «Сызранская волошка» или «воложекъ» доступна для пароходовъ только весною вскорѣ послѣ полой воды, а лѣтомъ дѣлается слишкомъ мелкою для судоходства. По этой причинѣ и линія желѣзной дороги прошла не черезъ самый городъ, а немножко сѣвернѣе его, и станція желѣзной дороги была выстроена въ с. Батракахъ, въ 10-ти верстахъ къ востоку отъ Сызрани, уже на берегу коренной Волги.

Батраки тянутся по крутому берегу длинною линіей своихъ избъ. У Батрацкой пристани стояло много судовъ, но нашъ пароходъ не счелъ почему-то нужнымъ заходить въ нее. Нѣсколько

лѣтъ тому назадъ въ Батракахъ была учреждена для опыта единственная на Руси переселенческая контора, такъ какъ по Самаро-Оренбургской и Самаро-Уфимской линіи происходило главное движеніе крестьянъ внутреннихъ губерній, переселяющихся въ Пріуральскія и Сибирскія губерніи и въ степныя области Туркестана, Тургайскую, Акмолинскую, Семирѣченскую и другія. Предполагалось здѣсь сортировать партіи и направлять ихъ въ мѣстности, гдѣ дѣйствительно могли быть свободныя для поселенія и удобныя земли. Но опытъ, повидимому, совершенно не удался. Средства конторы были слишкомъ ничтожны для колоссальнаго дѣла, которое она должна была регулировать, и самые взгляды правительства на цѣли и способы переселенія не успѣли установиться настолько твердо, чтобы такое полезное и необходимое учрежденіе, какъ переселенческія конторы,—могло достигнуть серьезнаго развитія. Вмѣсто открытія на ряду съ Батрацкою на главныхъ переселенческихъ трактахъ другихъ подобныхъ конторъ и снабженія ихъ потребными средствами, эта единственная контора была скоро закрыта, и переселенческое дѣло,—этотъ, быть можетъ, важнѣйшій и труднѣйшій вопросъ современной экономической жизни русскаго народа,—осталось попрежнему безъ правительственнаго руководства и помощи, къ несомнѣнному и трудно вознаградимому ущербу для будущности нашего крестьянства. Въ Батракахъ устроилась и другого рода новинка,—чуть ли тоже не единственные въ Россіи асфальтовые заводы. Когда ѣдешь близко отъ праваго берега Волги, то въ отвѣсныхъ обвалахъ берега ясно видны черные слои извести, пропитанной горною смолою, чередующіеся съ обыкновенною бѣлою известью, мергелемъ и др. породами. Эти асфальтовые слои залегаютъ очень близко къ поверхности земли, такъ что добыча ихъ должна быть совсѣмъ не затруднительна. Мѣстные жители передавали мнѣ, что Батрацкій асфальтъ чрезвычайно богатъ горючими смолистыми частями, сравнительно съ европейскимъ, что залежи его здѣсь неистощимы, и что требованія на него ежедневно возрастаютъ въ громадныхъ размѣ-

рахъ, такъ что иностраннаго асфальта почти уже вовсе нѣтъ теперь на русскихъ рынкахъ, да и за границей батрацкій асфальтъ начинаетъ понемногу соперничать съ тамошнимъ. А между тѣмъ производство асфальта зародилось здѣсь немного болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ. Главную заслугу въ открытіи и разработкѣ Батрацкаго асфальта приписываютъ г. Воейкову, который устроилъ здѣсь первый заводъ, въ настоящее время принадлежащій Сызранскому товариществу и имѣющій оборотовъ на сотни тысячъ рублей. Другой большой заводъ принадлежитъ Печерскому товариществу. Печерскимъ здѣшній асфальтъ называется потому, что онъ добывается больше всего въ береговомъ кряжѣ Печерскихъ горъ, что тянутся верстъ на 35 или 40 къ востоку отъ Сызрани, отъ Батрака и Старыхъ Костичей до села Печерскаго.

Печерскими эти горы названы оттого, что разливы Волги источили ихъ рыхлую известково-мергелистую почву множествомъ «печоръ» или пещеръ.

Вообще береговыя возвышенности этой части Волги носятъ названія разныхъ горъ: между Сызранью и Хвалынскомъ идутъ «Черноватонскія горы» по имени села Черкаго Затона, ниже Хвалынска до Вольска — Дѣвичьи горы, а южнѣе Вольска, по странѣ нѣмецкихъ колоній, Змѣевы горы.

Батраки незамѣтно сливаются съ такимъ же безконечнымъ селомъ Старыя Костичи, близъ которыхъ построенъ знаменитый желѣзный мостъ черезъ Волгу. Собственно, мостъ находится въ селѣ Новыя Костичи, лежащемъ уже на лѣвомъ берегу Волги, въ 20-ти верстахъ отъ Сызрани.

Нужно сказать, что сейчасъ же отъ Сызрани начинается рѣзкій поворотъ Волги къ востоку, а если ѣхать сверху внизъ Волги, то вѣрнѣе сказать, что у Сызрани западное направленіе Волги рѣзко измѣняется на южное.

Длинная и чрезвычайно крутая петля, которую мечетъ Волга на срединѣ своего пути и которая извѣстна подъ именемъ Самарской луки, поворачиваетъ на востокъ нѣсколько выше уѣзднаго города Ставрополя, переламывается подъ такимъ же пря-

мымъ угломъ на югъ у Царева Кургана, потомъ у Самары поворачиваетъ также круто на западъ, и только отъ Сызрани опять принимаетъ свое господствующее южное и слегка юго-западное направленіе. Вотъ у начала этой-то петли или этой «луки Самарской», желѣзная дорога и перекинула черезъ Волгу, на лѣвый берегъ ея, къ торговой Самарѣ, свою желѣзную аріаднину нить, соединившую дичь и глушь нашей Сибири съ Германіей, Франціей, Италіей и всѣми цивилизованными странами премудрой Европы. Издали Волжскій мостъ кажется удивительно легкимъ, чуть не воздушнымъ. Не вѣрится, чтобы эти тонкія черныя ниточки, протянутыя чуть замѣтною сѣткою надъ широкою пучиною рѣки, были несокрушимымъ путемъ, по которому проносятся день и ночь за Волгу и изъ-за Волги сотни милліоновъ пудовъ всевозможнаго товара. Не вѣрится, чтобы эта черная палочка, движущаяся по этимъ паутинкамъ, была цѣлымъ поѣздомъ тяжелыхъ вагоновъ. Но морской бинокль убѣждаетъ васъ, что это дѣйствительно поѣздъ, и что онъ дѣйствительно двигается по желѣзному мосту.

Когда подъѣзжаешь ближе къ этому мосту, и уже отлично разглядываешь всѣ его каменные устои и желѣзныя фермы, опять беретъ сомнѣніе, опять вы во власти иллюзіи глазъ. Отказываешься допустить, чтобы громадная мачта парохода нашего могла пройти подъ арками моста, на видъ далеко не высокими. Навѣрное, и она опустится въ рѣшительную минута на бортъ парохода на какомъ-нибудь невидномъ намъ могучемъ шалнерѣ, какъ опускаются мачты почти всѣхъ парусныхъ судовъ, проходящихъ на нашихъ глазахъ подъ этимъ мостомъ. Вотъ уже кажется мы всего въ трехъ шагахъ отъ моста, а мачта наша продолжаетъ выситься надъ нимъ чуть не цѣлою четвертью своею; неужели-жь она въ самомъ дѣлѣ зацѣпится сейчасъ за ферму и разлетится въ куски. Пароходъ надвигается на мостъ такъ ходко, такъ увѣренно... И вдругъ, мы уже подъ прикрытіемъ, внезапно осѣнившей насъ, желѣзной сѣти, а мачта наша

стоитъ попрежнему стройно и невредимо, а надъ нею остается еще добрая сажень свободнаго пространства...

Только вблизи убѣждаешься во всей колоссальности этого моста; но она не поражаетъ глазъ вслѣдствіе удивительной легкости постройки и гармоніи ея частей. Сквозная плетеница желѣзной тесьмы, вѣсомъ въ полмильона пудовъ и около полторы версты длиною, повисла подъ широкою гладью Волги, едва, повидимому, прикоснувшись концами своихъ коготковъ къ стройнымъ каменнымъ быкамъ, высокимъ и узкимъ какъ башни.

12 другихъ такихъ же башенъ-устоевъ поддерживаютъ этотъ рѣшетчатый мостъ среди водной пучины, на разстояніи 52 саженъ другъ отъ друга. Эти узкіе почти двадцати-саженные столбы, облицованные спереди тесанными гранитными глыбами, будто боевою бронею противъ натиска льдовъ, внизу опираются на широкихъ каменныхъ пятахъ, которыя въ свою очередь выведены на громадныхъ желѣзныхъ кессонахъ, загнанныхъ глубоко въ грунтъ рѣчного дна, и тоже наполненныхъ каменною кладкою. Желѣзныя рѣшетчатыя фермы моста еще поднимаются на высоту $5^1/_2$ сажень надъ своими опорами, такъ что поѣзда желѣзной дороги проносятся надъ Волгою, можно сказать, на высотѣ любой колокольни, поэтому совсѣмъ не удивительно, что нашъ пароходъ прошелъ подъ этими гигантскими арками, ни чуть не склоняя долу своей мачты.

Волжскій мостъ, названный Александровскимъ, въ память покойнаго Государя Александра Николаевича, при которомъ онъ былъ построенъ, во всякомъ случаѣ составляетъ славу русскаго строительнаго искусства, и сама Европа признаетъ это. Въ цѣломъ мірѣ сыщется мало сооруженій, которыя могли бы стать на ряду съ нимъ по своей грандіозности.

Мостъ черезъ древній Оксусъ, по которому мы недавно проѣзжали на пути изъ Бухары въ Мервъ, конечно, вдвое длиннѣе Александровскаго моста, но онъ деревянный, можно сказать, временный, притомъ не поражающій ни стройностью линій своихъ, ни легкостью, ни высотою.

Александровскій мостъ построенъ по чертежамъ извѣстнаго нашего спеціалиста по мостовымъ сооруженіямъ профессора Бѣлелюбскаго. Собственно же строителями его были сначала инженеръ Струве, прославившійся своими мостами черезъ Днѣпръ и Неву, а потомъ, по случаю отказа его, инженеры Михайловскій, какъ подрядчикъ и Березинъ, какъ техникъ. Обошелся мостъ болѣе 7 милліоновъ рублей, и строился онъ, считая съ перерывами, 5 лѣтъ.

Царица русскихъ рѣкъ дѣлала съ своей стороны все, чтобы обращать въ ничто дерзкіе замыслы инженеровъ, и не дать имъ перепоясать свои отъ вѣка вольныя струи желѣзною рабскою цѣпью. Съ Волгою ладить инженерной наукѣ приходилось много труднѣе, чѣмъ съ какой-нибудь иною большою рѣкой. Въ весеннее половодіе она поднимаетъ свои воды на высоту 6 саженъ выше обычнаго уровня и достигаетъ болѣе 12 саженъ глубины, разливаясь въ то же время на 7 и на 8 верстъ въ ширину, и стремясь внизъ къ старому Каспію съ быстротою 420 футовъ въ одну минуту, иначе сказать, пробѣгая въ 1 часъ болѣе 7 верстъ. При такихъ условіяхъ работы дѣлаются совершенно невозможными, и приходится ждать около 3-хъ мѣсяцевъ, пока воды не войдутъ въ свое обычное русло. Нужно прибавить къ этому грозный Волжскій ледоходъ, который бываетъ здѣсь не только весною, но обыкновенно и осенью, передъ окончательнымъ наступленіемъ зимы. Громадныя льдины страшной тяжести несутся другъ за другомъ и другъ на друга съ одуряющею быстротою и сокрушаютъ, какъ игрушку, всякую начатую работу, все, что не успѣваютъ укрѣпить къ тому времени надежнымъ образомъ. Всѣ эти неодолимыя условія мѣстности несомнѣнно задержали успѣшный ходъ работъ и невольно удорожили ихъ стоимость.

Пароходы могутъ проходить только подъ нѣкоторые изъ 13-ти пролетовъ Волжскаго моста, для чего на этихъ пролетахъ выставлены особые значки. Но вообще пароходы минуютъ мостъ

безъ всякой тревоги и опасности. Совсѣмъ другое дѣло злополучныя бѣляны. Эти неуклюжія, высоко и тяжело нагруженныя суда, сидящія въ водѣ до самыхъ бортовъ, безъ парусовъ, безъ пара и безъ веселъ, отчаянно мучаются, пока имъ удается коекакъ проползти подъ назначенные для нихъ пролеты моста, гдѣ стремнина рѣки неудержимо наноситъ ихъ на каменные устои.

Вонъ цѣлыхъ четыре лодки-поводыря тащутъ за собою на буксирѣ собравшійся въ кучу караванъ этихъ громоздкихъ карапузовъ, надрываясь отъ усилій, и съ боя овладѣвая каждымъ шагомъ впередъ. Мы уже ушли Богъ знаетъ какъ далеко отъ моста, а они все безплодно копошатся у его каменной пяты. Еще, пожалуй, труднѣе справиться съ пролетами моста лѣснымъ плотамъ, которые плывутъ сверху на низъ, обширные, какъ площади, съ построенными сверху бревенъ домиками для рабочихъ, съ перилами кругомъ, настоящія пловучія пристани, оторванныя отъ какого-нибудь городского берега.

Теченіе вертитъ ими во всѣ стороны, и они то и дѣло упираются далеко раскинутыми углами то въ одинъ, то въ другой устой моста, сами себѣ загораживая ходъ.

«Самарская лука» особенно оживлена и заселена. Села почти сплошныя—и на правомъ, и на лѣвомъ берегу! Многія изъ нихъ напоминаютъ имя какого-нибудь славнаго Волжскаго удальца былыхъ вѣковъ.

Тутъ село Ермаково, сохраняющее въ своемъ имени память о Ермакѣ Тимофеичѣ, разбойничавшемъ здѣсь раньше, чѣмъ онъ обратился въ знаменитаго покорителя Сибири, и село Кольцово въ память товарища Ермака, извѣстнаго эсаула Кольцо.

По широкой глади рѣки двигаются безостановочною чередой громоздкія, какъ Ноевъ ковчегъ, бѣляны, новенькія съ иголочки, весело сверкающія на солнцѣ свѣжимъ деревомъ своихъ досокъ и бревенъ, бѣгутъ пароходы и баржи. Цѣлая пловучая литература: «Пушкинъ», «Гоголь», «Некрасовъ»; а вотъ огромный американскій пароходъ «Боярыня», двухъ-ярусный, какъ и нашъ,

биткомъ набитый публикою; публика и ихняя, и наша наверху, и—проплывая мимо другъ друга, всѣ привѣтливо машутъ другъ другу платками, словно неожиданно встрѣтившіеся родственники.

Самара видна какъ будто на кругломъ пригоркѣ, выходящемъ въ Волгу, сначала неизбѣжный нефтяной городокъ изъ желѣзныхъ башенъ-цистернъ, чисто береговыя батареи, защищающія городъ, вытянутый вдоль берега надъ рядомъ пристаней и баржъ. Большинство судовъ стоитъ, впрочемъ, на срединѣ рѣки, гдѣ запасаются и нефтью для отопленія. Передъ самою Самарою—островъ среди рѣки. Все кругомъ въ деревьяхъ, смотритъ весело. Городъ довольно красивъ, хотя и не на особенно высокомъ берегу. Всѣ церкви его видны разомъ, видно много большихъ каменныхъ домовъ; но бѣлыхъ среди нихъ меньше, чѣмъ нештукатуренныхъ, кирпичныхъ, очевидно, только что торопливо воздвигнутыхъ ради торговой наживы. Многоэтажныя паровыя крупчатки воздымаются на первомъ планѣ, огромныя какъ соборы, и Самарскія церкви кажутся издали гораздо ниже ихъ; повидимому, онѣ тутъ на первомъ планѣ во всѣхъ смыслахъ. Сейчасъ чувствуется городъ горячей хлѣбной торговли.

Короткія улицы Самары рядами сползываютъ къ Волгѣ по склону холма; но главныя улицы тянутся наверху, параллельно берегу. Дворянская—лучшая изъ нихъ. Украшеніемъ ея и всего города служитъ памятникъ Императору Александру Николаевичу. Онъ стоитъ на площади, окруженный хорошенькимъ просторнымъ цвѣтникомъ.

На постаментѣ изъ краснаго гранита сидятъ по угламъ четыре черныя бронзовыя фигуры—и среди нихъ стоитъ статуя Царя-Освободителя. Она также вылита изъ темной бронзы, работы академика Шервуда. Поза, фигура Императора, его манера носить фуражку и шинель все вышло очень удачно; только всегда доброму и мягкому лицу покойнаго Государя придано слишкомъ бравурное, не характерное для него выраженіе. Конечно, эта статуя увѣковѣчиваетъ великій историческій моментъ высокой нравственной рѣшимости Александра, которая и должна

была сказаться, по мысли художника, въ этой вызывающей смѣлости его взгляда, но, мнѣ кажется, все-таки было бы ближе къ истинѣ сообщить чертамъ добраго Государя ихъ обычную доброту и чуждое всякаго вызова твердое упованіе на помощь Всевышняго.

Въ сидящихъ четырехъ фигурахъ—главные моменты царствованія Александра II. Русскій мужикъ съ грамотою 19-го февраля въ рукахъ, осѣняющій себя крестнымъ знаменіемъ. Средняя Азія въ видѣ восточной женщины, низлагающей свой вѣнецъ къ ногамъ русскаго Царя, умиротворенный черкесъ, переламывающій пополамъ безполезную теперь шашку свою, и Болгарія, разорвавшая свои цѣпи.

Было бы, пожалуй, умѣстнѣе посадить фигуру христіанской Болгаріи на переднемъ фасадѣ памятника, въ pendant къ освобожденному русскому мужику, а покоренный мусульманскій Туркестанъ перенести назадъ къ такому же мусульманскому и такому же покоренному кавказскому собрату его.

На углахъ и на бокахъ восьмиграннаго пьедестала записаны золотыми буквами всѣ важныя государственныя дѣянія, совершенныя Царемъ-Освободителемъ, и, пробѣгая ихъ въ этомъ общемъ длинномъ спискѣ, невольно исполняешься сознаніемъ громадности его историческаго труда и его историческихъ заслугъ.

Памятникъ стоитъ на очень видномъ и эффектномъ мѣстѣ, примѣтный отовсюду, и очень кстати вѣнчающій своею величественною статуей берегъ Волги. Подобные историческіе и художественные памятники во всякомъ случаѣ рекомендуютъ просвѣщенность города и его гражданскія чувства, чѣмъ, къ сожалѣнію, не особенно часто отличаются наши провинціальные города.

Кромѣ насъ съ женою, много простого люда, повидимому, тоже прибѣжавшаго съ пароходовъ, съ любопытствомъ и благоговѣйнымъ вниманіемъ ходило кругомъ памятника, всматриваясь въ каждую подробность и выслушивая объясненія болѣе знающихъ.

— Странно, что художникъ изобразилъ крестьянина сидящимъ

въ то время, какъ онъ крестится; русскій человѣкъ непремѣнно встанетъ, когда молится!—сказалъ я громко своей женѣ, не замѣтивъ, что около насъ стояли непрошенные слушатели.

— Батюшка!—вдругъ растроганнымъ голосомъ возразилъ мнѣ высокій сѣдой старикъ съ бородою Гостомысла,—бываетъ, и сидя перекрестишься, встать не поспѣешь, коли радость большую услышишь...

Дворянская улица очень недурна, хорошіе дома, хорошіе магазины, очень красивая и эффектная католическая церковь, величественный пятиглавый соборъ единовѣрцевъ, кажется, самый древній въ городѣ, но зато мостовыя отвратительны до невозможности, орудія мучительства своего рода. Мы испытали ихъ своими боками, объѣздивъ все, что могли найти интереснаго въ Самарѣ,—этомъ громадномъ волжскомъ базарѣ, не сохранившемъ въ себѣ почти никакихъ памятниковъ древности.

Зато съ искреннимъ удовольствіемъ отдохнули мы въ Струковскомъ саду надъ кручею Волги, съ его водопадиками, фонтанами, цвѣтниками, лѣтнимъ клубомъ и очень удобнымъ вокзаломъ, окруженнымъ галлереями, лѣсенками, террасами и балкончиками; съ выступовъ широкой набережной аллеи,—любимой прогулки самарцевъ,—вправо и влѣво—открытый видъ на Волгу и на безконечныя перспективы ея живописныхъ береговъ...

Театръ помѣщается на самомъ концѣ Дворянской улицы, въ видѣ нѣсколько фантастическаго русскаго терема, краснаго съ головы до ногъ, съ шпилями, башенками и высокими кровлями шатромъ.

Большой пятиглавый соборъ византійскаго стиля во имя св. Александра Невскаго, съ высокою колокольней, еще не вполнѣ отдѣланъ; за нимъ, на сѣверной окраинѣ города такой же пятиглавый Иверскій женскій монастырь съ своими церквами и обильнѣйшемъ колодцемъ ключевой воды, охваченный зубчатою стѣною.

Когда мы отходили отъ города на своемъ пароходѣ, насосавшемся досыта нефти изъ Нобелевской баржи, и оглянулись

на покидаемую нами Самару, городъ показался намъ гораздо красивѣе и характернѣе, чѣмъ при подходѣ нашемъ къ нему.

Скученные вмѣстѣ громадные каменные корпуса многоярусныхъ крупчатокъ и Жигулевскій пивоваренный заводъ съ ихъ дымящимися трубами, роскошный Струковскій садъ, нависшій надъ берегомъ Волги, шпили и шатры театральнаго замка, и надъ ними два пятиглавые собора съ колокольнями, видные теперь отъ макушки до пятокъ,—все это составляло очень яркую и живописную картину.

У подножія Самарскаго холма тянется за городомъ цѣлый городокъ новыхъ бревенчатыхъ срубовъ съ крышами и безъ крышъ, срубленыхъ въ дешевыхъ лѣсахъ Костромской и Нижегородской губерній и выставленныхъ здѣсь на продажу лѣсными торговцами. Потомъ лѣвый берегъ сразу дѣлается скалистымъ и обрывистымъ, съ густыми шапками лѣсной поросли.

Дача Аннаева, выстроенная въ стилѣ средневѣковаго французскаго замка, ярко вырѣзается среди этого темнаго лѣсного фона на вершинѣ крутого зеленаго холма прямо надъ пучиною Волги своими бѣлыми круглыми башнями и высокою красною кровлей, между тѣмъ какъ внизу холма весело выглядываютъ изъ разныхъ угловъ того же темнаго лѣса бѣлые зубцы приворотной башни и разныя хозяйственныя и увеселительныя постройки, разбросанныя по береговымъ обрывамъ. На этой же дачѣ извѣстное кумысное заведеніе. Дачи идутъ и дальше по берегу, но уже совсѣмъ не такія красивыя.

Самара выросла съ 1851 года, въ какія-нибудь сорокъ лѣтъ, изъ маленькаго уѣзднаго города, съ 15.000 жителей, какимъ она тогда была, въ большой торговый городъ, число жителей котораго уже близко подбирается теперь къ ста тысячамъ. Превосходная пристань и желѣзныя дороги, соединявшія ее съ Европою и Азіею, сдѣлали ее важнѣйшимъ хлѣбнымъ и сальнымъ рынкомъ Волги.

Рѣка Самара, у устья которой построенъ городъ, вскрывается

нѣсколькими днями раньше Волги, такъ что зимующія въ ней суда раньше другихъ могутъ нагружаться хлѣбомъ и саломъ и идти въ Рыбинскъ сейчасъ же по проходѣ льда на Волгѣ, пока не наступитъ самая большая полая вода.

Казанскіе и нижегородскіе хлѣбные караваны, хотя зимуютъ и значительно ближе къ Рыбинску, могутъ выступить въ путь только нѣсколькими днями позднѣе, и потому Самара всегда опережаетъ ихъ. Ея положеніе на желѣзнодорожномъ сибирскомъ пути, который неминуемо долженъ обратиться въ путь международный, сулитъ Самарѣ еще болѣе блестящее будущее, хотя обороты ея торговли и безъ того растутъ не по днямъ, а по часамъ. Вообще Самара дышетъ новизною, молодостью, предпріимчивостью, — вся она въ будущемъ, а не въ прошедшемъ, это своего рода Волжская Одесса, точно такъ, какъ Нижній — Волжская Москва.

X.

Жигулевы горы.

Сейчасъ же за Самарою оба берега Волги дѣлаются настоящими горами. На лѣвомъ берегу онѣ идутъ живописными каменистыми обрывами въ курчавыхъ шапкахъ лѣсовъ, изрѣдка перерѣзаясь глубокими лѣсными ущельями. Справа тоже высокія горы, сплошь укрытыя лѣсами. Этотъ проходъ великой рѣки между стѣснившими ее двумя горными стѣнами называется «Самарскими ворóтами».

«Соколиныя горы» справа насъ, на лѣвомъ берегу, суровыя, крутыя. Слѣва, на правомъ берегу — «Сѣрная гора», 700 футовъ высоты.

«Самарскія ворóта» кончаются у крутого поворота Волги съ востока на югъ. Отроги горъ лѣваго берега уходятъ, все понижаясь, внутрь страны, вдоль берега впадающей здѣсь въ Волгу рѣки Соки, и незамѣтно теряются въ степяхъ.

Одинокая шапка «Царева кургана» одна высится, будто мрачный сторожъ этого дикаго берега, у самаго перелома Волжскаго русла. Въ древности это былъ одинъ изъ самыхъ важныхъ пунктовъ волжскаго русла, гдѣ удобнѣе всего можно было останавливать плывущія по рѣкѣ суда. Царевъ курганъ озираетъ надалеко всю окрестность. Несомнѣнно, что курганъ этотъ всегда игралъ большую роль въ исторіи волжскихъ разбоевъ и волжскихъ войнъ. Но преданія о немъ слишкомъ перепутались, чтобы можно было теперь разобраться въ нихъ съ какою-нибудь опредѣленностью. Кто увѣряетъ, что курганъ былъ насыпанъ Мамаемъ или Батыемъ, кто разсказываетъ, что это царь Иванъ Грозный, отправляясь забирать татарскія царства по Волгѣ,— «царство Казанское, а мимоходомъ — Астраханское», — велѣлъ каждому воину своему принести на это мѣсто горсть земли, изъ которыхъ и выросла цѣлая гора. По крайней мѣрѣ, такъ поютъ объ этомъ мѣстныя пѣсни...

Впрочемъ, изслѣдователи почвеннаго строенія «Царева кургана» убѣдились, что гора эта вовсе не насыпная, а такая же природная, и такого же точно геологическаго состава, какъ всѣ вообще горы Самарской луки. Поводъ къ легендамъ далъ, вѣроятно, ея наружный видъ, который дѣйствительно напоминаетъ своею правильною округлостью искусственно насыпанный холмъ.

Царевъ курганъ всего 140 футовъ вышиною, но имѣетъ мѣстоположеніе довольно неприступное, такъ какъ съ двухъ сторонъ его отдѣляетъ отъ степи рѣка Сока, а съ третьей стороны рѣчка Куруль, не говоря уже о Волгѣ; да и бока его обрывисты.

Наверху кургана виднѣется какая-то вышка, въ родѣ тѣхъ которыя ставились на казацкихъ пикетахъ въ Кубанской и Терской области, хотя издали нельзя было разсмотрѣть хорошо.

За Царевымъ курганомъ, послѣ рѣзкаго поворота Волги, лѣвый берегъ ея опять заслоняется низменными лѣсистыми островами, а Соколиныя горы темнѣютъ уже вдали.

Но зато на правомъ берегу начинается теперь сплошной кряжъ знаменитыхъ «Жигулевыхъ горъ», подъ тѣнь которыхъ и пере-

бирается нашъ пароходъ, сторонясь подальше отъ песчаныхъ отмелей, островов и косъ лѣваго берега. «Жигули»—это слава и краса Волги, вмѣстѣ съ Самарскими воротами живописнѣйшій уголокъ изо всей живописной и величественной панорамы колоссальнаго Волжскаго русла. Теперь мирные туристы, дамы и дѣти спокойно пріѣзжаютъ сюда изъ всевозможныхъ мѣстъ Россіи, а подчасъ и Европы, чтобы полюбоваться восходомъ или заходомъ солнца за фантастическими вершинами Жигулей и отражающею ихъ въ себѣ широкою скатертью Волги. Но еще не особенно далеко то время, когда имя Жигулей произносилось съ искреннимъ ужасомъ, и всякій, кто приближался на суднѣ къ ихъ лѣсистымъ обрывамъ, крестился и предавалъ Богу душу свою. Народъ довольно своеобразно объясняетъ себѣ названіе «Жигули». Разсказываютъ, будто волжскіе удальцы, гнѣздившіеся въ этихъ горахъ и поджидавшіе здѣсь суда, плывущія внизъ или вверхъ, имѣли скверную привычку парить зажженными вѣниками злополучныхъ судохозяевъ, допытываясь у нихъ, гдѣ спрятаны деньги или товары подороже. Насколько въ этомъ правды судить теперь мудрено. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что Самарская лука, и особенно Жигули изстари и до нашихъ дней служили любимымъ притономъ всякаго бѣглаго, воровского и разбойничьяго сброда.

Недаромъ сложилась старая мѣстная пѣсенка: «Волга рѣченька бурлива, говорятъ; подъ Самарою разбойнички шалятъ».

Здѣсь воинствовали въ свое время и Ермакъ, и Стенька Разинъ, и Шелудякъ, и Кондрашка Булавинъ, и всякіе знаменитые, такъ сказать, историческіе разбойники. Но сюда же, въ эти непроходимыя лѣсныя трущобы Самарской луки, отрѣзанныя отъ міра съ трехъ сторонъ могучимъ столбомъ Волги и отвѣсными обрывами ея берега, а съ четвертой стороны тоже отдѣленныя будто крѣпостнымъ рвомъ русломъ рѣчки Усы,—спасалась отъ царскихъ приставовъ и «даней многихъ», отъ солдатчины, паспортовъ и крѣпостной неволи всякая бродячая голь.

«Измѣрять ихъ невозможно для того, что по горамъ лѣсъ

частникъ»—коротко, но выразительно доносили въ XVII вѣкѣ царю про земли Самарской луки мѣстные воеводы.

Неприступныя кручи горъ, заросшія лѣсами, и многочисленныя природныя пещеры въ ихъ известковыхъ толщахъ, вѣдомыя только самимъ лѣснымъ обитателямъ, долго дѣлали безплодными всѣ усилія правительства истребить здѣсь разбойничество. Разбойники, засѣвшіе при этой естественной заставѣ волжскаго пути, въ теченіе цѣлыхъ столѣтій брали правильную дань своего рода съ товаровъ, провозимыхъ съ Нижняго на низъ и снизу на Казань и Нижній. Выработана была и своего рода правильная система этого, такъ сказать, узаконеннаго грабежа. Сопротивляться не рѣшался почти никто. Бурлаки и судовые рабочіе въ душѣ гораздо болѣе сочувствовали удалой вольницѣ, ряды которой они же и пополняли при первомъ удобномъ случаѣ, чѣмъ своимъ ограбленнымъ хозяевамъ, которые не особенно баловали ихъ жалованьемъ, харчами и добродушнымъ обращеніемъ; поэтому при первомъ зловѣщемъ и хорошо знакомомъ крикѣ «сарынь на кичку!» «кичка носъ!»—всѣ и на берегу, и на палубѣ падали лицомъ на землю и лежали, боясь пошевельнуться, но волжскіе удальцы расправлялись съ хозяевами и отбирали себѣ все, что имъ было по вкусу.

Еще въ наши дни, при покойномъ Императорѣ Николаѣ, въ Жигуляхъ разъѣзжали постоянныя военныя команды, обязанныя ловить разбойниковъ и охранять отъ нихъ проходящія мимо суда.

Впрочемъ, судя по разсказамъ мѣстныхъ жителей, команды эти своими придирками, произволомъ и взяточничествомъ досаждали волжскому торговому люду, пожалуй, не меньше тѣхъ вольныхъ грабителей, отъ которыхъ онѣ должны были защищать его.

Разбойничество въ Жигуляхъ прекратилось только съ конца сороковыхъ годовъ, когда на Волгѣ явились первые пароходы, противъ которыхъ роковой кличъ «сарынь на кичку!» не оказывалъ больше никакого волшебнаго дѣйствія, и которыхъ мо-

гучій огнедышащій бѣгъ не по силамъ было остановить самому отчаянному разбойничьему суденышку.

Трепещущіе огоньки судовыхъ фонарей мелькаютъ, будто какія-то таинственно пролетающія фосфорическія бабочки, на фонѣ темныхъ водъ и темныхъ горныхъ громадъ.

Сумерки охватываютъ насъ не только оттого, что солнце зашло за горы, но еще больше оттого, что пароходъ нашъ двигается какъ разъ подъ этими горами. Зато же и видны онѣ намъ, несмотря на полусумракъ, до послѣдняго камушка. Подъ суровою сѣнью этихъ разбойничьихъ горъ пріютились кое-гдѣ на рѣдкихъ клочкахъ низменнаго берега, уютно обсѣвъ только-что заваренный подъ костромъ котелокъ съ кашей, ночующіе рыбаки или артель судовыхъ рабочихъ. Бѣлый косой парусъ осторожно пробирается сквозь эту прозрачную полутьму поближе къ высокимъ скаламъ берега, чтобы легче одолѣвать напоръ рѣки, слишкомъ уже непосильный на серединѣ. То и дѣло безшумно и быстро, будто не своею волей, проносятся мимо насъ плоты бревенъ и дровъ, съ громадными рулями впереди и свади, съ избушками и воротами наверху, съ неподвижными будто окаменѣлыми отъ удивленія фигурами людей. Въ другомъ мѣстѣ буксирный пароходъ съ многочисленными фонарями на всевозможной высотѣ, съ зеленымъ ярко-рдѣющимъ глазомъ справа, тащитъ съ усиліемъ вверхъ противъ теченія и тоже поближе къ берегу двѣ или три черныя, какъ гроба, безмолвныя баржи, еле мигающія своими одинокими тусклыми фонариками, мотающимися наверху мачты.

Изрѣдка попадается въ низкой разсѣлинѣ этихъ сплошныхъ обрывистыхъ стѣнъ, у подножія этого колоссальнаго каменнаго амфитеатра волжскаго берега, какое-нибудь невѣдомое селеніе, утонувшее въ зелени, переливающее своими веселыми огоньками среди сгустившагося мрака лѣсного ущелья. Но всѣ эти проявленія жизни такъ рѣдки здѣсь. Неприступные известковые обрывы, обросшіе, какъ черепа волосами, глухими лѣсными

дебрями, гдѣ безопасно гнѣздится до сихъ поръ медвѣдь и всякій дикій звѣрь, тянутся на многіе десятки верстъ, почти нигдѣ не оставляя мѣста для жилища человѣка, для высадки его судовъ. Не даромъ этотъ утесистый горный кряжъ заставилъ свернуться въ кольцо около своихъ ногъ ударившуюся въ него со всего бурнаго налета исполинскую голубую змѣю Волги.

Селеній мало въ Жигулевыхъ горахъ. Которыя и есть, тѣ засѣли въ глубокихъ буеракахъ, разрывающихъ изрѣдка горный кряжъ. На самихъ же горахъ — ничего, кромѣ лѣсовъ и фантастическихъ утесовъ.

Мы съ женой просидѣли не одинъ часъ на палубѣ, молча любуясь этимъ постепенно развертывавшимся передъ нами свиткомъ суровыхъ и величественныхъ картинъ. Хотя онѣ и лишены были теперь прелести утренняго солнечнаго освѣщенія, но зато рисовались передъ нами въ самомъ характерномъ видѣ своемъ, особенно близко подходившимъ къ ихъ былому роковому значенію въ исторіи Волги...

Бѣлые осколы и осыпи, опрокинувшіеся цѣликомъ вмѣстѣ съ вѣнчающими ихъ черными чащами въ омуты могучей рѣки, курчавые силуэты самыхъ капризныхъ формъ, пирамидами, куполами, столообразными твердынями, зубчатыми замками, кажутся вдвое грознѣе и вдвое живописнѣе отъ этого фантастическаго отраженія ихъ въ рѣкѣ, гдѣ въ смутномъ мерцаніи сумрака они кажутся вырастающими изъ какой-то незримой подводной бездны.

Эти природныя пирамиды и осадные замки—не безъименныя груды камней. Славныя когда-то по Волгѣ разбойничьи имена оставили имъ въ наслѣдіе свою злополучную славу. Степану Тимоѳеичу и здѣсь, конечно, отведено главное мѣсто, какъ вездѣ по Волгѣ.

«Стенькиныхъ кургановъ» тутъ не одинъ. Вотъ мы проѣзжаемъ въ тѣни «Лысой горы», чуть ли не самой высокой вершины Жигулей, достигающей 840 футовъ. Ее посѣтилъ при проѣздѣ своемъ въ Астрахань Великій Петръ и начерталъ на

ней своею царскою рукой годъ своего посѣщенія, теперь уже давно стертый временемъ.

Въ глубокомъ буеракѣ за Лысою горой — старинное село Морквашн, которое снабжаетъ теперь известкою Самару и все Поволжье.

За Моркваншнскимъ буеракомъ — опять на цѣлыя версты подъ рядъ стѣны горъ. Мѣстные старожилы указываютъ намъ характерныя вершины «Двухъ братьевъ» и «Дѣвичьяго кургана», неразлучныя, конечно, съ легендами...

Еще болѣе глубокая и узкая трещина разсѣкаетъ сплошную горную твердыню у села Жигулей, давшихъ свое имя береговымъ горамъ. Это такъ называемая «Жегулевская труба». Она словно откалываетъ отъ сосѣднихъ возвышенностей живописный утесистый выступъ горъ, который невольно приковываетъ къ себѣ взглядъ своими характерными обрывами и господствующимъ положеніемъ надъ горами и рѣкой... Это «Молодецкій камень»,— по преданію, тоже становище Стеньки Разина; на вершинѣ его до сихъ поръ видны, какъ мнѣ передавали волжскіе жители, остатки укрѣпленія. Тутъ же сейчасъ и устье довольно оригинальной рѣки Усы, имѣвшей такое важное значеніе въ исторіи волжскихъ разбоевъ.

Уса—рѣченка не особенно маленькая, все теченіе ея немного больше ста верстъ; но она ни при истокѣ, ни при устьѣ, ни во все продолженіе теченія своего не хочетъ отстать отъ своей матери Волги. Начинаясь почти у самаго города Сенгилея (Симбирской губ.), стоящаго на Волгѣ, она, такъ сказать, провожаетъ Волгу, послушно слѣдуя за всѣми ея изворотами: у Костычей она едва не впадаетъ въ Волгу, но вдругъ рѣзко поворачиваетъ вмѣстѣ съ Волгою въ крутую петлю Самарской луки, и, войдя въ нее, разомъ мѣняетъ свое восточное направленіе на сѣверное, перерѣзаетъ будто канавою шейку Самарской луки и впадаетъ въ Волгу, какъ разъ противъ стоящаго на лѣвомъ берегу ея города Ставрополя. Этотъ поворотъ на сѣверъ происходитъ въ такой близости отъ Волги, именно отъ южнаго ко-

лѣна Самарской луки, что вольные казаки и волжскіе удальцы, грабившіе купеческія суда, чтобы не попадаться подъ выстрѣлы Самарской крѣпостцы и на глаза самарскимъ воеводамъ, обыкновенно переволакивали по-суху свои косныя лодки изъ южнаго колѣна луки въ Усу и какъ снѣгъ на голову преграждали путь выходившимъ изъ Самары товарамъ у Молодецкаго камня, въ сѣверномъ колѣнѣ Самарской луки; или же, наоборотъ, такъ же внезапно появлялись изъ-подъ Молодецкаго камня въ южномъ плесѣ луки, благодаря все той же Усѣ. Въ этомъ отношеніи Уса играла ту же роль, какъ рѣчка Камышинка, о которой я разсказывалъ раньше.

Село Переволока, расположенное у самаго поворота Усы на сѣверъ и очень близко отъ берега Волги, сохранила въ своемъ имени въ назиданіе потомству эту былую историческую роль рѣчки Усы, которая кромѣ того служила удобнымъ защитнымъ рвомъ своего рода для укрывавшейся внутри Самарской луки, въ лѣсныхъ дебряхъ и пропастяхъ Жигулевскихъ горъ всякаго рода бродячей вольницы. Еще раньше въ Самарской лукѣ были Улусы ногайскихъ татаръ, защищенные укрѣпленными мѣстами. Противъ этихъ татарскихъ аванпостовъ Московское царство воздвигнуло свои передовые караулы. У самаго конца Жигулевскихъ горъ и вмѣстѣ съ тѣмъ у самаго начала Самарской луки (если считать по теченію), при поворотѣ Волги чуть не подъ прямымъ угломъ, возвышается, отступя версты 4 отъ берега, одна изъ самыхъ высокихъ вершинъ Жигулевской цѣпи, ея послѣдняя или, вѣрнѣе, ея первая гора,—«Караульный бугоръ», около котораго расположено старинное село Усолье. Бугоръ этотъ недаромъ называется «Караульнымъ». Съ него безъ труда можно видѣть на огромное пространство и русло Волги, и Заволжье, и прилегающія мѣстности Симбирской губерніи. На этомъ-то бугрѣ высилась въ старое время сторожевая башня и стояла царская сторожа, высматривая движеніе татаръ и оберегая русскія суда отъ нападенія грабителей. Русскіе поселенцы еще въ половинѣ XVI вѣка угнѣздились въ Усольѣ и сосѣднихъ бере-

говыхъ уголкахъ Самарской луки, добывая соль изъ соляныхъ ключей. Усолье обратилось тогда въ порубежный городокъ, обнесенный стѣнами, башнями, валами; ногайскіе татары съ своей стороны перегородили узкій проходъ между Волгою и Усой тремя рядами валовъ, сохранившимися до нашего времени у селенія «Валовъ», недалеко отъ Переволоки.

Усолье съ большею частью земель Самарской луки принадлежало нѣкогда любимцу императора Петра Великаго Меньшикову; а теперь принадлежитъ извѣстнымъ богачамъ графамъ Орловымъ-Давыдовымъ, предку которыхъ, знаменитому Орлову, подарила эти земли Екатерина II.

До самой полночи мы съ женой любовались своеобразною картиной этихъ нѣкогда грозныхъ, пустынныхъ горъ, видныхъ намъ, несмотря на полусумракъ ночи, съ удивительною отчетливостью очертаній; черновеленый тонъ лѣсовъ, бѣлизна обрывовъ, выступы камней, капризныя тѣни утесовъ — все было видно такъ хорошо, что можно было хоть рисовать ихъ... Какая-то особенная поэтическая тишина покоилась теперь на этихъ погруженныхъ въ сонъ лѣсахъ, на этихъ нѣмыхъ твердыняхъ, неподвижно отражавшихся въ затихшихъ пучинахъ рѣки. Полусказочныя старыя легенды, слышанныя мною, носились, казалось, словно незримыя ночныя птицы, не только въ головѣ моей, но и надъ этими горными дебрями, въ торжественномъ величіи и таинственномъ молчаніи провожавшими цѣлые часы сряду нашъ тоже наконецъ смолкнувшій и погруженный въ сонъ пароходъ.

Мы не спали еще, когда пароходъ приставалъ къ Ставрополю, теперь простому уѣздному городу Самарской губерніи, а когда-то столицѣ калмыцкаго войска, которое угнали потомъ при императорѣ Николаѣ на пограничную Оренбургскую линію поближе къ родной ему Азіи, упразднивъ существовавшій здѣсь калмыцкій судъ, калмыцкую канцелярію и всякія спеціально калмыцкія учрежденія.

Множество бѣлянъ, баржъ, плотовъ остановилось здѣсь на ночлегъ, бросивъ якоря. Сплавныя суда не могутъ двигаться цѣлую ночь, а должны давать отдыхъ своимъ немногочисленнымъ рабочимъ, какъ долгіе извозчики волей-неволей даютъ отдыхъ своимъ лошадямъ.

Только проѣхавъ Караульный бугоръ и налюбовавшись досыта ночною панорамой Жигулей, которые здѣсь наконецъ обрываются, опоясавъ Волжскую луку на протяженіи цѣлыхъ девяноста верстъ, мы съ женой рѣшились покинуть уже совсѣмъ безлюдную террасу парохода и тихо спустились въ свою уютную каюту...

XI.

Отъ Симбирска до Казани.

Ночью буря расходилась хоть бы и на морѣ. Развело сильную волну, двухъэтажный пароходъ нашъ трещалъ по всѣмъ швамъ и покачивался такъ, какъ будто мы были еще на суровомъ Каспіѣ, а не на матушкѣ Волгѣ. Подходъ къ Симбирску мы проспали, а такъ какъ пароходъ еще опоздалъ изъ-за бури чуть не на цѣлый часъ, то намъ уже оставалось слишкомъ мало времени, чтобы съѣздить въ Симбирскъ. Да въ такую погоду, признаться, и не манило никуда!

Городъ въ 4-хъ верстахъ отъ берега, лѣзть къ нему нужно по крутѣйшей и грязнѣйшей горѣ, а тутъ дождь, буря, качаетъ не только пароходъ, но и самую пристань, къ которой онъ присталъ, со всѣми ея зыбучими сооруженіями. Скверно глядѣть на берегъ. До сихъ поръ еще ничего подобнаго не попадалось въ приволжскихъ городахъ. Черный какъ вакса черноземъ берега, размытый дождемъ и прибоемъ волнъ, ползетъ и обваливается въ рѣку; не обсаженная ничѣмъ дорога, похожая скорѣе на русло болотистой рѣчки, мечетъ свои безнадежныя петли то вправо, то влѣво по крутѣйшему скату, напрасно отыскивая сколько-нибудь

удобный подъемъ, а по ней карабкаются внизъ, словно въ далекую старину въ глуши деревенскихъ проселковъ, цѣлые обозы нагруженныхъ телѣгъ. Тесовыя лачуги разбросаны кое-гдѣ кругомъ, покосившіеся деревянные амбары, кажется, приготовились валиться въ рѣку; судовъ никакихъ, только нѣсколько пустыхъ досчатыхъ пристаней трясутся и качаются вмѣсто судовъ на расходившейся волнѣ.

Въ «путеводителѣ» я прочелъ о какомъ-то прекрасномъ шоссе въ городѣ, такъ называемомъ Петропавловскомъ спускѣ; но съ нашего парохода мы никакъ не могли открыть его существованія. Только красивый двухъярусный ресторанъ съ башнями подъ островерхними шатрами, въ quasi-древнемъ русскомъ стилѣ, да новая каменная церковь на уступѣ горы — сколько-нибудь говорили намъ о близости губернскаго города, которому почему-то присвоена молвой привилегія «дворянскаго города» по преимуществу. Для меня, впрочемъ, эта картина интересна, какъ уцѣлѣвшій образчикъ того, чѣмъ были еще недавно волжскіе города, въ тѣ дни, когда не было на Волгѣ пароходовъ, керосина и желѣзныхъ дорогъ.

Собственно говоря, въ Симбирскѣ смотрѣть рѣшительно нечего, кромѣ памятника нашему знаменитому исторіографу Карамзину, уроженцу Симбирской губерніи. Памятникъ русскому историку и русскому патріоту вполнѣ умѣстенъ въ такомъ историческомъ и патріотическомъ городѣ. Трудно приписать одной случайности ту мужественную стойкость, которую проявлялъ Симбирскъ въ зловѣщія эпохи, колебавшія русское царство, — сначала при Стенькѣ Разинѣ, потомъ при Пугачевѣ. Симбирскъ спасъ Россію отъ неудержимо разгорѣвшагося пожара народной анархіи, спасъ стольную Москву отъ похода на нее волжской вольницы,—разгромивъ въ 1670 году подъ своими стѣнами непобѣдимаго вождя мятежной черни—Степана Тимофеича, послѣ того, какъ Саратовъ, Самара, Царицынъ и множество другихъ волжскихъ городовъ малодушно сдавались ему безъ сопротивленія и съ хлѣбомъ солью выходили къ нему навстрѣчу. Симбирску минуло едва

20 лѣтъ съ основанія его, какъ пришлось ему стать грудью противъ грознаго атамана, одно имя котораго поднимало народъ и бунтовало стрѣльцовъ. Стенька цѣлый мѣсяцъ томилъ приступами и осадой мужественнаго воеводу Милославскаго, котораго деревянная крѣпостца оставалась, какъ Ноевъ ковчегъ среди потопа, среди охваченныхъ мятежомъ окрестныхъ областей. Но изъ Казани пришелъ наконецъ къ нему на выручку съ вѣрнымъ войскомъ своимъ, пробившись оружіемъ черезъ возставшіе уѣзды, храбрый князь Юрій Барятинскій, и въ жестокой сѣчи расколотилъ въ прахъ нестройныя полчища Разина. Самъ Стенька, заговоренный колдовствомъ отъ пуль и желѣза, былъ раненъ саблей въ голову, нога его прострѣлена пищалью, и самъ онъ совсѣмъ было попался въ могучія руки одного отчаяннаго алатырца Семена Степанова, уже повалившаго его на землю, если бы, къ несчастію, герой алатырецъ не былъ тутъ же изрубленъ казаками. Послѣ послѣдняго неудачнаго приступа къ городу, Стенька собралъ въ тайный кругъ своихъ казацкихъ есауловъ и глубокою ночью бѣжалъ съ казаками на низъ, оставивъ свое обманутое воинство и весь свой станъ въ добычу воеводамъ. По утру, когда открылся обманъ, мятежники въ ужасѣ бросились къ Волгѣ на струги и суда, давили и топили другъ друга, тонули въ рѣкѣ, падали мертвые подъ пулями и саблями. Барятинскій безпощадно преслѣдовалъ ихъ, разстрѣливая суда, сотнями забирая въ полонъ. Весь крутой берегъ Волги, который теперь передъ нами, былъ устланъ трупами. Почти никто не ушелъ. Тутъ же началась и короткая расправа. На далеко вдоль берега Волги разставлены были висѣлицы; вѣшали, разстрѣливали, четвертовали всѣхъ подъ рядъ безъ дальнѣйшихъ разспросовъ и слѣдствій...

Побѣда Барятинскаго какъ волшебствомъ развѣнчала миѳологическую непобѣдимость Степана Тимофеича. Царскіе воеводы двинулись въ возмутившіеся города и начали ихъ приводить одинъ за однимъ подъ законную власть. Два Долгорукихъ, Юрій и Данила, Милославскій, князь Щербатовъ добивали въ разныхъ мѣстахъ остатки воровскихъ шаекъ и отодвигали все дальше и

дальше книзу безмѣрно разросшіеся предѣлы мятежа. Самара и Саратовъ, недавно еще торжественно встрѣчавшіе «батюшку Степана Тимофеича», заперли теперь передъ нимъ ворота, и разбитый атаманъ изъ Царицына долженъ былъ перетянуть съ Волги на родной Донъ въ излюбленный Качалинскъ опять къ своей отчаянной казацкой голытьбѣ.

Ѳедька Шелудякъ, одинъ изъ самыхъ смѣлыхъ и способныхъ подручниковъ Стеньки, пришелъ, правда, еще разъ подъ Симбирскъ и даже два раза бросался на приступъ противъ него, но воевода Петръ Шереметевъ, сдѣлавъ вылазку изъ города, нанесъ мятежникамъ такое пораженіе, что они едва успѣли бѣжать изъ-подъ стѣнъ Симбирска, оставивъ въ рукахъ воеводы всѣ пушки, ружья, запасы и много плѣнныхъ.

Симбирскій разгромъ былъ лебединою пѣснью Стеньки. Отъ него мало-по-малу отступилась не только Волга, Яикъ, Терекъ, но и родной ему Донъ, и Корнило Яковлевъ, хитроумный глава домовитыхъ казаковъ, смекнувъ, что Стенька спѣлъ свою пѣсенку, рѣшился наконецъ покончить съ нимъ, заковавъ въ освященные кандалы чернокнижника Стеньку, и повезъ его въ Москву поклониться его злодѣйской головой Царю-батюшкѣ...

Во времена Пугачевщины Симбирскъ также чуть ли не одинъ изъ всѣхъ волжскихъ городовъ остался вѣренъ законной государынѣ и не попалъ въ руки самозванца. Напротивъ того, самозванецъ попалъ къ нему въ руки, потому что, послѣ побѣды Михельсона, Суворовъ препроводилъ Емельку Пугачева въ желѣзной клѣткѣ къ графу Панину,—именно, въ Симбирскъ, и уже изъ Симбирска онъ былъ отправленъ на казнь въ Москву.

Эти славныя страницы не должны никогда забываться въ исторіи Симбирска; своего рода оффиціальнымъ признаніемъ ихъ служитъ гербъ Симбирска, данный ему императрицей Екатериной, изображающій собою бѣлый столбъ съ царскою короной наверху,—символъ той надежной опоры, которою былъ въ свое время для царской власти этотъ вѣрный городъ...

Нерѣдко слышатся укоризны людей, мало поучавшихся исто-

ріи, по поводу тѣхъ богатствъ и тѣхъ исключительныхъ почестей, которыя выпали на долю представителямъ нѣкоторыхъ старинныхъ нашихъ родовитыхъ фамилій. Конечно, нравственному чувству человѣческому всегда отраднѣе видѣть болѣе равномѣрное распредѣленіе между людьми земныхъ благъ; но чтобы быть вполнѣ справедливыми, было бы полезно почаще вспоминать и тѣ, иногда поистинѣ невознаградимыя заслуги родоначальниковъ и предковъ этихъ самыхъ фамилій, которыми полны лѣтописи Русской исторіи, которыя мы обыкновенно очень мало знаемъ, но которыя убѣждаютъ безпристрастнаго человѣка, что почетные титулы и обширныя земли бо̀льшею частью давались въ свое время избраннымъ людямъ далеко недаромъ...

Берегъ за Симбирскомъ покрытъ лѣсами; изъ лѣсовъ выглядываютъ дачи, очень привлекательныя издали. Одна изъ этихъ дачъ, по увѣренію мѣстныхъ жителей,—усадьба Киндяковой, съ «обрывомъ», прославленнымъ въ романѣ Гончарова. Симбирскій берегъ Волги вообще много лѣсистѣе саратовскаго, а въ то же время и гораздо населеннѣе.

А буря между тѣмъ разыгралась не на шутку; вѣтеръ дуетъ противъ теченія и взбиваетъ настоящія морскія пѣнистыя волны; волны эти упрямо хлещутъ въ пароходъ, въ камни берега, отъ нихъ все трещитъ и гудитъ кругомъ. Густыя свинцовыя тучи сплошь заволокли небо, и холодный дождь больно сѣчетъ лицо; сиверъ такой вдругъ завернулъ — чистый ноябрь! Дамы наши перезябли, надѣли теплыя кофты, пальто, пледы, поскучнѣли и пріуныли. Дѣти капризничаютъ, вынужденныя сидѣть взаперти. Благо еще салонъ нашъ весь въ окнахъ кругомъ, точно фонарь, такъ что во всѣ стороны все хорошо видно. Не везетъ намъ что-то съ Волгой! Или, лучше сказать, Волга хочетъ показаться намъ не своими поэтическими пейзажами, а суровыми характерными чертами своей исторической физіономіи, подходящими къ обстановкѣ бурлаковъ и разбойниковъ, разбитыхъ судовъ, потонувшихъ людей...

Всѣ сплавныя баржи, лодки, бѣляны стоятъ на якоряхъ, хотя теперь и не ночь. Буря ихъ унесла бы Богъ знаетъ куда. Но мы не теряемъ бодрости, утѣшая себя, какъ истинные русскіе люди, которымъ не въ новинку всякое долготерпѣніе.

«Дождикъ вымочетъ,—солнце высушитъ», «нѣтъ денегъ—значитъ передъ деньгами», а «непогода—непремѣнно передъ погодой».

И мы оказались правы: съ 2 часовъ дня небо вдругъ какъ-то непостижимо быстро расчистилось, словно гуменной токъ, разметенный заботливымъ хозяиномъ; все разомъ поголубѣло, прояснилось, засверкало красками. Но буря не утихла, хотя и потеплѣло.

Правый берегъ становится опять высокимъ и густо-лѣсистымъ, но уже безъ тѣхъ своеобразныхъ пирамидъ и конусовъ, которыми любуешься въ Жигуляхъ. Въ тѣни лѣсовъ и скалъ пріютилось, что-то въ родѣ раскольничьяго скита — сѣрая тесовая молеленка съ покривившимся крестомъ, и около нея нѣсколько скученныхъ сѣрыхъ избъ.

Но это, однако, не раскольничій скитъ, а православная часовня; мѣсто это зовется «Богородицкимъ рынкомъ» и еще «Старыми Тетюшами». Окрестная мордва увѣряетъ, что когда-то въ этомъ тѣсномъ береговомъ уголку стоялъ ихъ укрѣпленный городокъ, перенесенный потомъ на горы. А изъ уцѣлѣвшей грамоты царя Ѳедора Ивановича видно, что съ 1589 года здѣсь существовалъ Никольскій монастырь, разоренный въ половинѣ XVII вѣка волжскими разбойниками. Въ концѣ XVIII вѣка на мѣстѣ сожженнаго монастыря рыбаки нашли чудно-свѣтившуюся икону Казанской Божіей Матери, которая до сихъ поръ хранится въ соборѣ города Тетюшей и очень почитается мѣстными жителями.

Сѣрая часовенка и обозначаетъ собою мѣсто обрѣтенія иконы; сюда также приходятъ въ извѣстные дни богомольцы изъ окрестныхъ уѣздовъ, а рабочіе мимоидущихъ судовъ ни за что не пропустятъ случая пристать къ берегу, и помолиться въ старой часовенкѣ.

Съ часовенкой связано довольно поэтическое преданіе. Разсказываютъ, что какой-то болгарскій царекъ, въ одномъ изъ набѣговъ своихъ на Русь, взялъ въ плѣнъ молодую русскую княжну; красавица ни за что не соглашалась измѣнить своей православной вѣрѣ, и влюбленный въ нее мусульманинъ дозволилъ ей въ дни поста удаляться на тотъ берегъ Волги—молиться христіанскому Богу на томъ самомъ уединенномъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ теперь часовня...

Названіе «Богородицкій рынокъ» не должно вводить въ заблужденіе читателя. На Волгѣ, и даже на Дону «рынками» называютъ не базары, какъ у насъ, а мысы, обрывистые выступы берега,—вѣроятно, отъ корня «рыть». Впрочемъ, возможно допустить, что и обычное наше слово рынокъ въ смыслѣ базара могло произойти отъ того же берегового мыса большой рѣки, представлявшаго особыя удобства для остановки судовъ и выгрузки товаровъ для продажи. Такъ какъ въ старину товары больше всего двигались по судоходнымъ рѣкамъ, то и первыя мѣста продажи ихъ могли называться именемъ тѣхъ береговыхъ выступовъ, къ которымъ приставали суда, а впослѣдствіи имя это могло быть усвоено всякому мѣсту торга вообще.

Вотъ справа и самъ городъ Тетюши. Это уже пошла Казанская губернія. Городъ прячется наверху очень высокой и крутой горы, совсѣмъ голой и совсѣмъ красной отъ потековъ желѣзной руды. Только главы храма Божьяго, да тесовыя кровли крайнихъ домиковъ выглядываютъ изъ-за гребня горы, словно какая-нибудь сторожевая засада, охраняющая берегъ. Дорога продѣлана наискось по обрывамъ берега, очень длинная, съ живописными поворотами. Внизу обычныя ссыпки, пристани,—характерная физіономія, общая всѣмъ приволжскимъ городамъ. Тетюши, впрочемъ, городокъ, далеко не важный по своей торговлѣ. Единственное право его на вниманіе—это сѣрная руда, которая разрабатывается въ его окрестностяхъ, и которая при болѣе счастливыхъ условіяхъ могла бы имѣть серьезную будущность.

Теперь мы забрались въ истую татарщину. Когда-то здѣсь

было самое сердце волжской Болгаріи. Почти напротивъ города Тетюшей, на лѣвомъ берегу Волги, до сихъ поръ высятся полуразвалившіяся башни и палаты города Болгаръ, древней столицы когда-то могущественнаго болгарскаго царства, съ которымъ старая Русь воевала, не покладая меча, начиная отъ Святослава и Владиміра Святого до самаго основанія царства казанскаго, новаго и еще болѣе жестокаго врага, зародившагося на развалинахъ болгарскаго царства.

Къ сожалѣнію, эти любопытныя развалины—въ 5—6 верстахъ отъ Волги, такъ что на посѣщеніе ихъ необходима была бы особая поѣздка, несовмѣстимая съ нашимъ теперешнимъ сплошнымъ рейсомъ отъ Астрахани до Нижняго.

Деревня, сосѣдняя съ историческими развалинами, сохранила за собой историческое имя болгаръ, вѣроятно, слегка измѣненное изъ слова волгаръ, которымъ должны были называться эти старинные жители Волги, точно такъ, какъ Византія называлась у нѣкоторыхъ народовъ Бизантіей, а Вавилонъ—Бабилономъ.

По крайней мѣрѣ, Никоновская лѣтопись наша прямо говоритъ въ одномъ мѣстѣ: «взяша Волгоры иже на Волзѣ и на Камѣ».

Слѣды пребыванія болгарскаго народа видны здѣсь и въ разныхъ другихъ мѣстахъ лѣваго берега. При рѣчкахъ Уткѣ и Майнѣ, впадающихъ съ лѣвой стороны въ Волгу, на южной границѣ Казанской губерніи, уцѣлѣло особенно много земляныхъ валовъ, городищъ, кургановъ, очевидно, остатковъ былыхъ болгарскихъ укрѣпленій,—между прочимъ, и древняго болгарскаго города Булымера.

Старыя финскія и тюркскія племена, бывшія въ теченіе вѣковъ хозяевами Волги, до сихъ поръ не покинули ея и остаются даже въ могущественномъ русскомъ царствѣ прежними коренными обитателями ея береговъ. Мордва, когда-то громившая насъ вмѣстѣ съ болгарами, татарами и всякими другими кочевниками, а теперь давно православная и давно земледѣльческая, мало уже различимая отъ чисто-русскаго племени, чуть ли не цѣлымъ

милліономъ душъ засѣла въ приволжскихъ губерніяхъ праваго берега. Чувашей въ казанской губерніи и въ сосѣднихъ съ нею мѣстностяхъ тоже насчитываютъ около полмилліона; это жители горной стороны Волги,—потомки древнихъ буртасовъ, какъ думаютъ нѣкоторые наши ученые; противъ нихъ, на лѣвомъ берегу Волги, а отчасти и рядомъ съ ними, живетъ съ четверть милліона луговыхъ и горныхъ черемисовъ, быть можетъ, остатковъ той, совершенно исчезнувшей теперь Мери, которая въ первые вѣка русской исторіи населяла собой ростовскую область, и которая могла уйти сюда изъ захваченныхъ русскими мѣстъ, спасаясь отъ насильственнаго обращенія въ христіанство, — «ушлецы языка славянскаго земли ростовскія, ушедше бо отъ св. крещенія во идолопоклоненіе и тамо кочевное житіе татарское вѣры бесерменскія изволиша», какъ говоритъ о нихъ одна старинная «космографія».

Не говорю уже о казанскихъ татарахъ, наслѣдникахъ древнихъ болгаръ, несомнѣнно слившихъ подъ своимъ именемъ не только этихъ былыхъ болгаръ, но и разныя другія племена стариннаго волжскаго населенія.

Всѣ эти азіатско-мусульманскія народности, обсѣвшія нашу Волгу, Каму, Оку, Свіягу, Суру, изрядно-таки разбавляютъ азіатчиной славянскую кровь великорусса, и хотя, съ одной стороны, сильно облегчаютъ этимъ наше неудержимое давленіе на Азію и наше духовное родство съ Азіей, но, съ другой стороны, служатъ несомнѣнными, хотя и мало сознаваемыми у насъ, тормазами развитія культурной жизни въ Россіи.

Окрестности Тетюшей — это одно изъ главныхъ гнѣздъ чувашскаго племени. Что оно дѣйствительно живетъ на горахъ — сомнѣваться нельзя. Горы за Тетюшами почти такъ же высоки, какъ Жигули, хотя далеко не такъ красивы: есть вершины до 70 саженей высоты надъ уровнемъ Волги. Мѣстные жители разсказываютъ намъ удивительныя вещи про оригинальныя пещеры въ этихъ горахъ, то залитыя водой, то наполненныя льдами. Жаль очень, что волжскіе пароходы, преслѣдуя исклю-

чительно торговыя цѣли, не приспособляютъ своихъ рейсовъ хотя бы къ самому кратковременному посѣщенію подобныхъ достопримѣчательностей Волги, какъ это дѣлаютъ пароходы Рейна или швейцарскихъ озеръ. Вотъ мы миновали и село Тенишево на лѣвомъ берегу, откуда ближе всего было бы пробраться къ интереснымъ развалинамъ болгаръ, которыхъ мечеть хорошо видна даже изъ Тетюшей, съ противоположнаго берега Волги. За Тенишевымъ сейчасъ же пристань на «Березовой Гривкѣ», безотрадное совсѣмъ голое мѣсто, гдѣ сиротливо торчитъ одинокая избушка, а около нея толпится кучка извозчиковъ съ таратайками и тарантасами, тщетно ожидающихъ сѣдоковъ съ парохода. Въ бурю далеко не легко даже пароходу пристать къ берегу; у островов и береговъ отдыхаютъ буксиры съ своими баржами, чувствуя, что имъ не подъ силу бороться съ такою бурей; стоитъ у пристани и пассажирскій пароходъ «Великій князь Владиміръ», тоже американскій двухъ-этажный, какъ и нашъ, и тоже общества «Кавказъ и Меркурій». На палубѣ множество публики, синѣютъ студенческіе воротники, невольно напоминая близость Казани.

Нашъ пароходъ два раза пытался подойти къ пристани и два раза со срамомъ возвращался назадъ, отбиваемый волной; въ третій разъ онъ отошелъ совсѣмъ далеко отъ берега и съ помощью какой-то уловки капитана причалилъ-таки наконецъ къ берегу, когда «Владиміръ» уже снялся съ якоря.

Отъ пристани Березовой Гривки хорошо виденъ весь заросшій деревьями рукавъ Волги, который отдѣляется отъ нея очень близко отсюда; это извѣстный «Спасскій Затонъ», въ которомъ зимуютъ пароходы «Кавказа и Меркурія», и гдѣ находится его механическій заводъ. Затонъ этотъ не совсѣмъ безопасенъ отъ льдовъ во время полой воды, потому что коса, отдѣляющая его отъ коренной Волги, недостаточно высока.

За Березовою Гривкой берега Волги теряютъ всякую привлекательность, низки, безлюдны; но часовъ въ 7 вечера, когда мы прошли мимо широко отверстой пасти, черезъ которую много-

водная Кама вливается въ Волгу, — горы праваго берега стали опять интересны; онѣ тутъ совсѣмъ голыя, обрывистыя, съ красными и бѣлыми прослойками, въ родѣ полосатаго мрамора; вѣроятно, известняки, чередующіеся съ темно-красною охрой. Форма этихъ горъ тоже довольно причудливая. Мы двигаемся теперь, какъ разъ подъ ними, въ тѣни ихъ отвѣсныхъ будто ножомъ обрѣзанныхъ осколовъ, напоминающихъ правильною волнообразною линіей своей поверхности сплошные ряды гигантскихъ каменныхъ домовъ подъ круглыми зелеными крышами. Иногда бѣлыя стѣны этихъ нерукотворныхъ домовъ сплошь облиты темномалиновою охрой, иногда эти красные потоки только пестрятъ ихъ, будто ручьи льющейся сверху крови. Въ осыпяхъ известняка темнѣютъ пещерки, узкія живописныя ущелья вьются въ пазухахъ горъ, поднимаясь далеко вверхъ, вплоть до надвинувшихся съ материка колоссальнымъ скатомъ хлѣбныхъ полей, которыя намъ видны отсюда со всѣми своими буграми и буераками. Рыбацкія лодки, рыбацкіе шалаши идиллически выглядываютъ изъ такихъ лѣсистыхъ тѣснинъ. На утесѣ живописно высится гдѣ-нибудь высоко надъ нашими головами темный силуэтъ человѣка или лошади, въ неподвижномъ изумленіи провожающихъ насъ взглядомъ; вонъ цѣлая толпа отдыхавшихъ рабочихъ поднялась изъ кустовъ и столпилась на краю отвѣснаго обрыва... А то и цѣлыя села двухъ-этажныхъ домиковъ, съ большими хорошими церквами, любуются нами сверху, и сами вырѣзаются такъ красиво на огнистомъ закатѣ. Вотъ и Татарія,— а вездѣ православные храмы, вездѣ уже крѣпко и широко засѣла русская сила!

На правомъ и на лѣвомъ берегу поминутно мелькаютъ краснобѣлые и чернобѣлые шесты, такъ называемые здѣсь «маячки», которыми обозначенъ фарватеръ Волги; пароходъ нашъ послушно переваливаетъ съ одного такого маячка на другой, обѣгая мели и острова. Ширь Волги у впаденія Камы еще очень большая, версты три—не меньше; но частые острова и мели сильно стѣсняютъ теченіе. Лѣвый берегъ выше впаденія Камы весь въ

сплошныхъ заросляхъ лѣсовъ. Подъ защитой этихъ береговъ и островковъ тащатся потихоньку и стоятъ на якоряхъ въ укромныхъ уголкахъ буксиры и баржи, избѣгающіе слишкомъ бурнаго стремени Волги. Только двухъярусныя громады пассажирскихъ пароходовъ смѣло и увѣренно бѣгутъ самою срединой рѣки намъ навстрѣчу. Пробѣжалъ «Тургеневъ», «Императоръ», пробѣжалъ одноярусный «Алексѣй». Встрѣчи эти дѣлаются все чаще и чаще; чуется близость большого города.

XII.

Столица казанскаго царства.

Въ 4 часа утра мы были уже на палубѣ. Буря все свирѣпѣла и гнала внизъ волны, черныя и тяжелыя, какъ свинецъ... Народъ былъ вездѣ на ногахъ. Извозчики, забравшіеся съ ночи на пристань, выглядывали настоящими мокрыми курицами. Кромѣ нихъ, впрочемъ, множество конокъ бѣгаетъ между рѣкой и городомъ. Казань, по странной фантазіи ея строителей — не на Волгѣ, а въ 7 верстахъ отъ нея. Можетъ быть, разливы великой рѣки и низменность волжскаго берега заставили былую столицу татарскаго ханства уйти такъ далеко отъ Волги. Впрочемъ всѣ большіе города татарской Азіи, какъ убѣдились мы во время своихъ поѣздокъ по Туркестану,—Бухара, Самаркандъ, Ташкентъ,— выстроены въ нѣсколькихъ верстахъ отъ берега своихъ рѣкъ, повидимому, изъ той же осторожности.

Пристань, гдѣ мы теперь стоимъ, называется «Устьемъ», и сама по себѣ представляетъ довольно безотрадный видъ. Отъ нея до города устроена, хотя и порядочно грубая и очень тряская, но тѣмъ не менѣе исправная мостовая.

Я нанялъ извозчика и, не теряя времени, отправился съ женой осматривать Казань. Раньше, чѣмъ въѣдешь въ городъ, приходится проѣхать Адмиралтейскую слободку; у въѣзда въ нее, на рѣчкѣ Казанкѣ, такъ называемый «Петрушкинъ разъѣздъ»,

нужно надѣяться не имѣющій ничего общаго съ именемъ великаго монарха-преобразователя, котораго неутомимая энергія и здѣсь, въ землѣ дикихъ черемисъ, чувашъ и татаръ, создала когда-то верфи для постройки морскихъ судовъ, предназначенныхъ громить берега Каспія, и рѣчныхъ флотилій, необходимыхъ тогда для очищенія отъ гнѣздившихся повсюду разбойниковъ Волжскаго торговаго пути.

Адмиралтейская слободка, удержавшая за собою до нашихъ дней это старое Петровское названье, теперь, конечно, не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія ни къ какимъ судамъ и верфямъ, но она обратилась въ цѣлый промышленный городокъ своего рода и то же по почину геніальнаго Царя, который первый завелъ въ Казани кожевенныя фабрики и мыловаренные заводы, понимая, какимъ важнымъ торговымъ и промышленнымъ центромъ должна была стать далекая отъ Москвы Казань для своего Заволжскаго края. Въ Адмиралтейской слободкѣ— извѣстный во всей Россіи заводъ стеариновыхъ свѣчей братьевъ Крестовниковыхъ, занимающій около полуторы тысячи рабочихъ и ведущій милльонные обороты; тутъ же и громадная крупчатка Романова, считающаяся первою на Волгѣ. Улицы вымощены, всѣ порядки городскіе, даже проѣзжая улица называется Московскою, какъ во всѣхъ настоящихъ городахъ. Есть даже больница, учрежденная въ память очень уважаемаго въ Казани профессора, доктора Виноградова.

Заводъ Алафузова, славящійся своимъ кожевеннымъ производствомъ, и его же бумагопрядильная и ткацкая фабрика, вырабатывающіе товару также на милліоны рублей, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Адмиралтейскою слободкой. Вообще Казань кишитъ заводами и фабриками и оборачиваетъ на нихъ огромные капиталы.

Казанскіе торговцы, особенно, конечно, татары, снабжаютъ своею сафьянною и юфтовою обувью, своимъ мыломъ, свѣчами, мукой—Сибирь и даже Среднюю Азію. Слава казанской юфти изстари утвердилась на востокѣ и по всей Волгѣ, даже еще во

времена Болгарскаго царства, такъ что Петръ Великій только возродилъ древній торговый и промышленный духъ казанцевъ, угасшій было послѣ разгрома Казани при Иванѣ Грозномъ.

Адмиралтейская слободка расположена среди низкой равнины, ежегодно затопляемой весеннею водой, на самомъ берегу рѣчки Казанки. Въ половодье суда доходятъ вплоть до нея, и весенняя пристань Казани бываетъ уже не въ Устьѣ, какъ теперь, а у самой Романовской мельницы. Давно уже казанцы ломаютъ себѣ голову, какъ бы имъ устроить здѣсь и постоянную пристань, такъ сказать, перетащить Волгу на 4 версты ближе къ городу. Вопросъ объ устройствѣ такъ называемой «бухты» поднимался не разъ, и были даже попытки устроить ее, окончившіяся весьма печально для легкомысленныхъ предпринимателей,—но по причинѣ огромной стоимости этого сооруженья нѣтъ пока надежды на его скорое осуществленіе. Луговая низина, окружающая Казань, весной обращается въ совершенное море, и тогда Адмиралтейская слободка, Устье, Зелантовъ монастырь, и всѣ окрестные поселки и заводы плаваютъ среди разлива какъ острова архипелага.

Зелантовъ монастырь очень близко отъ Адмиралтейской слободы и очень хорошо виденъ съ дороги на своемъ порядочно крутомъ холмѣ. Его церкви и домики весело выглядывиютъ изъ зелени сада, хотя весь этотъ монастырь—одно громадное кладбище.

Мѣстныя преданія увѣряютъ, будто Зелантовъ холмъ насыпанъ изъ подкоповъ во время знаменитой осады Казани въ 1552 году, и будто на холмѣ этомъ стоялъ шатеръ царя Ивана. Гораздо вѣрнѣе, что на холмѣ этомъ, кругомъ монастыря, погребено множество русскихъ воиновъ, павшихъ при осадѣ въ битвахъ съ казанцами. Съ тѣхъ поръ холмъ этотъ сталъ излюбленнымъ мѣстомъ похоронъ для русскихъ жителей города.

Что касается до легендъ Зелантова холма, то онѣ несравненно древнѣе Иванова времени. Зелантъ—это ничто иное какъ татарское имя «Змѣиной горы»—«Джеланъ-тау».

Крылатый змѣй (Джеланъ) о двухъ головахъ, одной змѣиной, другой—бычачьей, жилъ на этой горѣ и ежедневно леталъ пить воду изъ озера Кабана, около котораго основался городъ Казань. Когда мудрые татарскіе колдуны, очистившіе отъ змѣй и кабановъ окрестности новаго города,—ухитрились наконецъ умертвить и этого страшнаго двухголоваго змѣя, обрадованый ханъ, въ память счастливаго событія, сдѣлалъ крылатаго змѣя гербомъ святого города. Гербъ этотъ сохраненъ Казани и подъ русскимъ владычествомъ, какъ самое подходящее изображеніе въ глазахъ нашихъ предковъ той змѣиной лютости и коварства, которыми ознаменовало себя Казанское царство въ исторіи царства Московскаго. Впрочемъ, татарскіе колдуны, повидимому, далеко не вполнѣ очистили отъ зловредныхъ гадинъ окрестности Казани, и исчадія крылатаго Зеланта не исчезли даже подъ сѣнью православнаго монастыря, сооруженнаго въ годъ взятія Казани надъ трупами во брани погибшихъ христіанъ. По крайней мѣрѣ, въ запискахъ г-жи Фуксъ, жены нѣкогда извѣстнаго профессора Казанскаго университета,—разсказывается очень живописно о томъ, какъ ей и спутникамъ ея во время половодья не было возможности пристать ни къ одному острову въ окрестностяхъ Казани, потому что всѣ они кишѣли змѣями, какъ муравьиныя кочки муравьями, и даже выстрѣлы изъ ружья не могли разогнать ихъ.

Каменная дамба версты три длиной соединяетъ Адмиралтейскую слободу съ городомъ. На половинѣ этой дамбы извозчикъ нашъ съѣхалъ влѣво и направился къ странному зданію, давно уже приковавшему мое вниманіе. На небольшомъ холмикѣ среди низкаго луга возвышается тупая каменная пирамида, совершенно напоминающая своею формой тѣ творожныя пасхи, которыя приготовляются у насъ для разговенъ въ Свѣтлое Христово Воскресенье. Крошечный крестикъ вѣнчаетъ эту коллоссальную пасху изъ тесанныхъ камней. Входы, украшенные низкими дорическими колоннами, напоминающіе собою входы въ

египетскія катакомбы, съ двухъ сторонъ ведутъ въ эту мрачную пирамиду. Старинныя каменныя ядра и старинныя маленькія пушки валяются у входовъ. Мы съ женой взобрались на холмъ и вошли внутрь небольшой церкви, построенной надъ прахомъ русскихъ воиновъ, убіенныхъ при осадѣ Казани. Церковь построена при Императорѣ Николаѣ I и не представляетъ собою ничего замѣчательнаго. Портреты царя Ивана Грознаго и Императора Николая украшаютъ ея стѣны. Гораздо болѣе поразилъ меня погребальный склепъ, въ который мы спустились черезъ другой входъ по темной лѣсенкѣ, съ восковыми свѣчками въ рукахъ. Мы очутились тамъ прямо въ нѣдрахъ могилы. Глухая тьма и духота могилы. Огромный гробъ бѣлаго мрамора стоитъ по серединѣ, полный бѣлыхъ человѣческихъ череповъ, какъ возъ малороссійскаго базара, полный арбузовъ. Но черепа не помѣщаются въ этой просторной посудинѣ: они насыпаны кругомъ, подъ подставкой гроба, они бѣлѣютъ безъ числа сквозь рѣшетчатый полъ склепа, въ нѣдрахъ сырой земли, вездѣ, куда ни проникаетъ глазъ...

Ихъ такое множество здѣсь, что, можно сказать, вся почва состоитъ изъ костей. Невозможно было рыть фундаментъ подъ церковь, по словамъ строителя, потому что чѣмъ глубже копали, тѣмъ больше человѣческихъ костей находили въ землѣ...

Недаромъ сложилась про Казань народная пѣснь:

Казань городъ на костяхъ стоитъ,
Казанка—рѣчка кровава течетъ,
Мелки-ключики горючи слезы,
По лугамъ—лугамъ все волосы,
По крутымъ горамъ все головы,
Молодецкія,—все стрѣлецкія...

Я разсмотрѣлъ многіе черепа: почти всѣ они были пробиты круглыми отверстіями, несомнѣнными слѣдами пуль, или расколоты сабельными ударами.

Ежегодно въ славный день взятія Казани, 2 октября, служится здѣсь мѣстнымъ архіереемъ торжественная панихида по

этимъ безчисленнымъ невѣдомымъ черепамъ, буквально сложившимъ здѣсь свои головы за вѣру и родину...

Казань только отсюда видна вполнѣ хорошо. Кремль забрался на высокую гору, въ неприступномъ углу между рѣкой Казанкой и болотистою рѣченкой Булакомъ. Древнія стѣны и башни этого Кремля и золотыя маковки старинныхъ церквей составляютъ удивительно характерный первый планъ широкой картины, на которой привольно раскинулся этотъ не на шутку большой городъ.

Казань имѣетъ глубоко православную физіономію, несмотря на нѣсколько десятковъ своихъ мечетей, несмотря на свою многовѣковую мусульманскую исторію. Только и видишь вездѣ, наверху на горахъ и внизу по равнинѣ, кресты, церкви, монастыри. Православіе облегло здѣсь все кругомъ. Въ кремлѣ купола православныхъ храмовъ тѣснятся цѣлымъ золотымъ букетомъ. Чѣмъ ближе къ кремлю, тѣмъ чаще церкви и въ городѣ, чѣмъ дальше отъ него, тѣмъ рѣже сверкаютъ золотые кресты, и наконецъ только на послѣдней окраинѣ города, за Булакомъ, къ озеру Кабану, гдѣ начинается загнанная подальше отъ православнаго глаза татарская слобода, — начинаютъ подниматься одна за другою стрѣлы мусульманскихъ минаретовъ.

Оттого Казань смотритъ вовсе не Бахчисараемъ и не Бухарой, а чистѣйшею Москвой. Кремль ея особенно напоминаетъ Московскій кремль и несомнѣнно созданъ въ свое время подъ его вдохновеніемъ. И стѣны, и башни сохранились удивительно хорошо. Особенно типична въѣздная башня съ ея затѣйливыми ступенчатыми ярусами, съ ея двуглавымъ орломъ на высокомъ шпилѣ, напоминающая отчасти Сухареву башню Москвы. Это историческія Спасскія ворота, игравшія такую роль въ день взятія Казани. На башнѣ виситъ набатный колоколъ, а на наружной стѣнѣ башни помѣщается за рѣшоткой чудотворный образъ Нерукотвореннаго Спаса, глубоко почитаемый жителями,—

точная копія съ того образа Спаса Нерукотвореннаго, который былъ написанъ на ратной хоругви Царя Ивана.

Эту священную хоругвь Царь собственными руками водрузилъ въ воротахъ взятаго города, и сталъ около нея, чтобы удержать отъ постыднаго бѣгства своихъ побѣдоносныхъ воиновъ, которые въ пылу побѣды разсыпались вдругъ грабить соблазнительныя богатства татарской столицы и едва не были истреблены отчаянными защитниками Казани.

«Уже воины наши въ ужасѣ стали метаться назадъ черезъ стѣны съ громкими криками: «сѣкутъ! сѣкутъ!»

Царь Иванъ блѣдный смотрѣлъ издали на это общее бѣгство и думалъ, что уже вся наша рать выгнана изъ города. Но опытные воеводы, «великіе синклиты, мужи вѣка отцовъ нашихъ, посѣдѣвшіе въ добродѣтеляхъ и въ ратномъ искусствѣ», по выраженію князя Курбскаго, «самого Царя, хотяще и не хотяще, за бразды коня взявъ, близь хоругви поставиша».

Въ то же время половина отборной двадцати-тысячной дружины, окружавшей Царя, съ старыми воеводами во главѣ ринулась навстрѣчу бѣгущимъ и опрокинула преслѣдовавшихъ татаръ...

Передъ Спасскими воротами ветхій, преветхій упраздненный Ивановскій монастырекъ, и выросшая на его мѣстѣ новенькая церковь русскаго стиля; тутъ же рядомъ крошечный, хотя и пятиглавый, единовѣрческій храмъ очень оригинальной архитектуры.

Черезъ Спасскія ворота въѣхали мы въ кремль. Узкая улица его совсѣмъ задавлена громадными, неуклюжими зданіями присутственныхъ мѣстъ и казармъ, которыя тянутся безконечно длиннымъ сундукомъ по правую сторону улицы. Въ татарское время здѣсь была тронная палата хановъ. Древніе православные храмы идутъ по другой сторонѣ улицы почти сплошнымъ рядомъ. Сначала пятиглавый Спасо-Преображенскій монастырь, мѣсто подвиговъ и погребенія святителей Гурія и Варсонофія,—

покровителей Казани; монастырь былъ и основанъ всего черезъ 4 года по взятіи Казани. Мощи св. Варсонофія до сихъ поръ покоятся въ немъ въ серебряной ракѣ. Но мощи св. Гурія, прежде почивавшія тоже здѣсь, рядомъ съ его духовнымъ другомъ и товарищемъ, въ XVII столѣтіи были перенесены въ Благовѣщенскій соборъ. На дворѣ монастыря, на томъ мѣстѣ, гдѣ были обрѣтены нетлѣнныя мощи обоихъ святителей, построена богатая часовня. Въ монастырѣ почиваетъ также извѣстный въ исторіи смутнаго времени митрополитъ казанскій Ефремъ, который убѣдилъ въ 1613 году царицу инокиню Марѳу отпустить на царство сына ея Михаила Ѳедоровича и возложилъ на него потомъ царскій вѣнецъ.

Рядомъ съ монастыремъ — маленькая церковь Кипріана и Устиніи, еще болѣе древняя и еще болѣе историческая. Она была построена по повелѣнію царя Ивана *въ самый день взятія Казани*, 2 октября 1552 года, когда еще кровь лилась по улицамъ кремля, и, конечно, была тогда срублена изъ дерева; каменная построена была уже гораздо позднѣе, но совершенно тѣхъ же размѣровъ и того вида, какъ и старая деревянная.

Почти того же возраста и того же историческаго значенія Благовѣщенскій каѳедральный соборъ, гдѣ въ драгоцѣнной ракѣ покоятся мощи святителя и просвѣтителя Казани, архіепископа Гурія. Именно, онъ построенъ 6 октября того же 1552 года, всего 4 дня спустя послѣ взятія Казани, сначала также деревянный, а черезъ 10 лѣтъ былъ передѣланъ въ каменный. Царь Иванъ Васильевичъ собственноручно водрузилъ крестъ на томъ мѣстѣ, гдѣ долженъ былъ строиться соборъ и гдѣ теперь стоитъ престолъ главнаго алтаря. Соборъ огромный, типичнаго московскаго стиля, съ очевиднымъ подражаніемъ Успенскому, съ высокою колокольней, также не чуждой воспоминанія объ Иванѣ Великомъ; тутъ же, около него, архіерейскій домъ.

Интересно, что святитель Гурій, распоряжавшійся постройкой этого огромнаго храма, истратилъ тогда на него всего немного

больше 1.200 рублей, считая тутъ и матеріалъ, и плату рабочимъ, каменщикамъ-псковичамъ.

Черезъ площадь отъ собора — губернаторскій домъ, когда-то дворецъ казанскихъ хановъ, которыхъ придворная мечеть передѣлана въ домовую губернаторскую церковь. Неразрывною частью этой мечети былъ прежде изящный, многоярусный минаретъ, уцѣлѣвшій до нашихъ дней подъ названіемъ «башни Сумбеки», или Сююмбеки, какъ пишетъ Карамзинъ, на основаніи лѣтописцевъ. Башня Сююмбеки заканчиваетъ собою кремлевскую улицу.

Эта оригинальная башня уходитъ вверхъ стройными ступенчатыми ярусами, одинъ уже другого, и вѣнчается на высотѣ 35 саженъ длиннымъ шпилемъ съ двуглавымъ орломъ. Верхніе ярусы ея—изъ нештукатуреннаго кирпича и, быть можетъ, передѣланы въ позднѣйшее время.

Татары долго вѣровали, что въ золоченомъ яблокѣ на недоступной вершинѣ шпиля хранятся какія-то драгоцѣнныя для нихъ грамоты хановъ, но въ 1830 году, по распоряженію министра Внутреннихъ Дѣлъ, таинственное яблоко было снято и торжественно вскрыто на глазахъ татаръ; оно оказалось пустымъ мѣднымъ шаромъ, насаженнымъ на шпиль вмѣстѣ съ двуглавымъ орломъ, въ дни вовсе не казанскихъ хановъ, а въ не особенно давнее царствованіе императрицы Анны Іоанновны, при которой башня эта была перестроена.

Исторія царицы Сююмбеки, именемъ которой называется этотъ единственный, уцѣлѣвшій въ Казани памятникъ татарской эпохи, интереснѣе и поэтичнѣе самаго памятника. Это благодарная канва для романа и драмы.

Сююмбека была дѣвушка неописанной красоты, дочь ногайскаго князя Юсуфа. 13 лѣтъ ее отдали въ жены ребенку-царю, 15-тилѣтнему Эналею. Но казанцы скоро умертвили Эналея, и новый ханъ Сафа-Гирей, влюбившись до безумія въ ребенка-вдову, почти силой сдѣлалъ ее своею женой. Сююмбека ненавидитъ развратника и пьяницу мужа и терпитъ безысходныя

страданія. Отецъ ея самъ продалъ ее,—и весь, конечно, на сторонѣ противнаго ей хана. 13 лѣтъ продолжаются мученія несчастной женщины, наконецъ Сафа-Гирей умираетъ, и юная красавица-царица остается съ двумя малютками-сыновьями, изъ которыхъ старшему Утемышъ-Гирею, новому царю казанскому, всего 2 года. Сююмбека дѣлается правительницею ханства отъ имени малолѣтняго сына. Молодость скоро беретъ свое, и ею овладѣваетъ страстная любовь къ удалому крымскому улану Кощаку. Кощакъ собирается самъ стать царемъ, женившись на Сююмбекѣ, и разгромить невѣрную Москву. Но казанскіе вельможи недовольны вмѣшательствомъ въ государственныя дѣла молодого и гордаго любимца ханши; вспыхиваетъ бунтъ противъ крымцевъ; Кощака и его ближайшихъ друзей, заклятыхъ ненавистниковъ Россіи, схватываютъ и посылаютъ плѣнниками въ Москву, гдѣ царь Іоаннъ приказываетъ тотчасъ казнить ихъ. Сююмбека въ отчаяніи, въ безысходномъ горѣ, готова пожертвовать всѣмъ царствомъ своимъ, чтобы только отомстить московскому царю за смерть дорогого ей красавца. А политика Москвы не можетъ допустить, чтобы судьбами сосѣдней Казани правила такая враждебная рука. Іоаннъ посылаетъ на престолъ Казанскій прежняго хана Шигъ-Алея, повелѣвая взять Сююмбеку и везти въ Москву.

Воевода князь Серебряный-Оболенскій, по словамъ казанскаго лѣтописца, «вшедъ въ Казань съ 3,000 вооруженныхъ и 1,000 *огненныхъ* стрѣльцовъ, ятъ царицу и со царевичемъ *яко смиренную нѣкую птицу въ палатѣхъ ея*".

«Вшедъ же къ ней воевода съ казанскими вельможами одѣянъ въ золотую одежду и ста предъ нею съемши золотой шлыкъ и рече ей слово тихо и честно: поймана еси вольная царица великимъ Господемъ нашимъ Іисусомъ Христомъ! Той отъемлетъ царство твое и передастъ тя въ руцѣ великому и благочестивому царю Ивану Васильевичу!»

«И влѣзши царица въ мечеть, и раздра верхнія ризы своя, и паде у гроба царева, власы свои терзающе и лице свое дерущe».

Самъ воевода, говоритъ лѣтописецъ, плакалъ, смотря на нее. Весь городъ шелъ за царицей до рѣки Казанки, гдѣ ожидала ея богато украшенная ладья. Отъ слабости она едва могла сойти къ пристани и, войдя въ лодку, низко поклонилась народу. Вся толпа пала на землю съ горькимъ рыданіемъ... Царицу съ царевичемъ увезли въ Москву...

Рядомъ съ кремлевскою стѣной, но уже за нею — большой многоглавый соборъ Казанскаго дѣвичьяго монастыря, обнесенный вмѣстѣ со своею высокою колокольней и разными другими постройками особою каменною оградой. Это тоже одинъ изъ историческихъ памятниковъ царствованія Ивана Грознаго и одна изъ важнѣйшихъ святынь Казани. Здѣсь хранится та прославленная во всей Россіи икона Казанской Божіей Матери, въ честь которой церковь установила празднества два раза въ годъ, 8 іюля и 22 октября. Найдена была эта икона въ первые годы по взятіи Казани въ землѣ, на мѣстѣ страшнаго пожара, истребившаго городъ. Монастырь былъ основанъ, по повелѣнію царя Ивана Васильевича, именно на мѣстѣ обрѣтенія иконы, а 8 іюля было днемъ этого обрѣтенія. Брилліантамъ, алмазамъ, жемчугамъ и всякимъ каменьямъ драгоцѣннымъ, украшающимъ чудотворную икону, нѣтъ ни числа, ни цѣны. Досужіе люди насчитали, будто на двухъ ризахъ и кіотѣ иконы цѣлыхъ 3.000 драгоцѣнныхъ камней! Главная слава иконы возникла въ смутное время земли Русской. Воинская рать, двинувшаяся съ Волги на освобожденіе Москвы, все время несла съ собою списокъ съ иконы Казанской Божіей Матери, и побѣду надъ поляками, спасеніе отечества народъ приписалъ ея помощи. Царь Михаилъ Өедоровичъ построилъ во имя этой иконы Казанскій соборъ въ Москвѣ и учредилъ празднованіе ея 22 іюля, въ день освобожденія Москвы. Но впослѣдствіи Казанская икона, сопровождавшая воинство князя Пожарскаго, перенесена была въ Петербургъ, въ Казанскій соборъ, гдѣ и находится до настоящаго времени.

Путешественника глубоко поражаетъ это обиліе древнихъ православныхъ святынь на тѣсномъ холмѣ Казанскаго кремля, это удивительное превращеніе «змѣинаго магометанскаго гнѣзда» въ одинъ изъ самыхъ яркихъ свѣтильниковъ Христовой вѣры. Въ этомъ оригинальномъ духовномъ характерѣ Казани больше, чѣмъ во всѣхъ вещественныхъ памятникахъ ея, сохранились слѣды той своеобразной эпохи Русской исторіи, которая такъ рѣзко отличалась всѣми своими взглядами и пріемами отъ современной исторіи нашей. Въ вѣка московскихъ царей православіе было глубочайшею коренною основой нашей государственности, нашей народности; русскіе цари, русскій народъ не постигали тогда ничего русскаго внѣ православной вѣры; и сознательно, и безсознательно это чувство руководило всѣми предпріятіями, всѣми людьми. Вѣковая борьба съ многообразными азіатскими хищниками, обложившими кругомъ своими царствами, ханствами, ордами тѣсные предѣлы Московскаго царства, была прежде всего борьбой съ мусульманствомъ. Историческія обстоятельства сложились такъ, что освобожденіе Россіи отъ ига кочевниковъ было вмѣстѣ съ тѣмъ освобожденіемъ христіанъ православныхъ отъ нечестиваго мусульманина; завладѣніе великою славянскою рѣкой, доступъ къ Каспію, доступъ къ Азовскому и Черному морю, обезпеченіе мирнаго русскаго поселянина отъ хищныхъ набѣговъ,—было вмѣстѣ съ тѣмъ побѣдой православной Руси надъ темнымъ царствомъ Магомета.

Каждый шагъ историческаго роста Россіи того времени былъ смертнымъ ударомъ Исламу въ лицѣ того или другого ханства, и вмѣстѣ новою ступенью для распространенія вѣры православной. Оттого-то церковь православная всегда шла во главѣ этой исторической борьбы, внушала царямъ самый замыселъ ея, подобно попу Сильвестру, вдохновляла ихъ на борьбу, подобно Сергію Радонежскому или Васьяну Рылу, благословляла и торжествовала побѣды, сопровождала воинскія рати и устрояла владычество православія еще на дымящихся огнемъ и кровью развалинахъ завоеванныхъ городовъ и царствъ, раньше чѣмъ

гражданская власть успѣвала вводить въ новыя области свои суды и порядки. Этимъ только и можно объяснить себѣ удивительно полное и скорое внѣдреніе въ русское государственное тѣло чуждыхъ ему политическихъ организмовъ, поразительно быстрое обрусеніе разныхъ Астраханей и Казаней, Тобольскихъ и Иркутскихъ областей, между тѣмъ какъ всѣ наши завоеванія позднѣйшаго времени, всѣ Самарканды, Ташкенты, Варшавы, Гельсингфорсы остаются подолгу враждебными и чуждыми Россіи иностранными государствами своего рода, гдѣ русскій человѣкъ не можетъ чувствовать себя хозяиномъ. Русскіе временъ Московскаго царства были также вѣротерпимы, какъ и мы; они не мѣшали мусульманину исполнять свои мусульманскіе религіозные обряды, строить мечети, почитать муллъ и имамовъ. Но они были искренни и прямо ставили свои задачи. Они завоевывали города и страны для того, чтобы быть хозяевами въ нихъ, и, дѣйствительно, дѣлались немедленно хозяевами безъ всякаго смущенія и уловокъ, съ твердою вѣрой въ свое право; себѣ и своему отводили господствующее мѣсто и сразу создавали въ отвоеванныхъ странахъ такія условія, при которыхъ русскому человѣку было возможно и удобно угнѣздиться въ новомъ гнѣздѣ. То же самое дѣлаютъ и теперь вездѣ, гдѣ это нужно имъ, англичане, нѣмцы и всѣ практическіе народы Европы. Иванъ IV, взявъ Казань, сейчасъ же учреждаетъ въ немъ архіепископство и строитъ рядъ соборовъ и монастырей; сейчасъ же отводитъ подъ русскій городъ Казанскій кремль и всѣ ближайшія къ нему мѣста, удобныя для защиты и торговли, а татаръ, во избѣжаніе всякихъ будущихъ столкновеній и недоразумѣній, выселяетъ въ отдѣльную слободу, гдѣ имъ не мѣшаютъ русскіе, и они не мѣшаютъ русскимъ. Оттого-то въ первые же годы послѣ завоеванія въ татарской Казани уже появляются великіе святители православной церкви, св. Гурій, св. Варсонофій и св. Германъ, появляются православныя иконы, чествуемыя цѣлою Русью, и на дняхъ еще чуждая намъ Казань

дѣлается вообще однимъ изъ твердыхъ столповъ русской народности, русской церкви, русскаго государства.

Мы не хотѣли покинуть Кремля, не обойдя по такъ называемому «купеческому бульвару» его старыя стѣны. Бульваръ этотъ заворачиваетъ по-надъ рѣкою Казанкою и открываетъ видъ на окружающіе Казань луга, на Волгу и ея горную сторону. Памятникъ убитымъ, адмиралтейская слобода съ своими заводами и фабриками, Зелантовъ монастырь, — все теперь у вашихъ ногъ. Кремлевскія стѣны и башни стоятъ со временъ царя Ивана Васильевича Грознаго. Татарская Казань была окружена не каменною, а деревянною дубовою стѣною: бревенчатые срубы ея были насыпаны плотно утоптаннымъ хрящомъ и иломъ и вмѣстѣ со рвомъ семисаженной глубины представляли собою тоже надежную твердыню, но все-таки, ради опасности «огненнаго запаленья» и гніючести своей, были замѣнены при Грозномъ болѣе долговѣчными каменными стѣнами. Низкая и широкая Тайницкая башня, выходящая къ рѣкѣ Казанкѣ, гдѣ были когда-то Муралеевы ворота, и чрезъ потайной ходъ которой осажденные ходили по ночамъ добывать воду, смотритъ особенно характерно. Многія другія башни Кремля, поминаемыя въ лѣтописяхъ Казанской осады, не были возобновлены Иваномъ, потому что охватъ прежней деревянной крѣпости былъ много обширнѣе позднѣйшей каменной стѣны. Только крестный ходъ, который ежегодно происходитъ здѣсь 2 октября въ день взятія Казани, продолжаетъ по старому обходить не одинъ теперешній кремль, а всѣ тѣ мѣстности, которыя нѣкогда захватывались стѣнами татарской крѣпости.

Отъ Спасскихъ же воротъ идетъ и главная улица Казани— Воскресенская. Тутъ гостинный дворъ, тутъ Дума, тутъ всѣ лучшіе дома и магазины города. Александровскій пассажъ, — пожертвованный городу мѣстнымъ милліонеромъ Александровымъ, украсилъ бы любую столицу. Въ концѣ улицы университетъ съ

клиниками. Огромное зданіе университета — въ просторномъ и благородномъ стилѣ, отличающемъ всѣ постройки временъ Александра I. Когда-то на дворѣ его стоялъ памятникъ Державину, перенесенный съ 1871 года на театральную площадь.

Воскресенскій соборъ большой, пятиглавый сохранилъ свой старинный стиль, несмотря на перестройку.

На этой площади не только очень хорошій и большой театръ, но и весьма представительный домъ Дворянскаго Собранія. Тутъ же Державинскій садъ и памятникъ.

Барельефы на постаментѣ этого памятника нѣсколько сухи, но колоссальная фигура поэта посажена величественно. Академическія традиціи сороковыхъ годовъ, конечно, не дозволили художнику представить поэта иначе, какъ въ безличномъ образѣ классическаго мужа, съ непокрытою головой, въ сандаліяхъ и легкой туникѣ, опирающагося на лиру, чуждаго всякой индивидуальности, всякой національности, всякаго опредѣленнаго вѣка. Это собственно не статуя Гавріила Романовича Державина, а статуя поэта вообще. Вдохновенно счастливый взглядъ поэта и изящно задумчивая поза его переданы очень удачно, но, мнѣ кажется, слѣдовало бы придать лицу поэта болѣе серьезности и грусти. Онъ смотритъ на памятникѣ черезчуръ уже весело, хотя очи его и вперены въ небо, такъ какъ художникъ замыслилъ изобразить Державина въ ту именно минуту, когда онъ сочинялъ оду «Богъ».

Мы объѣхали всѣ болѣе интересныя мѣстности Казани: Проломную улицу, гдѣ главнымъ образомъ кишитъ вся торговля ея, Николаевскую площадь, Покровскую и Грузинскую улицу, лучше другихъ застроенныя; были и около прудка Черноозерской улицы, этого скуднаго остатка когда-то многочисленныхъ «Поганыхъ озеръ» татарской Казани, были и на Арскомъ полѣ, на которомъ пролили въ свое время столько крови русскіе и татарскіе удальцы, на которомъ Япанчи мѣрились своими ратными доблестями съ Воротынскими и Курбскими, а теперь мирно торгуютъ рядомъ другъ съ другомъ русскіе и татарскіе лавочники.

Въ одномъ изъ маленькихъ переулковъ города мы осмотрѣли замѣчательную по архитектурѣ старинную церковь свв. Петра и Павла. Хотя она построена богатымъ казанскимъ купцомъ Михляевымъ, при Петрѣ Первомъ, въ память пребыванія въ Казани этого великаго государя, но архитектура ея скорѣе XVII или даже XVI вѣка; восточною пестротою своего убранства она напоминаетъ отчасти храмъ Василія Блаженнаго въ Москвѣ, а стилемъ постройки съ своимъ характернымъ и высокимъ краснымъ крыльцомъ Московскій же Покровскій соборъ. Колокольня, стоящая рядомъ, гораздо миніатюрнѣе самого храма. Онъ весь расписанъ разноцвѣтными травами и арабесками, увитъ по всѣмъ колонкамъ, карнизамъ и наличникамъ оконъ пестрыми гирляндами алебастровыхъ цвѣтовъ, крыши его раздѣланы яркими шахматными полями, подъ куполомъ и кругомъ всего верхняго яруса писанныя красками фигуры святыхъ; такія же фигуры святыхъ вырѣзаны на верху церкви и на оградѣ ея. Словомъ, этотъ оригинальный храмъ расцвѣченъ и расписанъ затѣйливо, пестро и ярко, будто какая-нибудь китайская ваза, и я увѣренъ, что рѣдко можно встрѣтить на Руси другую похожую на нее церковь.

Казань вообще смотритъ уже далеко не простымъ губернскимъ городомъ, а своего рода столицею цѣлаго края. Она полна учебныхъ заведеній всякаго рода, и особенно важна для мѣстнаго населенія своею духовно-просвѣтительною дѣятельностью,—этимъ историческимъ завѣтомъ ея первыхъ святителей. «Братство св. Гурія» неутомимо переводитъ книги Священнаго Писанія на языки чувашъ, черемисъ, татаръ, мордвы и различныхъ сибирскихъ инородцевъ, заводитъ школы, посылаетъ миссіонеровъ не только въ окрестныя мѣста, но и въ далекіе углы Сибири. Особенно много содѣйствуетъ этому, не говоря уже о Казанской Духовной Академіи, превосходно устроенная братствомъ въ татарской части города «инородческая учительская семинарія», гдѣ дѣти инородцевъ приготовляются просвѣщать своихъ собратьевъ русскою цивилизаціей и христіанскою вѣрой. Во время

путешествія моего по Средней Азіи, я встрѣчался со многими изъ воспитанниковъ этой замѣчательной семинаріи, почтенными педагогами-цивилизаторами киргизовъ, сартовъ и туркменъ. Всѣ они съ необыкновенною любовью и уваженіемъ вспоминали самоотверженнаго подвижника науки и вѣры, недавно умершаго директора своего Ильминскаго, замѣчательнаго знатока инородческихъ языковъ, котораго неутомимой ревности семинарія главнымъ образомъ обязана своими плодотворными результатами.

Казань для этого края — естественная просвѣтительница во всѣхъ отношеніяхъ. Недаромъ здѣсь возникъ и очагъ научнаго просвѣщенія,—университетъ. Хотя, быть можетъ, онъ былъ созданъ нѣсколько ранѣе, чѣмъ жизнь предъявила свои требованія на него, по одному теоретическому соображенію въ его будущей пользѣ, но тѣмъ не менѣе въ настоящее время цѣлая группа русскихъ областей по Волгѣ, Камѣ, Вяткѣ живетъ въ умственномъ смыслѣ силами Казанскаго Университета; его вліяніе отражается даже на губерніяхъ Западной и Восточной Сибири, пока новый спеціально сибирскій университетъ—Томскій,—еще не окрѣпъ и не разросся настолько, чтобы стать самостоятельнымъ разсадникомъ образованныхъ дѣятелей для своей страны.

Казань — представительница своей стороны и въ торговомъ отношеніи. Она стоитъ на старомъ торговомъ и административномъ пути, который споконъ-вѣку шелъ изъ Москвы черезъ Владиміръ и Нижній къ Уралу и въ Сибирь. Въ Казани старая Русь встрѣчалась впервые съ азіатскими элементами. До Казани въ этой же приблизительно мѣстности было Болгарское царство, до Болгарскаго — такая же торговая и богатая Біармія, хотя и невѣдомая намъ въ своихъ точныхъ границахъ, но во всякомъ случаѣ несомнѣнно лежавшая въ бассейнѣ Камы. Устье Камы, прикрываемое неприступными для своего времени укрѣпленіями Казани, можно было считать открытыми воротами изъ Россіи въ Заволжье, къ Уралу, въ далекія сибирскія мѣста, въ маловѣдомыя и трудно доступныя области, гдѣ гнѣздились уже не европейскія, а азіатскія народности. Поэтому устье Камы, или

вѣрнѣе городъ, владѣющій имъ, долженъ былъ издревле сдѣлаться громаднымъ торговымъ базаромъ, куда русскій товаръ привозился для обмѣна на азіатскій, а въ то же время долженъ былъ стать и передовымъ боевымъ оплотомъ азіатскихъ народовъ противъ неудержимо разроставшейся силы Московскаго царства. Борьба за Казань, за эти ворота Азіи, была поэтому роковою необходимостью какъ для азіатскаго міра, такъ и для русскаго. Оттого-то Казанское взятіе въ исторіи Россіи имѣло почти такое же значеніе, какъ Куликовская битва, и было торжествуемо современниками какъ величайшее и радостнѣйшее событіе. Сломить Казань—значило сломить Азію въ ея собственной твердынѣ, а не только свергнуть иго ея, какъ это сдѣлалъ Иванъ III, значило, изъ защиты перейти наконецъ въ наступленіе, изъ освободившагося данника Азіи превратиться въ ея владыку.

Дѣйствительно, послѣ присоединенія къ Россіи царства Казанскаго сами собою, какою-то неудержимою силою, сейчасъ же присоединяются къ Россіи сначала царство Астраханское, а скоро послѣ того и Сибирское, — уже доподлинная Зауральская Азія. Это было тогда до того ясно для всѣхъ, что сейчасъ же послѣ взятія Казани при дворѣ царя Ивана появляются послы могущественнѣйшихъ Среднеазіатскихъ властителей, Сибирскаго, Хивинскаго, Бухарскаго, Тюменьскаго и другихъ хановъ, которые никогда почти не посылали прежде пословъ въ Москву, но которые поняли теперь, что Московскій царь сталъ со взятіемъ Казани однимъ изъ великихъ владыкъ Азіи, и потому приходилось волей-неволей искать его дружбы и милостей.

Такое исключительное положеніе Казани поддержало ея торговое и промышленное значеніе и въ составѣ русскаго царства.

Хотя въ послѣдніе годы Казань понесла сильный уронъ вслѣдствіе того, что осталась въ сторонѣ отъ желѣзныхъ дорогъ, но въ настоящее время это неудобство уже устранено, и трудно сомнѣваться, что въ недалекомъ будущемъ старый путь къ Уралу на Пермь и Екатеринбургъ превратится въ желѣзный,

и рельсы протянутся отъ Волги до Сибирскихъ притоковъ Оби, въ осуществленіе того, давно замышленнаго плана, который уже началъ было приводиться въ исполненіе постройкою Екатеринбургъ-Тюменьской желѣзной линіи. Во всякомъ случаѣ, даже и безъ прямого соединенія Казани съ Сибирью желѣзнымъ путемъ, сибирская и уральская торговля не минуетъ Казани, по крайней мѣрѣ, въ теченіе большей половины года, когда является возможность сплавлять грузные и дешевые сибирскіе и уральскіе продукты самымъ дешевымъ изъ всѣхъ существующихъ способовъ перевозки,—водою по Камѣ, съ которою не въ силахъ конкурировать никакая желѣзная дорога.

Трудно вообще сомнѣваться, что Казани, при условіяхъ ея географическаго положенія, предстоитъ еще блестящая будущность во всѣхъ отношеніяхъ, и нельзя не пожелать, чтобы въ ожиданіи болѣе широкой, просвѣтительной, торговой и промышленной дѣятельности своей старая столица Едигеровъ и Улумахметовъ обезпечила прочнымъ образомъ свое прямое сообщеніе съ Волгою и ея горнымъ берегомъ.

XIII.

Между Казанью и Нижнимъ.

Накупивъ въ Казани татарскихъ сафьянныхъ издѣлій и свѣжей икры, которая продается здѣсь всего по 1 р. 20 коп. за фунтъ, вмѣсто обычныхъ 3 руб., возвратились мы на свой пароходъ.

Волга у Казани дѣлаетъ очень крутой переломъ: отъ Нижняго до Казани она течетъ съ запада на востокъ, отъ Казани до Ставрополя-Самарскаго, или до Самарской Луки, прямо на югъ.

Казань стоитъ на самомъ колѣнѣ этого прямого угла, какъ вообще всѣ сколько-нибудь значительные волжскіе города непремѣнно отмѣчаютъ собою рѣзкій поворотъ волжскаго русла.

Теперь намъ остается проѣхать послѣднее плёсо Волги, чтобы окончить въ Нижнемъ свое безмятежное и комфортабельное рѣчное путешествіе и перебраться въ шумливые вагоны желѣзной дороги.

Это Казанско-Нижегородское плёсо—одно изъ самыхъ красивѣйшихъ и несомнѣнно самое оживленное изъ всѣхъ пройденныхъ нами звеньевъ Волги. На этомъ быломъ рубежѣ Московскаго и Казанскаго царства сосредоточилась въ теченіе вѣковъ торговля Россіи съ Заволжскою и Камскою Азіей, съ низовьями Волги, съ Каспіемъ... Можно сказать, что отъ Казани до Нижняго—всѣ берега Волги—одна сплошная хлѣбная и лѣсная ярмарка. Здѣсь Казань, здѣсь Лысково, здѣсь Макарьевъ, предокъ Нижегородской ярмарки, здѣсь самъ Нижній-Новгородъ. Цѣлый рядъ селъ праваго берега смѣло можетъ спорить съ любыми уѣздными городами, и каждое изъ нихъ развило какую-нибудь своеобразную отрасль торговли.

Большой Сибирскій трактъ изъ Москвы на Владиміръ и Нижній шелъ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ этими самыми береговыми городами и селеньями, черезъ Лысково, Васильсурскъ, Чебоксары и Свіяжскъ. Хотя этотъ сухопутный трактъ потерялъ свое прежнее значеніе со времени проведенія желѣзныхъ дорогъ и открытія пароходства по Волгѣ и Камѣ, но тѣмъ не менѣе въ свое время онъ тоже содѣйствовалъ благосостоянію этой мѣстности.

Торговое движеніе Казанскаго плёса много усиливается еще и оттого, что въ него несетъ свои воды на сравнительно тѣсномъ пространствѣ цѣлая сѣть рѣчныхъ притоковъ, и съ правой, и съ лѣвой стороны. Не считая уже Камы, которая впадаетъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ отъ этого плёса и оказываетъ поэтому громадное вліяніе на его торговлю, въ самое плёсо впадаютъ такія большія рѣки, какъ Сура, протекающая 600 верстъ, Ветлуга длиною въ 700 верстъ, Свіяга и множество другихъ; а съ западнаго конца своего плёсо это подкрѣпляется у Нижняго водами Оки и всего ея громаднаго бассейна, съ которымъ можетъ непосредственно сообщаться.

Къ тому же почти всѣ рѣки, вливающіяся въ это плёсо, протекая бо́льшею частью, какъ Ветлуга, Керженецъ, Рудка и другія, по лѣснымъ мѣстностямъ, и потому богатыя водою, сплавляютъ въ огромномъ количествѣ изъ глуши лѣсовъ драгоцѣнные сами по себѣ, но въ продажѣ очень дешевые лѣсные матеріалы, въ обмѣнъ на которые требуютъ хлѣба и всякихъ промышленныхъ издѣлій для своихъ безхлѣбныхъ мѣстностей. Но береговые городки и селенья этого плёса вмѣстѣ съ торговымъ значеніемъ имѣютъ еще и историческое. Почти всѣ они—памятники той знаменательной эпохи борьбы Москвы съ Казанью, Руси съ татарщиной, которая увѣнчалась покореніемъ трехъ татарскихъ царствъ. Всѣ они возникли въ XVI столѣтіи, при Иванѣ Грозномъ или отцѣ его, какъ передовые редуты надвигавшейся на Азію русской силы. Какъ торговля ихъ была въ свое время *внѣшнею*, пограничною торговлей, такъ и укрѣпленія ихъ были нѣкогда *порубежными* укрѣпленіями, стоявшими на грани земли вражеской, хотя и тому, и другому теперь вѣрится съ такимъ трудомъ! Оттого-то всѣ эти Свіяжски, Чебоксары, Козьмодемьянски смотрятъ до сихъ поръ глухими уголками старинной Москвы, оттого-то въ нихъ такъ выразителенъ до сихъ поръ ихъ православный характеръ, и не столько, кажется, видно домовъ и магазиновъ, сколько церковныхъ главъ и крестовъ...

Однако, нужно прибавить, что если православіе сохранило въ этихъ незначительныхъ теперь городкахъ свое историческое величіе, уже мало соотвѣтствующее ихъ современному положенію, то съ другой стороны и расколъ нашъ крѣпко угнѣздился въ этихъ же самыхъ мѣстностяхъ, въ Ветлужскихъ и Керженскихъ дебряхъ, пользуясь отдаленіемъ ихъ отъ центровъ преслѣдующей власти и недоступностью для полицейскаго сыска...

Свіяжскъ лежитъ на красивой лѣсной возвышенности. Но онъ не на самой Волгѣ, а на Воложкѣ, который уходитъ довольно далеко за острова и мели праваго берега; кромѣ того, на устьѣ рѣки Свіяги. Пароходы не подъѣзжаютъ къ нему, а публика

любуется имъ издали. Изъ темно-курчавой чащи лѣса сначала живописно выглядываютъ по скатамъ горы бѣлыя зданія и купольчики какого-то монастыря, а дальше на очень крутой горѣ тѣснятся дружною кучкой старинные пятиглавые храмы съ золотыми и зелеными маковками на узенькихъ шейкахъ, съ затѣйливо вырѣзанными крестами. Я насчиталъ издали восемь церквей, изъ которыхъ пять кажутся стоящими одна около другой. Очевидно, что это церкви бывшаго кремля, поневолѣ тѣсно скученныя въ своей тѣсной оградѣ. Въ одномъ изъ монастырей Свіяжска мощи св. Германа, одного изъ первыхъ просвѣтителей Казанскаго края. Свіяжскъ былъ построенъ, можно сказать, мимоходомъ, при походѣ царя Ивана на Казань. Среди просторной Сурской низины возвышалась у самаго устья Свіяги естественная крѣпость—крутая лѣсистая гора. Вражеская Казань почти напротивъ нея, всего верстахъ въ 30. Какого еще лучше стана для русской рати? Царь въѣзжаетъ верхомъ на эту «круглую гору» вмѣстѣ съ сопровождавшими его воеводами, Шигъ-Алеемъ и другими казанскими сторонниками своими, и, пораженный необыкновенными выгодами мѣстности, говоритъ окружающимъ: «здѣсь будетъ городъ христіанскій; стѣснимъ Казань: Богъ вдастъ ее намъ въ руки». На слѣдующій годъ (1551 г.) царь посылаетъ дьяка своего Ивана Выродкова «на Волгу въ Углецкой уѣздъ въ Уматыхъ вотчину, церквей и города рубити, и въ судѣхъ съ воеводами на низъ вести». Цѣлая рать съ множествомъ воеводъ послана была къ устью Свіяги ставить новый городъ. Густой лѣсъ, покрывавшій «круглую гору», былъ живо поваленъ топорами ратниковъ, мѣсто расчистили, обмѣрили, освятили, и въ четыре недѣли былъ срубленъ «Новъградъ Свіяжскій, нареченный во Царьское имя Иваньградъ».

Имя это почему-то не удержалось, а Свіяжскъ сталъ съ тѣхъ поръ опорнымъ пунктомъ русскихъ при нападеніяхъ на Казань.

Въ послѣднее время онъ потерялъ всякое значеніе, будучи удаленъ отъ коренной Волги, но новая желѣзная дорога, со-

единившая теперь Свіяжскъ прямо съ Москвой, обратила его въ конечную станцію этой важной линіи, откуда должно быть установлено постоянное пароходное сообщеніе съ Казанью.

Несомнѣнно, это сильно подниметъ старый городокъ царя Ивана.

Волга въ этомъ плёсѣ своемъ далеко уже не такая многоводная, какъ на низу, несмотря на то, что въ нее обильно подливаютъ воды ея лѣсные притоки. Желтые мели то и дѣло просвѣчиваютъ своими голыми черепами сквозь лижущую ихъ волну. Перекаты здѣсь на каждомъ шагу. Пока они еще не особенно опасны, но недѣли черезъ двѣ-три съ ними будетъ чистая мука для тяжело нагруженныхъ судовъ. Опытный помощникъ капитана показываетъ мнѣ въ лицо каждаго изъ этихъ притаившихся подъ водой враговъ своихъ. Сначала Гуляевскій и Макарьевскій, потомъ Ураковскій, потомъ Гремячскій, Кинярскій, потомъ Сумскій, Ѳокинскій, Керженецкій и наконецъ послѣдніе три уже недалеко отъ Нижняго, Собачій проронъ, Телячій бродъ и Подновье. Пароходъ нашъ то и дѣло перерѣзаетъ поперекъ Волгу, справа влѣво, слѣва вправо, обходя мели и направляясь отъ маяка къ маяку. Тутъ уже безъ бакановъ обойтись нельзя, и ихъ красные значки частенько пестрятъ теперь синюю ширь Волги. По берегамъ сплошныя села. Вездѣ большіе бѣлые храмы, двухъэтажные бревенчатые дома, ссыпки, мельницы... Вотъ Козловка, извѣстная по всей Волгѣ своею торговлей яйцами, которыя милліонами идутъ на мыловаренные заводы Казани для приготовленія знаменитаго въ свое время яичнаго казанскаго мыла, уже давно, впрочемъ, потерявшаго свою былую репутацію. Вотъ Сундырь, бывшая вотчина митрополитовъ Крутицкихъ, съ винокуреннымъ заводомъ, съ паровою мельницей, со складами хлѣба.

Вотъ и городъ Чебоксары—столица чувашъ, существовавшая еще при царствѣ Казанскомъ и обращенная изъ села въ городъ послѣ взятія Казани. Чебоксары живописны такъ же, какъ и

Свіяжскъ. Широкій скатъ горы спускается на встрѣчу нашему пароходу, такъ что весь городъ виденъ, какъ на высокой подставкѣ. Это опять какая-то лавра церквей, изъ-за которой не видно скромныхъ домиковъ города. Храмы все древніе, пятиглавые, въ стилѣ Чудова монастыря, и тоже толпятся тѣсною кучкой одинъ около другого, хотя стѣна, ихъ нѣкогда опоясывавшая и державшая ихъ, какъ прутья, въ одной связкѣ, давно уже не существуетъ... Я насчиталъ этихъ церквей 6—7, но меня увѣряли, что ихъ не меньше 14. Онѣ лѣпятся къ самому обрыву берега, котораго красныя глиняныя осыпи очень эффектно вырѣзаются на первомъ планѣ, отражаясь въ волнахъ рѣки. Длиннѣйшія деревянныя лѣстницы карабкаются въ разныхъ мѣстахъ на эти высокіе обрывы, изворачиваясь своими колѣнами то вправо, то влѣво. Внизу обычная хлѣбная пристань со ссыпками и конторами.

Немного подальше отъ города, на уступѣ обрыва, рощица темныхъ елей, и среди нея окруженный каменною оградою древній монастырекъ; внизу на берегу ключъ, осѣненный скромною часовенкой и около нея нѣсколько перекосившихся тесовыхъ келій, вѣроятно для ночлега приходящихъ сюда богомольцевъ. Кругомъ вездѣ остатки бывшаго лѣса, въ которомъ прятался прежде этотъ маленькій скитъ. Древняя Русь сказывается еще здѣсь на каждомъ шагу этими типическими часовенками, монастырями и городками пятиглавыхъ храмовъ... И здѣсь, какъ въ Казани, Иванъ Грозный задавилъ православіемъ туземные культы всѣхъ этихъ чувашъ, черемисъ и татаръ...

Въ $6^1/_2$ часовъ утра мы были подъ Козьмоденьянскомъ. Онъ виденъ далеко издали на высокомъ обрывистомъ мысѣ праваго берега. Съ парохода замѣтны хорошіе большіе дома, много садовъ, много богатыхъ церквей. Козьмодемьянскъ можно назвать столицей черемисъ, какъ Чебоксары—столицей чувашей, хотя черемисы и живутъ бо́льшею частью на луговой сторонѣ Волги. Козьмодемьянскъ—главная лѣсная пристань Волги. Всего въ

10 верстахъ выше него впадаетъ въ Волгу рѣка Ветлуга, а прямо противъ него—рѣка Рудка. На этихъ-то рѣчкахъ строятся бѣляны и вяжутся плоты, которые потомъ спускаются по полой водѣ на Волгу. Въ Козьмодемьянскѣ идетъ ихъ распродажа. Здѣшняя лѣсная ярмарка, на которую съѣзжаются купцы со всего Поволжья, открывается 5-го мая и продолжается до 18-го іюня. Мы попали какъ разъ въ самый разгаръ ея. Оттого-то у пристани Козьмодемьянска такое множество судовъ, а на берегу такія толпы народа. Многіе сотни плотовъ изъ громадныхъ бревенъ охватываютъ собою на нѣсколько верстъ берега Волги, и не доѣзжая Козьмодемьянска, и подъ самымъ Козьмодемьянскомъ, и особенно выше его...

На каждомъ плоту два огромныхъ самодѣльныхъ руля, одинъ впереди, другой назади, и только одна крошечная конурка, на подобіе собачьей, чтобы укрываться отъ дождя и непогоды. Впрочемъ, и она приноситъ мало пользы, потому что плотъ гнется и заливается волною, и отъ этого у рабочихъ ноги день и ночь въ водѣ и постоянно поэтому босыя. Вчерашняя буря такъ основательно потрепала эти плоты, что всѣ рабочіе заняты теперь перевязкой заново и перетягиваніемъ расшатавшихся бревенъ. Задолго до Козьмодемьянска мы уже встрѣчали совсѣмъ разбитые плоты, уносимые теченіемъ, и много плывущихъ одиночныхъ бревенъ. Нельзя сказать, чтобы такія утлыя посудины были вполнѣ безопасны въ хорошую бурю и для самихъ рабочихъ, безпечно почивающихъ на нихъ.

Много буксировъ подтаскиваютъ баржи, навязавъ ихъ по четыре, по пяти на канатъ; вездѣ, куда ни глянешь, мачты, дымы, трубы; два парохода съ трудомъ подвигаютъ вверхъ громадную бѣляну, нагруженную ободьями, лыкомъ, драньюю и всякою деревянною мелочью.

Вѣтеръ, наконецъ, стихъ; Волга сравнительно успокоилась; небо прояснилось. Зеленые лѣса безъ перерыва тянутся по берегамъ, красиво отражаясь въ затихшихъ водахъ рѣки. Это все

драгоцѣнные дубовые лѣса, сберегаемые казной еще со временъ Петра Великаго, который даже въ тотъ непросвѣщенный вѣкъ выписывалъ для правильнаго устройства ихъ ученыхъ вальдмейстеровъ-нѣмцевъ и издавалъ драконовскіе законы для ихъ охраны. Въ настоящее время это очень прибыльная статья доходовъ для казны, дающая ежегодно милліоны. Чуваши и русскіе жители пользуются этими лѣсами, чтобы выдѣлывать въ огромныхъ количествахъ дубовую клепку для керосиновыхъ бочекъ, которою снабжается Царицынъ, Баку и всѣ вообще центры нефтяной торговли по Волгѣ и Каспію.

А на правой сторонѣ опять городъ — и опять на высокомъ кругломъ мысу,—это Васильсурскъ, основанный при впаденіи Суры въ Волгу еще раньше Ивана Грознаго, отцомъ его Василіемъ Ивановичемъ. Васильсурскъ уже не въ Казанской губерніи, а въ Нижегородской, хотя и на самой границѣ Казанской. Царь Василій, давшій ему свое имя, думалъ создать здѣсь пограничный торговый центръ, который отбилъ бы постепенно торговлю отъ татарской Казани. Но жизнь не пошла по указанному пути, а пробила свои собственные. Народъ сталъ толпами притекать къ новоустроенной обители Св. Макарія на лѣвомъ берегу Волги, и около монастыря возникла мало-по-малу вмѣстѣ съ городомъ Макарьевымъ всероссійская макарьевская ярмарка, которая только съ 1817 года была переведена въ Нижній-Новгородъ. Василь же остался до нашего времени ничтожнымъ городкомъ, несмотря на Суру, для которой онъ служитъ входною пристанью.

Нужно обогнуть полуостровъ Волги, чтобы подъѣхать къ Василю и увидѣть устье Суры. Одинокая церковь Васильсурска среди немногочисленной кучки домовъ совсѣмъ не подходитъ къ тому общему типу старыхъ Приволжскихъ городковъ, который мы только-что видѣли въ Козьмодемьянскѣ, Чебоксарахъ, Свіяжскѣ. Сура славится своими стерлядами, и въ Васильсурскѣ буфетчикъ нашъ обильно запасся ими, что не замедлило, конечно,

сейчасъ же отразиться на нашемъ ужинѣ. Уже вечерѣло, и на мачтахъ стали зажигать электрическіе фонари, къ счастью, замѣнившіе теперь керосиновые на всѣхъ пассажирскихъ пароходахъ Волги, послѣ страшной катастрофы, всѣмъ еще памятной.

Я искренно смѣялся, наблюдая возню неуклюжихъ матросиковъ нашихъ, вообще не особенно близко знакомыхъ съ физикой и электричествомъ, надъ фонарикомъ главной мачты. Электричество съ чего-то раскапризничалось и никакъ не хотѣло давать намъ свѣта. Вздергивали и сдергивали этотъ несчастный фонарикъ разъ десять, тормошили его туда и сюда, онъ не подавался ни на что,—и не свѣтилъ себѣ ни капельки!..

Помощникъ капитана, распоряжавшійся приведеніемъ его къ чувству долга, стоялъ не на шутку смущенный среди ироническихъ замѣчаній публики.

— Пошлите сюда Семенова... тотъ живо справитъ!.. крикнулъ онъ наконецъ. Привели Семенова, коренастаго малаго съ грубыми лапами и смѣлымъ взглядомъ.

— Нянекъ вамъ нужно! съ однимъ фонаремъ не управитесь! съ презрительною укоризной сквозь зубы пробормоталъ онъ.

Онъ расталкалъ всѣхъ возившихся съ фонаремъ, и началъ самъ возиться съ нимъ уже по-своему... Но и по-своему ничего не выходило; какъ ни подплевывалъ и ни дулъ въ него Семеновъ, какъ ни потрясывалъ и ни дергалъ его, дѣло его все-таки не боялось, и свѣта въ фонарѣ по-прежнему не оказывалось...

Сконфуженные сначала предшественники его сразу убѣдились, что Семеновъ понимаетъ не больше ихъ, и сами теперь начали безъ церемоніи учить и корить его...

— Чего дергаешь? Нешто сюда? Эхъ ты... А еще другихъ учишь... Да ты не эту проволоку тяни, а вонъ ту, лѣвую...

Семеновъ нѣкоторое время храбро отбрехивался и отталкивалъ тянувшіяся къ фонарю непрошенныя руки, но потомъ такъ все запуталъ, что его безъ разговоровъ отодвинули въ сторону, и новые добровольцы полѣзли къ упрямому фонарю...

Въ концѣ концовъ пришлось все-таки прибѣгнуть къ огарочку, съ которымъ въ совершенствѣ справляется деревенская баба...

Васильсурскъ весь въ фруктовыхъ садахъ. Садами же занимаются и всѣ большія села праваго берега, которыя лежатъ выше Василя, между нимъ и Исадами,—Ѳокино, Сомовка, Бармино, Кременка и проч... Признаюсь, мнѣ, жителю такой прославленной яблочной губерніи, какъ Курская, пришлось не безъ удивленія убѣдиться, что коренные сорта русскихъ яблоковъ, чаще всего идущіе въ оптовую продажу и охотнѣе другихъ разводимые въ садахъ нашихъ черноземныхъ губерній, ведутъ свое происхожденіе съ береговъ Волги, изъ сравнительно сѣверныхъ губерній Казанской и Нижегородской. Село Антоновку, напримѣръ, давшую свое имя всѣмъ извѣстнымъ озимымъ яблокамъ, мы проѣхали передъ Казанью, уже миновавъ устье Камы, а Бармино, безъ сомнѣнія, окрестило своимъ именемъ другой повсемѣстно распространенный у насъ и очень любимый сортъ яровыхъ яблокъ Барминокъ, искаженныхъ въ болѣе понятную Боровинку.

Мы проспали Лысково и Макарьевъ и проснулись уже неподалеку отъ Нижняго. Онъ виденъ еще издали на своей крутой горѣ. Не доѣзжая его, огромное село Боръ съ пятью церквами-соборами — на лѣвомъ берегу, Печерскій монастырь — на правомъ. Монастырь очень живописенъ, какъ всѣ наши старинные монастыри, которые выбирали себѣ мѣста, гдѣ было имъ любо, среди простора и дичи, нестѣсненной еще ничѣмъ. Его бѣлые храмы, ограды и кельи ярко вырѣзаются на темномъ фонѣ крутой лѣсной горы, на полускатѣ которой стоитъ онъ, картинно опрокинутый вмѣстѣ съ этими глинистыми обрывами и темнозелеными лѣсами въ затихшіе омуты Волги.

Мы очутились въ цѣломъ лабиринтѣ баржъ, пароходовъ, плотовъ, бѣлянъ... Они застановили всю Волгу позади насъ, но еще

ихъ больше впереди... Пароходъ нашъ сдерживаетъ свои пары и потихоньку подвигается сквозь эту движущуюся тѣсноту, сквозь это пловучее многолюдство, среди криковъ, возни, звона цѣпей, среди снующихъ вездѣ лодочекъ, облѣпившихъ, будто рои лѣтнихъ мухъ, стада крупной скотины, всѣ эти пароходы, плоты и баржи.

— На пять верстъ, батюшка, такъ стоятъ... Волги за ними не видно!—съ патріотическою гордостью объявилъ мнѣ стоявшій рядомъ на палубѣ нижегородскій житель, который еще наканунѣ познакомился со мной и показывалъ мнѣ всѣ замѣчательности. Волги съ такимъ самодовольствомъ, какъ будто онъ былъ не только хозяиномъ всѣхъ этихъ красивыхъ береговъ и богатыхъ селъ, но еще и самъ выдумалъ ихъ.

— Чего бъ имъ въ Окѣ не становиться? Все бы проѣздъ былъ свободнѣе,—замѣтилъ я.

— И тамъ тоже!.. Вотъ посмотрите, какъ пріѣдете!.. — съ хвастливою улыбкой сказалъ нижегородецъ, махнувъ безнадежно рукой.

Кто не видалъ Нижняго-Новгорода съ Волги и Кіева съ Днѣпра, тотъ не знаетъ самыхъ живописныхъ и самыхъ русскихъ мѣстностей Россіи. Ничто не можетъ сравниться съ характерною прелестью этихъ картинъ. Я побродилъ достаточно по свѣту, видѣлъ, слава Богу, всякіе города и рѣки, и смѣло скажу, что для русскаго сердца, для русскаго глаза нѣтъ радостнѣе вида, какъ зубчатыя стѣны Нижегородскаго кремля...

Высоко на горахъ праваго берега Волги, какъ разъ въ томъ углу, гдѣ Ока врѣзается въ нее своимъ могучимъ потокомъ, тянутся надъ пучинами великой рѣки эти зубчатыя стѣны и башни древняго кремля, снизу и сверху охваченныя зелеными садами. а выше ихъ, въ серединѣ ихъ, сіяютъ среди расчистившагося весенняго неба, своими куполами, крестами и маковками, бѣлѣютъ своими пятиглавыми башенками и острыми шатрами колоколенъ, тѣсно сбившіеся вмѣстѣ древніе нижегородскіе храмы,

словно собравшаяся на торжественную молитву неподвижная толпа архіереевъ колоссальнаго роста въ своихъ святительскихъ митрахъ.

Эти кремлевскія стѣны и башни то взбираются на самую кручу горы, то спускаются глубоко внизъ по обрывамъ и уступамъ ея, такъ что даже намъ отсюда они видны кое-гдѣ чуть не въ темя. Древніе храмы точно такъ же, какъ эти боевыя твердыни, тѣсно насыпаны тамъ наверху, внутри кремлевской ограды, и высыпали за стѣны и подъ стѣны, слѣзая къ самому берегу, забираясь въ глубокіе ложки, раздѣляющіе крутые холмы Нижняго-Новгорода, вспалзывая на самыя лбища этихъ холмовъ, и вѣнчая ихъ вездѣ, гдѣ только можно было умѣститься церкви, своими весело сверкающими на утреннемъ солнцѣ православными крестами.

Огромный городъ тоже осыпаетъ съ своеобразною живописностью своими разноцвѣтными домами, устилаетъ своими садами эти холмы, ложки и обрывы, капризно сбѣгаетъ къ берегамъ рѣки, проваливается въ укрытыя отъ взора долинки, карабкается по скатамъ и кручамъ, и вездѣ среди этихъ пестрѣющихъ потоковъ яркихъ крышъ и разноцвѣтныхъ стѣнъ, высоко надъ ними, какъ бодрствующіе пастыри надъ облегающими ихъ стадами овецъ, встаютъ опять тѣ же золотыя и бѣлыя главы церквей, тѣ же заостренныя пирамиды верховъ колоколенъ... Церкви здѣсь почти все—пятиглавые соборы во вкусѣ московскаго Успенскаго собора или Чудова монастыря; даже новые храмы все того же стариннаго народнаго стиля, а не безхарактерныя фантазіи художника.

Этотъ радостный сердцу моему православно-русскій видъ Нижняго-Новгорода, живо возсоздающій тамъ наверху, въ оградѣ кремлевскихъ стѣнъ, характерный типъ древне-московскаго города, кажется еще прекраснѣе оттого, что вмѣсто жалкихъ тесовыхъ домишекъ былыхъ вѣковъ, передъ вами внизу, на берегу Волги, громадныя постройки современной архитектуры, богатѣйшіе торговые склады, кипучая дѣятельность, порядокъ и благоустройство крупнаго европейскаго центра.

Мы высадились на собственной пристани Кавказа и Меркурія и отправились черезъ Нижній базаръ по самой бойкой Рождественской улицѣ его въ верхній городъ.

Нижній базаръ—это сплошныя лавки, склады, конторы, трактиры, гостинницы. Громадный многоэтажный домище Блиновыхъ, чуть ли не первыхъ богачей Нижняго-Новгорода, съ остроконечными вышками въ русскомъ стилѣ, представляетъ изъ себя цѣлый городокъ своего рода. Это «пассажъ», гдѣ помѣщаются всевозможные магазины, гостиницы, склады, конторы, центральный телеграфъ, биржа, всякія торговыя удобства.

Блиновы и Бугровы—это двѣ крупнѣйшія хлѣбныя фирмы Нижняго-Новгорода; третью фирму, тоже на букву В., я забылъ.

Мой спутникъ, нижегородецъ, очень живописно выразился мнѣ о нихъ:

— Блиновъ, Бугровъ и Б.—это, батюшка, три кита, на которыхъ вся волжская хлѣбная торговля стоитъ.

О первыхъ двухъ изъ этихъ «китовъ» можно прибавить еще, что они стоятъ во главѣ многихъ важныхъ благотворительныхъ предпріятій, не только Нижняго-Новгорода, но и всего вообще Поволжья. Такъ, напримѣръ, въ началѣ 80-хъ годовъ Блиновъ предложилъ въ даръ городу Казани 500,000 руб. на выкупъ водопровода у Губонина, съ тѣмъ, чтобы всѣ жители города безплатно получали изъ него воду. Бугровъ и Курбатовъ (то же очень богатая нижегородская хлѣбная фирма)—прибавили съ своей стороны по 50.000 руб.

Къ сожалѣнію, эта великодушная, чисто царская, жертва страннымъ образомъ была отклонена тогдашнимъ городскимъ управленіемъ Казани, которое не нашло возможнымъ согласиться на безплатный отпускъ воды всѣмъ жителямъ.

Бугровъ также оставилъ по себѣ добрую память учрежденіемъ въ Нижнемъ-Новгородѣ ночлежнаго пріюта на 500 человѣкъ и роскошнаго вдовьяго дома.

Немного не доѣзжая Ивановскихъ воротъ, извозчикъ нашъ остановился среди какого-то запруженнаго народомъ и перепол-

неннаго всякими торговыми заведеніями, кипучаго базарчика, въ которомъ Рождественка перекрещивается узкимъ переулкомъ.

— Вотъ на этомъ на самомъ мѣстѣ народъ въ старину собирался, баринъ,—важнымъ тономъ сообщилъ мнѣ нашъ чичероне, указывая кнутомъ на перекрестокъ.—Тутъ самый большой базаръ ихній былъ, толкучка по нашему. На этомъ мѣстѣ Кузьма Мининъ подъ присягу народъ приводилъ, какъ подъ Москву шли... Ополченье называлось... Стараго и малаго, всѣхъ погналъ, однѣхъ бабъ, да дѣвокъ въ городѣ оставилъ... Слыхали, небось, про Минина... Мѣщанинъ онъ нашъ былъ, нижегородскій... изъ мясниковъ... Ему въ Москвѣ мунументъ поставленъ противъ Ивана Великаго и Царь-Колокола... И у насъ здѣсь въ Кремлѣ тоже ему мунументъ стоитъ.

Историческая площадь теперь ничѣмъ не отличается отъ остальной улицы, сплошныхъ лавокъ, складовъ и магазиновъ, а мнѣ кажется, было бы необходимо отмѣтить ее какимъ-нибудь подходящимъ образомъ на память вѣковъ грядущимъ, пока еще не совсѣмъ исчезло въ народѣ воспоминаніе о славныхъ дняхъ ея.

Мы стали подниматься въ верхній городъ по удобному, прекрасно вымощенному въѣзду, который огибаетъ кругомъ скатъ горы. Это «Зеленинскій» въѣздъ; кромѣ него есть нѣсколько другихъ въѣздовъ, тоже очень покойныхъ и пологихъ, такъ что на гору поднимаешься, почти того не замѣчая.

— Тутъ прежде, баринъ, рѣчка была, Почайна; а вотъ теперь упрятали ее, и не видать, какая она такая была!—Съ одобрительною усмѣшкой опять сталъ поучать меня извозчикъ, сразу сообразившій по разговору моему съ женой, что мы пріѣзжіе, и въ первый разъ въ Нижнемъ.

— Вонъ видите, гдѣ дамба каменная,—тамъ, отецъ мой еще помнитъ, рѣчка Почайна бѣ- ла, овражище страшный былъ, а теперь все вчистую засыпали, базаръ вонъ внизу завели...

Я невольно при этомъ вспомнилъ основателя Нижняго-Новгорода князя Юрія Всеволодовича, который плѣнился горнымъ берегомъ устья Оки, именно потому, что онъ напомнилъ ему жи-

вописные днѣпровскіе берега стольнаго родного Кіева, и чтобы еще больше усилить это сходство, назвалъ Почайной бѣжавшую у горы рѣчку, въ подражаніе кіевской Почайнѣ, и Печерскимъ монастыремъ основанный имъ здѣсь монастырь. А вотъ потомки его тратятъ труды и деньги свои и изощряютъ свою инженерную изобрѣтательность, чтобы спрятать куда-нибудь въ подводныя трубы эту историческую Почайну XIII вѣка, мѣшающую цивилизованной городской жизни высокоумнаго XIX столѣтія, и на мѣстѣ ея разбиваютъ площадь для толкучаго рынка.

Мы остановились на Верхнемъ Базарѣ, среди Благовѣщенской площади. Это главный центръ и главная красота верхняго города; отъ нея расходятся лучами нѣсколько лучшихъ улицъ города. Тутъ старинный Благовѣщенскій соборъ, тутъ старая церковь Алексѣя митрополита, тутъ театръ, городская дума, окружный судъ, гостинный дворъ, гимназія, семинарія и много большихъ и красивыхъ домовъ.

Благовѣщенскій соборъ небольшихъ размѣровъ, но прекраснаго стиля; въ немъ сохранились очень древніе образа еще отъ временъ первыхъ князей нижегородскихъ. Въ маленькой церковочкѣ, стоящей съ нимъ рядомъ и построенной на томъ мѣстѣ, гдѣ св. митрополитъ московскій Алексѣй отдыхалъ на своемъ обратномъ пути изъ Орды, уже не осталось внутри ничего историческаго.

Гораздо болѣе интереснаго въ этомъ отношеніи увидѣли мы въ кремлевскихъ соборахъ. У насъ не было достаточно времени, чтобы ознакомиться съ торговою дѣятельностью и общественною жизнью Нижняго-Новгорода, и мы рѣшились поэтому ограничиться осмотромъ его историческихъ памятниковъ. Но въ старыхъ русскихъ городахъ историческіе памятники сосредоточены почти исключительно въ ихъ храмахъ, да стѣнахъ и башняхъ кремлевскихъ.

Нижегородскій кремль—рядомъ съ Благовѣщенскою площадью, и мы въѣхали въ него черезъ самую древнюю изъ всѣхъ его башенъ—Дмитріевскую, построенную еще въ татарскую эпоху

суздальскимъ княземъ Дмитріемъ Константиновичемъ. Остальной кремль уже постройка не XIV, а начала XVI вѣка, и притомъ не суздальскихъ, а уже московскихъ князей (именно Василія Ивановича), всегдашнихъ соперниковъ суздальскихъ, успѣвшихъ къ этому времени присоединить ка своему быстро разроставшемуся княжеству и Нижегородскій уѣздъ.

Въ кремлѣ сразу бросаются въ глаза два противоположные другъ другу историческіе пласта. Съ одно стороны, тѣсная кучка многоглавыхъ храмовъ XIV и XVII столѣтій, характерный уголокъ древней Руси, на подобіе того во всей Руси славнаго уголка кремля Московскаго, гдѣ толпятся вокругъ Ивана Великаго Успенскій, Архангельскій, Благовѣщенскій соборы, Чудовъ монастырь и другіе знаменитые храмы Москвы. Съ другой стороны—широкій просторъ военнаго плаца, казенный порядокъ, строй и однообразіе новѣйшей, болѣе практической эпохи, столь же характернаго въ своемъ родѣ царствованія императора Николая. Николай Павловичъ совсѣмъ пересоздалъ Нижній-Новгородъ, затративъ милліоны на его украшеніе и удобство. Почти все, что̀ есть теперь хорошаго и удобнаго во внѣшнемъ устройствѣ Нижняго, обязано тому времени; его прекрасные спуски, его сады, бульвары, дамбы, всѣ лучшія казенныя и частныя зданія города—все это возникло тогда.

Но это же самое стремленіе императора Николая, любившаго во всемъ порядокъ и правильность, вымело изъ кремля множество старыхъ построекъ, его загромождавшихъ, и невольно придало этому гнѣзду старины совсѣмъ не свойственный ему видъ новой военной крѣпости, приспособленной къ парадамъ войскъ, къ пребыванію всякихъ управленій и штабовъ... Теперь здѣсь просторъ и чистота. Огромное зданіе Аракчеевскаго корпуса, переведеннаго сюда изъ села Грузина, Новгородской губерніи, огромное зданіе бывшаго арсенала, губернаторскій домъ, когда-то считавшійся «дворцомъ», гауптвахта, присутственныя мѣста и между ними широкіе плацы, чистенькіе бульвары.

XIV.

Древне-русскіе памятники Нижегородскаго кремля.

Соборъ Михаила Архангела—прапрадѣдъ всѣхъ нижегородскихъ храмовъ и ровесникъ самому Нижнему-Новгороду, потому что построенъ вмѣстѣ съ нимъ въ 1198 году, еще до нашествія татаръ.

Конечно, онъ не разъ перестраивался послѣ того, но все-таки сохранилъ свой древній видъ и свою удивительную оригинальность.

Куполъ его—острый восьмигранный шатеръ, поднимающійся надъ храмомъ, какъ опрокинутый кубокъ. Простота убранства его уже совсѣмъ старинная; а вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ и много богатства. Царскія врата изъ кованаго серебра; чудно украшенная икона Печерской Божіей Матери, пудовые оклады образовъ рѣдкой древней живописи.

На особой металлической доскѣ начертана многовѣковая исторія этого маститаго старца-храма, а по стѣнамъ стоятъ гробы многихъ князей нижегородскихъ,—тоже своего рода краснорѣчивыя страницы исторіи.

Каѳедральный соборъ Спаса Преображенія, хотя много моложе своего сосѣда, но еще болѣе его полонъ историческими реликвіями. Основаніе его совпадаетъ если не съ началомъ самого города, то все-таки съ очень важнымъ событіемъ нижегородской исторіи—съ перенесеніемъ въ первый разъ престола великокняжескаго изъ Суздаля въ Нижній. Случилось это въ 1351 году, спустя 150 лѣтъ послѣ построенія Нижняго при великомъ князѣ суздальскомъ Константинѣ Васильевичѣ, которому хотѣлось, въ ожесточенной борьбѣ его съ Москвой, создать при сліяніи Оки съ Волгой и болѣе безопасный отъ напора Москвы и вмѣстѣ болѣе выгодный для торговли центръ своему княжеству.

Преображенскій соборъ напоминаетъ собою московскій Успенскій, только само зданіе поплечистѣе и главы его не золотыя, а бѣлыя, отчего онъ много теряетъ. Внутри его—цѣлый готовый музей древней иконописи, интереснѣе котораго трудно встрѣтить. Древняя Русь живьемъ дышетъ въ общемъ впечатлѣніи его и въ каждой подробности. Пяти-ярусный иконостасъ сплошной позолоты, по старинному прочной, и въ немъ все громадныя иконы необыкновенной ширины, какой уже теперь нигдѣ не увидишь; налѣво отъ царскихъ вратъ сряду пять такихъ огромныхъ образовъ Божіей Матери, направо—пять сряду такихъ же образовъ Спасителя. Живопись еще дѣтской наивности, дѣтскаго неумѣнія. Колоссальные черные лики, способные скорѣе испугать чѣмъ умилить богомольца, головы шире плечъ, руки младенца на груди бородатыхъ великановъ, всѣ смотрятъ мрачно и сурово-требовательно, такъ что ни въ комъ изъ нихъ не признаешь кроткихъ подвижниковъ той религіи любви и всепрощенья, которой они въ дѣйствительности служили всю свою жизнь. Зато всѣ эти лики въ тяжело кованыхъ серебряныхъ и золотыхъ ризахъ, въ сплошныхъ жемчугахъ, въ одеждахъ изъ драгоцѣнныхъ камней... Зато на нихъ все надписи XIV, XV, XVI вѣка... Вотъ огромный образъ Спаса Нерукотвореннаго, перенесенный только изъ Суздаля въ 1352 году, какъ гласитъ его надпись, а въ Суздалѣ пробывшій, можетъ быть, тоже столѣтіе... Въ пару этому Спасу—тоже отдѣльно отъ всѣхъ—громадная икона Скорбящей Божіей Матери, почитаемая чудотворною, тоже вся покрытая золотомъ и драгоцѣнными камнями... И десятки еще другихъ такихъ же древнихъ, такихъ же безмѣрно богатыхъ иконъ.

Доска огромныхъ размѣровъ заключаетъ въ себѣ до пятидесяти святыхъ, изображенныхъ каждый на особой дощечкѣ въ золоченомъ окладѣ тончайшей рѣзьбы, и подъ иконой каждаго святого вложена частица его мощей. Все вмѣстѣ—это цѣлая сокровищница вѣры и археологіи. Въ отдѣльныхъ золоченыхъ кіотахъ помѣщены частицы мощей казанскихъ святителей Гурія, Германа и Варсонофія, царицы Елены и другихъ.

Меня остановилъ около себя еще одинъ громадный золоченый кіотъ правой стѣны собора, хотя тутъ уже не было никакихъ слѣдовъ старины. Въ кіотѣ этомъ—совсѣмъ новая картина Вознесенія Христова, окруженная изображеніями всѣхъ тѣхъ святыхъ, дни празднованія которыхъ имѣли какое-нибудь отношеніе къ событіямъ царствованія Императора Александра II. Подъ кіотомъ этимъ въ особой золоченой витринѣ—вѣнокъ бѣлыхъ и лиловыхъ цвѣтовъ съ гроба Царя-Мученика, привезенный депутаціей отъ Нижегородской губерніи. Рядомъ съ этимъ трогательнымъ вспоминаніемъ объ Освободителѣ народа, старыя хоругви нижегородскихъ князей и цѣлый рядъ досокъ въ стѣнахъ съ надгробными надписями. Тутъ все историческія имена, дышащія далекою стариной;

«Князь Іоаннъ Дмитріевичъ, именуемый «Брюхатый», погибшій въ битвѣ при р. Пьянѣ, «Великій князь Іоаннъ Борисовичъ, именуемый Тугой Лукъ», «Нижняго Новгорода отчичъ и славный богатырь въ земляхъ русскихъ», какъ называетъ его князь Курбскій; родоначальникъ независимыхъ князей нижегородскихъ великій князь Константинъ Васильевичъ съ сыновьями своими Андреемъ и Дмитріемъ, жена Константина Васильевича великая княгиня Анна Грековна и жена Андрея Константиновича—«инокиня Васса, въ схимѣ Ѳеодора» и много другихъ... По другую сторону храма такія же надгробныя надписи надъ гробницами нижегородскихъ архипастырей—Филарета,—перваго и, кажется, единственнаго митрополита этой епархіи, крестившаго Петра Великаго, — Питирима, извѣстнаго борца противъ раскола, и другихъ.

Сами гробницы всѣхъ этихъ святителей, князей и княгинь помѣщаются въ нижнихъ полуподземныхъ сводахъ храма, какъ разъ подъ надписями верхняго храма. Эти массивные словно придавленные своды идутъ подъ всѣмъ соборомъ и представляютъ изъ себя громадный погребальный склепъ. Но склепъ этотъ вмѣстѣ и храмъ. Въ немъ три придѣла: въ серединѣ Казанской Божьей Матери, освободительницы Москвы, направо Дмитрія Со-

лунскаго, въ память князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго, налѣво—Козьмы и Дамьяна, въ память Козьмы Минича Сухорукова. Темныя закоптившіяся иконы въ широкихъ и низкихъ иконостасахъ, ряды могильныхъ плитъ за черными рѣшетками, мерцающія кое-гдѣ у образовъ лампады, скорѣе усиливающія, чѣмъ разгоняющія темноту, придаютъ этому подземному храму впечатлѣніе настоящаго могильнаго склепа.

Въ склепѣ этомъ, въ лѣвой сторонѣ его,—главная историческая знаменитость Преображенскаго собора—гробница Козьмы Минина. Она образуетъ собою отдѣльную часовню своего рода, въ которую спускаются изъ верхняго храма. Этотъ спускъ—верхъ художественности. Островерхій кувуклій строго русскаго стиля, расписанный въ пестромъ вкусѣ красокъ и узоровъ Василія Блаженнаго, осѣняетъ собою окруженный рѣшоткой провалъ въ нижній склепъ, куда ведутъ съ двухъ сторонъ двѣ узенькія лѣстницы.

Подъ сѣнью этого же шатра, тутъ же на стѣнѣ верхняго храма, красуется большой ратный стягъ съ изображеніемъ Спаса и вышитыми золотомъ надписями,—точный снимокъ съ того историческаго стяга, подъ которымъ двигалось на освобожденіе Москвы воинство князя Пожарскаго и котораго подлинникъ хранится въ московской оружейной палатѣ. По сторонамъ его два другія знамени, тѣ самыя, съ которыми граждане Нижняго провожали въ Москву это воинство. Древнія хоругви эти, когда-то расшитыя шелками и золотомъ, теперь совсѣмъ изветшали, облѣзли и выцвѣли, хотя изображенныя на нихъ иконы Преображенія Господня и Архистратига Михаила еще можно различить довольно ясно.

Если вы взглянете черезъ верхнюю рѣшотку внизъ, то передъ вами развернется таинственная тьма нижняго подземелья, едва нарушаемая блѣднымъ сіяньемъ лампадъ... Мы тихо спустились внизъ, въ эту мерцающую полутьму.

Тамъ подъ изящнюю аркой изъ бѣлаго мрамора, изрѣзанною мраморными строками надписи, золотая икона Козьмы и Дамь-

яна, и подъ нею массивная гробница чернаго мрамора. Верхняя доска гробницы тоже вся въ надписяхъ стариннаго письма.

Большой крестъ дорогой серебряной рѣзьбы поддерживаетъ двѣ золоченыя лампады, горящія передъ образомъ, надъ этою славною гробницей. Рѣзьба на крестѣ—цѣлый тропарь Животворящему Кресту Господню, искусно вырѣзанный мелкимъ уставомъ. Стѣны часовни не ясно отливаютъ своимъ темномалиновымъ и темно-сѣрымъ мраморомъ, отражая въ нихъ колеблющійся свѣтъ лампадъ. Глубокое благоговѣніе охватило насъ, когда мы очутились въ этой безмолвной полутемной усыпальницѣ. Мы поклонились до земли гробу великаго гражданина русскаго и долго растроганные стояли передъ нимъ.

Великій Петръ самъ почтилъ земнымъ поклономъ гробъ «избавителя Россіи», какъ онъ назвалъ Минина.

30-го мая 1732 года онъ праздновалъ въ Нижнемъ 50-тилѣтіе свое и вмѣстѣ съ тѣмъ 500-лѣтіе города Нижняго. Въ Преображенскомъ соборѣ слушалъ онъ въ этотъ знаменательный день обѣдню и самъ пѣлъ здѣсь съ пѣвчими на клиросѣ и читалъ апостола.

Надъ обрывами Волги еще въ стѣнахъ кремля разбитъ садъ для гуляній. Мы нашли въ немъ много простого народа, который, повидимому, съ большимъ удовольствіемъ пользуется возможностью подышать чистымъ воздухомъ и посидѣть въ зеленой тѣни деревьевъ. По срединѣ сада памятникъ Минину и Пожарскому. Это небольшой гранитный обелискъ весьма мизернаго вида, совсѣмъ недостойный богатаго торговаго города, столицы Волги своего рода, а еще менѣе такихъ великихъ именъ исторіи.

Камень, слишкомъ узкій и некрасивой формы, вдобавокъ уже треснулъ поперекъ, а внизу залатанъ чѣмъ-то. Барельефы на немъ—какіе-то казенные и словно украденные, до того уже они скудны: два золоченыхъ генія вѣнчаютъ лавровыми вѣнками на одной сторонѣ портретъ Минина, на другой—князя Пожарскаго. Никакой идеи, никакого стиля, никакого изящества. Нижегородцы

утѣшають себя легендой, будто извѣстный памятникъ Минину и Пожарскому, стоящій на Красной площади въ Москвѣ, былъ собственно приготовленъ для Нижняго и попалъ въ Москву совершенно неожиданно. Такъ ли это или нѣтъ, во всякомъ случаѣ съ того времени можно было безъ особеннаго труда этому городу всесвѣтной торговли—соорудить на одни собственныя свои средства памятникъ великимъ гражданамъ своимъ какой-угодно цѣны.

Бо̀льшая часть кремлевскихъ стѣнъ гораздо ниже сада; всѣ склоны къ нимъ выложены зеленымъ дерномъ, вездѣ проведены опрятныя дорожки. Мы не утерпѣли, чтобы не побродить по зубчатымъ стѣнамъ стараго кремля и забрались съ нихъ на самую высокую башню, съ которой можно было, какъ съ крыльевъ птицы, полюбоваться во всѣ стороны на окрестности Нижняго. Насъ пріятно поразила непривычная русскому глазу чистота и прибранность даже на кремлевскихъ стѣнахъ, никѣмъ почти не посѣщаемыхъ. Видъ съ Николаевской башни—единственный въ своемъ родѣ. И Ока и Волга видны во всей своей красотѣ до горизонта, на десятки верстъ покрытыя судами, плотами, пароходами... Баржи кажутся намъ отсюда сверху какими-то микроскопическими каракатицами или черепахами, медленно ползущими по голубой скатерти водъ, а пароходы—бойкими водяными паучками, торопливо пробѣгающими навстрѣчу другъ другу, и бороздящими это многоверстное голубое зеркало длинными бѣлыми царапинами своихъ пѣнящихся слѣдовъ... За Волгой на неохватныхъ зеленыхъ лугахъ ея еще сверкають, будто крупные осколки стекла, озера, ерики и лужи недавняго весенняго разлива, хватавшаго, повидимому, до далекаго гребня, опоясывающаго горизонтъ. Село Боръ, видное намъ отсюда со всѣми своими многочисленными церквами, плаваетъ тогда, какъ островъ на этомъ Волжскомъ морѣ. Но при всей чудной шири и мощи этого пейзажа, досадно видѣть, что двѣ величайшія рѣки Россіи, главныя артеріи ея промышленной и торговой жизни, Ока и Волга, уже наполовину,—пожалуй, даже на три-

четверти,—выѣдены, словно тѣло болѣзненнымъ наростомъ, песчаными отмелями, что съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе вгрызаются въ ихъ русло, неудержимо наростая и съ обоихъ береговъ и въ серединѣ... Казалось бы, самая упорная борьба противъ этихъ смертоубійцъ великихъ историческихъ рѣкъ могла бы вестись, по крайней мѣрѣ, здѣсь, у подножія древняго кремля, вокругъ пристаней міровой ярмарки.

Съ другой стороны кремля, по такъ-называемой Александровской набережной, тоже разбитъ публичный садъ. Онъ спускается къ Волжскому берегу нѣсколькими террасами... Тутъ разные рестораны, павильоны, все, чтó обыкновенно бываетъ въ такихъ городскихъ садахъ. Садъ содержится въ большомъ порядкѣ, какъ и весь впрочемъ городъ, котораго чистота, удобства и приличіе бросаются въ глаза пріѣзжему, вообще не избалованному въ своей родной странѣ особенно строгимъ благоустройствомъ городовъ...

На Александровской набережной—прекрасные дома мѣстныхъ богачей Руковишникова и Бурмистрова, оба очень изящной архитектуры. Но меня гораздо болѣе интересовала тутъ же стоящая старинная Георгіевская церковь.

Ея стиль совсѣмъ особенный. Хотя церковь эта построена всего въ 1702 году, при Петрѣ I, но она вся проникнута памятью великаго князя Георгія Всеволодовича, полна замѣчательныхъ древностей его времени. Пятиярусный иконостасъ ея, писанный по золотому фону и украшенный вмѣсто иконныхъ рамъ множествомъ сквозныхъ золоченыхъ колонокъ искуснѣйшей рѣзьбы, до такой степени напоминаетъ иконостасъ Астраханскаго собора, своего современника, что кажется работой одного и того же мастера. Царскія врата совсѣмъ особенныя, какихъ я не видалъ нигдѣ въ другомъ мѣстѣ: они глубоко вдѣланы въ иконостасъ, и широкія притолки ихъ изъ такой же тонкой золотой рѣзьбы, какъ и сами врата, такъ что все вмѣстѣ представляетъ собою родъ рѣзнаго шкафа. Ни солнца, ни креста

надъ Царскими вратами нѣтъ; но зато цѣлый рядъ оригинальныхъ деревянныхъ иконокъ, съ изображеніями Іерусалима Небеснаго, Сіона и пр. селеній горнихъ, стариннаго рисунка.

Въ первомъ ярусѣ иконостаса Іерусалимская Божья Матерь, въ видѣ статуи, съ младенцемъ; сторожъ, показывавшій намъ древнія святыни, счелъ нужнымъ разсказать намъ, какъ одинъ архіерей приказалъ когда-то вынести вонъ эту статую, но вдругъ ослѣпъ,—и испуганный велѣлъ возвратить ее назадъ, получивъ послѣ этого исцѣленіе...

Большимъ почитаніемъ пользуется въ Нижнемъ - Новгородѣ пребывающая здѣсь чудотворная икона Смоленской Божіей Матери Одигитріи. Она вся залита жемчугомъ и каменьями. Кромѣ того цѣлый кіотъ около нея наполненъ драгоцѣнными приношеніями, сдѣланными ей въ разное время.

Въ правомъ углу у алтаря виситъ нѣсколько безцѣнныхъ старинныхъ складней великихъ князей Суздальскихъ. Всѣ они очень увѣсистые и весьма почтенныхъ размѣровъ, хотя ихъ и носили на груди во время битвъ тогдашніе князья-богатыри. Тутъ же любопытный по своей оригинальности старинный образъ Саваоѳа, отдыхающаго послѣ шести дней творенія. Богъ изображенъ въ видѣ старца, сидящаго *на кровати*, и указывающаго рукой на кругъ, внутри котораго Матерь Божія съ младенцемъ Спасителемъ на рукахъ.

Въ другихъ кругахъ помѣщаются разные святые, а всё вмѣстѣ представляетъ собою форму звѣзды. Въ такой же формѣ звѣзды изображена на другихъ иконахъ и Божья Матерь.

Вообще трудно перечислить всѣ археологическія рѣдкости и святыни этой своеобразной церкви.

Мы добросовѣстно объѣхали главныя улицы Нижняго, чтобы ознакомиться, по крайней мѣрѣ, съ наружностью его.

Большая Покровка—своего рода Невскій проспектъ Нижняго; въ длину она чуть не три версты, но зато изрядно тѣсна, и дома на ней не отличаются особенною красотой, за исключеніемъ развѣ очень красиваго дома Кудряшова. Какъ во всѣхъ старыхъ

русскихъ городахъ, узкія улицы Нижняго не обсажены, къ сожалѣнію, деревьями, хотя сады въ немъ изобилуютъ и придаютъ ему особенный видъ своими курчавыми зелеными шапками. Тротуары превосходны, мостовыя въ полной исправности, и вездѣ царитъ чистота и порядокъ, дѣлающій большую честь городу. Мы видѣли здѣсь, хотя и мимоѣздомъ, много учебныхъ заведеній, видѣли Александровскій Дворянскій Институтъ, гимназію, прекрасные дома женскаго епархіальнаго училища и училища реальнаго, два пріюта, богадѣльни и проч.

Съѣхали мы внизъ чрезъ Дворянскую и Малую Покровку уже не по Зеленскому, а по Похвалинскому спуску, названному такъ по имени церкви Похвалы Св. Богородицы. На полугорѣ мы заѣхали въ Благовѣщенскій монастырь, тоже одну изъ древнѣйшихъ святынь Нижняго. По преданіямъ, онъ существовалъ уже въ началѣ XIII вѣка, съ первыхъ дней основанія Нижняго. Архитектура главнаго храма вполнѣ сохранила свой средневѣковой характеръ. Фризы оконъ расписаны синими и красными колонками, низкая сводчатая галлерея окружаетъ храмъ, какъ во всѣхъ старинныхъ церквахъ. Но внутри уже не сохранилось ничего древняго, кромѣ отдѣльныхъ иконъ. На одной изъ нихъ, пожертвованной, по преданію, св. митрополитомъ Алексіемъ, уцѣлѣла надпись X вѣка. Вообще этотъ монастырь полонъ воспоминаній о митрополитѣ Алексіѣ. Нѣкоторые приписываютъ ему даже самое основаніе монастыря. Дворъ монастыря обращенъ въ настоящее кладбище. Тутъ изстари хоронятъ своихъ покойниковъ богатые нижегородскіе граждане, поддерживающіе монастырь своими вкладами. У входа въ монастырскій дворъ церковь св. Митрофана, должно быть, построенная не очень давно—вся синяя сверху до низу. Своею аляповатою архитектурой и грубою окраской она совершенно портитъ общій художественный видъ древней обители.

У самаго конца Похвалинскаго спуска—характерная старинная часовенка Дивійскаго монастыря надъ ключемъ воды, изъ котораго, по преданію, пилъ св. Алексій митрополитъ, отдыхав-

шій здѣсь на возвратномъ пути изъ Орды въ Москву. Вокругъ часовни, внутри ея — толпы народа служатъ молебны чтимой иконѣ и черпаютъ воду изъ священнаго ключа.

Послѣдній старинный храмъ мы осмотрѣли на Нижнемъ Базарѣ, на Рождественской улицѣ, которой названіе далъ именно этотъ храмъ Рождества Богородицы. Церковь эта больше извѣстна въ народѣ подъ именемъ Строгоновской, потому что она построена извѣстными соляными промышленниками Строгановыми въ царствованіе Петра Великаго и до сихъ поръ содержится и поддерживается графами Строгановыми, какъ историческая и вмѣстѣ съ тѣмъ семейная ихъ святыня. Петръ Великій проѣздомъ въ Персидскій походъ 1722 года останавливался въ домѣ Строгановыхъ и слушалъ въ Рождественской церкви всенощную наканунѣ дня своего пятидесятилѣтія.

Мѣстное преданіе приписываетъ нѣкоторыя иконы этой церкви кисти извѣстнаго итальянскаго художника Караваджіо; разсказываютъ, будто Строгановъ за большія деньги перекупилъ у Караваджіо эти иконы, заказанныя ему сперва Петромъ Великимъ для Петропавловскаго собора въ Петербургѣ. Петру итальянскій художникъ написалъ взамѣнъ этихъ другія, но проницательный глазъ монарха узналъ свои иконы, войдя въ Строгановскую церковь и, какъ говоритъ преданіе, приказалъ за это запечатать ее. Красота Строгановской церкви такъ поражала современниковъ, что о ней сложилась такая же легенда, какъ о Василіи Блаженномъ и другихъ знаменитыхъ постройкахъ.

Увѣряютъ, будто строителю ея выкололи глаза, чтобы онъ уже никогда болѣе не могъ построить ничего подобнаго.

И нужно сказать правду, подобный храмъ врядъ ли увидишь гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Поднимаются къ нему по крутымъ ступенямъ, потому что онъ стоитъ на каменномъ пьедесталѣ своего рода—на склонѣ горы. Наверху кругомъ церкви садикъ, изъ котораго удобнѣе, чѣмъ съ улицы, осмотрѣть въ подробности эту удивительно оригинальную постройку. Стиль ея напоминаетъ собою въ общихъ чертахъ Покровскій соборъ въ

Москвѣ и извѣстную старинную церковь въ Шереметевскомъ Останкинѣ. Это пятиглавый соборъ съ тѣсно сближенными вокругъ высокой серединной башни четырьмя меньшими башенками, увѣнчанными характерными луковицами и затѣйливо вырѣзанными, обильно развѣтвленными золотыми крестами. Ярусы зданія идутъ кверху, съуживаясь ступенями, радуя глазъ изящною простотой своихъ линій и размѣровъ. Но при этой благородной простотѣ архитектурныхъ очертаній своихъ, Строгановскій храмъ съ головы до пятъ одѣтъ въ самыя фантастическія и пестрыя одежды. Онъ весь расписанъ по малиновому фону травами и арабесками; онъ весь облѣпленъ бѣлыми колонками, бѣлыми карнизиками, бѣлыми фризами, по всѣмъ угламъ и ребрамъ своимъ, по всѣмъ поворотамъ стѣнъ, вокругъ каждаго окошечка, подъ каждой крышкой, подъ каждымъ кокошничкомъ и купольчикомъ. Цѣлые букеты, гирлянды, виноградныя гроздья, акантовые листья, плоды и цвѣты — обсыпаютъ его; и все это не алебастръ, не штукатурка, а мастерски выточенная внутри неподражаемая каменная рѣзьба, которая и могла поэтому несокрушимо продержаться два вѣка. Малиновый фонъ едва просвѣчиваетъ изъ-подъ этой бѣлой инкрустаціи, сообщающей храму видъ чуднаго мраморнаго изваянія. Намъ говорили, будто Англичане не разъ пріѣзжали нарочно смотрѣть эту единственную въ своемъ родѣ постройку. Къ сожалѣнію, изящная колокольня уже падаетъ, верхъ ея снятъ совсѣмъ, ради безопасности, и вотъ уже четвертый годъ медленно тянется ея перестройка. Хотятъ въ точности возобновить и исправить все старое, а нынѣшніе мастера не въ силахъ сдѣлать такой рѣзьбы. Въ самой церкви тоже многое пришло въ ветхость, но службы еще идутъ пока. 20.000 рублей, данные на перестройку графомъ Строгановымъ, какъ передавали намъ, уже израсходованы, а дѣло далеко не доведено до конца, и теперь Строгановская контора ведетъ перестройку на свой счетъ.

Хотя еще далеко до времени Нижегородской ярмарки, однако, было бы совѣстно будучи въ Нижнемъ, не посѣтить «Макарьевской стороны», гдѣ помѣщается это всесвѣтное торжище. Изъ Нижняго Базара въ нее идутъ по очень длинному деревянному мосту, построенному на плашкоутахъ чрезъ самое устье Оки. Теперь ярмарка — безжизненный трупъ, и не можетъ, конечно, дать никакого понятія о томъ движеніи, шумѣ, пестротѣ, многолюдствѣ, богатствѣ, которыми она поражаетъ глазъ и воображеніе путешественника въ началѣ августа, въ разгаръ торга. Но однако и этотъ опустѣвшій и омертвѣвшій футляръ ея, который мы теперь осматриваемъ, интересенъ и удивителенъ не на шутку. Когда глядишь на эти неохватныя безмолвныя пространства, сплошь застроенныя цѣлыми рядами громадныхъ каменныхъ корпусовъ, стоившихъ въ свое время десятки милліоновъ, лавокъ китайскихъ, индѣйскихъ, персидскихъ, бухарскихъ, пассажей, балагановъ, складовъ, трактировъ, съ правильною сѣтью многочисленныхъ кварталовъ, улицъ и переулковъ, съ водопроводами, бульварами, тротуарами и мостовыми, съ тысячами вывѣсокъ, и сотнями именъ всѣхъ извѣстныхъ въ Россіи торговыхъ и фабричныхъ фирмъ, сибирскихъ, кавказскихъ, польскихъ, съ роскошнымъ дворцомъ Главнаго Дома, въ которомъ одномъ умѣстится цѣлое населеніе, съ великолѣпнымъ ярмарочнымъ соборомъ, осѣняющимъ своими крестами весь этотъ торговый лабиринтъ,—поймешь всю колоссальность этого торжища, и повѣришь его пятисотъ-милліоннымъ оборотамъ...

XV.

Заключеніе.

Нижній-Новгородъ особенно ярко освѣтилъ мнѣ знаменательный для насъ смыслъ того обычнаго пути вспять по Волгѣ, не внизъ, а вверхъ ея, по которому намъ невольно пришлось возвращаться изъ варварскихъ ханствъ Чингиса и Тамерлана въ

сердце Россіи. Съ каждымъ шагомъ нашимъ впередъ все болѣе и болѣе убывала кочевая степь, азіатчина, мусульманство, все сильнѣе и обильнѣе подливала намъ навстрѣчу родная волна русской рѣчи, русскихъ лицъ, русскаго обычая, вставали передъ нами одинъ за другимъ непрерывною чредой все болѣе русскіе, все болѣе историческіе, все болѣе православные города и села; за Астраханью Саратовъ, за Саратовымъ Казань, за Казанью Нижній... Въ Нижнемъ уже чувствуешь себя совсѣмъ на родинѣ, въ самомъ очагѣ ея коренныхъ историческихъ стихій. Это уже не Русь, утвердившаяся среди чуждыхъ народностей, овладѣвшая ими, но еще отовсюду окруженная ими, какъ въ Астрахани или Казани, а исконная, сплошная, настоящая Русь, создавшая здѣсь свой оплотъ еще тогда, когда лицомъ къ лицу съ нею стояли кругомъ могучія враждебныя царства, изъ этихъ стѣнъ напиравшая на нихъ, и въ этихъ стѣнахъ отбивавшаяся отъ ихъ натисковъ.

Этотъ самый Нижній-Новгородъ, который сталъ впослѣдствіи мѣстомъ встрѣчи мирныхъ торговыхъ силъ Азіи и Россіи, посредникомъ въ дружелюбномъ обмѣнѣ ихъ промышленныхъ богатствъ, который овладѣлъ Волгой, какъ ея главный рынокъ и ея главная пристань,—въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, начиная съ первыхъ годовъ XIII столѣтія, служилъ для русской силы своего рода остріемъ меча, направленнымъ противъ Азіи, противъ кочевниковъ степей, противъ мусульманства, и въ смыслѣ нападенія, и въ смыслѣ защиты. Недаромъ основатель его великій князь Юрій Всеволодовичъ геройски встрѣтилъ своею малочисленною ратью несмѣтныя полчища Батыя и геройски палъ защищая русскую землю, на берегахъ Сити... Это былъ знаменательный прологъ своего рода къ той исторической роли, которая выпала потомъ на долю Нижняго... Нижній боролся съ Болгарами, съ Мордвой, съ Казанью,—и кончилъ тѣмъ, что русская сила разлилась-таки изъ него и на Булгары, и на Мордву, и на Казань, и потомъ дальше внизъ по Волгѣ, за Волгу, за Уралъ... Суздаль и Нижній собирали такъ заботливо

свои полудикія области для того, чтобы передать ихъ потомъ, вмѣстѣ съ собою, народившемуся могучему центру русской силы и будущаго царства Русскаго—Москвѣ. Въ дни своего основанія этотъ Новгородъ былъ, дѣйствительно, Нижній, потому что онъ представлялъ собою крайнее низовье Волги, бывшей тогда въ русскихъ рукахъ. Дальше Нижняго, къ востоку, къ югу отъ него—Волга была еще тогда чужая, не русская, скорѣе Итиль, чѣмъ Волга.

Отслуживъ такую важную историческую службу старой Руси, Нижній-Новгородъ не могъ стать инымъ, какъ глубоко-русскимъ, какъ старинно-русскимъ, какимъ мы и видѣли его теперь. Поразительное сходство его старыхъ соборовъ, его древнихъ иконъ съ кремлевскими соборами, съ древними иконами Москвы,—далеко не случайное сходство, такъ же, какъ не случайно видъ его зубчатыхъ стѣнъ и башенъ, забравшихся на горы надъ стремнинами Волги, напоминаетъ видъ Кіевской Печерской Лавры отражающейся въ пучинахъ Днѣпра. Это сходство внѣшнихъ чертъ говоритъ прежде всего о внутреннемъ единствѣ духа, оживлявшаго въ свое время основныя гнѣзда русской народности, раздѣленныя другъ отъ друга сотнями и тысячами верстъ. Русскій человѣкъ, молившійся въ Нижнемъ тѣмъ же святымъ угодникамъ, какъ и въ Москвѣ, привыкшій видѣть въ обоихъ городахъ одни и тѣ же монастыри и церкви, тотъ же обычай во всемъ, ту же рѣчь, тѣ же службы, такихъ же архіереевъ и священниковъ, такихъ же князей православныхъ, вѣтви одного и того же чтимаго имъ корня,—конечно, не могъ не болѣть и въ стѣнахъ Нижняго болями Москвы, не могъ не чувствовать здѣсь стыда, горя, негодованія, слыша о чужеземномъ плѣненіи стольнаго города своего и о раззореніи земли Русской... Оттого только и могла Волжская, Камская, Пріокская Русь двинуться въ годину бѣдствія на спасеніе Москвы всѣмъ своимъ міромъ православнымъ, готовая лечь костьми за общія святыни, за общую вѣру, за освобожденіе отъ враговъ всѣмъ одинаково родной земли...

Нижній-Новгородъ, вѣрный своей исторической роли, и въ годину лихолѣтія показалъ себя тѣмъ же гнѣздомъ воинствующей народности русской, какимъ онъ былъ въ старые вѣка; онъ всталъ во главѣ народнаго движенія на защиту историческаго существованія Россіи отъ одолѣвавшаго ея польскаго католичества,—мужественно отстоялъ ея независимость и возвратилъ Россіи русскихъ царей и русское православіе. Замѣчательно, что ни бунтъ Стеньки Разина, ни Пугачевщина, овладѣвшіе безъ всякаго труда низовыми городами и областями Волги, и выражавшіе собой бурный подъемъ подавленныхъ государствомъ Московскимъ разрушительныхъ стихій своевольной удали и грабежа, не могли ничего сдѣлать Нижнему-Новгороду, этой неизмѣнной древней твердынѣ русской государственности.

Оттого-то и меня, напитавшагося долгими впечатлѣніями азіатскаго мусульманства, безконечно радуютъ и бодрятъ эти живые отпрыски Москвы въ Астрахани, въ Казани и особенно здѣсь, въ Нижнемъ,—это присутствіе вездѣ здѣсь однородной, крѣпко укоренившейся, неспособной измѣнить себѣ русской силы, радуетъ, что теперешняя, современная намъ Русь хранитъ еще въ себѣ, какъ свою народную святыню, свои древніе храмы и образа, башни и стѣны своихъ кремлей, легенды и памятники своихъ православныхъ обителей. Она чувствуетъ въ нихъ своимъ здоровымъ инстинктомъ истинные корни своей народности, а чѣмъ глубже, чѣмъ древнѣе эти общіе для всѣхъ областей русскихъ историческіе корни, тѣмъ крѣпче и надежнѣе стоитъ могучее дерево народности, тѣмъ своеобразнѣе и цѣннѣе въ общемъ хорѣ народовъ и ея собственныя дѣла и мысли. При такой стойкости народнаго духа уже невозможно, къ счастію, какъ это дѣлается теперь въ типическихъ представителяхъ исторически-обезличенныхъ націй, во всѣхъ этихъ Мексикахъ, Боливіяхъ и Аргентинахъ,—ежедневно выметать, какъ соръ, изъ своей государственной жизни то одинъ, то другой политическій порядокъ, мѣнять, какъ перчатки, правительственный строй и смѣшивать въ одномъ безразличномъ хаосѣ всякія нравственныя

убѣжденія и вѣрованія, замѣняя ихъ единственно прочнымъ и единственно понятнымъ для всѣхъ культомъ—жажды личныхъ выгодъ...

Въ Нижнемъ намъ приходится проститься съ Волгой. Уже проѣзжая по мертвымъ улицамъ ярмарки, изъ-за пресловутаго Кунавина, этого притона всякихъ ярмарочныхъ развлеченій, переименованнаго теперь въ «Макарьевскую часть»,—мы слышали свистки паровозовъ и видѣли черные хвосты дымковъ, которыми невидный нашему глазу желѣзнодорожный вокзалъ курился, какъ притихшій вулканъ сквозь трещины своего кратера...

Приходится проститься и съ этимъ комфортабельнымъ путешествіемъ на пароходѣ, котораго мы не покидали отъ самаго Узунъ-Ада въ теченіе цѣлаго ряда дней; врачи не понапрасну совѣтуютъ лѣчить взволнованные нервы долгими прогулками на пароходѣ по какой-нибудь красивой и интересной рѣкѣ. Эти поѣздки не имѣютъ ничего общаго съ путешествіями на морскихъ пароходахъ съ ихъ качками, морскими болѣзнями, всегда возможными на морѣ трагическими моментами разнаго рода, гдѣ при томъ бѣднымъ заключенникамъ, окруженнымъ бушующими волнами, иногда по нѣскольку дней не приходится видѣть ничего, кромѣ моря да неба. Тамъ самые спокойные невны могутъ серьезно разстроиться.

На рѣкѣ совсѣмъ другое дѣло: опасности здѣсь почти не существуетъ, особенно теперь, когда электричество замѣнило собою газъ и керосинъ, качки никакой, всѣ чувствуютъ себя отлично среди полнаго досуга, удобствъ и многолюднаго общества, всѣ кушаютъ и пьютъ исправно, и, ничѣмъ не страдая, не дѣлая никакихъ усилій надъ собою, не стѣсняя себя рѣшительно ничѣмъ, наслаждаются себѣ въ dolce far niente своего рода ежеминутно мѣняющимися перспективами береговъ, интересными мѣстностями, красивыми городами, мимолетными встрѣчами съ другими пароходами,—и все на чистомъ воздухѣ, среди свѣжаго

и здороваго дыханья могучей рѣки, не сходя со своего покойнаго плавучаго балкона. За нѣсколько дней такой безпечно-отрадной прогулки самые больные нервы убаюкаются, какъ капризный младенецъ на рукахъ доброй няни.

Волга производитъ это цѣлительное дѣйствіе на душу и на тѣло человѣка еще сильнѣе, чѣмъ всякая другая рѣка. Ея могучесть, ея ширь, ея безконечная длина овладѣваютъ мало-помалу всѣмъ существомъ человѣка и уносятъ его, покорнаго, смирившагося, на упругихъ хребтахъ ея весело хлещущихъ волнъ, все впередъ, все дальше, не давая духу человѣка трусливо прятаться въ свою тѣсную себялюбивую скорлупу, раздвигая передъ нимъ вмѣсто досадливыхъ мелочей его будничнаго быта, широкіе, смѣлые горизонты, заставляя его сливаться мыслію съ могучею объективною жизнію всего, что живетъ кругомъ, съ жизнію цѣлаго народа, цѣлой природы...

На меня лично Волга произвела еще особенное впечатлѣніе. Я не зналъ ее въ лицо, вблизи, до этой поѣздки своей, хотя мнѣ и случалось раньше мимоходомъ переѣзжать ее въ разныхъ городахъ ея верховья. Мнѣ было искренно стыдно передъ самимъ собою, въ тайникахъ своей души, что я, русскій человѣкъ до мозга костей, изучившій такъ подробно столько русскихъ окраинъ, исколесившій въ своей жизни и Россію, и Европу, и многія области Азіи и даже Африки, — что я не видалъ до зрѣлыхъ лѣтъ своихъ самой русской Россіи—ея великой рѣки.

И вотъ, наконецъ, Богъ помогъ мнѣ выполнить давній завѣтъ моего сердца,—я увидѣлъ, я узналъ, наконецъ, Волгу. И вотъ теперь, когда мнѣ нужно покидать ее, я чувствую, что въ теченіе этихъ длинныхъ дней и ночей, проведенныхъ на Волгѣ, я незамѣтно привязался къ ней, я влюбился въ нее, какъ влюбился въ свое время въ чудное голубое море Крыма, и что мнѣ просто больно теперь разставаться съ нею... И провѣряя себя, всѣ свои смутныя и разнородныя впечатлѣнія, которыя породила въ душѣ моей Волга, внимательно всматриваясь внутрь тог незримаго таинственнаго зеркала, которое незамѣтно для меня

самого отражало и собирало въ своемъ волшебномъ фокусѣ попадавшіе въ него со всѣхъ сторонъ лучи и краски, я вдругъ почувствовалъ, что Волга нарисовалась во мнѣ, какъ живой, поразительно сходный образъ всей родной мнѣ земли...

Волга—это сама Россія, самъ народъ ея, ея исторія, ея природа. Та же несокрушимая, смиренная мощь безъ хвастливой показности, безъ эффектныхъ романтическихъ пейзажей, тѣ же неохватные ширь и просторъ, не вѣдающіе искусственныхъ граней, та же безпечная и даже безпорядочная раскиданность еще не осѣвшей полусырой силы, мели и перекаты рядомъ съ глубокими пучинами, подмытые берега, залитыя равнины около городовъ рѣдкой красоты, тотъ же роковой, неудержимый бѣгъ въ загадочные туманы дали, полный и смѣлой удали, и неистощимаго долготерпѣнія...

И то же обиліе кишитъ внутри ея водъ и по ея берегамъ, и та же родная поэзія степей и лѣсовъ, щемящая душу своимъ невыразимымъ «жаль», прохватывающая всякую жилку человѣка беззаботнымъ весельемъ и беззавѣтною удалью, вѣетъ надъ «широкимъ раздольемъ» Волги, какъ вѣетъ она надъ всею жизнью русскаго народа, и въ его многовѣковой исторіи, и теперь на всемъ неоглядномъ просторѣ русской земли...

Евгеній Марковъ.

Цѣна за два тома 3 руб.

Складъ изданія въ книжномъ [illegible] типографіи М. Стасюлевича,
Спб., [illegible] гр., [illegible] лин., 28.

3 2044 019 949 460